АМЕРИКА

ГЛАЗАМИ ЗАБЛУДШЕГО ТУРИСТА

Сергей Иванов

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Это грустная и забавная история туриста, попавшего из агонизирующей Украины в Америку периода экономического затишья.

Надеюсь, что описание приключений среднестатистического «совка», гражданина Украины, предположительно русской национальности, среднего возраста, православного атеиста, совершенно беспартийного, космополита, не оскорбит национальные и религиозные чувства украинских патриотов, евреев и латиноамериканцев. Но даст некоторое представление о жизни непрошеных гостей в Америке и о самой стране. (Штаты Нью-Йорк (NY), Нью-Джерси (NJ) и Флорида (FL).

С надеждой на Ваше понимание, чувство юмора и безграничную терплячість. Ваш согражданин, то бишь, товарищ по несчастью

Сергей Иванов.

- Сергей Иванов
  - 1
    -
    - 2
    - 3
    - 4
    - 5
    - 6
    - 7
    - 8
    - 9
    - 10
- Возвращение блудного сына
  -
  - Сергей
  - Саша
  - Славик
  - Ресторан Папы Джо
  - 202 Dogwood Ap.5, Islamorada, Fl
  - Заслуженный отпуск
  - Отлёт

- Дома
- Вова и Украина 2010

- notes
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4
  - 5
  - 6
  - 7
  - 8
  - 9
  - 10
  - 11
  - 12
  - 13

Сергей Иванов
АМЕРИКА ГЛАЗАМИ ЗАБЛУДШЕГО ТУРИСТА

'I've got a cousin and she has a friend
Who thought that her aunt knew a man who could help.
At this apartment I knoked at the door,
He wouldn't come out until he got paid…
It's not fun to be illegal alien.'

Genesis.

«У моей кузины есть подруга, которая думала, что знает человека, который сможет помочь…
Я постучал в двери этой квартиры, но он и не вышел бы, если бы я не приплатил ему…
Не очень-то весело быть нелегальным пришельцем».

1

Брайтон Бич — это вовсе не Нью-Йорк и не Америка.

Перелет к мечте протекал нудно и сытно. Самолет Аэрофлота, рейс — Москва — Шеннон — Нью-Йорк, вылетел из Ирландского аэропорта Шенон полупустым, а над серединой Атлантического океана стал и полупьяным. В перерывах между раздачей пищи я дремал, залегая на четырех незанятых пассажирских креслах. Судя по кабацкому шуму, большинство пассажиров активно бодрствовали, и не давали заснуть мечтателю. Мешанина из гула двигателей, хохота и визга пьяных попутчиков отвлекала и разрушала полусонные планы-мечты. Как не ложись, а перспектива приземления с пятьюдесятью долларами и увесистой сумкой вызывала чувство дискомфорта и голода. Единственная радость в этом полете — кормёжка, когда можно занять себя чем-то приятным и отвлечься от навязчивых вопросов.

О приближении к материку нетрудно было догадаться: стюардессы развлекали нас раздачей иллюстрированных дипломов, подтверждающих наш перелёт через Атлантический океан, которые мы сами же и заполняли. Пассажиры, предвидя окончание полета, шумно просили стюардесс поднести еще пару капель. Стюардессы же, важно ссылались на занятость и просили всех приготовить паспорта, которые они собрали и затем вернули уже с карточками въезда-выезда, старательно собственноручно заполненными. Вероятно, они уже не доверяли нетрезвым клиентам Аэрофлота. Возвращая паспорта, стюардессы терпеливо и вежливо поясняли, что при прохождении паспортного контроля, необходимо предъявлять паспорт вместе с этой карточкой, то есть просто просили не потерять ни паспорт, ни эту бумажку.

Когда самолет начал дергаться на снижении, в иллюминатор через просветы облаков можно было разглядеть очертания побережья, а затем уже и сам Бруклин, и Квинс. Инструкции, к уважаемым пассажирам, о мерах предосторожности и температуре воздуха в аэропорту JFK (Джон Ф.Кеннеди) оставались без должного внимания, Всем было понятно, что ни кормить, ни поить здесь больше не будут. В салоне шла оживленная и бестолковая возня-сборы. Приземлившись, можно было, наконец, увидеть своими глазами, какая там погода в мае. Было дождливо. Вспомнилась деревня Гадюкино. Уж больно не

хотелось взваливать на себя сумку, и выметаться из аэрофлотовской кормушки, и возможно, на дождь. Думалось не о предстоящем паспортном и таможенном контроле, где будут определять срок моего пребывания в этой стране, а о том, куда бы деть сумку-обузу и куда двигать? Мечта идиота была смутно определена и ко всему еще и болезненно обременена увесистыми подарками для земляков. Любвеобильные родственники передали для своих детей-беженцев письмо и приложили к нему несколько бутылок Советского шампанского и Новокаховского коньяка. С этих ценных подарков-тяжестей я и решил начать.

Перемещаясь по коридорам-туннелям аэропорта, я оглядывался вокруг в поисках чего-то особого, интересного, явно американского, но ничего, кроме пузатых и задастых черных людей в униформах, я не отметил. Только продвигаясь уже в очереди к чиновнику миграционной службы, я начал замечать, что вокруг все до безобразия рационально, четко и быстро функционирует: и сами служащие действуют как машины, каждый занят своим делом. И в этом потоке нет ни времени, ни места для эмоционального рассмотрения чьих-то проблем. Всё окружение даёт ясно понять, что торг здесь неуместен, и даже сам их американский язык не располагает к собеседованию.

Чиновник принимает паспорт, беглым взглядом сравнивает вас с вашим фотоизображением в нем, что-то выясняет с помощью своего компьютера. Пока ожидает чего-то, может задать нетактичные вопросы о ваших целях, сроках и прочих планах на будущее. А пока вы рожаете вслух свою легенду, он шаманит над компьютером, шлепает отметки о дате и месте прибытия и желательного отбытия из США, пришпиливает эту карточку в ваш паспорт. (Чтобы вы не потеряли ее, так как это первый и пока единственный американский документ, объясняющий им ваше происхождение и сроки пребывания в их стране!) Вручает вам паспорт, и дает понять, что вы свободны и можете пользоваться их свободой по мере своих возможностей и в рамках их законов, о которых вы не имеете понятия.

Оказавшись за последним контрольным барьером, я исследовал все изменения, внесенные в мою паспортину, и выяснил, что мне рекомендовано убраться из страны через шесть месяцев. Погода к тому времени будет уже совсем непригодна для осмотра страны и освоения их языка (приблизительно так я промямлил в ответ на вопрос «Зачем приехал?»)

До двадцатого ноября 93-го года я могу… А что именно, я толком пока не знал, но болезненно ощущал; с такой тяжелой сумкой смогу не так уж много. Надо было что-то делать с переданными бутылками. Новокаховский коньяк (вероятно,

ворованный) в Нью-Йоркском международном аэропорту имени Джона Фицджеральда Кеннеди. Нелепость!

Решили сейчас же звонить земляку и оповестить его о доставке письма и гостинцев от родителей. Телефоны найти оказалось нетрудно. У земляка-попутчика имелась приличная порция четвертаков из родительской нумизматической коллекции; они-то первыми и пошли в актив телефонной компании.

На наш звонок ответила молодая женщина. На всякий случай, я обратился на своём английском с вопросом, говорит ли она по-русски? Дама же, на своём английском, коротко ответила, что, конечно же, может. Определившись, на каком языке разговаривать, я объяснил, откуда мы, что у нас есть, и как очень хотелось бы все это им передать. Она ответила, что в данный момент встретиться с нами не может, так как, не с кем оставить ребенка. Но если мы сообщим свой телефон, то она постарается что-нибудь придумать и перезвонит нам минут через пятнадцать. Я снова начал втолковывать ей, что мы находимся в аэропорту, и никакого своего телефона у нас пока нет, а звоним мы с телефона-автомата. Сообразив, с кем она имеет дело, соотечественница терпеливо пояснила, что ей понятно с какого телефона мы звоним, посоветовала взглянуть на лицевую панель телефона-автомата и найти там номер. Таковой там действительно имелся. Затем она попросила продиктовать номер и ожидать её звонка. Мы всё исполнили.

Телефонов было несколько, место оживлённое, люди пользовались ими, а мы старались всячески препятствовать им, занимать «наш» телефон, так как ожидали важный звонок.

Прошло минут пятнадцать, и мы начали сомневаться в этой технической затее. Стали подумывать, не позвонить ли ей снова. Но наш телефон всё же зазвонил и я, уверенный — звонить могут только нам, поднял трубку и ответил по-русски.

Землячка сообщала, что сама подъехать не сможет, так как не нашла с кем оставить ребёнка. Однако связалась с мужем, который в данный момент таксует, объяснила ему ситуацию и передала наш телефон. Тот же обещал подъехать. Как скоро он доберётся — неизвестно, так как сейчас находится где-то между Нью-Йорком и Нью-Джерси, и всё зависит от движения на дорогах. Но он обещал перезвонить, как только сможет. Нам оставалось лишь ждать. Мы обсудили и оценили достоинства их телефонной связи, а затем стали по очереди дежурить и прогуливаться неподалёку от телефона.

Напротив ближайшего выхода из вокзала, располагалась автобусная остановка. Автобусы, почти пустые, регулярно

подъезжали, подбирали пассажиров и отъезжали. По всем обозначениям на автобусах и пояснениям на самой остановке, я понял, что автобусы бесплатно доставляют до какой-то станции метро. Ожидали мы долго, рассматривать вокруг уже было нечего, кроме нас никто здесь не задерживался. Люди подходили, звонили куда-то и уезжали на такси, частных автомобилях или маршрутных автобусах. Меня начинало раздражать затянувшееся ожидание и обременительные бутылки в наших сумках.

Наконец, позвонил человек, которого мы ожидали. Он извинился, что из-за заторов на дорогах не может приехать быстро. Мы разъяснили ему, где находимся, как сможем опознать друг друга, и снова продолжали ждать.

За это время мимо нас прошло бесчисленное количество автобусов, на любом из них, пустом и блестящем, мы могли бы давно доехать до станции метро, а там уже куда угодно. Но нет же, мы торчали со своими сумками-подарками в ожидании земляка и успокаивались тем, что мы же обещали… Какая же это чушь нелепая — проторчать часа три у телефона только для того, чтобы передать кому-то родительский гостинец и письмо! И как глупо и наивно было надеяться, что кто-то приедет и подберет нас вместе с грузом и нашими проблемами. Но земляк таки приехал — мы познакомились. Сумки — в багажник; нас — на заднее сиденье. Нам предоставили места в просторном кораблеобразном Линкольне, езда в котором была приятно плавной и бесшумной.

Вопрос: куда нас отвезти остался без определенного ответа. Зачем приехали? — Чтобы вручить письмо и бутылки. Остальное же, сложно и долго объяснять.

Наш новый приятель-земляк, снисходительно выслушав наши планы, поспешил уведомить, что сейчас у него гостит теща, и он понятия не имеет, надолго ли она задержится. Что же касается нашего ночлега, то он советовал, переночевать в каком-нибудь мотеле, а уж потом подыскать что-то на первое время.

Припарковав свой восьмицилиндровый корабль на стоянке у ресторанчика МакДональдс, он пригласил нас перекусить и спокойно обсудить ситуацию. В ресторане, поглощая стандартные порции жареного картофеля и гамбургеров, мы договорились о передаче ему на хранение сумок, а он обещал подбросить нас. Самым подходящим местом для нас он выбрал Brighton Beach, куда и доставил. Мы расстались, пообещав созвониться и забрать свои сумки, как только устроимся.

Время было вечернее. Чувство времени и пространства частично атрофировано. Ни спать, ни есть не хотелось. Каких-либо определенных целей, желаний или направлений у нас пока

не появилось. Назревало осознание того, что на этот раз я забрался далековато, и здесь уж точно, меня никто не знает и, похоже, не желает знать. Это ощущение приятно бодрило. Нечто подобное я чувствовал в детстве во время просмотра нового приключенческого фильма про индейцев. (В главной роле вождя племени — Гойко Митич!) Или когда мне удавался тихий побег из детского садика. В то время, как дети с воспитателем играли в ортодоксальную игру «волк и гуси», я же один, или в компании дворовых приятелей, удалялся от детсадовской площадки, и ликовал, при мысли о временной свободе, и что мне не придется возвращаться в детский сад, с его казенными запахами хлорки и рыбьего жира.

На Брайтон Бич были особые запахи и иной уличный мусор, но в целом, все назойливо напоминало нечто хорошо знакомое. Когда же я услышал обрывки разговора у входа в какой-то ресторанчик: «Та ты гонишь, мэн!..», то мне показалось: не так уж и далеко я отъехал; и нахожусь я где-нибудь в Одессе, неподалеку от Привоза.

Район Брайтон Бич принято считать русским районом Бруклина, однако, русскими здесь были только рекламные вывески типа «Русские пельмени», «У нас говорят по-русски», «Принимаем фуд стэмпы» и тому подобное. По-русски здесь говорили, но с демонстративной еврейско-одесской интонацией и комичной претензией на английский. Русским здесь и не пахло. Напротив, в воздухе тяжело и устойчиво висел крепкий запах антисанитарии, завезенный сюда из старых одесских дворов и парадных. Это место в такой же степени русское, как и Великая социалистическая революция 1917 года. Снова возникло желание бежать, пока и здесь кто-нибудь не подъехал с вопросами: А где ты сейчас работаешь? А собираешься ли ты жениться? За кого будешь голосовать?

Название улицы Брайтон Бич, а не Первомайская или Советской Армии, от ощущения дискомфорта не избавляло. Вместо одесского трамвая? 10 поверху загромыхал поезд метро. Спасаясь от оглушительного лязга и скрипа, мы нырнули без какой-либо цели в ближайшую забегаловку. Оказалось — обычное кафе, каких и в Одессе полно. Сидели там за разными столиками человека четыре. Тетка-хозяйка с вопросом и надеждой липко взглянула на нас. Нам ничего от нее не хотелось, но ситуация подталкивала нас сделать какой-то шаг, либо к ней и что-то хотя бы спросить, либо к выходу. Оглядевшись, я заметил за ближайшим столиком зашуганного жующего паренька с картой метро на столе. Он был похож на абитуриента, приехавшего в Одессу из районного центра, с намерением поступить в какой-

нибудь техникум, в котором предоставляют место в общежитии и стипендию. Сомнений, на каком языке с ним можно говорить, у меня не было. Чтобы как-то начать, я просто заехал к нему.

— Привет!

— Привет, — с настороженным любопытством ответил абитуриент.

— Слушай, ты с этой картой разобрался? — кивнул я в сторону разложенной на его столе картой.

— А шо, вам нужна карта метро?

— Нет. Но не мог бы ты объяснить нам; где мы находимся?

Пока парнишка пережёвывал свой кусок и мой странный вопрос, мы подсели к нему за столик и объявили, что здесь, и вообще, в этой стране, мы всего лишь несколько часов… Данное обстоятельство оживило случайного собеседника, и он проявил живой интерес.

— А откуда вы?

— С Украины.

— Из Киева?

— Нет, из самолета Аэрофлота. Мы расскажем тебе про Украину, потом, если тебе это так интересно. Сейчас же, помоги нам разобраться, где мы и куда бы лучше…

Паренёк взбодрился и охотно признался, что и он всего лишь несколько часов в Нью-Йорке. Никогда ранее не бывал здесь, поэтому и знает немного. А вот в самой Америке — уже год, да к тому же он родом из Украины.

Его понесло. Мы познакомились. Узнав о нашей проблеме с ночлегом, Славик с детской непосредственностью признался, что и сам понятия не имеет, где будет коротать ночь — и притащился на русскоязычный Брайтон Бич, где можно поиметь полезную информацию и без английского языка. Отыскав на карте метро своё место нахождения, поняли, что мы вовсе не в Нью-Йорке (NYC, New York City). А на самом дне Бруклина, и живут здесь не американцы, а, преимущественно, еврейские беженцы из Союза, спасающиеся от невыносимых притеснений и унижений. В Одессе они были угнетённым национальным большинством, а здесь, на Брайтон Бич, они — обиженные и всеми гонимые евмигранты. Политические беженцы, сыны Давида, обретшие, наконец, возможность посещать синагоги, говорить на родном языке и торговать русскими пельменями… — А шо, не так, бля? — ответят вам здесь вопросом, если вы начнёте приставать и расспрашивать их об американской жизни.

Посовещавшись, мы решили ехать на экскурсию в Нью-Йорк, то бишь, на остров Manhattan.

Перейдя по металлическим ступенькам в надземную станцию

метро, мы наткнулись на скучающего полицейского, увешанного вокруг пояса различным правоохранительным инструментом. В своей будке-офисе дремал торговец жетонами. Предложенная мною, на ночь глядя, 50-ти долларовая купюра для покупки жетона за доллар и 25 центов, вызвала у служащего легкое раздражение. Он проворчал что-то, отслюнявил сдачу, и выдал специальную бронзовую шайбу (token называется).

С помощью этих жетонов мы прошли через металлические вертушки на платформу. Неказистая станция метро ничего из себя не представляла. Навес от дождя и скамейки. Долгое ожидание поезда было заполнено разговорами. Новый приятель Славко доставал нас расспросами о жизни в незалэжной Украине. Первый украинский президент наивно воспринимался им как борец за национальную независимость, этакий герой-спаситель. Я неохотно, лишь описал ему гнусные сценки из украинских теленовостей, в которых теперь можно часто и густо видеть бывшего работника ЦК компартии Украины Леонида Макарыча, показушно молящегося в храмах перед телекамерами.

Муссирование жизни державных діячів и условий выживания населения в новой Украине, вызывало приступ тошноты. Мы же торопились расспросить приятеля о бытие граждан Украины в условиях Америки.

История беглого украинца Славка показалась интересной и скрасила наше ожидание на брайтонской остановке.

К этому времени Славко имел официальный статус политического беженца со стажем более одного года. Он вынашивал намерение стать постоянным жителем, то бишь, выпросить, так называемую, Зеленую Карту. Статус полит беженца, ему предоставили еще дома. Путевку в новую жизнь вручили в посольстве США в Москве. После всего, ему пришлось отказаться от гражданства СССР и съехать на новое постоянное место жития.

Он уклонялся от расспросов о легенде, которой разжалобил чиновников миграционной службы. Уклончиво отвечал, что теперь это уже дело вчерашних дней и сегодня этот номер не пройдет. Вероятно, попросил убежище, как гомик, напуганный жестоким советским уголовным законодательством. Нам он представился диссидентом, борцом за права человека, скромно отказавшись комментировать методы своей правозащитной борьбы.

Зато щедро поведал о Толстовском фонде, который выступил в качестве его официального спонсора и фактически послужил американским крестным отцом Славки-диссидента. С особой теплотой и благодарностью Славко отметил материальную

поддержку, предоставленную Толстовским фондом. Фонд проявил действенную заботу о молодом борце, потерявшем Родину-уродину. Именно фондом был оплачен перелет диссидента в США. По прибытии, Славку заботливо встретил представитель фонда. Тот вручил кое-какие деньги на первые необходимые расходы и заботливо препроводил его в столичный портовый город Провиденс, штат Род-Айленд.

Там ему разъяснили, какие формальности и как их следует выполнить для получения денежного пособия, покрывающего жилищные расходы, и продуктовых карточек (food stamps — этакие суррогатные деньги, на которые можно покупать только продукты питания). Представитель фонда пожелал Славке счастья в его новой жизни и выразил надежду, что в будущем Славик начнет зарабатывать и вернет фонду средства, затрачены на его перелет и прочие хлопоты.

Где-то, вероятно в казенных местах, где оформляются и выдаются пособия, защитник наших прав познакомился с другими беженцами, говорящими на великом и могучем языке и озабоченными теми же проблемами. С ними он и стал делить арендованное жилье и пропивать продуктовые карточки.

О городе Провиденсе — столице штата Род-Айленд, Славко отзывался без особой любви и скупо описывал этот период жизни, как ссылку. В этих местах не было никакой возможности подработать и рассчитаться с Толстовским Фондом. Ему и другим, таким же сиротам, ничего не оставалось, как изыскивать различные поводы и основания для получения мелких надбавок. Всякого рода дополнительные пособия на транспортные и прочие непредвиденные расходы, скрашивали безродное прозябание вдали от родных и правозащитного движения. Славко, и его приятели политбеженцы, утоляли свою тоску по родине, приобретением и активным пользованием подержанных автомобилей, ну, и алкоголем, конечно же.

Почуяв, что Толстовский Фонд уже исчерпан почти до дна, Славик решил съехать на Юг, в штат Флорида, — скоротать там зиму. А заодно и поработать на восстановлении жилого фонда, пострадавшего от урагана Эндрю.

Перед отъездом практичный беженец заботливо доверил получение своих законных пособий одному из соратников. Оставил свое удостоверение личности (ID — Identification Card), несколько изменил внешность доверенного лица, обучил своей подписи, проинструктировал, в какой банк и на какой счёт тот должен вносить полученные денежные пособия. Продуктовые же карточки он щедро позволил проедать, на здоровье. Сам же съехал на Юг, во Флориду.

Из трудового зимовья во Флориде Вячеслав возвратился обогащенным трудовыми сбережениями и жизненным опытом бродяги. В Бруклин он приехал с конкретными намерениями. Прослышав о щедрой нью-йоркской кормушке для безработных граждан и гостей-беженцев, решил, что тоже заслужил право на некоторые социальные блага.

В день встречи Славик выгодно отличался от нас, свежеприбывших, своими американскими документами, трудовыми сбережениями и опытом сотрудничества с фондами. Единственной, серьезной проблемой, тормозящей его упрямое стремление к Американской Мечте, был переживаемый им период языкового кризиса. Свой родной язык он уже стал забывать, а английский ещё не начал изучать. Так как, борьба за права человека, разрушительные ураганы во Флориде, сотрудничество с кормящими фондами, и прочая возня с бюрократами миграционных и социальных ведомств не оставляли ему ни времени, ни сил для изучения чужого языка. Поэтому, его основным средством самовыражения в американских условиях, было короткое, но колоритное слово «бля», конкретное содержание которого определялось интонацией и ситуацией. Для Бруклина этого было вполне достаточно. Сюда он и приехал.

Нужный нам поезд появился в позднее время. Убогость станции кричаще подчеркивалась хорошим состоянием вагонов. Они выгодно отличались от московских и киевских, услугами, которых я пользовался ещё вчера.

Вагоны нью-йорского сабвэя (subway) снаружи холодно и чисто блестели нержавеющей сталью. Салон вагона оказался просторнее наших, и самое главное, работали кондиционеры. Температура воздуха была комфортно приемлемая. Жесткие, но удобные пластиковые сидения. Различные информационно-рекламные и воспитательно-просветительные плакаты призывали к борьбе с курением и наркотиками, напоминали о необходимости пользоваться презервативами, кратко разъясняли преимущества новой программы здравоохранения, сообщали телефоны служб, куда можно позвонить и похныкать о своих проблемах, просили не стрелять из окон по прохожим. Всё это погружало пассажира в информационный поток, в котором все же можно найти что-то интересное и полезное. Одинокие пассажиры, чаще, чёрного цвета, отличались от пассажиров московского и киевского метро не только цветом, но и демонстративно неряшливой одежкой, умышленно преувеличенных размеров, а так же обилием золотых побрякушек в самых неожиданных местах. Вид у многих отмороженный; язык, на котором они говорили, для меня был труднопонимаем. Это был нью-йоркский

язык. Никто не обращал на нас внимания, хотя, внешнее отличие от большинства поздних пассажиров было очевидным. Тогда я еще и не подозревал, что ночные прогулки с наличными деньгами в карманах — опасное легкомыслие. У меня оставалось мене пятидесяти долларов. Но важно то, что это были все мои денежные средства, и это вполне достаточная сумма, за которую вас могут прирезать, даже не поблагодарив.

Славко днём уже проделал путь от автобусного терминала, что в центре Нью-Йорка до Брайтон Бич, и теперь выступал нашим гидом. Мы ехали маршрутом поезда D, наметив нашей конечной остановкой станцию «34-я улица», где-то в центре Манхэттэна. По пути я отмечал на карте места, о которых слышал или читал еще дома. Стоило проехать две остановки выше «34-th str,» и можно было выйти на станции «Rockfeller Center».

Но наш проводник рекомендовал выйти раньше. Уже на острове Манхэттэн, то есть в самом Нью-Йорке, станции были более людными и оживленными, пассажиров в нашем вагоне прибавилось. Во время коротких остановок на станциях, можно было видеть невзрачные платформы, стены которых облицованы кафельной плиткой и напоминали подземные общественные туалеты. Самих же туалетов не было, но, судя по внешним признакам, черные пассажиры, коротающие время на станциях сабвэя, отправляли свою естественную нужду просто под стенку. Народ, слоняющийся на станциях в это позднее время, был преимущественно темных цветов. Никто уже никуда не спешил. Тем не менее, мрачноватые станции-туалеты, отличались неким разнообразием, подобно зоопаркам, демонстрирующим изобретательность Матушки Природы. Мне уже не терпелось выскочить из вагона на одной такой зоо туалетной станции и дополнить эту разноцветную коллекцию своим присутствием. До меня начинало доходить, что эта странная манера наряжаться здесь — не случайность, а вопль моды «а-ля Охламон».

Когда мы вышли из вагона на станции «34-я улица», мне показалось, что мы где-то в Африке. Кондиционеры, которые обеспечивали прохладный воздух в вагонах, наружу выплёвывали влажный, горячий воздух. В подземных станциях стояла устойчивая, липкая духота с крепкими аммиачными испарениями и вонью каких-то дезинфицирующих средств.

Позднее я видел, как по утрам работники сабвэя носились по станциям с компрессором и опрыскивали специальными дезодорантами заделанные углы и стены. Вонь от санитарного средства была сильной, но все же не перебивала запахи «визитных карточек», оставленных по углам ночными обитателями сабвэя. Этот дезодорант я бы назвал анти негрилом. Сами же обитатели

подземных станций, вероятно, воспринимали такие действия санитарной службы не как борьбу с ними, а как естественную заботу о состоянии их жилища.

По заплёванным жевательными резинками ступенькам, сквозь строй черных попрошаек, мы вырвались из «подземного филиала Африки» на свежий майский ветерок с моросящим дождиком и оказались на улице-коридоре. Стройные каменные джунгли, без единого дерева, украшались светом неоновых реклам. Представление о времени, месте нашего нахождения, целях и направлении было очень смутно, да и мало волновало. Славко, как гид, предложил, для ориентировки в этих джунглях, отыскать автобусный терминал — место всем известное.

Придя к автовокзалу, мы решили осмотреться. Беглая экскурсия по нему заняла более часа. Сначала обошли надземный этаж с магазинами, кафе и канторами прочего сервиса. Из всего этого мы посетили универсальный магазин, работавший круглосуточно. В подземной части можно было найти всё то же самое и станцию метро.

Где-то там я заметил указатель к выходу на 8-ю Авеню и вспомнил, что в свое время я получал письма и посылал ответы на 8-ю Ave. NYC. Проверил свою шпионскую записную книжку и нашёл адрес одного заочного приятеля (о котором я узнал от своей знакомой): 481, 8-th Ave. NY. NY.

Год назад, будучи студенткой МГУ, она оказалась в компании миссионеров Церкви Единения. С группой перспективных, на их взгляд, студентов, и московских чиновников ей предложили поездку в США. Основной целью студенческого десанта являлось приобщение новых братьев из России к религиозной доктрине Преподобного Папы Муна.

Насколько можно было судить из рассказа о самой поездке, больших успехов в охмурении русских христианских душ Церковь Единения не достигла. Один студент просто сбежал, не пожелав возвращаться в Россию.

Как приложение к рассказу подруга дала мне адрес гостиницы в Нью-Йорке, где останавливалась делегация, и имя одного молодого миссионера корейского происхождения. Ещё из Новой Каховки я посылал «братские» рождественские приветы в Новый Йорк, на которые он охотно отвечал.

Из автовокзала мы вышли на 8-ю авеню. На расспросы моих попутчиков: зачем нам 8-я авеню — я ответил: где-то здесь живёт мой приятель. Они удивились, но на объяснении не настаивали, им было всё равно куда шагать.

Вокруг центрального входа на автовокзал и соседней 42-й улицы было достаточно людно. Народ, гуляющий в это время,

был специфический. Чёрные попрошайки без определённого пола, возраста, места жительства и рода занятий; дешёвые проститутки (вокзальный вариант), мелкие уличные торговцы наркотиками и прочей ерундой… Зазывалы, раздающие прохожим рекламные листовки с расписанием работы заведений и перечнем предоставляемых услуг. Ну, и прочее: сутенёры, туристы, бродяги…

Разобравшись в номерах домов, мы пошли вниз по 8-й авеню. Нужное нам место оказалось всего в двух-трех кварталах от автовокзала. Старая гостиница New Yorker располагалась неподалеку от Impire State Building. Мне показалось странным, что вход в гостиницу закрыт, и я стал настойчиво стучать в двери. Сквозь двери из толстого стекла я мог наблюдать, как в сумерках просторного вестибюля появился помятый сонный вахтёр и направился к дверям. Пожилой служащий, лишь слегка приоткрыв двери, поинтересовался, чего мы хотим. Я коротко пояснил причину визита: мы якобы разыскиваем приятеля-брата, который здесь проживает. Названное имя вахтёру ни о чем не говорило; и он терпеливо объяснил, что лучше подойти сюда утром и всё выяснить.

Не желая так просто и быстро отпускать его, я поинтересовался: как обстоит дело с дешёвым ночлегом в их гостинице. Ожидаемой заинтересованности мой вопрос не вызвал, предложения остановиться в гостинице тоже не последовало. Ночной портье терпеливо разъяснил нам, что это не совсем обычная гостиница, а место для братьев Церкви Единения (Unification Church) и их гостей.

— Церковь Муна? — уточнил я.

— Correct! — подтвердил вахтёр, — и поинтересовался, — откуда вы?

— Мы русские из Украины, — ответил я.

— Отлично, сейчас у нас в гостях братья из России, так что, добро пожаловать завтра утром — и вы сможете всё узнать и увидеть.

На этом двери закрылись. Теперь мы знали, куда можно пойти в Нью-Йорке утром. А пока — свободны.

Первое впечатление о Нью-Йорке можно оценить как положительное. Нью-Йорк Сити очень отличалось от Бруклина. Если кто-то, проживающий в Бруклине, говорит, что он из Нью-Йорка, то понимайте это как Бруклин штат Нью-Йорк. Бруклин, Квинс, Статэн Айленд, Нью-Йорк и Бронкс — формально отдельные административно-территориальные единицы, объединённые единой сетью общественного транспорта и воспринимаемые как один огромный город — Нью-Йорк. Во

всяком случае, я так понял. Если звонишь по телефону из Нью-Йорка в Бруклин или Квинс, то делаешь междугородний звонок, с набором кода города (Телефонный код Нью-Йорка (NYC) — 212; он же, остров Manhattan, а Бруклина и Квинса — 718. Также становилось ясно, что жить, вероятно, мы будем где-нибудь в Бруклине, но уж точно не в Нью-Йорке. И вообще, вопрос о быте назревал — и перспективы вырисовывались мрачноватые. Но сейчас думать об этом не хотелось. Отложили этот вопрос до утра. Хотелось обойти и увидеть как можно больше. Бродить и смотреть, — пожалуйста, хоть 24 часа в сутки. Что же касается общения, то в собеседники, порой назойливо, напрашивались только бездомные бродяги с традиционным пластиковым стаканчиком в протянутой руке. От вас ожидается четвертачок (25 центов) — и ваш уличный собеседник удовлетворен. Некоторым, особо активным и дерзким просителям, мы пытались объяснить, что они обращаются не по адресу; мы такие же, как и они, только белые и пока ещё почище. Узнав о нашем положении, кое-кто даже проявлял товарищескую солидарность, и давал дружеские советы: если у вас нет денег, то на еду и прочие карманные расходы можно выпросить на улицах. Ночевать можно на скамеечке в каком-нибудь сквере. Нас гостеприимно сопровождали и показывали ближайшие места возможного ночлега. На одном таком месте провожатый неожиданно нашел «свою» скамейку уже занятой. Он справедливо возмутился, разбудил посягнувшего на его пространство и стал вести с ним воспитательную работу, казалось бы, позабыв о нас.

Некоторые новые американские друзья оказывались более любопытными и разговорчивыми. Беседы с ними были приблизительно такого содержания:

— Парень, ты кто такой и откуда? — спрашивали они.

— Космонавт я, — шутливо отвечал я.

— Я не об этом. Откуда ты? Из Германии?

— Нет. Я не из Германии.

— Кончай ты. Я же слышу твой акцент!

— Ты такой страны не знаешь.

— Come on! (Да ладно, тебе!..)

— Я из Украины.

— Ну, как же не знаю! Это же где-то в Бруклине. Или Квинсе? Дай-ка мне твою карту. Я сейчас покажу тебе, где Украина.

— Нет, дружище, это гораздо дальше. И на этой карте Украины нет. Это находится в Европе. Бывший Советский Союз.

— Ну, конечно, Советский Союз! Я знаю… Москва… Сибирь… Верно?

— Точно, парень! Ты действительно все знаешь.

— И что же, теперь и у вас свой президент и язык?

— Да. Есть нечто подобное.

— А как имя вашего президента?

— Frank Zappa, — пошутил я, — слышал о таком?

— Забавное имя, — с некоторым сомнением ответил тот, — никогда не слышал. А как зовут тебя?

— Bob Fisher!.

— Я так и знал, ты — немец! Я сразу определил, откуда ты! А ты шутник, парень.

Ночной марафон по Нью-Йорку притомил нас. Славка начал припадать на встречающиеся нам уличные скамейки, если таковые оказывались, не оккупированы постоянными жителями Нью-Йорка. Наконец, уже под утро Славко предложил посетить точку общепита, там перекусить и отдохнуть. Чтобы предложение приняли бесспорно, он заявил, что угощает. Мы охотно согласились.

Закусочных, подобных МакДональдс, в Нью-Йорке много. Подобные заведения удобны и нужны, особенно для субъектов без определенного места жительства. Такие ресторанчики быстрой пищи в Нью-Йорке работают если не круглосуточно, то допоздна. Там можно получить относительно недорогие закуски, чистый столик с салфетками, ну, и туалет с холодной и горячей водой, мылом и бумажными полотенцами. Короче говоря — мечта бродяги.

Стандартная порция (гамбургер, жареный картофель, кетчупы и кофе обойдется в 5–7 долларов. 1993 г.) Для неприкаянных туристов немаловажно и то, что в таком богоугодном заведении можно просиживать часами. Официант не достаёт вас своими подталкивающими предложениями, и вы можете расслабиться, отдохнуть.

Когда в зал ввалился уличный сборщик подаяний и направился с замызганным стаканом к нашему столику, служащий ресторана привычно уделил ему внимание и попросил непрошеного гостя продолжать свои сборы на улице. Тем самым он избавил нас от утомительных объяснений с очередным «другом».

Славик, напуганный моими порывами продолжить прогулку, прикупил добавку, и мы посидели ещё какое-то время.

Пережевывая продукт уличной кухни, мы обсудили жилищную программу. Было понятно, что арендовать какое-либо жильё с нашими деньгами крайне непросто. Славко планировал податься по какому-то адресу с рекомендательным письмом и выдал нам, на всякий случай, номер телефона, по которому с ним можно связаться.

Начало рассветать. Чувствовалась усталость. Настроение после ночного завтрака несколько скисло, вопросы быта возникли с болезненной остротой. Домашний опыт пользования услугами домов колхозника и студенческих общежитий был малоэффективен в заокеанских условиях.

Однако, как бы хреново и неопределённо не начинался первый день в этой стране, нам было ясно, что от голода и холода мы здесь не загнёмся.

Реальность настоятельно требовала нашего возвращения в Бруклин. Экскурсия закончилась, подобно кино. Решили ехать обратно в Бруклин и заняться вопросом о жилье.

Посещение нескольких контор Real Estate, дало нам понять, что это формально нудный и материально непосильный для нас путь.

Требовалось заключение договора аренды на конкретный срок и, согласно таким договорам, арендатор должен был внести плату за первый и последний месяцы проживания. Кроме этого, если в квартире была какая-то мебель или бытовая техника, требовался денежный залог, который в среднем составлял ещё одну месячную рентную плату. Таким образом, речь шла о сумме более тысячи долларов. Акулы! А в одной конторе, какой-то старый хмырь одесского разлива, поинтересовавшись о составе и количестве арендаторов, дал нам понять, что они не хотели бы иметь дело с сексуально дезориентированными клиентами. После такого замечания в наш адрес, мы окончательно отказались от этой затеи.

Прикупили местные русскоязычные газеты, выбрали несколько объявлений о сдаче в аренду двухкомнатных квартир и стали названивать. По двум адресам заехали и посмотрели, поторговались. Поняли, что это какой-то сионистский заговор. Везде хотели вперед и больше, чем у нас было.

Славко понял бесперспективность дружбы с нами, во всяком случае, на данном этапе, и уехал решать жилищную проблему самостоятельно, с надеждой на рекомендательное письмо. Договорились, что мы сможем справиться о нём по телефону, который он нам оставил.

Я вспомнил о письме, которое обещал доставить кому-то в Бруклине. Стал оглядываться по сторонам и отыскивать на карте, пытаясь разобраться, где эта улица и где этот дом. Благодаря карте метро, мы стали ориентироваться в пространстве среди улиц и авеню. Что-то уточнили у прохожих и, таким образом, определили, что нужный нам адрес — в совершенно другой части Бруклина, где мы еще не бывали. Отыскали нужную нам станцию метро и нырнули в сабвэй.

Был уже полдень. Суеты на улицах и на станциях метро прибавилось, временами моросил майский дождик. Улицы Бруклина ничего интересного не представляли; сплошные овощные и бакалейные лавки с дешёвым товаром местных и китайских производителей. Торгашеская атмосфера Бруклина притомляла.

Полупустой самолет Аэрофлота, где мы спали в последний раз, вспоминался нами с искренней любовью.

Заехали мы далековато. Новый для нас район Бруклина, ничем не отличался от остальных: те же безликие, серые пронумерованные улицы. Пока нашли нужную нам улицу и дом, пришлось побродить вокруг и опросить немало прохожих. У меня сложилось мнение, что многие, хотя и живут здесь, но знают о данной местности не более чем об Украине. Вы можете, стоя на одном углу, опросить нескольких прохожих об одном и том же адресе в этом районе, и все они направят вас в разные стороны. Из этого наблюдения начинало формироваться убеждение в том, что послушать кого-то и иметь это в виду можно, но слепо доверять — не стоит. Так, путем расспросов, сравнений и проверок мы, наконец, отыскали нужный дом.

На почтовом ящике в подъезде, как подтверждение, мы нашли наклейку с полным именем разыскиваемого человека. Для первого дня в чужой стране, это было подобно успешному расследованию.

Поднялись на второй этаж и позвонили в дверь. Если бы никто не отозвался, мы бы отреагировали как почтальоны: просто оставили бы письмо в дверях или в почтовом ящике. Может быть, ещё и приписали бы коротенькую записку: «Здесь был Вася из Нью Каховки».

Но на наш звонок, без предварительных переговорных заморочек, дверь открыла женщина. Не сомневаясь в выборе языка, я доложил ей по-русски, что у меня для них письмо от их друзей из Новой Каховки. Этого оказалось достаточно, чтобы нас пригласили войти. Женщина удивилась такому способу доставки писем из Украины. Нас бегло расспросили, как давно мы в Нью-Йорке и чем здесь занимаемся. Выслушав короткую и сумбурную американскую историю, хозяйка быстро определила: что нам более всего нужно. Для начала, предложила принять душ. Когда же вернутся домой остальные члены семьи, тогда мы сможем обо всем спокойно поговорить.

Пока один из нас ещё принимал душ, все собрались: муж хозяйки, дочь с зятем и внук. Посыпались вопросы. Представленный нами авантюрный туристический план, вызвал у всех искреннее удивление.

Это был первый дом и семья, которую мы посетили в Америке. Американскими здесь были только место, время и вещи, в остальном же, мы чувствовали себя как дома.

Кроме щедрого застолья, мы получили много полезных советов. Хозяева доброжелательно заверили, что мы быстро адаптируемся и найдём своё место. Подсказали, где можем подрядиться на подённую работу и как лучше организовать быт. А для начала — предложили нам — хорошенько выспаться. Они позвонили бабушке, которая располагала свободной комнатой. Договорились с ней, и дали её адрес. Расстались мы поздно. Место, куда следовало добраться, мы представляли себе только по карте.

Как обычно, в позднее время, поезда пришлось ожидать долго. Наконец, он прибыл. И снова поехали. С пересадкой на другую линию мы проспали-напутали и вышли совсем не там, где следовало. Оказались снова в центре Нью-Йорка, где, несмотря на позднее время, было полно гуляющих бездельников. Ничего не оставалось, как обращаться к прохожим с картой метро и со своими расспросами.

Среди таких уличных консультантов, меня угораздило выбрать двух прилично одетых джентльменов, которые, явно, никуда не спешили. Я спросил их, как нам добраться до такого-то места? Американский джентльмен в костюме, быковатой комплекции, оказался в подпитом состоянии и неожиданно отреагировал, засыпав нас встречными вопросами:

— Почему ты обратился именно ко мне? И ты кто такой: немец, француз?

Поняв, что разговор с этим типом может затянуться до бесконечности, я предложил закончить бесполезный разговор. Но моя попытка уйти, была грубовато и властно пресечена. Одной рукой вцепившись в моё плечо, а другой, вынув из кармана костюма жетон, он с туповатой фельдфебельской ретивостью, представился как офицер полиции. Я «поздравил» его. Но полупьяный носитель полицейского жетона уже закусил удила, — уж очень ему хотелось продемонстрировать свою власть. Напарник был постарше, и советовал коллеге оставить нас в покое. Но тот, в ответ, уже вполне серьезно, стал объяснять, чем мы вызвали его подозрение. Прежде всего, от меня потребовали исчерпывающих объяснений, почему я обратился именно к нему, а не к кому-то другому на этой улице. Видимо, моё объяснение не удовлетворило полицейского, и он засыпал меня вопросами: откуда я его знаю? Каковы мои намерения в отношении его важной государственной персоны? Наконец, потребовал предъявить ему удостоверение личности.

Парень производил впечатление недалекого полицейского цербера, жизнь которого превратилась в бесконечный служебный марафон. Бытие сформировало полицейский взгляд и соответствующую реакцию на окружающий мир. По-своему, мне было жаль этого неандертальца в костюме и галстуке. Вероятно, его полицейская должность и жетон, с которым он никогда не расстаётся, представляли для него смысл жизни. И он требовал от всех признания и уважения этих ценностей и его самого.

Унтеры пришибеевы всегда были и есть во всяком государстве. Особенно их много в супер державах, где при государственной должности можно почувствовать себя суперменом.

Похоже, что этому государственному мужу, где-то в чем-то отказали сегодня (не помог и жетон). Теперь же, он искал удобный случай убедиться в своей общественной значимости.

Видимо, полицейские томились в пустом ожидании чего-то или кого-то. Его старший напарник стоял в нескольких шагах от нас и по-дружески отговаривал того от сверхурочной службы. Но ретивый дознаватель настаивал на предъявлении документов и даче объяснений.

В это бестолковое и уже шумноватое расследование дела, о покушении на драгоценную жизнь офицера полиции, решил таки, вмешаться его старший коллега.

— Почему бы вам, парни, и впрямь, не предъявить свои идентификационные карточки или водительские удостоверения и на этом закончить детективный базар?

Пришлось сбивчиво объясниться, что мы туристы и у нас кроме паспортов никаких других документов нет. Я не намерен был предъявлять свой паспорт случайному пьяному, если даже у того есть полицейский жетон. Если же к нам есть какие-то претензии — то ведите в полицейский участок, и не требуйте доказательств тому, что мы не иностранные террористы, покушавшиеся на жизнь пьяного американского полицейского…

В ответ, мне посоветовали не воспринимать ситуацию так уж серьёзно. Старший и более трезвый полицейский уговорил коллегу разжать клешню и отпустить меня с Богом. Поинтересовался: кто мы и откуда? Уже уходя от них, опасаясь нового приступа подозрений, я ответил, что мы русские. Вдогонку услышал раздражённое: — Fuck'n russian animals![1] Я подумал, что если этого неандертальца сегодня не ублажит какая-нибудь проститутка, то до утра он наломает дров своим полицейским жетоном.

Вспомнился Питер Устинов со своей новеллой «Крэмнэгел» о туповатом американском полицейском, случайно оказавшемся в

Англии.

Приехали мы на нужную станцию поздно. Не сразу отыскали дом, покружили в темноте вокруг него. Наконец, определили нужный нам номер дома.

Двери в парадной были закрыты, мы долго звонили. Пока не разбудили бабушку. Когда нас проводили в нашу комнату, спальные места были уже приготовлены. Раздеваясь, я пытался вычислить: как долго не спал? Мой американский стаж составлял полдня в аэропорту, полную ночь-прогулку в Нью-Йорке и целый день в Бруклине. Теперь же оставалось полночи для сна и восстановления сил. Я подумал о том, что мы, наконец, присоединяемся к их времени, и в эту ночь уже будем спать, подобно добропорядочному большинству граждан этой страны.

Утром мы познакомились с бабушкой-хозяйкой и её временным квартирантом. Постоялец-соотечественник, один из многочисленных беженцев, проявил к нам безудержное любопытство. Он разговаривал с нами тоном хозяина страны, за плечами которого аж! годовой стаж проживания в Америке — официальный статус политического, точнее — еврейского беженца и в активе — ежемесячные пособия и прочие социальные блага. Не то что некоторые, — «турысты».

Допросив: откуда мы и зачем, евмигрант решил, что с этой совковой босотой и говорить-то не о чем. Открыл свой конспект и стал вслух зубрить английские слова. Бабушка радушно предложила нам легкий завтрак. Углублённое изучение английского языка он продолжил и за столом.

Мы пили чай. Говорили ни о чём. И невольно слушали, как потенциальный американский гражданин картаво вгрызается в новый язык. Его гордый вид — богом избранного, не позволял делать ему замечаний о неправильном произношении отдельных слов. Он (know — знать) знал лучше, и моё вмешательство было бы нетактичной дерзостью.

После завтрака мы были готовы к штурму бруклинских ценностей. Мы знали о местонахождении некой биржи, где работники и работодатели находят друг друга.

Снова в метро. И в центр Бруклина. Вышли на станции Mercy Ave. Огляделись. Казалось, что попали в столицу Израиля. Без чёрной шляпы, сюртука и бороды мы здесь были абсолютными туристами.

К одному из носителей шляпы, сюртука и бороды я обратился с вопросом. Товарищ оказался разговорчивым. Он ответил нам, что если мы подыскиваем себе работу, то он готов подсоветовать нам очень перспективное дело. Поведал нам о некой конференции, которая состоится в ближайшее воскресенье. Там

можно будет узнать о современном супер эффективном продукте, способном избавить человечество от многих физических недугов. Деловой хасид рекомендовал посетить собрание, заключить контракт и начать делать деньги и перспективную карьеру, уже со следующей недели. Sounds gooood!

А что касается возможности подрядиться на поденную работёнку… Это можно сделать там, — небрежно указал нам направление хасид.

Место и время проведения конференции он всё же выписал. Как рецепт, тяжело, но не безнадёжно больным. С этим мы и разошлись, каждый в своём направлении.

Действительно, на перекрёстке Bedford Ave. и Lynch Avenue на автобусной остановке мы нашли группу парней и мужичков разного возраста, одетых по-рабочему. Кто-то стоял, кто-то сидел, было видно, что все они чего-то ожидали… Но не автобуса. Присоединившись к ним, мы вскоре узнали, что же здесь нам улыбается.

Биржа работала по принципу уличной панели. В основном, здесь были граждане бывшего Союза и Польши. Работодателями выступали, в основном, деловые сыны Давида. Они подъезжали, как правило, на 8-цилиндровых кораблях и, не выходя из машины, через приоткрытое окно вели переговоры с потенциальными работниками. Вопрос решался быстро. Работодатель кратко объявлял, сколько работников и на сколько часов ему требуются, а так же, сколько он намерен платить за час работы. Другая сторона старалась уточнить: какого рода работа? И если таковая устраивала — приступала к торгу о размере оплаты.

Работу предлагали обычно дерьмовенькую и разную: грязную и чистую, пыльную и вонючую, тяжелую и лёгкую. Но всегда — неинтересную. Как правило, работодатель предлагал 5–6 долларов за час работы, работники настаивали на добавке в 1–2 доллара. Но их не слышали.

Я сидел среди себе подобных, наблюдал за грустной комедией выживания, и искал разницу, между нами и уличными проститутками.

Вообще-то, я — турист; и если мне не нравится это место, то я могу уйти отсюда. Но я не знал, где буду ночевать сегодня. Хотя у меня ещё оставалось около сорока долларов, и я мог снять какой-то ночлег. Неужели мимо этого дерьма никак не пройти, и я должен буду предлагать себя этим шляпоносцам? Страшного ничего нет, но и перспектива моего участия в добровольном холуйстве мало радовала. Я не был готов к такого рода — мазохизму. Достаточно, что мы нашли это место и всё разузнали.

Больше нам здесь делать нечего. Сегодня, во всяком случае.

Уходил я с облегчением, хотя и не знал куда. Ушёл как с какого-то призывного пункта военкомата. Сегодня не призвали. Товарищи по «призывному пункту» внесли некоторую ясность в то, что могут, и что не могут туристы.

Для легального трудоустройства, оказывается, необходимо разрешение. При поступлении на работу работодатель просит предъявить карточку Social Security (персональный номер социального обеспечения) и, что бы удостоверить личность — Identification Card, сокращено — ID (удостоверение личности), или Driver's Licence (водительское удостоверение), или Green Card (карточка постоянного жителя), или Employment Authorization (разрешение на работу). Получить эти бюрократические путёвки в трудовую жизнь можно было путем обращения в Immigration and Naturalization Service (Служба иммиграции и натурализации) с ходатайством о предоставлении политического убежища. Если заявление принимается к рассмотрению, тогда вам выдают карточку соцобеспечения с персональным номером, временное удостоверение личности (ID) и разрешение на работу. До окончательного решения вашего вопроса в иммиграционном суде о предоставлении вам статуса политического беженца или отказе в таковом — вы можете легально пребывать в стране и работать, как официально обратившийся и ожидающий ответа.

Все эти масонские заморочки мне крайне не понравились. Но я полагал, что пролетарские консультации на панеле не стоит принимать, как окончательный диагноз. Было желание забыть об увиденном и услышанном. Уехать в Манхэттэн и просто погулять там, теперь уже днем.

Решили, что прежде всего, нам следует заняться жилищным вопросом. Позвонили по телефону, который оставил Славик. Ответила русскоязычная хозяйка. Она объяснила, что Славик скоро будет здесь, продиктовала адрес и подсказала, как туда доехать.

Это место было в центре Бруклина, рядом с Brooklyn College и по соседству с Flatbush Ave. — центральная улица очень чёрного района.

Мы нашли трёх этажный частный дом с гаражом во дворе. Признаки чёрного соседства были заметны.

Прежде чем впустить нас в дом, хозяйка тщательно допросила и осмотрела нас. Она всё правильно поняла, начав знакомство с угощений. Бабушка Мария щедро поделилась с нами и своими бедами. Мы вежливо слушали и молча ели. Обычная история украинской семьи, попавшей в Америку после войны.

Наши планы не удивили её. Несмотря на пожилой возраст,

она достаточно ясно представляла себе ситуацию в новой Украине и причины приезда в Америку украинских туристов. Подсказала, где можно подрядиться на работу и дала понять, что почти все, кто прибывает в Нью-Йорк без денег и документов, проходят через пресловутую панель. Вопрос лишь в том, как долго задержишься «на дне».

Наконец, Славка вернулся, и мы вместе с ним ушли. Определенных планов на вечер у нас не было. Мы пошли в парк с теннисными кортами, мимо которого ранее проезжали на поезде метро, маршрута D.

Он решил пока арендовать комнату в доме у этой старушенции за 250 долларов в месяц. Не подарок. Но он намеревался обратиться в местный соцобес с договором аренды. Получить от них, как безработный, ежемесячное денежное пособие, покрывающее его расходы на аренду жилья, а также продовольственные талоны.

На теннисных кортах и в парке людей в этот день было мало. К удивлению, мы встретили здесь соотечественника из Ростова-на-Дону. Он пришел с теннисной ракеткой, но не нашел себе напарника, и охотно разговорился с нами. В Америке уже более года, но кроме Бруклина больше нигде так и не побывал.

С такой американской биографией я встретил здесь немало земляков. Когда же удивлялся тому факту, что они так долго торчат в этой клоаке, все они уверяли меня объяснением, что это единственное место в Америке, где можно выжить без документов и языка. Стоит сделать шаг в сторону от Бруклина — и ты сталкиваешься с массой трудноразрешимых формальностей-заморочек, непоняток и препятствий. Один язык чего стоит.

Слушая советы бывалых, я не верил, что буду также высоко ценить эти бруклинские возможности. Обходиться без английского языка, сниматься на трудовой панели…

Наш новый знакомый посоветовал посмотреть Нью-Йорк и воспользоваться обратным билетом. Если нет денег для нормального существования здесь, то и не стоит трепыхаться, в попытках заработать их.

Что же касалось, нашего жилищного вопроса… Он предложил пройтись с ним, чтобы представить нас своему арендодателю, у которого сдается давно свободная отдельная комната.

Предложение заинтересовало нас. Денег было недостаточно, но мы решили всё же посмотреть эту комнату.

Дом оказался на West 9 Str. Неподалеку от улицы King's HWY. Хозяин был на месте. Очевидно, ему очень хотелось сдать пустующую комнату.

Комната (с самой необходимой мебелью), располагалась в

полуподвальной части (basement) трехэтажного дома. Комната совсем небольшая. Но вокруг этой конуры было нежилое, хозяйственное пространство, на котором размещались душевая, стиральная машина, бойлерная и прочее.

Учитывая сносный район (Bensonhurst), изолированность этой полуподвальной берлоги, вокруг комнатное пространство и факт, что нам негде было ночевать — нам это подходило. Так мы приблизились к главному вопросу: что же это стоит?

Хозяин — пожилой грек с пропитой физиономией, едва скрывал свою заинтересованность. Этот вопрос волновал его гораздо более, чем нас — бездомных.

— И так, сколько? — начал я.

— Ну, скажем так. При условии, что вы будете жить в этой комнате вдвоем, не более… Не до такой же степени вы извращенцы. Вам это будет стоить 200 долларов. Хотелось бы получить сразу за первый и последний месяц. Всего — 400. И можете поселяться.

Этих денег у нас, конечно же, не было. Я сделал встречное предложение: — платить еженедельно по 50 долларов.

Хозяин-грек прикинул, и решил, что получить от нас сразу 400, — гораздо лучше, чем 50. И уверенно отказался от моего варианта. Тогда я запел песню о том, что, в общем-то, и комната, и цена нам подходят. Но не хочется сейчас платить за последний месяц нашего проживания. И если его устраивает, то мы согласны вносить по 200 за каждый месяц, вперёд.

— О.К. ребята! Если вы не хотите платить за последний месяц, тогда по 300 долларов за каждый месяц проживания, — нетерпеливо ответил тот.

Не имея и этих денег, я пообещал обдумать его условия и вскоре дать ответ. Алчный грек начал раздражать меня. Мы оба нуждались в перерыве.

Ушли оттуда с конкретным предложением. Вполне жилая комната с мебелью, холодильником, а за это — по 150 с каждого в месяц, т. е. по 5 долларов в сутки. Славик, как ветеран американских мытарств, авторитетно заявил, что здесь нечего и думать. Платите и оккупируйте. Бросайте кости и отсыпайтесь. За этот месяц заработаете деньги, подыщите жильё получше, или уедете отсюда вообще.

Мы согласились и признались, что сейчас у нас нет и трехсот долларов. Произвели инвентаризацию денежных средств и выяснили: в наличие имеется лишь около половины этой суммы. Славик проверил содержание собственных карманов и предложил нам заём.

Тогда я лишь подозревал, что подобные отношения в этой

стране, — явление крайне нетипичное.

Наше возвращение, спустя десять минут, грек встретил с волнением. Он понимал: или состоится сделка, или продолжатся утомительные торги. Он и не пытался сдерживать свою любовь к нам, вернее к нашим деньгам, узнав о намерении сейчас же уплатить наличными и занять безнадёжно невостребованную комнатку.

Грек получил свои 300 долларов и гостеприимно выдал ключи. На ближайший месяц мы имели место жительства.

За участие в решении жилищной программы, я присвоил Вячеславу звание Председателя Толстовского Фонда. Шутка в дальнейшем получила устойчивое продолжение. В последствие, общие друзья-приятели, которые и не ведали об истории присвоения этого звания, предпочитали величать Славика не иначе, как — Председатель. Похоже, ему это нравилось. Такое обращение к нему, красноречиво отличало его от туристической украинской босоты с истекающими визами.

В эту ночь мы имели свое полуподвальное место под бруклинским солнцем.

Утром, вполне отдохнувшие, после освежающего душа, пошли на новое место трудоустройства, с твердым намерением поработать сегодня.

Подходящей одежды для работы не было, и мы вышли, как есть.

2

Be careful what you wish for, because you may get it.

Будь осторожен со своими желаниями, ибо они могут сбыться.

Трудовая панель. Церковь единения, Herbolife, летний лагерь хасидов и прочие секты.

Стихийный рынок труда возникал по утрам и в районе Borough Park, Brooklyn. О нём нам поведала баба Мария. Мы легко отыскали это новое для нас место. На перекрестке беспорядочно топтались люди в надежде продать свою рабочую силу. Особого спроса на их предложения не наблюдалось. Однако они проявляли назойливую активность.

Также как и на рынках-толчках у себя дома, соискатели не обременяли себя какими-либо правилами и порядком. Можно было бы вести переговоры с каждым подъезжающим работодателем в порядке очереди, не мешая, друг другу, имея возможность спокойно переговорить и принять решение. Если по какой-либо причине тебе не подходит предлагаемая работа, пусть поговорит следующий соискатель. Но нет. Всё происходит как дома, на автобусной остановке: когда все ожидающие штурмуют автобус без каких-либо правил. Приближающийся к этой совковой панели автомобиль, порой, не успевал не то что припарковаться, а даже приостановиться, как трудовой десант окружал автомобиль и, отталкивая друг друга, бестолково предлагал себя. Неорганизованная суета перекрывала проезжую часть дороги, водители в недоумении замедляли движение.

В утреннее время автомобильное движение достаточно интенсивно и не всем, проезжающим через этот человеческий зоопарк, понятна суть происходящего. Водители нетерпеливо сигналят, требуя освободить дорогу… Туда стали наведываться и полицейские, чтобы обеспечить должный порядок. Иногда, чьё-то терпение иссякало. Появлялись копы, и просто разгоняли это сборище.

Грустное зрелище. В основном составе — гости из республик бывшего СССР. Некоторые из них с приличным стажем. Долларов за 200 они уже выхлопотали временные разрешения на пребывание в стране и на трудоустройство. Реализовать же это право, по разным причинам, удаётся не всем.

Другая категория участников — полноценные политбеженцы. В соответствии с их статусом обиженных на родине, они черпают из местных бюджетов всевозможные пособия. Но этого хватает не более чем на существование. И многие из них прибегают к нелегальным, но регулярным подработкам. Если же воспользоваться правом на труд и зарабатывать на жизнь легально, тогда прекращается выдача денежных пособий и продуктовых карточек. Более того, из зарплаты, будут удерживаться налоги, на содержание всяких паразитов. Поэтому, получая постоянное пособие, они иногда выходят и на панель, в целях дополнительных заработков.

Также, на подобном собрании можно встретить соотечественников со статусом уже постоянных жителей. И даже таковые: со всеми социальными правами, возможностью выезжать и возвращаться в США без ограничений, затевать свое дело и приобретать собственность — все же выходят на панель, предлагая себя, с помощью немых жестов.

Как не странно, по всему было видно, некоторые чувствовали себя вполне счастливыми, и жизнерадостно барахтались в этом дерьме.

Желание плюнуть на все и сбежать подальше, было велико. Но ситуация требовала сдаваться.

Вспомнились многие приятели-соотечественники. Со своей заочной любовью к Америке, они, как великие специалисты наивно предполагают огромные заработки и прочие блага. Но здесь, далеко не всякая профессия востребована. Огромная армия советских врачей, юристов, преподавателей, инженеров и прочих специалистов обнаруживает, что их любовь к этой стране безответна. Профессиональные навыки не востребованы и нуждаются в серьезной местной адаптации. Сытая жизнь оказывается с привкусом жесткой реальности. Многие, попав сюда из страны недостроенной сказки, просто не приемлют такую реальность и обижаются.

Понаблюдав за происходящим на углу, мы поняли, что придется еще и поработать локтями. Настроение было близким к дезертирству.

Всё это напоминало срочную службу в Советской Армии, когда по утрам личному составу давали крайне ограниченное время для подготовки к утренней проверке. Задрессированные солдаты бегом рвались в туалет, где всё было неслучайно лимитировано. Писсуары и умывальники обрастали суетящимися и ругающимися несчастными. Условия были таковы, что успевали не все, кто-то обязательно должен опоздать или воздержаться. Опоздавшего подвергали наказанию за низкую боевую готовность.

В очередной подкативший грузовой микроавтобус, наши коллеги заглядывали, спрашивали о работе и, поругиваясь, отходили. Их что-то не устраивало, но работодатель не уступал. Мы тоже подошли. Достаточно было беглого взгляда, чтобы узнать в них своих бывших соотечественников, а теперь — американизированных, ожиревших сынов Давида. На наш вопрос: что за работа? — мордатый водила хозяйским тоном ответил:

— Работа разная. Работы много; не на один день…

— Сколько же вы платите? — осторожно поинтересовались мы.

— Не обижу! — самоуверенно и неопределенно ответил он.

— Не обидишь? Это как? — доставали мы важного работодателя.

— Посмотрим, как будете работать, тогда и решим, — раздражённо закончил он пустую дискуссию.

Босс распахнул перед нами дверцу авто, дав понять, что если мы хотим работать, то поехали, у него нет времени на разговоры. Полные сомнений, мы полезли в капкан. В пути наш босс хвастливо заявил, что у него сейчас масса заказов, работы предостаточно. Если договоримся, то он гарантирует нам постоянную работу. Его пожилой помощник тактично помалкивал, не желая участвовать в обмане. О нашей будущей работе хозяин коротко пояснил: сантехника и отопительные системы.

Объект находился в Бруклине. Обычный, старый дом. Внутри всё пребывало в состоянии капитального ремонта. Спустились в подвал. Там и было наше рабочее место. Оглядев объект, я понял, — здесь задумали сменить всю отопительную систему. Нам указали на останки уже демонтированного старого чугунного котла и прочие ржавые трубы, которые требовалось вытащить из подвального помещения наверх, а затем — погрузить в микроавтобус. Я стоял в душном подвале, среди ржавого чугунного хлама — и соображал, как же мы будем вытаскивать из подвала неподъёмный, крупногабаритный груз по узкой крутой лестнице? Представлял себе, что останется от моих светлых брюк и футболки. Многие чугунные части были просто неподъёмны и не проходили по габаритам в дверные проёмы, узкие лестничные проходы и повороты. Нам назидательно указали на заготовленную для нас кувалду, с помощью которой можно решить эту технологическую задачу. От нас требовалось всего-то: разбивать крупные части и выносить их на улицу. Задача простая. Приступайте, ребята!

Мы снова поинтересовались: сколько же заплатят нам за такую неумственную работу? Наш благодетель к этому времени

уже понял, с кем имеет дело. Он по-хозяйски заявил, что для первого дня, как начинающим, готов платить не более четырёх долларов в час. А в процессе нашего сотрудничества, обещал посмотреть на нас, и, возможно, добавить.

В последствие, вспоминая этот вонючий подвал, и типа, снявшего и поимевшего нас, я удивлялся, как мог согласиться на такое концентрированное бруклинское дерьмо?! Но уж больно хотелось поскорее вернуть деньги, которые Славка одолжил нам на аренду комнаты. И мы покорно проглотили унизительные условия. Прямо скажем, начало было хреновеньким.

Спустя час, мы уже страдали от работы с кувалдой болезненными мозолями на ладонях и оглушающим звоном в ушах. Потные и грязные, мы тягали из подвала на улицу ржавые, вонючие, текущие трубы. Час унизительных усилий, невыносимого грохота и вони стоил гораздо больше четырёх долларов. Нам преподнесли хороший урок. Начинающим, доверчивым туристам. Работая, мы не раз отмечали тот факт, что никто кроме нас не согласился на сомнительные предложения этого живодёра. Безрадостная работёнка учила нас говорить «нет» и заявлять о собственных интересах. Если таковые имелись.

Между тем, наши коллеги, не торопясь, подготавливали к монтажу новую отопительную систему. Подвальное самоистязание заняло часа три-четыре. Затем, забросили вынесенный хлам в грузовой микроавтобус и повезли это в другой район.

Наш босс припарковал микроавтобус вплотную к контейнеру у строящегося дома. Коротко переговорив с хозяином дома и контейнера, он договорился о сбросе чугунного и прочего хлама в его контейнер. Наш металлолом не соответствовал тем строительным отходам, которыми уже более чем на половину заполнили контейнер. Предпреимчивый работодатель разъяснил, что переброшенный из грузовика в контейнер металлолом, следует затем тщательно присыпать песком и прочим строительным мусором. Таковой нам охотно и в избытке предоставил хозяин дома и контейнера. Таким образом, ещё один соотечественник-беженец, строивший себе дом, остался доволен сотрудничеством с нами.

По нашим подсчётам, весь этот трудовой мазохизм продолжался около пяти часов. Объявив об окончании рабочего дня, благодетель предложил продолжить работу завтра с восьми утра на этом месте, у контейнера. Что же касается нашей зарплаты за сегодняшний неполный день, то это всего лишь по двадцать долларов каждому. Он предлагал выдать их… завтра, по окончанию еще одного рабочего дня.

С последним предложением мы дружно не согласились. Пожелали получить то немногое, тяжко заработанное, сейчас же.

— Но ведь мы же завтра продолжим! — выразил он надежду.

— Возможно, но сегодняшнюю работу оплати, как договаривались.

— Ну, лааадно, — недовольно согласился босс и вытащил из кармана, заранее приготовленные 35 долларов.

— На данный момент, денег больше нет, но завтра я вам всё заплачу, — ответил он на наше немое удивление.

Желание поскорее расстаться с ним было велико. Мы не стали спорить о недостающих пяти долларах. Молча, проглотили подачку и ушли прочь. Вдогонку, вероятно, почувствовав, что перегнул, он снова переспросил: будем ли мы завтра здесь к восьми утра? Мы не услышали его.

Некоторое время шли молча. Было приятно просто шагать пешком (без куска чугунной трубы), по незнакомым улицам, в погожий майский вечер. Я люблю тебя, жизнь!

Придя в себя, мы заговорили о предстоящем ужине, душе и отдыхе. А также, о национальном составе профессиональных революционеров, затеявших Великую Октябрьскую Социалистическую революцию в России, об Адольфе Гитлере, о предупреждениях Григория Климова и пояснениях Дэвида Дюка.

Идти до нашего жилища было не близко. Дорогой было о чём поразмыслить. О том, что завтра мы не станем продолжать этот пролетарский интернационализм, а точнее, трудовой мазохизм за четыре доллара в час. О том, что следует быть более бдительными при выборе работодателя.

И предоставляют же таким богом избранным жлобам американское гражданство! Этот Салл, как он отрекомендовался нам, — бывший москвич и живёт в Бруклине уже четырнадцать лет. За это время он, якобы, получил гражданство, чем очень гордился. Наверняка, среди американцев он называет себя русским, а среди своих — евреем. Если он не врал о своем гражданстве, то начинаешь думать, что чиновники миграционного ведомства — либо полные идиоты, либо их совсем не волнует, с каким английским языком и какой мордой будет их очередной согражданин. Он самодовольно поведал нам, туристам из Украины, как здорово быть гражданином США и жертвой холокоста. Салл особо отметил чувство глубочайшего удовлетворения, испытываемое им в любом аэропорту мира, где он предъявлял американский паспорт. Вероятно, удивление вызывала его колоритная внешность одесского привозного разлива. Он же понимал их замешательство, как уважение и зависть. Дешёвые, хвастливые байки для туристов из Украины.

> «Правительство США ежегодно расходует на нужды здравоохранения 1,3 триллиона долларов, однако 29 % всех граждан по-прежнему не имеют медицинской страховки и лишены возможности получать медицинскую помощь, которую они оплачивают в виде налогов для чужаков. Каждый третий американец не получает того, что получает каждый первый въехавший в страну еврей, палец о палец не ударивший для благополучия принявшего его общества. По-другому и быть не могло: всем приехавшим в Америку евреям медицинские услуги гарантировались в первую очередь, равно как и прочие виды социальной помощи: денежные пособия, льготные квартиры, пенсии и многое другое, о чём общественность не информируют, оформляя раздачу привилегий пришельцам за глухими стенами синагог, подальше от свидетелей».

По пути домой мы заметили, что наш грязный вид никого не удивлял, и вообще, никому не было до нас дела. Неподалеку от нашего дома, мы зашли в гастроном и прикупили продуктов.

Куринные ножки, картофель, хлеб и пиво. Это были наши первые покупки. Цены показались нам приемлемыми. С продовольственными закупками мы нырнули в свою полуподвальную берлогу и бросились отмываться и отъедаться.

На занимаемом нами подвальном этаже встретили соседа Эрика. Он работал в этом же доме как superviser, то бишь, завхоз. Хозяин дома предоставил ему пространство в хозяйственной каптёрке. Эрик затащил туда диван, телевизор и жил там, среди инструмента и хозяйственного инвентаря.

Он был уже в возрасте — лет пятидесяти и являл собой распространённую в Америке категорию неудачников, каковыми там становятся многие мужчины в результате развода.

Всё совместно нажитое остаётся супруге с детьми. Муж же, начинает новую жизнь, в которой он должен помнить об обязательстве — регулярно платить алименты и прочие денежные взносы за ранее приобретённое в кредит имущество.

Всякий раз он встречал меня фразой: How are you doing? то бишь, как поживаешь?

Первые дни я ошибочно слышал в его приветствии вопрос. Отвечал ему как оно ничего… быть таким простофилей, что за четыре доллара в час тягать из подвала ржавый чугун. Но скоро я заметил, что мои впечатления лишь чуть забавляют его. И вовсе не интересуют. Скорее — удивляла моя реакция на его обычное приветствие. Эрик был первым американцем, который спросил

меня:

— Русские, вероятно, как и прочие иностранцы, считают, что в Америке — рай. И все живущие здесь — сказочно богаты?

— Действительно, у нас многие представляют себе Америку лишь по голливудским сказкам, часто рассчитанных на зрителя-идиота, — отвечал я.

Из известных нам мест, куда хотелось бы сходить, мы знали лишь некоторые кварталы в Манхэттене, но они находились далеко от нашего подвала. И мы решили прогуляться в парк на East 14-St в Бруклине. Там можно было понаблюдать, кто и как играет в теннис. Вечером в парке оказалось людно; много детей, родителей, бабушек и дедушек. Все это очень напоминало городской сад в Одессе. Так же тусовались шахматисты и «козлятники», и все скамейки были оккупированы мамашами и бабушками, воркующими о своих делах, пока дети резвились на площадках. Стандартный бруклинский парк отличался от одесского тем, что вместо фонтанов, здесь были площадки для баскетбола, бейсбола, теннисные корты, тренировочные стенки для тенниса и сквоша. В нашем понимании — это не парк, а место для спортивных игр и отдыха.

На теннисных кортах потели люди разного возраста, китайской и прочих советских национальностей. Мы обратили внимание на двоих ребят — не китайцев. Один из них, еврейской внешности, показался моему товарищу знакомым, и он попробовал выяснить — где они могли раньше встречаться? Посовещавшись, выяснили, что действительно, около года назад оба участвовали в каких-то любительских теннисных соревнованиях в Ялте. Пока теннисисты любители пытались вспомнить каких-то общих знакомых, я разговорился с его партнером — поляком.

Парнишка оказался нетипичным паном. Серьёзно озадаченный совершенствованием английского, он не захотел говорить со мной по-русски. Обнаружив в моём лице слушателя, тот охотно поделился своими американскими планами. Сетовал на то, что жизнь в Бруклине и работа с земляками не способствует освоению английского. А язык, оказывается, ему нужен в связи с амбициозными планами поступить на факультет права в университете.

Меня это заинтересовало. Я узнал от него, что дома в Польше он уже получил какое-то юридическое образование и работал юристом. Но известные перемены привели к тому, что он решил начать всё сначала, теперь уже — в Америке. Днём пахал в бригаде земляков на ремонте крыш, а по вечерам, посещал нечто подобное — нашим подготовительным вечерним курсам при

университете, где-то в Нью-Йорке. Планировал: подкопить денег, подготовиться и сдать вступительные экзамены. А затем, учиться и подрабатывать.

Достойный пример человека, получившего статус постоянного жителя.

Впоследствии, я встречал многих его соотечественников, выигравших Green Card в лотерею или получивших вид на жительство благодаря своим родственникам. В большинстве — это были рабочие, пропивающие заработанное тяжким трудом. Или скользкие типы, постоянно ищущие кого-нибудь глупее себя. Одним словом — паны.

Расстались мы на том, что еще как-нибудь встретимся и поговорим.

На следующее утро мы решили поехать в другое место. Еще одна трудовая панель, которая находилась на перекрестке улиц Bedford и Lynch в районе Williamsburg Мы уже разок бывали там. Место это казалось более спокойным и, в других отношениях, — получше, чем подобное сборище в районе Borough Park.

К часам девяти мы были на месте. Там уже дежурили человек десять. Ерунда, по сравнению с тем, что мы наблюдали вчера. Наем работников шёл вяло. Подъезжали время от времени, чтобы снять одного-двух человек. Погода была хорошая, и мы праздно сидели на солнышке. Толковали о туристической жизни в Америке и наблюдали за происходящим. Люди собирались здесь из разных мест, и у каждого — своя история. Но объединяли их общие интересы: работа, аренда жилья, получение документов и прочие повседневные бытовые хлопоты в условиях чужой страны.

Плох или хорош данный способ выживания — сказать сложно. Но для начинающих, которые приехали сюда на пустое место и без особых денежных сбережений, это была реальная стартовая площадка, где можно заработать первые, необходимые деньги, кого-то встретить и что-то узнать.

В тот день мы познакомились с парнем из Закарпатья. Уже около года он проживал в Бруклине с такими же земляками-односельчанами-родственниками. Все они, имея некоторый строительный опыт, нелегально работали у постоянного работодателя — еврея, уроженца Закарпатья, давно проживущего в Бруклине. Сотрудничество с земляком-иудеем обеспечивало их относительно постоянной работой. И хотя отсутствие документов и языковых навыков частенько ставило их в зависимое положение, и босс порой злоупотреблял этим, закарпатская кооперация обрела устойчивый и взаимовыгодный характер.

Новый знакомый Юра не имел ни профессиональных навыков строителя, ни языка, ни особого желания работать. Ему просто

понравились Бруклин и Нью-Йорк более чем, родной город Хуст. Спешить ему некуда. Семью дома содержать не надо. И он просто жил здесь, временами подрабатывая, чтобы заплатить за жилье и иметь какие-то деньги на питание и пиво.

Ситуация в этот день складывалась таковая: работу нам никто не предлагал и мы не приставали. Погода подсказывала, и мы с ней согласились. Спланировали: если в течение ещё минут пятнадцати нас никто не пожелает, уходим гулять в Манхэттен. Мы находились неподалеку от Вильямсбургского моста, один из нескольких мостов, соединяющих Бруклин с Манхэттеном через East River речку. Юра предложил осмотреть некоторые достопримечательности, достойные на его взгляд, внимания туриста.

Прежде всего: торговая точка, где продавали всякое подержанное барахло в огромных количествах, и оценка товара производилась на вес. Место находилось на Kent Ave., — край Бруклина, авеню вдоль East-речки. Называть её «авеню» — слишком величаво. Замызганная, промышленная, нежилая улица, на которой располагались мрачные постройки, используемые под склады, доки, старые фабрики, сахарные и свечные заводики. Несмотря на неблаговидное расположение торговой точки, здесь наблюдалось достаточно интенсивное коммерческое движение. На асфальтированной просторной площади выруливали грузовики с длинными фургонами-прицепами, которые подгоняли к воротам ангара. Работники — мексиканцы и чёрные — с респираторами на физиономиях, отцепляли эти фургоны, наполненные тряпьем. Привезённое добро вручную перегружалось в металлические контейнеры на колёсах, которые затем катили в ангар.

В просторном, пыльном ангаре идёт торговая возня. Покупатели, — преимущественно мексиканцы и поляки, роются в контейнерах. Что-то отбирают, примеряют и пакуют в огромные пластиковые пакеты. Судя по массе покупаемого, — для последующей отправки на родину.

На выходе — касса с весами. Там же выдают паковочные мешки. Покупатели ставят свои тряпичные добычи на весы, работник определяет стоимость этой массы, получает с них оплату. И спасибо за покупку! Носи на здоровье, либо отправляй в Мексику и Польшу. Там это будет уже как Made in USA.

Урожай в вещевой богадельне зависит от того, что привезли и отгрузили. Работники торгового предприятия тоже сортируют вещи для торговли в отделах. Сам универмаг располагается в этом же здании, на верхних этажах, где вещи после сортировки и химчистки распродаются уже не на вес, а по бросовым ценам за

отдельную единицу. Цены — от трех до пятнадцати долларов.

Место хорошо тем, что можно на пять долларов прикупить одёжку для работы. Так получается дешевле, чем возиться со стиркой. Можно и парадный костюм из хорошей шерстяной ткани выбрать, за пятнадцать долларов… для хождений на собеседования с чиновниками миграционной службы. Одним словом, Юра показал нам тряпичный рай на задворках Бруклина.

Из экскурсии мы вынесли для себя кое-какие мелочи. В общем ангаре — в отделе «ройся-копайся», я откопал совершенно новые джинсы «Lee» со всеми торговыми этикетками, словно из магазина, а не из контейнера. Там же за контейнером, я сменил нуждающиеся в стирке советские брюки, на новые местные джинсы. Оказались впору. Так я в них и остался. Свои же брюки отправил в контейнер, для экспорта в Мексику. Ребята тоже выбрали для себя кое-какие мелочи: шорты, ремешки для брюк… На выходе у кассы рассчитались и поднялись на верхние этажи в другие отделы. Там переобулись в кроссовки, пригодные для игры в теннис. В них и ушли, не отвлекая и без того занятого работника на кассе.

Денёк был погожий, солнечный, настроение такое же — туристическое. Оттуда мы направились к Вильямсбургскому мосту.

(Вильямсбу́ргский мост (англ. Williamsburg Bridge) — мост через пролив Ист-Ривер в Нью-Йорке. Он соединяет районы Нью-Йорка — Манхэттен и Бруклин (округ Вильямсбург). Проектирование данного моста, второго через пролив Ист-Ривер, началось в 1896 году. Открыт мост 19 декабря 1903 года. Конструкция Вильямсбургского моста выполнена по типу «Висячий мост». Длина основнго пролёта — 487,68 метров, общая длина моста — 2 227,48 метров, ширина моста — 35,97 метров. По мосту проходят линии J, M и Z Нью-Йоркского метро.)

Старый железобетонный монстр, в основном, служил для автотранспорта и поездов метро. Имелась дорожка для пешеходов и велосипедистов, размещённая над автомобильной секцией. Тоннелеобразный вход-въезд на дорожку обделан в духе афроамериканского наследия. Нас окружали незатейливо расписанные красками бетонные конструкции, оставленные уличными жильцами, замызганные матрацы, битые бутылки и прочий бытовой хлам. Внешние признаки подсказывали, что с наступлением темноты здесь свой культурный быт, и посторонним сюда лучше не захаживать.

Днём, на дощатом тротуаре моста через East River (речку), можно встретить лишь одиноких велосипедистов и пешеходов. Женщин, детей и пожилых людей на мосту я не замечал, ибо

место — не лучшее для праздных прогулок. Пеший переход мостом над рекой занимает минут двадцать, и за время прогулки можно не встретить ни единой души. Ситуация для приключений вполне благоприятная. Непрерывный поток автомобилей гудит в нескольких метрах ниже. Происходящее же, на пешеходной дорожке — вне видимости и слышимости. Достойных внимания видов, с моста не открывается, поэтому и туристического движения на нём нет. На бруклинском берегу коптит своими трубами сахарный заводик с мрачным комплексом промышленных построек преклонного возраста. А на другом берегу, на острове Манхэттен торчат серокаменные глыбы. Среди них выделяется здание Empire State Building.

Приближаясь к берегу Манхэттена, с высоты моста можно обозреть зелёную территорию East River Park, растянувшегося вдоль берега реки. Сверху просматривались корты теннисного клуба, бейсбольное поле и дорожки для бега и прогулок. Хорошее место. Пройдя над парком, мы спустились на Delancey Street — район нижнего East Side, аборигены которого встречаются уже на мосту. Чёрные и цветные братья и сестры, в одиночку и группками, стоя, сидя и лежа коротают время с бутылкой дешёвого пойла и с прочими средствами, скрашивающими их незадачливое бытие.

Шумная, торговая Delancey St, как и весь район East Side, — это сплошные лавки с товарами сомнительного качества и происхождения, но обязательно с крикливыми ярлыками известных фирм.

Пока не разболелась голова от шумной торговли, мы приняли приглашение Юры — побывать в культурном центре украинской диаспоры. Последовали за ним в направлении 2-й Авеню. Особенно, нам рекомендовались услуги Украинского банка, в котором хранят сбережения все его земляки. Об услугах банка он был наслышан от своих товарищей, так как самому здесь хранить было нечего. С его слов, этот банк выгодно отличался от прочих американских. Для открытия счета здесь достаточно предъявить советскую паспортину, и обо всём можно разузнать, объясняясь на рідной мові. И гроши там всегда выдадут без проволочек. Имея дело с этим банком, он советовал нам говорить по-украински. Особенно, когда снимаешь свои денежки-сбережения. Могут не понять що тобі трэба от них. (шутка!)

Украинский центр состоял из комплекса заведений в одном квартале на 2-й Авеню. Народный Украинский Дом (кажется, так называется), ресторан и бар, туристическое агентство, магазин украинских сувениров и, упомянутый Юрой, банк.

Впоследствии, когда я один гулял по Нью-Йорку, то

несколько раз посещал бар — выпить соку и отдохнуть от жары. Обычно, днем там пусто и тихо. За стойкой дежурит дядька з вусами или дивчина. Посетители, просиживающие там, балакають на украiнськой мові. Когда обращаешься со своим заказом к разливающему, то начинаешь колебаться: на каком языке говорить. Я испытывал принцип пролетарского интернационализма и заезжал по-русски. Присутствующие отмечали мою дерзкую выходку, но проявляли терпение.

Я слышал от туристов-строителей из Закарпатья, что в конце недели, по вечерам здесь весело. Украинское товарищество, молодые и старые, собираются и по-свойски отдыхают, веселятся.

После посещения украинского островка в Нью-Йорке, я предложил перейти на 8-ю Авеню и посетить моих заочных братьев муней в гостинице New Yorker.

(*In 1975 Hotel New Yorker was purchased by the Unification Church for $5,600,000. The church converted much of the building for church uses. *В 1975 году отель Нью Йоркер был куплен Церковью Единения за 5 600 000 $. Церковь существенно реконструировала отель под свои потребности.)

На этот раз, мы оказались у гостиницы днем. Тяжелые стеклянные двери-вертушки непрерывно вращались, впуская и выпуская гостей. А гости, в большинстве своем, были восточных национальностей: корейцы и японцы… Впрочем, я их не различаю.

Как только ты заступаешь за двери, на входе в просторный вестибюль, тебя встречает дежурный вахтёр, и просит приостановиться, объяснить: кто таков и зачем пожаловал?

В тот день дежурил улыбчивый японец. Он оказался большим любителем потрепаться. Причина визита была заготовлена мною ещё в первую ночь. Я выложил ему легенду о друге-брате, который живёт в этом отеле, и о подруге-сестре, гостившей ранее, от которой я и услышал впервые о Церкви Единения. А теперь вот и сам приехал с друзьями.

Новый брат-вахтёр с любопытством выслушал историю, представился как Onoda Takao и деловито законспектировал наши имена. После формальностей, он торжественно объявил, что сам Бог привел нас к нему. Далее, мы узнали, что сейчас в большой, интернациональной семье гостят и работают несколько русских братьев. Если мы навестим его сегодня вечером, часов в семь, то сможем повидать их. Онода уже достал лист бумаги и начал чертить схему взаимоотношений между нами, церковью единения и Богом, постоянно напоминая, как это важно. Я согласился с ним и пообещал: если мы не задержимся на работе, то постараемся принять участие в конференции. Онода уверял

нас, что это мероприятие — важнее всякой работы. Если мы изменим свои планы, то здесь нас ожидает вкусный ужин в тёплом кругу братьев и сестёр. И вообще, сама встреча имеет бесспорно судьбоносное значение для нас. Учитывая последние замечание, я поклялся пересмотреть свои планы и прибыть на ужин с друзьями.

Этим вечером, как и договаривались, в том же составе мы прибыли в гостиницу New Yorker. Онода встретил нас многократными рукопожатиями и поклонами. Улыбка, или профессиональный оскал работника гостиничного бизнеса, не покидал солнцеподобного лица.

Я вежливо поинтересовался: не опоздали ли мы… на ужин? В ответ, Онода призвал нас следовать за ним.

Это здание, как я выяснил, было построено ещё в 1929 году, но всё содержалось в приличном состоянии. Лифты работали исправно. Нетрудно было заметить, что это не обычная гостиница, а некое корейское предприятие. Все встречающиеся нам люди, в лифте и на этажах, были азиатских национальностей. Онода всех их знал. Со всеми вступал в короткие диалоги и торжественно сообщал новость о посланных ему Богом братьях из Украины.

На пятом этаже, коридорами мы прошли в какой-то хозяйственный отсек, там оказалась кухня и небольшой столовый зал. За столом сидели-питались несколько братьев и сестёр. В некоторых, я без труда узнал своих соотечественников. Онода объявил о прибытии новых братьев. Мы познакомились.

В тот вечер на ужине-конференции присутствовали: барышня Александра из Ленинграда, приглашенная в семью, в качестве переводчика; молодая семья откуда-то из Дальнего Востока — парень, его беременная жена и дочка лет шести.

Нам дружелюбно показали, где и что можно найти и скушать. Мы быстро всё усвоили и включились в работу конференции.

Нас нещадно отвлекали. Мне приходилось отвечать и на русские и на английские вопросы. Кроме нас, уже все покушали, но не расходились, ухаживали и наблюдали за нами.

Среди общего добродушия выделялся белобрысый очкарик с немецким акцентом, приблизительно моего возраста. Он отличался от остальной компании содержанием своих неудобных вопросов и административным тоном. Постоянно давал мне понять, что кроме шуток, ему хотелось бы и серьёзно поговорить о мотивах нашего появления здесь. Но обстановка на кухне, позволяла без особого труда обращать его гестаповское любопытство в хохму. И большинству это было по душе. Немецкий же брат всё больше напрягал своё внимание к нам. С

ним следовало быть осторожным!

Как позднее выяснилось, этот дотошный братец — действительно из Германии. В семействе он функционировал в отделе по работе с кадрами из Восточной Европы.

Отужинав, я подумал: как неплохо складывается вечер и куда можно сейчас пойти прогуляться. Но оказалось, что это была лишь торжественная часть мероприятия, и теперь нас приглашают на лекцию. Так здорово посидели; переговорили уже обо всем, перезнакомились — самое время разбежаться по своим делам. Но нет. Нас настойчиво просили перейти в другую комнату. В ленинскую комнату на политинформацию, — подумал я, — и не ошибся.

Комната для проведения лекций была технически оснащена: всё приспособлено для тщательного и глубокого охмурения гостей.

Перед тем, как приступить к обсуждению судьбоносных вопросов, было предложено спеть хором песню.

Мне вспомнился детский садик, из которого я постоянно сбегал. Пока нам раздавали и объясняли, как пользоваться песенниками, я с тоской представил себе, как нас поведут строем на вечернюю прогулку… с песней по 8-й авеню.

Их вариантом «Солнечный круг-небо вокруг», оказалась песня «Let it be». Это был тот же детский сад. Только на английском языке. И в Манхэттене.

Я блеял в этом сектантском хоре, и думал: какой же я мудак — в такой чудный майский вечер, вместо того, чтобы сейчас выгуливаться по улицам Нью-Йорка и познавать что и где, я имитирую свое участие в скучном религиозном шабаше.

После песнопений последовала молитва, в которой особенно поблагодарили Бога за то, что эти трое заблудших из далекой Украины все же нашли дорогу к истинной семье. И теперь — они в надежных и заботливых руках.

Я продолжал думать о своём: это подходящий вечер, чтобы пойти в Central Park, и убедиться, действительно ли там так опасно с наступлением темноты. Хотелось отыскать и посмотреть дом, где жил и трагически закончил Джон Леннон.

(«Дакота» (англ. The Dakota) — известное здание, находящееся в Нью-Йорке на пересечении 72-й улицы и Central Park West в районе Манхэттен. Официальный адрес: 1 West 72nd street.

Построенное в 1880–1884 годах, это здание с самого начала являлось жилым домом «премиум-класса», квартиры в котором содержали от 4-х до 20 комнат. В доме был собственный электрический генератор, а также центральное отопление.

В здании проходили съёмки фильма «Ребёнок Розмари», вышедшего в 1968 году.

Здание было объявлено Национальным историческим памятником США в 1976 году, однако наибольшую славу оно приобрело позже, когда 8 декабря 1980 года в арке этого дома фанат Марк Чепмен застрелил иммигрировавшего в США английского музыканта Джона Леннона, проживавшего там с 1973 года.

В этом же доме когда-то проживал и Рудольф Нуреев (1938–1993) — выдающийся танцор балета.)

А нам уже предлагали к обсуждению тему о любви к человечеству. Начали с братской любви, а закончили тем, что следующее явление Сына Божьего, по всем их научным расчётам, предполагается в лице Преподобного Отца Мун-Сон-Мена! История о всеобщей любви затянулась по времени, а по содержанию сконцентрировалась вокруг одного субъекта: Преподобного Папы Муна.

(Мун Сон Мён (родился 25 февраля 1920, Дзёдзю, Хэйан-хокудо, Корея, Японская империя, территория нынешней КНДР) — основатель организации «Ассоциация Святого Духа за объединение мирового христианства» (Церковь Объединения). Мун Сон Мён — автор книги «Объяснение Божественного принципа» — основное учение Церкви объединения. Мун Сон Мён и его супруга Хан Хак Джа — руководители Церкви Объединения. В процессе нескольких мировых турне с выступлениями перед лидерами и первыми лицами государств сделал провозглашение, что он — «Спаситель, Мессия, Господь Второго Пришествия и Истинный Родитель». Также с 1960 года он известен проведением «Церемоний Благословения», которые именуются в СМИ как «массовые бракосочетания», в них одновременно принимают участие десятки тысяч пар. В настоящее время деятельность Мун Сон Мёна часто расценивается как деструктивная по отношению к обществу и личности, и описывается в различных учебниках и исследованиях по сектоведению.)

К окончанию лекции ни времени, ни сил не оставалось на эксперименты в Центральном парке.

Мысленно я подводил итог этого вечера: самое приятное, что мы нашли здесь, это действительно вкусный ужин в дружелюбной компании новых приятелей. Но мы могли устроить себе тоже самое, в любом китайском ресторанчике в Бруклине. И тогда нам не надо было бы ехать куда-то. Вечер убит. А еще предстояла дорога обратно.

Хотелось спросить новых братьев: не сдадут ли они комнату в своей гостинице, со скидкой, как членам их семьи? За комнату на

8-й авеню с обедами, можно было бы какое-то время и песни петь.

Вместо комнаты нам предложили продолжить изучение Принципов и назначили дату следующего ужина. Кроме прочего, нас порасспросили о планах в этой стране, и о том, где и как мы сейчас живём. Братья постоянно и многозначительно намекали на собственные неограниченные возможности и силу любви к ближним.

Хотелось спросить прямо: найдётся ли у них квартирка в Манхэттене для новоявленных ближних? И сколько песен надо спеть за предоставленное жилище? Но на все мои вопросы о хлебе насущном, мне отвечали: всё будет О.К, после изучения Принципов и благословения Папой Муном.

Из гостиницы вышли поздно вечером. На улицах было людно. Мы разговорились с Александрой, провожая её до станции метро. Она разъяснила, на что мы можем рассчитывать в Империи Муна.

Сама она, как рядовой член этого интернационального предприятия, приглашена сюда для работы с русскоговорящими гостями. Расходы на перелёт и пребывание в стране, братья взяли на себя. Они предоставили ей скромное жильё в Манхэттене, кормили в гостиничной столовой и выделяли кое-какие деньги.

Александра показалась нам вполне довольной своим положением и на отношения с братьями смотрела с оптимизмом.

Несколько позднее, русские собратья по ужину, внесли некоторую ясность в мои недоумения относительно её странного энтузиазма. Забота о своих членах семьи, у них проявлялась ещё и в подборе и благословении супругов. Ежегодно, подобно олимпийским играм, они формировали сборную команду новобрачных из числа братьев и сестёр и командировали их на так называемую International Wedding, то бишь, международную свадьбу. Суть этого мероприятия заключался в том, что Богоподобный Папа Мун благословлял молодожёнов, что считалось бесспорной гарантией их будущего счастья и благополучия. По фотографиям, которые мне показали, я мог судить, что этот судьбоносный акт обычно проводят на каком-то стадионе, вероятно, в Южной Корее, поближе к резиденции самого Папы. Весь обряд оценивается для молодожёнов в какую-то конкретную сумму. А, учитывая массовость мероприятия, дело, надо полагать, было рентабельное.

Как поведали нам земляки-собратья, нашу Шуру осчастливили подыскав ей в будущие мужья какого-то поляка. Дали понять, что если, вдруг, их семейное счастье окажется некачественным — то всегда можно организовать и благословить обмен. Только оставайся с нами.

А в целом, Шура была положительной русской барышней и

товарищем. Чем могла — содействовала. И всё правильно понимала.

Наши поездки из Бруклина в Нью-Йорк и обратно, были подобно экскурсиям в Америку. Хотя, существовало распространённое мнение о Нью-Йорке, что это — далеко не типичная Америка, а специфическое место, подобное международному огромному вокзалу с залом ожидания для бесконечного потока транзитных визитёров со всего мира.

Если Нью-Йорк и имеет какое-то свое лицо, (хотя бы архитектурное, уличное, неумытое) которое можно тиражировать на цветных фото-открытках, и поглазеть на которое съезжаются туристы, то Бруклин — это какой-то безликий гибрид, объединяющий в себе финансовую и религиозную столицу Израиля, филиал Африки, одесский Привоз, итальянскую и китайскую кухни, и много всякого прочего. В Бруклине трудно разглядеть какие-то традиции, типичные для Америки. Серая, безликая архитектура и транзитные, меркантильные отношения между людьми. Во всяком случае, таково моё первое впечатление. Мне трудно представить, что кто-то, родившись здесь, остаётся и жить: это всё равно, что родиться и остаться жить в общем вагоне поезда Одесса-Ясиноватая.

Если отобразить Нью-Йорк в музыкальных звуках, то напрашивается изящный джаз. Бруклину же — созвучен примитивный рок или отупляющий рэп, в зависимости от района. Брайтону Бич, на мой взгляд, созвучны лагерные и блатные еврейские песни, которые наяривают во всех одесских ресторанах.

Общим и официальным языком здесь считается английский. Но я слышал от некоторых англичан, что это уже совсем не английский язык. И сами американцы из других мест, считают, что во всём большом Нью-Йорке (то бишь, NYC, Brooklyn, Queens, Bronx) люди говорят на каком-то своем особом нью-йоркском языке. Поэтому, если где-нибудь в Бруклине встречаешь гражданина или постоянного жителя США, который, к примеру, торгует музыкой, но никогда не слышал об американском музыканте Frank Zappa. Или школьного учителя литературы, который полагает, что Джон Апдайк — это один из президентов США, не следует удивляться. Считай, что тебя недопоняли, — языковые издержки. В целом, судя по количеству синагог и хасидов в Бруклине, складывалось впечатление, что вся эта страна — колония Израиля.

Между тем, моё туристическое житие обретало горьковатый привкус и неопределённые перспективы. Ситуация требовала трезвой оценки желаний и возможностей. Too proud to beg and too dumb to steal…(слишком гордый — попрошайничать и слишком

глуп — украсть… Sting).

Желание обрести относительную материальную независимость сводилось к наличию нескольких тысяч местных денег, добыть которые, в настоящее время, можно было лишь участвуя в регулярных, непривлекательных работах. По всем расчётам, перспектива этакого мазохизма и спартанского воздержания, вырисовывается на месяцев десять. Образно, такого рода туризм можно сравнить со службой в Советской Армии. Тягостные мысли о каждодневных ранних подъёмах и работе по десять часов, которые тянутся как вечность, не грели мою заблудшую душу. За прогулки же по Манхэттену никто не платил. Жилье, продукты и транспортные услуги бесплатно не предоставлялись. Работа, на которую я ходил бы как на праздник, пока не нашлась, и существовала ли таковая вообще?

Все эти тупиковые размышления отравляли радость дневных гуляний и ночного отдыха. Каждую ночь, во сне, я оказывался на улице сонного провинциального украинского городка, где всякий встречный нещадно пытал меня расспросами: почему я так скоро вернулся оттуда и что успел там увидеть, узнать и обрести. От таких снов я пробуждался в беспокойстве. И засыпал вновь, только осознав, что это всего лишь сон, и я пока еще здесь. Проваливаясь обратно в сон, искренне клялся начать с утра новую, трудовую, жизнь. Но из-за ночных кошмаров не мог проснуться пораньше — и вынужден был откладывать новую жизнь до следующего утра.

В отдельные дни мы, вяло подбадривая друг друга, выползали пораньше из своего подвала и брели на ближайшую станцию метро на улице King's HWY. Нас обгоняли торопящиеся на работу разноцветные бедолаги; по ним тоже нельзя было сказать, что они торопятся на праздник. Мы не очень-то спешили, так как у нас был гибкий график работы. Мы даже не знали, что по утрам поезда метро ходят по расписанию, и недоумевали по поводу всеобщей спешки и суеты. Американские трудящиеся торопливо ныряли в трубу сабвэя, чтобы поспеть на поезд и работу. Не торопились только негры и туристы.

Пассажиры метро в это утреннее время, представляли невеселую картину. Молчаливое собрание национальностей и профессий, одетое в рабочую одёжку или простой костюм клерка, понуро жевало и читало.

По началу, меня удивляла их манера — наряжаться: особенно бросались в глаза кроссовки. Представьте себе мужчин и женщин, одетых в костюмы с галстуками, но обутых в спортивные кроссовки. Некоторые мужчинки «со вкусом» носили тёмные кроссовки, под цвет костюма или портфеля. Выглядит не очень-то

изящно. Но всё это — для удобства. Подобно растворимому кофе: не так вкусно, как натуральный, зато — быстро.

Дамы бегут на службу в спортивной обуви, подтянув белые носочки, чуть ли не до колен. Костюм секретарши и носки, кроссовки для аэробики. Так удобнее добираться на работу и с работы. В конторах же, они переобуваются в туфли. По пути, в поезде можно сжевать бутерброд, после чего, достать весь свой походный косметический арсенал и здесь же — в вагоне метро, тщательно восстановить свою красу.

Посещения трудовой панели не приносили нам ощутимых доходов и чувства глубочайшего удовлетворения. Случайные работодатели, как правило, ортодоксальные хасиды (еврейский вариант ZZ Top) предлагали всякую подсобную работёнку за пять-шесть долларов в час и не более чем на два-три дня. Они совершенно не считались с нашими планами-мечтами. Никого не волновало, что какие-то ребятки прилетели из Украины на перекрёсток в Бруклине и хотели бы вместе работать на постоянной, непыльной работёнке. Наши предложения-просьбы снять нас на работу двоих, когда работодателю достаточно было и одного работника, вызывало у них недоумение. И они просто приглашали кого-нибудь другого.

Иногда, сыны Давида, предоставив нам работу, на правах благодетелей, запросто расспрашивали нас о национальной принадлежности и вероисповедании. В зависимости от обстоятельств и настроения, я объявлял себя русским туристом или заблудшим евреем, прибывшим в Америку для изучения родного языка и религии. А иногда, — немцем-разведчиком-реваншистом. Наши работодатели относились к анкетным данным случайных работников вполне серьёзно, особенно при оценке труда и расчёте.

Приглашение на бизнес-собрание, которое нам вручил на улице случайный Мойша, начинало обретать для нас всё большую значимость. Уж очень хотелось открыть для себя на этом собрании какие-нибудь приемлемые способы зарабатывания средств.

В назначенный день (это было воскресенье) мы отправились в Нью-Йорк. По указанному в записке адресу, располагалась роскошная гостиница Marriott, на Бродвэе. Поток въезжающих и выезжающих в отель был непрерывным. Несколько дверей с разных сторон, впускали и выпускали гостей без видимого контроля. Мы вошли и спросили дежурных: где проходит собрание. Те посоветовали нам ознакомиться с информацией о времени и месте всех мероприятий, происходящих в отеле сегодня или в ближайшие дни. Но мы знали лишь имя и

национально-религиозную принадлежность человека, пригласившего нас. На информационном табло о Мойше в шляпе не упоминалось. Мы выбрали конференцию дистрибьюторов какой-то фирмы, время проведения которой точно совпадало с указанным в записке. Прозрачные лифты, бесшумно и быстро скользящие вверх-вниз, оказались доступными, их было достаточно, и нам не пришлось ожидать. Подъём на таком лифте, из которого можно обозревать интерьер отеля, доставил нам удовольствие. На какое-то время, мы впали в глубокое детство и в этом состоянии прокатились до упора вверх. Затем, частично удовлетворив свое любопытство, мы спустились на нужный нам этаж. Выйдя из лифта, решили пройтись и оглядеться вокруг. В просторном холле этажа мы нашли барские туалеты и удобные кресла, в которых можно комфортно посидеть и отдохнуть в качестве гостя, проживающего здесь. Обойдя и осмотрев все доступные места, мы вспомнили, что прибыли сюда с целью заполучить новую, достойную работу.

Найти зал, где происходило мероприятие, оказалось нетрудно по активной подготовительной суете. Без нас не начинали.

На входе в зал барышня из команды обслуживающего персонала встретила нас своей ослепительной служебной улыбкой и автоматически спросила: чем может нам помочь? Мы озадачили ее вопросом о Мойше в сюртуке и шляпе. Она рекомендовала обратиться к дежурным, принимающим гостей и раздающим всякую информацию. К нашему удивлению, первая же дама, к которой я обратился, провела нас к нашему случайному знакомому, который выделялся среди всех своей ортодоксальной внешностью. Мы были приятно удивлены, что спустя несколько дней, он узнал нас без видимых усилий. Мойша поблагодарил за проявленный интерес к приглашению и ввёл нас в курс дела.

Он объяснил, что сегодня мы сможем здесь услышать на любом, приемлемом для нас языке, чем и как зарабатывают дистрибьюторы фирмы Herbolife. На наши расспросы, что и как много, необходимо реализовывать, и как за это будут платить, он просто указал на свободные места в зале. Услужливо показал, как пользоваться наушниками, если нужен перевод с американского, вручил порцию рекламных проспектов, и отечески рекомендовал внимательно послушать доклады их ветеранов. Всё вокруг: и место, и техническое обеспечение, и гости — говорило о том, что у организаторов мероприятия дела идут успешно.

Выступления лидеров дистрибьюторского движения откровенно сводились к хвастовству своими коммерческими успехами. Грубо говоря, каждый выступающий рассказывал:

каким он был больным и бедным до того, как узнал о чудодейственном продукте. И каким богатым и здоровым он стал теперь, благодаря ежедневному употреблению пищевых добавок и распространению их.

Если верить некоторым выступающим, то они питаются исключительно этим продуктом и становятся день ото дня моложе! Выступающие, как-то неестественно подробно и громко докладывали о своих прогрессирующих доходах, которые приносит дистрибьюторская деятельность. Некоторые рассказали собравшимся, как этот продукт в корне изменил их личную и профессиональную жизнь. Они, якобы, оставили то, чем занимались многие годы и решили полностью посвятить себя этому новому полезному и супер доходному делу.

Коротко говоря, Herbolife — это их единственный продукт питания, это источник их здоровья и материального благополучия!

А собрались они здесь, потому, что того же желают и другим. Для этого рекомендовалось обращаться в перерывах за консультацией, и они введут всех желающих в новую жизнь.

Когда объявили перерыв, в зале уже появились вербовочные пункты. Здесь можно было оформить своё вступление в ряды здоровых и богатых. В беседе с отдельными агитаторами меня коробило их явно наигранное благополучие. Некоторые играли эту роль настолько неловко, что было искренне жаль их. Уж слишком вульгарно смотрелось шоу выступающего, который прерывал свой доклад приёмом пилюль. Возможно, они неплохие люди, и действительно обрели своё счастье благодаря этому чудо продукту, но меня они не убедили.

Условием вступления в их счастливые ряды, было обязательное приобретение первой порции продукта и заключение контракта на последующие регулярные закупки. Вступительная закупка оценивалась в долларов 60, что послужило последней каплей в наше переполненное сомнениями и вопросами сознание.

Решение было принято в пользу бананов, которые продавались в Бруклине на каждом углу по 25–30 центов за фунт (454 гр.).

Из всего увиденного на этом собрании, больше всего мне понравился отель Marriott, с лифтами, туалетами и диванами на этажах. Я благодарно запомнил это место и впоследствии часто пользовался гостеприимной пропускной системой отеля, когда разгуливал по Нью-Йорку.

На Бродвэй мы вышли с познаниями о сомнительном продукте Herbolife. Но без новой работы. Без каких-либо

конкретных целей мы зашли в другой отель на 8-й авеню. Там нас встретил хронически улыбающийся Онода и заявил, что наш визит — явление не случайное, а результат его неустанных молитв. Оказалось, мы прибыли своевременно. Онода усадил нас в такси и повез на 43-ю улицу, где в этот день, по расписанию, шла воскресная служба.

Это оказалось ещё одно место в центре Нью-Йорка, принадлежащее Церкви Единения. Старое, помпезное здание номер 4 на West 43 St. На первом этаже располагался зал для собраний и служб, а на втором этаже просторная, подобно кафе, комната для отдыха. На стенах развешаны стенды с множеством цветных фотографий, демонстрирующих счастье и гармонию в жизни братьев и сестёр.

Но сначала, по рекомендации наставников, мы должны были вернуться на первый этаж, где начиналась воскресная служба.

Народу прибыло немало. Это были люди различных возрастов и национальностей. Среди них преобладали представители Кореи. Двое случайных, новеньких, русских братцев в шортиках вызывали естественное любопытство. Онода неутомимо представлял всем новых воспитанников из Украины. Вопросы, сыпавшиеся на нас, можно было свести к одному: с нами ли вы, ребята? Нравится ли вам у нас? Понятно ли вам, что это единственно верный путь?

Я уклончиво отвечал, что это очень интересно и мне по душе братские взаимоотношения. Покажите этому несовершенному миру, как следует людям жить!

К началу службы многие уже знали о нас. Весть об экзотических братьях из Украины быстро распространилась и отразилась на повестке дня.

Служба началась с торжественного объявления о вступлении в братство Церкви Единения двух русских туристов. Для полного представления, нам предложили встать на всеобщее обозрение. А по окончанию вводной речи председательствующего, попросили коротко доложить о себе.

Моя короткая речь о себе и земляке сводилась к тому, как я узнал о прогрессивном, религиозном движении Муна. Ещё у себя на родине решил познакомиться поближе с этими удивительными людьми и их принципами. Поэтому, я сейчас здесь и весь в внимание…

Реакция присутствующих была одобрительной. Я уселся на свое место. Рядом сидящие братья и сестры, поощрительно похлопали меня по плечу, выражая свою благодарность за теплые слова об их семье.

Во время службы, насколько я смог понять, говорилось о

безобразиях, творящихся в Америке и во всем мире, о любви к Богу и ближнему. О неоценимом вкладе в эту всеобщую мировую любовь преподобного Отца Мун Сон-Мена.

Из опыта посещений подобных собраний, я знал, что любое утверждение обсуждению не подлежит. Дискуссии исключены. Торги неуместны.

Поэтому, я не очень-то утруждал себя вниманием к выступающим, а просто разглядывал присутствующих, думая о своем.

В конце службы сделали объявление о мероприятиях на ближайшие дни. В проходах между рядами появились сборщики пожертвований. Во всякой общественной или государственной организации, какими бы принципами и целями они не торговали, функция — сбор налогов, взносов и пожертвований, — остается неотъемлемой.

Когда сборщик средств на поддержание и развитие Всеобщей Любви приблизился к нам, я достал из кармана своих шортов горстку мелочи, прихватив на ощупь и увесистый металлический рубль с профилем вождя мирового пролетариата. Мой вклад в братскую казну с убедительным грохотом (благодаря рублю — 100 лет со дня рождения В.И.Ленина) провалился в коробку с долларами. Рядом сидящие, в очередной раз отметили мой шумный вклад в Идею.

— Really, good man with an open heart! — похвалили меня рядом сидящие братья.

— Yes, I am, — подумал я.

По окончанию службы, все были приглашены на второй этаж, в комнату отдыха. Число желающих познакомиться и услышать наши впечатления — росло. Нас окружали улыбчивые, внешне благополучные граждане. Любой из них мог бы оказать нам содействие в подыскании необходимой постоянной работы. Но все они были склоны говорить лишь о мудрой идее, изучению которой нам рекомендовали посвятить себя полностью.

Онода по-хозяйски регулировал поток собратьев, желающих поговорить с его подопечными. Он, своевременно и тактично, отшивал излишне назойливых и, по возможности, пресекал всякие разговоры о делах конкретных и насущных.

Многие, с кем я познакомился, производили впечатление вполне здравомыслящих, образованных людей. Когда спрашивали меня о том, что я думаю о религиозной доктрине, я отвечал, что в условиях одной Единственно Верной Идеи уже жил. И знаю, к чему все это сводится. Теперь у меня хроническая внутренняя аллергия на всякие проявления авторитаризма.

Но мне всё же советовали познакомиться с Принципами

доктрины. Я вежливо обещал.

За столиком образовался круг духовных наставников, которые угощали нас кофе со сливками и настойчиво обращали в свою веру.

Не очень-то убедительные толкования идей Преподобного Муна, в сочетании с угощениями, едва достигали моего притомленного сознания. За чашкой кофе они хотели легко реформировать мировоззрение субъекта, сложившегося и закаленного в условиях тоталитарного режима. Я слушал, ел и гадал: неужели они сами во всё это верят? Или это их работа, обеспечивающая им существование? Некоторые из них живут в номерах гостиницы на 8-й авеню и в других местах, принадлежащих Империи Муна. Работают в хозяйствах с той же принадлежностью. Уж предложили бы что-то конкретное. Тогда можно бы поговорить и о принципах. Сидящие за этим столом хорошо знали о «скромной» транснациональной компании с предприятиями по всему миру.

(Деятельность Мун Сон Мёна и его последователей охватывает разные сферы жизни в том числе и бизнес. Согласно опубликованным в газетах «Washington Post», «Boston Globe» и журнале «The Cult Observer» в 1998–1999 гг материалам расследования, роду Мун принадлежит компания по производству оружия под названием «Кахр Армс». Основатель и владелец фирмы — четвёртый сын Муна — Мун Кукчин (Джастин Мун).

Мун Сон Мён и его последователи являются основателями одного из южнокорейских чеболей — «Группа Тхониль» — концерн по производству цветных металлов «Кориа титаниум», фирма «Ильхва», производящая пищевые продукты и медикаменты, строительная фирма «Ильсон дженерал констракшн», туристическое агентство «Сеил Тревел» и «Гоу Уорлд».)

За неделю своего пребывания в этой стране, только в NYC я посетил два объекта, принадлежащих Семье. С их то масштабами коммерческой деятельности, одергивать меня по поводу моего вульгарного материализма и призывать к духовности…

За другими столиками посиживало немало молодых людей. Многие из них прилежно корпели над какими-то конспектами. Нетрудно было догадаться, что они изучали. Другие, несли дежурство, поддерживали порядок и обслуживали старших братьев. Субординация в братских отношениях была очевидной: это заметил бы даже человек, никогда не служивший в армии.

Я догадывался о мотивах молодых людей, добровольно служащих в этой Армии Любви. Нетрудно понять преданность и

рвение молодёжи, попавших сюда из неблагополучных стран. Они стали членами большой семьи, им предоставили стол и кров в центре Нью-Йорка и смысл жизни, выраженный в сумбурных принципах, которые они должны прилежно изучать в свободное от бесплатных работ время. Но я не думаю, что все эти ребятки настолько наивны, чтобы искренне верить в идею о Новом Мессии в лице корейского босса. Возможно, многие из них догадывались о нехилых доходах Империи, извлекаемых с помощью их бесплатного труда. Тем не менее, молодёжи здесь было много, из разных стран, и для них это служило единственным прибежищем в жизни. Если бы наставники предоставили мне возможность выступить перед рядовым составом, я бы обратился ко всем с призывом сделать хотя бы попытку самостоятельно выжить в реальной жизни. Ну, хотя бы любопытства ради, познакомиться с происходящим вокруг… Мало ли других идей и религий. Сдаться на всю оставшуюся жизнь и жить по семейному уставу — дело простое и невесёлое.

Когда наши наставники притомились от безрезультатной миссионерской деятельности и все, вдруг, вспомнили, что пора куда-то спешить, нас провели в соседний зал, где размещалась видеотека.

Это был специально оборудованный класс с отдельными секциями, в каждой из которых вмонтирован монитор и видеоплеер с наушниками. Нам показали, как всем этим пользоваться, взяли у дежуривших в архиве корейских девушек кассету и засадили на просмотр. Уходя, наставники выразили надежду, что мы останемся в Семье и начнём, наконец, изучать Принципы всерьёз и надолго.

Видеокассета содержала репортаж о визите Преподобного Мун Сон-Мена в Россию. События происходили в Москве, в период перестроечной истерии. Я подумал про себя, что кто-то из горбачёвской команды, а возможно и он сам, получили жирный куш от Нового Мессии за предоставление ему просторного поля деятельности на территории СССР.

Оставив улыбающегося Папу на Красной площади, я оторвался от экрана и решил оглядеться вокруг. Приблизился к сёстрам в архиве видеотеки и заговорил с ними о жизни. На все мои вопросы: как им здесь живется, мне не удалось получить ни единого толкового ответа. Они дружелюбно улыбались и тарахтели о том, как они счастливы. Впечатление такое, будто разговариваешь с заводными куклами. Не ответили ни на один мой вопрос, хотя мы о чём-то и разговаривали. Я хотел спросить: не пробовали ли они пожить самостоятельно, например, предложить себя на панеле. Но не посоветовал им такого. И не

поверил, что они счастливы здесь. Единственно полезное, что я узнал от них, так это о выезде на пикник в Центральный парк. Мы выяснили, что если подойдём сюда сегодня к четырем часам, то сможем отправиться в составе группы, в парк, где будут праздновать именины нескольких братьев и сестёр.

Это уже было что-то конкретное. Мы выработали программу на сегодняшний день: сейчас на свежий воздух и активная, познавательная прогулка по улицам и авеню, а к четырём — на именины, к столу.

После несколько часовой отсидки в условиях искусственной всеобщей любви, нью-йоркский уличный коктейль индивидуализма и назойливости, холодного расчёта и массового идиотизма, богатого блеска и чёрной нищеты, воспринимался как бальзам на душу! После непрерывных лекций о Боге, кажется, что сам Бог давно махнул рукой на этот город, оставил его как образец реальной человеческой жизни, со всеми её изъянами. Здесь достаточно правил уличного движения и прочих законов со сворой адвокатов. А в качестве уличного Бога — полицейский с дубинкой. И с песней по жизни! Безымянные, пронумерованные улицы с буквенным дополнением, определяющим направление (E, W, S, N, то бишь, Восток, Запад, Юг, Север) и авеню. Кто-то раздаёт рекламные листовки, которые тут же опускаются в ближайшую мусорную корзину. Бригада очень чёрных ораторов регулярно, в людных местах проводит митинги с применением мегафона и с участием охранной дружины с дубинками. Насколько можно было понять из их транспарантов, они заявляли, что они тоже… евреи и такие же полноценные сыны Давида… только другого цвета. Эти не обременяли себя традиционными внешними атрибутами, присущими ортодоксальным хасидам. Они были одеты как обычные уличные охламоны, но украшали себя шестиконечными звёздами. Их шумные заявления не привлекали особого внимания. Так себе, несколько любопытных туристов приостановятся, пытаясь понять: о чём это они… и проходят далее.

К месту сбора на именины мы прибыли строго вовремя. У входа начали собираться молодые люди, многих из них я не видел на сегодняшней службе, но с некоторыми уже успел шапочно познакомиться. Среди них было немало представителей Центральной и Южной Америки.

Подъехали два пассажирских микроавтобуса: мы погрузили туда продукты и прочие удобства для утренника на природе. Расселись по автобусам и поехали. Спустя минут десять были уже в Центральном парке.

В это время, в воскресный день в парке — людно. Полно

гуляющих, катающихся на велосипедах и роликовых коньках.

Территория Центрального парка — огромная: всё за один день не обойти. Когда мы шагали по парку, наша делегация необычно выделялась: и тем, что мы тащили с собой всякие ёмкости с продовольствием, и своим интернациональным составом.

Мы вышли на просторную травяную поляну, которая, подобно пастбищу, была усеяна лежащими, сидящими, пьющими, жующими, спящими, загорающими на солнышке, играющими в мяч, фризби и бадминтон, молодыми и старыми, белыми и черными, трезвыми и нетрезвыми людьми. Это был неофициальный, но реальный праздник.

Наши организаторы выбрали место в стороне от массового отдыха и стали раскладываться. Расстелили скатерть-самобранку: запасы продуктов, фруктов и безалкогольных напитков оказались солидными.

Затем расселись вокруг, и началось чествование именинников, подношение подарков, благодарение общему Папе, и, наконец, поедание всего привезённого.

Место было чудное, обстановка — благоприятная. Участники заговорили между собой на своих языках.

В компании выделялись лидеры братства. Они неутомимо поддерживали атмосферу любви и гармонии. Вожаки считали необходимым — вовремя рассказать весёлую историю или предложить спеть песню, проявляли свою заботу о ближнем, даже если тот не нуждался в таковой.

Не знаю, может быть, они хорошие люди, а я ненормальный, нелюдь. Но, по-моему, они только мешали отдыхать, то бишь, постоянно не давали людям быть самими собой. Эти массовики-затейники и воспитатели воссоздавали комсомольско-пионерский лагерь в Центральном парке Нью-Йорка.

Когда наелись, братья и сёстры лениво растянулись на травке, праздно беседуя о своём. Мой земляк постоянно жаловался, как ему ужасно хочется покурить, но устав наших товарищей категорически исключал подобные извращения. Я предложил ему удалиться якобы для посещения туалета. Так он и поступил.

Тем временем, я разговорился с одной парой, ожидающей папиного благословения, Он — американец и уже активный член Семьи. Она — просто полька, абсолютно не владеющая английским языком, но желающая заполучить американскую прописку. Короче, любовь у них.

Мне не удавалось порасспросить их хорошенько, так как вожаки постоянно затевали хоровые песнопения. Шумноватое

собрание привлекло внимание посторонних. К нашему безгрешному коллективу стали подползать служители мелкого бизнеса со своим ненавязчивым сервисом. Какой-то бродячий фотограф предложил запечатлеть наши именины сердца, но ему дали понять, что здесь есть несколько своих фотографов.

Чёрные, конкурирующие между собой, коробейники, тихонько спросили, не нужно ли нам доставить холодного пива или других, веселящих душу средств? Но наши комсорги отшили их прочь. Воспользовались лишь услугами жуков-санитаров, которые испросили разрешения на сбор пустых жестяных банок и прочего утиля. Свернув скатерть, и убрав после себя, наши запевалы притащили из микроавтобуса приспособления для дворового волейбола. Мы поняли, что следующим мероприятием запланированы — игры с мячом. Все это я уже проходил дома. Вечерело. Самое время распрощаться, но нас уже поделили на команды, установили сетку и объявили соревнования по волейболу. Заявить о нашем отбытии в этот момент, было бы просто преступлением. Пришлось поиграть с ними в мячик.

Отдав должное гостеприимным хозяевам, мы, сославшись на время и далёкий путь в Бруклин, тихонько отбыли.

В это время народ расползался из Центрального парка. Воскресенье заканчивалось, планы на понедельник — безрадостны. Вечерний Нью-Йорк в районе парка, положительно, отвлекал от завтрашних грустных перспектив. Я начинал понимать этих уличных бродяг, проституток, зазывал, ошивающихся здесь без определенных целей. Им это нравилось больше, чем надрываться на паршивых работах за 5–6 долларов в час.

Снова метро. Правила проезда, согласно которым мне приходилось по несколько раз на день покупать бронзовую шайбу за доллар с четвертью, ощутимо опустошали меня. Акробатические трюки, чёрных пассажиров, ловко преодолевавших препятствия, установленные на проходе к платформам, начинали вызывать у меня восхищение и одобрение.

Кто не может перепрыгнуть через барьер, пусть покупает жетон и проходит через вертушку. А кто может скакнуть и не ленится проделать это — для тех проезд бесплатный. Я так не мог. Поэтому, продолжал тупо-послушно покупать проездные жетоны на последние деньги.

Также просто они решают и проблему, связанную с отсутствием туалетов на станциях метро. Если в ожидании поезда нужда поприжала, то чёрные ребята себя не насилуют, оправляют свою естественную нужду на перроне.

На следующее утро — снова на панель. Неоднократные

попытки подрядиться на работу вдвоем, заканчивались пустыми переговорами и тем, что брали кого-то другого. Наконец, очередное предложение… И снова лишь для одного работника, и желательно, хоть чуть говорящего. Посовещавшись с товарищем, мы решили расстаться. И я поспешил нырнуть в салон длинного автомобиля Station Vagon.

Эти легковые автомобили-фургоны широко применялись в мелком бизнесе. Благодаря их вместимости, они использовались во всех хозяйственных случаях.

Моему нанимателю нужен был подсобник для хозяйственных работ в школе, в связи с предстоящими там массовыми мероприятиями. Я не совсем его понял, то ли надо было подготовиться к шабашу в будущую субботу, то ли к свадьбе. Впрочем, неважно.

Он обещал мне сносную подсобную работёнку на пару дней и шесть долларов в час.

По дороге мы разговорились. Работодатель оказался родом из Израиля, живёт в Бруклине уже давно, работает в школе завхозом. У него свои работодатели — хозяева школы. С их согласия он и подрядил себе временного помощника для выполнения срочных экстренных работ.

По дороге в школу, мы заехали на склад, торгующий строительными материалами, и прикупили там несколько листов фанеры и деревянных брусьев. Все это погрузили в багажник фургона, откинув спинки задних сидений.

Школа оказалась старым огромным зданием в районе Williamsburg. Как и все в этом районе, она содержалась в определенных национальных и религиозных традициях. Какие-либо инородные явления здесь возможны лишь как временное исключение, в связи с производственной необходимостью. В этой школе, кроме меня, оказались двое чёрных подсобных работников, да несколько польских женщин, работающих в школьной столовой. Все остальные — были ярко выраженными ортодоксальными хасидами.

С завхозом мы быстро нашли общий язык. Он с интересом расспрашивал меня, недавно прибывшего из развалившегося Союза. И на мои вопросы об Израиле тоже охотно отвечал. В отношении же своей религиозности он дал мне понять, что материальная жизнь диктует и приходится выживать по правилам, не им писаным. Советовал мне: в школе не касаться этой темы с кем попало.

Школа для девочек. По утрам их привозили на специальных, жёлтых автобусах. Не все девочки могли самостоятельно выйти из автобуса и забежать по ступенькам в школу. На каждый автобус

приходилось по несколько врожденных инвалида, которых транспортировали на инвалидных колясках.

Такое количество детей-инвалидов мне показалось неслучайным. Генетические издержки упрямых национальных и религиозно-идеологических принципов.

В это же время, трудоспособная жертва иной, атеистической идеологии (к тому же — несостоявшийся космонавт), уже вспотевшая, тягала листы фанеры из машины в школу.

Сам процесс моего трудового участие в школе для еврейских девочек ничего интересного не представлял. А вот школа была специфическая. В ней имелась огромная столовая с несколькими десятками длинных армейских столов. Везде плакаты на нечитаемом языке, но по их форме нетрудно было догадаться о содержании. Все они, вероятно, о каком-нибудь Единственно Верном и Вечно Живом Учении. После разгрузки фанеры и прочего строительного материала, мы зашли с бригадиром в какую-то каптерку, забитую всяким агитационным хламом, и он, понося совсем нерелигиозной бранью беспорядок в кладовке, стал рыться в поисках нужного плаката. Здесь я ничем помочь ему не мог. Он откопал какой-то рулон, развернул метра полтора, прочитал начертанный на нём отрывок Учения, выругался и призвал меня к поиску ещё двух-трёх таких же рулонов, так как найденный кусок был лишь одной из составных частей необходимого. Роясь в пыльных залежах плакатов и транспарантов, я хохмил о том, что независимо от общей биологии и различной идеологии, в любой советской школе также есть такие каптёрки с идеологическим хламом, который каждый год вытаскивают, отряхивают от пыли и выставляют на самые видные места. А по окончанию праздника, всё это обратно сбрасывают в кучу в каком-нибудь подвальном помещении, до следующего торжества. Особенно забавным бригадиру показалось то, что в советских школах много таких же плакатов, но о том, что Бога — нет. И всякая религия — опиум для народа. Последнее замечание о народе вызвало у него особый интерес.

Отыскав все три рулона, три составные части, мы перетащили их в столовую, где и развесили, превратив оную в место не просто для приёма пищи.

Пока мы обеспечивали пищу духовную, польские коллеги ловко накрывали армейские столы полиэтиленовыми скатертями.

Когда все было готово к завтраку, после обычного звонка, на перерыв из классов шумно повалили дети и заполнили столовую. Процедура приёма пищи проходила строго по уставу. Из громкоговорителей завопила молитва, которую нестройным хором повторяли школьницы. Завтрак проходил ужасно шумно,

молитвы проигрывались до окончания трапезы. Содержание песнопения мне было абсолютно непонятно, всё звучало отталкивающе громко и по-восточному занудно. Такое звуковое сопровождение никак не могло содействовать приятному аппетиту. Возможно, по этой причине почти все продукты, кроме фруктов, остались едва тронутыми. Молитва отгремела, воспитатели дали команду, и девочки шумно покинули столовую.

Пока мы с бригадиром мастерили из фанеры заградительные щиты для перекрытия входов в школьные коридоры и на другие этажи, польские работницы столовой лихо сворачивали одноразовые скатерти вместе с оставшимися завтраками. С каждого стола снимался огромный, мешкообразный сэндвич в пластике. Средний такой сэндвич на выброс, содержал в себе несколько батонов свежего нарезанного хлеба, несколько открытых и едва тронутых пакетов молока, остатки сыра и масла. Этот продуктовый сверток упаковывался в большой чёрный пластиковый мешок для мусора и оставлялся в проходе между столами. Когда все остатки завтрака были убраны со столов, гориллообразный чёрный работник завязывал эти мешки и грузил их на тележку. Все это он вывозил на улицу и сваливал в кучу.

Спустя несколько часов, в том же порядке и с таким же шумом проходил обед. После обеда этому работнику-негру приходилось вывозить из столовой в двое больше. На улице, в стороне от центрального входа в школу, у проезжей части, тротуар был завален огромной кучей из чёрных пластиковых мешков с продуктами. А во второй половине дня подъезжала мусорная машина, и работники ловко забрасывали их в утробу своего специального грузовика. На тротуаре становилось пусто и чисто. До следующего завтрака. И так каждый школьный день.

Время от времени, мы устраивали себе короткие перерывы с кофе (coffee-break). Местом для этих кофейных перекуров служила подсобная комната в столовой. Польские работницы общепита щедро угощали нас кофе с бутербродами и болтовней. В разговоре с ними я выразил свое удивление по поводу такого варварского отношения к продуктам питания, словно это — непотребный мусор. На моё замечание, польские коллежанки чуть ли не хором спросили меня: как давно я в Америке? Когда они услышали, что я здесь всего лишь вторую неделю, они наперебой стали уверять меня, что я ещё повидаю немало подобного в отношении продуктов. Из их комментариев следовало, что в этой стране понятие о грехе несколько иное. Если это легально и доходно, то таковое не может быть грехом. Доходный бизнес — свят и уважаем!

Наш бригадир поинтересовался: о чём это мы щебечем на

своем языке, да так оживлённо. Одна из полек, говорящая по-английски, ответила ему, что новый работник имеет некоторые замечания по поводу организации труда и рационального использования продовольствия. Завхоз пожелал услышать постороннее мнение о его школьном хозяйстве.

— Выбрасывать ежедневно такую массу качественных продуктов — это просто грех. Когда на улицах столько неприкаянных бездомных, — осторожно высказал я свои впечатления об их расточительном отношении к продовольствию.

— И что же ты предлагаешь нам предпринять с нашими продуктами или бездомными? — спросил меня завхоз.

— Я думаю, вам следует как-то подрегулировать порции продуктов, чтобы меньше оставалось отходов. Или что-то делать с остатками продуктов, пригодных к употреблению. Например, организовать раздачу этих продуктов нуждающимся людям. Я полагаю, что если ваша школа станет известна, как место, где можно бесплатно получить хлеб, молоко, сыр и масло, то найдётся немало людей, которые с благодарностью воспользуются вашей помощью. Может быть, это будет несколько хлопотнее, чем просто сваливать всё со столов в мешки и выбрасывать, но это было бы разумней, — изложил я свое предложение.

Судя по реакции завхоза, его лишь забавляло мнение недавно прибывшего русского атеиста, ничего не смыслящего в элементарном бизнесе, и вообще, не знающего Америку. Он добродушно, по-отечески стал лечить меня:

— Послушай меня, парень, проблема, о которой ты говоришь, заключается лишь в том, что ты смотришь на это продовольствие глазами русского. Ты видишь в этих продуктах гораздо большую ценность, нежели время и рабочая сила. Все продукты оплачены, порции для детей вполне нормальны и согласованы с родителями. Нет никакой необходимости урезать их. А заниматься отборкой, сортировкой, упаковкой и раздачей продовольственных остатков дважды в день!.. Помилуй! Сколько же ещё работников для этого понадобится, и кто будет оплачивать их труд?! А раздавать-то ты хочешь бесплатно. И какая во всем этом необходимость? Ты повидал где-то на улице бездомных и решил, что они нуждаются в помощи. Да всё, что им надо для нормального существования, они могут заработать себе, но они просто не хотят этим заниматься. Так почему кто-то должен ломать голову над этими проблемами, тратить деньги и время, что бы их покормить? Ты в этой стране всего неделю. Наверняка, у тебя нет тех прав, которые имеют те бездомные граждане, о которых ты печёшься. Но ты ведь не бездомный и не

попрошайничаешь на улицах. Ты прилетел в чужую для тебя страну всего несколько дней назад и уже арендовал какое-то жильё, пытаешься зарабатывать на жизнь. Сейчас ты здесь работаешь за шесть долларов в час, завтра найдешь что-то лучше — и это действия нормального человека. Ты сам видишь, что даже такая простая работа обеспечивает тебе нормальное существование, и ты не нуждаешься в продовольственной помощи. Кстати, все, кто здесь работают, и ты также, могут брать себе сколько угодно из тех продуктов, которые ты предлагаешь раздавать бездомным. Ваше дело: выполнять свою работу, за которую вам платят. Вот и всё, перерыв окончен, — закрыл тему бригадир.

Польки подмигнули мне, мол, мы же говорили тебе, — это бесполезно. Они даже гордятся тем, что могут выбрасывать продукты. Дикари!

Да уж, аргументы его справедливы, но так переводить продовольствие — тоже не дело. В Голландии с сельхозпродуктами — все в порядке, но там вряд ли встретишь подобное варварство.

В конце дня бригадир провёл планёрку и предложил мне продолжить наше сотрудничество ещё на пару дней, а также пожелал привлечь к этой работе дополнительного подсобника. Не для сортировки и раздачи остатков продуктов, конечно. Я пообещал ему содействие в решении кадрового вопроса.

На следующее утро мы прибыли в школу с земляком. И весь день таскали с места на место столы и скамейки, готовили место для свадьбы-шабаша.

Завтрак и обед со всеми молитвами и выбросом продуктов прошли как обычно. Только на этот раз, мы щедро загрузились продовольствием, и тем самым, поубавили свои расходы и степень греховности наших работодателей.

Моему товарищу понравились кофейные перерывы, он регулярно просил меня напоминать бригадиру, что уже пора бы объявить перерыв.

Наш бригадир сам пребывал в непосредственном подчинении у пузатого бородатого школьного раввина. Тот заправлял трудовым процессом с оглядкой на своего босса и заметно беспокоился о своевременном окончании всех подготовительных работ. Вскоре школу стали посещать их религиозные соратники. Они важно осматривали место проведения торжества, делали какие-то замечания нашему бригадиру и уходили. После чего, нам приходилось, по команде бригадира, снова что-то доделывать или переделывать.

Наконец, всё было готово — и школу начали заполнять люди,

наряженные в чёрные сюртуки и шляпы (фетровые и меховые). Судя по количеству гостей, мероприятие намечалось грандиозное. Мы почувствовали себя чужими на этом празднике-шабаше. Нам захотелось поскорее получить расчёт и удалиться восвояси.

Бригадир представил раввину Карабасу учётные записки о нашем рабочем времени и прокомментировал условия нашего труда. Тот, выслушав завхоза, достал из внутреннего кармана своего сюртука калькулятор и вычислил приговор. Затем вытащил из заначки пачку наличных, кряхтя и бубня о чём-то, отслюнявил нужную сумму… И выдал. С этого момента он забыл о нас. Бригадир выдал каждому из нас чётко начисленное, поблагодарил за помощь и просил оставить наш телефон, на всякий хозяйственный случай. Мы удивили его, ответив, что у нас нет домашнего телефона. На этом, стороны, взаимно удовлетворенные, расстались.

В тот день, когда мы расстались с земляком на панели, и я один уехал в школу, он позднее подрядился на пару часов работы в бригаде себе подобных соотечественников. Из случайных производственных отношений он почерпнул, кроме денежного вознаграждения, опыт в организации труда и прочую полезную информацию. Мой земляк чётко усвоил, что работодатель обязан предоставлять работникам регулярные, оплачиваемые перерывы для отдыха.

Начиная со следующего дня, в школе, он настаивал на применении его пролетарского опыта и назидательно напоминал мне о должных, оплачиваемых перерывах. Когда ему хотелось курить, он считал, что я должен оповещать об этом работодателя. Я так не думал. Меня упрекали. Возникал напряг.

Кроме этого, кто-то из временных сотрудников дал ему адрес некой-то тёти Изи, которая, якобы, за умеренное вознаграждение, может пристроить на постоянную работу. Тоже — полезная информация.

Решили посетить благодетельницу Изю в ближайшее время и сделать заявки на подыскание нам достойных должностей.

Снова тот же район Вильямсбург. Обычный старый трехэтажный дом. Странно открытые двери парадной. Нужная нам квартира располагалась на третьем этаже. На наш звонок, двери открыли сразу и без каких-либо вопросов впустили нас. Обычная жилая квартира была превращена в контору. Польский народ плотно заполнил пространство домашней фирмы по трудоустройству туристов. Один из таких клиентов, крайний в очереди на приём, но ближний к двери, впустил нас в квартиру-офис. Мы стали крайними и дежурными по входной двери. Спросили, как бы нам повидать тётю Изю, и в ответ нам

пропшекали, что здесь все хотят Изю.

Посреди комнаты, в окружении ожидающих клиентов, за столом с двумя телефонами заседала неряшливого вида пожилая тётя. Её телефоны постоянно звонили. Она отвечала на звонки и вела переговоры на каком-то немецко-подобном языке. Бегло записывала полученную информацию и, не прерывая связи с другой стороной, обращалась ко всем присутствующим с предложением о подряде: «Маю працю для пани, клининг апартаментов, пять долярив на годыну». Присутствующие паночки выясняли между собой: кому это предложение пасуе. Выдвигался кандидат, и тётя Изя отвечала по телефону о скором прибытии работницы. Кандидату она объявляла цену за эту путевку и, после непродолжительных торгов, получив мелкую оплату за услугу, вручала клиентке адрес, инструкции и прочие ценные указания (ЦУ). Телефон непрерывно звонит, и она принимает новую заявку на работника. Кто-то отправляется на работу, другие приходят и занимают очередь. Телефоны снова звонят. Изя отвечает и отправляет следующего, получив с него оплату за свои услуги.

Вычислив момент между звонками, мы заявили хозяйке, что у нас к ней особый заказ — пристроиться на работу в летние лагеря. Изя ответила, что таковое возможно. Нам следует прозвонить ей или подойти сюда через пару дней за конкретным ответом. Тут же предупредила нас, что стоит такая путёвка в летний лагерь труда и отдыха долларов 50 с каждого кандидата. На этом и расстались. Мы с облегчением оставили душный польско-еврейский центр занятости, и пошли гулять, считая себя трудоустроенными на ближайшие два-три месяца.

Как и договаривались, спустя два дня мы позвонили тёте Изе и поинтересовались об исполнении нашей заявки. Та ответила, что в понедельник утром необходимо прибыть к ней, готовыми к отправке и труду. То бишь, иметь при себе необходимые вещи и по 50 долларов для неё. Коротко она сообщила, что работа предполагается в летнем лагере для детей, где-то в глубинке штата Нью-Йорк, на всё лето. Оплата — 220 долларов за шестидневную рабочую неделю. Жильё и питание предоставляется по месту отбывания срока. Мы обещали быть готовыми.

Возник вопрос о нашем арендованном на месяц жилье. Если мы отбываем, как планируем, в лагерь, тогда у нас остается оплаченное и неиспользованное жильё почти за две недели. Объяснять хозяину о своем переезде с надеждой, что он вернет остаток арендной платы — это просто смешно. Решили подыскать на наше место другого арендатора и, таким образом, получить

компенсацию за оставшиеся две недели.

Подъехали на панель. Среди ожидающих трудовых резервов, мы объявили о сдаваемой в рент изолированной однокомнатной квартире с мебелью. На наше предложение отозвались двое ребят из Одессы и пожелали осмотреть жильё. Они оказались со своим транспортом. И мы сразу же и отправились. По дороге выяснилось, что квартира нужна одному из них, там предполагается семья с маленьким ребенком. Стало ясно, что предлагаемая берлога ему не подойдет. На месте, в процессе смотрин, так оно и оказалось. Махнули рукой на эту затею и решили просто сообщить хозяину о своём досрочном отбытии. Сделал я это через соседа Эрика, который, выслушав мою новость, обещал всё объяснить хозяину дома.

В назначенный день и время, прихватив туристические пожитки, мы прибыли к Изе. Та рапортовала, что наш будущий босс уже в пути и скоро будет здесь, чтобы забрать нас в лагерь. Просила приготовить по 50 долларов и ожидать. Кроме этого, она представила нам польского паренька, который также поедет с нами. Парень был совсем молодым — школьного возраста — под опекой мамы, которая желала видеть нас, чтобы иметь хоть какое-то представление: с кем отправляет сына.

В разговоре выяснилось, что семья прибыла в Америку из Польши совсем недавно. С английским языком — никак, зато здесь есть родственники. А главное, мамаша убедилась, что её сын будет работать, хоть и с русскими, но вроде бы — не злодеями.

Изя сообщила, что звонил босс и предупредил её о каких-то дорожных, непредвиденных задержках. По этой причине он прибудет несколько позднее. Мы решили выйти, прогуляться. Зашли в ближайшую овощную лавку и, прикупив бананов, вернулись к дому тети Изи. Присели у подъезда.

Когда бананы были съедены, стало скучновато. Рядом, у проезжей части лежал, приготовленный к подборке, бумажно-картонный хлам. Я подобрал белый картонный лист, достал фломастер и стал убивать время бумагомарательством.

Я сочинил письменный упрек Всевышнему. Напомнил, что он совсем позабыл, кто пригвоздил его страдальца сына.

Только я закончил свои стихотворные рекомендации, как у нашего подъезда припарковался микроавтобус. Из него выполз пузатый, бородатый, в шляпе и в очках — настоящий босс летнего лагеря. Предполагаемый начальник лагеря, пыхтя, прошёл мимо и скрылся в подъезде дома. Решили, что это тот, кого мы ждём.

Я выставил стихотворное письменное воззвание на видном месте у входа в подъезд, и мы пошли к тёте Изе. Не ошиблись —

это был босс Мойша. Предприимчивые евреи утрясали свои дела на незнакомом нам языке, а мы терпеливо ожидали.

И вдруг, когда стало уже очевидным, что разговор коснулся нашего трудового участия, в квартиру-офис ворвался, пышущий гневом и возмущением, старый ортодокс-талмудист. Одна рука у него была занята традиционным портфелем, вероятно, набитым конспектами по изучению иудейских законов, а в другой руке — моё воззвание. С порога, он брезгливо оглядел всех присутствующих. Затем, размахивая моим рукописным плакатом, вошедший призвал всех присоединиться к его возмущению и принять срочные меры по отлову и наказанию злодея-иноверца.

К моему счастью, он со своей проблемой обратился к тем людям, которых не так просто отвлечь от их шкурных дел. Польские визитеры вообще не поняли, что этому раввину здесь надо: они желали поскорее получить подряд и удалиться. А Изя и Мойша, которым настойчиво совали под нос мое творение, были и без него озабочены неотложными кадровыми вопросами. Они неохотно отвлекались на требование начать расследование.

Мы стояли рядом, с гримасами полного непонимания происходящего. Я, на случай религиозного конфликта, стал поближе к сумке и начал подумывать о путях выхода из возможного кризиса. Глубоко оскорблённый раввин призывал к инквизиции, и уверенно утверждал, что злодей-антисемит где-то здесь, в этом враждебном месте — сборище гоев. Изя и Мойша, не прерывая свои торги, соглашались с воинствующим единоверцем: содеянное нельзя оставлять безнаказанно. Рассеянно обещали посмотреть, что там враги написали… Потом. Может быть. К моей радости, они продолжали решать текущие меркантильные задачи. В тёте Изе я был уверен: она сейчас сделает всё, чтобы контракт состоялся. И если даже кто-то видел, как я писал этот анти талмуд — и меня вычислят, тётя Изя костьми ляжет и потребует моего оправдания и освобождения, чтобы трудоустроить… И получить своё вознаграждение. С заказчика Мойши и с меня.

Тем временем, наш неугомонный гость начал уже ворчать на своих соплеменников, упрекая их в преступном безразличие, меркантильном эгоизме и попустительстве. Вполне естественно, что ортодоксальный иудей, не может испытывать ко всем остальным, неполноценным народам ничего, кроме свирепой ненависти, которая всеми их религиозными учениями возводится в священное достоинство.

Однако его духовные соратники не разделили с ним его чувств. К моему облегчению, он с горечью махнул рукой на этот иммигрантский вертеп, и вышел из конторы, гневно хлопнув дверью.

Изя, избавившись от зануды, поспешила представить нас будущему работодателю. Тот коротко объявил условия труда в его лагере и пригласил всех согласных занять места в микроавтобусе. Перед тем, как выйти из конторы, Изя пожелала получить вознаграждение.

У автобуса, польская мама любвеобильно простилась с сыном. Оставленный плакат-воззвание я с удивлением обнаружил на прежнем месте. Видимо, обиженный равнодушием единоверцев, раввин оставил противную писанину на том же месте, как укор всем, здесь проживающим.

Наконец, мы отбыли. Босс лениво поинтересовался, можно ли с кем-нибудь из нас разговаривать? Я осторожно выразил надежду. Он пожаловался, что ему необходимо найти еще пару работников, и, желательно, сейчас же. Чтобы одним ходом отвезти всех в лагерь и не возвращаться сюда по кадровом вопросу. Я ответил ему, что не знаю никого, кто мог бы прямо сейчас к нам присоединиться. Но можно проехать в одно место, в двух кварталах отсюда, где могут быть люди, заинтересованные в работе. Босс одобрил идею, и я стал показывать ему дорогу.

На перекрёстке Bedford и Lynch, уже под полуденным солнышком, без особых надежд на что-либо интересное, загорали несколько невостребованных работников. Подъехавший к их капкану транспорт вызвал обычную реакцию: автобус обступили и недружным хором выразили свои интересы.

Поначалу босс устало пытался что-то объяснить им о летнем лагере. Но, не достигнув должного понимания, само отстранился от общения с заблудшими, и попросил нас всё разъяснить им.

Ребята выслушали нас, посовещались на месте и признали предложение интересным. Однако в данный момент, никто из них не мог присоединиться к нам, и съехать из Бруклина на два-три месяца. Всех держали какие-то отношения; арендованное жильё, ежемесячно получаемые пособия и прочее.

Поехали далее. Босс, разморенный и припотевший, лениво пробубнил самому себе, что надо бы заехать ещё в одно место в Бруклине. Медленно продвигаясь из квартала в квартал, он заскучал. Достал из кармана трубку радиотелефона и, управляя одной рукой, набрал номер. Несколько минут он рулил и с кем-то договаривался о трёх недостающих работниках. Затем набрал другой номер, и с некоторым оживлением, иным, подслащенным голосом забубнил, что у него всё нормально, и он надеется вернуться к такому-то часу. Похоже, говорил с женой. Далее ехал молча. Думал о чём-то своём, не замечал ни наших разговоров за спиной, ни своё забытое радио, тихо хрипевшее между двумя станциями.

Подъехали ещё к одному месту в Бруклине. На тротуаре его поджидала компания людей из Средней Азии. Босс вылез из кабины и отошел в сторонку с пожилой женщиной. Пока они перетирали свои дела, остальные обратились к нам. На русском языке с азиатским акцентом, представили нам некого мужичка, будущего члена лагерной бригады. Пожелали нам жить дружно. Мы обещали стараться.

Босс, пыхтя, плюхнулся на своё место за рулем, прибавил громкость хрипящему радио, вероятно, чтобы не слышать наших разговоров, и тронул с места.

Выбравшись из Нью-Йорка, часа два двигались в северо-западном направлении. Проехав через провинциальный городишко Liberty, мы съехали с главной дороги. Стали взбираться в гору по извилистой дороге. Появились самодельные, дощатые указатели, направляющие к летнему лагерю «Camp Rayim». Туда то мы, наконец, и приехали.

Camp Rayim in Parksville, New York 12768.

Припарковался босс около деревянного барака, поделённого на несколько отдельных комнат с отдельными входными дверями. Мы поняли, что здесь и будет наша временная резиденция.

После душной езды, с удовлетворением отметили большое озеро рядом с бараком и свежий лесной воздух. Вероятно, каждый подумал о том, что хорошо бы искупаться, расслабиться.

Босс считал иначе. Пока мы вытаскивали свои сумки из багажника, к нам подъехали на грузовичке двое рабочих американцев и с интересом спросили босса: сколько человек он привез?

Затем, босс призвал наше внимание и представил бригадира, который заведовал всеми хозяйственными работами на территории лагеря. Он пожелал, чтобы сейчас мы выбрали себе комнаты, быстренько обустроились — и через полчаса были готовы к работе.

Между нами работниками говоря, никто из нас не был намерен сегодня работать. Посмотрели в сторону озера — и потащились со своими вещами в барак.

Комнаты предполагали по два спальных места и были оборудованы туалетом с умывальником. Вполне приемлемый временный летний вариант.

Мы с земляком выбрали себе комнату, наспех произвели некоторую перестановку мебели, переоделись — и вышли. Наши коллеги: молодой поляк и пожилой таджик — вместе заняли другую комнату. В этом же бараке была общая столовая с большим холодильником, электроплитой, столами и стульями.

Имелась и душевая кабинка.

Когда все были готовы к труду, за нами пришёл новый бригадир и повёл нас на объект.

3

Гои и талмудисты.

13 июня 1993-го года, спустя три недели после нашего прилета в страну. Солнышко припекало. Воздух чистый. Тишина. Место чудесное, но в отношении работ, которые нам предстояло здесь выполнять, иллюзий у нас не было. Положительный энтузиазм вызывали лишь мысли об озере, еженедельных 220 долларах и неограниченном питании. А в остальном — сомнения и грусть.

Нашим первым объектом оказался земельный участок на окраине лагеря, в форме мелкого котлована. Работодатели поручили нам очистить участок от травы и прочей растительности. Подвезли лопаты, грабли, и, пожелав успеха, оставили нас.

Остальное всё как в армии: разница лишь в том, что лопаты были американскими, и мы могли не заботиться о форме одежды. Вместо старшины, в качестве контролера, к нам, время от времени, бесшумно подкатывал на электромобиле сам босс. Немногословно оценивал нашу работу, как good job, обеспечивал холодным питьем — и удалялся.

Поляк Бориска, так мы его звали, оказался самым молодым, как по возрасту, так и по стажу пребывания в Америке. Его представление о работе в лагере болезненно не совпадало с тем, что нам здесь предложили. Недоразумение было очевидным и жалким.

Между тем, несмотря на тоскливое содержание поставленной задачи, нас никто не подгонял, и мы, беседуя о своём, делали порученное, прикидывая по времени, чтобы сегодняшний рабочий день ограничился заданным объектом.

К вечеру, хорошенько подзагорев, выполнили большую часть работы. Подъехали босс и бригадир. Осмотрели результаты наших ковыряний и дали положительную оценку. Посовещавшись, они объявили об окончании рабочего дня и ознакомили всех с лагерным режимом.

Каждое утро, кроме субботы (выходного дня) к половине восьмого мы должны быть готовы к труду. Часов в 12 — обеденный перерыв минут на 45, и до 6 вечера — работа.

Затем, работодатели поинтересовались нашими именами. Бригадир представился нам как Даг (сокращенно от Даглас). А босс, подумав, заявил, что мы можем обращаться к нему просто — Босс.

Озеро оказалось чистым и прохладным; похоже, что там были

родники. На озере мы встретили двух польских рыбаков.

Двое молодых панов с зелёными картами и спиннингами, приехали сюда на сезонную работу из Бруклина, где они живут уже несколько лет со своими родителями. Один, совсем молодой, ещё школьник, зато свободно говорил по-английски, и уже, как американец, до идиотизма любил автомобили. Другой — значительно постарше и приторможенней. Рыбная ловля для них была спортивной забавой. Но пойманную рыбу они не отпускали, а уносили в барак, довольные своим уловом. Только с рыбой ничего не делали, так как продуктов было более чем достаточно. Спустя пару дней, когда рыба портилась, её выбрасывали. И так всякий раз.

К нашему приезду, на кухне был редкий срач. Когда мы познакомились с этими молодыми панами поближе — стало понятно, почему кухня так уделана.

Наши регулярные чистки и призывы к поддержанию элементарного санитарного порядка на кухне вызывали у польских соседей лишь недоумение и укрепляли мнение о русской диктатуре.

Лагерь пустовал: кроме плавания в озере после работы, можно было играть и в теннис на вполне приличных кортах.

Работа, которую нам ежедневно поручали, ничего особенного не представляла: много красить, стричь траву, развозить всякую мебель по казармам.

А по вечерам снова: озеро, душ, ужин. В прихожей офиса мы обнаружили три функционирующих телефона-автомата, с которых наш таджикский коллега ежедневно звонил своим землякам в Бруклин и домой в Таджикистан. Бруклинские земляки, не подумав, рассказали ему о таком способе связи, как collect call, то бишь, звонок за счёт другой стороны (если та сторона согласна). Вот они то и стали той стороной. Теперь, каждый вечер, после работы, он приглашал меня с просьбой заказать для него переговоры.

Я связывался с оператором, заказывал такой collect call с желаемым абонентом и называл имя заказчика. Его земляк в Бруклине всегда соглашался на оплату подобных звонков, и они беседовали на своем языке. Я не понимал, что говорит мой коллега, но было очевидно, что он очень нуждался в таких сеансах связи. После разговора на родном языке, он выглядел счастливым. Но иногда случалось, что оператор, набрав бруклинский номер, попадал на автоответчик. Наш приятель отказывался верить, что там «никто нет дома», и это вызывало справедливый гнев: «Шайтаны, совсем испортились в этой Америка!.. Трубку не поднимать когда я звонит».

Заказать переговоры с родиной за счёт таджикской стороны, к сожалению, не представлялось возможным. После набора таджикского номера оператор механически диктовал условия связи, требовал опустить в автомат определённую сумму.

Одним словом, кругом — Шайтаны!

Пятница, для кого-то конец недели, то бишь, week end, а для других — шабаш.(евр. schabat — покой).[2]

После обеда босс подкатил ко мне на своём электромобиле для гольфа, с порцией ценных указаний.

Начал он с того, что на какое-то время вынужден покинуть лагерь, обещал вернуться в воскресенье к началу рабочего дня. Но, несмотря на его отсутствие, нам следует качественно доработать этот день. А в субботу (выходной день) вести себя трезво и достойно. Что же касается зарплаты за неделю, то он просил разъяснить всем работникам, чтобы не беспокоились о своих деньгах. Он обещал хранить их у себя. А если потребуется какая-то сумма, он выдаст и учтёт.

В общем, его указания и условия показались мне приемлемыми, и я не стал задавать вопросы.

Мойша покинул лагерь. Небо нахмурилось. Мы дружно сделали перекур, который, в ожидании дождя и обсуждении указаний босса, затянулся до скончания рабочего дня. Работа осталась незаконченной. Дождь прошел стороной. Неделя закончилась.

После обычных процедур: плавание, душ и ужин, наши польские соседи (в связи с отъездом хозяина) поведали нам о своей обычной программе досуга в конце недели.

Все мероприятия сводились к обходу доступных хранилищ с продуктами питания и прочим инвентарем. Их интересовало наше мнение на этот счёт, а также гарантии, что соседство не окажется препятствием для их привычных утех.

Вкратце они рассказали: где и что можно найти. Мы поняли, что они уже не один раз отправляли свои трофеи с родственниками, посещавшими их по субботам.

Осуждать их, или как-то препятствовать, мы не стали. Дождавшись темноты, взяли фонарики и начали с кладовки со спортивным инвентарём. Кладовая поразила нас неописуемым беспорядком. Либо это был такой порядок хранения, либо — это следствие предыдущих визитов наших польских коллег.

Мячи и сетки для всяких игр были свалены в кучу. Чтобы хоть что-то выбрать, надо было рыться во всем этом бедламе. Для себя мы прихватили дешевенькие теннисные ракетки и несколько мячей. Найденную там же новенькую теннисную сетку пока оставили, но достойно оценили. Польские друзья щедро

загрузились комплектами для настольного тенниса и бейсбольным инвентарём. На наши расспросы, куда они всё это денут, и вообще: что будут делать со всем этим добром, — они ответили: что в Бруклине всё пригодится.

Повидав беспорядок, в котором всё хранилось, мы стали относиться к этим ценностям, как к бесхозным, и задумались о том, что же нам может понадобиться, и как лучше организовать хранение спортинвентаря.

Вернулись со своими спортивными трофеями в казарму. От польских ветеранов поступило новое предложение: посетить продовольственные кладовые. Возражений не возникло. Голодными мы себя не чувствовали, но и делать особо нечего.

Там мы нашли немало вкусных вещей: шоколад, кондитерские изделия, консервированные фрукты и соки.

Обеспечив себе сладкую субботу, мы закончили свой атеистический шабаш.

Суббота прошла в праздном безделье. Единственное серьёзное дело за весь день — это поход в ближайший городишко и отправка писем домой. Да и то, как позднее выяснилось, моё письмо не попало адресату. Вероятно, оно завалялось в почтовом офисе сонной американской провинции или нашло своего любопытного читача на каком-нибудь поштовом отделении Украины.

В воскресенье босс выразил своё разочарование нашей трудовой недисциплинированностью и поинтересовался, почему мы не закончили в пятницу покраску скамеек. Я объяснил это начавшимся дождем. Другие работники просто не поняли вопроса. На этом, глухонемой трудовой конфликт был исчерпан.

Босс стал наблюдать за нами более тщательно. И как следствие, предложил молодому поляку Бориске собрать вещи и приготовиться к возвращению в Бруклин. Согласований с профсоюзным комитетом не требовалось. Больше мы не видели нашего польского коллегу. Вместо него босс привёз двоих кадров из Сибири.

Это были: молодой парень из Свердловска — Игорь, с трехлетним стажем лишения свободы в советских исправительных лагерях, и его земляк — Паша, бывший шахтёр, со своей грустной американской историей.

Босс определил их работать в столовой. Поговорить с ними мы могли только после работы.

Наши новые коллеги из Сибири случайно нашли друг друга на какой-то станции нью-йоркского сабвэя. Причиной их знакомства послужило одновременное желание посетить туалет. Так как бывший сибирский шахтёр не мог разрешить простую

задачу с той же легкостью, как это делают местные «шахтёры» (афроамериканские), то он обратился с вопросом к приглянувшемуся пареньку.

К своему удивлению и удовлетворению, на вопрос, выраженный жестами, Паша получил ответ на понятном ему русском языке. Вскоре обнаружилось много общего. Кроме языка и гражданства, они оказались горячо солидарны в желании посетить туалет и найти работу.

Так, объединив свои усилия и жизненный опыт для решения общих задач, соотечественники оказались на кухне еврейского религиозного лагеря, в глубинке штата Нью-Йорк.

Сын шахтёра Паши уже несколько лет, как проживал в Лос-Анджелесе. Подженился на местной гражданке и легально осел там. Источником его существования в Америке, похоже, были доходы американской жены. Она специализировалась на консультациях по вопросам налогового обложения. Сам же молодой сибиряк подпрягался, как мог, в музыкальной отрасли — с надеждой на известность и богатство.

Выйдя из шахты на пенсию, отец Паша вздумал перебраться из Сибири в Калифорнию и воссоединиться с сыном в тёплых, хлебных краях. Вероятно, письма молодого охламона к родителям в сочетании с розово-сладкими теле приветами Михаила Таратуты, вскружили головы советским пенсионерам.

Паша всерьёз решил сменить место жительства. Продав квартиру и машину с гаражом, он с женой и какой-то наличностью прилетел к сыночку.

Как он понял уже на месте, приглашение сына было мотивировано тем, что его американская жена, желая пристроить русского мужа, прикупила недвижимость и дала согласие на обустройство музыкальной студии для репетиций и прослушиваний. Как уверял всех молодой русский предприниматель от шоу-бизнеса, оборудованное помещение можно будет регулярно сдавать в аренду и получать от этого доход.

Но купленное по случаю, помещение, не было приспособлено для рок мастерской, и требовало существенных реконструкций. Если привлекать для работ местных мастеров-профессионалов, то их работу, естественно и соответственно, нужно оплачивать, а на таковое — жена не выделила ему средств. Вероятно, он поклялся, что сам засучит рукава и всё организует. Вот и решил пригласить родителей. Учитывались мастеровые навыки папы, и предполагалось, что родители приедут с кое-какими деньгами.

На расспросы о Калифорнии Паша отвечал, что вся его «калифорния» ограничилась стенами будущей музыкальной

студии. Американизированное чадо хватко взяло в оборот своих наивных родителей, попавших в его цепкие объятия.

Дружно, по-семейному, как в Сибири, родители щедро пожертвовали все нажитые сбережения, на благо будущего их сына. Собственный мастеровой опыт и оставшуюся энергию они самоотверженно применяли на реконструкции помещения, полноправно и безраздельно принадлежащего американской невестке.

Сынок принимал родительские пожертвования так охотно и по-американски активно, что у его приопустошённых родителей начало пробуждаться чувство реальности и возникли вопросы по сути дела, в котором они участвовали.

Вскоре, папа Карло (Паша) и его жена поняли суть своего пребывания в Америке и мотивы гостеприимства собственного чадо. Со временем, они выяснили, что недвижимость, которую они так самоотверженно улучшают, абсолютно принадлежит человеку, которого они, в сущности, и не знают. Невестка занималась собственным бизнесом, и ей некогда было вникать и разгадывать странные русские взаимоотношения. Это выходило за рамки её американского понимания: пожилые супруги, продав всё своё имущество где-то в Сибири, прилетают в Калифорнию к своему оболтусу. И целыми днями бесплатно ремонтируют и улучшают её собственность, покупая необходимые строительные материалы за свои кровные.

Усомнившиеся и подуставшие родители не могли даже поговорить с кем-либо, кроме как с сыном-прорабом. Их робкие попытки повидать Лос-Анджелес и пообщаться с русскоговорящими, наталкивались на ловкие и заботливые ограничения.

Наконец, отец Паша и его жена поняли: куда они попали. До них дошло, что гостить у сыночка означает: бесплатно работать со стройматериалом, купленным на их же деньги.

Первые самостоятельные шаги предприняла мама. Просматривая русскоязычные газеты, среди объявлений о предлагаемых работах, она отыскала молодую русскую семью в Нью-Йорке, нуждающуюся в женщине без вредных привычек для присмотра за ребёнком и ведения домашнего хозяйства. Кроме зарплаты, предполагалось проживание и питание на месте. Связавшись по телефону и договорившись о встрече, она решилась ехать туда.

Просьбами и требованиями, ей удалось получить от сына какую-то сумму денег, и она сразу же улетела в Нью-Йорк.

Встреча и переговоры с супругами-работодателями, к счастью, прошли успешно. Её приняли в семью, и она приступила

к воспитательно-хозяйственной работе, на этот раз, уже с какой-то оплатой.

Муж Паша, пока оставался в гостях у сына, и ожидал вестей из Нью-Йорка. Убедившись, что жена трудоустроена, супруги решили, что Паше следует заканчивать бесплатные работы на благо американской музыкальной индустрии, и без него процветающей. И, как можно скорей, переезжать к ней в Нью-Йорк.

Для переезда на восточное побережье Паша изыскивал средства правдами и неправдами. Свои же деньги ему приходилось выпрашивать у сына-работодателя мелкими порциями, под всякими надуманными хозяйственными предлогами. Наконец, собрав нужную сумму, он тоже съехал, так и не достроив задуманную сыном музыкальную студию.

В сущности, за время пребывания в Лос-Анджелесе, супруги потеряли там не только сбережения, привезенные из Росси, но и сына. Для них стало очевидным, что родители его абсолютно не интересуют, и кроме кровного родства их уже ничто не связывает. Более того, они поняли, что для них будет лучше — держаться подальше от этого паразита.

Так, утомлённый непривычной калифорнийской жарой и пришибленный американской реальностью, сибиряк Паша появился в нью-йоркском метро, с дорожной сумкой и немым вопросом о туалете.

Его случайный знакомый земляк Игорь был в возрасте его сына, и прибыл в США всего несколько дней назад. Им было о чём поговорить. О ельценовском пьяно-разорительном бардаке в России, об отсутствии туалетов в нью-йоркском метро, безденежьи и возможных способах выживания.

Каждый из них располагал своим небогатым опытом пребывания в Америке. Но Игорь, в отличие от Паши, имел некоторые преимущества. Несмотря на его молодость, он успел ещё до приезда сюда избавиться от ложных иллюзий. Он трезво смотрел на Америку сквозь толстые линзы своих очков и воспринимал реалии без паники и восторгов. Верное представление о жизни, какой она может быть и к чему нужно быть всегда готовым (как пионер), он получил ещё в советской Сибири, отбыв там, в исправительных лагерях три года.

Бесплатную путёвку в лагерную жизнь ему предоставили местный комитет госбезопасности и «народный» суд.

Упекли его от имени и в интересах советского народа за «распространение заведомо ложных измышлений, порочащих советский государственный строй».

После своего освобождения, Игорь обзавёлся семьёй. Так как,

последние три года он работал лишь в целях своего исправления, то женихом он оказался небогатым. Зато с редким жизненным опытом.

Наученный лагерными уроками, Игорь хорошо помнил, как многого ему там не хватало, и как тяжко доставались редкие радости-сладости. Поэтому, к туризму в Америке он начал готовиться серьёзно и заранее.

Проведав о существовании где-то в Нью-Йорке русской православной церкви, он проявил себя в Сибири, как активист местного прихода. И получил от батюшки рекомендательное письмо к православному отцу в Нью-Йорке.

С письмом и заготовленной трогательно грустной историей, сразу же по прилету в Нью-Йорк, он направился на аудиенцию к местному Владыке.

Не с первого раза, но всё же, местный православный отец принял Игоря. Горемычному православному туристу позволили расцеловать руку батюшки, а затем терпеливо выслушали его историю-просьбу.

Грустная исповедь о гонениях коммунистами-антихристами на родине-уродине, и всякими случайными работодателями-иудеями здесь в Нью-Йорке, в сущности, сводилась к тому, что в настоящий момент он нуждается в ночлеге и, если можно, в деньгах.

Владыка понимал младших братьев-единоверцев без излишних объяснений. Он хорошо знал, зачем приходят к нему православные земляки. Его благословение было по-американски деловым. Батюшка выдал просителю направление на поселение в общежитие, состоящее на балансе русской православной церкви Нью-Йорка. А также, состряпал ему первый американский документ, удостоверяющий личность прихожанина. Эта бумаженция содержала фотопортрет Игоря, напечатанный ещё в Свердловске, и его паспортные данные. Все было убедительно заверено подписью местного православного батюшки и его печатью.

— Паспорт — спрячь в надежное место, а этот документ всегда держи при себе, на всякий американский случай. И с молитвой по жизни! — отечески проводил-благословил он Игоря.

Общежитие Игорь отыскал на 111-й улице, где-то по соседству с Харлемом (Harlem river). Обозначалось оно как монастырь имени Святого Патрика, (или Лейтенанта Шмидта).

Вопросы поселения и прочие пункты монастырского устава контролировались комендантом, проживавшим там же. Им оказался старый пропитый морской волк, ирландского происхождения. Он принял от поселенца направление Владыки и

показал Игорю спальное место, которым новичок может пользоваться. И дал понять, что в случае нарушения устава, член коммуны может быть лишен этого блага.

Это было дно, на котором находили себе пристанище люди, не желающие или неспособные жить по-другому.

Имея в прошлом трехлетний лагерный опыт, Игорь особо не удручался. Всё это рассматривалось как временный вариант.

Проживая в нью-йоркской богадельне, он допустил лишь несколько незначительных ошибок: воспользовался коммунальным холодильником для хранения прикупленных впрок продуктов, и одолжил нескольким соседям, по их просьбе, по 2–3 доллара на сигареты.

Неписаное правило устава гласило: положил что-либо в холодильник, а равно — одолжил кому-либо — прости долги ближнему, как и мы прощаем тебе, и забудь о потерянном.

Преследуя цель — найти работу и заработать то, что ему не заплатили на родине в исправительных лагерях, Игорь не собирался злоупотреблять гостеприимством этой ночлежки. Но для аренды жилья и обращения к услугам посреднических агентств по трудоустройству, у него пока не было денег. Поэтому, возникший вариант летних лагерей, где сносно оплачиваемая работа сочеталась с жильём и питанием, был для него вполне приемлемым, в сложившейся ситуации.

К моменту встречи двух земляков Паша уже повидался со своей супругой и убедился, что предоставленная ей по месту работы комната, вовсе не предполагает проживание там и мужа-Паши. Таким образом, он мог лишь навещать супругу. Тем не менее, его жена была неплохо устроена, и теперь оставалось найти место под солнцем для самого Паши.

В процессе поисков он связался со своим новым, случайным и единственным приятелем — Игорем. При обмене информацией о вариантах трудоустройства, у них возник адрес тёти Изи. Она-то и направила неприкаянных сибиряков в распоряжение хозяина лагеря Мойши. Лагерный босс определил двух товарищей на кухню, под начало своего брата и шеф-повара.

В нашем бараке они сначала вместе заняли свободную комнату. Но после недели совместного проживания и сотрудничества, подустали друг от друга и разъехались.

Пару днями ранее до их приезда, на наши натруженные головы свалился новый, не в меру энергичный бригадир.

Среди рабочего дня, к нам приблизился молодой, быковатого вида шляпоносец, и представился как новый помощник босса, наш непосредственный бригадир. Из его представлений мы поняли, что впредь, вопросами нашей занятости будет ведать

именно он, так как босс занят другими, более важными, делами. Позднее Мойша подтвердил это и самоустранился от нас. Он основательно засел в конторе, вокруг которой становилось всё более оживленно. Начали прибывать всякие поставщики, подрядчики и прочий люд.

Сотрудничество с новым бригадиром серьёзно подпортило атмосферу налаженного труда и быта. Не знаю, сколько Мойша платил этому «сержанту», но его бестолковый энтузиазм и суетливость достали нас уже на второй день его руководства. Он мог, как в порядке вещей, припереться к нам в нерабочее время и назойливо призывать нас отложить все дела и срочно пойти что-то разгрузить. Робкие аргументы об истекшем, достаточно продолжительном рабочем времени, мало что значили для него. На все случаи был один ответ: «Скоро детей привезут, а у нас ещё не все готово».

Работа под его руководством превратилась в марафон-штурмовщину, а отдых был подпорчен регулярными просьбами-призывами где-то, что-то доделать.

Заканчивалась вторая неделя сотрудничества с боссом Мойшей. Со дня приезда бригадира Бени наши контакты с боссом свелись к минимуму. Зато его молодой смотрящий Беня доставал нас теперь 24 часа в сутки.

Наконец, начали прибывать дети. Привозили их партиями на автобусах. Или же родители подвозили своим транспортом.

По национально-религиозной принадлежности народа, нахлынувшего в лагерь, стало ясно, что лагерь наш особый, и режим отдыха здесь будет с определенным религиозным уклоном.

Кроме казарм для детей, (кстати, только мальчиков), на территории лагеря были и домики для семей. Лагерь заполнялся шляпами, бородами, сюртуками, чемоданами и сундуками.

Молодёжь была экипирована на удивление основательно, на все случаи жизни. Спортивная сумочка, с которой я прилетел с другого континента, была просто школьным ранцем в сравнении с теми сундуками, которые привезли с собой детки.

Пока детский религиозный десант шумно оккупировал казармы, мы выгружали из автобусов их багаж и развозили на грузовичке. Рабочее время подходило к концу, а чемоданов навезли гору. Назревали переговоры с Мойшей о сверхурочных работах. Когда рабочее время закончилось, мы присели у чемоданной горы на перекур. Спустя несколько минут наш бригадир прилетел к нам с вопросом на лице.

Пришлось объяснять, что ещё задолго до его появления здесь, с Мойшей состоялся договор о рабочем времени и размере оплаты. И следует помнить, что наше рабочее время с 8 до 18,

суббота — выходной. Что же касается трудовых авралов в интересах счастливого еврейского детства, то эти случаи надо бы обсудить дополнительно.

Такое проявление пролетарского сознания озадачило Беню. Его армейские призывы-команды «взяться дружно» не расшевелили нас. Тогда он попросил не расходиться и обещал сообщить о наших претензиях боссу.

Спустя минут пятнадцать они вернулись вместе. Боссу было явно не по душе разгребать проблемы, которые он возложил на бригадира. Всем своим надутым видом и сердитым тоном Мойша показывал, что не воспринимает всерьёз наши капризы, и не намерен тратить на эту чушь свое драгоценное время и терпение.

— Что случилось, ребята? — раздражённо обратился к нам босс.

— Ничего не случилось, просто закончилось рабочее время, и мы намерены разойтись на отдых. Вот только Беня считает, что мы должны работать 24 часа в сутки.

Босс сморщился от всего этого, как от дурного запаха.

— Ребята, вы же видите, приехали дети. И сейчас не время для споров. Обсудим все это в более подходящее время. Я учту ваши переработки при начислении зарплаты, — неопределённо заявил босс.

Затем, выразив надежду на правильное понимание ситуации, он спешно оставил нас с пастухом Беней. Удалился в контору, дав всем понять: не втягивайте меня в свои дешёвые разборки. Я плачу деньги не для того чтобы меня доставали.

Бригадир включил свой сержантский энтузиазм и поспешил поправить пошатнувшийся авторитет.

От чего-то съеденного, или услышанного, у меня разболелся живот. Моё моральное и физическое состояние не соответствовало сверхурочным работам. И перемены в поведении босса по отношению к нам начинали беспокоить, подобно расстроенному желудку.

Распаковываясь, детки выставляли полупустые чемоданы и сундуки на крыльцо казарм. Мы должны были подбирать их и свозить в отведенное для хранения место. Изматывающие приступы обиженного желудка гоняли меня в туалет каждые десять минут. Продолжать этот сверхурочный мазохизм становилось невыносимым. Место для складирования сундуков отвели на чердаке над медпунктом. Мой земляк и один из поляков забрались наверх, а мы с таджиком таскали чемоданы из грузовика и подавали им на чердак. В общем-то, работа была сносной, если бы не боли живота и зародившееся сомнение.

Наши коллеги скрылись в потёмках чердачного пространства

и принимали от нас чемоданы через квадратный люк, к которому вела лестница. Но делали они это крайне медленно. Мы были вынуждены торчать на виду и ожидать их сигнала для подачи очередного сундука. Меня терзал расстроенный желудок. Таджик нервничал. Пока я сбегал в туалет, он слазил на чердак поторопить коллег. Вернувшись из туалета, я застал его в паническом настроении. Оказалось, наш таджикский товарищ, стал невольным свидетелем мелких краж. Он возбужденно и сбивчиво доложил мне об увиденном на чердаке, и просил предпринять что-нибудь во избежание неприятностей. Истекающий холодным потом и поносом, я вяло интересовался: чего его это так волнует? Наше дело — подавать им чемоданы, а их — принимать и складировать. Если им там хочется, пусть занимаются ещё и сортировкой вещей. Нам-то чего беспокоиться!?

Но его боязнь оказаться несправедливо обвинённым в соучастии была неукротима… Подобно моему поносу, который беспокоил меня побольше, чем происходящее на чердаке. От неконтролируемых желудочных коликов меня бросало в пот и дрожь. Мой напарник настойчиво требовал от меня повлиять на земляка. Подталкивал слазить на чердак и взглянуть какую необъятную армейскую, брезентовую сумку облюбовал себе мой товарищ и теперь наполняет её подарками. Но я отказывался туда лезть, боясь опоздать в туалет.

В очередной раз, я обещал скоро вернуться и помчался в туалет, уже в своей комнате. Едва успев донести свою боль до унитаза, я принял решение не возвращаться на работу, а оставаться здесь наедине с внутренней проблемой.

Часа два спустя, ребята вернулись с работы. Кто-то пешком, с полными штанами страхов. Другие на грузовике, с трофейными армейскими мешками. От них я узнал, что босс обещал подойти к нам в столовую к девяти часам и урегулировать назревающий трудовой конфликт.

Позднее, когда все, кто хотел, помылись и поужинали, заявился босс в сопровождении молодого помощника. Мойша дипломатично прихватил с собой холодное баночное пиво для быдла. Заседание началось с раздачи напитков и благодарностей за сверхурочную работу. Затем последовал вопрос:

— Так о чём вы хотели поговорить со мной? — обратился к нам босс, и уставился на меня в ожидании ответа, хотя хорошо знал, что молодой поляк прилично владеет языком.

Ребята, неохотно отрываясь от банок, поручили мне, от их имени, объяснить боссу всё, что нас волновало.

Далее последовал диалог между предпринимателем-

работодателем и туристом-работником, утомленным поносом и сомнениями. Заверения о том, что мои вопросы и пожелания исходят от всего, пьющего пиво, коллектива, не вызвали у босса никакой реакции. Понятно, что мои предложения, обсудить порядок оплаты сверхурочных работ, а также выплатить зарплату за отработанные две недели, огорчили хозяина.

— Вы что, не верите мне!? — по-одесски ответил он вопросом.

— Верим, но хотим, чтобы наши отношения были более конкретны и предсказуемы.

— Так что же конкретно, ты, Серджий, хочешь? — с заметным раздражением продолжал Мойша.

— Мы просим, чтобы соблюдались изначальные условия о 10-ти часовом рабочем дне и шестидневной неделе. А также, выдавать зарплату еженедельно, наличными. Вот и все, чего мы хотим.

— Если это всё, то я постараюсь решить возникшие проблемы. Но зачем вам наличные деньги до окончания работы в лагере? Где вы собираетесь их хранить?

— Честно говоря, наши заработанные деньги нам понадобились потому, что по мере их накопления, меняется ваше отношение к нам.

— Что ты имеешь в виду? — с явным любопытством отреагировал босс.

— Мы имеем в виду то, что последние дни управляющий Беня привлекает нас к работам, когда ему захочется и сколько захочется. Совершенно не считаясь с условиями нашего договора. Полагаем, когда подсоберется наша зарплата ещё за пару недель, то с нами уже никто не будет обсуждать никаких вопросов.

— Серджий, это кто так считает? Ты?

— Нет, это наше общее мнение.

— А ты взгляни. У них сейчас есть работа на ближайшие два с половиной месяца, питание, никаких хлопот и расходов на аренду жилья, вокруг чудная природа, холодное пиво после работы… Все довольны! В Бруклине вы всего этого не имели. Так о каких проблемах ты мне рассказываешь? Если что-то не нравится именно тебе, тогда давай обсудим твои претензии.

— Можно и так. Тогда, я хотел бы получить зарплату за отработанное время, и впредь, получать своё еженедельно.

— Хорошо. В конце недели получите свои деньги. На сегодня всё?

Не дожидаясь ответа, босс и его адъютант поспешили покинуть нашу столовую.

Осоловевший интернациональный трудовой коллектив

беспорядочно забухтел о необходимости профсоюзного движения, объединяющего нелегальных работников в США, о ежедневном холодном пиве за сверхурочные работы, об учреждении первичной комсомольской и компартийной организации в лагере… Затем поток предложений перерос в русско-польские дебаты о еврейском вопросе и об исторической роли Гитлера и Сталина. И, конечно же, о вездесущем тайном разрушительном участии сионизма в мировой истории… в целях создания пресловутой господствующей нации. Вскоре, собрание разделилось на два лагеря. Поляки примитивно свели дебаты к территориальным претензиям к русской стороне.

Из столовой неожиданно прибыл Игорь. Вид у него был натруженный и озабоченный. Очки, подремонтированные ещё дома в Свердловске, с помощью синей изоляционной ленты, запотевали, поэтому он постоянно снимал и протирал их. Фартук жирно блестел, противно попахивая. Игорь был чем-то взволнован и хотел поговорить с нами. Но ему не удавалось встрять в коллективную историческую разборку со своим мелким кухонным вопросом. Закурив и выждав благоприятный момент, он с трагическим видом известил русскую и польскую стороны о ситуации на еврейской кухне. Из его доклада и по его потно-замызганному виду мы поняли, что работники общественного питания оказались не готовы к такому количеству гостей-едоков. Они едва успели управиться после обеда, как толпа привалила на ужин. С его слов, шахтёр Паша, как кухонный работник, совершенно неприспособлен к такому лагерному режиму работы. Якобы, он не поспевает, постоянно жалуется на жару, тоскует по сибирской шахте и жене. Свой доклад Игорь закончил неутешительным, но реалистичным прогнозом. Если продолжать кухонные работы в прежнем составе и темпе, то они с Пашей вряд ли и до утра перемоют эти горы посуды. А предполагается, что это ещё не все детки приехали.

Его предложение доложить боссу о ситуации, и сообща предпринять что-то, насторожило и отрезвило трудовой коллектив. Собрание поспешно самораспустилось, все спешно разошлись по комнатам. Перспектива быть причастным ещё и к проблемам кухни не радовала никого. Игорю же не терпелось выплеснуть всё накопившееся нам и босу, и в этом ему нужна была помощь. Так как коллектив, сославшись на усталость, не проявил признаков пролетарской солидарности, то Игорь робко попросил меня пойти и объясниться с шеф-поваром. Прямо сейчас!

Я ответил, что сегодня я уже достаточно объяснялся с самим боссом. Болит живот, хочется спать, и вообще… Начинаю скучать

по Нью-Йорку.

Следующий день прошел в плотной рабочей суете. Везде срочно что-то передвигалось, доделывалось, убиралось. Ощущалась натянутость отношений. Контакты с боссом свелись до минимума, и причиной тому была не только его занятость. Молодой управляющий Беня весь день суетился с нами, но был более осторожен и внимателен. Видимо, босс приказал ему наблюдать за поведением и настроением работников и докладывать о замеченном.

Во время обеденного перерыва я встретил Пашу незанятым. Он как-то грустно отдыхал, слонялся в нашей барачной столовой. На мой вопрос, как поживает, он кисло отшутился и попросил подстричь его.

Вечером, после работы, мы нашли место в сторонке — и я стриг его заросшую головушку. С Пашиних слов, последний раз он стригся еще дома, в Сибири. Я стриг его и слушал. Настроение у бывшего шахтёра — упаднические, силы покидали его, а кухонная работа вызывала аллергию. Температурные условия и темпы работы, оказались непосильными для Паши. А сегодня, вероятно от жары, пошла носом кровь, и шеф-повар отпустил его с Богом. Паша выражал готовность получить расчёт за отработанные им дни и съехать.

Я пытался объяснить ему, что съезжать следует, когда есть куда и с чем, а не в его положении. Мои советы, поработать еще 2–3 недели, и лишь с пятью-шестью сотнями дергаться куда-то, — не воспринимались. Парень-пенсионер был аккуратно подстрижен, но морально и физически сломлен.

В Пашиной истории я видел Америку глазами незадачливого гостя из России. Грустно, но не смертельно. Можно и нужно сопротивляться. Жизнь в советской Сибири приучила его к иным ценностям и человеческим отношениям. Здесь же ценность номер один — Доллар, и все человеческие отношения круто замешаны на нём. До смешного просто: прилететь сюда из России или Украины и начать называть себя не Сашей, Лёшей, Максимом, а — Алексом или Максом, поменять одежку, «украсить» свою речь десятком английских слов, половина из которых нецензурные. Несколько сложнее — найти своё место в чужой жизни-марафоне, и в приемлемом для себя темпе и ритме двигаться к поставленным целям, оставаясь собой.

Паша, к этому моменту, не очень-то хотел и мог постигать что-либо. А тем более — приспосабливаться к новому языку, климату, иным ценностям и отношениям. Он просто и откровенно затосковал по друзьям и рыбалке в своей Сибири. Эти радости были далеки и недосягаемы, поэтому он регулярно связывался с

женой по телефону; откровенно хныкал, выражая своё желание приехать к ней. Однако его всхлипы звучали более естественно, чем американизированный выпендреж советских суперменов: «Привет, это я, из Нью-Йорка, у меня всё О-Кей!»

А между тем, в столовой назревала очередная производственная необходимость. Во время обеденного перерыва нас посетил Игорь. Весь взмыленный, в замызганном чёрном фартуке висящем на голом, блестящем от пота и жира, хилом торсе. Православный крест тактично предательски исчез с его впавшей груди. Изолента на очках начала отклеиваться, кончик её болтался между глаз. Он был больше похож на работника ЖЭКовской живодёрни, чем на помощника повара.

Игорь жаловался, что с обеда пахает в неполном составе, без напарника. Уже дал знать шеф-повару, что после ужина, без привлечения дополнительных работников, он один не в силах всё перемыть. Кто может быть в лагере этими дополнительными работниками, мы хорошо знали.

Снова захотелось в Нью-Йорк. Долго ждать не пришлось. Закончив рабочий день, мы были сверхурочно приглашены на кухню. Аргументы наших хозяев были просты, — Надо! Ситуация требует. Скоро прибудут дополнительные работники, и тогда всё наладится, а сейчас…

Здравствуй, Грусть!

Рабочий день затянулся до часов двух ночи. То, чем мы занимались этой ночью, здорово напоминало армейскую службу, наряд на кухне. Подобными были и поставленные перед нами задачи, и немая, безрадостная покорность, с которой мы уткнулись в них. В армии это называлось воинской службой и обеспечивалось волей офицеров и прапорщиков, возведённой в закон. А здесь — работой, на основе материальной заинтересованности. И эту заинтересованность, уже третью неделю, босс услужливо придерживал у себя. Такая ситуация определенно не нравилось мне: коллективная немота коллег, режим труда и отдыха, услужливость нашего босса в хранении заработанных нами денег, — всё это вызывало беспокойство. Если у него на хранении подсоберутся ещё двух-трех недельные активы работников, то он, пожалуй, легко сможет уговорить нас не только работать по 20 часов в сутки, но и изучать талмуд, в свободное от работы время.

Туристическая программа складывалась паршиво. Надо бежать, пока дело не дошло до обрезания. Всё это уже когда-то было: в детском саду, школе, армии, университете. Везде, в той или иной степени, тебя пытались построить, приучить, убедить, обломать, поиметь.

Отрабатывая на кухне сверхурочную ночь, я расспросил Игоря о работе и быте в исправительном лагере. Удивлялся ему, как это он — «правозащитник» с трехлетним стажем лишения свободы, вляпался в это кухонное дело. А ведь гражданин не какого-то полупризнанного Израиля, а богатейшей супердержавы — страны, с редким культурным наследием, историческим опытом рабочего и профсоюзного движения… С разветвлённой сетью карательных «народных» органов, контролирующих это же движение. Прошёл ГУЛаг и медные трубы! Сохранил свои честь и достоинство, в прямом (от слова прямая кишка) и переносном смысле. И после всего, оказался на этой пархатой кухне. Прилетел из революционного города Свердловска (Ешуа-Соломон Мовшович Свердлов — революционер-тиран, начавший карьеру профессионального киллера с двадцатилетнего возраста), и приземлился в еврейском лагере в глубинке штата Нью-Йорк.

В этой случайности прослеживается горькая историческая ирония и наглядный пример мировой еврейской паутины.

— Та мне бы только подсобрать первые денежки, для раскрутки в этой стране, и тогда… Видал я в гробу весь этот ненормированный иудейский шабаш с их бесконечным жаренным чикеном (chicken), — строил планы Игорь.

Худо-бедно, общими усилиями, к двум часам ночи, поставленную перед нами кухонную задачу, мы передвинули до завтра.

А завтра, началось с уборки синагог. Лагерные синагоги начали функционировать и кто-то должен содержать их в достойной чистоте.

Занимаясь этим, мы обследовали все закоулки. На сцене, за занавесью, я обнаружил давно забытые хозяевами два катушечных магнитофона: Sony и Kenwood, с крепкими головками и сквозными каналами. Габариты и вес аппаратов не позволяли предпринять что-либо по их спасению в данный момент. Я ограничился лишь тем, что бережно очистил их от пыли и перенёс в дальний уголок, прикрыв тряпьём, прочь от глаз антихристов. Этими морально устаревшими динозаврами электроники, явно давно не пользовались и вряд ли будут. А у меня дома, всё ещё упрямо хранилась огромная музыкальная коллекция на магнитофонных катушках.

Но задуманная транспортировка безнадёжно устаревших для синагоги магнитофонов, в Новый Йорк, а затем — через Атлантический океан — в Новую Каховку, так и не состоялась.

После синагоги нам предложили почистить спортзал. В прежнем составе: я, мой земляк и таджик, перетащились со своим инструментом из синагоги в спортзал. Объект представлял собой

полномерную баскетбольную площадку с деревянным полом, который следовало помыть. Мы прибыли туда во время перерыва в занятиях. У баскетбольных щитов с мячами резвились молодые хасиды. Появление троих, известных в лагере субъектов, с метлами и швабрами, следовало понимать, как «пора всем покинуть помещение». Прозвенел звонок на урок, и юноши разбежались по классам изучать своё единственно верное учение.

Перед началом чистки решили сделать разминку с мячом. Во время игры мы заметили оставленный кем-то на скамейке бумажник. Сомнений, что рано или поздно, кто-нибудь вернётся за ним, не было, и меня удивил нездоровый интерес моего земляка, с которым он кинулся к своей находке.

— Сделай же что-нибудь, — запричитал таджик и поторопился в другую сторону, к щеткам и швабрам.

Содержимое бумажника уже обследовалось, когда я заявил, что не буду ни в каком качестве принимать участие в разбирательствах в случае конфликта.

— Думай сам: иметь или не иметь. Но при разборках, не ссылайся на непонимание претензий, и меня к этому не привлекай.

— Я тоже ничего не видел! — вставил таджик.

Такая дружная неподдержка озадачила нашего коллегу. Таджик, отстранившись от возникшей ситуации, угрюмо работал щеткой и бормотал призывы к Аллаху.

Мытьем полов и катанием мячей, поглядывая на часы и на бумажник, мы заканчивали своё дело на объекте. Не знаю, чем бы всё закончилось, но до нашего ухода в спортзал забежал вполне взрослый парень, вероятно, начинающий преподаватель Моисеева Закона, и уверенно направился к предмету нашего беспокойства. Прихватив бумажник, он на ходу бегло заглянул вовнутрь, скользнул взглядом по нашей компании, наверняка запомнил нас и вышел.

— Шайтан не попутал нас. Слава Аллаху! — с облегчением подвёл итог наш таджикский коллега.

А ситуация представлялась достаточно живо: хозяин не находит свою вещь и, разумеется, обращается к нам со своим вопросом. Это очень удобно, абсолютно не понимать чужой язык в проблематичных ситуациях, и проявлять разговорную активность в случаях типа «доброе утро, босс! я рад вас видеть, босс!»

После спортзала нас направили на уборку классов. Когда мы прибыли, там ещё продолжались занятия, и нас просили потерпеть минут 20. Мы согласились. Усевшись на травке возле входной двери в класс, которая была открыта, мы могли слушать урок. Это были многократные хоровые повторения за учителем

каких-то фраз. Если не видеть аудиторию учащихся, то можно было подумать, что они изучают иностранный язык. Но исступление, с которыми, бубнились заклинания, кричало, что учат здесь не язык, а нечто более важное и судьбоносное.

Столы в классе завалены толстыми книгами, у многих учащихся — диктофоны.

Пока в классе нестройным хором обращались к своим Богам, между нами стихийно возникла атеистическая дискуссия на тему «уместны ли технические средства для изучения религиозных догм?» И заберут ли они с собой свои диктофоны, когда закончат урок и предоставят нам, наконец, помещение для чистки? Таджик, поняв сатанинскую суть обсуждаемого нами вопроса, вспомнил об Аллахе и убежал, пробормотав какую-то невнятную причину отлучки с объекта.

Когда учащиеся вышли из класса, мы приступили к своим материальным делам. Но трое неуспевающих, с хилыми реденькими бородёнками, закатив в экстазе глаза, продолжали блеять о чём-то сокровенном. Мы уважительно повременили с началом уборочных работ и полистали их книжищи. Не найдя ни еденной знакомой буквы в писаниях, и даже не определив: с которой стороны — слева или справа — читается это дело, я отложил книгу и примерял чей-то сюртук и шляпу.

«Нееврей, который интересуется законами евреев, либо изучает их, заслуживает смерти»[3]

Зеркала в классе не было, но и без него я мог видеть свои костлявые, волосатые ноги в кроссовках, комично торчащие из-под чёрного сюртука. Получился этакий шотландский вариант хасида-ортодокса. К сожалению, брюк в классе не оставили. Я взял самый толстый талмуд под мышку и окликнул своего коллегу. На вопрос, сошел бы я за их парня, если ко всему этому добавить мою рыжую бороду и чёрные брюки с башмаками, он ответил, что и раньше никогда не воспринимал мою фамилию всерьез. Я отложил талмуд и взял щётку. Попробовал свое дело в этом наряде, оказалось, крайне неудобно. Пришлось вернуться в собственную шкуру. Подметание полов в чёрной фетровой шляпе (не хуже Горбачёвской) и сюртуке из качественной английской шерсти болезненно напоминало мне о несоответствии занимаемой должности.

Пятница — конец недели. У них — подготовка к шабашу, а у нас — повышенная трудовая активность. К заходу солнца они наряжаются в парадные сюртуки и шляпы, плотно набиваются в синагоги и неистово сотрясают воздух нестройными хоровыми стенаниями. В это время им не до нас.

Я могу отвлеченно понять их религиозные чувства, особенно

их упрямое самоубеждение в своём превосходстве над прочими неполноценными гоями. Но воспринимать всерьёз многие условности, которыми они сопровождают свои еженедельные шабаши, я едва ли мог.

Взрослые, бородатые дядьки протягивают, от дерева к дереву, верёвочку вокруг всего лагеря, условно отмечая территорию гетто для коллективного духовного онанизма, в соответствие со своим хасидским учением*. Во время этих действ, они не позволяют себе даже мысленного соприкосновения с какой-либо работой. Чтобы включить освещение или откупорить бутылки с питьевой водой — для этого богопротивного дела приглашается работник-гой. В общем-то, дело не пыльное и даже забавное, и мы охотно идём навстречу их иудейским пожеланиям. (Евр. hoi — народ. Так евреи называют всякого нееврея, неправоверного. Общее еврейское название для всех — не евреев; гой — звучит с оттенком презрения.)

Но в период шабаша они отказываются, также и думать, а уж тем более, говорить с посторонними о делах. В пятницу вечером заканчивается рабочая неделя и нам, как им помолиться, хочется, если не получить наличными, то хотя бы услышать устное подтверждение о начислении каждому того, ради чего мы здесь холуйствуем.

Так, перед началом святых действ, когда босс и его адъютант-бригадир уже облачились в праздничные сюртуки, я, от имени и при поддержке трудового коллектива, кощунственно напомнил об их обещании выплатить нам наличными все трудовые активы. Как я и ожидал, такое напоминание глубоко оскорбило религиозные чувства работодателей. Они недовольно просили нас продолжать работу и ожидать.

Перед самым началом религиозных оргий в главной синагоге, босс, в сопровождении своего адъютанта, посетил нашу столовую. Оба держались подчеркнуто официально, и всем своим видом исключали какие-либо торги. С собой они принесли заготовленные конверты с наличными для каждого работника и списки с тщательно законспектированными рабочими днями и часами. В списках, на удивление чётко были зафиксированы неполные рабочие дни и совершенно не упоминались наши сверх удлинённые рабочие будни, переходящие в ночи. Но главным сюрпризом для меня стало то, что к выплате мне предоставили, лишь за две недели, — строго по 220 долларов за каждую. За одну неделю зарплату почему-то придержали. Объяснил это босс тем, что однонедельная зарплата остаётся у работодателя до окончания договорных работ, в качестве залога. В случае расторжения трудовых отношений по инициативе работника, без

согласования сторон, залог остается работодателю в качестве компенсации. Иными словами, этот залог обеспечивал послушание работника. О доплатах за сверхурочные часы босс отказался беседовать с нами, важно сославшись на шабаш.

Я предположил, что и по окончанию работ в лагере, получение залога может быть обусловлено каким-нибудь неожиданным дополнительным условием, предписанным их иудейским законом. Например, нашим обрезанием.

Аргументы к босу о том, что мы так не договаривались, не были услышаны. Нас имели в виду.

С пятьюдесятью долларами я уже прибывал в Нью-Йорк. Теперь мне захотелось вернуться туда с 500. К тому же, я уже кое-что знал в этом городе. Я чувствовал, что не задержусь в этом летнем гетто. Отношения с боссом были натянутыми. Я высказал ему своё мнение по поводу примитивного метода удержания работников и управления ими.

Сегодня у них по расписанию шабашный ужин после которого, снова возникнет потребность в нашей сверхурочной помощи. А завтра у нас по договору — выходной день, но хрен они смогут обойтись целый день без нашего участия! Кому ещё, как не нам, убирать, мыть, чистить и подносить, когда весь лагерь будет говеть в шабашных обжорствах и молитвах? Этот же, обиженный на нас босс, пришлёт к нам своего смотрящего и тот будет призывать нас поработать несколько лишних часов. Если не хотим потерять хранящиеся у босса деньги.

Тем не менее, неделя закончилась. Начинать новую, в сложившихся производственных и человеческих отношениях — не очень-то хотелось. Мысленно проигрывались сборы, отбытие из лагеря и возвращение в Бруклин.

Шабаш начал официальную часть в центральной синагоге. После этого все перейдут в столовую, и там состоится затяжной, обильный ужин с песнопениями. Я не находил ответа на вопрос, как после торжественного ужина управится неполная бригада кухонных работников?

Уже к часам 11 вечера, когда мы собирались залечь спать, с ответами на все вопросы пришел блестящий от пота и жира Игорь и вызывающе нарядный бригадир Беня.

Можете обвинять меня за подобные наблюдения и выводы в каких угодно грехах, но эта нация действительно отличается некоторыми, присущими только ей, качествами! Лишь несколько часов назад, оно стояло здесь с боссом, важно раздувало щеки и давало нам — гоям, понять, где наше место. А теперь притащил с собой в качестве заложника загнанного на кухне Игоря, и по-приятельски приглашает нас поработать ночью.

— Помогите своему товарищу! — призывал нас Беня.

Я бы так не смог.

Невольно задумаешься об исторически сложившемся отношении к избранной нации. Когда их бородатые педагоги, не заботясь о том, что ты слышишь их и что-то понимаешь, указывают молодым воспитанникам на нас и сравнивают с неполноценными, слепыми, заблудшими животными…

Игорь тоже просил нас помочь, ибо одному до утра никак не убрать все кухонные шабашные останки. Нам ничего не оставалось, как присоединиться к нему. Бригадир Беня был доволен собой. Вероятно, он думал, что, имея в качестве залога по 220 долларов с каждого работника, они теперь держат нашего Бога за бороду, и смогут вертеть нами, как и сколько им угодно. Его самодовольный вид хозяина положения окончательно склонил меня к решению расстаться с ними.

В субботу утром мы могли отоспаться. Но как только выползли из комнат, с нами сразу же захотели переговорить.

Конечно же, босс понимал, что у нас всего один свободный день в неделю и у каждого какие-то планы. Но столовая должна работать. Детям и гостям не будешь же объяснять, что шахтёр Паша предал нас в такой напряженный период. Получив расчёт за отработанную неделю, он тихонько отъехал к своей жене, оставив взмыленного Игоря на кухне одного. Но скоро все наладится и зачтётся, а сейчас надо помочь…

Слушая его посулы, я думал о том, как своевременно и мудро сбежал с кухни Паша. Удивлялся коварному Мойше. Как он ласково приглашает нас поработать на него семь дней в неделю по 14 часов ежедневно, а на всякий конфликтный случай, придерживает у себя наши денежки. Да эти избранные и всеми «обиженные», если дорвутся до власти (впрочем, почему «если»? Они уже давно и везде при власти), всех прочих за людей считать не будут! Оказавшись в большинстве в маленьком лагере, они открыто дают нам понять, что мы — неполноценные.

В обсуждении деталей очередного субботника я уже не принимал участия. Было ясно, что мои коллеги, нравится им это или нет, согласятся с его уговорами. А стоило лишь, всем дружно сказать «нет» и очередной шабаш захлебнулся бы в их собственном дерьме. И босс Мойша, как миленький, выслушал бы наши требования о выплате зажатого им залога, условиях оплаты сверхурочных работ, имел бы нас не за быдло, а за людей, с которыми следует считаться.

Но кто-то кому-то уже что-то обещал. Работники, молча, разбрелись по комнатам переодеваться. Я тоже ушёл в комнату. Собирать сумку.

Мой земляк расспрашивал меня, куда я подамся, где буду жить и что делать? На все его вопросы я мог лишь ответить, что оставаться здесь и позволять им иметь себя, как бессловесное животное, у меня нет никакого желания. Чего ради, и какая необходимость так унижаться? Это же очевидно, что им мало иметь нас как дешёвую рабсилу, им хочется ещё и показать своё превосходство над нами.

Сами-то они полны сомнений. Достаточно на них взглянуть — все признаки вырождения! Обрезанные биороботы. Среди подростков единицы умеют плавать… Почти все, без сюртуков — рахиты. Отгородили в озере лягушатник площадью 20 квадратных метров, закрепили свои очки резиночками и учатся плавать. Детям не разрешают разговаривать с нами, опасаясь чуждого влияния, да ещё приговаривают им: не будете учиться, уподобитесь этим животным…

Когда сумка была собрана. Оставалось дойти до трассы и там пристроиться на какой-нибудь транспорт, идущий в Нью-Йорк. Земляк вызвался проводить меня. По дороге он искренне интересовался: не страшно ли мне вот так, одному, наобум, куда-то ехать? Уезжать в Нью-Йорк, особенно, когда завтра там будут праздновать День Независимости — не так уж и страшно, как оставаться здесь ещё на два месяца в качестве бессловесного быдла.

Мы сошли с гор в сонный предпраздничный городишко. Выбрали место на обочине трассы, возле светофора, где транспорт, идущий в направлении Нью-Йорка, приостанавливался, и можно было заявить о своём намерении-направлении. Реакцию проезжающих на мою заявку можно было оценить как молчаливое удивление. Очевидно, что такой способ путешествия — уже в далёком прошлом, и моё появление с сумкой на обочине лишь праздно развлекало проезжающих. Вероятность быть приглашенным к попутной езде оказалась ничтожной. Посовещавшись, решили, что моему земляку и бывшему сотруднику, пора возвращаться в лагерь — образчик Нового Мирового Порядка. Мне же — пора предпринимать самостоятельные шаги. Договорились, что как только я определюсь с местом жительства, я сообщу ему свой адрес.

На этом, наше короткое совместное путешествие «Новая Каховка — Новый Йорк», закончилось. Что не случается — всё к лучшему. А в данном случае — к всеобщему облегчению.

4

Я остался со своей сумкой на обочине, а он пошёл обратно в лагерь. Ему предстояло объяснить боссу, что меня не следует ждать. А оставшийся у него залог, можно потратить на хирургические обряды обращения в иудейскую веру работников-иноверцев.

Мне же, следовало заканчивать праздничное представление на обочине, символизирующее романтическую Америку 60 — 70-х годов, и начинать новую серию своего кино о туризме.

Суббота. 3-го июля 1993 года. Городишко Liberty, штат NY, Солнечный полдень. Я свободен. С удовольствием убедившись, что я снова абсолютно один, и никому до меня нет дела, я перешёл через трассу и присел на скамейке возле придорожного магазинчика. Здесь также останавливались автомобили, движущиеся в оба направления. Мне следовало настроиться на свою волну и сосредоточиться на текущих задачах. Теперь я был один, меня не доставали вопросами и просьбами. Восстанавливалось моё расшатанное внутреннее равновесие, я сосредоточился на планировании самостоятельных шагов. Солнышко начинало припекать. Я снял чёрную пиратскую футболку с эмблемой «Rock Cafe» и переоделся в белую, надеясь не только на спасение от солнца, но и на более положительную реакцию потенциальных попутчиков.

Передо мной в автомобиль с нью-йоркскими номерами усаживалась азиатская семья. На моё переодевание они дружелюбно улыбнулись. Я, уже в белой и свежей футболке, сделал шаг к ним навстречу и поинтересовался: не в Нью-Йорк ли они направляются? Они ответили мне с улыбками, но уже несколько натянутыми, что действительно едут в Нью-Йорк. А на мою просьбу прихватить и меня, мужская половина с настороженностью ответила, что посоветуется с женой.

Азиатская пара поспешно нырнула в автомобиль и защебетала на своем языке. Я же вернулся на скамью ожидания. По испуганно-извиняющейся улыбке-гримасе водителя, с которой он вынырнул из автомобиля, было ясно: моё предложение не принято. Он объяснял это неудобствами, связанными с тем, что с ними маленький ребенок, да и жена… Ну, ты понимаешь… Я понимал. Они уехали.

«…проклятие, произнесённое учёным раввином неотвратимо, даже если оно незаслуженно…» — так говорится в Еврейской Энциклопедии!

Я выбросил эту чушь из головы. Зашёл в придорожный магазинчик. Вместо покупки, спросил у дежурившего там человека об автобусах в направлении Нью-Йорка. Тот привычно и дружелюбно выдал мне информацию о местонахождении автобусной остановки. Это оказалось поблизости.

Прихватив сумку, я обратно пересёк трассу и прошёл мимо места на обочине, где осталась моя картонка с объявлением «To NYC». Автобусная остановка, как мне объяснили, была буквально за углом. Впереди меня торопливо шагали две женщины с дорожными сумками, а по соседней, пустой улице одиноко прополз блестящий на солнце автобус компании «Greyhound». Впереди идущие женщины замахали руками, сигналя о своём желании быть пассажирами, и прибавили ходу, насколько им позволяли сумки. Я тоже побежал. Обгоняя их, мимоходом выразил желание помочь с ношей. Те оценивающе взглянули на меня и мою сумку на плече и решили, что мне можно доверить одну свою сумку. Положительный диагноз моей внешности!

Метров 20 мы шли спокойно. Автобус остановился, некоторые пассажиры вышли покурить. Лишь бы что-то сказать, я спросил женщин, не в Нью-Йорк ли они?

— Почти, — коротко ответили они.

Добравшись до автобуса, я вернул им сумку, а они отблагодарили меня дежурными «thank you» и пластмассовыми улыбками. Женщины потащили багаж в автобус, а я подошёл к чёрному пузатому водителю в униформе. На всякий случай, спросил: довезёт ли этот автобус меня до Нью-Йорка?

— Конечно, сэр! За 26 долларов, — бодро ответил водитель.

Молча вручил ему деньги, и меня пригласили в автобус. Выдали билетик и сдачу.

В салоне усыпляюще дышал кондиционер, тонированные стекла защищали от яркого солнца. Автобус был полупустым.

Ехалось свежо и спокойно. Я устроил себе предпраздничный выходной день: самоустранился от неизбежных круглосуточных работ, но в тоже время, я вернулся к неопределённому туристическому бытию. Тратил деньги и время, не ведая, чем буду заниматься, когда приеду в Нью-Йорк. Включился непрерывный мысленный монолог.

До Нью-Йорка наш автобус делал остановки в нескольких городках. Пассажиров прибавилось. По мере приближения к Нью-Йорку появлялось всё больше признаков завтрашнего общенационального праздника. Основные и повсеместные праздничные атрибуты — звёзды и полосы красно-сине-белых цветов.

Конечная остановка — центральный автобусный терминал на

8-й авеню в центре Нью-Йорка. Несмотря на предстоящие бытовые хлопоты, настроение у меня было хорошее. Выйдя из вокзала на 8-ю авеню, я решил зайти в отель New Yorker, с надеждой застать там на своём посту брата Оноду.

Мне повезло. Онода был на месте и со скучающим видом охранял вход в отель. Мы не виделись с ним около месяца, и он не знал, где я пропадал. Моё появление вызвало на его лунообразном лице искренний восторг и удивление. Покинув свой пост, он по-братски обнял меня, а затем засыпал вопросами о моем исчезновении. Онода рассказал мне, как часто и качественно молился о моём возвращении. Наша встреча вскоре переросла в лекцию о силе молитвы. А времени у него до конца смены было много.

Наконец, он поинтересовался о моих планах, а я выразил надежду временно пристроить у него на хранение свою сумку, чтобы смотаться в Бруклин. Я обещал рассказать о том, где и как я пробыл этот месяц. Онода, возбужденный и заинтригованный возвращением блудного брата, охотно согласился принять мою сумку на хранение. Но взамен, я обещал вернуться сюда до семи вечера, когда у него заканчивается смена. Он уже строил планы, как мы поедем к нему домой, и завтра будем праздновать Independece Day.

Я обещал вернуться.

В запасе было около пяти часов времени, в течение которых я должен был поехать в Бруклин, там отыскать некоторых соотечественников, чтобы договориться о совместном проживании хотя бы на какое-то первое время. В общем-то, задача несложная, если есть деньги. Я был уверен, что этот вопрос решится сегодня же. Но уже в поезде заметил, что день выходной и предпраздничный. Вагоны были, необычно для этого времени, пусты.

Зашёл к Юрию на East 2-ю. Никто не отозвался, все где-то гуляли. Нырнул в нашу берлогу на West 9-ю, с намерением узнать у соседа Эрика о возможной почте для меня, и о сдающихся в аренду комнатах в доме. Но и там никого не повидал и ничего не узнал. Позвонил Славке. Его хозяйка — бабушка доложила, что он уехал в Провиденс по каким-то своим делам, когда вернётся — не знает. Бабуля поинтересовалась: где я пропадал, и мне пришлось коротко ответить ей. Она была готова поговорить о еврейском вопросе, и склонна разделить со мной некоторые горькие выводы, вынесенные из трехнедельной командировки. Но мне было не до того. Я лишь отметил её огромный жизненный опыт и понимание. На том и распрощались. Оставалось — вернуться к Ономе, с которым у меня была хоть какая-то

договоренность.

Онода, засидевшийся на дежурстве, с бурным энтузиазмом выплеснул на мою притомленную головушку план мероприятий на ближайшие два праздничных дня. Договорились, что пока он будет сдавать свой пост, я сойду на нижний подэтаж и подожду его в кафе, в котором не был целый месяц.

Мне нравилось пространство под первым этажом в этой гостинице. Там всегда было тихо и безлюдно. В магазинчике-кафе постоянно работали ребята и девушки из Кореи. Туалет с большими зеркалами всегда был чист, как хирургическое отделение.

Я, подуставший и озадаченный проколом в Бруклине, с удовольствием расслабился и почистил перья в этом подземном санитарном убежище. Когда вышел из туалета, Онода уже ожидал меня, сидя за одним из столиков кафе. Как он объяснил, у нас был целый час до отправления электрички, которой мы поедем к нему домой. Время убили сидя в кафе и поедая легкий ужин.

Оттуда мы направились на вокзал. Нырнули в сабвэй и проехали не более двух остановок. Вышли на Grand Central Station. Вокзал приятно удивил меня. В нём было нечто совсем неамериканское. Огромное, подобное храму, помещение с высоченными сводами приятно не соответствовало моему представлению о вокзалах.

Месяц назад, перед отлётом, я, как сквозь строй, прошёл через несколько железнодорожных вокзалов Украины и России; все они, как один, были концентрацией грязи и человеческой неустроенности, местом приюта убогих, бездомных и вынужденно ожидающих.

Вокзал не угнетал. Впервые попавшему сюда, во всяком случае, мне, хотелось пройтись и осмотреться. Ещё одна архитектурная неожиданность Нью-Йорка.

Онода достал фотоаппарат. Оглядевшись вокруг, он вычислил проходящую мимо молодую японку — явление, на удивление, многочисленное в Нью-Йорке, и запросто обратился к ней на своём языке. В коротком диалоге они щедро одаривали друг друга улыбками и поклонами. Затем, он вручил ей фотоаппарат, стал рядом со мной, дружески обнял меня и включил свою улыбку. Его землячка дважды ослепила нас вспышкой. Далее, Онода, перейдя на местный язык, торжественно представил меня как своего русского друга из Украины. Мы обменялись рукопожатиями и познакомились. Я пошутил, что у Оноды по всему Нью-Йорку везде друзья, знакомые и земляки. Спросил, знали ли они друг друга ещё в Японии? Они посмеялись и признали, что здесь действительно много японцев.

Барышня проявила интерес к нашей случайной встрече и рассказала, что учится в каком-то художественном колледже, много читала о России, и ей хотелось бы поговорить со мной. Я ответил, что не вижу никаких препятствий для этого. Онода нетерпеливо затоптался и напомнил, что нам пора на электричку. Его землячка поспешила спросить, где я живу. Услышав, что, вероятно, я остановлюсь где-то в Бруклине, она радостно сообщила, что тоже там проживает. Достала карандаш и написала свой домашний телефон. Вручая мне, листок со своим номером, объясняла в какое время лучше звонить. Онода по-хозяйски принял этот листок и ответил ей, что пока я не могу дать свой телефон, поэтому, он сам посодействует нашей связи. На этом и разошлись.

Шагая к электричке, Онода, вдруг, помрачнев, завёл лекцию о сатане, который постоянно появляется в нашей жизни в самых неожиданных обличиях и коварно искушает нас. Стал приводить статистические данные о жертвах СПИДа и живописать ужасы человеческой порочности.

Я подумал о том, что с его землячкой мне было бы интересней поговорить, и спросил Оноду не совсем по теме:

— А где телефон этой студентки? Я хотел бы записать его себе.

— Какая студентка? — удивил меня Онода идиотским вопросом.

— Ну, твоя землячка… Забыл её имя… Мы только что разговаривали… Она оставила свой номер телефона.

— Сергей, будь осторожен! Она не студентка, а имя её — Сатана! Ты мне веришь?

— Верю, но хотел бы оставить себе её телефон.

— Нет никакого телефона. Забудь о ней. Я — твой брат и должен заботиться о тебе и твоей душе!

Такая забота меня изумила.

После месячных скитаний от религиозных собраний к концентрировано-религиозным лагерям, я встречаю нормального, живого человека женского пола, а за меня решают и… Спасают меня.

— Онода, я обещаю, быть осторожным. И всегда помнить о происках сатаны. Дай же мне телефон.

— Сергей, ты сейчас слаб и утратил бдительность. Ты подвержен сатанинским искушениям, но Бог послал меня и я рядом, чтобы уберечь тебя. Телефона этого у меня нет. Забудь!

— Всё понял. Спасибо, брат!

Ехали минут 30–40 в северном направлении. Онода что-то втирал в мои уставшие мозги о сатане и угощал заготовленными

дома бутербродами. Я ел и думал. О сатане. О том, что своё надо брать в этой стране поэнергичней. Что моя туристическая жизнь лепит из меня какого-то мутанта.

Полутурист, полубульдог с хмурым видом и собачьим аппетитом жевал бутерброды и мысленно клял себя за постоянные уступки. Одному без боя оставил свои 220 долларов, за которые неделю красил заборы и скамейки. Надо было перед отъездом хотя бы петуха пустить в их синагоге, чтобы задумались, что история еще может повториться.

В Бруклине никого не нашел и прибежал к Оноде. Подождал бы до вечера и появился бы кто-нибудь из ребят. Так нет же, еду теперь неизвестно куда и слушаю лекцию.

Барышня, хоть и японская, свой телефон под нос протягивала. И здесь протрепался, и попал под братскую опеку. Какой-то сплошной блин комом!

Жил Онода в местечке Terry Town. Место тихое и, по всем внешним признакам, благополучное. Его, уже в который раз, беременная жена поджидала нас в автомобиле на стоянке рядом с перроном. Встреча с блудным братом прошла взаимно приветливо. Я понял, что Онода предупредил её обо мне. Всё шло согласно его плана.

Семейство арендовало первый этаж большого двухэтажного дома на тихой улочке. Пространства и комнат было вполне достаточно. Они были очень довольны этим жильём.

Онода показал мне диван в гостиной, где я мог спать, пока определюсь. Диван был хорош. Но мне следовало бы вернуться в Бруклин. Порешили, что ближайшие два праздничных дня, нет смысла дергаться в поисках, и я смогу здесь спокойно пожить.

Онода хотел показать и рассказать мне обо всём сразу. Демонстрируя своё жилище и бытовую технику, он одновременно знакомил меня с планами на завтра. Разумеется, на первом месте в списке мероприятий — празднование Дня Независимости. Ясное дело, праздновать собирались в большой братской семье. И подготовка к завтрашним гуляниям уже шла.

Жена достала из холодильника кастрюлю с мясом, порезанным и замоченным в соусе. Я понял, что Онода со своей женой намерены угостить братьев и сестёр шашлыками.

После разговоров о моих лагерных впечатлениях и планах на туристическое будущее, жена с детьми удалилась. Мы с Онодой, переодевшись по-домашнему, пошли в супермаркет.

Вечер стоял душный. В двориках многих домов люди предпраздничнo посиживали, попивая пиво, и с любовью поглядывали на вывешенные ими флаги. Все по-соседски приветствовали нас.

Супермаркет был рядом. Обычная — просторная, ярко освещенная кормушка. Мы прогулялись с корзинками в охлаждённом пространстве, отдохнули от липкой духоты и прикупили кое-какие продукты и прочие мелочи. Онода отыскал где-то пакеты с деревянными шампурами и по пути к кассе, со знанием дела объяснил мне, для чего эти заостренные, деревянные штрычки. Я получил возможность услышать представление японца, живущего в Америке, о шашлыке.

Вернувшись домой, когда все уже спали, мы с Онодой расположились в кухонном отсеке и налегли на мороженное. А затем, под трёп обо всём, часа 2–3 ковырялись в мясе и луке, насаживая все это на деревянные шампура. Закончили поздно и с надеждой на удачный праздничный пикник, и спрос на нашу шашлычно подобную продукцию, разбрелись по спальным местам.

Утром, после кофе, начались сборы на праздник. Судя по арсеналу приспособлений, которые мы погрузили в автомобиль, шашлычный бизнес для Оноды и его жены, не был новинкой. Кроме наших кухонных заготовок, из подвала извлекли мешок с углем, раскладные стульчики и столики, зонтики от солнца, прочие удобства. Всё это разместили в багажном отсеке удобного универсала Ford Taurus. Место за рулём предоставили беременной женщине. Ребятишкам, к их восторгу, пришлось расположиться сзади, среди багажа. Подъехали к чудному ухоженному парку, огражденному внушительной металлической изгородью. У гостеприимно распахнутых ворот, на всякий случай, дежурил наряд из двух полицейских. Возникло сомнение в том, что это коммунальный парк.

Все, приезжавшие на своих автомобилях, парковались на территории парка, по-свойски, как в месте, хорошо им знакомом. Взрослых и детей приехало много. Те, кто задумал какой-то сервис, копошились, раскладывая своё хозяйство. Этим занялись и мы. Выбрали подходящую позицию в пространстве, установили большой зонт от солнца, принесли из подсобного помещения металлическую жаровню и засыпали в неё наш уголёк. Скоро наше дело затлело и вкусно запахло жаренным мясом.

Когда все были в сборе, организаторы объявили об открытии торжественного собрания Семьи по поводу Дня Независимости. Случайных посторонних здесь не было. Как показалось, гостем этого праздничного собрания был только я, да и то, многие уже принимали меня за своего брата.

Официальная часть состояла из молитв и благодарностей этой щедрой стране. После чего начались развлекательные мероприятия: всякие игры, соревнования для детей. Родители с

камерами и фотоаппаратами радовались по-своему. Всё шло весело и благопристойно. Ни алкоголя, ни курения не замечено.

Когда программа празднования по сценарию была завершена, народ стал самостоятельно развлекаться и отдыхать, насколько позволяли природные условия парка и моральный кодекс Церкви Единения.

Это место напоминало нью-йоркский Центральный парк, только в миниатюре. Такая же ухоженная травяная лужайка с могучими деревьями вокруг, только вход в парк контролировался, как на частную территорию.

Дети продолжали самостоятельно резвиться с мячами, бадминтоном и прочими играми. А взрослые, отдельными компаниями расселись в тени деревьев. К нашему дымному шашлычному центру стали сползаться потенциальные едоки-клиенты. В зависимости от размера, шашлыки предлагались по братской цене — один — два доллара. Спрос был умеренный. В процессе угощения, как бы ни хлебом единым, Онода предлагал знакомство с русским туристом-атеистом, пока сомневающимся, но потенциальным собратом. Поэтому все, в попытке обратить меня в корейскую веру, задерживались у шашлычного очага и невольно оказывались клиентами Оноды.

Беседовать приходилось с разными людьми. Некоторые, ни о чём ином, кроме как о принципах и их авторе — Отце Муне, говорить не желали. Другие были по-человечески любопытны, задавали неожиданные вопросы об Украине, интересовались моими впечатлениями о Нью-Йорке и Бруклине.

Одна молодая японка удивила меня своей житейской трезвостью и осведомленностью о проблемах, с которыми, в той или иной степени, сталкиваются почти все прибывающие в Америку. В разговоре выяснилось, что она работает вместе с русской женщиной и от неё кое-что знает о русском брате и наших проблемах.

Праздник протекал естественным ходом. Я так и не понял: арендовали они этот парк на праздник или это уже их собственность. Выделялась группа дежурных, обеспечивающих порядок. Молодые добровольцы были в постоянной готовности поднести, убрать, подсказать. С одной молодой барышней из Англии, я уже встречался на именинах в Центральном парке. Сейчас она суетилась в группе обеспечения. Между хлопотами, поинтересовалась, где я пропадал последнее время, как мне Америка, ну, и, конечно же, как я нахожу их дружную семью?

Я уклончиво ответил, что Нью-Йорк, при всей своей греховности, всё же интересный образец реальной жизни, и я с энтузиазмом усваиваю уроки. Она не одобрила мой энтузиазм и

упомянула об этом городе, как о чём-то извращенном. Отметила бесценность Случая, который привёл меня в их Семью. Выразила надежду, что я должным образом оценю предоставленный мне шанс. Я попытался заговорить с ней как с человеком, прибывшим сюда с другой стороны Атлантического океана. Поинтересовался: не подскажет ли она мне что-нибудь практически ценное. Реакция — никакая. Тяжёлый случай.

В процессе знакомства со многими братьями и сёстрами, меня особенно поражали семейные пары, непонятно, как и по каким соображениям воссоединённые. Некоторые супруги представляли собой просто кричащее недоразумение, какой-то дикий эксперимент-испытание на совместимость и выживание. Может быть, я чего-то не знал или не понимал. Но мне было достаточно короткого знакомства с супругами, чтобы видеть искусственность этой семьи-эксперимента. Издевательство над природой и личностью!

Согласно идеи объединения всех рас и религий: если ты европеец, то твоей супругой должна быть представительница азиатских или африканских кровей и цветов. Что же касается вопроса о взаимных чувствах и симпатиях, то это решается просто — благословением брака самим Преподобным Отцом. Это является высшей гарантией семейного счастья и благополучия.

По мере убывания продуктов и повышения температуры, празднование независимости потихоньку сворачивалось. Народ начал разъезжаться по домам. Загасили и мы свой очаг. Погрузили шашлычный арсенал, детей и уехали домой.

Дома, все вместе, посуетившись над разгрузкой и чисткой автомобиля, объявили отдых. Дети остались играть во дворе с соседскими ребятами. Источником их общей радости был дворовой пожарный гидрат, из которого они поливали друг друга водой, визжа от удовольствия.

Я решил прогуляться. По дороге в парк и обратно, я отметил некоторые интересные места, которые хотелось обследовать самостоятельно. Так я забрёл на территорию гостиничного комплекса «Holiday Inn». Вокруг гостиничных корпусов, кроме асфальтированных площадей для парковки автомобилей. На территории располагались приличные теннисные корты, большой бассейн и масса различных, тщательно ухоженных декоративных насаждений. Судя по количеству припаркованных автомобилей, гостей было немало. На теннисных кортах, под солнцем, какая-то семья гоняла мячи. Чересчур активное солнце и плохо управляемые мячи досаждали им, но игроки настойчиво продолжали своё семейное состязание. К жаре и спортивной неловкости они относились как к неизбежному и радовались

тому, что получалось. Я остановился у теннисных кортов и праздно наблюдал за игрой.

Огненно рыжий парень и его партнерша брюнетка, приблизительно моего возраста, по очереди оставляли это игрище под солнцем и удалялись на скамейку в тень, выпить холодной воды и отдохнуть. Там же сидел и поджидал, когда кто-то устанёт, запасной, толстый парниша лет десяти. Дождавшись своего выхода, он выплёскивал свою детскую энергию на мяч, и тогда игре уже не хватало места на корте. Мячи разлетались за высокую ограду. Старший игрок быстро утомлялся от такого необузданного натиска и спешил удалиться на скамью запасных. Мальчик, разочарованный в своих партнерах-родственниках, обратился ко мне.

— Хочешь поиграть со мной?

— Давай попробуем, — ответил я.

Рядом сидящие родственники с радостью предложили мне ракетки: выбирай любую, только уважь этого неугомонного игрока-мучителя! Мальчик, не веря своему спортивному счастью, поспешил занять место на корте. Ему хотелось забивать мячи как можно выше и дальше. Пришлось призвать его к умеренной и осмысленной игре. Мы приблизились к сетке и, по моей просьбе, стали аккуратно перебивать мяч друг другу, стараясь укратить его необузданную спортивную агрессию. Худо-бедно, мне удалось направить детскую энергию в какой-то ритм и подобие игры. Наблюдавшие за нами родственники стали поощрительно подавать нам мячи и делать одобрительные замечания.

В перерыве мы познакомились. Мальчик оказался их племянником. Молодая тётя предложила мальчику занять её место на подборке мячей, и попросила поиграть с ней.

Мы старались просто перебивать мяч через сетку и держать его в игре. Получалось, для первого раза, неплохо. Партнёрша не скрывала своего восторга. Вероятно, сама не ожидала, что у неё может так получаться. Затем, её рыжий супруг тоже изъявил желание попробовать себя со случайным партнером. У него получалось похуже. Вскоре, его супруга предложила нам сделать перерыв. Мальчик ревниво напомнил, что теперь его очередь, и вообще, это он первый познакомился со мной. Но ему сделали замечание и убедили, что его знакомому дяде следует дать отдохнуть.

Рассевшись на скамейке в тени, я уже был готов к вопросу — «откуда?» Очень надеялся, что здесь меня не будут спрашивать о моих религиозных воззрениях.

Узнав, откуда я сюда забрёл, барышня, неожиданно для меня, стала выяснять, как наш народ отнесся к факту избрания

Клинтона президентом? По её интонации нетрудно было догадаться, что сама она хотела видеть на этой должности кого-то иного, но не Клинтона.

Ответил, что наш народ в это время был занят выбором своих президентов. Мне пришлось успокоить и развеселить их новостями о выборах президентов в России и Украине. Слушатели, вероятно, решили, что это была шутка-преувеличение, когда я рассказал им, какие ветераны компартии рядятся в президенты бывших советских республик и как они трансформировались под новые условия.

После этого перерыва-интервью они зауважали своего Клитнтона.

Позднее, на соседний корт пришли другие игроки — муж с женой. Солнце и излишний вес быстро пришибло их неуклюжие потуги обуздать мячик. Красные и потные, они плюхнулись на нашу скамейку в тень.

Когда и мы с мальчиком вернулись с корта и присоединились к отдыхающим, новые игроки уже знали: откуда я прибыл, и для меня была заготовлена порция вопросов:

— Что такое Украина? Какое население? Есть ли украинский язык и с чём его можно сравнить? На каком языке говорит население Украины? Есть ли своя национальная денежная единица? Как она называется и чего стоит? Затем вспомнили украинскую независимость и поинтересовались, празднуют ли этот день в Украине?

Пришлось объяснять, что суть украинской независимости заключается в том, что местные политиканы — бывшие компартийные бонзы, теперь уже без оглядки на Москву, дорвались до общенационального пирога и кромсают его без меры и ограничений. Они поставили себя вне закона, обеспечив себе неприкосновенность и правовую безнаказанность. И успешно пользуются такой национальной независимостью.

Для населения же, суть независимости свелась к потере всех их денежных сбережений и массовому обнищанию.

Из слушателей никто не знал об украинской денежной единице. Пришлось рассказывать им, что вместо собранных у населения советских рублей, наспех напечатали временные купоны. Миллион таких украинских денег стоит менее десяти долларов, и день ото дня дешевеет. К сожалению, образца этого денежного суррогата при мне не оказалось. И я объяснил, что купоны похожи на обвертку жевательной резинки; только бумага похуже качеством, но с подобием водяных знаков.

— И ваш народ празднует это?! — спросили они.

— А як же? Это особый народ. Вам этого не понять.

С теннисных кортов мы перешли к бассейну. Там я распрощался с молодыми супругами и с племянником. Они вручили мне, на всякий случай, свой номер телефона и ушли к родственнице, которая присматривала за их ребенком.

Я остался в компании одного, наиболее любопытного собеседника. Он работал в какой-то нью-йоркской конторе, консультировал по вопросам налогообложения. Очень распространенный в Америке бизнес.

Мы разделись и с удовольствием упали в плавательный бассейн. Ленивое плавание от края к краю, поглощение холодного пепси со льдом, дремота под солнцем на горячем топчане. Снова в бассейн…

Расставаясь, случайный приятель выдал мне свою карточку с координатами и советовал не исчезать. Мало ли что…

Обратно я возвращался притомленный играми на солнце. Жара стояла нещадная, улицы безлюдны, все магазины были закрыты, кроме продовольственных супермаркетов и заправочных станций. Проходя уже по улицам Terry Tawn, я отметил, что в этом городишке масса антикварных магазинчиков. Насколько я мог разглядеть их через витрины, они больше походили на мелкие музеи.

В доме Оноды было прохладно и сонно. Все разбрелись по комнатам и спали. Только жена уже возилась на кухне. Она стала расспрашивать меня, где я был и что видел. В разговоре с ней удивился тому, какие неожиданные вопросы задают мне американцы и как поверхностно многие представляют себе бытие за пределами США.

Она объясняла это тем, что большинство американцев очень заняты, много времени и энергии уходит на работу.

Заговорили о ней самой. Она с гордостью сообщила мне, что успела побывать с делегацией миссионеров в России. До рождения первого ребенка работала в школе преподавателем английского языка и литературы. Оказалось, что она слышала о таких писателях как, F.Scott Fitzgerald, John Updike, Kurt Vonnegut и даже, Stephen King, но читать их произведений не приходилось. Времени нет. Жаловалась, что в Москве и Ленинграде, когда встречались со студентами, ей частенько бывало неловко. Студенты на языке миссионеров говорили с ней об Америке и оказывались более осведомленными в вопросах американской литературы, музыки и прочих явлений, чем сами миссионеры.

Когда проснулся Онода, мы решили с ним прогуляться. Городишко пребывал в сонным состоянии. Казалось, что даже после праздников, когда откроются все магазины и конторы, здесь мало что изменится. Поглядывая на витрины антикварных лавок-

музеев, я без труда представлял себе посещение таковой, где ты всегда будешь единственным посетителем, возможно за весь день. И тебя будут с надеждой обхаживать и расспрашивать о намерениях. Выйти из такого магазина молча — как-то неловко, Надо хотя бы спросить о гарнитуре из 12 стульев мастера Гамбса. А под обещание озадаченного торговца навести справки, и найти нужный вам гарнитур, можно вежливо удалиться.

Тем временем, Онода живописал мне о неограниченных возможностях, открывающихся передо мной в случае моего единения с Семьей и глубокого изучения Принципов.

— Завтра обязательно надо будет дозвониться до кого-нибудь в Бруклине, — думал я.

— Завтра утром я уеду на службу. А ты оставайся, отдыхай, будь как дома, ведь мы же братья, — планировал Онода, — всё будет О.К, подберем тебе сестру… Преподобный Отец благословит тебя, и ты заживешь новой счастливой американской жизнью, — планировал братец Онода.

Вернулись домой. По телевизору — сплошь празднование. Захотелось в Нью-Йорк. С кораблей, расположившихся где-то между Нью-Джерси и Нью-Йорком на Гудзон реке, затеяли грандиозную стрельбу с фейерверком. С мостов между Бруклином и Нью-Йорком светопреставление было не хуже.

После телерепортажа о праздновании Дня Независимости, Онода предложил посмотреть видеокассету с лекциями о принципах религиозной доктрины. Здравствуй, грусть!

Я напомнил хозяйке об их семейной поездке в штат Техас к её родителям. Она же обещала мне показать видео хронику, снятую на камеру. Дети дружно поддержали это предложение, и Оноде пришлось отложить кассету с лекциями в сторону.

Семейная хроника была записана на 8-ми миллиметровую кассету, и Онода попытался сослаться на техническую невозможность просмотра этой кассеты на обычном видеомагнитофоне VHS. Но дети быстро отыскали специальную кассету-приспособление, в которую вставили маленькую кассету и запустили в магнитофон.

Демонстрировалось летнее семейное путешествие к дедушке и бабушке. Остановки в мотелях, купания в бассейнах и прочие путевые фрагменты. Дедушка и бабушка, то бишь, тесть и тёща Оноды, похоже, были небедными людьми. И мне показалось, что они не испытывали чувства особого удовлетворения от родственного союза с Японией.

На следующее утро Онода должен был вернуться на свой рабочий пост в гостинице New Yorker. Я же, понятия не имел, чем мне здесь заняться. Вызвался проводить Оноду до электрички. Он

засомневался в моих намерениях, и всю дорогу убеждал не спешить возвращаться в Бруклин, а пожить ещё какое-то время у него и отдохнуть. Уверял меня, что мы ещё не переговорили о многих важных вещах. Я вспомнил о видеокассете с лекциями. Но, похоже, что ему действительно хотелось, чтобы я пожил у него.

Он напоминал мне моих семейных приятелей. Они приглашали меня зайти в гости на пару минут. Истинными же мотивами такого гостеприимства было стремление смягчить и отсрочить ожидаемые нападки-претензии со стороны истеричных жён.

Я не был уверен в мотивах гостеприимства Оноды. Но он уговорил меня. Пришлось пообещать, что не сбегу, и вечером мы увидимся. Я ценил участие в моей неустроенной туристической жизни, но всё же, пора было возвращаться в свою Бруклин-зону.

Железнодорожная линия проходила вдоль реки. Если я, верно, ориентировался в пространстве, то это была Гудзон речка. На берегу, сплошь, всякие яхт-клубы и прочие. Среди них — один теннисный. Любопытства ради, я приблизился. Обычная картина: пенсионеры в белых, нарядных шортах и тапках, старательно перекидывали через сетку теннисные мячи. Влезать в чужую песочницу мне не хотелось. Побрел дальше. На одной бензозаправочной станции заметил вывеску «Help wanted», то бишь, нужен помощник. Кроме парня, дежурившего при этом заправочном хозяйстве, больше там никого не было. Я поинтересовался, какого рода помощь нужна. Тот был рад потрепаться с кем-нибудь и охотно ответил, что ему помощь не нужна. А вот его босс, хозяин этой заправочной, нуждается в работнике. Сам же он, хотел бы поскорей передать этот пост кому-нибудь. Якобы, он работает здесь по просьбе хозяина, пока тот не найдет замену. Также, он разъяснил мне, что следует делать на этом посту. Что же до оплаты и рабочего времени, то обо всём этом следует разговаривать с хозяином. Вручил мне анкету-заявление, которую следует заполнить и оставить боссу на рассмотрение. Я взял это с собой и обещал подумать. Забрел в парк, устроился на травке в тени и приступил к изучению анкеты.

Со следующего, после имени и фамилии пункта, в котором требовалось указать номер карточки социального обеспечения, стало ясно, что сменить этого парня на заправочной я не смогу. Кроме того, в анкете требовалось указать место и должности, на которых я был занят ранее: уборщик синагог в летнем хасидском лагере, стаж работы — три недели. Пунктов, на которые я не мог дать ответы, было достаточно. Без проблем, я мог, ответь лишь на вопрос об имени и фамилии. Да и те здесь произносились по-

иному. В остальном же — ни адреса, ни телефона, по которым со мной можно связаться. Одним словом — космонавт. От слова космополит.

Я сказал: поехали, я махнул рукой! Подстелил эту анкету под голову и улегся на травке подумать, как быть далее. Задремал. Отдохнув, направился обратно домой, полон решимости: завтра же возвращаюсь в Бруклин. Дома никого не было, но двери оставлены открытыми. Позднее, я спросил хозяйку, оставляла ли она двери открытыми для меня или забыла закрыть? И та ответила, что обычно, уходя неподалеку, они не закрывают квартиру. Положительный симптом для данной местности. В Бруклине таковое уже невозможно.

Пока я был один дома, воспользовался телефоном.

У Славки никто не отвечал. У Юрия, в их закарпатском представительстве, кто-то из его земляков ответил, что самого Юрия сейчас нет, но он здесь бывает. Чем занимается и когда будет, ответить затруднялись.

Благополучная, тихая Америка притомила меня за два дня. Ни работы, ни развлечений. В Бруклине — тоже ничего определенного. Но в этом котле хоть какое-то движение, в котором что-то ищешь и что-то узнаешь.

Вечером вернулся со службы Онода, и я сообщил ему о своём намерении посетить завтра Бруклин. Он пытался дознаться о моих планах, но я действительно, не мог ответить на все его вопросы. Видя мою неопределенность, он стал предлагать возможные варианты моей занятости в гостиничном или коммерческом хозяйстве Империи. Что же касается условий работы в семейном бизнесе, то здесь не было никакой ясности. Добровольцем? Спасибо, брат! Вечер добили прогулками и просмотром видео лекций.

Утром, позавтракав со всеми и пообещав им вести себя хорошо, я ушёл с Онодой на электричку. Сумку пока оставил у Оноды дома, как залог моего скорого возвращения в Семью.

На остановке, перед прибытием электрички, Онода деликатно подсказал мне о необходимости покупки билетика до Нью-Йорка за пять долларов. Я спросил, не купить ли и для него? Мне показали проездной талон.

Ехали молча. Перед выходом, Онода предупредил меня, что на службе он будет до семи вечера, и я могу присоединиться к нему и вернуться на ночлег в Terry Town. Я поблагодарил и обещал, во всяком случае, не исчезать насовсем.

Доехав электричкой до центрального вокзала в Нью Йорке, мы перешли на станцию метро. Пару остановок проехали вместе. Онода вышел в центре Нью-Йорка, я же — поехал далее вниз, а

там пересел на другой поезд — в Бруклин.

Решил начать с посещения своего предыдущего места жительства и разузнать о нашей полуподвальной комнате и возможной почте для меня.

На этот раз мне повезло. На крыльце сидел, покуривая сигаретку, сосед по подвальной жизни — завхоз Эрик. Он по-своему был рад снова видеть меня. Поинтересовался, где и как я теперь поживаю. А я поинтересовался о нашей комнатке. И почте. Оказалось, в нашу берлогу уже поселился какой-то мексиканец. На вопрос о временном подселении к нему Эрик ответить не смог. Пояснил, что новый мексиканский жилец абсолютно не реагирует на английский язык и выяснять с ним какие-либо вопросы можно только с переводчиком. Советовал привлечь для переговоров другого мексиканца, проживающего на первом этаже. Что же до почты, то какие-то письма приходили, и он отдавал их русским ребятам с первого этажа.

Этих парней я немного знал. Один из них, Юра из Ростова, который когда-то и привёл нас к хозяину этого дома. Я позвонил в их квартиру. И снова удача. Открыл двери Юра. К тому же, он был подозрительно рад меня видеть и задавал много вопросов. Я объяснил ему, по какому поводу зашёл. Он просил не торопиться, предложил кофе и ушёл в комнату, искать мои письма. Я сидел на кухне в компании хронически работающего телевизора, холодильника и вентилятора.

Письмо, к моему удивлению, оказалось вскрытым. Но особого значения это не имело, пустая писулька от заочной барышни из штата New Mexico, которая никогда не была в штате Нью-Йорк и спрашивала, как мне там нравится?

— Нравится! Когда есть деньги.

Просматривая письмо, я отвечал на Юрины вопросы о своих делах и планах. Узнав о моей жилищной неопределенности на данный момент, он сделал мне предложение. Юра собирался через пару недель отлетать домой, а рентную плату за проживание в этой квартире, уже внёс за полный месяц вперёд. Ему не хотелось бы терять полумесячную рентную плату, и он предлагал занять его место. Я ответил, что не могу ожидать, пока он съедет, и освободит место-диван, так как жильё мне необходимо уже сейчас. Я лишь обещал ему иметь его предложение в виду. И вообще, мне хотелось бы прежде переговорить со всеми ребятами, проживающими здесь. Юра засуетился. Стал уверять меня, что ребята будут рады моему подселению, так как они заинтересованы разделить рентные расходы на четверых, и не хотели бы привлекать для этого совершенно незнакомого человека. А если мне сейчас негде жить,

то можно остановиться и здесь. Они готовы потесниться до Юриного отъезда. Я взял номер телефона, обещал подумать и просил Юру обсудить этот вопрос с остальными сожителями.

По пути к другому Юрию, от West 9-й улицы до East 2-й, я отметил исправно функционирующие на каждом углу фруктовые лавки с обилием дешевых бананов и прочих продуктов по сносным ценам, а также, китайские ресторанчики. Я отметил, что Бруклин показался мне на этот раз более приветливым и своим. Ни друзей, ни врагов, ни каких-либо обязательств и почти 500 долларов в активе. Обычная серость Бруклина воспринималась вполне приемлемо. Присущий Бруклину уличный коктейль запахов овощных лавок, кондитерских, пекарен и прачечных не показался мне назойливо-отвратительным.

В доме, где жил Юра и его закарпатские коллеги, вход в парадную был закрыт, но оснащен связью с квартирами. Я позвонил в их общагу без особых надежд, что в это рабочее время там кто-нибудь окажется. В ответ, кем-то включенный электрический замок на входной двери, негостеприимно зажужжал и металлически лязгнул. Я толкнул дверь и вошел в подъезд. Их квартира была на первом этаже. Кто-то уже открывал дверь. На пороге появился заспанный Юра. По всему было видно, что работой он обременён не был. Я ответил на все его сонно-бестолковые вопросы и спросил: как обстоит дело с временным спальным местом в его закарпатском притоне. У них, как всегда, было перенаселено, но если очень надо… На вопрос о работе, Юра ответил: все его земляки большую часть суток проводят на стройках. Перерывы делают лишь для приема порции борща, пива и сна. А с утра до вечера строят и реставрируют Бруклин. Рекомендовал поговорить об этом с ними. Мне не захотелось.

Он же, осваивал новый бизнес, о котором готов был поговорить со мной, если меня это интересует.

К тому моменту, Юра уже полностью проснулся и стал доставать из кладовки, заваленной порнографическими журналами, какие-то коробки с образцами товара, проспекты и прочие средства охмурения с торговым знаком «AmWay».

Всё, что он рассказывал, я уже приблизительно проходил на собрании дистрибьюторов продукции» Herbolife». Коротко говоря, если я прикуплю коробку с их хозяйственными товарами, то меня зачислят, обучат… И очень скоро я начну зарабатывать большие деньги! По суетливой настойчивости новоиспечённого дистрибьютора я понял, что Юра уже на Пути к Американской Мечте. И ему теперь нужны покупатели.

Я вяло, чтобы не обидеть товарища, спрашивал, что же требуется от меня? Оказалось, что рекомендуется не только

покупать и продавать как можно больше, но и посещать собрания-консультации, где меня будут обучать новому коммерческому ремеслу. Юра гарантировал мне успех и достаточно глубокое чувство материального удовлетворения. Аргументировал Юрий свои прогнозы тем, что я могу хоть как-то разговаривать на местном языке. А так же, как и он, — не люблю работать на стройках. С последним замечанием я живо согласился, и обещал обдумать его предложение. Юра настаивал принять участие в вечерних занятиях уже сегодня. Якобы там, я смогу узнать много интересного. Я сослался на озабоченность жилищным вопросом, но обещал посетить школу в ближайшем будущем. На всякий случай, я поинтересовался о составе прихожан в их бизнес школе. Не успел я пояснить, что меня сейчас больше интересует доля женского участия в их движении, как он отрапортовал мне о подавляющем и активном большинстве сынов Давида…

Славку я надеялся найти на прежнем месте, в доме бабушки Марии. Решил пройтись пешком. Ориентиром был Brooklyn College с его стадионом. Я пошел по HWY, King's забегая по пути в некоторые магазины. Позвонил с уличного телефона. Славка был дома, но предупредил: через часок отправится в Нью-Йорк. Я попросил дождаться меня. Поездом сабвэя ехать туда было неудобно, да и хотелось прогуляться. По King's HWY дошёл до Bedford Ave. и свернул в сторону Brooklyn College. Прогулка заняла около часа. Славка был дома один. Его хозяйка по срочному выехала в Канаду к заболевшей сестре. Таким образом, вопрос о временном ночлеге молчаливо, автоматически решился.

Я тут же дозвонился к Оноде на службу и предупредил о своей чрезвычайной занятости и невозможности встретиться сегодня. Онода просил меня не исчезать совсем и быть осторожным. Напомнил мне о вездесущем Сатане! Я обещал ему быть бдительным, как советский разведчик.

Славка, тем временем, паковал сумку одежно-обувными подарками. Поинтересовался моими успехами в лагерном хасидском движении. Я коротко доложил.

Тогда он перешёл к своим проблемам. Стал жаловаться на местную бюрократию, с которой он столкнулся в процессе оформления денежного пособия (welfare). Сетовал на то, как много времени ему приходится торчать в казённых местах, будучи плотно окруженным чёрным угнетённым большинством. Просил помочь заполнить казённые бумаги на предоставление статуса постоянного жителя, то бишь, Green Card. Я охотно приобщился к этому историческому событию.

Вещи он собирал, чтобы с оказией, отправить родственникам на Украину. Оказалось, бабушке сюда позвонил какой-то лётчик

гражданской авиации, работающий на линии Киев — Нью-Йорк. Бабушка отсутствовала, и он разговорился со Славкой. Договорились, что он доставит на Украину передачу. Я решил присоединиться к этой случайной авиа-оказии и начал строчить письмо домой.

В сабвэй занырнули на конечной станции Flatbush Ave. — Brooklyn College и оказались в подземном филиале Африки.

Белобрысый Славка со спортивной сумкой и я, дописывающий своё письмо в ожидании поезда, выглядели в этой шахте, более противоестественно, чем парочка влюблённых гомиков где-нибудь в Центральном парке. В поезде я продолжал строчить письмо, мысленно восхваляя исправно работающие кондиционеры, прохладно разбавляющие едкий замес запахов особого пота и дешёвой парфюмерии. До станции Atlantic Ave., где был переход на несколько других линий, мы оставались заблудившимися белыми пассажирами. На Атлантик авеню мы перешли на другую линию и заехали куда-то на середину Манхэттена. Адрес был у Славки и я не вникал в процесс поиска. Пройдя пешком пару кварталов, мы отыскали нужный отель. Это оказалась старая гостиница в хорошем районе.

Молодые барышни, дежурившие на приёме, служебно улыбнувшись, поинтересовались, чего мы желаем. Я назвал номер комнаты и имя. Они подсказали нам, как туда пройти.

На этаже, отыскивая нужный номер, я обратился за подсказкой к тёте-уборщице, оказалась — полька, она пше-не-разумела. Спросил, понимает ли она по-русски, и пани ответила: паны пилоты мешкают в палате такой-то.

Пан Иван был на месте и приветливо встречал нас. После знакомства перешли к обсуждению вопроса о передаче родственникам гуманитарной помощи. Попутно, я попросил его отправить из Киева пару писем. Всё легко решилось.

Затем лётчик поинтересовался нашей жизнью, особенно трудовой. Тема эта показалась мне малоинтересной, и я спросил: на чёрта ему это надо? Пожилой земляк стал жаловаться, что летать, в общем-то, нравится, однако, платят за это мало. В прошлый месяц, за три рейса Киев — Нью-Йорк он, якобы, получил чистыми не более 20 долларов. (лето 1993 года.) — Врёт, — подумал я, и посоветовал чаще брать передачи на Украину. Вот сегодня, только у нас взяв сумку и письма, он получил на месте свою месячную украинскую зарплату.

В принципе, летчик-земляк одобрял регулярное сотрудничество с нами, но вместо обсуждения деталей неожиданно перешёл к проблемам украинского бизнеса. Он начал

жаловаться, что никто в Нью-Йорке не желает покупать Советское шампанское… Дешевле уже даром, не везти же обратно в Киев?

— А по какой цене ты хочешь продать советское полусладкое удовольствие?

— По десять долларов прошу, — застенчиво признался пилот украинских авиалиний.

— Ну и напрасно просишь, вряд ли кто купит, — грубовато приземлил летчика Славка, — на Брайтон Бич такое можно и за шесть купить.

По реакции соотечественника было видно, что он и без наших советов хорошо знал, что и почём можно продать и купить на Брайтон Бич. И вообще, мне показалось каким-то недоразумением, что для работников украинской гражданской авиации бронируют гостиничные номера где-то в центре Нью-Йорка. Ни шампанское продать, ни поговорить по-человечески. Вокруг бетонно-стеклянные джунгли и чужая суета. Неужели администрация и профсоюз не знают, что в Бруклине есть более подходящие районы для отдыха членов экипажей? На Брайтон Бич украинские пилоты могли бы расслабиться на пляже. И контрабандное сало с полусладким шампанским… если не продать, то обменять… на кокаин.

Пришлось пойти навстречу его пожеланиям: купить бутылку шампанского за десять долларов, и, здесь же в номере раскупорить её.

В процессе распития, я поинтересовался, почему в Киеве в кассах украинских авиалиний нам отказали в продаже билетов до Нью-Йорка в один конец? Только туда и обратно… Лётчик не мог объяснить почему. Вероятно, по той же причине, по которой и Советское шампанское упёрто, хочется продать за 10, хотя реально оно едва за 6 продается.

Расстались тепло. Лётчик обещал всё сделать, как договорились. Клялся позвонить, когда будет здесь в следующий раз.

Остаток дня и вечер прогуляли в Нью-Йорке. Ночевать в комнате Славки оказалось очень жарко. Единственное удобство, которому я был благодарен — душ.

Утром Славка предложил посетить панель и, при возможности, поработать немного. Заехали на перекрёсток Lynch и Bedford. Угрюмое сборище трудовых резервов с поразительным постоянством поджидало работодателей. Вливаться в их нестройные ряды не очень-то хотелось. Да и нужды особой не было. Но и бездельничать уже который день — занятие тоже не самое лучшее. Я пригласил Славку зайти к тёте Изе.

Там тоже ничего не изменилось. Кантора работала. На

удивление, тётя Изя узнала меня и даже спросила, почему я не в лагере? Ответил, что не согласился на обрезание. Она приняла мое короткое объяснение всерьез, но вопросов задавать не стала. Поспешила предложить работёнку, которую никто не хотел брать. Мы согласились. Изя вручила адрес, позвонила заказчику и сообщила о нашем скором прибытии. Деньги за услугу не спросила, вероятно, я стал у неё почетным клиентом.

Указанный адрес был в этом же районе — Вильямсбург. Приняла нас женщина средних лет, одетая в соответствии с предписаниями религии. Остриженная голова (не могу утверждать, но так говорят знатоки) прикрыта косынкой или париком, в зависимости от ситуации… и длинная юбка. Изъяснялась она школьным правильным, но неуверенным английским. Выслушав моё представление, кто мы и зачем, она осторожно, как учитель вечерней школы, сделала замечание по поводу некоторых оборотов в моей речи, признав это излишне грубоватыми. Я ответил ей, что так говорят в Бруклине. Она призналась, что лишь неделю назад прилетела сюда из Израиля. И до этого никогда не бывала в США. Язык изучила дома.

Что же касается работы, в этом доме, то здесь она пока не хозяйка. Но насколько ей было известно, требовалось сорвать и вынести старый линолеум в одной из комнат.

Совместными усилиями отыскали в квартире подходящий для этого инструмент. Уединились со Славкой в прохладной комнате. Линолеум оказался старым и хрупким, а самое неприятное то, что он был крепко приклеен к полу. С ковыряниями и разговорами мы провозились около трёх часов. Я рапортовал хозяйке о выполненной работе и пожелал получить оплату. В ответ пришлось выслушать, что этими вопросами ведает хозяин. Без него она ничего не может поделать. Пришлось объяснять, что такая работа здесь обычно оценивается минимум пять долларов за час. И речь идет о каких-то 30 долларах, которые она может выплатить и самостоятельно. Она всё же усомнилась в моём совете и позвонила кому-то. Поговорив на своем языке, она решилась заплатить нам на двоих 25 долларов.

— Вы что звонили в Израиль, чтобы определить размер оплаты? — спросил я.

Она смутилась, что-то пробубнила непонятное и просила подождать минутку. Вскоре, вынесла из другой комнаты ровно 30 долларов и, молча, вручила их. На том и расстались.

Вечером мы вернулись в дом на Glenwood. К нашему удовольствию, хозяйка ещё не прибыла из Канады, и мы пока могли пользоваться её гостеприимным домом.

Пиво было холодным, но это мало помогало. Все комнаты,

кроме подвальных, были невыносимо душными. Кондиционер находился в той части дома, где проживала хозяйка. Мы не хотели злоупотреблять её гостеприимством и проникать на хозяйское пространство.

Кто-то позвонил. Трубку поднял Слава. Оказалось, это Юрий хочет меня. Я ответил. После неуверенных упрёков в том, что я исчез и не навещаю его и бизнес-школу (как будто я уже знал, где они заседают), он перешёл к делу. А дело его было до скучного старо: «Не займешь ли три сотни для развития перспективного дела?»

Отказать ему я не мог. В первую неделю, подрабатывая на случайных работах, мы должны были вернуть Славке какую-то сумму, потраченную нами на аренду жилья. И Юра подбрасывал нам на текущие расходы. Мы с земляком оставались его должниками и по сей день.

Договорились, что он подъедет к нам. Я прихватил деньги, и мы вышли во двор, присели на крыльце. Это была тихая улочка Гленвуд. Через дорогу, напротив нашего дома располагалась прикрытая на летние каникулы школа. Мимо нас по тротуару проходили исключительно чёрные праздные обитатели Бруклина. Неподалёку находилась Флэтбуш авеню — центральная улица чёрного района. Было часов десять вечера. Душно. Где-то рядом назойливо бухтела рэп музня.

Юра подъехал к дому на машине с тремя приятелями. Они были выряжены не по погоде: в костюмы и галстуки, — прямо из вечерней школы AmWay. Поздоровавшись, Юра снова отметил, как много я теряю, игнорируя предложение присоединиться к их бизнесу. Я обещал подумать об этом, и поторопился перейти к вопросу, с которым он приехал. Предложив ему 250 долларов, я выразил надежду на их возвращение в обозримом будущем. Судя по реакции нарядно одетых русских джентльменов, они не ожидали, что Юра решит этот денежный вопрос так легко и быстро. Деньги из моих шорт перешли в Юрин костюм. Товарищи дружно напомнили, что они все ужасно спешат на какую-то очень важную встречу. На этом мы и расстались.

Возвращаться в душный дом не хотелось. Мы сидели на ступеньках, Славка интересовался: какого хрена эти ребята разъезжают на дешёвой машине, выряженные во фраки и с надутыми щеками? В такую жару! Я ответил, что они хотят выглядеть важными и преуспевающими, а для этого им нужны были деньги.

Ночью спалось плохо. А утром ни ему, ни мне не захотелось предпринимать какие-либо шаги к трудоустройству. Славка, зная мою слабость гулять в Нью-Йорке, предложил отправиться туда и

посетить одно место, где он должен подать некоторые бумаги для оформления пособия.

Мы отыскали нужный казённый дом в Нью-Йорке в районе East Village. Вошли, на первом этаже определили по указателю номер нужного нам кабинета. Поднимаясь туда на лифте, мы удивились, как похабно расписана кабина лифта «писателями и художниками», посещающими этот дом. Настенные росписи гармонично сочетались с устойчивым запахом. Мы выскочили из лифта на нужном этаже и оказались в окружении носителей этих запахов. И чиновники в приемной, и ходоки-просители в зале ожидания — были тёмных цветов. На всём здесь был липкий несмываемый отпечаток их каждодневного и многочисленного присутствия. Мы почувствовали себя непрошеными гостями-нахлебниками. Быстро выяснили, кому можно подать копию договора аренды жилого помещения, вручили эти бумаги клерку в приёмной и сбежали.

Проходя неподалеку от гостиницы New Yorker, мы зашли и туда. Онода оказался на службе. А я, как всегда, вовремя посетил его. Он поинтересовался о моём приятеле, но я не мог ничем порадовать Оноду, зная Славку как человека, занятого исключительно вопросами пособий. Но Онода выразил надежду на его духовное исцеление. Со слов Оноды, своевременность моего появления в том, что сегодня или завтра в их загородном лагере отдыха будет проходить грандиозное мероприятие с участием многочисленных гостей из разных стран.

Однажды я и мой земляк уже отдыхали в этом лагере. Нас пригласили туда на выходные дни. Как оказалось, это действительно живописное место в горах. Где-то час езды от Нью-Йорка. Охотно приняв приглашение, после часовой автомобильной прогулки по штату Нью-Йорк, оказались в загородном центре охмурения потенциальных членов Семьи.

Перед началом обещанного отдыха нам пояснили, что главным и обязательным условием вступления в Семью является глубокое изучение принципов.

Методика их изучения предполагает три курса.

Первый вступительный курс рассчитан на двухдневную программу лекций и дискуссий в условиях изоляции от внешнего мира. Для этих целей лагерь отдыха и был приспособлен.

Тот двухдневный курс оставил у меня приятное впечатление о природе штата Нью-Йорк и головную боль от интенсивного промывания моих советско-христианских мозгов.

В течение двух дней перерывы делались лишь для приёма пищи и ночного сна. Лекции читались на английском языке с применением различных наглядных пособий, схем, фильмов и

прочих методических средств. В мои обязанности входило переводить всё услышанное и понятое своему земляку. Уже к вечеру первого дня, я перестал воспринимать поток словесной любви и всеобщего человеческого единения. Мой тихий перевод для соседа по парте перерос в планирование дел насущных… и анекдоты.

По окончанию первого курса нас поздравили и выразили надежду, что вскоре мы вернёмся в аудиторию для прохождения второго курса занятий. Программа, которая рассчитана на 21 учебный световой день!

Я осторожно поинтересовался продолжительностью третьего, заключительного, курса. И когда узнал, что последний этап обучения рассчитан на три месяца занятий — в особых условиях изоляции — мысленно объявил себе академический отпуск.

Теперь Онода приглашал меня и моего приятеля посетить этот же лагерь просто отдыха ради. Зазывал он так улыбчиво и ласково… А Славке было так любопытно… что отказать им было трудно.

Мы спустились в подземное кафе в отеле и взяли там чего-нибудь выпить. Я попытался сослаться на неготовность к такой поездке, но Онода, выслушав мои неубедительные причины, просил подождать его здесь, и куда-то ушёл. Пока мы оставались одни, Славик поинтересовался: в чём мои сомнения? Если там горы, озеро, питание и ночлег? На его взгляд, это то, что надо для проведения выходных дней. Я очень сомневался.

Онода вернулся с пакетом, из которого выложил для демонстрации полотенце, зубную щётку и прочие мелочи. Я, в знак своего согласия, спросил, когда и откуда отправление. Онода тут же воспользовался телефоном и переговорил с кем-то о предстоящем выезде. К моему облегчению выяснилось, что выезд состоится не сегодня, как полагал Онода, а в субботу, то бишь — завтра.

Онода выдал мне записку с адресом и телефоном бруклинского отделения Церкви Единения, а также имя ответственного руководителя и пароль. Вручил мне пакет с полотенцами и выразил уверенность увидеть меня через пару дней в лагере отдыха. Я пообещал ему.

Вечером того же дня, когда мы были уже в Бруклине, я обнаружил, что указанный в адресе дом — совсем рядом с местом, где жил Славка. Выйдя прогуляться, мы решили отыскать это место. Где-то на пересечении Foster Ave и Roger Ave мы нашли обычный двухэтажный дом с гаражом во дворе. Постучали в дверь, но в ответ — никакой реакции. У крыльца соседнего дома заседала компания с пивом. И я спросил: не знают ли они, кто в

этом доме проживает? Мой вопрос всех развеселил. Перебивая друг друга, нам сообщили, что в доме живёт бесчисленная интернациональная ненормальная семейка. И если мы постучим в другую дверь — нам обязательно откроют. Возможно, и мы тоже станем членами этой семьи.

На наш звонок в другую дверь, открыла молодая корейская девушка. Я спросил её о человеке, имя которого выписал нам Онода. По её реакции понял, что этот товарищ пользуется авторитетом в семье. В данный момент он отсутствовал. И девушка поинтересовалась: по какому вопросу мы хотим его видеть. Пришлось коротко представиться и объяснить цель нашего визита. Услышав от меня имена уважаемых членов семьи, девушка заговорила со мной более приветливо. К ней присоединилась ещё одна сестрица-корейка, и они выдали нам точное время отъезда.

В субботу утром, как договаривались, мы со Славой пришли в этот дом. Во дворе уже стояли два пассажирских микроавтобуса. На наш звонок в дверь, вышел брат очень чёрного цвета. На вопрос, чем он может помочь, я коротко объяснил, что мы приглашены на выезд в лагерь. Он пропустил нас в дом. Первой комнатой оказалась просторная гостиная с креслами и телевизором. Мы упали в кресла. Брат был дневальным и совершал утреннюю уборку. Он угостил нас холодной водой и вернулся к своему занятию. Я сидел и посматривал на парня. Почему-то трудно было воспринимать его как члена семейства. Как-то неестественно звучала его речь, без привычной разговорной вульгарщины, без которой не обходятся уличные чёрные ребята. Вместо традиционного холодного баночного пива он принёс нам по стакану простой питьевой воды. Я лениво гадал про себя: неужто его не волнуют звуки каннибальской музыки, доносящейся с соседней Флэтбуш авеню? И ему не хочется влиться в уличную жизнь? Я не знал его имени и мысленно называл его Патрисом Лумумбой.

Чуть позже по лестнице со второго этажа стали спускаться братья и сёстры. Каждый, заметив двух визитёров, включал для нас улыбку и бегло выражал радость видеть нас. Среди них оказалась уже знакомая мне барышня из Англии. Она тоже узнала меня. По причине своего неамериканского происхождения, либо из-за некоторой настороженности к чужаку со славянским акцентом, она скуповато проявила свою радость нашему появлению. Но всё же, поинтересовалась: как и для чего, я здесь? О себе мне нечего было рассказать, поэтому я спросил:

— Ты тоже живешь в этом доме?

— Да, сейчас мы живем здесь. А ты определился с местом

жительства?

Меня удивила её осведомленность о моих проблемах. Онода докладывает обо мне.

— Я пока остановился у этого парня. Здесь рядом на Гленвуд. Надеюсь, скоро что-нибудь подыщу подходящее.

— У нас таких проблем нет, — уверенно заявила сестра из Англии.

— У вас особая жизнь, — согласился я, — а у меня обычная, и проблемы тоже.

— Мы готовы принять в нашу жизнь любого, кто уважает наши принципы и готов изучать их, — подвела итог сестрица, обещав продолжить разговор в лагере.

Когда она оставила нас. Славка, долго молчавший, теперь засыпал меня вопросами:

— Ты её знаешь? Она предлагает тебе жилье? На каких условиях? У них здесь шо, коммуна?

Выехали двумя автобусами. Из разговоров я понял, что водителю предстоит сегодня сделать не одну ходку в лагерь.

Из Бруклина в Нью-Йорк переехали через Вильямсбургский мост. На теннисных кортах в East River Park было много игроков, как обычно, в выходные дни. Съехав с моста, мы влились в плотное движение вдоль East River на Север. Среди моих соседей по автобусу никого из знакомых мне не оказалось. Мне не задавали вопросов. Я мог расслабиться и обозревать виды из окна.

Основной состав моих попутчиков составляли корейцы, японцы и представители Латинской Америки. И как исключение: паренек с итальянским именем и внешностью и заблудившийся черный Лумумба. Мы со Славкой — просто гости, туристы.

Своим армейским чутьем я скоро определил, что в нашем автобусе случайно собрались лишь рядовые, ни единого активиста-сержанта. Мы молча ехали. Кто-то дремал, кто-то думал о своём, другие беседовали о чем-то, а Лумумба откровенно радовался музыке, отгородившись наушниками. Никто не призывал петь песни хором и не пытался затеять дискуссий о Всеобщей Любви.

Вскоре стало ясно, что мы направляемся в известный мне лагерь. Когда прибыли на место, там было уже многолюдно. Кроме штатных братьев и сестёр разного ранга и возраста, сегодня здесь было много и гостей, подобных Славке. Отличить гостей от членов семьи было нетрудно. Впервые прибывшие сюда, восторженно осматривали природные красоты, а братья и сёстры деловито суетились в подготовке мероприятия.

Мне, уже прошедшему здесь первый курс молодого брата,

было ясно, что купания в озере вряд ли включены в программу отдыха. А вот лекции будут наверняка, и в изобилии. Как я и предполагал, без присмотра гости долго не гуляли по лагерю. Хозяева гостеприимно объявили для всех команду: зайти в большое помещение, куда братья стаскивали столы и стулья. Всё уже было готово для лекций.

Лектором оказался достаточно подготовленный брат-просветитель. Говорил он с искренним энтузиазмом, похоже, что сам верил и нам советовал. Я, не вникая в содержание лекции, лениво рассматривал аудиторию собравшихся. Большинство составляли штатные братья и сёстры разных возрастов и национальностей. Все они отличались прилежным, несколько деланным вниманием, многие даже конспектировали. На остроумные примеры, приводимые лектором, члены семьи реагировали дружным восторженным одобрением.

Другая, меньшая и разношерстная часть слушателей реагировала на всё происходящее по-разному. Кто-то с любопытством внимал, другие больше разглядывали. Славка занял удобную позицию выжидания более интересной части программы. Вскоре, он задремал, как на вокзале. Барышня, сидевшая по соседству с нами, напялила наушники и настроилась на другую волну. Вероятно, Classic rock.

Лекция оказалось затяжной, что для меня не было неожиданностью. Сонный Славка начал бухтеть по поводу обещанных обедов и прочих развлечений.

Перерыв на обед, всё же, сделали. Перед тем, как подпустить нас к кормушке, объявили о следующем послеобеденном — мероприятии.

После обеда организаторы ловко разделили нас на небольшие группки. В каждой такой был брат-руководитель с опытом охмурения. Группы разошлись по лагерю и в узких дружеских кружках занялись духовными беседами.

Я попал в интернациональную группу, которую курировал молодой симпатичный парниша американец. Славу увели в другой коллектив.

Наша компания расположилась в тени на камешках, и мы начали со знакомства. Куратор коротко рассказал о себе и предложил каждому, по очереди, поведать о себе и своих духовных исканиях.

Из коротких докладов я понял, что большая половина нашей группы — это члены Семьи. Кроме своего имени и выражения любви к Истинным Родителям, им и сообщить-то больше нечего. Никакой личной жизни.

Другая половина группы тактично и однообразно заявила о

своем прозрении, одобрении и присоединении.

Когда подошла моя очередь рассказать о себе, одноклассники уже не ожидали услышать что-либо новое.

Тот факт, что я прилетел сюда из зоны Чернобыля со своим атеистическим мировоззрением несколько расшевелил внимание группы. А когда я начал рассказывать о своих пожеланиях; найти место под американским солнцем, или хотя бы посмотреть, заработать и улучшить свой английский, куратор поспешил перехватить инициативу и направить беседу в нужное русло.

— А как же Бог!? Ты ни слова не сказал о любви к Богу и ближнему! — напомнил он.

— Если вы имеете в виду мое вероисповедание, то над этим я даже не задумывался. Полагаю, что верить можно и самостоятельно, не причисляя себя ни к какой церкви. Просто иметь такое чувство. Что до любви к Богу, то я верю в постоянное и вездесущее участие в нашей жизни того, что принято называть Богом. И я уважаю это. В своём отношении к ближнему я способен на уважение. Особенно, если это взаимно. Нет взаимного понимания — не может быть и любви. Откуда взяться любви к ближнему, если между нами недоразумения и полное непонимание. А ведь такого в реальной жизни, к сожалению, немало. Но я стараюсь понять ближнего. И, по возможности, полюбить…

— Стоп, стоп, парень! — остановил мое сумбурное выступление куратор, поняв, что благодарений в адрес преподобного Отца от меня не последует.

Выглядел он озадаченным и, видимо, уже поставил мне диагноз: «тяжелобольной и серьезно заблудший», лечением которого надо заниматься отдельно. Наставник как-то непоследовательно изменил тему урока, забыв о знакомстве с двумя оставшимися воспитанниками. Рассеяно перешёл к другой теме, нетактично проигнорировав кого-то, обратившегося ко мне с вопросом. Но не успел наш учитель восстановить процесс духовного воспитания, как его урок снова прервали. Собрат привёл в нашу группу глухонемого гостя Славку. При знакомстве с ним смогли выяснить лишь то, что его притащил сюда я. И он хотел бы обучаться, в одном классе со мной. На неожиданное предложение зачислить в наш класс ещё одного советского гостя, наш куратор посетовал: что ему и с одним хлопот хватает.

Глядя на их непедагогичные споры, я наблюдал их любовь к ближнему и думал про себя: эти ребята считают достаточным изучить кем-то впаренные им принципы, чтобы рядиться в учителя. Пытаются кому-то промывать мозги.

После коротких препирательств, начинающие миссионеры

решили оставить Славку в нашей, окончательно парализованной в педагогическом смысле, группе. Пока наставник пытался вернуть интерес группы к Божественным Принципам, Славка, уже абсолютно уверенный, что здесь никто не понимает русского языка, стал упрекать меня. Якобы, по моей вине он оказался на каком-то идиотском сборище. Возмущённо требовал от меня обещанного отдыха. Выражался он довольно сочно и энергично.

После бесед и размышлений о Боге, объявили команду — «на хозяйственные работы». Пока мы знакомились друг с другом, для каждой группы уже определили объём работ. Пребывание в лагере отдыха тщательно планировалось, от нас лишь требовалось быть послушными.

Работы, в основном, заключались в подготовке домиков для проживания. Подметали, чистили, мыли, перетаскивали кровати и матрацы. Заняло всё это не более часа. Однако, Славка стал всерьёз обвинять меня в умышленном вовлечении его в коммунальный дурдом, и заявил о своём отъезде при первой возможности.

Наконец, после полного обустройства лагеря к проживанию гостей, объявили о спортивно-развлекательной программе. И снова нас стали делить. Теперь, на волейбольные команды.

Мы самовольно поспешили к озеру. Там удалились от берега по деревянному мостику на квадратную деревянную платформу и с неё занырнули. Вода была чистой и тёплой. После плавания, мы разлеглись на тёплой деревянной платформе. Но не успели расслабится. К нашим именинам сердца шумно присоединилась группка молодых братьев и сестёр. К счастью, ребята оказались хорошими. Нас не доставали, а сразу же бросились в воду.

Среди них объявился и один русский — Виталий. Онода когда-то упоминал мне о нём. Похоже, он частенько бывал в лагере и со многими братьями был хорошо знаком. Он советовал нам не воспринимать всерьёз религиозно-идеологическую нагрузку, а радоваться приятному.

Вечером, после ужина, Слава заметил какое-то движение вокруг микроавтобуса, на котором нас привезли. Он потащил меня выяснять, нельзя ли ему сегодня же вернуться в Бруклин? И действительно, наш водитель собирался отъезжать в Бруклин с тремя пассажирами. Как он объяснил, взять дополнительных пассажиров без ведома старшего брата он не может. Всё строго контролировалось. Как в «Отеле Калифорния».

Вскоре возник старший корейский брат, ответственный за мероприятие. Им оказался тот самый представитель бруклинской семьи, записку к которому мне вручал Онода.

Ссылки на хорошо известного брата Оноду, заметно

расположили его ко мне. Он вполне доброжелательно выслушал мою просьбу доставить Славку домой. Однако он поинтересовался причиной досрочного отъезда. Мне это не понравилось. Возникло желание «полезть в бутылку» и заявить, что это уж не его дело. Ситуация не позволяла. Пришлось на месте сочинить благовидный предлог.

Моя короткая история о том, как Славик, позвонив домой, узнал, что его хозяйка — пожилая одинокая женщина — вдруг приболела. И просит приехать присмотреть за ней… Все это положительно тронуло слушателей. Старший брат дал добро на отбытие Славки. Тот хмуро уехал, не попрощавшись. Остаток вечера прошел в лекциях и песнопениях.

Немолодая женщина, родом из какой-то латиноамериканской банановой республики, используя весь свой запас английских слов, пылко советовала мне уединиться перед сном и помолиться вслух. С её слов, она когда-то приехала в страну с большими планами. Планы свои не реализовала, но с Богом сблизилась, чего и мне желала.

В домике, в котором мне предоставили спальное место, расположились ещё четверо братьев. Один из них оказался моим «одноклассником». Он не нашёл ничего интереснее, как рассказать своим соседям по ночлежке о моих безбожных туристических намерениях. Заснул я под непрерывный поток душеспасительных советов, сыпавшихся в мой адрес из темноты со всех спальных мест.

Следующий день — по распорядку: до завтрака утреннее собрание с лекцией на тему совершенно беспредметную. В перерыве ко мне «заехал» лектор, с наигранной случайностью и праздностью спросив:

— Как поживаешь, парень?

— Не так уж плохо, — вежливо ответил я.

— Как тебе здесь нравится? — продолжал рассматривать меня лектор.

— Нравится. Особенно озеро, — дал я понять, что не стоит тратить на меня время.

— А ты откуда, парень? — не отставал лектор.

— Из Бруклина, — честно ответил я.

Как будто ты не знаешь! — подумал я.

— Нет, в Америку откуда ты приехал? — копал учитель.

— Русский, — ответил я, не вдаваясь в административно-территориальные подробности.

— Действительно?! — наигранно удивился лектор, — ну и как тебе наша идея?

— Я пока затрудняюсь судить о вашей идее. Но вижу: многие

люди вокруг этого нашли своё место под солнцем. Если они действительно счастливы, то это здорово, — уклончиво ответил я.

— Конечно же, они счастливы. Все эти люди обрели новую, истинную, семью и смысл жизни, — завёлся лектор, почуяв иронию в моём ответе.

— Возможно это так. Только какая необходимость утверждать, что Преподобный Отец — Мессия, Господь Второго Пришествия? Такое утверждение, по-моему, излишне и преждевременно.

— А вот время покажет! — пообещал мне лектор. — А что тебе самому нравится у нас, кроме озера? Как тебе, всё-таки, наша идея? — не унимался зануда-лектор.

— Ну, я должен вам объяснить, что русские по-своему воспринимают идеи о всеобщем счастье.

— Объясни! — явно заинтересовался он.

— Там, откуда я прибыл, людям с самого рождения вдалбливали Единственно Верную Идею, гарантирующую всеобщее счастье на Земле. Методы внедрения этой идеи, и воспитания — самые разные. Лагеря применялись также широко, и не только летние. Многих сомневающихся просто уничтожили физически, а многих, просто достали по жизни! Поэтому, у нас теперь несколько настороженное отношение ко всему Единственно Верному. Вы уж извините. Сомнение заложено в нас генетически. Во всяком случае, таково моё личное восприятие. Возможно, с новым поколением, поколением пепси-колы, будет легче иметь дело.

— Очень интересно! Я всё-таки, надеюсь, ты пока остаешься с нами? — оптимистично и осторожно закончил он беседу и оставил меня в покое.

Лекции о всеобщей любви разбавлялись закусками, купанием в озере и хоровым пением. Перешли к художественной самодеятельности. Кто-то из массовиков-затейников свёл меня с соотечественником Виталием и настоятельно попросил подготовить и исполнить для всех что-нибудь русское. Озадачили!

Посовещавшись с ним, мы остановились на мудрой народной песне, про милого, отъезжающего в край далекий… Который, при всём своём желании, не может взять с собой подругу… По многим причинам…

Совместными усилиями вспомнили слова песни и подтвердили свою готовность выступить с номером.

Песни и танцы, представляемые людьми разных национальностей, даже в любительском исполнении вызвали у всех присутствующих живой интерес. Эти, очень различные,

музыкальные и танцевальные представления здорово иллюстрировали колорит собравшихся здесь национальностей. Аудитория зрителей значительно возросла по сравнению с лекционной. Присутствовал даже весь обслуживающий персонал с кухни, освобожденный от лекций.

Объявили о нашем русском номере. Мы, выйдя на сцену, сочли необходимым сделать паузу-вступление. Большая часть предшествующих выступлений была так весела, что выплеснуть на зрителей нашу песню-грусть без предупреждения — было бы просто нетактично. Мы коротко объяснили, что хотим, по мере своих способностей, исполнить старую народную, русскую песню о проблематичных человеческих отношениях. Публика притихла. К чужим проблемам в этой стране относятся настороженно. Своих достаточно! Почувствовав, что наступил подходящий момент, мы одним духом, как по стакану водки хлобыстнули, пропели-выплеснули эту грусть. Возникла короткая пауза всеобщего внимания, любопытства и недоумения. Эмоциональное содержание нашего выступления не вписывалось в общий праздник лицемерного счастья, радости и гармонии. Мы закончили. Присутствующие какой-то момент сохраняли тишину недоумения. Затем дружно зааплодировали, как впрочем, и всем другим выступавшим до нас. После аплодисментов, сразу несколько человек просили нас подробнее рассказать, о чём была эта грустная песня? Они хотели знать, по каким таким причинам, герой народной песни не может взять с собой в край далёкий любимую гёрлфренд?

Наш совместный комментарий, похоже, тронул каждого в какой-то степени. Они внимательно выслушали и снова стали аплодировать. Только теперь уже не по-американски: с выкриками одобрения, а с уважением. Или сочувствием.

Воскресенье. В течение всего дня в лагерь подъезжали люди. Чаще всего — семьи с детьми, приехавшие на своих автомобилях. Многие из них, как члены одной Семьи, в той или иной степени, знали друг друга.

Во время одного из перерывов я встретил жену Оноды с детьми. И заметил, что она хочет о чём-то поговорить со мной. Сразу после обмена приветствиями она выключила свою улыбку и перешла к вопросу, который её волновал.

— Сергей! Это правда, что ты сравниваешь нашу Семью и Идею с тоталитарными коммунистическими режимами!? А наш чудный лагерь сравнил с ГУЛагом?

Свой вопрос она выплеснула мне так эмоционально, что это привлекло внимание ещё одной женщины, находившейся рядом. Мне так не хотелось затевать какие-либо дискуссии с двумя

многодетными женщинами домохозяйками! Тем более, что одна из них еще и очень беременна.

— Нет, я лишь говорил, что мне, недавно прибывшему в вашу страну из общества, где всегда насаждались культ личности и авторитарные отношения, трудно принять на веру какую-либо идею и полюбить какого-либо вождя или Истинного Отца. Я полон сомнений и не скрываю этого. Учтите, что я всего полтора месяца в этой стране, и мне необходимо какое-то время, чтобы осмыслить происходящее вокруг меня.

Судя по реакции, мне удалось успокоить беременную женщину и вызвать понимание у случайной участницы. Они сочувственно выразили надежды на моё скорое исцеление и счастливое приобщение к новой жизни.

Я вспомнил о сбежавшем отсюда Славке и почувствовал себя мудаком, застрявшем в дурацком окружении.

Остаток дня меня больше всего интересовало время отъезда из лагеря. После разговора с женой Оноды осталось ощущение вины и казалось, что за мной постоянно наблюдают. Разговаривать больше ни с кем не хотелось.

До встречи с женой Оноды, я наблюдал как в перерывах между лекциями, вместо того, чтобы купаться в озере, молодые активисты окружали лектора и терзали его дополнительными вопросами. Тогда мне ещё хотелось приблизиться к ним и послушать: что же волнует этих странных ребят. Теперь же я не рад был, когда ко мне обратилась знакомая англичанка и тоже поинтересовалась, как мне всё это нравится? Я был сдержан в своих оценках, Она заметила мою неразговорчивость и сменила тему:

— Решил ли ты свой вопрос с жильём?

— Надеюсь, что скоро решу.

— Ты уже был в нашем доме в Бруклине. Если тебе негде остановиться, ты можешь поехать к нам.

— Спасибо, я собираюсь ехать с вами, но думаю: мне есть, где переночевать сегодня.

Разговора по душам не получилось.

Многие, кто приехал в лагерь с детьми, уже разъезжались по домам. Основная же коммуна, как будто и не собирались возвращаться. Шумные и бестолковые сборы начались, когда уже темнело. Я невесело подумал о том, что в Бруклин мы вернёмся к часам 11 вечера, и если хозяйка Славки будет дома, у меня могут возникнуть проблемы с ночлегом.

В дороге, мои новые знакомые братья и сёстры задавали мне немало разных вопросов. Но я, по возможности, обращал всё в шутки. Подъезжая к Нью-Йорку, они снова поинтересовались, где

я собираюсь ночевать. Осведомленность о моих текущих делах уже не удивляла меня. Мои шутки о более чем тёплой погоде и возможной ночевке под звездами только разжигали их любопытство. Уже в Нью-Йорке, они указывали мне на встречающихся чёрных бродяг — обитателей улиц и парков, и назидательно советовали отказаться от опасных экспериментов. Об этих несчастных бездомных братьях попутчики пренебрежительно отзывались, как о Bad spirit men, то бишь, как о субъектах безнадёжно опустившихся духовно.

Очень самоуверенные суждения о людях!

К дому бруклинской семьи подъехали поздно. Расставание было нецеремонным. Пока попутчики выгружались из автобуса, я, не обремененный багажом, обещал всем вскоре повидаться и растворился в сумерках улицы.

С уличного телефона позвонил Славке. Тот был дома, но и его хозяйка тоже. Договорились встретиться на улице. Минут через десять мы уже сидели на крыльце и трепались ни о чём.

Я уже подумывал позвонить кому-либо из ребят на East 2-ю улицу или West 9-ю, и ехать туда ночевать. Но неожиданно к нам вышла бабуля Мария — хозяйка дома. Мы не виделись с ней более месяца, и она была не против поболтать.

Бабушка знала о моей командировке в летний лагерь хасидов, и в этой связи, она имела ко мне порцию волнующих её вопросов. Она принимала меня, как только что прибывшего оттуда. Утомлять её объяснениями о перемещениях между лагерями хасидов и муней я не стал. Пришлось рассказать о пребывании в хасидском лагере. Бабуля ворчливо подвела итог моим познаниям: «Трёх недель общения с ними ещё недостаточно, чтобы узнать всю степень их коварства».

Я послушно признал её богатый жизненный опыт. И она гостеприимно пригласила оставаться ночевать в её доме.

Утром мы разбежались по своим делам. Барахтанье между Бруклином и Нью-Йорком без определенного места жительства и постоянных доходов, уже не соответствовало ни одной из моих целей приезда сюда. Ни должного языкового совершенствования, ни экскурсий по стране, ни заработков…

Мимоходом зашёл в контору, предлагающую быструю и недорогую связь со странами Восточной Европы. Скучающий там польский пан, объяснил: что за один с четвертью доллар за фунт веса, они доставят на Украину посылку или отправят факсом письменное сообщение. Ни то, ни другое меня пока не интересовало. Я собирался уходить, но пан вдруг спросил, не интересует ли меня работа во Флориде?

Интересовала. Выяснилось, что там у них, якобы, есть

работодатели, которые могут обеспечить постоянной работой в сфере общественного питания или гостиничного хозяйства.

Смущало лишь то, что забота пана о моей занятости была небескорыстной. Ему хотелось бы, до моего отъезда к далёкому месту работы, получить с меня плату за его тяжкие хлопоты. Оценивал он свою услугу в 200 долларов, уверяя меня, что зарабатывать я там буду не менее 250 еженедельно. Я предложил внести поправку в его условия: сначала моё трудоустройство и первая зарплата, а затем — я пересылаю ему вознаграждение за его услугу.

Он обещал подумать. Я тоже. На этом и расстались.

Продвигаясь вдоль полу чёрной Ocean Ave., я неожиданно набрел на сидящего у подъезда знакомого по трудовой панели. Это был молодой сын Давидов, в детском возрасте завезённый сюда родителями из Молдавии. Мы едва знали друг друга. В большем, и не было необходимости. Я бы прошёл мимо, ограничившись приветствием, но тот оказался, на удивление, приветлив и любопытен. Начал расспрашивать: чем я сейчас занимаюсь, и вообще — был по-одесски прилипчив.

Выяснилось, что где-то срочно нужны работники. О самой работе он неопределенно рассказал, что дело непыльное и простое. Документы не требуются. Оплата — пять долларов в час, еженедельная выплата. Я взял его телефон, обещал ответить, и побрёл далее.

В доме закарпатских ребят на East 2-й улице, нашёл только Юру. Он то и был мне нужен. Остальные представители Хустовского района исправно работали в это время на стройках. Юра же, был озабочен коммерческими вопросами. Встретил он меня серьёзно и начал сразу с дела: решился ли я, наконец, поступать на коммерческую службу в AmWay? И не дождавшись моего ответа, стал перечислять льготы, положенные коммивояжерам этой коммерческой империи. После перечисления льгот, он рассказал мне о последнем бизнес собрании. Передал весь блеск и шик, с которым проходило мероприятие. И, наконец, вытащил из кладовки тот же картонный ящик с товарами народного потребления, дотошно разъясняя мне, чем лучше стиральный порошок от AmWay, в отличие от прочих, продающихся в лавках на каждом углу. Судя по стиральному порошку и прочим хозяйственным товарам, которые он уже показывал мне неделю назад, продавалось пока недостаточно. Стиральный порошок у Юры я не купил. Поговорить о чем-либо ином не получилось. Спрашивать о своих деньгах я не стал. На этом и расстались.

По King's HWY я прошел на West 9-ю улицу. Войдя в подъезд нашего дома, заметил, что в почтовом ящике есть почта. Кроме казённых извещений для ребят, о необходимости уплатить штрафы за неправильную парковку автомобиля, и прочих рекламных листков, я обнаружил письмо от своего заочного друга из городка St.Petersburg, Флорида.

Посылая ему с этого адреса письмо, я удивил его своим появлением в Бруклине и озадачил вопросами о возможном трудоустройстве во Флориде. Его скорый ответ удивил меня не менее. Он дал мне бесплатную, письменную консультацию, суть которой сводилась к тому, что иностранцы, прибывшие в США по туристической визе, не имеют права на работу. Интересно, во сколько бы он оценил подобную консультацию, обратись я к нему в контору как обычный клиент? Больше вопросов к нему не возникало. Наша связь прервалась.

Я был удивлён, обнаружив новое почтовое послание от него. Распечатав конверт, я убедился, что ничего не изменилось. В этот раз он прислал мне рекламную листовку, извещающей о предстоящей телепередаче в St.Petersbuurg. Адвокат местной юридической фирмы будет отвечать на вопросы, а с ним, в

качестве гостя, примет участие и он сам. Он решил, что следует известить и меня об этом.

Каждый день американцы выгребают из почтовых ящиков массу подобных листовок, извещающих о супер выгодных распродажах, меню китайских ресторанчиков и прочий рекламный хлам.

Я так понял, что где-то в Питерсбурге сейчас люди получают подобные извещения о предстоящей телепередаче «Человек и Закон», с участием начинающего адвоката. Одну такую листовку он выслал и мне в Бруклин. Спасибо!

Юра из Ростова был дома. Предложение о моём подселении на его место оставалось в силе. Кроме этого, он предложил купить у него за 100 долларов его автомобиль, 8-ми цилиндровый универсал, Ford Vagon Station. Я ограничился обещанием скоро подселиться в их квартиру и посодействовать ему в продаже его прожорливого Форда. Других жильцов квартиры повидать не удалось, но Юра заверял меня, что они будут счастливы моему подселению.

Этим вечером я задержался в Нью-Йорке. Совсем забыл, что обещал пойти с Юрием на их вечерние бизнес занятия. Договаривались, что после школы мы пойдём к нему, где я останусь ночевать. Когда я возвращался в Бруклин, было уже поздно. Предполагалось, что Юра уже вернулся домой. Единственной задачей в этой ситуации было то, что я не знал, как объяснить ему свой пропуск занятий. Он по-юношески всерьёз воспринимал всё, что им втирали на занятиях, и обижался, когда я шутил по поводу его коммерческих начинаний.

Около полуночи я постучал в окно его комнаты. Юра вышел ко мне на улицу наряженный в костюм. Видимо, недавно вернулся. Вид у него был обиженный. Без всяких предисловий о том, как много я потерял в этот раз, он выразил обиду и разочарование во мне. Оказалось, на этот раз, я непростительно подвёл его. Он обещал кому-то моё появление на занятиях и возможное вступление в их бизнес ряды… Когда же я честно признался, что застрял в Манхэттене и теперь рассчитываю на спальное место в его комнате, Юра расценил моё поведение по отношению к нему, как откровенный эгоизм. Было ясно, что теперь он предоставит мне ночлег только после утомительной порции упреков. Всё это становилось до тошноты неинтересным. Ночь была и без того липкой и душной. Мне уже не хотелось ни слушать чьи-то нравоучения, ни ночевать в чьей-то комнате. До рассвета оставалось часа четыре. Я решил не злоупотреблять его, и без того, поруганной дружбой, объявил о своём уходе.

Планов на эту ночь и следующий день у меня пока не было.

Вспомнил о приглашении на работу и предложении звонить по этому вопросу в любое время. С первого же телефона и позвонил. Там не спали и сразу узнали меня. На работу следовало быть к семи утра. Где это находится, объяснять он не стал. Договорились, что встретимся в шесть утра на перекрёстке Ocean Ave. и Ave H, недалеко от его дома.

До встречи оставалось около шести часов. Спать совсем не хотелось. Духота стояла утомительная. Фруктовые лавки сворачивали торговлю. В одной такой я успел затовариться всем понемногу: бананы, персики, виноград. Хозяин или управляющий, занятый подсчётами не стал даже взвешивать мой фруктовый набор, а просто назвал какую-то приблизительную сумму, которая вполне устраивала меня. На этом и разошлись.

Многие уличные пожарные гидро краны в Бруклине стояли слегка приоткрытыми. Вода постоянно бежала. И это, как всем казалось, облегчало жару. Под одним из таких гидро кранов я перемыл свой фруктовый запас и сам искупался по пояс.

Кроме пластикового пакета с фруктами, при мне был школьный портфель-сумка через плечо, в котором я обычно носил всякие необходимые мелочи. Там у меня были почтовые конверты, марки, бумага, записная книжка, ручки. Решил присесть где-нибудь в освещенном месте и написать письмо. Поклёвывая виноград, я устало плёлся в направлении Brooklyn College, что неподалёку от места нашей утренней встречи.

За сегодняшний день я отмахал по Нью-Йорку бесчисленное количество миль-часов. Возможно, я бы и подъехал вовремя к Юре, чтобы вместе посетить с ним его пресловутую школу, но уже после пяти вечера меня дёрнуло заглянуть в отель к Оноде. Тому, как всегда, было скучно на дежурстве, и он затеял со мной разговор. В этот вечер у него было ко мне очередное деловое предложение. Он тут же попросил кого-то подменить себя на вахте и увлёк меня в подземное кафе. Объяснить коротко и конкретно своё предложение Онода не мог. Интригующе улыбаясь и дружески похлопывая меня по плечу, он пригласил за столик, заказал у своих сестёр напитки и мороженное, а сам куда-то исчез. Вернулся с увесистым портфелем. Прежде чем показать мне что-то, Онода поведал историю о том, как он прилетел в Нью-Йорк еще в 70-х годах и начал работать на Семью. О самой работе он обещал рассказать более подробно. Затем, он, наконец, открыл свой портфель и вытащил кипу картинок с видом Нью-Йорка. Выполнены они были каким-то особым способом, что придавало изображению некоторую объёмность. Картинки мне понравились. Оказалось, работа заключается в уличной торговле этими шедеврами. И не только картинки. Возможен и другой товар, но

рекомендовалось начать с этого. Я поинтересовался ценами. В случае продажи, должен был сдавать Оноде по три доллара за каждую проданную. Продавать рекомендовалось по пять долларов. Звучало всё это не так уж и плохо. Но я не был настроен на то, чтобы приставать к прохожим и уговаривать их приобрести это. Однако Онода был полон уверенности в успехе дела.

После наших разговоров с Онодой, я бы еще успел к Юре. Но он настоял на том, чтобы я сегодня же взял несколько штук и попробовал это простое, но прибыльное дело.

Я вышел из отеля на 8-ю авеню с небольшой порцией товара и поспешил раствориться в толпе. Настроения заниматься этим цыганским делом у меня совсем не было. Проснулись амбиции несостоявшегося космонавта. Решил вернуться к Оноде с какими-то выводами обо всем этом минут через 20 и закончить сегодняшний эксперимент. Зашел в кафе рядом с Empire State Building. Там было людно, но тихо. Мне понравилось это место, и я решил пересидеть несколько минут. Подошёл к стойке бара. Присел на высокий стул. И уложил на стойку пачку картинок. Дежуривший за стойкой парень был не очень-то занят; трепался с двумя клиентами, попивающими пиво. Только я уселся, он бросил мне дежурное «как поживаешь и чего желаешь». Я пожелал цитрусового сока со льдом. Подавая мне моё холодное питьё, кивнул на картинки и буркнул, что выглядит симпатично. Я предложил посмотреть. Он не отказался. К просмотру присоединились и двое любителей пива. Не успел я начать свою торговую песню, как они закончили просмотр и рассказали, что обычно, такими картинками торгуют на улицах японцы и корейцы. И делают это излишне назойливо.

Назойливых я и сам не любил. Решил, что если этим людям уже предлагали подобные картинки, то и нет надобности повторяться. И место, и сок мне понравились. А вот к Юре, на занятия я безнадёжно опоздал. И уже в который раз.

Возвращаясь к Оноде с товаром, хотелось рассказать ему, что я узнал от первых случайных потенциальных покупателей: о том что его братья-торговцы уже достали весь Нью-Йорк! С 70-х годов пристают к людям! Но ничего этого я не сказал. На расспросы о моих «успехах» и впечатлениях лишь ответил: время для этого дела — не совсем подходящее. Возможно, в другой раз. Он согласился, и сделал замечания по моему внешнему виду. Оказывается, моя футболка и шорты выглядят недостаточно представительно для занятия таким важным делом, как уличная торговля. Он рекомендовал мне в следующий раз одеться поприличней, то бишь, брюки, белая рубашка и галстук.

— Ну, это уж слишком! — подумал я, и собрался уходить.

Онода спросил, есть ли у меня такая одежда, и, не получив вразумительного ответа, выдал по-братски десять долларов… для приобретения делового костюма.

Теперь, вместо того чтобы обзавестись костюмом (за 10 долларов) и спать дома, как порядочный, я расположился на удобной скамейке под уличным фонарем по соседству со стадионом Бруклин-колледж, и начал строчить письмо.

Хотелось объяснить: почему я уехал из хасидского лагеря и, уже который день, существую без определенного места жительства, чем занимаюсь, и что намерен предпринять в дальнейшем.

Писал об этом часа два. Съел все свои фрукты. Чёрные братья мимоходом предлагали мне чёрных сестриц и кокаин. Я воздерживался, как Спартак.

Когда я усомнился, что всю эту писанину можно будет вместить в один стандартный конверт — закончил своё изложение, упаковал, указал мамин адрес с пометкой «для всех, кому интересно», и прилёг на скамейке.

Качественного сна достичь не удавалось. Освещение было слишком ярким. В соседнем доме монотонно сопели кондиционеры. Мысли не покидали. Было уже около трех часов ночи. По времени и ощущениям я понял, что какое-то время всё же проспал на скамейке.

Умываясь под ближайшим пожарным гидрантом и приходя полностью в сознание, я стал припоминать, что во время моего уличного полусна, мне что-то снилось, или виделось сквозь сон. Надо мной неоднократно бесшумно возникали чёрные тени местных обитателей. Это были кратковременные, осторожные визиты. Губастые посетители, посапывая подобно кондиционерам, осторожно склонялись над спящим туристом и бегло оценивали свою ночную находку. Вероятно, не разглядев во мне ни спящей красавицы, ни какой-либо материальной ценности, они также бесшумно растворялись в ночи, не потревожив мой чуткий сон.

Теперь, волочась как лунатик, со школьным портфелем, я начинал понимать, что всё это мне не снилось. Ночная, бесшумная жизнь действительно шла своим чередом. Чёрные сёстры молодого и неопределяемого возраста, видя меня, зазывающе сигналили конкретными телодвижениями. Группки ночных «шахтёров», тусующихся по тёмным закоулкам, с любопытством поглядывали на белого туриста с портфельчиком. По их блудливым взглядам нетрудно было предположить об их помыслах. Я подумал, что мне пора определиться в пространстве и во времени. Иначе здесь меня могут скушать вместе с

портфелем.

Я стоял перед перекрестком в ожидании зелёного света. Автомобильного движения не было. Я мог бы перейти улицу на красный свет. Но на другой стороне, мне навстречу, из темноты проявились два негатива. К удивлению, они законопослушно не шли на красный свет, неуклюже топтались на месте, сверкая в сумерках зубами и белками глаз. Они что-то обсуждали. Мелькнула мысль, что я оказался предметом их внимания. Наконец, можно было перейти дорогу. Я пошёл. Двое же встречных пешеходов замешкались, как бы сомневаясь в направлении. Проходя мимо, я заметил, что они замолчали и бесцеремонно рассмотрели меня. Я почувствовал неладное, но не успел и подумать об опасности, и о том, что можно предпринять в этой ситуации, как услышал за спиной торопливые, крадущиеся шаги. Обернувшись, увидел этих же двоих шахтёров. Только в этот момент их действия уже были целенаправленны. Один из них, явно постарше, гориллобразный, пёр с никелированным пистолетом в руке, направленным на меня. Как только я повернулся к ним, он выплеснул поток булькающих, шлёпающих звуков, из которых я понял, что должен тихо стоять и отдать им свои деньги. Держатель пистолета выглядел достаточно придурковато и агрессивно. Я не осмелился проигнорировать его приказ. Остановился на месте, озадаченный и перепуганный. Приблизившись, тот с излишним усилием, упёр ствол пистолета в моё левое плечо и, угрожая кончить меня, потребовал деньги. Интонация была такова, словно я когда-то брал у него эти деньги, и теперь отказываюсь возвращать должное! Я сделал робкую попытку заговорить с ним. Всего лишь сказал, что они ошиблись в субъекте и напали на пустого, заблудшего туриста, у которого нечего взять. Это безобидное замечание подействовало на владельца пистолета как красная тряпка на быка. Он просто взбесился. Вдавил свою металлическую игрушку в мое плечо, и, вытаращив покрасневшие от гнева глазища, зашлёпал губами угрозы, проклятия и требования. Стало ясно, что разговора, с этими остронуждающимися в дозе животными не получится. Пока я лихорадочно оценивал ситуацию, гадал, насколько опасен большой, никелированный, блестящий пистолет, заряжен ли он или вовсе бутафорский? Тем временем, его молодой молчаливый ассистент уже пристроился сзади меня и приступил к обыску. Сначала он вырвал у меня из руки портфель. Как я понял: именно эта ерундовая вещь привлекла их внимание. Он торопливо вытряхнул на тротуар всё содержимое и приступил к сортировке. Первое, на что он набросился, была записная книжка с телефонами и адресами. Она внешне походила на бумажник. Не

рассматривая, он сразу же забрал её. Я снова попытался объяснить, что этого всего лишь блокнот с адресами. Но нервный руководитель операции гневно зарычал на меня: «Don't move!» Передо мной стояло блестящее от пота, искаженное гневом и желанием лицо взрослого дегенерата. Безумные, налитые кровью глаза, выражали злобу и обеспокоенность. Его действия были абсолютно непредсказуемыми. Я покорно отказался от какого-либо вмешательства в их поисковый процесс. Тем временем, молодой тщательно потрошил конверт с письмом. Обследовав, он с досадой бросил его, как ненужный хлам, и приступил к моим карманам. Нащупал в заднем кармане десятку, выданную мне Онодой. Его рука напряглась. Он лихорадочно вывернул карман, прошелестел найденной купюрой. В глазах стерегущего меня старшего, вспыхнула искорка облегчения. Я тоже был искренне рад, что они хоть немножко удовлетворены, и, возможно, подобреют. Из двух других вывернутых карманов посыпалась мелочь. Молодой начал неловко подбирать с асфальта монетки покрупней. Я стоял с приподнятыми руками, старший так и упирался своим пистолетом в моё плечо. Вокруг на тротуаре были беспорядочно разбросаны мои вещи. Место было достаточно освещённое. Любой наблюдавший за происходящим, мог бы без труда догадаться, что здесь происходит. Старшему не понравилось, как зазвенела рассыпанная мелочь и как молодой сообщник неловко подбирал это. Он рявкнул в его адрес, и я понял, что это была команда к отходу. Молодой оторвался от тротуара с мелочёвкой и потянулся рукой к моей серебренной цепочке на шее. Старший уже был в нескольких шагах от меня. Он засунул свой пистолет в карман и, удаляясь, свирепо прикрикнул на младшего. Тот, не посмев ослушаться, отказался от своей затеи и побежал за ним. Спустя несколько секунд они скрылись за ближайшим углом. Только мелькнули их чёрные хвосты-тени.

Я остался стаять на месте, не зная: возмущаться или радоваться. Подбирая с тротуара остатки своих вещей, отметил проснувшееся чувство досады. Двое нигеров, так, запросто, поимели меня, а я не посмел даже и пикнуть. Но волна возмущения скоро схлынула. С облегчением и благодарностью осознал факт своей физической целости-невредимости. Могло случиться всякое непоправимое. Мысленно я поблагодарил Оноду за его нелепые десять долларов на костюм, которые и удовлетворили этих полулюдей. Радуясь целости своих рук и ног, я поскакал в места более освещённые.

Сонливость исчезла, мысли беспорядочно прыгали. В этот момент идея о всеобщем равенстве и братстве, казалась мне дикой нелепостью! Ни равным, ни одинаковым с этими

человекообразными я себя не чувствовал. Во всяком случае, так кричало моё напуганное подсознание.

Впоследствии, когда я рассказывал о случившемся Оноде и другим местным жителям, все они, как один, поздравляли меня с таким благополучным разрешением уличного конфликта. Как выяснилось из их комментариев, я, оказывается, вёл себя очень мудро. Потому, что позволил грабителям поиметь себя и не препятствовал им завладеть имуществом. Если уж попался в их цепкие объятия, будь послушен и не гневи их. Иначе, они могут нечаянно искалечить или вообще убить. Многие даже советовали мне всегда иметь при себе 5-10 долларов, которые могут спасти жизнь.

Как комментировали эту проблему местные жители, «угнетённое социальной несправедливостью» чёрное большинство Америки, особенно в местах их концентрированного проживания NYC, Brooklyn, Bronx, дружно уверовало в идею о том, что им здесь все очень обязаны. Ссылаясь на историю США, они утверждают, что эта страна построена благодаря исключительно их африканским предкам, которых насильно завезли сюда и использовали как бесплатную рабсилу. Современные отпрыски убеждены в том, что американское общество теперь в неоплатном долгу перед ними. Размер этого долга пока точно не определён, но они твердо уверены, что, как наследники, имеют полное право на пожизненное и достаточное обеспечение.

Общественные потуги приобщить их к полезному занятию, порой воспринимаются ими как расовое притеснение. Всем своим тёмным видом эти ребята дают понять, что Природа и так достаточно обидно подшутила над ними, а вы еще и на работы нас хотите загнать! Мало вам того, что наши прадеды бесплатно работали?! Не доставайте нас своими запутанными правилами, законами и вытекающими из них обязательствами. Мы не понимаем и не желаем понимать их. Просто платите нам пособия, и не морочьте головы о всяких дефицитах бюджета.

Дети, как основание для дополнительных пособий, рождаются безудержно и запросто. Количественные перемены в семьях в связи с рождением или смертью, трудно контролируемы. Служащим соцобеспечения, порою, легче что-то предоставить просителю, чем проверять или оспаривать.

Фактически, в стране существует ещё одна, чёрная, Америка: со своим языком, культурой, традициями, ценностями. Это не отдельные уличные группки, а многомиллионный чёрный слой американского общества, активно проявляющий своё мировоззрение в музыке, спорте, в манере поведения, одежде. Чёрная, угнетённая Америка танцует под ритмы рэпа и

количественно прогрессирует, А белая, стыдясь показаться расистами, терпеливо работает и законопослушно платит налоги. Подобно человеку, подобравшему на улице заблудшую кошечку или собачку. Принёс домой, покормил, обогрел, чему-то обучил. Так животное и осталось у него жить. Но, теперь он должен заботиться о благополучии своего младшего брата. Комплекс «старшего брата» обязывает иногда себе в чем-то отказать, только бы младшему было хорошо. Посмей только не угодить, они такой вой поднимут. Могут и зубы показать, а если надо, и руку кормящую укусят.

Об этом можно молчать, держа в кармане десятку, на всякий чёрный случай, чтобы оставили в живых. А можно и говорить — значит — быть расистом. Но проблема существует и прогрессирует, как об этом не умалчивай.

Так они и живут. Говорят, что мы, независимо от цвета кожи (и запаха) — равны и одинаковы. Только почему-то стараются жить подальше друг от друга. А порой, едва понимают один другого, а то и вовсе не пытаются понять.

Эти двое чёрных ребят не поняли меня. А я, удаляясь от места встречи с ними, сумбурно рассуждая, пытался понять их.

Оказавшись в безопасном месте, я стал возвращаться в осмысленное состояние. Поинтересовавшись временем, я обнаружил, что часов на руке нет, даже не заметил, как их сняли с меня. Стало ясно, что я пребывал в состоянии эмоционального шока.

Забавная история, у этих часиков. Недели не прошло, как я случайно прикупил их на одной станции сабвэя у двоих чёрных ребят-торговцев. Я ожидал поезда, а они, покрикивая, приглашали купить у них часы… Всего по доллару. Поинтересовался. Оказались дешевые, пластиковые, электронные, китайские. Но время и дату показывают исправно. Купил, и там же на станции надел их, а свои механические, позолоченные «Ракета», Ленинградского часового завода, убрал в сторонку. Ибо они в условиях выполняемых мною работ выглядели вызывающе роскошно, подобно золотому зубу Паниковского. Короче, одни ребята днём продали мне часы, а другие ночью сняли. И те, и другие — довольны. Я тоже доволен, потому что, мои золотые сохранились. Оставленные где-то в сумке, у Оноды дома хранятся.

На утреннюю встречу, мой приятель пришёл вовремя и не один, а с пареньком-соседом. Тоже — беженц из Литвы. Так мы, два беженца, один из Молдавии, другой из Литвы и один — просто турист из Украины, запрыгнули в поезд сабвэя и поехали в направлении Манхэттена. О предстоящей работе наш проводник

ничего нам не рассказал. Обещал, что на месте мы сами всё узнаем. Зато, узнав о моем недавнем прибытии из бывшего Союза, завёл разговор о притеснениях, которым подвергаются все евреи, живущие там. Я имел неосторожность заметить, что знаю многих таковых в Одессе и Херсоне, но они вовсе не похожи на жертв притеснений.

Молодой беженец из Молдавии был не по возрасту пузатым, воинственно настроенным защитником избранной нации. Он довольно откровенно выразил мне свою нелюбовь к русским, прошёлся в адрес некоторых национальных героев Германии и России и задиристо призывал меня к дискуссии на затеянную тему. Ожиревший от притеснений беженец всю дорогу не унимался, демонстрировал перед пассажирами поезда свой сионистский онанизм. Он выговаривал мне, словно я был виновником всех бед, пережитых советскими евреями. Невольно слушая этого урода, я подумал, что сам чёрт свёл меня с ним в это утро. Какое-то испытание на терпимость.

Сошли мы на остановке Broadway, что в Бруклине в районе Williamsburg (не путать с Broadway, что в Нью-Йорке). Улица Бродвэй в Бруклине — неприглядная, грязная, торговая, с гремящими по верху поездами метро.

По этому Бродвэю мы и пошли вниз в сторону Манхэттена. Наш проводник продолжал доказывать мне, что весь мир в безнадёжном долгу перед избранной нацией! Я помалкивал.

Не сворачивая с улицы, мы дошли почти до берега East River. В одном из старых серых трехэтажных домов, по соседству со складами и мастерскими, размещалась контора, которой и требовались работники. У входа уже сидели работнички. Наш проводник бегло представил нас, как новеньких и объявил, что мы будем работать с ними, просил объяснить нам обязанности.

Познакомились. Ребята не спешили вводить меня в суть производственного процесса, но стали осторожненько расспрашивать: кто я, откуда, как долго в Америке, каков мой статус, как с языком и откуда я знаю этого молодого бригадира?

Я понял: им не безразлично с кем придется работать. С явным облегчением они узнали о моих далеко недружеских, но случайных отношениях с приведшим меня бригадиром.

Один из них, — рыжий, с признаками злоупотребления алкоголем, Володя, представился, как турист из Москвы. Но уже с двухгодичным стажем пребывания в Бруклине. Вова выглядел пообразованней, во всяком случае, похитрее, чем двое других его коллег.

Двое других оказались братьями, якобы, из Ленинграда. Возможно, это было место отбывания последнего срока, где-

нибудь в Ленинградской области. Это были неразговорчивые типы с неряшливой внешностью, о которых можно больше узнать, наблюдая за ними, нежели расспрашивая. Вследствие их пребывания в Америке русская речь украсилась забавными вкраплениями английских звуков американского, нелитературного происхождения. Свою грязненькую внешность они облагородили дешёвыми пиратскими серьгами в ухо. У каждого братана по одной одинаковой серьге. И с песней по жизни…

Что же до работы, которую мне предстояло выполнять, то вся задача сводилась к тому, чтобы как можно больше распространить рекламных листовок. Крикливо-красочный бумажный хлам призывал всех домохозяек дешево и быстро почистить свои ковры. Им предлагалось, лишь позвонить по указанным телефонам и ребята из конторы в Бруклине всё качественно сделают.

Само заведение это, как я узнал, принадлежало нескольким парням из Израиля, проживающим здесь. В основном, работа конторы заключалась в поисках заказчиков. Чисткой ковров они себя не очень-то утруждали.

Вытащив ковер на тротуар, (благо, место было захолустное, и пешеходы не мешали), его наспех чистили мощным пылесосом. Хозяйка могла бы сделать это и дома. После чистки ковёр сворачивали и грузили в микроавтобус. Микроавтобусы Caravan у них были приличные, совсем новые.

Кроме готовых к возвращению клиентам ковров, в автобус грузились коробки со свежеотпечатанными рекламными листовками. В каждый такой автобус — по бригаде: водитель-бригадир и 3–4 работника. В таком составе они выезжали в заданный сектор и в течение дня действовали, то бишь, распространяли рекламную информацию для домохозяек. И давали работу тем, кто отвечает в этих домах за уборку всякого хлама.

Перед отъездом я был представлен бригадиру. Это был парень арабо-израильской внешности с неизлечимым арабским акцентом. Он попросил записать для него моё полное имя и объявил о начале наших трудовых отношений.

Оплата по окончанию недели, по пять долларов за рабочий час. Остальные условия труда обещали разъяснить в процессе работы. В качестве моего сегодняшнего напарника определили Володю из Москвы.

Так, арабо-израильский водитель-бригадир, два брата-акробата, Володя-москвич и я, по Вильямсбургскому мосту переехали в Манхэттен. Остановились где-то в East Village в Нью-

Йорке. Бригадир с какой-то азиатской стервозной строгостью провёл инструктаж, проконтролировал, сколько каждый из нас взял листовок и указал нам дома, в которые мы должны пронести рекламу. Его инструкции угрожающе напоминали работникам о последствиях ненадлежащего исполнения наших обязанностей.

Мы с Володей направились к одному дому, пара братанов — к другому, что на противоположной стороне улицы. Двери во всех подъездах, конечно же, закрыты. Или на входе кто-нибудь дежурит. Войдя в подъезд за первую дверь, где размещались почтовые ящики, мы убедились, что следующая дверь заперта. Нас это не удивило. Я наивно предложил рассовать листовки по почтовым ящикам. Володя, думая о чём-то своём, флегматично прогнусавил, что так не годится: «листовки должны попасть в квартиры. Ибо наша реклама из почтовых ящиков будет просто выброшена в мусор на переработку». Для этих целей, здесь же стояла в углу пластиковая ёмкость, на треть заполненная свеженькими меню из китайских ресторанов и прочей зазывающей печатной продукцией. Я понятия не имел, каким образом мы сможем пронести рекламу в квартиры дома. Но Володю, похоже, этот вопрос не волновал. Он, сосредоточено сопя, вытаскивал из почтовых ящиков корреспонденцию, которую мог выудить. Разглядывал конверты, перелистывал журналы, если это не представляло для него интереса, то отправлял обратно в ящик, при этом, не особенно заботясь в который. Если же обнаруживал что-нибудь интересное для себя, то по-хозяйски укладывал в свой портфель. К его радости, не всякая почтовая доставка, по своим габаритам, проходила в стандартный почтовый ящик, поэтому почтальоны раскладывали такие пакеты и бандероли на почтовых ящиках, полагая, что каждый адресат возьмет ему предназначенное. Однако Володя пришел раньше этих адресатов. И теперь, не обращая внимания на моё присутствие, он с любопытством рассматривал небольшую бандероль. Прикидывал её на вес, нюхал. Наконец, пришел к выводу, что там нечто из парфюмерной продукции, и стал торопливо распечатывать свёрток. Оказалось — мыло, но не простое, судя по запаху и упаковке. Кто-то прислал кому-то маленький душистый подарок. Вова был несколько разочарован обнаруженным, и, ворча себе под нос, всё же принял подарок, отправив его в свой портфель. Обследовав сегодняшнюю почтовую доставку, он деловито взглянул на часы и сделал вывод: «нормально». Затем он нажал сразу несколько кнопок вызова жильцов, откашлялся и приготовился к переговорам. Сначала из одной, а затем ещё из нескольких квартир разными голосами отозвались вопросом «кто там?» В ответ Вова невнятно, но

уверенно прогнусавил, что здесь доставка от Federal Express. После короткой паузы, голос пожилой женщины раздражённо ответил, что она не ожидает ничего подобного. Володя не успел придумать продолжение этому диалогу, как разными мужскими и женскими голосами, из динамика захрипели вопросы. И Вова снова для всех объявил о доставке Federal Express. Из общего звукового коктейля можно было расслышать вопросы, сомнение, недоумение, раздражение. Затем, жужжание и металлический щелчок открывающегося замка. Володя прытко толкнул дверь и проскочил в подъезд, пока не передумали. Я — за ним.

В подъезде тихо и чисто. Видно, что здесь тщательно поддерживается порядок. Дом, хотя и не многоэтажный, но с лифтом. Нырнули в кабину лифта и отправились на последний этаж. Лифт, уважаемого возраста, но в хорошем состоянии, без настенных надписей, следов поджогов и мочи. Тихо и безотказно мы поднялись на верхний этаж. Выйдя на площадку, Вова вытащил порцию листовок и шепотом призвал моё внимание.

— Смотри, как это надо делать.

Он демонстративно взял одну листовку, кряхтя, нагнулся перед дверью квартиры, просунул листовку в щель между полом и дверью и ловким толчком запустил её в квартиру. Разогнувшись, с покрасневшей физиономией, он предупредил меня, что листовка должна полностью скрыться за дверью. Её не должно быть видно снаружи. Я не стал расспрашивать, для чего все эти требования, а просто кивнул в знак согласия. Далее, спускаясь с этажа на этаж, мы делали это вместе и довольно быстро. Там, где листовка не проходила под дверью, наставник рекомендовал пропускать такие квартиры. Не задерживаться.

Переходя на очередной этаж, мы услышали, как открылась дверь квартиры этажом ниже. Приостановились на лестнице, затаились, пережидая, пока кто-то уйдет или зайдет в квартиру. Но шагов не было слышно. Володя, приложив указательный палец к губам, подал мне знак соблюдать полную тишину. Послышался вопросительный окрик мужчины: Delivery? Но мы не ответили. В какой-то соседней квартире, на его окрик затявкала собачонка. Не дождавшись курьера Federal Express, мужчина ворчливо вернулся в свою квартиру. О чём мы поняли по шуму захлопнувшейся двери. Володя решил пропустить этот этаж, а далее, ниже всё также: нагнулся или присел, послал рекламную весточку, и, к следующей двери. Когда закончили дом, нам стало жарковато.

Перед тем, как выйти из подъезда, Володя деловито взглянул на часы. Я понял, что бригадир контролирует время пребывания в подъездах. Затем он глянул на почтовые ящики и записал себе номер дома и количество квартир. Вёлся статистический учёт о

проделанной работе.

Выйдя на улицу, мы получили сигнал-команду бригадира, указывающий направление следующего маршрута. Тем же способом, мы проникли в другой дом с подобным подъездом, и проделали то же самое.

Выходя из подъезда, встретились с бригадиром, поджидавшим нас перед закрытой дверью. Мы вышли, а он шмыгнул в открытую нами дверь, тихо скомандовав продолжать до конца улицы.

— Проверяет, сука! — проворчал Вова и спросил меня: всё ли я делал, как он мне показывал.

Не дожидаясь ответа, пояснил.

— Если бригадир обнаружит халтуру, то это незамедлительно отразится на оплате. Звучало убедительно.

В следующем доме лифта не было. Вова рассердился по этому поводу. Проклиная жару, старые дома и неугомонного бригадира, он дотащился до третьего этажа и предложил мне подняться дальше без него, и сделать там всё, как следует, а он начнёт отсюда. Когда я спустился, то нашёл его на прежнем месте, только уже присевшим на подоконник и покуривающим. Я присоединился. Отсидев какое-то время, мы пошли вниз. Ни он, ни я не продолжали наше рекламное дело, а просто лениво спускались по лестнице. На первом этаже Вова всё же запустил по листовке под каждую дверь. В одной из квартир, в ответ, залаяла собака. На выходе Вова исполнительно записал количество квартир в доме, пробубнил что-то о системе проверок и возможности своевременно отдыхать. Он лениво пошарил по почтовым ящикам, не найдя ничего интересного, взял порцию листовок и рассовал их по несколько штук в каждый ящик.

Продвигаясь по тротуару к очередному дому, мы увидели, как из дома на другой стороне вынырнули наши коллеги. Микроавтобус с бригадиром поджидал нас в конце улицы. Братаны на своей линии немного отставали от нас. Кто-то воровато свистнул, мы обернулись и те профессиональным жестом попросили снизить темп. Вова согласно кивнул им в ответ.

В следующем доме нам никто не открыл двери. Но мы не расстроились. Вова прихватил из одного незапертого почтового ящика иллюстрированный журнал. Все ящики щедро наполнил нашей печатной продукцией.

В другом доме, уже в конце квартала, мы удачно пристроились к входящей в парадную женщине, и деловито, со своими портфелями (а Володя ещё и с карандашом за ухом), вошли в лифт. Женщина настороженно ответила кивком на мое

«Good day», проводила нас внимательным взглядом, но ничего не спросила. Видимо, признала в нас за вполне сносных визитёров. Лифтом она не воспользовалась, а мы проехались. По пути наверх, Вова лестно отозвался о моих служебных успехах. И прокомментировал, что окажись он в этой ситуации с кем-нибудь из ленинградских братанов, эта тётя ни за что не пропустила бы их в дом. Подняла бы шум. На последнем этаже мы обнаружили лестницу, ведущую к двери-выходу на крышу. Туда и направились. Оказавшись на крыше дома, решили сделать перерыв. После подъезда, там показалось приятно свежо. Уселись в тени, подложив под задницы печатную продукцию. Вова аппетитно закурил и прикинул по времени, что до обеда мы, вероятно, должны будем пройти ещё одну такую улицу. Докурив, он занял позицию наблюдателя за улицей. Дождавшись, когда братья вышли из дома, мы спустились лифтом. Часть листовок оставили на крыше.

Выходя из дома, я напомнил Володе, чтобы он записал в учётную книгу количество листовок, оставленных здесь. Он делал свои статистические записи на ходу. Выглядело это вполне по-деловому.

Собравшимся у микроавтобуса, бригадир задал нам ряд обычных служебных вопросов. Мы отчитались о количестве квартир и предъявили остатки листовок. Он остался доволен. Направил нас на следующую улицу, а сам поехал искать место, где можно припарковать автобус.

За углом, на соседней улице, теми же методами мы продолжили своё дело. Дома были однотипные: старые, вероятно постройки 20-х годов, не многоэтажные. В одном таком доме мы встретились с завхозом (superviser — человек, исполняющий функции мастера-смотрителя). Тот, без всяких вопросов, определил: кто мы такие и зачем пришли. Он коротко, но строго рекомендовал покинуть этот дом. Мы послушно подчинились и перешли к соседнему. Но не успели договориться с жильцами, чтобы нам открыли двери, как за нашими спинами снова возник этот же завхоз. Он явно был рассержен. Раздражённо заявил: что если мы не уберёмся отсюда, то он вызовет полицию.

— Вы супервайзер и в этом доме? — спросил я его.

Безобидный вопрос вывел его из себя. Он стал орать, что это не наше, такое-сякое, дело! И что мы уже достали здесь всех своим рысканьем по домам и всей этой паршивой макулатурой!

В душе я согласился с ним, но его несдержанность и крикливость, были мне неприятны. Вдобавок к нашему конфликту присоединились одновременно несколько вызванных нами жильцов. Мы не могли им ответить, так как управдом не

унимался и не отставал от нас. Он упрямо требовал, чтобы мы убирались. А из динамиков переговорного устройства, с раздражением, рычали: «кто там и что надо?!» Нам ничего не оставалось, как уйти и пропустить на этой улице ещё пару домов, чтобы удалиться от наблюдавшего за нами завхоза.

До меня начало доходить, что эта работа не так уж проста и безобидна. Хозяева и жильцы-арендаторы рассматривают наши действия как незаконное вторжение в частную собственность. Я уж не говорю о листовках, которые мы рассовываем во все щели. Кому такое вмешательство понравится?

Удалившись от места конфликта, мы вынуждены были вернуться к делу. В очередной дом проникли без затруднений. И как только вошли в подъезд, были приятно удивлены запахом. Знакомым и неамериканским. Это был запах рассола: чеснок, укроп, лавровый лист и прочее. Мы быстро отыскали источник нашего удивления. На первом этаже, в углу под лестницей, стояли несколько пластиковых бочек: в них то и созревали в пахучем рассоле мелкие огурчики. Попробовали. Понравилось. Решили взять с собой, но пластикового пакета ни у кого не нашлось. Пришлось подложить под входную дверь свернутую газету, чтобы не защёлкнуть замок, и выйти на улицу. За углом было полно всяких торговых лавок. Нырнули в какую-то булочную, удивили торговца своей просьбой о пластиковых пакетах и, ничего не купив, вернулись в подъезд за огурцами. Огурчики были все, как один, мелкие и твёрдые. Затоварившись, мы не стали беспокоить этот дом своей рекламой, и перешли к следующему.

От двери к двери, переговоры с невидимыми жильцами, обещания доставить прессу… Тихие короткие посиделки на крышах, вялое распространение рекламы. Кто-то халатно оставил свои кроссовки перед дверью. Вова их примерил. Увы, маловаты. Но уж слишком новы и хороши. На всякий случай, положил их в свой портфель…

В обеденный перерыв Володя оставил свои трофеи в автобусе и ушёл с братьями на поиски подходящего места общественного питания. Я прикупил пакет молока с булкой и присел в ближайшем сквере.

— Если ничего не изменится, то так с Вовой можно доработать день. Но если я сегодня не высплюсь, то завтра уже не смогу выполнять и такую работу, — думал я.

После обеда ничего не изменилось. В одном доме Вове понравился спортивный велосипед. Осмотрели: итальянский, спортивный, недешёвый. Вова очень расстроился, что не мог сейчас же уехать на нём домой. Работа. Но, выходя из дома,

записал себе адрес. Судьба велосипеда была решена.

Зато нам повезло в следующем доме. Мы с трудом проникли в огромный многоэтажный дом. По Володиным расчётам, чтобы качественно обойти все квартиры, едва хватило бы времени до конца рабочего дня. Это устраивало нас. Заехали на последний этаж, и нашли выход на крышу. К удивлению, там всё было здорово оборудовано для отдыха. Декоративный садик (roof garden): деревья и цветы рассаженные в бочках с землёй, пластиковая ёмкость в форме бассейна наполнена водой (уже совсем тёплой) кресла-качалки, разборные детские качели. И вид с крыши потрясающий!

Володя удобно расположился в кресле, закурил и обратился ко мне за советом. Ехать ли ему с нами автобусом или остаться и вернуться домой… на велосипеде?

Я поделился своей проблемой. Рассказал ему, что сегодня мне необходимо успеть решить вопрос с жильём и выспаться до завтрашнего утра. Поведал ему о своих ночных приключениях. К этому времени, на моём левом плече отчетливым синяком проявился калибр пистолета, которым меня уговаривали. Вова с живым интересом расспросил меня о случившемся, обследовал мой фигурный синяк и авторитетно заявил, что у него неоконченное высшее медицинское образование. После чего предложил присоединиться к их жилищной коммуне.

Жил он с двумя ленинградскими братанами и ещё одним типом, который застрял где-то в полиции. Его-то место Вова и предложил мне занять. Пожаловался, что сегодня тоже тяжело работалось: так как всю ночь они забивали в «козла» и пили.

Нашу дружескую беседу пришлось прервать из-за окончания рабочего времени. Почти всю имеющуюся при нас печатную продукцию мы оставили на крыше. Из дома мы вышли к пяти часам, все уже собрались у автобуса и поджидали нас. Не дожидаясь служебных расспросов и упреков, Вова наплел бригадиру, как сложно нам было проникнуть в это здание, и сколько сотен квартир мы обслужили. А на каком-то этаже нам сделали замечание и хотели, в качестве наказания, заставить нас обойти все квартиры, собрать свои листовки и попросить у жильцов прощения за содеянное. Мы чудом избежали плена и унизительного наказания… Бригадир положительно оценил наш профессионализм и ловкость. На этом рабочий день, слава Богу, закончился.

Не доезжая до конторы, я вышел, чтобы пересесть на поезд сабвэя. Бригадир напомнил, что завтра мне следует быть в конторе к семи утра. Я обещал.

Гонимый реальной угрозой снова ночевать на скамейке, я

поехал прямо на West 9-ю улицу к ребятам, где мне предлагалось какое-то спальное место. Время было удачное, и я застал на месте всех жильцов. Они уже знали обо мне и к моему бездомному утешению дружно предложили занять диван, хоть сейчас.

В этой средних размеров 2-х комнатной квартире, на тот момент проживало четверо туристов из России. Главный наниматель этого жилища — Саша и пригласивший меня Юра были из Ростова-на-Дону. А двое других, незнакомых мне ребят: Валентин и Костя — якобы, москвичи.

Юра объявил, что ему есть куда перейти. Поэтому, оставшиеся несколько дней до его отлёта, он здесь ночевать не будет и фактически, с сегодняшнего дня, уступает мне своё место. Двое других ребят, тоже собирались в обозримом будущем улететь домой. Таким образом, моё неожиданное появление, — трезвого и некурящего, для Саши-старосты оказалось очень кстати.

Квартира была более чем меблирована: телевизоры стояли везде, где только можно их разместить. Всё это с улицы, но в сносном состоянии. Спальные места размещались по два в каждой комнате. Юра, ночевавший где-то у своих друзей «на чемоданах», гостеприимно уступил свой диван в проходной комнате, а я обещал выплатить ему почти полумесячную рентную плату за спальное место.

Полная рентная плата за всю эту квартиру составляла 500 долларов ежемесячно, плюс какие-то коммунальные расходы. При проживании здесь вчетвером, на каждого приходится менее 150 долларов в месяц.

Решив жилищный вопрос, Юра сделал мне новое предложение. Ему хотелось продать свой прожорливый Форд-универсал. Цена была символической — всего 100 долларов, но мне эта радость и даром не была нужна. Я все же решил посодействовать ему в этом вопросе. Позвонил Славке. Сообщил о своих новостях и пригласил его приехать посмотреть эту 8-ми цилиндровую машинку. Заодно, подвезти мне денежку, которую я оставил у него на хранение. Славка заинтересовался и обещал скоро быть.

Затем я позвонил Оноде и договорился с ним, чтобы он подвёз мою сумку на службу в отель, а я бы забрал её.

Приняв душ и ужин, я занял своё новое место на диване, и в эту ночь мне не приснился даже обычный кошмар преждевременного, позорного возвращения на родину.

Проснуться рано утром, в этой туристической жилищной коммуне, было нетрудно. Не мне одному, надо было отправляться на работу. Хотя, то чем мы вчера занимались в Манхэттене,

трудно назвать работой, но сам факт прибытия в контору к семи утра, позволяет считать это службой.

К моему приходу, на ступеньках у входа уже посиживали работнички. Некоторых из них, я вчера здесь не видел. Чуть позже началась суета. Вытащили и расстелили на тротуаре ковры, почистили и погрузили их по автобусам. К этому добавили несколько коробок с листовками и к часам восьми разъехались по разным районам. В этот раз я попал в другой бригадный состав. Рулевым бригады был один из долевых собственников этого коврового бизнеса, тоже выходец из Израиля, — Рубик, как он представился. Кроме меня, в бригаде ещё двое ребят из Мексики.

Я с первых же минут почувствовал иные отношения, отличные от вчерашней бригады. Прежде всего, это отношение самого бригадира и работников к тому, чем они вынуждены заниматься. У этих ребят хватало ума не воспринимать эту возню всерьёз. В пути не было строгих инструктажей: как следует засовывать листовку под дверь, и какие последуют наказания в случае ненадлежащего исполнения.

Мы медленно двигались в плотном утреннем автомобильном потоке к Вильямсбургскому мосту. Ускорить уличное движение бригадир не мог и относился к этому спокойно. Тщательно следил, чтобы радио было настроено на качественную музыкальную станцию. Когда он узнал, откуда я, то стал активно расспрашивать.

Завёз он нас в район Tribeca, что в нижнем западном Манхэттене (обозначается как Lower West Side), и стал кружить среди кварталов в поисках нужного адреса. Отыскав дом на Chambers Street, мы остановились и вытащили ковёр. Заодно прихватили и свои портфельчики, набитые листовками. После доставки ковра заказчику, мы должны были пройтись по этажам и сделать своё рекламное дело.

Я участвовал в доставке лишь одного из трёх ковров и понял, что из-за возможных чаевых, двое мексиканских коллег не настаивали на моём участии. Я же сидел в автобусе и трепался с бригадиром. Его английский был прост и понятен для меня, своеобразный акцент звучал не так кричаще, как у вчерашнего «начальника». Я узнал, что он не так уж долго проживает в стране. Изначально, попал сюда по студенческой визе, кое-как окончил технический колледж, а за это время, вступил в брак с нужным человеком и таким образом добился статуса постоянного жителя. Жаловался, как ему тяжело было учиться в колледже из-за языковой проблемы. Но ему так нравились в этой стране автомобили и женщины, что он преодолел все препятствия.

В течение рабочего дня мы положительно нашли общий язык,

и работа проходила совершенно безболезненно. И даже приятно сочетаясь с экскурсиями по Нью-Йорку.

Наследив в районе между улицами Chambers и Canal, мы проехали вверх по West Side HWY (вдоль западного берега острова) и поднялись к Central Park. И снова приступили к своему делу на 50-х улицах.

Дома здесь были иные. На входе дежурили вахтеры. Мы должны были или как-то прошмыгнуть в дом, что было непросто, или договориться с дежурившим. Обычно, служившие на входе люди, быстро и безошибочно определяли истинную цель нашего визита и предлагали по-мирному отказаться от проникновения в здание. Просто оставить им порцию рекламной продукции, которую они обещали выставить в обозримом для всех жильцов месте. На этом и соглашались. Нашего бригадира устраивала и такая работа. Но если нам удавалось пройти в подобный дом, то этажей и квартир там бывало на пару часов работы.

Обойдя один такой дом вместе с мексиканцем Рафаэлем, мы за два часа совместной возни на этажах хорошенько познакомились и нашли общий язык. В прямом смысле, общим языком для нас был английский.

В таких случаях, как в армии, инстинктивно чувствуешь, кому эта служба в радость, а кому, просто «почётная обязанность».

У себя в Мексике парень преподавал математику в школе и вполне мог бы делать это и здесь. В Бруклине, Квинсе и в Нью — Йорке полно школ, в которых учатся испано-говорящие дети, тем более что, для математики язык особого значения не имеет. Но обстоятельства вынуждали поработать там, где это пока возможно.

Подобные встречи с товарищами по туризму положительны в смысле обмена опытом и информацией. Гости прошенные и непрошеные, легальные и нелегальные, из разных стран, как правило, останавливаются среди своих соотечественников и пользуются уже накопленным опытом. Несмотря на общее миграционное законодательство, у всякой этнической общины вырабатываются свои специфические методы достижения одних и тех же целей. Китайцы, латинос, евреи-ортодоксы и евреи советские, итальянцы, поляки, у всякой этнической разновидности свои способы проникновения в страну и легализации, своя шкала тарифов за подобные услуги. Поэтому, встречаясь с товарищем по движению из другого лагеря, можно узнать о каких-то новых путях к «американской мечте». Подробности о том, как латинос попадают в США тайными тропами через мексиканскую границу, или как китайцев сотнями доставляют в трюмах морских сухогрузов — не менее интересны,

чем посещение мексиканского или китайского ресторанчика.

Вернувшись, домой после работы, я встретил на кухне Юру со Славой. К этому времени купля-продажа автомобиля уже состоялась, и они обмывали событие холодным пивом. Акт сделки был ограничен процедурой обмена ста долларов на автомобильные ключи. Никаких переоформлений и регистраций. Как пояснял прежний владелец, на этих номерных знаках уже столько неоплаченных штрафов за парковку в недозволенных местах… Сумма штрафов перекрывает реальную стоимость самого автомобиля. Поэтому, он рекомендовал просто брать это и эксплуатировать. А все штрафы, о которых постоянно напоминали почтовые извещения, Юра простил властям, по случаю своего отбытия на родину. И Славе советовал делать также.

— А вообще, машина хорошая, только топлива жрёт многовато. Взял бы её с собой в Ростов-на-Дону, да планы другие, — прокомментировал Юра.

Они допили пиво, я принял душ, и мы решили проехать на этом крокодиле. Юра, в качестве инструктора сел рядом с водителем — Славой.

Коробка передач была автоматической, что упрощало управление. Надо было лишь привыкнуть к габаритам. На каком-то углу Юра вышел, пожелав нам комфортной езды, а мы поехали на улицу Гленвуд к Славке.

Вечерело, но было душно. Кондиционер в машине не функционировал: открытием и закрытием всех боковых окон, Слава манипулировал нажатием кнопки, не отрываясь от управления автомобилем. Приятной неожиданностью оказалось звучание радио. Отрегулировав обдув, салона и настроившись на музыкальную станцию, мы катили по вечернему Бруклину. Кроме приобретения машины, для Славки также интересно было узнать, что контора, в которой я отработал уже два дня, нуждается в дополнительных работниках. Ночевать я остался у него. Решили, завтра утром вместе ехать в контору.

Рано утром плюхнувшись в просторный салон Форда с музыкой, и по заплеванным полусонным улицам и авеню чёрных кварталов доехали до конторы. Представление и оформление Славки на работу было ещё менее церемонным, так как погрузка уже шла. Нас определили в разные бригады. Мне показалось, что они неслучайно систематически меняли состав бригад, препятствуя, таким образом, сближению и воссоединению пролетариев разных стран.

Кроме Славы, появились ещё двое новых работников. Их также развели по разным бригадам. Я попал под начало того же

Рубика. Бригада была из четырех человек, которых я не знал. Вскоре, познакомился с новеньким парнем из Болгарии — Иваном. В паре с ним мы проработали весь день.

Иван проявлял добросовестное усердие, как будто уверовал, что делает нечто общественно полезное. Он ещё не подозревал, что за рекламные посевы в частных домах, в лучшем случае, его могут попросить покинуть дом, а в худшем — задержать и сдать полиции, как нарушителя. Мне пришлось объяснять ему, что уж лучше пропустить какую-то квартиру или весь этаж, если там возникает препятствие, зато выйти из дома свободными и без конфликтов.

— И вообще, когда ты увидишь, как в этой конторе чистят ковры, то поймешь сам: люди, купившиеся на нашу рекламу, — просто жертвы обмана, — объяснил я ему.

Предостережения о возможных конфликтах и даже с участием полиции, всерьёз озадачили Ивана. Он откровенно, как старшему русскому брату, поведал мне о своей гуманной профессии гинеколога и надеждах поработать таковым и здесь, в Америке. Он уже подыскал подходящий колледж, по окончанию которого получит какой-то сертификат, допускающий его к этой деликатной медицинской отрасли, для начала, хотя бы в качестве ассистента. Но для поступления в этот несчастный колледж, ему необходимо ещё сдать экзамен по английскому языку (TOEFL, Test Of English as Foreign Language), то бишь, экзамен по английскому языку, как иностранному языку.

Когда-то в Киеве я делал попытку сдать такой экзамен. Пройдя первый этап в конкурсе, объявленном Фондом Сороса, был приглашён на экзамен по языку. Тестирование проводили американцы. Перед тем, как впустить нас в аудиторию, они тщательно идентифицировали каждого участника и прономеровали нас, как заключенных. Чтобы кто другой, вместо зарегистрированного участника, не применил свои знания. Каждому выдали карточку с персональным номером и включили на всю огромную аудиторию магнитофон с паршивой записью. А мы должны были прослушивать звучащие вопросы и диалоги, да поспевать указывать в карточке правильные ответы. Я их живых, едва понимаю, когда они носом говорят, а уж магнитофонная запись, звучащая в большой аудитории, это вообще — какая-то звуковая шифровка. Одним словом, я не набрал достаточно баллов и конкурс этот не прошёл.

Теперь, слушая о супер задачах Ивана-гинеколога, я, сочувствуя ему, представлял, как он будет расшифровывать диалоги на нью-йоркском языке. Вероятно, для приближения к реальному, диалоги будут озвучены представителем чёрного

большинства.

Общались мы с Иваном, применяя русский и английский языки. Ему нравилось пользоваться своим славянским английским. Этот парень был положительным недоразумением в Нью-Йорке.

С болгарским гинекологом Иваном и Израильским бригадиром Рубиком работалось хорошо. Районы Нью-Йорка бригадир выбирал достойные внимания. Время шло легко, работа гармонично сочеталась с разговорами. Работали в пространстве вокруг Центрального парка. По меркам жильцов этих районов, мы губили своё время за смехотворно унизительную плату. Но мы делали это.

После обеденного перерыва, бригадир загрузил двоих наших агентов хорошей порцией листовок и высадил их в новом районе. Поставил перед ними задачу на остаток рабочего дня и оставил там, а нас с Иваном повёз в другое место.

С бригадиром у нас сложились приятельские отношения. Он сам постоянно проявлял инициативу поговорить о чем-нибудь кроме коврового дела. При всяком удобном случае, он расспрашивал меня о Советском Союзе (так он это называл).

Бригадир взял направление на север. Мы уже заехали в верхний Манхэттен, а он и не намеревался делать остановку. Как только он выбрался из заполненных транспортом улиц на просторную дорогу — с облегчением объявил нам, что направляется в New Jersey. По дороге, мы рассказывали потенциальному гинекологу о том, как в разных местах подвергались экзамену TOEFL. Договорились до того, что нам с Иваном и в будущем следует продолжать профессиональное сотрудничество.

Тем временем, через G.Washington мост мы переехали на территорию другого штата: Нью-Джерси.

(Движение по мосту Джорджа Вашингтона было открыто в 1931 году. Мост соединил два района — Манхэттен и Нью-Джерси. Высота его конструкции составляет 183 м., а длина пролета — 1065 м. Строительство его обошлось в 59 млн. долларов. Мост Джорджа Вашингтона был спроектирован инженером Отмаром Амманном и архитектором Кассом Джилбертом. С первого дня и по сегодняшний мост Джорджа Вашингтона является самым загруженным мостом на планете. В 1962 г. к основному пролету был добавлен нижний ярус, что позволило увеличить пропускную способность моста.) Поплутав немного в районе Bergen, мы отыскали нужное нам место. Это была цветущая, ухоженная жилая коммуна с дорогими домами. При въезде на территорию, дежурный вахтёр, прежде чем

приподнять шлагбаум, поинтересовался целью нашего визита. Бригадир доложил, что мы доставили из чистки ковёр. Вахтёр хотел знать номер дома и имя клиента. Рубик заглянул в квитанцию, назвал адрес и неуверенно выговорил какое-то восточное имя. Охранник неудовлетворенно сморщился. Тогда бригадир протянул ему квитанцию. Тот взглянул, согласно кивнул, но на этом не успокоился. Просил подождать минутку. Связался с кем-то по телефону, уточнил: ожидают ли доставку ковра от такой-то компании, и лишь после этого пропустил нас на территорию.

Откровенное нежелание пропускать сюда посторонних, неизвестных субъектов, было вполне понятно. Охранять действительно было что. Сравнивая эту коммуну с советским соц-быт-культом без освещения в подъездах, и со многими жилыми кварталами Бруклина, я понимал людей, обустроивших себе жилищный рай на отгороженной территории.

Где-то в этом районе находилось местечко Tenafly. (Correspondence Address: Al Di Meola. P.O. Box 68 Tenafly, NJ, 07670.).

Когда подъехали к дому заказчика у входа, нас уже ожидала китайская бабушка. После обмена приветствиями, мы вытащили из автобуса огромный тяжёлый ковёр и внесли его в дом. Комфортно прохладный воздух, тишина и тонкий запах восточных благовоний располагали к тому, чтобы бросить тяжёлый ковёр и упасть на симпатичный кожаный диван обломовских размеров. Но бабуля пожелала, чтобы эта половая радость была устелена на прежнее место. В комнате было достаточно добротной и увесистой мебели… подобно понравившемуся мне дивану. И всё это усложняло нашу задачу. Нам троим, с тихим участием неамериканской бабушки, пришлось повозиться, пока ковёр был расстелен почти на всю площадь комнаты, и мебель расставлена на свои места. Закончив, мы припотели, и выходить из прохладной комнаты на солнце не очень-то хотелось. Бабуля тихим жестом пригласила нас на кухню, и, не спрашивая нас ни о чем, достала из холодильника сок, налила всем по бокалу. Мы, молча, приняли её мудрое приглашение как должное.

Пока мы угощались, она исчезла на минутку и вернулась с чайной купюрой, которую без слов вручила бригадиру.

После прохладного дома, наш накалившийся на солнце автобус показался передвижным адом. Медленно продвигаясь к выезду, рулевой приостанавливался у почтовых ящиков, размещенных у проезжей части напротив каждого дома, и вкладывал туда наши ковровые вести. Во время одной такой

остановки, мужчина, подстригавший розы, заметил, как бригадир открывает очередной почтовый ящик. Он поинтересовался: кто мы есть и что ищем? В ответ, Рубик добродушно показал ему образец листовки и хотел, всё же, вложить его в ящик. Но реакция мужчины была отрицательной. Он категорически потребовал закрыть ящик и грубовато спросил: как мы, вообще, сюда попали? Рубик всё понял, на вопросы отвечать не стал, а просто тронул вперёд. Мужчина вышел на проезжую часть и понаблюдал, не продолжаем ли мы свое поганое дело. Шлагбаум, контролирующий выезд, был в открытом положении. Дежурный лишь взглянул на нас, и что-то отметил в своём вахтенном журнале.

Вероятно, каждый подумал себе, что на сегодня уже достаточно. В подтверждение этой мысли, Рубик заехал на стоянку перед торговым центром и припарковался у ресторана МакДональдс.

Стандартный ресторан этого предприятия общепита отличался от тех, которые я посещал в Бруклине и Нью-Йорке. Холодные напитки посетители наливали себе самостоятельно, предварительно заплатив за бумажный стакан определенного размера. Цена в соответствии с размером ёмкости. Эта вольность позволяла клиентам наполнять свой бумажный стакан неоднократно, и работники ресторана не препятствуют. Также доступно были выставлены и пакетики с майонезом, кетчупом и прочими соусами, а не выдавались работниками вместе с основным заказом.

Кроме этих организационных моментов в обслуживании, и сами люди заметно отличались от бруклинской публики. Здесь мне больше нравилось. Это было моё первое посещение штата Нью Джерси. Ранее я уже слышал, что Бруклин и Нью-Йорк — не типичная Америка, во всяком случае, не лучшая её часть.

Возвращались в Бруклин через тот же Вильямсбургский мост. На теннисных кортах в East River Park продолжали играть в теннис. Только игроков стало больше, чем было утром. Я же, с утра до вечера занят этой чушью. Работа называется. Уже который раз я наблюдаю с этого моста за резвящимися на кортах, и ещё ни разу не побывал там. Но за это, обещали в понедельник выдать зарплату за отработанную неделю. Бывалые советовали мне прихватить с собой какой-нибудь документ.

Ребята, с которыми я теперь делил жильё, подрабатывали на случайных, временных работах. Занимались они этим уже около года, и на их телефон каждый вечер кто-нибудь звонил с предложением подрядиться на какую-нибудь подёнщину. Иногда, кто-то из них подписывался или предлагал это счастье кому-

нибудь из своих товарищей по туризму. Языком английским, мои соседи обременены не были, но в условиях Бруклина успешно обходились и без такового. У них уже было достаточно русскоязычных знакомых и работодателей, чтобы не страдать от этого недостатка.

Саша — староста квартиры, успел, представившись евреем, получить временные документы, и пребывал на этот момент в стране, как визитер, официально запросивший и ожидавший предоставления ему политического убежища. Выданные ему, временные документы позволяли легально находиться в стране и работать. Не более. Возвращаться домой в Ростов-Дон он не собирался.

Двое других туристов были близки к тому, чтобы возвратиться в Москву. Друзья сообщали им из Москвы о больших и быстрых деньгах, которые можно зарабатывать в столице.

От Саши я узнал о ближайшем в Бруклине офисе соцобеса, куда можно обратиться за предоставлением Номера Социального Страхования (Social Security Number).

Воскресенье пролетело быстро и незаметно. Поездка в Нью-Йорк, встреча с Онодой, разговоры о Всеобщей Любви, доставка сумки с вещами обратно в Бруклин, пляж на Брайтон… И день прошёл.

На всякий случай, я оставил Оноде свой домашний телефон. В тот же вечер он позвонил мне и сообщил о какой-то новой Good Idea. Я обещал повидать его в ближайшие дни.

В понедельник утром все мои коллеги были в сборе и в состоянии возбужденного ожидания. Наши надежды оправдались. Один из бригадиров вынес из конторы чеки и роздал каждому. Вероятно, зная нетерпение работников, они предоставили нам полчаса на посещение кассы, в которой выдавали наличные по этим чекам.

Я рассмотрел чек. Это был cash-check, в котором указывалось от кого, кому и сколько. Как мне объяснили: получить наличные по такому чеку можно только в кассах, принимающих таковые к оплате. Такое место было рядом.

Вся ковровая братия выстроилась в очереди к окошкам касс. В ожидании. Володя пояснил мне, что в какую-либо другую подобную кассу обращаться с этими чеками — бесполезно. Ибо такие чеки принимают, и выдают по ним наличные, если только уверены в обеспечении этого чека. Между конторами, расположенными рядом, вероятно была договоренность. Поэтому предъявление сюда чека от соседней коврово-очистной израильской фирмы — не вызывало у кассиров никаких сомнений.

Чеки принимались, сличались с именем в предъявленном документе; отчислялся один процент от указанной суммы за услугу, и выдавались наличные. Всех это устраивало.

В контору работники вернулись повеселевшие, с большими планами на сегодняшний вечер.

В этот день я снова работал с Володей, у которого имелось неоконченное высшее медицинское образование. Он тщательно проверял всё, что оказывалось доступным в обслуживаемых домах. Присвоенное, по-хозяйски стаскивал в микроавтобус.

Во время перерыва мы зашли в магазин, и я понял, что в его компании это небезопасно. Он не мог уйти оттуда, пока что-нибудь не украдёт. В его специфической реакции на чужие материальные ценности прослеживался профессиональный подход. Он как бы, постоянно совершенствовал своё мастерство… не корысти ради.

Проходя мимо фруктовых лотков овощной лавки, Вова мимоходом прихватил персик, что покрупней. Перед тем, как приступить к его поеданию, он затеял краткий поучительный урок о том, что моя щепетильность совершенно неуместна в этом городе, и в стране вообще. Здесь надо брать всё, что доступно, иначе возьмут другие… Но Вовины комментарии были прерваны возмущенным китайцем. Он не поленился, выскочил из овощной лавки на улицу и эмоционально, с помощью жестов и своего Pidgin English стал укорять и позорить моего коллегу перед случайными прохожими. Старый китаец-лавочник оказался занудой и вогнал закалённого Вову в неловкое положение. Его попытки прикинуться непонимающим не срабатывали. Обиженному торговцу удалось-таки привлечь внимание людей и вызвать у них сочувствие. Всё это обеспокоило Володю и он, в целях примирения с неугомонным китайцем, отдал ему этот злополучный персик, как капризному ребёнку. Мы поспешили удалиться с места конфликта.

Несколько позднее, в этот же день, возвращаясь к прежней теме, Вова пожаловался мне, что им отключили телефон. Выслушав его жалобу в деталях, я узнал, что это был особый телефон общего пользования. Особенность заключалась в том, что пользовались они этой услугой на крыше дома своего. Где-то там они пристраивались со своим телефонным аппаратом к телекоммуникациям и говорили с Россией. Делалось это обычно в ночное время, учитывая разницу во времени и прочие деликатные обстоятельства. Зато в продолжительности телефонных разговоров себя не ограничивали. Говорили от души! Звонили-то на родину, не куда-нибудь. Особенно, жаловался Вова: этим злоупотребляли братаны, которые ни в чём не знали меры. И вот,

вчера этот контакт оказался прерванным. Вова выразил надежду, что это неудобство коснулось не только их, но и какого-то неизвестного абонента, который должен теперь что-то предпринять: оплатить счета телефонной компании и восстановить связь.

— Поскорей бы эти люди что-то делали! Ужас как неудобно без телефона! Если не позвоню, как обычно, родственники начнут волноваться, — сетовал Вова.

И про огурцы в подъезде Вова вспомнил. Оказывается, он это место запомнил и заходил туда повторно. С его слов, в последний свой визит он нашел там лишь запах рассола. Бочки же с огурцами исчезли! Но он не терял надежд на новые засолы. О велосипеде он ничего не сказал, но вероятно, он его всё-таки угнал, когда ходил в соседний дом за огурцами.

Между прочими, Володя подсказал мне, что такие пирожные, как я покупал себе с молоком на обед, в Бруклине возле одной пекарни, можно брать в неограниченном количестве из контейнера… для отходов. Я удивился его совету. Но он стал уверять меня, что пирожные из тех контейнера ничем не хуже, чем те, которые я покупаю в магазинах. Он стал разъяснять мне о проблемах с вовремя нереализованной продовольственной продукцией, особенно кондитерской. Вова настоятельно рекомендовал запомнить это место неподалеку от станции метро Fort Hamilton Parkway на одноименной улице. Для пущей убедительности, он со знанием дела, перечислил мне весь ассортимент и названия тортов, которые ему самому особенно нравятся.

В этот же вечер, уже дома, я оказался свидетелем домашней сцены распределения и потребления даров американского перепроизводства. Между Сашей-старостой и соседом по комнате Валентином шёл затяжной торг. Саша выступал в качестве продавца, а Валентин потенциального покупателя. Предметом торгов был пакет с изрядно поношенной, но хорошо постиранной одеждой. Все предметы, от трусов до джинсов — от Calvin Klein. Ничего особенного в этом подержанном барахле не было, однако, этот модельер широко разрекламирован, особенно в Нью-Йорке, и цены в его фирменных магазинах отличались нескромностью. Надо же как-то покрывать расходы на рекламу. Известность торговой марки и дороговизна их продукции и были главными аргументами продающей стороны. Судя по набору белья, одёжке и тому, как всё это было по-домашнему, аккуратно сложено в пакет, Саша, вероятно, подобрал чьё-то безадресное подношение на улице. А дома, обследовав всё это, неподходящее — предложил соседу.

Сосед Валик заинтересовался, примерил кое-что и торг пошёл. Цены были символические, от одного до трёх долларов за единицу. В отношении штанов и рубашек спора не возникло. А вот вокруг трусов и прочего нижнего белья, торг разгорелся ожесточённый. Аргументом покупающей стороны был тот факт, что это вещи — бывшие в употреблении… и даже очень! Продающая же сторона предлагала, в таком случае, поехать в Нью-Йорк и купить такие же, только новые в фирменном магазине. Расходы на метро в оба конца — уже два с половиной доллара. Так за эти деньги, аргументировал Саша, можно не выходя из дома затовариться полным комплектом.

В итоге, хотя и с боём, всё было продано Валентину. Мелкие недоразумения по поводу степени износа трусов и окончательной цены на них были мирно урегулированы путём угощения мороженным и прочими соседскими взаимозачетами. Чей-то гардероб от С.К. получил нового владельца с возможным переездом в Москву.

В будущем, когда Валентин щеголял по квартире в трусах от всемирно известного модельера, в его адрес сыпались шуточки: «если не хочешь, чтобы мы распространяли историю происхождения твоих трусов и штанов, а напротив, говорили всем, что Валентин покупает одежку только у Calvin Klein, то сбегай и купи нам мороженного или пива.»

Валентин был парнишей необидчивым, шутки понимал, и даже в присутствии гостей, подобные нападки расценивал как зависть соседей. Всегда отмечал высокое качество продукции от Calvin Klein.

— Ещё бы ему не быть довольным! — посмеивался Саша, — на торговой 86-й улице нашего Валика знают во всех продовольственных лавках. Он там регулярно, в конце рабочего дня делает обход и собирает урожай перезрелых бананов и прочих фруктов за символическую цену, или вообще бесплатно. Пол холодильника забивает этими отбросами.

— А вы потом дружно помогаете мне спасать эти перезрелые бананы и очень быстро освобождаете холодильник, — беззлобно парировал нападки Валентин.

— Это ещё мелочи, Серёга! Тебе предстоит быть свидетелем очень необычных практических качеств нашего Валентина! — не унимался Саша.

Позже, когда Валентина не было дома, Саша, смакуя подробности, предупредил меня о необходимости пользоваться строго собственной посудой. Объяснял он это странной привязанностью Валентина к «родничку». Из Сашиного рассказа я узнал, что однажды утром, когда все проживающие в квартире

собирались на работу, на кухне и в туалете-ванной возникли очереди. Саша, задерживаясь перед умывальником с бритьём, оказался свидетелем Валиного безграничного практицизма.

Здесь необходимо пояснить некоторую техническую особенность американских санитарных удобств. В отличие от привычных для нас способов смыва, когда вода наполняется в бачке, а при необходимости спускается напором в унитаз, американский вариант смыва — иной. Унитаз, обычно, наполовину наполнен водой, и смыв непотребного происходит путём спуска этой воды из унитаза в канализацию. После чего, унитаз вновь наполняется новой порцией воды.

Вот эту-то новую и чистую, как утверждал на потеху своим землякам Валентин, воду, он и приспособился использовать в различных хозяйственных целях.

Как выяснилось, к изумлению его соседей, пользовался он «родничком» уже давно. А узнали об этом случайно, в то утро, когда Валентин не мог более ожидать, пока Саша освободит умывальник. Он, не обращая внимания на изумленного Сашу, просто умылся в «родничке». Уже вытираясь полотенцем, он, наспех отвечая на вопросы удивленного Саши, объяснил свои действия тем, что вода, которую они используют в умывальнике и в унитазе — из одного источника, и одинаковая по качеству. Саша не смог и не успел возразить ему что-либо, а от Валентина он услышал дополнительный аргумент, подтверждающий его правоту: «сколько раз я уже мыл посуду в «родничке» — и ничего».

Из Сашиного повествования о Чудо Валентине и его родничке, следовало, что они позднее припомнили, как до появления в этой квартире Валентина, между проживающими постоянно возникали ожесточённые споры о том, кто должен чистить унитаз. Каждый надеялся, что это сделает кто-то другой, и как следствие, объект оставался без должного внимания и ухода. Но с приходом в их туристическую коммуну Валентина, эта санитарная проблема как-то разрешилась сама собой. Унитаз всегда празднично сиял подобно улыбке самого Валентина.

Он не только умывался и мыл посуду, когда это бывало удобнее делать именно в унитазе, но и заботливо содержал его в чистоте. Всех это устраивало. Но все теперь тщательно следили за тем, чтобы посуда Валентина была чётко определена и хранилась на своём месте. Дабы не угораздило кого случайно попользоваться тарелкой Валентина.

Сам Валик не унывал. Большую часть времени он проводил на брайтонском пляже, подрабатывая от случая к случаю, паковал чемоданы подержанными трофеями и готовился к скорому отлёту

в Москву. По-моему, всем этим издевательским хохмам в его адрес он радовался не менее других.

Однажды, присутствуя при распаковке продовольственной добычи Валентина, я вспомнил о пекарне на Fort Hamilton Pkw. Поинтересовался: как он относится к кондитерским печным изделиям? Реакция была очень даже положительной.

Моё трудовое участие в распространении рекламы коврового сервиса пока продолжалось. Но, как мне объяснили ветераны этого движения, наши работодатели, обычно, после массового оповещения населения, начинают пожинать плоды своей рекламной деятельности. И тогда, они временно распускают бригады в отпуск без содержания, на неопределенный срок. Морально и материально я был уже готов к этому.

Прошла неделя, как я отправил письмо своему земляку в хасидский лагерь. Этот лагерь Camp Rayim, по соседству с городишком Parksville, штата NY, находился в двух часах езды от Бруклина и по всем расчётам, моё письмо уже должно было давно дойти. Однако, ни телефонного звонка, ни письма в ответ не последовало, хотя я знал, что ребята по вечерам, после работы регулярно позванивали кто куда. Вероятно, связь со мной не представляла никакого интереса для моего земляка.

Как-то вечером, возвращаясь со спортплощадок на East 14-й улице, припотевший и осчастливленный случайной игрой в теннис с поляком-юристом, я решил зайти и к Юрию на East 2-ю улицу. Мы не виделись с ним более недели. А повидать его хотелось, хотя бы потому, что у него всё ещё оставались мои 250 долларов, и надо было определиться в этом вопросе.

На их квартире я застал не только самого Юру, но и большинство других, проживающих с ним земляков. Там же оказался и хозяин дома, который бился, как рыба об лёд, пытаясь донести до утопленного в пиве сознания украинских арендаторов некоторые правила общежития. Благоприятная ситуация, чтобы избежать Юриного агитационного натиска по поводу поступления на службу в AmWay.

Юра сразу же представил меня хозяину, как субъекта, которому тот может сказать всё, что ему хочется. А хотелось хозяину дома, чтобы его украинские жильцы выполняли требования новой программы — «Recycling», то бишь, «переработка отходов». Он терпеливо объяснял жильцам, что все хозяйственные отходы необходимо сортировать. Стекло, бумагу, пластик складывать в отдельные мешки, а затем выбрасывать в соответствующие мусорные баки. Жаловался, что уже получил письменное предупреждение от городской коммунальной службы, и если они не будут соблюдать эти простые правила, то его

начнут штрафовать, как владельца дома.

Я пересказал всё это, наблюдавшим за нашим диалогом ребятам. Последовала разборка на тему «кто сегодня дежурный и кто виноват?» После взаимных упрёков и оскорблений, ребята родили свой ответ арендодателю.

— Скажи ему, что мы всегда так и делаем, как он просит. Но по ночам бродяги роются в мусорных баках и нарушают весь порядок.

Когда я уже пересказывал хозяину их объяснение, кто-то из ребят запоздало внёс дополнение.

— Скажи, что кошки и собаки тоже лазят по этим бакам. Короче, Серый, объясни, что мы не виноваты. Это всё негры, бля!

— Давайте лучше всё на евреев спишем. Их здесь больше, чем негров, — шутя, предложил я.

Хозяин, пожилой мужчина, выслушав коллективное объяснение, грустно улыбнулся и оценил это, как очень забавно, но просил всё же выполнять его просьбу.

Подгадав благоприятный момент, я робко коснулся денежного вопроса. Юра ответил мне сумбурной историей о многочисленных работодателях, задолжавших массу денег за выполненные им работы. Я поспешил оставить эту тему и собрался уходить, но Юра вызвался проводить меня.

Пройдя два квартала в сторону нашей W 9-й, он уговорил меня пойти прямо сейчас к одному из бригадиров, который, якобы, должен заплатить ему. А жил этот бригадир на Брайтон Бич. Было ещё не очень поздно, других дел у меня не было, и я согласился. Решили пройтись пешком. От King's HWY до Brighton Beach — это остановки четыре, если ехать сабвэем.

Было душно, но шагали мы бодренько. Юра дружески грузил меня рассказами о week end-ах в украинском баре на 2-й авеню в Нью-Йорке, о каком-то фестивале украинской культуры, новостями из дома… Его восторги по поводу самобытности украинского музыкального и танцевального фольклора (в сочетании с печальными новостями от прибывающих туристов из незалэжной Украины) вызывали у меня грусть. Там их в хвост и гриву кравчуки и звягильские имеют, а они себе пісні співають…

На Брайтон Бич, несмотря на позднее время, «жисть» бурлила! Многие продовольственные лавки еще работали, тротуары захламлены бумажно-пластиково-жестянным упаковочным мусором. Мусорные контейнеры перед овощными лавками безобразно переполнены. Но настроение здесь царило приподнятое. У ресторанов с одесскими названиями шныряли русскоговорящие граждане США. Атмосфера привозной Одессы грубо нарушалась оглушительным грохотом регулярных поездов

сабвэя, проходящих над улицей. Этот момент называется «Минутой молчания», ибо разговаривать невозможно, кроме поезда, ничего не слышно.

Юра завёл меня в какой-то 4-х этажный, вполне приличный дом, и уверенно направился на нужный этаж. Перед тем, как позвонить в квартиру, он просил меня подтвердить, при необходимости, что деньги крайне и срочно необходимы!

Из квартиры выглянул, как я понял, тот, кто должен был Юре. Человек, приветствуя Юрия, настороженно покосился в мою сторону. Юра без проволочек заявил, что пришёл за своими деньгами. Таковы уж обстоятельства, кивнул он в мою сторону. Бригадир, с гримасой сочувствия и обеспокоенности, просил нас подождать минутку, и скрылся за дверью. Юра подал мне обнадеживающий знак. Мол, всё будет в порядке. И прошептал свой короткий инструктаж:

— Я должен тебе сейчас отдать 350.

— Понятно, — кивнул я в ответ.

Как и обещал, через минутку бригадир вышел из квартиры и увлек Юру в сторонку от меня. Бормотания… шуршания… Юра — чуть громче, чтобы я мог слышать, призывал спросить о чём-то меня. Но тот лишь взглянул в мою сторону, спрашивать не стал. Затем — затишье договоренности, рукопожатия на прощанье и торопливое исчезновение бригадира.

Тут же, на лестничной площадке Юра выдал мне 250, и что-то оставил себе. Выразил свою благодарность за соучастие. Якобы, моё присутствие положительно повлияло на решение этого вопроса. Как только вышли на улицу, Юра предложил зайти ещё в одно место на Брайтон Бич. Я уж подумал, что теперь мы пойдем в какой-нибудь «Гамбринус». Но Юра повёл меня ещё к одному товарищу. Это оказался дом в самой гуще Брайтона, в 5-ом переулке. Там Юра сразу нашёл, кого хотел. Но этот приятель не был Юриным должником, а коллега по бизнесу.

Тот, так же, попросил нас подождать. У него люди, и он занят. Юра обещал ждать, если тот даст нам чего-нибудь холодного попить. Звали товарища Антон. В многокомнатной квартире он снимал одну отдельную комнату. Туда он и проводил нас. В гостях у него были две женщины: мама и дочь. Посреди комнаты выставлена малогабаритная школьная доска, на которой разноцветными мелками кто-то начертил путаную схему. Суть этих цифр и стрелок можно было свести к классической формуле: Деньги, товар, деньги с наваром. Юра, увидев знакомую ему схему, понял, что гости — потенциальные торговцы AmWay.

— Ну, как вам это? — обратился к ним Юра.

— Да как вам сказать, — тяжело вздохнув, неопределенно

ответила женщина, которая мама.

— Давно ли в Америке? — снова полюбопытствовал Юра, но уже обращаясь к дочке.

— Нет, недавно приехали. А вы работаете где-нибудь? — спросила девушка Юру.

— Да, я работаю в этой фирме, — гордо ответил Юра, указывая на школьную доску. Затем, увидел указку, взял её и занял учительскую позу у доски. Я подумал, что надо как-то остановить эту «вечернюю школу». Но в комнату вернулся Антон с графином питья и стаканами. Антон был более подготовлен к проведению урока, так как одет в костюм с галстуком. Юра же, в своих шортах и майке, выглядел у доски как двоечник. Антон поставил перед нами графин и поспешил усадить Юру.

— Не мешай, — буркнул он Юрию и отобрал у него указку.

Юра принялся за сок, но продолжал делать замечания, перебивая Антона и отвлекая внимание женщин от предмета изучения. Мама с дочкой обрадовались такому вмешательству, стали задавать вопросы не по теме. Урок сорвался. Антон поднёс дополнительные стаканы. Все набросились на холодное питьё. Разговорились, познакомились.

Антон оказался откуда-то из Сибири. Дома работал врачом-терапевтом. Также, выяснилось, что у нас были общие знакомые. Один из них — Онода Сан! Антон, знавший Оноду более продолжительное время, предупреждал: что наш общий друг ещё тот святоша-делец. В общем, приятно поговорили…

На следующий день на работе, меня угораздило попасть в бригаду молодого Абрама молдавского. Я чувствовал, что после нашего разговора о национальном вопросе в СССР, ещё в то первое утро, когда он привёл меня в контору, наши отношения обрели отчужденно-прохладный характер.

Славка в этот день тоже попал в мою бригаду. Район обслуживания бригадир выбрал в Бруклине. Red Hook и Brooklyn Heights — районы вдоль берега East River. Как и везде, входные двери закрыты или кто-нибудь на входе дежурит. Дома выбирал наш молодой босс и поручал конкретному работнику проникать туда. При этом оно ещё и пасло нас! Контролировал исполнение поставленной задачи. Заметив наши со Славкой намерения работать в паре, он тут же произвёл перестановку кадров по своему начальственному усмотрению. День начинался паршиво. Работать под началом этого ожиревшего дегенерата совсем не улыбалось. Мелькнула мысль, что, доработав эту неделю и получив зарплату, можно выходить в отпуск.

Вспомнился старый американский фильм «Три дня Кондора», Роберт Редфорд — главный герой. Его случайная подруга

оказалась из этого района — Brooklyn Heights… В том приключенческом фильме Редфорд был хорош! События середины семидесятых годов, дождливый предрождественский Нью-Йорк…

Теперь и я здесь, жарким летом 93-го, в компании беженцев из бывшего СССР, с сумкой на плече… Сею рекламные листовки паршивой еврейской лавочки.

Выйдя из очередного дома, я оказался нос к носу с бригадиром. Все другие коллеги в этот момент где-то рыскали или отсиживались по соседним домам. Он проверил, сколько в моем портфеле осталось листовок, добавил мне и повёл к очередному дому. Дом был хороший. Мы вместе вошли в просторный, с большими зеркалами холл. За стойкой сидел пожилой вахтёр, который сразу же увидел нас и уделил нам внимание. Бригадир, направляясь к нему, прошептал: чтобы я проходил в дом по его сигналу. Хотя, сделать таковое, незаметно для вахтёра, не представлялось возможным. Тот уже поднялся со своего места и всем своим видом вопрошал: чего нам надо? Бригадир уверенно заявил, что мы хотели бы посетить такого-то человека. Назвал какое-то имя с потолка. Вахтёр, хотя и на паршивом английском, но уверенно ответил, что в этом доме такие не проживают. Бригадир стал нагловато советовать ему проверить по спискам. В какой-то момент, я оказался вне их диалога и внимания. Бригадир украдкой просигналил мне и я, без особого желания, прошмыгнул вглубь дома, к лестнице. Трудно сказать, заметил ли вахтёр мой рывок, но он ясно видел двух посетителей.

На втором этаже, воспользовавшись лифтом, я поднялся на последний этаж. Спускаясь с этажа на этаж, я оставлял рекламные листовки, где только было возможно. Квартир в этом доме оказалось немного. Вероятно, они были большими. Перед каждой входной дверью располагался прихожий тамбур, оборудованный по вкусу жильцов, а то и меблированный. Похоже, недавно в этом доме побывал почтальон, так как почти в каждой такой прихожей лежали пакеты с почтовой доставкой. Кроме почты, в этих прихожих жильцы оставляли немало личных вещей: обувь, зонтики, велосипеды. Они полагали, что посторонних здесь быть не может. Я делал своё дело тихо и не спеша. Был уверен, что при выходе из дома мне не избежать встречи с вахтёром, а затем, и с самим бригадиром. В одной такой прихожей среди газет и журналов я обнаружил новенький томик с очередными фантазиями Стивена Кинга, доставленный из книжного магазина. Я взял книгу, полистал, вспомнил наставника Володю и Оноду, с его увещеваниями о вездесущем Сатане и соблазнах. Вложил в книгу свою рекламу и оставил на прежнем месте.

Моё воздержание оказалось очень своевременным. Внизу, на выходе, ситуация оказалась сложнее, чем я ожидал. Вахтёр в беспокойном одиночестве топтался у двери, дабы не пропустить меня. Я понял это по его реакции, когда он, наконец, дождался меня. Видно, что он, бедняга, переволновался. И теперь ему хотелось высказать всё, что у него накипело.

Начал с того, что двери заперты, и мне не уйти. Далее последовали угрозы, упрёки. Затем, слёзное повествование о том, как он ценит эту работу, и какие неприятности у него могут быть из-за того, что он пропустил меня в дом. Я искренне выразил понимание его беспокойства и заверил в том, что меня никто не видел в доме. И я ничего плохого не сделал. Старался, как мог, успокоить его. Показал свои листовки… В ответ на мои объяснения, он вдруг, спросил, откуда я здесь взялся с таким акцентом? Я признался, что мною управляет рука Москвы. А он охотно сообщил, что он румын, и у него большая семья. Я уж подумал, сейчас мы обнимем друг друга на прощанье и разбежимся. Но нет, мой румынский товарищ всё ещё сомневался во мне.

— Извини, товарищ, но я не могу просто так отпустить тебя, ибо неизвестно что ты натворил в доме и какие возможны последствия твоего непрошеного визита.

— Как же теперь быть? — кисло поинтересовался я.

— Я должен спросить супервайзера, — ответил румын и принялся набирать номер по телефону.

Было слышно, как он докладывал кому-то о пойманном, с которым, не знает, что делать. Насколько я догадался, его босс не обрадовался такому сообщению и, видимо, отчитал бедного румына. После телефонного разговора настроение у того совсем испортилось. Он начал хныкать о том, какой он добрый, что до сих пор не вызвал полицию. И к тому же, супервайзер рассердился, что его беспокоят в субботу. Последний, вероятно, жил где-то рядом, ибо, спустя минут десять, он уже прибыл на место происшествия.

— Ты? — спросил он, внимательно рассматривая меня.

— Да, я.

— Как проник в дом?

— Пока мой коллега разговаривал с вашим человеком, я незаметно прошёл.

— Как долго ты пробыл в доме и что там делал?

— Я всего лишь оставил для ваших жильцов рекламу, — открыл я свой портфель и показал содержимое.

Убедившись, что ничего кроме листовок в моём портфеле нет, он взглянул на меня повнимательней, видимо, оценивая

степень моей общественной опасности.

— Ты работаешь на них? — брезгливо взглянул он на листок с перечнем ковровых услуг.

— Да. Временно. Вынужден.

Возникла пауза.

— Зачем ты меня позвал сюда!? Почему не вызвал полицию? — обратился он к румынскому вахтёру.

— Я подумал, может не стоит поднимать шум? — неуверенно пояснил свои действия румын.

— Если ты считаешь, что он хороший парень и ничего серьёзного не случилось, тогда, какого чёрта ты меня вызвал?! — раздражительно заворчал начальник на бедного румына.

— Я решил сообщить тебе, чтобы вместе принять решение, — неуверенно ответил тот.

Похоже, им не хотелось поднимать излишний шум и признавать перед жильцами и работодателями допущенную ими оплошность. Они были бы рады замять этот случай, но сомневались: не натворил ли я чего в их доме? Кто-то должен был принять решение.

Старший по дому, чтобы как-то заполнить возникшую паузу, спросил:

— Ты понимаешь, что совершил преступление против частной собственности? И если мы вызовём полицию…

Я уже был уверен, что они не хотят привлекать, ни полицию, ни кого бы то ни было.

— Да, я понимаю, что вторгся в частный дом. Но мои намерения безвредны. Я лишь оставил по одному листику у каждой двери. Если бы я знал, что это так побеспокоит вас, то не делал бы этого.

Управдом слушал меня и внимательно рассматривал, гадал: не отпускают ли они коварного злодея, после визита, которого они будут иметь большие неприятности. Он еще раз взглянул на рекламную листовку, сложил ее и оставил себе.

— О.К. Иди отсюда, — вынес он приговор.

Я так и сделал.

Кое-как добегали этот день. Наш бригадир постоянно проявлял свое недовольство мной, моей фамилией, или тем, что меня не загребли из того дома в полицию? В ответ, я дал понять, что эта работа не представляет для меня никакой ценности, и ему не следует корчить из себя великого босса.

Когда, наконец, закончили, почти все работники отказались ехать рабочим микроавтобусом в сторону конторы, сославшись на проживание в Бруклине, разошлись по домам. Бригадир уехал один. Славке надо было куда-то в другую сторону, и я ушёл сам.

Неторопливо побрёл в сторону ближайшей станции сабвэя.

Пройдя пешком несколько кварталов, я оказался в паршивеньком районе. Перед спуском на остановку сабвэя какая-то чёрная ханыжка попросила у меня (quater) четвертачок. Чтобы отвязаться, я ответил, что не знаю о чём она. Но она увязалась за мной и охотно разъяснила: что квотор это «твони файв» (twenty five) двадцать пять центов.

С первого дня своего пребывания здесь я слышу их «твони» вместо «твенти». На этот раз я поинтересовался: почему твони, а не твенти? В ответ на меня смотрели, как на чудака, совершенно не понимая вопроса. Она снова протянула руку и повторила вопрос.

— Сэр, просто дайте мне квотор. Пожалуйста…

— Слушай, дорогая! Я работал всю неделю на дерьмовой работе, а деньги получу только в понедельник. Так что извини.

Дорогая учла это обстоятельство, но не отстала.

— О.К, тогда дай мне дайм. Пожалуйста, сэр. (dime, т. е. 10 центов).

Пришлось дать. Подруга осталась довольна и пожелала мне хорошего дня.

*«Entering the system. To enter, place your token into the ternstile slot and walk through. All other people… A token-booth clerk will then open a special gate.»

*Пропускная система. Чтобы пройти, опустите свой жетон в щель и проходите. Все другие люди… Клерк в киоске, продающий жетоны, откроет вам специальные ворота.

Я спустился на остановку. Станция была безлюдной и обшарпанной. В будке-конторке сидела такая же подруга, как попрошайка у входа в подземку, только наряженная в униформу работника метрополитена. Мы были одни на этой станции. Пропускные вертушки особого препятствия не представляли. Покупать их бронзовые шайбы, чтобы проходить к платформе, уже поднадоело. Деньги имелись, но станция была такой засратой, что я решил просто перепрыгнуть через препятствие, как частенько поступают чёрные ребята. Подойдя к барьеру, мне стало любопытно, наблюдает ли за мной шоколадка из своей стеклянной будки. Я обернулся. Она, как будто я её позвал, подняла голову и безразлично взглянула на меня. В этой ситуации стало как-то неловко проигнорировать её служебное присутствие и перепрыгнуть через вертушку.

— Сестрица, закрой глаза! — обратился я к ней.

— Зачем? — вяло удивилась она.

— Моё дело попросить, — подумал я, и, уперевшись руками на перилах прохода, поджал и перекинул ноги на другую сторону

барьера. Уходя к платформам, я взглянул в её сторону. Она едва заметно, укоризненно покачала головой и снова уткнулась в чтение.

Вечером, я взял у кого-то из ребят велосипед, прихватил рюкзак и выехал на поиски того кондитерского места, о котором рассказывал Володя. По его описанию, было рядом со станцией сабвэя Fort Hamillton. Ехать туда от нас было неудобно, необходимо переходить на другую линию. Поэтому велосипед в этом случае был самым подходящим средством.

Когда я приехал в нужный район, уже темнело. Пришлось немного покружить вокруг. Но скоро, по запаху и прочим внешним признакам, я отыскал саму пекарню. Прямо перед зданием цеха, у оживленной проезжей дороги, стояли несколько пластиковых контейнеров с откидными крышками. Стоило мне заметить их, как стало ясно, что это именно то место, о котором говорил Володя. Вокруг контейнеров деловито копошились людишки. Приблизившись, я убедился, что это мои соотечественники, и тоже с велосипедами. Я наблюдал за ними со стороны, глазами случайного прохожего. Первое впечатление складывалось не очень-то хорошее, так как, назначение контейнеров было общеизвестно. Но вечерние сумерки и место исключали эти моральные издержки. Здесь просто никто на такое не обращал внимание.

Я приблизился. Ребята уже упаковывали добычу. Спросил их: что хорошего здесь есть? Мне деловито разъяснили, что сегодня весь ассортимент в наличии, и главное, есть сегодняшняя продукция. Рекомендовали обращать внимание на дату изготовления. Упаковав свои трофеи, они уехали. Я остался один.

Встал на пластиковый ящик и заглянул в контейнер. Тот оказался почти полон: однотипные бумажные коробки с прозрачным верхом и стандартной этикеткой, содержащей информацию о наименовании, цене и дате. Я поглядел на эту беспорядочную кондитерскую кучу, и немного поколебавшись, приступил к отбору. Сначала, я руководствовался только датой происхождения. Затем, заметив однообразие моего выбора, вернул некоторые экземпляры обратно и разнообразил ассортимент другими сортами. Весь этот процесс занял лишь несколько минут, так как мой рюкзак вмещал в себя лишь несколько коробок.

Занимаясь этим делом, я невольно посматривал за редкими прохожими. Их реакция на происходящее у контейнеров, была более чем положительной. Они вообще ничего не замечали, и никак не реагировали. Я успокоил себя тем, что если не придавать значения месту нахождения этих кондитерских

изделий и учесть, что содержание и качество их ничем не отличается от тех, что продаются в любой бруклинской лавке, то ничего страшного во всём этом нет. Обратно ехал с полным рюкзаком за спиной. Было уже совсем темно.

Ребята оказались дома, смотрели телевизор. Чтобы забросить свои трофеи в холодильник, нужно было переместить в нём кое-какие продукты и освободить пространство. Я попросил ребят подвинуться. Взглянув на запасы, они поинтересовались — откуда? Ответил: из одной кондитерской лавки, где когда-то работал пару дней. Отдали в связи с истекающим сроком реализации. Ребята дружно угостились и признали: продукт заслуживает место в их холодильнике. Валентин поинтересовался: случайно ли угощение, или возможны систематические поставки? Я выразил надежду на регулярность и объявил всем, что они могут чувствовать себя свободно в потреблении этих тортов. Процесс потребления начался незамедлительно. Валентин дал особенно положительную оценку торту с орехами. Дружелюбно обещал показать мне завтра одну фруктовую лавку, где в определенное вечернее время можно щедро загрузиться фруктами, сносного качества в широком ассортименте и бесплатно.

В субботу утром, когда я проснулся, ребят уже не было. Вероятно, они в этот день работали. Тортов, однако, в холодильнике тоже почти не было. Оставили мою долю. Справедливо.

Два дня, субботу и воскресенье, я просто отдыхал, далеко не ходил, подумывал, начинать ли следующую неделю работать в этой ковровой конторе? Перспектива — снова попасть под руководства молодого молдавского жида (простите, но иначе это не назовёшь) меня очень напрягала. Да и денежка уже кое-какая была. Можно сделать перерыв и поискать чего-то получше.

Зашел в гости к Юрию на E 2-ю. Его дома не было, но двери открыл один из его соседей-земляков и пригласил зайти. Он, и еще один представитель Закарпатья, расположились на кухне с полу галлоновой бутылью сухого калифорнийского вина. Мне предложили быть третьим. Из их разговоров о работе, я понял, что все они работают у одного еврея, уроженца Закарпатья, то бишь, у земляка. Далее весь разговор свелся к технологии кирпичной кладки. Разлили по стаканам остатки вина, поступило предложение пойти в магазин и перейти к более существенным напиткам. Я сослался на неотложные дела и расстался с ними.

Прошел до E 14-й улицы, на спортплощадки. Там было людно. Все теннисные корты заняты. В этом теннисном любительском движении выделялись две школы: советская и

китайская. Игроки, имеющие какой-то опыт, обзаводились учениками разных возрастов и, как могли, но не бесплатно, давали им уроки тенниса.

Традиции культурной революции и развитого социализма устойчиво прижились на теннисных кортах бруклинского коммунального парка. Сеток на кортах уже не было. Насколько я мог, впоследствии судить — таковое нетипично для американских спортивных парков. Здесь игроки приносили свою сетку. Обычно, это была забота тренера. А наигравшись, по-хозяйски снимали сетку, укладывали в сумку и уносили с собой.

Смешно и грустно было наблюдать, как двое чудаков, судя по языку — американцы, дождавшись, когда на одном из кортов закончили играть, с любительским энтузиазмом заняли корт.

Но спустя несколько минут, русскоговорящий теннисный учитель, закончив переговоры со своим учеником, собрал мячи и стал снимать сетку. Сетка повисла. Изумленные игроки приостановились и поинтересовались: в чем же дело!?

Хозяин сетки, не менее удивленный их наивным вопросом и английским языком, короткой фразой и убедительными жестами довел до их американского сознания тот простой факт, что сетка его личная. И он не может оставить ее. По реакции неудовлетворенных игроков было видно, что им трудно понять такие правила пользования общественными кортами. Короче говоря, американские посетители этого бруклинского спортивного парка, едва находили себе место в условиях советско-китайских традиций.

Тем не менее, теннис здесь был достаточно популярен. Взрослые и дети, евреи, китайцы и русские до темноты состязаются и дают друг другу уроки, совершенствуют свой любительский теннис и сбрасывают лишний вес. Гармония.

Воскресенье убил походом с Сашей-старостой на Брайтон пляж. День был жаркий и безветренный. Но с океана поддувал свежий ветерок, шумно гудел прибой. Разговаривать было трудно — приходилось почти кричать, Людей было много и над пляжем стоял гул прибоя и голосов. Просторная песчаная полоса пляжа плотно усеяна разноцветными телами. Найти тихое место невозможно. Оставалось единственное удовольствие: искупаться. Торчать на пляже мы не стали. После океана ополоснулись под душем и поднялись на деревянную прогулочную набережную. Здесь также было полно полураздетых гуляющих.

В будние дни, на деревянной прогулочной палубе просторно: лишь спортсмены-бегуны, да праздные пенсионеры. Это деревянное, добротно сколоченное сооружение, тянулось вдоль берега, далеко в сторону полуострова, обозначенного на карте как

Coney Island. Любопытным белым туристам, без десяти долларов, на всякий чёрный случай, гулять далеко в том направлении не рекомендовалось.

Домой с пляжа шли пешком. По дороге, Саша жаловался: недавно, когда он катался здесь на велосипеде, прямо по прогулочной палубе, пеший полицейский подал ему сигнал остановиться. Саша прикинулся глухонемым и воспользовался своим скоростным преимуществом. Такое дерзкое пренебрежение, вероятно, задело самолюбие и честь служивого, и тот воспользовался радиосвязью. Когда Саша, уже расслабившись, сходил по ступенькам с палубы на улицу, к нему медленно и неслучайно подползла патрульная полицейская машина. Он был неприятно удивлён, когда ему снова просигналили остановиться. Выскочивший из машины полицейский скомандовал оставаться на месте. Несколько минут спустя, следом за Сашей прибежал и припотевший дежурный по палубе, команду которого он игнорировал. Это мелкое нарушение всерьёз разъярило служивого. Добравшись до нарушителя, тот накинулся на него, как на преступника, и тщательно обыскал. На Сашину беду, в его бумажнике обнаружили водительское удостоверение, которое тот совсем недавно, с большими хлопотами получил. И вот, прокатившись на велосипеде не в том месте или излишне быстро и опасно для пешеходов, и не подчинившись команде полицейского, Саша впервые применил своё водительское удостоверение. Данные новенького удостоверения внесли в компьютерный «чёрный список». Велосипед забрали и закинули в багажник патрульной машины. Водительское удостоверение Саше вернули, но с квитанцией, в которой указывалось когда, где и что он совершил и в какие сроки должен уплатить штраф. Саша не понял, куда и как ему обратиться за своим велосипедом, и отчаянно махнул на это рукой. А вот, что же до штрафа и восстановления водительского удостоверения, этот вопрос его волновал.

Условия таковы: если не уплатить или не оспорить штраф в указанные сроки, то водительское удостоверение будет считаться недействительным. Саша не успел и машину приобрести, как его право на вождение ограничили несколькими днями.

Кроме этой беды, он поведал и о другой назревающей проблеме. Суть её в том, что двое ребят, которые сейчас проживают и делят с нами рентную плату, намерены вскоре съехать. Валентин, якобы, заказал билет на второе августа, а другой сосед — уже в ближайшие дни куда-то переедет. Это обязывает двоих оставшихся жильцов, либо платить рентную плату, уже со следующего месяца по 250 долларов плюс

коммунальные расходы, либо подыскать хотя бы одного дополнительного сожителя. Подумать было над чем. Задерживаться в Бруклинской квартире для меня не имело смысла. Меня здесь пока ничего не задерживало. А платить ежемесячно 270 долларов за жильё, так это мне и вовсе неприемлемо.

В понедельник я приехал на работу с главной целью: получить зарплату. Начинать ли новую рабочую неделю — я так и не решил.

Получив чек, я неприятно удивился тому, что мне начислили сумму на 40 долларов меньше, чем предполагалось. Раздававший чеки, ответить на мой вопрос не мог, но советовал подняться в контору, и сверить записи о рабочих часах. Я так и сделал. Один из боссов, который подписывал чеки, в этот момент оказался занят и просил подождать минутку. Я стоял и наблюдал за происходящим в конторе. Офис располагался на втором этаже, над коврово-чистильным цехом, и производил впечатление вполне процветающей фирмы. Приличная мебель, компьютеры и прочие конторские удобства, прохладный кондиционированный воздух. Над компьютерами шаманят девушки с приятной внешностью. Мне показалось, что кроме надувательства домохозяек, желающих почистить свои ковры, они занимаются ещё чем-то. Вероятно, импортируют в Америку наркотики.

Мои наблюдения были прерваны появившимся бригадиром из Молдавии. Его, вдруг, заинтересовало, что я здесь делаю? Я коротко изложил своё недоумение относительно начисленной мне суммы. И к своему удивлению, услышал в ответ.

— Можешь никого не спрашивать. Тебе начислили за все часы, что были представлены к оплате.

Мне показались подозрительным и его уверенность в правильности, начисленной мне суммы, и то, что он пришёл сюда, когда естественным было бы бежать со всеми в кассу, получать зарплату. До меня дошло…

— Ты хочешь сказать, что в прошлую пятницу ты мне урезал целый день? — спросил я его.

— А ты шо, думал я тебе засчитаю все десять часов? — ответил бригадир вопросом.

— Ну, ты и морж[4] молдавский! — лишь подумал я, и поспешил оставить его.

Во всяком случае, я выяснил свой вопрос и определился: работать ли мне здесь и далее?

Из конторы я вышел свободным от всяких трудовых обязательств. Погожее утро. Чек на 220 долларов и масса свободного времени. У кассы я встретил Славку, сообщил ему о

своём намерении выйти на заслуженный отдых. Тот ненастойчиво предложил поработать вместе ещё одну недельку. Я отказался. Мы редко когда работали вместе, всегда оказывались в разных бригадах.

Получив наличные, Славка вернулся в контору. Мне надо было решать, как распорядиться неожиданно свободным днём. На север пойдешь — в Нью-Йорк попадёшь, день прогуляешь и деньги потратишь. На юг пойдешь — в Бруклин, домой попадешь, ничего интересного не найдешь.

5

Бруклин — Нью-Йорк. Приключения в сабвэе. Случайные подработки в Харлеме и у бруклинских евреев. Номер соцобеспечения и счёт в банке. Теннисные клубы в Central Park и The East River Park. Люди из прошлой жизни. Новая работа в Нью-Джерси.

Решил я пойти на восток и посетить трудовую панель. Тем более, что был я совсем неподалёку. Подряжаться на работу я не собирался. Хотел лишь повидать некоторых ребят и спросить: не пожелает ли кто подселиться в нашу квартиру.

На перекрёсток я прибыл в самое время, когда все в полном сборе. Кроме уже знакомых мне лиц, я заметил там и новеньких. Движение не иссякло.

В самой гуще собрания, я встретил там скучающего товарища из Киева. Разок мы работали вместе с ним полдня, и он немало рассказал нам о себе.

Звали его Влад. Нашел я его затруженным и озабоченным. Подгоревшая на солнце залысина воспалённо красно блестела, давно нестриженые, выгоревшие остатки волос нуждались в уходе. Оправа очков, подремонтированная в нескольких местах, постоянно сползала набок, и он, уже машинально, поправлял её. Свисающие на рот украинские усы и трехдневная щетина… Что же до внутреннего содержания и состояния, то я бы охарактеризовал его словом «усталость».

Влад, с приличным английским языком, и вообще, неглупый парень, заслуживал лучшего, чем сниматься на улице. И усилия он прилагал немалые, чтобы изменить своё положение. Но на данный момент я нашёл его на этом месте и в таком состоянии.

Я знал, с его слов, что виза у него была не туристическая. Как он рассказывал мне, до этого он какое-то время пребывал в Канаде и предпринимал там какие-то попытки добиться статуса политбеженца. Получив отказ, перебрался в США.

Здесь, как он заметил, в сравнении с Канадой — бардак, особенно, в Нью-Йорке. Но зато, в этом американском беспорядке всегда можно как-то подрабатывать и выживать, даже нелегально. В Канаде — таковое невозможно. Там либо ты имеешь какой-то официальный статус и получаешь соответствующие социальные блага, либо ты просто визитёр с правом лишь пребывать в стране, и твои возможности ограничены твоими деньгами. Подрабатывать, открывать счёт в банке, получать какие-то документы и тому подобные действия — там для туристов крайне осложнено. В Киев ему возвращаться очень не хотелось, и он переехал из Канады в Бруклин.

Здесь он вступил в тайный сговор с каким-то старожилом поляком, который по своему гражданскому и материальному статусу формально мог выступить в качестве его спонсора. Договорились о цене. Влад уплатил какую-то часть вознаграждения, и они подали в миграционную службу совместную челобитную о предоставлении украинскому горемыке, а также членам его семьи, места под американским солнцем.

В настоящий момент Влад, задерганный и поиздержавшийся, подрабатывал на всяких случайных работах, и большую часть заработков отдавал своему польскому крёстному отцу. Тот же, по мере поступления оплаты, подписывал необходимые бумаги. Эта затея давала Владу какие-то надежды на более определённое американское будущее, но и отнимала последние, тяжким трудом добываемые средства. Его уязвимая, во всех отношениях, ситуация, усугублялась ещё и новостями из дома. Экстренный выезд из Киева в экспедицию на неопределенный срок совпал с беременностью молодой жены. Уже барахтаясь на дне Бруклина, он узнал о рождении сына. Восторги по этому случаю быстро иссякли. Теперь, всякий раз, когда он звонил домой, ему задавали одни и те же вопросы: каковы его намерения, как долго его авантюра ещё будет продолжаться и выслал ли он денег???

На вопросы о планах и сроках он затруднялся ответить, а лишь выражал надежду на скорое улучшение. Разумеется, такие ответы мало утешали молодую жену с ребёнком, вынужденную жить у родителей. Одним словом, — история грустная.

Рассказал я ему о нашей квартире на West 9-й, как о месте, куда можно подселиться. Условия, в которых он сейчас проживал, ему не очень нравились, и он захотел посмотреть нашу квартиру.

Когда мы с Владом приехали, никого из ребят дома не было. Он осмотрел наши две комнаты и кухню, отметил такие удобства, как телефон и количество телевизоров. Вдруг вспомнил, что ему необходимо срочно куда-то позвонить. И прилип к телефону. Срочных звонков он сделал много. Достав свой список потенциальных работодателей, Влад, обзванивая их, рассказывал о своих многочисленных положительных качествах. Из переговоров я узнал, что он готов работать в условиях английского, польского и японского языков. Я понял, что если этот процесс трудоустройства не остановить, то сам он нескоро закончится. Пригласил Влада покушать. Лишь после многократного приглашения, тот неохотно оторвался от телефона и сделал мне одолжение.

— Там, где ты сейчас живёшь, телефон есть? — спросил я его.

— Телефон-то есть. Только кроме меня в той квартире

проживают ещё пятеро ребят, и всегда кто-нибудь сидит дома. Мне хотелось бы переговорить без участия своих соседей.

— Но проживать в такой большой коммуне, наверно, получается очень экономно? — поинтересовался я.

Мой вопрос-замечание Влад не услышал, и обратил всё своё внимание на торт с молоком. Тогда я поинтересовался: действительно ли он владеет японским языком? К моему удивлению, он ответил, что дома самостоятельно изучал японский язык и имеет некоторые навыки. Я обещал познакомить его с одним очень разговорчивым представителем страны восходящего солнца. Влад серьёзно заинтересовался моим японским другом.

По тому, как Влад интенсивно пользовался телефоном, а теперь поглощал мои торты из контейнера, я понял, что парень восстанавливает карманный баланс, нарушенный непредвиденными расходами на поездку ко мне. Понять режим и состояние, в котором он пребывал, мне было нетрудно. Но помочь ему я мог лишь вручением торта и знакомством с японцем Онодой. Что до моего предложения переехать в нашу квартиру, то в этом вопросе он колебался. Ссылался он на отдалённость района от печально известной панели и от Нью-Йорка. Здесь уж я изменить ничего не мог. На этом мы и расстались.

Вечером к Саше зашёл его приятель Игорь, москвич. Когда-то они с Сашей вдвоем сняли эту квартиру, а позднее, Игорь переехал к подруге. В разговоре с ним, я узнал, что Игорь скоро отъезжает домой в Москву. А работает, уже несколько месяцев, на каком-то складе, подсобником. Договорились, что если ко времени его отъезда меня будет интересовать работа, то он посодействует передаче своего рабочего места. На этом наше знакомство и закончилось. Я оставил их и вышел прогуляться в хозяйственных целях.

Прошёл на авеню U и убивал время, посещая магазины и закупая всякие мелочи по хозяйству. Выходя из магазина, я столкнулся на тротуаре с компанией пожилых людей, по-приятельски беседующих на русском языке. Сам факт, что кто-то здесь говорит по-русски, неудивителен. Моё внимание привлекла знакомая женщина.

Когда-то, в начале 80-х, будучи студентом, я проживал один учебный год в старом общежитие на улице Островидова — 64, в Одессе. Тогда это здание делили между собой госуниверситет и институт связи.

Так вот, комендантом университетского общежития была тётя Рита Григорьевна, человек уважаемый среди проживавших там студентов, так как от неё в немалой степени зависел вопрос о

твоём поселении.

С тех пор я не видел её и не слышал о ней. Но, повстречав летом 93-го в Бруклине на авеню U, легко узнал и вспомнил, откуда я знаю её. Я не собирался проверять свою зрительную память на людей и не знал, о чём мог бы заговорить с ней. Проходя рядом, я понял, что они расстаются. Пожилая пара направилась в одну сторону, а Рита Григорьевна — в мою. Я поздоровался с ней. Раньше она любила поговорить, и сейчас откликнулась охотно. Но выразила затруднение:

— Не могу припомнить, где мы с вами встречались.

— В Одессе, лет 12 назад, — подсказал я.

— В Одессе? Дайте-ка припомнить.

— В общежитии, на улице Островидова — 64. Вы работали комендантом, а я проживал там студентом.

— Понятно! Вот только имени вашего я не помню.

— Это неважно. И как вам на новом месте живется? — спросил я.

— А это уже не новое место, мы здесь давно живем, — пояснила она, — живём, как и все пенсионеры. Пенсионерам и детям здесь — рай, полное обеспечение. Грех жаловаться…

— Значит, у вас здесь всё хорошо, — подвел я итог и собрался распрощаться.

— Как вам сказать, без проблем никак не получается, — вздохнула Рита Григорьевн, — с сыном у нас беда. Пристрастился к наркотикам и всё пошло у него набекрень! Потерял работу, семью… Сколько не лечился — никакого толку. Казалось бы, все тебе условия: живи и радуйся. А какая уж тут радость, когда сын пропадает на глазах. А как в Одессе сейчас? — поинтересовалась она.

— Одессу засрали на суше и в море. А теперь делят со стрельбой.

— Кто делит? — не поняла меня бывшая одесситка.

— Бандиты и госчиновники. Сейчас их время на Украине. Возможно, когда они нахапаются и разберутся между собой, тогда восстановится какой-то порядок. Но уже нетрудно предвидеть, какой это будет порядок в мафиозно-бюрократической стране.

— А во всех бедах, как всегда, обвинят евреев, — грустно предсказала Рита Григорьевна.

На этом мы и расстались.

Когда я вернулся домой, Саша сообщил, что звонил какой-то тип: по-русски ни слова, назвался — Анод. Хотел Сергея. Я понял, кто меня хотел. На завтра у меня никаких планов не было. Я перезвонил Оноде, и он выдвинул план на завтрашний день. Онода приглашал меня на деловую встречу к десяти утра в

ресторане МакДональдс, что на 8-й авеню, напротив гостиницы Нью-Йоркер. Обещал, что и Виталий будет с нами.

Утром, когда я приехал на встречу, мои товарищи по будущему бизнесу уже сидели за столиком и пили кофе. Онода был, как всегда улыбчив и многословен. Кроме обычных приветствий он сделал мне замечание по поводу моей нерабочей формы одежды. Мои шорты не вписывались в программу нашей деловой встречи, но мероприятие по этой причине не отменили.

Суть бизнес-плана, представленного Онодой на обсуждение, заключался в том, что сегодня он нам покажет, где и как следует продавать картинки. Онода достал из-под стола уже знакомый мне дипломат. Я предложил не тратить времени на осмотр товара и приступить к эксперименту.

Вышли из ресторана МакДональдс и перешли на другую сторону восьмой авеню, дошли до главпочтамта и свернули на узкую West 33-ю улицу. Там у каждой двери Онода рассматривал таблички-указатели в поисках нужной конторы. Офисы теснились на этой улице один на другом. Все входные двери были заперты и снабжены звонками с переговорными устройствами, у некоторых на входе дежурил вахтёр. Перед одной такой дверью Онода уверено остановился, отыскал в списке конкретного адресата и нажал на кнопку звонка. В ответ — ожил динамик переговорного приспособления, и нас спросили: «кто такие?». Онода назвался. После короткой паузы раздумий загудел и лязгнул замок. Мы вошли. Онода уверенно повёл нас к лифту. Было очевидно, что он здесь уже бывал. На каком-то этаже мы пошли по длинному коридору, по всей длине которого, по обе стороны размещались конторские помещения. Онода разглядывал однотипные двери с разными опознавательными табличками, на которых указывались наименования фирм и прочие почтовые и телефонные координаты. Весь этаж, а возможно, и всё здание были приспособлены под офисы.

В одну из таких дверей без стука, Онода уверенно заглянул, а затем, приглашая и нас, вошел. Это была просторная комната, сопел кондиционер, вдоль стен до потолка размещались металлические разборные стеллажи с множеством полок-ячеек, два конторских стола с компьютерами и средствами связи. За одним из столов сидел человек, уставившись в монитор компьютера. Двое других мужчин сортировали какие-то пакеты и коробки, забрасывали их по ячейкам, используя раскладную лестницу-стремянку. На нас они лишь взглянули, буркнули свои «Hi», и продолжили конторскую возню. На полу в беспорядке громоздились три кучки пакетов и коробок, вероятно, подлежащих разборке и сортировке. Работникам было не до

гостей. Но и Онода долго ждать не мог. После обмена приветствиями, он подозвал одного из них по имени. Тот без особого энтузиазма оторвался от своего занятия и подошёл к нам.

— Что нового сегодня? — спросил он Оноду.

Онода же, ответил сразу несколькими вопросами; о здоровье, о семье, о жизни вообще, и о работе. При этом он, конечно же, включил свою хорошо отрепетированную улыбку. Его метод «своего парня-добряка» сработал. Остальные работники тоже оторвались от работы и обратили внимание на весёлого гостя. Им уже было интересно, что же последует далее?

А далее, Онода, бормоча о том, что у него есть нечто удивительное для них и сейчас он это покажет, открыл свой дипломат и стал раскладывать картинки. Возможных покупателей он ничем не удивил, но всех отвлёк от работы, и они стали просматривать картинки. Онода нахваливал свой товар, указывал места на стене над рабочими столами, куда следует повесить картинки, и просил всего лишь по пять долларов за штуку. Как мне показалось, этих людей не интересовала цена, так как они не собирались ничего покупать. Им просто было любопытно посмотреть и немного отвлечься от работы. Онода, видя полное отсутствие их покупательского интереса, не настаивал на немедленном принятии решения. Он оставил им несколько экземпляров и рекомендовал подумать над его выгодным предложением. Обещал вскоре навестить их. Либо вместо него, зайдет кто-нибудь из его ребят. Онода показал на нас. Покупатели вежливо согласились с его планами, но ничего не обещали, вернулись к своему занятию, давая понять, что им надо работать. Мы распрощались и вышли.

В коридоре Онода провёл с нами короткий инструктаж о методах охмурения потребителя и приступил к поискам следующей конторы.

В других местах он проделывал то же самое. Нигде не настаивал на немедленном приобретении, а предлагал выбрать, подумать и решить. Всем обещал вскоре вернуться.

По всему было видно, что Оноду многие знают в этом доме. И, как он утверждал, в Нью-Йорке, в Бруклине и Квинсе много таких мест, где с ним успешно сотрудничают уже много лет.

Из инструкций следовало, что если мы серьёзно возьмёмся за эту перспективную работу, то он готов передать все навыки и секреты своего бизнеса. «Door To Door Selling» называется.

Покончив с этим домом, мы решили, что на сегодня достаточно. На вопросы Оноды о нашем решении, мы уклончиво отвечали, что будем посмотреть на результаты сегодняшнего «посева». Онода не унимался, уверял нас, что результаты ему уже

давно известны. Нечего сомневаться, надо одеться должным образом (камень в мои шорты) — и вперёд… С улыбкой, от двери к двери!

На этом мы и расстались, пообещав Оноде позвонить на днях. Онода убежал в гостиницу заступать на дежурство, а мы с Виталием побрели по 8-й авеню вверх, гадая, сколько же можно таким способом заработать, если с каждой проданной картинки оставлять себе по 2–3 доллара? Мне вообще с трудом верилось, что кто-то захочет это покупать. Разве что, какой-нибудь случайный чудак посочувствует бедолаге торговцу. Или, чтобы отвязаться от назойливого продавца. Мне это не нравилось.

По пути Виталий зашёл в какую-то специализированную лавку, в которой торговали различными витаминами и через несколько минут вышел с объёмистым пластиковым пузырьком. На мой вопросительный взгляд пожаловался, что последнее время с его головушки уж слишком обильно осыпается растительность. Действительно, его прическа не по годам, отличалась глубокими залысинами. В связи с этим, кто-то рекомендовал ему витамины. И он в это поверил! Я тоже прикупил с передвижного уличного лотка пару бананов.

Виталий вспомнил, что ему надо позвонить в Россию и пригласил меня составить ему компанию, пройтись на 42-ю улицу.

В то время, это был общеизвестный способ телефонной связи, которым пользовались многие туристы. Дойдя по 8-й авеню до 42-й улицы, кишащей разноцветными охламонами у порно магазинов, мы свернули и прошли до 7-й авеню. На углу, возле уличных телефонных автоматов отирались несколько чёрных жуков. Это и были те, кто обеспечивал международную связь.

Виталий заранее написал на клочке бумаги полный телефонный номер со всеми кодами, и мы приблизились к чёрной группке. Те профессионально оценили нас своими липкими взглядами и монотонно забубнили: «Ребята, куда хотите позвонить?» Мы приостановились, и Виталий коротко ответил: Россия. Услышав заказ, из бригады вынырнул специалист по СНГ и попросил следовать за ним. Шахтёр-телефонист торопливо шагал вниз по 7-й авеню, а мы, соблюдая дистанцию, следовали за ним.

Суть этой уличной услуги заключалась в том, что прохвосты дозванивались по указанному вами номеру, получали от заказчика свои десять долларов за услугу, и оставляли вас в контакте с вашим абонентом. Как долго вы будете эксплуатировать предоставленную вам связь, это их не интересовало. Говори — сколько душе угодно. Надо полагать,

счёт за эти услуги, телефонная компания кому-то предъявляла. Не знаю, как реагировали абоненты, получая счета за переговоры с абсолютно неизвестным номером где-то в России или Украине? Особенно любопытна их реакция на факт продолжительности таких переговоров, исчисляющихся, порою, не минутами.

Последнее время в эти места стала наведываться и полиция, доставляя уличным телефонным операторам дополнительные неудобства. В целях конспирации, они вынуждены были переходить с угла на угол в районе 42-й улицы, где их находили клиенты. Подобно уличным торговцам наркотиками и проституткам, они круглые сутки готовы предоставить вам свои услуги.

Между тем, наш телефонный гид, приближаясь к телефону-автомату, замедлил ход и жестом просил дать ему номер. Виталий вручил ему шпаргалку с номером. Тот, получив заказ, прилип к телефону, снял трубку и стал ловко перебирать кнопки телефона. Мы стояли на расстоянии нескольких шагов и не могли разглядеть порядок набора. Да и делал он это очень быстро. Затем, подглядывая в шпаргалку Виталия, он набрал коды страны, города и номер телефона. Закончив основную работу, его голова и телефонная трубка слились в одном цвете в ожидании ответа. Спустя несколько секунд он оторвал трубку от уха и жестом пригласил Виталия. Передавая ему ожившую трубку, оператор протянул свободную руку, рапортуя заказчику: готово, давай десятку.

Виталий просил потерпеть секундочку, взял трубку и ответил.

Однако, к удивлению нетерпеливо ожидавшего свой гонорар оператора, Виталий, вдруг, повесил трубку.

— В чём дело!? — с досадой в голосе спросил его телефонист.

— Неверно набран номер, — ответил ему Виталий.

Оператор выругался, выразил удивление и предложил набрать номер повторно.

Виталий же, остановил его и пожелал оставить эту затею. Обещал обратиться к нему позднее. Оператор пожал плечами, мол, как вам будет угодно, и поспешил обратно на дежурство.

Оставшись одни, Виталий объяснил мне, что соединили его верно, но там ответила мать его приятеля, с которым ему надо было переговорить. Услышав Виталия, она сразу ответила, что сына нет дома, будет позже. Вот он и отказался от разговора.

До того, как расстаться, мы ещё какое-то время поговорили. Он упомянул о намерении зацепиться здесь, добившись студенческой визы. Но на мои расспросы о деталях такой

возможности он как-то неуклюже замкнулся и уклонился от темы.

К тому времени, я уже сделал для себя вывод, что подобная позиция среди наших соотечественников — явление достаточно распространенное. Упёртое нежелание поделиться полезной информацией порой принимало комичные формы.

Вычитав из какой-нибудь русскоязычной газеты об «адвокатской» конторе в Бруклине, которая гарантирует выхлопотать для вас быстро и недорого вид на жительство, а то и гражданство США, турист втихую посещает этих «адвокатов» и они начинают работать. От клиента требуется лишь своевременная оплата и терпение.

Будущий гражданин США, уже с надутыми щеками, демонстрирует своим недалеким землякам первый американский документ — карточку соцобеспечения, на которую достаточно взглянуть, чтобы догадаться об её изготовлении в той же «адвокатской» конторе. Но попробуй спросить его, где можно такой «документ» получить, и ваш соотечественник придаст этому вопросу такую важность, что захочется остаться просто туристом.

Но общие проблемы вынуждают многих соотечественников вариться в одном котле. Арендовать вместе жильё в целях экономии, работать у одних работодателей, там, где их принимают. Так или иначе, а им приходится быть вместе часто и густо. Но при всей этой внешней близости, нередко очевидна внутренняя разобщенность и состязательность. В процессе такого соцсоревнования, у соседа могут пропасть трудовые сбережения, хранящиеся под матрацем. Возможны и прочие коммунальные недоразумения.

Расставшись, наконец, с Виталием, я решил ехать обратно в Бруклин. По 7-й авеню я прошёл вниз до 34-й улицы и там нырнул в сабвэй.

*«The cost of ride. A subway ride costs 1.25. You'll need a token to enter, and you can perchase them at token booths in every subway station. Token-booth clerks cannot accept bills larger then 20 doll. And we ask you don't pay with pennies.»

*Стоимость проезда. Проезд в метро стоит 1,25 доллара. Вам понадобится жетон для входа. Его можно купить на любой станции метро в кабинке торговца жетонами. Клерк не может принимать купюры крупнее 20 долларов. Также, просим вас не применять при оплате 1-пенсовые монетки.

Возвращаясь к теме о нью-йоркском метро, надо сказать, что расходы на транспортные услуги, особенно, в связи с подобными пустыми поездками, естественно, вызывали чувство досады. Поэтому, я от случая к случаю прибегал к методу, который мне рекомендовали соотечественники.

Суть его заключалась в бесплатном прохождении на платформы метро. Такое не на всякой станции возможно, но там, где можно, это срабатывало.

В отличие от наших хлопушек-затворок, срабатывающих от светового реле, в нью-йоркском сабвэе используются более простые конструкции механических вертушек.

В обычном состоянии такая вертушка застопорена и перекрывает проход, хотя многие чёрные пассажиры пролазят под или прыгают над таким препятствием.

Опустив в щель специальный жетон, эта вертушка разблокируется и позволяет провернуть её на пол-оборота. Этого достаточно, чтобы пройти.

На некоторых станциях, такие пропускники используются одновременно и на вход, и на выход. Только в направлении входа на платформы, вертушку возможно провернуть лишь с помощью жетона, а в направлении выхода, то есть в обратную сторону, эта штука проворачивается свободно.

Это свойство, — свободно проворачиваться в направлении выхода, и позволяет пассажиру средних габаритов пройти к платформам, не используя жетон.

Для этого, подойдя к контрольному проходу, приостанавливаешься, имитируешь жест опускания жетона в щель, а затем, не толкаешь вертушку вперёд, а наоборот, тянешь и проворачиваешь её на себя. Между секциями вертушки, той, что вы тянете на себя и следующей, поступающей на её место, образуется проём, достаточный для прохода, если вы нормальных габаритов.

Наблюдая за такими действиями, конечно же, этот трюк заметен. Но в общем, пассажирском движении всё выглядит вполне сносно, и не привлекает внимания. На многих станциях, особенно в вечернее время, дежурит полиция. Иногда, полицейский стоит у входа, как на посту. В таких случаях лучше воздержаться от недозволенного метода прохождения.

Станция на 34-й улице была вполне подходящей для упомянутого трюка. Движение пассажиров в то время было интенсивным. Пропускные вертушки работали в оба направления, каких-либо наблюдателей я не заметил. Я чётко и быстро проделал это простое упражнение, и оказался на стороне платформ. Но, пройдя лишь несколько шагов, я был невежливо остановлен огромным чёрным верзилой с полицейским жетоном в руке. Сунув мне под нос свой значок NYPD, он, не спрашивая моего согласия, взял меня за локоть и предложил пройти с ним. На всякий случай, я поинтересовался; куда и почему? Тот коротко ответил, что я и сам знаю — почему, а остальное обещал

разъяснить. Пришлось подчиниться.

На этой же станции у них было какое-то подсобное помещение, куда мы и вошли. В комнате уже сидели человек десять, разных цветов и возрастов. Чёрные цвета преобладали. По их невесёлому виду я понял, что все они, кроме одного полицейского, — мои товарищи по неудаче. Мне предоставили место и предложили присесть, подождать дальнейших указаний.

Я уселся. Моей соседкой оказалась белая женщина, среднего возраста, вполне приличной внешности и с чемоданом. Рядом с ней, с другой стороны, понуро сидел её муж, как я понял из её сумбурного рассказа. С первых минут моего появления в этой компании, женщина проявила ко мне какое-то нездоровое внимание. Оглядевшись, я отметил, что кроме нас троих, все остальные товарищи — других цветов. Мы же здесь представляли унизительное меньшинство.

Женщина, похоже, искренне сожалела о случившемся. Она почему-то решила, что именно со мной может поговорить об этом.

— Вы тоже? — робко обратилась она ко мне.

— Да. Спешил, очень хотел успеть на подходящий поезд, а за жетонами стояла очередь, вот я… Теперь и жетон готов купить, только бы поскорее освободиться, — рассказывал я свою историю женщине, надеясь, что охраняющий нас полицейский тоже слушает. Но полицейский никак не реагировал на мою готовность купить жетон. Зато женщина сочувственно выслушала мою историю. А затем, всхлипывая, стала уверять меня, что они с мужем впервые в Нью-Йорке. Заблудились, не разобрались, как и что, а их грубо задержали и сюда препроводили…

— Оочень печальная история! — прокомментировал кто-то из чёрных товарищей.

От такого циничного замечания, моя соседка ещё более привязалась ко мне, как к единственному человеку, готовому выслушать и понять её.

Разглядев компанию, в которой я оказался, понял, что остальные товарищи не были так уж огорчены и не пытались оправдываться. Они просто скучали. Приставали к полицейскому с вопросом: как долго им ещё ожидать? Просили разрешения закурить, куда-то позвонить… Полицейский просто не обращал на них внимание.

Мне долго ждать не пришлось. Спустя минут десять, тот же чёрный полицейский и ещё двое его коллег, привели чёрную полупьяную ханыжку, и решили, что этого достаточно.

Командовать нами взялся тот, что задержал меня. Одет он был в джинсы и кроссовки. Жетон, которым он представлялся,

был единственным предметом, подтверждающим его принадлежность к полиции. Из басистого объявления, я понял, что сейчас мы все пройдём в участок, и там с каждым из нас разберутся. Собрание ожило. Посыпались глупые вопросы о курении, посещении туалета и прочих правах человека. Но чёрный полицейский топнул ногой, приказал всем заткнуться и сидеть на своих местах. Бригада притихла, только нетрезвые продолжали что-то невнятно ворнякать.

Тем временем, полицейские доставали из стола наручники и наряжали всех гостей в эти украшения. Моя соседка, со слезами в голосе, просила сделать для неё исключение. Но чёрный, важно надув щеки, пробубнил, что таковое недопустимо! Все равны. Затем, посмеиваясь, всё же сделал маленькое послабление для дамы. Если ей удобней, то можно оставить руки спереди. Нам же всем, надели наручники, сведя руки за спиной.

После этих процедур, нас вывели из помещения, построили в колону по одному и повели местами достаточно людными. Даже сознавая, что здесь никто тебя не знает, и что подобные явления в Нью-Йорке — не редкость, всё же шагать среди дня по одной из наиболее людных станций метро, с наручниками на руках было неуютно. Я замечал, что наше позорное шествие привлекает внимание отдельных ротозеев. Мысленно, я благодарил случай, что в этой колоне арестантов, кроме меня, есть ещё и эта пара нормальных, белых товарищей. Оказаться одному в таком чёрном деклассированном окружении было бы совсем паршиво. Случайные прохожие, обратившие своё внимание на конвоированное шествие, вероятно, принимали нас за тех типов, которые обсыкают углы и стены на станциях сабвэя. И мне не хотелось бы, чтобы кто-то подумал обо мне таковое. Ведь я был убеждённым сторонником чистоты, порядка и гармонии!

Между тем, наш пеший переход оказался унизительно продолжительным. Нас вели в полицейский участок куда-то на Penn Station. Полицейские достаточно бдительно пасли нас, хотя мы и были в наручниках. Тем временем, я освоился в своём новом положении и почувствовал, что одно кольцо наручников несколько посвободней. Я сложил кисть руки и стал другой рукой потихоньку стаскивать кольцо с запястья на кисть. Народу вокруг было очень много, наши конвоиры перемещались вдоль нашей растянувшейся колоны. Иногда шествие сливалось с общей толчеей. Я думал, что, освободив одну руку, мог бы незаметно вынырнуть из колоны, и благополучно раствориться в общей массе прохожих. Кольцо наручников застряло на самом широком месте кисти, но я чувствовал, что с некоторым усилием и лёгкими царапинами, смогу стянуть это с руки. Я лишь поджидал

подходящую для ухода ситуацию. Послабленное кольцо оставалось на моей плотно сложенной кисти, а правой рукой я придерживал это кольцо в готовности стянуть его. Я уже планировал себе, как уложу эти кандалы в карман своих шорт и с одной рукой в кармане доберусь до дома. А там уже, дело техники. Пилите, Шура!

Но в мои планы грубо ворвался всё тот же чёрный, который задерживал меня. Он заметил мои ручные потуги, разгадал намерения и незамедлительно принял меры. Подскочив ко мне сзади, он схватил меня за локоть, стащил послабленное кольцо с кисти обратно на запястье и сжал кольцо наручников, обхватив запястье плотно, до боли. Свои оперативные действия он сопровождал ругательствами и угрозами в мой адрес. Остаток пути этот горилл шагал строго за моей спиной и доставал меня монотонным пением какой-то каннибальской песенки. Он был явно доволен собой. Его песенное бормотание мне в затылок и болезненно зажатое запястье раздражали. Меня просто выводил из себя факт моего бессилия и хронических проигрышей. Чьё-либо постороннее любопытное внимание меня уже не трогало. Мне было достаточно пристального внимания чёрноликого вождя.

Весь наш продолжительный переход проходил через тоннели между двумя станциями метро. Помещение, которое служило в качестве полицейского участка, находилось где-то на Penn Station, если я правильно ориентировался в подземном пространстве.

Обычная казённая, прокуренная комната с жёстко закрепленной скамьёй вдоль стены. В стене, над скамьёй, вмонтированы металлические перила. Всем задержанным освободили от наручников по одной руке, и свободные кольца пристегнули к перилам. Теперь мы могли присесть, но были на привязи. Как велосипеды, припаркованные под стенкой универсама.

Наши воспитатели не торопились. Из шуточек своих чёрных соседей по скамье, я понял, что многие из них уже бывали здесь. Я спросил одного: что будет далее? Из его консультации понял лишь то, что мы потеряем сегодня полдня.

Пока полицейские суетились в подготовке, чёрные арестанты расслабились, выпросили разрешение закурить и начали хохмить. Из всей нашей компании, по-настоящему огорчена была только белая супружеская пара. Мне же было просто любопытно.

Наконец, служивые приготовили всё необходимое и занялись нами. Двое принялись выполнять чисто техническую работу по идентификации задержанных. Двое других полицейских расположились за столами и приготовились оформлять бумаги.

Один из них был мой чёрный вождь. Он, более других своих коллег, вступал в переговоры с арестантами. Демонстрировал казарменный юмор и корчил из себя крутого копа. Его собратья по цвету, пристегнутые к перилам, подыгрывали ему в этом шоу. Обе стороны были довольны собой. Им удавалось воспроизводить сценки из дешевых американских телесериалов о трудяге полицейском, который всех насквозь видит и со всеми находит общий язык.

Кстати, его язык я понимал с большим трудом. Другие его коллеги возились с бумагами и не обращали внимания на происходящее, словно, ничего не слышали. Когда они занимались кем-то из задержанных, а тот пытался шутить и с ними не по делу, те, едва скрывая свою брезгливость, просили просто помолчать. Этим, в отличие от своего чёрного коллеги полицейского-клоуна, хотелось поскорее покончить с нашей бригадой и умыть руки.

Сначала нас по очереди отстёгивали (велосипеды) от перил и подводили к столу, где один полицейский с поляроидом фотографировал нас, а другой фиксировал на специальных бланках отпечатки наших пальцев. Чтобы дело двигалось быстрее, они старались действовать одновременно. Один занимался твоими пальцами, а другой снимал физиономию, фас и профиль.

У меня снимок фас не вышел, так как я в этот момент взглянул вниз на процедуру с моими пальцами. Фотография получилась с закрытыми глазами. Фотограф отдал её мне на память и сделал новую. Затем, нас возвращали на скамью ожидания и, на всякий случай, пристёгивали. А бланки с отпечатками пальцев и фото складывали на столах, где двое других приступали к оформлению прочих процедур.

Начали с супругов. Женщина снова захныкала и стала просить о чём-то. Но полицейские устало отвечали ей, что они выполняют лишь необходимые формальности и советовали ей рассказать историю своей невинности в суде, где ей предоставят слово.

Услышав о суде, я снова обратился к бывалому соседу и спросил его: будут ли нас после этого ещё и судить?

— Да, мэн, если хочешь, можешь ещё и туда сходить, — ответил тот иронично.

— Когда и где это будет?

— О мэн! Эти всё тебе разъяснят, расслабься и не волнуйся по пустякам.

Я снова вернулся к наблюдению за допросом. Но там, в основном задавали вопросы, направленные на установление личности и месте проживания. После всего, предлагали

подписать бумаги, в которых, как я понял, приводилось короткое описание совершенного нарушения.

Женщина снова стала сомневаться в правомерности происходящего по отношению к ней. Стала задавать бестолковые вопросы и о чём-то просить. Полицейский советовал ей подписать это и уходить на все четыре стороны, а все свои комментарии приберечь для суда. Он указал на копию, которую ей вручили и рекомендовал ознакомиться на досуге, коль у неё так много вопросов и возражений. Супруги вняли советам полицейского, и под грязные шуточки чёрных арестантов, быстренько исчезли, прихватив свой чемодан и путёвки в суд.

К моему неудовольствию, меня захотел оформлять, задержавший и придержавший меня чёрный полицейский. Начал он с того, что поведал всем присутствующим, как он предотвратил мою коварную попытку побега. Если послушать, так я пытался вырваться из его сильных рук и чуть ли не оказывал ему сопротивление! Никто не воспринял эту историю всерьёз. Только сидящие на скамье ожидания, дружно и наигранно восхищенно загудели, поглядывая на меня — злодея.

Чёрный полицейский, не дождавшись от меня какой-либо ответной реакции, резко перешёл на строго официальный тон. Грозно рекомендовал мне отказаться от всяких попыток обмануть его. И снова не получив ожидаемого ответа, взглянул на меня повнимательней, и спросил.

— Тебе всё понятно?

— Понятно, — неохотно ответил я, пожав плечами.

Такой ответ не удовлетворил его, и он назидательно разъяснил мне:

— Ты должен отвечать: Yes, sir или No, sir. Понятно!?

— Понятно. Я же сказал, что мне всё понятно, — с легким раздражением выразил я своё согласие с его условиями, и приготовился отвечать на вопросы.

Но тот снова прервал заполнение бумаг и выразительно взглянул на меня.

— Я тебя спросил, ты понял меня?! — повторил он.

Мой сосед захихикал, а занятый им белый полицейский улыбнулся чему-то и тоже взглянул на меня.

— Yes, sir, — послушно ответил я, сообразив, чего от меня ожидают.

— *Much better! — довольно прокомментировал мой ответ, чёрный супер полицейский, и вернулся к бумагам. *Гораздо лучше!

Заполнив какие-то пункты, он просил назвать имя и фамилию.

— Давайте я лучше сам напишу, — предложил я и протянул руку к анкете.

Чёрный покосился на мою руку со следами от наручников, потом медленно, по киношному, поднял голову и возмущённо вытаращил на меня свои глазища.

— А ну, убери свою руку и отвечай на вопрос, мать твою! — зарычал он на меня.

Другие полицейские с улыбками поглядывали за ходом нашего диалога. Чёрные на скамье начали хохмить. Мой шеф рявкнул в адрес арестантов, чтобы те заткнулись. Они притихли. Затем, он отвлёкся от меня, и с жуткой серьёзностью поведал своему улыбающемуся коллеге о том, как я его достал ещё при задержании и конвоировании.

— Уж кто кого достал? — подумал я про себя.

— Итак, говори по буквам своё имя, — вернулся он к моему делу.

Я послушно продиктовал ему буквы. Он записал и сморщился от возникшего затруднения. Затем, неуверенно прочитал это по-своему вслух: «Серджий», и переспросил:

— Верно?

— Да, сэр, — согласился я.

— Давай фамилию, — буркнул он, не глядя на меня.

Я выдал все буквы фамилии. Он записал и прочитал написанное, беззвучно шевеля своими увесистыми фиолетовыми губами. Потренировавшись, он прочитал это вслух: «Айванов»?

— Так точно, сэр! Айванов, — подтвердил я.

Довольный собой и моим поведением, он перешёл к следующему пункту:

— Номер социального обеспечения?

— Не имею такового, сэр.

— Не понял!? — снова уставился он на меня. — Тогда давай номер водительской лицензии или удостоверения личности.

— У меня нет этих документов, — ответил я, к всеобщему удивлению.

Мой исследователь снова с хмурым любопытством воззрился на меня.

— Послушай-ка, парень, ты же не хочешь здесь задерживаться. Кончай дурачить нас, и отвечай на вопросы.

Я подумал и начал.

— Послушайте меня…

Но босс сердито прервал моё, некорректно начатое объяснение громким хлопком ладони по столу. Словно цирковой дрессировщик.

— Я же предупреждал тебя! Когда разговариваешь с

полицейским, следует обращаться «Excuse me, sir» «Yes, sir,» или «No, sir». Никаких «послушай»!

Судя по всеобщему веселью, замечания сэра рассмешило присутствующих. Чёрные ханыги снова начали отпускать свои шуточки.

— Итак, я жду ответа на мой вопрос, — вернулся к делу сэр.

— Простите, сэр, но я не могу ответить на ваш вопрос, потому что у меня, действительно, нет этих документов. Я в этой стране всего два месяца и нахожусь здесь, как турист.

Мое объяснение вызвало всеобщую паузу и внимание ко мне. Насколько я понял, все восприняли это как новый, неожиданный трюк в целях сокрытия своей личности.

— Ты слышал!? Как тебе это нравится? — с наигранным возмущением обратился чёрный сэр к своему коллеге за соседним столом. — Я же говорил!.. Я сразу понял, что это опасный тип!

— А какие документы у тебя есть? — спросил меня другой полицейский.

— Только паспорт, — ответил я.

— Паспорт какой страны? Откуда ты?

— Я русский… — начал я, и собирался сразу же пояснить им о своем украинском гражданстве, о туристической визе, предоставленной американским посольством. Но меня прервали всеобщим шумом аплодисментов и подбадривающих окриков.

— Come on, Russian! Давай, парень! Гони программу! — шумели арестанты.

На этот раз к порядку всех призвал другой полицейский, взявший инициативу в свои руки. Призвав всех успокоиться, он снова обратился ко мне:

— Послушай, мы не отпустим тебя, пока не установим, кто ты есть. Подумай серьёзно об этом и заканчивай свой спектакль.

Я задумался. Все ожидали, что нового я им выдам. Сначала я хотел назвать им Оноду с его рабочим телефоном, как человека, который может подтвердить мою историю. Но представив контакт с ним, его путанные показания, со ссылками на Всеобщую Любовь и Преподобного Отца, я отказался от этого пути.

— Мой паспорт сейчас дома, в Бруклине. Мы могли бы поехать за ним. А если вы можете проверить, то запишите паспортные данные, — неуверенно предложил я.

— Давай, — коротко и охотно согласился белый полицейский и приготовился записывать.

Мой непосредственный чёрный воспитатель временно оказался на вторых ролях в этом шоу. Он театрально вздыхал, закатывал глаза и укоризненно покачивал головой, глядя на меня, как на человека, роющего себе яму.

Я смог сообщить им, кроме своего полного имени, место и дату выдачи въездной визы, её категорию, а также, дату и место прибытия в страну.

— Всё? — спросил полицейский.

— Да, это всё, что у меня есть.

Полицейский, молча, удалился в другую комнату, прихватив свой конспект. Чёрный сэр сразу же вернулся к своей роли. Из всего, что он шлёпал мне своими губами, я больше догадывался по его угрожающей интонации: Что я допрыгался… И теперь получу сполна за всё это враньё и комедию.

Зато, сидящей у меня за спиной братве, всё происходящее вокруг моей истории очень нравилось.

Недопоняв, что сэр обещает сделать со мной, когда меня разоблачат, я переспросил его приятельским тоном:

— Что, что?

Он же воспринял такое обращение, как очередное намеренное неуважения к нему. Или он действительно оскорбился, или так уж в роль вошёл? Он начал серьёзно рычать на меня, о том, что ему надоело терпеть моё наглое поведение и неуважение к нему — офицеру полиции.

В том, что он офицер, я очень сомневался. Но этого я не сказал ему. Удивляла его неадекватная реакция на моё поведение, и я решил, что он действительно сердится, а не играет. Вероятно, потому, что я — белый. Чтобы как-то утешить его офицерское самолюбие, я подгадал паузу в его гневной речи и от всей души заявил:

— Сэр, я вас уважаю, только не волнуйтесь вы так…

Все зрители дружно заржали и восторженно затопали несвязанными ногами. Сэр театрально прервал свою гневную речь и уставился на меня. «Снова что-то не так?» — подумал я.

— Уважаешь!? Тогда повтори мне, как ты должен обращаться к офицеру полиции, если что-то не понял или хочешь его спросить?

Я сообразил, что он решил вернуться к дрессировке, и как на уроке, ответил:

— Я должен сказать: «Excuse me, sir».

— Much better! — подытожил мой воспитатель. А зрители довольно загудели.

Но тут, вернулся улыбчивый полицейский с исписанным листом бумаги и весело объявил для всех:

— Этот парень, действительно, прилетел сюда в мае рейсом Москва — Нью-Йорк. Виза действительна. Никаких документов в стране не получал. Не привлекался. Кино окончено!

Арестанты загудели и стали обращаться ко мне «русский

брат» и «русский шпион».

Мой чёрный воспитатель встал из-за стола и предложил полицейскому самому и закончить со мной. Но тот шутливо отказался, сослался на то, что у него свой клиент, а русский турист, наверняка, хочет иметь дело только с ним.

К тому времени, освободились двое других полицейских, фотограф и печатных дел мастер. Процесс оформления задержанных пошёл быстрее. Мой чёрный учитель заполнил бумаги. Небрежно что-то разъяснил мне. Я почти ничего не понял, но вежливо ответил ему:

— Yes, sir! Thank you, sir!

Подписал бумаги и получил копию, которую он советовал почитать. Я освободил место для следующего…

— Могу ли я уйти? — спросил у полицейских.

— Давай, парень, поторопись, пока мы не передумали! — ответил один из них.

Мой чёрный наставник оторвался от своего дела и назидательно обещал мне, что если я ещё раз попадусь, то он сам, лично отвезет меня в аэропорт JFK и проследит за моим отлётом обратно в Россию.

— Thank You, sir! — поблагодарил я его за участие, и удалился под хохмы оставшихся товарищей по несчастью.

Очень содержательный и поучительный денёк получился.

Вечером к нам зашел Игорь, который когда-то жил в нашей квартире.

Его работодатели просили привлечь на завтра одного дополнительного работника, чтобы закончить кое-какие срочные работы. От него я узнал, что сам он работает на этом складе несколько месяцев и уже не один раз, по просьбе работодателей, привлекал на временные работы знакомых ребят. Но сегодня никто не изъявил желания.

Он предложил мне поработать с ним денёк, а заодно и посмотреть, что это за работа. И если мне понравится, то, возможно, я смогу занять это постоянное место после его скорого отъезда.

Особого интереса его предложение у меня не вызвало, тем более, что работа эта начинается с семи утра. Но, обсудив некоторые детали, мы всё же договорились, что встретимся завтра в 6:40 на остановке сабвэя Smith 9-я St.

На следующее утро, я немного запоздал. Если честно — проспал. В условленном месте Игоря уже не было. Пришлось позвонить домой, разбудить кого-то из ребят и расспросить: как найти эту контору. Все ребята, проживавшие в нашей квартире, уже побывали на этом складе в качестве временных работников, и

я получил полное разъяснение о месте нахождения такового.

Весь квартал, куда меня направили, состоял из складов, гаражей и мастерских. Нужное мне место должно быть обозначено вывеской «Plumbing».

Я несколько раз прошёл мимо этого места, пока не разглядел запыленный, выгоревший на солнце рекламный щит. Войдя туда, я встретил пузатого, бородатого, в грязном чёрном сюртуке Карабаса Барабаса. Не дожидаясь его расспросов, я первый спросил, как мне найти Игоря? В ответ, тот приветливо указал мне на соседнюю дверь. Заглянув туда, я нашёл его копающимся в ящике, полном каких-то бронзовых штуцеров. Вид у Игоря был таким же мрачным, как и вся эта кладовка, в которой я его нашёл. Без предварительных переговоров он повёл меня к боссу.

Вернулись мы к тому же Карабасу. Игорь одним словом и пальцем, указывающим на меня, представил нового работника. Карабас взглянул на меня повнимательней, спросил: как меня звать, русский ли я из Москвы, как и Игорь?

Я ответил на его вопросы, и он предложил мне переодеться и приступать к работе.

Игорь завёл меня в классическую заводскую раздевалку с металлическими шкафчиками и замызганными скамейками.

— Здравствуй, Грусть, — подумал я и принял от него старенькие, но относительно чистые штаны и рубашку.

Переодевшись, мы вернулись с ним в ту кладовку, где я нашёл его. Игорь невесело объяснил мне, что надо делать. А надо было, просто навести технический прядок. Перед нами стоял ящик, полный штуцеров, разных форм и размеров, и мы должны были рассортировать их по видам и разложить по отдельным ячейкам.

В общем, если есть о чем поговорить, то можно как-то стерпеть это занятие. Кстати, платить обещали за это тоскливое дело по пять долларов в час.

Спустя полтора часа я уже знал, что Игорь стабильно работает здесь по пять дней в неделю с семи до пяти и за это, в конце каждого дня ему выдают 50 долларов. Работодатели ещё не знают о его намерении съехать вскоре домой, и в этой связи у него было предложение ко мне.

Закончив с ящиком, мы перешли в другой сектор и приступили к сортировке новых видов краников. Ближе к обеду, стало душно. Воздух в этом складе был плотно насыщен специфическим запахом красок, пластика, смазки, металла и пыли. Затхлый воздух и сумерки в узких проходах между стеллажами действовали на меня угнетающе. Стеллажи с бесчисленными полочками и ячейками, были забиты

всевозможными кранами, патрубками, штуцерами… Короче говоря, этот склад — мечта ЖЭКовского сантехника. Говорить нам было не о чем. Время остановилось…

Я загрустил.

В 12 часов Игорь объявил перерыв на 30 минут. Мы вышли с ним из склада на пыльную, солнечную улицу. Посетили ближайшую бакалейную лавку, прикупили молока и булочек.

Вдоль улицы, на которой находился наш склад, на два-три квартала тянулась железобетонная конструкция, по верху которой проходили железнодорожные пути сабвэя. А внизу, под этим инженерным сооружением, в тени, между бетонными сваями, царило социальное дно Америки. В сторонке, на замызганном диване отдыхали двое бродяг неопределенного возраста и пола. Вокруг валялось полно всякого бытового хлама, стасканного сюда обитателями. По всему было видно, что под этой «крышей» кто-то находит себе укрытие от дождей и солнца. Мы с Игорем присели на ящиках, и молчаливо выпили обеденное молоко.

Остаток дня на складе тянулся невыносимо медленно. Стало душно. Хотелось спать. Между тем, там делались какие-то дела. В конторке с кондиционером, где безвылазно заседали двое пожилых ортодоксов-хасидов, постоянно звонил телефон. Приказчик, с которым я встречался утром, лишь изредка посещал нас, чтобы дать новое задание. Большую часть времени он носился по всему складу и раздавал указания двум другим работникам. Один из них — маленький, сутулый мексиканец неопределенного возраста. Другой — молодой, огненно рыжий парниша, остриженный и одетый, как хасид. Наверняка, — обрезанный.

К складу регулярно подкатывали клиенты. Им и отгружали складскую продукцию. Нас всё это абсолютно не интересовало. Всё наше сонное, пролетарское внимание было сосредоточено на оставшемся времени. Краники мы продолжали сортировать уже в каком-то, отупевшем от духоты и однообразия, состоянии. Доработав до пяти часов, мы ушли переодеваться. Игорь показал мне, где можно помыть руки. Туалет с умывальником оказался неописуемо грязным. Похоже, за всё время существования этого склада, здесь никто никогда не убирал и не чистил. Вспомнилась жемчужина у моря — Одесса. Умывальник и унитаз грязно-чёрного цвета, покрыт мыльно-масляным слоем. Стараясь ни к чему не прикасаться, я ополоснул руки и выскочил из этой ужасной кабинки. В раздевалке я встретил приказчика, который дружелюбно выдал нам дневную зарплату. Он поблагодарил за экстренное участие в их складском деле. Я получил свои 45 долларов, так как начал работать на час позднее. Согласно

кивнул шефу, поблагодарил, распрощался, и поспешил на свободу.

На станции метро мы расстались с Игорем. Он поехал в другую сторону, искать какой-то магазин детских игрушек, а я в направлении станции King's HWY.

Добравшись до W 9-й улицы, более всего мне хотелось принять душ. Ребята встретили меня на удивление весело, и стали терзать расспросами о моих впечатлениях о складе.

Я честно ответил им, что едва не погиб там, в постоянной борьбе со сном и грустью. Пока я раздевался, и после душа, мне наперебой рассказывали как они когда-то, также по приглашению Игоря, работали несколько дней на этом складе-могильнике. Оказалось, они, используя преимущества бригадного метода, умудрялись по очереди спать в рабочее время, не прекращая процесса сортировки деталей. А также, они дали мне исчерпывающие характеристики на всех кадровых работников склада и сообщили клички, присвоенные им. Я запомнил, что молодой рыжий ортодокс получил от них кличку «Опарыш». Больше мне не хотелось ничего слышать об этом складе.

Вечером я встретил на крыльце нашего дома супервайзера Эрика, дымящего своей сигареткой.

Тот, с обычной флегматичностью, поинтересовался: как я поживаю в Америке. Я, под впечатлением событий последних двух дней, ответил на его вопрос, применяя ругательства, почерпнутые мною из общения с полицейскими и задержанными. В ответ Эрик лишь грустно улыбался. Вероятно, это означало — «растёт турист!»

Лишь бы о чем-то поговорить, он спросил меня, забрал ли я свои вещи из полуподвальной комнаты, в которой жил ранее? Этим он напомнил мне о кое-каких забытых ценностях. Я уточнил у него, в которой квартире проживает мексиканец, говорящий по-английски.

Позвонил в соседнюю квартиру на первом этаже. Двери открыла молодая, слегка одетая мексиканка. Я спросил её о муже. В ответ она дружелюбно закивала головой и, улыбаясь, затараторила; — No English, no English. Затем, сообразила, что в доме есть муж с инглиш, чуть прикрыла дверь и исчезла в квартире. Через минутку на её месте появился муж. В трусах и с английским. Я спросил его, знает ли он своего земляка, который живёт внизу? Мой собеседник настороженно ответил, что знает его совсем немного. Я ответил, что этого достаточно и объяснил ему, что я хочу от него. Тот повеселел и проявил готовность помочь мне. Мы вместе спустились в подвальное пространство.

Дверь комнаты была раскрыта. Оттуда доносились звуки

мексиканской музыки и запахи той же кухни. Жилец лежал на матраце в ожидании булькающей и пахнущей кастрюльки на электроплитке. Рядом с ним на полу стоял и успешно функционировал, маленький, слегка травмированный кассетный магнитофон с радиоприемником, некогда заботливо подобранный мною на улице. Мой гид-переводчик деловито представил меня испуганно вскочившему амиго и объяснил, зачем я пришел. Тот согласно закивал головой, поспешно выключил магнитофон и стал вынимать из него свою кассету. Я просил перевести, что он может оставить себе магнитофон, если он ему нравится. А сам, выдвинул ящик из вещевого шкафа и нашёл там свой транзисторный приёмник и кассетную деку «Fisher». Тоже, из уличных трофеев. Кроме этого, я отобрал наиболее сочные экземпляры, из сохранившейся коллекции порнографических журналов.

Сложив всё к выносу, я объяснил мексиканцу, что всё остальное — в его полном распоряжении. Особенно рекомендовал обратить внимание на порно журналы.

Моё замечание было принято с веселой благодарностью. Расстались мы по-добрососедски.

Этой ночью я сладко дремал, наслаждаясь тихими звуками ночной музыкальной программы «Smooth Jazz». Мой транзистор вновь вернулся к моей подушке и ощутимо скрасил мою неприкаянную туристическую бытность.

Проснулся я поздновато. На кухне работал телевизор и пахло кофе. Кто-то из ребят был дома. Взбодрившись под душем, я зашёл на кухню. Там, сидя за кофе, убивал время Саша-староста.

— Решил отдохнуть? — спросил я, лишь бы что-то сказать соседу.

— Да, а ты? — подозрительно охотно подхватил он эту тему.

— И я, также.

— Какие у тебя планы на сегодня? — перешел Саша к делу.

— Пока не решил, а что?

— Та у меня тут… Помнишь, я тебе рассказывал про мои водительские права… Через два дня истекает срок, надо что-то предпринять. Как ты смотришь, если вместе посетить эту контору, сегодня? Я плачу за проезд, разумеется.

— Можно, — согласился я, поняв, что Саша не просто кофе пил, а ожидал моего пробуждения.

Саша обрадовался. Предложил выпить кофе и принёс свою штрафную квитанцию.

Из этой казенной бумажки я понял, что надо или платить штраф, или, в случае несогласия, оспорить в суде это административное наказание. Срок, установленный для этого,

подходил к концу. Судиться Саша не собирался. Он лишь просил поехать с ним в контору, где он получал водительское удостоверение, и помочь ему утрясти проблему.

Как я понял, Саша хотел посетить бруклинское управление ГАИ, то бишь, их Department Of Motor Vehicle. Я полагал, что уплатить штраф можно и с любого почтового отделения, но не стал гадать, а просто согласился на предложенную экскурсию.

Место это находилось далеко от нас в сторону Мэнхэттэна. На первом этаже мы по указателю отыскали нужное направление и поднялись на лифте. Контора оказалась очень казённой. Подобные заведения я терпеть не мог. Озабоченный народ шнырял по коридорам, люди что-то искали и ожидали. Обстановка усугублялась ещё и летней жарой. Саша полностью положился на меня, а я сам толком не знал, куда обратиться с этим вопросом. Наконец, я отыскал службу информации. К этим окошкам тянулись живые очереди таких же, как мы. Долго ожидать не пришлось. За стеклянным окошком заседала молодая, чёрная, девушка в форме и с уставшими глазами. На её вопросительный жест, означавший готовность выслушать нас, я подал ей в окошко Сашино водительское удостоверение и попросил проверить, действителен ли документ? Квитанцию пока придержал при себе. Саша стоял рядом. Барышня, молча, приняла удостоверение и обратилась к своему компьютеру. Получив ответ, она пробубнила низким голосом диагноз, из которого я понял, что сегодня и завтра эта лицензия ещё действительна…

— Завтра суббота, никто не работает, поэтому вам следует сегодня подать заявление в административную комиссию и оспорить наказание, если вы не согласны с ним.

Она указала нам, где мы можем найти адвокатов, занимающихся такими делами. Я коротко передал всё это Саше. Мы дружно решили, что спорить не о чем. Адвокаты, какие-нибудь хлыщи, конечно же, возьмутся за наше безнадёжное дело и тогда Саша потеряет значительно больше. Саша хотел просто уплатить этот злополучный штраф и быть уверенным, что сохранил свою водительскую лицензию.

— Мы бы хотели просто заплатить штраф, — снова обратился я к барышне.

— Тогда, какие проблемы? Платите 60 долларов и вопрос закрыт, — ответила она.

— Где мы можем это сделать?

— Можно и здесь.

Саша протянул ей в окошко заготовленные 60 долларов. Она приняла их и снова обратилась к компьютеру. Спустя несколько секунд, она вернула нам карточку водительского удостоверения с

квитанцией об оплате штрафа.

— Готово, — подвела она итог Сашиному делу.

Покидали мы это место с радостью. Саша вышел оттуда с чувством облегчения, в прямом и переносном смысле. Разрешенная проблема улучшила его настроение, и он поделился со мной новой затеей.

Он давно хотел приобрести себе фотоаппарат. Но не пластмассовую мыльницу-автомат, а полноценный, с хорошим объективом. Кое-что он уже присмотрел, но хотел бы, чтобы я помог ему в переговорах с торговцами. И место это, оказалось, рядом. Это был район сплошных магазинов, среди которых, действительно, многие торговали фото-видео и аудиоаппаратурой. Не выходя из квартала, мы посетили несколько магазинов. Саша показал, что и по какой цене ему хотелось бы купить. Судя по реакции продавцов, торг здесь был вполне уместен. Сашина фото-мечта оценивалась не менее 200 долларов. Так как необходимой суммы он при себе не имел, то покупку отложили до следующего раза.

Мы сами не заметили, как дошли до края Бруклина к East речке и направились к ближайшему мосту, чтобы перейти в Нью-Йорк. На этом мосту нам не приходилось раньше бывать. По карте мы определили, что это Manhattan Bridge, который находится между Williamsburg и Brooklyn мостами, ближе к Бруклинскому.

(Манхэ́ттенский мост (англ. Manhattan Bridge) — висячий мост, пересекающий Ист-Ривер и соединяющий районы Нью-Йорка Манхэттен и Бруклин. Он расположен между Бруклинским и Вильямсбургским мостами. Построен в 1909 году и 31 декабря того же года был открыт для движения. Спроектирован Манхэттенский мост Леоном Мойсейфом, который позже спроектировал неудачный мост Такома-Нэрроуз (англ. Tacoma Narrows Bridge), открытый и развалившийся в 1940 году. Манхэттенский мост — двухъярусный. На верхнем ярусе находится проезжая часть для легкового транспорта. По нижнему уровню проходят ветки B, D, N и Q нью-йоркского метро (4 железнодорожных пути), а также имеются тротуары для пешеходов и велосипедные дорожки.)

Уже шагая по мосту, мы заметили, что кроме нас здесь никого нет. Ни автомобильного, ни пешеходного движения. Мост казался не функционирующим. Пройдя далее, мы обнаружили все признаки реконструкции, возникло сомнение, что мы сможем перейти по этому мосту на остров Мэнхэттэн. Скоро всё выяснилось. Приблизившись к передвижному вагончику, мы увидели отдыхающих в тени рабочих-строителей. Те выразили

удивление, тому, что мы не знаем о реконструкции моста.

В ответ на мои намерения всё же воспользоваться аварийным мостом, в виде исключения, они стали, в разных формах объяснять нам, что таковое невозможно. Я это уже и сам понял, но уж больно неохота было возвращаться, и затем ещё шагать к ближайшему Бруклинскому мосту.

Я начал задавать дурацкие вопросы о том, как же нам теперь попасть в Нью-Йорк, надеясь, что нас пропустят. Один, вероятно старший, стал серьёзно объяснять нам, как лучше пройти к ближайшему мосту. Другие рабочие шутили, типа «нам бы ваши проблемы», при этом, частенько применяя глагол «fuck».

Расположение Бруклинского моста мне было известно, и в подробных разъяснениях я не нуждался. Оставалось поворачивать обратно и уходить. Расставаясь с бригадой рабочих, я спросил их, что означает, так часто применяемое ими слово «fuck»? Мой вопрос, заданный им вполне серьёзно, на какой-то момент озадачил бригаду. Затем, бригадир, посмеиваясь, ответил, что находит мою шутку забавной, но мост этот всё же следует покинуть. Кто-то из рабочих советовал мне спросить об этом у своих родителей. Я поблагодарил их и обещал так и сделать.

Пришлось возвращаться.

Добравшись до Бруклинского моста, мы влились в праздный пешеходно-велосипедный поток.

Мне чаще приходилось переходить через East River по Вильямсбургскому мосту. Сооружение мрачноватое, соединяющее пыльный торгово-промышленный район Бруклина с нижним восточным Нью-Йорком (Low East Side). Обе стороны этого моста с отталкивающими следами местных обитателей. Иными словами, туристической достопримечательностью Вильямсбургский мост не назовёшь.

Другое дело, мост Бруклинский. Его строительство начали ещё в 1869 году, а закончили в 1883. И возраст этого сооружения, и вид Нью-Йорка, открывающийся с этого моста, — всё это привлекает туристов и прочих праздных бездельников, фотографов, художников.

(Бру́клинский мост (англ. Brooklyn Bridge) — один из старейших висячих мостов в США, его длина составляет 1825 метров, он пересекает пролив Ист-Ривер и соединяет Бруклин и Манхэттен в городе Нью-Йорк. На момент окончания строительства он являлся самым большим подвесным мостом в мире и первым мостом, в конструкции которого использовались стальные прутья. Первоначальное название — Мост Нью-Йорка и Бруклина (англ. New York and Brooklyn Bridge). По мосту осуществляется как автомобильное, так и пешеходное движение

— вдоль он разделен на три части. Боковые полосы используются автомобилями, а средняя, на значительном возвышении, пешеходами и велосипедистами. В 1964 году мост попал в список Национальных Исторических достопримечательностей.)

С Бруклинского моста в Нью-Йорк спускаешься к внушительному зданию суда. А, пройдя немного выше, попадаешь в суету China Town. Не задерживаясь в китайских торговых кварталах, мы, без определенной цели, прошли далее вглубь острова.

По пути Саша поведал мне об ещё одной проблеме. Оказывается, где-то здесь неподалеку, есть контора по трудоустройству. Когда-то, он вступил в договорные отношения с одним из агентов и тот, получив предоплату (что любят везде), обещал найти для Саши работу. Так как, в настоящее время Саша уже не нуждался в его запоздалой услуге, то хотел бы поинтересоваться о своих деньгах, и если можно, получить их обратно. У Саше даже квитанция об оплате оказалась при себе. Мне было любопытно посмотреть эту контору, а заодно, встретиться и поговорить с посредником.

Место это находилось где-то в районе 14-й улицы. Войдя в это здание, я сразу заметил признаки биржи труда. Поднялись на 2-й этаж. Там размещались множество офисов. По количеству и содержанию объявлений, вывешенных везде, нетрудно догадаться, что все эти конторы промышляют посреднической деятельностью между работодателями и работниками. Объявления содержали списки вакантных рабочих мест, с кратким описанием условий работы и координаты посредника, к которому следует обращаться. Среди этих объявлений мы нашли имя Сашиного агента. Время было уже далеко за полдень. Рабочий день здесь фактически закончился. Продолжалась лишь кое-какая возня отдельных клерков и запоздалых посетителей, подобных нам.

Но по всему было видно, что с утра здесь собирается немало народа.

Нужный нам офис был ещё открыт. Я заглянул туда и спросил, где могу найти такого-то кадра. Но мне ответили, что сегодня его уже не будет здесь. Советовали подойти с утра.

Больше мне не пришлось бывать здесь. Но как рассказал мне Саша, рабочих мест здесь предлагается немало. Но надо иметь разрешение на работу, да и английский язык очень даже желателен. Условия трудоустройства различны. В одних случаях, посредники хотят получить оплату за свои услуги с работника, в других случаях, — с работодателя. Но, вероятно, стараются получить с обеих сторон.

Ближайшие несколько дней я не предпринимал никаких трудовых усилий. Погода стояла жаркая. Засыпал я поздно. По ночам смотрел телевизор, компенсируя недопонимание американского языка обильным потреблением прохладительных комбикормов. Телевизионные зрелища лучше воспринимались в сочетании с объёмной миской, наполненной кормами собственного приготовления. Основными пищевыми компонентами были: молоко, мороженое, кукурузные хлопья, изюм, виноград, бананы, арахис. Внешне мои блюда выглядели неприглядно, но по содержанию и вкусовым качествам, как говорится, спор о вкусах неуместен.

Я только успевал прикупать галлоновые ёмкости с молоком и упаковки различных видов недорогого мороженого. Цены на кукурузные хлопья меня глубоко возмущали. Зато, с бананами и прочими фруктами вопрос был решен положительно.

Раза два в неделю я посещал известную пекарню и, на радость себе и своим соседям, заполнял треть холодильника кондитерскими изделиями.

Валентин и Саша показали мне фруктовые лавки, где в определенное время вечером можно за символическую цену или вовсе бесплатно затовариваться критически созревшими бананами, персиками и рассыпным виноградом.

По ночам я полу спал, полу слушал — тихо мурлычущий транзистор. А утром просыпался поздновато и вяло. И вообще, настроение было нетрудоспособное. Я связывался с себе подобными — Славкой или Юрой и убивал день где-нибудь на Брайтон пляже или в каменных джунглях Нью-Йорка.

В один из таких дней, я привёл Влада к Оноде в гостиницу, и был свидетелем того, как хохол разговаривал с японцем на его языке. Онода был удивлён не менее моего. Я спросил: как он оценивает такой японский, и Онода уважительно заметил, что для европейца это вполне приличные знания японского языка.

Но Онода долго не задержал своё внимание на украинском чуде в центре Нью-Йорка, а перешел к вопросам бизнеса. Для начала, он предложил перейти на другую сторону 8-й авеню и занять столик в ресторане МакДональдс. С собой Онода прихватил, уже знакомый мне дипломат с картинками. Заседая в ресторане, на этот раз, Онода охмурял Влада, а я радовался жареному картофелю с кетчупом и созерцал уличную суету. Я был искренне рад, что они нашли общий язык (японский) и, что деловые предложения Оноды заинтересовали Влада. Это избавляло меня от участия в обсуждении. Но расслабился я преждевременно. Для меня было неожиданностью, что они решили ехать прямо сейчас в Квинс, где у Оноды, якобы,

давнишние, надёжные точки по реализации картинок. Я ссылался на занятость и сопротивлялся, как мог. Но Влад, поверивший в этот бред, уж очень просил поехать с ним. Учитывая их просьбы, взятые Онодой на себя транспортные расходы и некоторое любопытство к Квинсу, где я толком не бывал, — я согласился. Что будет далее, я уже знал наперед. Поэтому мне хотелось лишь одного, — чтобы Онода как можно побыстрей провёл свой бизнес урок и оставил нас «подумать об этом».

Заехали мы в какой-то безликий район. Онода стал водить нас по всяким заведениям: магазины, парикмахерские, ресторанчики и прочие конторы. Там он демонстрировал скучающим работникам свои картинки. В нескольких местах ему повезло. Встретились знакомые, и он уговорил их что-то купить. Ему сделали одолжение. Он советовал нам продолжать в том же духе, а сам же, убежал на остановку сабвэя, сославшись на необходимость возвращения на работу.

К моему сожалению, Оноде удалось увлечь этим делом Влада, и тот, поверив в перспективы быстрого обогащения, пошёл «в народ». Однако вялая реакция потенциальных покупателей быстро охладила коммерческий энтузиазм Влада.

Мы сидели в прохладном вагоне и катили в свою Бруклин-зону. Влад не оставлял надежду на успех и уже строил какие-то прожекты на этот счет. На какой-то станции мы расстались с ним.

В другой, такой же бездельный день, мне позвонил Славка и чуть позже подъехал. Он приглашал меня посетить колледж где-то по соседству с Брайтон Бич. Хотел выяснить условия приема туда таких глухонемых беженцев, каким был сам. Учиться там, как я понял, он не собирался. Кто-то из соотечественников подсказал ему, что в случае поступления на учёбу и предъявления об этом справки в соцобес, он может рассчитывать на какие-то дополнительные дотации. Его участие в израильском ковровом бизнесе закончилось на днях, о чём он сожалел. И теперь, Славка искал другие дополнительные источники существования.

Не могу припомнить название этого колледжа. От Брайтон Бич мы прошли в сторону соседнего района Sheepshead Bay. Где-то там, на берегу, мы нашли модерновое здание. Вокруг суетилась молодёжь. Это был период приема документов. Мы изучили информационные объявления, и присели в столовой. Коротая время за столиком, мы поклёвывали необычный, в моем понимании, студенческий обед и лениво соображали, что можно предпринять. Слава нещадно ругал дурацкие правила в этой столовой. При расчёте на кассе у него отказались принять его беженские продуктовые карточки (food stamps), и пришлось платить наличными, которые у него предназначены строго для

покупки пива, бензина и сигарет. Возмущаясь этим фактом, он поведал мне, что уже знает немало продовольственных точек в Бруклине, где можно на продовольственные карточки покупать не только продукты, но и пиво, сигареты. С некоторыми, конечно, поправками в расчётах, в пользу продавца. А в этой студенческой столовке ещё выпендриваются, как будто они не Бруклине, а где-то в Принстоне.

Из столовой вышли в сторону берега и оказались на тихом, уютном пляже. Людей было мало. Мы (в своих спальных трусах) с удовольствием искупались, а затем присели на горячую скамейку и часок грелись-сушились.

Когда мы вернулись в учебную канцелярию, я уже смутно помнил, что мы хотели здесь узнать. Нужный нам офис был открыт. В разговоре с женщиной я узнал, каковые условия поступления и обучения в этом колледже для лиц, не владеющих английским языком. Коротко говоря, Слава мог бы пройти предварительное тестирование уровня (умственного) и за какую-то плату его зачислили бы в группу ему подобных, и обучили языку. Проблема лишь в том, что оплату за учёбу там, продовольственными карточками не принимали. Хотели обычные деньги. С таким условием Славка был категорически не согласен.

Зато мне очень понравилось разговаривать с этой тётей. Её речь была правильной и понятной. Она отвечала на мои вопросы без киношного выпендрёжа и модных ругательств. Я даже поверил в существование другой, здравой Америки.

Вернувшись, домой вечером, я застал на кухне компанию.

Пришел Игорь со своей подругой. Они посетили Сашу по случаю их завтрашнего отлёта в Москву. Все они были уже тёплыми. И разговоры их сводились к воспоминаниям о том, как год назад они осваивали новую, туристическую жизнь. Случайно присутствуя на этих проводах, я почерпнул для себя то, что зимой здесь нежарко. Если же нет постоянной работы в помещении, то на пляже или на теннисных кортах время не убьешь. Режим был спартанский. Щедрым отоплением зимой в этом доме не баловали.

Послушав их, я вспомнил басню о стрекозе, которая лето красное пропела, оглянуться не успела. Здесь же на кухне, с банкой холодного пива, я решил для себя, что зимой мне здесь делать нечего и до наступления холодов следует сбежать в тёплые края. Возникли тягостные думы о моих более чем скромных сбережениях. Настроение приопустилось. Вспомнил, что уже несколько дней я даже не предпринимал попыток подработать. Мне захотелось оставить их компанию и пойти прогуляться, обдумать план на ближайшее будущее.

Я распрощался с Игорем и собрался уходить, но он спросил: интересует ли меня его предложение?

— Какое ещё предложение? — не понял я.

— А помнишь, я предлагал тебе зайти на склад, где мы работали, сообщить боссу о моём экстренном отъезде и занять моё постоянное рабочее место?

Напоминание об этом складе ухудшило моё, и без того кислое, настроение.

— Будь другом, сделай это завтра, если сможешь, — просил меня Игорь. Расскажи им какую-нибудь уважительную, семейную историю, в связи с которой, я был вынужден так поспешно вылететь.

— Но почему бы тебе самому не объясниться со своими боссами? — поинтересовался я.

— Я до последнего дня точно не знал, когда вылетаю, и не хотел морочить им голову со своими способностями изъясняться, — пудрил мне мозги Игорь.

— А телефон ты их знаешь?

— Телефон где-то у меня записан, но я никогда не звонил им. Да и не думаю, что это будет удобно. Лучше, если бы ты заехал туда и объяснил им. Кто знает, может быть тебе это место понравится, и ты поработаешь у них.

— Хорошо, я всё сделаю, как ты просишь, — неохотно обещал я Игорю.

Мысль о поездке туда и посещении склада-душегубки была мне глубоко противна. Получалось, что завтра я должен проснуться пораньше, прибыть на тот вонючий склад, сообщить хозяевам об отъезде Игоря и предложить себя на его место. В конце концов, это не смертельно, недельку можно потерпеть. Если меня ещё возьмут на эту должность, — думал я.

С этой мыслью я и переспал ночь.

Рано утром, в потоке себе подобных, я переехал сабвэем в тот пыльный промышленный район. К складу я пришёл в начале восьмого, въездные ворота были уже открыты. Как и в тот раз, первый, кого я там встретил, был приказчик. Он показался мне добрым и неглупым товарищем. Я решил, что мне следует вести переговоры именно с ним. Я заметил удивление на его бородатой физиономии, когда он увидел меня, вместо запаздывавшего Игоря. Мы поздоровались, и я передал ему легенду исчезнувшего работника. Он выслушал и спросил меня, насовсем ли тот уехал, или ещё вернется? Я выразил своё предположение, что он больше не вернется. Я уже всё рассказал. Нового вопроса не последовало, возникла пауза. Приказчик о чём-то соображал, он был озадачен.

— Тогда я пошёл, — заполнил я паузу. — Если вам нужен будет работник, я могу оставить свой телефон.

— Погоди-ка минутку, — наконец, что-то придумал приказчик и ушёл в контору к старшим партнёрам-единоверцам.

Там они в срочном порядке обсудили возникшую ситуацию. В процессе решения этой проблемы они украдкой поглядывали на меня. Вернулся он с готовым ответом.

— О.К. если ты согласен поработать у нас, тогда завтра подходи сюда к 7 утра. Работать будешь до 17. Платить мы будем по 50 за полный день. Суббота и воскресенье — выходные. О.К? А если можешь начать уже сегодня, — будет ещё лучше.

Я задумался относительно сегодняшнего дня. Планов у меня никаких не было, но и желания остаться здесь до вечера, тоже не было. Мне стоило немалых усилий убедить себя в том, что раньше начну — раньше закончу, и заставить себя сдаться на месте и сейчас же. Я дал согласия приступить к работе. Меня провели в уже знакомую мне раздевалку, предоставили шкафчик для одёжки и познакомили с коллегами.

Это были кадровые, то бишь, постоянные работники. Мексиканец, который за восемь лет работы на этом складе, кроме профессиональных навыков, обрёл ещё и специфическую внешность. Неисправимая сутулость и мутно-сонные глаза, мне кажется, были следствием его длительного пребывания в складском помещении.

И молодой, рыжий хасид, который работал там первый год.

Кроме уже знакомого мне, рутинного дела — сортировки деталей, меня начали привлекать и к прочим функциональным обязанностям.

Суть их бизнеса заключалась в оптовой и розничной торговле техническими комплектующими. Это требовало постоянного учёта прихода и расхода, чем и занимались двое старшин в офисе с кондиционером и компьютером. Приёмом поступлений, выдачей товара покупателям, а также, текущей организацией хранения, заправлял приказчик, в распоряжении которого мы и суетились.

Теперь меня привлекали к разгрузке доставленных на склад труб, кранов и прочих сантехнических деталей. После разгрузки, всё должно быть разложено по соответствующим полкам и ячейкам, количество которых мне казалось умопомрачительным. Основными гидами в этих дебрях наименований и размеров были приказчик и мексиканец. Если возникали какие-либо сомнения или сбои в их профессиональной памяти, тогда приказчик доставал из внутреннего кармана сюртука свою электронную записную книжку и извлекал из её памяти данные о местонахождении нужной детали. Надо отметить, что отвечал он на наши служебные вопросы очень дружелюбно. Охотно делился своими складскими знаниями и был искренне рад, когда именно с его помощью разрешалась какая-то задача. Справедливости

ради, надо заметить, что и мексиканец ориентировался в складских лабиринтах не хуже приказчика и без электронной шпаргалки.

Но было очевидным, что выше должности складского работника-подсобника мексиканцу не прыгнуть. Тому были серьёзные причины. Он не соответствовал их компании по национальным и религиозным признакам. При добром отношении к нему работодателей, нетрудно было заметить тщательно соблюдаемую дистанцию и субординацию. Его место в их семейном бизнесе было строго определено. Образовательный уровень мексиканца и его разговорный «Pidgin English», также были недостаточны для управленческой работы. Я полагаю, быть ему на этом складе «хорошим работником» до конца дней своих. Знания, которыми он располагает, применимы и имеют какую-то профессиональную ценность, только на этом конкретном складе. Ибо, в условиях другого, подобного торгового предприятия, порядок и организация хранения будут иными. И чтобы заслужить на новом месте такого статуса и жалования, какие он уже имел на этом складе, ему придётся долго потеть. Он понимал это и ценил то, что есть. Понимали это и его, более образованные бородатые хозяева.

Второй подсобный работник пока едва ориентировался в этом деле и хозяйстве. Но он имел ряд преимуществ перед ветераном труда — мексиканцем. Он был, как говорят в Одессе — своим человеком. О чём свидетельствовали его рыжая остриженная голова с прилежно завитыми пэйсами, стандартные чёрный сюртук, брюки, башмаки и шляпа. И так при любой погоде. Этот мог не знать, где что лежит и путаться в наименованиях, но он был вхож в офис. Да, что там в офис. Если они каждую субботу шабаши вместе празднуют, молятся одному Богу, говорят на своем языке и, наверняка, состоят в каком-то родстве. Если хозяева решат расширить дело и потребуются дополнительные партнёры, то в долю предложат войти не «хорошему работнику», ветерану мексиканцу, а своему соплеменнику и единоверцу. Мексиканец останется на своём месте, среди стеллажей.

Опарыш, как его ласково окрестил Саша, тоже всё понимал и очень хотел освоить складское дело. Я мог наблюдать за ним, когда мы работали в паре. Если он не знал где находится нужная деталь и не находил подсказку в своём блокноте-шпаргалке, то обращался за помощью к приказчику, либо бежал прямо в офис к паханам, где и получал их отеческое наставление из памяти главного компьютера. К мексиканцу с вопросами такого рода он никогда не обращался.

По мере сотрудничества с Опарышем, мы познавали друг

друга всё больше. В отличие от мексиканца, с его специфическим английским, вялой замкнутостью и сосредоточенностью на работе, рыжебородый Опарыш активно проявлял своё любопытство к русскому атеисту, и скупо рассказывал о себе. Оказалось, он лишь несколько лет живёт в Америке, а прибыл сюда из Шотландии. Свои впечатления об Америке он высказывал очень осторожно, зато очень охотно и внимательно слушал меня. Он соглашался и горячо поддерживал мнение о том, что Нью-Йорк медленно, но верно превращается в опасные джунгли. Анти социальное поведение определённой категории жителей, этого города-монстра глубоко возмущала моего коллегу. Он откровенно признался мне, что некоторых, особо опасных, он и людьми не считает. Оспаривать его мнение я не стал.

Каждый день по десять часов мне приходилось заниматься одним и тем же. Разгрузка и сортировка по местам хранения. И в обратном направлении: поиски по списку-заказу и отгрузка покупателю. Эти десять часов казались мне вечностью. Я больше уставал не физически, а от ожидания окончания рабочего дня. В конце каждого такого дня, управляющий вручал мне, как кость, мои договорные 50 долларов. И я, переодетый в свои шорты (символ независимого туризма), выскакивал из склада, подобно, выпущенной на выгул собаке. Иногда, я даже отказывался от услуг общественного транспорта и шагал домой пешком.

Остаток дня пролетал быстро и незаметно, а на следующее утро, к семи часам, я должен снова быть на складе. И так, пять дней в неделю. Суббота и воскресенье были моими!

Особого рвения в освоении складского дела я не проявлял. Моей программой максимум было продержаться на этих само принудительных работах пару недель, чтобы подсобрать сумму, достаточную для переезда в другие места. Приказчик же, постоянно расширял круг моих обязанностей и вводил меня в курс дела. Между делом, он иногда «заезжал» с вопросами не по работе. Где и как я живу, чем занимаюсь в свободное время? Спрашивал он аккуратно, тактично.

В общем, этот толстый, бородатый парниша мне всё больше нравился, и как мой непосредственный начальник, и как человек. Но мне следовало помнить, что для них я всегда буду русским атеистом, инородцем, одним из тех, кто у себя на коммунистической родине «преследовал» их единоверцев. Мне даже показалось, что обо всех наших разговорах, Опарыш докладывает ему, а он уже восполняет своё представление обо мне дополнительными расспросами.

Если верить Саше, то этот толстый интеллигентный приказчик, сам-то с немалыми моральными усилиями

адаптировался в этом складе. Якобы, раньше он выучился и уже начал практиковать, как стоматолог. Но получил от какого-то родственника долю в этом трубном деле. Дело было хорошо налажено, и родственники рекомендовали отнестись серьёзно к участию в нём. В конце концов, решили, что ему следует оставить начатую им практику дантиста и посвятить себя продолжению семейного бизнеса. Теперь он с карманным компьютером у сердца, в грязном сюртуке и очках, поддерживаемых резиночкой, управляет на складе, двумя постоянными и одним случайным работниками. Надо признать, делал он это толково. Без лишней суеты и шума, всегда тактично и дружелюбно.

Я полагал, он имел достаточно верное представление о каждом из нас, о наших мотивах и целях на этом складе. Соответственно этому представлению, каждому работнику отводилось место, жалование и возможные перспективы.

Мои перспективы на этом складе я определил себе сам: пару недель, если выдержу.

Мой режим стабилизировался. С 7 до 17 я отбывал десятичасовой срок на складе, а оставшиеся часов 5–6 были в моем распоряжении. Посетить спорт — парк на East 14-й и поиграть с кем-нибудь в теннис — это уже было роскошным развлечением. Ракетку я себе так и не приобрел, но подумывал об этом. Обычно, таковую предоставлял мне мой польский партнёр.

Однажды я нашёл его на кортах уже играющим с другим игроком, и я удалился с его запасной ракеткой поупражняться против стены. Там обычно страдали начинающие теннисисты-физкультурники, а они нуждались в пространстве. В этот вечер моей соседкой по упражнению оказалась женщина средних лет, склонная к полноте. Мяч упрямо не слушался её, но она настойчиво боролась с ним, и со своей полнотой. Делить с ней стенку было неудобно, ибо ей одной не хватало места. Она это поняла и тихо отошла в сторонку, чтобы не мешать. Я оценил её тактичность, да и особого интереса к этому теннисному самоистязанию у меня не было. Дал ей понять, что уступаю ей всю стенку. И был удивлен её полным невосприятием русского языка. Я подбодрил её тем, что все неизбежно проходят через этот начальный, рутинный этап освоения тенниса. По её просьбе, поделился с ней любительским опытом и показал, как ей лучше справиться с этим безрадостным, но полезным упражнением. Опробовав мои бесценные советы на стенке, уже минут через десять, она захотела испытать свои навыки на кортах. Просила поиграть с ней, пока не стемнело.

Представляя себе нашу «игру», я напомнил ей, что освободившиеся корты без сеток. Но её это не смущало, она

хотела меня и без сетки. Я не смог отказать. Похоже, я был первый, с кем она познакомилась в этом парке. Её наивный энтузиазм с намерением принести в следующий раз веревочку, вместо сетки, выглядел забавно в условиях советско-китайского теннисного движения.

Долго она не терзала меня своим партнёрством, так как, скоро сама признала, что ей уже трудно разглядеть мяч в сумерках. Да и мне пора было возвращать ракетку. Но она осталась довольна этой случайной тренировкой. Ей хотелось и в будущем продолжать наши занятия. Оставила мне свой телефон. Я тоже записал ей свой, предупредив, что, вероятно, на её звонки там не всегда смогут ответить на вопросы. Её это не смущало.

Все мои соседи были дома. Меня встретили с новостями.

Костя, который и так-то, последнее время почти не жил с нами, пришёл за своими вещами, с намерением переехать на другое место жительства. А Валентин сегодня уже выкупил билет на 2 августа. Нам было о чём подумать с Сашей.

В этот вечер, в разговорах обо всём, возникла тема о транспортных расходах. Кто-то из ребят показал на карте остановку I Ave. на линии поезда F, и объяснил, что один из входов на платформы временно закрыт. Но закрыли лишь металлические решетчатые ворота, над которыми достаточное пространство, чтобы перемахнуть через эти ворота.

Вход этот расположен на безлюдном перекрёстке, поэтому его и закрыли, что пользовались им крайне редко. Неудобство заключалось лишь в том, что через этот вход попадаешь на платформу, перед которой останавливаются поезда, следующие в нижний Бруклин, то есть, в сторону нашего жилья и далее до Брайтон Бич. Нас же, больше интересовало противоположное направление, а для этого надо было перейти на другую сторону. Сделать это можно через переход, мимо застекленной конторки, в которой скучает служащий метрополитена, со своими бронзовыми шайбами по доллару с четвертью. Остановка эта тихая, и служащий просиживает там без дела. Поэтому, появление одинокого пассажира, преходящего на другое направление, может вызвать у него нездоровое любопытство. Во избежание лишних вопросов, рекомендовалось; проникнув через закрытые ворота на платформу и, желая ехать в противоположном направлении, следовало дождаться поезда. А после его остановки перейти на платформы другого направления, как пассажир, сошедший с этого поезда и пожелавший ехать обратно.

Хорошо помня предупреждения чёрного полицейского, мне очень не хотелось бы попасть в капкан повторно, но

местонахождение этой остановки и рекомендации соотечественников я запомнил, на всякий случай.

Спустя пару дней, мы с Сашей вернулись к вопросу о том, как нам жить дальше. Я поделился с ним своими соображениями о переезде во Флориду, с наступлением осени. Сашу это заинтересовало. Он признался, что ему крайне не хотелось бы снова зимовать в Бруклине, но в плане переезда в другие места, он чувствовал себя неуверенно. Я успокоил его, заверив, что при наличии средств, беспокоиться здесь не о чем.

На данный момент, нам необходимо было срочно реорганизовать нашу жилищную коммуну, ибо оставаться проживать здесь лишь вдвоем — материально обременительно. Саша согласился с моим замечанием и выдвинул конкретный план. Суть которого, в следующем. Более года назад, когда Саша с Игорем арендовали эту квартиру, они внесли хозяину, в качестве залога, одномесячную рентную плату за последний месяц. Эта рентная плата так и находится у хозяина и позволяет нам прожить её, заявив об освобождении этой квартиры по истечении месяца.

В течение года, другие сожители, подселявшиеся в эту квартиру, частично компенсировали им этот взнос за последний месяц. Если первого августа, вместо очередной рентной платы, за которой явится хозяин, заявить ему, что август будет нашим последним месяцем проживания, то в качестве оплаты ему останется изначально внесенная одномесячная рентная плата. Но первого сентября мы должны будем освободить эту квартиру. Меня такой план вполне устраивал.

Первого августа, Саша сообщил мне, что он уже огорчил хозяина-грека этой новостью.

В нашей квартире стало просторно и тихо. Возвращаясь со склада, я купался под душем и залегал со своим транзистором на диване. Иногда, кто-нибудь звонил или заходил ко мне и тогда я возвращался домой поздно вечером.

Регулярно, после работы, меня вычисляла по телефону моя теннисная подруга — Мэгги, с веревочкой вместо теннисной сетки и очках на подслеповатых глазах. Благодаря её не очень-то острому зрению, наши, вернее — её, теннисные тренировки с каждым днём становились короче, по мере заметно сокращавшегося светового дня.

Старалась она во время наших свиданий от души! Но мячи непредсказуемо разлетались от её усердия, а мне приходилось реагировать на них. Тем не менее, она высоко ценила моё дружеское участие и содействие её спортивным устремлениям. Как она заметила, я лучший партнёр и учитель из всех, кого она

знала. Вероятно, потому что со мной она играла через веревочку, а не через сетку, и бесплатно.

Она уже знала о моём текущем профессиональном занятии трубопроводным бизнесом. И, по-моему, достаточно верно представляла себе, как я «люблю» свою работу на складе.

Как и большинство американцев, она подбадривала меня, мол, не падай духом и не задерживайся на месте, которое тебе не нравится. Ищи и постоянно продвигайся к своей цели. Участие американцев в подобных вопросах, ведающих об иммиграционных проблемах лишь понаслышке и из фильмов, всегда отличалось каким-то наивным оптимизмом. Мэгги была ярким представителем таковых.

Я вежливо слушал её советы, а утром сонный, поругивая весь Бруклин и самого себя, ехал на склад. Большую часть времени мне приходилось работать с Опарышем. Я понемногу осваивал пространство склада и запоминал многочисленные технические наименования и прочие данные.

Мой напарник с трудом скрывал досаду, когда в поисках нужного крана или колена, я находил искомую полку на стеллажах раньше, чем он отыскивал нужную запись в своей шпаргалке.

Когда мы не могли отыскать что-то, то обращались за помощью. Опарыш бежал в офис к своим старшим наставникам, а я отвлекал, молчаливо копающегося где-нибудь по близости, мексиканца. Мексиканец, услышав лишь наименование и размер, сходу указывал мне, на какой полке это находится. Когда возвращался Опарыш, а задача была уже решена, он очень переживал. Особенно расстраивался, когда он возвращался в сопровождении приказчика, готового помочь ему, а в этом уже не было необходимости. Дело было сделано. Приказчик, в таких случаях, добродушно посмеивался, мол, ему скоро здесь нечего будет делать. Только Опарышу было не до шуток! К своей службе он относился ревниво, и подобные ситуации серьёзно огорчали его. Он становился молчаливым и мрачно ревнивым.

В конце одного из таких рабочих дней, когда мы загружали грузовой микроавтобус, вероятно, уже последнего в этот день покупателя, вопрос о моей дальнейшей «карьере» в этом бизнесе решился быстро и болезненно. Мы должны были отгрузить несколько чугунных труб разного диаметра.

Делали мы это всегда в определенном порядке. Сначала загружали трубы большего размера, а затем, трубы поменьше задвигали внутрь первых. Таким образом, компактно и рационально используя грузовое пространство автомобиля. Тот, кто заносил передний конец трубы, вставлял его в большую

трубу, а который сзади, задвигал.

Когда я оказался спереди, я брался правой рукой в перчатке за край трубы, пальцами вовнутрь. Затем, вставлял меньшую трубу в большую, убирал свою руку, а мой напарник сзади, заталкивал трубу вовнутрь. Делали мы это быстро, почти машинально, меняясь местами. Я не думаю, что мой коллега сделал это умышленно, скорее, в спешке по неосторожности. Но при погрузке очередной чугунной трубы, не успел я полностью убрать свою руку, как тот сзади, на какую-то долю секунды, преждевременно двинул её вперед. Один палец моей правой руки оказался между торцами двух труб. Угодило по кончику безымянного пальца, точно по ногтю! Одновременно с горячей болью, я мысленно поблагодарил себя за перчатку и пожелал себе, чтобы повреждение не было серьёзным. Я от всей души выругался в адрес Опарыша, труб и всего этого вонючего хасидского склада, к которому у меня изначально не лежала душа. Ушёл в грязный туалет, где был умывальник. Место ушиба так пекло, что мне хотелось охладить свой раненый палец холодной водой. Зашибленное место быстро темнело, а боль усиливаться. Мякоть была повреждена не сильно, однако, боль беспокоила. Я надеялся, что кость не была повреждена, а уж боль и ноготь можно зализать.

Мои коллеги, мексиканец и Опарыш интересовались, как я там со своей травмой? Вместе осмотрели мой посиневший и припухший палец, но никто из нас не мог точно определить степень повреждения, особенно кости.

Пока мы вымыли руки и переоделись, о случившемся, узнали наши работодатели. Они оперативно проанализировали ситуацию, и спрогнозировали возможные осложнения, которые могу возникнуть, обратись я за медицинской помощью и укажи: где и как это случилось. Приказчику было поручено уладить отношения со мной. Тот смущенно посочувствовал мне и выразил надежду на благополучное и скорое выздоровление. Затем, он неловко объяснил мне, что коль в ближайшие дни, работы ожидается значительно меньше, то я могу завтра не выходить на работу. А спустя какое-то время, когда заживёт мой палец и оживится их бизнес, они позвонят мне и пригласят на работу. О моём телефонном номере он не спросил. Меня это не удивило. Мне вручили традиционный полтинник за отбытый рабочий день и распрощались со мной. Мои работодатели очень надеялись, что наши трудовые отношения не получат скандального продолжения.

Я ушёл от них с большим внутренним облегчением, с пульсирующей болью в травмированном пальце и языческой

фигой, спрятанной в кармане моих шорт — символ свободы от доктрины еврейского превосходства. Знал, что не вернусь сюда, и эту маленькую травму воспринимал как естественный и своевременный сигнал к бегству из противной мне среды. Замахнись я на продолжение работы здесь до сентября, я мог бы потерять больше чем ноготь на одном пальце. Живым примером тому был мексиканец, заживо похоронивший себя на пыльном складе.

Каждый вечер после работы был маленьким праздником. Я просто наслаждался, смывая под душем складскую пыль и грязь и прочищая мозги и душу радио-джазом! А потная беготня за теннисным мячом, была подтверждением того, что я всё ещё жив, здоров, и остаюсь самим собой.

Однако, в этот вечер, на звонок Мэгги я ответил, что могу лишь подойти на площадку, но вряд ли смогу поиграть с ней.

Мы встретились в тот вечер и много говорили. Она рассказала мне, как важно для неё играть со мной в нашу теннисно подобную игру через верёвочку, после сидячей счётной работы за компьютером. А я рассказал ей, как я по-своему рад этой маленькой травме, послужившей мне уважительной причиной для прекращения этого ежедневного 10-ти часового мазохизма. Она успокаивала меня тем, что в Америке масса людей, которые большую часть своей жизни вынуждены безрадостно проводить на нелюбимых службах-работах.

А если ещё учесть, что многие вынуждены не только терпеть свою работу, как горькую необходимость, а и жить в окружении чужих людей, потому что это их семья! То я могу считать себя вполне счастливым человеком, хотя и с раненным пальцем.

Утром, как компенсация за разбитый палец и утраченную трудоспособность, я мог позволить себе выспаться, принять душ и спокойно угостить себя завтраком. Добавив к этому звуки музыки, я бодро соображал: чем полезным можно заняться, пока заживает палец.

Я давно собирался посетить (Social Security Office) контору социального обеспечения. В это утро я не видел никаких препятствий этому мероприятию. Прихватил свой паспорт и пошёл пешком.

Как мне объяснял Саша, ближайшая контора находилась в Бруклине на углу 13-й авеню и 59-й улицы. Найти нужное место было нетрудно. На безликой, пыльной 13-й авеню, рядом с указанным перекрёстком, я сразу заметил на тротуаре скопление людей, похожее на очередь. Приблизившись к ним, я убедился, что они здесь с той же целью, что и я. Занял очередь и стал покорно ждать.

Серое, одноэтажное здание, похожее на ангар, было огорожено металлической сеткой-забором. Входная калитка заперта. Только по скромной вывеске у входной двери и можно было определить, что это контора социального обеспечения. Жестяная табличка на воротах ограждения напоминала визитерам, что ломиться без приглашения чиновника не следует. По мере выхода посетителей из конторы, служащий впускал небольшими группами людей из очереди.

Место было неудобное и неприятное. Пространство для ожидающих приходилось на тротуар, между сеткой-ограждением и проезжей частью улицы. Солнце начинало припекать, движение транспорта становилось интенсивнее. Люди разных возрастов и национальностей терпеливо ожидали. Многие пришли с друзьями-переводчиками. Деваться было некуда. Я также терпеливо топтался под солнцем на пыльном тротуаре и медленно продвигался к входу.

Наконец, и я попал в офис. Внутри, прохладный кондиционированный воздух и полная звуковая изоляция. После шумной, пыльной улицы эта контора не могла не понравиться. При входе стоял указатель, куда рекомендовалось пройти посетителям. Проходя к месту ожидания, каждый получал от клерка номерок и анкету. Почти всё пространство было заставлено канцелярскими столами, за которыми заседали чиновники, занятые приёмом посетителей. Когда кто-то из служащих освобождался, дежурный на входе выпускал посетителя и объявлял очередной номер. Ожидающий с объявленным номером, проходил к освободившемуся чиновнику и решал с ним свои вопросы.

Большинство посетителей были с переводчиками, значит — иностранцы. Во время ожидания мы должны были изучить анкеты и заполнить их. По содержанию, эта анкета близка к той, что выдаются в посольстве при обращении за въездной визой. Но к этому добавился вопрос о местном адресе проживания.

Объявили мой номер, и я попал к серьёзной женщине среднего возраста, в очках. Она жестом пригласила меня присесть и предъявить ей паспорт и анкету. Просмотрела анкету, сравнила указанные данные с паспортными, а затем, едва подняв глаза от своих бумаг, спросила меня:

— Для чего вам нужна карточка соцобеспечения, ведь вы временно пребываете в нашей стране?

— Меня везде спрашивают о таковой! Я хотел бы хранить наличные деньги в банке, но, обратившись туда, оказалось, что моего паспорта недостаточно для открытия простого сберегательного счета. Требуют указать социальный номер.

Поинтересовался, как можно получить водительскую лицензию? И там нужен какой-нибудь американский документ? Обращался в колледж с вопросом о поступлении, но там так же…

— Понятно, — остановила моё объяснение служащая соцобеса.

Мой рассказ не вызвал у неё ни дополнительных вопросов, ни каких-либо эмоций. Она лишь что-то помечала в своих бумагах. Затем, подняла голову, включила служебную улыбку и сообщила мне, что я получу ответ почтой в течение десяти дней.

Я вышел оттуда вовсе неуверенный, что получу от них то, зачем приходил.

Вернулся домой. Пообщался на кухне с холодильником, телевизором и вентилятором. Позвонил Славке, Юрию. Никого не было на месте. Не придумав чем заняться, я заехал на Брайтон пляж. Там я окунул себя и свой травмированный палец в солёной воде океана. Сидеть одному на песке под солнцем мне не понравилось, и я поднялся на деревянную прогулочную палубу и пошёл в сторону колледжа. Там я снова посетил пляж и поплавал.

Сидя под солнцем на горячей скамейке, я пытался строить планы на ближайшие дни. Мозги совсем размякли и от солнца, и от работ на складе. Упоминая о складе, справедливости ради, надо отметить и тот факт, что я натаскал оттуда некоторую сумму денег. И хранить эти сбережения — лучше в банке, нежели в нашей квартире. Так, я запланировал себе следующую задачу: открыть счет в банке. И держать наличность на счету, что поможет мне сохранить их.

Когда я вернулся домой, Саша был дома и занимался какими-то приготовлениями. Оказалось, что у него завтра день рождения, и он пригласил пару человек в гости.

На следующее утро, когда я проснулся, Саши уже не было, В холодильнике появилась водка и много пива. Это напомнило мне о его гостях, и я решил скоротать день где-нибудь на стороне.

Поехать в Нью-Йорк я решил с рекомендуемой мне остановки сабвэя на авеню I. До этого места пришлось прогуляться. Закрытый вход на остановку я сразу узнал и отметил для себя наличие всех условий, о которых упоминали соотечественники. Безлюдное место и достаточно широкое пространство над запертой решеткой. Перемахнуть через неё было делом двух секунд, даже с больным пальцем. Преодолевая препятствие и поднимаясь по ступенькам на платформу (на этом участке линия поезда F проходила поверху), я представил себе, как там меня поджидает мой знакомый чёрный полицейский с наручниками. Это нечто подобно фантазиям Стивена Кинга!

Я осторожненько вынырнул на поверхность платформ.

Огляделся. На моей стороне никого не было. Два-три человека, ожидавших поезда на другой стороне путей, не обратили на моё появление из закрытого входа никакого внимания. Действительно, эта остановка была немноголюдна.

Но мне надо было на другую сторону, то есть на поезд, следующий в сторону Мэнхэттэна. Я подождал пока к моей платформе подойдет поезд. К этому времени, ко мне присоединились несколько пассажиров только они вошли через другой, функционирующий, вход. Они-то и запрыгнули в вагоны подошедшего поезда, а я воздержался. Вместо этого, я пошёл на выход вместе с пассажирами, сошедшими с поезда. Сойдя по ступенькам к входу-выходу, я не вышел за пределы турникета — на улицу, как другие приехавшие, а прошёл мимо будки служащего и поднялся на платформу другого направления.

Не имея конкретных планов, я доехал до остановки Rockfeller Center. И по 6-й авеню побрёл вверх к Central Park, надеясь скоротать там время. Войдя на территорию парка, я заметил схему-план парка. Рассмотрев, что где находится, я остановился на теннисных кортах. Так возникло конкретное направление. Следуя по указателям, я шагал по асфальтированной дороге, обгоняемый многочисленными велосипедистами и роликовыми конькобежцами. Где-то в серёдке парка, за озером, в районе 97-й улицы, я переспросил прохожих и свернул на Запад. Снова встретил указатель и по тротуару пришёл к кортам.

Присел на скамейке в тени, у административного здания, огляделся и понял, что это теннисный клуб, а не общественные корты. Порядок пользования кортами строго контролировался. Хотя я и не имел при себе ракетки, но одет был в свои парадно-выходные туристические шорты и вполне подходящие, уже обыгранные кроссовки. Желание поиграть всегда присутствовало.

К моему удивлению, корты здесь оказались грунтовые, что не так уж часто встречается в этой стране. Их было не менее десяти. Все они были открыты солнцу и абсолютно сухие.

— Непорядок, — подумал я.

Зато всё это теннисное пространство тщательно обнесено высокой металлической сеткой-оградой. Каких-либо забытых входов, подобно тому, в сабвэе, что на авеню I, я не заметил. Все входили и выходили через одну, центральную калитку, у которой дежурил контролёр. Этот парниша был очень похож на чёрного полицейского, задержавшего меня в метро. Того же цвета и габаритов, ну а черты лица у них у всех одинаковые.

Наблюдая за входящими на корты, я отметил, что многих вахтёр знает, и они лишь обмениваются приветствиями. Другая категория входящих, предъявляла ему какие-то пропуска. И

третья разновидность посетителей, — с обычными билетиками. Пропуская гостей, вахтёр указывал им номер корта, о чём делал пометку в своей шпаргалке.

С этим мне было всё ясно. Сетки были на всех кортах, но пользование им контролировалось. Сами корты очень нуждались в том, чтобы их увлажнили. Временами поддувал легкий ветерок, и над кортами поднималась сухая песчаная пыль. Вот вам яркий пример примитивной меркантильности в ущерб спортивному удовольствию. Нет, чтобы сделать технический перерыв и полить корты водичкой. Но у них непрерывный коммерческий поток. Как я понял, каждый час звонил звонок, как в школе, это означало смену играющих. Вахтёр запускает новых клиентов, а игравшие, если на их корт пришла смена, освобождают его. И так каждый час. Игроки, в основном, люди среднего возраста и старше, ярко выраженные любители, подобно мне, и похуже.

Люди прибывали. Многие, поиграв часок, не уходили, а посиживали здесь же на скамеечках, вероятно, ожидая следующего захода. На другой стороне, к основным кортам примыкал аппендикс из 2–3 кортов, но не грунтовых, а обычных, твердых, зелёного цвета, тщательно разлинованных. Там никого не было. И мне такие корты уже начинали нравиться. Их не надо поливать. Они всегда в стабильном состоянии.

Я уже почти всё здесь выяснил для себя и собирался уйти, но ко мне обратилась молодая женщина, наряженная для игры.

— Простите, вы хотите поиграть?

— Хотел бы, — ответил я, имея в виду её.

— У вас нет партнера? — продолжала она оценивать меня.

— Ни партнера, ни ракетки, — ответил я.

— Это не проблема, — уверенно заявила она, и подозвала кого-то.

К нам подошла бабушка Божий Одуванчик, полностью снаряженная для тенниса. Я понял, что это и есть мой партнёр, которого хотели куда-нибудь пристроить.

Как она меня вычислила? Мне хотелось ответить этой шустрой, улыбчивой организаторше: «Твоя бабуля, и вы обе выряжены и хотите поиграть, так играйте же… Чего ты козла отпущения ищешь?» Но я так не сказал. Постеснялся бабули. Она с такой надеждой взирала на меня и сияла, не веря своему спортивному счастью. Молодая, деловая особа предложила нам познакомиться и в момент церемонии рукопожатий тактично оставила нас наедине.

— Ловкая стерва! — подумал я.

Мне было скучновато, но не до такой же степени, чтобы играть с такой пожилой бабушкой. Я ещё самоуверенно надеялся

тактично избавиться от неё, имея в резерве столь веские аргументы, как отсутствие ракетки и пропуска на корты. Но всё это оказалось действительно «не проблемой». В ответ на мои неамериканские жалобы, бабушка деловито повела меня в здание клуба. Там в проходной части, за стойкой размещался пункт проката. На стеллажах были выставлены различные ракетки. Две улыбчивые молодые барышни, готовые услужить пожеланию клиента, приветствовали нас. Бабуля, похоже, являлась ветераном этого клуба, потому что девушки её знали и очень любезно откликнулись на просьбу выдать мне ракетку. На их вопрос: которую? Я указал на Wilson, форма которой мне понравилась. Девушка подала мне эту ракетку. Я взял её в руки, она мне подходила, и я выразил желание опробовать её. Но другая девушка за стойкой положила передо мной карточку с ручкой и просила заполнить. Я взглянул, отметил, что там уже записано о выдаче ракетки на 1 час за 5 долларов.

— Fuck! — подумал я. Никогда не знаешь, где найдешь, а где потеряешь. В метро проехал бесплатно, так здесь тебя имеют.

Мне надо было целый час на складе париться, чтобы пять долларов заработать. А здесь, мне за эти деньги разрешают ракеткой поиграть. И в нагрузку — бабульку подогнали! Возмущенный навязанными мне условиями, в графе карточки «имя» я указал просто Sergio Tochini. Адрес проживания — Brooklyn, NY. И всё это было почти правдой. Девушки, очарованные болтовней с моей бабушкой, не вникали в содержание карточки, а просто спросили о главном. И я выдал им свои трудовые пять долларов.

Возвращаясь под дружеским конвоем бабушки к кортам, я примерялся к ракетке и чувствовал, что мой раненый палец, хотя и тщательно забинтован, не позволяет мне держать ракетку без боли.

Всё складывалось как-то паршиво. Словно вдогонку за бесплатный проезд. Договаривался с одной, а она мне подсунула бабушку. Ракетку всучили на часок за пять долларов. Палец болезненно напоминает о складе. Всё это сплошное Shit! Глядя на бабушку, я мысленно пожелал самому себе играть в теннис в её возрасте, или хотя бы дожить до этих лет. Для этого следует держаться подальше от таких мест, как склад, где я чуть палец не потерял.

К нашему появлению, несколько кортов были свободны, и бабуля уверенно повела меня к входу. Чёрный вахтёр приветливо поздоровался с ней и вопросительно взглянул на меня, мол, а как на счёт этого товарища?

— У тебя есть членская книжка? — спросила меня бабушка.

— Насколько помню, я здесь впервые, — ответил я.

По её натянутой улыбке, я понял, что мой сарказм достиг адресата.

— Ну, хорошо, тогда мы купим билетик на часок, — примирительно предложила она вахтёру.

Тот не имел ничего против. Он выписал мне талончик, и тоже пожелал получить пять долларов.

— Это уж слишком! — подумал я и выдал ещё одну пятёрку.

Заняв с бабушкой корт, через минуту я понял, что в нагрузку к теннисной ракетке и месту на сухом корте, я получил ещё и непростую задачу. А задача моя заключалась в том, что я должен бегать собирать мячи, которые разлетались от бабушки, и обратно набрасывать ей. Подавать ей следовало очень аккуратно, чтобы бабуле было удобно отбивать, иначе придется бегать по соседним кортам и собирать мячи. Соседи по кортам, с обеих сторон, сочувственно подкидывали мне наши мячи. Тем не менее, бабушка имела кое-какой теннисный опыт. Она предложила мне место против солнца, а сама стала спиной к солнышку, да ещё и надела на головку панамочку. Спустя минут десять я был мокрый. Раненый палец возмущенно и больно пульсировал. Я оказался в роли «платного» танцора для престарелой одинокой дамы. И, похоже, у меня это получалось. Бабушке нравилось играть со мной в мячики. Она, довольная своими успехами, играла, почти не сходя с места. Я уж старался, чтобы у неё получалось как можно лучше, ибо от точности её ударов зависело моё благополучие на ближайший час.

Наконец-то, прозвонили сигнал о новой смене. Бабуля предложила бы мне купить билетик ещё на часок и поиграть с ней, но на наш корт пришла новая пара, чему я был искренне рад. Чтобы на этом прекратить всякие дальнейшие отношения с теннисным вампиром, я не стал возвращаться с ней на скамейки, а шмыгнул на отдельно огороженные твёрдые корты. Мне хотелось побыть одному, обсохнуть, успокоить разболевшийся палец и отдышаться. Я присел в тени под деревянной тренировочной стенкой и расслабился. Как здорово меня поимели сразу несколько человек. Особенно, этот Божий Одуванчик, — подвёл я итог последнего часа.

> It's a big enough umbrella, but it's always me that ends up getting wet![5]

Я получил хороший урок. И теперь сидел в тени, чувствуя себя как выжатый лимон, и наблюдал за парой игроков на твёрдом корте. Пожилой дядя старательно овладевал теннисными навыками, помогал ему в этом молодой парень азиатской

внешности. В отличие от меня он не потел. Этот поставил рядом с собой возок, полный мячей, напялил солнечные очки, и, пожевывая резинку, накидывал мячи ученику, лениво делая замечания. С первого взгляда было ясно, что отношения их не бесплатные.

Отдохнув от бабушки, мне захотелось, наконец, спокойно опробовать эту ракетку. Подобрав один из закатившихся мячей, я поиграл со стенкой слева, справа. Ракетка определенно нравилась мне.

Вскоре пришла ещё одна пара, и заняли второй корт. Чёрная, как гуталин и наряженная в белую форму, учительница смотрелась подобно негативу. Своё тренерское дело, для робко начинающей белой женщины, она делала уверенно халтурно. Жертва недоброкачественного преподавания делала простые ошибки начинающей теннисистки. А тренер-негатив — ни слова об этом! Лишь поощрительно подбадривала клиентку, да набрасывала ей мячи из корзины. Меня так и подмывало вмешаться в эту идиллию. Но я, понаблюдав за дешёвым шарлатанством, лишь сделал вывод: если таким учителям ещё и платят за это, то я уж точно заслужил сегодня эту ракетку.

Возвращаясь к зданию клуба, я отметил, что все корты заняты, а на скамейках прибавилось ожидающих. Среди них я заметил и бабушку, поджидающую новую жертву.

В помещении клуба тоже было людно. Я приблизился к пункту проката и заметил, что одну из девушек, обслуживавших меня, уже подменили. Обе девушки были очень заняты. Одна отвечала на непрерывные звонки, другая на вопросы клиентов. Дождавшись, когда она освободится, я тоже спросил её:

— Где здесь душевая?

В ответ, она лишь указала мне направление, не проявив никакого внимания ни ко мне, ни к ракетке из их пункта, которую я честно держал на виду.

— Все заняты, нас не признают, — подумал я и прошёл в душевую.

Там я решил освежиться. Пока прохлаждался под душем, я окончательно решил, что эта ракетка мне гораздо нужнее, чем процветающему коммерческому клубу.

После душа ещё несколько минут побыл в помещении клуба: осмотрел выставленные на видном месте фотографии почётных гостей клуба. Оказывается, кроме меня, в этом клубе побывали Навратилова, Чанг и другие известные игроки.

Выходя из здания клуба, я пожелал девушкам из пункта проката удачного дня. Они машинально ответили тем же, даже не взглянув на меня с не зачехлённой ракеткой в руке.

Из Центрального парка я вышел на западную сторону 96-й улицы и побрел вниз по Central Park West. Спустившись вдоль парка до Columbus Circle, я перешёл на 8-ю авеню. Я устало шагал с не зачехлённой ракеткой в шортах и футболке, ещё не просохших после посещения клуба. Я люблю тебя жизнь! И надеюсь, что это взаимно…

На своём пути я заметил спортивный магазин и свернул туда. Отдел теннисных ракеток там оказался богатый. Увидя неандертальца в мокрых шортах, футболке и с ракеткой в руке, подобно охотничьей дубинке, парниша в костюме с галстуком поспешил узнать: чем он может мне помочь.

— У вас чехлы для такой ракетки есть? — первый озадачил я его.

— У нас есть такие ракетки с чехлами, — ответил тот. Присматриваясь к моей ракетке, как будто собирался спросить, откуда она у меня? Ещё один деловой и шустрый желает пристроиться ко мне, — подумал я, молча, рассматривая выставленные к продаже ракетки. Тогда он снял с полки точно такую — Wilson Hammer — 4, и, нахваливая, её, стал уговаривать купить ещё одну для пары, с чехлом.

— Показать чехол? — приставал он.

— Если вы готовы продать чехол без ракетки, тогда приноси, посмотрим, — ответил я.

— Нет, это невозможно, — улыбнулся он устало. — Но есть различные теннисные сумки, — не унимался парень.

— А есть у вас простой пластиковый пакетик для моей ракетки? — упростил я задачу.

— Найдём, — без энтузиазма ответил парень, и пошёл исполнять мою жлобскую просьбу.

Выдавая мне пакет, он уже без служебной улыбки, просто, по-человечески поинтересовался:

— Потерял чехол?

— Забыл в одном месте. Спасибо за помощь.

— Пожалуйста, заходи к нам ещё, — дружелюбно проводил меня парень. Я обещал.

Быть в Мэнхэттэне и не зайти в гостиницу New Yorker я не мог. На Оноду и его смену мне просто везло. Когда ни зайду, он всегда на своём посту. И каждый раз, говорит, что думал и молился обо мне. Я устало плюхнулся в глубокое кресло, прямо перед его постом, и с удовольствием расслабился.

Онода скучал, и был действительно рад моему неожиданному появлению. Он по дружески — заметил, что я последнее время где-то пропадал и выгляжу устало. Устало я выглядел от танцев с бабушкой. А своё двухнедельное отсутствие, я объяснил ему

временной работой, которую уже бросил, в связи с болезнью физической и психической. Последнее обстоятельство Онода одобрил и сразу же вернулся к вопросам торгового бизнеса.

Он приглашал меня и Влада встретиться завтра днём в Battery Park, обещал удачную торговлю. Я выразил намерение приехать. Место это хорошее и давно хотелось побывать там. На этом мы и расстались до завтра. В этот вечер Саша принимал гостей. Их было не так много, но и расходиться они не собирались.

На свои именины, Саша пригласил своего приятеля — Илью. Молодой парень из Кировограда переехал сюда с родителями на постоянное место жительства. Его национальность позволяло ему таковое.

Илья, вероятно, по просьбе Саши, привёл двух подружек, таких же соотечественниц, постоянных жителей Бруклина.

Когда я пришёл, они все были хорошо поддатые и сдружившиеся. Пригласили присоединиться, и я посидел в их компании полчасика. Меня, как вновь прибывшего, стали расспрашивать, откуда я пришёл и как поживаю? Я понял, что они засиделись на кухне, и теперь, разнообразия ради, готовы послушать меня. Я был слишком уставший для роли клоуна-рассказчика. Хотелось принять душ и уйти в комнату на отдых. Да и сам виновник торжества был нетерпеливо внимателен к своей новой подружке. Постоянно держался за неё и поедал глазами. Чтобы не отвлекать людей, и дать им побыстрее дозреть и разойтись, я оставил кухонную идиллию и удалился в ванную принять душ.

Позвонил Владу, передал ему привет и приглашение от нашего японского друга. Влад обрадовался и обещал завтра присоединиться к нам.

Я включил телевизор и завалился на диване. По одному из каналов шёл какой-то фильм, подробно освещающий музыкальную карьеру Paul McCartney. Это были его многочисленные интервью, комментарии очевидцев, сюжеты из разных музыкальных фильмов и шоу. Даже не понимая всего — было интересно. С фильмом мне повезло. Ложиться спать, пока гости не разошлись, было бессмысленно. И я радовался длинному фильму. Между тем, Илья и девушки уже настойчиво порывались куда-то уйти, заминка была в Саше. Ему хотелось иного. Илья пошёл на встречу имениннику, увёл свою подругу, а Сашу оставили на кухне с барышней Катей. После продолжительной возни на кухне Саша появился в комнате вместе со своим объектом обожания. Он был не по-праздничному озабочен и буквально тащил за руку свой «подарок» в комнату. Подаренная

ему на день рождения Катя, не проявляла энтузиазма к Сашиной затее. Она всячески пыталась отвлечь внимание от волнующего его вопроса. Стала расспрашивать, что это за фильм такой? Но Саша начал проявлять нетерпение, капризничать… и чуть ли не выключать мой телевизор. Всем стало ясно, что лучше уважить его, иначе это будет трагедия. Саша и Катя скрылись в другой комнате, а я залёг на диване в компании телевизора.

Прошло часа полтора. Было уже поздно, когда неожиданно вернулись Илья и его подруга. Они спросили о Саше с Катей. Я указал им на закрытую дверь комнаты. Девушка сетовала на то, что не может оставить Катю здесь одну и уехать домой. Илья же уверял, что хорошо знает Сашу, и с её подругой ничего не случится, если она останется. Но девушка, прежде чем уйти, хотела сама убедиться в том, что с подругой всё в порядке, и что та хочет здесь оставаться.

Илья постучал в дверь, но никто не отозвался. Девушка не верила, что они так крепко спят и не слышат, как их зовут. Начала суетиться и требовать, чтобы её впустили. Глухая реакция Саши, всех обеспокоила. Илья попробовал открыть дверь сам, но она не поддалась. Я удивился и объяснил им, что эта дверь никак не закрывается. Тогда Илья подналёг на дверь, и она приоткрылась. Оказалось, Саша подпёр дверь диваном. Мы с Ильей посмеивались над этим обстоятельством, а девушка испуганно стала звать заложницу Катю. В ответ на наши спасательные меры, появился раздосадованный Саша. Он слёзно просил оставить их в покое. Но девушка требовала вернуть Катю. Саша отвечал, что Катя не желает выходить, просил подождать минутку и снова скрылся за закрытой дверью. Мы с Ильей от души смеялись над этим живым кино. Его подруге было не до смеха. Она нетерпеливо ожидала ответа от Кати и расспрашивала нас: нормален ли этот Саша, и чего от него можно ожидать?

Наконец, в едва приоткрытую дверь выглянула Катя и успокоила свою подругу. Подружка мудро посоветовала Кате, в случае чего, звать на помощь. Подружка Ильи добилась от меня клятвенного обещания, что я вмешаюсь, если Катя попросит о помощи. Я обещал вмешаться, если помощь потребуется. И заверил, что Саша не представляет никакой опасности. На этом — кино закончилось. О помощи так никто и не попросил.

Мне показалось, что я совсем мало проспал, когда до меня дошло, что кто-то звонит. Открыл двери и удивился: на пороге стоял Влад с велосипедом. До нашей встречи оставалось ещё несколько часов. Да и встретиться мы договаривались в парке, а не у меня. Влад уже затащил свой велосипед и что-то рассказывал о какой-то недавно приехавшей из Киева еврейской семье. Ему

надо было посетить их где-то здесь неподалеку. Я полусонно пытался сообразить: для чего он приехал в такую рань, и рассказывает мне все это? Мне хотелось ещё поспать, но Влад не уходил и нёс какую-то ерунду. Наконец, я расслышал конкретный вопрос:

— Ты собираешься завтракать?

Я, молча, провёл его на кухню, выставил перед ним молоко и торт, посоветовал не стесняться и действовать самостоятельно.

— А ты? — заботливо поинтересовался Влад.

— А я ещё не проснулся, — ответил я и вернулся на диван.

Когда же проснулся, дома никого не было. Позже позвонил Юра. Просто так. Спрашивал, что я собираюсь делать сегодня? Ответил ему, что намерен побывать в Нью-Йорке. Юра пожелал присоединиться.

У Юрия ничего не изменилось. Как и в прошлый раз, на кухне сидели двое, только теперь в другом составе. С традиционным полу галлоновым бутылем вина. Я стал третьим.

Тема о жизни в Закарпатье была здесь неисчерпаемой. Но вино, всё же закончилось, беседа прервалась, и я напомнил, что мне пора. Юра решил ехать со мной.

В поезде метро Юра всю дорогу разъяснял мне положительные и отрицательные стороны своего пребывания здесь, в отрыве от горячо любимого Закарпатья. Его задушевные излияния были прерваны двумя возникшими обстоятельствами. Нам надо было сходить на следующей станции, и мы оба остро нуждались в туалете.

Сошли где-то в самом нижнем Мэнхэттэне. Станция — по воскресному безлюдна. Кафельные стены подземки настойчиво напоминали общественный туалет. Мы торопливо прошли вдоль путей в конец платформы, укрылись за металлические опоры и уподобились коренным обитателям Нью-йоркского подземелья. Быстро сделать это не получалось. Следы наших неблаговидных деяний неуправляемо и предательски разливались по платформе. Нарастал шум приближающегося поезда. Вот так всегда, когда надо — не дождешься; а когда совсем не кстати, то вот вам — поезд! Пришлось поторопиться. Уходили с чувством стыда и облегчения.

Вынырнув из станции на солнечную улицу, я почувствовал, как всё больше мне нравится этот город-монстр. Вспомнилась Одесса с вонючими дворами, подъездами и отчаянно кричащими надписями у входа: «Туалета НЕТ!».

В парке было полно народу. Я подумал, как же мы сможем найти друг друга? Для начала, решил присесть где-нибудь в сторонке и осмотреться.

Battery Park расположен в нижнем западном Мэнхэттэне на берегу Hudson реки, в нескольких кварталах от World Trade Center.

Мы сидели на скамейке, и я пытался отыскать Влада или Оноду. Длинная, извилистая очередь на паром, напоминала ту, что на Красной площади к мавзолею вождя. Только здесь было повеселей. На асфальтированной набережной, перед медленно ползущей очередью туристов, выступали чёрные уличные акробаты. Отдельные их номера заслуживали внимание, и невольные зрители аплодировали им. Представитель цирковой бригады не забывал делать обход со шляпой в руке и собирать… не только же аплодисменты. Кроме людей, желающих отправиться паромом на островки Liberty и Ellis, чтобы там сфотографироваться у статуи Свободы, в парке было также полно туристов, просто гуляющих.

Скоро я заметил Оноду, наряженного в форму клерка: брюки и белая рубашка с галстуком. Он улыбчиво приставал к туристам со своими картинками. Прежде чем объявиться, я понаблюдал за ним со стороны. Делал он своё дело ненавязчиво и приветливо. Люди реагировали на него положительно. Что же до товара, то не все желали даже взглянуть на картинки. Онода здесь был не одинок со своим желанием, продать что-то. Кроме него и акробатов, здесь были владельцы фанерной статуи Свободы, которые бойко приглашали людей из очереди на паром: сфотографироваться сначала у бутафорской статуи, чтобы потом сравнить снимки и убедиться — стоило ли так долго стоять в очереди на паром. А также, несколько передвижных точек, торгующих мороженым и хот-догами.

Выждав, когда Онода не был занят туристами, я вышел к нему. Наш японский брат был рад видеть Юрия. Влад пока не появился.

Я предложил Оноде выставить картинки где-нибудь на проходном месте и не приставать к людям. Кому интересно, тот сам проявится. Онода согласился. Место мы заняли вдоль пешеходной дорожки, на бетонном барьере полуметровой высоты, отделявшем травяной газон. На этом барьере мы и разложили свою картинную галерею, которая никак не могла остаться незамеченной прохожими. Указали цены 3–5 долларов за штуку, а сами присели рядом. Это было совсем другое дело. Никто никого не достаёт, кто хочет лишь посмотреть — пожалуйста, а кто желает что-то купить — обращается к нам. Желающих посмотреть нашу выставку было достаточно. Покупателей значительно меньше. Народ предпочитал хот-доги. Тем не менее, своей выставкой мы украсили парк и сделали это место интересней для

посетителей. Нам приятно было видеть положительную реакцию людей на нашу творческо-коммерческую инициативу. Но Онода не мог спокойно ожидать пока кто-то захочет купить. Он оставил нас с картинками, а сам достал из своего дипломата пачку телефонных пластиковых карточек и вернулся в народ. Время от времени, он навещал нас, интересовался успехами, собирал выручку и угощал нас хот-догами.

Среди ротозеев, рассматривающих выставку, хватало и желающих потрепаться о чём угодно. Многие собеседники оказывались не местными, а приехавшие в Нью-Йорк из других штатов на экскурсию, по делам, или в гости. С некоторыми — беседы затягивались. Неугомонный Онода, приметив такое дело, кроме хот-догов, подкинул мне совет бывалого торгаша. По его мнению, мне следовало бы использовать интерес праздно болтающих со мной, и не ограничиваться одними разговорами о взаимоотношениях между супердержавами. Он рекомендовал мне жаловаться на свою русскую судьбинушку, и уговаривать их помочь гражданину бывшего СССР покупкой хотя бы одной картинки.

Это было уж слишком! Я уклончиво отвечал ему, что такая роль мне не под силу и обнадеживал его скорым приходом Влада, который, возможно, и внесёт, свежую струю в наше торговое движение.

Странно, но Влад так и не появился, хотя утром он был твердо намерен присоединиться к нам.

Ещё один день был убит, и не так уж плохо. Расставаясь с Онодой, я подумал, что ещё интересней было бы, вместо торговли, влиться в туристическое движение и прокатиться на пароме, посетить островки Liberty и Ellis.

Неподалеку от этого парка было место, откуда ходили регулярные паромы на Staten Island. Из нижнего Бруклина туда можно переехать автотранспортом через Verrazano мост.

(Мост Верразано, или мост Верразано-Нэрроуз (англ. Verrazano-Narrows Bridge) — один из крупнейших в мире висячих мостов, соединяющий районы Нью-Йорка Бруклин и Статен-Айленд. Длина центрального пролёта моста составляет 1298 м, боковых пролетов — по 370,5 м. Пилоны высотой 211 м, на которых подвешены несущие тросы моста, видны из большей части Нью-Йорка. Мост — «двухэтажный», на каждом из «этажей» находится по 6 полос для движения автотранспорта.

Мост построен в 1964 году и назван в честь итальянского мореплавателя Джованни да Веррацано, первого европейца, вошедшего в бухту Нью-Йорк и реку Гудзон. До 1981 года мост был самым большим (по длине центрального пролёта) висячим

мостом в мире; на сентябрь 2006 года — является седьмым в мире по этому параметру, и первым в США среди мостов такой конструкции.)

Паромные прогулки я отложил на потом, полагая, что это никуда не денется и ещё не вечер.

Всю следующую неделю, травма моего пальца служила мне уважительной причиной, и я мог не думать о работе. Складские заработки и положительно разрешившийся вопрос о рентной плате за август месяц, позволяли мне радоваться туристическому бытию. Мои вечерние теннисные свидания с Мэгги скрасились постоянной ракеткой — сувениром на долгую и добрую память о Центральном парке Нью-Йорка.

А скоро я получил по почте и карточку с персональным номером соцобеспечения, и это напомнило мне о делах, которые я мог бы сделать даже с больным пальцем. Поинтересовался у Саши, где он хранит свои сбережения, и он рекомендовал мне CitiBank с ближайшим отделением на King's HWY.

(Citibank (Ситибанк) — крупнейший международный банк, основанный в 1812 году как City Bank of New York, затем First National City Bank of New York. Сейчас Citibank — подразделение Citigroup, гигантской международной корпорации в области финансовых услуг. С марта 2007 года это крупнейший банк США среди холдингов.

Citibank действует на территории более чем ста стран по всему миру. В России и странах СНГ Citi представляет ЗАО КБ «Ситибанк».)

По его совету, я собрал паспорт, свежеполученную карточку собеса, почтовый конверт, в котором прислали её, и со всем этим отправился в банк. Там я обратился к женщине, дежурившей на приеме, и доложил ей о цели своего визита. Она указала мне, куда следует обращаться по этому вопросу. Я присоединился к нескольким посетителям, ожидавшим приёма. Свои вопросы они решали быстро. Вскоре пригласили и меня.

Служащий, парень среднего возраста, предложил присесть и приготовился выслушать меня. Я заявил, что хотел бы открыть в их банке обычный, сберегательный счёт. Тот пожелал взглянуть на документы, удостоверяющие мою личность. Я подал ему свой паспорт и карточку собеса.

Сначала он внимательно рассматривал герб на моей паспортине, как будто именно эта деталь имела наиболее важное значение при открытии банковского счёта. Затем, бегло изучил содержание паспорта. Закончив с паспортом, он взял карточку собеса, извинился и просил подождать минутку. Отлучился на несколько минут. Как я полагаю, он обратился за информацией,

подтверждающей мою личность. Теперь, с помощью присвоенного мне номера, им достаточно было прибегнуть к своим компьютерным бюрократическим архивам, и они могли установить: кто я и откуда.

Вернувшись, он пояснил мне, что если на моём счету — менее 300 долларов, — из моих сбережений будут ежемесячно высчитывать по три доллара за обслуживание. Если же мой баланс будет от 300 и выше, тогда на этот счет будет начисляться какой-то процент. Я выразил согласие с их условиями и служащий сел за компьютер. Он внёс мои данные, уточнил каков мой сегодняшний вклад, получил от меня 700 долларов и, закончив эти процедуры, снова разъяснил мне.

— Вот вам квитанция о вашем взносе. В дальнейшем, вклады можно делать, заполняя приходные ордера. При этом следует точно указывать номер счёта. Банковскую карточку для пользования автоматами ATM мы приготовим и вышлем вам почтой. Для пользования ею, надо будет подойти в любое отделение нашего банка, задумать и запомнить четыре цифры. Остальное, сделают служащие банка. Всё понятно, вопросы есть?

— Понятно. Спасибо, — ответил я.

— Тогда, всего хорошего.

Сумма, оставленная на текущие карманные расходы, как-то досадно быстро и незаметно рассеялась на транспортные услуги, продукты и прочие уличные радости. Новый режим хранения сбережений давал мне понять, что, если я не сдамся на галеры, то моё банковское начинание быстро иссякнет. Других путей оздоровления неустойчивого баланса я не находил. Увы…

Последние дни Саша тоже нерегулярно выходил на работу. Как я понял, что постоянной работы у него не было.

Как-то проснувшись не так уж рано, мы встретились с ним на кухне, и, попивая кофе, выяснили, что ни у одного из нас нет на сегодня никаких планов. День был нежаркий, временами моросил дождик. Пляж исключался. Саша, как человек, проживший здесь целый год, обещал, что теперь таких пасмурных деньков будет всё больше. А осенью дождь станет обычным явлением.

Договорились до того, что сегодня, в прохладный, непыльный день можно немного и поработать. Саша предложил пройтись на панель в Borough Park, и если подвернется что-нибудь подходящее, то сдаться на несколько часиков.

На этом уличном сборище трудовых резервов в последний раз я был пару месяцев назад. Теперь они, вероятно вынужденно, сместились с улицы в тихий, безлюдный переулок, и ожидание работодателей обрело пассивные формы. Время от времени, кто-нибудь заезжал сюда и подбирал по 2–3 работника. Похоже, ещё

не все знали о перемещении работников в этот переулок. И движение явно притихло. Несколько ребят сидели на ящиках и убивали время в ожидании. Все они расположились на одной стороне переулка, на тротуаре под металлической сеткой-ограждением. На другой стороне переулка тоже был тротуар, но там размещались всякие складские помещения. Склады наглухо и безжизненно заперты. На всех дверях и воротах вывешены объявления о сдаче в аренду и продаже. Я прихватил ящик и перешёл на другую сторону, там присел и уткнулся в чтение газеты. Не прошло и получаса, как на наш переулок заползла патрульная полицейская машина с двумя служивыми. Вероятно, они знали о местонахождении этого собрания и в качестве профилактики наведывались сюда. Остановившись напротив группы ожидающих, один из полицейских, сидящий рядом с водителем, сделал какое-то замечание для всех. А второй, что сидел за рулем, обратился ко мне, — просил уйти от двери склада. Я не стал спрашивать, почему, молча, встал и хотел перейти на другую сторону, но тот скомандовал мне забрать и ящик, на котором я сидел.

Полицейские уехали, а я выбрал себе новое место в нескольких шагах от основной группы и собирался вернуться к чтению газеты. Но заметил, что ко мне направляется один из работников.

Вот уж неожиданность! Последний раз я видел этого товарища ещё в 80-х годах. Когда-то, учась на втором курсе в Одесском университете, я снимал квартирку на улице Островидова, напротив общежития. Чуть позднее, ко мне подселился ещё один студент с нашего факультета, на курс старше. Звали его Тимур Векуа, сам он из Абхазии. Вскоре после подселения, к нему стали приходить в гости кавказские земляки. Некоторые из них — его сокурсники, один — мой сокурсник. Среди них также частым гостем был и Витя, уже не студент, но живший в Одессе тоже где-то на улице Островидова. Витя, так же, как и эти ребята, когда-то приехал в Одессу из Абхазии и поступил учиться в какой-то институт. Но не доучился, зато женился и остался жить в Одессе.

Так как в арендованной с Тимуром квартирке мы жили без хозяев, то гости к нам приходили слишком часто. Витя, единственный из всех бывавших у нас — не студент и несколько постарше. Чем он занимался, сказать было трудно. Но постоянно чем-то озадаченный, он куда-то спешил на своих «Жигулях». Когда Витя расслаблялся, то частенько возвращался к одному фрагменту из своей биографии. Это была печальная история о том, как бывшая жена еврейка уехала к маме в Америку, а Витя,

остался в Одессе…

В конце 70-х годов, когда брежневские власти попустили выезд евреев из СССР на постоянное место жительства, Витина жена решила съехать к маме, которая уже находилась в США. И своего мужа — Витю, приглашала. Уговаривать его не надо было, он откликнулся на её предложение как пионер. Но кроме множества прочих бюрократических препятствий, Вите предстояло преодолеть ещё и отрицательное отношение его родителей к этой затее. Более того, ему необходимо было получить от родителей нотариально заверенное согласие на отъезд сына. С этой целью, он поехал на родину в Абхазию. А там, неожиданно для себя, столкнулся с непреодолимым идеологическим упрямством отца, который при активной поддержке товарищей по партии, категорически отказал сыну. Витя не только не получил согласия родителей, он ещё и рассорился с ними. Вернулся он в Одессу ни с чем.

У его жены всё было готово к выезду. Пройдя утомительное бюрократическое чистилище, она понимала, что настроения и требования престарелых властей к лицам, отъезжающим на ПМЖ, маразматически непредсказуемы. В любой день, их согласие на чей-либо выезд из страны, могло быть заменено на обвинение и приговор. Поэтому, она не стала испытывать судьбу и уехала к маме. Витя же остался в Одессе. В конце концов, не в тюрьме же. Пожалуйста тебе; встречайся с друзьями… кино, театры. Кстати, в русском театре им. Иванова, можно было посмотреть постановку принудительно популярных в то время литературных произведений выжившего из ума генсека «Малая земля» и «Возрождение». А также, «Загнанная лошадь» Франсуазы Саган. Но Витя больше любил заходить к нам в гости.

Позднее, когда я уже учился на последних курсах и жил в другом районе, то встречался с ним лишь изредка и случайно. От Витиных земляков и своих соучеников, я знал, что у него ничего не изменилось. Якобы, позднее он смог договориться с родителями, но той возможности выехать уже не было.

А в последний раз я встретился с Витей, когда уже работал в другом городе. Это были первые годы всеобщего прозрения, гласности, ускорения и перестройки… Пребывая в Одессе по делам, я совершенно случайно встретил его на улице. Поговорили на месте, вспомнили о наших общих знакомых. Он мало изменился, его безразличное отношение к происходящему вокруг, напоминало человека, досадно опоздавшего на свой поезд и основательно застрявшего на вокзале. После той встречи я его больше не видел, и ничего не слышал о нем.

Прошло лет 7–8. И вот, на задворках Бруклина, в местах, куда

сползаются русскоговорящие работники с целью подрядиться на случайную работёнку, я вижу Витю! Он, конечно же, узнал меня. Не скажу, что он сиял от радости, скорее наоборот — сконфузился. Одет он был по рабочему, при нём портфель с инструментом. Он как-то неловко начал с того, что зашёл сюда, чтобы забрать какого-то паренька-подсобника. Но это скорее всего были одесские понты. Мои расспросы о нём и наших общих знакомых не вызвали у него положительной реакции. Он лишь коротко и ворчливо упомянул о двух своих земляках, которых я знал. И перешёл к теме о своих бруклинских успехах, как мастера по укладке кафельной плитки… На благополучного жителя Бруклина он не был похож, поэтому я не стал ни о чём его расспрашивать. Да и он, якобы, торопился куда-то. Посетовав, что не нашёл здесь своего подсобника, Витя сослался на неотложные дела и распрощался. Невесело, но и не смертельно…

В этот день, мы с Сашей, после утомительных торгов и внутренних колебаний, всё же сдались какому-то латиносу за пять долларов в час на неопределённые работы, где-то в Мэнхэттэне. Когда он привёз нас на объект, то это оказался старый трехэтажный дом где-то в центре района Harlem. Если бы мы знали, что это, и где это — то вряд ли согласились бы на такие условия. Но коль уж приехали, то поинтересовались, что же от нас требуется? А хотел наш работодатель, чтобы мы очистили от хлама второй этаж, где после пожара, собирались сделать ремонт. Зрелище этого полу сгоревшего африканского наследия, кроме тошноты, ничего другого у меня не вызывало. Я предложил Саше пошабашить, не начиная. Он колебался. Неуверенно предложил поработать хотя бы часа три. Если бы не его поддержка, я бы не взялся за это дерьмо.

Наш работодатель выдал нам рабочие перчатки и указал на контейнер возле дома, куда следовало складывать весь хлам. Задача была до безобразия простой, грязной и местами невыносимо вонючей. Лишь благодаря взаимной поддержке, чувству юмора и человечному участию работодателя, мы, худо-бедно, подчистили этот зверинец. В этот день Саша пополнил свой словарный запас такими новыми словами, как drudgery, stench… (нудная черновая работа, вонь…) Он вылавливал из моих разговоров с работодателем наиболее сочно звучащие слова, а затем спрашивал их значение. Так он постигал английский язык.

Во время перерывов мы заходили в продовольственную лавку. Похоже, это было единственное функционирующее заведение в этом квартале. Судя по архитектуре, все дома в районе были уважительного возраста и добротного качества. Но на всём наблюдались разрушительные следы современных обитателей.

Почти все окна выбиты и задраены фанерой. Стены домов снаружи и внутри расписаны уличными художниками. Ни деревьев, ни цветов. Тротуары, особенно у подъездов и у входа в продовольственную лавку, обильно заплеваны жевательными резинками, которые мерзко подлипают к подошве обуви. Казалось, что пожар был не в одном доме, а во всем Харлеме. Все улицы запущены и безжизненны, словно после недавнего артобстрела. Однако, к середине дня, из тёмных, казалось бы, нежилых домов, начали выползать, как тараканы, чёрные, чем-то недовольные афроамериканцы. Они сонно и бесцельно слонялись по улицам. На определенных углах, и особенно у продуктовой лавки, собирались группками. Перетирали какие-то свои делишки, исчезали где-то в подворотнях и снова выползали на улицу. Складывалось впечатление, что владельцы этих домов давно махнули рукой на собственность, и жизнь здесь шла по каким-то своим неписаным, чёрным законам, вмешиваться в которые было хлопотно и бесполезно. Чтобы навести элементарный санитарный порядок в этой части острова, необходимо интенсивное «хирургическое» вмешательство по отношению к гражданам, обитающим здесь… Запущенный и трудноизлечимый вопрос. Завези меня сюда с закрытыми глазами и дай взглянуть на этот уличный зверинец, я бы и не догадался, что это всего лишь в нескольких остановках метро от Центрального парка. Прогулявшись из одной части острова в другую, можно посетить два разных мира, точнее, две различные Америки.

По окончанию нашей работы, работодатель уплатил нам, как договаривались, добавил на транспортные расходы и мы ушли. Мы шагали по заброшенным улицам и отмечали, что выполненная нами сегодня работа по расчистке одного этажа — всего лишь капля в океане чёрного хаоса. На своём пешем пути мы лишь дважды встретили белых людей. Это были двое поляков, судя по рабочей одежде, оказавшихся здесь с той же целью, что и мы. И трое полицейских, увешанных полными комплектами средств воспитания. Они сами обратили на нас внимание и спросили:

— Парни, у вас всё в порядке?

Возможно, они имели в виду наши головы. А я спросил их, на верном ли мы пути к станции метро?

На станции сабвэя мы почувствовали себя белым недоразумением на чужой территории. По мере продвижения поезда к центру острова, состав пассажиров светлел.

В связи с нашим скорым выездом из квартиры, хозяин начал поиски новых арендаторов. Предупредил нас, чтобы ко дню

освобождения квартиры, мы вынесли всю свою мебель.

Весь этот бытовой скарб: диваны, журнальные столики, телевизоры, пылесосы и вентиляторы сносились с улиц Бруклина. Саша жаловался, припоминая, как тяжко они с Игорем обзаводились диванами. Один телевизор сюда притащил я, хотя в комнатах и на кухне уже стояли таковые. Я просто не мог оставить его на улице и допустить, чтобы утром приехали мусорщики и закинули вполне сносный, рабочий телевизор в утробу своего прожорливого специального грузовика.

В Бруклине существовали такие неписаные правила: если выставленный на улицу электробытовой прибор был ещё в рабочем состоянии и пригодный для дальнейшей эксплуатации, то этот факт обозначался наличием сетевого шнура. Если же громоздкий прибор, хотя и целый внешне, но без сетевого шнура — означало его нерабочее состояние и предупреждало от бесполезных перемещений тяжести.

Катаясь со Славкой на его просторном автомобиле по вечернему Бруклину, трудно было оставить без внимания беспризорный телевизор. Некоторые дары улицы можно было бы отправить на Украину, и этим скрасить бытность каким-нибудь пенсионерам, коварно обворованным бандой «народных» слуг. Но, к сожалению, бытовая электросеть в Америке существенно отличается от европейской. Вместо привычных для нас 220 вольт и 50 герц, здесь применяется 120 вольт и 60 герц. А это потребовало бы некоторую реконструкцию трансформатора. Более того, что до теле и видеотехники, то здесь наша бытовая несовместимость усугубляется ещё и разницей систем. Вместо наших европейских систем Secam и Pal, их телевизоры и видео работают в системе NTSC.

Готовясь к отъезду, надо было ограничиться одной сумкой, а со всем остальным имуществом расстаться. Я известил Юру и Славу о раздаче нажитого имущества, и они кое-что выбрали для себя.

Славка жаловался, что чёрные соседи открыли капот его автомобиля и спёрли аккумулятор. Он уже был готов купить новый, но дотащить такую тяжесть ему одному не под силу. Просил меня помочь.

В один из бездельных дней он зафрахтовал нас с Сашей на это дело, и мы подыскали в одной из многочисленных автомастерских на Coney Island, подержанный, но рабочий аккумулятор. Пока мы дотащили его до машины, в адрес тех, кто задал нам эту проблему, было послано столько проклятий, что они должны были почувствовать это, несмотря на разницу в языках.

Когда, наконец, установили аккумулятор, предприняли попытку оживить монстра. Но стоило нам включить общее бортовое питание, как все приборы стали работать в непредсказуемо хаотичном порядке. Включаешь радио, а работают стеклоочистители… Зажигание, — вообще не включается.

Понаблюдав за всем этим техническим хаосом, мы решили, что электронное управление в автомобиле пришло в состояние полного расстройства. Автомобиль обезумел и не поддавался управлению. Вынув из него аккумулятор и ещё кое-что, Славка махнул рукой на свое незаконнорожденное детище.

Жить нам с Сашей на этой квартире оставалось дней десять. Ещё не ведая, куда съедим отсюда, мы доживали август месяц в состоянии чемоданном. Улаживали отношения со своими друзьями-приятелями, прикупили Саше фотоаппарат, который обошёлся ему в 220 долларов, оплатили счета по коммунальным услугам. Занимались чем угодно, лишь бы не работать.

В один из дней я заехал в East River Park и посетил теннисный клуб, который много раз наблюдал с Вильямсбургского моста. Там было кортов восемь, с традиционным твёрдым покрытием, зелёного цвета. Я занял свободный корт и приступил к поискам доступного способа исполнения подачи. Но, спустя минут 15, ко мне обратился пожилой мужчина и спросил, не поиграю ли я с ним?

Отказывать я не умею… Потихоньку приспособились, и, наверное, около часа поиграли в перекидывание мяча. Стало жарко и мы ушли в тень, присели на скамейке. Познакомились и разговорились. Боб пожелал и в будущем играть со мной. Я не стал касаться вопроса своего смутного туристического будущего — просто обменялись телефонами. Пока мы с ним трепались о всяком, к нам присоединилась его знакомая Лаура. После ухода Боба, ей тоже захотелось поиграть. Я не отказал. Подобная партнерша в Бруклине у меня уже была, и я как «танцор» с некоторым опытом, быстро уважил пожилую женщину. Но мы больше разговаривали, чем играли. Это было интересней, чем бегать за непредсказуемыми мячами. Расставаясь, она в знак своего дружеского расположения ко мне, вручила свой номер телефона, по которому я так и не позвонил.

Через недельку во Flushing Meadows Park, Queens должен был начаться теннисный турнир «US Open», о чём всё чаще можно было услышать по местному радио и телевидению. В качестве участника меня на этот турнир не приглашали. Но я подумывал съездить туда на экскурсию, любопытства ради.

Однако события последней недели изменили мои

туристическо-спортивные планы. В один из будних дней мы с Сашей вышли на панель. Прибыв на исходную позицию, мы нашли там всё ту же грустную картину ожидания. Но долго там не пробыли. Саша вступил в переговоры с двумя поляками, подъехавшими специально, чтобы подрядить подсобных работников. Из беглого предварительного разговора с ними, мы узнали, что им нужны помощники на ремонте крыши. Объект находился где-то в New Jersey, они обещали доставлять нас туда и обратно, и платить по 6 долларов в час. Мы согласились.

По пути к месту, что заняло минут 30–40, узнали: работы много, не на один день. И если мы сработаемся, то возможна кооперация с перспективой на какое-то будущее. Имея некоторое представление о поляках, как партнёрах, я не придавал большого значения тому, что они пшекали нам. Меня больше интересовало, что я мог наблюдать из окна автомобиля. Завезли нас куда-то в глубинку штата Нью Джерси. Объектом оказался жилой кондоминиум.

Это такой жилищный кооператив, в хозяйстве которого не только жилое здание, а и немалый участок земли вокруг. Коммунальная территория обустроена автостоянкой, спортивным комплексом с бассейном, теннисными кортами и просто — ухоженные травяные газоны, и цветочные клумбы.

Таких жилых комплексов очень много по всему штату Нью-Джерси. А у главных дорог располагаются торговые центры (mall), где можно найти всё необходимое, от продовольствия до кинотеатра.

Проезжая через территорию штата Нью-Джерси можно видеть непрерывную цепь мелких населённых пунктов, гармонично рассеянных среди лесов и садов. Все пункты объединены сетью автодорог разных масштабов. Большинство жителей штата не представляют себе жизнь без автомобиля. Ибо даже закупка продуктов связана с поездкой в торговый центр, а многие и на работу каждый день ездят в соседние штаты Нью-Йорк и Пенсильвания.

Вдоль автотрассы постоянно видишь указатели с названиями населённых пунктов. Но они так малы и незначительны, что местные жители, сообщая свой адрес, больше обращают ваше внимание не на название населённого пункта, а на номер дороги, направление и номер выхода с дороги, который и приведёт к нужному месту. Если, конечно, они хотят чтобы вы отыскали их.

Когда нас доставили на объект, работа там уже шла полным ходом. На крыше и вокруг жилого корпуса суетилось немало рабочих. Ещё и нас из Бруклина сюда притащили.

Ясно было одно, что экскурсия по дорогам штата Нью-Джерси

окончена и сейчас начнется основная программа… Здравствуй, Грусть! Это снова я.

У меня ещё не зажил палец от прошлого места отбывания, а я прибыл на другое. Место было действительно новое, и это несколько скрашивало ситуацию. Денёк начинался чудный — мечта туриста. Теннисные корты во дворе чётко разлинованы и никем не заняты. К бассейну уже сбежались несколько бегунов-физкультурников. Кто-то плавает, другие выполняют свой комплекс утренних физических упражнений. Меня вернули к реальности представлением ещё одного поляка, постарше. Он-то и оказался нашим работодателем, который поручил своим работникам подрядить ещё двоих подсобников.

Суть дела, с его слов, заключалась в том, что таких жилых комплексов, нуждающихся в различных профилактических ремонтах, здесь много. Но немало и подрядчиков, готовых выполнить эти работы. Отсюда и такая гонка: закончить с одним заказом и поскорей приступить к новому. Наш работодатель получил здесь подряд на ремонт определенного сектора крыши и выполнял его с двумя земляками. Однако, увязнув в подсобных, вспомогательных работах, они решили, что лучше для этих работ пригласить помощников. Итак, они будут выполнять основную работу, а мы, как подсобники, «куда пошлют».

Мы переоделись и нас пригласили на крышу. Двухэтажный дом, окруженный травяными газонами и цветочными клумбами, каждое утро обрастал массой всяких технических приспособлений: лестницы, компрессоры, шланги, электрошнуры. Взобравшись на крышу, я почувствовал, что небольшой наклон поверхности крыши создает ощутимое неудобство для ног. А чёрное рубероидное покрытие быстро нагревается и пышет смолянистым, удушливым жаром. С верхушки крыши открывался чудесный вид. Вокруг сочные, подстриженные травяные просторы, теннисные корты, голубое пятно бассейна и здание гимнастического зала и административного управления. Перед домом — асфальтированное пространство для парковки.

Если пропустить эмоциональные и технические подробности, то можно коротко и просто сказать, что с этого погожего августовского денька начался новый период моего пребывания в этой стране, который образно можно обозначить как «кровь, пот и слёзы».

Насколько я понял поставленную перед подрядчиками задачу, вся эта ремонтная затея была вызвана лишь тем, что некоторые фанерные листы, которыми покрыта крыша, оказались недоброкачественными и начали прогнивать. Их-то и надо было заменить. По моим советским понятиям — не стоило бы, и

затевать весь этот ремонт, вполне прочная крыша…

Фанерная поверхность была тщательно покрыта рубероидными листами (shingles). Поэтому, сначала всё это необходимо сорвать, очистить фанеру, а уж затем, как можно оперативно удалить непригодные листы фанеры и на их место поставить новые. После этого, следовало вновь покрыть фанеру рубероидом. Последняя операция считалась наиболее ответственной, требовала соблюдения технологического процесса, и как завершающая, обеспечивала водонепроницаемость и эстетичный вид крыши.

От нас требовалось: сорвать старое покрытие, сбросить весь этот хлам с крыши, очистить фанеру от оставшихся гвоздей и прочего мусора, а затем доставить на крышу необходимый стройматериал. Что ещё об этом можно сказать?

Слава Богу, у них там оказался один на всех — автоподъемник, который по нашим просьбам, подавал всё необходимое на крышу. Но даже перетаскивать весь этот строительный материал с подъемника на определённые участки крыши, таская тяжести по наклонной поверхности под солнцем… Этого было достаточно. К середине дня, когда солнце поднялось и стало уже не ласковым, как было утром, а пришибающим, мое времяпровождение на крыше являло собой убийственный контраст тому, что происходило вокруг бассейна. Жизнь у бассейна тоже активизировалась. Только наибольшей тяжестью, которой люди утруждали себя там, это 300-граммовые банки охлаждённых напитков. У бассейна стоял автомат-холодильник, выдающий за 50 центов банку с Колой. У нас на крыше такого автомата не было, поэтому я отлучился с объекта и сбегал к этому автомату у бассейна. Никогда ещё обычная содовая вода не казалась мне такой вкусной! Бывали душные дни, когда, гуляя по Нью-Йорку, я носил с собой бутылку с холодным питьём и удивлялся тому, как быстро иссякает содержимое. Но это была иная жажда. Сейчас питьё пожиралось с какой-то полу осознанной животной жадностью.

Перед тем, как сбрасывать с крыши строительные отходы, мы должны были расстелить под домом пластиковое покрытие и прикрыть фанерными щитами окна первого этажа. Эта подготовительная возня на земле, частично в тени, была наиболее лёгкой работой из всего выполняемого нами.

В обеденный перерыв кто-то съездил в супермаркет, привез холодное питьё и чего-то покушать.

Аппетит пропал, зато вода потреблялась не в меру.

В этот день наши коллеги заканчивали участок работы. Покрывали крышу листами рубероида трудно доступный участок

крыши. Они расположились на самом краю, и прибивали листы рубероида в строго определённом порядке, используя для этого специальные пневматические пистолеты, которые заряжались короткими алюминиевыми гвоздями с широкими шляпками. Мы же, должны были подтягивать шланги компрессора, когда надо, спуститься на землю и заправить его бензином или переместить в нужное место. А также… вовремя подавать им всё необходимое для непрерывного процесса. Без нашего участия у них была бы не работа, а мартышкин труд.

Вечером стали съезжаться жильцы. На дворовых кортах появились игроки. Вечерело. В окнах замигали телевизоры, а мы продолжали своё дело. Наши польские коллеги в потемках ползали по краю крыши, лезли из кожи вон, чтобы добить сегодня этот участок. Нас же, сослали на землю, убирать всё, что мы сбросили с крыши. Работа была до отупения «интересной»: подбирать строительный мусор и носилками стаскивать в контейнер. Тем не менее, занимаясь этим, мы могли хотя бы поговорить о своих делах. Обсудить было что. Сегодня мы должны были решить что-то относительно нашего дальнейшего участия в этом изнурительном трудовом процессе.

Другие бригады также гнали квадратные метры до наступления полной темноты. Все эти люди казались мне тяжелобольными. Мы, начавшие работать здесь после 9 утра, уже намотали 11 часов; а большинство этих профессионалов молотят с раннего утра, и им всё мало.

Собирали инструмент и оснастку уже в полной темноте. Складывали всё в грузовой микроавтобус нашего польского босса. Он был явно доволен результатами сегодняшнего рабочего дня. Переоделись, расселись по машинам и выехали. Никто не касался вопросов об оплате нашего сегодняшнего участия и дальнейших отношений. Мы пока тоже ожидали.

Когда уезжали с рабочего места, было около девяти часов и на объекте уже никого не было. Я сомневался в том, что при работе в таком режиме меня надолго хватит.

Босс ехал на своем микроавтобусе впереди, а мы следовали за ним на той же легковой машине, которой нас привезли из Бруклина. Через несколько минут мы заехали на стоянку во дворе такого же кондоминиума, и припарковались. Наше пребывание в этой компании затягивалось. Оказалось, здесь жил босс. И теперь надо было выгрузить из микроавтобуса компрессор, раскладную лестницу и занести всё это в коридор его квартиры. Когда всё было сделано, и мы могли, наконец, ехать домой, они поинтересовались о наших впечатлениях. В ответ, мы тоже спросили, когда можем получить заработанное сегодня?

Польский босс дружелюбно предложил нам поработать с ним недельку, после чего и рассчитаемся, и решим вопрос о дальнейшем сотрудничестве. К тому времени, он ожидал получить оплату за оконченный объект, а также определиться с новыми подрядами. Звучало пше-сладко… Но беспокоил один вопрос:

— А какие гарантии того, что, отработав на вас неделю по 12 часов в день, мы получим свои деньги? — спросили мы почти хором.

— Хлопаки, я вас понимаю, сам так начинал в этой стране. Теперь вы знаете, где я живу. Я оставлю вам свой телефон. В конце концов, со мной здесь живёт жена и малый ребёнок и у меня полно работы вокруг. Ну, куда я денусь? Сейчас я дома запишу, сколько часов вы сегодня отработали и в дальнейшем буду вести учёт. По мере освоения вами этой работы, буду набавлять вам оплату.

— Сколько же часов ты запишешь нам сегодня? — поинтересовался я.

Они посовещались на месте и решили, что сегодня мы проработали на них одиннадцать с половиной часов.

Я мысленно прикинул себе, что домой вернусь не ранее 11, и общее время, потраченное на работу и переезды, составит 14 часов. И за весь этот геморрой, предполагается, что нам заплатят около 70 долларов каждому. Я промолчал, решил обсудить свои грустные расчёты с Сашей. Но босс, словно догадался, о чём я подумал, и прокомментировал мои расчёты.

— Конечно, это не дело: ездить каждый день из Бруклина в Нью-Джерси. Путь слишком длинный. Если вы решите работать с нами, то надо снимать жилье поближе к работе.

Остановились на том, что завтра нас также, только к восьми утра, привезут на объект, и мы продолжим работу.

В Бруклин вернулись в одиннадцатом часу. Наши польские сотрудники жили далековато от нас, в минутах 30 хорошей ходьбы. Договорились встретиться завтра в семь утра на этом же месте.

Домой пришли к 11. Сообщения на автоответчике от Мегги, которая, обещает ожидать меня на теннисных кортах, и от Оноды с его экстренными новостями — прозвучали как из иного мира и едва достигли моего отупленного тяжким трудом и жарким солнцем, сознания. Пока помылись, поели… спать легли около полуночи. Будильник завели на шесть часов.

Сон был тяжёлый. Реакция на будильник нервозно-болезненная. Выспавшимся и отдохнувшим я себя не чувствовал. Мы признались друг другу в том, что если бы вчера получили

деньги за те 11,5 часов работы, то сейчас бы сладко спали, позабыв свои вчерашние обещания и не слыша будильника.

Наспех собрав себе что-то на обед, мы вышли из дома и, молча, побрели на место встречи. Улицы ещё тёмные и безлюдные. Состояние такое, будто спал всего час. Ощущение тела, словно меня тяжелым мешком пришибли. Наши польские коллеги приехали с опозданием минут на 20 и на другой машине. Вид у них был такой же сонный и усталый. Ехали молча. Заднее сиденье их пижонской спортивной машины Pontiac, было неудобно тесным. Но Саша смог уснуть. Завидуя ему, я сидел рядом и тупо бодрствовал.

Когда мы приехали, босс был уже на объекте. Некоторые энтузиасты уже работали на крыше. Я с болью и горечью представлял себе предстоящий рабочий день. Босс, вероятно, имел богатый опыт такой жизни и знал, что всем нам сейчас необходимо выпить кофе. Он уже всё заботливо приготовил, и только после приема порции кофе, призвал нас разбирать оснастку.

В этот день он снарядил нас, как полноценных членов его бригады, специальными плотницкими поясами с многочисленными ячейками для инструмента, гвоздей и прочего. Профессиональная амуниция отягощала меня физически и усугубляла и без того мрачное состояние духа.

Я лазил по крыше в этом поясе-ярме с молотком и специальной лопаткой для срыва покрытия. Выполнял и осваивал порученную работу, чувствуя, как эта горячая крыша пожирает мою плоть. В кроссовках хлюпал пот, вода пилась автоматически, как восполнение пролитого, в мыслях — проклятия и сомнения!

В этот день нам поручили срывать крышу на новом участке, а наши коллеги начали ремонтировать и крыть участок, который мы расчистили вчера. По соседству с нами работали двое ребят из Украины. Один из них — Женя, он приобрёл себе пневматический пистолет и крыл крыши самостоятельно, как субподрядчик. Платили ему сдельно, за конкретно выполненную работу. В качестве помощника-подсобника, с ним работал мальчик ассистент Серёжа из Бруклина. От Жени мы узнали, что работу, которую мы выполняем, можно получить от любого подрядчика. Черновую, подготовительную, — с оплатой по шесть долларов за час, или сдельно за метры квадратные, здесь уступит всякий, ещё и будет благодарен. Кроме того, он рекомендовал нам, в связи с работой здесь, переехать жить поближе. Относительно жилья мы узнали от него же: сейчас можно поселиться в одной из свободных комнат, в доме, где живет он с Серёжкой и другими польскими работниками. На всякий случай, мы взяли у него

телефон.

Рабочий день закончился также, благодаря наступившей темноте. Иначе бы, эти идиоты ни за что не слезли с крыши.

Домой возвращались по тёмному. Дорога в это время была относительно свободна. Ехали быстро, радиоприёмник принимал станции, которых не было в Нью-Йорке. Периодически, вдоль трассы возникали ярко и разноцветно освещённые торговые центры и заправочные станции. Но мы нигде не останавливались, словно наше жизненное пространство было строго ограничено крышей в дневное время суток, и сном в Бруклине ночью. Всё.

Мы даже ни о чём не разговаривали в течение 30 минут совместной езды. Были опустошены во всех смыслах. Хотелось поскорее добраться домой, принять душ и уснуть. Пустота и отчужденность с трудом заполнялась и скрашивалась радио музыкой и мелькающими вдоль трассы огнями.

На следующее утро всё повторилось. Усталость накапливалась и становилась всё более ощутимой.

Из разговоров с Женей мы черпали всякую информацию о возможных путях нашей адаптации в штате Нью-Джерси. Также, мы всяческими способами старались экономить остатки физических сил. Мы облюбовали некоторые виды работ, позволяющие время убить и себя пощадить. Собирая вокруг дома строительные сбросы, мы оказывались вне видимости для наших коллег на крыше. На земле мы могли отдохнуть от солнца и неудобного скоса крыши. Однако, двое наших сотрудников-попутчиков, заметив это, стали ворчать в наш адрес. Они хотели, чтобы мы поспевали и подчищать на земле, и подсоблять им на крыше. Бригадир, как наш общий босс, и человек постарше возрастом, терпеливо и мудро примирял нас и призывал сохранять добрые отношения.

Но после работы, когда мы оказывались вместе, они впереди, а мы на заднем сиденье, отчуждение между нами плотно заполняло тесный салон их спортивной машины. Ехали молча и расставались до следующего утра с взаимным облегчением.

В субботу, когда наш бригадир куда-то отлучился, и мы работали вчетвером, солнце палило нещадно. Автоподъёмника, на котором работал американец, в этот день не было. Нам пришлось таскать листы фанеры из контейнера к дому, а затем затаскивать их на крышу вручную, с помощью каната. Обвязывали лист фанеры, затем поднимались и вдвоём затягивали его на крышу. Этот мартышкин труд ничего не менял в условиях оплаты, но существенно отягощал нашу работу физически и убивал морально. К тому же, это занимало дополнительное время, и немалое. Наше терпение было переполнено тем, что один из

панов плотников, который помоложе, взял на себя полномочия бригадира и начал покрикивать на нас. На его профессиональный взгляд, пока мы сачкуем, ему, бедному, приходится всю работу тянуть одному. В его замечаниях проявилась накопившиеся неприязнь и раздражение. Мы охотно ответили взаимностью.

Позднее, когда приехал бригадир, у них состоялся разговор о нашем дерзком поведении. Бригадир подозвал нас и пожелал выслушать наши претензии. Я доложил ему об очевидных фактах. О том, что мы физически не можем: одновременно, и доставлять вручную фанеру из контейнера на крышу, и подавать ему всякую мелочь. Дураку должно быть понятно, что без автоподъемника мы тратим больше времени и сил! Да ещё и выслушивать упрёки.

Бригадир, при всём своём искреннем желании сохранить дружеские отношения в бригаде, понял, что стороны настроены неприязненно, и уже едва терпят друг друга. Порешили на том, что для субботы, этого более чем достаточно. Для всех лучше будет, если на этом закончить и сделать перерыв до понедельника.

Уезжая, мы просили бригадира подготовить к понедельнику нашу зарплату. Тот обещал.

В Бруклин вернулись рано, что было уже приятно. Поляк, который постарше, хотел знать: встречаемся ли мы в понедельник утром? Или как? Мы ответили, что нам предстоит решить некоторые бытовые вопросы, и всё зависит от результатов нашего переезда. Обещали позвонить. Иными словами, мы остро нуждаемся в отдыхе от вас и вашей интересной работы, за которую ещё надо получить деньги.

Я был счастлив, словно меня за примерное поведение условно досрочно освободили. Наконец-то, у меня есть полдня и завтра целый свободный день. Я не знал, что мне делать, отсыпаться или гулять.

Однако, завтра — последний день августа и в понедельник мы должны освободить занимаемую нами квартиру. В запасе у нас было предложение Жени. И мы могли переехать в какой-то город Trenton и подселиться в доме, о котором он рассказывал нам. Там предлагалась отдельная комната на двоих, по 150 долларов с каждого в месяц. Там же можно и подрабатывать на этих крышах, только не в таком самоубийственном режиме.

Дома, автоответчик передал мне физкульт привет от Боба. С некоторым затруднением, я припомнил, кто это такой. И действительно сожалея, о том, что жизнь заносит меня в чуждую мне среду, я перезвонил ему и заявил о своей физической неспособности встретиться в теннисном клубе. Ни сегодня, ни завтра. Увы! После такой рабочей недели я поверил в то, что

некоторые работы могут превратить человека в обезьяну, во всяком случае, приблизить его к этому состоянию.

Несколько позже, Саша позвал меня к телефону. Я полагал, что это Онода или Мэгги. Не сразу понял, с кем разговариваю и даже переспросил, ибо не смог узнать по голосу. Оказался — мой земляк, с которым мы расстались ещё в начале июля в хасидском лагере. Его звонок был неожиданностью для меня.

Более двух месяцев назад я отправил ему в лагерь письмо со своим новым адресом и телефоном в Бруклине. Не получив ни звука в ответ, понял, что у него пропал интерес ко мне. Вполне по-американски…

Из короткого телефонного разговора с ним, я узнал, что лагерь закончился и теперь он где-то в другом месте. Он спрашивал, где и как я в Бруклине, а я спрашивал: почему он так запоздало объявился? Оказалось, что моё письмо пришло к нему… лишь пару дней назад.

В настоящий момент, о себе я мог лишь сказать, что завтра мы должны освободить квартиру и, вероятно, переедем в соседний штат. Нового адреса и телефона у меня пока не было. Действительно, он задал мне вопрос, на который трудно было ответить… Разговор зашёл в тупик.

В этот день я встретился с Юрием и Славкой, известил их о своих намерениях переехать. Славка заинтересовался и просил позвонить ему с нового места. Я пригласил их зайти к нам и посмотреть наше нажитое имущество. Они кое-что выбрали из бытовой техники и забрали к себе. Затем, просто убивали время потреблением пива и праздными разговорами. После недели проведенной на крыше, такой досуг доставлял мне неописуемое удовольствие. На теннис меня не тянуло. Мутировал в пролетария.

Домой я вернулся поздно вечером. Саша отдыхал. Из его доклада я узнал, что состоялся телефонный разговор с Женей, и тот подтвердил возможность занять отдельную комнату в их доме. Нам было куда переехать.

Кроме этого, он доложил о прочих звонках ко мне. Снова звонил мой земляк, интересовался, не прояснилось ли что-то о моём ближайшем будущем. Саша ответил за меня, что будущее туриста абсолютно непредсказуемо…

По Сашиной просьбе и от его имени, я позвонил оператору телефонной компании и заказал отключить наш номер завтра в полдень. Оператор дотошно уточняла, кто просит об этом. По её требованию, мне пришлось назвать полное имя Саши, номер его карточки соцобеспечения и адрес, где подключён телефон. Проверив данные, она обещала отключение в указанное время, а

также спросила, не хотим ли мы оставить какое-либо сообщение о себе для звонящих по нашему номеру. Например, «этот номер отключён, звоните по такому-то номеру». Нового номера мы указать не могли, так как его у нас пока не было. Поэтому, ограничились обычным автоответом «этот номер отключён».

Полякам-сотрудникам мы позвонили и сообщили, что в понедельник утром в условленном месте не встречаемся с ними. Но сами подъедем на объект к боссу за своими деньгами.

6

Нью-Джерси — штат-сад. Работа с поляками и пролетарский досуг. Атлантик Сити и Тадж Махал. Новая Англия.

29 августа, 1993, воскресенье.

Мы должны были собраться, освободить квартиру и съехать. Поезд, которым мы решили ехать в город Trenton, отправлялся с Penn Station около пяти часов вечера.

Ограничить своё походное имущество одной спортивной сумкой было непросто. Для этого пришлось расстаться с массой вещей. Эти сборы учили тому, что, не имея постоянного места жительства, следует быть очень осмотрительным в приобретении вещей.

Мебель мы, конечно, не выбросили из квартиры, как просил нас хозяин. Искренне верилось, что она представляет какую-то ценность и может ещё послужить кому-то. Поэтому, прежде чем выходить из дома с сумками, мы проверили, не сидит ли на крыльце у подъезда Эрик. Ключи от квартиры оставили на столе, а двери захлопнули. Саша, на всякий пожарный случай, оставил себе экземпляр, который когда-то изготовил дополнительно.

На King's HWY мы сели на поезд метро маршрута N и поехали в направлении Манхэттена.

Как обычно, в воскресенье вагоны полупустые. Пассажиры разных цветов и оттенков. Эксперименты национального героя Михаила Джексона по отбеливанию, послужили здесь для многих примером для подражания. Особенно это движение получило распространение среди молодых чёрных девушек. Цвет лица они корректируют с помощью косметических средств. Например, румяна на щечках. А вот с причёсками экспериментируют более смело. Девушки прилагают немалые усилия, чтобы сделать свои волосы светлее и ровнее. Эффекта блондинки достичь не удаётся, но какой-то светло-ржавый цвет их волосы всё же обретают. Если осветления волос они достигают с помощью красителей, то каким способом они выравнивают свои кудри, мне непонятно. Избавившись от естественных кудрей, их принудительно прилизанные волосы становятся похожими на медную проволоку. И цвет, и форма утрачивают всякие естественные признаки. Такая, вероятно, дорогая причёска выглядит как дешёвый парик из искусственного материала. Но им это нравится.

Также, пользуясь услугами сабвэя, можно наблюдать богатую коллекцию ювелирных изделий. В этом движении, бесспорно лидируют представители латинской Америки, хотя, в их

происхождении трудно разобраться. Цыгане, которые ошиваются по базарам и вокзалам Европы, наверное, лопнули бы от зависти, увидев такое обилие золотых побрякушек. Отдельные пассажиры уподобляются ходячей рождественской ёлке. Мне кажется, что золотые украшения они вешают на себя, руководствуясь не тем, что им к лицу, а исходя из того, что они имеют на данный момент. Следует отметить, что мужская половина украшается значительно активней.

Рекламно-информационные плакаты в вагонах, по-прежнему, рекомендуют звонить в любое время по таким-то телефонам, если вас подвергли расовым обидам, а по такому телефону, если вы, вдруг, оказались беременны и не знаете, что это такое и что с этим делать. По другим телефонам приглашают звонить, если вам надоело жить, и вы собрались уйти в «отставку». Во всех случаях жизни обещают дать ценный совет. Множество плакатов рекомендуют бросить такую вредную привычку, как курение. И запрещают курить в общественных местах. Обращаются и к тем, кто лысеет. Им обещают дёшево и сердито восстановить растительность на голове. Если они обратятся к таким-то специалистам. Напоминают и о том, что надо быть взаимно вежливыми. Делается это в стихотворной форме.

> 'Sir, You are rough and I'm rough,
> But who will write whose epitaph?..'[6]

Подпись: Бродский.

Но все виды агитаций, призывающих к борьбе с курением, наркотиками, лишним весом, расовой дискриминацией и облысением — второстепенны в сравнении с предостережением о свирепствующем СПИДе (AIDS).

К примеру, приводится диалог ученика с учителем…

Юноша: — Я хочу попробовать закурить.

Учитель: — Не стоит, лучше и не начинать.

— Тогда, может быть мне попробовать алкоголь?

— Поаккуратнее с этим, в твоем возрасте лучше бы воздержаться.

— А как насчёт лёгких наркотиков?

— Тем более, не советую.

— Тогда, я хочу попробовать секс.

— Пожалуйста, на здоровье! Вот тебе презерватив.

Складывалось так, что, возможно, я последний раз пользовался услугами нью-йоркского сабвэя. Каким бы их метро ни было местами отвратительным, всё же и любопытного там

немало. И в Нью-Йорке ещё осталось много интересного, что я так и не посетил, не обследовал.

Вышли на 34-й улице, прошли по ней до 7-й авеню и свернули вниз к Penn Station. (Станция Пенсильвания — широко известная как Станция Пенн (Penn Station) — крупнейшая междугородняя железнодорожная станция и крупнейший железнодорожный узел в Нью-Йорке. Этот вокзал Нью-Йорка расположен под Площадью Пенсильвании (Pennsylvania Plaza), городским комплексом между Седьмой и Пятой Авеню и между 31-ой и 33-ей Улицами в Центре Манхеттена. Владельцем является Амтрак. В день обслуживает около 600 000, или около тысячи человек каждые 90 секунд. Именно поэтому станция является самым загруженным транспортным узлом в США и даже самой загруженной железнодорожной станцией во всей Северной Америке.)

Солнышко садилось, вечером уже ощущалась осенняя свежесть. На улицах и авеню в этом районе и в это время масса праздно разгуливающих туристов. Уезжать не очень-то хотелось.

Придя на станцию, мы огляделись, изучили расписание, и нашли нужный нам поезд Нью-Джерси Транзит. Отправление обещали через 40 минут. Купили два билета в один конец до города Трэнтон. Стоил такой билет около 10 долларов. Решение принято. А пока присели среди себе подобных, ожидающих. Я вспомнил, что здесь рядом на 34-й улице есть отделение CitiBank, а мне, вероятно, уже сегодня понадобятся 150 долларов, чтобы уплатить за жилье. Саша остался на вокзале с сумками, а я вышел.

У входа в прихожую банка, где были размещены автоматы ATM, сидел чёрный гражданин с протянутым бумажным стаканчиком. Двери банка, из толстого стекла открывались с помощью пластиковой карточки. Все отделения CitiBank, где я их встречал, размещали свои автоматы таким образом. В нерабочее время туда можно пройти, используя карточку.

Вступив в контакт с банковской машинкой, я сдоил со своего счёта 150 долларов и получил на память бумаженцию с данными о моём текущем балансе, с учётом последней выемки. Я бы назвал это истекающим балансом.

Выходя на улицу, снова встретился с чёрным братом, теперь он взирал на меня с надеждой и нетерпением. Мимо такого взгляда я не смог пройти. Их чёрное, упрямое нежелание работать, становилось мне понятно. Свою солидарность с ним я проявил тем, что оправдал его надежды и опустил в бумажный стакан 25 центов. За это, он сказал, что я — Good Man. И вдогонку пожелал мне удачи. В последнем, я действительно нуждался.

Саша был на месте, но желал, чтобы я подменил его. Я советовал ему отыскать наш перрон, чтобы потом не бегать в поисках.

Наш поезд отправлялся по расписанию. Какое-то время мы ехали через тоннель, а, проехав под Гудзон рекой, вынырнули на поверхности уже в другом штате — Нью-Джерси. Поезд частенько останавливался, кто-то сходил, а кто-то подсаживался. Пару раз проходили по вагонам контролёры, проверили билеты. В течение часа мы переехали штат Нью-Джерси поперёк, и сошли почти на границе со штатом Pennsylvania, сокращено Penn. Нашим конечным пунктом был столичный город Трэнтон, — столица штата Нью-Джерси. Вокзал был в центре города. Когда мы вышли, уже темнело, улицы обильно освещены, вокруг вокзала многолюдно. Там же, у вокзала мы взяли такси. На вопрос куда: назвали адрес Pennsylvania Ave.837.

Водителем такси был стандартный чёрный дядя. Минут через пять он уже выехал на Penn Ave. и спросил у нас, где находится нужный нам дом? Я мог назвать ему лишь номер. Заметив компанию молодых людей, сидящих на крыльце дома, он приостановил машину и спросил о направлении к нужному номеру. Те уверенно указали. Мы были на правильном пути, нам не пришлось разворачиваться. Район, в который мы приехали, очень отличался от центрального, у вокзала. Это был спальный район города, где улицы состояли исключительно из жилых двухэтажных домиков. Слегка освещённая улица, с припаркованными у домов частными автомобилями, редкие прохожие. После Бруклина и Нью-Йорка, наблюдать такое в воскресение вечером было странно. Скоро водитель приостановился перед двухэтажным стандартным домом. Он вышел из машины, открыл для нас багажник и мы забрали свои сумки.

— Три пятьдесят, сэр, — просто буркнул водила.

В ответ, я молча дал ему пять.

— Спасибо, сэр, — тем же тоном поблагодарил меня он, и нырнул за руль, как будто ничего и не должен.

Центральный вход в дом, со стороны улицы, был закрыт. Мы вошли в калитку и по дорожке под окнами прошли в дворик. Из приоткрытого освещённого окна услышали разговор на польском языке, узнали голос Жени. В дом вошли через дверь, выходящую на задний дворик. Пройдя через кухню, мы попали в просторную гостиную комнату, где за столом сидели несколько человек, среди них и Женя. О нас уже знали и, как заметил Женя, мы прибыли своевременно. Он представил нас хозяевам дома. Это были бесцветная женщина, неопределенного возраста, в очках с

толстыми линзами, единственная в этой компании не говорившая по-польски. И её муж — поляк, едва подбирающий нужное английское слово, чтобы выразить что-то своей жене. С первого взгляда было видно… Они любили друг друга.

С моим участием, польский муж порадовал американскую жену хорошей новостью о двух парнях, готовых арендовать пустующую комнату. Женщина моментально преобразилась и вспыхнула искренней улыбкой. Её муженёк суетливо зазывал нас посмотреть комнату. Мы поднялись с ним на второй этаж. Маленькая комнатка оказалась метров 15 квадратных, с одним окном, выходящим во двор и простой самой необходимой мебелью. Надо отметить, что мебель, которую мы оставили в своей бруклинской квартире — шикарна, в сравнении с тем, что мы увидели здесь. Туалет и душевая были рядом, на нашем этаже.

Хозяин, или муж хозяйки дома, очень волновался. Так уж хотелось ему сдать комнатушку.

Посовещавшись, мы решили остановиться здесь на месяц, а там будем посмотреть.

— Сколько, пан? — перешли мы к волнующему его вопросу.

— По 150 долярив с кожного, плюс за электричество и телефон вы платите по счётам.

— Добро, пан. Ты, наверно, хочешь получить деньги прямо сейчас?

— Так, так! И ещё хлопаки, я бы хотел також получить и за последний месяц, — неуверенно пропшекал пан.

— Так это и будет наш первый и последний месяц проживания здесь, — огорчил я пана. И вообще, Женя нам о таком условии не говорил, если пану не пасуе, то мы…

— Добже добже, хлопаки, давайте по 150 и мешкайте тут.

Мне показалось, что полученные от нас 300 долларов спасли ему жизнь. А когда я сказал ему о возможном скором приезде ещё одного жильца, я испугался, что пан начнёт целовать меня. Получив ожидаемое, хозяева быстро исчезли.

К нам поднялся Женя, поинтересоваться: договорились ли мы? Он показал нам, где и что в этом доме. Сам он занимал такую же комнату напротив. Его соседом по комнате был молодой паренек Серёжа, который работал у него подсобником.

Этого юношу родители привезли в Бруклин из Киева. Он ещё учился в школе, но на каникулах решил подработать и связался с Женей. Каникулы, кстати, уже заканчивались и, как я полагал, молодой подсобник скоро должен был вернуться домой в Бруклин.

Заговорив о достопримечательностях города Трэнтона, Женя пригласил нас на экскурсию в супермаркет. Мы с Сашей охотно

согласились, Серёжка присоединился к нам. Мы шли тихими, безлюдными улицами и сравнивали это с Бруклином, в котором каждый из нас пожил. Оказалось, что Серёжа со своими родителями живёт в том же районе, где снимали квартиру мы с Сашей. Я расспрашивал его о том, как поживают школьники, подобные ему, и как ему нравится жизнь в Бруклине после Киева.

Он рассказал о молодёжной тусовке у станции метро линии N, на King's HWY. Действительно, я замечал, что по вечерам там собираются подростки-охламоны.

— И чего вы там поджидаете? — спросил я.

— А ничего, просто это место встречи, а остальное зависит от наличия денег, — пояснил Серёжа.

По пути к супермаркету, мы отметили кое-какое движение на заправочной станции и у ресторанчика быстрой пищи KFC, то бишь, Kentuky Fried Chiken. Сеть таких кормушек также распространена по всем штатам и мало чем отличается от McDonald's.

Супермаркет находился в 10–15 минутах ходьбы от нашего дома. Это было единственное предприятие в большом торговом центре, которое работало до 23 часов. Кроме различных торговых точек, по соседству находился и банк New Jersey United.

Серёжа рассказал нам, как ему нравится этот супер гастроном. Особенно он отметил ассортимент и доступность шоколадных изделий. Женя тоже подтвердил, что таких гастрономов не то что в Бруклине, но даже в Украине нет.

Двери из толстого стекла автоматически раздвинулись перед нашей компанией и пропустили нас. При входе стояли ряды пластиковых корзинок и металлических колясок-корзин. Наши гиды — Женя и Сережа — рекомендовали нам взять по коляске, даже если мы не собираемся делать больших закупок. Обход начали с сельскохозяйственной продукции. Здесь цены на фрукты, овощи, виноград, орехи были немного повыше, чем в бруклинских лавках, но обстановка стоила того. Просторно, чисто, тихо, никакой толкотни. Каждый что-то взвесил себе. Пошли далее.

Серёжа подвёл нас к объекту своей любви и привязанности. Пластиковые ячейки были наполнены различными шоколадными конфетами. Там же были пластиковые ковшики для загрузки и рулоны упаковочных пакетов. Каждый по-хозяйски зачерпнул и отгрузил себе в пакет выбранное. Серёжа рекомендовал мне орех в шоколаде. Я последовал его совету и не разочаровался. Они с Женей рекомендовали нам не стесняться и взять для пробы всяких конфет понемногу, чтобы за время нашей экскурсии по гастроному, это можно было скушать. Разместив пакеты с

конфетами в доступных отсеках коляски, мы покатили далее. Проходя среди рядов с кукурузными хлопьями и прочими коробками, ребята рекомендовали нам забросить в коляски что-нибудь для более хозяйского вида, на время нашей прогулки. Кроме бутафорских покупок, мы стали прикупать кое-что и для себя. Скоро мы выглядели как уважаемые потребители, на которых и рассчитан этот торговый бизнес. Вторая половина этого огромного магазина была промтоварная. Одежда, хозяйственные товары, инструмент… В общем, нам было что посмотреть и скушать.

Перед тем, как выходить к кассам, мы вернулись в продовольственный сектор и оставили там бутафорские догрузки. На кассах в это время уже готовились к сдаче выручки. Покупателей было мало. Мы предъявили к подсчету свои закупки, рассчитались и вышли из магазина. Это место в Трэнтоне нам понравилось.

Относительно нашего участия в ремонте крыш — решили, что завтра утром мы присоединиться к Жене и ему подобным, и с ними доберемся до объекта. Для начала, нам необходимо было получить от нашего польского бригадира зарплату за прошлую неделю. А затем, при желании, мы сможем подрядиться на какую-нибудь работу.

Рано утром мы сидели с Женей на кухне готовые к выезду, и пили кофе. К нашему дому подъехал микроавтобус и просигналил. За рулем сидел поляк с красной от злоупотреблений физиономией. Женя поприветствовал его и коротко пояснил, кто мы такие. В ответ, водитель лишь выразил надежду, что будет получать от нас что-то на бензин, в случае нашей устойчивой кооперации.

Я тихо заметил, что наш водитель переживает тяжелое похмелье. Но Женя объяснил: это его обычное состояние. Едва мы выехали из города, как наш рулевой откупорил банку пива и стал на ходу, украдкой, жадно высасывать содержимое. Женя успокоил, нас, что это никак не повлияет на его водительскую бдительность. А сам водила, прикончив банку пива, повеселел и заявил, что теперь он в полном порядке.

К объекту мы подъехали, когда польские работники уже возились там с подготовительными работами. Переговорив с некоторыми, мы убедились, что чёрновую работу, то есть, срыв и подборку старой крыши, нам готовы предоставить в неограниченном объёме, с почасовой или сдельной оплатой.

Но сначала, мы отправились на соседний объект, где и отыскали своих прежних коллег. Двое поляков, с которыми мы неделю ездили из Бруклина, сидели уже на крыше, а наш босс,

припухший после выходного дня, только подъехал и доставал из машины инструмент. Поприветствовав друг друга, мы перешли к делу. Нам пришлось первыми заговорить о его обещании, рассчитаться с нами сегодня. Пан босс согласно достал дипломат и извлёк из него какие-то бумаги. Наблюдая за его похмельными телодвижениями, я был готов к неожиданностям. Он раскрыл свою учетную тетрадь, согласовал с нами количество отработанных часов, помножил их на калькуляторе на 6 долларов и вычислил суммы по 360 с чем-то долларов каждому. Но вместо ожидаемых наличных, наш благодетель достал чековую книжку и трясущейся рукой стал заполнять чеки. Мы с Сашей озадачено взглянули друг на друга, но не стали отвлекать его от этого занятия, и даже помогли ему написать наши имена. Покончив с чеками, он с видом большого босса, выдал их нам. Это были чеки для предъявления в какой-то неизвестный мне Midlantik Bank штата NJ. Не успели мы спросить его, где здесь ближайшее отделение этого банка, как он вежливо попросил нас:

— Хлопаки, потерпите до четверга, не обращайтесь в банк, пока мы не сдадим этот участок, и мне не переведут деньги на счёт.

На наше немое удивление и сомнение, он поспешил продолжить.

— Не беспокойтесь, я вас не обману, вы знаете, где меня можно найти.

Мы не стали комментировать, лишь обещали подождать до четверга. После такой зарплаты, вопрос о нашем дальнейшем сотрудничестве даже и в мыслях не возник. Мы, молча, расстались. Шагая к соседнему объекту, мы соображали, чего нам следует ожидать от таких чеков? Остановились на том, что это, какая ни есть, а все же, форма признания его обязательства выплатить нам указанные суммы. Утешились.

На другом объекте работа шла вяло. Понедельник для многих был тяжёлым днём. Мы отыскали нашего, уже знакомого нам, водителя, и он указал нам, кто здесь ведает работами. Новый польский босс, узнав, что мы готовы выполнять подготовительные операции, проявил к нам деловой интерес и охотно разъяснил, как и сколько он готов платить за метр квадратный. Мы сообразили, сколько это займет у нас времени, и получилось что-то около 6–7 долларов за час работы.

Выразили своё согласие поработать сегодня, и нас гостеприимно провели на крышу. Под домом уже были накрыты газоны и задраены окна первого этажа. Все было готово к срыву и сбросу.

Босс пропшекал уныло копавшимся работникам о том, что

черновую работу выполнят эти двое хлопаков. Те взбодрились и охотно приняли такую кооперацию. Было очевидно, что эта неквалифицированная работа не представляла для них интереса, отсюда и их уступчивость. Необходимый инструмент нам предоставили. Погода стояла чудесная. Начался сентябрь.

Предоставленный нам участок крыши мы дружно расчистили до обеда, и это заняло у нас меньше времени, чем мы рассчитывали. Но к этой же операции относится и подборка всего сброшенного хлама, что также занимает время. Однако, работники, с которыми мы сотрудничали, избавили нас от этого. Они приступили к замене фанерных листов, а это влечет сброс фанерных отходов, поэтому нас просили оставить всё как есть и не путаться под домом.

Мы отметили выполненную нами работу у представителя нашего работодателя и решили, что на сегодня достаточно. На предложение управляющего начать новый участок, обещали ему сделать это завтра.

Наш водитель и его коллеги, тоже закончили такую же работу и собирались обедать. Вопрос к уставшему водителю о том, когда он собирается отъезжать в Треэнтон, оказался актуальным. Он обратился к своим сотрудникам, заявив им, что, якобы, обещал отвезти нас после обеда в Трэнтон. Те недовольно забухтели, посовещались и решили: если он сейчас смотается в супермаркет и подвезёт им холодного пива, тогда они согласны на его досрочное отбытие с объекта.

Ожидали минут 15. Он приехал с упаковкой баночного пива, и его коллеги пообещали ему закончить работу без него.

По дороге домой, водитель жаловался, как ему тяжко сегодня работалось, и как он благодарен нашему своевременному появлению. В Трэнтоне он остановился на соседней улице, у пивного бара. Там мы и расстались с ним до завтра. Мы ушли к себе, а он в бар, поиграть на бильярде. Так он сказал.

Дома, кроме одной женщины, возившейся на кухне, больше никого не было. Мы помылись и пообедали. Я воспользовался телефоном и дозвонился в Бруклин Славке. Коротко описал ему, что мы здесь имеем. Тот проявил интерес и выразил надежду, что скоро присоединится к нам.

Затем, я связался с Онодой, хотел известить его о своём переезде. Но тот, услышав меня, поспешил выплеснуть последнюю новость. Оказывается, Влада мы не дождались в Батэри парке, потому что тот, по пути к нам, угодил на своем велосипеде под машину! И теперь отдыхает в госпитале. К счастью, обошлось без переломов, но ушибы требуют лечения. Скоро должен выйти на своих двоих.

Ни на один вопрос Оноды: что я делаю в Нью-Джерси и когда вернусь в Нью-Йорк, — я не мог ответить. Обещал поддерживать с ним братскую связь, посредством молитв. Онода пообещал неустанно молиться за мою заблудшую туристическую душу. Я не возражал.

Погода стояла чудная, и мы вышли прогуляться и посмотреть, куда мы заехали. Для начала, мы отправились в уже известный нам торговый центр. Днём там было многолюдно. Мы посетили универсальный магазин с кричащей вывеской «Всё по 99 центов». Там я порылся в куче виниловых пластинок. Среди унизительно уценённых пластинок, я нарыл Ric Ocasek, 1986 года выпуска, «This Side Of Paradise». Фактически — это музыка команды из Бостона The Cars, периода их творческого пика. Проигрывателя у меня не было, но я таки припрятал достойный внимания экземпляр, бережно уложив альбом в самый низ, среди прочего музыкального хлама. Прикупили кое-какие хозяйственные мелочи и ушли.

В другом специализированном магазине можно было приобрести много всего для парикмахерского дела. Особенно впечатлял выбор электрических машинок для стрижки. Конечно же, большинство различных приспособлений были предназначены для работы с очень густой и мелко-кучерявой волосяной африканской растительностью.

Саша всерьёз заговорил о своём давнишнем желании обзавестись автомобилем. Машина нам здесь не помешала бы, и мы решили заняться этим вопросом. Здесь же, рядом с торговым центром, мы зашли на стоянку-распродажу подержанных автомобилей. Бегло осмотрели, но ничего интересного для себя не нашли. Разгуливая по городу, мы отметили, что за всё время пребывания здесь, мы не встретили ни единого товарища в чёрном лапсердаке и шляпе, с трудом верилось, что в городе нет ни единой синагоги. Зато, мы набрели на католический польский костел с памятником у входа ксензу Попелушко.

В этот день мы посетили несколько автостоянок, торгующих автохламом. Везде нас гостеприимно встречали и ласково провожали. Торг был уместен. Но мы решили не торопиться. Купили местные газеты с объявлениями и вернулись домой к телефону. Из всех, заинтересовавших нас объявлений о продаже автомобилей, мы смогли дозвониться лишь по одному номеру. По всем остальным, нам ответили автоответчики и предложили оставить сообщение.

Речь шла о судьбе Ford Escort восьмилетнего возраста. Договорились о встрече-смотринах.

Вечером в дом стали съезжаться наши соседи: кроме Жени и

Сережи, остальные — все поляки. По соседству с нами такую же комнату занимала польская пара. Казимир и его подруга, которые, якобы, подыскивали себе другое место, собирались переехать.

Оригинальностью в проведении своего досуга, наши соседи не отличались. Во главе всех развлечений было пиво. А при более близком знакомстве со многими польскими коллегами, у меня сложилось впечатление, что работают они здесь для того, чтобы пить и кушать. Упоминались и прочие развлечения, такие как культпоход в один из пивных баров или выезд в центр города для съёма уличных девиц. Но эти мероприятия, обычно, проводились в конце недели и в связи с получением зарплаты.

В последующие дни мы, как и все жильцы нашего дома, рано просыпались и выезжали на работу. Времяпровождение на крышах особой радости нам не доставляло, однако ощутимо посвежевшая погода и относительная самостоятельность в производственном процессе значительно облегчили нашу трудовую жизнь. Солнце становилось все менее активно, световой день заметно короче. Новый работодатель обеспечил нас инструментом и стал поручать нам кроме черновых, подготовительных работ, и другие — более ответственные и оплачиваемые операции. Но кроме мелких положительных перемен, назревала и новая проблема.

Дождавшись указанного дня, мы посетили ближайшее отделение Midlantik Bank и предъявили чеки, выданные нам предыдущим польским работодателем. Наше изначально отрицательное отношение к такой форме оплаты труда, к сожалению, подтвердилось. Служащая банка, приняв предъявленные к оплате чеки, обратилась к компьютеру и через минуту вернула их нам, пояснив, что на этом счету недостаточный баланс. Нашими первыми действиями были телефонные звонки к хозяину этих паршивых чеков. Но связаться с ним по телефону оказалось непросто. Объект, на котором мы сейчас работали, находился далековато от его места жительства, и без транспорта мы не могли посетить его. Однажды вечером, он всё же ответил на наш звонок и пропел нам слезную песню о целом ряде неблагоприятных производственных и погодных обстоятельств, по причине которых задерживаются деньги. Взывал он к нашему терпению и пониманию так эмоционально и жалобно, что мы согласились подождать ещё какое-то время. Между тем, слушая его жалобы и просьбы, нетрудно было понять, что пшекает он в нетрезвом состоянии. Наше желание обсудить с ним этот наболевший вопрос не по телефону, а также подстрекательские шутки наших соседей, которые уже знали о

нашей проблеме с польскими чеками, подтолкнули к покупке автомобиля.

Телефон, которым все пользовались, находился в гостиной комнате, и скоро все знали, как за 60-ти часовую рабочую неделю польский босс рассчитался с нами пустыми чеками! В нашем доме это называли компенсацией Советов за аннексированные польские территории. Я высоко ценил их юмор, но такие шутки нас не веселили, скорее наоборот — озлобляли!

Хозяином автомобиля оказался приятный парень. Он рассказал нам о всех особенностях и недостатках своего Фордика, прокатил нас на нём и назвал цену 600 долларов. После непродолжительных торгов, стороны легко сошлись на цене в 500 местных денег. Хозяин тут же снял с автомобиля регистрационные номера, и подписал бумагу, предназначенную для отчуждения данного автомобиля. Продажную цену не указывал, оставил это на наше усмотрение. Получив деньги, он вручил нам документ и пожелал удачной эксплуатации. Насколько я мог судить, все остались довольны.

Теперь, имея возможность относительно свободно планировать своё рабочее время, у нас появилась ещё и возможность самостоятельно перемещаться в пространстве. В первый же вечер, Саша, как владелец личного автотранспорта, подвергся многочисленным просьбам трудящихся, проживающих в нашем доме. Народ просил организовать коллективный выезд в злачные места и привезти в наш дом арендованных девушек. Саша, ссылаясь на отсутствие регистрационных номеров и неуверенное вождение, с трудом уклонялся от этой затеи. Многие так и не поняли: для чего же он тогда купил автомобиль?

Новый работодатель оплатил нам нашу работу, также чеками. Но они были приняты банком, и мы без проволочек получили по ним наличные.

Из-за погодных перемен рабочее время заметно сократилось. У нас появилось свободное время и круг новых знакомых. В наш дом повадились гости, в основном ребята, работающие на одной крыше. Один из них — Стас, присутствие которого в нашем доме обеспечивало стабильную тему для дискуссий. Он был убежденным сторонником регулярного секса и считал, что после работы, поимев душ и ужин, следует организовать и женщин. Своей внешностью и прочими качествами он напоминал мне героя из старого американского фильма «Midnight Cowboy». Ежевечерние коллективные ужины с пивом и откровенные разговоры о ценах на половые услуги в Бруклине, Нью-Йорке и Треэнтоне, ускорили переезд наших старших польских соседей Казимира и его пани. Однажды, вернувшись с работы, мы

обнаружили их комнату пустой.

Обо всех переменах в нашем культурном быте я, как и обещал, докладывал председателю Толстовского фонда — Славке. Из скупых новостей о его бруклинском житие, я понял, что он уже давненько не работает и поджидает ответа на отправленный ещё с моим участием, запрос на предоставление ему нового звания Permanent Resident, постоянного жильца, подтверждаемого документом Green Card. Узнав о вакантной комнате в нашем доме и неограниченных возможностях трудиться на крышах, Славка объявил о своем скором прибытии в Трэнтон.

Также был намерен переехать в наш дом и Стас. Он работал с нами у одного работодателя и часто, приезжая с работы на том же транспорте, оставался ужинать и ночевать в гостиной комнате на диване. Ему также понравился супермаркет, походы в который, действительно, приняли культурно-массовый характер. Стас, как и другие участники этого движения, положительно относился к доступному шоколаду. Но кроме кондитерских удовольствий, он рекомендовал нам обратить внимание ещё на один отдел.

Фармацевтический отдел содержал немалое количество разнообразных препаратов, витаминов и пищевых добавок. И если верить Стасу, то он хорошо ориентировался в этом широком ассортименте. Особенно он рекомендовал всем профилактические, укрепляющие иммунитет, витамины.

Если свидания с уличной барышней, которые он также всем прописал, обходилось минимум в десять долларов, то витамины, выставленные на полках в супермаркете и вовсе не покупались. Он показал товарищам по классу: что и как надо вскрывать и пересыпать в карман. Полупустые упаковки оставлялись на прежнем месте. А уже дома, он бережно выкладывал из карманов разноцветное ассорти таблеток и капсул и тщательно систематизировал их по назначению. В один пакетик — таблетки от головной боли и общего недомогания, а в другой — витамины, стимулирующие половые и прочие потенциалы.

Стас фактически уже жил в нашем доме, хотя и арендовал комнату где-то в центре города. Хозяева дома, прослышав от кого-то о новом госте, постоянно ночующем на диване, пришли с ревизией на тему — кто здесь и в каком качестве проживает?

Гость уже достаточно гармонично вжился в нашу жил коммуну и привязался к щедрому супермаркету. Он был готов поселиться в нашем доме на правах арендатора, но для этого ему надо было дождаться зарплаты. Хозяина такое объяснение и перспектива вполне удовлетворили.

До этого, Стас, как и все мы, какое-то время барахтался где-то в Нью-Йорке. Прилетел из Литвы, рассчитывая на родственное

гостеприимство тётушки, проживающей в Квинсе. Но долго у неё не задержался, предпочел обычный туристический способ выживания.

По его рассказам, он был не настолько близким родственником этой тёте, чтобы жить в её доме сколько ему угодно. У тётушки и без него было о ком заботиться. О любимой собачке…

В тётушкином доме он прожил совсем недолго. Ему пришлось съехать оттуда, потому что обожаемая тётей собачка невзлюбила гостя и с первого же дня его появления в доме, впала в беспокойное состояние. Всё время, когда Стас находился дома, стервозная собачонка гавкала в адрес незваного гостя. Временами её нападки перерастали в бешенство. Все попытки успокоить глупое животное, и надежды на то, что она скоро привыкнет к чужому присутствию, оказались пустыми. Собачье неприятие дальнего родственника из бывшего СССР, становилось для всех невыносимым. Собака сама не спала и другим не давала. Она даже есть перестала. Продолжать этот литовско-собачий дурдом, означало верное и всеобщее умопомрачение. Посовещавшись под лай любимой собачки, решили, что племянник уже достаточно погостил у тёти и ему пора возвращаться домой, в демократическую Литву.

Но возвращаться из Америки на постсоветскую родину так скоро и просто, было не принято и экономически нецелесообразно. Поэтому от тёти и собачки Стас переехал в Трэнтон. Теперь же он вполне комфортно, среди себе подобных, имел свое диванное место в гостиной. А со следующей недели надеялся арендовать отдельную комнату.

В один из дождливых, нерабочих дней мы с Сашей отыскали неподалеку от Трэнтона местное ГАИ (Department of Motor Vihicle), с целью получения регистрационных номеров. Это казённое заведение было мало чем похоже на то, которое мы посещали в Бруклине. Здесь было тихо и чинно. Небольшая группка людей собралась для сдачи экзаменов. Другие, подобно нам, по вопросам регистрации автотранспорта.

Я обратился к служащей, и она выдала нам анкеты. Заполнив их, мы дождались своей очереди и снова попали к этой же служащей. Она приняла от нас анкеты, водительское удостоверение и купчую бумагу, подписанную и выданную предыдущим владельцем. Сверила данные и внесла новые. Сообщила, сколько будет стоить вся процедура, и направила нас на техосмотр. Это можно было пройти здесь же рядом.

Осматриваемые автомобили медленно проезжают через длинный ангар, останавливаясь у каждого пункта осмотра.

Каждый служащий проверял что-нибудь и делал отметку в карточке. Осветительные и сигнальные фары, тормоза, токсичность выхлопов. К счастью, никаких претензий к нашему, уже пожилому Фордику, не предъявили. Получив карточку техосмотра с отметками о результатах, мы вернулись в офис. Там заплатили указанную сумму и получили номерные знаки.

Служащая напомнила Саше, что ему следует сдать экзамен по правилам дорожного движения и поменять водительскую лицензию штата Нью-Йорк на Нью-Джерси, если он намерен жить и ездить в этом штате.

Здесь же, на стоянке мы подцепили новые номерные знаки со штатной символической надписью Garden State (Сад-Штат), и выехали на прогулку по окрестностям Трэнтона. Неподалеку от Трэнтона, вдоль оживленной трассы, было множество различных торговых центров. Все они отличались широтой размаха и товарным обилием.

В Нью-Йорке и Бруклине магазины тех же торговых компаний были стеснены городскими условиями и суетой посетителей. Здесь, тот же магазин WIZ, специализирующийся на торговле аудио-видео-теле и фотоаппаратурой, был современно оборудован, просторен и более привлекателен, чем его отделения в Нью-Йорке и Бруклине. Здесь регулярно проводились соблазнительные переоценки и распродажи. Чего я не замечал в Бруклине.

У входа в супермаркеты частенько дежурили представители торговых компаний и раздавали посетителям мелкие образчики своей продукции. Они предлагали маленькие упаковки с новым шампунем, зубной пастой или угощали кондитерскими новинками, завлекая нас в потребительские сети. Открывая для себя новые торговые места, Саша не ограничивался угощениями шоколадом. Немало внимания он уделял и промтоварам.

Ему нравились огромные, тихие и благоухающие магазины, в которых он опрыскивал себя выставленными для пробы образцами мужской и женской парфюмерии. Тщательно примеряя в кабинках всякую мелкую, но дорогую одежку, он порою, забывал снять её с себя.

Чем больше мы разъезжали по Garden State, тем более он нам нравился. Перемещаясь по разветвленным дорогам, мы часто путались в направлениях и теряли нужное направление. Стихийно попадали в незнакомые места, осматривали их, спрашивали о необходимом нам направлении и ехали далее.

В 20 минутах езды от Трэнтона мы обнаружили городок Princeton. Оказавшись на центральной улице, которая проходила через весь городок и делила его на две части, мы, пока искали

место для парковки, смогли бегло оглядеть город и заинтересоваться им.

Мы медленно ехали по загруженной легковым транспортом и пешеходными переходами центральной улице и высматривали место для парковки. Всё было занято. Продолжая движение, мы отметили, что обстановка на проезжей и пешеходной части центральной улицы — нетипична для американских городов. Всё здесь было более человечно. Водители и пешеходы аккуратнее в своем движении и уступчивей. Архитектура, люди и общая атмосфера напоминали европейские города. Особенно заметно было количество молодёжи. Очевидно и внешнее отличие людей, от тех, которых мы привыкли видеть в Бруклине. Даже не выходя из автомобиля, было заметно, что это не обычный городок, а город-университет, в котором большая часть населения, так или иначе, связана с ним. Даже чёрный парниша на оживлённом тротуаре заявлял о себе не с протянутой рукой со стаканчиком, а гостеприимно распахнутым футляром из-под саксофона. Сам инструмент он повесил на шею и старался привлечь к себе внимание, выдувая из него немузыкальные звуки.

Так, не сворачивая, мы проехали центральную часть города, и нашли подходящее место для парковки на просторной стоянке возле какого-то банка. Въезд на стоянку обозначался, как место для парковки транспорта сотрудников и посетителей банка.

Автомобиль оставили, а сами вернулись в центр города. Первое впечатление о городке было как о месте, в котором приятно находиться. Мелкие аккуратные магазины и ресторанчики напоминали голландский Utrecht. На всём здесь был отпечаток здравого смысла и благополучия.

Этот ухоженный городок грустно напоминал мне о местечке на Юге Украины. Перерытые, неосвещенные улицы с открытыми канализационными люками-капканами и одурманенные наркотиками молодые люди…

Между тем, мы вернулись в центр города, отметили на центральной улице отделение уже известного нам Midlantik Bank, что неприятно напомнило о неразрешённой проблеме.

На другой стороне улицы, напротив банка, был центральный вход на территорию университета. (Принстонский университет (англ. Princeton University) — частный университет, один из старейших и известнейших университетов в США. Входит в Лигу плюща и является одним из самых престижных вузов страны. Находится в городе Принстон, штат Нью-Джерси.

Основан в 1746 году как Колледж Нью-Джерси (англ. College of New Jersey. Стал четвёртым колледжем британских североамериканских колоний. Первые занятия проходили в доме

основателя университета священника Джонатана Дикинсона в городе Нью-Брансуик. Переехал в город Принстон в 1756 году.)

Оказавшись в этом городе, невозможно не заметить его готические здания. Вся университетская территория — подобна парку. Пешеходные и велосипедные дорожки, стриженные травяные газоны, могучие, старые деревья и мелькающие, почти домашние, белки. Учебные и жилые корпуса, католический или протестантский, или универсальный университетский собор. У подъездов в жилые корпуса множество велосипедов. Далее возникли современные постройки: столовая, прачечная и спортивные просторы. Теннисное хозяйство состояло из административного здания и десятка кортов. Большую и наиболее используемую их часть, составляли традиционные твердые корты, зелёного цвета. А также, несколько грунтовых.

На твердых кортах наблюдалось много играющих. Большинство студентов отличались явным теннисным опытом. Некоторые пары состязались, другие просто тренировались. Это было похоже на дисциплину, предусмотренную программой обучения. По соседству, на просторном травяном поле тренировались с яйцеобразным футбольным мячом. Далее группа девушек с тренером осваивали азы бейсбола. Кроме этого, чуть далее, теннисный клуб, располагавшийся особняком, там несколько ребят настойчиво отрабатывали подачу.

Всё мне здесь нравилось. Уходить не хотелось.

Вернулись в город. Посмотреть — интересно, покупать — дорого. Необычные объявления о различных мероприятиях в студенческих клубах: кто-то ищет соседа, с которым можно разделить арендуемое жильё, предпочтительны студенты университета…

Из Принстона уехали с ощущением, что нашли новое, интересное место времяпровождения. Возвращение в Трэнтон — подобно переезду в другую страну. Это и была другая Америка.

Трэнтон условно можно разделить на польско-американскую (трудящуюся часть города) и грязно-праздную — чёрную.

Нерабочие дни по погодным причинам, сблизили проживающих в нашем доме. Коллективные посиделки за карточными играми чередовались походами в пивбары, которых было достаточно по соседству. После усугубления алкоголем, наши соседи всё активнее возвращались к теме о поездке в центр с целью посещения злачных мест. Сашин автомобиль, теперь уже зарегистрированный, мог бы послужить средством для осуществления этих планов. Но Саша постоянно находил всякие причины для отказа. Стас сетовал на то, что при всех удобствах в нашем районе, единственным существенным недостатком была

отдаленность от центра. Но расстояние не стало таким уж непреодолимым препятствием. Мы проделывали пешие вылазки и обследовали новые для нас районы Трэнтона.

Судя по маршрутам, предлагаемым Стасом, он знал о местонахождении всех магазинов уценённых товаров, пивбаров «Go-Go» и мест, где дежурят проститутки. Заведения, обозначенные, как «Go-Go Bar», отличались от обычных пивных баров тем, что там вместо традиционного бильярдного стола, посетителей развлекали танцующие девушки, выряженные по-пляжному. Цены на пиво там ничем не отличались, но обстановка иная. Посетители, преимущественно — мужчины разного возраста, но одной социальной категории. Образно говоря, там собирались мужички, которых не встретишь на улицах Принстона. Это были ярко выраженные представители рабочего класса, многие из них направлялись в бар прямехонько с работы. После нескольких бокалов пива они проявляли и частично реализовывали свои нехитрые интересы. Все их внимание было сосредоточено на танцующей девице. Когда пассивного наблюдения за танцующим объектом становилось недостаточно, они начинали выражать свои симпатии и прочие нежные чувства подвыванием и аплодисментами. Танцующая барышня, зная пожелания трудящихся, отвечала на их вой более откровенными телодвижениями. Между ней и зрителями возникал эмоциональный контакт. Чем гостеприимнее она двигалась, тем дружнее и громче вопили посетители.

Мы заняли пустовавший столик. Нам принесли пиво, и мы стали участниками.

Сами барышни, сменявшие одна другую, особого интереса, на мой взгляд, не представляли. Зато посетители бара и их реакция стоили внимания.

Наиболее созревшие и нетерпеливые, срывались со своих мест и ломились к объекту вожделения. Добравшись до танцевального пятачка, доброхот протягивал к барышне руку с мелкой купюрой, а та одаривала его поощрительной улыбкой, оценивая гостя и его подношение. Приблизившись к своему поклоннику, она подставляла ему одно из мест, куда он мог вложить свой денежный взнос за предоставляемое удовольствие. В зависимости от результатов её оценки, она допускала ходока к лифчику или трусикам, куда тот, замирая от блаженства, запускал свою натруженную лапу и по сигналу хозяйки вынимал, оставив там частичку своей зарплаты. Когда с ходоками-добровольцами наступали перебои, барышня, пританцовывая, сама совершала обход в поисках настоящих мужчин. Из своих наблюдений, она уже знала: какой столик может быть более

зрелым и урожайным — туда она и направлялась. Проявляя внимание и заботу о трудящихся, она шла навстречу их пожеланиям и давала всем нуждающимся погреть руки на своей груди, или в более теплом месте. Обойдя всех желающих, она удалялась в подсобное помещение, где проводила короткий перерыв для отдыха и переучёта. На её место выходила коллега и исполняла свою танцевальную программу.

Как я понял, у завсегдатаев были свои симпатии, они, верно, берегли заготовленную пятёрку для единственной и любимой. Дождавшись её выхода, поклонник, торжественно приближался к своей избраннице, запускал мозолистую руку и получал то, ради чего стоило работать весь день.

Я люблю тебя, Жизнь! И надеюсь, что это взаимно…

По мере потребления пива, в зале становилось шумнее. Количество желающих прикоснуться росло. Возможно, кто-то даже изменял своим любимым, и, отказав себе в лишней порции пива, вступал в кратковременную связь и с другими танцовщицами.

Учитывая настроения клиентов, девушки не засиживались в подсобке, менялись чаще. Уборка урожая требовала от них более активного участия. Скоро они вообще перестали уходить из зала, а оккупировали столик, куда и возвращались на отдых после выступления. Прямо там они доставали собранное, и по-хозяйски упаковывали в сумочки. Они тоже заказали себе выпить и закурили. Но строго по очереди выходили на сцену и подогревали пьяненьких мужчин. Спустя часок или более, мы были замечены, как гости, проявляющие интерес только к пиву. Неоднократные зазывающие остановки у нашего стола ни у кого не вызвали желания оторвать руку от бокала.

Скоро администрация бара решила, что эти парни засиделись. Разносчик пива стал назойливо часто навещать нас с вопросом «чего ещё желаете?» А ничего! — решили мы, и вышли на улицу.

После шумного и дымного кабака, прохладная дождливая ночь показалась тихой и свежей. Нам было в кайф шагать по безлюдным ночным улицам. Ребята обменивались впечатлениями, никто не задавался вопросом, куда мы идем? Скоро мы оказались в пустынном, нежилом квартале, у какой-то мрачной, основательно заброшенной фабрики. Здесь, все дружно остановились и облегчились от выпитого. Кто-то всё же поинтересовался, где мы и куда направляемся? Стас уверенно заявил, что он контролирует наше положение в пространстве и знает, в каком направлении надо двигаться. Выбравшись из квартала промышленных трущоб на живые улицы, мы встретили

двух черных барышень сомнительного санитарного состояния, но соблазнительно дружелюбных. Кто-то спросил у них, как оценивается их дружба? Но они излишне серьёзно завели разговор о разнообразии и качестве предлагаемых услуг. Мы дружно решили, что девушки не настолько аппетитны, чтобы так серьёзно обсуждать их кандидатуры. Стас рекомендовал беречь наше здоровье и не отвлекаться на сомнительные предложения. Советовал не терять моральный облик и дойти до известного ему места, где ожидается широкий выбор достойных девушек.

На углу дежурили несколько человек, половина из них были черны как эта ночь. Стас прокомментировал их состав как неукомплектованный. В короткой беседе с девицами, мы выяснили, что если не вдаваться в профессиональные подробности, то стандартная радость, которая займет не более 15–20 минут, стоит не менее десяти долларов… если человек хороший. Но возможны и варианты.

На вопрос — где остальные красавицы? Нам объяснили, что кто-то занят, а кто-то ушёл из-за дождика. Пребывающие на дежурстве девушки, отличались поношенностью и не вызвали у нас нежных чувств. На этом мы и расстались.

Всю дорогу домой Стас оправдывался, что сегодня, как никогда — скудный выбор, и если мы подъедем сюда в хорошую погоду и не так поздно, то нам обязательно кто-нибудь понравится. В ответ мы критиковали его вкусы и литовские стандарты женской красоты.

Дома я узнал, что звонил Славик и просил перезвонить. Я связался с ним, и он сообщил о своем переезде. С его слов, отношения с хозяйкой дома окончательно испортились. Она раскусила его коварные планы: оформить пособия в Бруклине, и съехать от нее. Для этого ему и нужен был договор аренды жилой комнаты за 220 долларов, чтобы ежемесячно получать эту сумму от соцобеса. Теперь баба Мария называла Славку S.O.B. то есть Son Of a Bitch (сукин сын). Для нас же он оставался Председателем Толстовского фонда.

Я подтвердил, что в этом доме, по-прежнему, есть свободная комната, а также, можно найти работу и все остальное. Он обещал завтра же и приехать.

Между тем, вопрос о поддержании положительного баланса по-прежнему волновал нас, и когда погода позволяла, мы исправно выезжали на работу. Кроме этого, у нас оставались пустые чеки, которые нам всучили за наш тяжкий труд. В банке стабильно отвечали, что баланс на данном счету недостаточен, а на наши телефонные звонки к выдавшему эти чеки, подозрительно молчали.

Однажды вечером, не получив ответа на наш звонок, мы решили навестить нашего упрямо неплатежеспособного пана работодателя. Поплутав немного, мы всё же нашли нужный выезд с дороги и отыскали этот стандартный, сонный кондоминиум. На стоянке у дома его микроавтобуса не было. Предполагалось, что нет дома и хозяина, однако, в гостиной комнате горел свет.

Позвонили в дверь. В ответ — тишина. Один из нас продолжал звонить, другой наблюдал за окнами. В обозримых комнатах никакого движения не заметили. Жилые комнаты размещались несколько повыше, а цокольное пространство отводилось под хозяйственные нужды. Из гостиной комнаты, в которой горел свет, был выход на лоджию, где раздвижные стеклянные двери оставили приоткрытыми. Всё выглядело так, будто кто-то был дома, или вышел на минутку.

Присев в машине, мы решили подождать какое-то время и понаблюдать за домом. Время было непозднее, во дворе стояла полная тишина. Многие окна были освещены. Перед домом никакого движения не наблюдалось. Поглядывая на стеклянные, едва прикрытые двери в гостиную комнату, мы обратили внимание, что лоджия расположена не так уж высоко, и до неё можно добраться.

Понаблюдав за сонным двором, мы решили незаметно забраться на лоджию, а с неё — в гостиную. Каких-либо видимых препятствий для этой попытки не наблюдалось.

Мы тихо вышли из машины и по травке подошли под лоджию. Высота была метра два с половиной. Саша обхватил меня за ноги в коленях, поднапрягся — и выполнил функцию домкрата. Я потянулся руками; и этого оказалось достаточно, чтобы достать и ухватиться за край лоджии. Саша отпустил меня, и я повис на руках. Когда я стал подтягиваться, он подтолкнул меня вверх. С его поддержкой я без труда подтянулся по грудь и закинул на выступающий край лоджии правую ногу. Получилось не очень-то удобное положение. Теперь надо было правой рукой перехватить повыше. Ухватиться было за что. Я глянул вниз и отметил, что, в случае падения, приземлюсь на густую, стриженную траву, да и высота такова, что сильно не разгонишься.

Перехват удался. Снова подтянувшись, я стал на край лоджии коленом второй ноги и уже мог заглянуть в неё. Никого не заметив в комнате, я перемахнул через перила.

На случай претензий ко мне, я имел лишь один аргумент, объясняющий моё вторжение — заведомо пустой чек, выданный мне хозяином квартиры.

Почти не раздвигая приоткрытую стеклянную дверь, я

проскользнул с лоджии в гостиную комнату. Большой, недешёвый телевизор, кожаный диван, включённый торшер. И никого в комнате.

Я бесшумно, по ковру, прошёл через комнату и по лестнице спустился в прихожую. Там не было ни компрессора, ни раскладной алюминиевой лестницы. Предполагалось, что хозяин со своей рабочей оснасткой где-то промышляет, хотя время было уже нерабочее. Я открыл замок и впустил Сашу. Посовещавшись, мы тихо поднялись наверх.

Из освещенной гостиной мы заглянули на кухню. По всем признакам было видно, что здесь кто-то живёт. Далее, из гостиной, по едва освещённому коридорчику мы прошли к двум другим комнатам. Дверь одной из комнат была приоткрыта, но там было темно. Мы тихо вошли в открытую комнату. В полутьме разглядели, что это спальная, а, прислушавшись — поняли, что здесь кто-то спит. В комнатку проникал кое-какой свет через приоткрытую дверь. Скоро глаза привыкли к темноте, и мы смогли рассмотреть спящую молодую женщину с девочкой. Понаблюдав за ними, мы убедились, что они действительно спят, и завидно сладко. Выйдя из спальни, мы проверили и другую комнату. Но там никого не было. Вернулись в гостиную, и присели на диване. Жену хозяина решили не будить, с ней нам говорить не о чем. Осмотрели комнату. Телевизор и видеомагнитофон представляли какую-то ценность, но нам не нужны. К телефону подключена приставка-определитель звонящих номеров. Это объясняло, почему на наши звонки никто не отвечал.

Написали записку для отсутствующего хозяина. Просили его как можно быстрее решить вопрос с необеспеченными чеками. Ибо мы уже сердиты. Обещали вскоре навестить его, если он не ответит. Записку оставили у телефона. Уходя, захлопнули дверь на замок.

Во дворе, по-прежнему, было тихо. Выезжая со двора, мы заметили сиротливо выставленный телевизор. Приостановились. Выглядел он похуже оставленных в Бруклине, но в Трэнтоне у нас и такого не было. Мы забросили его в багажник.

На обратном пути гадали, где может быть наш пан должник? Вероятно, он застрял где-нибудь на объекте, возможно, там остаётся и ночевать. Он хвастал, что у него сейчас много заказов в Нью-Джерси и в соседних штатах.

А нам, пока, ничего не оставалось, как только ждать и посещать банк с его злополучными чеками. В ближайшем отделении Midlantik Bank я уже разговаривал о нашей проблеме с управляющим. Всё, что он мог разъяснить нам, это то, что

рассчитываться заведомо необеспеченными чеками — это нехорошо и преследуется законом. Но виновные всегда находят какое-нибудь благовидное объяснение своим действиям. Поэтому он лишь сочувственно обещал позвонить и дать нам знать, как только на счету появится достаточная сумма.

Дома мы обнаружили поджидавшего нас Славку. Он уже познакомился с некоторыми польскими соседями, чему способствовали их общие интересы. Славка сидел с кем-то в гостиной, потягивал из банки пиво и беседовал на русско-польско-украинском суррогатном языке. Польским соседям пришёлся по душе новый парниша, разделяющий их симпатии к алкоголю и неприязнь к русскому империализму. Для некоторых панов, Славик оказался своим в доску. Готовность всегда выпить, поговорить на польско-украинском языке, а также, его свежеполученная Зелёная карта и некоторый американский опыт — всё это вызывало уважение польских соседей.

Я, например, к тому времени не мог похвастать ни одним из перечисленных качеств. Отсюда и отношения с польскими соседями — просто никакие.

В карты я с ними не играл, так как массовое курение всех участников отталкивало меня физически. Говорить на их языке, или на суржике, который им милее русского, я тоже не мог, да и не хотел. В пивных барах недельную зарплату за одну ночь не просаживал. Для них я был просто русский, живущий в соседней комнате.

Итак, в нашей коммуне прибавилось…

С размещением Славки никаких проблем не возникло. Свободную комнату он разделил со Стасом и таким образом, они стали нашими соседями.

А вскоре после визита с проникновением в жилище, отозвался польский босс и пригласил нас на переговоры. Ждать мы его не заставили, прихватили пустые чеки и выехали на встречу.

Застали мы его в теплом, благодушном состоянии. Гостеприимно предложив нам присесть на кожаном диване, хозяин достал из холодильника пиво, а жена суетливо затеяла приготовление бутербродов. Я понял, что разговор будет длинный, но наличных денег мы не получим. Однако отношение к нам несколько изменилось. Особенно отмечалось нездоровое внимание его жены. Когда завели разговор о деньгах, я понял, что она уже в курсе дела, и вероятно, эта встреча по её инициативе. Она пыталась завести разговор о нашей записке, её интересовало: как наше сердитое послание попало в комнату. Мы предложили — не отвлекаться от основной темы.

В этот вечер нас щедро поили пивом (Саша воздерживался), кормили бутербродами и слёзными историями. Нам пришлось познакомиться с биографией нашего горе-босса.

Родом он оказался из Пшемышля. Там он развёлся и оставил, с его слов, своей бывшей жене и ребенку всё, что у него было: якобы, хороший дом. И теперь, уже работая здесь, он помогает своим польским родственникам, что стало крайне нелегко после рождения ребенка в новой семье.

Мы признали, что жизнь у него нелёгкая, но от своих кровно и потно заработанных денег не отказались. Более того, я заметил, что его затруднительное материальное положение не препятствует ему жить вполне комфортно. Иметь кожаный диван (предмет моей зависти), огромный телевизор и определитель телефонных номеров, чтобы упрямо не отвечать на наши звонки. Я посоветовал ему арендовать жильё поскромней, и тогда, возможно, ему будет, чем оплачивать зарплату своим работникам. А если нет желания снизить потребности, тогда ремонтируй крыши сам или… со своей женой. И не привлекай к своим подрядам случайных работников из Бруклина, которым можно и не заплатить.

В ответ на мои язвительные замечания, он стал рассказывать, как неожиданно для него самого, заказчик приостановил оплату выполненной работы, в которой мы участвовали, якобы, из-за мелких недоделок. Эти недостатки легко устранимы, но в настоящее время, он занят на другом отдалённом объекте, и как только… Так сразу…

Song and Dance, как говорят в Америке. Я понял, что его пше-жалобам не будет конца, и в очередной, им же назначенный день, он даже не позвонит нам, и на наш звонок не ответит. Мы язвительно ответили, что также можем пересказать ему свои истории о тяжёлом детстве и сложном положении в Америке, но приехали мы сюда не для этого.

Почувствовав накал в беседе, вмешалась жена. Она перепшекала с ним и принесла чековую книжку. Я заметил, что это другой счет, но также в Midlantik Bank и поинтересовался, какую пше-хреновину они задумали всучить нам сегодня? Жена ответила, что они готовы выдать нам деньги с их общего семейного счёта.

— А на этом счету есть достаточная сумма? — уточнил я.

— Так, так, — закивала жена.

Я предупредил их, что если это окажется продолжением старого трюка, то я с коллекцией их пустых чеков пойду в полицию или найму незанятого адвоката. Но они заверяли, что в этот раз они жертвенно допускают нас к неприкосновенным

семейным резервам, и уж эти чеки будут приняты к оплате.

Совместными усилиями мы выписали два чека, на меня и на Сашу; при этом, округлили суммы до 400 долларов каждому. О старых чеках, как не представляющих никакой ценности, никто и не вспомнил. Домой возвращались поздно. Всякая работа на завтра отменялась — запланировали посещение банка.

На подъезде к Трэнтону, уже который день, вернее ночь, ремонтировали дорогу. Работы велись по ночам, когда меньше движение. Основную, ремонтируемую дорогу перекрывали — и под светом прожекторов — укатывали новый асфальт. Транспорт пропускали по временной, рядом проложенной дороге. К утру ремонтные работы сворачивали, и до позднего вечера можно было пользоваться новой дорогой. Свежеотремонтированный участок дороги, после каждой ночи становился заметно длинней. Те, кто не проезжал здесь ночью и не видел, как интенсивно идут ремонтные работы, днём могли приятно удивляться переменам. Дорожно-ремонтная техника оставалась на соседней запасной дороге, а основная, обновлённая дорога, словно восстанавливалась за ночь сама по себе. Только чуда здесь ночью никакого не было. За деньги налогоплательщиков, работники по ночам возились с дымящимся асфальтом.

Утром, вместо выезда на работу, мы взяли документы, новые чеки и направились в ближайшее отделение Midlantik Bank, где некоторые клерки уже знали нас. Саша первый предъявил свой чек. Служащая обратилась к компьютеру, сверила подпись и, к нашему удовлетворению, предложила Саше расписаться на обратной стороне чека. Сверив его с предъявленными документами, она отсчитала ему 400 долларов. Затем, эту процедуру прошёл и я. На этом счету нашлось ещё 400 долларов. С этим мы и ушли.

По времени, мы могли в этот день ещё и поработать. Погода стояла хорошая, но такого желания не возникло и мы проехали в Принстон.

Припарковались на стоянке университета, прихватили ракетки, и через травяное футбольное поле прошли к теннисным кортам. Здесь нам также повезло, почти все корты были свободны и никто, ни о чём нас не спрашивал. Какое-то время мы поиграли в нечто похожее на теннис.

Решённая проблема, погожая сентябрьская погода и отличные корты — всё это положительно радовало. В процессе нашей игры мы отметили, что вокруг под оградительной сеткой, немало брошенных теннисных мячей — вполне пригодных для игры. Вероятно, те, кто оставил их здесь, считали их окончательно изношенными, но мы так не думали. После игры собрали урожай

теннисных мячей и вернулись к машине. Забросили в кабину свои теннисные пожитки, и пошли погулять в город.

Через территорию университета мы прошли в центр города. Прогуливаясь по улочкам, ещё раз убедились, что в этом городке всё ощутимо подороже. Зато в нескольких ресторанчиках и кондитерских магазинах обнаружили объявления «Help Wanted», то бишь, нуждаемся в помощнике.

На мои экспериментальные обращения к управляющим таких заведений по вопросу трудоустройства, те автоматически любезно выдавали мне анкету со стандартными вопросами и просили для начала её заполнить. Анкеты я принимал от них, но заполнять и возвращать не спешил. На многие вопросы, содержащиеся в них, я попросту, затруднялся ответить. Теперь у меня был номер соцобеспечения, но если работодатель захотел бы взглянуть на саму карточку, то кроме номера и имени, он обнаружил бы в ней и ограничительную надпись о недействительности данного документа для трудоустройства. С этим надо было что-то делать.

Во всех анкетах наибольшее внимание уделялось послужному списку претендента: где, кем и как долго работал до этого? Кто предыдущий работодатель и как с ним связаться? Если не возражаете. В этой части, моя биография являла пробел. Заполнить который я мог лишь вымыслами.

Что же касается моего единственного американского документа — социальной карточки, то у меня зародилась мысль — подкорректировать её. Я заметил, что многие местные жители предъявляют не оригинал этой карточки, а копию. Вот на копии, я и задумал внести некоторые поправки.

На обратном пути в Трэнтон мы заблудились. Оказались среди лесов и садов. Дорога вполне приличная, но движения редкое: чаще белки дорогу перебегали, чем автомобили встречались. По обе стороны — лес и сады. Неожиданно на ухоженных травяных полянах возникали современные здания из тонированного стекла, словно из Манхэттена завезли и оставили. А далее снова яблоневые сады или кукурузное поле.

К одной такой кукурузной плантации мы подрулили и наломали себе на ужин. Домой вернулись во второй половине дня. Некоторые соседи уже после работы успели отметиться в пивном баре.

Они начали проявлять любопытство к нашим поездкам. Я отвечал, что мы ездим к польскому пану, просим у него свои деньги за работу. Уж очень всем нравилась наша история с чеками, особенно польским наблюдателям. Потешаясь над нашей русской простотой, кто-то из них, в качестве утешения, подсказал мне, что здесь неподалеку, в школе есть хорошие теннисные

корты. Спасибо и на том.

Славке пришёлся по душе сонный польский город, с нескольким пивным барами в нашем районе и огромным, гостеприимным супермаркетом. Он нашёл общий язык со Стасом, который, с переездом в наш дом, тоже стал частенько не выходить на работу, и теперь они со Славкой рыскали где-то по городу. Отыскали несколько урожайных магазинов уценённых товаров и часто возвращались домой с трофеями, которые, довольные демонстрировали нам. Особо, они обращали наше внимание на символические цены.

В ответ им Саша тоже удивлял приобретениями из дорогих магазинов. Его вещи отличались новизной и шиком. Он также обращал внимание на цену вещи, а затем, подробно рассказывал, как она ему досталась.

Вскоре, комната Стаса и Славки превратилась в склад одежды и обуви. Однажды, Стас приволок многократно переоцененный катушечный магнитофон Akai, который где-то купил за семь долларов. В 80-х годах такой катушечный динозавр был мечтой многих моих приятелей, маниакально коллекционировавших музыку на магнитных лентах.

Кроме потребительских радостей, на польских улочках Трэнтона было много мелких туристических и прочих контор с разнообразными услугами. Там предлагалась морская доставка посылок, что было значительно эффективней, чем почта. Эта разновидность доставки была значительно быстрее, дешевле и посылки вручались получателю по месту жительства. Почтовые же отправки, с их таможенными процедурами вскрытия и досмотра, а также алчным вниманием почтовых работников, и вовсе не стоили тех расходов.

Погода приятно свежела. День заметно сокращался. По вечерам становилось прохладно. Работать стало значительно легче, но по-прежнему не хотелось. Свое участие в ремонте крыш мы продолжали скрепя сердце, поддерживая друг друга и подсчитывая своё. Каждый вынашивал свои планы и цели: у каждого были свои расчёты. Кто любит — пиво, кто-то — квас, а кто-то полюбляет просто джаз.

Такое благо, как радио FM, было бесплатно и доступно круглые сутки. Достаточно маленького радиоприемника с батарейками и наушниками. Особенно важно качество последних… Эта мелочь может здорово скрасить досуг. Иногда ночью, упиваясь музыкальным радио-потоком, я долго не мог уснуть, а утром переживал тяжелый подъём. Дождь с утра, исключавший нашу раннюю кровельную деятельность, был оправданием и уважительной причиной для свободного и

праздного дня. В такую погоду мы блуждали на машине по всему штату, рыскали по новым торговым центрам и садам.

В один из таких дней мы нашли небольшой яблоневый сад с обильным и абсолютно нетронутым урожаем. Больно было видеть усыпанные спелыми красными яблоками деревья, оставленные без внимания. Во всех супермаркетах такие же яблоки продавали по 60 центов за фунт.

Вот мы со своим заботливым вниманием и свернули к этому саду. Проехали вдоль него по грунтовой дороге и не заметили никаких признаков чьего-либо присутствия. Несколько подальше, на поле, украшенном огромными оранжевыми тыквами, мы увидели группу людей. Остановили машину. Нас заметили. Это были пожилые мужчины-фермеры, которые всё своё внимание обратили на нас. Мы шагали к ним по полю, а они поджидали.

Поприветствовали их, и те, хотя и настороженно, но приветливо ответили нам. Я сказал, что мы ищем хозяина яблоневого сада и хотели бы узнать, не нужны ли ему люди для уборки урожая. Мужчины положительно отреагировали на нашу хозяйскую инициативу и дружно признали, что пропадает зря хороший урожай.

Как нам объяснили, хозяин сада — не местный и знают они его лишь внешне. Бывает здесь нечасто и с ними не знаком. Как с ним связаться — не знали. Один из них посоветовал оставить, на всякий случай, свой телефон. Другой — рекомендовал обратиться в ликероводочный магазин, что рядом, у главной дороги, якобы, хозяин сада сособственник этого магазина.

Затем, они всё же, поинтересовались: откуда мы? Я ответил. Они удивились. Посыпались вопросы. Они почему-то были уверены, что в России и Украине такого абсурда не бывает, когда по каким-то меркантильным соображениям не собирают выращенный урожай.

Пришлось объяснить, что там, откуда мы приехали, беспорядков в сельском хозяйстве столько, что об этом больно и стыдно рассказывать. Мало того, что свой урожай не убирают. Потом ещё импортируют чужую продукцию…

Мне поверили. А иначе, я бы не ушел от них. Оставили им свой телефон и уехали. Похоже, мы дали им, о чём поговорить в этот день. Мужички провожали нас, как явление редкое и любопытное.

У придорожного ликероводочного магазина была просторная стоянка для парковки. В магазине за прилавком дежурила молодая женщина; нам пришлось подождать, пока она отпускала покупателей. Наконец, она смогла уделить внимание и нам.

Я снова спросил, как нам найти хозяина сада. Она ответила

вопросом на вопрос:

— А кто вы есть?

Я объяснил, какое у нас предложение к хозяину. Она удивилась услышанному, снисходительно улыбнулась и обещала передать хозяину о нашем намерении. Затем, подумав, просила подождать и, подгадав момент между покупателями, стала звонить кому-то. Насколько я мог расслышать, она поговорила лишь с автоответчиком, назвав нас «странные парни». Затем, предложила нам оставить свой телефон, но выразила предположение, что наша затея вряд ли заинтересует хозяина.

Из всего увиденного и услышанного мы сделали вывод, что никому нет дела до яблок, и мы можем чувствовать себя вполне свободно в отношении этих даров природы. Уезжая, мы запланировали вскоре вернуться сюда с наступлением темноты. И с мешками.

Дома нас поджидали Слава и Женя, им не терпелось поделиться с нами важной новостью.

Оказывается, заезжал наш бывший сосед Казимир и хотел поговорить с нами. Он хотел спросить нас: не желаем ли мы поступить на работу в его строительную бригаду?

На наши расспросы о работе: мы смогли узнать от них лишь то, что Казимир гарантирует супер занятость — от темна до темна. И оплату по семь долларов за час, для начала.

Такое предложение нас интересовало и настораживало. Мы обещали связаться с Казимиром.

Славка также интересовался такой перспективой и просил нас уточнить в ходе переговоров о работе, возможно ли, работая в этой бригаде, брать при необходимости денёк отгула для поездок в Нью-Йорк? Его пока ещё волновали остатки беженских фондов, из которых он продолжал черпать. А для этого следовало регулярно наведываться в какой-то нью-йоркский ЖЭК или собес, чтобы подтверждать свою материальную необеспеченность и получать «паёк» (welfare).

Посетить Нью-Йорк нам и самим уже хотелось.

Нерабочий день для такой поездки мы организовали себе вскоре. Ехать решили Сашиной машиной. Славка присоединился к нам. Запланировали посетить Бруклин, пройтись по местам нашего проживания, подобрать запоздавшую почту и повидать некоторых приятелей.

В Бруклине мы сначала заехали на Гленвуд, к Славкиной бабушке-хозяйке. Я не стал заходить туда, пошел Славка. Мы с Сашей остались в машине.

Его не было минут 30, мы уж подумали, что он вернется с массой новостей. Когда же он появился, то из его рассказа мы

узнали, что бабушка, прежде чем выдать ему накопившуюся корреспонденцию, пожелала поговорить о жизни. Упрекала его (S.O.B.) в том, что он бессовестно злоупотребил доверчивостью пожилой, одинокой женщины, решил свои шкурные проблемы и бросил её в интересном положении. Спрашивала она и обо мне. При этом, если верить Славке, называла меня «еврейчиком». Сообщала, что звонил мой земляк и расспрашивал: не бываю ли я здесь, хотел связаться. Звонил он откуда-то из штата Illinois.

Славкин, окончательно разворованный неграми автомобиль, полиция отбуксировала в неизвестном направлении, устав предупреждать владельца транспорта штрафными талонами за недозволенную парковку.

Разобравшись с почтой, Славка выяснил, что среди всего полученного нет ничего ни интересного, ни приятного. Он сочно выругался в адрес бабушки и всех тех, от кого ожидал писем. Особенно он сетовал на то, что в ответ на его обувно-одёжные передачи на родину, он не получил и единого доброго слова.

Саша посмеивался над Председателем, у которого чёрные спёрли аккумулятор из машины, а полицейские утащили останки. Ко всему этому — Председателю ещё и никто не пишет.

В связи со всеми переменами в жизни Славки, я стал именовать его Полковником, которому никто не пишет. Саше понравилось новое звание, и он с издевательским почтением стал обращаться к Славке, как к полковнику.

Затем, заехали на 1877 West 9-ю улицу. Домового Эрика на крыльце не было, да и погода уже была не та, чтобы посиживать у подъезда. Мы зашли с Сашей в подъезд, почтовый ящик оказался забит конвертами и рекламным хламом. В основном, это были всякие извещения из банка и от телефонной компании. Ничего интересного.

Я просмотрел отчёт из CitiBank. Они подробно докладывали мне, когда и сколько я положил, когда, где и сколько снял со счета, и сколько у меня осталось на счету на день отчёта.

Удивила меня одна деталь. Они распечатали мне все случаи получения денег с применением карточки и указывали места, где это происходило, и время, с точностью до минут. Я подумал себе, что так можно пасти перемещение карточки и её владельца во времени и пространстве.

Разобравшись с почтой, мы решили заглянуть в нашу квартиру. Сначала позвонили; в ответ не услышали никаких признаков жизни. Саша достал сохранившийся у него ключ и открыл хорошо знакомый нам замок. Быстренько прошли в квартиру и закрыли за собой дверь.

Внутри всё изменилось. Квартира была абсолютно пустой и

свежевыкрашенной. Ни единой из наших вещей, и никаких признаков нашего недавнего проживания здесь. Картина безжизненно грустная, задерживаться не хотелось.

Договорились, что Саша заедет в гости к Илье, а мы сходим к Юрию. Встретиться запланировали на углу West 9-й и S авеню, в определенное время.

Юру мы застали дома в полном здравии, безделии и хорошем настроении. Тот по-прежнему, продолжал суетиться с товарами компании AmWay. Но в этот раз он не предлагал мне ни стиральный порошок, ни шампунь для мытья автомобиля, которого у меня нет. А тем более, не зазывал меня на собрание коммивояжёров. Он был просто рад нашему неожиданному появлению и расспрашивал нас, как мы поживаем в Нью-Джерси.

К этому времени, я уже решил для себя, что на зиму, вероятно, перееду во Флориду, и поделился с Юрой своими прожектами. Юра же, основательно полюбил Бруклин и не собирался съезжать оттуда. Даже — в Закарпатье.

Осенний, дождливый Бруклин мне показался серым и неуютным. Люди мрачноваты и благоразумно насторожены, когда обращаешься к ним на улице с каким-то пустяковым вопросом.

После обеда пробилось солнышко и стало веселей. Мы праздно сидели на условленном углу, дули пиво из банок и поджидали Сашу. Юра напомнил нам, что пивную банку следует держать прикрытой в бумажном пакетике. Это правило действовало и в Нью-Джерси. То бишь, распивать алкогольные напитки на улице можно, но не должно быть видно, что это алкоголь. Странное правило уличного движения. Оно напоминало мне анекдоты о горбачевской идиотской антиалкогольной компании. Один из таковых анекдотов:

«В госучреждении наступило время обеденного перерыва. Секретарша объявила ожидающим в приёмной посетителям о перерыве и зашла в кабинет своего начальника.

— Чего желаете на обед? — спросила она благодетеля.

— Как обычно: раздевайся, — не отрываясь от бумаг, важно ответил босс.

— Хорошо, я только закрою дверь, — исполнительно отреагировала секретарша.

— А вот этого делать не следует! — строго наказал начальник. — Газеты, дорогая, читать надо… пусть люди видят, чем мы занимаемся, иначе подумают, что мы во время обеденного перерыва употребляем спиртное».

Саша задерживался. Но и нам спешить было некуда. После пива мы перешли к бананам. Юра рассказывал нам о праздничных мероприятиях в украинском баре на 2-й авеню в

Нью-Йорке. А Славка клял — на чём свет стоит — нынешних украинских державных диячив, борцов за незалэжнисть, вчерашних партийных функционеров и сегодняшних мародеров… Полковнику не терпелось вернуться в тихий Трэнтон, и там уже свободно усугубить и забыться.

Саша запаздывал. Полковник сердился-грозился, по приезду в Трэнтон, купить себе не только выпивку, но и автомобиль.

Наконец, появился Саша. За рулем его Фордика восседал Илья. Мы распрощались с Юрием и уехали. Машину вёл Илья; двигатель у него частенько глох на перекрестках. Водители, следовавшие за нами, раздраженно сигналили. Но Илья не обращал на них внимания и забавлялся ручкой переключения передач и педалью сцепления. Чувствовал он себя за рулем на улицах Бруклина — как дома, сказывались профессиональные навыки таксиста. Он не переставал удивляться, зачем это Саша купил себе такое старьё, да ещё и с неавтоматической коробкой передач? Саша отвечал, что ему нравится это «неудобство».

Проехав с нами несколько кварталов, Илья уступил место за рулем Саше, а сам вышел.

Возвращались через Verrazano Bridge (мост) и Staten Island. Саша пребывал в хорошем настроении; поездка в Бруклин пошла ему на пользу. Как я понял, Илья взбодрил его воспоминаниями о Кате, которую приводил ему на день рождения, и выдал Саше её телефон. Саша был доволен до идиотизма и не знал, как проявить переполнявшие его эмоции. Полковник хмуро сидел на заднем сидении, и, не реагируя на Сашины подколки, хлебал пиво из банок. Делал он это демонстративно и сердито.

— Полковник, если меня остановят и оштрафуют за то, что я допустил распитие во время движения, платить будешь ты! И продуктовыми карточками не отделаешься, придётся расстаться с наличными, — доставал его Саша.

— А мне и хочется, чтобы тебя полиция остановила, я бы посмотрел, какой ты тогда будешь разговорчивый, — ворчливо отвечал Славка.

Доехали мы благополучно. Саша в тот же вечер, дождавшись, когда все разошлись по комнатам, дозвонился до Кати и щебетал с ней минут сорок.

В этот вечер, Стас проведал откуда-то о музыкальном мероприятии в каком-то клубе или пивном баре, туда мы и отправились. Нашли это место не сразу, по дороге покупали и пили пиво, Славка усугублял водкой. На каждой, встречающейся нам автомобильной торговой стоянке Стас со Славкой останавливались и рассматривали выставленные к продаже автомобили. По их разговорам я понял, что Полковник всерьёз

задумал купить автомобиль. Ему осталось лишь начать работать и собрать деньги. Предметом его внимания были экземпляры 7–8 летнего возраста с ценами до 1.800 долларов.

Когда мы, наконец, нашли нужное место, было уже поздновато. У входа в ангаро образное здание толпилась разгорячённая молодёжь. Это был последний перерыв, и народ вышел на воздух, чтобы подышать и покурить. При входе обратно они предъявляли билеты, но так как дело шло к финишу, никто не обращал на них особого внимания, следили лишь за порядком. Мы тоже вошли.

Достаточно большое пространство было заполнено молодыми людьми. В одном конце размещалась сцена, на которой возились с инструментами музыканты. А в другом — расположился пивной бар, где бойко шла торговля разливным пивом. Кондиционеры или отсутствовали вообще, или не включались, чтобы больше хотелось пива. Дышать было нечем. Липкая удушливая атмосфера живо напомнила мне летние подземные станции нью-йоркского сабвэя и украинские междугородние автобусы. Потные, возбуждённые зрители, одурманенные пивом, а возможно, и другими душевными средствами, словно не замечали удушья. Они шныряли с пивными бокалами и блестящими от пота лицами, возбуждённо обмениваясь впечатлениями. Эмоциональный накал был очень ощутимым.

Когда же музыканты продолжили свой концерт, моё любопытство было удовлетворено в течение считанных минут. Мне захотелось выбежать из этого кошмарного музыкального ангара на свежий воздух и тишину. Но плотное течение народа вовнутрь не позволяло вырваться. Вдыхая тяжёлый воздух, и едва выдерживая обрушившийся звуковой шквал, я невольно понаблюдал за исполнителями и вытерпел лишь один музыкальный номер. На большее меня не хватило. Коротко это можно оценить американским словом Sucks. Подобный звуковой хлам можно услышать в любом сельском клубе.

Как только появилась возможность, я вынырнул из музыкальной шкатулки на воздух и решил подождать своих товарищей на улице. Там у входа, я рассмотрел рекламную афишу. Она извещала о местной команде из Нью-Джерси, с каким-то претенциозным, абсолютно непереводимым названием. Из приоткрытых дверей вырывались оглушительные, совершенно немузыкальные звуки. Подслушивая их с улицы, я окончательно оценил их музыку, как безнадёжное дерьмо. Я был удивлен, заметив на стоянке среди автомобилей, множество таких, которые прибыли из соседних штатов: NY, Penn. Похоже, что эту команду где-то уже знали, и кто-то хотел их увидеть и послушать

живьём.

Минут десять спустя, грохот прекратился, и молодёжь повалила на улицу как из большой бани. Концерт окончен…

Когда мы нашли друг друга, то дружно удивились тому, что такое отвратное, в музыкальном смысле, представление могло собрать столько зрителей. Я поспешил вставить в свои истерзанные уши наушники и включить карманное радио. Всякая музыкальная станция казалась мне совершенством, после того, что я слышал в этом пивном, потном ангаре. Я подозревал, что основной коммерческой целью организаторов концерта была распродажа пива. Думаю, что свою цель они достигли. Короче, сходили мы в концерт.

Свежая, осенняя ночь с кратковременно моросящим санитарным дождиком, чистый воздух и обилие музыки в эфире. Всё это действовало на меня благотворно. Я люблю тебя, Жизнь!..

Вопрос о завтрашнем рабочем дне уже не терзал, мы решали всё самостоятельно и творчески — в зависимости от погоды, настроения и прочих обстоятельств. Баланс, хотя и медленно, но неуклонно рос. Моросящий дождик в лицо и джазовые сливки в голову и душу. В перерывах между музыкой прослушивалась дружеская беседа товарищей. Они толковали о ценах на автомобили и услуги уличных проституток. Особое внимание уделялось спортивным моделям и чёрным девицам. Конец сентября. Ночь в захолустной столице чудного штата Нью Джерси. Не слышно кричащих сирен скорой помощи, пожарных и полиции, без которых не представляется Нью-Йорк и Бруклин. Пустынные улицы… Вспомнился неубранный урожай яблок. Нам, как обычно, никто не позвонил. А если и звонил, то ответил кто-нибудь из польских соседей и разговор пше-не состоялся.

В подобных ситуациях, когда к ним кто-то обращается на местном американском языке, польская братва отвечает универсальной фразой «I don't know» (Я не знаю). Возможно, некоторые из них не знали значения и этой фразы.

Вскоре, состоялась наша деловая встреча с нашим бывшим соседом Казимиром, пришедшим к нам с предложением поработать в его строительной бригаде.

Это был колоритный тип неопределённого возраста. Внешняя потасканность старила его, но энергия пёрла из него как из юноши.

Наполеоновский рост, угловатые черты лица, беззубый рот и солдафонская манера излагать свои мысли-команды, подсказывали мне, что правильнее будет величать его не Казиком, как он представился, а Кайзером.

Бригадир Кайзер сразу перешёл к делу:

— Хлопаки, працю маете?

— Да, мы работаем. Когда хотим.

— А сколько долярив на годыну вам платят?

— Шесть.

— А я буду платить вам семь! Это для начала, далее посмотрим и возможно добавим. Работы много…

— А что за работа?

— Работа на строительстве, будете помогать. Высоты не боитесь?

Такая неопределенность, да ещё и на высоте, вызвала у нас ряд вопросов к бригадиру. Но Кайзер предложил завтра же выехать с ним и поработать день, в процессе, всё вопросы и прояснятся.

Вступление в строительный батальон Кайзера ощутимо изменило бы наш гибкий график. Но, зная осеннюю изменчивость погоды, мы надеялись, что дождь будет вносить коррективы и предоставит нам свободное время.

На следующее утро, как и договаривались, бригадир заехал за нами на грузовом микроавтобусе и мы трое, ещё полусонные, плюхнулись в грузовой отсек, среди рабочей робы, одеял и оснастки.

Рулевой обоза — Кайзер подбирал сонных членов бригады по окрестностям Трэнтона. Все они, кроме нас троих — поляки. Ехали долго. Почти все привычно спали. Когда начало рассветать, я стал высматривать дорожные указатели. Оказалось, что мы уже выехали из штата Нью-Джерси и находились где-то на территории штата Нью-Йорк. Езда заняла около часа. Наконец, мы въехали в старый город Paterson. Это уже было рядом с рекой Гудзон, на другой стороне которой остров Манхэттен, то бишь, город Нью-Йорк.

По улицам города заехали куда-то в центр и припарковались среди жилых кварталов. По тому, как все закопошились и начали вяло выползать из микроавтобуса, понял, что мы прибыли на объект. Было ещё раннее время и по-осеннему серо. Я не заметил поблизости ничего похожего на стройку. Остановились мы в квартале кирпичных жилых многоэтажек. Жильцы только просыпались. По немногочисленным прохожим и прочим внешним признакам, я определил, что в этом квартале живут исключительно чёрные граждане. Наши польские коллеги неторопливо вытаскивали из автобуса рулоны пластиковой оградительной сетки и металлические штыри. Мы помогали, а они показывали, что требуется делать. Этой сеткой мы оградили сектор тротуара под домом. Я понял, что здесь будут вестись какие-то работы. Взглянув вверх, увидел под самой крышей 16-ти

этажного дома, висящую на балках передвижную стройплощадку. Мысль о том, что мне предстоит забраться туда, да ещё и выполнять там какую-то работу, вызвала у меня чувство глубочайшего дискомфорта. Можно и прямо сказать — чувство страха.

Моим товарищам предполагаемое новое рабочее место тоже не понравилось. Обменялись впечатлениями, суть которых сводилась к тому, что мы снова угодили в капкан.

Мы уже прошли «огонь» на горячих крышах, а теперь коварный, беззубый Кайзер охмурил и завёз нас в незнакомый, чёрный городок, чтобы затащить нас на висящий на тросах помост. Огонь, Вода и Медные трубы! А вернее — кровь, пот и слёзы.

Когда ограждение было установлено, автобус заперли и все направились к подъезду дома. Я втайне надеялся, что для нас найдется какая-то подсобная работа в этом доме. Пусть на крыше, но только не в этой, зыбко висящей на стене дома, качалке. Расспрашивать своих новых сотрудников мне не хотелось. Все они были сонные и хмурые, как это осеннее утро. Бодрствовал только бригадир Кайзер. Он раздавал своим вялым подчиненным команды-указания, сочно удобряя свою шепелявую речь польскими ругательствами.

В подъезде дома, кто-то из бригады привычно нажал кнопку вызова лифта, и мы стали ждать. Было очевидным, что работники пользуются этим лифтом уже не первый раз, и что здесь живут только чёрные собратья. Настенные художества, мусор и устойчивый специфический запах свидетельствовали об их массовом проживании здесь.

Лифт прибыл, раскрылся и из него вышли четверо помятых от недавнего сна представителя. Они были разных полов и возрастов, но одного цвета. Пожилой мужчина приветственно кивнул, и что-то буркнул всей бригаде. По реакции выходящих из лифта жильцов дома, я понял, что строительная бригада здесь, уже не новость для них.

Мы, человек семь, заполнили кабину лифта. Кто-то курил, от кого-то разило алкогольным перегаром, но стойкий запах дешёвой парфюмерии и африканского наследия всё же пробивался. Стены в кабине лифта были густо исписаны разноцветными фломастерами.

Вышли на последнем — 16-ом этаже, и поднялись к выходу на крышу. Металлическая решетчатая дверь была заперта на замок. Кто-то из коллег открыл замок, и все прошли к лестничному маршу, ведущему на крышу. Выйдя на крышу дома, мы обнаружили там стройплощадку. Было очевидно, что работы

здесь не на одну неделю. Нас провели в подсобное помещение, где хранился инструмент и прочая оснастка. Там все переоделись и вооружились инструментом. Кроме прочего, все прихватили с собой специальные пояса, которые применяют при работах на высоте, как страховочное средство. Мы лишь переоделись в рабочую одёжку. Из этой каптёрки вынесли электрический кабель и множество инструментов. Крыша по всему периметру была ограждена каменным бортиком высотой с метр. Мы подошли к краю и заглянули вниз. Внутри всё неприятно сжалось: холодящее ощущение высоты быстро вывело нас из сонливого состояния. Ветерок здесь обдувал не так как на земле. Сквозь лёгкий туман просматривались контуры острова Манхэттена. Мы в ошарашенном состоянии стояли у оградительного барьера и созерцали, как восходит солнце. Пробиваясь сквозь облачность, оно освещало каменно-стеклянные дебри Нью-Йорка. Состояние было совершенно нерабочее. Я бы так и стоял, отрешенно наблюдая за продвижением солнца, и разглядывая этот город-монстр с новой стороны. Из состояния оцепенения нас вывел неспокойный Кайзер. Он звал, чтобы выдать каждому всё необходимое для работы. Доброе утро, Грусть…

Это были абсолютно новенькие комплекты мастерков различных размеров и форм, просто мечта каменщика. А также, пояса безопасности. Кайзер пояснил, что весь этот инструмент мы должны будем вернуть ему в полном наборе. Советовал нам пометить, чтобы можно было всегда отличить своё. Судя по инструменту, работать, предстояло с цементным раствором. Всё это не вызывало у нас оптимизма. Мы тихонько посовещались с Сашей. Он тоже был не в восторге от предстоящего. Но заниматься подробным анализом дерьма, в которое мы угодили, нам не дали. Пригласили к соучастию в процессе.

С помощью электрической ручной мешалки заготавливались коктейли, в состав которых входили; цемент, песок, какой-то строительный клей и вода. Все эти увесистые компоненты кто-то из нашей бригады грузил на передвижную стройплощадку и поднимал нам на крышу. Оттуда всё выставляли на оградительный барьер на краю крыши. А мы должны были принимать доставленные стройматериалы и стаскивать в указанное место, поближе к мешалке. Пока мы таскали это, я прочёл на запечатанных вёдрах инструкцию применения клея, где говорилось, что его не следует смешивать с цементом. Именно этим наши польские коллеги и занимались в настоящий момент. По их польской технологии масса смешивалась пополам с цементом. Полные вёдра заготовленной клейко-цементной смеси мы таскали обратно на край крыши, где их забирали на

передвижные качалки.

Это приспособление они именовали английским словом scaffold, которое в переводе имеет следующие значения: леса, подмост, эшафот, плаха, виселица, поддерживать, подпирать, нести нагрузку.

Таких летательных аппаратов оказалось два. Я осмотрел крепления металлических балок, на которых фактически висели передвижные эшафоты. Всё выглядело вполне надежно. Но мысль о том, что мне предстоит перемахнуть через оградительный барьер и спрыгнуть с крыши в зыбко покачивающийся челнок, неприятно волновала меня. Пара тросов сматывались и разматывались с помощью двигателя и, таким образом, поднимали и опускали челнок. Вниз тянулись ещё и капроновые канаты, и электрический кабель с пультом управления двигателя.

Кайзер притащил ещё несколько комплектов новых капроновых канатов и привязал концы. Я понял назначение этих канатов, и понаблюдал, как он их привязывал. Сделано это было достаточно крепко, чтобы выдержать повисшего на нём человека. Все эти приготовления к спуску наводили ужас. Уже едва интересовало, какую работу мне предстоит выполнять. Волновало, как я смогу вообще что-то делать, находясь на этом челноке между крышей и асфальтированным тротуаром.

— На хрена мне такие семь долларов в час, с полными штанами страха, между небом и землёй!? — думал я себе. Тем более что, час уходит только на дорогу в один конец. Итого — два часа в дороге, которые нам никто не оплатит. В результате — в среднем, со всеми переездами на работу и с работы, а так же с естественными страхами, получатся всё те же шесть долларов на час.

Приготовления были окончены, и Кайзер дал команду. Работники стали опоясываться ремнями, Нам посоветовали делать также.

Я пялил на себя новый хомут, утешаясь мыслью о кратковременности неудобств. А тем временем, Кайзер распределял нас по рабочим местам. Я и Саша были определены на два разных соседних челнока, а Славке дали какую-то работу на крыше. Мои новые коллеги привычно, не пристёгиваясь к канату, перемахнули через оградительный борт и спрыгнули на деревянный настил подвесной стройплощадки. Оттуда выглядывали теперь лишь их головы. Мне предстояло проделать то же самое. Прежде чем преодолеть барьер и расстаться с крышей, я пристегнул карабин своего ремня к канату. Этот карабин свободно перемещался по канату, если его отжать, а в обычном состоянии он цепко фиксировался на канате, не

допуская моего падения. Эта техническая подстраховка не избавляла меня от парализующего страха, с которым я спрыгивал с крыши в челнок.

Подвесная конструкция метра четыре длиной и полтора шириной с металлическими перилами вокруг, не казалась мне такой уж надёжной. При перемещении работников, находящихся на борту, челнок покачивался. Пешеходы и автомобили внизу выглядели далёкими и мелкими. Мне очень хотелось быть среди пешеходов, даже чёрных, и в незнакомом мне городе, но на земле. На эшафоте я оказался с двумя поляками: один постарше меня, другой — молодой. По их советам и замечаниям я понял, что им известны мои ощущения. На нашей подвесной площадке немало пространства занимали вёдра с заготовленным месивом, а также пачки пенопласта размером в метр квадратный и толщиной сантиметров пять. Оглядевшись, я нашёл для себя пространство и вцепился в перила. Верхняя часть стены дома была уже оклеена такими пенопластовыми листами, и я понял, что нам предстоит делать.

Перед тем, как начать спуск, мне показали: как удобнее отжимать карабин, чтобы позволить ему сползать вниз по канату. Кроме этого, требовалось моё участие и в процессе спуска.

Мы распределились по всей длине челнока: двое по краям и один посредине, чтобы отталкивать его от стены. При спуске челнока, он не должен был тереться о стену уже оклеенную пенопластом, ибо так мы могли сорвать всё и испортить ранее выполненную работу.

Все эти ухищрения казались мне опасной высотной акробатикой. Рассказал бы мне Кайзер обо всем этом раньше, я бы и за 17 долларов в час не согласился на такое. Теперь же, надо было как-то преодолевать страх и делать то, что требуют и советуют. А советовали — не смотреть вниз. Я и сам заметил, что мне лучше пялиться в стену.

Заняв устойчивую позицию, вцепившись одной рукой в перила, а другой, отжав карабин, я упёрся правой ногой в стену дома. При совместном и одновременном отталкивающем усилии нам удавалось отчалить от стены на несколько сантиметров. В эти моменты старший коллега нажимал нужную кнопку и двигатели, загудев, разматывали тросы, на которых висел челнок. Таким образом, аккуратно отталкивая от стены груженый челнок, мы короткими шагами спускались вниз. По мере опускания и удаления от крыши, длина тросов, на которых висел челнок, увеличивалась, и отталкиваться становилось всё легче. Подбираясь к середине, к этажу 7 — 8-му, длина тросов была достаточной, чтобы мы могли лёгкими толчками рук удерживать

челнок от стены.

Наконец, мы сползли до того уровня, где пенопласт закончился, и далее вниз шла обычная стена из красного кирпича. Рулевой подрегулировал удобную для работы высоту и отложил пульт управления в сторонку.

— Теперь, — обратился ко мне старший, — твоя задача заключается в том, чтобы быстро и качественно наносить раствор на листы пенопласта и подавать их нам. Он показал, как это делается.

— Темп определяй по нашей работе, чтобы мы могли без задержек клеить листы и не отвлекаться. Уразумел?

— Да, — по-военному коротко ответил я.

— Как тебя звать?

— Сергей.

— Добже, Сергей, вниз не смотри, скоро к высоте привыкнешь. А теперь, смаруй!

Я уткнулся в доверенное мне, нехитрое, грязноватое дело. Равномерно покрывал листы раствором и подавал их коллегам. Чувство времени и пространства у меня напрочь атрофировалось. Когда они оба одновременно придавливали очередные листы к стене, челнок легко отчаливал, а затем с устрашающим толчком приударялся о стену. Я весь был занят работой и преодолением чувства страха. Сам не заметил, как закончился запас пенопласта.

По нашему сигналу, Кайзер с новым подручным — Славкой спустили нам с крыши дополнительную порцию пенопласта, и мы продолжили лепку. Чем ниже мы опускались, тем вольнее раскачивался наш летательный аппарат. Я с надеждой поглядывал на иссякающий раствор. Спускать с крыши ведра с раствором они вряд ли рискнут. Когда раствор, наконец, закончился, я объявил об этом. Коллеги с удовлетворением отметили повышенный темп работы в новом составе.

На соседней галере, где имели Сашу, раствор тоже закончился. Члены экипажей двух соседних челноков перепшекали между собой и стали спускаться. Спуск на этом уровне не представлял никаких сложностей. От кирпичной стены можно было смело отталкиваться, не опасаясь повредить что-либо. Достаточно лёгких толчков, чтобы галера отчаливала от стены и не тёрлась об неё при спуске.

На тротуаре под домом мы оказались одновременно со своими соседями. Наша встреча с Сашей на земле была немногословной. Всё было и так ясно.

Не успели мы вычухаться от первого полёта, как откуда-то появился вездесущий Кайзер. По его окрикам, я понял, что он тоже доволен темпами нашей работы. Дом был более чем на

половину оклеен белым пенопластом. На фоне его, темные глазницы окон уродливо подчеркивали незавершённость задуманного. Тем временем, Кайзер прикидывал своим опытным глазом, сколько понадобится материала и времени, чтобы полностью обклеить незавершённую стену дома. По его команде, уже кто-то нёс из ближайшей бакалейной лавки картонный разнос, заполненный стаканчиками с горячим кофе. Из передвижных контейнеров подтаскивали необходимые стройматериалы.

После короткого кофейного перерыва мы загрузили галеры всем необходимым и стали подниматься по стене к белой границе. В том же духе «Смаруй, Сергий, смаруй…», мы выработали все имеющиеся на борту запасы материалов и поднялись на крышу.

По мере продвижения наверх тросы натягивались все более жестче, и удерживать галеру от пенопластовой стены становилось всё тяжелей. Последние метры мы подбирались к крыше мелкими шажками. Наконец, добрались до уровня, достаточного, чтобы перелезть через оградительный барьер и спрыгнуть на крышу. Сначала мы перекинули пустые вёдра, а затем и сами, становясь на одну из перекладин оградительных перил, забирались на кирпичный барьер и спрыгивали на крышу. Проделывая это, я старался не смотреть вниз.

На крыше Славка очень хотел услышать наши впечатления. А Кайзер объявил обеденный перерыв. Все разбрелись.

Мы жевали заготовленные бутерброды с синтетическими сосисками и созерцали виды с крыши. К этому времени солнышко поднялось, и видимость была отличной. Остров Манхэттен отчетливо виднелся с этой точки и весело поблескивал стеклом. Улицы Патерсона ожили. На соседней улице находилась пожарная служба. Пожарники возились вокруг блестящих, выставленных в стартовое положение, специальных машин.

На другой стороне, во дворе, среди однотипных домов, под звуки рэпаной музыки шла оживленная возня. Из нашего и соседнего дома выползали чёрные жильцы. Кто-то торопливо уходил по своим делам, а молодежь сползалась на звуки каннибальской музыки и кучковалась вокруг этого очага. Двое-трое чёрных жуков присели на этом прикормленном месте и обслуживали клиентов. Даже с высоты шестнадцати этажного дома можно было разглядеть, что там идет привычная торговля зельем.

Некоторые, после короткого контакта с торговцами, уходили. Вероятно, получив желаемое. Другие, видимо, не имея нужной суммы, с какой-то надеждой отирались у торговой точки. Со

стороны можно было подумать, что они торчат там из-за музыки. Но, похоже, здесь всем было известно, вокруг чего вся эта возня. Торговля шла вполне открыто, во всяком случае, процесс получения денег и выдачи сдачи проходил без особых ухищрений. А товар, видимо, хранился где-то поблизости, там и выдавался покупателям, с соблюдением незамысловатой конспирации.

Те, кто не мог позволить себе просто купить порцию и отвалить на свой праздник, отирались там, предлагая услуги или поджидая покупателя-приятеля. Они терпеливо ждали своего счастливого случая. Движение под музыку рэп продолжалась весь день.

Время от времени туда подъезжали ребята повзрослей, они всем своим видом отличавшиеся от дворовых. И машины у них были недешевые. Долго не задерживались. Лишь о чём-то переговорив, что-то забрав и что-то оставив, они уезжали.

А мы, после обеденного перерыва, замесили новые порции своего цементного зелья, погрузили всё это на управляемый цеппелин и спустились на свой уровень. И там занимались тем же, чем и до обеда. Смаруй, Сергий, смаруй…

Согласно расчётам и волевому желанию бригадира Кайзера, две наши, по соседству соревнующиеся галеры, гребли против ветра, изо всех сил стараясь закончить сегодня торцовую стену дома. Кайзер был возбужден. Во время очередной дозаправки материалами на земле, он запрыгнул в нашу галеру и совершил подъём вместе с нами, чтобы лепить пенопласт и одновременно командовать нами.

Делал он это ловко и шумно. Я едва поспевал обслуживать троих клейщиков. Кайзер поторапливал и подбадривал меня, показывал свой способ, как лучше и быстрее мазать это дело на пенопласт. При этом он отечески называл меня, почему-то, Игорем.

Когда солнце уже садилось, и мы выскребали остатки раствора, стена была залеплена почти до карниза. Соседняя галера отставала от нас, и это служило поводом для кайзеровских нападок. Он отечески покрикивал в адрес отстающих, называя их курвами и халтурщиками. Но это никого не обижало. На крышу поднимались довольными. Они — тем, что сделали сегодня больше обычного, а я, тем, что окончился рабочий день, и всё обошлось относительно безболезненно. Славка был занят на крыше; он нарезал на специальном станочке с накаляющейся проволокой какие-то заготовки из пенопласта. Мне уже нетрудно было догадаться, что эти детали пойдут на оклейку вокруг окон. И я уже знал, что нам предстоит делать завтра. Я вникал в технологичесуий процесс. Все снова собрались на крыше и стали

собирать, сматывать и сносить в каптёрку оснастку. Наконец, отмыли от раствора инструмент и руки, все ушли переодеваться.

В это время остров Манхэттен в свете заходящего солнца виделся иначе. Итак, от восхода до заката, мы провели день под руководством железного Кайзера.

Переодевшись, все вышли из чердачного подсобного помещения. Всё что можно было, заперли на замки. На 16-ом этаже пришлось какое-то время подождать лифта. Настроение у всех членов бригады было заметно лучше, чем утром. Похоже, окончанию рабочего дня рад был не только я. Пока ожидали лифт, огляделись.

С площадки перед лифтом можно пройти в два противоположные направления, где вдоль по коридору размещались квартиры. В это время в доме было пошумней, чем утром. Шныряли дети, из приоткрытых дверей покрикивали мамаши, рядом звучала музыка. Везде, где только можно было что-то нарисовать или написать, красовались настенные рисунки и надписи. Утром здесь было чище. Прибавилось прилипших отжёванных резинок, окурков и плевков. Наружные кабели, проходящие по коридору, были грубовато упрятаны под металлический уголок, предохраняя коммуникации от корыстных и хулиганских посягательств жильцов и визитёров.

Я спросил у Кайзера, кто выступает заказчиком работ. И узнал, что дома муниципальные. Местные власти заказали и оплачивают все работы по отделке. Делается это в целях утепления. Самих же жильцов, как мне показалось, эти хлопоты не очень-то заботили. Как пояснил мне всезнающий Кайзер, плата за проживание в этих домах чисто символическая, к тому же, многие жильцы — хронические клиенты социального обеспечения (подобно нашему Полковнику) и пользуются квартирами фактически бесплатно. Эксплуатируют они это муниципальное жильё не очень-то бережно. Всё вокруг нещадно засерается, а когда становится холодно, регулярно учиняются пожары. Так что, пожарная служба по соседству — это не случайность, а горькая необходимость.

При спуске, на каком-то этаже к нам в лифт втиснулось ещё пару человек. Я стоял в углу, лицом к стене и не видел, кто зашёл в лифт, но почуял новый запах крепкого алкоголя.

На улице уже темнело. Мы собрали оградительные причиндалы и грузили всё в автобус.

За весь день я не видел в городе ни единого белого человека. Это был специфический городок Патерсон, штат Нью-Йорк.

Наконец, всё было готово к отъезду домой. Проехав пару кварталов, Кайзер снова припарковался. Удивились остановке

только мы, остальные коллеги живо зашевелились и половина из них выпрыгнули из автобуса. По тем поручениям, которые им давали оставшиеся в автобусе, я понял, что здесь делаются закупки. Спустя минут пять, они вернулись с пакетами. Как только расселись, наши попутчики стали разбираться с покупками. В основном это было пиво, водка, сигареты и кое-какие продукты. Процесс употребления начался незамедлительно.

При выезде из города мы попали в автомобильный затор, и какое-то время ползли, пока не выбрались на трассу. Весь путь домой занял около часа. Но коллеги не томились в пути, они привычно усугубляли заготовленные напитки и обильно окуривали нас с Сашей. И вообще, они чувствовали себя вполне комфортно; я бы сказал, они были счастливы. О себе я этого сказать не мог. Езда в тесном грузовом микроавтобусе с курящими попутчиками была для меня продолжением работы. Только за этот утомительный час нам никто не платил. По нашим расчётам, в этот день мы отработали часов 11, не считая времени на дорогу. Такой режим можно было вытерпеть лишь недолго.

Домой приехали поздним вечером. Времени и сил на какие-либо развлечения или дела уже не оставалось. Полное опустошение и заработанные — 70–80 денег. Пассажиры попросили Кайзера высадить их возле пивного бара. Это было рядом с нашим домом, и мы тоже выпрыгнули из прокуренного автобуса. Я удивился тому, что мои попутчики после такого длинного, рабочего дня, вместо того чтобы поспешить домой, направились в пивную. Хорош отдых и применение тяжело заработанных денег!

Добравшись до своей комнаты, я с великим облегчением сбросил с себя одежду и обувь. Саша оказался расторопней и первым оккупировал душевую. Пока он мылся, я плюхнулся на своё спальное место, напялил наушники и законтачил с радио. Попавшая мне на глаза теннисная ракетка, показалась мне вещью чужой и вызывающе изящной. Еще несколько таких рабочих, дней от темна до темна — и мне ракетка больше не понадобится. И никакая музыка меня не проймёт, и мыться каждый день не захочется, ибо через ночь снова на работу.

После душа стало веселей. Благо, наш супермаркет работал до 11 вечера. Это было великим удовольствием, после 12-ти часовой возни с цементом, расслабиться и шагать пустынными тихими улочками, смакуя мысль об ужине и сне. Я люблю тебя, Жизнь, я с работы шагаю устало…

Нам было, что обсудить. Сам Кайзер даже не спросил нас, согласны ли мы продолжать работу в его бригаде? Он был так доволен, что не допускал и мысли, что такое может кому-то не

понравиться. А сами мы думали по этому поводу следующее: работёнка, которую он нам подсунул, конечно же, не мёд. Одна только высота чего стоит! Но мы решили поработать до конца недели и посмотреть, что мы за это получим. Если оплата этих тягот и лишений скрасит ситуацию, то можно будет потерпеть какое-то время. К тому же, все дни такими длинными не будут. Световой день идет на убыль, ожидаются и дождливые дни. Таким образом, режим станет более щадящим и до ноября можно выдюжить.

В супермаркете мы познакомились и разговорились с работающим здесь старым поляком. Его нехитрая задача заключалась в поддержании чистоты на территории продовольственной половины.

В разговоре с нами, он заверил нас, что наши шоколадные шалости никого здесь не беспокоят. Важно, что мы регулярно покупаем продукты. Он поведал нам об огромном фургоне, плотно подогнанном к служебному ходу с тыльной стороны супермаркета, в который сбрасываются продукты, срок годности которых истёк. Многие из этих продуктов ещё вполне пригодны к потреблению, но это бизнес. Риск того, что кто-то из потребителей предъявит иск, вынуждает изымать таковые и сбрасывать в контейнер. А поставщики, регулярно доставляющие продукты, забирают наполнившийся контейнер с невостребованными продуктами и увозят прочь. Наши шоколадные щипки в таком массовом товарообмене — едва ли ощутимы. Нас озадачила проблема невостребованных продуктов, мы представили себе, сколько таких контейнеров увозят от супермаркетов по всей стране!

А старый поляк пожаловался нам, что его работодатели, при таковой расточительности, так зажимисто платят ему за его не умственный, но общественно полезный труд. Мы ответили, что наша работа, на наш взгляд, также убийственно дёшево оценивается, поэтому мы и подслащиваем своё пролетарское бытие орехом в шоколаде, заодно спасая его от порчи и выброса.

Ночь пролетела, как десять минут. Сигналы о подъёме долетели до моего сонного сознания неким болезненным недоразумением. Мне привиделось явление Кайзера, поджидающего нас перед домом. Нетерпеливо сигналя гудком своего уставшего грузового автобуса, он ворчал что-то о нашей медлительности и неискоренимой лени. Его мрачное лицо зловеще подсвечивалось тлеющим окурком, хронически торчащем в беззубом рту.

От такого кошмара я начал приходить в себя. Саша уже одевался; делал он это в темноте, как лунатик. Полковника я

встретил, когда тот шёл в санузел. Он был уже одет, но помятый, неумытый и не совсем проснувшийся. Назвать такое утро «добрым» не поворачивался язык. Не успели мы спуститься на первый этаж, как услышали уже реальный сигнал подъехавшего к дому автобуса. Каждый посмотрел на свои часы. Ещё не было и половины седьмого. Сонно бормоча проклятия в адрес маньяка Кайзера и такой жизни вообще, мы достали из холодильника заготовленные с вечера свёртки с бутербродами и выползли на улицу. За рулем сидел мрачный, как это осеннее утро, Кайзер. Во рту дымил окурок, угловатая физиономия тускло освещалась зелёным светом от приборной доски.

— Чешь, хлопаки! — по-военному рявкнул он. — Просыпайтесь, курвы! — приятельски подбадривал нас. Мы как зомби расползлись по углам грузового отсека, примостились среди одеял и рабочей робы, и провалились в дремоту. Рулевой обоза Кайзер, совершая маршрутные остановки, подбирал таких же сонно мрачных членов своей бригады. Становилось всё тесней. Кто-то курил, от кого-то разило алкогольными парами совсем недавно выпитого.

Всё это напоминало мне Советскую Армию с казармой, двухъярусными койками, храпом и смрадом.

Расстояние до Патерсона было преодолено в бессознательном состоянии. Мы начали приходить в себя, когда почувствовали, что въехали в город. Припарковались на прежнем месте, под домом. Все, кроме бодрого и шумного бригадира, выползали как сонные мухи. На улице проделали те же подготовительные, оградительные, процедуры, а затем лифтом поднялись на 16-й этаж. Подъём в каптёрку и переодевание происходило в атмосфере всеобщего тягостного похмелья. Такое единодушное отношение к предстоящему труду хоть как-то, морально облегчало нашу участь. Также радовало и то, что сегодня не понадобился инструмент, и не стали замешивать цементные коктейли. Зато каждому Кайзер выдал специальные тёрки: дощечка с ручкой, рабочая сторона которой была покрыта крупнозернистой наждачной тканью. Такой инструмент тоже ничего приятного не обещал.

В том же составе мы погрузились в галеру, и, не спускаясь, приступили к своему не умственному труду. В этот раз, мы должны были затереть неровности, возникшие на стыках пенопластовых листов. Это действо вызывало мерзкие шершаво-скрипучие звуки и снегообразную пенопластовую пыль, которая попадала в глаза и нос. Занимались мы этим недолго. Вскоре с крыши прохрипела команда Кайзера и мы, приостановив процесс зачистки, вернулись в исходное положение — у крыши.

К этому времени, тыловая бригада в лице Полковника приготовила для нас пенопластовые детали для оклейки вокруг окон и некоторое количество раствора. Подав всё заготовленное нам на галеру, Кайзер выразил надежду, что до обеда мы обеспечены всем необходимым для беспосадочных полётов. Рабочий день у этого маньяка был расписан от темна до темна: только знай — пахай, как немой!

В этот раз, вместо метровых листов пенопласта, мы клеили узкие, тонкие планки вокруг окон. Мазни было меньше, но приходилось подгонять размеры с помощью ножа. Позднее, когда жильцы дома начали просыпаться и реагировать на нашу возню вокруг их окон, у меня появилась возможность вступать в контакты с некоторыми из них. Все они были чёрные, и все задали мне один вопрос: не страшно ли нам на такой высоте работать? Я честно всем им ответил, что мне страшно и грустно. Они сочувствовали, некоторые даже признались мне, что не полезли бы на моё место ни за какие деньги. Некоторые интересовались, что мы намерены делать далее с их домом, — неужто так, и оставим его бело-пенопластовым?

Я удивлялся убогости и запущенности в их комнатах, которые разглядел через окна. Наш транзитный быт, который мы организовали себе в бруклинской квартире, стащив туда мебель и бытовую технику с улиц, был просто роскошным в сравнении с тем, что я увидел. Всё, что я мог наблюдать через не зашторенные окна, лишний раз говорило о том, что мы различны не только цветом и запахом.

В одном окне я повстречался с молодой парой. Чёрный парень упражнялся-выпендривался перед своей подружкой, выдавливая из саксофона неуклюжие звуки. Наше неожиданное появление у окна удивило их и отвлекло парня от его занятия. Я спросил, какая музыка ему нравится? На что тот, не задумываясь, ответил, что лучше рэпа нет на свете! Тогда я порасспросил его о музыке известных американских чёрных музыкантов, которые хотя и далеки от любимого ему рэпа, но всё же достойны внимания. О своих старших собратьях; John Coltrane, Miles Davis и современного Joshua Redman он никогда не слышал, и его реакция была такой, словно я их выдумал на крыше и теперь со своими шутками разъезжаю от окна к окну.

Мои польские коллеги тоже проявили любопытство к нашим беседам и спросили меня, о чём это я с ними? Я коротко ответил им, что предлагаю парню оставить свою трубу и перебраться на нашу галеру, смаровать со мной в пару. Но тот отказался.

— Ещё бы! Их теперь на такую работу и палкой не загонишь, — прокомментировал старший галеры. Он скорее будет

наркотиками торговать на улице и зарабатывать на этом за день то, что мы не всякую неделю имеем…

Так день и прошёл в подвешенном состоянии: примерка, подгонка, мазня, приклейка, осмотр комнат странных жильцов, короткие, пустые диалоги. Наконец, получасовой обеденный перерыв на крыше и снова в галеру.

До первого этажа так и не дошли, решили закончить завтра. Кайзер недовольно ворчал. Покидали объект в сумерках. Традиционно остановились у бакалейного магазина и заправились пивом.

Домой прибыли в полной темноте. Время под душем, за ужином и на прогулке в супермаркет пролетело быстро. До утреннего явления Кайзера оставались считанные часы, и мы вынуждено пораньше отходили на покой, зная, как тяжко будет завтра заставить себя проснуться и лезть в этот ненавистный, прокуренный автобус. Засыпал под радио музыку. В паузах о погоде на завтра упоминались кратковременные дожди. Они называли это shower (то есть — душ).

Я поделился с Сашей своими надеждами на неполный рабочий день, но в ответ от него услышал лишь ровное сопение. Отложив радио в сторонку. Я последовал его благоразумному примеру.

Утро началось как обычно. Но уже по пути на работу, из замечаний Кайзера я понял, что прогноз погоды на сегодня волнует не только меня. Бригадир планировал рабочий день с учётом предполагаемых осадков. Я заметил, что невозможность налепить побольше пенопласта чрезвычайно беспокоило Кайзера. Все работы, связанные с применением клея вызывали у нашего бригадира нездоровый интерес. Мне кажется, что если бы он мог организовать работу в две смены, круглосуточно, то он бы не слез с этого дома, пока не обклеил бы его полностью. К этой работе он относился подобно азартному игроку, у которого пошла масть и он спешил получить от улыбнувшейся фортуны как можно больше.

Инструкция к клею предписывала применение его в чистом виде, без всяких домесов. Надо полагать, и смета работ учитывала соответствующее количество клея. Но Кайзер, как опытный строитель-шабашник, знал, что клей также неплох, если его замешивать с цементным раствором. К тому же, делалось это в пропорции почти две трети цементного раствора и одна треть клея. Кашу маслом не испортишь!

До меня начало доходить, почему он возит в своем автобусе вёдра с клеем. С работы домой он везет несколько запечатанных полных вёдер, а на следующее утро, эти же ведра, уже подчистую

опустошённые, едут с нами обратно на стройку, для отчета. Предполагалось, что сэкономленный клей продавался кому-то в Трэнтоне. Вероятно, заказчиком был какой-нибудь польский строитель-предприниматель. Эти дополнительные интересы, естественно, стимулировали нашего бригадира, этим-то и объяснялся его производственный лихорадочный энтузиазм.

Не сегодня-завтра зачастят осенние дожди, и работа с клеем будет вынужденно приостановлена. А манипулировать материалом он может лишь при условии выполнения какого-то объёма работ и расхода строительного материла. Так что понять Кайзера нетрудно. Ему сейчас не до сна, когда в его распоряжении масса невыработанного клея, который можно подменять более дешёвым цементом, а остатки продавать налево.

Вход на крышу всегда был заперт. Ключи от замка — у Кайзера. Если он посылал кого-нибудь из работников вниз, то, вручая ключ, строго инструктировал, чтобы решетчатая дверь, перекрывающая вход на крышу, всегда была закрытой. Посторонним вход на стройплощадку был категорически воспрещён, как в секретную лабораторию! Недопустимость посторонних требовалась обеспечением безопасности. Естественно, мы не могли допустить, чтобы в то время, когда мы возимся на своих галерах, где-то между 13-м и 14-м этажами, на крышу залезли предприимчивые местные жители, и начали скручивать всё, что можно продать, в том числе и механизмы, обеспечивающие безотказное функционирование нашего висящего управляемого дережабля. Так что, все работы велись в условиях полной секретности и недоступности для посторонних глаз.

А дожди, препятствующие налаженному делу, были для Кайзера, как соль на рану! Пока доехали до Патерсона, погода начала подавать очевидные надежды на неполный рабочий день. Кайзер поглядывал на небо и проклинал всех и всё, словно именно мы виноваты в плохой погоде. Вероятно, он сожалел о том, что не подрядил нас в свою бригаду раньше, что позволило бы ему преуспеть в этом деле.

В добавок к погоде, в этот день не работал лифт. В течение нескольких минут мы топтались перед входом в лифт, тупо жали на безжизненную кнопку вызова и слушали непрерывную ругань бригадира. Наконец, кто-то из жильцов сообщил, что лифт сегодня не работает. Наш трудовой десант, пыхтя и поругивая такую сякую жизнь, зашагал вверх по лестнице. Пешеходное восхождение на крышу было не только производственной необходимостью, но и познавательной экскурсией.

Весь 16-ти этажный лестничный лабиринт являл собой богатую и живую иллюстрацию соцкультбыта местных жителей. Разумеется, всё стенное пространство было плотно украшено рисунками и надписями, откровенно отражающими чувства, настроения и желания авторов. Особенно удручало антисанитарное состояние лестницы. Кроме обычного бытового мусора, лестница была обильно усеяна использованными шприцами и презервативами разных калибров. Последние, кстати, были различных цветов. Это почему-то напомнило мне о наступающих ноябрьских праздниках на моей родине-уродине. Цвета презервативов были, преимущественно, тёмные, под цвет потребителя. Как дождливые ноябрьские праздники.

Кайзер, возглавляя бригадное восхождение, непрерывно ругался. Обзывал курвами пердоленными всех, кто проживет

здесь, особенно тех, кто испортил лифт. Он не сомневался, что сделали это умышленно, и непременно — негры! Он клял грязь и вонь на бесконечной лестнице, неисправный лифт, погоду и нашу пассивность…

К работе мы были готовы позднее обычного. Все как будто притомились после пешего подъёма, и теперь не спешили приступать к работе. Но бригадир не позволял расслабляться. Раздал всем наждачные тёрки, распределил работников по галерам и дал команду драить пенопласт, пока позволяет погода!

Остров Манхэттен в это пасмурное утро не блестел стеклом, а лишь мутно просматривался. Отдельные его макушки сливались с низкими, серыми облаками. Опоясываясь ремнем безопасности, я подумал себе, как здорово было бы сейчас гулять по улицам Нью-Йорка. Ни жарко, ни холодно… Временами — моросящий дождь. Теннисные корты в центральном парке увлажнены, нет пыли и знойного солнца. Из центрального парка, где я мысленно находился, меня грубо вернули на крышу тем фактом, что Кайзер залез в нашу галеру с воинственным намерением поработать с нами. Это не обещало ничего хорошего.

Мы четверо распределились по всей длине галеры, каждый со своим веслом. Бригадир определил всем равный сектор обработки. Шкрябонина в тесной компании с этим маньяком — вдвойне утомительное занятие. Он набросился на пенопластовую стену, как на своего заклятого врага. Драил пенопласт с каким-то остервенением. Похоже, он вкладывал в это занятие весь свой бригадирский гнев на испортившуюся погоду, не позволяющую ему сегодня работать с клеем.

Кайзер быстрее всех обрабатывал свой участок стены и начинал ворчать на нас, подгонять и помогать то одному, то другому, работающему рядом с ним.

— Игорь, курва! Шо ты гладишь его как бабу! Драить надо, драить, — ворчал он на меня и показывал, как это следует делать. Пенопластовая крошка разлеталась во все стороны, попадала в глаза и нос, вызывала аллергическое действие. Глаза слезились, нос сопливился. Тем временем, тучи созревали, но дождя всё не было. «Heavy cloud but no rain…» Увы!

Едва мы заканчивали каждый свой сектор стены, как бригадир давал команду приспускать галеру. А как только мы приостанавливались на новом уровне, он без передыху набрасывался на стену. Поспеть за ним было невозможно. Это не человек, а какая-то машина-бригадир. Пыхтит своей сигаретой, зажатой между редкими зубами, весь в белой крошке, шаркает тёркой и недовольно ворчит…

Совершив несколько шагов-спусков, мы заметно опередили

соседнюю галеру. Это отвлекло внимание и гнев Кайзера, и он стал орать и погонять отстающих соседей.

Чем ниже мы опускались, тем свободнее раскачивалась на тросах галера. При одновременном налегании на стену четверых гребцов, мы плавно отчаливали от неё чуть ли не на метр. В этот момент мы не могли работать. Мы приостанавливали на секунду своё дело и смягчали руками причаливание к стене. К нашему облегчению и недовольству Кайзера, это обстоятельство поумерило ритм зачистки. Из-за болтанки, пришлось сбавить темп гребли.

Уже наступило время обеда, но бригадир словно забыл обо всём, кроме работы. Мы не осмеливались гневить его лишний раз своими замечаниями. Он и так постоянно ворчал, что мы работаем, как сонные мухи. Однако с соседней, безнадежно отставшей, галеры стали доноситься робкие стоны недовольства, напоминавшие о законном перерыве на обед. В ответ на их скулёж, Кайзер посмотрел на небо и рявкнул им, что они сегодня ещё недостаточно поработали и не заслужили обеденного перерыва. Те удивленно пожали плечами и с кислыми лицами неохотно уткнулись в стену. Саша подавал мне знаки сочувствия. От такого темпа стало жарковато. К потному лицу прилипала крошка, через расстегнутую рубашку пенопласт попадал за пазуху, я чувствовал, что уже весь облеплен этой крошкой.

Расчёты Кайзера подтвердились. Ему удалось задержать нас в работе почти до двух часов дня, без единого перерыва. Наконец, обещанный прогнозом дождик добрался до нас. Сначала, он вяло и редко закапал, но скоро перешёл в достаточно интенсивный ритм, чтобы помешать нашей работе.

Соседняя галера, не дожидаясь команды Кайзера, потащилась наверх. Бригадир сочно выругался в адрес дезертиров, обозвал всех нас работниками хреновыми, и неохотно дал добро на перерыв.

Собравшись на крыше, мы стали гадать, как нам быть дальше. Пообедать, пока дождь, или совсем пошабашить на этом, и — домой? Предположение о том, что этот дождь затяжной, и сидеть здесь в ожидании хорошей погоды — пустая трата времени, пришлась всем по душе. Кроме бригадира. Сначала мы спрятались от дождя в каптёрку, а там, как само собой разумеющееся, сняли с себя подмокшую одёжку и переоделись. Хотя окончательного решения принято не было, все переоделись и были готовы к отъезду домой. Бригадир понял, что сегодня ему уже не удастся организовать работу, да и дождь не утихал. Он поворчал себе под нос и присоединился к общему движению. Хотя и обозвал всех нас гнилыми хлюпиками, лентяями и

дезертирами.

Выезжая из Патерсона, его попросили остановиться у бакалейного магазина. Из ворчливых замечаний Кайзера в адрес некоторых членов бригады, я понял, что те уже пропили всё, что надеялись получить в конце недели. Из магазина наши коллеги вернулись основательно затоваренные пивом и водкой. Домой ехали в состоянии повышенного настроения. Работнички шумно распивали закупленное, а мы с Сашей строили планы на сегодняшний день. Накопилась масса мелких повседневных дел, которые можно было решить только в рабочее время.

Кайзер замкнулся и мрачно гнал автобус. Вёдра с клеем сегодня он не вез. Нет расхода на работе — нет и излишков — простора для частного предпринимательства.

Выбравшись из города на свободное дорожное пространство, он погруженный в свои командирские думы, увлёкся и гнал со скоростью, ощутимой даже в темноватом грузовом отсеке. Мы, как пассажиры, внимания на скорость не обращали, но это заметил полицейский из дорожного патрулирования. Мы все услышали истеричное завывание сирены. Вопросительно взглянули в сторону рулевого. Только он имел возможность обозревать боковой и задний вид. По его реакции стало ясно, что сирена подвывает в наш адрес. Физиономия Кайзера выражала смятение и испуг. Он послушно стал снижать скорость и перестраиваться в крайний правый ряд. В ответ на его послушание смолкла сирена. Наши коллеги поспешили спрятать все пивные банки и бутылки. Дорожные правила всех штатов запрещали распитие алкогольных напитков во время движения автотранспорта, даже пассажирам. Следить за этим и не допускать такового обязан водитель. Все почему-то решили, что нас остановили в этой связи, и теперь гадали, как полицейский мог разглядеть, что они, сидя в полуосвещённом грузовом отсеке распивали пиво-водку?

Спустя минутку после остановки, к нашему рулевому подошёл полицейский. Он был полукровкой (семейство баклажанов), и свой горячий темперамент он продемонстрировал сходу. Как только приблизился к нашему бригадиру, без всяких формальностей сорвался на крик. Похоже, ему стоило немалых усилий добраться до мчащегося с повышенной скоростью микроавтобуса. И теперь он не мог удержаться от удовольствия выплеснуть накопившийся гнев на зарвавшегося нарушителя.

По его форме я понял, что он догонял нас на мотоцикле. Патрулирование дороги в такую погоду на мотоцикле, надо полагать, не повышает настроение.

Из его гневного вступления я понял, что водитель Кайзер —

многократно «fucking» и грубо игнорирует знаки об ограничении скорости. Также, я разобрал, что все участки, где скорость движения была ограничена пятьюдесятью милями в час, мы пронеслись со скоростью не менее 70 миль.

Как только тот сделал паузу в своем бранном замечании, водитель воспользовался этим и вставил заготовленную в свое оправдание фразу; «I polish people… I don't know…»

Услышав такое объяснение, полицейский сначала опешил, затем сочно выругался и потребовал водительское удостоверение. Бригадир торопливо и молча выдал ему таковое. Полицейский бегло взглянул на фотографию, сравнил её с оригиналом и снова грязно выругался. После чего ушёл к своему мотоциклу. Притихшие пассажиры осмелели и стали выяснять, кто что понял. Все успокоились: проблема не в том, что они распивали в транспорте. Спустя несколько минут полицейский вернулся с водительским удостоверением и квитанцией о штрафе. Он несколько поостыл и хотел убедиться, что polish people хоть что-то понял из его замечаний. Возвращая Кайзеру удостоверение с квитанцией, он глянул в направлении грузового отсека и спросил, не говорит ли кто-нибудь здесь по-английски? Я получил сразу несколько пинков и толчков с разных сторон, что означало «ответь ему поскорей что-нибудь!» Я послушно пробрался к водительской кабине. Полицейский с интонацией брезгливости и усталости просил объяснить этому «fucking polish people», чтобы тот помнил, в какой стране он находится, и что местные правила следует соблюдать.

— Если этот идиот намерен и далее разъезжать по штату Нью-Джерси, то он должен сменить своё водительское удостоверение, выданное ему в штате Massachusetts, на местное. А лучше, — вообще убраться из штата Нью-Джерси. Но прежде, пусть заплатит штраф 60 долларов.

Слушая его урок, я послушно кивал головой и искренне желал, чтобы он побыстрей отпустил нас. Ибо, если он захочет ещё и взглянуть на других polish people, которые были с явными признаками опьянения, то бедному Кайзеру тогда достанется на орехи. К всеобщему облегчению, убедившись, что все его ценные указания приняты и будут доведены до polish ideots, полицейский позволил нам ехать далее. Кайзер поспешил это сделать.

Я передал ему замечание полицейского о его водительском удостоверении другого штата. По реакции бригадира стало ясно, что для него это вовсе не новость, и он уже имел подобные замечания.

В ответ, он лишь пробурчал, что надо быть более бдительным… курррва!

Пассажиры, после миновавшей опасности, допивали ещё шумнее и веселее. Они отпускали шутки в адрес рулевого обоза. Типа: Кайзеру никак нельзя уезжать со стройки до наступления темноты! Предлагали ему принять пару капель на грудь и расслабиться. В ответ на их издевательства, он лишь пыхтел сигареткой и поругивал всех и всё, себе под нос. Небо просветлело, и дождь приостановился. Кайзер был темнее тучи. Спустя какое-то время, на все шутки в свой адрес он ответил полу-приказом, полу-просьбой, — оставить ему немного водки. Я представил себе, как по приезду в Трэнтон, бригадир поставит точку в этом неудачном для него дне, мрачно хлобыстнув стакан водки.

Встреча с сердитым полицейским неопределенного цвета, вынужденным зарабатывать на жизнь, патрулируя дороги на мотоцикле под дождем, напомнила нам о том, что у Саши тоже водительское удостоверение соседнего штата Нью-Йорк. Но это не столь важно, как отсутствие страховки на случай причинения ущерба кому-либо. Езда без таковой возможна лишь до первой остановки и проверки.

Мы уже заходили с ним в одну страховую контору по этому поводу. Но там, услышав о стоимости недавно и впервые приобретенного Фордика, и изучив Сашино водительское удостоверение, выданное в Бруклине всего пару месяцев назад, не проявили особого желания вступать с нами в страховые отношения. Я удивился их нежеланию, и тогда они предложили нам страховку, но на таких условиях, что нам и самим расхотелось. Теперь, это была одна из текущих задач, на которую у нас не было времени, из-за вступления в бригаду Кайзера.

Проезжая уже по пригороду Трэнтона и высаживая подвыпивших работников, мы, благодаря раннему возвращению до темна, заметили неподалеку от нашего квартала автомобильную свалку (junk yard).

Въездные ворота на свалку были широко распахнуты. На территории стояли авто-экземпляры ещё подающие надежды на восстановление, а также горы прочего авто-хлама. Кроме этого, на обочине проезжей дороги, не на территории свалки, но рядом, были припаркованы несколько автомобилей запущенного вида и без каких-либо признаков принадлежности. Ни регистрационных номеров, ни надписей о продаже… Они показались нам бесхозными и, мы решили посетить это место в ближайший вечер.

После душа, мы поторопились в банк. Как ни странно, но в самом Трэнтоне и на территории штата Нью-Джерси мы не встретили ни единого отделения CitiBank. Вопрос о хранении поднакопившихся трудовых сбережений давно назрел. Мы

присмотрели удобный для нас New Jersey United Bank, отделение, которого было рядом с супермаркетом, который часто посещали. Туда мы и направились со своими наличными сбережениями.

Атмосфера в банке была провинциально уютна и гостеприимна, в отличие от любого отделения банка в Бруклине и Нью-Йорке. Я обратился к служащей и спросил, с кем мы можем решить вопрос об открытии счёта. Она указала нам на женщину итальянской внешности, занятую с клиентом. Прождав не более пяти минут, мы были приглашены к её столу. Вопрос, с которым мы обратились, не представлял никаких сложностей. Она привычно разъяснила нам условия открытия и пользования обычным сберегательным счётом. Просила нас предъявить какие-нибудь документы, удостоверяющие личность. В этот раз, оказалось достаточным предъявить карточку соцобеспечения. Она внесла в компьютер данные, спросила о нашем адресе, попросила оставить свои автографы на каких-то бланках — и через пару минут выдала нам копии, в которых указывались номера счетов, дата их открытия и сумма вкладов. На этом процедура была окончена.

Я поинтересовался о возможности пользования ATM машинкой и она направила нас к другой служащей, вручив нам по пластиковой карточке этого банка. Её коллега приняла копии бланков с нашими банковскими данными, пошаманила над компьютером, показала, куда и как вставить карточку, и где набрать задуманный четырёхзначный номер PIN (Personal Identification Number).

Запрограммировав карточки, она разъяснила, что мы можем пользовать всеми банковским автоматами, подключенными к системам, указанным на карточке. А также, рекомендовала правильно набирать свои PIN. Мы обещали. Одно дело было сделано.

Затем мы отыскали неподалеку контору страхования автомобилей. Трое служащих явно скучали, попивая кофе. Наше появление обнадежило их, и они проявили готовность выслушать нас.

Прежде, следует пояснить, что пошли мы в страховую контору не для того, чтобы застраховать полюбившийся нам Фордик и обезопасить себя страховкой на случай его угона или повреждения какими-нибудь злоумышленниками или неосторожными водителями. Такие виды страхования — необязательны и это делается по желанию владельца автотранспорта. Мы вынуждены были, согласно, их законов, застраховаться на случай причинения нами вреда кому-то. Этот вид страхования источников повышенной опасности —

обязателен, вероятно, во всех нормальных странах. Это решает проблемы, возникающие в следствии дорожно-транспортных происшествий. При наличие такового страхования, в случае причинения кому-либо материального ущерба, возмещение такового не зависит от возможностей виновного. Все счета предъявляются в страховую компанию, которая получала от субъекта страховые взносы. Компания должна иметь резервный фонд для таких случаев и обязана возместить ущерб, причиненный по вине её клиента. Это правило исключает привычные для нас ситуации, когда владелец автотранспорта, виновный в причинении материального ущерба, отвечает потерпевшей стороне, что у него нет средств, и он не может ничего поделать. В лучшем случае, этот ущерб погашается годами.

Поэтому везде, (кроме СНГ), эти проблемы решаются с участием страховых компаний. А наличие такой разновидности страховки у водителя также необходимо, как и водительская лицензия. Эксплуатация автотранспорта без страховки рассматривается как нарушение.

В конторе я коротко заявил о целях нашего визита, и женщина пригласила нас к рабочему столу. Первое, о чём она спросила, это водительская лицензия и бумага, выданная при регистрации автомобиля, подтверждающая право собственности. При всей её доброжелательности и желании оказать нам услугу, всё же было заметно, как озадачили её факты крайне незначительного водительского стажа клиента, отсутствие какой-либо страховой истории в прошлом и смехотворная стоимость 8-ми летнего Фордика. Она посовещалась со своим коллегой-мужчиной. Тот спросил Сашу о его водительском опыте до получения водительской лицензии в Бруклине, и как далеко и много ему приходится ездить теперь.

Я рассказал от имени приветливо улыбающегося Саши, что до приезда в страну, он в Росси имел достаточный водительский опыт. А здесь ему нужна машина лишь для того, чтобы ездить на работу да с работы, неподалеку от Трэнтона.

Слушая мою историю, опытный дядя уважительно кивал головой, а затем дал добро своей коллеге. Оставалось узнать на каких условиях они готовы вступить с нами в страховые отношения.

Женщина снова вернулась к компьютеру и скоро выдала приемлемый для них вариант. Саше предлагалось, для начала, купить страховку на три месяца, общая стоимость которой 300 долларов. При этом они хотели сразу получить оплату за первые два месяца, то есть 200 долларов.

Мы посовещались. Женщина с любопытством и полным непониманием наблюдала за нашими переговорами и ожидала решения. Я предложил ей оплату лишь за один месяц, по окончанию которого, мы либо продлим отношения очередным взносом, либо закончим их. В ответ, она выдвинула нам свой вариант. Сейчас мы делаем взнос за один месяц, но это будет стоить нам 150 долларов. А по окончанию первого месяца — за последующие два, мы сможем продолжать отношения, уплатив по 75 долларов за месяц.

Мы снова посовещались и решили, что лучшего нам никто здесь не предложит, а начинать с чего-то необходимо. Мы дали своё согласие на этот вариант. Саша заявил, что ему надо снять со счёта наличные. Женщина подсказала, где здесь ближайший банковский автомат. Он ушёл за деньгами, а я остался в конторе. Служащая принялась оформлять Сашину страховку, а мне предложила кофе.

Когда он вернулся, всё уже было готово. От него получили деньги и выдали ему страховой лист, пояснив ещё раз на какие случаи распространяется такой вид страхования. Это был обязательный вид страхования на случай причинения вреда кому-то в процессе эксплуатации указанного автомобиля.

Покончив с неотложными делами, мы вспомнили о неубранном урожае яблок и решили проехать к саду. Предварительно заехали домой, и прихватили вместительные рюкзаки. Пока выехали из города, начало темнеть. Дорога к нашему саду была в направлении к Филадельфии, что в соседнем штате Пенсильвания. На этом пути часто встречались заправочные станции, и бензин продавали здесь дешевле, чем в городе. Если в городе за 1 галлон (3,8 литра) обычного бензина просили 1,25 доллара, то на трассе галлон такого же бензина ценили 1,06 — 1,10 доллара. (Сентябрь 1993 года) На одной такой заправочной мы дозаправились.

Всё чаще и гуще вдоль дороги возникали автостоянки, торгующие новыми и подержанными автомобилями. Яркими и крикливыми рекламами они призывали внимание проезжающих. Их неоновые вывески кричали о круглосуточной работе без выходных, о готовности продать в кредит и оформить все формальности. Освещенные площади, заставленные рядами бесчисленных авто, не могли не привлечь внимание. Количество надраенных до неестественного блеска автомобилей, выставленных к продаже, поражало. Трудно было представить, как всё это можно реализовать.

Проехали мимо стоянки, торгующей американской авто продукцией. Через какую-то милю-две возникала подобная, но

уже предлагающая японские автомобили. Весь этот автомобильный рай лишь привлекал наше внимание, но мы уже были при автомобиле, хотя и неказистом, но всего за 500 долларов… и радио FM в салоне звучало вполне прилично.

Когда подъехали к объекту, было уже достаточно темно. Мы свернули с дороги к ликероводочному магазину, также зазывающему проезжающих в объятия зелёного змия. Припарковались на освещенной полупустой стоянке возле магазина. Взяли торбы и направились не в магазин, как ожидал бы всякий наблюдавший за нами, а в сторону сада. Выйдя за территорию стоянки, мы исчезли в темноте. До сада надо было пройти метров 25 по песку. Глаза быстро привыкали к темноте, и уже подойдя к крайним деревьям сада, мы отметили, что за эти дни никто не собрал урожай яблок. И снова нам пришлось выполнять функции заботливых санитаров-хозяйственников. Наполнить объемистые рюкзаки не представляло труда. Мы присели под первой же яблоней и стали быстро загружаться. Яблоки были, на удивление, качественные, они в изобилии лежали под деревьями и ветви низко свисали под их тяжестью. Нам было достаточно подчистить вокруг одной яблони, не сорвав ни единого яблока с дерева, — и наши рюкзаки были полны.

Возвращаясь к машине, мы могли обозревать освещенную стоянку, оставаясь невидимыми. Нам не хотелось привлекать чьё-либо внимание своим странным появлением из темноты с полными рюкзаками. Убедившись, что на стоянке никого нет, мы быстро вынырнули из тьмы к своему верному Фордику, предусмотрительно припаркованному на самом краю. Открыли дверцу багажника и уложили туда урожай. Машинка качнулась на рессорах. На обратном пути мы довольствовались не только радио звуками, а и сладкими яблоками.

Дома, когда мы проносили тяжёлые трофеи через кухню и гостиную, все присутствующие там, проводили нас любопытными взглядами.

На следующее утро, до рассвета, Кайзер, как штык, сигналил у нашего дома. На работе — обычная тоска и тягомотина. Однако сокращение светового дня и всё, более частые осадки облегчали наше участие. Однажды, проезжая с работы мимо автомобильной свалки, мы отметили, что на обочине припаркованы несколько хорошо подержанных автомобилей без номерных знаков. Высадившись возле нашего дома, мы не стали мыться и переодеваться, а втихую пошли пешком обратно, чтобы выяснить ситуацию с этими бесхозными автомобилями. Кто-то же должен заботиться о бесхозных яблоках, автомобилях и прочих благах.

Это место не очень далеко от нашего дома, но в темное время

суток там было безлюдно и глуховато. Все четыре бесхозных автомобиля стояли на прежнем месте — на обочине дороги, неподалёку от территории авто-свалки. Въездные ворота на территорию авто-свалки были прикрыты. Но в недвижимом автобусе, оборудованном под офис, горел свет, там были какие-то люди. Нетрудно было представить, какие кадры могут торчать в такое время на свалке в офисе-автобусе. Интересующие нас автомобили, хотя и были припаркованы вне их территории, но стояли рядом, и, похоже, имели к этому месту какое-то отношение.

Я полагаю, хозяева авто-свалки брали какую-то мзду за то, чтобы сбросить на их территории какой-либо хлам. Поэтому, владельцы обременительного для них транспорта, не желая тратиться, просто подгоняли вечерком свою колымагу к этому месту. Где-то не доезжая, предварительно снимали номерные знаки и оставляли «авто счастье», полагая, что здесь этому найдут практическое применение.

Наиболее привлекательным нам показался, стоящий первым, Ford Escort, родной брат нашему Фордику — только вишневого цвета, четырёхдверный и с автоматической коробкой передач. Дверцы оказались незапертыми и мы уселись на передние сиденья, чтобы не привлекать внимания проезжающих мимо. Разглядев солон, оценили: автомобиль не хуже нашего, и единодушно решили усыновить сиротинушку. Но в этой связи возникло сразу несколько вопросов: отсутствие каких-либо документов и даже ключа зажигания. Обшарив салон, мы нашли листок с какими-то телефонными номерами. Решили, что для начала, нам надо отъехать. Саша стал орудовать отвёрткой, желая добраться до электропроводки. Но скоро поняли, что в таких полутёмных условиях с помощью отвёртки автомобиль не оживить. Просто укатить его, толкая, также не представлялось возможным, так как руль был блокирован, и в этом положении мы могли перемещать свою находку лишь строго в прямом направлении. Не придумав ничего лучшего, Саша стал с силой крутить руль, пытаясь сорвать блокирующее препятствие и добиться хотя бы возможности рулить. Его отчаянные рывки рулевого колеса то в одну, то в другую сторону, лишь раскачивали автомобиль. Но руль освободить не удавалось. Варварскими усилиями он отвоевал несколько сантиметров, в пределах которых рулевое колесо стало поворачиваться. Я вышел из кабины и взглянул на передние колеса. Действительно, Саша добился того, что мог теперь рулить хотя и в очень ограниченных пределах. Я уж подумал, что сейчас мы откажемся от этой затеи, но Саша решил иначе, заявив, что автомобиль уже достаточно

управляемый, чтобы докатить его к дому. Я смутно представлял себе, что можно с ним сделать, если даже прикатим домой. Саша упёрся у рулевого колеса, управляя автомобилем, через открытое окошко, я же подналег сзади. Место и время для этого дела были вполне подходящими. Но окажись здесь случайно полиция, у нас, наверняка, спросили бы, что и куда мы катим? Я понятия не имел, что можно ответить в такой ситуации, но объяснения пришлось бы давать мне. Усматривая в наших действиях примитивную кражу, хотя и мало кому нужной вещи, я готовился к пересечению единственного на нашем пути, но хорошо освещенного, перекрёстка.

Автомобиль этот мелкий и не тяжёлый. Катили мы его без особых усилий, но хотелось преодолеть это расстояние как можно скорее. Приблизившись к перекрёстку, мы оказались в освещённой зоне. Движение в это время было редким, и мы могли, не создавая помех, переползти через перекрёсток. Нам пришлось приостановиться и пропустить проходящий транспорт. В это время по нашему ряду подкатил легковой автомобиль и приостановился за нами. Я жестом просигналил, что не следует нас ждать — можно объезжать. В ответ на мое предложение, из окошка выглянула улыбающаяся физиономия водителя. Парень предлагал свою помощь. Я спросил, как он может нам помочь? Тогда он попросил освободить задницу нашего недвижимого Форда и стал аккуратно пристраиваться передним бампером к нашему заднему. Мягко уперевшись, он скомандовал, чтобы мы садились и рулили. Саша, не меняя позиции, махнул ему рукой, сигналя о готовности управлять и так. Случайный попутчик тронулся, и с пешеходной скоростью мы переехали через перекрёсток. Продвинувшись с его помощью ещё несколько метров, мы снова оказались в благоприятном для нас тёмном месте. Доехав до очередного поворота, просигналили водителю локомотива, что этого — достаточно. Поблагодарили его, и тот довольный уехал, приветственно посигналив нам на прощанье. Далее, уже своими силами, едва вписавшись в поворот, вырулили на дорожку, ведущую к нашему дому со стороны двора.

Вечером, Саша с фонариком ковырялся в автомобиле часа два. Перед сном он самодовольно перечислял, какие детали он позаимствовал с Форда-донора.

На следующий день. Благодаря кратковременным дождям, мы закончили работу пораньше. У Саши было время продолжить своё слесарное дело. Вскоре я мог заметить некоторые перемены — улучшения в Сашином Форде. Перемещённый бесхозный Форд, сиротливо стоял на задворках между нашим и соседним домом. А спустя несколько дней, вероятно, по сигналу кого-нибудь из

соседей, приехала специальная полицейская машина и отбуксировала его на свалку.

По окончанию рабочей недели, в субботу вечером, наш дом посещал бригадир Кайзер, и, как дед Мороз радовал всех членов бригады раздачей зарплаты. Сравнивая его расчёты со своими, убедились, что время на дорогу к объекту и обратно не оплачивалось. Но так как, первая рабочая неделя затянулась почти на 60 часов — набежала сумма в 400 долларов. Полученная зарплата в сочетании с предстоящим выходным днём заметно повысило настроение, и мы решили поработать какое-то время под командованием Кайзера.

До поздней ночи в доме продолжались хождения и телефонные звонки. В такие дни Саша подвергался особенно настойчивым нападкам-предложениям выехать на автомобиле в центр города и привезти девиц.

В эту субботу у Саши снова нашлась уважительная причина. Он заявил всем, что намерен выехать на выходные в Бруклин. И это было правдой. В течение нескольких вечеров, он висел на телефоне и таял от разговоров с Катей. Похоже, подарок к его дню рождения, в лице Екатерины, запал ему в душу и теперь, дождавшись выходного дня, не терпелось поехать к ней на свидание. В этот вечер, пока все вокруг разминались пивом и совещались, куда лучше пойти сегодня, Саша молчком искупался, переоделся, облил себя всеми имеющимися парфюмерными средствами и, благоухая, вышмыгнул из дома в свой модернизированный Фордик.

Желающие эмоционально разгрузиться в конце рабочей недели заметно активизировались. Среди них появился и какой-то, уже немолодой, нетрезвый поляк. Он не проживал в нашем доме, но располагал транспортом. Сегодня этот пан уже не собирался садиться за руль. Зато Стас заявил о своей абсолютной трезвости и готовности управлять транспортом в нужном направлении. Более того, он предложил организовать этакую кооперацию людей, объединённых единым естественным желанием. Суть его проекта заключалась в том, что если все хотящие здесь, а их человек 6–7, хором сбросятся по 5 долларов, то получится сумма, на которую должна соблазниться любая приличная барышня с панели, а может даже и две.

Перспективы возможных скидок привлекли внимание сомневающихся. Женя, который последнее время часто рассказывал нам о своей жене, преданно ожидающей его в далёкой Виннице, вдруг изъявил желание тоже поехать на экскурсию.

Из дома вывалила не совсем трезвая компания человек из

семи. Предоставленный микроавтобус был очень рабочий. В нём было лишь два пассажирских места, их сразу же заняли. Остальные участники субботника разместились в грузовом отсеке, рассевшись на запасных колёсах и каких-то ящиках. Хозяин транспорта коротко разъяснил Стасу особенности коробки передач и тот, следуя указаниям, повёз нас в центр города. Было уже темно. Временами моросил дождик. Но на улицах, особенно в центральной части города — всё же людно и освещёно. Стас уверенно и быстро отыскал хорошо известное ему место и подъехал прямо к ожидающим на тротуаре девушкам. Я заметил, как они оценивающе взглянули на появившийся объект и оживились. Ситуация оценивалась профессионально, и лишь взглянув на транспорт, я полагаю, барышни уже имели какое-то представление о том, чего можно ожидать. Я был уверен: никто из них не догадывался о том, какое предложение привезли им в этом зашарпанном микроавтобусе.

Одна из них подошла к переднему окошку, у которого сидел подвыпивший поляк. На вопрос барышни: чего желаете? Поляк ответил набором общеизвестных фраз и жестов. Девица поняла, что переговоры следует вести на особом языке, и, не дождавшись от него вразумительного ответа, отошла от автобуса. Стас поспешил выйти и направился к женской бригаде. Все сидящие в грузовом отсеке тоже десантировали через заднюю дверь и, к удивлению девиц, вывалили на тротуар.

— Кто-нибудь желает сегодня поработать? — обратился Стас к удивлённым женщинам.

В ответ, девушки заметили, что вопрос — глуповат и проявили готовность обсудить эту тему. Стас заговорил о ценах на их услуги. Девчата ответили, что обычная радость оценивается всего в десять долларов. Тогда Стас объявил, что все эти ребята, он кивнул в сторону стоящих рядом, хотели бы воспользоваться их услугами.

— Так какие проблемы? Ваши деньги — наш сервис, — ответили барышни.

— Но мы хотели бы сделать вам особое предложение… Долларов за 30 обслужить 5–6 ребят.

Реакция другой стороны на такое предложение была отрицательной. Некоторые девушки возмущенно фыркнули и демонстративно удалились, дав понять, что дальнейший торг неуместен. Но некоторые, всё же пожелали выяснить, что за бред несёт этот иностранный клиент?!

Сложившаяся ситуация очень напоминала мне трудовую панель в Бруклине. Я поспешил принять участие в беседе с оставшимися барышнями.

— Девушки, мы предлагаем вам заработать в течение одного часа долларов 30.

Я выдержал паузу. Девушки, не скрывая любопытства, просили пояснить условия.

— Условия просты. Мы своим транспортом доставляем вас домой, и там, в течение часа, вы предоставляете обычные услуги пятёрым-шестерым джентльменам, после чего вас доставляют обратно на это же место. Через какой-то час вы снова будете здесь с честно заработанными тридцатью долларами.

— Ты сказал 5–6 джентльменов?! — переспросили девушки.

— Да, пять-шесть, а если хотите, возможно, ещё кто-то присоединится…

— О Боже! Да вы ненормальные, ребята! — ответили некоторые из них и тоже отошли в сторонку.

(Такое мне уже приходилось слышать на родине.)

— Мы порядочные джентльмены, и не хотим никого обманывать, — оправдывался я.

Между тем, у некоторых девушек моё предложение вызвало дополнительные вопросы. Одна белая, вполне подходящая для нашего мероприятия девица, деловито поинтересовалась:

— Это и есть все те джентльмены?

— Да, это они. Если недостаточно…

— Более чем достаточно! Скажи-ка, приятель, вы гарантируете, что через час доставите меня обратно сюда?

— Конечно. Слово джентльмена!

— Итак, не менее 30 долларов, не более пяти клиентов и через час…

— Точно! Это мы тебе гарантируем, — обещал я.

— Тогда, поехали, — решительно согласилась она.

Присутствующие джентльмены поняли, что соглашение достигнуто и поспешили обратно в автобус. При размещении возникла заминка. Старый поляк и приглашенная барышня направились к передней дверце, чтобы занять место возле водителя. Это место оказалось уже кем-то занято. Девушку пригласили присесть рядом, но старый поляк сам проявил внимание. Он подцепил её под руку и пьяно-галантно повёл её к задней двери. Пропустив в захламленный грузовой отсек, пан, на правах собственника транспортного средства, потребовал предоставить для пани и пана одну запаску. Место им вежливо уступили. Стас, убедившись, что все на местах, тронулся.

Старый пан похотливо обнял общую подружку, а спустя несколько минут, к всеобщему удивлению, заявил, что он будет первый. В тёмном грузовом отсеке и в кабине забухтели возмущенные голоса. В ответ, старый пан, не выпуская из своих

грязных объятий гостью, вполне серьёзно аргументировал свои притязания тем, что он предоставил для этого мероприятия свой личный транспорт, а также, отметил факт расхода топлива, и просил не забывать о том, что он здесь самый старший. Выслушав его нелепые доводы, другие джентльмены, перебивая друг друга, стали предлагать пути разрешения спорного вопроса. Некоторые просто пригрозили поляку физической расправой за самоуправство. Барышня, недоумевая, о чём шум, заметно насторожилась и обратилась ко мне.

— Далеко ли нам ехать?

Я назвал ей адрес. Она согласно кивнула головой, но тут же снова спросила.

— Эти ребята турки?

— Почти, — ответил я, не вдаваясь в исторические подробности.

Она приняла мой ответ кивком головы и снова спросила:

— Какие-нибудь проблемы?

— Нет, просто ты всем им очень понравилась, и они хотят тебя. То бишь, «we share the same biology regardless of ideology»[7] — объяснил я ей ситуацию.

Барышня с некоторым облегчением приняла мой ответ.

Старый пан заметил, что пока он спорил со своими соперниками, барышня отвлеклась и разговорилась с другим. Он не очень уверенно пропшекал что-то о нежелании подчиняться коллективному решению и снова обратил все своё нетрезвое внимание на рядом сидящую девицу. Та не препятствовала его похотливым обшариваниям всех доступных частей её тела. Зато попутчики продолжали ревниво возмущаться хамским поведением поляка. Полковник, как самый молодой джентльмен, заметил, что пан не только самый старший, но и самый грязный, и уже только поэтому должен быть последним в очереди. Чтобы как-то отвлечь гостью от конфликта, возникшего вокруг неё, я пошутил, что этот парень хочет её уже здесь, по пути к месту обряда. Она приняла мою шутку всерьёз. Взглянула на польского джентльмена, оценила ситуацию и выразила сомнение в том, что это уместно начинать прямо здесь в автобусе. Я поспешил успокоить её, пояснив свой призыв к действию, как неудачную шутку.

Со спорами и взаимными оскорблениями, перерастающими в национальную неприязнь, мы подъехали к дому. Выйдя из автобуса, девушку провели в дом. Гостья, оказавшись в районе вполне благополучном, повеселела и охотно последовала за нами. Однако спор об очередности не угасал, а напротив, обретал всё более конфликтные формы. Некоторые участники движения

стали заявлять о своём категорическом и принципиальном нежелании любить девушку после старого, вонючего поляка. Назревал международный конфликт. Стас напомнил своим сподвижникам о том, что мы обещали человеку заработок не менее 30 долларов в течение часа, и этот час идёт. Наконец, находясь уже на втором этаже, у комнаты Стаса и Славки, после взаимных оскорблений, участники решили разыграть очередность в лотерею. Стас заготовил бумажки с номерами шестерых участников, честно перемешал их в коробке и призвал всех к разбору. Барышня удивленно наблюдала за происходящим и пыталась понять, что всё это значит. Она снова обратиться ко мне за разъяснением.

— У ребят проблемы с деньгами?

— Нет, просто каждый хочет быть первым, — ответил я ей.

Мой ответ пришёлся ей по душе, но она напомнила о времени. Это обстоятельство беспокоило и нас. Каждый огласил свой номер. Старый поляк, благодаря Матку Бозку, ко всеобщему недовольству, предъявил первый номер. Полковник оказался последним. Женя, разочарованный результатами розыгрыша, заявил, что он передумал по причине своего убежденного нежелания… изменять жене. Всех это развеселило. Нетерпеливый поляк и обеспокоенный крайней неорганизованностью Стас, поспешили определить место проведения обряда. Он гостеприимно предложил свою, общую со Славкой, комнату. Но так как его спальное место было менее подходящим, то Стас по-хозяйски указал на широкий матрац Полковника. И без того удручённый своим последним номером, тот отчаянно махнул рукой и дал согласие. Не успел он спрятать свои простыни, как польский пан и американская проститутка захлопнули дверь его комнаты у него перед носом. Перед тем, как уйти на процедуры, девушка напомнила об обещанных ей деньгах. Вдогонку, счастливому поляку грубо напомнили не забывать о времени и о том, что он здесь не один.

Но девушка и сама хорошо помнила, что время — деньги, и очень скоро, удовлетворенный и сияющий поляк вышел из комнаты. Стас потребовал с него взнос и отправился на свидание уже с собранными деньгами. Он так же быстро разгрузился, и, вернувшись со свидания, заметил, что барышня излишне деловая, и к процессу относится без всякого романтизма и творчества. Но, в общем, учитывая цену, Стас остался доволён. После всех и дольше всех, как в своей комнате и на своем спальном месте, там задержался Полковник. Присутствующие участники субботника стали искать объяснение этому факту. Все начали жаловаться, как деловито барышня регулировала продолжительность их сеансов,

и как щедро она услужила Полковнику. Наконец, он выполз. Полу раздетый, с одёжкой в руках, разморенный, как после бани. На него посыпались вопросы.

— Что ты с ней делал так долго?

— То же самое, что и вы, — по-военному коротко отвечал Полковник.

— Ты её живой оставил?

— Более чем живой! Она спрашивает, не желает ли ещё кто?

Наблюдавший за всем происходящим, верный своей жене Женя, вдруг пожелал угодить барышне.

У всех челюсти отвисли от таких перемен. Последние полчаса, Женя присутствовал здесь, как живой укор нашей безнравственности. И вдруг — а можно и я?

— Можно, — ответил Стас, — давай пятёрку и поторопись, осталось мало времени.

— Так ведь уже дали 30, ей же этого достаточно, — невинно заметил Женя.

— Хохол, он и в Америке хохол, — язвительно заметил кто-то.

Женя, помявшись, обещал уплатить пятёрку на месте и нырнул в разгрузочную комнату. Кто-то предложил позвонить в Винницу его жене и позвать Женю к телефону. Полковник, сопя, напялил на себя одёжку и спросил, нельзя ли ему, как бывшему диссиденту и борцу за права человека, вернуть его пять долларов, которые он заменит продовольственными карточками?

— Надо было об этом договариваться с ней, у тебя было самое продолжительное свидание, — ответил ему Стас.

— Продолжительное? Женю теперь за уши оттуда не вытянешь, и деньги едва ли он даст, — мрачно прогнозировал Полковник.

Но именины сердца проходили под чутким руководством практичной особы. И регламентированное время платного счастья истекало. Женя вышел из комнаты с миной бывалого и неудовлетворённого клиента. Но его замечания о низком качестве обслуживания не помешали Стасу напомнить Жене об оплате услуги. Пять долларов Женя внёс в общее дело, но заметил, что эта радость не стоит и этих денег.

— Ясное дело, жена лучше, потому что бесплатно! — проворчал Полковник.

Девица тоже вышла из комнаты и дала понять, что хотела бы вернуться на своё рабочее место. Покидая наш дом, она выразила удовлетворение сотрудничеством с хорошими людьми и просила дать ей номер нашего телефона, на всякий дождливый случай.

Уже была ночь, переходящая в утро, когда неожиданно для

нас появился Саша. Нетрудно было понять, что его надежды не оправдались, и поездка в Бруклин оказалась пустой тратой времени и энергии. Он лишь выветрил вылитый на себя одеколон и утратил иллюзии о доступности Кати. К сожаленью, день рожденья — только раз в году. Вероятно, так ответила ему Катя, когда Саша прилетел к ней со своей горячей просьбой. Он выглядел устало и грустно. На военные шутки подвыпившего Полковника реагировал раздражённо. Ему нечего было ответить на аргументы Полковника о том, что эту радость можно было и здесь поиметь всего за пять долларов. И для этого не надо было наряжаться как пижон и лететь на крыльях любви в Бруклин…

По комнатам разбрелись под утро. Мысль о том, что сегодня утром не явится Кайзер, и не будет гудеть под домом, очень согревала душу.

Проснулся я от яркого солнечного света. Саша, утомлённый безрадостной поездкой в Бруклин, всё ещё спал. Я заметил привезенную им свежую газету «Новое русское слово» (фактически — еврейское слово, но почему-то на русском языке). Продолжая лежать уже с газетой, я узнал, что на днях, в возрасте 52 лет, от рака предстательной железы помер Frank Zappa.

Подумалось о том, что пора заканчивать самоистязание в бригаде Кайзера. И вообще, пора бы сменить обстановку. Стало как-то неспокойно на душе от мысли, что приходится месяцами вариться в чужой среде, и по 60 часов насиловать себя нелюбимой работой.

Я разбудил Сашу, ссылаясь на хорошую солнечную погоду и единственный выходной день в неделю. Тот не сопротивлялся и охотно согласился со всеми моими планами на сегодняшний день.

Когда я вышел из комнаты, то встретил Стаса, навьюченного пакетами с барахлом, и не выспавшегося Полковника. Они уже вернулись с трофеями. Из их рассказа я понял, что они совершили обход ближайших улиц и приняли активное участие в еженедельных дворовых распродажах.

По выходным дням, если позволяет погода, многие хозяева устраивают во дворе у дома выставки-распродажи ненужного имущества. Всё это распродается по символическим ценам. Yard Sale называется.

Спустившись на первый этаж, я никого не нашёл в гостиной и решил позвонить кому-нибудь.

Удачно застал маму дома. От неё, я узнал о недавнем отлёте в Америку одного товарища, который, так и не дождавшись каких-либо сведений о месте моего нахождения, просил посодействовать установлению связи со мной. Я продиктовал

свой номер телефона и поручил передать его родственникам. Этого было достаточно. Я был уверен, что сейчас он где-нибудь в Бруклине, и не сегодня-завтра позвонит домой и узнает о моём телефоне. День начинался неплохо.

После завтрака, я предложил Саше взять теннисные ракетки и проехать Принстон. Так мы и сделали.

Прибыв в Принстон, мы заметили повышенную суету на улицах. Я объяснял это воскресным днём и хорошей погодой. Машину припарковали на стоянке для сотрудников университета. Там же у машины переоделись в шорты, и через травяное футбольное поле направились к теннисным кортам. Я снова удивился, обнаружив, что на кортах, в такую подходящую для игры погоду, не оказалось ни единого человека. Мы всё же поиграли какое-то время. На кортах, кроме нас, так никто и не появился.

Крепло подозрение, что в городе что-то происходит, о чём не ведаем только мы. Ещё не успев вспотеть, я предложил Саше закончить гонять мячи, и сходить прогуляться по городу. Он удивился, напомнив мне, что сегодня все магазины закрыты. Я не мог объяснить ему о своих намерениях, просто настоял вернуться в город. Возвращаясь к машине, я поделился с ним своими наблюдениями. В такую погоду — и не одного человека ни на кортах, ни на футбольном поле, ни на бейсбольном. Зато — какое оживление на улицах.

Переодевшись обратно в штаны, мы оставили ракетки в машине и направились в город. В центре, на травяной лужайке перед каким-то старым административным зданием, собирали и настраивали музыкальную аппаратуру. А вокруг, на травке уже сидели люди разного возраста и резвились дети. Вне всяких сомнений, в городе отмечали какой-то праздник. Не успел я обратиться к кому-нибудь за разъяснением происходящего, как на край лужайки подкатили передвижной холодильник для уличной торговли мороженым, и, спустя несколько минут, образовалась, длинная очередь из взрослых и детей. Таковое можно было объяснить только бесплатной раздачей. Мы с Сашей тоже стали в очередь.

Две девушки в униформах ловко наполняли вафельные стаканчики мороженым разных сортов. Праздные потребители лишь указывали желаемые сорта, а, получив свои порции, благодарили девушек и отходили в сторонку. Деньги не участвовали. Пока мы дождались своего мороженого, ожила музыка. Музыканты, уже немолодые ребята, с энтузиазмом наяривали ударные номера 70-х годов из репертуара Creedence Clearwater Revival (CCR — так их здесь сокращённо называют).

Раздача мороженого и бодрые ритмы музыки привлекали на лужайку всё больше людей. Вскоре травяное пространство было плотно оккупировано. Сначала дети, а затем и взрослые стали выплясывать перед музыкантами. Основная же масса посиживала на травке. В нескольких шагах от нас разместились две барышни. Интерес к мороженому у Саши отошёл на второй план. Машинально доедая свою порцию, он стрелял глазами в их сторону, не зная, как привлечь внимание девушек. Мороженое им не предложишь, у них оно уже было, сказать что-то — язык не проворачивался… Обычно, Саша в подобных ситуациях включал свою тщательно отработанную улыбку, которая в сочетании с парфюмерными благоуханиями, давала понять американским девушкам, что он хороший парень и неровно к ним дышит. В данной ситуации, девушки были на расстоянии нескольких шагов, и запах Сашиного одеколона, вряд ли улавливали. Вокруг было много весёлых и улыбчивых людей и девушкам было сложно отметить его заискивающий, добродушный оскал. Саша спросил: не хочу ли я подъехать к ним с каким-нибудь разговором? Девушки действительно были симпатичными, вероятно, студентки старших курсов, молоденькими их не назовешь. Мне пришлось успокаивать Сашу, объяснив, что здесь слишком шумно для разговоров и вообще — это пустая затея. Подобными проявлениями внимания даже бруклинскую русскоязычную Катю трудно заинтересовать. А уж этих — и тем более.

Неподалеку от нас на лужайке расположилась ещё одна передвижка, предлагающая арахис и другие сорта орешков. Я просил Сашу подождать меня и скоро вернулся с двумя пакетами орехов. Но из всех этих бесплатных радостей Сашу более всего волновали сидящие неподалеку девушки, не замечающие его, молодого и улыбчивого. Вдруг, внимание всех, и даже Саши, привлекло торжественное шествие оркестра по центральной улице. Музыканты были выряжены в нарядную, полувоенную форму. За оркестром следовала веселая группа молодёжи. Проследив за ходом удаляющегося шествия, я заподозрил, что эта солнечная лужайка с танцами, мороженым и орешками, — не единственное место в городе, где празднуют. Оставив это место, мы последовали за оркестром. Праздничное шествие, к которому присоединились и мы, свернуло с центральной улицы и привело к помпезному зданию с ухоженным парком во дворе. Там всех прибывших встречали приветственными криками и приглашали к празднованию годовщины в их студенческом клубе. Годовщины чего, я так и не понял.

Оглядевшись, я предположил, что этот дом с колоннами и гостеприимно распахнутыми дверьми, является штабом какого-то

студенческого клуба или общества. Здесь мы оказались в окружении студентов. Ребята и девушки почти все были в подпитии, и всё располагало к отдыху и гулянию. Вокруг дома бродили студенты с бокалами и пластиковыми стаканами. Мы хорошо вписались в молодёжную суету и решили поближе познакомиться с этим местом. Я быстро вычислил место, где гуляющие заправлялись пивом. Войдя в дом через центральный вход, мы нашли спуск в подвальное помещение. Туда и оттуда бродили ребята с пивными бокалами. Мы тоже спустились вниз по ступенькам и оказались в полуосвещенном подвальном, достаточно просторном пивном баре. Концентрированный пивной запах ударил в голову; глаза адаптировались в полутьме. За стойкой двое дежурных ребят, не спрашивая ни платы, ни фамилии, ни удостоверения члена профсоюза, наливали всем желающим пиво. Людей здесь было много… шуму тоже. У телевизора собралась группа болельщиков, бурно наблюдавших за футбольным матчем. Сидя за деревянными столами и стоя группками, ребята и девушки, попивая пиво, гудели о своём. Многие курили. Мы заправились пивом, и вышли на воздух. Со стаканами в руках, как с клубными значками, мы чувствовали себя уверенней. Решили осмотреть дом. Поднялись на второй этаж. Там оказалось много комнат, двери были открыты. Здесь заседали студенты, которые предпочитали проводить время в узком кругу и без лишнего шума. Второй этаж, тихий и прохладный, со старой мебелью и картинами на стенах понравился и нам. Осмотрев дом, мы снова спустились в пивной бар и повторно наполнили стаканы. Из бара вышли через другой выход, ведущий на внутренний дворик. Там на травке паслось множество нетрезвых молодых людей. У общего очага, где на угольках коптились гамбургеры и сосиски, гости загружали бумажные тарелки различными салатами, гамбургерами и хот догами. Многие посиживали и лежали на травке вокруг. В центре лужайки располагалась готовая к эксплуатации музыкальная аппаратура, инструменты пока оставлены без дела. Я понял, что мы угодили в паузу. Снова, пользуясь праздничным гостеприимством, мы отметились у пункта общепита и с наполненными тарелками присели на траве. Вскоре у инструментов появились музыканты. Они тоже были празднично нетрезвы. Не успели они взяться за инструменты, как сразу несколько девушек обратились со своими музыкальными пожеланиями. Звук был хороший, но просили исполнять избитые шлягеры, которые можно было слушать по радио, много раз на день. Хот-доги с кетчупом съедены. Кушать больше не хотелось. Музыканты, привлекая к исполнению нетрезвых певцов из гостей,

шумно и нестройно пели. Мы решили прогуляться…

В перерывах между музыкальными номерами можно было расслышать, что где-то ещё играет живая музыка. Перед тем, как уйти, мы ещё раз спустились в подвал и наполнили стаканы пивом.

Далеко идти не пришлось. В соседнем квартале, во дворике особняка мы нашли нечто подобное концерту. Большинство собравшихся людей пришли сюда на музыку. Не обратить внимание на исполняемые здесь музыкальные номера, было трудно. Ритмы гипнотизировали! Играли своё, и от души. Пространство на лужайке перед музыкантами было заполнено молодёжью. Пару человек с камерой снимали происходящее. На улице у двора собралось немало наблюдателей, подобных нам. Музыканты — явно не лабухи, специализирующиеся на свадьбах и прочих торжествах, с упоением выплескивали номер за номером. Я так и не узнал кто эти ребята и откуда они. Могу лишь сказать, что в сравнении с тем массовым потоком музыкального хлама (даже с известными именами), которого полно на выпускаемых компактах и в эфире, эти ребята воспринимались как нечто свежее, бодрящее и глубоко волнующее. Среди всех очагов городского празднования, которые мы посетили в этот день, последняя музыкальная команда была, пожалуй, самым энергичным и настоящим источником праздничного настроения. Попав под их звуковое артистичное воздействие, я испытал именины сердца. И уж подумывал расположиться где-нибудь поудобней, и понаблюдать концерт. Но Саша не поддержал меня, ему наскучило музыкальное зрелище, и он тянул меня в другие, более пивные места.

В дороге, он частенько просил сменить найденную мною радиостанцию. Умолял не терзать его нервы музыкальным сумбуром, а найти что-нибудь ласкающее слух, иначе он не гарантировал безопасность движения. Я с уважением относился к таким аргументам и исполнял водительские пожелания. Поэтому в пути нас обычно ласкала какая-нибудь майская музыка, и Саша был счастлив.

В этом пешеходном случае, я неохотно пошёл навстречу его просьбе, но мы оставили это место. Гуляя по городу, посетили ещё несколько подобных студенческих центров. В этот погожий праздничный день Принстон понравился мне ещё больше. Горькая необходимость возвращаться в польский Трэнтон, чтобы продолжать работу под командованием Кайзера, подталкивала к бегству, в поиски нового места под солнцем.

Так как мы были уже сыты, то все другие места празднования не представляли особого интереса. Везде было весело и хлебно.

Почти везде играла музыкальная команда, но такой живой музыки, какую я обнаружил в последнем месте, больше никто не играл.

Мы обратили внимание на модерновый особняк, отмеченный государственными символами Израиля. Здесь также наблюдалось студенческое движение, но всё происходило по шпионски тихо. Для начала, мы вошли в здание. На первом этаже в прихожей было множество настенных информационных стендов, бегло осмотрев которые, я узнал о расписании различных секций и кружков. Всё здесь было направлено на изучение языка, религии и культуры Израиля. Располагая немалым опытом общения с живыми представителями этой культуры, я мог бы выступить на заседании такого кружка с докладом о специфике работы нелегальных работников в условиях еврейского коммерческого предприятия или летнего лагеря отдыха.

Осматривая здание, мы поднялись на второй этаж. Везде наблюдались признаки приготовлений к празднику, на нас никто не обращал внимания. Мы вышли на балкон, который выходил на внутренний дворик с обязательным травяным пространством. Там и происходил тихий еврейский утренник, который существенно отличался от всех других студенческих собраний.

Первое, что мы отметили, это отсутствие музыки. Второе — всеобщая, принципиальная трезвость и как следствие, — тишина. Третье — время проведения праздничного собрания. Уже вечерело, а здесь только собрались, и, похоже, что ненадолго. Не могу сказать, что всё увиденное здесь не понравилось мне. Скорее наоборот. Было даже любопытно наблюдать их нарядность и чопорность, в то время как по всему городу пьяно гудели и танцевали их коллеги по университету. Единственно, что здесь было общего с другими пирушками — традиционная точка общепита с доступными всем гамбургерами и хот-догами. Пива не было. Обслуживали утренник трое чёрных, как телефоны, ребят, наряженных в торжественные лакейские костюмы.

Спустились и вышли к месту собрания. Мы выделялись своей повседневной одежкой. Праздник складывался так вяло и нескладно, словно они пришли сюда по принуждению, чтобы отметиться и поскорее разойтись. Угощение тоже никого не интересовало. Молодые люди разделились на группки и, попивая водичку, о чём-то беседовали. Наше появление было замечено одним неприкаянным пареньком, который дружелюбно встретил нас рукопожатием и представился. Мне показалось, он был рад нашему появлению и готов говорить с нами о чём угодно, чтобы хоть как-то заполнить своё пустое отбывание на собрании. Но при всем его дружелюбии, наша беседа ограничилась несколькими

взаимными вопросами-ответами. Когда ему стало известно, что мы не университетские студенты и даже не евреи, его дружелюбие поостыло и разговор начал пробуксовывать. Саша откровенно заскучал, и мы расстались. Посовещавшись, решили, что пора возвращаться в Трэнтон.

В Трэнтоне, а тем более в нашем доме, никаких праздников не наблюдалось. Это был обычный осенний вечер. Войдя в дом, мы встретили в гостиной какого-то незнакомого мужчину. Я спросил его, кого он здесь ищет, и тот, мешая польские и английские слова, ответил, что намерен проживать в этом доме. Якобы, он уже арендовал себе место в одной из комнат. Мне было всё равно. Я знал, что в следующем месяце меня здесь не будет. Мы познакомились. Новый сосед назвался Хеником.

— Хенк? — переспросил я его.

— Нет, Хеник, — поправил он меня. И я без дурного умысла спросил:

— Как пиво «Хеникен»?

Рядом оказались Женя и Полковник, они посмеялись над моим безобидным пивным сравнением и тоже познакомились с паном Хеником.

Далее, наше внимание отвлекли счета от телефонной компании. Нас с Сашей просили определить каждому свои звонки и приготовить сумму, приходящуюся на них. Нас неприятно удивило, как много телефонного времени мы уделили своему бывшему горе-боссу, пока добились от него новых чеков. Эти телефонные счета за переговоры с ним напомнили мне, что у нас остались те злополучные неоплаченные чеки по 360 долларов. Я заглянул в свой бумажник и убедился — мой чек так и лежит там, как памятка о необходимости быть бдительным. Пока я раздумывал, что можно предпринять с этим чеком, Женя и Саша обнаружили счета за продолжительные переговоры с бруклинским номером. Посовещавшись, определили — школьник Серёжа разговаривал с мамой. Он уже недели две, как съехал от нас в Бруклин, оставив нам на память о совместной жизни телефонные счета. Полковник вынес приговор: эти звонки должен оплатить Женя, так как именно он привёл этого юношу, чтобы использовать его как своего подсобного работника… и жить с ним в одной комнате. Приговор Полковника был единодушно одобрен всеми присутствующими и разговор пошёл о том, насколько Женя был близок с Серёжкой, и где он с ним познакомился. Женю быстро достали, и он просил прекратить эту тему, обещал всё уплатить по счетам. Он тут же набрал этот бруклинский номер и, не сомневаясь в уместности русского языка, грубовато высказал кому-то о дурных наклонностях юноши, воспитанного в

еврейской семье. Пока Полковник и Саша издевались над Женей и его неудачным романом, кто-то вычислил ещё несколько никем непризнанных, звонков в другие штаты, оплату которых пришлось распределить на всех проживающих в доме.

Благодаря погодным условиям, наша занятость в строительной бригаде шла на убыль. Вокруг появлялось все больше признаков приближения осеннего праздника «День Святых» — Halloween. В нашем шоколадном супермаркете организовали отдел по продаже различных масок страшилок, изображающих всякого рода монстров, маньяков и зомби. Рассматривая эту коллекцию-распродажу, мы всякий раз натягивали приглянувшуюся нам маску на голову Полковника, и просили его погулять в ужасном наряде по супермаркету.

Неподалеку мы открыли для себя ещё одну продовольственную точку, в которой цех по переработке и упаковке сочетался с торговлей. Там можно было купить многие продукты значительно дешевле, чем в супермаркете. Теперь, располагая более свободными вечерами, мы могли посещать два продовольственных магазина. На пути между двумя гастрономами красовался огромный рекламный щит, призывающий всех желающих посетить донорский пункт и сдать свою кровушку на условиях очень выгодных. Саша с Полковником заинтересовались этим предложением и запомнили указанный адрес, который оказался неподалеку.

Саша, уже имевший некоторый донорский опыт, рассказывал, что дома в Ростове-на-Дону, когда ему очень надо было освободиться от работы, он прибегал к сдаче крови. За это — в награду получал от советской власти — традиционный бутерброд с колбасой и пару дней оплачиваемого отпуска. И главное, уверял Саша, чувствовал он себя, после таких процедур, вполне сносно… Он был уверен, что здесь его кровушка будет стоить значительно дороже. Я предполагал, что всё может оказаться не так просто, как он надеялся; сдал два стакана и получил наличными в сумме, равной двум дневным зарплатам. Тем не менее, мы решили выяснить все эти вопросы.

В один из неполных рабочих дней, мы посетили донорский центр. Как только присели в приемной, к нам вышла пожилая женщина в белом халате и выразила готовность ответить на все вопросы. Наше любопытство она удовлетворила в течение нескольких минут. Она пояснила, что если мы решимся сдать кровь, то для начала, сделают анализ взятой пробы. И если результаты окажутся удовлетворительные, то они заключат договор с донором.

Суть их отношений с донорами состояла в том, что за

пожертвованную порцию кровушки, донор не получает никаких денег. Ему выдается удостоверение. И этот факт заносится в банк данных. Это дает донору право на предоставление бесплатной донорской крови ему и его родственникам, в случаях, когда он будет нуждаться. Вот и всё.

Такой «американский бутерброд с колбасой», конечно же, ни Сашу, ни Полковника не устраивали.

Я ответил женщине-вампиру, что мы должны всё тщательно обдумать. С этим и ушли.

По дороге домой, мы пили пиво и обсуждали их унизительные условия, предполагая, что далеко не все сдавшие кровь, обращаются в будущем за их обещанной помощью. И в их кровавом банке остается положительный резерв для предоставления кровушки на обычных коммерческих условиях.

Эти разговоры напомнили мне об иной разновидности донорства. Я вспомнил одного коллегу по работе в еврейской коврово-очистной бригаде. Однажды работая с ним в паре, я узнал о его осторожных надеждах на возможные дополнительные лёгкие заработки. Как он поведал: кто-то из приятелей, по дружбе, сводил его в одну частную контору в Нью-Йорке, где принимали у трудоспособного народа сперму. В детали он не вдавался, но, в общем, условия были вполне приемлемы.

С его слов, товарищ, рекомендовавший этот приёмный пункт, на работу не жаловался и регулярно сдавался туда. А этот ожидал результатов анализов, после чего, и сам надеялся делать свои теплые взносы в закрома донорской конторы.

Продолжения истории я так и не узнал, так как бросил ту работу, и больше не повидал потенциального донора. Товарищи сделали мне строгий выговор за то, что я так безынициативно отнесся к столь ценной информации и не выяснил всё как следует.

Продолжая тему об альтернативных источниках материального благополучия, мы заговорили об ещё одной разновидности самоотдачи, где сулили хорошие и быстрые доходы. Последнее время, Женя с польскими соседями обсуждали возможность участия в рыболовном промысле. Речь шла о работе на рыболовных судах. Зная, как переношу качку, я не интересовался этим видом донорства. Но Полковник и Саша кое-какими подробностями уже располагали. Выяснилось, что этот вид промысла особенно распространен в так называемой New England, на побережье штатов Коннектикут, Род Айленд, Массачусетс, Нью Гэмпшир. Вакантные рабочие места появляются в осенний период. Я, как человек, болезненно переносящий морскую качку, сразу подумал, что потребность в работниках в

это время объясняется суровыми сезонными условиями работы в океане.

Представил себе Атлантический океан в отдельные октябрьские, ноябрьские дни. И я — работающий на рыболовном судне неделями, а то и месяцами, в осенне-зимнем океане… Я в Чёрном море между Очаковым и Одессой, в летнее время, при лёгком шторме выворачивался на изнанку, будучи пассажиром «Каметы»…

Наш Полковник уже проживал какое-то время в портовом городе Провиденс, штата Род Айленд и что-то слышал о таком промысле. Он, как свежеиспеченный постоянный житель США, со всеми вытекающими из этого статуса социальными благами, не желал подвергать своё драгоценное здоровье и жизнь — риску. Но активно интересовался донорскими инвестициями в пробирку.

Я не отговаривал Сашу от рыбалки, предлагал ему посетить рыбные места и узнать всё, как мы сделали сегодня в донорском пункте. Мне не приходилось бывать в Новой Англии, и я был не против, принять участие в разведывательной экспедиции. Ребята называли конкретные места на побережье, где, якобы, можно заполучить рабочее место на судне. Звучало любопытно. Поездку наметили на ближайший нерабочий день.

Установившийся в последние дни расклад времени, вполне устраивал меня. После месяца интенсивной трудовой деятельности по 50–60 рабочих часов в неделю, благодаря регулярным дождикам и ранним сумеркам, наша занятость сократилась, и мы со спокойной душой, разнообразно убивали свободное от работы время. Не очень далеко от нашего дома я нашёл High School где были приличные теннисные корты, и я мог коротать время с мячами и своими думами. Много разъезжали по штату Нью-Джерси без определённых целей.

Однажды, в дождливый день, проезжая по центральной улице Принстона, мимо отделения Midlantic Bank, я вспомнил о старом невостребованном чеке от нашего польского босса. Уже прошло около месяца, как мы получили своё по чекам, и с тех пор больше не вспоминали об этом.

Я ничего не объяснял Саше, попросил его приостановиться. Саша, не подозревая о моих замыслах, остался в машине, так как моросил дождь. Я и сам едва допускал, что эксперимент даст положительный результат. Тем не менее, я ничем не рисковал и допускал какое-то моральное право на такую попытку.

В банке я выбрал окошко, где принимал молодой парень, похожий на студента. Приготовил свою паспортину, карточку соцобеспечения и затасканный чек, на обратной стороне которого уже стояла моя подпись и дата первого безрезультатного

предъявления. Подошла моя очередь, и мы обменялись с пареньком приветствиями. Я подал свои документы с чеком. Тот пошаманил над компьютером, рассмотрел повнимательней чек и, возвращая его мне без документов, попросил поставить на обратной стороне чека сегодняшнюю дату и ещё раз свою подпись. Я удивился. Сделал всё, как он просил и вернул чек. Через минуту, банковский парниша вернул мне документы с 360 долларами.

Саша наблюдал из машины, как я топчусь на другой стороне улицы, отмахиваясь от водяной пыли и поджидая паузу в автомобильном движении. Он уже догадался, зачем я мог посещать этот банк, и когда, наконец, я перебежал через дорогу и нырнул в кабину, он сразу же спросил:

— Ну, и как попытка?

Я лишь, молча, вынул из кармана паспортину, начинённую наличными, и переложил их в бумажник на то место, где долго лежал польский чек.

— Выдали!? По старому чеку? — удивился Саша, — а осталось ли ещё что-то на этом счету?

— Саша, откуда мне знать, ты же знаешь, они не отвечают на подобные вопросы. Я предъявил им чек, и мне выдали по нему.

Саша стал судорожно искать свой чек, но не мог припомнить, куда он его подевал. Остаток дня мы проездили по штату, посещая всякие торговые центры и прочие места. Саша был крайне озадачен вопросом: где может быть его чек? Однако эта проблема не мешала ему производить тщательные обходы огромных магазинов. Иногда я дожидался его на стоянке, у автомобиля, пока он не появлялся, благоухающий мужскими одеколонами и женскими духами. Из одного торгового центра он вернулся с приличной теннисной ракеткой Wilson и был очень доволен покупкой. Я рассмотрел ракетку и был удивлен её льготной ценой. На ней была наклеена бирка с ценой — всего 37 долларов.

— Есть ли там ещё такие? — спросил я, заинтересовавшись.

— Есть, только по цене 130, — довольно ответил мне Саша.

— А эта что, дефективная или распродажа какая-то?

— Нет, это я уценку произвёл. На ней была плохо приклеена ценовая бирка, я её снял и наклеил другую, с детской ракетки.

— Всё ясно. Поздравляю с удачной покупкой.

На следующий день Саша всё же отыскал свой чек и самостоятельно посетил одно из отделений Midlantic Bank. Из его невеселого повествования, я понял, что ему не удалось получить деньги по чеку. И я не смог выяснить, что ему ответили в банке. Могло не оказаться достаточной суммы на счету, а возможно, чек,

по просьбе выдавшего, не приняли к оплате, и аннулировали. Короче говоря, Саша не успел на польский поезд.

А вечером того же дня, Женя доложил нам, что звонил польский ex-boss. Тот был возбуждён, и уж очень хотел поговорить с кем-нибудь из нас. Нас дома не было, поэтому Женя, имея некоторое представление о наших отношениях, и, зная по телефонным счетам, как много раз мы впустую говорили с этим типом на больную тему — сам дал ему исчерпывающий ответ. Женя ответил, что мы уже устали звонить, и вообще, что тот — козёл, если платит за работу заведомо необеспеченными чеками…

Говорит, что в ответ, поляк нёс какой-то возмущенный бред… наверное, был пьяный.

На этом наши отношения с бывшим работодателем закончились. Стороны, наконец, удовлетворенные прошлым сотрудничеством, с облегчением забыли друг о друге. Я объявил Жене благодарность за правильное понимание ситуации и принципиальную классовую позицию, проявленную им в переговорах с мелким эксплуататором трудящихся туристов. Эту маленькую победу в перманентной классовой борьбе мы решили отметить походом в супермаркет и приёмом пива. Полковник выразил желание быть третьим. Саша удалился в комнату на отдых.

Домой мы возвращались поздним вечером. Не спеша, брели по пустынным улицам, дули из банок холодное пиво и трепались о всякой ерунде. Женя много рассказывал нам о баснословных заработках на осенне-зимних рыбных промыслах в Новой Англии. Приводил примеры неизвестных нам поляков, которые, якобы, после двух, трёх месячных хождений по океану за рыбой и крабами, возвращались на берег сказочно богатыми панами. Мы с Полковником относились к этой идее скептически. Полковник, хотя и наряжался последнее время в тельняшку, к морским приключениям интереса не проявлял. Зато неоднократно возвращался к вопросу о том, как отыскать тех ребят, которые подрабатывают спермо донорами в Нью-Йорке. Мечтательно размышлял вслух о гармоничном сочетании статуса безработного, получающего пособия, с регулярными донорскими гонорарами.

Я рекомендовал Жене обратиться с рыбной идеей к Саше, так как тот проходил срочную службу в составе Северного Балтийского Флота. А Северный Флот, как известно, — не подведёт.

Полковник же, советовал Жене пригласить в качестве напарника и подсобника школьника Серёжку, который скрасит

Жене суровое морское бытие во время длительных морских походов за рыбой.

Кстати, об этой проблеме. После того субботника с участием завезённой на часок проститутки, в наш дом уже несколько раз наведывались девицы из местного уличного профсоюза и находили себе подработку в отдельных комнатах нашего дома.

Наш телефон и адрес, выданный той первой отважной девушке-пионерке, послужил дальнейшему расширению и углублению отношений между жильцами нашего многонационального дома и профсоюзом уличных проституток города Трэнтон. Погода с каждым днём менялась к худшему, и дежурить на улице девушкам становилось неуютно и малорентабельно, так же, как и нам работать на крышах. Поэтому они и названивали на наш общий телефон. Приезжали они обычно по двое-трое. Иногда, оказав кому-нибудь услугу в отдельной комнате, они задерживались на общей территории в гостиной, пытаясь найти с кем-нибудь из жильцов общий язык и договориться о новом свидании.

Вернувшись домой, мы были встречены Сашей, который возбужденно рапортовал мне о том, что полчаса назад звонил мой земляк, который оказался большим любителем поговорить по телефону. Из беседы с ним Саша узнал, что мы из одного города, а теперь тот находится где-то во Флориде, на каком-то острове. И что более всего заинтриговало Сашу, так это тёплая, солнечная погода в тех экзотических местах. Где-то на тёплом острове ожидали моего звонка по номеру, который вручил мне Саша. Вся эта история и код телефонного номера (305), заинтересовали меня. Я тут же набрал этот номер. На другом конце мне ответил русскоязычный парень. Я спросил Олега, и того позвали к телефону.

Как я и предполагал, он недавно позвонил домой, где ему и выдали мой телефон в Трэнтоне.

Его запоздалое появление объяснялось тем, что несколько дней назад, он, с каким-то московским товарищем, съехал из Бруклина во Флориду. И местом своего нового временного обитания выбрали один из многочисленных островов, который называется Islamorada.

Его рассказ о благоприятных климатических условиях на том острове вызвал интерес, и я тут же выразил готовность побывать там в ближайшем будущем. Мы договорились о сроках моего вероятного появления на острове и о поддержании дальнейшей телефонной связи.

Чемоданное настроение, а также погода, способствовали тому, чтобы как можно меньше времени проводить на работах, но

поспеть в других местах и доделать кое-какие дела.

В местной газете на первой странице поместили большую цветную фотографию лидера местного националистического движения, или как их ещё называли, неофашистского движения, и интервью с ним. Фотография была снята в штабе, судя по атрибутам попавшим в кадр. Насколько я понял прочитанное, этот парень в своих высказываниях, сетовал на неконтролируемое паразитическое и общественно опасное поведение чёрного большинства Америки. Предсказывал негативные социальные перемены в обозримом будущем, если не принять конкретных воспитательных мер.

Особого возмущения и осуждения этому движению в статье я не заметил. Лишь некоторые упреки в категоричности и нетерпимости. Одним словом, местным неофашистам дали возможность выразить своё мнение на страницах местной газеты.

У меня промелькнуло желание позвонить в их штаб командиру отряда и подсказать, что нет необходимости прибегать к каким-то крутым воспитательным мерам, а достаточно некоторых перемен в миграционном законодательстве, которые были бы вполне справедливы и действенны.

Следует лишь перекрыть существующую в стране, почти бесконтрольную, кормушку в виде пособий и уменьшить квоты на въезд определенных категорий мигрантов. Установить облегченные правила миграции в страну и легализации уже находящихся в стране европейцев. Таким образом, достаточно образованный и активный контингент из стран Восточной Европы и бывшего СССР внесёт ощутимые изменения в количественный и качественный баланс населения.

Американские посольства в странах Восточной Европы и бывшего СССР только за свои услуги, связанные с предоставлением и чаще — отказом въездных виз, собирают средства, на которые можно не только содержать сами посольства, а ещё и подкармливать своих паразитов в Америке.

А если всем желающим поработать в США, дать возможность делать это легально и взимать с них налоги, то количество таковых заметно осветлило бы население Америки и оздоровило общую ситуацию.

В штаб я так и не позвонил. Но задумал связаться с одним товарищем, живущим в штате Нью-Джерси, некогда путешествовавшим на туристическом пароходе по Днепру. Мы познакомились с ним во время их однодневной остановки в Новой Каховке. Тогда это были первые визитёры, посещавшие нашу страну, чтобы увидеть результаты Перестройки, Гласности и Ускорения.

Отчаливая на пароходе, он вручил мне свой адрес, и спустя какое-то время, мы обменялись с ним рождественскими поздравлениями. Больше я ничего о нём не слышал. Его телефона у меня не было, но я нашёл на карте местечко, указанное в почтовом адресе. Это место называлось Riverton, на берегу реки Delaware. Мы уже ездили в ту сторону за яблоками и я подумал, что можно было бы проехать подальше и посетить моего знакомого.

На центральной Брансуик авеню в Трэнтоне, неподалеку от нашего дома, функционировал атлетический зал. Сколько раз я проходил мимо, столько и думал зайти туда и узнать, что и как там, да всё некогда было. В один из вечеров мы всё же заглянули туда. Как и во всех других, подобных заведениях, там стоял устойчивый запах пота, металлическое лязганье и поскрипывание станков самоистязания. Несколько, сосредоточенных на своих мышцах ребят, пыхтели у этих станков.

При входе в зал, за стойкой дежурил атлетического сложения американский джентльмен, который без труда определил в нас новеньких. Он отвлекся от беседы с двумя парнями, и всё своё внимание уделил нам. На его вопрос, чем он может нам помочь, я ответил, что цель нашего визита пока лишь познавательная, но возможно, кто-нибудь из нас пожелает воспользоваться услугами этого клуба. Двое парней, не в спортивной форме, видимо, зашедшие сюда незадолго до нас, ожидали, пока их собеседник закончит, но с явным вниманием прислушивались к моей праздной болтовне. Я узнал о клубе всё, что хотел, и мы собрались уходить, но один из этих ребят осторожно поинтересовался: не поляки ли мы? Я ответил, что мы не поляки. И тогда они чуть ли не одновременно высказали своё предположение:

— Русские?

— Да, — ответил я. — А вы?

— И мы тоже, — заявили эти двое по-русски.

По внешнему виду и по их неуклюжему русскому языку было видно, что они не те русские, с которыми мы соседствовали в Бруклине. Лишь бы что-то спросить, я поинтересовался, откуда именно они? И они ответили, что живут в Нью-Йорке. Я уточнил, что меня интересует, откуда они приехали в Америку. Оказалось, их родители привезли ещё в детском возрасте из Ленинграда.

Саша сообщил им, что он служил там во флоте три года. Но эта новость не вызвала никаких эмоций. Допуская погрешности в падежах, нам объяснили, что их привезли сюда ещё в 70-х годах: один, так и не бывал в России с тех пор. Другой, за всё это время решился разок слетать в прошлом году. Он стал, перескакивая с

русского на английский, делиться своими впечатлениями о Москве и Ленинграде. А другой, хоть и русский, слушал всё это с таким же видом, как и наблюдавший за нашей встречей, американский хозяин атлетического клуба.

Недавно побывавший в России стал рассказывать Саше о своих русских друзьях, которые осваивают английский. И о том, как на его взгляд, они тяжело преодолевали какой-то внутренний барьер, когда он предлагал им разговаривать с ним по-английски. Давал Саше советы, как одолеть языковую проблему. А я тем временем разговорился с другим, который хоть и мог говорить по-русски, но предпочитал английский. Он жаловался, что когда приятель приглашал его слетать в Ленинград вместе — был занят, а в одиночку не решился на такое путешествие. Рассказал, что живёт в Нью-Йорке и последнее время не имеет постоянной работы. Временно подживает в квартире своего приятеля… На этом мы и расстались.

Дома узнали, что один из польских соседей приобрел подержанный автомобиль. К нашему удивлению, это оказался ещё один Ford Escort, Я не знаю, последовал ли он Сашиному примеру, или это случайное совпадение, но теперь при нашем доме было два, почти одинаковых, Фордика.

В гостиной комнате по случаю приобретения автомобиля присутствовали двое поляков, моих непосредственных коллег по рабочей галере. Тот, который старший, давно просил меня, чтобы я прихватил на работу электрическую машинку для стрижки. Здесь, уже дома, уклониться от его просьбы мне не удалось. Я принёс имевшийся у меня инструмент, и мы удалились с клиентом в подвальное пространство. Там размещались некоторые бытовые удобства: две стиральные машины, которыми мы активно пользовались (стиральный порошок оставлять без присмотра не рекомендовалось) и бойлерная, обеспечивающая дом горячей водой.

Уединившись там, я стал остригать седые лохмы польского товарища по классу. Не успел я закончить это дело, как нас посетил второй сотоварищ по галере и сообщил о назревающей поездке в Atlantic City.

До этого я много слышал об этом Las Vegas в New Jersey. Из Бруклина регулярно возили желающих на экскурсию туда и обратно. Условия такой поездки предполагали, что по приезду, затраченные деньги на билет в оба конца, вам вернут… в виде жетонов, которые вы можете обменять на свои наличные, а можете применить их в какой-нибудь азартной игре. Так или иначе, а завезённые туда туристы подвергались искушению выиграть легкие денежки, но в большинстве случаях, вероятно,

оставляли там свои, трудовые.

Услыхав о готовящемся выезде в Атлантик Сити, я заявил об участии в поездке. Остриженный мною поляк, сославшись на позднее время и желание отдохнуть, отказался от экскурсии.

Я поспешил закончить своё дело, и, оставив довольного и помолодевшего клиента отряхиваться, сам поднялся в гостиную. Там уже сформировалась группа в составе четырёх человек. Меня согласились взять третьим на заднее сиденье. Трое поляков, кроме одного — водителя — были уже в хорошем подпитии. Мы со Славкой, лишь поддерживая компанию, умеренно попивали пиво, которое прихватили с собой в дорогу. Выехали поздним вечером. Моросил дождик. Настроение у всех было повышенное. Не в Патерсон же на работу выехали.

В отличие от выездов на работу, здесь каждый норовил подсказать водителю самый короткий путь в нужном направлении. Как следствие, такой повышенной и нетрезвой активности пассажиров, мы какое-то время бестолково кружили по вечернему городу в поисках нужного выезда. Наконец, со спорами и сомнениями мы выбрали один из путей и скоро оказались вне города на пустой трассе. Проехав с милю, мы встретили указатель, из которого поняли, что выбранная нами дорога приведёт нас в Атлантик Сити. Все успокоились, каждый вернулся к своей пивной банке, а позднее пассажиры свесили головы и засопели.

На пути, кроме освещённых заправочных станций, других объектов, способных привлечь моё сонное внимание, не наблюдалось. Обычно, поездки по новым местам меня положительно возбуждали; в этом же случае я начал сожалеть, что ввязался в скучную ночную экскурсию. С этим выводом я и провалился в хмельную дремоту. Езда была дождливой, темной и монотонной. Я проспал всю дорогу, сидя между двумя такими же пассажирами-овощами и не заметил, как мы въехали в Атлантик Сити. Проснулись мы от яркого света и новых звуков. Наш Фордик медленно полз в автомобильном ряду таких же ночных гостей по ярко освещённой платформе перед экзотическим зданием. Прибывающих, встречали служащие игорного заведения и гостеприимно приглашали выйти из машины, расслабиться и полностью отдаться своим азартным замыслам. О парковке и сохранности автомобиля они обещали позаботиться. Водителю вручали номерок, как в гардеробе, а машину уводили.

Я чувствовал себя, словно меня кто-то разбудил среди ночи, включив в спальне яркое освещение.

Оглядевшись вокруг, я начал медленно соображать, куда я попал и который теперь час. Время было около полуночи, но

суета вокруг была достаточно активной, чтобы разбудить нас окончательно. Этому способствовал и свежий ветерок с привкусом океана. Чувствовалось, что мы где-то недалеко от берега, не доставало лишь шума прибоя, который заглушался непрерывным потоком прибывающих автомобилей и хлопаньем дверей. Наши польские попутчики здесь уже бывали, они и предложили, на всякий случай, встретиться здесь же у входа в четыре утра. После чего, мы направились в ярко освещенное здание, подобное храму. У входа никто здесь не разувался, как это принято у мусульман, зато многие туристы фотографировались. Игральное заведение называлось Taj Mahal. Среди гостей было много японцев, они с какой-то нездоровой активностью расстреливали всех и всё вокруг из своих фотоаппаратов. Мои польские попутчики быстро растворились в общем потоке людей. Я начал приходить в себя. Понял, что меня завезли в место, достойное внимания туриста и здесь есть что посмотреть.

Пройдя в просторный зал, заставленный рядами разноцветно мигающих игральных автоматов, я сразу почувствовал особую атмосферу массового азарта, граничащего с истерией. У автоматов сидели и стояли потенциальные доноры, отрешенно колдующие над этими мигающими и мурлыкающими прожорливыми монстрами. Всё внимание этих людей было приковано к игрушкам, в которые они с надеждой опускали свои четвертаки и жетоны.

Бегло понаблюдав за этой тупой, механической игрой, в которой ничего от игрока не зависело, я прошёл далее. В следующей секции было более людно, и шум здесь стоял иной. Вместо механических шумов игральных автоматов, здесь царил гомон человеческих голосов. Шла служба, в которой люди молились Богу-доллару и Фортуне. За столами разыгрывались какие-то карточные партии. Вокруг рулеток толпились участники и болельщики. Делались ставки, запускалась рулетка… вздохи-охи… перемещение жетонов… кто-то удалялся, чтобы поменять денежки на жетоны, их места занимали другие, и рулетку снова запускали. Здесь тоже мало, что зависело от участника, но всё же это было поинтереснее, чем общаться, возможно, с пустым, игральным автоматом.

Я поменял десятку на долларовые жетоны и приступил к эксперименту. Ставил по одному — два жетона, пытаясь выработать свою систему; когда, куда и сколько поставить. Скорее это решалось интуитивно. Но у меня наметился устойчивый прирост и я стал плавно, чтобы не спугнуть Фортуну, увеличивать свои скупердяйские ставочки.

Не успел я взрастить и осознать свои интуитивные наблюдения за рулеткой и возвести это в устойчивую систему ставок, как за моей спиной появились молодой нетрезвый поляк и Полковник. Подышав мне перегаром в затылок, после нескольких запусков рулетки, они отметили мои медленные, но верные успехи, и стали подталкивать своими скороспелыми советами. Само их появление в такой интимный момент, испортило мне настроение. Я почувствовал, как их неуместное вмешательство нарушило едва сложившийся эмоциональный контакт с рулеткой. Мне бы следовало сделать перерыв и переждать, пока они не оставят меня в покое, а я поддался их люмпенским, назойливым советам. Именно в этот период, когда они перегарно бухтели мне в оба уха свои пролетарские консультации, рулетка перестала слушаться меня, связь с ней была утрачена, и я быстро спустил большую часть своих жетонов. Мои временные товарищи по классу просто достали меня. Никакой личной жизни! Я физически, на своём затылке ощущал это вездесущее, грубое влияние непросвещённого пролетариата. Мало того, что я с ними по 40–60 часов в неделю цемент месю, в одном доме с ними живу, одних проституток с ними имею, так они и здесь меня лечат. С Фортуной наедине пошептаться не дают.

От их мудрого предложения наменять ещё порцию жетонов и продолжить игру по их системе, я отказался и советовал им реализовывать свои замыслы самостоятельно.

Но оказалось, что они и пришли ко мне по той простой причине, что уже всё до цента спустили в игровые автоматы. Когда я услышал, что поляк за пару часов пребывания здесь скормил автоматам свою полунедельную зарплату, мне стало жалко бедолагу.

Мы вышли наружу через другой выход и оказались на набережной. Темная осенняя ночь. Дождя не было. Шумно дышал океан. Замороченную голову приятно обдувало влажным ветром с запахом океана. Мы, молча, направились к берегу. Берег оказался песчаным; вероятно, здесь был пляж. Волны были сильные. Пенящаяся вода накрывала часть берега и сползала обратно в плотную тьму океана, оставляя мокрую, гладкую песчаную полосу. Волна набегала на берег и уползала, мощно и чётко выдерживая свой ритм. Ветер с солёными брызгами обдувал нас в своём ритме прибоя. От азартной суеты сюда проникало лишь освещение. Ветер и шум прибоя хорошо прочищали нетрезвые, замороченые мозги. Мы побегали по мокрому песку: к океану и от него, едва поспевая опережать накатывающиеся из темноты волны. Скоро мы выдохлись от этой игры с океаном и окончательно отрезвели.

Поляк вдруг сделал мне предложение… одолжить ему сотню, если можно. Я послал его с этой просьбой к Папе Римскому и предложил отыскать двух других игроков, в целях отбытия домой.

Найти их было нетрудно, так как наш проигравшийся поляк знал, где они страдают. Эти двое, как я и предполагал, как с мельницами, сражались с игровыми автоматами. Достаточно было взглянуть на любого из них, чтобы определить: каковы их успехи. Всё было написано на их пролетарских лицах. Снова их поимел несправедливый капитализм!

Один из них уже давно созрел к возвращению домой, и продолжал тупо дергать ручку автомата лишь благодаря дружескому займу своего земляка. Делали они это с каким-то тупым остервенением. Игрой это назвать никак нельзя. Остановить этих зомби могли только мы, со своими свежепроветренными головушками.

Время было уже около трёх часов утра. Народу поубавилось. Продолжавшие играть были или нетрезвыми, или больными этим азартным делом. Напитки оперативно подносились длинноногими девицами, только подай знак. Ясное дело, если игроков ещё и вовремя подпаивать…

Домой возвращались дождливо, уныло, молчаливо. Приехали, когда было уже слишком светло, чтобы залечь спать, но я это сделал.

Проснулся среди дня. Саша был дома и очень хотел поговорить о чём-то. Мои впечатления об Атлантик Сити его не интересовали. Хотя у меня зародилась мысль, что если бы я жил не в Трэнтоне, а в Атлантик Сити, то смог бы приноровиться к рулетке. Но Саша отвлёк меня от этого безумного замысла, докладами о готовящемся выезде наших соседей в Новую Англию с целью возможного трудоустройства. Я поинтересовался: что Саша сам об этом думает и каковы его планы. Из его объяснений я понял, что основной мотив его активности в этом направлении — всего лишь любопытство. Посовещавшись, я выразил своё согласие принять участие в разведке и удовлетворить любопытство.

Вспомнил фотографии, которые демонстрировали братья муни. Из фотоснимков и комментариев я понял, что в коммерческой деятельности церкви единения немалую долю занимает рыбный промысел. Припоминал, как они рассказывали об их рыболовной флотилии в каком-то Глостере, где-то неподалеку от Бостона. Но я не располагал более детальной информацией об их предприятиях в Новой Англии, и звонить Оноде, расспрашивать его об этом я тоже не хотел, потому что знал наверняка: у них работают братья бесплатно. Я не стал даже

говорить Саше об этом.

Саша сообщал также об ожидаемых завтра дождях и своей флотской готовности к поездке. Иными словами, если я согласен составить ему компанию, то должен быть готов к раннему подъёму, чтобы к середине дня мы могли быть уже в рыбных местах.

Пока я наслаждался под душем, из своей полковницкой комнаты выполз помятый Славка. Саша поведал ему о вероятной передислокации и новых видах промысла, сулящих баснословные заработки. Но Полковник не проявил никакого интереса к затее, а в случае нашей поездки, лишь пожелал доехать с нами до Нью-Йорка, где ему пора было получать заслуженное пособие.

В этот день пришла почтовая открытка от Брюса из Riverton, в которой сообщалось, что меня и нашу встречу на Днепре хорошо помнят, и будут рады повидаться со мной, если подъеду в его края.

В этот же день, узнали от Стаса о польской конторе на соседней улице, которая, завтра отправляет морской контейнер с посылками. Решили воспользоваться их услугами и избавиться от накопившихся вещей. Коробки для посылок у нас уже давно были заготовлены. В них мы упаковали подарки, подписали адреса и понесли в контору. Там мы нашли молодую пани, пшекающую по телефону. На наше появление она отреагировала приветливо. Из её пояснений узнали, что тарифы на отправку посылок в Польшу и в республики СНГ ощутимо отличаются. Так, за доставку в Польшу они хотели всего 35 центов за фунт веса. А чтобы отправить посылку на Украину, надо было заплатить доллар за фунт. Но обещали всё доставить по адресу… прямо получателю… в течение шести недель. Взвесили наши коробки, уплатили по счетам. Пани упаковала их клейкой лентой и просила не беспокоиться. Мы так и поступили.

Посетили супермаркет, отметились в отделе масок-страшилок, где Саша традиционно подгадав момент, натянул на голову Полковника высокохудожественный резиновый чехол, изображающий разлагающуюся физиономию. Полковник, до того как стянуть с себя маску, возмущенно прогнусавил в адрес Саши нецензурные замечания о его дурацких детских выходках. Получилось искренне свирепо и непонятно для рядом оказавшихся домохозяек которые понаблюдали за этой сценой и оценили как «perfect».

Дома мы коротали время в гостиной, попивая пиво. К нашей компании молчаливо присоединился недавно подселившийся сосед Хеник. По мере потребления пива он разговорился, и мы узнали о нём, что живёт он в США уже более десяти лет, и

подобно Полковнику, имеет статус постоянного жителя. При более близком знакомстве с его американской биографией, мы поняли, что за все эти годы он не освоил языка, не приобрёл своего жилья и не скопил каких-либо существенных сбережений. Всё, что он имел на данный период, — огромная сумка с повседневными вещами, с которой он въехал в наш дом.

Это был живой, печальный пример того, как можно проработать годы и обрести лишь трудовые навыки и непреодолимую тягу к алкоголю. Нетрудно представить ситуацию, если завтра у него возникнут проблемы со здоровьем, и он не сможет выйти на работу. У него едва ли окажется достаточно денег, чтобы, не влезая в долги, спокойно зализать раны. Жалко, конечно, этого яркого представителя пролетариата, но не мне поучать его советами, как следует распределять свои трудовые доходы, чтобы быть здоровым и небедным. Саша с Полковником, усугубляя пивом, откровенно посмеивались над спивающимся бедолагой, обращаясь к нему, не иначе как пан Хеникен или пан Бадвайзер (Budweizer название пива). Хеник сначала поправлял их, но скоро смирился с шалостями собеседников и стал отзываться на пивную кличку. Хотя было заметно, что ему это не по душе.

Утром проснулись пораньше с намерением осуществить запланированную поездку. За окном было серо и дождливо. Прогноз подтверждался, и мы могли смело рассчитывать на сегодняшний нерабочий день. Саша, как всегда, более бодро преодолевал тяготы и лишения, связанные с вынужденными ранними подъёмами. Я чувствовал, что без его поддержки, сам бы я отказался от многих мероприятий, требующих насильственного воздержания от сна. Пока я умывался, Саша проник в опочивальню Полковника и учинил ему казарменный подъём, чем вызвал справедливое недовольство разбуженного соседа Стаса. Полковник вышел сонный и помятый, одетый в свои неизменные джинсы и тельняшку. По его хмурому виду можно было подумать, что его сейчас повезут на принудительные работы, а не в Нью-Йорк за пособием. Саша посмеивался над тем, что Полковник последнее время стал спать в одежде, объясняя это регулярными визитами проституток, что внесло разлад в их теплые отношения со Стасом.

В машине было сыро и зябко. Радио несколько скрашивало наш пасмурный старт. Между музыкой, в прогнозах погоды на ближайшие сутки обещали регулярные shower, душ. Саша продолжал развлекаться темой о пагубном влиянии проституток на семейные отношения, подразумевая в качестве супругов Стаса и Полковника, который теперь раздевается, и то частично, только

когда принимает уличную девку. Полковник лишь молча курил, наполняя неуютный салон дымом. На мокрых дорогах в это раннее время было уже по-рабочему оживленно. Глядя на дождливый авто-марафон, я подумал, что эта гонка здесь не остановится, даже когда повалит снег. Картина обозримого будущего вырисовывалась в моём представлении довольно слякотной. Ни на кайзеровских стройках, ни на рыболовном судне я себя не представлял. Мысль о теплой Флориде всё более грела мою туристическую душу. Чем ближе мы подъезжали к Нью-Йорку, тем интенсивнее становилось дорожное движение. Большинство автомобилей были с номерами штата Нью-Джерси. Я подумал: как много людей каждое утро едут из Нью-Джерси в Нью-Йорк на работу, а вечером обратно домой. Мне вспомнилась девушка, Сашина землячка, которая однажды зашла в гости в нашу бруклинскую квартиру. Из разговора с ней я узнал, что она работает и живёт в американской семье где-то в Нью-Джерси. Она рассказывала нам, как её работодатели успешно зарабатывают на жизнь. Глава семьи — врач-психоаналитик, практиковал на дому, организовав рабочий кабинет в своём просторном доме. Жена выполняла функции секретаря. Если верить их русской домработнице, то один сеанс-свидание с психоаналитиком стоил посетителям 100 долларов. Жена-секретарь планировала и назначала свидания пациентам из расчёта один час на каждого визитера. Ходоков было достаточно.

Единственное, о чём не могла рассказать наблюдательная землячка, так это о методах лечения.

По её наблюдениям, в быту доктор был настолько непрактичен, и многие его решения, как главы семьи, были на её взгляд, настолько бестолковы, что ему бы самому полечить голову. Девушка, наблюдая за их семейным бизнесом, не переставала удивляться: чем и как этому доктору удаётся охмурять своих пациентов? С какими такими проблемами они едут к нему?

Мне ясно было одно, что доктору не надо каждое утро ездить на работу, тем более, в соседний штат. Его клиенты сами приезжали к нему на дом со своими проблемами и деньгами.

А вот нашему Славке пришлось ехать в это дождливое утро в Нью-Йорк, чтобы получить своё беженское пособие. По мере приближения к городу, он стал сетовать на то, что вредная старушенция, вероятно, скоро настучит в собес: он уже не проживает у неё и не платит ей по 250 долларов за жильё, которые ему исправно компенсирует служба социального обеспечения…

Саша обещал обязательно позвонить бабушке Марии и

подсказать ей эту мысль.

Реальная перспектива потерять пособие и всё более ощутимое наступление осени вгоняли Полковника в отмороженное состояние. Всё чаще его можно было видеть сидящим или лежащим длительное время в одном положении, с мрачным лицом и отрешённым взглядом.

Хоть я и не психоаналитик, но его состояние мне было понятно. Такие приступы депрессии, я образно называл — «Полковнику снова никто не пишет». А Саше больше понравился другой мой диагноз — «Полковник из репрессированного совка плавно превращается в депрессивного постоянного жителя США». Саша заметил, что в последнее время Полковника положительно взбадривают лишь три обстоятельства: получение зарплаты и пособия, алкоголь и контакт с проституткой. В общем, не так уж и мало. Есть для чего жить! В резерве ещё оставались кокаин и другие бодрящие душу радости… Но всему своё время, ещё не вечер.

Сожительство со Стасом, как шутливо предполагал Саша, уже тяготило Полковника. Ко всему замеченному, следует добавить дождливую погоду, плату за жильё, законопослушное нежелание местных торгашей продавать алкоголь за продовольственные карточки, болезненные ранние подъёмы, ненавистную работу, языковую проблему, отдаленность родных и близких и отсутствие у них телефона, абсолютную неопределённость в обозримом будущем… — всё это вгоняло бывшего диссидента в глубочайшую осеннюю печаль.

Он напоминал мне молодого военнослужащего, доведённого уставными и неуставными тяготами и лишениями воинской службы до отчаянного состояния. Когда юноша задумывается о побеге или самоубийстве, или о том, как отомстить своим обидчикам.

Я ласково советовал ему, воспользоваться своим преимуществом купить билет на самолет и слетать к маме. Погостить дома, зализать раны, понаблюдать життя в мафиозно-бюрократической державе, сделать выводы — и весной, окрепшим, вернуться в американский марафон. Судя по реакции на мои советы, он был недалек от мысли посетить родину, но для выезда из страны ему необходимо было получить туристический паспорт постоянного жителя. И он намерен был сделать это в ближайшее время.

Саша советовал ему не пропивать своё пособие, если ему выдадут сегодня таковое. И тогда он свяжется с землячкой в Нью-Джерси и попросит её записать Полковника на приём к психоаналитику. Как полагал Саша, неспособность Полковника

излагать тягостные мысли на чуждом английском языке, не окажется серьёзным препятствием для его лечения. Доктору достаточно будет взглянуть на Полковника.

К Нью-Йорку подъехали с дождём, в бесконечном потоке транспорта, стекающимся сюда каждое утро рабочего дня. Саша сосредоточился на дороге, ориентируясь на нужную нам трассу 95, проходящую вдоль всего восточного побережья. Полковник начал беспокоиться, поглядывать в окно, пытаясь сообразить, где мы находимся, и как ему добраться до нужного места. Интенсивное движение, дождь и очевидное окраинное расположение дороги, которой мы ехали, всё это усложняло положение Славки. Он никак не мог решить, где же ему лучше выйти. А Саша не обращал на него внимание, и гнал машину в общем потоке, и нужном ему направлении. Дождь не прекращался. Движение не позволяло сделать остановку. Мы всё далее продвигались на Север. Уже по всему было видно, что увозим Полковника из Нью-Йорка без пособия. Я предложил ему отложить посещение собеса на другой день и ехать с нами. Но мы заметили автобусную остановку и решили, что ему лучше всего сойти здесь. Пришлось проехать несколько далее этой остановки, пока удалось перестроиться в крайний ряд и приостановиться. Оставили Славку под осенним дождём на узком островке, разделяющим встречные потоки автомобильного движения. Я потерял его из виду, когда он начал перебираться на другую сторону дороги, маневрируя в водяной пыли между автомобилями.

По мере удаления от Нью-Йорка на трассе становилось посвободней. Саша уверенно держался указателей, направляющих на Север по 95-й дороге. Какое-то время обсуждали беженскую судьбу Полковника, на хилые плечи которого свалилось счастье постоянного легального жития в США. Похоже, от всего этого у него начала съезжать крыша. Он столько внимания уделяет убогим пособиям, словно это основная ценность в его американском бытие. Сам того, не замечая, он организует свою новую жизнь под это благо. Работает на каких-то нелегальных работах, со всеми вытекающими условиями, снимает и делит жильё с такими же работниками. Хотя, мог бы обучится какой-нибудь подходящей профессии, получить профессиональную лицензию и работать легально. Пусть бы удерживали налоги и не платили пособия, зато появились бы какие-то профессиональные и прочие социальные перспективы.

Но Саша всё свёл в сплошную хохму: что сегодня Полковник доберётся до собеса и на равных с чёрными братьями и сёстрами получит своё беженское пособие, а вечером устроит тихие

именины сердца…

В автомобильном потоке стали появляться машины с номерами соседнего штата Connecticut, мы основательно пристроились на 95-й дороге и теперь могли спокойно обозревать новые места.

На карте дорога проходила по краю материка, вдоль Атлантического побережья. Но берега не было видно. Больше наблюдалась лесная местность. Дорожные указатели сообщали о городках с английскими названиями Greenwich, Westport, Bridgeport, Stratfort, New Haven. Такая же стояла и погода. Все эти пункты мы проехали, не съезжая с 95-й дороги. Отмечали преобладание лесов и отсутствие торговых центров, которые часто встречаются на территории штата Нью-Джерси. И даже сама дорога здесь поскромнее.

Возможно, при иных погодных и прочих условиях, мы бы посетили эти городки, и нашли там что-нибудь интересное для себя. Но в этой поездке такое желание у нас не проявилось. Мы лишь отмечали по дорожным указателям и карте, что проехали местечко Fairfield, которое упоминалось нашими польскими соседями, как одно из рыбных мест. От Stratfort указатель, направляющий к побережью, оповещал о расположении где-то там Igor Sikorsky Memorial Airport — наш земляк — создатель вертолёта, авиаконструктор и испытатель. (И́горь Ива́нович Сико́рский (англ. Igor Sikorsky, 25 мая 1889, Киев, Российская империя — 26 октября 1972, Истон, штат Коннектикут, США) — русский и американский авиаконструктор, учёный, изобретатель, философ. Создатель первых в мире: четырёхмоторного самолёта «Русский витязь» (1913 год), пассажирского самолета «Илья Муромец» (1914 год), трансатлантического гидроплана, серийного вертолёта одновинтовой схемы (США, 1942 год).

Нью-Йоркские радиостанции постепенно слиняли под воздействием дождя и расстояния. Радиостанций стало меньше, и всё они были незнакомы и скучны, как и эта местность. Для разнообразия сделали остановку у придорожного ресторана МакДональдс. В этом заведении мы ничего нового не обнаружили: стандартные гамбургеры и туалеты.

Местечко New Haven тоже можно было бы посетить, там располагалось нечто подобное Princeton, — ещё один известный Yale University. Но мы тупо ехали по 95-й дороге и наблюдали.

Переехали через Connecticut River, проехали мимо указателя, направляющего в New London, где тоже можно было бы посетить известную US Coast Guard Academy с музеем для посетителей.

Затем, миновали портовый городок Newport.

Во времена освоения Америки современники называли это

место еврейским международным центром работорговли. Якобы три четверти работорговцев были евреями, проживавшими в Ньюпорте. Здесь они построили первые спиртовые заводики, чтобы с помощью огненной воды торговать и спаивать местных индейцев. Здесь же возникла одна из первых на территории Америки масонская ложа.

Далее пересекли речку Темзу и скоро въехали в следующий штат Rod Island.

Об этом штате и столичном городе Providence мы много слышали от Славика. Свой первый беженский, американский год он отбыл в этом городе, но ничего хорошего сказать нам не мог.

Дорога проходила через город, и мы имели возможность бегло взглянуть на него. Саша постоянно ругал дороги, которые оказались здесь в паршивом состоянии. При этом он упоминал Полковника, который за год своего паразитического проживания в Провиденсе, вычерпал местную казну и довёл штат до плачевного состояния. Учитывая погоду и всё, что рассказывал нам Полковник о городе, мы единодушно не пожелали останавливаться здесь. Зато возник вопрос о городке New Bedfort, который также упоминался нашими соседями, как рыбный. Для заезда сюда надо было съезжать с 95-й дороги.

Вокруг Провиденса и по дороге к New Bedford наблюдались признаки всех видов морских промыслов: ремонт, обслуживание и предоставление в аренду судов, морские перевозки грузов, торговля морскими продуктами… Нам стало понятно, откуда у Полковника тельняшка.

Первое место, которое мы посетили в New Bedford, был какой-то ресторанчик с морским названием. Это было нечто подобное МакДональдс, только с рыбным уклоном и официантами. Ресторан оказался тихим и чистым местом. Интерьер украшали морские и рыболовные атрибуты. Мы заняли столик и просмотрели меню. Кроме чая и кофе, все остальные блюда были дарами океана. Названия нам мало, о чём говорили, поэтому мы ориентировались в своем выборе на цены, которые были вполне доступны. Работники ресторана отдыхали в ожидании посетителей. Решив, что мы уже ознакомились с меню, к нам подошла молодая женщина и приветливо поинтересовалась о наших пожеланиях. Делая заказ, я пошутил, что не имею ни малейшего представления о блюде, которое прошу её подать. Она удивилась и поинтересовалась, откуда мы заехали. Я признался, что мы из Нью-Джерси.

Пока мы потребляли дары морей, Саша решил, что эта разговорчивая официантка — вполне подходящий субъект для допроса. Ситуация для короткого интервью возникла сама собой.

Когда мы уже допивали кофе, она снова посетила нас с колбой горячего кофе и предложила добавку. Мы не отказались. Доливая нам кофе, она шутливо поинтересовалась, как мне понравились рыбные блюда. Я ответил, что это стоило того, чтобы приехать сюда из Нью-Джерси на обед. Пока она посмеивалась над моими шутками и английским, я перешёл к теме о возможном трудоустройстве в рыбном промысле. Она несколько удивилась такому желанию и объяснила нам, что в это время года большинство компаний, промышляющих рыбной ловлей, уже свернули промысел и большую часть времени возятся на берегу, занимаясь профилактическими работами. Почти все, кто работал на рыболовных судах, сейчас трудоустраиваются где возможно, некоторые даже временно переезжают в другие места.

Я понял, что в осенне-зимний период нормальные люди не рыбачат. Хотя, конечно же, есть исключения. Как она подсказала нам, более точно мы сможем узнать что-то у людей на причалах. То, что я услышал от этой женщины, было подтверждением моих сомнений о возможности рыбачить в океане зимой. Посовещавшись за кофе, мы решили не задерживаться в этом городке, а проехать в следующий штат Massachusetts, о котором чаще всего упоминали наши соседи. Мы оставили на столе денежку по счетам, которые нам поднесли с кофе, и вышли из ресторана.

Ветерок в этих местах дул не так, как в Трэнтоне. Это был ветер с устойчивым запахом океана. И тучи здесь были пониже, потяжелей, потемней. Мы нырнули в свой истекающий Фордик и поспешили вернуться на 95-ю дорогу.

Продвигаясь к Бостону, мы всё меньше обременяли себя мыслями о трудоустройстве в рыбном флоте. Фактически, наша поездка обретала чисто туристическое содержание. Время позволяло проехать далее на Север, от такой возможности мы не отказались. Перемещаясь по территории Новой Англии, мы отмечали меняющиеся радиостанции и виды. В сравнении со штатами Н-Йорк и Н-Джерси, всё выглядело здесь скромнее, умереннее, провинциальней и человечней. Это было заметно даже из автомобиля.

Ехали через Бостон. Всё, что я мог увидеть, говорило о 360-летнем возрасте этого города. Судя по банковским зданиям и названиям самих банков, которых я не встречал ранее, очевидно, Бостон — финансовый центр Новой Англии, а также, культурная и академическая столица. Бостон представлял собою другую Америку, отличительную от Нью-Йорка. Он скорее напоминал Принстон, только побольше, если я, верно, разглядел этот город, проезжая через него. При иных обстоятельствах стоило бы

провести в этом городе хотя бы пару дней. Мысленно я запланировал себе это место для посещения. А пока, мы катили по 95-й дороге в северном направлении. После Бостона, мы заехали в городок Salem, и решили, что это будет последний пункт в нашем маршруте.

Совершая объезд-осмотр береговой местности, мы приблизились к причалам, у которых стояли рыболовецкие суда. Я понял, что, несмотря на погоду, какой-то промысел всё же продолжается и не только рыбный. С одного судна сгружали на причал ящики с живыми крабами. Мне было достаточно беглого осмотра плав-хозяйства, чтобы окончательно убедиться в собственной профнепригодности. Тем не менее, всё это было ново и любопытно. Здесь во всём чувствовалось влияние океана. Его дары здесь были основным, и вероятно, единственным источником благополучия населения. И сами люди были другими. Не суетливы и более внимательны к случайным собеседникам. Их язык заметно отличался от того, который я привык слышать в Бруклине. Это был более английский язык. Многое здесь начинало мне нравиться.

Мы решили, всё же узнать как можно больше о рыболовстве и стали присматривать кого-нибудь подходящего для интервью. Скоро мы заметили двух субъектов, которые, переговорив с кем-то на судне, направлялись к своему автомобилю. Казалось, что эти двое не очень-то заняты и располагают временем. Я обратился к ним, и первое, что отметил, — это их нетрезвость и причастность к тяжёлому морскому труду. Я выразил наш интерес — к трудоустройству, и они спросили, что нас конкретно интересует: работа на берегу или в море?

Я не ошибся в субъектах, они оказались осведомлены в этих вопросах и разговорчивы. Один из них, который постарше, хотя и густо удобрял свою речь бранью, но всё же отвечал на все мои вопросы чётко и последовательно. Его речь была ясна и очень отличалась от американского носового произношения. Скоро он поинтересовался: откуда мы. Узнав же, заявил, что он сам из Ирландии, где проживает его семья. Второй, его товарищ, был более чем выпивший и являл собою социальное дно Америки. Он не совсем разборчиво, делал мне замечания, из которых я понял, что сейчас есть работа на каком-то комбинате по переработке рыбы, где сам он трудится. В качестве доказательства, он показал свои грязные, изрезанные руки. Коротко ознакомившись с условиями труда на комбинате, я тут же позабыл об этом.

Тип, представлявший рыбный комбинат, выглядел отталкивающе неряшливо и убивал напрочь всякий интерес к тому, чем занимался. Кисти его рук были исполосованы

шрамами. Некоторые порезы были совсем свежими и нуждались в элементарной обработке, к которой прибегнул бы всякий здравомыслящий человек. Этот, вероятно, пользовался какими-то своими методами заживления порезов. Один палец у него был перевязан грязным бинтом, другие порезы — вообще, без каких-либо следов обработки. Физиономия — хотя и без шрамов, но уже с несмываемым выражением пришибленности. Разговаривать с ним было трудно и малоинтересно. Всё, что меня интересовало, я старался расспросить у его старшего ирландского товарища.

Мы договорились о том, что он мог бы представить нас работодателю, промышляющему рыбной ловлей. Для этого следовало проехать на другие причалы, где находилось судно, и если повезёт, застать его там. Тогда можно будет узнать всё конкретно. Это было недалеко, и мы решили проехать туда на их автомобиле. Потрошитель рыбы настойчиво загундосил о необходимости справедливого вознаграждения за оказанные нам услуги. Я, на всякий случай, спросил у старшего: что его приятель имеет ввиду? Тот подтвердил, что нам следует выдать ему на пиво.

Из беседы, по пути к нужному месту, я узнал, что наш случайный ирландский приятель сам зарабатывает на жизнь работой на рыболовных судах. Я старался узнать как можно больше об условиях работы. Из его ответов можно было сделать вывод, что на всяком отдельном судне — свои условия. И они зависят от того, как работник договорился с работодателем. При этом, последний будет учитывать и опыт работника, и результаты улова. В конечном счёте, оплата труда — в прямой зависимости от размеров улова и участия в этом конкретного работника.

Прибыв к причалам, мы обнаружили, что на обоих суднах — ни души. Встреча не состоялась. Зато нас поводили по рыболовецким траулерам. Мы не смогли заглянуть в каюты, так как отсеки были закрыты. Мне показалось, что конструкции суден едва предполагали пространство для людей. Металлические, провонявшиеся рыбой, плавающие фабрики по вылову и обработке рыбы… Находиться на таком траулере, даже пришвартованном и едва покачивающемся на волнах, было неуютно.

Я представил себя членом бригады. И меня по волнам и ветрам унесут далеко от берега в открытый океан, где будут забрасывать и вытягивать сети. И если пойдет улов, то все набрасываются на рыбу, обрабатывают её и пакуют в емкости…

Пока ловится рыба и есть куда её складировать, все работают, не взирая ни на время, ни на погоду. О такой ерунде, как морская болезнь, я вообще молчу. Главное — улов! Будет улов — будут

деньги. Ветер, дождь, снег, качка… Смыло волной за борт какого-то недотепу, который сам напросился на работу… Вытащили — повезло. Канул в бездну вод… Что ж тут поделаешь? Не бросать же из-за этого работу, особенно, если рыба пошла. Ему уже ничем не поможешь.

Кто знает, где может быть заблудший турист, кочующий, с места на место. О его выходе в море — где, когда и с кем — никто не знает. Отношения с работодателем нигде не отражены. Вернулись не в полном составе — меньше расходы на оплату труда. Что ни случается — всё к лучшему.

Экскурсия на эти мрачные траулеры дала мне живое представление о рыбном промысле. Мне оказалось достаточным побывать на борту ржавого монстра. Остальные детали: огонь, вода и медные трубы, кровь, пот, слёзы и блевотина — восполнили моё воображение. Я не очень-то сожалел о том, что мы не встретили здесь нашего возможного работодателя, какого-нибудь морского волчину. Вопросов к проводнику у меня больше не было. Саша тоже сник и даже отказался от предложения подвезти нас обратно к автомобилю. Я дал изрезанному пролетарию рыбного труда два доллара на пиво, распрощался с ирландским подданным и мы, наконец, остались одни на причале. Вопрос о нашем возможном участии в этой отрасли, как мне казалось, решился на стадии предварительных консультаций. Обошлось без морской болезни.

Мы прогулялись по городу. Посетили какую-то столярную мастерскую, где встретили двоих, занятых своим делом работников. Один из них живо отреагировал на наше появление и поинтересовался целями нашего визита.

Я объяснил, что мы здесь проездом, интересуемся работой, и вообще…

Последовал вопрос о том, какая работа нас интересует. Я коротко изложил суть нашего интереса к сезонной работе в рыбном промысле. Собеседник оказался человеком достаточно наблюдательным, чтобы верно определить, с кем он разговаривает. Первое, что он спросил: приходилось ли нам когда-нибудь работать на рыболовных судах? Убедившись, что имеет дело с туристами, он искренне и вполне серьёзно советовал быть крайне осмотрительными в своих поисках. Пояснил нам, что подобные поиски обычно заканчиваются тем, что люди попадают в цепкие объятия какого-нибудь предприимчивого, недобросовестного пройдохи, который смекнув, с кем имеет дело, заманчиво сулит большие и быстрые заработки. И вы оказываетесь у него на борту, далеко от берега и в абсолютной зависимости! Образно говоря, обещанные заработки, могут

оказаться сыром в мышеловке. Я был склонен верить ему.

Затем, он заговорил о своей мастерской. Рассказал нам, что небольшая столярная мастерская досталась ему в наследство от отца. Специализируются они на отделке интерьеров судов и достаточно стабильно обеспечены заказами. Но, как он заметил, чтобы сохранить скромный бизнес рентабельным, приходится быть крайне аккуратным в организации производства и отношениях с постоянными заказчиками. Я поинтересовался, как много работников занято в его производстве? И он удивил нас, ответом: постоянно работает лишь один человек, за пять долларов в час.

Мы отметили столь низкую оплату труда. Но он напомнил нам о сезонной занятости местного населения и сложностях трудоустройства в зимний период. Его же работник — стабильно занят круглый год.

Заговорили о том, откуда мы приехали сюда и каковы наши впечатления. Наш случайный собеседник согласился с моими наблюдениями о том, что Новая Англия заметно отличается от штатов Н-Йорк и Н-Джерси, чем он явно гордился.

Вернувшись к своему автомобилю, мы уже окончательно решили возвращаться домой. С рыбной американской мечтой всё выяснили для себя. Последнюю остановку сделали у стандартного супермаркета, где прикупили продукты. Больше не останавливались. Всё той же 95-й дорогой, только теперь в южном направлении. Скоро начало темнеть, накрапывал дождик. Нам было о чём поговорить, поэтому обратный путь показался нам короче.

Проезжая уже на территории штата Нью-Йорк, мы попали в сильный ливень. К тому времени стемнело, дождь лил так плотно, что стеклоочистители не справлялись с водяным потоком. Видимость была крайне ограничена, и мы, перестроившись в крайний правый ряд, снизили скорость. Чтобы хоть что-то разглядеть перед собой, уткнулись носами в лобовое стекло и с напряжением всматривались вперед. Другие водители не страдали ограниченной видимостью, и с обычной скоростью объезжали нас как тяжелобольных. Вдруг, я заметил автомобиль, движущийся по соседней полосе, который обгонять нас не стал, а сопровождал бок о бок. Едва мы заметили, что освещение рядом идущего автомобиля расширяет нам обзор, как на сопровождавшем автомобиле вспыхнули сигнальные огни дорожного патруля. Несомненно, сигнал относился к нам. Нас объехали, продолжая сигналить, а, убедившись в нашем послушании, патрульная машина остановилась в нескольких метрах перед нами. Мигалка продолжала работать, выхватывая из

темноты дождь и участок дороги. Накинув на себя плащ с капюшоном, из патрульной машины выскочил полицейский, и поспешил к нам. Саша в недоумении опустил боковое стекло. Служивый торопливо спросил: всё ли с нами в порядке? Мы с удивлением ответили, что мы в полном порядке. Возникла пауза, он присмотрелся к нам.

— Тогда почему так медленно движетесь? — спросил он.

— Очень ограничена видимость, — ответил я и кивнул на уставшие стеклоочистители.

Тот взглянул на судорожно дергающиеся дворники на лобовом стекле и понимающе кивнул.

— А я не мог понять, что это с вами!? Едут медленно и как-то странно сидят, уткнувшись лицами в лобовое стекло. Будьте осторожны!

Мы обещали быть. Полицейский быстро впрыгнул в свой автомобиль и растворился в общем движении.

Домой приехали поздно вечером. Уже по дороге домой, мы составили себе план на ближайшее будущее. Решили заканчивать работу на стройке. По настроению Кайзера было очевидным: он намерен оклеить ещё не один такой дом. И наступающая зима его не остановит. Продолжать же заниматься этим и в холод означало — медленное самоубийство. За два месяца проживания в Трэнтоне всякий интерес к самому городу уже иссяк. Работа, которую мы здесь имели, обеспечила нам кое-какие сбережения, достаточные для переездов и поисков чего-то нового. Штат Флориду мы наметили, как следующий пункт в пространстве, где всегда тепло и где мы ещё не бывали.

Этой же ночью я позвонил своему земляку на остров и поинтересовался о погоде. Он утешил меня теплыми прогнозами и возможным трудоустройством в том же пансионате, где работал сам.

Поделившись с Сашей новостями с острова, я получил его окончательное согласие ехать вместе. Таким образом, решился и вопрос о способе передвижения. Постановили, что эта рабочая неделя будет последней. А 31 октября, в воскресенье, в День Всех Святых, съехать из Трэнтона.

На следующий день, во время работы мы сообщили Кайзеру о своих намерениях, покинуть бригаду по окончанию недели. Наше заявление его не удивило. Обещал вовремя рассчитаться с нами, чтобы мы вынужденно не занимали комнату, которую должны оплатить с первого числа, или освободить. Хозяин дома, у которого мы снимали комнату, не скрывал своего огорчения. Напомнил об оплате телефонных звонков по счетам, которые пришлют позднее. Мы обещали.

Полковник, зимовавший во Флориде ранее, уверял, что мы не пожалеем о решении переехать туда и обещал присоединиться, как только уладит свои беженские вопросы. Дом, над которым мы работали, был почти окончен. Из тёмно-кирпичного он превратился в светло-зелёный. После оклейки пенопластом, поверхность оштукатуривалась особым раствором, в состав которого входили цемент, клей и мелкая гранитная или стеклянная крошка зеленоватого цвета. Для прочности поверхностного слоя, в качестве арматуры подкладывали мелкую синтетическую сетку. Дом внешне преобразился, и теперь, когда пробивалось солнышко, сиял как новенький. Чёрные обитатели этого дома и тех, что по соседству, при встрече выражали нам своё восхищение результатами работы. Рано или поздно, они обязательно учинят пожар в доме.

Мы приобрели богатый опыт в строительном деле, хотя, мне не хотелось бы возвращаться к этому в будущем.

В один из дней последней рабочей недели я был вынуждено освобождён от работы. Накануне вечером, наш дом посетил Кайзер и поинтересовался вдруг, имеем ли мы разрешения на работу.

Славка — постоянный житель, и Саша, как официально обратившийся в миграционную службу с просьбой о предоставлении ему политического убежища, имели разрешения работать. Я же, убеждённый турист, доживающий последний месяц легального пребывания в стране, почётного права на труд не имел.

По данным разведки Кайзера, завтра его бригаду должны посетить чиновники от охраны труда и в этой связи, всем нелегальным работникам рекомендовалось отсидеться дома. Честно говоря, меня это не огорчило.

Вечером, вернувшись с работы, Саша с Полковником рассказали мне, как перед началом работы бригадир собрал всех на инструктаж, и какой-то польский босс натаскивал их, как следует отвечать на вопросы об условиях труда. Из инструктажа Саша, в последнюю неделю работы в бригаде узнал, что продолжительность рабочего дня на высотных работах — не более шести часов. После каждых двух часов работы — 15-минутный перерыв. И множество прочих заморочек, обеспечивающих безопасность труда на высоте. На вопрос об оплате труда им следовало отвечать, что за час работы им платят… 30 долларов.

Мы отметили себе, как ловко пристроились к заказу польские подрядчики и как рентабельно для себя они организовали работу. Проверка действительно состоялась. Предполагая, что за ними

могут наблюдать со стороны, они устраивали 15-минутные перерывы с кофе, и все послушно пристегивались во время работы ремнями безопасности. В один из таких перерывов их посетили какие-то дяди. Так как Саша с Полковником коротали предоставленный перерыв в сторонке от основной бригады, то их не подвергли расспросам, а лишь осмотрели состояние ремней безопасности.

На следующий день мы работали уже в полном составе и в обычном режиме. Надо отметить, что Кайзер нам регулярно организовывал кофе. Один-два раза в день из соседней лавки он доставлял для всех горячий кофе, зная при этом, кому нужен чёрный без сахара, а кому с молоком и сахаром. Как правило, он делал это, когда у нас заканчивался раствор, и мы поднимались на крышу для заправки.

Что же касается оплаты труда, то наши польские, более опытные, коллеги получали по десять долларов за фактически отработанный час. Некоторым, квалифицированным мастерам Кайзер, по возможности, обеспечивал гарантированный минимум 100 долларов за рабочий день, если даже, по каким-то причинам, их не задействовали все десять часов.

Нам же, Кайзер исправно платил по окончанию каждой рабочей недели наши потные семь долларов за каждый отработанный нами час. Он же заботился и о том, чтобы его бригада, не взирая, на погодные условия, работала как можно больше и продуктивней. Поэтому, наши рабочие недели редко когда бывали короче 45 часов. В эти рабочие часы не включалось время, затраченное на дорогу туда и обратно. Это не считалось работой.

Сколько зарабатывал сам Кайзер, мы не знали. Но, судя по его маниакальному энтузиазму, стимулы у него были мощные.

В последний день, в субботу, закончили работу пораньше, и домой приехали почти среди дня.

Я предложил Саше съездить за яблоками и возможно далее. По дороге туда, рассказал ему о своём знакомом, с которым познакомился года четыре назад, во время его туристической прогулки по Днепру, от Киева до Одессы. Саша не возражал, и мы, пропустив поворот к саду, продолжили движение вдоль границы между штатами Нью-Джерси и Пенсильвания. Местечко называлось Riverton, неподалеку от Philadelphia. Скоро среди дорожных указателей появилось упоминание этого пункта. А когда мы его достигли, то нашли провинциальный, по-субботнему сонный и безлюдный городишко. Нам предстояло отыскать место Taylors Lane, Farm Riverton. Я обратился с этим вопросом к местному мужчине, и тот уверенно указал направление. Проехав

ещё с милю по трассе от городка, мы нашли указатель, направляющий на грунтовую дорогу, ведущую к реке и к Farm Riverton. Грунтовая дорожка, петляющая среди зарослей, оказалось длинной и извилистой. Если бы не дополнительные, самодельные указатели, расставленные на поворотах, то мы бы усомнились в этом направлении. Но дорожка с указателями привела нас к жилым домам, больше похожим на дачные. Первый же домик был обозначен как Taylors Lane, вместо номера, указывалось имя проживающего. У некоторых домиков были выставлены корзинки с овощами и указаны цены. Как я понял, случается, что сюда заезжают покупатели сельхозпродуктов. Возле одного дома, в огороженном манеже женщина возилась с лошадкой. Приостановились. Женщина уже ожидала услышать какой-нибудь вопрос. Спросил её, где проживает Брюс, и она без раздумий указала нам на дом.

Почти на берегу реки стояли два дома. Я припомнил фотографию, которую когда-то прислал мне Брюс. Сомнений не было, это было то место. Но я не предполагал, что это может быть такое глухое место. По указателям на грунтовой дорожке я понял, что эта местность считается заповедником.

Я поднялся на крыльцо. Звонка не было, входная дверь не заперта. На мой стук никто, кроме собаки, не отозвался. Собака оказалась дружелюбной, но разузнать у нее что-либо о её хозяине я не смог. Тогда мы прошли к соседнему дому. Оттуда вышла пожилая женщина и, выслушав, кто нам нужен, сообщила, что соседи, всей семьей, ещё утром, куда-то уехали. По её предположению, скоро должны вернуться. Я понял, что ей хотелось бы знать, кто мы такие.

— Летал ли ваш сосед Брюс в Советский Союз, года три назад? — спросил я её.

— Да! После этой поездки он много интересного рассказывал нам. Привёз много фотографий и сувениров, — охотно ответила мне женщина.

— Мы познакомились с Брюсом в Украине, а теперь я оказался в ваших краях и решил повидать его.

Любопытство соседки было вполне удовлетворено. Мы пожелали погулять и осмотреться вокруг, в ожидании её соседа. На том и расстались.

В метрах 50 за домом протекала река. Перед домом грунтовая дорога и пространство для парковки. Традиционной подстриженной лужайки не было. Далее, по соседству, хаотично разбросаны ещё несколько домиков. На пространствах, отвоёванных у леса, выращивались овощи. У дороги выставлены корзины и ящики с различными сельхоз продуктами. Цены

указаны, весы стоят рядом. Если кто пожелает, пожалуйста, самообслуживание.

Между огородов, тропинкой мы прошли в заросли. Дорожка была чётко протоптана среди леса. Мы бесцельно гуляли по лесу, отдыхали. Заметили не одну табличку, напоминающую о том, что это заповедник.

Вернулись к дому. Ничего не изменилось. У дома никакого транспорта, кроме нашего Форда. Прошли к реке. Вдоль берега росли старые деревья, грунт у воды присыпан гравием. Неподалеку от этого места виднелся мост, соединяющий два берега. А далее, на другой стороне реки различались контуры Филадельфии. Там же, на берегу под деревом мы нашли скамейку, с которой могли наблюдать за домом. Ожидали недолго.

К дому подъехал микроавтобус, и мы направились туда. Когда подошли, у дома уже никого не было, и я снова постучал в дверь. На мой стук из дома вышла женщина, которую, я узнал по фотографии виденной ранее. Мы поздоровались, и я спросил Брюса. Она просто позвала его. Тот вышел, и мы поприветствовали друг друга. Он спокойно заявил, что прекрасно помнит меня и рад моему шпионскому появлению в этих краях. Его жене много объяснять не понадобилось, она быстро поняла — кто я и откуда. Я представил им своего попутчика Сашу. Мы оказались в просторной комнате, служившей кухней. Расселись вокруг круглого стола. Меня стали расспрашивать: как я сюда попал, как давно в стране, и чем я здесь занимаюсь?

К тому времени я уже имел, что рассказать о своём пребывании здесь; к тому же, с такой категорией собеседников мне не часто приходилось общаться. Поэтому, беседа складывалась легко и приятно. Им было любопытно услышать впечатления человека, впервые попавшего в их страну, успевшего побывавшего в Бруклине, Нью-Йорке, объездившего штат Нью-Джерси, и посетившего три штата Новой Англии.

Брюс больше слушал и улыбался себе в бороду. Его жена засыпала нас вопросами. Как оказалось, она преподает социологию в университете Филадельфии.

Нас пригласили пообедать. Двое их сыновей подростков хотели, было убежать куда-то, но их уговорили остаться. Быстро и просто накрыли стол. Перед началом трапезы, сидящие за столом, взялись за руки и, закрыв глаза, о чём-то помолились. Не задавая вопросов, мы просто замкнули цепь рук вокруг стола. Молитва была короткой. После процедуры приступили к обеду и расспросам. Всех интересовало, как мы устраиваемся на работу, и какие виды работ нам приходится выполнять? Как решаем

вопросы жилья, телефона, покупки и регистрации автомобиля, открытия счёта в банке…

По их оценке, для иностранцев, проживающих в чужой стране всего несколько месяцев, мы достаточно много знаем и умеем. Они не скрывали своего удивления тем, как нам удается решать многие вопросы. Как заметила жена Брюса, в стране немало взрослых граждан, неспособных самостоятельно решить многие повседневные задачи, с которыми вполне успешно справляются иностранцы.

Я рассказал о своих намерениях переехать во Флориду. Мои планы одобрили и просили не пропадать, сообщать, по возможности, о себе. Я обещал.

Вечерело. Вопросы иссякли. Все удовлетворены и готовы были расстаться. Пожелав, друг другу всего доброго, мы вернулись к своему Фордику. Брюс захотел взглянуть на наш автомобиль за 500 долларов.

По пути домой, мы сделали уже привычную остановку у сада. За все наши посещения яблочного рая, мы не смогли очистить и одного дерева, так богат был урожай.

Вечером нас посетил Кайзер. Многие в нашем доме поджидали его. Зарплаты за прошедшую неделю мы получили, но для полного расчёта оставались незначительные должки, которые он обещал нам выдать в течение завтрашнего дня.

К отъезду всё было готово. Банковский баланс ощутимо вырос за последние два месяца, и я мог позволить себе отпуск.

Саша произвёл технический осмотр «бобика», который должен был довезти нас до 25-й северной широты. По грубым подсчетам, предстояло проехать на Юг более двух тысяч километров.

Вокруг наблюдался предпраздничный ажиотаж. У домов выставлялись различные чучела, вполне реально изображающие всякого рода монстров, зомби, маньяков, повешенных и утопленников. В ночь с 31-го на 1-е ноября предполагались массовые гуляния народа, выряженного в костюмы и маски страшилки. Особенно распространенным символом народного праздника была крупная тыква, вычищенная изнутри, с вырезами глазниц, носа и пасти, с подсветкой внутри. Такие головы выставлялись повсюду и с наступлением темноты смотрелись очень эффектно.

После расчёта с бригадиром, нас больше ничего не держало здесь, разве что праздник в эту ночь. Какую-то сумму мы оставили Полковнику на оплату наших телефонных звонков и обещали сообщить о себе, как только определимся на новом месте.

В течение дня в гостиной постоянно кто-нибудь торчал, и нам не хотелось демонстрировать перед всеми свой отъезд. Что неизбежно повлекло бы расспросы. Днём мы отсыпались в своей комнате, готовясь к ночной езде. А вечерком, в часов пять, сложилась благоприятная ситуация для эвакуации. Мы прихватили свои сумки и быстренько вышли на улицу к припаркованному у нашего дома Фордику. Погода стояла пасмурная, назревал дождь. Сумки — в багажник, сами — на передние сиденья и отъехали от дома, как мы это делали каждый день.

Завтра — первое ноября. Мы пробыли здесь ровно два месяца. Ничего, кроме ухудшающейся погоды и скорой зимы, нас здесь не ожидало. Деньги, которые удалось заработать и собрать за это время, хранились в банке. Небольшая часть бруклинских сбережений оставалась в отделении CitiBank, остальные — в New Jersey United Bank. Уже опробованный способ получения наличных со счёта с помощью карточки в любое время, там, где только есть банковский автомат, избавлял от необходимости тащить с собой наличные сбережения. В дорогу взяли ровно столько, сколько нам понадобится. По предварительным расчётам, на преодоление расстояния 2000 км потребуется литров 160 бензина, что будет стоить долларов 45–50. Преодоление этого расстояние займет не менее суток. Езда предстояла в одном направлении, по одной 95-й дороге до Miami, а затем, дорогой US — 1, проходящей от Майами через все острова до Key West.

(Interstate 95 (I-95) is the main highway on the East Coast of the United States, paralleling the Atlantic Ocean from Maine to Florida and serving some of the most populated urban areas in the country, including Boston, Providence, New Haven, New York City, Philadelphia, Baltimore, Washington, D.C., Richmond, Jacksonville and Miami. It is the longest north-south route of the Interstate Highway System, and supplanted older U.S. Highways, mainly U.S. Route 1. The oldest sections of I-95, including several toll roads, predate the Interstate System; the route has yet to be completed in the Pennsylvania-New Jersey area. Construction of the missing connection is scheduled to be completed by the 2010s (tentatively 2018).

7

Хеллоуин; переезд из Нью-Джерси во Флориду. Острова Флориды. Остров Айламорада. Зима в шортах. Новые профессии.

Начало темнеть. Моросил холодный осенний дождик, когда мы выбрались из города на 95-ю дорогу и направились на юг. Погода неистово плакала по поводу нашего отъезда, а мы бежали из очень осеннего штата Нью-Джерси, задраив окна автомобиля.

На участке между Балтимором и Вашингтоном погода капризно испортилась; моросящий дождик перешёл в ливень с ветром. Мы усомнились, в южном ли направлении мы движемся. Но дорожные указатели подтверждали, что мы на верном пути — навстречу солнцу. Никто не ведал, где мы сейчас, и где будем завтра. Ночь всех святых. Я подумал, что нам следовало бы выставить у заднего стекла тыкву со свечкой. Этот светящийся оскал — символ Хеллоуина скрасил бы тёмную, дождливую, пустынную дорогу. Но дорожный патруль наверняка не понял бы моей праздничной шутки и оштрафовал бы Сашу.

Где-то на объезде Вашингтона решили заправиться бензином. Кое-какая еда у нас имелась. Я даже не высовывался из кабины, хотя заправочная была под навесом.

Через пару часов миновали Ричмонд. Далее мы въехали в глубокую осеннюю ночь и абсолютно незнакомую местность. Дорожные указатели упоминали какие-то мелкие населенные пункты, о которых мы никогда не слышали. Движение на автостраде по-ночному стихло, указатели регулярно подтверждали, что мы на 95-й дороге южного направления. От нас требовалось лишь продолжать движение и развлекать друг друга разговорами, радиомузыкой и бананами. Кроме заправочных станций и прочих точек дорожного сервиса, ничего иного на этом участке не наблюдалось.

Дождь остался где-то в штате Вирджиния. Скоро мы заметили: небо безоблачное, луна и звёзды на месте. Где-то на подъезде к Северной Каролине, в часа два ночи, мы облюбовали заправочную станцию с освещённой стоянкой и решили сделать остановку для отдыха. Мы с удовольствием выползли из кабины. После 6–7 часов езды было приятно пройтись пешком. Погода явно изменилась к лучшему: воздух был влажный и тёплый, небо звёздное. Воспользовались услугами заправочной станции, умылись, прикупили кофе и вернулись к машине. Кроме нас на ночной стоянке были ещё парень с девушкой. Они заменили заднее колесо и уехали. Мы остались одни, вокруг по-ночному пусто и тихо. Радио в этих местах не очень-то радовало. Лишь на каком-то участке пути удалось выловить станцию, передававшую

интересную программу, посвящённую Frank Zappa. После смерти его частенько вспоминали и компакты со старыми записями появились в продаже везде.

По карте я определил, что мы уже хорошо заехали в южном направлении. Одолели почти четыре северные широты.

Допив кофе, вернулись на 95-ю дорогу. Мы не заметили когда и где переехали из Вирджинии в Северную Каролину. Лишь определили, что проехали уже добрую половину штата. Указатели информировали о каких-то городках, названия которых ничего нам не говорили. Скоро отметили переезд в Южную Каролину. Уже несколько часов, как мы выехали из зоны осенних дождей. И оказались на территории, обозначенная на карте как Middle Atlantic States, то бишь, середина Атлантического побережья.

Теперь же, мы находились в зоне The Southeast (Юговосток).

Звёзды становились всё ярче, растительность вдоль дороги, насколько я мог разглядеть ночью, не была тронута осенью. Я приоткрыл боковое стекло и обнаружил вполне комфортную температуру воздуха. С надеждой на дальнейшее потепление, мы продолжали двигаться в том же направлении, по той же 95-й дороге. Трасса была совершенно свободна, мы ехали легко и монотонно.

К рассвету, мы уже находились где-то в центре Южной Каролины. В глаза бросалось отсутствие каких-либо признаков осени, которые мы могли наблюдать последние два месяца в Нью-Джерси.

Деревья вдоль дороги стояли по-летнему зелёные. Сама растительность заметно изменилась. Скоро стало совсем светло, и сквозь придорожные деревья пробивалось восходящее солнце. Это было вовсе не ноябрьское солнце. Такой огненный шар можно наблюдать только летним утром. Солнце росло и поднималось у нас на глазах. По мере его движения, становилось всё светлей и уютней. Тем не менее, начало дня бодряще не подействовало на нас. Скорее наоборот, мы почувствовали сонливость и усталость. Дорога в это время была совсем пуста. В перерывах между нашими вялыми диалогами Саша начал клевать носом. Иногда это заметно отражалось на нашем движении. В очередной приступ сонливости он хорошо заехал на соседнюю полосу, а на моё замечание, встрепенулся и вырулил с излишней резкостью на прежнюю полосу. Окончательно нас разбудила сирена мигающего позади патрульного автомобиля. Она могло относиться только к нам. Саша послушно снизил скорость, и, вырулив на край дороги, остановил машину. Сирена смолкла, в затылок же нам продолжали мигать. Не успел Саша достать необходимые бумаги,

как у бокового окна вырос полицейский, наряженный в непривычную для нас форму с широкополой шляпой на голове. Он приветливо поздоровался с нами. Саша, не дожидаясь вопросов, подал ему своё водительское удостоверение и страховой лист. Полицейский принял документы, но сначала наклонился и внимательно взглянул на нас через опущенное боковое стекло. А мы, ожидая вопроса или замечания, осторожно взглянули на него.

Затем, просмотрев на водительское удостоверение, он не вернулся, как обычно, в свой автомобиль для проверки документов, а спросил:

— Из Нью-Йорка едите?

— Из Нью-Джерси, — поправили мы.

— Как долго в пути?

— Часов 12–14, — неуверенно ответили.

— Вам следует сделать перерыв и отдохнуть, — посоветовал он и вернул документы.

Мы выразили согласие и намерение так, и сделать при первой возможности. Уходя, полицейский дружески рекомендовал нам быть осторожными и не заснуть во время движения.

Проехав небольшой участок, приметили указатель к заправочной станции, расположенной в метрах 200 от трассы, съехали с дороги и подрулили на пустую стоянку у маленькой, захолустной заправочной. Это была какая-то семейная около дорожная автолавка со скромным набором дорожных услуг, в которых чаще всего нуждаются в пути: бензин, туалет, горячий кофе и закуски…

В домике-магазинчике нас встретила заспанная женщина, которая предоставила нам всё необходимое. Заправив машину, мы припарковались на краю стоянки. Без особого аппетита съели по хот-догу и выпили кофе. Состояние было вялое, а ехать ещё далеко. Мы уселись поудобней, и попытались поспать. Но сном это назвать было трудно. На какое-то время мы провалились в неспокойную дремоту и утратили чувство времени. Мы оба встрепенулись от шума подъехавшего к заправочной колонке грузовика. Солнце уже утратило свою огненную шарообразную форму, по-летнему ярко слепило уставшие глаза, накаляло воздух в салоне. Ощущение было таким, словно мы оба заснули во время езды и пробудились от яркого света и шума приближающегося к нам навстречу грузовика. Провалиться в сон больше не удавалось. Солнце становилось всё более активным. Отдохнувшими мы себя не чувствовали. От такого отдыха совсем скисли. Усилием воли мы выползли из кабины, пошевелили руками и ногами,

подышали. Ещё раз посетили туалет и умылись. Зеркало отражало бледное, небритое лицо с уставшими, покрасневшими глазами. Прикупив ещё по одной порции горячего кофе, выпили его на свежем воздухе. Я медленно приходил в себя после этой отупляющей дремоты и осознавал, что утро, которое мы сейчас наблюдаем, по всем внешним признакам не соответствует ноябрьской погоде.

Насколько я мог определить по карте, мы находились где-то на 33-й северной широте. Для сравнения, Нью-Йорк и Нью-Джерси расположены вокруг 40-ой широты.

Тем временем, движение на трассе начало оживать. Мы тоже вычухались и вернулись на дорогу. Проехали небольшой отрезок пути, указатели оповестили нас о приближающемся штате Georgia. Первым пунктом в Джорджии на пути намечался город Savannah. По мере приближения к этому пункту, из многочисленных рекламно-информационных указателей мы узнали о туристическом центре, через который проходит 95-я дорога.

В город мы не сворачивали, а в придорожном центре остановились. Автостоянка была хорошо оборудована: места для отдыха, сеть мелких магазинчиков, торгующих всякой необходимой и сувенирной мелочью. Мы припарковались и посетили центральный корпус, в котором размещалось нечто подобное краеведческому музею. Бегло осмотрев представленные автотуристам экспонаты, иллюстрирующие историю гражданской войны между Севером и Югом, мы задержали своё внимание на большой и подробной карте местности.

Следующим штатом на нашем пути ожидалась, наконец, Флорида. От Саванны до штата Флориды оставалось около 200 км. Но до островов предстояло преодолеть вдоль всего полуострова Флорида, ещё 600–700 километров.

Езда через штат Джорджия подтверждала факт нашего перемещения на Юг. Не оставалось никаких сомнений в том, что мы сбежали от наступающей зимы. Солнце светило щедро, растительность по-летнему зеленая, появились пальмы. Штат Джорджию переехали вдоль побережья за два-три часа и появились указатели, извещающие о штате Флорида и о первом городе Jacksonwille.

Почему-то многие считают этот город административной столицей штата Флорида. Столица штата — маленький городишко Tallahassee, расположенный в 250 км. западнее от Jacksonwille.

Город Джексонвил проезжали около полудня. Обычного объездного пути не было. Дорога проходила через какую-то часть

города, и мы могли бегло взглянуть на него. После Джексонвила, 95-я дорога шла строго вдоль атлантического побережья. Налево и направо от неё указатели направляли к разным мелким городкам, расположенным на побережье и в глубине полуострова. По их названиям мы ориентировались, но с 95-й дороги никуда не сворачивали.

Проехали мимо St.Augustine, Daytona Beach, Orlando и Disney World, Merritt Island, Melbourne. Далее следовала уже вторая половина полуострова — южная. Растительность вдоль дороги обретала всё более джунглеобразные формы. Это были непроходимые густые заросли. Часто встречались щиты с коммерческой рекламой о продаже земельных участков. Вероятно, речь шла о продаже неосвоенных джунглей. Рекламные щиты вдоль дороги всё чаще зазывали на пляжи, предлагались различные развлечения: подводное плавание, рыбалка на яхте, морские прогулки, аренда катеров и прочих морских игрушек. Подобные призывы мелькали всё чаще и гуще, по мере продвижения на юг полуострова. Городки, расположенные вдоль атлантического побережья Флориды шли один за другим: Vero Beach, Palm Beach, West Palm Beach, Fort Lauderdale*, Hollywood. В глубь полуострова указатель направлял к Miccosukee Indian Reservation.

Ближе к Майами автомобильный поток сгущался. Указатели и дорожные развязки требовали внимания. Нас угораздило приехать к Майами в послерабочее время, когда все куда-то едут после окончания рабочего дня. Проехали мимо North Miami Beach и строго 95-й дорогой направились в Майами. Дорожные развязки вокруг города плелись как паутина, такого дорожного замеса мы нигде раньше не встречали. Благо, мы были вдвоем, и я мог выслеживать указатели и заблаговременно подсказывать Саше, когда необходимо перестраиваться в нужный ряд. Все полосы были плотно забиты транспортом, но водители с пониманием уступали друг другу, когда кто-то просился втиснуться, в нужную полосу движения.

Вскоре появился дорожный указатель, направляющий на Highway US-1. Вечерело. Все включили габаритные огни. Транспортная река огней текла в сумерках замысловатыми, двухъярусными кругами и растекалась отдельными руслами в разные направления. 95-я дорога оканчивалась и потерялась где-то в центре Майами. Это был конечный пункт автодорожной артерии. А дорога US-1 шла через Майами далее на юг.

В городе улицы были забиты транспортом, но нашу задачу это не осложняло. Мы строго держались своей дороги, которая проходила сквозь Майами на Юг. Задерживали многочисленные

светофоры, у которых собирались автомобильные очереди. Проползая от перекрёстка к перекрёстку через вечерний город, мы медленно проезжали квартал за кварталом. Через несколько светофоров транспорта стало поменьше, и мы ускорили продвижение. Наконец, мы выбрались из города. К этому времени совсем стемнело, воздух был теплый и влажный.

По карте, от Майами до острова Islamorada оставалось проехать всего 64 мили. Езды оставалось чуть более часа. Миновав Homestead, мы заметили, что дорога пошла по узкому участку суши: то слева, то справа появлялись водные пространства. По одну сторону дороги — Атлантический океан, а по другую — Мексиканский залив. Дорога через мосты соединяла острова. Мы находились на 25-й северной широте. Теплый влажный воздух был с привкусом океана. Среди зарослей вдоль дороги выделялись пальмы, вся остальная растительность сплелась в сплошной густой кустарник. Длинная гряда островков, от материка до крайнего острова Key West, нанизанная на дорогу Highway US-1, именовалась как Florida Keys.

Слово Key чаще употребляется в значении ключ. А второе значение этого слова — отмель, риф.

Дорога US-1 от Майами до крайнего острова — Ки Вест составляет более 100 миль. Для ориентира на этом пространстве, кроме названий островов, используется ещё и отметка миль.

Первый большой остров на нашем пути был — Key Largo, это 95-я миля от Key West.

Остров Ки Ларго на первый взгляд показался большим и плотно заселённым, с торговыми центрами и оживлённым транспортным движением. Этот пункт мы пересекли за несколько минут и какое-то время ехали обычной дорогой, на которой встречались лишь заправочные станции, дорожные указатели и освещенные рекламные щиты. Затем, снова возник населённый пункт Tavernier, где бросился в глаза щедро освещённый торговый центр. Дорожные указатели показывали, что остров Islamorada будет через несколько миль.

Было совсем темно, имевшийся адрес мне ничего не говорил. Переехав большой мост, мы достигли территории острова Islomarada. Саша ожидал от меня дальнейших указаний. Я предложил сделать остановку у какого-нибудь подходящего места, откуда можно позвонить. Остановились у заправочной станции. Вышел и отыскал телефон-автомат, но у меня не оказалось монеты в 25 центов. Зашёл в магазинчик и обратился к дежурившему там человеку выдать мне порцию чистого, колумбийского… кофе. Получив допинг, вернулся к телефону с монеткой и набрал имевшийся у меня номер, но уже без кода

местности. На звонок отозвался мой земляк. Всё шло по намеченному плану. Нас ожидали. Я объяснил, откуда звоню. Это оказалось в пяти милях до нужного места. В качестве ориентира мне указали неоновую рекламу прачечной, которую мы увидим по левую сторону дороги. Эта сторона условно обозначалась как Ocean Side, то бишь сторона, омываемая Атлантическим океаном. Перед этой прачечной нам следовало свернуть налево, то есть к океану, где нас обещали встретить.

Мы издали заметили ярко светящуюся неоновую рекламу Laundry и поворот налево. На этом повороте, в освещённом месте поджидал Наш Человек на Острове.

Параллельно основной дороге US-1, немного ниже к океану, среди зарослей была ещё одна старая дорога. От этой дороги к океану тянулась улочка со странным названием Dogwood. По-моему, есть цветок с таким названием.

Вдоль улицы росли высокие пальмы с гроздьями увесистых орехов, которые, созревая, непредсказуемо падали на землю. Это вполне сравнимо с кирпичом на голову.

Земляк провёл нас к обычному белому домику, с травкой и пальмами вокруг. Нас пригласили зайти в дом и предупредили, чтобы мы не пугались. Прихожая часть домика служила кухней. Посреди этой проходной комнатки стоял стол, а вокруг остальная кухонная мебель: электроплита, мойка, холодильник. Далее, из этой комнаты проход вёл на основную жилую площадь. Это была комната площадью метров 20 квадратных. Большая часть этой площади заставлена спальными местами, которые размещались у стен. Четыре спальных места предполагали проживание в этом доме четырех жильцов. Посреди комнаты оставалось лишь небольшое пространство.

Из этой же комнаты был выход в санузел, где размещались умывальник, душевая и туалет.

Всё здесь кричало о вынужденной тесноте и неустроенности. График дежурств по уборке помещения, вывешенный на видном месте, свидетельствовал о полу казарменном режиме и проблематичных отношениях.

В момент прибытия, кроме моего земляка, дома посиживал лишь один член жил коммуны. Он уже был извещён о скором приезде гостей и встретил нас с любопытством, граничащим с гостеприимством. Мы познакомились. Это был Гена, лет 45, попавший на остров из белорусского городка Бобруйска. У Геннадия был заготовлен свежезаваренный чай, и он пригласил нас к столу. Мы не отказались. Гена перехватил инициативу, и, подпаивая нас чаем, стал интенсивно расспрашивать о северных штатах. Обсуждение с Олегом общих дел, пришлось отложить до

более удобного момента. Из дружеского чаепития я узнал, что в этом домике в настоящее время проживают четыре постоянных и один временный жилец. Короче говоря, домик перенаселён. Но здесь, в условиях теплой ночи, это обстоятельство нас не пугало. Вопрос жилья рассматривался, как вполне решаемый, при наличии денег.

Мы с Сашей, один за другим, посетили душевую кабину, после чего почувствовали себя совсем хорошо.

Из комментариев Геннадия я понял, что все члены их жилкоммуны работают в одном пансионате, это место называлось Holiday Isle Resort. Но все они работали в различных отделах и с разное время, поэтому дома собирались редко, и такое случалось только поздно ночью.

Относительно нашего ночлега Олег нарисовал мне такую ситуацию: я могу разделить с ним его достаточно широкий двухместный матрац. И если за период полугодичного скитания по Америке в моём перетрудженном сознании не произошло никаких переориентаций, то мы сможем вполне качественно выспаться. Что же касается размещения Саши, то здесь вышла маленькая накладка.

В доме имеется, на случай приёма почётных гостей, специальный пляжный матрац, который можно было бы на ночь разместить на кухонной площади. Но это гостевое место было уже занято одним временным, неожиданно подселённым парнишей. С работы он приходит поздно ночью, располагается в кухне на матраце и спит до утра. Сашу это обстоятельство не удручило, он заявил, что сможет переспать на разложенных сиденьях своего Фордика. Таким образом, организационные вопросы на ближайшую ночь были решены.

Скоро с работы вернулся ещё один жилец. Это был молодой, неряшливого вида парниша с московским говором. Не скрывая своих подозрений, познакомился с нами и тут же приступил к расспросам. Олег пригласил нас выйти прогуляться перед сном. Он ошибочно полагал, что Андрею, только что вернувшемуся с работы, захочется искупаться и залечь отдыхать. Но Андрей тоже вышел погулять с нами, и сопровождал нас, не пропуская ни единого слова в нашей беседе. Не прошло и часа с момента появления, а его присутствие уже стало утомительным. Я терпеливо ожидал, когда же он оставит нас и даст возможность поговорить о делах. Так мы, под присмотром, прогулялись в сторону океана, подышали и вернулись в хижину. О планах на будущее решили поговорить завтра.

Засыпая, я подумал, что завтра же надо заняться вопросом жилья. Несмотря на бессонные сутки, проведённые в дороге, я не

провалился в глубокий сон. Мою осторожную шпионскую дремоту прерывали возвращения других жильцов. Один занял место по соседству с Геннадием и завидно скоро захрапел. Другой появился значительно позднее. По-тихому соорудил себе лежбище на кухне и замер, как бедный родственник.

Мои первые впечатления об этих островных местах были положительны. Хотелось, чтобы побыстрей наступило утро, и я бы смог разглядеть, куда заехал на этот раз.

Утренний подъём прошёл легко и рано. Кто-то из жильцов стал собираться на работу, и все поняли, что время сна окончено. Все стали по очереди посещать санузел и приветствовать друг друга мелкими бытовыми претензиями. Задерживаться здесь совсем не хотелось. Пока санузел был в повышенном спросе, я вышел во двор, где нашёл заспанного Сашу, лежащего в автомобиле.

Мы отметили с ним очевидный факт того, что мы вернулись в лето, и можно снова переодеться в шорты и футболки.

У Олега в этот день был выходной, и мы могли заняться организационными вопросами. Когда в коммуне стало посвободней, мы засели на кухне и за завтраком составили план действий.

В этот план входило посещение пансионата Holiday Isle, чтобы разведать, как там обстоит с рабочими местами, а также, побывать в конторах Real Estate и поинтересоваться об аренде жилья.

Во время завтрака, когда нам никто не мешал, Олег жаловался на особенности проживания в большой семье, где необходимо быть всегда бдительным. Он сетовал, что снова не досчитался двух сосисок, и уровень сока в бутылке значительно понизился. По его наблюдениям эти уменьшения в продовольственных запасах могли произойти только в течение ночи. Из его комментариев я понял, что они живут здесь по законам большой семьи. То бишь, утрата бдительности приводит к потере продуктов. Из его жалоб мы узнали, что применяемых мер по защите своих интересов оказывается недостаточно. Он и сосиски пересчитывает регулярно, и уровень сока в бутылке помечает, и чуть ли капканы в холодильнике не ставит, а его продукты продолжают исчезать.

Туалетную бумагу в сортире уже давно никто не оставляет, каждый ходит туда со своим рулоном, после чего тщательно прячет. О зубной пасте или одеколоне и говорить нечего — всё равно, что наличные на кухонном столе оставить.

По его наблюдениям, он был склонен подозревать молодого, пронырливого московского братана.

Но более всего его беспокоила неопределенная ситуация с коммунальным телефоном и почтовым ящиком.

Все эти беды исходили из его английского языка, ограниченного школьным уровнем. Тогда, как московский сосед, располагал навыками, достаточными для решения таких вопросов, как аренда почтового ящика или подключение телефона. Таким образом, общими вопросами от имени и в интересах всей глухонемой коммуны, ведал московский собрат Андрей. Решал он эти бытовые задачи достаточно ловко.

Почтовый ящик они арендовали с Олегом на равных паях в целях совместного пользования. Но оформил Андрей эту услугу на своё имя и этим объяснял свой приоритет на хранение ключа от ящика, а, следовательно, он контролировал всю приходящую корреспонденцию.

Счета от телефонной компании, которые он получал почтой, никогда не предъявлялись остальным пользователям телефона. Он лишь объявлял каждому, какую сумму они должны ему выдать за свои звонки для оплаты счетов. Робкие просьбы неполноценных представителей братских республик позволить им взглянуть на телефонные счета, чтобы сравнить со своими расчётами, пресекались московским лидером угрозой отлучить от телефона. А терять такое удобство никто не хотел.

Наконец, однажды Олег попросил одного говорящего приятеля позвонить в телефонную компанию и от его имени навести справки об их номере. Из этого маленького расследования Олег, к своему удивлению, выяснил, что их коммунальный телефон оформлен на его имя. А, следовательно, Олег является ответственным пользователем и отвечает за оплату по счетам. Узнав о таковом, Олегу стало понятно ревнивое отношение соседа к телефону. Стало ясно, что счета за предоставленные услуги, телефонная компания присылала не на имя, всеми признанного самозванца Андрея, а на имя Олега.

Уже зная, что именно он является ответственным клиентом телефонной компании Southern Bell, всё же не решался изменить сложившуюся ситуацию.

Все вопросы о подключении телефона и расторжении этих отношений решаются там по телефону. Для этого требуется связаться с компанией и заявить, о своем желании стать их клиентом. Первое, о чём вас спросят, это адрес, по которому вы желаете иметь телефонную связь. Если к указанному месту подведены коммуникации, тогда вас спросят, кто именно желает пользоваться услугами. Для этого им надо продиктовать полное имя и социальный номер. Служащий компании проверит, нет ли на этом имени долгов за прошлые телефонные услуги, то бишь,

насколько вы хороший человек, чтобы с вами иметь дела.

Если существование субъекта с таковым именем и номером собеса подтвердится, и к нему нет никаких претензий, то вам выражают согласие; сообщают номер вашего будущего телефона, и время когда он начнет функционировать, а также, куда и сколько вам следует уплатить. Как правило, это небольшая сумма в качестве предварительной оплаты ваших будущих звонков. А в дальнейшем, на указанный вами адрес, телефонная компания будет присылать подробные счета. В общем-то, ничего особенного во всей этой процедуре нет. Но американская особенность — заключать подобные договора по телефону, без непосредственной встречи, идентифицируя клиента лишь по названному им персональному номеру карточки социального обеспечения и его имени, дает возможность кому угодно, знающему эти данные, вступить от вашего имени в долгосрочные и достаточно материальные отношения с телефонной компанией. При этом в качестве ответственного за оплату предоставленных телефонных услуг, будет выступать названный человек. Этот козёл отпущения может и не подозревать о том, что он оказался в «чёрных списках» телефонной компании как субъект, не оплативший предоставленные услуги. Данное обстоятельство в будущем может серьёзно осложнить жизнь в стране. Это, наверняка, исключит возможность получения телефонных услуг от всякой американской телефонной компании. Более того, компания может обратиться в суд с иском о взыскании с должника по счетам.

Всё это, конечно же, беспокоило Олега, но он пока не предпринимал никаких шагов.

А тем временем, проворный москвич Андрюша считался в коммуне полноправным хозяином телефона и диктовал всем пользователям свои условия. Все слушались его.

Из всего услышанного о жизни в большой, но не очень дружной многонациональной семье, я мог лишь посоветовать Олегу; как можно скорее упорядочить отношения с телефонной компанией, то бишь, взять под свой контроль оплату счетов и предупредить Андрея, чтобы ему не захотелось сделать ещё что-нибудь для ближнего.

Для этого достаточно было арендовать свой почтовый ящик и сообщить телефонной компании о новом почтовом адресе абонента. Куда они станут в дальнейшем присылать свои счета.

Покончив с завтраком и обсуждением планов, мы вышли из хижины. Перед этим я советовал Олегу пронумеровать фломастером все свои сосиски, оставленные в холодильнике, и записать себе их общее число. Как номер банковского счёта.

Теперь мы могли приступить к решению задач, возникающих на всяком новом месте. Как и везде, это вопросы: где жить и как зарабатывать на жизнь? Снова обратились к услугам неутомимого Фордика. Саша сел за руль, а Олег рядом, в качестве проводника.

Погода стояла летняя, что скрашивало возникшие перед нами задачи. Новые экзотические места с близостью Атлантического океана и Мексиканского залива утешали нас, на случай неудачи.

Первым местом посещения, назначили пансионат Холидэй Айл (Holiday Isle сокращенно HI), или как ласково называл это место Олег — Хулидэй Исле.

Олег, проработавший там почти месяц, инструктировал меня, что в одном из отделов нужны работники. Но он затруднялся сказать что-либо об условиях работы там. Он сообщал лишь, что работники этого отдела развозят с помощью тачек продовольствие и напитки по ресторанам и барам на территории пансионата. Он рекомендовал мне обратиться в отдел кадров, где я смогу всё выяснить. Кроме этого, поведал мне о том, что администрация пансионата состоит в договорных отношениях с польской пани Анной. Та представляет свой мелкий бизнес Cleaning Cervice, обеспечивающий различные, неквалифицированные услуги по мытью и чистке. В чём всегда и везде есть потребность.

Суть их деловых отношений заключается в том, что все нелегальные польские и советские работники, занятые в HI, формально состоят в трудовых отношениях с работодателем Анной. А уже по договору с ней, работники направляются в HI для оказания тех или иных услуг. Фактически, работники находятся в подчинении администрации пансионата, выполняют определённые функциональные обязанности и соблюдают установленные в пансионате правила. Администрация, согласно договору с пани Анной, направляет ей оплату за оказанные услуги в виде чеков, за отработанное каждым её работником время. В процессе работы ведется строгий учёт времени, согласно которого и начисляется зарплата. Анна же, получив чеки от пансионата, предъявляет их в банк, обналичивает, и затем раздает их своим кадрам в качестве зарплаты, из расчета пять долларов за отработанный час. Эта приятная для работников процедура происходит еженедельно.

По каким тарифам платит пансионат за работу её кадров, Олег мог лишь догадываться.

Администрацию пансионата устраивали многие моменты такого сотрудничества. Формально, они не состояли в трудовых отношениях с самими работниками, не отвечали за их нелегальное положение и, вероятно, не платили за них страховые

отчисления и надбавки за работу в сверхурочное время. Всех это устраивало. Пансионат обеспечен, хотя и глухонемыми, но безропотными неквалифицированными кадрами, с каждым из которых можно расстаться в любое время, без каких-либо трудовых споров и осложнений. Для этого достаточно позвонить Анне и сообщить, что они более не нуждаются в каком-либо из её работников.

Не злоупотребляя терпением таких работников, ими можно ловко затыкать все дыры, которые всегда есть или возникают в любом хозяйстве.

Работники так же находят в сложившемся деловом союзе свой пролетарский интерес. При своём нелегальном статусе, они получают хотя и простую, но постоянную работу по 50–60 часов в неделю. И еженедельную, своевременную зарплату, что в их бесправном положении далеко не всегда и везде происходит гладко. Пусть им выдавали на руки лишь по пять долларов за час работы. Но эта нетяжёлая работа позволяла наматывать до 65 часов в неделю, и за все отработанные часы они исправно получали наличными.

Из рассказов ветеранов трудового союза, Анна однажды задержала выплату зарплаты. И кто-то из работников поведал об этом своему непосредственному боссу в пансионате. Анне сразу сделали замечание о необходимости надлежаще исполнять свои обязательства. Недовольные работники никому не нужны. Больше задержек зарплаты она не допускала. Каждый вторник она объезжала своих работников и раздавала им должное.

И, наконец, сама Анна, организовав широкую сеть заказчиков, обеспечивала их своими работниками, за работу которых, вероятно, платили не менее 6,5 долларов в час, что позволяло ей оставлять себе по 1,5 доллара с оплаты каждого рабочего часа. А работников таких у нее было немало, и каждый работал не менее чем по 50 часов неделю.

Мы поднимались с Олегом по деревянной лестнице на второй этаж легкой постройки, типичной для южных мест. Я уже был проинструктирован Олегом и даже знал, что отдел кадров возглавляет молодая барышня, с которой можно говорить открыто и не скрывать своего истекающего туристического статуса.

Саша составил нам компанию, так как вопрос трудоустройства его также интересовал. На закрытых стеклянных дверях офиса мы нашли вывешенную для посетителей табличку с надписью «скоро вернусь» и циферблат, на котором переводом стрелок указывалось время возвращения. Судя по этим деревянным часикам, она должна была вернуться через пять

минут.

Мы стояли на втором этаже и слушали советы Олега. С этого места нам был виден центральный въезд на территорию пансионата. Мой земляк указал на 12 свежепосаженных пальм вдоль трассы US-1 у въезда в пансионат. Он подробно рассказал нам, как они, применяя специальную технику, бурили ямки, удобряли их земелькой, а затем, цепляя автокраном живые столбы пальм, аккуратно вставляли и закапывали их. После чего, на период врастания, каждая пальма была тщательно зафиксирована подпорками. С его слов, эти пальмы были закуплены и доставлены из хозяйства, культивирующего саженцы. И стоило всё это немалых денег. Как я понял, он принял участие в деле далеко не повседневном, и тем самым, оставил видную память о своём активном пребывании в достаточно известном месте на островах Флориды. Пальмы действительно смотрелись эффектно, хотя их зелёные головы ещё полностью не разрослись. Наверняка в будущем, под каждой из пальм, установят фонарики, и с наступлением темноты, будут включать подсветку. И тогда, эти столбообразные саженцы будут заметным украшением и дополнительным завлекающим атрибутом пансионата «Хулидэй Исле».

С этого же места можно увидеть часть причалов, у которых швартовались прогулочные яхты.

Судя по объявлениям, на эти яхты приглашали гостей, желающих выйти в океан на рыбалку, прогулку, или для подводных плаваний с аквалангами в коралловых местах.

Всё это звучало любопытно, но нас в данный момент интересовал отдел кадров.

Про себя я подумал, что за три с половиной месяца проживания в Бруклине, я провёл массу времени в Мнхэттэне, но так и не поднялся на Empier State Building или World Trade Center. Не побывал на островке Liberty Island и не сфотографировался у Statue of Liberty… (Статуя Свободы (англ. Statue of Liberty, полное название — Свобода, озаряющая мир, англ. Liberty Enlightening the World) — одна из самых знаменитых скульптур в США и в мире, часто называемая «символом Нью-Йорка и США», «символом свободы и демократии», «Леди Свобода». Это подарок французских граждан к столетию американской революции. Статуя Свободы находится на острове Свободы (англ. Liberty Island), примерно в 3 км на юго-запад от южной оконечности Манхэттена, в Нью-Джерси.)

Олег указал мне на приближающуюся девушку, которая исполняла функции начальника отдела кадров. По лестнице поднималась стройная барышня лет 30, в очках и с неряшливой

прической выгоревших, соломенных волос. Таковое очень распространено среди американских женщин.

Заметив ожидающих её визитеров, и среди них уже знакомого Олега, она включила улыбку. Но после первых приветствий и обмена простыми шутками, я понял, что в этом случае улыбка была от души. Заведующая кадрами мне понравилась. Разговоры о поступлении на работу мы легко сочетали с шутками о советско-польском трудовом десанте на острова Флориды. Она пояснила, что здесь сплошь и каждый откуда-то десантировал на зимний период. Сама она тоже приехала сюда из Калифорнии, задержалась здесь, и пока работает в этом качестве.

Других посетителей не было, что позволило нам немножко потрепаться о наших впечатлениях.

Затем перешли к делу. На мой вопрос о вакантных рабочих местах в Холидэй Айл, она уверенно ответила, что на сегодняшний день таковые заявки есть лишь от одного отдела Purchasing Department, то бишь, отдела закупки или снабжения. А в том отделе, где работает Олег и другие представители Восточной Европы, всё укомплектовано. Хотя, ближе к рождеству возможен приток гостей, и тогда вероятна потребность в дополнительных работниках.

Я поинтересовался о работе в отделе снабжения. Она смогла лишь коротко пояснить, что работа связана с доставкой, а уж детали и прочие условия можно узнать у людей, непосредственно управляющих этим отделом, они же решают: подходит ли им тот или иной работник.

Олег и Саша решили выйти и подождать меня, пока мы закончим переговоры. Договорились пройти в тот отдел, где мне ответят на все мои вопросы. Я согласился. Снова закрывая дверь, она повесила табличку и перевела стрелки на циферблате. Олег спросил меня, что мне удалось выяснить? Я ответил, что меня ведут на смотрины в отдел закупки, обещал всё рассказать.

Контора располагалась на первом этаже одного из гостиничных комплексов, с выходом на берег. Так как это место было совсем близко к пляжу, мимо конторы по тротуару разгуливали полураздетые люди. Всё это создавало совершенно нерабочую обстановку. Глядя на пляжное движение, мне едва верилось, что сегодня 2 ноября. Но факт очевиден, а через две недели истекала и моя туристическая виза.

Войдя в контору, я понял, что это какой-то продовольственный склад. Вдоль узкого прохода, под стенами, почти до потолка, всё пространство было плотно заставлено упаковками с содовой водой и соками. Окон не было, светили неоновые лампы. Пройдя несколько шагов в глубь по узкому

проходу, и заглянув в открытую дверь налево, мы нашли тесную конторку с двумя столами. На каждом столе — по замызганному компьютеру. В этом подобии кабинета мы застали двух человек, которые в шутливой форме поприветствовали заведующую кадрами. Она ответила им тем же. После чего их внимание было обращено на меня.

— Работников заказывали? — спросила начальник отдела кадров.

Один из них, был крупный, с брюшком, лохматый брюнет с бородкой. Он почему-то показался мне похожим на хохла из южно-украинской провинции. Хитровато улыбался, а на удачные шутки реагировал добродушным хохотом. Одет был в красную форменную трикотажную футболку и неряшливые шорты до колен, которые в сочетании с огромными, косо стоптанными ботинками на полных кривоватых ногах, придавали ему комично рабочий вид.

Второй был не так заметен, выглядел помоложе, аккуратно подстриженный, в такой же футболке, грязноватых шортах и с кепкой, козырьком на затылок.

Представление начала барышня.

— Вот, познакомьтесь, возможно, ваш будущий сотрудник. Да не простой, а из России.

— Действительно?! — вытаращился на меня пузатый, и протянул свою лапу.

— John, — представился он.

— Сергей, из Украины, — поправил я.

— Как? Повтори ещё раз свое имя, — попросил пузатый.

Я повторил медленно и разборчиво.

— Сергей Бубка! — возник второй, оторвавшись от компьютера.

— Сергей Прокофьев, — продолжил игру пузатый.

— Верно! — удивился я, и добавил, — Сергей Рахманинов.

(ПРОКОФЬЕВ Сергей Сергеевич (Sergei Prokofiev) [11 (23) апреля, 1891, Сонцовка, ныне село Красное Донецкой области Украины — 5 марта 1953, Москва], русский советский композитор, пианист и дирижер, народный артист России (1947), Ленинская премия (1957, посмертно), Государственная премия СССР (1943, 1946 — трижды, 1947, 1951).

В дерзко-новаторских фортепьянных сочинениях 1908–1914 («Отчаяние», «Наваждение», токката, 1-й концерт с оркестром, «Сарказмы») заметна близость молодого Прокофьева антиромантическим идеям раннего русского авангарда. Обогащение гармонии средствами расширенной тональности 20 века сочетается в зрелых сочинениях с проникновенным

лирическим мелосом широкого дыхания, строгой классичностью структур. Оперы «Игрок» (1916), «Любовь к трем апельсинам» (1919), «Огненный ангел» (1927), «Семен Котко» (1939), «Обручение в монастыре» (1940), «Война и мир» (1943; 2-я редакция, 1952); балеты «Ромео и Джульетта» (1936), «Золушка» (1944), «Сказ о каменном цветке» (1950), оратория «На страже мира» (1950), кантата «Александр Невский» (1939), 7 симфоний (1917–1952), симфоническая сказка «Петя и волк» (1936), концерты для инструментов с оркестром, сонаты и циклы пьес для фортепьяно, музыка к фильмам.

Прокофьев был довольно сильным шахматистом, большой интерес общественности вызвал его матч с Давидом Ойстрахом в Москве в 1937 году, выигранный Ойстрахом.

(Рахманинов Сергей Васильевич (Sergei Rachmaninov) — российский композитор, пианист, дирижер. Родился 1 апреля 1873 года в имении Онег Новгородской губернии. Мать начала заниматься с ним музыкой, когда ребенку было четыре года. Девяти лет он поступил в Петербургскую консерваторию, а в 1855 году перешел в Московскую. Музыкальная одаренность юноши была феноменальна. В 1891 году, на год раньше срока, Рахманинов окончил консерваторию по классу фортепьяно, через год — по классу композиции.

В возрасте 20 лет, из-за нехватки денег, он стал преподавателем в московском Мариинском женском училище, в 24 года — дирижёром Московской русской частной оперы Саввы Мамонтова, где работал в течение одного сезона, однако успел сделать значительный вклад в развитие русской оперы.

Рахманинов рано приобрёл известность как композитор, пианист и дирижёр. Однако его успешная карьера была прервана 15 марта 1897 года неудачной премьерой Первой симфонии (дирижёр — А. К. Глазунов), которая окончилась полным провалом как из-за некачественного исполнения, так и — главным образом — из-за новаторской сущности музыки. По мнению А. В. Оссовского, определённую роль сыграла неопытность Глазунова как руководителя оркестра во время репетиций. Это событие послужило причиной серьёзной нервной болезни. В течение 1897–1901 годов Рахманинов не мог сочинять, и лишь помощь опытного психиатра, доктора Николая Даля, помогла ему выйти из кризиса.

В 1901 году закончил свой Второй фортепианный концерт, создание которого ознаменовало выход Рахманинова из кризиса и одновременно — вступление в следующий, зрелый период творчества. Вскоре он принял приглашение занять место

дирижёра в московском Большом театре. После двух сезонов отправился в путешествие по Италии (1906 г.), затем на три года поселился в Дрездене, чтобы полностью посвятить себя композиции. В 1909 году Рахманинов совершил большое концертное турне по Америке и Канаде, выступая, как пианист и дирижёр. Также, в 1909 году был написан Третий фортепианный концерт. В 1911 году С. В. Рахманинов, находясь в Киеве, по просьбе своего друга и коллеги А. В. Оссовского прослушал молодую певицу Ксению Держинскую, вполне оценив её талант; он сыграл большую роль в становлении оперной карьеры знаменитой певицы.

Вскоре после революции 1917 года Рахманинов воспользовался неожиданно пришедшим из Швеции предложением выступить в концерте в Стокгольме и в конце 1917 года вместе с женой Натальей Александровной (урождённой Сатиной, из рода Рюриковичей, утративших княжеский титул) и дочерьми покинул Россию. В середине января 1918 года Рахманинов отправился через Мальмё в Копенгаген. 15 февраля он впервые выступил в Копенгагене, где сыграл свой Второй концерт с дирижёром Хёэбергом. До конца сезона он выступил в одиннадцати симфонических и камерных концертах, что дало ему возможность расплатиться с долгами. 1 ноября 1918 года вместе с семьёй отплыл из Норвегии в Нью-Йорк. Вплоть до 1926 года не писал значительных произведений; творческий кризис, таким образом, продолжался около 10 лет. Лишь в 1926–1927 гг. появляются новые произведения: Четвёртый концерт и Три русские песни. В течение жизни за рубежом (1918–1943 гг.) Рахманинов создал всего 6 произведений, которые принадлежат к вершинам русской и мировой музыки.

Местом постоянного жительства избрал США, много гастролировал в Америке и в Европе и вскоре был признан одним из величайших пианистов своей эпохи и крупнейшим дирижёром. В 1941 году закончил своё последнее произведение, многими признанное как величайшее его создание, — Симфонические танцы. В годы Великой Отечественной войны Рахманинов дал в США несколько концертов, весь денежный сбор от которых направил в фонд Красной армии. Денежный сбор от одного из своих концертов передал в Фонд обороны СССР со словами: «От одного из русских посильная помощь русскому народу в его борьбе с врагом. Хочу верить, верю в полную победу».

Последние годы Рахманинова были омрачены смертельной болезнью (меланома). Однако, несмотря на это, он продолжал концертную деятельность, прекращённую лишь незадолго до

смерти. По некоторым данным, Рахманинов ходил в советское посольство, хотел поехать на родину незадолго до смерти.

Рахманинов умер 28 марта 1943 года в Беверли-Хиллз, штат Калифорния США, похоронен на кладбище Kensico Cemetery.)

— Ты свободна, солнышко. Спасибо за кадра, — распорядился Джон в адрес моей провожатой.

Та пожелала мне весело провести время в обществе этих джентльменов и покинула хранилище.

— Итак, — потирая руки, начал пузатый, — ты русский?

— Да, русский с Украины.

— Как давно в США?

— Пять с половиной месяцев.

— Всего?! — удивились оба. — И ты хотел бы работать у нас?

— Да. Но сначала я хотел бы узнать, что это за работа. Мне сказали, что это нечто особое.

— О, да! Работа у нас непростая, — хохотнул пузатый. — Это Кен, — указал он на второго, в кепке. И мы снова пожали друг другу руки.

— Он будет твоим боссом, — посмеиваясь, комментировал Джон.

— Джон тоже будет твоим боссом, — кивнул тот на пузатого.

— Если у меня два босса, то один из них должен быть Big Boss, — заметил я.

— Это Джон, он и есть Big Boss Man, — показал Кен на живот хохочущего Джона.

— Хорошо. Джон — Большой Босс, Кен — просто босс, — повторил я усвоенное.

— Well, Well, Well, — подвёл итог довольный босс Джон, — мы должны рассказать тебе о нашей работе.

Он вынул из ячейки пачку каких-то бумаг и вручил мне одну из них.

— Пожалуйста, прочти и ответь, что ты из этого понял.

Я взглянул на этот казённый бланк, небрежно заполненный шариковой ручкой. Это было похоже на какой-то продуктовый заказ:

1. Сыр 2 пачки, 1 фунт.

2.1 мешок лука красного.

3.2 коробки курин. крылышек.

4.6 упаковок Bud Lgt.

— Достаточно. Хорошо. Давай-ка следующую, — остановил меня Джон.

1. 4 Finlandia 1LTR.

2. 6 Absolute 1LTR.

3. 4 Absolute Citron 1LTR.

— Достаточно. Ты знаешь, что всё это такое? — спросил он меня.

— Да, продукты и водка в бутылках по 1 литру.

— Good! — оценили боссы.

— Далее, и это самое важное в нашей работе, знать, где находится всякий продукт. У нас несколько складов, подсобных помещений, холодильники, морозильник. Твоя работа будет заключаться в том, чтобы отыскать указанный в ордере продукт и своевременно доставить его заказчику. Заказчик указан в ордере, — показал он мне.

— Понятно, — коротко ответил я, задумавшись над услышанным.

Он провёл меня лабиринтами этого склада, бегло показывая, в каком секторе, что лежит. Большую часть пространства занимали коробки с алкоголем. Здесь же был и холодильник, в котором в беспорядке навалены упаковки с сухими винами.

Далее, он пригласил меня пройтись и посмотреть на другие хранилища.

Место, где размещались большие холодильник и морозильник, было огорожено высокой деревянной оградой с воротами, закрывающимися на замок. Ворота оказались открыты. На квадратном пяточке перед холодильником стояла пара тачек с надувными колесами, в кучу свалена пустая тара и прочий упаковочный хлам. Босс открыл дверь холодильника и зафиксировал её в открытом положении. Проход прикрывался свисающими широкими полосками из толстого, полиэтилена. Мы вошли в прохладные сумерки холодильника, все полки которого были под потолок забиты упаковками баночного пива различных сортов, и продуктами. В этом же холодильнике хранили и сигареты. Бегло оглядев содержимое холодильника, мы выскочили обратно на солнышко.

Я уже не ставил перед собой цель запомнить, где и что лежит, а лишь пытался представить себе сам процесс моего участия в этом хозяйстве.

После холодильника он повел меня к морозильной камере, расположенной сразу за холодильником. Там мы встретили двоих работников. Один из них стоял снаружи и подавал с тачки коробки с каким-то продовольствием второму, который выныривал из морозильника, подхватывал коробку и исчезал. На нём была куртка «Аляска» с капюшоном на голове.

Босс не стал мешать им, лишь пояснил мне, что здесь они хранят все мясные и прочие продукты, нуждающиеся в низкотемпературных условиях хранения.

По пути обратно в контору, Джон пояснил мне, что в обязанности работников входит также разгрузка доставляемых поставщиками продуктов и их своевременное размещение на строго установленные места хранения. Особенно оперативно это следует делать со скоропортящимися продуктами, и теми, которые желательно держать в охлажденном состоянии. Почти все потребители, которым предстоит доставлять всё это, находятся на территории пансионата.

Вернувшись в контору, оба босса хотели услышать о моих впечатлениях и намерениях. Я неопределенно ответил, что мне сложно сказать что-либо обо всём этом. Тогда босс поставил вопрос конкретнее:

— Ты ещё хочешь работать здесь?

— Я хотел бы попробовать. Вы посмотрите на меня, а я ознакомлюсь с работой, и через несколько дней нам будет ясно — подходим ли мы друг другу. О.К?

— Правильное решение! — согласились со мной оба босса. И перешли к делу.

— Тогда завтра, если можешь, выходи на работу с семи утра. А сейчас зайди снова в отдел кадров и дай знать о нашей договоренности.

На этом мы и расстались до завтра.

Когда мы уже заканчивали переговоры, к нам заглянул Олег. Оба босса знали его, и они обменялись приветствиями, как сотрудники-приятели. Олегу не терпелось знать, о чём мы так долго говорили? Я обещал всё рассказать после посещения отдела кадров, где, вероятно, будут решены все формальности. Олег уверял, что если начальники отдела дали добро, то остальное уже чистая формальность. В офисе отдела кадров, кроме уже знакомой мне девушки, за другим столом сидела ещё одна женщина. Там меня встретили вопросом:

— Что скажешь об этом?

— Думаю, надо попробовать, — ответил я.

— Тогда давай решим, как тебя принимать. Как самостоятельного работника или от Анны?

— А в чём разница? — спросил я.

— Разница в оплате! — ответили мне. — Если ты поступаешь на работу к нам, то мы платим по 6,5 долларов за час работы в пределах 40 часовой рабочей недели. А сверх 40 часов оплачиваем по 9,75 долларов за час. Но из этой зарплаты вычитаются налоги и страхование. Если же ты будешь работать на Анну, то она будет платить тебе просто по 5 долларов за каждый отработанный час, никаких сверурочных доплат, но и никаких налогов, страховок.

— Так как у меня нет достаточных документов, я думаю пока начать работу, как от Анны, а в процессе будет видно, — предложил я.

— О.К. тогда мне необходимо всего лишь твоё полное имя. И время, когда ты приступаешь к работе?

— Решили начать завтра с семи утра.

— Тогда зайди сюда через полчасика, я приготовлю тебе твою карточку.

Я покинул отдел кадров, размышляя над условиями. Она так говорила, как будто они готовы принять меня на работу и без документов. Хотя, вряд ли, если Олег и другие подобные туристы, работают на Анну.

Рассказал обо всём ребятам. Мы посчитали приблизительно, какова разница в оплате труда, если работать без посредника. Пришли к выводу, что если работать более 40 часов в неделю, тогда работать на Анну не очень-то выгодно, а если в пределах 40 часов, то после вычета налогов, выходит — те же 5 долларов за час.

Учитывая моё начальное, испытательное положение, решили, пусть пока будет так.

Коснувшись вопроса документов и скоро истекающей визы, Олег советовал посетить местную островную администрацию, где выдают удостоверения личности, или, как это здесь называют ID (Identification Card) и водительские удостоверения (Driver's License). Со слов Олега, здесь эта процедура проста. Мы решили не откладывать этот вопрос и поехали той же дорогой, обратно в сторону домика на Dogwood.

У административного центра была небольшая стоянка, где мы и припарковались. Фасад офиса — полностью стеклянный, посетителей было всего несколько человек. Войдя в пространство для посетителей, сразу встречаешься со стойкой, предлагающей номерок. Отрываешь бумажный корешок с номерком и присаживаешься в ожидании. За стойкой принимали две молодые женщины в полицейских униформах. В основном, решались вопросы, связанные с водительскими удостоверениями. Закончив с очередным посетителем, служащая объявляла следующий номер и принимала нового. Скоро назвали и мой номер. Мы подошли к ней все трое. Обстановка располагала к собеседованию. Я достал свою паспортину, и коротко объяснил, что мне крайне неудобно везде носить с собой мой единственный документ — паспорт, потеря которого доставит мне массу хлопот. Поэтому, я хотел бы получить какое-нибудь удостоверение личности.

Служащая, молча доброжелательно согласилась со всем сказанным и попросила мой паспорт. Вместе с паспортом я

вручил ей и карточку собеса. Она повертела, просмотрела мой паспорт и переспросила, русский ли я? Я ответил, что перед нею целых три живых русских. Она, улыбаясь, стала проверять по компьютеру мои документы. Затем, выдала мне анкету, в которой я указал своё новое место жительства на острове Islamorada. Местом жительства мы решили указать нашу ночлежку в домике 202 на ул. Dogwood.

Возник вопрос о моём росте и цвете глаз. Я назвал свой рост в сантиметрах, она задумалась, заглянула в какую-то таблицу и перевела это в футы. Покончив с моими данными, меня пригласили присесть на место перед фотокамерой и взглянуть в объектив. Я послушно вытаращился, она ослепила меня вспышкой, я прищурился. На этом процедура закончилась. С меня взяли три доллара и просили подождать минут десять. Мы вышли наружу. Олег закурил. Мы с Сашей выразили своё удивление этой домашней обстановкой, в которой этак дружелюбно и просто удовлетворили нашу просьбу. Олег докурил, я вернулся в контору. Моё удостоверение было готово. Я получил, расписался, поблагодарил, и мы распрощались.

Это была маленькая, цветная, запаянная в пластик, карточка с фотоизображением моей кислой, от яркой вспышки, физиономией. Мелким шрифтом было набрано моё полное имя, адрес 202 Dogwood Ap.5, Islamorada, Fl. Дата моего рождения, рост, дата выдачи и дата истечения, длиннющий номер карточки. Сверху, более крупным шрифтом набрано «FLORIDA, The Sunshine State». Через всю карточку выведены контуры полуострова Флорида.

Сделано нужное дело. Говоря совковым языком, я прописался на острове Флориды. Теперь надо было заняться вопросом жилья. Перспектива снова ночевать в перенаселённой хижине угнетала. Для начала, решили посетить контору Real Estate, с целью прозондировать общую ситуацию. Ближайшая такая контора была недалеко от нашего пансионата. Надо проехать пару миль в направлении Майами.

Контора оказалась открытой. Мы припарковались у входа и вошли внутрь. Там крепко пахло кофе и ласкал кондиционированный воздух. Нас никто не встречал, и вообще никого не было на виду. С минутку мы потоптались в ожидании, затем присели в удобные плетённые кресла у стеклянного столика, заваленного журналами. Только мы расположились, как из глубины конторы вышла молодая женщина, и, включив рабочую улыбку, поинтересовалась чем может нам помочь. Я озадачил её нашим намерением арендовать жилье для троих человек, где-нибудь неподалеку от Holiday Isle.

Похоже, мы оторвали её от кофе, и особого делового энтузиазма мой вопрос у неё не вызвал.

— Вы договаривались с нашим агентом о встрече? — спросила она.

— Нет, мы ни с кем не договаривались.

— Дело в том, что этим районом у нас ведает другой человек, который и сможет ответить на ваши вопросы. Если хотите, я попробую связаться с ней и выяснить, как скоро она будет здесь.

— Пожалуйста, если не трудно, — согласился я.

Стала набирать номер. В первом случае поговорила с автоответчиком. Затем позвонила на мобильный телефон, и ей ответили. Она доложила кому-то с женским именем о клиентах по вопросу аренды, выслушала ответ и положила трубку.

— О.К. ребята, нужный вам человек сейчас занят. После того, как она покажет клиентам объект, вернется сюда. Если хотите, можете подождать здесь, или оставьте свой телефон, и с вами свяжутся.

— Если это недолго, то мы подождем.

— Хотите кофе? — спросила она, покидая нас.

— Да, — хором ответили мы.

Пока мы рассматривали иллюстрированную макулатуру, с фотографиями объектов недвижимости на островах Флориды нам поднесли кофе. Через несколько минут, в контору вошёл какой-то высокий тип, по всему видно, работающий здесь. Он деловито поприветствовал нас и уверенно прошёл туда, откуда исходил запах кофе. Вернувшись со своей персональной чашкой кофе, он обратился к нам:

— Может быть, я смогу помочь вам?

— Может быть, — отозвался я. — Мы хотели бы арендовать что-нибудь для троих человек, в пределах 600 долларов ежемесячно, неподалеку от HI, на период полугода, возможно и более.

— Для троих? — уточнил он.

— Да, для двоих-троих.

— О.К. — он озадаченно заглянул в свою картотеку на столе. — А если это будет не совсем рядом с HI, но хорошее место и всего за 500?

— Где это и что это? — спросил я.

— Это надо проехать в противоположном направлении от HI с милю, вот вам адрес, там вы найдете двухэтажный дом. Первый этаж закрыт, а второй этаж хозяин сдает. Там просторная гостиная и две спальни, туалет, душевая. Посмотрите сами. Сейчас там живут люди, объясните им, откуда вы, и вам все покажут. По договору они должны на днях освободить

помещение.

Звучало любопытно. Я взял адрес и передал суть предложения своим коллегам. Они заинтересовались.

— Тогда мы едем смотреть это место. Скоро вернёмся, — ответил я, и мы покинули контору.

Нашли мы этот адрес без труда. Поворот с трассы US — 1 к нужной улице вёл к Bay Side, то бишь, к побережью Мексиканского залива. Отыскиваемая улица тянулась вдоль канала и была отдалена от дороги US — 1. Мы попали в тихое место с ухоженными домиками. Здесь хотелось жить. Наконец, мы отыскали и нужный номер дома. На парковочном пространстве перед домом стоял автомобиль. Мы припарковались рядом. На наш шум никто не отреагировал. По закрытым дверям и задраенным окнам, можно было понять, что первый этаж закрыт и там никто не живёт.

Один за другим, мы поднялись по ступенькам на второй этаж и оказались на деревянной просторной веранде. Легкая входная дверь в комнату была незапертая. Эта деревянная веранда была обнесена мелкой противомоскитной пластиковой сеткой. На этой площади расставлены легкие плетёные кресла и столик. В углу стояла электроплита. Отсюда был виден канал, по которому можно было выйти в Мексиканский залив, судя по яхтам, стоящим на приколе.

На наш приход так никто и не отозвался. Я постучал в дверь, ведущую в комнату. Сначала, кто-то бегло выглянул в окно сквозь жалюзи, а затем к нам вышел пожилой мужчина. Я коротко объяснил ему, по какому вопросу мы сюда явились. Дядя выслушал меня и выразил нам своё сожаление. Оказывается, его планы изменились, и он намерен продлить свой договор аренды этого места. Якобы, он уже звонил в агентство и предупреждал, что внесёт очередную рентную плату.

Таким образом, отпала необходимость осматривать комнаты. На этом и расстались.

На обратном пути мы сравнивали увиденный дом с домом на Dogwood, который тоже находился в хорошем месте, с внутренним двориком и океаном поблизости, но уж больно густо это местечко было перенаселено, и это превращало дом в нечто среднее между коммунальной квартирой и дурдомом.

Снова заехали в контору Real Estate. Агент, которого мы ожидали, уже вернулась и была готова уделить нам внимание. Из всего, что она могла предложить нам, подходил лишь один объект. Этот дом находился неподалеку от улицы Dogwood, но ближе к HI. Да и то, на данный момент это место было пока занято. Но так как, клиент не исполняет свои договорные

обязательства, в течение этого месяца он должен освободить помещение. Звучало неопределенно.

Она предлагала нам взять адрес и посмотреть дом, возможно, нас заинтересует.

Снова той же единственной дорогой мы поехали обратно в направлении Key West. Переехали разводной мост, проехали мимо HI и переехали через следующий мост. За этим мостом, мы свернули с основной дороги US-1, и продолжили движение по второстепенной дороге, у которой, как нам объяснили, мы сможем отыскать нужный дом.

Место оказалось рядом с почтовым отделением. Расположение было удобное, на работу можно было бы пешком ходить, почта и торговый центр тоже под рукой. Но сам дом и особенно, дворик вокруг него, все говорило о неблагополучии и запущении. Жилая часть дома располагалась на втором этаже, куда вела лестница, а нижняя часть дома приспособлена для парковки автомобиля и хранения всякого хозяйственного инвентаря. Оглядевшись вокруг, нетрудно было догадаться, что большую часть мусора здесь выбрасывают в окно. Стало понятно, почему с этим нанимателем не желают иметь дело.

Перила лестницы, по которой мы поднимались, были так замызганы, что к ним противно было прикасаться. Из приоткрытых окон доносился шум. Чем ближе к двери, тем меньше мне хотелось разговаривать с кем-либо в этом доме. У меня уже возник вопрос, а будет ли этот дом подвергнут санитарно-косметической обработке перед сдачей его новым нанимателям?

На наш стук в двери никто не реагировал. Мы слышали, что там слишком шумно, чтобы услышать наш стук. Я толкнул двери, они были не заперты. Мы вошли в просторную гостиную. В нос ударил крепкий запах специфического курева. Дурманящим запахом здесь были пропитаны стены. На грязных матрацах сидели и лежали волосатые охламоны неопределенного пола и возраста. Самое ценное в этой комнате были музыкальный центр и немалое количество компакт дисков, разбросанных повсюду. Комната была не только вонючая, но и грязная. Компания гармонично вписывалась в этот скотник. Те, кто не спал, пыхтели папиросками под истеричную музыку Nirvana.

Реакция на наше появление была вялой. Мне пришлось подать голос и спросить кто здесь главный?

На мой вопрос, от матраца неохотно оторвался грязный тип с лысеющей головой и небритой физиономией. Упоминание о его роли нанимателя явно раздражало его.

— Что вы хотите? — пробурчал он, приблизившись к нам.

— Мы по поводу аренды этого дома, хотели бы посмотреть.

— Понятно. Ну, так смотрите, — развел он руками, — я-то вам зачем?

Мы огляделись вокруг, и не сходя с места, сообразили, где кухонное пространство, а где санузел. Этого достаточно. Мы поспешили выйти на свежий воздух. В общем, место нам подходило. Но как скоро эти типы съедут оттуда, и кто будет этот дом чистить после них — этого мы не знали.

Вопрос о месте жительства на сегодняшний день оставался открытым.

Уж, коль мы оказались рядом с почтой, Олег пригласил нас посетить это место, так как услугами таковой, вероятно, придется пользоваться. Пройдя через стеклянные входные двери, мы попали в пустую комнату, стены которой были приспособлены под многочисленные пронумерованные почтовые ячейки. Как объяснил нам Олег, такой почтовый ящик можно арендовать, и доступ к нему свободен 24 часа в сутки, так как входная дверь не запирается.

Следующая дверь вела в почтовое отделение и закрывалась по окончанию рабочего дня. Мы вошли туда. Посетителей было мало. Решили узнать об условиях аренды почтового ящика. Олег уверял, что это простая и недорогая процедура.

Но мой вопрос, служащая ответила предложением заполнить анкету. Надо было указать своё имя, можно и других пользователей ящиком, сроки аренды и свои координаты: телефон, домашний адрес или рабочий, на случай необходимости связаться с вами.

Мы решили снять почтовый ящик на шесть месяцев. Заполнив анкету и уплатив какую-то сумму, нам вручили ключи от ящика номер 185. Саше я предложил смело указывать этот адрес при переписке, а всё приходящее на его имя я обещал выдавать ему.

Выйдя из почтового отделения, мы решили сделать перерыв. Перешли дорогу US-1 и посетили супермаркет. В этом гастрономе оказался отдел горячих закусок. Там мы прикупили порции жареных цыплят, каких-то сладостей и молока. Со всем этим вернулись в дом на Dogwood.

В комнате мы нашли лежащего на своем спальном месте пожилого поляка. Его звали Станислав. А спустя несколько минут, появился и Геннадий Бобруйский. Оба они готовились к выходу на работу. Гена вернулся из прачечной, где стирал своё постельное белье. Он жаловался мне на цены в прачечной, которая по соседству с их домом. При этом он почему-то, называл ее «Хэлпвантед».

По его хозяйским наблюдениям, пользоваться этой прачечной

было дюже накладно, ибо требовалось 2 доллара, только для запуска машинки, а ещё свой стиральный порошок…

Одежку и прочую мелочь Гена стирал сам дома, замачивая это в ведёрке, и оставлял киснуть на несколько дней. А вот постельное бельё ему приходилось стирать в прачечной.

Мы сидели на кухне, обедали, и я краем уха слушал бытовые жалобы Геннадия.

Когда мы вышли после обеда во двор, я заметил, что над этой прачечной, кроме вывески «Laundry» там нет никакого названия. Я спросил Олега, почему Гена называет это место бытового обслуживания «Хелпвантед»? В ответ, Олег указал мне на плакат, приклеенный к стеклянной двери, на котором крупными красными буквами объявляли «Help Wanted», то бишь, ищем работника-помощника.

Скоро Гена и Станислав вывели на улицу свои велосипеды, бодренько поприветствовали нас и отъехали на службу. Мы вернулись в дом и сделали несколько звонков по объявлениям в местной газетёнке. В большинстве случаях автоответчики просили оставить сообщение для последующей связи. По одному номеру нам ответила женщина. Условия, на которых она сдавала часть своего дома, оказались вполне приемлемы. Но когда я ответил ей, что нас трое ребят, она заметила, что это уж слишком много и круто для её дома. Напрашиваться и объяснять что-то о своей ориентации я не стал. Ребятам передал, что нас принимают за извращенцев.

Вечером уже было ясно, что с поисками подходящего жилья на этом острове нам ещё предстоит попотеть, и неизвестно — как долго. А сегодня, ничего другого не оставалось, как ночевать по адресу, указанному в моей идентификационной карточке, то есть, по месту прописки.

На следующее утро подъём был ранним для меня и для Олега. Остальные члены ночлежки работали во вторую смену и продолжали дрыхнуть. Нам пришлось побеспокоить временного жильца-бедолагу, спящего на кухонной территории. Он смиренно свернул своё спальное место и, молча, вышел во двор, пока мы пили свой кофе. Все эти обстоятельства ужасно стесняли меня, и я уже начал жалеть, что так необдуманно скоро подписался на работу. Сначала следовало бы найти жильё. Перспектива возвращаться сюда после работы, удручала меня.

Саша, оставшийся сегодня один и без дела, обещал заняться просмотром всех доступных ему объявлений о сдаче жилья в аренду, чтобы вечером мы могли обзвонить или посетить имеющиеся варианты.

Олег утешал меня тем, что вечером, когда мы закончим

работу, остальные жильцы будут на работе, и нам никто не помешает воспользоваться скромными удобствами ночлежки. Договорились, что Саша подвезёт нас в пансионат, а к пяти вечера подъедет и забёрет нас.

На территории пансионата в это раннее время было пусто и безлюдно, но всюду видны следы ночных массовых гуляний. Олег удалился в места расположения их отдела, Maintanance Dpt., то бишь, отдел общего содержания. Там он получит указания на сегодняшний день.

А я отправился к штабу нашего отдела.

Для семи утра в начале ноября, это было вполне теплое и светлое утро. По соседству с нашей конторой, в домике-клетке проживала пара огромных цветастых попугаев. Они уже проснулись и приветствовали меня истошными криками. Входная дверь в контору была закрыта, и мне ничего не оставалось, как ожидать. Я присел на скамейке у деревянной беседки, где в активное время торгуют пивом на разлив, и наблюдал, как из Атлантического океана поднимается и растёт огненный шар солнца. По мере его увеличения, становилось светлей и уютней. Вокруг всё просыпалось и оживало. По пляжу бродили двое странных типов и тщательно искали что-то в песке.

Скоро ко мне присоединился мой коллега по отделу. Я его уже видел здесь вчера, когда босс показывал мне хозяйство. Он дружелюбно представился как Dave. Мы познакомились, и он сразу поинтересовался, откуда я. Вопрос уже совсем неинтересный, и я сообщил ему по секрету, что я русский шпион, который намерен поработать зиму на этом тёплом острове. Дэйв поклялся хранить услышанное в тайне и тоже признался, что всего неделю назад, как десантировал сюда, спасаясь от холодной зимы и безденежья в Детройте. Он заметил, что здесь почти каждый прибыл откуда-то с главной целью скоротать зиму, и многие задерживаются на годы. Потому что здесь они находят хотя бы стабильно теплые зимы, а там, откуда они прибыли, у них и этого не было.

— Не удивительно, — заметил я, указывая на солнечный шар, — в Нью-Йорке и Нью-Джерси сейчас такого не увидешь, там моросит холодный дождь и задувает ветер.

— В Мичигане, вероятно, уже дождь со снегом, — добавил Дэйв, — а мы в шортах!

Затем он поинтересовался как давно я в этой стране и где уже побывал?

Его удивил тот факт, что я свои первые три месяца пробыл в Бруклине, и он собирался поговорить об этом подробнее, но появился запоздавший босс. В одной руке он держал

пенопластовый стакан с горячим кофе, а в другой связку с ключами. Он стал открывать замки на входных дверях, и мы присоединились к нему.

Распахнув обе половины дверей, он выключил сигнализацию и включил освещение. Узкий проход в склад-контору был заставлен тачками. Дэйв стал выкатывать их наружу и парковать у входа. Я принял участие. Когда пространство было освобождено от тачек, мы тоже зашли в конторку.

Босс взял из ячейки ордера, просмотрел их и выбрал один. Этот ордер он вручил мне и пояснил, что указанный на этом ордере заказчик — ресторан «Horizon» находится на шестом этаже соседнего гостиничного корпуса и работать он начинает с шести утра. Некоторые гости отбывают рано утром на прогулочных яхтах на рыбалку и прогулку, и вообще, мало ли всяких извращенцев. И всех их надо обслуживать. Поэтому, тот, кто работает в первую смену, должен в первую очередь, выполнить заказ ресторана. Иначе они скоро начнут звонить нам.

Босс вручил мне ордер, подсказал, что почти все из этого списка находится в холодильнике, морозильнике и хранилище. С возникающими вопросами рекомендовал обращаться к нему.

— И ещё, тебе понадобятся ключи от всех хранилищ, — вспомнил и озадачился он. Просил подождать. Тем временем, Дэйв возился с кофеваркой и в воздухе уже появился запах чистого, колумбийского, неразбавленного. На этот запах в контору пришёл какой-то парень, чёрный как конторский телефон, но по всему видно — свой здесь человек.

Увидев чёрного коллегу, босс Джон принял решение:

— Познакомьтесь, это Сильвестр, а это Сергей — он русский.

— Действительно!? — удивился и расцвел добродушным оскалом чёрный Сильвестр.

— Ты и по-английски говоришь?

— Пытаюсь.

— Достаточно активно пытается, — хохотнул босс. — Особенно хорошо у него шутки получаются. Поработайте пару дней вместе, покажи ему, что где лежит… ну ты сам знаешь… Уверен, вам будет интересно, — хохотнул Джон.

Сильвестр охотно согласился и принял от босса заказ ресторана. Но он не торопился доставлять в ресторан их заказы. Дэйв, в ожидании кофе, наблюдал за нашими разговорами, похрустывая картофельными чипсами и посмеиваясь. Он объявил им, что я фактически прибыл сюда из Нью-Йорка и всех очень заинтересовали мои впечатления об этом городе. Я поправил, что в действительности прибыл сюда из Нью-Джерси, но и в Нью-Йорке побывал.

По их вопросам нетрудно было догадаться, что они знают об этом городе-монстре лишь понаслышке и по фильмам. Если кто-то из них и бывал там, то лишь на экскурсии или проездом. Во всяком случае, они не скрывали своего любопытства к русскому, который свои первые месяцы пребывания в чужой стране, провёл в Бруклине, — в самом развращённом и опасном месте. Так они представляли себе это.

Скоро начал назойливо часто звонить телефон. Джон предложил прервать конференцию и приступить к работе, выразив надежду, что я ещё отвечу на их вопросы. Чёрный Сильвестр увёл меня и тачку, чтобы заняться исполнением ордера. Он неторопливо, продолжая расспрашивать меня о Сибири, стал выдёргивать с полок всякие упаковки с продуктами. Ему следовало призвать моё внимание к процессу, но он не усложнял работу разъяснениями; наоборот, старался скрасить эту суету слушанием моих баек о бывшем СССР. Наблюдая за ним, я понял, что в первую очередь он выбрал все продукты, указанные в ордере, хранившиеся в этом помещении, чтобы уже не возвращаться сюда. Об этом он делал отметки в ордере. Затем, мы с частично загруженной тачкой перешли в отсек с холодильником и морозильником. Делал он всё, не спеша, но и на поиски нужного продукта лишнего времени и движений не тратил. Видно было, что он хорошо ориентируется среди этой массы наименований. Работа не мешала ему говорить о жизни.

Скоро я узнал, что он уже 14 лет живёт в Америке, прибыл сюда из Гаити с помощью папы, который давно здесь живёт. Кроме Флориды, в других штатах не бывал, а остановился в Хомстэде, считай пригород Майами. На работу в Айламораду добирался автомобилем, что занимало минут 30–40.

Закончив с этим ордером, мы с хорошо загруженной тачкой направились в ресторан. Он находился на 6-ом этаже, поэтому всё доставлялось лифтом. Судя по группе отдыхающих, поджидавших лифт, я понял, что лестничными маршами редко кто пользуется для подъёма. Основным средством сообщения между этажами был лифт. Когда лифт вернулся, мы не стали переться в него со своей гружёной тачкой, пропустили гостей. Нам спешить некуда.

Через несколько минут лифт вернулся, мы вкатили в него тачку и сами вошли. Мой напарник не пропускал никого. Всех работников пансионата обязательно останавливал, чтобы узнать как дела, и сообщить им о новом напарнике из Советского Союза, прилетевшего в США, чтобы шпионить, но затем передумавшем и поступившем на работу в Холидэй Айл, в отдел снабжения…

Реакция на эту новость была разной, как и сам национальный состав сотрудников. Американцы посмеивались и бегло задавали

мне вопросы, поддерживая забавную легенду. Чёрные земляки гаитяне и кубинцы, которых здесь работало больше, чем коренных американцев, похоже, воспринимали всё вполне серьёзно. Слушая бредовые шутки своего земляка, они посматривали на меня с явным любопытством. Я охотно поддерживал игру в шпиона, и всем кубинцам, которым меня представляли, передавал пламенный революционный привет: Viva Cuba, Viva revolution, Viva Fidel! Однако, упоминание о папе Кастро у большинства кубинцев вызывало раздражение. Что же касается самой Кубы, и революции… то в этой части они были солидарны со мной и в ответ пожимали мою шпионскую руку Москвы.

Английский язык большинства кубинских и гаитянских коллег не позволял обсудить со мной современные проблемы построения коммунизма на Острове Свободы. А мой испанский был ещё более ограничен словами «амиго» и «текила». Поэтому встречи-знакомства проходили быстро, но это заметно повышало революционное настроение кубинских коллег. Мой гаитянский наставник вошёл во вкус, понял, что в паре со мной ему будет нескучно.

Поднявшись на шестой этаж, из кабины лифта попадаешь в объятия встречающего гостей метрдотеля. В это утро дежурила пожилая женщина Денис. Поскольку мы к гостям не относились, то нас она приветствовала как сотрудников. Сильвестр представил меня и здесь. Затем мы укатили тачку через служебный ход на кухню, где было уже жарко. Работники кухни были очень заняты, обстановка не располагала к собеседованию, поэтому меня просто представили, как нового работника, который скоро будет доставлять продукты. Вместе с работниками кухни мы разложили доставленное в холодильнике и морозильнике и поспешили прочь. Возвращаясь в контору, я заметил Олега с метлой. Он лениво очищал парковочную территорию от всякого мусора. Мы приблизились, мой наставник знал его и с удовольствием наблюдал за нашим диалогом. Он лишь переспрашивал: по-русски ли мы говорим и шпион ли мой приятель, как и я? Я объяснил любопытному гаитянскому брату, что Олег — русский вариант Джэймса Бонда и рука, в которой он сейчас держит метлу — и есть та Рука Москвы на острове Флориды.

Когда мы вернулись в контору, ордеров там заметно прибавилось. Свои заказы начали присылать и другие точки общепита. Сильвестр вложил копию исполненного ордера с росписью получателя в другую ячейку, и взял пачку вновь поступивших ордеров. Пересмотрев их все, он выбрал пару, и мы

покинули контору.

Задача была ясна. Снова поиски по списку и доставка заказчику. В общем-то, дело нехитрое, но если не знаешь, где что лежит, то это занятие может оказаться большой головной болью. Мой наставник не давал мне никаких советов, я лишь наблюдал и старался хоть что-то запомнить. Нагрузив ещё одну тачку, мы покатили её в бар, расположенный на берегу. Бар только открылся, но за столиками уже посиживали несколько ранних клиентов с пивом.

Упаковки с баночным пивом, водой и алкоголем мы выгружали на стойку бара. При этом принимающая сторона тщательно сверяла всё по списку. Продукты вручили работникам кухни. О доставке получатель расписался в ордере. Одну копию для учета оставил себе, а другую мы доставляли обратно в контору.

Закончив с этим заказом, мой наставник решил пообщаться с работниками кухни, своими гаитянскими земляками. Разговаривали они на каком-то тарабарском языке. Для своего товарища они состряпали завтрак, и я понял, что это надолго. Сидеть с ними на кухне и пить кофе стало скучно, и я вышел. Денёк начинался чудный. Солнце щедро светило и грело. На берег начали сползаться заспанные людишки. Ожили бары и магазинчики. Я прошёл вдоль причалов для яхт, где всё было оборудовано для комфортной остановки. Здесь можно было дозаправиться всем необходимым и выйти в океан. По другую сторону пирса располагался торговый ряд, состоящий из ларьков и павильонов, торгующих всякой пляжной и сувенирной мелочью. Их торговые услуги были ориентированы на заезжего, праздного туриста. Цены из расчёта: а куда вам деваться на этом острове.

В течение рабочего дня, перемещаясь по территории пансионата, я освоил лишь, где какая торговая точка находится, и меня самого представили тем, кому в скором будущем я начну доставлять их заказы.

Несколько раз мы встречались с Олегом, который перемещался от одного объекта к другому, наводя там чистоту и порядок. Работал он в окружении польских товарищей, при беглом знакомстве с которыми, я обнаружил всё те же качества: панская заносчивость и примитивная хитрость.

Работа у них была попроще: уборка территории, стрижка и полив газонов и кустов… ну, и прочие работы по поддержанию порядка. Они хорошо ориентировались во времени и в пространстве и знали, когда и где можно без перенапряжения намотать десять рабочих часов за день, чтобы работодатель остался доволен.

Во второй половине дня в нашей бригаде появились новые работники, которые по графику работали до позднего вечера. При знакомстве с ними, нетрудно было заметить, что это совершенно разные люди. Джордж — самый старший из всех работников нашего отдела. Во всяком случае, он так выглядел. Это был серьёзный товарищ, с брюшком, коротко стриженый, с армейской выправкой. Он всем своим видом демонстрировал брезгливое отношение к волосатому, по пляжному одетому парню, которого звали Росс. Джордж был сторонником порядка и армейской дисциплины. Росс, словно не желал расставаться с детством и, по возможности, так и оставался беззаботным хиппи, живущим сегодняшним днём. Автомобили, на которых они приезжали на работу, также отражали их суть. Джордж пользовался чёрным, помпезным Кадиллаком, состояние которого говорило о ревностной любви и заботе хозяина. Росс гонял на двухместной, мелкой спортивной машине белого цвета, если её помыть.

Джордж, при знакомстве со мной, держал себя чинно, как старший коллега и гражданин достойной страны. К обстоятельству моего происхождения он отнёсся сдержанно, от расспросов воздержался. Хотя любопытство было очевидным. Росс заехал ко мне сразу и по-простому. Он хотел знать мое мнение об американских женщинах, какая музыка мне нравится, и как мне показался Нью-Йорк? Росс охотно рассказал мне о себе. Ему было лет 35, сюда он приехал из штата Ohio, и ему нравилось бичевать здесь (от слова beach — пляж). Своё отношение к этой работе, как к дерьму, которое он вынужден временно разгребать, он не скрывал. Джордж отечески рекомендовал мне держаться подальше от этого охламона, считал его умственно отсталым и потенциальным источником всякого рода неприятностей. Росс не обижался на Джорджа, так как смотрел на него как на человека глубоко несчастного и даже сочувствовал ему.

Первый рабочий день на новом месте я валял дурака. Ходил в паре с гаитянским наставником, помогал ему, но ни за что не отвечал. Мне приходилось отвечать на всякие вопросы разным людям, с которыми меня знакомили. Но всё шло к тому, что завтра мне поручат самостоятельную работу, а я всё ещё не определился с жильём. Сочетание полноценного 10-часового рабочего дня с ночёвкой в коммуне, на одном матраце с товарищем, начинало притомлять.

В конце рабочего дня Босс Джон рассказал мне о своей службе во флоте и кратковременном заходе их военного корабля в Одессу. У нас был шанс встретиться там ещё в 1984 году. В этой связи, я обратился к нему, как давнишнему приятелю, с волнующим меня вопросом.

Я коротко объяснил ему, что не успел определиться с жильём и теперь оказался в неудобном двусмысленном положении на одном матраце с земляком из отдела общего содержания. Джон чутко улавливал юмор, и, слушая моё изложение текущих событий, реагировал смехом и гримасами. Мне необходимы, или пару дней на обустройство, или какая-нибудь полезная информация о сдаваемом в аренду жилье. Он выслушал меня, и просил подождать минутку. Набрал номер и заговорил с кем-то по телефону о свободных комнатах в каком-то корпусе. Я подумал, что мне собираются предложить комнату в их гостиничном хозяйстве. Но оказалось иначе.

Закончив разговор, Джон заметил: мне снова повезло и я должен оперативно посетить уже знакомую барышню из отдела кадров. Через пару минут я был уже у неё. Она взяла ключи, и мы вместе направились к скромной постройке на окраине пансионата. Простое, одноэтажное, выкрашенное в белый цвет, аккуратное здание-казарма с шестью одинаковыми, пронумерованными дверьми.

Как я и предполагал — комнаты на всякий служебный случай, то бишь, для сотрудников. Начальник отдела кадров открыла дверь номер 4, и мы вошли в комнату метров 12 квадратных с одним окном и кондиционером. Провожатая включила свет, а затем открыла жалюзи на окне и запустила кондиционер. Слева у стены стояла деревянная двухъярусная кровать, которая позволяла решить вопрос о размещении и Саши. С правой стороны — холодильник, стол и пара стульев. Открытая дверь вела в санузел: стандартный умывальник, туалет и душевая кабинка. Всё было чисто и функционально. Именно в этом мы и нуждались на первое время. Я выразил свое удовлетворение и поинтересовался условиями пользования.

Мне ответили, что, как правило, для своих сотрудников — 150 долларов в месяц для одного, и 250 — для двоих. Оплачивать эту услугу можно в процессе получения зарплаты. Я выразил согласие. Мне вручили ключи, и пожелала удачи. Комплекты постельного белья имелись, можно было въезжать сегодня же. Я уверенно заявил, что в течение месяца освобожу эту комнату, и вопрос о том, буду ли я жить один или с кем-то, даже и не возник. Вернулся в контору и доложил Джону, что проблема, благодаря его своевременному и мудрому участию, успешно разрешена. Он снова заметил, что мне, определенно, везёт в их стране. Затем взглянул на часы, просмотрел оставшиеся ордера и решил: на сегодня достаточно. Спросил, отметил ли я утром начало рабочего времени и подсказал о необходимости такой же процедуры по его окончанию.

Учёт рабочего времени вёлся электронным счётчиком. Каждому работнику выдавалась индивидуальная магнитная карточка, которой тот должен отметиться перед началом работы и по окончанию.

Отметив окончание работы, я пытался отыскать Олега. Ни его самого, ни польских коллег, на территории не нашёл. Решил заглянуть в их бригадный закуток, где они обычно переодеваются. Там и нашёл хорошо сидящих Олега и его польский сотрудников. Поинтересовался, закончил ли он работу. В ответ, мне пояснили, что закончили давно, но уходить они не торопятся в целях продолжения оплачиваемого рабочего времени. Я заметил, что для этого не обязательно здесь сидеть, можно подъехать сюда вечерком и отметить окончание рабочего дня. Такая идея пришлась им по душе, но, как мне показалось, ничего нового я не предложил. Вероятно, таковое уже практиковалось.

По окончанию рабочего дня надо было зайти в будку, где находилась машина времени и ячейки с подписанными магнитными карточками. Следовало взять свою карточку и провести её должным образом через машинку, звуковой сигнал которой означал выполнение операции. Все эти действия можно имитировать, но не останавливать текущее рабочее время. Вернувшись сюда спустя часа три — остановить счётчик своего рабочего времени. Но эта операция требует уже некоторой аккуратности и ловкости, так как ваше появление в этой будке в позднее время может вызвать вопросы любопытных. При этом следовало помнить, что длительность рабочей недели в общей сложности должна быть в пределах реального. Ибо, если ваша шестидневная рабочая неделя окажется продолжительностью в 100, якобы, честных рабочих часов, то в такую чушь никто не поверит. Это неизбежно повлечёт подозрения и вопросы.

Реально работая по 8 — 10 часов шесть дней в неделю, можно довести общее время до 60–65 часов, что будет вполне правдоподобным. Из разговоров на эту тему, я понял, что польские работники успешно пользуются электронным учётом рабочего времени, и их рабочие недели не бывают менее 60 часов.

Оставшись с Олегом, я рассказал ему о своём новом временном жилье. Вскоре подъехал и Саша. Вид у него был не очень-то счастливый. Видимо, его начинала беспокоить незанятость и неопределённость на этом тёплом острове. Утешил его новостью о комнате на двоих и о новых сотрудниках, среди которых я смогу расспросить о работе и для него. Комната Саше понравилась и он воспрял духом. Учитывая произошедшие перемены, Олег предложил заехать на Dogwood, поужинать и забрать вещи. Вечер следовало посвятить поискам стационарного

жилища.

Через пару часов мы перевезли в комнату свои сумки и телевизор Олега. Телевизионный кабель, обнаруженный в комнате, оказался живым и обеспечивал просмотр немалого количества телепрограмм. В этот вечер мы обзвонили по нескольким объявлениям: все предлагаемые варианты жилья находились далековато; возникал вопрос о транспорте.

Согласовывая со мной график работы, мне предложили выбрать для отдыха любой день, кроме субботы и воскресенья. Я выбрал вторник, как и у Олега. На первую неделю мне запланировали пять рабочих дней: вторник и среда — выходные. Меня это вполне устраивало.

Утром к семи часам, я подходил к нашей конторе. Босс Джон открывал склад. Рабочий день начинался с заваривания кофе и выполнения ордера для ресторана Horizon. Мой гаитянский коллега начинал день с того, что делал снимки восходящего солнца, которое стабильно появлялось по утрам напротив нашей конторы. Делал он это многократно, в надежде поймать желаемый кадр. Фотокамера у него была не любительская. Прикончив фотоплёнку, он относил её на проявку в фото сервис здесь же в пансионате. К середине дня пробные снимки были готовы, и во второй половине, когда появлялось свободное время, он внимательно рассматривал и оценивал своё фото творчество. В процессе нашего сотрудничества он показывал свои снимки, спрашивал моё мнение и делился планами на будущее. Оказывается, ему тоже не хотелось задерживаться на этой работе. За три года службы в этом отделе, он уже хорошо освоил ассортимент, и работа давалась ему без особых усилий. По вечерам он посещал курсы, где обучался фото мастерству, с надеждой, что вскоре сможет зарабатывать на жизнь, как свободный художник. Свои снимки он показывал всем. Его интересовало мнение разных людей. Следовало отметить, что некоторые его фотоснимки были вполне удачны и ничем не хуже открыток с видами Флориды, продававшихся на каждом шагу.

В один из рабочих дней, босс выбрал время, когда все были, не очень заняты, и пригласил меня на одну формальность, как он выразился. Мы воспользовались служебным грузовым микроавтобусом, и выехали из пансионата в направление Ки Веста. По дороге он спросил: имею ли я при себе какие-нибудь документы. Документы при мне были.

Спустя пять минут он свернул с дороги и припарковался у офиса, где я получал удостоверение личности. Но направился он в соседний офис, обозначенный как медпункт. Там нас встретил человек в белом халате. По тому, как они приветствовали друг

друга, я понял: босс бывал здесь уже не раз.

Уже там, Джон разъяснил мне, что одним из условий сотрудничества с ними, является обязательное тестирование работника на предмет употребления наркотиков. Процедура добровольная, но в случае отказа работника, это может послужить причиной для расторжения трудовых отношений. Я поинтересовался, каким образом они намерены тестировать меня? Айболит достал запечатанный индивидуальный пакет, указал на пластиковый пузырек, и, улыбаясь, объяснил, от меня лишь требуется уединиться с этой канистрой и вернуть её наполненной.

— Только не водой из под крана! — хохотнул босс.

— Понятно, — ответил я.

— Он что, никогда раньше не делал этого? — удивился доктор.

Я не успел ответить, ибо босс объявил, что я нахожусь в стране всего несколько месяцев. Доктор с пониманием закивал головой, будто перед ним был тяжело больной пациент. Я выразил готовность исполнить процедуру, расстегнув молнию на своих шортах. Доктор замахал руками, указывая мне на дверь туалета. Джон хохотал от души, как у себя в конторе!

— Good joke, Sergei! I like it… — поощрил он мою шутку, сконфузившую доктора.

— Это вы так шутите со мной? — посмеиваясь, спросил доктор и распечатал пакет.

Из пакета он достал содержимое, и стал заполнять прилагаемую к пузырьку анкету. Анкета и пузырёк были отмечены одним номером. К номеру на пузырьке дописали моё полное имя. Затем, вручили мне ёмкость и указали на дверь кабинки. Пузырёк был также запечатан, что исключало предварительное вмешательство в моё личное дело. Я вскрыл его, наполнил и закрутил крышку. Сделав дело, я вернулся и вручил доктору свой теплый привет.

— О.К. Теперь у нас есть твоё послание в бутылке, и мы сможем узнать о тебе больше, — прокомментировал Айболит.

— Теплое послание, из глубины души, — добавил я.

— Просмотрим, — бормотал доктор, запечатывая это обратно в пакет. — Вот и всё. Результаты мы вам сообщим.

На этом и расстались.

Саша теперь проживал со мной в одной комнате, на территории пансионата. Я уступил ему нижнее спальное место. Мы прикупили компактную электроплитку, что позволяло организовывать питание на месте. Холодильник и кондиционер функционировали исправно, что было жизненно необходимо. В

семь утра, я уходил на работу, Саша же ещё сладко спал. В течение дня, забегая в нашу ночлежку, я заставал его уныло смотрящим мультфильмы. Настроение у него скисало.

Я советовал ему воспользоваться своей временной незанятостью и наслаждаться солнцем и океаном. В ответ, он просил меня прозвонить по некоторым газетным объявлениям, предлагавшим работу. Я обещал сделать всё, что в моих силах. К обеду территория пансионата оживала. На пляжи выползали отдыхающие. Открывались все бары и магазины. Пункт проката выдавал водные мотоциклы, на которых отдыхающие бороздили морские просторы. Повсюду разгуливал полураздетый народ, выражая удовольствие всем своим видом. Понять этих людей было нетрудно. Судя по номерам автомобилей на стоянке, в большинстве — гости с Севера: Канада, штаты Иллинойс, Мичиган, Новая Англия, Н-Йорк, Н-Джерси. В тех краях в это время о загаре и купаниях в океане можно только мечтать.

Понемногу я начал выполнять поручения по отдельным ордерам, стараясь запомнить где, что хранится. Когда не мог отыскать нужный продукт или мне было что-то непонятно в самом ордере, я обычно обращался с вопросами к боссу Джону. Тот дружелюбно отзывался на мои вопросы и охотно давал разъяснения и советы. Другие работники также иногда подсказывали мне, но они не всегда находились в конторе.

Хотя мы и были одеты в шорты и футболки, наша производственная суета не позволяла наслаждаться в полной мере климатическими радостями. Порой бывало и жарковато. Кроме доставки продуктов заказчикам, мы также должны были принимать продукты, доставленные нам. Обычно, это были грузовые рефрижераторы различных компаний, регулярно подвозившие свою продукцию. Долго ожидать они не могли, поэтому мы должны были оперативно оприходовать доставленное, а затем разместить это на должное место в хранилищах. Если доставленный продукт должен храниться в холодильнике или морозильнике — это тем более обязывало нас к быстрому исполнению. Наиболее часто нас посещали поставщики от Coca Cola, Pepsi и пивные компании.

Пивные поставки от нас требовали некоторых дополнительных действий. При получении свежего баночного пива, мы должны были вытащить остатки этого сорта из холодильных хранилищ и на освободившееся место уложить свежеполученное, а сверху разместить старое пиво. Чтобы доставить его потребителю в ближайшее время, до истечения срока годности. С поставщиками, как я понял, была договоренность о возможном обмене нереализованного пива на

свежее, но этого старались не допускать. Все эти торгово-потребительские заморочки усложняли работу, и нам приходилось возиться в тесном холодильнике, перетасовывая упаковки с баночным пивом с места на место.

Наши хлопоты не интересовали работников баров и ресторанов. Когда оживала торговля, и у них под рукой не оказывалось нужного продукта, они начинали звонить в контору и делать срочные заказы. В сущности, все, и наш отдел тоже, были заинтересованы продать, как можно быстрей и больше. Поэтому, в таких случаях коммерческое нетерпение проявляли все. От нас требовали своевременной доставки заказанного.

Иногда, мы разрывались между процессом складирования и неотложными доставками. Я уже знал, когда следует доставить заказанное в отдельные бары, чтобы избежать недовольства, и старался делать это вовремя. А получатель всегда с благодарностью отмечал факт своевременной доставки, и у меня начали складываться производственно-приятельские отношения с некоторыми потребителями. Когда же возникали просветы в занятости, мы могли отдохнуть, но, не демонстрируя это. В такие перерывы мы отсиживались в складских закоулках, или убивали время где-нибудь на территории. Постороннему наблюдателю не должно быть видно, что работник бездельничает. Имея реальные полчасика, мы не могли позволить себе в рабочее время купаться в бассейне или загорать на пляже. Таким образом, находясь, весь день среди отдыхающих, мы не имели с ними ничего общего. Те тратили деньги и получали различные услуги, мы же — предоставляли эти услуги и зарабатывали деньги.

Предполагалось, мою зарплату мне выдаст пани Анна, которую я ещё и не видел, но о моём поступлении пансионат, в качестве её работника, ей уже было известно. Так мне объяснили в отделе кадров.

После работы я устраивал заплыв, смывая с себя пот и стрессы рабочей суеты. Если же заканчивал работу поздно вечером, когда солнце уже садилось, тогда я заныривал в один из бассейнов с подсветкой и подогревом воды.

Саша, будучи свободным, целые сутки, не знал, куда себя девать. Он познакомился с парнем, который временно и неудобно ночевал на кухне в доме на Dogwood, где формально был прописан и я, согласно моему удостоверению личности.

Этого парня звали Володя, он из Ленинграда. Работу на кухне ресторана Ribs, ему предоставила всё та же Анна. Нам приходилось доставлять туда продукты и алкоголь по 2–3 раза на день. Вход на кухню и к холодильникам этого ресторана был по соседству с нашим служебным жилищем.

Как-то заглянув в свою комнату во время работы, я встретил там Володю с Сашей. Он уже знал об условиях, на которых мне предоставили эту комнату, и его живо интересовало, действительно ли я намерен в ближайшем будущем арендовать другое жильё и съехать отсюда?

Из его рассказов о работе, которую он выполнял на кухне ресторана, и условиях, в которых он живёт, я мог себе представить его ужасное положение. Олег говорил, что его соседи по дому, особенно, староста — московский Андрей, уже давали понять Володе, что он лишний в их, и без того перенаселённом, «Хилтоне». Путаться с пляжным матрацем под ногами у таких земляков, как Андрюша — дело малоприятное.

При обсуждении его ситуации, наша комната уже рассматривалась, как одно из возможных мест, куда он мог бы переехать. Но я не мог сказать, когда смогу съехать из этой комнаты, так как у меня пока не было времени на поиски другого жилья. Он же просил нас разрешить ему ночевать в нашей комнатушке на полу. Его аргументы о соседстве рабочего места с нашей комнатой и ночное рабочее время, что позволяло ему спокойно отсыпаться днём, когда я на работе, а также, крайне невыносимые условия проживания в доме на Dogwood, склонили нас к согласию на его подселение в служебную комнатку.

Он работал в ресторане с четырёх вечера до полуночи, а если требовалось — то и до двух ночи. Я предвидел некоторые неудобства во время его ночных возвращений и моих утренних подъёмов, но отказать в убежище лишь по причине этих неудобств я не мог. Он даже готов был внести свою долю рентной платы. Для него это было бы существенным улучшением бытовых условий. Здесь он мог днём спокойно отдыхать, а ночью, после работы не тащиться целую милю пешком. Ресторан, в котором он работал, находился в 15 метрах от нашего жилища.

В процессе переговоров о совместном проживании мы познакомились поближе. История этого парня оказалась настолько печальной, что, послушав его, отказать ему в помощи было невозможно.

Володя, как и все мы, какое-то время барахтался в Бруклине, а с наступлением осенних дождей, поинтересовался о работе во Флориде. Прозвонил по объявлениям в газете, и ему предложили работу в ресторане на юге Флориды. Условия были таковы, что если он уплатит 200 долларов, то ему предоставят телефон работодателя, который будет извещён о новом работнике, встретит его и устроит на работу. Подробные условия обещанной работы не оговаривались. Речь шла о работе в ресторане с оплатой не менее пять долларов за час. Нетрудно было

догадаться о мытье посуды. Гарантировались лишь благоприятные климатические условия. Володе не хотелось мыкаться зимой в неуютном Бруклине, и он согласился.

Заплатил за столь ценную услугу кровных 200 долларов, и ему вручили телефон пани Анны.

Связавшись с ней, он узнал, что она действительно, готова встретить его и предоставить работу, если он приедет в Майами. Работу — в ресторанной посудомойке, она гарантировала. Что же касается иных видов занятости, то таковое допускалось в перспективе, с учётом языковых навыков работника и наличия хоть каких-то документов. Володя не стал откладывать эту затею, собрал из загашников сбережения, заработанные на стройках Бруклина и, как большинство его земляков, не обременяя себя услугами банка, спрятав две тысячи в карман, поехал на автобусный терминал в Нью-Йорке.

Стесненный семейными и долговыми обязательствами, он планировал доработать до какой-то суммы сбережений и вернуться, как обещал, домой, в Ленинград.

Но если верить его рассказу, на автовокзале, один его неверный шаг не в ту сторону и не в тот момент, болезненно изменил его планы.

Прибыв на автобусный терминал, он купил билет на ближайший рейс до Майами. До отправления автобуса оставалось какое-то время, и Володя решил выйти на улицу покурить. Центральный выход вёл прямо на 8-ю авеню. В этом квартале 8-я авеню пересекается со злачной 42-й улицей. Обычно, у центрального входа на вокзал постоянно отираются всякие, преимущественно чёрные, прохвосты. Что бы избавить себя от их докучливых и сомнительных предложений и просьб, Володя отошёл в сторонку, куда-то за угол.

Я не стал допрашивать его, где он нашёл там такой угол? Но двое-трое чёрных ребят всё же смогли навязать ему свои услуги. Чёрные братья без шума прижали его к стенке и, угрожая ножами, за какую-то минуту, вытряхнули из него две тысячи, которые он собирал несколько месяцев, работая на случайных черновых работах.

Я живо представил себе его состояние. Припомнил, как я был беспомощно возмущён, когда двое чёрных отобрали у меня десять долларов, выданные мне на покупку костюма.

Приехал он в Майами никаким — опустошённым во всех смыслах. В такие периоды, обычно, и хромой случай перестает улыбаться. Люди сторонятся, словно все наблюдают, как ты переживёшь трудный период.

Пани Анна быстро поставила диагноз прибывшему клиенту и

определила его кухонным рабочим в ресторан Ribs при Холидэй Айл. Услуга была оказана. В ответ на его всхлипы о том, что ему негде жить, и нет денег на аренду жилья, мама Анна завезла его в известную на острове жил коммуну на ул. Dogwood, где уже проживали четверо её подопечных. На правах босса, она представила Вову как соотечественника и коллегу, и просила ребят временно потесниться, дать ему пожить с ними до наступления лучших времен. Но лучшие времена у Володи упрямо не наступали. В ресторане на него взвалили всю чёрновую работу. Впрочем, на что ещё он мог рассчитывать, поступая кухонным рабочим, без документов, без языка и с таким настроением. На него достаточно было взглянуть, чтобы понять, что он опустошен и сломлен. Не имея ничего лучшего, он продолжал тянуть работёнку во вторую смену, а ночью возвращался в переполненный дом и укладывался спать на полу в проходной кухонной комнатке. Он понимал, что долго так не протянет. Изменить же ничего не мог. Другую работу найти сам он не в состоянии, Анна тоже пока не предлагала.

Как заметил Олег, в этом ресторане работники не задерживались, при первой же возможности бросали кухню. За короткий период работы Олега в пансионате, на кухне этого ресторана поработало несколько ребят и все уходили, отплевываясь, как будто дерьма хлебнули.

Глядя, как бедолага Володя барахтается на дне общепита, мне вспомнилась встреча с одной студенткой в Принстоне. Она обращалась к прохожим на улице с просьбой пожертвовать в помощь какому-то африканскому движению, о котором я никогда не слышал. Живописала мне бедственное положение африканских братьев, выживающих в условиях антинародного режима. Послушав её уличную лекцию, я спросил, слышала ли она что-нибудь об Украине, этаком новоявленном государстве в центре Европе? Она неуверенно ответила, что слышала. Тогда я рекомендовал ей справиться по данным ООН, какое место по оценкам уровня жизни занимают её бедная африканская страна и европейская Украина? Кому хуже живётся? Я коротко рассказал ей, в каком режиме живут граждане Украины, и какие каннибалы-мародёры заправляют этой страной. Пожертвования для африканских братьев я советовал ей собирать не в белом Принстоне, а где-нибудь в Бруклине или Нью-Йорке, уж местные-то афроамериканцы должны помочь своим братьям.

Девушка поблагодарила меня за интересную лекцию об Украине и полезные советы. Я искренне просил её быть осторожной, если она решит заняться сбором пожертвований в Бруклине. Ибо чёрные братья могут неверно понять её благие

намерения, и конфисковать собранные деньги для своих местных нужд. Да и её саму изнасиловать. Чем не пожертвование и самоотдача?

Она высказала предположение, что я расист. Я не возражал.

Ограбленному и уставшему Вове пожертвований никто не собирал, зато имели его все, кто мог пристроиться. Его же задача была — выжить. Но делал он это кисло-пассивно.

Разговаривать с ним — означало слушать бесконечные жалобы. Став нашим соседом, он делился с нами своими переживаниями и приглашал к участию в решении его проблем.

Очередной бедой, которую он по-товарищески предложил мне к обсуждению, была новость из дома. Оказывается, его жена не получила денежный перевод, который он уже более недели как отправил ей через Western Union. Воспринималась эта новость, как ещё один пример несовершенства этого мира.

Обсудив его случай, мы решили посетить с ним местный пункт Вестерн Юнион, откуда он отправлял деньги, и задать вопрос: почему жена Вовы не получила отправленные для неё деньги?

В конторе дежурила молодая особа, безобразно заплывшая жиром, с писклявым голосом и труднопонимаемым американским языком. Изложив ей, суть нашей озабоченности, я сообщил когда, кто, для кого и сколько отправил из этого пункта. Она пискляво ответила, что нет проблем, и налегла своей бесформенной грудью на компьютер. Через пару минут она ответила нам, что всё в полном порядке, таковой денежный перевод существует и ей непонятно, в чём собственно проблема? И что мешает получателю обратиться в любой пункт Вестэрн Юнион и получить деньги?

Передав Володе, результаты расследования, я услышал от него раздражённое заверение о том, что он верит своей жене, и если она говорит, что ей не доставили денежный перевод, то это правда.

Наконец, общими усилиями мы выяснили, что его жена ожидает, когда курьер Вестэрн Юнион доставит ей деньги на дом. Того же требовал и обиженный отправитель.

Толстушка пискляво разъяснила, что за деньгами следует обратиться в пункт Вестэрн Юнион самому получателю с документом и сделать это в течение месяца со дня отправки. Узнав о таком порядке, Володя возмущённо обещал никогда более не пользоваться их услугами. Я советовал ему, получив следующую зарплату, не отправлять деньги жене, а купить билет на самолёт до Ленинграда.

Процедура выдачи заработной платы происходила просто. По вторникам мама Анна курсировала на своём автомобиле с телефоном, от острова к острову и посещала своих работничков, кого дома, кого на работе. Мы поджидали её у домика на Dogwood. А в ожидании Анны, Гена из Бобруйска развлекал нас невероятными историями из своей белорусской и американской жизни.

В американскую посудомойку при ресторане Horizon он попал вследствие опустошительного развода со своей женой — стервой, как он ласково её называл. С его слов, она оказалась жадной и коварной сукой, и к затеянному ею расторжению брака, в отличие от него — доверчивого простака, была тщательно подготовлена. Когда всё закончилось, он остался холостым и голым. Голый Гена, разочарованный во всех и всём, но не утративший веру в себя, решил в корне изменить свою жизнь. Теперь он осваивал новую, холостую, американскую life. Одной из наивысших радостей в его новой жизни, был еженедельный ритуал получения зарплаты.

Он тщательно сверял начисленную ему сумму с учётными записями, и если возникали вопросы, скрупулёзно пытал маму Анну. Из полученной зарплаты оставлял себе долларов 15–20 на закупку чая и прочие карманные расходы. Остальные продовольственные радости он получал на рабочем месте, — на кухне ресторана. Почти всю зарплату, не медля, относил в First Union National Bank; отделение которого находилось по соседству с домом.

Испытывая серьёзные затруднения в общении со служащими банка, он освоил и успешно использовал банковские круглосуточные услуги. Если большинство клиентов использовали банковские автоматы ATM для снятия денег со счёта, то Гена больше полюблял класть туда денежку. Он предусмотрительно запасся банковскими бланками и конвертами. И в домашней обстановке, с помощью шпаргалок и словаря указывал в бланке номер своего счёта, сумму депозита, своё имя и дату. Упаковывал заполненный бланк с наличными в специальный конверт и уносил в банк. К служащим банка он не обращался, а пользовался молчаливым автоматом. Автомат находился у входа в банк. В щель, предназначенную для приёма депозитов, Гена опускал своё недельное, трудовое накопление, а поздно вечером того же дня, он возвращался к заветному автомату, и с помощью карточки запрашивал информацию о текущем балансе на его неуклонно растущем счёте. Убедившись, что банковские клерки получили и верно оприходовали его пополнение, удовлетворенный возвращался в жилкоммуну.

Мысль о недосягаемости сбережений для его алчной, теперь уже бывшей жены, положительно стимулировала Геннадия. На своём велосипеде он бодро курсировал по острову Айломарада между рестораном и хижиной. Если работодатель не возражал, то Гена выходил на работу и в день, отведенный ему для отдыха. За такие недели без выходных, он получал больше, и тем радостнее для него была очередная встреча с пани Анной и банковская процедура.

Редкое удовлетворение, которое Гена получал от своей работы посудомойщиком, удивляло всех. Особенно изумлялись и радовались его работодатели. Нечасто встречаются кадры в таком возрасте; с таким уважением и энтузиазмом относящиеся к посудомоечной работе. Они никогда не имели с ним хлопот. Гена был незаменим и безотказен на своём рабочем месте. Если дело требовало того, он был готов работать без выходных, по 15 часов в сутки.

Однажды, какие-то злодеи украли велосипед Геннадия. Случилось это на территории пансионата, когда Гена потел в посудомойке ресторана. Узнав о случившемся, сотрудники ресторана сбросились и купили ему новый велосипед. Можно сказать, Гена обрёл новую семью, и был счастлив.

А неделю назад с ним приключился случай, повлекший глубокие переживания.

Получив очередную зарплату, он проделал необходимые процедуры по оформлению банковского вклада, и как обычно, скормил банковскому автомату конверт с наличными. А, вернувшись, домой, просматривая свои учётные записи, которые он хранил в строгом хронологическом порядке, Гена обнаружил, что при заполнении последней квитанции допустил грубую, досадную ошибку.

Вложив в конверт фактически 300 долларов, он сопроводил этот вклад квитанцией, в которой ошибочно указал сумму депозита всего лишь на 200 долларов.

Даже его соседи, которым он клялся, что запутался в своих шпаргалках и ошибочно указал меньше, чем вложил, — и те не верили ему. Отвечали, что Гена тронулся умом и у него бухгалтерская паранойя.

Совершил он эту ошибку, когда банк был уже закрыт, поэтому Гена мог поделиться своим горем лишь с соседями-соотечественниками. Ему хотелось услышать от кого-нибудь утешительное предположение, что банковские служащие поступят честно и не злоупотребят его оплошностью.

В этот вечер Гена пришёл на работу чёрный от горя. Рабочий день показался ему вечностью. Сотрудники, заметив перемены в

его настроении, пытались выяснить: что так беспокоит Гену? Они перебрали все варианты бед, от похищения велосипеда до венерического заболевания, но так и не установили причины его помрачнения.

Пережив длинную бессонную ночь, Гена измученный многочасовыми сомнениями, наконец, дождался, когда банк начал работать. Какова же была его радость и благодарность честности банковским чиновникам, когда он обнаружил, что все его кровные 300 долларов, в аккурат, оприходованы на счёт. Для человека, измученного коварством бывшей жены и ущербным глухонемым американским бытием, такое честное и уважительное отношение к нему, означало веру в хороших людей.

Пока мы слушали белорусско-американские приключения Геннадия, раза два звонила мама-Анна, информировала нас о своём продвижении к нам.

Как мне объяснил Олег, этот бизнес представляют две Анны. Одна старшая, которая больше заправляет сидя дома; другая — её невестка, молодая полька, которую также звать Анна. Деньги развозит обычно молодая. Живут они вместе в городке Hollywood, что на восточном побережье полуострова Флорида, немного севернее Майами.

Её визит в наш дом был коротким и деловым. У неё уже были заготовлены подписанные конверты для каждого работника. Процедура выдачи была проста: получил, расписался в её учётной книге — и отваливай. Если есть какие-то вопросы — выкладывай.

Вопросов, как я заметил, ни у кого не возникло, что было признаком хорошо налаженного дела. Все расходились со своими конвертами удовлетворенные.

Я встретился с ней впервые. Коротко познакомились. Я заметил, что моё нежданное появление в качестве её работника, было приятной новостью для неё. Она пальцем не пошевелила для моего трудоустройства, а ей выдали чек за работу какого-то неизвестного работника из отдела закупки, где её люди раньше никогда не работали.

Ещё, подумал я про себя, эта пани самонадеянно возит с собой немало наличных денег, и многие знают об этом. Только в нашей компании она раздала шесть конвертов, содержащих по 250–350 долларов.

Получение зарплаты в сочетании с выходным днём пробудило в нас потребительские настроения.

Временно решенная жилищная проблема скоро сменилась новыми задачами. Мой земляк считал, что нам для решения многих текущих вопросов необходим транспорт. Приведённые им аргументы о возможности независимого перемещения в

пространстве и аренды жилья, не обязательно рядом с местом работы, — не вызывали спора. Просто это не входило в мои планы, да и хотелось бы знать конкретные детали совместного прожекта.

Олег предлагал, для начала, купить машину на двоих, общими усилиями…, а там будет видно.

Мест, где торговали автомобилями, было достаточно. Первое такое World Class Auto Brokers, мимо которого мы проезжали много раз, на острове Ки Ларго, мы посетили без каких-либо конкретных планов.

Вдоль дороги US-1 размещалась просторная стоянка, заставленная подержанными автомобилями и вполне приличный офис с авторемонтными мастерскими. Мы попросили Сашу заехать туда. Как только мы вышли на территорию стоянки, сразу же откуда-то возник, не в меру приветливый торговец, который изъявил желание помочь нам в выборе. Я ответил, что мы пока заехали на экскурсию, и просил дать время осмотреть его коллекцию. Обещал обязательно обратиться к его помощи, как только она понадобится. Он выключил улыбку и удалился в контору.

Мой скромный опыт в этом деле ограничивался участием в покупке Сашиного Фордика. Но, осмотрев выставленные на продажу экземпляры и цены на них, я понял, что наш неказистый Фордик всего за 500 долларов, продолжавший исправно служить нам, — вполне удачное приобретение.

Здесь же машины, подобные Сашиному Форду оценивались не менее одной тысячи. Хотя и торг, я полагаю, был уместен.

Экземпляры, привлекавшие наше внимание, были обозначены ценами превышающие две тысячи.

Мы остановились у двух дверного, спортивного типа Oldsmobil-Ferenza, стального цвета, 8-ми летнего возраста, в сносном состоянии и ценой 1800 долларов. Посовещавшись, решили, что за полторы тысячи эту машину можно было бы приобрести. Захотелось осмотреть её на ощупь.

За нашими исканиями, вероятно, напряженно наблюдали и молились. Стоило оглядеться вокруг в поисках торговца, как он выскочил из конторы и услужливо направился к нам. Это был грузного сложения, смуглый тип, среднего возраста, похожий на американизированного, ожиревшего от гамбургеров, индейца. Приближаясь к нам, он оценивающе обшарил нас глазами и по-приятельски заметил, что мы сделали отличный выбор.

Я попросил его открыть кабину. У него уже были и ключи при себе от этой машины. Он открыл дверцу и вставил ключ в замок зажигания. Жестом пригласил нас к осмотру. Ну, и, конечно же,

завёл песню о том, что реальная цена этой машины как минимум две тысячи.

Мы не слушали его. Саша с Олегом нырнули на передние сиденья и стали осматривать салон. Я вяло поддерживал разговор с торговцем. Услышав непонятные для него замечания моих товарищей, он поинтересовался: не немцы ли мы? Я признался: мы русские. Но его сейчас больше интересовало другое. Он любезно предлагал нам испытать машину. Олег завёл двигатель. Завелась она легко. Я спросил о возможности проехать, и тот охотно советовал сделать это. Олег воспользовался такой возможностью и сделал круг по территории стоянки.

По замечаниям товарищей я понял, что им эта машина нравится. Они сделали ещё круг и вернулись с выводом, что машина стоит этих денег, но надо поторговаться, на всякий случай.

Торговец с терпеливым непониманием наблюдал за нашим совещанием. Олег коротко изложил мне свой план приобретения автомобиля. Суть его сводилась к тому, что сейчас мы покупаем машину в основном за мои деньги, а затем, с зарплаты он выплатит мне половину стоимости — и в результате: эта машина будет нашей совместной собственностью. Я поинтересовался, как будет решаться судьба совместно нажитого в случае развода? Олег дал согласие выкупить машину.

Я напомнил о неизбежных дополнительных расходах на страхование. Пришлось обратиться к рядом стоящему торговцу.

Услышав о страховании автомобиля, он понял, что процесс пошёл, и обещал посодействовать нам в страховании за умеренную цену, если мы купим у него автомобиль.

— Сколько же стоит самая простая страховка на случай причинения ущерба кому-то? — спросил я его.

— Долларов 50 в месяц, — неуверенно ответил он.

Зная цены на такие услуги в Н-Йорке и Н-Джерси, я удивился и выразил сомнение.

— Мы можем прямо сейчас позвонить в страховую компанию и всё уточнить, — засуетился индеец.

Я передал его предложение коллегам, те заинтересовались. Наблюдая, как мой земляк всё более хочет уехать отсюда на машине, а торговец заработать свои комиссионные, я понял, что сегодня мне придётся обратиться к своим банковским закромам.

— Это окончательная цена? — спросил я торговца.

Тот понял, что лёд тронулся, стал в стойку и вежливым тоном пожаловался, что дешевле такая машина стоить не может. Начал приводить какие-то примеры. Мы посовещались между собой.

— Мы можем дать за эту машину 1400, — заявил я торговцу.

— Ну, нет! Ни в коем случае, — обиделся тот.

— Я имею в виду 1400 наличными, — пояснил я.

Индеец задумался.

— Мне надо посоветоваться с компаньоном, давайте пройдем в офис, — предложил он.

Контора оказалась вполне приличной, а его партнёр — молодым, самодовольным торгашом. Они коротко посовещались, и индеец пригласил нас в свой кабинет. Озадаченный нашим предложением, он уселся за стол и нам предложил присесть. Достал какие-то бумаги и, пересматривая их, стал что-то высчитывать на калькуляторе. Наблюдая за ним, я высказал Олегу предположение, что сейчас он предложит нам цену в полторы тысячи.

Пока тот высчитывал свою цену, они с Олегом закурили. Я, некурящий, сидел в компании двоих курящих и желающих совершить куплю-продажу. Наконец, он родил свой ответ:

— Учитывая налоги и прочие расходы, связанные с регистрацией и т. п. минимальная цена выходит 1487 долларов 50 центов. При этом регистрационные бумаги на эти номера мы сможем вам выдать лишь через 2–3 дня; это не от нас зависит.

Олега это устраивало, и он призывал меня согласиться. Я снова поинтересовался страховкой. Он просил подождать минутку и стал звонить куда-то по телефону. Закончив, сообщил нам, что если мы купим машину, то он организует страховку за 40 долларов в месяц. Мы выразили согласие. Индеец с облегчением вздохнул, как человек, избавившийся от болезни. Перешли к вопросу оформления покупки.

Посовещавшись, мы решили оформлять эту игрушку на Олега, и он выдал индейцу свою карточку водительского удостоверения. Тот без промедления накинулся заполнять бумаги, пока мы не передумали. Тем временем, мы произвели ревизию своей наличности и определили, что ещё долларов 600 у нас не хватает. Я спросил индейца: не подвезёт ли он нас к ближайшему банковскому автомату. Тот обещал.

Закончив заполнение договора купли-продажи, он пригласил Олега подписать документы и пожелал получить денежки. Олег оставил свои автографы, и передал мне свою наличность. Сложив всё, что мы имели при себе, я пояснил продавцу, что остальное надо снять со счёта. Тот принял имеющееся, пересчитал и предложил нам привезти остальное, а затем забрать машину и документы. Я попросил его выдать нам квитанцию о получении части оплаты. Он, молча, выполнил мою нетактичную просьбу.

Мы вышли из кабинета и снова встретились с его молодым партнером. Тот, узнав о состоявшейся сделке, поздравил нас с

выгодным приобретением и заявил, что если мы в ближайшее время решим продать эту машину, то он готов выкупить её за 1500 долларов. В ответ, я поздравил их с выгодной продажей. Компаньоны как-то натянуто засмеялись, и индеец заботливо проводил нас на стоянку. Там нас ожидал Саша. Мы удовлетворили его любопытство. Индеец подозвал своего помощника и просил отвезти нас к банку.

Через несколько минут мы припарковались на стоянке перед отделением Barnett Bank в Ки Ларго.

Я законтачил с автоматом с помощью карточки от CitiBank. Оказалось, что более 300 долларов автомат выдавать отказывается, хотя на счету ещё были деньги. Посовещались по этому вопросу, мы решили, что это лимит для одного раза, как ограничительная мера на случай завладения чужой карточкой.

Тогда я достал другую карточку от NJ United Bank и, запустив её в автомат, никак не мог вспомнить PIN код. Такого со мной ещё не случалось. Что-то с памятью моей сталось.

Ожидавшие меня товарищи, поинтересовались, что там у меня получается? Я признался им, что меня перемкнуло. Вероятно, мозги атрофировались от неквалифицированных работ.

Ребята, шутя, предположили, что я не хочу расставаться с деньгами и советовали расслабиться, подумать о чём-то приятном, а затем сделать попытку ещё разок. Мы вместе посмеялись над этим симптомом маразма. Наш американский провожатый советовал мне записывать подобные банковские номера в записной книжке под видом телефонов.

Поговорив минут, пять, я восстановил в памяти забытые четыре цифры и поспешил сделать попытку. На этот раз память не подвела, автомат вступил в контакт со мной, и я сдоил нужную сумму.

Нас и наши деньги гостеприимно встречали. Индеец вынес комплект номерных знаков, выражая этим готовность завершить сделку. Его коллега иронично поздравлял нас и жалел себя, что согласился отдать такую машину почти даром.

В кабинете индейца мы выдали ему оставшуюся сумму, и он вручил нам купчие бумаги. Вернувшись к машине, он привинтил номерные знаки и выдал нам комплект ключей.

— А как насчёт страховки? — вспомнил я.

— Хорошо, берите документы на автомобиль — и поехали, — охотно ответил он. Решили ехать на его джипе. Саша пожелал проехать с нами. По дороге индеец разговорился. От него я узнал, что если бы мы затеяли покупку подержанного автомобиля где-нибудь в Майами, то столкнулись бы со сплошным жульём, которое норовит всучить до блеска начищенный хлам по цене,

приличной машины. Он уверял нас, что на островах во всех отношениях райская жизнь.

Кроме прочего, я узнал от него, что он вовсе не индеец, а кубинец, давно живущий во Флориде.

Ехали мы недолго. Агентство по страхованию находилось на острове Ки Ларго. Кубинский индеец припарковал свой джип на стоянке перед стандартным зданием с множеством рекламных вывесок, извещающих потенциальных клиентов о разнообразии услуг, которые здесь предлагаются.

Кроме адвоката, дантиста, ветеринара, психоаналитика и шарлатана-предсказателя, на втором этаже располагалась и страховая компания. Кубинец напомнил нам взять с собой документы. Саша решил подождать нас на стоянке, я обещал ему все рассказать. Это давно стало моей естественной обязанностью.

В конторе царила добродушная, домашняя обстановка. Весь небольшой коллектив состоял из нескольких женщин. Прохладный кондиционированный воздух благоухал парфюмом и кофе. Как только мы вошли, стало ясно: наш провожатый — здесь свой человек и ему все рады, особенно, когда он приводит клиентов.

Он провёл нас к столу, за которым заседала пышнотелая тётя неопределённого возраста. Она пригласила нас присесть поближе к столу. Кубинец, после обмена дружескими приветствиями, привычно и коротко изложил наши пожелания. Мадам ответила, что не видит никаких проблем.

Уходя, индеец напомнил нам, чтобы мы не забыли забрать свой Oldsmobil с его торговой стоянки, не то он продаст его ещё кому-нибудь, и за более высокую цену. Я ответил, что дороже это продать невозможно и просил не скручивать с нашей машины детали, обещал скоро вернуться. Присутствующие женщины посмеивались над нашими деловыми переговорами. Восседавшая напротив нас дама с пышной грудью на столе, перешла к нашему страховому делу с вопроса: откуда мы?

Я ответил, по секрету, что мы русские. Сзади, кто-то из её коллег заметил, что их страховой бизнес обретает международные масштабы. Я обещал им, что если мы сейчас договоримся, то об их конторе узнает весь бывший Советский Союз. Наша страховая мама от души радовалась таким редким клиентам. Она предложила кофе и заверила: мы обязательно договоримся. Призналась — русские впервые в их конторе.

Получив своё кофе, мы заявили, что для начала нас интересует всего лишь страховка на случай причинения ущерба другим лицам. Она коротко и деловито объяснила, что самый дешёвый и достаточный вид страхования, необходимый нам,

будет стоить для нас сорок долларов в месяц. Сразу надо оплатить за два месяца, а впоследствии, если мы пожелаем пользоваться их услугами, можно оплачивать страховку ежемесячно, денежными переводами.

Я ответил, что нас всё устраивает.

Страховая мадам просила выдать ей водительское удостоверение и купчие бумаги, и занялась своим делом. В процессе, она задавала нам формальные вопросы: как интенсивно мы разъезжаем и каков у водителя стаж. Я ответил, что ездить, в основном, придется по одной дороге US-1, на работу и обратно. Она делала себе пометки.

В течение получаса всё было готово. Нам вручили страховой лист на имя Олега; мы уплатили взнос за два месяца. И распрощались.

Пересказав Саше условия страховки, мы сравнили цены на эти услуги в Н-Йорке и Н-Джерси и посетовали о том, что вынуждены, были страховаться в Н-Джерси.

Вернувшись на торговую автостоянку, мы нашли свой Олдсмобиль с номерами. Кубинец выдал ключи и пожелал приятной эксплуатации. Его коллега-пижон, на прощанье похохмил, что теперь мы почти американцы. Я просил его не забывать о его обещании — купить у нас этот автомобиль обратно за 2000 долларов. В ответ, он лишь рассмеялся.

В Айламораду мы возвращались на двух автомобилях. Вскоре мы обнаружили, что ручной тормоз нашей машины не функционирует…

На Dogwood 202 все жильцы коммуны вышли оценить нашу покупку. В общем, земляки признали наше приобретение удачным. Кроме этого, нам сообщили, что звонил некий Слава из Нью-Джерси и просил связаться с ним. Я тут же позвонил в Трэнтон.

Из разговора с ним, я узнал о паршивой погоде и полной боевой готовности Полковника переехать во Флориду. Я коротко доложил о нашей дислокации и положении с жильём и работой. Он обещал через сутки — двое появиться на острове.

На следующее утро, Олег довольный прикатил на работу на сереньком Олдсмобиле и припарковался на территории пансионата. В этот же день кто-то из нас обнаружил в местной газете объявление о том, что наш ресторан Horizon нуждается в помощнике официанта. Busboy — называется эта должность. Я посовещался об этом с Сашей. Он, истосковавшись по труду, выразил абсолютную готовность поступить на работу, если его возьмут.

Выполняя какой-то ордер для кухни ресторана, я расспросил

об этом повара. Тот подтвердил, что действительно, в настоящее время ресторану нужен ещё один человек. Но этим вопросом занимаются двое его коллег: повар из другой смены и управляющий ресторана. Сегодня их уже не было.

Главный повар был шустрый пончик, которому я ежедневно что-то доставлял. Он всегда охотно и терпеливо разъяснял мне о разновидностях некоторых продуктов, которые заказывал только их ресторан. Иногда он спускался со мной на лифте, и мы посещали наш морозильник с целью отыскать необходимый полуфабрикат, название которого ничего мне не говорило. С этим товарищем мы хорошо ладили.

Второй кадр заправлял в зале ресторана и постоянно ошивался за стойкой бара. Он каждое утро принимал у меня вино, пиво и прочие деликатесы, которые я доставлял в бар.

Это был пожилой, мрачный тип с немецким акцентом и чапаевскими усами. Общаясь с ним при передаче доставленного, я чувствовал, что моё присутствие с тачкой, здесь нежелательно. Он всегда старался, как можно быстрей оприходовать доставленное. Строгим тоном делал замечания по поводу допущенных мною ошибок и давал понять, что я свободен и мне следует поскорей убраться из ресторана вместе с тачкой. Мысленно я называл его Швондером.

Поговорив ещё и с женщиной метрдотелем, я убедился в том, что в ресторане есть одно вакантное рабочее место. Также узнал, что в одной смене работают двое русских ребят, а в другой смене уже есть парень, тоже русский, ему то и нужен напарник.

Я изложил Саше ситуацию в ресторане и обещал посетить кухню, когда там будет нужный повар.

Шеф-повар был непосредственным начальником белорусского Гены посудомойщика. Когда я застал их на кухне, они принимали смену. Геннадий был уже наряжен в мерзкий прорезиненный фартук и деловито копался у своего посудомоечного рабочего места. Я заговорил с поваром о газетном объявлении и обещал привести претендента на рабочее место. На вопрос, владеет ли мой протеже языком, я ответил, что владеет достаточно для выполнения такой работы. Я надеялся на поддержку другого русского напарника и его знания языка. Договорились с ним, что соискатель на должность помощника официанта сегодня же подойдёт для знакомства.

Саше я доложил, что газетные данные подтвердились, руководство ресторана уже извещено о его кандидатуре, и шеф повар желает его видеть.

На своей работе я медленно, но верно осваивал бесчисленные наименования вин и продуктов.

Поскольку, желающих начинать работу с семи утра было немного, то за мной прочно закрепилась функция утренних доставок в ресторан Horizon.

Каждое утро, сонный, я выползал из своей комнатки, и направлялся в центральный гостиничный корпус, где дежурная девушка из регистратуры одаривала меня улыбкой и связкой ключей.

С этими ключами я возвращался к нашей полуподвальной складской конторе. Минуя клетку с попугаями, я невольно выслушивал их громкие, резкие птичьи приветствия.

Если небо было безоблачным, то над океаном, напротив нашей конторы, уже зависал пылающий шар солнца… единственное и самое приятное явление в такую рань.

Если к этому времени приходил ещё кто-нибудь из коллег, то я открывал контору. Если же никого не было, то направлялся в холодильное хозяйство и загружал тачку пятью коробками апельсин, которые доставлял в ресторан.

Через день, в это время подъезжал фургон, доставляющий нам молочные продукты. Водитель, пожилой дядя, уже привык к моему стабильному присутствию в раннее время, что избавляло его от поисков кого-нибудь из сотрудников. Мы вместе выгружали доставленное в холодильник; я расписывался в сопроводительных ордерах; и он, довольный слаженностью сотрудничества, вёз свою продукцию далее.

Когда я доставлял по утрам апельсины, в ресторане в это раннее время уже кто-то завтракал. (Извращенцы!) Немногочисленные посетители ресторана в такое время усаживались за столиками у окна, чтобы любоваться восходом солнца.

Апельсины предназначались для сока. Соковыжималка стояла у входа в зал, напротив места метрдотеля. Пока я складывал коробки с цитрусовыми у стены, мне заготавливали кофе. После обмена дежурными утренними шутками, мне напоминали, что с нетерпением ожидают и продукты для кухни, и алкоголь для бара. Я обещал доставить вовремя и удалялся со своей тачкой и кофе в кабину лифта.

Возвращаясь в контору с копиями ордеров о доставке нам молочных продуктов и выданных ресторану апельсинов, я обычно заставал там босса Джона. Он заряжал нашу общую кофеварку и приветствовал меня благодарностью за исполнение ранних функций.

Одним таким утром, из его наставлений я узнал, что сегодня, — последний день месяца, для нашего отдела будет особенно хлопотным. Из объяснений я понял, что требуется

провести инвентаризацию, всего, находящегося у нас на хранении. А для этого надо всего лишь пересчитать все наименования и составить отчёт. От него же я узнал, что эта работа, обычно, затягивается до глубокой ночи.

Я удивился таковому, а он пообещал мне, в обозримом будущем, загруженность работой по 12–14 часов ежедневно. Якобы, с наступлением зимы, особенно, в период рождественских отпусков, на острова хлынет поток отдыхающих, и тогда пансионат будет гудеть круглые сутки. Чем больше у нас будет гостей, тем более работы. При этом он с любовью упомянул об ощутимых доплатах за сверхурочное рабочее время. Я заметил, что на меня, к сожалению, сверхурочная оплата не распространяется, поэтому перспектива работать по 12 часов не особенно радует. Джон вспомнил, на каких условиях я работаю, и обещал внести некоторые изменения, чтобы у меня тоже был стимул участвовать в многочасовом коммерческом марафоне.

В этот день мой гаитянский коллега рекомендовал экономить силы и кушать всё, что можно съесть в наших холодильниках и складах. Сам он делал это постоянно.

К концу дня, когда заказов стало поменьше, нас распределили по объектам и поставили задачу: пересчитать всё, что есть в наличии, и доставить данные в контору. Меня с Сильвестром командировали в холодильник. Начали мы переучет с баночного пива. Это был тот случай, когда я искренне благодарил боссов за установленный порядок хранения. Там, где этот порядок соблюдался, пересчитывать упаковки не представляло никакого труда. Там же, где наши коллеги оставили мешанину из разных сортов, приходилось заниматься сортировкой, а это отнимало время.

С сигаретами оказался полный бардак. Кроме наименования и сорта, сигареты ещё отличались по упаковкам: пачка мягкая и твердая; и также, размерами, то есть длиной сигарет… с фильтром и без фильтра… обычные, лёгкие, супер лёгкие, с ментолом…

Все эти различия отражались на цене, и от нас требовалось пересчитать все разновидности товара.

С целыми блоками сигарет это делать было несложно. Но там оказалась огромная коробка, наполовину заваленная различными сигаретными пачками.

Мне никогда не приходилось заглядывать туда, ибо заказы всегда были на цельные блоки.

Я понял, что из рассыпного сигаретного кладезя мои курящие коллеги регулярно подпитывались, пополняя ассорти пачками из «нечаянно» поврежденных блоков. Мы обнаружили заначки с

двумя распечатанными бутылками апельсинового сока и наполовину съеденным тортом. Посовещавшись, мы приговорили этот торт с соком, так как учёту таковые уже не подлежали.

После холодильника нас направили в морозильник. Там пришлось возиться в зимних куртках. Мой гаитянский друг открыл для меня в этом отсеке немало вкусных вещей, о которых я и не подозревал. Особенно приятной неожиданностью оказались залежи мороженого. В процессе тщательного переучета мы установили, что срок хранения некоторых упаковок уже истёк, а это означало — списание и поедание.

Закончили всю эту складскую возню в часа два ночи. Мой чёрный коллега жил в пригороде Майами — Хомстеде. Он решил, что ехать ему туда, чтобы к семи часам вернуться обратно, уже не имело смысла. Спросил меня, не найдется ли в моей комнате пространство для ночлега. Я объясни, сколько там человек ночует, но он не испугался тесноты и пожелал ночевать в нашей комнате.

Я посоветовал ему прихватить пластиковый лежак с матрацем, который, можно было взять у бассейна. Когда мы притащились со всем этим в комнату, двое моих сожителей уже спали.

Мой чёрный друг не церемонился, устроился хотя и в тесноте, но как дома. Вероятно, он думал, что сегодня весь пансионат живет в бессонном режиме инвентаризации. Шум, который он там поднял со своим лежаком, возмутил моих земляков. Проснулись и их расистские настроения. Они недовольно спрашивали меня, зачем я привёл сюда среди ночи эту обезьяну? Когда я ответил, что он… тоже будет жить с нами, они и вовсе проснулись.

Гаитянский коллега принёс с собой не только матрац, но и специфический запах пота. Саша ворчливо поблагодарил Бога за кондиционер в этой комнатушке, и демонстративно запустил его на полную мощность. Я робко объяснил землякам, что не мог отказать ему в ночлеге на несколько часов. Впрочем, так же, как в своё время и им самим. Худо-тесно, все улеглись. Хуже всех было Володе, который оказался в тесном вынужденном соседстве на полу. Из недовольных ворчаний я понял, что теперь негры будут преследовать его всю оставшуюся жизнь.

Спать нам в таком составе пришлось недолго. Скоро я и мой ночной гость встали, умылись и поплелись в контору. Доставляя в ресторан утренние апельсины, я узнал, когда можно застать в ресторане русского работничка, которому подыскивают напарника.

Из ресторана я вернулся в нашу комнату-ночлежку, и, не дав

своим сонным сожителям первыми напасть на меня с упрёками за ночной африканский кошмар, сообщил Саше, когда ему следует явиться в ресторан на собеседование. Но прежде, я рекомендовал ему познакомиться со своим будущим напарником, которого звали Валерием, и сообщил, когда того можно найти в ресторане. Саша моментально очнулся ото сна, забыл свои ночные обиды и всерьёз настроился на штурм вакантной должности.

День оказался богат на события.

Босс Джон вернулся к вопросу, о заключении со мной трудового договора без участия посредника — пани Анны. Он вручил мне анкету-заявление, которую я должен был заполнить и подписать.

О моем туристическом статусе и ограничительной надписи в карточке соцобеса, советовал не распространяться, так как администрация пансионата, принимая меня на работу, якобы, не ведает о моих ограничениях.

Заполнив анкету здесь же в конторе, я отдал её Джону, и он унёс её в отдел кадров. Вернувшись, объявил, что с сегодняшнего дня я работаю непосредственно на пансионат, с условиями оплаты, как и у других рабочих. По этим условиям мне обещалась оплата 40 часов в неделю по тарифу 6,5 долл. за час, а время сверх 40 часов — по 9,75. Но из этого удерживается подоходный местный и федеральный налог, а так же отчисления на страхование. Зарплата — каждые две недели.

В этот день работу спланировали так, чтобы все, кто возился накануне ночью, могли закончить пораньше.

После обеда, когда основная работа была сделана, мне предложили пошабашить. В будке, где находилась машина времени, отмечая карточкой окончание рабочего дня, я машинально, просмотрел вывешенные на стене объявления. Обычно там сообщали о продаже подержанных автомобилей, лодок и прочей бытовой техники.

Обратил внимание на свежее объявление, о сдаче в аренду части дома в тихом месте и за умеренную плату. Обращаться следовало к некому Mr.Kevin, который работал в House keeping Dpt.

Мне приходилось доставлять туда всякие моющие средства. Насколько я знал, на весь отдел был один белый американский человек: женщина, возглавляющая его. Все остальные — гаитяне и кубинцы. Объявление же, написанное от руки, не было кубинского или гаитянского происхождения.

Отметив время, я вернулся в контору, занимаемую отделом гостиничного хозяйства. Там застал нескольких чёрных, толстых женщин, весело щебетавших на своем языке. Я заявил, что хочу

видеть Кевина. Женщины дали мне понять, что Кевин где-то на территории пансионата. Во время короткого визита в контору я заметил, что на стеклянной колбе кофеварки висела бумажка с инструкцией, написанной крупными буквами, тем же почерком, что и объявление *'Do not cook the rice, please!»[8] Повстречав ещё одного кубинского представителя этого отдела, но говорящего по-английски, я снова спросил о Кевине. Товарищ, всегда готовый поговорить о режиме Фиделя Кастро, любезно вызвался проводить меня к Кевину. По пути, он поделился со мной последними новостями с Острова Свободы. Новости были хорошие. Режим недавно разрешил денежные переводы для родственников. И теперь кубинцы, проживающие в США (в основном, вокруг Майами), могли посылать своим родственникам на Кубу денежные переводы, которые там легально тратились. Раньше всё делалось контрабандными путями, с риском потерять деньги и свободу бедных родственников. Он довольно яростно поругивал Фиделя Кастро и всё происходящее на Кубе. При этом, в его интонации нетрудно было расслышать упрёк в мой адрес. Мол, это вы — русские навязали Кубе коммунистический режим и Фиделя Кастро на их голову усадили…

— А как было на кубе до Кастро, ты знаешь? — поинтересовался я.

— Я родился уже в коммунистической Кубе, — ответил он.

— Насколько я знаю, до прихода к власти Фиделя Кастро, у вас там тоже вовсе не рай был, — заметил я.

Американизированный кубинец ничего на это не ответил, но ожидал от меня продолжения.

— Ваш проамериканский Батиста сделал из Кубы дешёвый бордель! Ничего — кроме публичных домов и игральных заведений. Кубе не везёт; при Батисте там заправлял криминальный американский капитал, и кубинцев за людей не считали. При Кастро же — казарменный коммунизм, где сама идея, возможно, важней человека. Но Кастро, хотя бы обеспечил в стране приличное, бесплатное образование и здравоохранение, доступное для всех граждан…

— Ты бывал на Кубе? — прервал меня кубинец.

— Нет. Не приходилось, — признался я.

— Тогда не рассказывай мне о радостях коммунистической Кубы, — эмоционально перешёл он в наступление.

— Возможно, доступное образование и здравоохранение не представляют для тебя особой ценности… Ты ещё мало в Америке пожил. Но у нас в Украине, люди благодарны за помощь Кубы в лечении и оздоровлении украинских детей, пострадавших от аварии на Чернобыльской АЭС. Представь себе, Куба, при всех

своих экономических трудностях, без излишних межгосударственных формальностей, единоличным решением Кастро, с 1990 года принимает детей из Украины. Украино-кубинская программа «Дети Чернобыля» — лечение детей от тяжёлых смертельных болезней и последующее оздоровление в лечебно-оздоровительных центрах Кубы.

А в это время, украинские правители, подобно вашему Батисте, озабоченные собственным обогащением, заняты воровством и мародёрством. Вскоре Украина превратится в Кубу времён Батиста; обнищавший народ, проституция, игральные заведения, беспризорные дети… И проамериканское холуйство — как внешне политический курс страны…

— Ты точно — агент Москвы! — тупо оборвал меня кубинец.

Я не стал просвещать его относительно современной дико капиталистической Москвы. Просто покинул его.

Мистером Кевином оказался крупный мужчина с бородкой, возрастом годиков под 50. Конечно же, я видел его и раньше. Обычно он ходил с деревянным ящичком для инструмента, вероятно, занимался ремонтом и устранением всяких мелких неполадок в гостиничном хозяйстве.

Я выразил свой интерес к его предложению, и он коротко описал местонахождение и планировку дома. В разговоре с ним я узнал, что когда-то он арендовал этот дом для проживания вместе со своей подругой, а теперь, когда она оставила его, хотел бы разделить пространство и рентную плату с кем-нибудь. Договорились о том, что это место надо посмотреть.

Он производил положительное впечатление, мне показалось, что с ним можно сожительствовать.

Расставшись с Кевином, я пошёл разыскивать Олега. Во второй половине дня их бригада, обычно, работала в режиме «куда пошлют». Если с утра каждый копался на своем участке, который требовалось привести в порядок до массового пробуждения и появления гостей, то вторая половина рабочего дня у них была занята разными трудно предсказуемыми работами. Например, очисткой пляжа от морской травы, выброшенной прибоем. Они собирали дары моря граблями, грузили на баркас с мотором и транспортировали груз, метров за 100 от берега, а там сбрасывали в море.

Удаляясь от берега, они расслаблялись, купались, искушая акул, и тщательно рассчитывали свои ходки, чтобы собравшейся на пляже травы хватило до конца рабочего дня, так как морская работа-прогулки им очень нравилась.

В этот раз я нашёл Олега в отдаленном месте в кустах. Он, и его польский коллега были заняты стрижкой кустарника. Но, по-

моему, они откровенно убивали время.

Я рассказал ему о сдаваемом жилье, и мы вернулись с ним к Кевину. Кевин знал Олега, как работника пансионата и не возражал против такого состава. Но напомнил, что в доме лишь две спальни, и одну из них занимает он.

Мы ответили, что нас это не смущает, и договорились о смотринах дома.

В назначенное время мы встретились, Кевин выехал на своем потасканном грузовичке pick up, а мы, следом за ним, на своём сереньком Олдсмобиле. По дороге US-1 мы направились в сторону Майами, проехав 2–3 мили от Холидэй Айл, повернули в сторону Мексиканского залива по улице Orange Line. Уютная, зелёная улочка с домами и пальмами вдоль дороги.

Проехав метров 300, где-то посреди улицы, между дорогой US-1 и берегом залива, Кевин свернул к одноэтажному дому. У дома было достаточно пространства для парковки двух и более автомобилей. Кевин отворил стеклянную входную дверь и пригласил нас в дом. Мы прошли в просторную гостиную, из мебели там было; два дивана, два кресла и журнальный столик. Эта комната нам сразу понравилась. Кухонный отсек отделялся от гостиной невысокой стойкой: там размещались огромный холодильник, электроплита, мойка и стол. Оттуда был выход на просторную веранду. Веранда представляла собой летнюю комнату под общей крышей, но вместо одной стены была натянута мелкая металлическая сетка. Много цветов, столик со стульями, а в углу — стиральная машина и кладовая. Из веранды дверь вела на задний дворик, усыпанный галькой. В дворике стояли пластиковые пляжные стулья и лежак. Чуть далее, приспособления для сушки белья и какая-то подсобная будка для хозяйственного инвентаря. Дальше — территория, заросшая дикорастущими кустарниками, плавно переходящими в джунгли. Возвращаясь в гостиную, Кевин обозначил всё это пространство местом общего пользования. Затем, по коридору, в другом направлении, он провёл нас в спальню, которую готов был уступить нам. Комнатка метров до 15 квадратных, с одним окном, и абсолютно пустая.

По коридору, напротив спальни, была дверь, за которой размещался санузел: туалет, умывальник и душевая кабинка. Далее по коридору размещались кладовка и ещё одна спальня, которую занимал Кевин. Её мы не стали осматривать.

Вернулись в гостиную, расселись и перешли к обсуждению конкретных условий совместного проживания. На вопрос: сколько? Кевин, недолго думая, ответил, что для нас двоих, но не более, — 450 долларов в месяц. В эту сумму включаются

коммунальные услуги, в том числе и электричество. Нас это устраивало. Получив наше согласие, Кевин обещал подвезти из пансионата спальные матрацы и подготовить комнату. Договорились, что мы въедем в этот дом с завтрашнего дня. Теперь нам надо было уладить отношения на прежних местах проживания.

Саша, получивший положительный ответ в ресторане, предвкушал начало своей трудовой деятельности и был, наконец, доволен тем, как разворачиваются события. Мой скорый отъезд из служебной комнаты его не огорчал. Телевизор Олега, который тот собирался забрать, теперь Саше не нужен, ибо с выходом на работу у него не будет времени пялиться на мультфильмы с непонятным языком. Володя тоже обрадовался, что сможет, наконец, занять полноценное спальное место и не ютиться на полу. Я обещал им не спешить с заявлением об освобождении комнаты, а они — мне выдавать необходимую сумму для оплаты. Как я понял, Саша не собирался долго задерживаться здесь, и намерен был тоже арендовать жильё самостоятельно.

Переночевав на своей двухъярусной кровати в последний раз, я, как обычно, в семь утра вышел на работу. Выполнил срочные утренние доставки в ресторан и отыскал Олега, чтобы переговорить о предстоящем переезде.

Я знал его утреннее его рабочее расписание и отправился на поиски. Первым утренним объектом был Tiki Bar. Достаточно просторное место, где каждый вечер и до утра устраивались скачки под живую музыку. А утром там было что делать. Порядок в баре по утрам наводил Олег. Он не сетовал на количество разбросанных пивных банок, окурков и прочего мусора. Вместе с хламом, гости оставляли на вверенной ему территории немало мелочи, которой Олегу хватало на приличный обед в соседнем баре. Иногда встречались и более ценные ювелирные побрякушки.

Подобрав первый четвертак, он запускал его в музыкальный автомат, содержащий в своей коллекции большой выбор компактов, и под музыку орудовал метлой, зорко контролируя доверенную территорию.

В это утро наш разговор начался с того, что Олег поделился со мной своими подозрениями о том, что кто-то повадился на его территорию. Последнее время он стал замечать, что содержимое утренних урожаев оскудело. Сегодня же, подозрения подтвердились. Его посетил озабоченный гость, который этой ночью пил и гулял в этом баре, а утром обнаружил потерю своих дорогих часов. Он не поленился и пришёл сюда пораньше, с надеждой отыскать их. Встретив там Олега, он поделился с ним своим горем и просил вернуть часы, если таковые найдутся. Олег,

как смог, объяснил визитеру, что, по всем признакам, очевидно, кто-то до него уже побывал здесь и почистил территорию. Таковое было видно по содержанию мелочи. Четвертачки можно было найти только в труднодоступных уголках, на открытом пространстве, вдоль стойки бара, где всегда было урожайно, теперь же не было ни единой монетки крупнее пяти центов. Огорчённый гость ушёл ни с чем, оставив Олегу, на всякий случай, номер своей комнаты.

По наблюдениям Олега, набеги на его территорию совершали работники из службы Security, которые обеспечивали надзор за общественным порядком в пансионате.

Подобные грустные симптомы постороннего корыстного вторжения наблюдались и на других объектах. После очистки Tiki Bar, он переходил на пляж. Пляжные просторы были строго поделены на секторы и каждый работник отвечал за очистку конкретного.

Песчаный объект также представлял для них известный интерес. Но в последнее время, результаты их уборок наталкивали их на мысль о чьём-то постороннем вмешательстве. Я поделился с ним своими случайными наблюдениями того, как по утрам, когда я открываю склад, по пляжу бродят озабоченные типы. Иногда даже с металлоискателем. Всё это огорчало моего земляка и его польских коллег. Фактически, кто-то нарушал, хотя и не писанные, но существенные условия их труда.

В отделе общего содержания, где работал Олег и ещё двое молодых поляков, появился новый работничек. В их бригаду тот попал также с подачи мамы Анны. Это был польский пан лет 45 с выразительным брюшком и мушкетёрской бородкой. Судя по его автомобилю и прочим внешним признакам, пан Тони имел уже уважительный стаж пребывания в Америке. Этот факт особенно красноречиво он подтверждал своей американизированной речью. Его адаптированный язык представлял собой колоритную смесь польского, русского и американского. От русского языка он усвоил и успешно применял лишь ругательства. Видимо, сказывалось сотрудничество с русско-украинским пролетариатом на американских стройках. Его американский словарный запас вобрал в себя весь доступный ему сленг, которым он удобрил свой интернациональный язык, и, похоже, гордился этим приобретением.

Я слушал, как он разговаривает с Олегом, и у меня возникало сомнение, что тот ещё может говорить на своём родном польском языке. В скитаниях по Америке он обрёл не только новый язык, а и новое мышление. Оказавшись в трудовом партнёрстве с Олегом, на правах старшего брата по классу, авторитетно распределял

трудовое бремя, и при этом, он откровенно щадил себя и грузил младшего русско-украинского брата. В ответ на такое сотрудничество, Олег выразил ему своё мнение, дав понять, что он не намерен поддерживать исторически сложившиеся традиции польско-украинских отношений. Взаимные претензии они выражали, в основном, с помощью затёртой фразы Fuck You! и выразительных жестов. Бесспорным, и, по мнению Тони, самым веским аргументом, на который он постоянно ссылался в спорных ситуациях, это его заявление: Sorry man, то есть Амэрика. Тем самым он напоминал своему молодому оппоненту, где тот находится, и как следует себя вести.

Будучи почти американцем, пан Тони принципиально отказывался пальцем пошевелить, если за это не гарантировалось денежное вознаграждение. Зато, он не прочь был прокатиться на горбу ближнего. Перспектива быть этим ближним Олегу крайне не нравилась. Их сотрудничество обрело скандально неприязненные формы.

Процедура нашего переезда на новое место осуществилась за одну ходку. Кевин был дома. Дождавшись нас, вручил нам ключи, получил от нас рентную плату за первый месяц и отбыл куда-то. Наверное, поехал тратить наши деньги.

Просторный дом в тихом, чистом месте положительно отличался от нашего предыдущего жития-бытия. Но теперь, на работу мы могли добраться только автомобилем. Это занимало минут 5-10 езды. Телефон в доме был отключён. Как пояснил нам Кевин, услуга была оформлена на его подругу и после её отъезда, телефон в доме отключился. Подруга съехала и расторгла отношения не только с Кевином, а и телефонной компанией, в части предоставления услуг по данному адресу.

Таким же образом поступили и мы. Позвонили в телефонную компанию, и от имени их клиента — Олега заказали отключение телефона по адресу Dogwood 202, и подключение по новому адресу — Orange Ln. 113. Почтовым адресом указали наш новый почтовый ящик? 185 в Айламораде. Новый номер нашего телефона нам сообщили сразу, а подключение обещали со второй половины завтрашнего дня.

В декабре все заговорили о приближении сезона отпусков. Под этим подразумевалось деловое оживление и повышенные доходы. Связывали это с наступлением зимы и рождественскими каникулами. Движение на островах действительно активизировалось. Людей заметно прибавилось, особенно много понаехало автомобилей с номерными знаками Канады. Всё чаще стали появляться мотоциклетные бригады харлеев. Похоже, пансионат Холидэй Айл был одним из полюбившихся им мест на

островах Флориды. Бывали дни, когда стоянка заполнялась мотоциклами, а в барах шумно поглощали пиво великовозрастные охламоны, выряженные в джинсово кожаные одежды. Их мотоциклы привлекали внимание отдыхающих, стоянка превращалась в мотто музей Harley Davidson. Их вычурные мотоциклы с никелированными деталями стоили того, чтобы рассмотреть их и сделать фото на память. Нетрудно было предположить, что стоили такие мотоциклы как хороший автомобиль. Сами хозяева гордились своими дорогими игрушками и заботливо ухаживали за ними. Внешне эти парни являли собой пиратское наследие — этакие правнуки одноногого пирата Сильвера. Вид у них был потасканный. Обросшие и небритые, с пиратскими серьгами в ушах, в чёрных кожаных или джинсовых штанах, и грубых сапогах или ботинках. Их шумное появление среди людей по-пляжному раздетых, вносило киношный колорит. Гости с любопытством рассматривали не только их мотоциклы, а и самих наездников. Особенно, когда, подвыпив и разморившись на солнышке, уже немолодые ребята начинали раздеваться и демонстрировать свои нательные раскраски. У некоторых места свободного не было — всё тело украшено татуировками.

На своих неатлетической формы телесах они запечатлели цветные сюжеты и символы пиратского кочевого жития. В основном, на их пузатых торсах красовались всякие монстры, змеи Горынычи, черепки да кинжалы… Качество исполнения татуировок достойное, и вероятно, это им чего-то стоило. Зато есть что показать! С некоторыми из них, особенно колоритными представителями движения Harley Davidson, отдыхающие фотографировались на память, как у статуи Свободы.

Вероятно, у многих из них, их дорогой мотоцикл, да татуировки — это всё, что они могли показать. А самое ценное, чем они располагали, была свобода, которой те упивались, как дети.

На ночлег они обычно в нашем пансионате не останавливались, а отбывали куда-то большими и малыми командами, оповещая об этом тракторным грохотом. По их номерным знакам было видно, что они слетелись в тёплые места из разных, преимущественно, северных штатов, где зимой на мотоцикле не повыпендриваешься, и татуировки свои не продемонстрируешь. Вряд ли они относились к категории зимних гостей, приносящих существенные доходы, но их присутствие вносило особый колорит, привлекало внимание других гостей, которые реагировали на них, как на живое кино. Бесспорно, когда приезжали харлеи, пиво продавалось в больших количествах. В

ассортименте пива, поставляемого нами в бары, появилось и экзотическое баночное, с названием «Harley Davidson». Чем бы дитя не тешилось, лишь бы покупало.

День ото дня всё более плотно заполнялись не только автостоянки пансионата, но и причалы.

Народ кочевал на Юг и на дорогих мотоциклах, и дешевых автомобилях, и на яхтах. Кто-то жил, как перекати-поле, кочуя по дорогам на мотоцикле, а кто-то по волнам и морям, на яхте. Сегодня здесь — завтра там. Яхты, пришвартованные в нашей марине, также стоили внимания. Это уже супердорогие игрушки, на которых можно не только путешествовать, но и вполне комфортно жить.

Насколько можно рассмотреть стоящие в гостях яхты, на них было всё, что необходимо для проживания. Только заправляйся горючим и продовольствием. Долго они не задерживались. Заправлялись, гостили и отбывали, освобождая место на причалах для других прибывающих.

Все они были гостями и клиентами нашего пансионата, благодаря им, мы имели оплачиваемую работу. Съезжались сюда не только те, кто хотел отдохнуть зимой в тепле и на пляже, а и те, кто хотел поработать в тёплых условиях.

О приезде Полковника на остров я узнал от Саши. Повстречав его поздно вечером в пансионате, был удивлен новостью о том, что пару часов назад Славка прикатил сюда на своей, недавно приобретённой, машине. Прибыл он на указанные нами координаты в Холидэй Айл и без труда отыскал там Сашу.

Прошло немногим больше месяца, как мы оставили его в Трэнтоне. За этот месяц, продолжая трудиться в бригаде Кайзера, он подсобрал ещё кое-какие денежки и купил себе в рассрочку подержанный Шеви.

Судя по тому, что он самостоятельно и благополучно доехал и отыскал нас, Славка был в хорошем настроении. Выглядел он вполне бодро и здраво, от души радовался теплу, в котором оказался.

Решили, что для начала ему лучше всего остановиться в той же служебной комнате-приюте.

Распив порцию пива с Володей Питерским, он гармонично вписался в его спальное место на полу.

Из новостей, которые он привёз из Трэнтона, мы узнали, что бригада Кайзера стоически продолжает благоустраивать дома для чёрных жителей города Патерсона, когда позволяет погода. А в ненастные дни польские работнички все больше проводят время в пивных барах, где и оставляют свои трудовые сбережения. Такую зиму я себе и представлял в Нью Джерси.

Описывая нам, унылое дождливое житие в Трэнтоне, Полковник вспомнил о недавнем пьяном конфликте, иллюстрирующем настроение наших бывших соседей по дому.

Как он поведал нам, всё произошло в один из дождливых холодных вечеров. Они коротали время в гостиной за картами и пивом. Наш недавно подселившийся сосед Хеник, будучи в обычном состоянии мрачного опьянения, молча, покинул их компанию и поднялся в свою комнату. Спустя несколько минут, он вернулся с ружьем в руках. Все так и ахнули!

Угрожая перестрелять всех присутствующих, потребовал выдать ему того, кто повёсил на него кличку «Пан Budweiser-Henniken».

До этого случая он лишь вяло ворчал, когда его так называли, и никто не подозревал, что в нём зреет такая обида. Между тем, пьяный Хеник смотрел теперь на своих перепуганных обидчиков, как на заложников, которые должны были внести ясность. Он требовал указать того, кто окрестил его этим пивным именем.

Слушая Полковника, и припоминая первую встречу с тихим выпивохой, я пытался понять, почему его больше беспокоил выдумщик этой безобидной клички, чем те, кто постоянно злоупотребляли ею, игнорируя его просьбы: не называть его так?

Как говорится, чужая, а тем более пьяная душа — потёмки. И теперь эта возмущенная душа не воспринимала мольбы земляков оставить в покое ружьё и поговорить спокойно. Его польские земляки лихорадочно уверяли, что такое могли придумать только русские курвы, а поэтому их, поляков, следует отпустить и не тратить на них напрасно патроны. Но Хеник не верил своим коварным землякам, приказал всем оставаться на своих местах и настаивал на выдаче истинных обидчиков.

Тогда Женя и Славка, припомнив происхождение клички, которая им так понравилась, робко заявили ему, что среди присутствующих здесь, нет виновников. Другие заложники, поняв о ком, идет речь, тоже дружно запричитали о двух злодеях, недавно отбывших во Флориду. Но Хеника такой ответ не удовлетворил, и он стал пьяно уперто допытываться: кто они и где конкретно во Флориде?

Со слов Полковника, ситуация была напряженной, а поведение пьяного человека с ружьём абсолютно непредсказуемым. Он отказывался верить в то, что эти люди уехали, и требовал доказательств. Дошло до того, что он настоял на телефонном разговоре с виновными.

Пришлось Славке отыскать наш телефон и позвонить в жил коммуну на острове. В ответ, он услышал от Гены, что такие товарищи здесь не проживают, но регулярно бывают, и он готов

передать им сообщение.

Славка пересказал содержание телефонного расследования, после чего, вооруженный конфликт зашёл в тупик. Виновных людей на расстоянии выстрела пан Хеник не обнаружил, а стрелять в кого попало — не решился. Он ещё раз пригрозил перепуганным соседям-обидчикам, а затем залил в душе своей огонь холодным пивом Budweiser.

Отделались испугом.

Слушая эту грустную историю, я думал, что когда-нибудь пан Хеник сотворит какую-нибудь серьёзную глупость. Обидная для него кличка — это лишь внешний раздражитель, послуживший поводом для выплеска накопившегося гнева. Агрессия копилась годами в условиях неустроенной, кочевой, полу трезвой жизни. Человек уже много лет живёт в состоянии вялотекущего стресса.

Его житие свелось к многочасовым тяжёлым работам на стройках, проживанию в вынужденном соседстве с коллегами по бригаде и злоупотреблению алкоголем. Свободное от работы время тоже было с горьким привкусом неполноценности в условиях непонятного языка и неприкаянности.

Всё это так и толкает бедных польских каменщиков в теплые объятия Зеленного Змия.

Период тягот и лишений в чужой стране можно ограничить вполне обозримым сроком и благополучно перейти в более комфортную стадию. Эта страна даёт такую возможность. Но требует от субъекта волевых, спланированных усилий. Работать и зарабатывать деньги — это лишь пол дела, а сохранить заработанное и воспользоваться сбережениями с практической пользой — это другая половина задачи, и не менее сложная.

Многих и хватает лишь на то, чтобы заработать какие-то деньги, а, получив их на руки, все трудовые усилия быстро и бесполезно спускают в пивных на сиюминутные удовольствия. В результате, ни денежных сбережений, ни материальных ценностей, ни языковых навыков… В перспективе — всё та же стройка, ночлег в коммунальной комнате, ранние похмельные подъёмы с тяжелой головой и крепнущее, необъяснимое недовольство всем и всеми. Перемен к лучшему не предвидится, здоровья не прибавляется… Всё больше и чаще хочется пострелять из ружья, некогда купленного, непонятно зачем.

Возможно, для пана Хеника ружьё — самое ценное, что ему удалось обрести в американской жизни. Этим единственным приобретением он когда-нибудь и поставит финальную точку в своей американской истории.

С нашим переездом на новое место, изменились и места проведения досуга. Проживая в комнате пансионата, я частенько

по вечерам подъезжал на велосипеде на улицу Dogwood, там пользовался телефоном и обменивались новостями с товарищами. Посещал продовольственный супермаркет и почтовое отделение, а иногда брал с собой ракетку и наведывался в пансионат Cheeco Lodge, где пользовался их теннисными кортами.

Место это было пристойное, в отличие от нашего пьяно-шумного Холидэй Айл, здесь всегда было тихо. Вместо баров с живой музыкой — ухоженная травяная поляна для мини гольфа и несколько теннисных кортов с освещением, что позволяло играть по вечерам, допоздна.

Кортами пользовались, в основном, гости, как правило — любители, быстро утоляющие свой спортивный пыл. Поздно вечером, когда я там появлялся, меня редко кто приглашал поиграть — и я играл сам с собою.

Выкладывал пакет с десятком мячей и расстреливал их, упражняясь в подаче. Закончив имеющуюся порцию, я переходил на другую сторону корта, собирал мячи и проделывал тоже самое в обратном направлении. Это занятие не мешало мне думать о своём, и положительно воздействовало на меня после суетливого рабочего дня. Если я обнаруживал корты тёмными, то включал освещение. Некоторые постоянные игроки-любители уже знали меня и реагировали на мои поздние процедуры спокойно, как на безобидные забавы маньяка-одиночки.

Однажды, в часов 11 вечера, когда я увлечённо, тешился своим одиноким теннисом, к входу на корты бесшумно подкатил на электромобиле пожилой дядя. По его опознавательным причиндалам я определил, что он работник пансионата. С первых вопросов, с которыми он обратился ко мне, я понял, что он предварительно понаблюдал за мной.

— Добрый вечер, приятель, — не очень-то гостеприимно, фамильярно приветствовал он меня.

— Добрый, — ответил я и приостановил свой процесс.

— Ведь ты же не гостишь здесь у нас, так? — перешёл он к делу.

— У вас нет. Я здесь по соседству…

— Если ты не наш гость, тогда что ты здесь делаешь ночью на наших кортах?

— Тренирую подачу.

— Понятно. В будущем делай это там, где остановился, — сухо подвёл итог ночной смотритель, выключил освещение и укатил на бесшумном транспорте.

Я собрал в темноте мячи и тоже укатил прочь, на велосипеде.

Спустя несколько дней, я снова посетил это место и

воспользовался полюбившимися мне кортами. Освещение я включал самостоятельно. Процедуры прошли без проблем. Но однажды, когда я, как обычно, отправлял свою спортивную нужду, ночной комендант снова подъехал ко мне. Я продолжал тренировку, как полноправный гость, что вызвало у него некоторую нерешительность. В этот раз он оставил свой электромобиль и прошёл на корты, чтобы разглядеть меня поближе. Присмотревшись ко мне, он перешёл к делу:

— Ведь мы уже встречались с тобой здесь?

— Возможно…

— И я объяснял тебе, что эти корты только для наших гостей. Кто позволил тебе включать освещение?

— Я не включал. Здесь до меня играли, так и оставили освещение, — соврал я.

— Короче, парень, удались с территории, пока я не вызвал полицию.

Покидая меня, он сердито лязгнул электрическим выключателем, и проворчал мне в темноту, что в следующий раз мне не избежать серьёзных неприятностей. Я ему поверил.

Его предупреждение и наш переезд переориентировали меня на другие места, где я мог коротать вечера. Одним из таких мест стала школа, которая кроме общего образования, предлагала желающим, обучаться по вечерам различным профессиям.

Кстати, мой коллега Джордж, вероятно, внутренне не приемля сотрудничество на равных с такими охламонами, как Росс, по вечерам умственно напрягался здесь, осваивая компьютер.

И мы, прослышав, что после перерыва возобновили вечерние курсы английского языка, стали тоже заезжать туда.

Серьёзными такие занятия не назовешь; но если человек самостоятельно занимается языком, и у него возникают вопросы, то там он мог получить ответы.

Аудитория слишком велика: собиралось человек 30 учащихся. К тому же, это были люди разных возрастов, национальностей и с совершенно разным уровнем подготовленности.

Учительница — пожилая женщина, американка, терпеливо и доброжелательно поддерживала общий контакт со столь разношерстной аудиторией и пыталась обучить собравшихся хоть каким-то разговорным навыкам. Некоторые визитёры относились к процессу достаточно серьёзно: другие — приходили туда, чтобы повидаться с приятелями, как на дискотеку.

Мы приехали туда четверо: я с Олегом и Саша с Полковником. С нами познакомились, бегло оценили наши

знания языка и пригласили к участию в массовом диалоге на какую-то бытовую тему.

Разговорный язык, на котором участники достигали взаимопонимания, был примитивен. Но любопытно то, что в самом процессе участвовали представители нескольких национальностей, и можно было наблюдать акценты и особенности грамматических построений русских, поляков, испано-говорящих и даже французов.

Олег здесь многих уже знал и доложил мне: кто из Москвы, а кто из Франции.

Франкоговорящих представителей было меньше всех. Это были 2–3 случайно заехавшие на острова молодые барышни. Более всех присутствовало испаноговорящих из Мексики и Кубы. Затем, по численности шла польская община и русскоговорящие.

Надо отметить, что группа русских, хотя и не отличалась особыми знаниями английского языка, но по всем другим внешним признакам положительно выделялась в общей аудитории.

Во время перерыва Олег познакомил нас с барышней из Москвы, вокруг которой прилипчиво увивался какой-то молодой, скользкий поляк.

Из короткого разговора с французскими девушками я узнал, что одна из них из Швейцарии. Обе они работали в американских семьях, присматривали за детьми. Как они заметили, для них это неплохое сочетание тёплой зимы с возможностью скопить какие-то деньги. Оказывается, у них дома за такую работу не платят так, как здесь.

У Наташи из Москвы, история была посложней. Сейчас она проживала на острове Ки Ларго, где совместно с этим поляком и двумя другими русскими женщинами арендовала дом. Работала она в каком-то гостиничном комплексе. Убирала номера. А её польский ухажёр зарабатывал развозом пиццы на своей машине.

В разговоре с ней и из комментариев Олега я узнал, что попала Наталья в Америку с подачи московского туристического агентства, и согласно их договора, должна была отработать определённый срок в одной русскоязычной семье в Бруклине.

С её слов, условия работы там оказались кабальные, а отношение работодателей к ней — унизительное.

Она предложила им расторгнуть отношения досрочно, однако, согласия достигнуто не было. Её бывшие соотечественники, а теперь политические беженцы (обычно, они называют себя там русскими), хотели пользовать её и далее. В этих целях они перехватили у неё паспорт и всячески старались удержать её в качестве своей бесправной и послушной

домработницы.

Наташа не оценила заботу своих бывших соотечественников, и, оставив им свой паспорт, сбежала от них.

Оказавшись со своей подругой на тёплом острове, она теперь пребывала в проблематичной ситуации человека без паспорта. Насколько я мог судить об их отношениях с молодым поляком, тот понимал, в каком стеснённом положении она находилась. Тот не в меру хвастая своей зелёной картой, сулил ей возможную легализацию в стране, если она будет послушной.

Глядя на этого хлыща, мне хотелось посоветовать ей, послать его подальше от себя, и не тратить на него своё время и энергию. То же самое откровенно рекомендовал ей и Олег, предлагая свою бескорыстную туристическую дружбу. Она колебалась. Поляк ревниво возмущался.

После уроков английского языка мы осмотрели спортивные и хозяйственные угодья школы, и нашли там, кроме футбольного поля, несколько теннисных кортов. А по соседству с ними, школьный огород, на котором культивировали помидоры и прочие овощи.

Школьные теннисные корты были доступны для всех желающих поиграть. Мы стали по вечерам заезжать туда. До темноты мы потели в любительских состязаниях, а затем посещали огород и срывали там несколько поспевших помидоров для салата. По пути домой заезжали в торговый центр, где отоваривались продуктами и прочими хозяйственными мелочами.

В рабочие дни свободного времени оставалось совсем мало. Это всё, что мы могли позволить себе по вечерам.

А между тем, приближались рождественские праздники и отпуска. По дороге US-1 всё активнее катили гости с Севера. На стоянках можно было встретить транспорт со всех штатов. Часто автомобили украшались наклейками с короткими актуальными замечаниями. Среди которых, были заявления патриотического содержания: «Америка — страна номер 1». «Горжусь тем, что я американец!» «Люблю Нью-Йорк». «Не засоряйте Флориду!»[9] И тому подобное.

В разговорах со случайными собеседниками, прибывшими издалека, слышишь одно и то же: восторги по поводу солнца и тепла. Все, недавно прибывшие, живописали нам, как они ещё вчера очищали свой автомобиль от снега, чтобы выехать. А теперь вот, они в шортах, загорают и попивают холодное пиво.

Обо всём этом мы могли узнать из теленовостей. Слушая прогнозы погоды, мы с благодарностью отмечали такой простой, но жизненно важный тёплый факт.

Даже на севере штата Флорида, в городе Джексонвиле,

температура была не такая комфортная. Всё говорило о том, что до наступления весны съезжать куда-либо не имело смысла.

Известия, которые мы получали из зимней независимой Украины, просто пугали нас. В условиях однообразного, тёплого и хлебного островного бытия, украинский бардак, возведённый в государственную национальную политику, казался нам какой-то уродливой фантастикой. А миллионы вполне образованных людей, по-холуйски позволяют проводить над собой унизительные социально-экономические эксперименты. Их лишили денежных сбережений, им не платят даже тех мизерных зарплат, а пенсионерам едва выдают их нищенские пенсии. Для полного украинского счастья, население жестоко лимитировали в потреблении электроэнергии. Проще говоря, люди живут при свечах. Геноцид в центре Европы.

Недавно из Бруклина на острова подъехали ещё двое ребят из нашего города и остановились на острове Marathon, что в 40 милях от Islamorada в сторону Key West. Иногда мы навещали друг друга. Спустя какое-то время, к ним прилетели ещё пару ребят прямо из Украины, и все поселились в одном месте.

Перемещаясь на нашем Олдсмобиле с острова на остров, мы обнаруживали всякие новые для нас объекты. Оказалось, что на нашем острове находится приличное торговое представительство от Harley Davidson. Этот магазин был не хуже того, что я знал в Бруклине. Здесь предлагалось к продаже несколько моделей мотоциклов, различные запчасти и масса всяческих аксессуаров. Особенно богат выбор кожаной одёжки и металлических котелков на голову. Пузатый дядька, представлявший интересы Harley Davidson на острове Islamorada, оказался разговорчивым товарищем.

Узнав откуда мы, и где работаем, он стал расспрашивать нас о мотоциклах «Урал». Но, убедившись, что никто из нас никогда не имел ни «Урал», ни «Харлей», перешел к теме о нашем Холидэй Айл.

Из его восторженных отзывов мы поняли, что наш шумный пансионат — место, полюбившееся мотоциклетной братве, и наши бары они посещают не случайно.

Кстати, последнее время автостоянка пансионата украшалась не только музейными мотоциклами, а ещё и выпендрёжным авто одного из основных собственников пансионата. Он стал приезжать туда, вероятно, с главной целью, чтобы припарковать там, на целый день свой двухместный, открытый автомобиль, выполненный в форме пивной банки и тщательно раскрашенный под «Budweiser».

Я не знаю, получил ли он какую-то компенсацию от

компании, за рекламу их пивной продукции, но обошлась ему такая игрушка, надо полагать, недёшево. Возможно, это был единственный экземпляр, изготовленный по заказу. Гости с любопытством рассматривали мотто-авто музей при пансионате, а хозяева гордились этим.

Среди декабря, в один из рабочих дней, мои коллеги радостно сообщили, что сегодня день раздачи чеков.

И действительно, босс Джон выдал каждому работнику нашего отдела по конверту. В своём конверте я нашел чек и корешок с подробными расчётами. Из их расчётов выходило, что со сверхурочными рабочими часами за две недели я заработал 800 долларов. Но из этого удержали на оплату страховки, налог федеральный и налог местный; и к оплате выписали чек на 750 долларов.

Счёт, с которого можно снять эту сумму, размещался в местном отделении Nations Bank.

Ближайшее отделение находилось далековато от нашего дома и работы; и подъехать туда можно было только машиной.

В один из выходных дней мы посетили банк, где я предъявил чек. У меня спросили: желаю ли я получить наличными, или перечислить эти деньги на счёт? Счета у меня в этом банке не было, и мне рекомендовали открыть таковой. Процедура не заняла много времени. На этот счёт и перечислили деньги с чека.

Что касается моей работы, то за эти деньги я отдавался им по 50–60 часов в неделю, и частенько, это времяпровождение сопровождалось немалой нервотрёпкой и сомнениями. Я уж начал всерьёз подумывать о том, как бы мне перейти в отдел общего содержания и влиться в ряды русско-польских работников не умственного труда по уходу за территорией. Нервозность в моей трудовой деятельности при отделе закупки исходила из моих слабых знаний необъятного складского хозяйства. Мне, как полноценному работнику, вручали ордер и ожидали от меня своевременного и надлежащего исполнения заказа. Первый месяц, когда я работал, как новичок-иностранец за пять долларов в час, я ещё мог свободно расспрашивать у любого коллеги, где что лежит, и они дружелюбно уделяли мне внимание. Теперь же, на исходе второго месяца работы и при оплате моего труда наравне с другими, мне стали напоминать о том, что каждый должен делать свою работу, и мне пора бы уже освоить это нехитрое складское дело. Я старался беспокоить своих коллег как можно меньше, и отыскивать нужный продукт самостоятельно. Порою, бестолковые и безрезультатные поиски в складских лабиринтах усугублялись небрежными рукописными каракулями в ордерах. Многие ордера были наспех выписаны в условиях

кухни или бара. При этом часто применялись неизвестные мне сокращения и условные обозначения. Некоторые ордера выписывались гаитянскими кухонными шаманами; расшифровать их каннибальские знаки можно лишь, будучи самому гаитянином, или имея достаточный опыт сотрудничества с ними. Иногда, отчаявшись разобраться с названиями отдельных продуктов, или просто не отыскав таковой, я доставлял заказчикам лишь то, что смог. Разумеется, такой, неполноценный сервис никого не устраивал. Реакция была разной. Кто-то терпеливо подсказывал, где я могу отыскать недостающий продукт, другие даже предлагали вместе сходить на склад, и поискать необходимое. А если дело терпело, просто принимали то, что доставлено, а недостающее заказывали повторно, чем вызывали удивление моих коллег.

Но бывало и так, что неудовлетворённый заказчик проявлял нетерпение, начинал звонить в контору и требовать, чтобы ему срочно доставили крайне необходимые куриные крылышки или ещё что-нибудь. Кстати, в ассортименте продуктов, одних только разновидностей цыплят и разных частей от таковых — было множество. С неразрешимыми вопросами я обращался к сидящим за компьютерами боссам. Они всегда были на месте, не так захлопотаны, как мои коллеги, и реагировали на мои вопросы с большим пониманием и юмором. Иногда мои слепые поиски доводили меня до ярости. Рыская среди стеллажей, забитых коробками и банками, я проклинал и тех, кто нашкрябал этот трудночитаемый ордер, и себя самого, что ввязался в это паршивое дело. Бывали случаи и комичные, но для меня это был смех сквозь слёзы. Частенько я не мог отыскать продукт, который уже не раз доставлял, и мне уже когда-то подсказывали, где он находится. Это сдерживало меня от обращения за помощью, и я молчком, потный и злой, рылся в пыльных коробках, стараясь разгадать головоломку самостоятельно. Смутно догадываясь, что необходимый продукт должен быть где-то в этом секторе, я тщательно перерывал там всё, что было… Но не находил нужного.

Например, записано «5 Stoly 1 Ltr.» Ясно, что нужно пять литровых бутылок какого-то пойла; чувствую, что уже много раз приходилось доставлять это, и храниться оно должно в этом секторе, но найти такое наименование не могу. Отчаявшись, подгадываю подходящий момент, когда мои начальники отвлеклись от дела и трепятся о погоде, я обращаюсь к ним за помощью.

— Джон, нужна твоя помощь…

— Добро пожаловать…

— Я не могу найти «Stoly», есть ли у нас сейчас такое?

— Stoly?! Это у нас всегда есть. А ты не можешь найти это? — с явным любопытством реагировал Джон.

Я вижу, что мой вопрос заинтересовал их и они готовы похохмить на эту тему.

— И ты не знаешь что это такое? — начал он раскручивать тему.

— Я полагаю это алкоголь, — ответил я.

— Внимание, все присутствующие! Прошу внимания! — начал программу Джон.

— Серджий, правда ли, что ты русский?

— При чём здесь это?

— Мы начинаем сомневаться в этом. Человек, заявляющий, что он русский, спрашивает у американцев: что такое «Stoly»…

Всех присутствующих это веселит. Меня не очень-то.

— Ну, хорошо, — продолжал Джон, — у нас этого много и это в двух шагах от нас, я покажу тебе что такое «Stoly». Следуй за мной, — торжественно скомандовал Джон.

Мне было любопытно, что он покажет мне после всех этих выступлений. Джон остановился у стеллажей, где хранились все виды водки в литровых бутылках. Я здесь всё проверил и такого наименования не нашёл. Сияющий Джон упивался кульминационным моментом.

— Надеюсь, что с этого момента, Серджий, ты будешь знать, что такое «Stoly» и где это хранится.

Я с недоумением пересматривал ряды коробок с водкой различных наименований. Абсолют… Абсолют ситрон… Финляндия… Смирнофф… Столичная…

Но Джон опередил меня, он всё же показал мне это. Он торжественно похлопал ладонью по коробке с надписью «Stolichnaya». Затем вытащил литровую бутылку и спросил:

— Знаешь это?

— Столичная! Но, какого чёрта они пишут в заказе «Stoly»?!

— Только русские могли придумать такое неудобное название. Мы называем это коротко — «Stoly», а уж писать каждый раз полное русское название никто не будет. Так что, Серджий, в Америке это называется — Столи.

С заказчиками отношения у меня складывались по-разному.

Утренние доставки алкоголя в ресторан Horizon были специфичны. Ассортимент, который они потребляли, включал в себя, кроме общеизвестных видов, также сухие французские вина с трудно выговариваемыми названиями. Холодильный шкаф, где хранились сухие марочные вина, являл собой охлажденное пространство, беспорядочно заваленное распечатанными

коробками с винами. Чтобы отыскать в винном хаосе нужную бутылку, порою приходилось повозиться. Иногда находишь остатки от коробки с нужным наименованием, а самого вина нет ни единой бутылки. Справляешься у боссов. Те обращаются к своим компьютерам, сверяют приход и расход данного наименования и отвечают, что должно оставаться ещё три бутылки такого вина. Надо искать. И я снова ныряю в холодильник, перебираю бутылки и каждый раз говорю себе, что в этом винном хозяйстве надо навести порядок, и систематизировать всё по наименованиям.

Тем временем поступают новые заказы от других потребителей, и уже пора исполнять другие ордера. Если я сдавался, вычеркивал что-то из ордера и доставлял в ресторан неполный заказ, то имел что послушать от хронически недовольного управляющего рестораном. Тот, принимая доставленное, раздражительно выражал своё разочарование нашим неполноценным сервисом. Обычно, при мне звонил в контору Джону и требовал немедленного и полного исполнения его заказа.

Утренние контакты с этим типом настроения не прибавляли.

Саша и напарник Валера работали под его непосредственным началом помощниками официантов. Когда я заявлялся в ресторан со своей тачкой, они могли поговорить со мной лишь украдкой. Этот Швондер держал всех своих подчиненных в ежовых рукавицах. А мои вольности, которые я позволял себе, при исполнении заказов выводили его из себя. Как заметил Саша, после моих визитов-доставок, управляющий срывал своё дурное настроение на своих подчиненных. Ребята просили меня делать всё возможное, чтобы их начальник оставался доволен. И я старался.

Когда у меня появлялось свободное время, я занимался наведением порядка в винном хозяйстве. Систематизировал размещение вин по сортам, что облегчало поиски нужного вида.

Однако неприязненные отношения с управляющим ресторана уже сложились; и это проявлялось регулярно. А поводом для недовольства мною служила любая мелочь.

Например, он указывал в своём ордере какое-то количество пива сорта Budwiezer Light.

Я, глядя на такую запись, не задумываясь о деталях, брал из пивного холодильника баночное пиво этого сорта и доставлял ему таковое.

При получении доставленного он смотрел на меня как на сумасшедшего и начинал лечить меня:

— Ты куда привёз это пиво!?

— Вам. Вы же заказывали Bud Lgt. Это вы писали? — язвил я.

— Да, но здесь, если ты видишь, ресторан, а не пляжный бар.

— Я вижу, что это ресторан. Но я также вижу, что в своём ордере вы указали просто — Bud Lgt. И я вам это доставил.

— Ты когда-нибудь видел, чтобы в ресторане подавали баночное пиво? — спросил он меня, тоном, с каким обычно говорят с идиотами.

— Не знаю. Вы принимаете это пиво или как?

— Забери это обратно, и принеси такое же, но бутылочное.

— Вам следовало бы отметить об этом в своём заказе, и тогда не возникло бы проблемы.

— А тебе, парень, следовало бы знать, что ресторан, если заказывает пиво, то только бутылочное, — назидательным тоном лечил он меня захлопотанного.

Мне ничего не оставалось, как убраться со своей тачкой и отвергнутым пивом в лифт. Спустившись с шестого этажа, вместо того, чтобы заниматься другими заказами, я вынужден занести пиво обратно в холодильник и посетить другой, соседний холодильник, где хранилось бутылочное и бочковое пиво. Прихватив нужное количество бутылочного Bud Light, я уже без тачки, чуть ли не бегом, возвращался к лифту, поднимался в ресторан и… снова не удовлетворяю Швондера!

Он, важно копаясь в своем бутылочном хозяйстве за стойкой бара, лишь бегло взглянул на доставленное мною пиво и недовольно пробубнил:

— Это не годится.

— Что теперь не так? — удивился я.

— В ресторан следует доставлять пиво в бутылках с длинным горлышком, а ты принёс с коротким.

Это уже звучало как издевательство!

— О.К. Загляните в свой ордер ещё разок. Здесь что-нибудь упоминается о бутылке вообще?!

Мой тон удивляет его.

— Молодой человек! Делайте, что я вам говорю, доставьте мне, наконец, пиво в бутылках с длинным горлышком.

— Вы принимаете это пиво или нет?

В ответ меня просто не слышат и не видят.

Я достаю карандаш, демонстративно вычеркиваю из ордера пиво Bud Lgt. И прошу его расписаться за фактически принятое.

— А как же пиво?

— Я доставлял вам его дважды, но вы отказались от него.

— Я буду жаловаться твоему боссу!

— Валяй…

Швондер яростно ставит свою подпись в ордере, и я уношу

пиво обратно. В таких случаях, встречая Олега, мирно подметающего территорию, и призывающего меня приостановиться на минутку, поговорить, мне хочется совсем перейти в его бригаду.

Потеряв массу времени, я отношу пиво обратно в холодильник и тороплюсь в контору, предвидя, сколько там уже поднакопилось заказов из других точек. В конторе меня приветственно встречают мои коллеги. Из их расспросов, очевидно, что жалоба из ресторана уже поступила. Я докладываю своему начальству и коллегам суть конфликта, и они единодушно признают мои действия верными. Росс удивляется моему терпению и выражает своё мнение по этому случаю в энергичной лексике и жестах. Из замечаний других коллег, я понял, что не только меня достали зашифрованными ордерами типа, «ну, ты сам знаешь, чего и сколько надо поднести в наш бар».

Все решили, что я не должен в третий раз доставлять пиво в ресторан. Если кому-то хочется повыпендриваться, пусть подождут. И сделают чёткий заказ: какое пиво и в каких бутылках им нужно.

К 10 утра обычно ожидают доставку в Wreck Bar. Там, как правило, заказывают каждый день — одно и то же, и я уже приспособился к их ассортименту. Часть заказа — это алкоголь и прочие мелочи — сдаю в бар. А другую, большую продовольственную часть, доставляю на их кухню, где работают гаитяне. В этом же баре помощницей работала девушка Ронда, с нею, и её напарниками по бару я хорошо ладил. Обе женщины проявляли интерес к русским представителям, и мы всегда находили, о чём поговорить. Если позволяло время, я задерживался у них.

Однажды, меня попросили помочь им перевести письмо с русского языка. Из этого письма я понял, что они поддерживают отношения с родителями погибшего здесь русского парня. Родителям больше не у кого было расспросить о случившемся.

От самой Ронды я слышал неоднократно, что она, якобы, живёт с русским парнем, которого также зовут Сергеем. А её коллега по бару частенько в разговорах со мной упоминала о своей дочери, которая изучала русский язык и теперь работает переводчиком в Белоруссии.

Всё это мало трогало меня; однако содержание письма, которое они просили меня прочесть и пересказать, подтолкнуло к расспросам.

Олег рассказал мне кошмарную историю, случившуюся в их домике на Dogwood, за пару месяцев до нашего приезда на остров. Этот случай прогремел на весь тихий островок; и теперь

здесь относились к русским с настороженностью и любопытством, как к людям, от которых следовало ожидать чего угодно.

До инцидента, в известном доме проживал другой состав наших людей из Бруклина: один или двое из них тоже работали в Холидэй Айл и Ронда была в приятельских отношениях с ними.

Однажды вечером они коротали досуг дома, скрашивая его алкоголем. Ронда гостила у них.

Когда иссяк источник хорошего настроения, двое ребят решили организовать доставку выпивки, а их третий товарищ и Ронда остались в доме.

Вернувшись с гостинцами, ребята нашли дома горько плачущую Ронду и хмурого земляка. В ходе беглого домашнего расследования, они дознались из её жалоб о грубой попытке своего товарища возлюбить Ронду. И всё было бы хорошо, если бы она ответила взаимностью и уделила любвеобильному парню немного времени и внимания. Но вместо этого, она, якобы, отчаянно сопротивлялась. Всем это известие испортило настроение. Вечеринка была под угрозой. Справедливости ради и желая поскорее вернуться к приятному времяпровождению, ребята провели оперативное заседание товарищеского суда и приговорили своего земляка к обычному избиению и изгнанию из компании. Тут же привели в исполнение приговор, и постарались забыть о случившемся недоразумении.

Побитый и обиженный на них товарищ поспешил удалиться. Однако, спустя часок, когда его обидчики, расслабившись, досиживали свой тихий вечер, а Ронда мирно спала после пережитого ею потрясения, их третий, изгнанный, друг неожиданно вернулся… и не один. С собой он прихватил пистолет, и настроен был решительно.

Застав обидчиков врасплох, он кратко выразил им своё возмущение и приступил к отстрелу обидчиков.

Сделав своё шумное дело, он покинул этот дом. Ронда, которой повезло в этот раз больше всех, вскочила перепуганная, и когда пришла в себя, то обнаружила двоих своих защитников основательно поврежденными. По прибытии скорой помощи и полиции, один товарищ был мёртв, а другой ещё с признаками жизни.

Что касается первого, то, как выяснилось, он не мучился. Его земляк сделал своё дело качественно и наверняка. Сергея же, подвергли активному хирургическому лечению. Что смогли, из него вынули; а одну пулю так и оставили в нём. Врачи не решались удалять её… так опасно и неудобно она засела.

Худо-бедно, с Божьей и медицинской помощью, Сергей вычухался, и спустя, некоторое-то время, вышел на своих двоих

из больницы.

Его земляка-стрелка арестовали, и началось официальное расследование случившегося. Как я понял из рассказов, особой сложности это дело не представляло. Нашего соотечественника признали виновным в умышленном убийстве и приговорили к какому-то бесконечному сроку. Раненый Сергей стал жить у Ронды. А от несчастных родителей погибшего парня посыпались письма-запросы. Некоторые хлопоты — добровольно приняли на себя Ронда и другие женщины из пансионата; они то и отвечали на письма родственников погибшего.

История вышла диковатая. Случись это где-нибудь в Нью-Йорке или Бруклине, так это никого бы не удивило. Здесь же, на острове, где все друг друга знают и живут в тишине и гармонии, подобный случай… может отразиться на ценах на недвижимость.

Обслужив Wreck Bar, я обычно должен был заниматься заказом от другого бара Rum Runner's.

Этот бар изо дня в день просил доставлять одно и то же; что не представляло для меня большого труда. Ордера, которые не были в тягость, я старался отобрать, как только их присылали в контору, и приступал к исполнению. Таким образом, я занимал себя работой, которая не доставляла мне неожиданностей и хлопот. Работники этих баров начали привыкать к моим регулярным, и, главное — своевременным поставкам. Они встречали меня дружелюбно и всячески поощряли мою привязанность к их поручениям. Из их замечаний я понял, что раньше, из-за запоздалых доставок, они нередко испытывали ощутимые неудобства и потери.

Так у меня складывались гармоничные производственные отношения с клиентами нашего отдела. Мне не сложно было выполнять их заказы, и я предпочитал их другим; а они вовремя получали свои продукты и алкоголь. Наши отношения обретали всё более дружеский характер.

Подобное складывалось и с одним из поваров ресторана Ribs, и с работниками автозаправочной станции Chevron.

На заправочной работали двое итальянцев, больших любителей потрепаться. Доставка им пива, сигарет и прочих мелочей никогда не ограничивалась передачей заказанного и подписанием ордера: они всегда имели тему для разговора. Меня встречали шумными приветствиями, называя агентом КГБ, а я приветствовал их как солдат Коза Ностра. Моё появление в маленьком магазинчике при заправочной всегда сопровождалось обязательным шумным обменом приветствиями, из серии: коммунизм победит! Мафия — бессмертна!

Случайные покупатели, если таковые оказывались в этот

момент в магазине, с любопытством наблюдали за нами, гадая о наших акцентах и степени вменяемости и серьёзности участников. Однажды в магазине оказалась бабуля, возраст которой уже не поддавался определению. Она ещё работала кем-то в нашем пансионате и приезжала на работу на своём специальном трехколесном велосипеде с торчащим позади флагом США. Бабуля, умственно уже впала в глубокое детство, но пока ещё крутила педали своего велосипеда и упрямо участвовала в жизни общества.

Будучи знакома с одним из этих итальянцев, она стала допрашивать: действительно ли я коммунистический агент? Мы не могли травмировать тронутое маразмом сознание бабушки, признались ей, что мы так шутим. Но подозрение уже закралось. Итальянец поспешил перевести разговор на другую тему. Представив меня бабушке, он серьёзно заговорил с ней о том, что я именно тот человек, который может скрасить её одиночество. Бабуля оценивающе осмотрела меня и спросила итальяшку: хорошо ли он знает меня, и надёжный ли я человек? Тот поклялся и советовал ей, не раздумывая, вступать в законный брак со мной. Обещал ей быть крёстным отцом нашему первому ребёнку. Другой итальянец корчился от смеха над кассой. Бабуля заинтересовалась, согласилась подумать, посоветоваться с детьми и внуками и дать ответ.

Также мне приходилось посещать во время работы отсек утилизации. Это было отгороженное место, где размещались пресс и упаковочная машина для паковки бумажных и прочих отходов. Мы свозили туда упаковочные картонные отходы.

Работали там двое-трое очень чёрных ребят неопределенной национальности. В их задачу входило сортировать свозимый хлам: пластик, стекло, бумагу… и упаковывать это добро. Из начальства туда редко кто заглядывал, поэтому работники чувствовали себя комфортно.

Мои картонные поставки были им по душе. От них лишь требовалось закладывать коробки под пресс.

Мы не знали имён друг друга, да и говорить нам было не о чём. Мы лишь обменивались приветствиями: «Hi! Big Boss Man.»

Внешность ребят не украшала территорию пансионата, и вероятно, им не рекомендовали разгуливать в своей замызганной одёжке среди отдыхающих гостей. Тем не менее, работникам приходилось выползать из своего офиса, и если мы встречались, то всегда обменивались приветственными вопросами:

— How are you, Big Boss Man?

— I'm very buisy today, — обычно отвечал чёрный Garbage Man с наигранной серьёзностью. Мои сотрудники, наблюдая

подобные сцены, отмечали наш производственный юмор. Шуточный ярлык Big Boss Man устойчиво обрёл уважаемый статус среди прочих работников метлы, тачки и утилизации. Во многих местах, куда я доставлял продукты, ко мне обращались не иначе, как ВВМ.

Однажды, я пришёл к семи утра на работу, а у нашей конторы торчал парень, явно кого-то поджидающий. Более того, он был наряжен в футболку, какие выдавали работникам нашего отдела. Видя, что я открываю контору, он обратился ко мне:

— Доброе утро! Меня зовут Larry.

— Привет, а я Сергей.

— Пардон, как ты сказал твоё имя?

— Сергей, — привычно повторил я.

— И ты работаешь здесь?

— Да, я утренний босс этого отдела.

— Понятно. Я тоже поступил к вам на работу, и мне назначили начинать с семи утра.

Я успел лишь выразить ему своё удовлетворение и собирался ввести его в курс утренних дел, как в контору прибыл Джон. Он обрадовался тому, что мы уже познакомились, и начал с торжественного введения работника в почётную должность. Объявил Ларри, что первое время тот поработает в паре со мной, и что тому здорово повезло, так как напарник-наставник у него не простой, а русский. Возможно, шпион.

Ларри выразил свою заинтересованность этим фактом и признался нам, что он сам тоже впервые во Флориде и чувствует себя здесь, как иностранец.

Приехал он лишь пару дней назад с Аляски. Я заметил, что он приехал на автомобиле почти из России, и мы, в какой-то степени, соотечественники. Ларри не понял, почему я записал его в свои земляки, а Джон, большой знаток истории СССР, лишь наблюдал за нашим диалогом и посмеивался.

На всякий случай, я спросил Ларри, не говорит ли он по-русски. Мой вопрос его лишь удивил.

Тогда я стал лечить парня, объясняя, что Аляска, откуда он прибыл, — бывшая российская территория, которую, возможно, скоро придётся вернуть России. Но Ларри воспринял это как шутку. Выяснилось, что он никогда и не слышал о российской истории Аляски. Я призвал Джона подтвердить исторический факт. Тот, не желая вмешиваться в наш диалог, лишь посмеивался, и предположил, что Ларри сейчас воспользуется телефоном, дозвонится до Аляски и сам всё выяснит. Ларри так и не поверил мне, но явно озадачился.

Работать в паре с новым коллегой оказалось приятно. Наши хождения по складам гармонично совмещались с разговорами. От него я узнал, что на Аляске он живёт и работает последние пару лет; а вообще — он из Сан Диего, Калифорния. Там живут и все его родственники. С его слов, он один у них такой неустроенный: перекати поле. Но ему так нравится.

Спустя несколько часов совместной работы, мы уже хорошо понимали друг друга без утомительных объяснений: как кто докатился до такой жизни и работы с тачкой.

Он рассказывал мне о Сан Диего и Лос-Анджелесе: как там жарко и загазованно, по сравнению с полюбившейся ему Аляской. А последнее время — ему и люди, и природа Аляски всё более по душе.

В Нью-Йорке он бывал лишь проездом, в течение 2–3 дней, и, узнав, что я провёл там целое лето, поинтересовался моими впечатлениями о городе.

Мы, на удивление быстро, нашли общий язык, в котором юмор участвовал достаточно свободно.

К середине рабочего дня у нас уже сложились свои штампы общения; суть и соль, которых была понятна только нам. Когда речь зашла о музыке, то я уже не удивлялся тому, что у нас много общего в восприятии таковой. Ларри рассказывал мне, какие команды он видел живьём во время их гастролей в Сан Диего и Лос-Анджелесе.

Как я понял из его разъяснений, Калифорния являлась их центром музыкальной индустрии, и ни один гастролирующий по стране музыкант не пропускал Лос-Анджелес и Сан Диего.

Как он признался, во времена молодости, его особенно впечатляли урожаи, которые они собирали на стадионах после окончания концертов.

В это утро, когда мы встретились с ним у конторы, по пляжу озабоченно бродил субъект, якобы, ищущий забытую им вещь. Но, взглянув на него, нетрудно было определить профессионального искателя, или, по крайней мере, энтузиаста.

Упомянув о том утреннем пляже, Ларри предположил, что тот, вероятно, тоже на многих концертах побывал. Как он заметил, в истоптанной траве стадионов, они с ребятами собирали богатые урожаи часов и прочих ювелирных побрякушек, посеянных в концертной толчее и скачках. Никакой пляж не сравнится со стадионом после выступления известной рок-команды. Хотя таковые культурно-массовые мероприятия, в отличие от пляжей Калифорнии и Флориды, не каждый день случаются.

Из прочих его комментариев я понял, что многие коренные американцы (афроамериканцы — особое исключение) не могут позволить себе некоторые эксперименты, в которые, сломя голову, пускаются прибывающие в их страну туристы.

Мало, какой гражданин США среднего возраста, с университетским образованием и в здравом уме, решится броситься на нью-йоркское дно. И станет пробовать езду в сабвэе

«зайцем», посещать Harlem, разъезжать на сомнительном автомобиле без страховки и регистрации, общаться по ночам с вооружёнными чёрными наркоманами и питаться продовольственными неликвидами…

Хорошо отлаженная система бюрократического отслеживания всякого проступка и занесение фактов в безграничные компьютерные архивы, вынуждают их быть крайне осмотрительными в своих действиях. И если гражданин, или пребывающий в любом ином статусе субъект, имеет какие-то планы на будущее в этой стране, ему следует помнить о недремлющем оке, охраняющем устои общества. Схлопотать на своё имя пожизненную запись о мелком правонарушении, для них означает подпортить и ограничить свои возможности, а то и вообще оказаться изгоем, которого уже никогда не изберут… даже в президенты США.

Для Ларри я был живым представителем туризма, познающим его страну, преимущественно со стороны Дна.

Масса его сограждан, занятых зарабатыванием средств на оплату благ, приобретённых в кредит на многие годы вперед, не ведают о многих явлениях, так как те — за пределами их постоянных хлопот.

Даже если им рассказать о некоторых реальных вещах, они или не поверят, или сочтут тебя безумцем. Сам субъект, не имеющий собственности, сбережений, кредитной истории, семьи и собственного дела, уже вызывает подозрения. А если он ещё рассказывает и о себе, и этой стране такие ужасные вещи…

Для этого существует киноиндустрия с их голливудскими сказками, которая красочно иллюстрирует им Америку со всех сторон. Достаточно взять для просмотра видеокассеты с фильмами и незачем искать приключений на собственную голову где-то в Бруклине или на островах Флориды.

Ларри, как урожденный гражданин этой страны, советовал мне быть осмотрительным в беседах с его согражданами. Не придавать большого значения их приветливым улыбкам, так как это далеко не всегда признак искреннего дружеского отношения к тебе.

Рекомендовал хранить в глухом секрете факт истекшей визы, ибо полно идиотов, которые склонны видеть в этом пустяковом нарушении — угрозу их государственной безопасности.

Ему и самому-то, было любопытно знать, каким образом я устроился на работу. Он не верил, что у меня достаточно для этого документов. Мне пришлось показать удостоверение личности и копию карточки соцобеспечения, в которой уже не было ограничительной надписи.

Ознакомившись с некоторыми уловками нелегального туризма, Ларри пустился давать мне полезные советы. Он считал, что я совершаю серьёзную ошибку, игнорируя горячие обсуждения футбольных и бейсбольных матчей; рекомендовал, хотя бы делать вид, что меня это волнует.

Я признался в том, что даже не знаю правил этих игр и вообще, они мне неинтересны. Но Лари советовал, на людях проявлять интерес к общенациональным футбольным, бейсбольным и баскетбольным соревнованиям. И уж ни в коем случае, не демонстрировать своё безразличие, ибо в определенных ситуациях, такое отношение к американским ценностям может быть расценено как неуважение к Соединенным Штатам Америки.

Особенно следовало быть бдительным в условиях пивных баров, где может показаться, что публика нетрезва и невнимательна. Именно там, где полупьяные граждане пялятся на экран телевизора и шумно переживают за свои любимые команды, можно схлопотать их неприязнь.

В таких ситуациях будет верхом глупости и бестактности попивать фруктовый сок, вместо пива Budweiser и игнорировать теле трансляцию матча.

— Если ты намерен получить вид на жительство и стать полноценным жителем этой страны, — советовал мне Ларри, — ты должен легко и быстро просаживать заработанные деньги. При этом, особое внимание уделять пиву Budweiser. Без меры потреблять таковое и признавать этот напиток Королем Всех Видов Пива. Искренне и громко освобождаться от накопившихся газов отрыжками и прочими естественными способами, отчаянно болеть за местную футбольную команду высшей лиги…

Этот минимум положительных качеств с лихвой перекроет такие формальные недостатки, как просроченная виза и нелегальная работа. Также, он советовал мне держать в секрете, что у меня нет водительской лицензии, автомобиля, и что я вообще не имею должного опыта управления автомобилем. Он считал, что любой американец, узнав о таких фактах, сочтёт меня или психически нездоровым, или состоящим, в конфликте с законом. А таковой диагноз — жизни не облегчает.

В процессе нашего сотрудничества, мы обсудили с ним немало серьёзных социальных проблем и подготовили массу проектов изменений и дополнений в действующее, но безнадежно устаревшее законодательство США.

Он признал тот факт, что, несмотря на формальные запреты и ограничения, массовый американский мелкий и средний бизнес, всё же широко и успешно использует труд нелегальных

работников-туристов. И таковое не секрет для тех же законодателей и местных властей. Всем известно, что большинство мелких и средних предпринимателей, не в состоянии применять труд наёмного работника по всем правилам, предусмотренным законодательством. Размер минимальной оплаты труда, обязательные отчисления в страховой, пенсионный фонды, оплата налогов… Многим это не под силу. Им гораздо проще и рентабельнее иметь дело с работником, которому они будут платить лишь зарплату за фактически отработанные часы, и при этом, они не связаны с ним никакими другими законными обязательствами.

На сегодняшний день нелегальное сотрудничество американского мелкого бизнеса с туристами достаточно устойчиво, массово и плодотворно. Справедливости ради надо заметить, что многие представители мелкого и среднего бизнеса вряд ли вообще смогли бы существовать без такового сотрудничества. Так что, это ещё вопрос: кто кому большую услугу оказывает.

Ларри признал, что в их миграционном и трудовом законодательстве немало пробелов и несоответствий реальной жизни. К моим замечаниям добавил давно вынашиваемые им поправки к американской конституции, суть которых заключалась в следующем.

Все граждане США реально имеют право лишь тратить деньги, если у них таковые есть, открыто освобождаться от накопившихся газов, всеми доступными им способами. Таковое возможно, даже находясь в публичных местах, добавил он: в церкви, суде, ресторане, в общественном транспорте, лифте…

Я добавил, что их конституция также не учитывает устойчивого стремления американских граждан пострелять из окна или с крыши по прохожим согражданам.

Если проанализировать статистику, то нетрудно сделать вывод о растущей потребности граждан в этакой форме самовыражения. Каждый день телевизионные новости сообщают о том, как где-то среднестатистический гражданин, ранее не судимый, без каких-либо очевидных мотивов, затеял стрельбу по прохожим. Свои шалости они обычно объясняют… плохим настроением.

Если таковое желание регулярно возникает у граждан, то почему не отразить их суть и чаяния в конституционных правах?

Так, полёт над гнездом кукушки, продолжался в компании нового коллеги. Люди, которые случайно оказывались свидетелями наших разговоров, недоумевали и переспрашивали: насколько серьёзно мы всё это говорим? Ко мне их вопрос

выражался в более конкретной форме: «Неужели тебе не нравится Америка!?».

Тем временем, Саша скооперировался со Славкой и арендовал двухкомнатную квартирку. К тому времени Славка уже пристроился на работу в продовольственный супермаркет.

Володя из Ленинграда, получив очередную зарплату, купил билет и с облегчением покинул эту страну. С собой он не увёз ни сбережений, на которые рассчитывала его семья, ни положительных впечатлений об Америке, которые назойливо распространяет Голливуд. Уехал он уставшим и опустошенным. Хотя все советовали ему поработать до весны, чтобы вернуться домой к теплу и с какими-то деньгами. Ему же не терпелось встретить новый 94-й год дома.

Поляк Тони, по кличке Sorry Man, к огромному удовлетворению Олега, был выдворен из бригады общего содержания. Как мне объяснили сотрудники, он нагрубил работнице бара, требуя обслужить его бесплатно, как почетного работника пансионата.

По их правилам, на территории Холидэй Айл, в любом баре работник может получить питьё, и, насколько я знаю, они, и сами всегда гостеприимно угощали меня.

Вероятно, пан Тони действительно достал кого-то, и администрация решила отказаться от его услуг.

Другой поляк, также из бригады Олега, припёрся как-то вечером после работы в пансионат пьяным, и ещё там добавил. Этот тип из категории самовлюбленных придурков, которые в пьяном состоянии превращаются в ходячую претензию ко всем и всему. В тот вечер его пьяные капризы переросли в приступы гнева, и он решил, что, как работник этого пансионата, он может потребовать особого внимания к себе.

Подобные выходки, настроения отдыхающим гостям не повышают и администрацией не поощряются. Работники из бригады обеспечения порядка попросили его удалиться на отдых, но он отреагировал агрессивно. Тогда им пришлось применить силу.

Со следующего дня он больше не работал там. Мама Анна позаботилась о своих земляках и пристроила их на другие работы на соседнем острове.

Пан Тони стал работать ночным смотрителем в соседнем заведении «Sea Theatre», а другой дебошир в пансионате «Caloosa Cave».

Мы же хорошо обжились на новом месте. Возвращаться туда после работы было приятно. Просторный, уютный дом в тихом месте стал нашим убежищем, в котором, мы отдыхали душой и

телом.

Олег украсил нашу спальню сочными порнографическими иллюстрациями из регулярно прикупаемых им журналов. Всех гостей, посещавших наш дом, он обязательно водил на экскурсию и показывал свою настенную коллекцию. Его фото собрание мы называли «Тоска по родине».

Всем работникам пансионата объявили о месте и времени проведения рождественской вечеринки. Это было ежегодной традицией, которую все ожидали как должное. В целях привлечения гостей-клиентов, на территории пансионата устраивались всяческие массовые, зрелищные мероприятия. Водные гонки на скоростных катерах, были не так зрелищны, как шумны, но коммерческие цели, я полагаю, устроителями достигались. Любопытных съехалось много, и это положительно отразилось на выручке.

Не успели забыть о гонках, как объявили о проведении конкурса Miss Bikini. На это шоу публика отреагировала ещё более массово и радостно. Вход на территорию, как всегда, свободен; от гостей требовалось лишь одно — как можно больше покупать и потреблять. Они это делали.

Конкурс с пляжными девушками удался. Народу собралось уйма; девушек-участниц было предостаточно. Впрочем, в солнечные дни и без конкурса все разгуливали в пляжных нарядах, демонстрируя свои формы и татуировки.

Кстати, нательные рисунки среди молодых женщин приобретали массовый характер. Многие уже не ограничивались скромненькой розочкой на плече или бедре, а разукрашивали себя цветными сюжетами во всю спину.

Девица мужских размеров, сменщица Ронды, однажды явилась на работу с цветной, ещё слегка воспалённой татуировкой, украшавшей половину её мощной спины. Так как сама она не могла полюбоваться этим украшением без помощи зеркал, то демонстрировала это всем, кого знала, и спрашивала, как им это нравится. Первое, чем я поинтересовался: можно ли это при желании удалить? Она же гордо ответила мне, что это настоящая татуировка, а не какая-нибудь картинка-переводка, и стоит немалых денег. Но картина не закончена, вот когда дорисуют, тогда это будет Cool!

Я не возражал, как и учил меня Ларри, тем более что, картинка действительно была лихая. Но носить это на себе всю оставшуюся жизнь… Впрочем, колхоз — дело добровольное и о вкусах не спорят. Как заметил Ларри, мы живём в свободной стране и на кое-что имеем право.

Мои коллеги по отделу и другие сотрудники мужского пола

постоянно спрашивали меня о том, как мне нравятся американские женщины, и как они в сравнении с русскими и украинскими?

Я уверенно отвечал, что в этом вопросе Украина и Россия пребывает в более выгодном положении. На мой взгляд, мама Природа благосклонно и щедро отнеслась к славянским женщинам.

Американские товарищи с недоверием слушали подобные замечания и с трудом допускали, что в такой конченной стране, как Украина, может быть хоть что-то лучше, чем в Америке.

Они уверяли меня, что я не видел красивых американских женщин по той простой причине, что те и близко не бывают там, где мне приходится проводить всё своё время.

Это я допускал. Места моего пребывания в стране, действительно, близки к социальному дну, я и судил по той части Америки, которую мог видеть собственными глазами. Хотя, на седьмом месяце пребывания в этой стране, здесь на островах, где все разгуливают полураздетыми и много молодежи, мне их женщины показались вполне симпатичными и вовсе не хуже украинских.

Особенно было заметно одно отличие. Американские девушки более самостоятельны: они вполне комфортно отдыхают без сопровождающего кавалера и, коротая отпуск в одиночку, вовсе не выглядят уязвимыми. Порою, их самостоятельность принимает несколько грубоватые формы. В своём стремлении быть ни чем не хуже мужчин, они иногда ведут себя излишне мужеподобно.

О дне проведения рождественского утренника мы узнали за несколько дней. Праздновать решили почти за неделю до Рождества. Это как предпраздничная разминка для сотрудников.

Времени было достаточно, чтобы каждый мог подкорректировать свои планы и не пропустить праздничное мероприятие.

Для всех это был обычный рабочий день, начало вечеринки назначили на поздний вечер, когда основная масса сотрудников уже свободна. Как пояснил наш сосед Кевин, каждый работник может привести с собой на утренник кого-то из друзей. И с удовольствием объявил нам, что пригласил свою бывшую подругу. Нам было безразлично, с кем он будет на вечеринке: с подругой или другом. Зато сам он был заметно счастлив, и ему хотелось поговорить об этом. Похоже, он неровно дышал по отношению к бывшей подруге. И наше подселение на её место принесло ему лишь материальное облегчение по оплате ренты, но не избавило от болезненной тоски по ней.

В тот вечер мы вернулись с работы с намерением отменить обычные вечерние мероприятия и в назначенное время прибыть на пляж, где уже всё было готово к празднику. Ужинать мы не стали, лишь приняли душ и отдохнули. После чего, голодные и ненарядные, поехали на праздник. У входа на территорию празднования, прибывающих встречали работники службы общественного порядка и с приветствиями выдавали условные атрибуты, которые следовало подцепить на запястье. Это служило отличительным знаком для работников баров, обслуживавших это мероприятие. Носитель пластикового наручник — наш человек и ему можно наливать без всяких ограничений.

И видимо, действительно наливали безотказно, потому, как все любители выпить уже в приподнятом настроении расхаживали от бара к бару со стаканами в руках.

Скоро кто-то из администрации произнёс поздравительную речь и пригласил всех к столу.

За длинным столом, где каждый мог усаживаться по желанию, участники, естественно, распределились по национальному признаку. Русскоязычные работники и их гости, типа Полковника, в общей сложности, составляли человек 20. Беженцев с острова Свободы оказалось у праздничного стола больше всех. По-соседству с кубинцами чернела группа гаитян. Ну, и американцы. Этих было пока не меньше, чем кубинцев. Они гостеприимно-снисходительно призывали всех сбежавшихся к ним в гости, расслабиться и гулять в удовольствие.

Угощения — щедрые, погода — чудесная. С океана поддувал легкий освежающий ветерок, а песок ещё дышал теплом. Устроители праздника позаботились, чтобы еды, выпивки и света было более чем достаточно.

Накушавшись, гости обратили своё внимание к барам. Возникли музыканты и взбодрили праздник живой музыкой.

Кто-то танцевал, кто-то спешил попробовать все коктейли и прочие горячительные напитки; многие, подобно Олегу, были вынуждены воздерживаться от алкоголя, так как им предстояло управлять транспортом. Я употреблял за него. Обстановка всеобщего веселья располагала к сближению. Многие, с кем я был знаком поверхностно, запросто подкатывали ко мне, как своему приятелю, с рождественскими поздравлениями и приятельскими разговорами ни о чём.

К своему удивлению, я отметил, что за неполных два месяца, мотаясь с тачкой между барами и ресторанами, уже обзавёлся массой знакомых, которые вполне дружелюбно проявляли желание выпить и поговорить со мной. Наш коллега — сержант Джордж привёз с собой видеокамеру и, как обычно, с серьёзным

видом снимал всё происходящее. Я снял его на свою фотоаппарат мыльницу. Другой мой коллега, гаитянин, фотографировал всех на фотокамеру, с которой никогда не расставался. Возле бара мы встретились с Кевином. Он светился от счастья, и ему не терпелось представить мне свою подругу.

После знакомства и взаимных поздравлений, она заявила, что много наслышана о нас от Кевина, и теперь ей очень интересно повидать его новых соседей.

Женщина была приблизительно одного возраста с Кевином, но я сразу заметил: она не из круга работников пансионата, да и Кевину — не ровня. Когда заговорили, оказалось, что её речь отличается от той, какую я привык слышать вокруг. Форма и содержание вопросов ко мне, выделяли её из той массы собеседников, с которыми я общался сегодня, и каждый день.

Но мне снова пришлось ответить на избитый вопрос, как я нахожу эту страну. Я коротко изложил своё видение, шутливо отметив, что здешние люди излишне много времени и энергии уделяют бизнесу или просто зарабатыванию денег. И при этом пропускают массу других интересных вещей. Например, полноценное человеческое общение многие подменяют регулярными визитами к психоаналитикам. Общение между людьми свелось к обмену улыбками и вопросами: «как дела?». И даже этот вопрос чаще подменяется другим: «Are you busy?». То бишь, если бизнес активен, тогда всё хорошо, а если дела идут вяло — плохо. Более того, задавая, друг другу вопросы, они вовсе не намерены выслушивать ответ собеседника.

Кевин стоял рядом и с любопытством наблюдал за нашим обменом впечатлениями. Его подруга сообщила о себе, что она и сама не так уж давно прибыла в США из Шотландии, а по специальности она доктор психиатр. Ей случайно выпала возможность поработать здесь в одной частной клинике; вот она и задержалась.

При всех особенностях, присущих американцам, и дающих повод европейцам воспринимать их как детей, она, справедливости ради, отметила тот факт, что в этой стране гораздо легче найти место под солнцем. И она ценит предоставленную здесь возможность.

— Я даже готова простить американцам то, что они сделали здесь с английским языком, — пошутила она.

Я предложил выпить за нашего общего американского приятеля Кевина, который гостеприимно позволяет нам ехидно шутить о его стране, нелегально работать и зарабатывать их американские денежки. Кевину, явно, нравилось то, как мы легко нашли общий язык, и он гордился своей образованной

шотландской барышней-доктором. Добродушно пообещал не сообщать миграционной службе о наших антиамериканских настроениях. Мы ему доверяли.

Вскоре, празднование сконцентрировалось вокруг музыки и бара. Публика стала заметно словоохотливей и добродушней. От чёрных работников, ответственных за утилизацию отходов, до ресторанных администраторов — все дружелюбно поздравляли меня с чем-то, при этом, чаще называли меня не по имени, а просто — Big Boss Man или Delivery Man.

Среди танцующих, я заметил Сашу, которого в последнее время встречал лишь в ресторане, когда доставлял туда провиант. Он похотливо вытанцовывал вокруг какой-то незнакомой мне девицы. Среди сотрудников, я её раньше не встречал. Вероятно, она из числа приглашённых, и, похоже, местная. Сашины зазывающие телодвижения были ей понятны и без английского языка. Я был уверен, что сейчас Саша благоухает парфюмерными запахами особенно сильно. Обычно, перед выходом на подобные мероприятия он без меры поливал себя одеколонами.

Несколько особняком, в гордом одиночестве, с отрешенным взглядом и угасающей улыбкой, топталась в своём старческом ритме супер бабушка, к которой сватал меня итальяшка с заправочной станции. Подвыпившая молодёжь скакала под музыку, соблюдая дистанцию, во избежание столкновения с хрупким, редким экземпляром. Неосторожное движение могло привести к неуместной трагедии и подпортить праздник. Активное участие бабушки в коллективном праздновании придавало вечеринке особый колорит. Она оказалась в кругу танцующих, подобно рождественской ёлке или государственному флагу.

Обременённые ежедневным обязательством выходить ранним утром на работу, мы отбыли домой задолго до полного окончания праздника. Настроение было приподнятое, спать не хотелось. Припарковав машину перед домом, мы обнаружили, что кому-то также не спится. В позднее время где-то по соседству достаточно громко звучала музыка. Раньше мы такого не замечали. Мы прислушались, огляделись. В соседнем доме, в десяти шагах от нас, в окнах горел свет, оттуда же и музыка доносилась. Качество звука и содержание были приятной неожиданностью для нас. Шума гуляющей компании не наблюдалось. Кто-то просто слушал музыку в своё удовольствие.

Кевин когда-то упоминал, что в соседнем доме живёт разведенная женщина средних лет, с двумя детьми. Мельком мы видели её со стороны. Как-то и сам Кевин передавал нам привет от этой соседки.

Сейчас её бесшабашно открытые двери подталкивали нас к мысли о нарушении режима. К тому же, на этой неделе я получил почтовую бандероль от компании Columbia House с порцией компакт дисков, которые пока не было на чём проиграть.

Так, мы оказались на соседней территории у приоткрытой двери дома. На наш стук никто не отозвался. Дождавшись тихого момента в звучавшей музыке, я снова постучал. На этот раз нас услышали, убавили звук, и на пороге появилась соседка. Судя по озадаченному виду, она не ожидала, что кто-то может заявиться к ней в такое время. Мне показалось, что она была готова выслушать справедливые замечания по поводу громкого звучания в ночное время, и искренне обрадовалась, услышав, что мы решили по-соседски зайти к ней, познакомиться и, если можно, вместе прослушать свои компакты. Она запросто пригласила нас войти в дом.

В гостиной стоял пряный запах цветов и трав. Комната была украшена живыми и сухими цветами; во всем чувствовалось присутствие и участие женщины. Она предложила нам присесть на диванчик и коротко сообщила, что Кевин уже рассказывал о нас. И всё же переспросила: действительно ли мы русские? Мы подтвердили этот факт, и заверили, что пришли без оружия. Она осталась довольна, и поинтересовалась: что мы будем пить? Сама она тоже была подвыпившей. Неожиданная компания оказалась ей в радость. Приняв наше пожелание чая, она через минутку вернулась в гостиную с тремя чайными чашками бутылкой шампанского.

Пока я откупоривал бутылку, она пересмотрела принесённые компакты, отметила, что сама тоже покупает таковые у Columbia House, и выбрала компакт «Ten Summoner's Tales» Sting. Остановила проигрыватель, поместила среди пяти других, выбранный ею компакт, и запустила проигрывать. И музыке, и шампанскому, и нашему неожиданному визиту была от души рада. Я понял, что этой ночью если нам и удастся поспать, то совсем немного. Мысль о работе отравляла именины сердца. Наша соседка, похоже, не была обременена утренними повинностями. Настроение у неё было праздничное; она радостно тараторила о том, как по-рождественски романтично, то, что мы вот так запросто, ночью зашли к ней на музыку. Ей хотелось успеть и потанцевать, и поговорить обо всем.

Из всего этого сумбура я узнал, что она тоже арендует этот домик и работает в цветочном магазине, принадлежащем её маме. Магазин где-то на территории ближайшего пансионата, куда она добирается велосипедом. Цветочный бизнес ей нравится, и вообще, ей всё нравится здесь на островах. Упомянула о своих

детях, которых она сегодня оставила у мамы, чтобы расслабиться и отдохнуть.

Когда шампанское иссякло, и Sting был выслушан вдоль и поперёк, наша новая подруга, вдруг, поинтересовалась о нашей машине. Убедившись, что таковая стоит во дворе, она сделала нам совершенно нетрезвое предложение: продолжить праздник в каком-то чудном местечке! Я заметил, что уже давно не вечер, и нам скоро надо быть на работе, чёрт бы таковую побрал. Да и как мы можем куда-то ехать, если среди нас нет ни единого трезвого?

Мои замечания она расценила как занудство, просила меня не портить праздник и больше не говорить такой скучной, благоразумной ерунды. Заметила, что всегда считала русских безумными авантюристами и романтиками, а мы разочаровываем её. Кроме этого, мы, якобы, совершенно не знаем Америку, и если продолжим гуляния по её плану, то сами увидим, что по ночам перед Рождеством никто трезвым не ездит. И вообще, она обещала обидеться на нас, если мы будем такими занудами…

Самое время было вернуться домой и завалиться спать, но и обижать соседку не хотелось.

Я полагал, её чудное местечко где-то поблизости, а оказалось, в милях десяти от нас, или мне так показалось ночью. Пункт обозначался как Tavernier. Мы бывали там много раз, посещая торговый центр. Мне стало любопытно, что это за местечко, которое открыто в такое позднее время? Все магазины в торговом центре мы уже обследовали, но оказалось, мы не побывали за углом; а там находился обычный бар с бильярдом и музыкой. Действительно, место оказалось приличным. Просторно, тихо и чисто. Посетителей было немного. Соседка уверенно повела нас прямо к стойке бара. Там, с уважительной дистанцией один от другого, тихо просиживали ночь человека три. У бильярдного стола отирались двое парней, гоняя шары, и несколько полуночников посиживали за столиками. По приветствиям женщины, дежурившей за стойкой, я понял, что соседка была здесь частым гостем. Она, как гражданка своей страны, настоятельно рекомендовала нам коктейль с многообещающим названием «Fire Ball». Я заказал три. Олег поинтересовался, кто здесь третий, давая понять, что ему предстоит ещё везти нас обратно. Соседка поняла, в чём заминка и обещала помочь нам в решении этого вопроса. Хотя, считала, что этот божественный напиток и водителю не повредит. Олег поверил ей.

Пока хозяйка шаманила над приготовлением зелья, наша соседка заговорила с ней. Из их разговора до меня донеслось, что сегодня она привела сюда двух русских, которые понятия не имеют ни о Рождестве, ни об Америке вообще. Ближе сидящий ко

мне клиент, услышав об этом, стал с любопытством разглядывать меня. Бородатый очкарик с неухоженной внешностью, показался мне тактичным парнишей, который дружелюбной улыбкой давал понять, что хотел бы заговорить со мной, но тактично не решается навязывать свою компанию. Я подал ему знак дружеского расположения и тот доверчиво протянул мне руку. Представился. Я ответил тем же.

Первое, что его удивило, — мой понятный для него язык. Наивно, с некоторым разочарованием, он спросил меня:

— Откуда взялся твой английский, если ты — русский?

— Когда-то учился на шпиона, но мне это так и не понадобилось. Вот теперь сижу здесь и пью «Fire Ball».

Напиток красно-ядовитого цвета, оказался действительно вкусным и по крепости соответствовал названию.

— Чему ещё обучали тебя, кроме английского? — стал допрашивать он.

— Учили — как заводить друзей среди подвыпивших американцев, — серьёзно ответил я. — И на почве различных интересов: спорт, музыка, литература, затем, обращать их в активных сторонников марксизма-ленинизма.

Последнее развеселило моего собеседника. Он доверительно сообщил мне о своём не очень-то лояльном отношении к американскому капитализму. Но и коммунистические лагеря его пугали ещё больше.

По-моему, приятеля устрашало всё, что связано с интенсивным многочасовым трудом, будь-то в исправительных лагерях, либо в добровольном предпринимательском марафоне. Ему больше нравилось коротать время в барах.

— Именно такие клиенты меня интересуют! — указал я на него.

— Вряд ли ты проходил в своей шпионской школе музыку, которая волнует меня, — шутливо заявил Борода. — Мне по-прежнему нравится старая музыка, времен моей молодости, — пояснил он.

— Ты имеешь в виду далёкие 60-70-е годы? — уточнил я.

— Точно!

— Так это мы проходили. Мне и самому нравятся ваши CCR, Grand Funk, Simon and Garfunkel, Chicago. Хотя, в то время британской музыки было побольше.

Бородач раскололся. Пустился рассказывать мне, на чьих концертах он побывал в те годы. Из его откровенного рассказа о жизненных интересах, я понял, что в молодости он, как бросился в беззаботное течение хиппи, так и не вернулся из него к реалиям жизни.

Нетрудно было заметить, что поговорить об этом, для него — как бальзам на душу.

Его компания в этой ситуации пришлась мне по душе. Наша соседка несколько раз пыталась встрять в разговор, но как-то не приживалась в нашем коллективе. Я заказал ей ещё один Fire Ball и она отстала.

Когда она влезала в нашу беседу, нетрудно было заметить её снисходительное отношение к спивающемуся дядьке неудачнику, которому и похвастать-то больше нечем, кроме как воспоминаниями о беззаботной молодости.

А сама-то она, также любит выпить и ничего особенного собой не представляет. Можно предположить, что в его возрасте, она будет заправлять маминым цветочным магазинчиком и, возможно, к тому времени приобретет свой домик в кредит. Но и это всё, пока лишь Может Быть. Но она уже смотрит на этого интеллигентного стареющего парнишу, как на безнадежного неудачника. Типичный пример женской меркантильной оценки человека. А также яркий пример американского отношения к бедности.

Здесь материальное положение субъекта — мерило и оценка самой личности. Каким бы хорошим ты ни был, если ты не платежеспособен, тогда о чём с тобой говорить? У них не прижились наши поговорки о том, что бедность — не порок, и не в богатстве — счастье. Здесь культивируется преуспевание и благополучие. А осознанный отказ от стремления к материальным ценностям рассматривается, как серьёзное отклонение от нормы. Пренебрежительное отношение к Американской Мечте — осуждается. Здесь в почете наша поговорка: лучше быть здоровым и богатым, чем больным и бедным. И они часто и густо, хвастливо и громко кричат о своём здоровье и богатстве. Но если присмотреться к достижениям многих американцев внимательней, то выяснится, что все их материальные блага приобретены в кредит, выплатить который не всегда достаточно всей жизни. Говорить же об этом искренне и негромко, они позволяют себе лишь на платных сеансах-беседах с психоаналитиком.

Пока я общался со случайным собеседником, счастливым от того, что его кто-то слушает и отвечает взаимопониманием, Олег принял участие в бильярдном состязании. Среди игроков оказался даже один коллега — официант из нашего ресторана Horizon.

Тем временем, я узнал, как много приятного пережил мой приятель в 60-70-е годы. Для сравнения с его американской историей тех лет, я попытался выразить ему свои символы,

вынесённые из того времени.

У меня упоминание о 60-х годах в первую очередь ассоциировались с музыкой The Beatles, многократно перезаписанной на магнитофонной ленте и безотказно вызывающей мурашки по телу. Любимые китайские кеды и многочасовые дворовые, футбольные состязания до сбитых колен… Хрущёв с кукурузой… Фидель Кастро с паршивым сахаром… и чёрные студенты с Острова Свободы. Ужасные стоматологические клиники с разрушительной дрелью и цементными пломбами. Первый космонавт и ажиотаж вокруг полёта в космос. Массовое желание детей и взрослых полететь туда, и быть космонавтами, или, как минимум — летчиками. И мои первые навыки приспособления к условиям тоталитарной истерии, скрытое нежелание быть не летчиком, не космонавтом, а самим собой. Тогда это означало для меня играть в игры, которые нравились мне, а не запланированные школьной программой гармоничного развития личности. Слушать и переживать музыку, которая глубоко волновала меня, а не разучивать хором «Солнечный круг, небо вокруг.» И на затасканный вопрос учителей и воспитателей: кем хочешь стать, когда вырастешь? — врать в угоду им, что хочу быть космонавтом.

Пьяненькому стареющему хиппи показались интересными мои воспоминания о 60-х годах. Он пригласил меня наведываться сюда почаще. Этого я не мог ему обещать. Зато я заверил, что нашего случайного разговора для меня достаточно, чтобы запомнить и его самого, и всё, о чём мы говорили с ним, также надолго, как я помню Хрущева, Кастро и Мао Цзедуна.

К этому, почти утреннему времени, мой собеседник уже не сомневался ни в чём, мною сказанном. Расстались мы настоящими приятелями. Он отметил, что здорово провёл время. Признал, встреча с русским шпионом оказалась гораздо приятней, чем визит к психоаналитику или проститутке, которые, в сущности, мало, чем отличаются (лишь ценой).

Наша подруга вошла во вкус ночной жизни и предложение отправиться обратно домой, восприняла крайне неохотно. До семи утра, когда мы должны приступить к работе, оставалось часа четыре. Ехать на работу прямо из этого заведения как-то не улыбалось. Ей же было трудно понять пролетарскую озабоченность о предстоящем рабочем дне. Лишь наши клятвенные заверения вернуться сюда в ближайшие дни, склонили её к согласию.

Обратно ехали невесело. Чувствовалась усталость. Наша попутчица оставила в баре последние способности трезво воспринимать реальность. Говорить о чём-либо не было ни

желания, ни сил.

К счастью, на следующий день трудовая активность всех сотрудников была явно понижена, и наша вялость не была исключением.

Среди дня нашу похмельную повинность скрасило неожиданное прибытие к причалам потрепанной рыбацкой шхуны с 80-ю кубинскими беженцами на борту. Её сопровождал катер береговой охраны. Процесс высадки беглецов с острова Свободы проходил под тщательным наблюдением полиции и миграционной службы, которые встречали их на берегу.

Конечно же, происходящее интересовало не только полицию, но и туристов с их камерами и фотоаппаратами. Служба оградила место высадки и подогнала автобусы. Пересадка гостей на сухопутный транспорт сопровождалась тщательным досмотром каждого.

Беженцы являли собой различные возраста, выглядели уставшими и перепуганными. Видимо, пока они добрались до американского острова, сполна натерпелись. Мероприятие рискованное, но этим — повезло.

Как шутливо комментировали событие мои американские коллеги, скоро все эти беженцы получат легальный статус и право на социальное обеспечение, чего нашему русскому Серхио не светит.

События, как рождественские чудеса, повалили на наши очумевшие головы. Встретившись с Кевином на работе и обменявшись впечатлениями о вчерашней вечеринке и сегодняшнем десанте с острова Свободы, он осторожно заявил об ещё одной новости. Он хотел согласовать со мной такой деликатный вопрос, как прибытие его друга детства из Long Island, NY.

Я воспринял это, как приезд на рождественские праздники, но Кевин пояснил мне, что в действительности, у его приятеля сейчас трудный период, и он, полагая, что Кевин живет один в доме, решил попросить у него временное убежище-пристанище.

Я выслушал и подумал, что места у нас достаточно; подобная ситуация мне самому знакома; да и пребывание гостя в нашем доме лишь временное. Я обещал пояснить ситуацию Олегу.

Но до того, как я переговорил с Олегом, Кевин отыскал меня снова и предложил закончить работу сегодня пораньше. И, до того как вернуться домой, присесть где-нибудь, выпить пива, познакомиться и обсудить условия проживания гостя. Кевину хотелось быть уверенным, что наше согласие на временное подселение его приятеля, мы даём осознанно, познакомившись непосредственно с ним самим.

Я передал всё это Олегу. Тот воздержался от конкретных замечаний по этому поводу. Не обрадовался.

Когда мы все встретились, то я сразу отметил, что парень злоупотребляет алкоголем; это было очевидно по его испитой физиономии.

При знакомстве, он суетился и заискивал перед нами, как перед людьми, от которых зависит его временное благополучие. Кевин почувствовал назревающую неприязнь и как мог, заглаживал ситуацию. Он дружески пригласил всех присесть и обсудить неожиданно возникший вопрос. Кевину было неловко, я его понимал и мысленно уже согласился помочь не столько его приятелю, сколько самому Кевину.

За пивом мы договорились, что пока наш гость устроится на работу и найдет себе жильё, он остановится в нашем доме, и будет ночевать в гостиной на диване.

То, что этот парень на полной мели было очевидно даже для нас, туристов. Про себя я подумал, что он может застрять на нашем диване как минимум на месяц, так как для переезда ему потребуется сначала найти работу и заработать деньги на аренду жилья.

А тем временем, мои подозрения коварно усыпляли радужными планами на сегодняшний вечер. Кевин и его приятель просили быть дома к такому-то часу и обещали организовать на ужин вкусное спагетти. Всё, за исключением спагетти, мне не нравилось. Я чувствовал, что к нашему тихому комфорту что-то подкралось.

Ужин они приготовили действительно вкусный. Мы прикупили пива, к которому наш новый сосед проявил заметный интерес. Я намекнул Олегу, что мы снова оказались в большой семье, где зевать не следует, если хочешь попробовать своё пиво.

Этому парню было около 50, по мере употребления пива, он становился всё более уверенным в себе.

Согласие на его проживание мы дали, и теперь надо было как-то уживаться. Разговора о распределении рентной платы на четверых, как-то не последовало, и я понял, что этот ужин и был его вступительным взносом в нашу коммуну.

Всё это меня беспокоило. Появилось желание пойти в санузел и забрать оттуда свои туалетные причиндалы. С полотенцем, для начала, я так и сделал. Судя по его автомобилю и одежде, он производил впечатление грязнули.

Так мы стали поживать втроём.

Но были и приятные неожиданности. Компании BMG и Columbia House стали заваливать нас бандеролями с компактами и предложениями заказывать ещё и ещё, а также, вовлекать в эту

потребительскую игру всех, кого мы знаем.

Условия игры предполагали поощрительные подарки и скидки.

Кроме музыкальных бандеролей, в нашем почтовом ящике я нашёл телеграмму с родины. Содержание этого послания в сжатой форме отражало экономическое и социальное положение украинского народа. Телеграмма сообщала; «Визу получил. Владимир».

Кто этот Владимир, я догадывался, для чего он извещал меня, — начинал понимать. Но почему именно я?

Между многочасовой суетой на работе, посещением почтового отделения и супермаркета, душем и ужином, я думал: чего же следует ожидать от этого Владимира?

За последние семь месяцев я не слышал о нём ничего, хотя ещё из Бруклина посылал ему письмецо. Я гнал от себя мысль о том, на наши головы свалится ещё один гость, претендующий на второй диван в гостиной.

Однажды вечером к нам заехали знакомые московские барышни со своим польским ухажёром. Они ничего не знали о нашем новом соседе, но его присутствие нам не помешало. Мы наспех организовали пиццу, красное сухое вино и пиво… Поговорить было о чем. Вечер складывался хорошо. Наш сосед дал понять нам, что мы ему не мешаем, обращать внимания на него не надо, он, мол, тихонько посидит на своём диване.

Мы пригласили и его. Он охотно присоединился. Усугубил пива и вина, и стал проявлять внимание к женскому полу. Так как женщины были не очень-то разговорчивы на его языке, то мне пришлось какое-то время посредничать в передаче его избитых комплиментов.

Такое внимание к неожиданно возникшему американскому ухажёру не понравилось поляку. Они с Олегом стали хохмить над джентльменскими потугами подвыпившего Ромео и оттеснили его обратно на диван.

Остаток вечера наш американский гость, хотя и не навязывался в кавалеры, зато проявлял пристальное внимание к пиву и всему происходящему в гостиной. По этому поводу Олег справедливо заметил, что он и на курсы английского языка ходил, и по телефону заезжал, а ему, по каким-то непонятным причинам, отказывали. А этот бедный родственник, два дня как получил наше согласие на пользование диваном, а тоже пытается пристроиться к подругам.

Поляк, заметив обострившуюся конкуренцию, пожалел, что приехал к нам в гости, и пожелал в будущем встречаться на их территории. На том и порешили: Новый год отпразднуем в их

доме в Ки Ларго.

Этой ночью, казалось бы, уже ничего не могло помешать нашему сну и мы спали. Но за окном, где-то во дворе происходили какие-то странные действа. Сквозь сон, до моего сознания доходило, что к нам во двор приехали и остановились какие-то автомобили. Хлопки дверей, возбужденные мужские голоса, служебные переговоры по рации. Я так и не осознал, что это было: сон, либо ночной полицейский телесериал. Как долго продолжалась эта ночная возня, определить я не мог, ибо так и не проснулся.

Утром мне об этом напомнил Кевин. Он спросил: не слышал ли я чего-нибудь этой ночью. И охотно рассказал о случившемся.

Оказалось, полиция таки действительно приезжала сюда. И вызывал их Кевин. На мой вопрос: для чего? — тот рассказал мне живой, свежий анекдот.

Среди ночи его разбудил шум. Через приоткрытое окно спальни, которое выходило в сторону дома нашей знакомой соседки, он отчетливо услышал крики. Прислушавшись, определил, что крики доносятся из соседнего дома, и по голосу узнал соседку. Жуткий вой не прекращался, уснуть, слыша такое, он не мог. Зная её склонность к выпивке и непредсказуемость поведения, он посетить её не решался, но сделал попытку связаться по телефону. Но на его звонки никто не ответил. Шум борьбы и страданий продолжался. Тогда он решил позвонить в полицию и доложить о своих подозрениях и беспокойстве.

Спустя несколько минут, одна за другой, подъехали три патрульные машины, блокировали выход из дома, и на всякий случай, окружили соседский дом, да ещё и с оружием наизготове.

На полицейское требование открыть дверь, в доме стихло, и приказ исполнила сама предполагаемая жертва. Она была немного пьяна и очень счастлива. Увидев вокруг своего дома вооруженных полицейских, она искренне удивилась этому. На расспросы: всё ли с ней в порядке? — она честно ответила, что ей хорошо, как никогда!.. Теперь удивились полицейские:

— Но ваши соседи и мы сами слышали, как кто-то кричал в вашем доме. Что здесь происходит, и кто ещё есть в вашем доме? — наступали на неё полицейские.

— О, Господи! Спасибо вам всем за беспокойство…, Но если я и кричала, так это от удовольствия. А в доме, кроме меня — мой дружок. Так что, ещё раз спасибо за ваше внимание, желаю всем весёлого Рождества!

Со слов Кевина, все остались довольны, никто никого не упрекал за пустой вызов. Случившееся, восприняли, как забавный рождественский случай. Полицейские лишь пошутили в адрес

Кевина, что ему следовало бы получше знать свою соседку, и безошибочно распознавать издаваемые ею звуки.

5–6 раз в неделю, по утрам около семи часов, когда зимнее солнце ещё не взошло, мы сонные выкатывали из своего двора, выезжали на дорогу US-1 и молча ехали в направлении Ки Вест. Этот отрезок дороги от Orange Lane до Holiday Isle уже опостылел. Особенно острую тоску вызывала утренняя езда на работу.

Середину семиминутного пути отмечал нелепо стоящий на травяной лужайке, как заблудившаяся корова, спортивного типа автомобиль «Camaro» белого цвета. На лобовом и заднем стеклах были приклеены объявления «4 Sale». Я же воспринимал это, как недвижимый памятник затянувшемуся экономическому застою, на который жаловались и в теленовостях и в повседневной жизни. Они называли это, словом Recession. Я бы удивился, если бы однажды утром не увидел этот объект на своём месте. Автомобиль, подобно чёрному обелиску стабильно стоял в ожидании покупателя.

На работе, по-прежнему, все ожидали массового наплыва гостей, всплеска деловой активности, и вообще — экономического оживления в стране. Всё шло своим чередом.

Мы, не дожидаясь рождественского потребительского бума, стали втихую набавлять себе рабочее время. Заканчивая работу, мы лишь забирали свои карточки из ячеек, но не останавливали время. Уезжая с работы, мы оставляли невидимую нам машину времени насчитывать на наши активы рабочие часы. А несколько позднее, вечером, когда уже темнело, и вероятность встретить кого-нибудь из своих коллег, была мала, возвращались на территорию пансионата. Подгадав удобный момент, мы посещали будку, где находилась машина учёта времени, и одним быстрым движением контачили магнитной карточкой с этим прибором. Звуковой сигнал подтверждал исполнение операции; рабочее время останавливалось. Также незаметно мы покидали это место. Такими ухищрениями мы удлиняли рабочие недели до 60 и более часов, что было уже на гране реального.

Однажды вечером я вышел из этой будки с зачехлённой ракеткой, ещё потный… и встретился нос к носу с сотрудницей ресторана Horizon. По её приветствию и предложению поиграть когда-нибудь с ней в теннис, я не заметил какого-либо подозрения. Но на всякий случай, вставил в наш короткий разговор вопрос о посудомойщике Геннадии. Якобы, мне срочно надо повидать его, но карточки Гены я не нашёл, вероятно, сегодня его на работе нет…

Это сработало; она подсказала мне, что Гена на своём рабочем месте, а его карточка, вероятно, подписана другим

конспиративным именем, на случай проверок миграционной службой.

Я поблагодарил её за своевременную информацию. Мне пришлось подняться в ресторан и повидать Гену.

На работе — каждый день одно и то же. Порою, время словно останавливалось, и рабочий день казался вечностью. Олег думал, что моя работа повеселей, и мне не так нудно; я же полагал, что ему в русско-украинской бригаде полегче скоротать время.

Когда было возможно, мы встречались во время работы. Особенно охотно он шёл навстречу, если я доставлял коробки с мороженными куриными крылышками. В таких случаях наши встречи условно именовались «стыковками». Моя тачка, груженная провиантом, и его, с пластиковым бачком для мусора становились впритирку. Он приготавливал новый полиэтиленовый пакет, куда перелетали мороженные куриные обрезки. Мои коробки были достаточно велики, их вес никогда не проверяли; не такая уж это ценность — и наши встречи-щипки не были заметны.

Полученные порции Олег свозил в свой шкафчик, а затем в наш кухонный холодильник.

После работы мы обычно заезжали на почту и проверяли почтовый ящик. Наше потребительское сотрудничество с торговыми фирмами BMG и Columbia House заметно активизировалось. Компакты присылались как на наши имена, так на другие, нами же, вымышленные, как для клиентов, пожелавших подписаться на этот вид услуг по нашей рекомендации.

Учитывая количество поступающих на наш ящик посылок, мы были вынуждены арендовать ещё один почтовый ящик, чтобы на одном адресе не висело несколько заказчиков.

Ну и, конечно же, возник вопрос, нужно ли отправлять деньги за компакты, присланные на имя Shura Balaganoff. Пока мы справлялись и исправно переводили деньги за полученное. Компании, обнаружив в нашем лице ненасытных потребителей, заваливали нас новинками и ещё более выгодными предложениями. Для нас это было нечто более чем выгодное приобретение. Эти игры скрашивали наше однообразное пролетарское бытие. Само посещение почтового отделения и вскрытие почтовых ящиков приятно волновало. Разборка почты в домашних условиях, воспринималась, как культурный отдых после рабочего дня.

Для учёта и статистики каждый из нас вёл свою бухгалтерию: когда, что и на какое имя было заказано, — ибо без такового учёта мы уже стали получать дубликаты. В таких случаях мы

обменивались компактами между собой.

Часть суток, оставшаяся после 10–12 часового рабочего дня, пролетала незаметно быстро.

Почтовое отделение… душ… ужин… поиграть в теннис… поплавать… посетить супермаркет и уже ночь. А в семь утра меня уже ждут в ресторане с пятью коробками апельсинов.

Одним таким утром я доставил какие-то продовольственные мелочи в бар Wreck. Там хозяйничала наша знакомая Malvin. Вероятно, в качестве проявления своей материнской заботы обо всех заблудших русских туристах, она задала мне затёртый вопрос «How are You?» А я, не задумываясь, искренне ответил ей: «Every fuck'n morning the same shit».[10]

Она опешила от такой прямоты, а затем сухо заметила, что я осваиваю язык не в лучшем направлении.

Времени на дискуссию у меня не было, и я, молча, покатил, пустую тачку в своём рабочем направлении.

И работа и сам остров начинали притомлять меня. Кроме регулярных чеков по зарплате, музыкальных бандеролей и прочих немногих радостей, всё остальное время отдавалось дебильной работёнке.

Правда, по выходным дням мы совершали экскурсии по островам. В одну сторону до Key West, а в другом направлении до Maimi. По нашему дому теперь слонялся наш временный постоялец, что также не скрашивало нашего островного бытия.

Из общения с ним я узнал, что на Лонг Айленд штат Нью-Йорк у него живут взрослые дети, но, как он вскользь заметил, отношения с ними в последнее время осложнились, и он уехал. Как я понял, он всех достал, и они попросили его. И тогда, он вспомнил о своём друге детства — Кевине.

Олег уже просил меня передать тому на понятном для него языке, что, если он и далее будет прикладываться к пивным запасам, то и наше гостеприимство может иссякнуть.

До и после Рождества отдельные коллективы организовывали свои вечеринки. Наш отдел закупки тоже затеял таковое. Мероприятие назначили на вечернее время, на пляже.

Мы приехали туда с Олегом, когда тихие посиделки с BBQ и пивом были уже в процессе. Половины наших сотрудников не было: это восполнялось приглашенными, подобно Олегу.

Отсутствующих сотрудников было нетрудно понять. Изо дня в день, по 10–12 часов мы бок о бок тёрлись среди стеллажей с коробками и упаковками. В свободное от этого время, если уж и пить пиво, то не в этой же компании.

По реакции собравшихся я понял: они искренне рады нашему приходу, а кто-то даже заметил, что мне следовало бы пригласить

и других своих земляков. Наше присутствие дало им возможность потрепаться о наших впечатлениях и послушать анекдотичные случаи-приключения русских в Америке. Наше участие заполнило очевидную эмоциональную пустоту. Со мной был мой шпионский пластмассовый фотоаппарат, и мы пользовались им в процессе заседания.

Допоздна засиживаться не стали. Скоро все дружно стали собираться по домам.

Оставалось немало баночного пива, сухого вина и курятины. Все почему-то уверенно заявили, что мы с Олегом должны забрать продукты домой. Мы согласились с мнением коллектива и отгрузили эти рождественские дары в машину.

Впоследствии, большую часть этих угощений, потребил друг Кевина, пока мы целыми днями мотали срок на работе.

С терпеливым пониманием мы наблюдали за этим типом. Зная, что он основательно сидит на мели, не чинили ему продуктовых ограничений. Однако вопрос о его затянувшемся пребывании в этом доме уже ощутимо висел в воздухе.

Встречаясь с Кевином на работе, мы неоднократно обсуждали возникшую проблему. Он и сам желал, как можно скорее и безобиднее, разрешить коммунальный кризис.

31-го декабря, когда к истечению последних часов 1993-го года, вся территория пансионата сотрясалась от пьяного шумного движения студенческой молодежи и харлеевских охламонов. В нашем отделе велась напряженная работа по инвентаризации и текущей доставке непрерывных заказов в рестораны и бары. Настроение у нас было далеко не праздничное.

Tiki Bar, где размещалась лаборатория (так я шутливо называл эту подсобку), в которой бадяжились коктейли для всего пансионата, посылал нам заказы на Бакарди и другие алкогольные компоненты в огромных количествах.

Когда я пёр туда свою тачку, груженную пирамидой из коробок с вином, пьяная отдыхающая братва шумно приветствовала меня и приглашала заезжать с тачкой в их компанию. Я всем обещал обдумать и согласовать предложение со своим боссом.

В коктейль-лаборатории работал парень, прибывший на остров из штата Maryland, в надежде устроиться здесь со своей лицензией на управление судами, и работать на какой-нибудь прогулочной яхте. Он постоянно ворчал по поводу задержек заказанных им продуктов. Как только я подкатывал свою груженную тачку, он набрасывался на неё и рассовывал коробки с алкоголем в определенном порядке по своей каптёрке.

Через какой-то час я приезжал к нему, и он доставал мне из

холодильника пластиковые ведра с вкусными алкогольными пойлами-коктейлями и экзотическими названиями, типа Пинеколада и т. п. Далее, я развозил это зелье по другим барам и ресторанам, заказавшим доставку такового.

В этот последний вечер 93-го года Олег уехал домой, не дождавшись меня, напомнив, что мы приглашены на новогодние посиделки к нашим московско-польским приятелям. Я обещал позвонить домой, как только освобожусь.

В перерывах между доставками мы продолжали пересчитывать складской инвентарь и провизию. В наши складские дебри доносились приглушённые отголоски праздника. Среди алкогольных запасов частенько встречались распечатанные и полупустые бутылки. Мои коллеги, слегка поддатые, не очень-то огорчались перспективой встретить Новый год на складе. Они делали своё дело, втихую выпивали, закусывали складскими деликатесами и имели себе в виду причитающиеся им сверхурочные доплаты.

Ковыряясь в коробках в паре с Россом, я заметил, что тот вообще никуда не торопится и чувствует себя вполне комфортно в этой ситуации. Я пересчитывал упаковки и докладывал ему цифры, а он, удобно расположившись со списком, делал в них отметки и продолжал рассказывать мне о своей сладкой подружке из Германии и о музыке.

В январе ожидался концерт Aerosmith в Майами, и они с Дэйвом заказали себе билеты. Позднее, на том же стадионе ожидался концерт Pink Floyd. Обо всем этом мы и трепались с ним.

Было уже около 11 часов, когда босс Джон позвал всех на построение. Отметив, что все уж слишком расслабились и если так продолжать, то мы и до утра не закончим. Затем он перешёл к главному вопросу. А суть его в том, что уже по имеющимся данным сегодняшней инвентаризации, которые ему представили по сигаретам и некоторым другим наименованиям, вырисовывается ощутимая недостача, объяснить которую, ему будет крайне сложно. Он серьёзно призывал нас умерить свои аппетиты и соблюдать установленные правила потребления продуктов во время работы. Якобы, если так будет и далее продолжаться, то это приведет к вынужденным удержанием из зарплат. Последнее замечание вызвало неодобрительный ропот среди работников. Но босс был серьёзно озадачен проблемой хронических недостач и просил нас отнестись к его замечанию должным образом. Мы обещали.

Закончив эту мрачную новогоднюю оперативку, он объявил, что я и ещё пару человек — на сегодня свободны. Поблагодарил

нас за многочасовой, напряженный рабочий день и пожелал счастливого Нового года.

Второй босс полушутя напомнил мне, чтобы во избежание неприятностей, при уходе я не забыл остановить отсчёт рабочего времени. В таком новогоднем замечании слышался совершенно нешуточный симптом. Я понял, что администрация обеспокоена не только недостачей продуктов, но и перерасходами на оплату сверхурочных работ.

Сделал, как мне посоветовали, и позвонил Олегу. Договорились, что он подъедет за мной на нашу заправочную станцию Chevron, где я буду поджидать его.

Мой рассказ о том, какое замечание сделал мне сегодня один из моих боссов, омрачил праздничное настроение Олега, но наши новогодние планы это не изменило.

Дома я по-быстрому принял душ, Олег по телефону предупредил о нашем скором прибытии и мы выехали. Друзья снимали дом на соседнем острове Ки Ларго, и мы через несколько минут были на месте. Стол был накрыт, нас упрекнули в опоздании и пригласили занимать места. Всеми приготовлениями занимались женщины. Между нами было договорено, что они, после всего выставят нам счёт за нашу долю от общих расходах.

В центре стола красовались традиционный тазик с салатом «Оливье» и бутыль водки Smirnoff.

Из своего опыта работы в отделе доставки, я знал, что водка «Смирнофф» — самая паршивая в сравнении с другими; Абсолют, Финляндия, Столичная.

В этом двухэтажном доме, кроме двух московских женщин и их польского друга, жила ещё одна русская барышня, но она была помоложе, в какой-то мере владела языком и вынашивала амбициозные планы американизироваться. В совковой компании делать ей было нечего, она отсутствовала. Из замечаний наших приятелей о своей соседке, мы поняли, что избранный ею путь к Американской Мечте оригинальностью не отличается. Девушка просто ищет гражданина, которому, можно сдаться в законный брак со всеми вытекающими формальными возможностями. Одна из разновидностей проституции. Подобных браков и дома немало. Колхоз — дело добровольное, и мы пожелали ей удачи и успехов в любви.

Сидели мы хорошо. Вкусно ели, пили, трепались ни о чём. В перерывах выходили из дома прогуляться.

Снег в ту ночь не выпал, и температура не опустилась ниже 80 градусов по Фаренгейту.

В шкалу по Цельсию я переводил это таким методом: делил

на два и ещё отнимал 13. По моим пересчетам выходило около 27 градусов по Цельсию.

Прогулявшись и сфотографировавшись на память под пальмой, вместо ёлки, мы возвращались к столу. По окончании новогодней программы, нам постелили спать в гостиной.

А утром, 1-го января в семь часов утра, я уже грузил из холодильника на тачку коробки с апельсинами… Really, every fuck'n morning the same shit!.. Или в переводе с американского на русский: здравствуй, всё та же грусть, только 94-го года.

В январе месяце совместными с Кевином усилиями мы проводили в самостоятельную жизнь его засидевшегося в нашем доме приятеля. Сначала он нашёл непыльную работёнку — здесь же в пансионате, вероятно, с помощью Кевина. А, поработав недельку-две, переехал на другой адрес, видимо, что-то арендовал.

Я каждый день встречался с ним на работе: выглядел он вполне довольным. Работа его заключалась в дежурстве у радио, обеспечивающего связь с прогулочными яхтами, вышедшими в море. Радиорубка находилась в баре, что напротив причалов, у которых швартуются яхты, предлагающие, всем желающим выйти в море на прогулку, на рыбалку или для подводных плаваний и т. п. Они докладывали ему на берег о своём благополучии, местонахождении и о времени возвращения. А он информировал их о том, сколько желающих записалось на следующую морскую прогулку. От него требовалось лишь быть всегда на связи и в экстренных случаях действовать согласно инструкции. Эту ответственную работу он мог выполнять, сидя в тени, в удобном кресле, почитывая, и даже попивая пиво.

Когда я посещал этот бар, доставляя туда заказы, мой бывший сосед сочувственно отмечал, что работёнка у меня суетная. Я охотно соглашался с ним и уматывал исполнять другие заказы.

Однажды, в двадцатых числах января, когда рабочий день шёл на убыль, солнышко садилось, и я отсчитывал минуты последнего рабочего часа, среди пёстрого, полураздетого хаотичного движения отдыхающих, на территории пансионата промелькнула странная фигура субъекта с дорожной сумкой в одной руке и теплой курткой «Аляска» в другой.

Экипировка и неуверенное, ищущее передвижение субъекта привлекло моё внимание. Но не успел я опознать в нём своего друга детства, как тот стал подавать мне сигналы. Размахивая курткой, он выкрикивал моё имя.

Приостановив своё служебное движение, я наблюдал, как ко мне приближается автор телеграммы о полученной визе,

сомнительный друг очень далёкого детства — Вовочка.

Его целеустремленное движение исключало всякие сомнения. Было очевидно, что он хочет именно меня. Я лихорадочно соображал: как он мог отыскать меня здесь, на работе? Ведь дома знают лишь мой почтовый адрес и домашний телефон.

Достигнув своей цели, Вован бросил в ноги сумку с курткой и любвеобильно приветствовал меня крепкими дружескими рукопожатиями. По его эмоциональному состоянию и заметной внешней потасканности можно было догадаться о сложной поисковой работе, им проделанной.

Первое, о чём он заявил мне, не выпуская мою руку из своих цепких клешней, так это о своём твёрдом намерении трудиться здесь и зарабатывать деньги. Украина, по его заявлению, оказалась во власти мародёрствующих плутократов, а население — обречено на массовое вымирание и бегство. И без определенной суммы денег живым он туда не вернётся, ибо существование там смерти подобно!

Выслушав его, я поинтересовался: как он отыскал меня? Ответ на мой вопрос вылился в рассказ, который скрасил мой последний, и самый нудный рабочий час. Сопровождая меня и мою тачку, Вова поведал мне о своих мытарствах от Ленинграда до острова Islamorada. В течение последних суток он переместился с 60-й северной широты на 25-ю, что само по себе — уже нагрузка.

Почтовый адрес он получил от моей мамани. Точнее, всего лишь адрес почтового отделения на острове, где я арендовал почтовый ящик.

Тем не менее, он отыскал меня на работе, а если бы не нашёл меня здесь, что тогда?

Вава, не задумываясь, ответил: тогда он поджидал бы меня у почтового отделения, и он показал заготовленную шпаргалку с адресом отделения.

Вылетел он рейсом Ленинград — Майами. Его попутчиками в самолете оказалась группа российских нардепов и их переводчик. В процессе многочасового перелёта, он познакомился с этим пареньком-переводчиком и некоторыми подвыпившими слугами российского народа. А в Шеноне к их компании присоединился ещё и ирландский торговец антиквариатом.

Проведя в самолете бок о бок часов 10, они сблизились, и каждый рассказал о своих целях перелёта через океан.

Нетрезвые депутаты хвастали своими намерениями хорошенько отдохнуть от своей законодательной деятельности под зимним солнышком Флориды, и в удовольствие спустить там за неделю не одну тысячу.

Переводчик скромно и трезво помалкивал, ссылаясь на то, что он на работе. Тому и рад.

Ирландский делец, лишь с любопытством наблюдал пьяное хвастовство российских законодателей и по-шпионски задавал свои наивные вопросы переводчику.

Когда Вава поведал этой компании о своих скромных намерениях поработать в Америке, чтобы скопить несколько тысяч, один из нардепов достал из кармана пачку зелёных нерусских денег и заявил Вове, и всем рядом сидящим, что ему, народному избраннику, предстоит больше потратить за неделю отпуска! Тут уж, как говорится, каждому своё.

Но, несмотря на разницу в целях и возможностях, попутчики в какой-то степени подружились за время перелёта. Если группа российских государственных деятелей была пьяно уверенна в том, что их встретят в аэропорту и перевезут в гостиницу, то наш горемыка, жертва украинской незалэжности, понятия не имел о своём следующем шаге с трапа самолёта.

Пытаясь выяснить у своих новых приятелей, где эта Islamorada, Вова прибег к коллективному мышлению.

Изучив представленный им на ознакомление адрес, депутаты авторитетно определили, что это место где-то во Флориде и успокоили Вову, что он на правильном пути. Их ценное указание не прибавило ему уверенности. Перспективы вырисовывались туманные.

В Майами Вова прилетел в состоянии полной растерянности. Расставаться с теплой компанией было грустно и боязно. Ирландский попутчик, перед тем как проститься, тоже оказал Вове посильную помощь. Он вручил ему свой домашний адрес в Ирландии, домашний телефон, и самое важное, пожелал ему удачи.

В аэропорту Володя до последнего держался российской делегации. Помня о недепутатском запросе, переводчик обратился к местному таксисту и озадачил вопросом об Айломораде. Как заметил Вова, таксисту место было известно, но ехать туда он отказался. Чёрный таксист предложил свои транспортные услуги лишь до нужной автобусной станции. Вову усадили в такси, объяснили, что его доставят куда следует и даже заплатили таксисту. На этом они и расстались.

Он остался один в чужой стране, надеясь, что огромный чёрный таксист знает, куда везёт его.

Ехать пришлось недалеко, вскоре, Вову подвезли к автобусной станции компании Greyhound.

В Майами есть ещё один центральный автобусный терминал, но таксист мудро поступил, доставив глухонемого пассажира в

теплой куртке с капюшоном на маленькую, тихую автостанцию, откуда автобусы направляются в направлении Ки Веста, следуя через все острова. Оставшись один на один со своей супер задачей, Вова сделал первый самостоятельный шаг на американской земле. Он вошёл в помещение автостанции. Там за стойкой дежурила чёрная девушка, которая, и билеты продавала, и багаж принимала, и информацию раздавала. Вова молча обратился к ней, сунув ей для ознакомления свою шпаргалку с почтовым адресом. Та, ознакомившись с директивой, стала объяснять, что, к сожалению, сегодня автобуса уже не будет, а ближайший рейс завтра ранним утром. Вова, не вдаваясь в детали, выразил своё непоколебимое желание ехать туда в любое время. Служащая поняла, что клиент хотеть билет до острова Айламорада, и удовлетворила его желание. Выдавая ему билет, она обратила его внимание на время отправления.

Определившись с последним этапом пути, Вован расположился на пластиковых нарах в небольшом зале ожидания и стал покорно отматывать американское время.

Его многочасовое ожидание скрасили автоматы, выдававшие горячий кофе и прочие съедобные мелочи. Вова разменял у знакомой служащей денежку, и скормил автомату не один доллар взамен на горячий кофе.

Этот неразговорчивый любитель душистого колумбийского продукта был постоянно на виду у служащей автостанции, и когда, наконец, наступило время посадки, она сообщила ему персонально и провела из зала ожидания к нужному автобусу.

В автобусе Вова занял своё место, определил, кто здесь начальник и обратился со своей шпаргалкой к водителю. Тот взглянул и ответил, что нет никаких проблем, обещал доставить. Таким образом, Володе оставалось просто проехать в качестве пассажира 65 миль.

По пути автобус делал остановки, кто-то выходил, кто-то подсаживался. Конечной остановкой маршрута был крайний остров Key West. Вову пугала перспектива проехать мимо нужного места и он, по возможности, напоминал об этом водителю. Во время остановок он регулярно показывал адрес, а водитель покорно кивал ему в ответ и отвечал: OK, sir!

Наконец, среди дорожных указателей и рекламных щитов стали появляться знакомые ему наименования: Islamorada, Holiday Isle. Володя полностью доверился водителю и ждал его указаний.

Обычно в Айламораде маршрутные автобусы останавливаются на стоянке у ресторанчика Burger King, но, учитывая многократные просьбы пассажира с зимней курткой в

руках, водитель приостановился именно у почтового отделения и дал знать Вове о прибытии на указанное им место.

Оказавшись на обочине дороги US-1, ошалевший от яркого солнца, полураздетых людей и летней температуры, сэр Вован, вчера ещё укрывавший капюшоном свою головушку от балтийского январского ветра, теперь стоял распаренный, и не мог сообразить: где ему лучше; здесь, среди пальм под солнцем, или в заснеженном Ленинграде? Помня о вчерашних лютых морозах, он и не помышлял расставаться с курткой «Аляской» и, на всякий январский случай, держал её у сердца.

Придя в себя в условиях 25-й северной широты, он предъявил свою шпаргалку первой понравившейся ему женщине. Та взглянула, улыбнулась простоте и лаконичности вопроса и указала на почтовое отделение, что располагалось как раз, напротив, через дорогу.

Пробираясь сквозь автомобильный поток на другую сторону дороги, Вова усомнился в правильности указанного направления, ибо почта, на которую ему указали, никак не могла быть местом жительства земляка. Оставалось надеяться, что почтальон или ещё кто-то внесёт ясность.

Добравшись до почтового отделения, он окончательно понял, что здесь никого не найдёт. В полу паническом состоянии он потянулся к живым людям, которые до этого всегда показывали ему верное направление.

К двум почтовым служащим стояла очередь из нескольких человек. Вова присоединился к ним. Вместо почтовых отправлений или получений у него был заготовлен всё тот же адрес с моим именем. Когда подошла его очередь, он предъявил его. Почтовый работник бросил взгляд на писульку, и указал на соседнюю комнату, где размещались почтовые ящики. Вова, как смог, дал понять, что ему нужен не почтовый ящик, а указанный в адресе человек. Исходящие от работника и случайных свидетелей предложения, связаться с нужным человеком через почтовый адрес, не удовлетворили странного посетителя. Оценив ситуацию по издаваемым звукам, одежде и дорожной сумке, всем стало ясно, что пришелец отчаянно просит помочь ему в поисках указанного в адресе человека. Отзывчивый почтовый служащий отыскал карточку, которую я заполнял при аренде почтового ящика, и к счастью просителя, нашёл в ней, что Holiday Isle Resort указан, как место работы арендатора ящика.

Место это все знали и когда назвали его Володе, тот сразу понял, о чём идет речь. Он неоднократно видел вдоль дороги рекламные щиты с таким названием. Теперь же он припомнил, что в письме оно упоминалось в связи с работой.

Он шагал по обочине того же хайвэя, только теперь в обратном направлении. Вова уже видел этот пансионат из автобуса, въезд был отмечен огромным рекламным щитом. Проносящиеся навстречу автомобили, приветственно или издевательски сигналили странному ходоку. Его одежда не по погоде, куртка в одной руке и сумка, плотно набитая любимыми сигаретами «Шахтерские», — досаждали ему, но опыт бродяги подсказывал, что всё это может ещё, ох-как, пригодиться.

Было очевидно одно: от холода и голода он здесь не загнется, хотя его беспокоил вопрос, что он будет делать, если, не дай Бог, его поиски окажутся безуспешны.

Пока всё шло по плану. Он перелетел в Майами и переехал из аэропорта на нужный автовокзал. Успешно добрался до острова, о котором мало кто знал, (даже российские нардепы), и отыскал почтовое отделение, где нашлась карточка, заполненная рукой разыскиваемого. Теперь он знал, где находится почтовый ящик, у которого можно организовать засаду, расставить капканы и стеречь свою жертву. Несколько сумбурно, но всё же он был на верном пути.

А вот и поворот в этот «Хулидэй Исле»!

На территории пансионата, среди раздетых праздно шатающихся бездельников, озабоченный гость заметно выделялся и не только своей одёжкой. На нём был несмываемый, горемычный отпечаток русско-украинских вокзалов и поездов. К этому прибавилась естественная усталость от перелета из северного холода в тропическое тепло, от бессонных ночей и волнений поисков.

Его титанические усилия и страстные молитвы, были услышаны Всевышним. В первые же минуты пребывания на территории пансионата, он вычислил среди множества людей свою жертву. Теперь он не отставал от меня ни на шаг.

Я предложил подождать меня у бассейна, где было безлюдно и можно принять душ, поплавать и полежать на лежаке под солнышком. Но, моё предложение не было воспринято, Вова хотел выговориться. Сейчас для него милее ядрёной сигареты и русскоязычного слушателя не мог быть никакой бассейн с душем.

Пока он поджидал меня, сидя на бордюре у входа в ресторан Horizon, где я отгружал доставленный провиант, его обнаружил Олег, чему крайне удивился. Когда я вернулся в контору, то он поджидал меня с этим известием. Я разочаровал его, заявив, что мне уже известно о прибытии блудного земляка. Первое, что интересовало Олега, — это вопрос о том, где непрошеный гость намерен остановиться? Не у нас ли!? Решили обсудить свалившиеся на наши головы вопросы после работы.

В этот день мы не стали задерживаться на работе. Олег с удовольствием познакомил Вову с «Олдсмобилем» и по дороге домой стал расспрашивать о новостях в нашем городке. Больше всего Олега развеселил рассказ о том, как Вова летел, ехал и шёл по моему следу-адресу.

На вопрос, что предпринял бы Вова, если бы не нашёл нас на острове, тот ответил: у него есть запасной адрес в Нью-Йорке, который, якобы, я когда-то прислал ему из Бруклина.

Я удивился и поинтересовался: что же это за адрес? Вова деловито достал свой паспорт и вытащил из него сложенный рекламный лист, которыми, заполняют каждый день почтовые ящики по всей стране.

— Что это!? — удивились мы.

И Вова позволил нам взглянуть на его запасное нью-йоркское прибежище. Это был адрес борделя в Нью-Йорке, где, якобы, можно не только посмотреть, а и потрогать… Тем не менее Вова вполне серьёзно хранил путёвку в злачную жизнь, как одно из мест в чужой стране, куда можно постучать.

Мы спросили: не предъявлял ли он эту листовку миграционной службе при прохождении контроля, как указание места и цели своего пребывания в стране?

По пути к дому допрос гостя превратился в сплошной анекдот, и вопрос о его временном проживании в нашем доме несколько растворился в положительных эмоциях. Вновь прибывшему, требовалось время и благоприятные условия для адаптации, поэтому Олег гостеприимно предоставил гостю кипу порнографических журналов. Какой там душ после долгой дороги!

Мне предстояло утрясти с Кевином вопрос о проживании визитёра.

Трагикомическое положение глухонемого нежданного гостя и его анекдотичное восприятие новой реальности обращали проблему в живую хохму; чего всем нам не хватало. Его непосредственное восхищение нашим домом и особенное внимание, проявленное им к настенной порно коллекции Олега, веселило нас.

Затем мы решили, что Вову следует переодеть. Вытащили из кладовки залежи шорт и футболок, которыми никто не пользовался, и стали примерять. С его наполеоновской фигурой более всего, на наш взгляд, гармонировали клетчатые клоунские фланелевые шорты дяди Кевина. Шортики были на резиночке, с кармашками, но без ширинки. Нечто среднее между семейными трусами и шотландской юбкой. Они комично подчеркивали брюшко и свободно обвисали ниже колен.

Взглянув на себя в зеркало, Вова понял, почему нам так понравились именно эти шорты. Он признал, что в них очень комфортно, хотя и вид несколько забавный. В них и остался. Завершили наряд просторной футболкой с броской красной надписью «Budweiser King of Beer», а также выдали ему солнечные очки типа «кот Базилио». Во всё это Володя с благодарностью облачил своё многострадальное тело.

В этот вечер нам следовало посетить супермаркет и запастись продуктами. Володя поехал с нами на экскурсию по торговым центрам. Мы сделали остановки в Tavernier и Key Largo. Вова задавал много вопросов, волнующих его. Например, почему указанная на товаре цена при расчёте на кассе увеличивается на семь процентов? (Это был налог на прибыль с проданного. На продукты питания и медикаменты, по моему, это правило не распространялось.) А также, найдётся ли для него место среди всего этого?

Ему необходимо было объяснять массу простых вещей, о том, что одного его желания работать и жить здесь — не достаточно. Пристроить субъекта, не имеющего никаких документов, кроме украинского паспорта, и совершенно не говорящего, — не просто.

Мы предполагали, что у мамы Анны найдётся какое-нибудь хронически вакантное рабочее место на мытье посуды, и планировали переговорить с ней о новом работнике.

Недавно, Олега известила служба иммиграции и натурализации о приёме и регистрации его беженского заявления, в связи с чем, ему предлагалось посетить их ближайшую контору в Майами и получить некоторые временные документы.

Заявление за 200 долларов состряпали по шаблону ещё в Бруклине, в некой адвокатской конторе, где говорят по русски. А челобитную в миграционный центр, обслуживающий южные штаты, он отправил уже из Флориды куда-то в Техас.

В течение двух месяцев ожидал, а затем всё же получил от них извещение. На этом основании ему выдали идентификационную карточку, карточку соцобеспечения с персональным пожизненным номером (Social Security Number) и разрешение на работу.

Эти документы подтверждали статус официально обратившегося за предоставлением политического убежища и предоставляли ему право пребывать в стране и работать до разрешения его вопроса. По истечению года документы необходимо продлевать. Решение вопроса, вероятно, зависело от поведения субъекта в течение предыдущего года.

Теперь Олег мог легально устраиваться на работу по

существующим правилам; но он не стал ничего менять, так как его удовлетворяли условия, предоставленные Анной. Ей, конечно же, было проще сотрудничать с теми, у которых имелось разрешение на работу, а если кандидат ещё и языком владел, то с таким у неё не возникало никаких хлопот. Но такие, обычно, в ней не очень-то нуждались, а находили работу сами.

Кстати, Олег уже сообщал, что при последней выдаче зарплат Анна спрашивала обо мне. Интересовалась: продолжаю ли я работать в отделе закупки? Её неприятно удивляло, что уже которую неделю она не получает чеки за мою работу. Она ещё не знала о моём сговоре с администрацией, в результате которого мы успешно обходимся без её паразитического, посреднического участия.

Возвращаясь к Вовиной ситуации, я вспомнил о том, что у Олега остались копии его заявления-легенды, которое он отправил в миграционный центр. Я предположил, что их можно было бы отредактировать и запустить для вновь прибывшего. Но для этого требовалось время.

Переговоры с Кевином о временном проживании ещё одного бедного родственника прошли гладко. В процессе их знакомства положительную роль сыграли шорты-трусы Кевина, которые он был рад увидеть на Вове. Теперь, дежурный диван в гостиной занял гость из Украины, также нуждающийся в работе и жильё. А следом за Вовой в наш дом проник и специфический запах его шахтёрских сигарет.

В ближайший выходной день мы посетили с ним административный центр острова Айломарада, где я от его имени обратился к молодой, приветливой служащей. Мы предъявили ей Вовочкин паспорт, и я объяснил, что это единственный документ, удостоверяющий его важную личность; чтобы не носить паспорт повсюду, было бы хорошо выдать ему местное удостоверение.

Она выслушала, уже опробованную просьбу, согласилась со всем сказанным, и приступила к изучению паспорта и визы. Спросила о номере социального обеспечения. Я ответил, что такового он пока не имеет. Тогда она поинтересовалась о наличии у него каких-либо других дополнительных документов, кроме паспорта. К моему удивлению, у Вовы оказался сертификат судового радиста, к тому же оформленный на английском языке. Этого оказалось достаточно.

Служащая приступила к исполнению формальностей; бюрократический процесс пошёл.

Затем Вову сфотографировали, а спустя минут десять, мы ушли оттуда со свежеизготовленной идентификационной карточкой. Так был сделан первый формальный шаг в его

адаптации. Который я зафиксировал, сфотографировав улыбающегося Вована под пальмой, с новым удостоверением личности в руках.

Однако, спустя несколько дней, всем стало ясно, что и другие шаги, связанные с его трудоустройством и подысканием жилья, также придётся делать с нашим участием, ибо сам он ничего предпринять не мог. Посовещавшись по вопросу его дальнейшего проживания в доме, мы договорились, что Вова примет на себя долю рентных расходов. Таким образом, на время проживания с нами Вовочки, возложенная на нас рентная плата в размере 450 долларов, была распределена на троих, по 150 с каждого.

Получив прописку в нашем доме, Вова стал более активно курить свои невыносимо вонючие сигареты и налегать на кофе. Возвращаясь по вечерам с работы, мы находили дома переполненные окурками пепельницы и немытые кофейные чашки. На мои замечания и просьбы курить вне дома Вова никак не реагировал. В ответ он лишь спрашивал: не нашлась ли для него работёнка? Когда же к сигаретному смраду, которым провонялась гостиная комната, добавилась ещё одно бытовое новшество: развешивать по всей комнате на стульях и креслах свои постиранные трусы и носки, мы поняли — что Вову надо пристраивать куда-то, и поскорей.

Вернуться домой с работы, и найти там диван с неубранной постелью, журнальный столик, заставленный немытыми кофейными чашками и переполненной пепельницей, груду немытой посуды на кухне и развешанные повсюду влажные трусы и носки…

Мне приходилось выслушивать справедливые упреки Олега и наблюдать помрачневшего Кевина. Следовало что-то предпринимать. Олег предлагал не морочить голову и просто расстаться с засидевшимся гостем.

В ресторане Ribs оказалось вакантным место посудомойщика. Для начала, туда мы и привели Вову; но, как и ожидали, он продержался там всего три дня. Правда, не он бросил это гнусное место, а управляющий отказался от его услуг. Я поинтересовался у повара: чем им не понравился новый работник? Тот ответил, что им нужен работник, а не объект для воспитания.

От самого Вовы я не добился каких-либо вразумительных объяснений.

По окончанию недели Анна уплатила ему за отработанное им время и обещала подыскать новое рабочее место. Обычного энтузиазма к нему, как потенциальному работнику, она не проявляла. А я избегал каких-либо контактов с ней.

Сам Вова начал по-настоящему осознавать все сложности

туристического статуса и стал более настойчиво просить о помощи в социальной адаптации. Ему уже не сиделось дома. Он брал велосипед и приезжал в пансионат, где мог хоть с кем-то пообщаться, если не с нами, то с другими русско и польскоговорящими работниками. Иногда, чтобы отыскать меня, он посещал контору и спрашивал обо мне кого-нибудь из моих сотрудников, которые направляли его ко мне.

Выловив меня на территории пансионата, он присоединялся к моей тачке и сопровождал. Я рекомендовал ему не рвать себе и другим душу, а расслабиться и отдыхать, пока не занят. Но мысль о неустроенности не давала ему покоя. Когда я возвращался в контору, коллеги докладывали мне о многократных визитах земляка. Гаитянский сотрудник пересказывал мне содержание лекции, которую он прочитал Вове. Суть её заключалась в том, что Вова должен осознать, куда он попал и отказаться от иллюзий о чьей-то опеке; не ходить как потерявшийся ребенок, а предпринимать самостоятельные шаги к поставленной цели… Чем раньше он раскроет глаза и разглядит вокруг себя изнурительный марафон, в котором всякий движется в своём темпе и направлении, тем раньше и безболезненней он вольётся в движение…

Олег предлагал лечить Вову методом шоковой терапии: попросту выставить его вещи из дома и пожелать удачи. Он считал, что в таких комфортных климатических условиях можно и на пляже жить, а если не понравится, то арендовать жильё, как это делают другие.

Я шутливо отвечал, что Вова не переживет такого жестокого отлучения от предоставленных бытовых благ и предполагал, что Олег просто ревнует его к своей порно коллекции, которую Вова активно эксплуатирует. Олег отвечал, что у Вовы, наконец, есть запасной адрес в Нью-Йорке, где он всегда может получить всё необходимое ему…

Когда я заговорил о сохранившейся копии беженского заявления Олега, которую можно использовать для Вовочки, Олег справедливо, заметил, что за эту свою еврейскую биографию он уплатил сочинителям 200 долларов. Следовательно, авторские права целиком принадлежат ему, и вопрос о тиражировании легенды должен учитывать его собственные интересы.

Замечание было вполне справедливым, тем более что для реализации замысла, нужен чистый комплект анкет, состоявший из нескольких страниц с дотошными вопросами, на которые следует ответить в строгом соответствии с их бюрократическими требованиями.

За анкетами надо ехать в Майами, в миграционный центр,

для этого нужен выходной день. Затем потребуется немало времени и творческих усилий для заполнения таковых.

После утомительных обсуждений самой затеи и торгов, Вова настоял на том, что ему всё же нужны документы, позволяющие легально работать. Он изъявил готовность оплатить наши хлопоты в размере 250 долларов, если оформленное на его имя заявление будет принято службой миграции к рассмотрению, и мы устроим его на работу.

Договорились, что оплата всех этих хлопот будет производиться лишь после получения Вовой трудовой зарплаты. Можно частями.

В ближайший выходной день, как и обещали, мы с утра отправились в Майами; и Вова, конечно же, с нами.

В дороге он покуривал свои любимые ядреные сигареты, пыхтя с заднего сиденья мне в затылок.

Где-то на полпути меня замутило; я попросил сделать остановку и вышел на воздух. Спустился с дороги в заросли, чтобы отдышаться, но меня тошнило, как будто я отравился чем-то. В зарослях вдоль дороги оказался какой-то канал, где, вероятно, водились крокодилы. Я не стал сдерживать себя. Меня вырвало. Место было подходящее для этих процедур, меня выворачивало наизнанку, и я направлял свой завтрак в воду с мыслью, что подкармливаю крокодилов и прочую живность. И делаю это искренне, от всей души! Мои попутчики посмеивались над моим занятием, и фотографировали меня. По окончанию, они спросили: что это я делал в камышах? Ответил: общался с крокодилами — и просил Вову не курить в машине.

В Майами нужное место мы отыскали быстро. Как и предполагали, там стояла длинная очередь к миграционному центру, которая заметно продвигалась. Мы тоже влились в пёстрый людской поток. Основную массу этого движения составляли гости из Центральной и Южной Америки. Нетрудно было выделить присутствие кубинцев, гаитян и мексиканцев. В основном слышалась испанская речь. Когда мы приблизились к стойке, за которой располагался служащий, выдававший анкеты, я расслышал, что он задает просителям какие-то вопросы и наспех решает: нужно ли выдавать данному визитеру анкеты.

Поприветствовав нас, тот поинтересовался: откуда мы такие? Я, опережая своих товарищей, заявил, что мы из Югославии. Чиновник выразил нам своё сочувствие по поводу происходящего в нашей стране и спросил, сколько анкет нам необходимо. На всякий случай, я ответил: для нас троих. Тот охотно выдал нам по комплекту и пожелал удачи.

Уходя с анкетами, мои товарищи удивились: почему именно

Югославия? Я объяснил, что, представившись гражданами Украины, мы могли быть, на скорую руку, признаны представителями «вполне благополучной страны», абсолютно не нуждающимися в убежище.

Домой мы вернулись с тремя комплектами, на всякий беженский случай.

Получив авторское согласие Олега на использование в качестве шаблона его заявления-легенды, я приступил к переводу этой истории. Сам Олег никогда не вникал, что там о нём написали, и на что он жалуется американской миграционной службе. По мудрому совету исполнителей, он лишь оставил себе копию на случай рассмотрения дела в суде.

Его легенда не отличалась оригинальностью. Составители его биографии представили своего клиента, как еврея, имевшего несчастье родиться в Украине. В качестве фактов, иллюстрирующих все его беды, приводились эпизоды из жизни Олега. Начиная со школьных лет.

Например, преподаватель русского языка и литературы, якобы, постоянно и злобно шутила над ним, заявляя при всём классе, что ему — еврею, вряд ли понадобится русский язык; так как поздно или рано, где-нибудь на своей исторической родине ему придётся осваивать другой язык, литературу и религию.

Повзрослевший Олег-еврей, особенно страдал от того, что в городе, где он проживал, не было синагоги, и каждую неделю приходилось ездить на шабаши в другие места, чему всячески препятствовали работодатели и местные власти.

Узнав о своей многострадальной еврейской жизни в Украине, Олег потешался над незамысловатой фантазией составителей его украинско-еврейской биографии и удивлялся: как можно поверить в такую чушь?

Я полагал, что, учитывая поток подобных заявлений, миграционные служащие не особенно утруждают себя чтением сочинений, а лишь проверяют на предмет соблюдения всех формальностей и принимают решение о регистрации или возврате такового.

Что касается нового просителя убежища — Вовочки, то я предложил представить его кем-нибудь иным; то бишь, не евреем, лишенным синагоги и преследуемым антисемитами.

Учитывая его внешность, он сошёл бы за китайца с украинским гражданством, который лишён возможности исповедовать буддизм в Украине, и не может прорваться в Тибет. Кроме этого, его тяжелое положение на родине можно усугубить, якобы, сексуальной дезориентацией. То бишь, болезненной неспособностью определиться в вопросе, кто ему более по душе:

женщины или мужчины.

Все называют его китайцем, а родственники именуют средним родом, как нечто Оно. Сам он, путаясь в половых ориентирах, временно само реализуется, не беспокоя ни женщин, ни мужчин. Такая вынужденная временная жизненная позиция наблюдается у него с шестилетнего возраста.

Насколько он сам помнит, ему показал соседский мальчик, как это делается, когда они играли в песочнице. Как родные и близкие не пытались отучить его от этого, он оставался верен своему пристрастию. В детстве, ему и руки перцем натирали, и следили за ним, но всё эти препятствия лишь развивали его фантазию, способствовали совершенствованию методов и укрепляли сознание неприкаянности в этом обществе.

Трехгодичная служба в военно-морском флоте, со всеми тяготами и лишениями, только укрепила и закалила эту жизненную позицию.

Продолжая поиски своего места в советском тоталитарном обществе, Вовочка поступил и окончил Херсонское мореходное училище, после чего стал плавать в качестве радиста на торговых грузовых судах.

Побывав, наконец, в азиатских странах, в Китае, Вьетнаме, Сингапуре и Японии, он окончательно осознал, что Украина — лишь случайное место его рождения и данный факт — болезненное недоразумение всей его многострадальной жизни.

Особенно ему понравилось в бедном, но теплом и гостеприимном Вьетнаме. Социалистическая ориентация дружеского Вьетнама позволяла Вове и другим членам экипажа выходить на берег без обычного полицейского присмотра, и он мог побыть Самим Собой. Мелкие, радушные вьетнамские женщины охотно удовлетворяли любые Вовины пожелания за кусок туалетного мыла или флакон тройного одеколона.

В сущности, лишь во время таких коротких посещений братских вьетнамских берегов, Вова чувствовал себя по-настоящему счастливым.

Также тепло он вспоминал и о Кубе, где за мыло или пачку папирос, кубинские женщины всех мастей и возрастов любили Вову так, как ни одна душа на Украине!

Бывал Вова и в других странах, где его понимали без слов и упрёков, и он не чувствовал себя изгоем.

Маленькая страна на восточном побережье Африки, Джибути, запомнилась ему тем, что мужское население там само реализуется в совершенно открытых формах. В парках и на улицах столицы.

Ему, всю свою сознательную жизнь, скрывавшему это

увлечение, как постыдную профессиональную болезнь моряка, было удивительно и радостно видеть своих чёрных братьев, занятых тем же сладким делом столь откровенно и свободно. Он был бы рад присоединиться к этой местной традиции, но всевидящее око помполита принуждало его подавлять своё естество и оставаться в строю.

Месяцами на судне он страдал от постоянных придирок начальства. Лишь в свободное от вахты время он мог позволить себе уединиться от их надзора в своей каюте. И тогда уж весь мир был в его руке!

Между рейсами, проживая с мамой, он подвергался её нападкам по поводу его, якобы, позорного поведения.

Так ему постоянно приходилось скрывать свою мудрую восточную суть: на судне от помполита, а дома — от родной матери. И все, кому не лень, издевались над ним. Жилось ему похуже, чем еврею какому-нибудь.

С возникновением суверенной державы Украины, Черноморское пароходство, в котором, он работал, было быстро разворовано и распродано новоявленными лидерами национального «відродження» под руководством Кравчука. А такие, как Вова, остались без работы.

История вырисовывалась достаточно грустная. И Олегу, и самому Вовочке, она показалась вполне реалистичной и убедительной. Однако, складывалось впечатление, что в настоящее время, всерьёз принимаются и удовлетворяются лишь жалобы от везде и всеми преследуемых евреев. А посему — легенда об украинском сексуально дезориентированном китайце, остро нуждающемся в политическом убежище, может показаться американским чиновникам недостаточно убедительным основанием. Всё может закончиться вежливым формальным отказом и советом продолжать это в условиях новой, демократичной Украины.

Посовещавшись на месте, мы учли, что сексуальному меньшинству пока лишь сочувствуют; а вот Евреям — Весь Мир Должен! И мы решили, представить Вову, как еврея-меньшевика (сексуального). Он сам настоял, чтобы в его истории сохранили хоть какую-то долю правды. Пожелания клиента принялось во внимание; на этой версии и остановились.

Печатать историю было не на чем, поэтому всё заполнялось от руки. Биографию Вовочки представили с раннего детства. Я поведал миграционной службе и о коляске без дна, и о деревянных игрушках. И о том, как тяжёлое детство в условиях послевоенной Украины впоследствии отразилось на сексуальном формировании Вовы-подростка… О нападках со стороны непонимающих родственников, карьериста помполита и прочих формах общественной травли.

Наконец, оказавшись на тёплых островах Флориды, наш сексуально дезориентированный еврей-горемыка обрёл душевный покой, тепло и безопасность, и просит разрешения остаться здесь на всю оставшуюся жизнь.

В процессе написания биографии Вова представлял мне отдельные факты из своего жизненного пути, и я использовал их.

Однажды остригая его головушку, я обнаружил у него на затылке старый шрам. На мой вопрос, где он схлопотал ранение? Вова заявил, что, якобы, в детстве, в дворовых играх я же и повредил его…

Я советовал ему, в случае рассмотрения заявления в суде, обязательно обратить внимание чиновников на травму головы, как на последствие жестоких преследований.

Сразу же после стрижки клиента я отметил в его истории

дополнительные факты преследований. В частности, от его имени было сказано: «возвращаясь поздно вечером из Одессы, куда я каждую пятницу ездил для посещения синагоги, на меня нападали местные антисемиты и избивали, для профилактики. Однажды они причинили мне черепно-мозговую травму, последствия которой проявляются и в настоящее время…»

Кстати, если верить Вове, то когда он, мною остриженный, появился в ресторане Ribs, управляющий категорически запретил ему выходить в зал, где его могли увидеть посетители. Ну, не знаю. Мне его новая прическа нравилась. Возможно, это и послужило основной причиной досрочного расторжения с ним трудовых отношений. Так полагал сам Вова.

Кроме заполнения всех анкет, Вове пришлось сфотографироваться; мы свозили беженца в полицейский участок, где с пальцев его рук сняли отпечатки и заверили таковые. Теперь Вовочкины очумелые ручки отметились и в полицейском участке острова Флориды.

Это досье, с фотографиями, отпечатками и копией паспорта мы упаковали и отправили почтой в миграционный центр, куда-то в Техас.

Не дожидаясь ответа, приступили к поискам работы для Вовы. Переговорили ещё с одной польской пани, недавно начавшей своё дело на юге Флориды. Её услуги ничем не отличались от тех, что оказывала пани Анна. Но пани Грижина была посговорчивей, и не так претенциозна. Через пару дней она связалась с нами и предложила Вове работу в пансионате Caloosa Cave.

Насколько нам было известно, ещё недавно с этим пансионатом сотрудничала Анна; она направляла туда своих польских кадров. Но это обстоятельство не имело никакого значения для Вовы.

Договорились, что завтра же его отвезут туда и на месте всё покажут. Речь шла об уборке гостиничных номеров.

В этом пансионате, по-прежнему, работал бывший сотрудник Олега, польский дебошир, изгнанный из Холидэй Айл. С его слов, новое место оказалось получше, и он не жаловался по поводу случившегося. Особенно, он хвастал домом, который ему предоставили для проживания на время работы в этом пансионате. Меблированный дом принадлежал хозяевам пансионата, и его предоставили за очень умеренную рентную плату, работающим у них поляку и его жене. А те договорились о проживании с ними, как родственника, ещё одного молодого поляка из бригады Олега. Таким образом, они решили жилищный вопрос достаточно комфортно и дёшево.

На территории Caloosa Cave размещались два теннисных корта с обычным покрытием и освещением. Оказалось, что наши польские коллеги по вечерам гоняют там мячи с помощью ракеток, и называют эту игру теннисом. Они и нас приглашали в гости, поиграть с ними в мячик.

Место нравилось мне. Собственниками гостиничного хозяйства был какой-то супер старый и богатый дед и его сынок пенсионного возраста. Остальные несколько человек были наёмными работниками.

По утрам Вову подбирали в условленном месте у дороги и увозили на работу, а вечером доставляли обратно. Иногда по вечерам мы заезжали в этот пансионат в гости к полякам и устраивали русско-польские теннисные турниры, которые затягивались до поздней ночи. Поляки, особенно, старший, невзирая на свои неуклюжие навыки теннисистов-любителей, очень ревностно переживали хронические поражения. В отместку, он постоянно напоминали нам о том, что Украина когда-то была польской территорией. Мы не возражали; продолжали обыгрывать их, отмечали, как они, ещё недавно, все учили русский язык в школе.

По окончанию ночных состязаний, они всегда, довольные и уставшие, признавали, что им было интересно играть с нами, и приглашали приезжать чаще.

Мое пользование нашим совместным автомобилем носило пассажирский характер. В отличие от Олега, у меня не было ни водительской лицензии, ни интереса к вождению. Иногда, возвращаясь поздно домой из Caloosa Cave, я усаживался за руль и под руководством рядом сидящего земляка вёл машину по ночной дороге. Олег советовал мне сдать экзамены и получить лицензию, что может пригодиться, хотя бы, как документ.

Экзаменовали и выдавали лицензии там же, где мы получали идентификационные карточки, и занимались этим те же молодые женщины в форме. Когда я обратился к ним по этому поводу, они изъявили готовность проэкзаменовать меня, хоть сегодня же.

Процедура проста. Необходимо предъявить документ, удостоверяющий личность. Получив ваш документ, служащая что-то проверяет по компьютеру, и если не находит никаких препятствий, вручает вам карточку с вопросами и вариантами ответов. От вас требуется указать правильные ответы.

С экзаменационным заданием я расположился на указанном мне месте, у них на виду. Одна карточка содержала вопросы о дорожных знаках, а другая — по правилам и прочим заморочкам.

Со знаками особых затруднений не возникло; и я быстренько указал правильные, на мой взгляд, ответы. А вот со второй частью

мне пришлось повозиться. Я обнаружил там совершенно неожиданные для себя вопросы-головоломки. Типа: в какую сторону следует повернуть передние колеса при парковке, если склон вперёд, или назад? А также, на что алкоголь воздействует в первую очередь: зрение, чувство дистанции, слух… или чувство юмора? (если таковое имеется).

В этой части на некоторые вопросы пришлось отвечать наобум.

Во времени не ограничивали: раздумывать и гадать можно было сколько душе угодно.

Когда я представил служащей свои ответы, она быстро оценила их и сообщила мне о положительных результатах в части знания дорожных знаков. А что касается правил дорожного движения, то здесь приговор оказался недостаточно положительным. Как она сказала: хорошо для первого раза, но недостаточно для выдачи лицензии.

Насколько я заметил, результаты моей попытки она зафиксировала. После всего, подвела итог: мне остаётся сдать экзамен по правилам и вождению. К знакам возвращаться уже не нужно. Вручила мне брошюру и рекомендовала прочитать это и подготовиться.

Читать пособие времени не было. А посещать их в целях сдачи экзамена я стал каждый выходной день. Учитывая, что у меня имелось два свободных дня, то скоро меня там уже все хорошо знали. Они варьировали карточками с вопросами, и мне не удавалось расшифровать предлагаемые комбинации вопросов-ответов. Мне настоятельно советовали не гадать, а выучить всё это.

В процессе экзаменационных попыток я невольно вникал в сами вопросы, это и было моим изучением. Однажды я был очень близок к положительному результату, но всё же, количество ошибок оказалось выше допустимого.

Я просил позволить мне взглянуть на свою карточку после проверки, чтобы проанализировать свои ошибки. Служащая предоставила мне такую возможность. Исправлений было совсем немного, и я решил законспектировать их. По-шпионски стал помечать на клочке бумаги номера правильных ответов. Но эти действия были замечены; карточку потребовали обратно, а мне сделали замечание.

Поведав дома Олегу о своём очередном провальном экзамене, я поинтересовался, как он прошёл эту процедуру. Оказалось, что и он, и другие земляки с соседнего острова Marathon, сдали экзамены с первой же попытки. Помогал им всем в этом деле белорусский товарищ Вася.

Сам Василий — из Белоруссии. Работал он тоже в ресторане Horizon, помощником официанта, обычно во вторую смену.

Женщины-полицейские на острове Marathon доверяли Василию, как человеку, помогающему русскоговорящим посетителям. То бишь, он выступал в качестве переводчика. На экзаменах его функцией был перевод заданных вопросов и вариантов ответов, а экзаменуемый, подумав, называл правильный ответ. Сам Вася уже хорошо ориентировался в этих карточках и знал верные ответы. Подсказать, или точнее, сказать вместо экзаменуемого правильный ответ, и было его основной функцией в этом процессе. От экзаменуемого требовалось лишь играть роль человека серьёзно озадаченного поставленными перед ним вопросами и выдавать на родном языке какие-нибудь звуки. А уж Вася докладывал экзаменатору, какой ответ, якобы, выбирает его подопечный.

Чтобы не вызывать подозрений, он умышленно делал допустимое количество ошибок в общем, достаточно положительном, результате. Затем, с его же участием, инспектор оценивала водительские навыки экзаменуемого, и обычно принимала решение о выдаче водительской лицензии.

Таким образом, сдавал экзамены Олег и другие земляки. Послушав о моих хождениях по экзаменам, Олег советовал прибегнуть к услугам Василия. Стоило это, обычно, одну бутылку водки 0,75 литра.

Олег даже изъявил желание составить мне компанию и принять участие в экзамене на получение дополнительной водительской категории, — право управления грузовиками.

На наше предложение Вася откликнулся охотно и назначил день. Согласно договору, мы должны были утром подъехать на остров Marathon в их жилой трейлер и разбудить Васю.

По пути в участок, сонный Вася инструктировал нас, как следует себя вести в процессе экзамена. Служащим мы должны показаться ребятами, хорошо знающими правила дорожного движения, но абсолютно неспособными, ни понимать английский язык, ни выражать свои мысли. И по этой простой причине нас представят, как людей, нуждающихся в услугах переводчика.

Предложенная нам глухонемая роль была несложной, и мы обещали сыграть её как следует.

Администрация на острове Marathon мало, чем отличался от хорошо знакомого мне в Islamorada. И служащие были тоже женщины. А главное то, что они уже знали нашего ассистента Васю, и ему не надо было долго объяснять свою роль в отношении двух глухонемых посетителей.

Нас попросили предъявить документы. Вася перевёл нам, и

мы исполнили. Затем сотрудница обратилась к своему компьютеру. Через несколько минут, по её бессловесному диалогу с рядом сидящей коллегой, я понял, что у них возникли какие-то вопросы. По сигналу служащей, занятой нашими делами, её коллега подкатила на своём стуле и тоже взглянула на монитор компьютера. Пошептавшись о чём-то, они, глядя на меня и обращаясь к Василию, спросили, что произошло во время моего последнего экзамена в Айламораде?

Я коротко ответил Васе, что имел неудачную попытку сдать экзамен. Он перевёл мой ответ.

Такое объяснение их не удовлетворило. Мне заявили: в деле указано, что во время экзамена я совершил попытку обмануть экзаменатора.

Посовещавшись, приняли решение, что в данном случае они не согласны на экзамен с участием переводчика. Их решение распространялось и на Олега.

Мы ушли, как побитые собаки. Вася сетовал и на бесполезный ранний подъём, и на то, что его безукоризненная репутация переводчика, с сегодняшнего дня обрела сомнительный характер.

Что касается меня, то, как мы полагали, в дальнейшем, эта маленькая шалость будет характеризовать меня повсюду, где моя личность будет устанавливаться с помощью компьютера. То бишь, теперь для американских властей я был Bad Guy.

В своём стремлении освободиться от нудного бремени многочасовой работы в пансионате мы пытались найти и освоить альтернативные, самостоятельные источники заработков. Я рассказывал Олегу о своих впечатлениях, вынесенных из игорного дома Taj Mahal в Атлантик Сити. Поделился с ним своими зыбкими чувствами надежды, которые у меня остались от общения с рулеткой. В его лице я нашёл понимающего слушателя, разделяющего мой азарт.

Олег регулярно прикупал не только свежие издания порнографических журналов, а и бюллетени, выпускаемые торговцами автомобилей. Это были брошюры с фотографиями, краткими описаниями, ценами автомобилей и адресом-телефоном продавца.

Олег тщательно изучал информацию, комментировал, а иногда просил меня дозвониться по конкретному объявлению и уточнить некоторые детали. С его слов, многие из продаваемых здесь подержанных автомобилей, в СНГ оцениваются, чуть ли не вдвое дороже. Мы просчитывали так, и сяк, учитывая прочие издержки, связанные с транспортировкой и таможенными сборами — и у нас выходил положительный баланс. Но оставалась еще масса вопросов без ответов; и чтобы всё это

выяснить требовалось время.

В один из выходных дней мы проехались по автостоянкам и посмотрели отдельные экземпляры, поговорили об их цене. В этой части дела не было никаких проблем. А вот всё, что связано с отправкой в СНГ, таможней и последующей продажей там — вызывало у нас сомнения.

Заехав в Майами, мы сделали лишь одно полезное дело. Повстречав там отделение CitiBank, я решил посетить его и положить на свой опустевший счёт имеющуюся при себе сумму.

Все трудовые сбережения за период работы в пансионате я хранил на счету в Nations Bank; пользование, которым было не очень-то удобным.

Мы припарковались на стоянке у банка. При входе в отделение банка за раздвижными стеклянными дверями размещались стандартные банковские машинки ATM. Здесь всё было точно так, как в отделениях в штате Н-Йорк.

Я воспользовался карточкой и получил информацию о балансе. Затем прошёл в общий зал, заполнил приходный ордер и обратился в окошко к свободному клерку. Тот поприветствовал меня и принял депозитный ордер.

Его вопрос, правильно ли я указал номер своего счёта — удивил меня. По его данным, такого счёта не существовало. Я вручил ему бумаженцию, выданную автоматом минуту назад. Тот взглянул на квитанцию и попросил показать банковскую карточку. Взглянув на неё, чиновник просветлел и заявил, что теперь всё ясно. Из разъяснений я узнал, что мой счёт в отделении CitiBank в штате Н-Йорк не может быть обслужен в отделениях штата Флорида. Но я могу беспрепятственно и бесплатно использовать для всех возможных операций их банковские автоматы. Для того чтобы хранить сбережения в этом же банке, но во Флориды, мне необходимо открыть здесь счёт.

Это несколько удивило, но не огорчило.

Я пересказал Олегу, что мой бруклинский счет не обслуживается здесь, и надо открывать новый.

Олег пожелал проделать это со мной за компанию.

Человека, занимающегося этими вопросами, долго ждать не пришлось. Нас приняла пожилая, приветливая тётя. Процедура проходила почти так же, как и в отделении этого банка в Бруклине.

Пришлось предъявить карточки удостоверения личности и социального обеспечения. Кроме этого, сообщить о нашем месте работы, домашнем и почтовом адресе. Всё это она заботливо заносила в свой компьютер. Затем, приняла наши вклады и выдала по листку, содержащему информацию о дате открытия и

номере счёта, а также, сумме вклада и координатах банка. После этого просила подождать и удалилась. Вернулась с готовыми пластиковыми карточками на наши имена. Здесь же мы запрограммировали их на свои коды.

Она объяснила, как мы можем делать вклады на счета, посылая почтой денежные ордера или чеки. Для этих целей мы прихватили банковские конверты для почтовых отправок и приходные ордера. С этим и ушли. Перед тем, как уехать на острова, мы ещё побродили в просторном магазине компакт дисков.

В этот период наш коммунальный, домашний телефон использовался как никогда интенсивно. Кроме нас четверых, проживающих в доме, к нам присоединились ещё двое приходящих пользователей, которые звонили родственникам на Украину. Это были наши земляки с острова Marathon; у них возникли временные осложнения с телефоном, а позвонить домой хотелось. Вот они и договорились с Олегом, что впоследствии будут оплачивать свои звонки.

Телефонная компании Southern Bell, обеспечивающая местную связь, и компания AT&T — по международной (long distance) связи, стали присылать счета каждую неделю, так как суммы набегали быстро.

Таким пользователям телефонные компании обычно уделяют особое внимание. Вместе со счетами они стали присылать нам свои поощряющие предложения. Например, если за текущий месяц вы назвоните на сумму более чем…, то в следующем месяце все международные звонки, независимо от времени суток, будут оцениваться по ночному тарифу. Или, если к абонентной ежемесячной плате вы доплатите дополнительные три доллара, то все, без исключения, международные звонки с вашего номера будут оцениваться по льготному тарифу. И тому подобные заманиловки.

Олег, окрылённый коммерческими предложениями, охотно отозвался на призывы телефонной компании и стал говорить с Украиной и Россией еще более интенсивно.

Денежные расчёты с телефонной компанией и компаниями, присылавшими нам компакт диски, мы осуществляли посредством ордеров (money order).

Ордера можно купить не только на почте. Это такой бланк-чек определённой стоимости. Например, вы покупаете денежный ордер стоимостью 100 долларов, кроме этой суммы вы платите ещё, один доллар за услугу. Этот 100-долларовый чек-ордер вы заполняете: от кого, кому, за что; и координаты сторон. Денежный ордер можно отправить почтой в обычном конверте,

оставив себе, на всякий спорный случай, копию, которая предусмотрена конструкцией самого ордера.

Получивший это, с документом, подтверждающим личность, предъявляет ордер на почте, и ему выдается сумма, равная стоимости ордера.

Компании, обычно, вместе со счетами и предложениями присылают и конверты, которые клиент может использовать для отправки денежных ордеров и прочей ответной корреспонденции. Потребителю остается лишь вложить в их конверт свой платёжный ордер и бросить это в почтовый ящик.

Как следствие активного пользования международной телефонной связью, Олег получил от телефонной компании порцию счетов на общую сумму около тысячи долларов!

При тщательном рассмотрении подарка, мы, к своему удивлению, выяснили, что все звонки в Россию и Украину, вопреки нашим надеждам на обещанные льготные тарифы, были стандартно оценены в зависимости от времени суток по обычным тарифам. Наш доверчивый потребительский энтузиазм не был поощрен скидками, о которых нам так ласково сообщали. Мы получили обычные счета с настоятельной просьбой оплатить их в указанные сроки.

Мои звонки в сумме составили чуть более 100 долларов. Что-то около этого приходилось на Кевина, немного на Вову. Остальное: звонки Олега и наших земляков.

Последние не рассчитывали на льготы компании, поэтому они уплатили согласно счетам. Мы же были крайне возмущены таким примитивным коварством. Вместо денег, отправили им депешу, в которой выразили своё недоумение. Ссылались на их деловые предложения, на которые мы охотно отозвались и рассчитывали на обещанные скидки в тарифах. Призывали пересмотреть предъявленные нам счета.

В ответ получили те же счета с напоминанием об истекающем сроке оплаты. Относительно наших замечаний они обещали рассмотреть их, и, в случае обнаружения ошибки в расчётах, обязательно учесть переплаты в будущем.

Одним словом, компания проявляла настойчивое желание получить от нас экстра сумму. Для сравнения, тарифы, по которым нам намотали счёт, можно проиллюстрировать как 2–3 минуты телефонного разговора с Украиной — равноценно одному рабочему часу в пансионате. Согласиться с такими условиями донорства мы не могли. Соотношение ценностей глубоко возмутило наше пролетарское сознание.

В свободные от работы минуты мы горячо обсуждали хищные уловки акул капитализма. Олег клялся никогда в будущем не

пользоваться услугами компании Southern Bell и предлагал мне позвонить им по вопросам оплаты.

Звонил я туда в различное время. Связь со службами обеспечивалась бесплатно. Но в рабочее время операторы были очень загружены. Ответив на звонок, они просили не вешать трубку и подождать, а ожидание скрашивали классической музыкой. Слушать по несколько минут их музыку по телефону, а затем услышать вежливый ответ захлопотанного оператора о том, что у абонента по-прежнему не оплачен счёт на такую-то сумму и срок истекает. Вникать в суть аргументов об обещанных льготных тарифах оператор просто физически не мог.

Но служба работала круглосуточно, и ночью можно было излить душу по полной программе.

В ночных доверительных беседах я призывал операторов обратить внимание на специальные абонентские доплаты, которые, по их же условиям, должны были повлечь для нас снижение тарифов.

Добросовестные операторы откапывали этот важный факт из своих компьютерных дебрей и даже признавали справедливость наших аргументов. Но, в то же время, отвечали, что уполномочены лишь реагировать на вопросы клиентов, вносить же какие-либо коррективы в уже начисленные другой службой счета — не их компетенция.

Некоторые из них полагали, что начисленные счёта за спорный период производились без учета доплат за льготный тариф. Вероятно, ко времени начисления счетов, наши специальные доплаты ещё не были оприходованы и учтены. И снова, нам ласково рекомендовали уплатить по предъявленным счетам. В последствии, всё выяснится и переплаты зачтутся в счёт будущих услуг. (Может быть.)

Такая перспектива не грела. Ночные задушевные беседы с женщинами-операторами не давали конкретных результатов, это было нечто подобное сексу по телефону. Ты хороший парень, я тебя понимаю, уважаю и хочу помочь, но тебе следует, для начала, заплатить…

Я подумал, что, возможно, я чего-то не допонимаю, и привлёк к решению проблемы Кевина.

Домашнее расследование назревающего конфликта заняло не один час. Мы вместе тщательно изучили все счета, я показал Кевину их предложения о дополнительных ежемесячных абонентских доплатах за льготные тарифы. Кевин признал, что мы совершенно верно поняли предложение компании. Я также показал Кевину копии наших денежных ордеров, из которых видно, что мы доплатили за предложенную услугу. А также, уже

дважды присланные нам счета, начисленные по обычным тарифам, без обещанных скидок, но с угрозами отключить телефон.

Кевин проникся проблемой не менее нас. Он начал звонить в компанию и беседовать с операторами… Результаты прежние. Компания желала получить по счетам.

Срок, установленный для оплаты счетов, истёк, и наш телефон отключили. Каждый из нас был заинтересован, чтобы в доме работал телефон. Такое ограничение болезненно ухудшило наш быт и внесло заметное напряжение. Уже на второй день телефонной блокады Кевин обратился ко мне с вопросом, что, мы намерены предпринять? Выход был один — уплатить по счетам.

Мы предложили Олегу уплатить компании по счетам, и он просил выдать ему суммы, начисленные за наши звонки. Я передал его просьбу Кевину, а тот, в свою очередь, переадресовал вопрос Олегу: намерен ли он, уплатить компании, полученные от нас деньги?

Олег уклончиво отвечал, что это уже его абонентское дело; от нас лишь требуется заплатить за свои звонки.

Конфронтация обретала внутри коммунальный характер. Споры с телефонной компанией переросли в конфликт между пользователями телефона. Кевин категорично заявил, что готов выдать сумму по счетам только в случае, если эти деньги будут переведены телефонной компании и телефонная услуга будет восстановлена.

Закончился спор тем, что мы уплатили Олегу по своим счетам. Но, вручая деньги, Кевин предупредил, что если эти деньги не будут использованы по назначению, и связь не будет восстановлена, в таком случае, мы проживаем в этом доме последний месяц, и по его истечению должны будем съехать. А до конца месяца оставалось всего-то — десять дней.

Заканчивался февраль. Внутренне я уже притомился, и от острова, и от работы в пансионате. Потребность в переменах назревала и без возникшего коммунального кризиса. Теперь я задумался об этом всерьёз.

Кевин постоянно спрашивал меня, собирается ли Олег уладить отношения с телефонной компанией? Его дружок, каждый раз при встрече, тоже совал свой испитый пурпурный нос в это дело и расспрашивал о конфликте. А Вова, неустойчиво подрабатывавший с подачи Грижины, понятия не имел, куда податься, если нас попросят съехать. В запасе у него было лишь два адреса: один — бордель в Нью-Йорке, а другой — в Ирландии, который ему вручил случайный попутчик. Олег предлагал начать поиски нового жилья и не собирался платить

телефонной компании. Сам я подумывал о переезде в другие места, но, ещё не определившись, куда именно, пассивно, участвовал в хлопотах.

Подыскивать жильё, не имея телефона — крайне неудобно. В ближайший выходной день мы втроём ездили от дома к дому и спрашивали о сдаваемых в аренду жилых пространствах.

Всё складывалось бестолково. Во многих местах отвечали, что таковое освободится через пару месяцев. В других случаях — хозяев не устраивала наша компания; а там, где отвечали «пожалуйста», были цены под тысячу в месяц. Того, что мы имели в доме Кевина, за эту цену нам никто не предлагал.

Посещение некоторых мест, отдаленных от трассы и поближе к океану, было даже небезопасно. Обычно к таким участкам вели дорожки, проложенные сквозь заросли. На этом отрезке дороги, порою неоднократно, всякими знаками оповещалось о частной территории. Участки вокруг домов, если и были не огорожены, то, во всяком случае, — чётко отмечены. Входящий предупреждался о том, что он переступает границу, за которой частная территория и делать таковое, без разрешения собственника, не рекомендуется.

Всё это выглядело негостеприимно. Места, зачастую, были безлюдны и глуховаты. Если при въезде на территорию мы сталкивались с препятствием типа ворот или шлагбаума, то мы не въезжали. Часто, такие КПП были отдалены от самого дома, и чтобы вступит в контакт с кем-то из находящихся там, нужно было пройти через ворота с предупреждающими знаками, и прошагать по открытой, отвоёванной у джунглей, кому-то принадлежащей, территории. Мои товарищи оставались за воротами в машине, а я один шагал по чужой территории, хорошо обозреваемый из дома и надеялся, что меня не примут за какого-нибудь посягателя на частную собственность. Я оказывался хорошей мишенью для возмущённого собственника, любящего пострелять из окна по живым целям.

Во дворах, вокруг дома, всегда стояла какая-нибудь техника, а иногда и сам дом был открыт. Появление незваного чужака могло вызвать у хозяев реакцию, далекую от гостеприимства.

В таком уязвимом положении я должен был либо отыскивать звонок, или окриком вызывать кого-нибудь на переговоры. Такие поиски вокруг дома ставили меня в дурацкое, а возможно, и небезопасное положение. Хождения на чужой территории могли расценить, как угодно. Если я и встречал кого-то, то люди удивлялись моему вопросу об аренде. Они с настороженностью спрашивали: почему это я решил, что здесь сдается в аренду жильё? А иногда, обойдя вокруг и около дома, не найдя и не

дозвавшись ни единой живой души, мне ничего не оставалось, как покинуть территорию.

После многократных безуспешных визитов, я заявил товарищам, что этот метод наобум может закончиться каким-нибудь конфликтом с нервным собственником, где я буду выступать в качестве злодея, грубо нарушившего святое право частной собственности.

Подходящего места для переезда мы так и не нашли. И вообще, всё складывалось как-то бестолково.

Неопределенность вносила тягостную дисгармонию в наши отношения.

Олег утверждал, что истинная причина этого коммунального конфликта — незваный жилец Вова, нарушивший своим подселением бытовое благополучие. И Кевин, якобы, теперь ищет повод избавиться от нашего утомительного соседства.

Вова же полагал, что теперь Кевину лучше делить дом со своим приятелем, чем с нами, и он нашёл повод избавиться от нас.

Сам Кевин, последние дни молчаливо соблюдал дистанцию и подчеркнутую прохладность в отношениях. Что у него на уме, мы могли лишь гадать, но от своего решения о том, что мы должны освободить дом, он не отказался.

Всё шло к перемене места жительства, работы и окружения.

К тому времени, у нас наладились регулярные отношения с компаниями Columbia House и BMG. Бандероли с музыкальной продукцией приходили часто, и это требовало учёта и внимания. Отношения с торговыми компаниями повлекли и другие почтовые контакты. На почтовый ящик стали приходить самые неожиданные предложения от фирм, торгующих ювелирными изделиями, витаминами и пищевыми добавками, спортивными тренажёрами. Нас призывали не упустить свой шанс, принять участие в розыгрыше всяких супер лотерей и выиграть несколько миллионов. Всю эту «полезную» информацию, приходящую на почтовый ящик, мы передавали на рассмотрение Вове.

В один из выходных дней я посетил местные органы власти с целью сдать злополучный экзамен по правилам дорожного движения. Там меня ещё помнили. Наверняка, в их общем компьютере появилась отметка о моей попытке сдать экзамен и на острове Marathon, с помощью переводчика. Но замечаний о моём длительном отсутствии и неудачной попытке на другом острове, не последовало. Мне, как обычно, вручили карточку с вопросами, и я хмуро сосредоточился.

За это время я удосужился прочитать их брошюру и отыскать там ответы на некоторые, уже доставшие меня, вопросы.

Карточка, которую мне предложили на этот раз, была уже хорошо знакома мне; и в течение нескольких минут я вернул её с готовыми ответами.

Результаты оказались достаточно положительными. Меня поздравили с успешным разрешением затянувшейся проблемы и спросили: буду ли я сегодня сдавать экзамен по вождению.

Я ответил, что сегодня я располагаю лишь велосипедом… И мы сошлись на выдаче мне карточки водительской лицензии с ограничением. Это позволяло управлять автомобилем только под присмотром водителя. Когда же я буду готов к тесту на вождение, меня проэкзаменуют и выдадут обычную, полноценную лицензию.

Меня снова сфотографировали, я уплатил 20 долларов, и, спустя минут 15, мне вручили удостоверение.

На работе всё шло без перемен. Мои американские сотрудники изощрялись в реализации своих конституционных прав и свобод природного происхождения и осваивали элементы русского языка. Заседания трудового коллектива в складских закоулках скрашивались не только курением сигарет со специфическим, дурманящим запахом, а и лекциями о происхождении слова «водка», как названия популярного во всем мире напитка, и тому подобными дискуссиями.

Мой рассказ о царском возгласе «Вот как!» при тестировании этого горячительного напитка, а также, история происхождения названия французских забегаловок «бистро» от русских казаков, требовавших быстро подать им, воспринимались американскими слушателями с любопытством. Они постоянно спрашивали меня, не мои ли это выдумки? И вообще, частенько путались, когда я говорил что-то серьёзно, а когда шутил. Только Аляска-мэн Ларри правильно понимал мои шутки.

Продолжая тему культурного и языкового обмена, надо отметить, что мои слушатели были достаточно активными носителями и пропагандистами полученных знаний.

Доставляя в бары и рестораны продукты, я всё чаще задерживался работниками, которые обращались ко мне со своими вопросами. Коллеги, не присутствовавшие на моих складских лекциях, расспрашивали меня: какой именно русский царь дал название «водка», и какую водку он тестировал: Smirnoff или Stoly? Что означает слово «быстро»? Почему гомосексуалистов называют «гомики» или «голубые»? и т. п.

К любопытным коллегам-заказчикам частенько присоединялись случайные подвыпившие посетители баров, оказавшиеся свидетелями наших тематических бесед, и круг вопросов расширялся. Многих интересовали такие легендарные герои, как Григорий Распутин и Алексей Потёмкин.

Я не мог долго задерживаться в любознательных компаниях, и покидал их, ссылаясь на занятость, хотя и не скрывал, что мне интересно отвечать на их вопросы. Гуляющие гости искренне удивлялись: какого чёрта я ношусь с этой паршивой тачкой, и рекомендовали мне бросить это суетное и дешёвое дело. Но ничего взамен не предлагали, разве что, посидеть с ними и рассказать что-нибудь ещё.

Но платили мне именно за доставку, и тачка здорово помогала мне в этом.

Однажды, в разговорах со своими коллегами обо всём и ни о чём, кто-то спросил меня, как я зарабатывал на жизнь в Нью-Йорке и Нью-Джерси? Я, не вдаваясь в подробности своих трудовых приключений, коротко ответил, что был донором. Тех заинтересовало это. Они, понимая это буквально, спросили: какого рода донором я был? Не подумав, я ответил им, что мне приходилось сдавать самого себя. Такой ответ показался им излишне абстрактным, и они настаивали на конкретном объяснении. Тогда я ответил им коротко и конкретно, что в Нью-Йорке и Нью-Джерси я сдавал свою сперму! Такой ответ не только удовлетворил моих американских товарищей, но и повлёк ряд дополнительных вопросов.

Притомившись от их буквального и примитивного понимания всего сказанного, я просто воздержался от пояснений. Впоследствии, я пожалел об этом, и мне пришлось давать объяснения по этому поводу всем, кто меня знал и мог спросить. Я замечал на себе любопытные взгляды сотрудников из других отделов, которые не решались поговорить на интересующую их тему о моём донорстве. Теперь же, мне приходилось раздавать объяснения. Я удовлетворял любопытство и разочаровывал их, объясняя, что под этим я подразумевал всякие пролетарские работы, на которых я проливал свою кровь, пот и слёзы. Образно я назвал это «донорством», отдачей своего времени, энергии и души. Если хотите, и вам так понятней — спермы!

Когда я рассказывал об этом недоразумении Ларри и боссу Джону, те посмеивались над возникшей ситуацией, советовали мне быть разборчивей в собеседниках и учитывать их кругозор и способности понимать услышанное. Они не исключали, что однажды меня посетят сотрудники центрального разведывательного управления и потребуют объяснений моим заявлениям о шпионаже в пользу русских.

Что до моей работы, то следует отметить всё более назойливые проявления недовольства алчной пани Анны, которая доставала моих работодателей претензиями о, якобы, одностороннем изменении условий моего труда.

Она считала, что этот вопрос следовало согласовать с ней, как участником трудовых отношений.

Понять её можно, она теперь ничего не получала от моих заработков. Но и я не считал себя обязанным работать на неё, если есть возможность работать непосредственно на работодателя и не отдаваться какой-то польской курве.

Я старался избегать встреч с ней, то же самое делали и мои боссы, хотя всё это становилось утомительным. Ситуация разрешилась неожиданно для всех.

Однажды на работе ко мне обратился московский Андрей. Он работал в трёх, рядом расположенных барах на берегу. У него имелось деловое предложение для меня, суть которого сводилась к следующему: он задумал покинуть эту работу и заботливую опеку Анны. У него, якобы, появилась реальная возможность работать самостоятельно на своём стареньком автомобиле Додже. Местная пиццерия предложила ему развозить пиццу.

Проблема заключалась в том, что его непосредственный начальник просил Андрея не бросать работу пока не найдется замена. Вот он и предложил мне оставить мою хлопотную должность и занять его спокойное место.

Работа его сводилась к тому, что во время работы баров требовалось поддерживать санитарный порядок и помогать кое в чём работникам баров. Он гарантировал мне полный покой и никакой ответственности, а также, неограниченное количество рабочих часов. Однако всё это лишь за пять долларов в час и под формальным началом Анны.

Я задумался. Поговорил с Рондой и другими работниками этих баров. Они были готовы принять меня в свой коллектив. Переговоры об этом с моими начальниками тоже прошли гладко. Те советовали мне поступать так, как мне удобней.

На том и порешили. Как мне показалось, такой перестановкой кадров все остались довольны.

Андрей бросил свою непыльную работу, но обещал заходить в гости на правах ветерана труда, с надеждой на бесплатные обеды и напитки.

Перемена рабочего места повлекла для меня и новое расписание. Начинался мой рабочий день с четырёх часов вечера и заканчивался поздно ночью, когда расходились все посетители. Время окончания смены зависело от активности гостей. В общем, всё это казалось мне временным и не моим.

А скоро истёк февраль месяц и наступил день выезда из занимаемого нами дома. Процедура отбытия оказалась хлопотной и неприятной.

Когда начинаешь в очередной раз собирать и паковать свои

пожитки по сумкам, удивляешься, как быстро и незаметно для себя обрастаешь вещами. Многое пришлось бы снова сбрасывать за борт, но выручала машина, в которую мы и погрузили все свои пожитки.

Не имея нового адреса, мы просто покинули дом и проехались по приятелям.

Одним местом мы заручились в двухкомнатной квартире, снимаемой Сашей и Славкой. Они даже предлагали одному из нас подселиться к ним и разделить рентные расходы. А, учитывая отдаленность их места от пансионата, ребята советовали поступить на работу в супермаркет, в котором они оба работали. Саша работал там по вечерам, это была его вторая, кроме ресторана, работа.

Олег связался с Рондой и Сергеем, которые жили в Ки Ларго, и договорился с ними о временном пристанище для себя. Вову временно пристроили в известном жилом притоне на Dogwood 202.

Сложившаяся ситуация была крайне неудобна и рассматривалась, как временная. Один из путей выхода из этих неудобств, я видел в переезде с острова в другие места. В качестве иных мест обитания, я имел в виду какой-нибудь город во Флориде.

Проживая с Сашей и Славкой, я много слышал от них о работе в супермаркете Winn Dixie. Из их рассказов я узнал, что обслуживающий персонал там состоит из ребят различных национальностей и возрастов. Работают они в вечерне-ночное время, а функции их заключаются в сортировке и расстановке товаров по стеллажам в торговом зале. Особых усилий эта работа не требует, но и оплачивалось это занудство по 5,25 долларов за час, минус налоги, на руки выдавалась — ерунда.

Сашу эта временная, дополнительная подработка устраивала. Тем более, что его поставили на продовольственный ряд с небольшим ассортиментом, что облегчало работу. Со слов ребят, там и теперь нужны были работники.

В местной газете постоянно выходило одно и то же объявление о сдаваемом в аренду жильё. Там коротко говорилось о домиках на берегу океана. О цене же — ни слова, зато, щедро живописалось о красотах местности.

Это объявление я не воспринял всерьёз, но обратил внимание на адрес: это было неподалеку от нашего пансионата. Мы отправились туда с Вовой, положение которого, оказалось наиболее ущербным.

Недавно расчищенная от зарослей, территория, нуждающаяся в дальнейшем уходе, действительно находилась на берегу океана.

Посреди участка стояло недавно выстроенное двухэтажное строение, нелепое в архитектурном смысле, и обозначенное, как офис. А также, три однотипных дачных домика, о которых, вероятно, и говорилось в объявлении.

На голой территории со следами недавно удаленных кустарников и бурьянов, неприкаянно торчали несколько молоденьких свежепосаженных пальм. Под открытым солнцем работала женщина в шляпе. С помощью лопаты она отчаянно боролась с бурьяном. Пройти мимо такого явления было трудно; тем более что, нам надо было с кем-нибудь поговорить и разузнать об условиях проживания в этом сказочном месте.

Женщина в шляпе охотно приостановила своё неженское дело и откликнулась на вопросы.

Из разговора с ней я узнал, что она здесь вовсе не хозяйка, но об условиях аренды может рассказать.

На данный момент, был занят лишь один домик, в котором живёт она и её сосед — русский парень. Дом разделен на две отдельные секции. Аренду такой жилой секции дома хозяева оценивают в 550 долларов ежемесячно. Она договорилась с ними о проживании на особых условиях. Вместо оплаты, обязалась отработать определенное количество часов на их участке.

А вот её сосед Саша, насколько она знала, был обременен такой рентной платой, и вероятно, согласился бы разделить комнату с земляком. Она посетовала, что домики ещё не доведены до ума. Хозяева никак не соберутся установить кондиционеры, проживание без которых скоро станет невозможным. Нет никакой мебели, а цена ещё та!

Женщина оказалась достаточно разговорчивой, и в беседе с ней я смог узнать всё, что нас интересовало. Её звали Марта, и она приглашала зайти сюда через часок и переговорить с соседом Сашей.

Мы так и сделали. К нашему приходу Саша уже был дома и поджидал нас. Не могу сказать, что его очень обрадовала перспектива жить с Вовой в одной комнате, но так как он в настоящее время не работал, а за жильё надо платить, то предложение принял. И даже согласился на некоторую отсрочку взноса. Спать в этой комнате Вове было не на чем, но это не волновало его. Он в тот же день привёз туда свои походные вещи и расстелил свою верную куртку Аляску под стеночкой.

На работе у меня состоялся разговор с моим гаитянским другом на тему жилищных проблем. От Кевина, или ещё от кого-то ему стало известно о моих бытовых неурядицах. Он рассказал, что в пригороде Майами — Хомстэде он проживал в доме своего папы. Но последнее время между ними подпортились

родственные отношения, и теперь он, подобно мне, перебивался у друзей и знакомых.

Я поделился с ним той информацией о жилье, какой располагал, и он в тот же день посетил то место, где остановился Вова. Но ему не понравилась цена, которую заломил хозяин за пустой домик без кондиционера.

Вероятно, хозяин пребывал в стеснённых условиях, и ему крайне не хватало средств, чтобы привести в должное состояние своё, пока ещё недоходное дело.

Я полагаю, если бы он догадался снизить рентную плату за проживание в своих необорудованных домиках, то получал бы хоть какие-то деньги, и его дело сдвинулось бы с места.

В свою очередь, гаитянский друг поведал мне о предложении, поступившем от одной работницы бара. Та сдавала маленькую комнатку с туалетом и душевой за бросовую цену. По её описанию, жилище могло сойти за временный вариант, тем более что, располагалось это недалеко от пансионата.

Это место находилось между Холидэй Айл и Оранж Лайн, где мы жили у Кевина. Комната, действительно, напоминала одиночную камеру, но и цена тому соответствовала. И хозяйка согласна была сдать её на любой удобный нам срок.

Так, мы стали жить в одной комнате-камере: я и чёрный, гаитянский брат.

Неожиданно для нас, наша камера оказалась телефонизированной, и мой сосед заказал на своё имя телефонный номер.

Встречались мы дома поздно ночью, когда я возвращался с работы. Он много рассказывал о своих недоразумениях с отцом и о том, как ему хочется бросить эту опостылевшую работу в пансионате, где он ишачит уже несколько лет. Хотелось бы зарабатывать на жизнь любимым делом, — как фотограф. Показывал мне свои снимки, некоторые из которых он посылал в издательства в надежде на контракт.

Также, он жаловался мне о неудачной попытке получить ссуду в банке на покупку дома. В подробности не вдавался. Но факт того, что покупка дома не состоялась из-за отсутствия нужной первичной суммы, был очевиден.

Заметив среди моих вещей теннисную ракетку, новый сосед по камере удивил меня просьбой поиграть с ним в теннис. Я принял это за шутку, но обещал ему. Через пару дней он вернулся к этому вопросу и заявил, что уже приготовил ракетку и готов играть со мной.

В один из свободных вечеров я не отказал ему, и принял участие в этом деле. Отправились в школу, где мы частенько

пользовались теннисными кортами и помидорами с огорода.

Это оказалось не столь утомительно, как я предполагал. Было очевидно, а потом и он сам сказал, что ему уже приходилось играть в теннис. Его начальные навыки ощутимо облегчали держать мяч в игре. Занятие ему явно понравилось, и за час спортивного знакомства, мы с ним подружились ещё ближе.

После этого он пригласил меня на ужин в МакДональдс. За гамбургером он поведал мне, что когда-то имел не бесплатные уроки тенниса, но по всяким причинам пришлось отложить эти занятия.

Честно говоря, меня удивило увлечение теннисом чёрного парня из Гаити. Я более ожидал услышать о его навыках в шаманской практике и был готов предложить ему обмен опытом. Я бы натаскивал его в любительском теннисе, а он давал бы мне уроки вуду.

Хотя, если бы он владел этими качествами, то смог бы получить кредит от банка, или от какой-то другой жертвы. Оказалось, вместо шаманства, он имел опыт работы по уходу за травяными газонами. Он рассказал, что до поступления в пансионат, работал в бригаде по озеленению, и перестриг немало травяных газонов и кустов. По секрету поведал мне о зреющей идее вернуться к этому делу, только теперь уже в качестве самостоятельного подрядчика. Дело это ему хорошо знакомо. Купить машинку для стрижки травы и прочий инструмент — ему под силу. Его автомобиль — джип, вполне подходящий на первое время. Оставалось лишь подготовить почву среди потенциальных заказчиков; и в этом вопросе он уже провёл кое-какую предварительную работу. Кто-то из приятелей обещал для начала представить его двум-трём домовладельцам, нуждавшимся в подобных услугах. Спустя несколько дней, получив от меня клятвенное обещание хранить тайну, он продемонстрировал новенькую машинку для стрижки травы и прочий инструмент.

Между тем, у Олега произошли кое-какие перемены. Проживать в гостях у Ронды и Сергея он долго не мог, и в поисках остановился на приглашении поляков из пансионата Caloosa Cave.

Они, якобы, были намерены уезжать домой в Польшу, и в этой связи предлагали Олегу своё рабочее место и жильё предоставленное им по месту работы. Поляки предлагали Олегу такой план: сначала, он с их рекомендации устраивается на работу в пансионат. Они выражают своё согласие на подселение в их дом нового работника. Спустя некоторое время, они съезжают, и Олег остается проживать там один, как работник пансионата.

Из уст польских друзей, всё звучало несколько подозрительно

дружелюбно. Они почему-то не желали извещать работодателя о своём скором отъезде и надеялись, что с участием Олега сгладят процесс передачи рабочего места и жилья. Работодателю не потребуется срочно искать замену, а Олег будет рассматриваться, как единственный, уже функционирующий, приемник. Расторгать отношения и с телефонной компанией они почему-то не хотели, и снова сделали Олегу дружеское предложение. Получить телефонные услуги, на своё запятнанное имя в ближайшее время Олегу было проблематично, и они предложили оставить ему номер функционирующим. Но при условии, что тот оплатит их небольшие счета в размере 50–60 долларов.

Так Олег поступил разнорабочим в пансионат Caloosa Cave и стал проживать в доме с поляками.

При встречах он делился со мной своими наблюдениями за всей этой польской, заботливой суетой, и мы гадали: что это они затевают? Его утешало то, что он, наконец, определился с жильём. Да и работа вполне сносная, рядом с домом.

Вскоре, мы получили ответы на наши вопросы.

В один из выходных дней, когда его польские соседи захотели получить от Олега обещанную сумму по оплате их телефонных счетов и приступили к сборам домой. Когда и каким рейсом они отлетают, Олег не знал. В течение дня соседи интенсивно отоваривались дорогими подарками и свозили домой приобретенные недешёвые вещи. Делали они это как-то странно: свозили домой покупки, и снова отправлялись, и возвращались с новыми…

К вечеру, они съехали со всем своим добром, ни сказав никому ни слова.

Вернувшись домой с работы, Олег предположил, что они уехали. А позднее, один польский пан позвонил Олегу и подтвердил, что его соседи улетели в Польшу.

Улетели, да и ладно. На следующий день об этом узнали работодатели, и были удивлены таковому.

У некоторых работников пансионата, неожиданно для Олега, проявился активный интерес к освободившемуся служебному жилью. Они стали обращаться к работодателю, с просьбами передать этот дом в их пользование, в порядке очереди. Ссылаясь на свой более продолжительный стаж работы и прочие трудовые заслуги. Но хозяевам, видимо, было безразлично, кто будет платить за пользование домом. А то, что там будет жить всего лишь один работник, так это и лучше.

Так Олег и остался — при работе, и в роскошном доме с мебелью и телефоном. Вот только, от телефонной компании пришли новые дополнительные счета за последние звонки в

Польшу, и ему пришлось оплатить и их, чтобы сохранить телефон.

Эти телефонные расходы, впоследствии, можно было компенсировать интенсивным пользованием телефонными услугами без последующей оплаты таковых, так как сам абонент теперь далеко и его это не волнует. Но это следует делать только перед отъездом. А пока нужен был функционирующий телефон.

Однако телефонные услуги неожиданно прекратились. Замерший телефон не показался Олегу каким-то временным техническим недоразумением. Его подозрения подтвердились, когда он позвонил с автомата на этот номер и услышал автоответ о том, что данный номер отключён.

Проверив свои грустные подозрения, узнал: номер отключен телефонной компанией по просьбе самого абонента; с момента полного расчёта по счетам.

Не успел он переварить ситуацию с «дружески» оставленным ему телефоном, как его дом стали посещать полицейские. Из их расспросов о бывших польских соседях и сотрудниках, стало понятно, почему эта польская парочка так тихо съехала.

Оказалось, что полицейские посещали этот адрес и лениво расспрашивали о недавно проживавших здесь гостях из Польши по заявлениям от потерпевших. Потерпевшими выступали различные торговые предприятия, которые ещё недавно благодарили разыскиваемых, за их покупки.

Рассчитывались поляки не наличными деньгами, а чеками. На момент совершения покупок на их банковском счету была достаточная сумма, и продавцы, принимавшие в качестве оплаты чеки, могли связаться с банком и получить подтверждение об их платежеспособности. Так, в течение одного дня, они покупали всё, что им хотелось, и рассчитывались чеками. После чего, заехали в банк и сняли все свои сбережения.

Когда же чеки стали поступать в банк, выяснилось, что оплатить их нечем. Банк предпринял попытку связаться со своими клиентами, чтобы напомнить им об их чеках и опустевшем счёте. Но клиенты не отвечали. Когда мошенническая суть недобросовестных покупателей стала всем очевидна, к делу подключили полицию. Полиция, опросив, кого возможно, по месту жительства и работы подозреваемых, быстро установила, что разыскиваемые такого-то дня и таким-то рейсом, со своими покупками отлетели из Майами в Краков.

Подобное дело не было редкостью. В Америку приезжают не только за тем, чтобы поработать на неквалифицированных работах за гроши. Должна же быть какая-то компенсация за дешёвый и добросовестный труд…

Если работодатели не утруждают себя предоставлением нелегальным работникам оплачиваемых отпусков и заботой о социальной обеспеченности, то сознательный пролетарий сам заботится о своей социальной защите.

В данном случае, для этого потребовалось заблаговременно открыть банковский счёт, чековый. Служащие банка сами предлагают такую, наиболее распространенную форму банковского обслуживания.

Итак, вы храните свои трудовые сбережения на банковском счету. Банк исправно обеспечивает вас чековыми бланками, которые содержат наименование и адрес банка, номер вашего счёта, ваше полное имя и адрес. Посредством чеков банк избавляет вас от наличных денег (очевидно, банку они нужнее), а вы, при расчётах за покупки и услуги применяете чеки. Вам достаточно вписать в чек сумму и имя получателя, дату и вашу подпись. Получатель вашего чека предъявит его в любое отделение этого банка, где с вашего счёта снимут указанную сумму и рассчитаются с предъявителем.

Обо всех операциях с вашими сбережениями банк регулярно присылает вам письменные отчёты. А ваша забота — пополнять сбережения на счету, чтобы по вашим чекам всегда было чем рассчитаться. Если вы так делали, и все были довольны вами, то никого не удивит, если однажды вы решите хорошенько отовариться. Если получатель чека сомневается в обеспеченности такового, то он может связаться с вашим банком и поинтересоваться: достаточно ли на таком-то счёту денег, чтобы оплатить определённую сумму. Получив положительный ответ от банка, обычно, ваш чек принимают в качестве оплаты.

Не думаю, что получатели чеков тут же посылают гонцов в банк, чтобы предъявить чек и получить наличные или перевести сумму на свой счёт. У покупателя есть время сделать закупки, а затем посетить банк и снять все свои сбережения, пока их не начали раздавать предъявителям ваших чеков.

В результате: и покупки сделали, и денежки сохранили. Разумеется, засиживаться со всем этим не рекомендуется, ибо скоро ваши чеки вступят в конфликт с вашим, вдруг, опустевшим счётом; и от вас потребуют объяснений и оплаты по чекам.

Так и сделали наши польские товарищи. Попутно, ещё и заинтересовали Олега оплатить их телефонные счета.

На новом рабочем месте мне определили территорию, за которой я должен присматривать и поддерживать порядок.

Два бара, с которыми я сотрудничал, находились у самого берега. Деревянная палуба, на которой расставлены столы и стулья, была над водой. Место пользовалось особой

популярностью у гостей. Народ полюблял засиживаться там за пивом и созерцать океан. Кроме того, там можно было недорого и сытно покушать. Чайки тоже облюбовали эту кормушку, и порою, нагловато подчищали со столов. Туристы поощряли птиц, подбрасывая им хлеб, хотя на перилах было вывешено объявление, с просьбой не подкармливать птиц, ибо они уже всех достали.

Моя загруженность при трёх барах по интенсивности не могла сравниться с работой в отделе закупки.

После нескольких дней, вернее, вечеров работы на новом месте, я усвоил, как здесь распределяется занятость. Вечерком, где-то с 17 до 21 часа, желающих покушать более всего. В это время мне следует быть на месте и обеспечивать порядок на вверенной территории. После 9 часов массовый посетитель-едок уступает место любителями выпить. Контингент и обстановка меняется, моё присутствие уже не столь необходимо, и я мог позволить себе отлучиться по своим делам.

К этому времени активизируется потребительское движение в Tiki Bar, где клиентов завлекают живой музыкой. А к часам 23 публика уже совсем неприхотлива. Представителей администрации на территории почти нет. Моих непосредственных сотрудников волнует лишь вопрос выручки, а я, фактически, предоставлен сам себе. Состояние территории и столов в такое позднее время было делом второстепенным. Если надо было чем-то помочь в баре, то меня призывали.

По вечерам меня посещали Олег и Вова, и мы могли вполне спокойно общаться на рабочем месте.

Мой рабочий день начинался с четырех часов и предполагал восемь рабочих часов, то есть до полуночи. Однако если потребительский процесс продолжался, работники баров видели смысл работать и далее — мне приходилось задерживаться и до 2–3 часов ночи.

В барах обычно работали женщины и в процессе закрытия лавочки они прибегали к моей помощи, по окончанию чего, обычно, выдавали мне наличную добавку к моему жалованию. От чего зависела активность клиентов, сказать трудно. Бесспорно, влияла погода. Когда выпадал дождливый день, а такое зимой случалось, то дела шли кисло. Но в марте, когда я поступил на это место, дождей уже не бывало. Стояла летняя погода.

Ещё один важный момент — день недели. Естественно, что в конце недели, с вечера пятницы и по воскресенье включительно, гостей наезжает больше.

Также, следует отметить такое обстоятельство, как музыка, которую исполняли по вечерам-ночам в Tiki баре. Там был

автомат с компакт дисками и приличной акустикой, и в течение дня гости иногда баловались им. Но при всём качестве звучания этой музыки, гости больше любили живое исполнение, какое бы паршивое оно порою не было. Обычно, музыканты приступали к работе после часов девяти и продолжали греметь, пока в этом нуждались гости.

При благоприятном раскладе: конец недели, хорошая погода и качественная музыка, бар бывал, переполнен до 2–3 часов утра. Выпивалось огромное количество пива и прочего алкоголя, что приносило хорошие доходы нашим работодателям.

Музыканты менялись, на эту работёнку подряжались разные команды. За время моих ночных дежурств я понаблюдал за многими музыкальными коллективами, и мог по-своему, судить о них. Если бы хозяева спросили моё мнение, то я смог бы безошибочно указать им кого следует приглашать чаще, а с какими лабухами не связываться вообще.

На шумные скачки-попойки, в основном, съезжалась молодёжь. При входе на территорию бара дежурили наши церберы из отдела «народной дружины» и не допускали несовершеннолетних, то есть не достигших 21-летнего возраста. В спорных случаях, просили предъявить удостоверение личности или водительское удостоверение.

По мере того, как погода устойчиво менялась к лучшему, количество посетителей пансионата росло. Зачастили к нам и агенты от Marlboro. Коммерческий десант заезжал к нам на красном джипе, увешанном фарами. Время они выбирали, когда побольше народу и останавливались на моей территории среди трёх баров. Эти ничего не продавали. Ребята и девушки, одетые в униформу, зазывали гостей взять у них анкету, заполнить её и вернуть. За участие в опросе они обещали выдавать, по желанию клиента, футболку, зажигалку или пепельницу. Разумеется, все подарки были украшены фирменной символикой Marlboro.

Как я заметил, многие гости, очень занятые выпивкой, скачками и поисками подружек, не очень-то отзывались на их призывы. Для них возня с анкетами была в тягость.

А таким, как я, дежурившим и наблюдавшим за происходящим вокруг, подобное мероприятие было кстати. Хотя и не курящий, я всегда посещал их агитаторский джип-броневик, получал от них анкету-листовку и удалялся в спокойное место, где мог вдумчиво ознакомиться с вопросами и дать достойные ответы. Времени было достаточно, опыт работы с анкетами тоже имелся, и если мои ответы, в последствии, кто-то читал, то я надеюсь, им это было интересно.

Цель таких опросов, как я понимаю, изучение

потенциального потребителя. Кроме ваших координат, их интересовало: какие сигареты вы курите, как много, предпочитаете покупать, блоками или пачками? и т. п.

Сдав заполненную анкету, я получал от них качественную футболку. Мои гаитянские коллеги, работавшие на кухне бара, не могли понять, на каких условиях раздают подарки. Когда я принёс анкеты, они отказались даже вникать в содержание и вообще, отреагировали на них с дремучей настороженностью, как будто заполненная ими анкета могла привести к депортации из страны. Но получить подарки они хотели. Поэтому, заполнением таковых, в интересах и от имени своих тёмных сотрудников, занимался я.

Довольными оставались и ребята от Marlboro, собравшие нужное количество анкет, и мои коллеги по бару, получившие подарки от Marlboro.

Когда народ притомлялся и расползался по гостиничным номерам, или разъезжался на автомобилях и мотоциклах, территория пустела. Повсюду разбросанный пластиковый и бумажный хлам бросался в глаза, становилось тихо и уныло, чувствовалась усталость и сонливость. Работники баров и музыканты сворачивали свои хозяйства; дружинники с фонариками обшаривали опустевшую территорию в поисках уставших и уснувших гостей или потерянных вещей. После их осмотров Олег по утрам во время уборок уже едва находил что-либо. В какой-то степени и по этой причине он покинул Holiday Isle.

Иногда я возвращался домой на велосипеде, что следовало делать в ночное время крайне осторожно, так как вероятность нетрезвых водителей была велика. А иногда я добирался домой в качестве попутчика с кем-нибудь из сотрудников, оставив, велосипед при баре.

Кому более всего пришлась по душе моя работа, так это пани Анне. Она снова стала получать на меня чеки, а мне выдавать наличные, по пять долларов за час.

Надо признать, что деньги, которые я получал за эту работу, хотя и были невелики, но достаточно лёгкие. Эта работа воспринималось мной как некое недоразумение, которое не могло долго продолжаться.

По вечерам меня посещали на работе Вова или Олег, я мог спокойно трепаться с ними, и они удивлялись столь вольному рабочему режиму. Если Вова приходил вовремя, когда я получал свой законный ужин, он помогал мне скушать таковой. После своих визитов Вова рекомендовал мне держаться за это непыльное место и даже не помышлять о переменах.

Но у меня самого, ни к этой работёнке, ни к Holiday Isle уже не лежала душа; я чувствовал, что засиделся здесь. А пока, не имея иных вариантов, я плыл по течению на своём велосипеде и отмечал медленные, но верно растущие перемены на моём банковском счету.

Кроме Олега и Вовы, ко мне на работу наведывался и московский Андрей. Последний захаживал не столько ко мне, сколько к работникам бара, чтобы напомнить о себе и получить дармовой ужин и выпивку.

Чаще всех на моих вечерних дежурствах бывал Вова. Проживал он неподалеку от пансионата, и после работы захаживал ко мне потрепаться.

Из его рассказов я узнал, что его новые соседи — Саша и Марта состоят в более чем, соседских отношениях, и ему уже приходилось оказываться в неловком положении в своем углу на куртке «Аляска».

Однажды, вернувшись, домой поздно, он обнаружил, что Марта из соседней комнаты перебралась в их комнату и расположилась на Сашином матраце рядом с ним. Укладываясь на своём спальном месте, Вова не знал, как ему следует это понимать? Вову интересовала степень доступности Марты и для него, так как теперь он тоже её сосед и также платит рентную плату.

Саша неопределенно ответил, что они просто не ожидали Вову так рано. Вот и вышла накладка. Просил Вову не смущаться и чувствовать себя, как дома. Сделав своё дело, Саша вышел из дома и присел на крыльце покурить.

Вова понял его объяснения по-своему, и на правах полноправного жильца комнаты и соседа Марты, подкрался к спящей в двух метрах от него красавице.

На мой вопрос, на какую реакцию с её стороны Вова рассчитывал. Он ответил, что с того момента, как разглядел голую Марту, он уже ни о чём не думал, а просто хотел.

Сам того, не осознавая, оказался у неё под боком с самыми добрыми, естественными человеческими намерениями. Вероятно, Вова проявил свою соседскую любовь к ближней, с излишним энтузиазмом. Он не только разбудил Марту, но и позволил ей опознать в нём новенького. К Вовиной досаде, его искренние чувства к Марте, почему-то испугали её, и она стала звать на помощь Сашу.

Тот прибежал на шум, и к своему удивлению застал перепуганную Марту и возбуждённого Вовочку, занявшего его тёплое место. К счастью, у Саши хватило ума не делать из этого трагедии и отнестись к возникшей ситуации с чувством юмора.

Однако, сама Марта, наблюдая за их переговорами на непонятном ей языке, решила, что Саша по-соседски уступил её Вове, и тот пристроился к ней с его согласия. Непросто было убедить её в том, что всё произошло без предварительной договоренности, и даже самим Вовой неосознанно.

Так, загадочная и любвеобильная Вовочкина душа, осталась непонятой и неудовлетворённой.

Этот травмирующий его ранимую душу эпизод, вывел Вову из душевного равновесия и повлёк рецидив морской болезни. Чтобы успокоиться, ему пришлось какое-то время побыть одному, и снова убедиться в том, что весь мир в его руке, и лучше иметь отношения с молчаливой, все понимающей Луной, чем метать бисер перед самовлюблённой, глупой истеричкой.

Спустя несколько дней, я зашёл к Вове в гости. Сидя на крыльце его домика и обсуждая свои повседневные проблемы, мы оказались в поле зрения соседки Марты. Когда она, якобы, случайно вышла из комнаты, и, включив свою улыбку, поприветствовала нас, я почувствовал, что появилась она не случайно, у неё есть вопросы.

На правах знакомой, она поинтересовалась, как идут мои дела. Я коротко рассказал ей о своей странной, легкой и глуповатой работёнке, и о временном камерном жилище. Пока я разговаривал с ней, Вова заскучал, и ушёл на кухню. Как только мы остались одни, Марта не очень-то плавно сменила тему.

Её серьёзно интересовали вопросы об истинном положении, в котором пребывал в стране её сосед Саша. В частности, она просила разъяснить, какой такой статус у Саши, которым он так бравирует и заявляет, что может жить и работать в США, и брак с гражданкой не имеет для него никакого формального значения.

Я коротко объяснил ей, что всякий турист может, заполнив анкету-заявление о предоставлении ему политического убежища и подать её в миграционную службу. В случае принятия заявления к рассмотрению, просителю выдаются временные удостоверение личности, номер социального обеспечения и разрешение на работу. Само заявление о политическом убежище может лежать в дальнем ящике годами без рассмотрения, если проситель не настаивает на таковом. Но каждый год необходимо продлевать свои временные документы.

Из вопросов Марты было очевидно, что Саша склоняет её к законному и счастливому браку, а она сомневается в искренности чувств, подозревая в его действиях иные мотивы. На её сомнения, Саша отвечал, что он и без брака может проживать в Америке, не хуже гражданина. Единственное, чего ему не хватает до полного счастья, так это быть её законным супругом.

Судя по реакции, она получила подтверждение своим созревающим подозрениям. Кроме того, она поинтересовалась, не опасен ли Вова? Я заверил её, что он добрый парниша, переживший тяжёлое детство, и его не следует бояться. И даже рекомендовал его, как возможного верного и нежно любящего супруга. Она поблагодарила за предложение и обещала подумать над всем услышанным.

Озабоченная Марта показалась мне вполне подходящей кандидатурой для заключения брака-сделки. Она была свободна и пребывала в стеснённом материальном положении. Но заговорить с ней спокойно на эту тему не представлялось возможным. Она находилась в постоянном окружении двух странных соседей. Один клялся в любви и настаивал на браке, а другой ни о чём не просил, но пристраивался к ней, с согласия первого… Меня там только и не хватало.

Спустя недельку, Вова покинул этот домик, в связи с его повышением и переводом на другую работу. В одном из ресторанчиков появилась вакантная должность посудомойщика, и пани Анна предложила это место Володе.

Рабочее место предполагало предоставление работнику жилой комнаты и питания. Оплата труда стандартная — пять долларов за час. Такой комплекс социального обеспечения заинтересовал Вову, и он дал своё согласие.

Название ресторана «Papa Joe» намекало на то, что это одно из мест, где останавливался и творил Эрнест Хэмингуэй, который немало времени провёл на островах Флориды. Само местечко находилось на самом берегу Мексиканского залива у дороги US-1, на 81-82-й миле.

Верхний этаж над рестораном был оборудован под комнаты, предназначенные для проживания работников. Это были маленькие одноместные камеры, в которых, едва размещалась койка и тумбочка. Туалет и душ находились в конце коридора, доступные для общего пользования.

С переездом Вовы на новое место наши встречи сменились телефонными переговорами. Однажды я заехал к нему в гости. В этот день Вова работал во вторую смену; и в дневное время, как и я, был свободен.

Он пригласил меня в свою комнату, и я мог увидеть, где и как он теперь проживает. Окошко его комнаты выходило на Мексиканский залив, в это же окно был вмонтирован старый кондиционер, без которого проживание здесь было бы невозможно. Но как бы там ни было, для Вовы, в его ситуации, получить постоянную работу с бесплатным жильём и питанием, было хорошим началом, и он рассматривал это, как значительное

повышение по службе.

У него складывались добрые отношения с хозяином ресторана и сотрудниками. Все черновые должности были гостеприимно предоставлены гаитянам, полякам и Вове. Функциональные обязанности, возложенные на него, были предельно просты: мыть да сушить посуду. Загружали его работой по 9-10 часов на день. Предполагаемая еженедельная зарплата, в среднем 250 долларов, не расходовалась им ни на оплату жилья, ни на питание.

По его просьбе, мы посетили с ним ближайшее отделение Barnett Bank, и открыли ему сберегательный счёт, куда он теперь еженедельно свозил намытые за неделю денежки. По мере освоения ресторанного бизнеса, Володе начали доверять выполнение и других, ответственных и более оплачиваемых работ.

Когда в туалете для посетителей случалась авария, и пользование таковым становилось невозможным — возникала чрезвычайная санитарная ситуация. Как правило, случалось такое по причине женской халатности. Не думаю, что они также делают и у себя дома, но в туалете ресторана некоторые считают возможным сбрасывать в унитаз любые предметы. Как следствие такого небрежного отношения, канализация забивалась, унитаз переполнялся, заливался пол, поступали жалобы от гостей. Надо было что-то предпринимать.

Вопрос стоял — не что делать? А кто будет это делать? Обычно, в таких случаях, управляющий или кто-нибудь из работников ресторана, звонили хозяину ресторана и сообщали о случившемся.

Поручать кому-либо эту аварийную работу, ни у кого не поворачивался язык. Всякий мог ответить, что это не его забота, а то и послать, в ответ на такое предложение.

Однажды, в такой критической ситуации, хозяину пришлось подъехать в ресторан, чтобы решить эту санитарно-техническую задачу. Оценив масштабы аварии, он понял, что с этим не всякий справится. Да и не всякого попросишь. Американские сотрудники занимали должности поближе к клиенту и чаевым. Говорить с ними на эту тему, всё равно, что оскорбить их.

Хотя, если разобраться, за их заносчивой позой, в большинстве случаев была самая заурядная суть. А если учесть, что именно они, работая в баре и ресторане, официантами, получали больше и легче, чем другие кухонные работники, то на них-то и следовало бы возложить эту санитарную задачу.

Но как обычно, тяготы достаются тем, кто меньше требует и сопротивляется. Кто тянет — того и погоняют.

Вот и хозяин решил, что ему легче будет поговорить об этом с новеньким работником. Который, пока ещё не разговаривает. Возможно, именно то обстоятельство, что с ним можно говорить только с помощью жестов, и облегчало задачу.

Хозяин по-отечески тепло поприветствовал Вову, поинтересовался, как ему работается на новом коллективе, и пригласил пройти с ним. Вова уж подумал, что хозяин ведёт его в ресторан для того, чтобы пообедать с ним и поближе познакомиться. Но когда они направились в женский туалет, понял, что ему хотят доверить выполнение какой-то деликатной работы.

К тому времени последствия аварии угрожали выйти из-под контроля и пределов туалета. Хозяин показал Вове, что необходимо прочистить унитаз, восстановить его функционирование, а затем навести в туалете порядок. Опасаясь справедливых возражений со стороны даже глухонемого работника, хозяин торопливо вытащил бумажник и выдал озадаченному Вове 20 долларов. В ответ, Вова выразил свою благодарность за оказанное ему доверие и готовность приступить к ликвидации последствий женской небрежности. Хозяин заботливо обеспечив Вову резиновыми перчатками и прочим инструментом, спешно удалился в свой кабинет.

Володя, имевший богатый жизненный опыт, обретённый на службе в Северном флоте и во время учебы в мореходном училище, быстро обнаружил в недрах унитаза посторонний предмет и удалил его. Вместе со злополучной гигиенической прокладкой была устранена и причина аварии. Унитаз обрел прежнюю работоспособность. Наведя флотский порядок в женском туалете, Вова вышел оттуда героем дня. Он обрел благодарность хозяина, уважение сотрудников и дополнительный заработок. А также, ещё раз доказал, что Северный флот не подведёт!

Впоследствии, в случаях обнаружения первых признаков аварийности объекта, без излишних поисков ответственного, о случившемся докладывали хозяину. А тот, если отсутствовал и не мог приехать, просил подозвать к телефону Владимира. Имея уже некоторый опыт общения с ним на эту тему, хозяин обещал традиционные 20 долларов и заранее благодарил за качественно выполненную работу. Вова просто делал это, и получал обещанное.

У меня всё шло без особых перемен. Дежурства до поздней ночи в пансионате и проживание в тесной компании с гаитянским соседом. Практически, мы лишь ночевали с ним вместе в комнате, а виделись и общались только в пансионате. Когда я

возвращался с работы, он, обычно, уже спал. А утром, когда он уезжал на работу, я ещё спал. Днём до четырёх я был свободен. Иногда ко мне заезжал на велосипеде Вова, и мы коротали время где-нибудь на пляже.

Однажды, во время моего дежурства при баре, туда заявился московский Андрей. Какое-то время он ошивался вокруг работницы Лизы. Надумав уходить, Андрей спросил меня, не собираюсь ли я заканчивать работу. Вечер был сравнительно тихий, время — уже около полуночи, и в моём присутствии особой необходимости не было. Андрей собирался куда-то ехать и предлагал подвезти меня домой. Спать мне не хотелось. На работе было всё спокойно. И я мог бы ещё пару часиков подежурить. Ехать с ним, у меня душа не лежала. Но тот приглашал. Лиза, вникнув в наш разговор, выразила своё согласие на моё досрочное отбытие и обещала всё уладить, если я, вдруг, понадоблюсь кому-нибудь. Андрей поторапливал, и я решил ехать с ним.

Его машина была припаркована на стоянке, неподалёку от будки, где мне надо было отметить окончание рабочего времени. Андрей шагал впереди меня. Праздно шатающихся людей на территории пансионата было ещё много. На полпути, проходя мимо будки моментального фото, я заметил лежащий на асфальте предмет, похожий на пластиковый фотоаппарат, подобный моему Kodak. Я, едва приостановившись, наклонился и подобрал его. Освещение было кое-какое, но когда находка оказалась у меня в руках, стало ясно, что это был плотно набитый бумажник.

Рядом, в трёх метрах, стояла компания парней, весело беседующих и попивающих пиво. Когда я наклонялся, чтобы подобрать свою находку, из нагрудного кармана моей футболки выпала зажигалка, и мне пришлось ещё разок наклониться, чтобы поднять её. Приостановившись с найденным, я заметил, что один из парней обратил внимание на мои действия, и, по-моему, даже разглядел находку. Мы обменялись беглыми взглядами, я пожал плечами, мол, если ты не против, я, оставлю это себе, и пошёл догонять Андрея, который поторапливал меня. Я решил, что исследовать найденное, у меня ещё будет время. Андрей нетерпеливо поджидал у будки, перед тем, как я вошёл туда, показал мне, где стоит его машина, и сам направился к ней. Я быстро отметил время. Найденный бумажник сунул в карман шорт и вышел из будки. В тот же момент я услышал шум у места моей находки. Взглянув туда, я заметил, что парниша в очках, который оказался случайным свидетелем моей находки, показывал кому-то в моём направлении. Даже с этого расстояния

была заметна возбужденность людей. Как только они увидели меня, стали кричать и размахивать руками, чтобы я подождал. Мне стало ясно: весь этот шум — по поводу потерянного кем-то бумажника. Я остановился, готовый вернуть найденное. Шум и движение привлекли внимание и других случайных прохожих. Неприятно удивила меня излишне агрессивная реакция лидера этого движения — толстого и хорошо подпитого типа, опережавшего всех остальных.

Преодолевая 15-ти метровое расстояние до меня, он неоднократно и громко прокричал, чтобы я оставался на месте, хотя все видели, что я и так ожидал их, и не собирался бежать. Шум и суматоха, поднятая им, явно не соответствовали ситуации. Я достал из кармана бумажник и ждал.

Его дурацкое, наигранное задержание, послужило мне и во вред, и на пользу. Плохо, что на весь этот шум сбежались все, кто был поблизости, и для них, судивших по услышанному, это было задержание вора или грабителя, что вызвало их естественное любопытство. Хорошо то, что на шум прибежали сотрудники обеспечения порядка и, к моему счастью, дежуривший в тот день полицейский. Первый, кто добрался до меня, был тот крикливый, не в меру возмущённый, толстяк. Вместо того чтобы принять от меня бумажник, который я держал в руке, он схватил мою руку с бумажником, и, подняв её, громко объявил о поимке вора, который украл бумажник у него. Нас окружили любопытные. Толстый не очень ловко разыгрывал дешёвое кино, но, в общем, ситуация уже складывалась для меня паршиво. Он не давал сказать мне и слова. Я едва смог ответить, что нашёл этот чёртов бумажник, но прозвучал я не так громко и эффектно, как потерпевший толстяк. И только появление полицейского позволило мне толком изложить всё, как было.

Пока полицейский добирался до нас, он успел несколько раз услышать громкое обвинение обиженного. Поэтому, оказавшись перед нами, сразу же обратился ко мне:

— Что скажешь, парень?

— Я не украл это, а нашёл и подобрал, — коротко ответил я и подумал о том парне, который всё видел.

Подвыпившие ротозеи, услышав мой ответ, утратили интерес к случившемуся. Кто-то отпустил шутку в адрес толстяка, а кто-то советовал мне быть порасторопней в будущем, и выразил сожаление, что этот бумажник нашёл я — лузер. Полицейский попросил всех разойтись и не мешать. В этот момент я заметил того парня в очках, было видно, что он и сам хотел принять участие в живом кино. Так как именно с его помощью меня и вычислил толстый.

Я указал полицейскому на парня, и заявил, что он всё видел, и может рассказать, как я нашёл и подобрал бумажник.

— А если он не видел, тогда пусть сам потерпевший расскажет, как я это украл у него, — успел я вставить слово.

Полицейский сразу же проявил внимание к парню-свидетелю, а тот выразил послушную готовность рассказать всё, что он видел. Полицейский отвел того в сторонку, а нас просил подождать.

Я остался в окружении того же толстого и работников общественного порядка. Потерпевший, уже не так громко поддерживал тему о причиненном ему ущербе, хотя, всерьёз его уже никто не воспринимал. Ожидали главного — полицейского.

Служивый, уже немолодой мужчина, быстро выслушал свидетеля, который в своём изложении несколько раз показал на меня и в сторону нашей первой встречи. Затем отпустил того.

Вернувшись к нам, он обратился ко мне и обиженному толстяку.

— Теперь я готов выслушать вас, — заявил полицейский, уже без особого служебного рвения. Я понял, что в разговоре со свидетелем он выяснил, как всё произошло. Но толстый этого не понял, и, опережая меня, сумбурно выплеснул своё видение случившегося:

— Вот этот парень украл у меня бумажник, но я его поймал… Мой бумажник был в его руках, это все видели… Я сам работаю здесь в бригаде общественного порядка и знаю как с такими надо…

Чем больше он молол, тем легче мне было, затем объясняться. Я наблюдал, как к нашей группе подошёл представитель администрации, дежуривший в ту ночь. Он выслушал рассказ толстого, взглянул на меня и, отведя в сторонку Андрея, стал расспрашивать его. Скоро потерпевший начал повторяться. Полицейский прервал его и предоставил возможность объясниться мне.

— Я вам уже говорил, что нашёл эту вещь возле фото будки. Подобрал её, и, не разглядывая, поспешил за своим товарищем, который предложил подвезти меня. Отметив время, я услышал и увидел, что меня зовут. Остановился и был готов вернуть найденное…

— Какие у тебя были намерения? Что ты собирался делать с найденным? — возник со своим вопросом представитель администрации. Это был вопрос по существу!

— Я ещё не успел определиться, так как бумажник находился у меня не более двух минут.

— А куда ты направлялся с ним? — не унимался

представитель администрации пансионата.

Я понял, куда он клонит.

В отношение всего найденного на территории пансионата, существовало правило для всех работников; сдавать своему непосредственному начальнику или в офис, в стол находок. Кстати, это место в приёмной главного гостиничного комплекса, находилось на отрезке моего пути с бумажником: между местом находки и будкой с машиной времени. Если бы я приостановился на этом отрезке, то вполне мог бы сказать, что собирался занести это в офис, но я целенаправленно прошёл мимо. Они терпеливо ожидали моего ответа.

— Подобрав, я даже не успел просмотреть содержимое… Меня поторапливал Андрей, и я решил для начала отметить время, а затем разобраться с найденным.

— А когда отметил время, куда ты направился? — пытался выяснить мои истинные намерения старший сотрудник.

— Выйдя из будки, я услышал, что меня зовут, и остался на месте.

— А собирался куда? — копал тот яму для меня.

— Собирался в сторону автостоянки, потому что там меня ожидал Андрей.

Больше вопросов не было, по их реакции я понял, что расследование зашло в тупик; и вопрос о моих намерениях остался невыясненным. Полицейский, слушая меня, поглядывал на оттопыренный карман моих шорт. Ему, явно, хотелось узнать, что у меня там. В кармане лежал англо-русский словарь. И я ждал, что полицейский всё же решится на досмотр и удовлетворит свои сомнения. Но, видимо, при сложившихся обстоятельствах не мог потребовать такового. Он лишь коротко пересказал моему начальнику показания свидетеля, о том, как я подобрал бумажник. Возникла пауза.

— Хорошо, на сегодня пока достаточно. Возможно, завтра мы ещё поговорим об этом, — подвёл итог старший и предложил всем разойтись.

По пути домой Андрей лечил меня: ты чо, в школе не учился!? В таких редких случаях, прежде чем подбирать найденную в людных местах вещь, следует незаметно отфутболить это в более удобное место. Ты же, увидел и накинулся, как наивный ребенок…

Мне хотелось поскорее остаться одному, чтобы спокойно обдумать случившееся. Первой мыслью было плюнуть на этот Holiday Isle и остров Islamorada, и уехать завтра же, чтобы больше не возвращаться к этим разбирательствам. Затем, подумав, я решил, что такое исчезновение многие расценят как признание

вины и бегство. Хотя вопрос о дальнейшем пребывании на этом острове для меня уже был решён.

На следующий день, когда я появился в пансионате, как я и ожидал, мне пришлось отвечать на вопросы и пересказывать эту историю всем своим знакомым и сотрудникам. Лишь представители острова Свободы говорили со мной о режиме Фиделя Кастро и о проблемах построения социализма в отдельной стране.

Сотрудники, которые представляли администрацию, разговаривали со мной уже не столь приятельски, как прежде. Из их вопросов нетрудно было понять, что меня подозревают в попытке присвоить найденное на территории пансионата. При этом они, особенно отмечали тот факт, что всё произошло в моё рабочее время. А это обязывало меня, как работника, незамедлительно сдать найденное.

На всё это, я лишь мог ответить в своё оправдание, что найденный бумажник пребывал у меня всего минуту, и я не успел… Слинять с ним из вашего пансионата, — думал я про себя.

По тому, как ко мне обращались с вопросами руководящие работники, я понял, что моё дело в процессе рассмотрения. В течение нескольких дней я выходил на работу и ожидал их решения. Мой гаитянский сосед и бывший коллега утешал меня, что в отделе закупки все ребята считают мою реакцию на найденный бумажник вполне нормальной, а шумиху, поднятую вокруг этой ерунды, воспринимают, как смехотворное шоу.

Он и сам поплёвывал в адрес Холидэй Айл и готовился к собственному бизнесу, имея меня в виду, как возможного помощника на ближайшее будущее.

О своём решении относительно меня, администрация объявила мне по-тихому; и я оценил их тактичность. В один из рабочих дней, как только я прибыл на рабочее место, ко мне подошли двое сотрудников из отдела общественного порядка и сообщили мне, что меня хочет видеть один из моих боссов, который ведал всем общепитом в пансионате. Я обещал им зайти в офис, но они ответили, что он ожидает меня сейчас, и выразили готовность проводить меня к нему.

Стало ясно: со мной уже говорят как с бывшим сотрудником. Расспрашивать их о чём-либо не имело смысла. Соблюдая дистанцию, они довели меня до самого офиса. Один из них, постучав, заглянул за дверь, и уважительно прогнувшись, доложил хозяину, что Серджий уже здесь. После этого сопровождавшие пригласили меня войти, а сами поспешили прочь.

В прохладном кабинете, за своим канцелярским столом восседал толстый дядечка в очках с мощными линзами.

Он частенько навещал отдел закупки, и ранее мне приходилось часто контачить с ним. Он всегда по-отечески приветствовал меня и расспрашивал, как мне здесь работается. Из-за своей излишней полноты и очков, он всегда казался уязвимым, пыхтящим и потеющим добряком.

В своем охлажденном кабинете он выглядел более уверенно и комфортно. Не пыхтел, как обычно, и не обтирался от пота, но был несколько смущен. Увеличенные линзами глаза не задерживались на мне. Я не мог определить, что его смущает: роль босса, объявляющего работнику об увольнении, или мой неблаговидный поступок, разочаровавший его. Я, как мог, выразил ему готовность безболезненно воспринять любую новость и он, наконец, промямлил:

— Серджий, совет владельцев пансионата рассмотрел случившееся… Большинство считает, что ты тогда пошёл с найденным бумажником не в том направлении, и полагают, что ты был намерен… К сожалению, мы вынуждены расстаться с тобой.

— Сожалеть не о чём. Всё нормально, — ответил я.

К обоюдному облегчению, я покинул его кабинет. Мысль о том, что я могу больше не возвращаться сюда, и не отвечать на расспросы, согревала душу. Сожалел я лишь о том, что проработал здесь полноценных пять месяцев, и в будущем не смогу сослаться на Holiday Isle, как на моё последнее место работы. А ведь было же настроение уволиться по-хорошему и съехать. Случай с бумажником подобен некой сатанинской шутке. Словно кто-то сверху дергал за нужные ниточки и плёл сюжет. Один, вдруг, настойчиво предлагает подвезти домой и уговаривает меня. Другой — пребывая в состоянии алкогольного опьянения и природного отупения, теряет свой бумажник. А я — первый обнаруживаю потерю и, нарушая элементарные правила шпионской конспирации, заглатываю эту сатанинскую наживку-искушение.

Мышеловка с бесплатным сыром захлопнулась, закончился ещё один этап моей туристической и трудовой активности. И закончился он с горьким привкусом. Очень хотелось поскорее переехать туда, где меня не знает ни одна душа. На примете у меня были некоторые места в этом штате, куда я подумывал переехать. Теперь же я задумался об этом конкретно.

В тот же вечер я позвонил Анне и сообщил ей о переменах. Она уже всё знала. Я предупредил её, чтобы в случае моего отсутствия, мою зарплату за неполную неделю она отдала Олегу.

В свою очередь, она предложила мне новое рабочее место. Соседнее с Холидэй Айл заведение, называлось — Sea Theatre. Дельфинарий — очень посещаемое туристами место, но сам я там ни разу не бывал. После его закрытия в часов шесть вечера, необходимо приступать к дежурству и следить за вверенной территорией до шести утра. Во время дежурства необходимо строго по расписанию включать и выключать насосы, обеспечивающие циркуляцию воды в бассейне. Специфика этой работы в том, что она ночная и без выходных дней. Режим требовал дневного сна и ночного бодрствования. Но это компенсировалось тем, что за 90-часовую неделю не умственного и относительно спокойного ночного труда гарантировалась зарплата не менее 450 долларов.

Также, я узнал, что работники там долго не задерживаются. Но Анна утверждала, что это происходит чаще по инициативе работодателя, так как работники не говорят по-английски, что необходимо в экстренных случаях. В настоящее время там работает пан Тони-Sorry-Man. Он не устраивает хозяев, так как они подозревают его в крепком и здоровом сне во время дежурств.

Я уклончиво обещал подумать об этом, но сам же думал об отъезде.

На карте полуострова Флорида, моё внимание привлекали несколько мест. На восточном побережье мне хотелось бы побывать и пожить в Maimi и Palm Beach. А на западном побережье — городок St Petersburg, в котором проживал и работал один мой приятель по переписке; Sarasota — местечко, о котором неоднократно и положительно упоминал тот же приятель. А также, город Naples и портовый город Тампа.

Все эти места хотелось бы объехать, посмотреть. Затем, принять решение. Но проделать таковое без автомобиля было не совсем удобно, я был вынужден рассчитывать на автобусные условия путешествия.

Теперь я располагал временем и деньгами; и мог неторопливо принять решение о следующем шаге. Я с удовольствием объезжал окрестности на велосипеде и отсиживался на безлюдных пляжах.

С Олегом мы договорились, что он постепенно выплатит мою долю остаточной стоимости нашего автомобиля, который достаётся ему. Он же получит и мою последнюю зарплату у Анны, если меня к тому времени уже не будет здесь. Я оставил ему номер своего банковского счёта, куда он сможет внести полученное. Также, мы договорились о получении возможной корреспонденции на моё имя.

Когда всё было готово к отбытию, возник Славик и объявил о намерении посетить Майами в ближайшие будущее. Мы договорились, что он прихватит и меня. Также, я получил согласие Саши на хранение части моих вещей, чтобы сам я смог выехать налегке.

До назначенного времени отъезда оставалось ещё несколько деньков. Воспользовавшись моей незанятостью, гаитянский сосед пару раз привлёк меня к участию в своём новом бизнесе.

Подряды, которые ему поручили, оказались нетрудоёмкими и заняли у нас всего несколько часов. За моё участие мой гаитянский сосед-босс приплатил мне.

После работы, обедая в МакДональдс, он разговаривал со мной о своем бизнесе, как с вероятным партнером. Но я не разделял его планов относительно меня, мысленно я был уже в других местах.

Свои последние дни на острове я заполнял праздными посещениями пляжей и теннисных кортов. Если бы во время моих одиноких заплывов меня сожрали акулы, то вряд ли кто догадался бы об этом. Все бы подумали, что я просто съехал куда-то, бросив свои пожитки.

Все теннисные корты в дневное время были подобны раскаленной сковороде, на них можно было жарить яичницу. А я, обливаясь потом, отрешенно шлёпал подачу, не особо заботясь о качестве исполнения упражнения. Когда я весь взмокал от пота и терял интерес к этому занятию, я собирал мячи, чехлил ракетку и шёл на берег. И снова заплывал далеко от берега, заигрывая с чёртом в лице акул.

Я нашел несколько совершенно безлюдных мест на берегу океана и Мексиканского залива, где мог загорать и плавать часами, не видя и не слыша ни единой живой души. Думалось там спокойно, лениво. Все хлопоты выгорали на солнце и смывались солёной водой. О времени напоминало лишь перемещающееся солнце и вяло проявляющийся аппетит. Я чувствовал, как прихожу в себя и восстанавливаю своё внутренне равновесие. Ежедневные десятичасовые суетные марафоны с тачкой вспоминались теперь, как крайне глупое занятие. Обретая душевное равновесие, я всё более склонялся к поиску новой, тихой среды обитания.

В эти дни я предпринял попытки связаться с заочным приятелем из городка St Petersburg.

По моим последним сведениям о нем, он проживал в доме своих родителей, а работал в недавно арендованном офисе, как консультант по корпоративному праву и вопросам банкротства.

По домашнему телефону ответила его мама. Она заочно

знала обо мне и охотно доложила, что последнее время, застать его здесь почти невозможно. Советовала звонить к нему на работу. Из этого я понял, что он уже не проживает в родительском доме.

По рабочему телефону исправно отвечала секретарь, которая, как автомат, просила назвать имя и оставить номер телефона. Я так и сделал.

В один из дней он перезвонил мне. Из нашего короткого разговора, я понял, что ему не до бесед по душам. Слышалась занятость и даже плохо скрываемая задёрганность собеседника. Высказанное мною предположение посетить Питерсбург, не вызвало у него восторга. Я понял, что парень серьёзно озабочен своими делами, и ему не до меня.

В длинных письмах, после восторгов по поводу сдачи экзаменов и получения лицензии на занятие частной юридической практикой, он упоминал о трудностях начинающего юриста, особенно, при организации собственного дела. Последний раз дал о себе знать, прислав мне в Бруклин рекламный листок о телепередаче по местному телевидению, в которой он принимает участие в качестве гостя. Из этой листовки я мог понять, что эта телепрограмма консультативного содержания для телезрителей, интересующихся правовыми вопросами организации, реорганизации и ликвидации частного бизнеса, а так же банкротства. К листовке он не приписал ни единого слова, и я предполагал, что его дело пошло на поправку. Во всяком случае, ему хотелось, чтобы я так подумал.

Однако, сейчас, в телефонном разговоре со мной, как с приятелем, находящемся уже не в Украине или в Бруклине, а в одном с ним штате и готовым припереться на свидание, я расслышал его растерянность.

Я вполне допускал, что парень пробуксовывает. Его американская мечта всё ещё не реализована, а рекламная листовка, вовсе не означает его профессиональное процветание.

За десять месяцев моего пребывания в этой стране, везде, где я останавливался и работал, мне постоянно приходилось слышать о затянувшемся экономическом затишье и массовом спаде потребительской и деловой активности.

Вероятно, мой приятель сейчас переживал все тяготы и лишения начинающего юриста, затеявшего своё дело не в самый благоприятный период. (1994 г.) Но он мог бы откровенно пожаловаться мне на свои паршивые дела и возникшие трудности. Уж я-то, как-нибудь понял бы его.

Всё это напомнило мне один английский анекдот:

Молодой, начинающий адвокат, только что арендовал офис и

дал объявления в местной газете о своих услугах. Первые дни клиенты не беспокоили его, но он надеялся, что таковые появятся.

И вот, наконец, кто-то постучал в дверь офиса. Он раздул щеки, поднял трубку телефона и завёл очень важный деловой разговор.

Постучав повторно, посетитель приоткрыл дверь и заглянул в офис. Это был парень, приблизительно того же возраста, что и адвокат.

Занятой и важный хозяин арендованного офиса, продолжая говорить по телефону, жестом пригласил гостя присесть и подождать минутку.

— К сожалению, сегодня у меня уже весь день занят, и я не смогу вас принять. Но если вас устроит подойти в офис завтра, то я смог бы выкроить для вас какое-то время, — договаривался он с кем-то по телефону. — Тогда жду вас завтра в полдень, — закончил он разговор, и, с усталым видом, повесил трубку.

— Извините, что заставил вас ждать, клиенты… Очень много работы. Как ваше имя? Вы записывались на приём? — обратился адвокат к посетителю.

— Нет, я не записывался. Но вы обращались в телефонную компанию, и меня направили сюда по вашей заявке. Чтобы подключить вам телефон.

Я не думаю, что так уж необходимо сохранять улыбку оптимизма, когда всё из рук вон плохо. Корчить из себя преуспевающего, когда всем известно, что адвокатов сейчас больше, чем потенциальных клиентов. Было бы понятней, если бы он просто ответил, что я появился здесь не в самые лучшие времена и сейчас ему нечем похвастать передо мной. Я не собирался скрывать тот факт, что последние пять месяцев развозил по барам и ресторанам пиво, водку и продукты…

Но я ещё надеялся, что при встрече мы сможем поговорить по-человечески.

Славка заехал за мной среди дня. Я давно был готов к отъезду, поэтому, я лишь бросил сумки в багажник, и мы уехали. Ключ от комнаты и записку я оставил на столе, а дверь захлопнул. Все вещи я распределил по двум сумкам; одну из них взял с собой, а другую, с компактами и прочим — оставил у Славки. А он предполагал заехать ко мне на новое место, когда я определюсь.

«Если только жив я буду, чудный остров навещу…» — подумалось мне. Но знал, что это едва ли случится вскоре.

8

В Майами мы приехали уже во второй половине дня. Остановились неподалеку от остановки метро. Перед тем, как разбежаться, мы зашли в какую-то бакалейную лавку, где я прикупил Славке упаковку пива. На этом мы и расстались. Он пошёл к своему автомобилю, а я на остановку метро. С тех пор я его больше не видел.

(Может быть, когда-нибудь, Славка Грищук, родом из Хмельницкой области, вновь проявится в Мировой паутине…)

Насколько я могу судить о метро в Майами, поезда там ходят только поверху, чаще над автодорогами. Это был единственный раз, когда я воспользовался услугами метро в Майами.

По ступенькам я поднялся на платформу остановки, не имея понятия, на каком поезде, и в каком направлении мне надо ехать. Среди ожидающих поезда, я заметил полицейского, к нему и обратился с вопросом: как добраться до автовокзала. Он указал мне направление и подсказал, на которой остановке сойти. Затем, ещё рекомендовал проехать на автобусе одну-две остановки.

Подошёл нужный поезд. Я проехал всего несколько остановок и невольно сравнил метро Майами с нью-йорским сабвэем. Поезд ни разу не нырнул под землю. Пассажиры, которых я успел разглядеть, тоже отличались от нью-йоркских. Они были провинциальней. Меньше озабоченных клерков и чёрных охламонов, зато побольше мексиканцев и представителей с островов Карибского бассейна.

Сам город я смог увидеть лишь проездами на машине, а теперь из окошка вагона. Трудно что-либо сказать об этом городе, возможно, мне следовало бы изменить свои планы и сделать остановку в Майами. Но я ограничился лишь беглыми транзитными наблюдениями.

Сойдя на нужной остановке, я пересел на городской автобус. В автобусе мне подсказали, где сойти и куда пройти пешком.

Как только я увидел автовокзал, я сразу понял, что именно о нём нам рассказывал Вова. Там дежурила, вероятно, та же чёрная, как ночь, сестра.

Первым местом я запланировал посетить городок Naples. Я спросил о билете. Мне ответили, что ближайший автобус будет только через три часа. Меня это устраивало, хотя время прибытия получалось позднее, к тому же, меня там никто не встречает.

Фактически, я впервые покинул окружение своих земляков. Этот факт усугублялся ещё и тем, что я оказался в незнакомом

мне городе. В подобной ситуации я побывал, когда оставил хасидский лагерь и отправился в Нью-Йорк, но тогда я вернулся в Бруклин и снова попал в компанию соотечественников.

По немногим ожидающим на автобусном вокзале, можно было отметить, что услугами пассажирских автобусных перевозок пользуются люди малообеспеченные. Здесь преобладали испано говорящие клиенты. Было даже любопытно проехать общественным транспортом.

Я сдал на хранение свою сумку и вышел погулять. В этом районе ничего интересного не нашёл, а вот радиостанций своим карманным радиоприемником я выловил немало. На острове такого эфирного разнообразия не было, и я соскучился по богатому городскому радио.

Автобус подали заранее. Пассажиров собралось немало и свободных мест в автобусе почти не оставалось.

Свою спортивную сумку я взял в салон. Как только выехали, водитель объявил пассажирам: в пути не следует курить, употреблять алкоголь и наркотики (кроме кокаина. Шутка!), покидать свои места, и, особенно, нежелательно разуваться и терзать попутчиков запахами своих носков. Обещал регулярные остановки, где мы сможем найти всё необходимое.

Уже вечерело, и сквозь тонированные окна автобуса можно было рассмотреть лишь освещенные улицы. В сочетании с радио FM этого было вполне достаточно. Насколько я мог ориентироваться в пространстве, автобус направился вглубь полуострова, в западном направлении. Скоро мы выехали на 41-ю дорогу, которая обозначалась как Tamiami Trail, и, не сворачивая с неё, пересекли полуостров поперёк, от восточного до западного побережья. При удалении от Атлантического (восточного) побережья, населённых пунктов становилось всё меньше. Среди растительности вдоль дороги преобладали сосны. В каких-то мелких населенных пунктах, название которых я не запомнил, автобус делал короткие остановки. Во время стоянок большинство пассажиров выходили размяться и покурить.

Водитель оказался покладистым дядей и поджидал запаздывающих пассажиров, терпеливо призывая их в путь. Кондиционер обеспечивал в автобусе свежий воздух и комфортную температуру. Я звуко изолировался с помощью наушников и радио музыки, отмечая, как, по мере нашего движения в пространстве, исчезали одни и появлялись другие радиостанции. Находясь где-то посередине полуострова, между атлантическим и мексиканским побережьями радио эфир заметно оскудел, потемнела и местность. Отмечались лишь заправочные станции и прочие точки придорожных услуг.

Приближаясь к побережью Мексиканского залива, стали пробиваться новые и более живые радиостанции, ожило транспортное движение на трассе. По освещенным дорожным указателям и рекламным щитам я определил, что мы подъезжаем к городу Naples. Стал внимательнее приглядываться, всё-таки место, где мне сходить. То, что я смог разглядеть из автобуса, мало о чём мне говорило об этой местности. Промелькнули два-три крупных торговых центра, что уже хорошо. Высветились жилые корпуса кондоминиумов с ухоженными пальмами и соснами на территориях. В огнях разноцветных подсветок всё выглядело обманчиво привлекательно.

Остановились на стоянке у маленькой провинциальной автобусной станции, которая, как мне показалось, находилась где-то на окраине города, поближе к трассе. Время было поздноватое для десантирования в незнакомом городе, да ещё и без конкретного плана. Мне не хотелось покидать пассажирское место в комфортном автобусе и тащиться с сумкой на плече в полную неизвестность.

Наблюдая за высадкой и посадкой пассажиров на остановках, я заметил, что водитель не проявляет никаких контролирующих функций, он лишь заботился о том, чтобы никого не оставить. О чём он спрашивал перед тем, как покинуть очередную автостанцию, так это о присутствии всех пассажиров. А получив разноголосое подтверждение пассажиров, бодро объявлял об отправке.

Остановка в Нэйплс была достаточно продолжительной; многие пассажиры здесь вышли, несколько подсело, заметно прибавилось мексиканцев. Понаблюдав за происходящим, я решил, что выходить мне здесь в такое время совершенно незачем. Спросил у водителя, в какое время мы прибываем в Питерсбург и он указал приблизительно пятый час утра. Коль уж так благополучно мне катится в этом гостеприимном автобусе компании Greyhound, то зачем отказываться. И я снова занял своё место у окна.

Автостанция в Нэйплс была расположена так, что, сделав один-два поворота, автобус вернулся на автотрассу. Города я фактически не видел, но у меня осталось приятное впечатление об этом месте и появилось желание когда-нибудь побывать здесь снова.

Ещё с полчаса я наблюдал вдоль дороги признаки приличного города. Это были торговые центры на выезде, пару крупных теннисных клубов и множество гольф-клубов.

Далее, 41-я дорога проходила вдоль побережья. Местность вдоль Мексиканского залива достаточно густо заселена.

Следующая остановка с полным комплексом услуг, благодаря ресторану МакДоналдс, в городке Fort Mayers. Об этом городке я раньше ничего не слышал, а из автобуса не разглядел ничего такого, чтобы заинтересоваться им.

Уже поздней ночью мы прибыли в городок Sarasota. Это было тихое, крепко спящее по ночам, провинциальное местечко. Остановка была кратковременной. Из объявления водителя я понял, что следующими пунктами будут St Petersburg, Clearwater и Тампа один за другим, но это ещё нескоро. Поэтому водитель обещал на этом отрезке сделать санитарную остановку.

Услыхав о городе Тампа, я задумался, а не проехать ли мне туда? Этот уже город побольше, с университетом и морским портом, и Питерсбург рядом. Но, так и не решив, где мне лучше сойти, я оставался пассажиром сонного автобуса.

Мне не спалось. Бодрое состояние поддерживалось и радио музыкой, и мыслями о скором десантировании в новой местности. Я старался разглядеть всё, что попадало в поле моего зрения. В сравнении с тем, что я видел на пути во Флориду вдоль восточного побережья по 95-й дороге, здесь виды были иные. Эта сторона полуострова была заселена не так плотно, незаметно той массы коммерческой рекламы, зазывающей в места отдыха. Западное побережье Флориды выглядело провинциальнее и спокойней. Растительность здесь тоже отличалась. Вместо густорастущих джунглей здесь росли сосны, которые мне очень по душе.

Доехав до залива Тампа (Tampa Bay), мы съехали с трассы и завернули на стоянку. Просторная стоянка была оборудована как место отдыха для автотуристов. Нам дали время размяться, покурить и посетить туалеты. Там же была большая карта местности, из которой я понял, что, проехав по мосту через бухту, мы попадаем в Питерсбург.

Время было около четырех часов, освещение на стоянке не позволяло разглядеть, начало ли рассветать. С берега зябко поддувал прохладный, утренний ветерок. В сторонке стояла патрульная машина, из приоткрытого окна которой доносились хрипловатые служебные радиосообщения. Похоже, что здесь у полиции была дежурная контрольная точка. Мне показалось, что на островах потеплее, чем в этих краях, и я вернулся в автобус.

Мост через бухту оказался длинным и хорошо освещённым. Движения в это время почти не было. Уже с моста можно было видеть на другой стороне бухты огни города.

Сент-Питерсберг (St. Petersburg, местные часто называют его сокращённо — St. Pete, Сент-Пит) основан Джоном С. Уильямсом (John C. Williams) из Детройта, который купил землю в 1876 году

и Питером Деменсом (Peter Demens, он же — Пётр Дементьев), который построил железнодорожную станцию в 1888 году.

Сент-Питерсберг был зарегистрирован 29 февраля 1892 года, на тот момент он имел население примерно 300 человек.

Город был назван в честь Санкт-Петербурга — столицы родины Деменса (Дементьева) России. Существует местная легенда о том, что Джон Уильямс и Питер Деменс подбросили монету, чтобы решить — кому из них выпала честь назвать город. Питер Деменс выиграл и назвал город в честь Санкт-Петербурга, а Джон Уильямс назвал в честь своего места рождения, Детройта, первый отель. Отель «Детройт» до сих пор существует в деловой части города.

Петр Алексеевич Дементьев.

(Питер Деменс, 13 (1) мая 1849, Тверская губерния, Российская империя — 21 января 1919, Альта-Лома, США).

Основатель города Сент-Питерсберга, штат Флорида США, русский дворянин, председатель земской управы и предводитель дворянства Весьегонского уезда Тверской губернии (1873–1878).

В 1881 г. после убийства Александра II и обвинения в связях с народовольцами принимает решение уехать в США. Обосновавшись во Флориде, он занялся лесозаготовками. Вскоре, начав заниматься и железнодорожными подрядами, Дементьев решился на прокладку железнодорожной линии в 150 миль от реки Сент-Джонс до Мексиканского залива. Железная дорога должна была пересечь Флориду с востока на запад. Рядом со строящейся дорогой возникали новые поселения. Одно из них было названо Дементьевым Одессой.

Автостанция в Питерсбурге была по-ночному пустынна. Район этот был сонно-безликий. Но улица освещена. Я таки решил сойти здесь. Автобус ещё стоял у автостанции, а я с сумкой шагал по безлюдной улице к центру города. С первых же кварталов можно было разглядеть все признаки провинции и деловой вяло текучести. Уж больно часто встречались строения в запущенном состоянии с выцветшими вывесками, призывающими купить или хотя бы арендовать. Кое-где допускали понедельную рентную плату и любые сроки предоставления помещений. По всему было видно, что этими строениями неопределенного назначения уже давно никто не пользовался. Заинтересовавшимся, предлагали звонить по такому-то телефону в любое время. Я не заинтересовался и продолжал своё пешее движение к центру города.

В центральной части оказалось повеселей, хотя, взглянув на витрины закрытых магазинчиков, легко можно было догадаться,

что торговля здесь — никакая. Среди торговых точек я отметил немалое количество антикварных лавочек. Но если присмотреться к выставленному в витринах товару, то поймешь, что это обычная торговля подержанными вещами (thrift shop). И таких лавочек в центральной части города оказалось, на удивление, много. Также часто встречались мелкие гостиницы, вероятно, на несколько номеров. И почти у каждой можно было видеть объявление о свободных комнатах.

Наконец, я заметил открытое кафе, и мне захотелось кушать. Обычная забегаловка, вероятно, работающая круглосуточно. Солнце ещё не появилось, но уже рассветало. Уже не ночь, но ещё и не утро. Я удивился, застав там нескольких посетителей. За стойкой возился парниша, сразу же обративший на меня своё хозяйское внимание. Перед ним сидел с чашкой кофе понурый, лохматый тип. За одним из крайних столиков сидели и играли в карточную игру двое юношей и девушка, явно убивали время, и возможно, со вчерашнего дня. За другим столиком заправлялся мужчина, как позже я заметил, — водитель такси.

Со своей спортивной сумкой я подошёл к стойке и почувствовал на себе внимание всех, кто здесь был. Я оказался в окружении жителей маленького сонного городка, тех представителей провинции, которые от однообразия и безделья рады всякой незначительной новинке.

В отличие от островного затишья, где многие пребывали временно, в качестве отдыхающих туристов и сезонных работников, здесь — наблюдалась стабильная тихая, депрессивная жизнь с постоянными жителями, которые безошибочно определяли чужого.

Парню за стойкой очень хотелось, чтобы я хоть что-нибудь заказал. Я взглянул на доску, где мелком был выписан весь их кулинарный ассортимент с ценами. Я пожелал яичницу с беконом и кофе с какими-то оладьями. Парень, истосковавшийся по заказам, предложил мне присесть и немного подождать. А сам занялся приготовлением яичницы.

Я выбрал себе укромное место, оставил там сумку и вернулся к нему уточнить, где можно помыть руки. Тот показал мне на дверь. В туалетной комнате я нашёл умывальник с зеркалом. Себя я увидел небритым и усталым. Умывшись, почувствовал свежее.

Возвращаясь на своё место за столом, снова заметил, что меня рассматривают, так, как будто в теленовостях уже передали о моей истории с бумажником, и теперь от меня все ожидают объяснений.

Наконец, я получил свой заказ. Имея массу времени, не торопясь, я занялся своим ранним завтраком. Пока я

отсиживался, в кафе зашли ещё пару посетителей. Эти уже были похожи на людей, которые собрались на работу. Женщина, вошедшая в кафе, вполне искренне поздоровалась со всеми; на что присутствующие, и я тоже, ответили ей. С её приходом в кафе стало веселее и комфортнее.

Когда я закончил с завтраком, на улице было уже совсем светло, появилось солнце. Я дал знать, что готов рассчитаться, и парень принёс мне бумажку со счётом. Я выдал ему денежку, и просил не беспокоиться из-за тридцати центов сдачи. Его реакция удивила меня, он стал благодарить и приглашать на обед и ужин.

Вышел на улицу. Люди в кафе, и сонные улицы выглядели странно, и несколько удручающе. Я попытался представить себе адвокатскую контору моего знакомого в этом городке. Представлялось нечто фантастическое и совершенно неуместное. Вспомнился старый американский фильм «Кокон», о фантастических приключениях обитателей дома престарелых, вступивших в приятельские отношения с пришельцами с другой планеты. События, вернее съёмки, фильма происходили именно здесь. А тем временем, городок начинал просыпаться. Звонить в такое время кому-либо было рановато. Я проверил адрес моего приятеля.

Дом его родителей находился на 58-й North St. И по всему было видно, что это далеко от центра. А вот контора — на 4-й North St. Эта улица оказалась рядом, вот только дом номер 4300 мог быть не близко.

Я перешёл на эту 4-ю Северную улицу, сориентировался в нумерации домов и пошёл в нужном направлении. Всюду наблюдались всё те же признаки пониженной деловой активности. Закрытые помещения, как жилыё, так и прочего назначения, встречались часто и густо. Вывески о предоставлении в аренду или о продаже едва ли привлекали чьё-то внимание. В городе было множество различных пансионатов, домов отдыха и мест, где доживали свой век пожилые люди.

Когда на улицах стали появляться прохожие, первое, что я заметил, — преобладание людей пожилого возраста. Словно это был город пенсионеров. В сочетании с самими жителями стали более уместны и магазинчики с подержанными вещами, и старомодные семейные гостиницы. Люди если и торопились куда-то, то не по делам, а в связи с заданным темпом спортивной ходьбы. Складывалось впечатление, что в этот городок съехались со всей страны старики, чтобы дожить остаток своих дней в тихом и тёплом месте. Выглядели они, в большинстве своём, вполне счастливо.

Нужное здание я заметил издали. Современное,

многоэтажное строение с удобным подъездом и парковкой. Типичное здание, всё пространство которого предназначено для сдачи в аренду под офисы.

Было ещё рановато, чтобы надеяться найти там кого-то; однако, входная дверь была открыта, и кое-какое утреннее движение уже наблюдалось. В холле на первом этаже я нашёл указатель, из которого определил, что офис моего приятеля находится на втором этаже. Поднявшись по лестнице, я оказался в пустом, длинном коридоре, по обе стороны которого размещались двери с номерами и табличками. Конторы адвокатов, стоматологов, психологов, косметологов, страхователей, консультантов по вопросам инвестиций, предсказателей… Офис приятеля я нашёл без труда. На двери красовалась стандартная табличка с его именем, и представлен он был как Attorney At Law. За дверью — никаких признаков чьего-либо присутствия. И по всему коридору тоже. Ни единой живой души. Дверь была с щелью для заброса корреспонденции, что натолкнуло меня на мысль оставить записку. Я тут же настрочил записку, типа «здесь был Вася… Я ещё вернусь… Ждите!» Закинул её в контору и ушёл.

Имелся у меня ещё один адрес в этом городе. Адрес ещё дома вручил мне один товарищ, и пояснил, что там проживает его друг, готовый принять и посодействовать. Суть их дружбы мне неизвестна, но адрес конкретный, и именно в этом городе.

Я определился в пространстве и направился обратно в сторону центра, только теперь по другой улице.

Дороге я встретил симпатичную церквушку, своей формой похожей на православную. При осмотре её вблизи, выяснилось, что церковь и есть таковая. Металлическая табличка на фасаде оповещала прихожан, что церковь построена сербами, проживающими в Питерсбурге. К сожалению, в это утреннее время храм был закрыт и я пошёл дальше.

На своём пути я встретил несколько домов престарелых, спортивную площадку с хорошими теннисными кортами, на которых играли в мячик двое физкультурников-ветеранов, уличный маршрутный автобус и множество гуляющих стареньких и супер стареньких людей.

Улицы отличались провинциальным покоем, относительной чистотой и деловой сонливостью. Последнее особенно проявлялось в повсеместном и отчаянном желании продать, или хотя бы сдать в аренду недвижимость. Ближе к центру становилось поживей, да и время уже наступило рабочее.

Нужный мне адрес я отыскал легко. Кроме имени, указанного в адресе, о человеке я ничего больше не знал. Полагался на

собственный шпионский опыт общения с незнакомыми субъектами.

Я нашёл трехэтажный дом, ветхой конструкции, какие часто и дёшево лепят из фанеры в тёплых краях. Внешне, многоквартирная конструкция была обшита пластиковой вагонкой. Все прочие признаки указывали на то, что в этом доме проживает много жильцов, представляющих категорию временно или хронически неблагополучных. Один из них, небритый, с бутылкой пива и сигареткой, посиживал в замызганном кресле у входа в дом. Он, явно, не был занят, и я обратился к нему. На мой вопрос, как найти такую-то квартиру, он вяло указал мне на вход со двора.

Я зашёл за угол дома и оказался во дворике, где обнаружил два входа-подъезда. Почти все открытые окна, говорили об отсутствии кондиционеров в квартирах. Из окон доносился разноголосый шум просыпающегося общежития. Где только можно было, сушилось застиранное бельё, пахло кухнями. Шум нервозного диалога мужского и женского голосов из одного окна, негармонично сочетался со звуками музыки из соседней квартиры. Только я подумал об этом, музыка зазвучала значительно громче, давая понять, что кого-то уже достали скандалами. Кто-то слушал «Goodbuy Yellow Brick Road» Элтона Джона, что оказалось для меня приятной неожиданностью. Вероятно, эта музыка играла лишь для того чтобы заглушить соседский скандал, тем не менее, эта добрая песня 70-х годов здорово гармонировала с самим обшарпанным двориком, напоминавшим Одессу. Я оглядел номера на дверях, но не обнаружив нужного номера. Постучал туда, где, возможно, играла музыка. Дверь открыла молодая рыжая женщина. Я пожелал ей доброго утра, на что она, не утруждая себя традиционной американской улыбкой, бегло окинула меня взглядом, и машинально ответила тем же «добрым утром». Пока она не захлопнула перед моим носом дверь, я перешёл к делу и спросил о Стиве, из такой-то квартиры. Та сообразила, где же такая квартира в доме, и указала направление. Перед тем, как скрыться за дверью, она предположила, что там таковой не проживает, хотя лучше расспросить соседей. Я поблагодарил её за помощь. В ответ она пожала плечами, и исчезла за фанерной дверью. Пока я говорил с ней, меня уже заметили люди из секции, в которую направила меня рыжая дама.

Я спускался по деревянным ступенькам, а мужчина и женщина с ребёнком с любопытством поджидали меня. Не успел я поприветствовать их, как мужчина спросил:

— Как ты сказал имя?

— Стив, из пятой квартиры.

По их реакции я понял, что имя ничего им не говорит.

— Он белый или чёрный? — уточнил мужчина.

— Чёрт! Я даже этого не знаю, — признался я.

— Так ты его совсем не знаешь? — удивились они.

— Нет, не знаю. У меня лишь его адрес.

— О мэн, так это тяжёлый случай. Здесь жильцы очень часто меняются.

— А может быть это тот… Правда он чёрный, и его сейчас нет дома, — неуверенно предположила женщина.

— Тебе лучше подойти сюда вечерком, тогда здесь можно больше разузнать, — посоветовал мужчина.

Но мне было достаточно увиденного и услышанного. Я искренне поблагодарил их. Мне показалось, что мужчина хотел ещё что-то спросить или попросить у меня, но не решился. Я поспешил прочь с этого двора.

Выбравшись на одну из центральных улиц, я заметил отделение Nations Bank, в котором хранились мои островные трудовые сбережения. Наличных у меня оставалось маловато, и было самое время снять кое-что со счёта. Из банка я вышел с денежкой в кармане и изменившимся балансом на счету. Отметил про себя, что последний раз мне приходилось снимать деньги пять месяцев назад, когда мы покупали машину. С того время я только накапливал. В течение пяти месяцев такое однообразие!

День начался, я полагал, что мою записку уже обнаружили в конторе и пора дать о себе знать.

Выбрал телефон-автомат в удобном месте и позвонил в офис приятеля. Ответил он сам.

— Привет, это Сергей, если помнишь такого…

— Конечно, помню. Ты где сейчас?

— В Питерсбурге, где-то в центре.

— Какие у тебя планы? Где ты остановился? — посыпал он вопросы с какой-то беспокойной интонацией.

Или мне показалось, или действительно, разговор со мной вызывал у него беспокойство. Уже который раз, говоря с ним по телефону, я слышал в его голосе какое-то суетливое волнение.

— Я пока нигде не остановился. Планирую повидаться с тобой, и затем уже решить куда податься.

— Дай-ка мне подумать… Сегодня пятница, похоже, я уже не смогу с тобой встретиться, занят… Завтра и послезавтра — праздники. Я уже обещал быть в нескольких местах, никак не могу отменить. А вот в понедельник, с часу до двух, если тебе подходит, то мы могли бы встретиться.

Я слушал его и думал: не нахожу пока ничего интересного,

ради чего стоит здесь задерживаться. Я полагал, что при встрече с человеком, проживающем здесь и недавно открывшим своё дело, смогу получить какой-то полезный совет или обнаружить взаимные интересы.

— Честно говоря, я понятия не имею: где и как провести двое с половиной суток в этом городе.

— Сергей, к сожалению, в данный момент пригласить к себе не могу. Я съехал из дома родителей. Сейчас живу у своей подруги, а у неё ребенок… Ну, ты понимаешь. Как давно ты уже в Америке?

— Почти год… Всё понимаю. Если задержусь здесь до понедельника, тогда дам знать о себе. Но, вероятно, вернусь в Нэйплс.

— Каким транспортом ты путешествуешь?

— Автобусом. А что?

— Будь осторожен. Не катайся автостопом. Автобус для иностранца — лучше всего. Безопасно и спокойно.

Возникла пауза. Сказать друг другу было больше нечего. Чтобы хоть что-то ответить, я пообещал быть осторожным. Он просил не исчезать и позванивать ему. Я снова пообещал. На этом мы, с взаимным облегчением, повесили трубки.

Даже из короткого телефонного разговора было понятно, что у парня сейчас не лучшие времена и ему не до гостей. Вероятно, он испугался, что я потребую от него массу времени и внимания. Или ему так уж неудобно было показаться в шатком положении.

В особой заботе я не нуждался. Мог вникнуть в его проблемы и поговорить о них. Возможно, нашлись бы общие интересы. Какая необходимость корчить из себя супер занятого адвоката? И перед кем! За год пребывания в этой стране я опробовал все виды донорства, собрал кое-какие деньги и способен понять и чёрного наркомана с пистолетом, и начинающего провинциального адвоката. Он же отказался от счастья поговорить со мной…

Наш телефонный контакт оставил у меня горьковатый привкус недоразумения. Сожалел я также и о том, что не предугадал такой реакции на своё прибытие, и не проехал полюбившимся мне автобусом до Тампы. Очень вероятно, что посещение города Тампа оказалось бы более интересным и перспективным.

Бесцельно погуляв какое-то время по городу, я вернулся на автостанцию уже во второй половине дня. Направляясь к билетной кассе, я ещё не знал куда ехать. Обратно в Нэйплс, который мне приглянулся, или проехать немного дальше — в Тампу?

Выяснил об автобусах, в том и другом направлении.

Расписание оказалось в пользу Нэйплс. И я купил билет. Хотя, и этот автобус тоже пришлось подождать. Вокруг автостанции в Питерсбурге ничего интересного не было. Пришлось тупо сидеть на скамье, слушать местное радио и жевать съедобную дребедень, которую предлагал автомат. Я сидел и думал: снова не угадал, купил вчера билет до Нэйплс, вот и надо было там выходить. Прокатился зайцем до Питерсбурга и получил пустую экскурсию.

Обратно ехали той же дорогой через мост, только теперь днём, можно было больше увидеть. Однако, бродяжный режим начинал притомлять, хотелось спать.

В Нэйплс прибыли, когда уже темнело. Я вышел из автобуса с намерением отыскать ближайший мотель и снять комнату.

Перейдя дорогу, первое, что увидел, это освещённую сцену, на которой разыгрывали какое-то театральное действо и немало людей, собравшихся в качестве зрителей. Шагая в направлении к этому культурно-массовому мероприятию, я отметил, что сцена сооружена у модернового здания церкви.

Приблизившись, я смог разглядеть достаточно большую и разношерстную аудиторию зрителей, которые расположились на лужайке. Многие были с детьми, кто-то сидел на раскладных стульях, кто-то стоял. Это были люди всех возрастов. Они с восторгом реагировали на происходящее на сцене. Понаблюдав театрализованное действо, я понял, что актёры-любители разыгрывают библейские сцены. Вспомнил, что мой приятель упоминал о каком-то празднике. До меня дошло, что в это воскресенье может быть Пасха. Отметил свою потерянность во времени и в пространстве, оторванность от всяких корней…

А тем временем, на сцене уже проклинали Иуду.

— Нашли крайнего, — подумал я, и решил, что концерт скоро закончится.

Оказался прав. Нехороший Иуда повесился, а хорошие ребята снова вернулись к своему, уже распятому, Учителю и стали любить его пуще прежнего. На этом и опустили занавес.

Все зрители встали и дружно зааплодировали. Я присоединился к ним. Участники представления вышли на освещённую сцену и радостно принимали благодарность зрителей.

Скоро народ стал собираться по домам. Оказавшись в окружении добродушно настроенных христиан, я обратился к ближним со своим земным вопросом.

— Простите, не подскажете где здесь ближайший мотель или нечто подобное?

Показалось, что меня приняли за энтузиаста, приехавшего из другого города на это праздничное представление.

— Мотель? — задумался над моим вопросом мужчина.

— А вам переночевать или пожить какое-то время? — поинтересовалась женщина.

— Возможно, придется пожить несколько дней, — предположил я.

— Я думаю, вам лучше обратиться в Matthew House, — посоветовала женщина.

— Точно! И это совсем рядом, — согласился с ней мужчина.

— А где этот Mad House? — заинтересовался я.

Из их коллективного объяснения я понял, что это где-то неподалеку. Поблагодарил их, и сразу же направился в указанном направлении.

Я прошёл по улице, на которой почти одна напротив другой располагались две церкви. Первая была баптистской, она-то и устроила этот уличный театр. Другая была эффектно отмечена огромным, светящимся неоновым крестом, но само название религиозного заведения мне ничего не говорило. Пройдя мимо этой церкви, я свернул с улицы, и через футбольное травяное поле школы, вышёл на какой-то переулок, а по нему пришёл на нужную мне Airport Road.

Я надеялся найти там какой-то мотель. Но выйдя на эту улицу, сразу увидел на другой стороне освещённую вывеску «Matthew House». Туда я и направился.

Приближаясь к самому зданию, мне показалось, что это вовсе не мотель. Вход с улицы был закрыт. Указатель направлял во двор. Во дворике на скамейке встретил нескольких субъектов. По ним и определил, что это не мотель и не гостиница, а какое-то пристанище для бродяг.

Не скажу, что это обстоятельство так уж разочаровало меня. Было даже любопытно воспользоваться услугами такого заведения.

Я вошёл туда. В прихожей, за канцелярским столом заседал чёрный, спортивно сложенный дежурный. Заметив меня, он весело предложил свою помощь. Этот парень располагал к себе. Я охотно причалил к его столу и сбросил с себя сумку.

— Чем могу помочь? — шутливо спросил чёрный вахтёр.

— Мне сказали, что здесь можно снять комнату, — ответил я.

Тот расцвел белозубой улыбкой.

— О да, у нас есть одна большая комната для гостей, — ответил он, продолжая улыбаться.

Я почувствовал, что здесь какие-то особые условия проживания. Бегло огляделся вокруг. Отметил доску с объявлениями и длинный стол с большим термосом, в котором обычно выставляют горячий кофе в публичных местах, и рядом

несколько упаковок одноразовых стаканчиков, несколько разносов с различными пирожными. Всё это было похоже на какой-то интернат в праздничные дни.

— Так ты хочешь остановиться в нашем доме? — вернул меня к разговору чёрный.

— Да, хочу… Только я хотел бы уточнить каковы условия? Он собирался ответить мне, но его отвлекли вошедшие с улицы гости. Это были двое нетрезвых бродяг, которых я видел во дворе. Они решили угоститься кофе с пирожными. Ночной администратор лишь сделал им замечание, чтобы они не мусорили во дворе.

Всё это выглядело странно, но я объяснял эту ситуацию праздником.

— Итак, — снова он обратился ко мне, — могу ли я взглянуть на твои документы?

Я не стал больше задавать вопросов, просто подал ему карточку удостоверения личности. Тот изучил документ, промурлыкал какие-то звуки одобрения и стал записывать моё имя в какой-то вахтенный журнал. Я присел и наблюдал за его действиями. Когда он, наконец, переписал по буквам моё имя в журнал регистрации актов поселения, то снова обратился ко мне:

— Как правильно читается твоё имя?

Я ответил на его вопрос, привычно продиктовав своё полное имя по буквам. Обнаружив в моём лице экзотического визитёра, он с энтузиазмом повторил моё имя вслух и спросил, правильно ли он произносит это.

Я снова вернулся к теме о ночлеге.

— Так могу я здесь переночевать?

— Ты можешь жить здесь, — улыбался он.

— Так объясни мне условия проживания, — настаивал я.

— Главное условие в этом доме — трезвость! Если ты намерен употреблять наркотики или алкоголь, тогда для тебя здесь нет места.

— И всё? — удивился я.

— Да, если ты трезвый парень, то можешь оставаться здесь, — продолжал добродушно зубоскалить чёрный администратор.

— А оплата и прочее? — не унимался я.

— Сегодня — суббота, завтра — воскресенье, праздник. В понедельник здесь будет босс, и он всё тебе объяснит. А пока, ты можешь занять диван, бельё я тебе выдам.

Всё это звучало не очень-то понятно, но я не стал занудствовать, и покладисто согласился.

— А как на счёт душа?

— Это — пожалуйста. Я всё тебе покажу.

Когда же он провёл меня в большую комнату, заставленную армейскими двухъярусными койками и тумбочками, я начал понимать, что это какая-то ночлежка или дешёвый реабилитационный центр для алкоголиков и наркоманов.

Треть комнаты не была занята спальными местами. Там стояли телевизор с большим экраном и видеомагнитофон, автомат холодильник, выдающий напитки в банках и пару диванов и кресел.

Мой гид указал на два дивана и предложил временно, до понедельника, занять один из них. Затем, он провёл меня по другим комнатам и показал, где располагаются умывальники, туалеты и душевые. Дав мне понять, что я могу воспользоваться этими коммунальными удобствами, он пожелал мне всего хорошего и ушёл. Через минутку вернулся, вручил мне комплект белья и объяснил, что если я собираюсь сегодня пойти куда-нибудь, то желательно до 11 часов вернуться, хотя, сегодня праздник и это не столь важно. Сумку можно сдать в камеру хранения. Я так и сделал, после чего ушёл мыться.

Когда вышел из душевой, в комнате уже работал телевизор, несколько человек смотрели фильм. Кто-то уже залегал на спальных местах.

Мой диван был предназначен для телезрителей, но, видя комплект белья на нём, на этот диван никто не уселся. Я мысленно удивился такой тактичности в подобном заведении.

Ложиться спать я не стал, ибо знал, что сейчас не усну. Налил себе горячего кофе из большого коммунального термоса и вышел из комнаты. Чёрный дежурный весело трепался с кем-то по телефону. Проходя мимо, мы обменялись приветственными жестами. Во дворике я нашёл не только скамейки, но и длинные деревянные столы, которые, вероятно, применяли для общественного питания. У входа стояли велосипеды различных конструкций, многие из них были по-хозяйски оборудованы багажными корзинами. Почти все велосипеды были предусмотрительно пристёгнуты противоугонными цепями и замками. В сторонке стояли три пластиковых контейнера для отходов.

За столом заседала компания бродяг. По интонации их беседы, суть которой мне абсолютно непонятна, было очевидно, что они крепко выпившие. Я понял, что приостановился в приюте-ночлежке для бездомных.

Оглядев всё вокруг, я вернулся в казарму. Жильцы дома потихоньку сползались на ночёвку. Доступно выставленные кофе и пирожные, пользовались спросом у обитателей. По мере их

скопления, общая комната всё более наполнялась табачным дымом. Вероятно, в этом доме курящие всегда были в подавляющем большинстве, и национальная программа по борьбе с курением здесь не прижилась. Также было очевидно, что это был дом для мужчин. Присутствие женщин здесь ни в чем не проявлялось.

Большинство возвращавшихся на ночлег, уединялись на своих местах. Некоторые, даже что-то читали перед сном. А некоторые присоединялись к просмотру фильма. Судя по звукам, смотрели какой-то боевик. Среди зрителей объявился остряк, который скрашивал фильм своими комментариями. Это был лохматый, белобрысый увалень с красной физиономией.

Возраст обитателей ночлежки от 25 лет и старше. Наверняка, у каждого из них была своя история. Но вероятно, ни у кого из них не было сбережений, позволяющих проживать в другом месте.

Я подумал, что завтра же надо провентилировать вопрос об аренде приемлемого жилья в этом городе.

Диван, на котором я расположился, стоял почти в центре «кинозала» и уснуть в этом окружении было сложно. Я невольно присоединился к просмотру фильма, но больше наблюдал за своими новыми соседями. По всему было видно, что они знакомы друг с другом поверхностно. Некоторые, откровенно держались в сторонке, и, по-моему, даже чувствовали себя неловко в качестве жильцов этой богадельни.

По окончанию фильма телевизор выключили, и все расползлись по своим местам. Часть комнаты, где мне предоставили место, освещалась светом от холодильного автомата с содовой водой Pepsi, но это не помешало мне уснуть.

Утром я проснулся от шума. Кто-то плескался в умывальнике. Кого-то звали к телефону. Всё это напомнило мне армейскую казарму. Я невольно пробудился и влился в общее, утреннее движение.

Это был выходной день, в будни, я полагаю, здесь просыпаются пораньше.

Когда я уже умылся и собирал постель с дивана, послышалось объявление о том, что есть работа для двоих. Работа в мои планы не входила, но было любопытно понаблюдать за процессом.

Реагировали на такое предложение очень вяло. У всех наблюдалось праздничное настроение.

Однако вчерашний кино комментатор вступил в переговоры с зазывалой и порасспросил его об условиях. Я прислушался. Речь шла о переезде семьи, которая нуждалась в помощниках для перевозки мебели. По их расчётам, работы — лишь на полдня. Это обстоятельство вызвало у меня робкий интерес, но я пока не

проявлялся. Они уже вдвоём продолжали зазывать ещё одного, желающего поработать до обеда. Но никто не откликался. Мероприятие было под угрозой срыва. Организатор уже собирался позвонить и ответить работодателю, что в этом доме нет дурных работать в пасхальный день.

Я подошёл к ним. Они не знали меня, да им и не надо было знать.

— Вам нужен работник? — обратился я к ним.

— Да, работы-то всего на несколько часов.

— Что за работа?

— В одном месте погрузите мебель, а в другом разгрузите… Люди хорошие, не обидят.

— Давай, парень. Раньше начнём, пораньше закончим, — призывал меня белобрысый ковбой.

Честно говоря, мне его компания даже на несколько часов была едва ли по душе. Но я подумал, что поработав часок-другой, смогу что-то полезное узнать для себя. И согласился. Это вызвало их искреннее одобрение, и мы тут же познакомились. Белобрысого, пузатого парня звали Билл.

Организатор просил нас подождать во дворике, пока за нами подъедут, а сам пошёл к телефону.

Во дворе на скамейках посиживали обитатели ночлежки и пришлые джентльмены. На столе были выставлены кофе и пирожные для всех желающих.

Речь их была колоритна, и очень далека от литературной. Чтобы хоть в какой-то степени понимать их, мне приходилось настраиваться на волну данной социальной среды и быть крайне внимательным, улавливая отдельные знакомые мне слова.

Пришельцы посещали это место, чтобы угоститься кофе и побазарить со своими приятелями о делах текущих. Дела их, как я понял, заключались в том, чтобы продать какую-нибудь вещь. После чего они могли удовлетворить свои насущные, повседневные потребности в пиве и других, веселящих душу вещах. Вопрос о происхождении продаваемых вещей здесь не обсуждался. Все упиралось в цену. Особым спросом пользовались велосипеды. Цены на доставленные сюда велосипеды варьировались от 15 до 40 долларов.

Отбывавшие по своим важным делам джентльмены, проживающие здесь, отстегивали от забора свои велосипеды и разъезжались в разные стороны.

С добрым утром и неподдельной улыбкой обратился ко мне вчерашний чёрный спортсмен, который регистрировал моё поселение. Поинтересовавшись, как мне спалось, он похвастал новеньким плеером Sony с радио и наушниками, который он

купил сегодня за 15 долларов. Я поздравил его с удачной покупкой, а он пояснил мне, что здесь это обычная цена, и даже — максимальная, для такой вещи.

По соседству, на этой же улице, располагалась какая-то церковь. Сегодня там затевалась служба и прихожане, преимущественно пожилого возраста, празднично одетые, съезжались на автомобилях. Между Metthew House и церковью было асфальтированное пространство для парковки автомобилей.

В одном направлении, — с улицы на стоянку, заезжали до блеска надраенные дорогие автомобили, из которых выползали опрятно одетые старикашки. В другом направлении, — со двора на улицу, выезжали, по одному и группками, мужчины на велосипедах, сомнительного происхождения. Внешне, велосипедисты очень отличались от людей, прибывающих в церковь. Почти все они были одеты в шорты и майки, футболки. Головы прикрывали бейсбольными кепками. Почти все в солнцезащитных очках, да с сигаретой в зубах. О неуклюжих татуировках, которыми многие из них украсили себя, следует говорить отдельно.

Я мог наблюдать представителей двух различных Америк. Одни направлялись на праздничную службу в церковь, другие сограждане разъезжались по своим делам, вероятно, на пляж.

Пока я сидел во дворе, в ожидании нашего работодателя, из приехавших в церковь, два автомобиля посетили наш двор. Пожилой мужчина вышел из машины, открывал багажник и достал оттуда картонные коробки, наполненные аккуратно сложенной выстиранной одеждой. Он привычно занёс свои пожертвования для заблудших сограждан в офис дома Матвея. Не задерживаясь там, вернулись в свой автомобиль и припарковались на стоянку перед церковью, — на своей территории.

Обитатели ночлежки тоже воспринимали такие подношения, как явление обычное или должное. Хотя, судя по их нарядам, вопрос об одёжке их не волновал. Многие джентльмены очень гармонично вписались в благодатные климатические условия Флориды. Они не нуждались в чистой одежде и элементарных бытовых условиях. Обходились купаниями в солёных водах Мексиканского залива, ночевали, где придется, питались в таких местах, как дом Матвея, возможно, иногда меняли заношенную до блеска одёжку, не утруждая себя стиркой. Благо, были такие дома, где накормят и переоденут в чистую одежду.

Наконец, за нами приехали. Нас представили бодрому деловому мужчине, как работников. Тот, с традиционной улыбкой наигранного оптимизма, привычно соврал, что ему очень приятно

познакомиться с нами. В ответ на его любезности, Билл, не расставаясь со своей сигаретой, деловито-конкретно поинтересовался: много ли тяжёлой мебели предстоит грузить?

Проехав недалеко по городу, нас привезли во двор какого-то небольшого жилого комплекса. У входа в квартиру, которая к нашему пролетарскому счастью, оказалась на первом этаже, уже стояли некоторые вынесенные вещи, тщательно упакованные в картонные коробки.

Грузили в микроавтобус. С мелочёвкой в коробках не возникло никаких трудностей. Но скоро дело дошло и до громоздких вещей. С ними нам пришлось попотеть. И температура и влажность в этих краях, по-моему, ничем не отличались от островных. Даже мне показалось, что на островах близость океана придает какую-то свежесть, чего здесь, в городе не ощущалось.

С чёртовым пианино нам пришлось туго! Мы преодолевали метр за метром. А затащить в микроавтобус вдвоём не смогли. При каждом рывке Билл клял себя кряхтящим бормотанием, что сделал большую глупость, изменив свои воскресные планы. Он вспоминал и пляж, куда собирался пойти, и холодное пиво, и, конечно же, мать такую и сякую.

Когда мы оказывались наедине, он профессионально оценивал объём работы, прогнозировал, сколько это займет времени, и на что мы можем рассчитывать. В процессе работы становилось понятно; кто здесь кто.

Действительным заказчиком выступала женщина с двумя детьми школьного возраста. Мужчина, который нас привёз, приходился ей, то ли родственником, то ли другом, который взялся помочь ей в хлопотном деле. Он вместе с водителем транспорта помогали нам, когда это было необходимо. Некоторую мебель, подобно пианино, без их помощи мы не смогли бы погрузить, пришлось прилагать общие усилия.

Отсутствие в этом процессе мужа, главы семьи и хозяина всего этого имущества, вызывало у Билла беспокойство. Нанявший и доставивший нас сюда мужчина, стал поглядывать на часы и упоминать о необходимости поспеть куда-то по своим делам. Дама щедро расточала благодарности в его адрес за оказанную помощь, извинялась перед ним за причиненные ему беспокойства.

Нас же, двоих неандертальцев, она замечала лишь тогда, когда надо было указать, что куда поставить.

Мне и самому-то всё это начинало не нравиться. Билл по свойски поинтересовался, насовсем ли покидает нас добрый друг семьи? В его вопросе нетрудно было расслышать проявление

пролетарского сознания и обеспокоенность о том, кто здесь будет платить за наши кровь, пот и слёзы?

Джентльмен озабоченно взглянул на свои часы и ответил Биллу, что он ещё вернется к нам до окончания работ.

Кроме автобуса, мы также загрузили мелочами два легковых автомобиля. Наконец, покончив с погрузкой основной массы и оставив в квартире лишь легкие коробки, мы все расселись по автомобилям и тронулись. Перевозка оказалась самой приятной частью работы. Мы проехали через добрую половину города и выехали на трассу. В пригороде постоянно возникали различные жилые коммуны и кондоминиумы. В самом городе и вокруг, я отметил обилие церквей, различных по архитектуре и своему содержанию.

Новым местом жительства этой семьи оказался свежее выстроенный дом в живописном, хотя и отдалённом от города, месте. Вокруг росли высокие сосны, двор у дома был устелен стандартной травой. На газоне ещё можно было разглядеть квадратные латки травяного дёрна. Сам дом мало чем отличался от массы подобных домов на юге Флориды.

Внутри дома было пусто и просторно. В сравнении с предыдущей квартирой, эта семья существенно улучшила свои жилищные условия, хотя этот дом, возможно, и оценивался не дороже той квартиры в городе. А при наличии автомобиля и хороших дорог, отдалённость от города не имеет особого значения. Зато жить в этом сосновом, тихом месте гораздо приятней.

Невольно вспомнилась сегодняшняя ночёвка в городском приюте. Вероятно, эта женщина знала, где нас нашли, поэтому и отношение к нам соответствующее.

Дом был стандартно укомплектован кухонным оборудованием, системой кондиционирования, телефонной и телевизионной коммуникациями.

Там нас встретила бабушка, как я понял, мама этой женщины. Собравшись в новом доме все вместе, они не скрывали своей радости по поводу переезда сюда.

Насколько я мог догадываться, дом они не арендовали, а купили, скорее всего в кредит. Отношение людей к арендованному и своему, недавно купленному, отличить нетрудно.

Мы с Биллом не торопясь, заносили вещи в дом, а женщина суетливо указывала нам, куда и что следует ставить. Бабушка возилась на кухне, готовила бутерброды и обеспечивала нас холодным питьём. Многие коробки мы просто складывали в комнатах или в гараже.

Паренёк, лет 12, постоянно вертелся вокруг нас и предлагал свою помощь. Его мама ничего не говорила, но и особого одобрения не проявляла. По возможности, она отвлекала сына от кооперации с двумя сомнительными типами. Паренёк больше обращался ко мне, так как Билл постоянно ворчал и сквернословил, отдуваясь от пота.

Билл профессионально чуял, что эта семья — неблагополучный работодатель. Предвидел, что женщины постараются компенсировать скромную оплату бутербродами и благодарностями, на которые пива он себе не купит.

Парнишка же продолжал помогать нам, задавал детские вопросы и удивленно прислушивался к моему, неамериканскому английскому.

Обеденный перерыв прошёл тихо. Нас с Биллом пригласили на кухню, где была только бабушка. Женщина хлопотала в комнатах с расстановкой вещей. И детей старалась привлечь к своим делам.

Билл уже не сомневался в том, что мы попались на каторжный и дешёвый подряд. Настроение у него было потно-мрачное.

Я наблюдал, как суетилась в своем новом доме эта женщина, и невольно отмечал, что она ничем не лучше и не умнее многих украинских женщин её возраста, которым уже никогда не выбраться со своими семьями из комнатушек заводских общаг с общими кухнями и подобием туалетов. Разве только, их вышвырнут и оттуда, за неуплату коммунальных услуг.

Спустя какое-то время, снова появился джентльмен, который подрядил нас на эту работу. Убедившись, что всё идёт благополучно к завершению, он поговорил с хозяйкой и собрался покинуть нас. Но не попрощавшись и не сказав нам доброго слова, он всё же не смог уйти. Выразив нам свою благодарность за то, что мы согласились поработать в праздничный день, он хотел уехать. Но Билл, не церемонясь, задал ему простой вопрос:

— Эй, приятель, а кто платить будет за нашу работу?

— Хозяйка. Она же и отвезёт вас обратно, — ответил тот.

Остаток дня мы работали безрадостно. Билл надеялся, как он выразился, что имеет дело с джентльменом и хорошими людьми, которые понимают значимость труда в праздничные дни и оценивают это по особому тарифу. Но, теперь, он понял, что горько ошибся.

Я хотел сказать ему, что с нами обращаются вполне прилично, как с работниками, проживающими в ночлежке. И полагают, что для субъектов, согласных жить в таких условиях, самая минимальная оплата уже праздник великий, так как и на

эти деньги можно купить пиво и сигареты.

Но я не стал ничего говорить, предполагая, что он уже давно живёт в ночлежном доме, и такое замечание может обидеть его.

Я представлял себе, что могут о нас думать эти люди, которые знают лишь то, что мы из ночлежки, то есть, парни, у которых на организацию лучшей жизни ума не хватает. Знакомиться с нами ближе и выяснять, как мы докатились до такой жизни, никто не будет, своих забот полно. Судят быстро и просто, по дому, в котором ты живешь. А как тебя самого оценят, так и твоё время будут оценивать.

Слушая ворчание Билла, я начинал подумывать, что он не так уж прост, как я думал. Во всяком случае, он не склонен отдаваться за гроши, и судя по его пролетарским амбициям и трудовым навыкам, если ему не воспрепятствует Зелёный Змий или какие другие обстоятельства, то он не задержится в ночлежке.

О нём я узнал лишь то, что он работал водителем, но его лишили водительской лицензии, он потерял работу и теперь переживает не самые лучшие времена. Он походил на человека, временно пребывающего в бездомном и безработном положении, и этот статус ещё не стал его естественным образом бытия. Отсюда и его переживания об оплате труда, ибо в сложившейся ситуации, такие подработки для него — источник существования и возможность вернуться к нормальной жизни.

Если закрыть глаза на то, что этот парень — из ночлежки. И судить лишь по тому, как он выполнял порученную ему работу. А также, учесть, что сегодня праздничный день, и найти кого-то, желающего тягать чужую мебель — не так уж просто. То почему бы и не заплатить ему за работу, как нормальному гражданину и человеку, стремящемуся к своему счастью, пусть даже примитивному.

Сам я пока не видел причин для обид и подозрений. Хозяйка обращалась к нам просто и по-деловому. Не требовать же от неё проявлений праздничной христианской любви и обещаний осчастливить нас праздничной оплатой труда.

Билл же, чуял, что здесь его воспринимают как неполноценного гражданина и дешёвого работника, предел мечтаний которого — получить на пиво и сигареты. Естественно, его задевало такое отношение к нему. Он был уверен, что в стоимость его труда, здесь не включат обычных расходов на жильё, питание, одежду, медицинское страхование, учёбу, транспорт… Предполагалось, что житель ночлежного дома всем этим уже обеспечен, и сам по себе не нуждается в таковых благах.

По мере того, как работа шла к завершению, дистанция

между работниками и работодателем росла. Хозяйка вся ушла в заботы о своём новом доме, нас замечали лишь, когда надо было передвинуть что-то тяжёлое. И как только потребность в нашем участии иссякла, она объявила об окончании работы и возвращении в город. Парнишка захотел ехать с ней.

Мы с Биллом расположились на заднем сидении. Ехали молча. Если бы не детские вопросы мальчика, то молчание было бы тягостным, как революционная ситуация. В течение 15 минутной езды ощущалась неловкость и дисгармония вынужденного пребывания в одном автомобиле представителей различных социальных групп.

На переднем сидении располагались люди благополучного среднего класса. А на заднем — прилипли два потных экземпляра. Точнее сказать, один из нас представлял социальное дно Америки, то бишь, человек без постоянной работы и места жительства, без собственности и сбережений. А второй — турист-наблюдатель, *illegal alien. *нелегальный пришелец.

В одном автомобиле собрались два-три явления, реально сосуществующих бок о бок. Благо страна достаточно просторна и богата и это позволяет им относительно бесконфликтно сосуществовать, соблюдая дистанцию. Но иногда возникают ситуации вынужденного сотрудничества и тесного соприкосновения, подобно этой поездке в одном автомобиле.

Будь эта мадам более образована и гибче, она могла бы заполнить тягостную пустоту праздными разговорами ни о чём. Но похоже, это была среднестатистическая домохозяйка, жена, мать двоих детей, мысли которой всю дорогу были заняты тем, как бы избавиться от нас побыстрее и подешевле. И не забыть, обязательно, обработать заднее сиденье моющим, дезинфицирующим средством.

Я думал о том, что вся эта возня заняла у нас часа четыре и ещё не вечер, можно пойти куда-нибудь в этом новом для меня городе…

Уже в городе, особенно, во время вынужденных остановок у светофоров, чувство отчуждения между присутствующими становилось физически ощутимым. Всем хотелось поскорее расстаться и разбежаться. Каждому в свою сторону. Кому-то не терпелось вернуться в новый дом и заняться обустройством быта. Нам тоже хотелось поскорее оказаться в своей среде и расслабиться.

У какого-то поворота хозяйка спросила нас, не возражаем ли мы, если она высадит нас, не доезжая до нашего дома, так как ей здесь удобнее заехать на свою старую квартиру, кое-что забрать оттуда.

Мы не возражали. Остановка на этом повороте не позволяла ей задерживаться, и это ускорило и облегчило процедуру расчёта и обмена любезностями. Она торопливо сунула Биллу уже заготовленные деньги, промямлила, что там 50 долларов для нас, и что она очень благодарна нам за помощь…

Дорожная ситуация требовала движения. Мы не смели задерживать её, и с облегчением для всех, выпрыгнули из машины на тротуар. Билл выдал мне мои 25, и всю дорогу был занят тем, что вслух сочно ругал себя и всех тех, кто сегодня поимел его за такие смешные деньги!

Вернувшись в ночлежный Дом, мы разошлись по своим делам.

В Доме и вокруг него было людно. По всем признакам было очевидно, что совсем недавно здесь угощали обедом.

При всем желании пойти погулять, я ещё не определился в какую сторону лучше пойти в этом городе. Обратился к одному мужичку с вопросом, где здесь пляж? Тот указал мне направление и пояснил, что пешком шагать далековато, а велосипедом — самый раз, и с парковкой никаких хлопот. На моё замечание об отсутствии велосипеда, дядя дружелюбно предложил мне, воспользоваться одним из его вело коллекции. Он тут же подошёл к сеточному ограждению, у которого стояло десятка полтора различных велосипедов, и отстегнул один из них. Вручил ключ от замка и пожелал мне пользоваться этим средством передвижения с пользой и удовольствием. Я поблагодарил его и мы, на всякий случай, познакомились. Его звали Ossic.

Крутя педали, я с интересом осматривал город. Первое, что заметил, как велосипедист, это то, что улицы кроме проезжей части, имели и тротуары. Никаких признаков общественного транспорта. Об этом говорило и достаточно интенсивное, для небольшого города, автомобильное движение, и редкие пешеходы. Больше — велосипедистов. Во всяком случае, в этом городе для пешеходов и велосипедистов предполагались дорожки, что позволяло безопасно и комфортно передвигаться.

Центральная часть тянулась вдоль побережья. Некоторые кварталы напоминали мне Принстон. Множество мелких изящных магазинчиков, кондитерских, кафе и картинных галерей.

У самого побережья — кварталы жилых, явно недешёвых, домов, чередовались с гостиничными комплексами. Пляж являл собой узкую песчаную полосу. Обычной для пляжей толчеи и суеты здесь не наблюдалось. На расстоянии, один от другого, лежали и посиживали загорающие на солнышке. Кто-то купался, а кто-то бегал трусцой вдоль берега. Особой разницы между пляжем на атлантическом побережье и пляжем на Мексиканском

заливе я не заметил, во всяком случае, при тихой погоде. Обозревая пляжные просторы, разглядел в одной стороне пирс на сваях. Конструкция уходила в залив метров на 100. Вид в другую сторону ни чем не ограничен, и песчаная полоса тянулась насколько можно было видеть.

Из-за велосипеда я воздержался от прогулки вдоль берега, ограничился заплывом. Вода была такой же теплой и соленой, как и на островах. Когда я выходил из воды, проходившие мимо мужчина и женщина, пожилого возраста, приостановились, и я понял, что они поджидают меня, чтобы о чём-то спросить.

— Простите, зачем вы так далеко заплывали? — обратился ко мне дядя.

— Просто — физическое упражнение, и удовольствия ради, — ответил я.

— А ты не думаешь, что это опасно?

— Не думаю, я хорошо себя чувствую, и почти не устал, — ответил я.

— А акулы!? — вполне серьёзно предположил он.

— Акулы? Здесь? — удивился я.

Мои случайные собеседники тоже удивились моей реакции, и, перебивая один другого, стали увещевать меня, как человека плохо знакомого с этими местами.

— Хотя мы и не слышали о случаях нападения акул на людей, но то, что они здесь водятся, так это общеизвестный факт. Так зачем рисковать жизнью?

— Спасибо за урок. Вы меня серьёзно напугали, я теперь и в воду не зайду!

— Нет, возле берега нечего опасаться, а вот подальше — всякое может быть.

Вернувшись с пляжа, я отыскал среди жильцов своего нового приятеля и доложил о готовности вернуть велосипед. Мы вышли с ним во двор. Он порасспросил меня, нашёл ли я пляж, и понравилось ли мне там? Свой велосипед он припарковал среди других у забора и пристегнул его тросом. Узнав от меня, что это мой первый день в Нэйплс и о моих намерениях арендовать жильё и подыскать работу, он, как ветеран американского бездомного движения, утешил меня, что мои задачи легко исполнимы и советовал завтра же обратиться к администратору дома Матвея — Mr. John Coolish. Расставаясь со мной, он вручил мне ключ от велосипеда.

— Я думаю, тебе понадобится велосипед в твоих поисках.

— А тебе самому?

— У меня есть ещё один, — успокоил он меня.

Несколько часов позже, когда я уже принял душ, и

околачивался вокруг Дома, строя планы на завтра и наблюдая за своими соседями, меня отыскал Ossic.

— Серджий, хочешь завтра поработать?

Если честно, то поработать мне не хотелось ни завтра, ни после завтра, но я поинтересовался:

— А что за работа? — спросил я больше из вежливости.

— Работа нетяжелая, и работодатель — хороший человек. Оплата, вероятно, шесть долларов за час, об этом можешь отдельно поговорить с ним.

Я задумался. У меня были иные планы: следовало заняться поиском жилья.

— Мы когда-то уже работали у этого человека, и всегда оставались довольны, — добавил приятель Осика. — Сейчас он снова приглашает нас поработать с ним, но мы заняты на других работах, вот и вспомнили о тебе.

— Попробуй завтра; если не понравится, на этом и закончишь. А если подойдет, договаривайся с ним и на будущее.

— А что от меня требуется на этой работе?

— Если ты согласен, то завтра к семи утра будь готов. Он заедет за тобой сюда. Я сейчас перезвоню ему и сообщу о тебе.

Осик ушёл звонить, а второй приятель продолжал что-то рассказывать мне о каких-то автоматических поливных системах. Я только ничего не понял из его объяснений.

Через несколько минут вернулся Осик и отрапортовал, что моего работодателя звать Peter и завтра утром, к половине седьмого он будет здесь. Они пожелали мне удачи, и мы разошлись.

В эту ночь обитатели ночлежки долго телевизор не смотрели, затихли пораньше. Среди различных объявлений, вывешенных в ночлежке на видном месте, кроме информации, регламентирующей порядок проживания, были и приглашения на строительные работы. Но, как я понял, такие предложения особого интереса у обитателей этого Дома не вызывали.

Я долго не мог заснуть, думал; не поспешил ли я подписаться на работу? Уж больно хотелось завтра же подыскать жильё и съехать отсюда.

Утром проснулся от возни в казарме. Многие соседи уже куда-то собирались. Стоял запах кофе. Термос и разнос с пирожными были уже выставлены на обычном месте. Я быстро собрался и вышел во двор. Солнце всходило, воздух — по-утреннему свежий, но день обещался жаркий. Во дворе, на столе также стоял термос с кофе и пирожные. Сонные обитатели дома и бродяги со стороны посещали эту кормушку и расползались с порциями горячего кофе. Велосипеды отстегивались обитателями

ночлежки и разъезжались. Я сидел, попивая кофе, и ожидал своего работодателя.

Точно в назначенное время на стоянку перед домом заехал Ford Pick up. Из него выпрыгнул щуплый мужичок в очках, шортах и футболке.

Я сразу определил, что приехали за мной. Он привычным движением поправил очки с толстыми линзами и направился к Дому. Я направился к нему навстречу.

— Питер? — спросил я.

— Да. А ты?

— Я Сергей. Осик вчера говорил вам…

— Точно! Готов поработать со мной?

— Готов попробовать, — ответил я.

Тот улыбнулся в ответ, дав понять, что моя поправка принимается, и жестом пригласил меня в машину. Прежде чем я смог занять место в кабине, ему пришлось освободить пространство. Он убрал с сиденья толстый, потрёпанный телефонный справочник, какой-то инструмент и пластиковые детали. Справочник пристроил за спинкой сидений, остальной хлам рассовал по коробкам в кузове. Я понял, что в этой рабочей машине он ездит больше один.

Наконец, я смог занять место рядом с ним и мы поехали. Радио было настроено на станцию, постоянно передающую музыку 60-х годов. Шнур, соединяющий трубку с телефоном — нещадно перекручен в безобразные узлы. Над приборной доской и под ногами валялись разнообразные пластиковые детали, отвёртки и прочая мелочь.

На первый взгляд мне показалось, что товарищ не обременяет себя каким-либо порядком; во всем наблюдалась небрежность и беспорядок.

— Ты сказал, тебя звать Серджи?

— Серджий, Сергей, — подсказал я.

— И ты русский?

— Да. Полагаю, что так.

— Играешь в шахматы?

— Знаю, как передвигаются фигуры.

— А мне нравится эта игра, — довольно заметил Питер. — Ещё у меня есть хобби — это мои пчёлы.

— Ты промышляешь сбором мёда?

— Нет, к сожалению, этим на жизнь не заработаешь, это всего лишь хобби. У меня несколько ульев, и пора бы наведаться туда.

Я хотел спросить его, что мы будем делать сегодня. Но он опередил меня со своим вопросом.

— Давно живёшь в доме Матвея?

— Сегодня была вторая ночь, как я приехал в Нэйплс.

— Откуда приехал?

— С островов Флориды.

— Откуда именно?

— Остров Айламорада.

— О, я знаю это место. Бывал там!

— Тогда, возможно, ты знаешь и пансионат Холидэй Айл.

— Конечно, знаю, я бывал и там! Rum Runners Bar, — с удовольствием припомнил он.

— Точно, есть такой бар. Я с ними ежедневно сотрудничал.

— А что делал?

— Отдел закупок. Приёмка, сортировка, складирование, доставка, инвентаризация…

— Понятно. А почему уехал оттуда? Места хорошие.

— Слишком жарко стало.

— Я бывал там не раз, чудные места! Но здесь мне тоже нравится. Сам увидишь, мы будем много ездить, если останешься работать со мной.

— Это хорошо, будем посмотреть, — осторожно ответил я.

— Да, ещё я должен спросить тебя, Серджий; тебя устроит шесть долларов за час? Большего, я не могу тебе предложить.

— Это зависит от того, что мне предстоит делать за эти деньги.

— ОК, сегодня ты сам всё увидишь. В основном, мне нужна будет твоя помощь.

Тем временем, мы выехали за пределы города, как мне показалось. Вокруг наблюдались различные гольф клубы, теннисные клубы, жилищные комплексы, торговые центры, ресторанчики… Мы выехали за город, но находились на территории округа Collier County.

Наконец, он съехал с трассы и направился на территорию какого-то учреждения. К зданию не подъехал, а припарковал грузовик на краю территории.

Судя по асфальтированным дорожкам и травяным газонам вокруг здания, вся это обширная территория относилась и была под опекой этого учреждения.

Мы вышли из машины и Питер, молча, открыл какую-то пластиковую коробку, в которой размещались электрические выключатели. Он озабоченно осмотрел хозяйство и прошёл далее. Я последовал за ним, догадываясь, что это и есть наш рабочий объект.

Затем, он сосредоточил свою озабоченность на насосе, от которого пластиковая труба вела вниз и терялась в зарослях камыша. Я понял, что этим насосом качают воду из водоёма, но

что его беспокоило, пока не знал.

Наконец, он решил что-то предпринять. Сам остался у насоса, а меня просил включить рубильник и оставаться там. Я включил. Насос загудел, но радости на лице своего босса я не заметил. Он продолжал шаманить над насосом, сигналя мне о выключении и включении. Я исполнял его команды.

Солнышко поднялось, стало жарковато, мы сняли футболки. Скоро поняли, что насос не качает воду и включать его — нет смысла. Я поинтересовался: куда подается вода? Питер указал мне на территорию вокруг здания, пояснив, что здесь установлена система полива.

Посовещавшись, мы пришли к выводу, что насос может быть и в порядке, но препятствие скрывается где-то на участке от забора воды до насоса. Возможно, это повреждение трубы, или же труба забита водорослями…

Питер выразил надежду, что забилась труба и достаточно её прочистить, чтобы система начала функционировать. Он залез в воду и выяснил, что никаких препятствий подаче воды нет. Труба не забита.

Тогда он стал грешить на повреждение пластиковой трубы. Мы осмотрели её, но никаких пробоин не нашли.

Короче, концы этой технической проблемы уходили в воду и в песок. Остановились на том, что следует всё же проверить насос.

Питер объяснил, мне, что он монтировал всю эту оросительную систему и теперь, по договору обязан обеспечивать гарантийное обслуживание.

Он взглянул на часы и вспомнил, что пора посетить другое место. Пришлось отложить нерешённую техническую задачу. Прежде чем выехать обратно на трассу, он подъехал к центральному входу в здание. На стоянке одиноко стояла старая, коричневая Volvo. У входа в здание, табличка указывала, что это греческая православная церковь. Питер вошёл туда, а я остался снаружи. Скоро он вернулся в сопровождении мужчины. Из их разговора я понял, что этот человек заправляет здесь хозяйственными вопросами. Питер коротко доложил ему о своих выводах и намерениях относительно возникшей неисправности, и мы уехали.

Радио продолжало передавать хиты 60-х годов. Иногда кто-то звонил на мобильный телефон, Питер отвечал и что-то обещал кому-то. Я созерцал виды и думал, что если в этом и заключается моя работа, то, пожалуй, можно поработать.

Песчаный грунт и сосны напоминали мне районы Днепровского левобережья Херсонской области, только здесь

степных пустырей не наблюдалось. Снова свернули с трассы и направились к жилищной коммуне. У въезда на территорию контролёр поинтересовался: к кому мы направляемся. Питер привычно ответил на все его вопросы. Тот сделал запись в своём вахтенном журнале и приподнял шлагбаум.

Эта коммуна занимала приличную территорию, большая часть которой была приспособлена под игру в гольф. Группка бездельников с клюшками перемещалась по травяным просторам пешком и на электромобилях. На почтительном расстоянии один от другого, вдоль проезжих дорожек красовались дома различной архитектурной формы. В каком-то квартале мелькнули теннисные корты, огороженные высокой сеткой. Там тоже кто-то баловался с мячами. И это в рабочее время!

Наконец, Питер отыскал нужный дом и заехал на подъездную дорожку к нему. Оттуда, нам навстречу, вышел пожилой мужчина, одетый в одни шорты. Он гостеприимно поприветствовал нас и провёл на задний дворик. Там размещался небольшой бассейн. А жаловался он на свой искусственный водопад. Это было сооружение из булыжников, с вершины которого должна стекать вода в бассейн. Как он объяснил нам, циркуляция воды обеспечивалась включением небольшого насоса, расположенного в сторонке.

Включив фонтан, он с досадой обратил наше внимание на слабый напор воды с судорожными перебоями. А раньше водичка лилась, весело журча.

— Стареющий бездельник впал в детство, — подумал я о клиенте.

Они легко и быстро оговорили условия нашего участия.

Питер уверенно признал негодным насос, и мы приступили к работе. Насос находился за оградой и вокруг него росли кустарник и пальма. Чтобы до него добраться, мне пришлось расчищать заросли. Сам насос, небольшого размера, просел в грунт и был опутан кореньями растений. Когда я очистил его, и к нему можно было подобраться и осмотреть, мы снова включили его. Оказалось, насос работал исправно, но пластиковая труба, через которую качается вода из бассейна, была деформирована и расколота вросшимися кореньями пальмы. Мне пришлось расчистить аварийный участок и вырезать поврежденную часть трубы. Питер, тем временем, приготовил новый отрезок и установил его с помощью специального клея.

Всё это заняло какое-то время, и я пролил немало пота. Но детская радость великовозрастного хозяина, и его чек за наши труды компенсировали это. На том и распрощались.

Продвигаясь по территории коммуны к выезду, мы встретили

такой же пикап с прицепом, стоящий у двора. Во дворе трое мексиканцев тарахтели машинками для стрижки травы. Мы приостановились. Из кабины вылез пожилой дядя. Как я понял, у него для Питера была какая-то работа. Сначала поговорили о жизни. Я понял, что он занимается уходом за газонами и прочими дворовыми зелёными насаждениями. Основную работу выполняет его мексиканская бригада. Он показал Питеру сломанную головку поливной системы и вручил адрес. Посетовал, что его мексиканские кадры дают Питеру заработать, и сразу выписал нам чек за работу.

Мы уехали и отыскали этот дом в соседнем квартале этой же коммуны. Там в газоне перед домом торчал сигнальный флажок, указывающий место аварии. Нашли вдребезги разбитую оросительную головку; вероятно, она угодила под косилку.

В нерабочем состоянии эта цилиндрическая пластиковая конструкция прячется в поверхности грунта, а при подаче воды возникает эрекция, под давлением воды цилиндр выдвигается на поверхность и распрыскивает воду в определенном направлении.

Снова мне пришлось лопаткой окопать место аварии и удалить останки. На это место мы вмонтировали новую такую же головку. Затем включили насос и отрегулировали сектор опрыскивания. После всего, я снова прикопал разрытое место и уложил травяной дёрн.

С такими и подобными заказами мы разъезжали от дома к дому. Иногда наши перемещения в пространстве составляли немалые расстояния и занимали время. Это позволяло расслабиться и поговорить. Питера, как и многих других американцев, интересовали вопросы об Украине.

Когда я рассказывал ему, что там пенсионерам, проработавшим всю жизнь, теперь государство с перебоями платит пенсии по 10–20 долларов в месяц, он реагировал на это как на глупую шутку и просил меня серьёзно ответить на его вопросы. Мне приходилось объяснять, кто заправляет этой страной, и какие аппетиты у этих «народных» деятелей. История о сбежавшем в Израиль премьер-министре, урвавшем десятки миллионов долларов, в сочетании с нищенским существованием обманутых граждан Украины, вызвала у Питера удивление и массу новых вопросов.

Пришлось рассказывать живые и несмешные анекдоты об украинском законодательстве. Примеры о налогах, которыми государство облагает доходы предпринимателей, снова вызвали у него сомнение в том, что я разговариваю с ним серьёзно.

Среди дня мы заехали в МакДональдс и присели за столик со стандартными кулинарными радостями. Их гамбургер я всегда

потреблял с обильным применением кетчупа, что мой начальник отметил очередным вопросом:

— У вас что, в Украине кетчупа нет?

— Кетчуп там есть, но нет таких безвкусных гамбургеров.

— Во всех МакДональдс они одинаковые, чему ты удивляешься, Серджий?

— В Украине нет ресторанов МакДональдс, — ответил я.[11]

— Come on, Sergei! Брось ты, наконец, сказки мне рассказывать… Они по всему миру своими гамбургерами и картошкой торгуют, — уверенно заявил Питер.

— Представь себе, в Украине их пока ещё нет, зато там вместо гамбургеров есть свои котлеты.

— Что это такое?

— Нечто подобное гамбургеру, только гораздо вкуснее, и это можно есть и без кетчупа.

— Если украинские гамбургеры такие вкусные, почему тогда в Америке нет украинских ресторанов? Здесь есть мексиканские Taco Bell, итальянские пиццерии, китайские рестораны, греческие, а ваших вкусных котлет почему-то нет!

— Это сложный вопрос, Питер. Я думаю, всё объясняется экономическим идиотизмом, возведенным в государственную политику Украины.

— Это не объяснение, Серджий. Ты упорно не желаешь говорить со мной серьёзно, и мне постоянно кажется, что посмеиваешься надо мной! А автомобили в Украине производят? — доставал он меня вопросами.

— Пытаются, — неохотно ответил я, пережевывая американский гамбургер.

— Что значит пытаются? Назови какую-нибудь известную модель украинского автомобиля.

— Их не экспортируют, поэтому о них мало кто знает, — стыдливо уклонился я от упоминаний о «Запоре».

— А не экспортируют потому, что их никто не хочет покупать, — язвительно заметил Питер.

— Зато в Украине производят танки! — парировал я.

— И экспортируют, конечно же, — язвительно добавил Питер. — Лучше бы Украина экспортировала свои вкусные котлеты.

— Я обязательно передам твои пожелания украинским нардепам. — Но экспортировать танки — гораздо выгоднее! И американцы об этом хорошо знают, так как сами это делают, и не хотят, чтобы другие экспортировали военную технику.

— Кто такие «нардепы»? — проигнорировал он моё замечание об американском экспорте военной техники.

— Это украинские законодатели, некое подобие ваших конгрессменов. Они рожают идиотские законы, по которым мы вынуждены жить.

— Серджий, то, что ты рассказываешь об Украине, назвать «жизнью» нельзя.

— Согласен. Иначе, зачем бы я летел за океан и питался здесь гамбургерами…

— А ты мог бы быть украинским нардепом?

— Я мог бы быть и президентом… Только вероятность стать таковым очень мала. У меня такие же возможности стать нардепом, как у тебя — конгрессмэном.

— Понятно. Только я и не помышляю им стать, мне и так хорошо, да и вряд ли я смогу быть полезным в качестве законодателя. Кстати, меня вполне устраивают существующие у нас налоги и гамбургеры.

— Тогда ты счастливый гражданин своей страны.

— Да. Пожалуй, так и есть. А вот тебе следует попробовать стать украинским нардепом.

— Ну, спасибо тебе, Питер, за доверие! Лучше бы ты мне предложил стать постоянным жителем США без права выбирать и быть избранным.

— Так тебе же не нравятся наши гамбургеры!

— Зато мне нравится пицца и ещё много чего…

— Хорошо, Серджий, намёк понял, в следующий раз обещаю тебе обед в пиццерии.

После обеда снова поехали по вызову. Большинство клиентов уже знали его и приглашали устранить всякие неполадки в поливных системах. Круг заказчиков достаточно широк. Очевидно, что он работает в этом качестве уже не один год. Так же, надо отметить, что для многих домовладельцев состояние их дома и газона во дворе — вопрос жизненно важный.

В этот день мы посетили ещё несколько адресов и везде что-нибудь налаживали. В некоторых домах или никого не было дома, или не хотели выходить, и мы всё делали сами. Питер всё там знал, так как, сам когда-то устанавливал в этих домах поливные системы.

В некоторых домах хозяева оказывались большими любителями поговорить, и мы задерживались там не по делу. Он стал представлять меня как своего нового помощника и потенциального партнёра из Украины. И снова приходилось отвечать на самые разные вопросы. К моему искреннему сожалению, трудно было сказать что-нибудь хорошее о жизни в Украине. Но многие случайные собеседники оказывались достаточно осведомленными, благодаря Чернобыльской АЭС, и я

интересовал их просто как живой представитель радиоактивной зоны Украина.

К окончанию первого рабочего дня я имел общее представление об автоматических системах полива, применяемых в частных дворах.

В кабине грузовика, среди прочего хлама, я обнаружил туристическую карту-путеводитель по африканской стране Ghana. Там же были и фотографии, снятые в Африке. Питер увидел, что я рассматриваю их, и пояснил мне, что это не Америка, а Африка. Я успокоил его, заверив, что знаю о таком континенте, и о маленькой стране на западном побережье Африки тоже знаю.

— Откуда ты знаешь о Гане? — удивился Питер.

— Со мной на одном курсе в университете учился один тип из этой страны. Мы даже год прожили с ним в одной комнате в общежитии. Вот от него я и знаю об этой бывшей британской колонии.

— А этот тип из Ганы зачем в Украину приезжал, котлеты ваши кушать?

— Да, и котлеты кушать, девушек иметь и советское право изучать. А ты, что в Гане собираешься свои поливные системы устанавливать или американские гамбургеры туда экспортировать?

— Ты шутник, Серджий! Но я тебе по секрету расскажу, что у меня теперь дело в этой стране. Мой приятель подбил меня на инвестиции в эту страну. Правда, я сам никогда не бывал там…

— Но инвестировал?

— Серджий, только не говори об этом моей жене!

— Обещаю, если расскажешь что у тебя за дела в Гане.

— Мы с приятелем купили там на двоих участок земли, на котором возможна добыча золота.

— И сколько вы заплатили за этот золотой участок?

— Всего десять тысяч. По сути, это была просто взятка местным властям.

— Понятно. Это как в Украине! Дал на лапу госчиновнику и пользуй страну с народом. И что, там налажено какое-то производство по добыче?

— Самое примитивное. Глубокие ямы, оттуда черпается грунт и поднимается на поверхность. Затем промывается…

— Кто-то уже занимается этим? Есть какие-то результаты?

— Мой компаньон пытался организовать там работу, но скоро понял, что необходимо постоянное присутствие и контроль. Воруют!

— Конечно! Людям же надо как-то выживать… Ведь всё достается их продажным властям, да иностранным инвесторам. И

что теперь?

— Серджий, ты допрашиваешь меня точно как моя жена! И комментируешь, как ярый коммунист. Теперь, вероятно, надо командировать туда своего человека, который сможет заправлять этим делом в специфических африканских условиях. Может быть ты, Серджий, сам заинтересуешься этой работой?

— Не знаю, Питер, ты делаешь мне неожиданные предложения. Сначала, украинским нардепом, теперь золотодобытчиком в Африке! Мне надо всё это обдумать. Ты бы лучше предложил мне жильё в Нэйплс, для начала.

— Чем тебе не нравится жить в доме Матвея?

— Там жить нельзя. Можно лишь остановиться временно.

— Понятно.

— Кстати, Питер, среди обитателей этого дома ты мог бы найти людей, желающих поработать на твоих африканских приисках.

— Вряд ли. Нам нужен лишь толковый и надёжный управляющий. А работать там будут местные люди, даже за очень низкую оплату… Но нужен бдительный контроль.

— Не знаю, Питер, чем тебе помочь в твоём африканском эксперименте… Тот сокурсник из Ганы оставлял мне свой домашний адрес… Но это было давно. Едва ли он в Гане остановился. У него были родственники в Лондоне… На каникулы он к ним ездил… Пластинки мне привозил… Вероятно, он теперь где-то в Лондоне…

Обратно к дому он подвёз меня около пяти вечера.

— Серджий, что ты решил относительно нашего дальнейшего сотрудничества?

— Здесь или в Африке?

— Пока здесь, со мной. Ведь ты противник американских инвестиций в Африке…

— Можно поработать, но мне надо определиться с жильём, а для этого требуется время.

— Вот сейчас возьмёшь газету и прозвонишь по объявлениям. Ночевать тебе пока есть где, спешить некуда.

— В общем-то так, — согласился я.

— Тогда завтра утром я заеду за тобой. И ещё, как ты хочешь получать свою зарплату?

— Я думаю, лучше всего наличными… Ежедневно… За отработанное время.

— Ежедневно? Хорошо, пусть будет так, — согласился он и достал свой бумажник. Отсчитал мне за 11 часов работы. — Верно?

— Да, всё правильно, спасибо. До завтра.

В Доме, к своему удивлению, я обнаружил неестественное затишье. Оказалось, в жилой комнате проводили какие-то занятия, или службу, собрание.

На свободном пространстве на диванах и стульях расселись слушатели, и пыхтя сигаретами, внимали какому-то лектору. Пристроившись у входа, я понаблюдал за происходящим. В лекторе я сразу определил служителя какой-то церкви. А послушав его увещевания, понял, что лекция эта о методах борьбы с Зелёным Змием.

Затем предоставляли слово отдельным слушателям. Они

неловко делились с братьями по привычке своим горьким опытом. Это были коротко изложенные печальные истории о потерянной работе, семье и похмелье.

Послушав эту грусть и подышав их сигаретным дымом, я решил, что меня-то занесло в этот дом по трезвому туристическому расчёту и спасительная лекция мне не к чему.

Я вернулся в прихожую. Там за канцелярским столом кто-то говорил по телефону. Дождавшись, когда разговор закончили, я обратился к пожилому мужчине, явно не обитателю Дома.

— Простите, когда и где я могу повидать управляющего этого Дома мистера Джона Кулиша.

— Тебе повезло, парень, мистер Кулиш слушает тебя.

— Я приехал сюда в субботу вечером. Планирую в ближайшие дни снять жильё и переехать, а пока я здесь буду ночевать, мне хотелось бы узнать каковы условия.

— Хорошо. Главное условие проживания здесь это трезвость! Никакого алкоголя, наркотиков…

— Мне уже говорили.

— Ты принимаешь это условие?

— Абсолютно.

— А что касается прочих условий… Желательно возвращаться на ночлег до 11 часов. Поддерживать порядок. Если желаешь, можешь обедать и ужинать здесь. А за это, мы надеемся, что проживающий, внесёт пожертвование — 40 долларов за неделю. Но это уж кто, как сможет. Мы можем и подождать, пока человек устроится на работу, и даже посодействовать в трудоустройстве.

— Хорошо. Тогда я внесу плату за неделю, надеюсь, что за эти дни я найду себе жильё.

По его реакции я понял, что оплаты в первый же день он не ожидал. Выдавая мне квитанцию об оплате услуг, управляющий поинтересовался, предоставили ли мне спальное место и бельё. Я ответил, что пока ночую на диване.

— А вот, кстати, сегодня-то и можно занять освободившееся место.

Мы прошли в казарму, и он указал мне место на втором ярусе.

— Если что понадобится, обращайся. Чем могу — посодействую, — обещал он мне.

Я поблагодарил его и ушёл прогуляться.

Мне подсказали, где-то здесь торговый центр. Это место оказалось в десяти минутах ходьбы от Дома. К тому же, там было целых два больших центра неподалеку. Я направился к одному из них. Здесь же, по соседству находился и местный Белый Дом и окружная тюрьма, а чуть далее торговый центр с универсамами,

ресторанами, кинотеатром и армейским рекрутским пунктом.

В одном из универсамов я посетил кафе, присел там и что-то скушал. Затем побродил по магазинам, позвонил на остров, сообщил ребятам, где я остановился.

В общем, это место мне понравилось.

Вечером, когда я устраивался на новом спальном месте, со мной познакомились мои соседи. Одного из них я уже немного знал, он с Осиком предлагал мне работу у Питера. Мне пришлось коротко рассказать ему о своих впечатлениях. Он остался доволен нашей кооперацией и зачислил меня в свои приятели.

Другой сосед китайской внешности, оказался пришельцем из Канады. Этот был по-восточному добродушен и общителен. О нём я узнал, что работает он в ресторане, который, напротив, через дорогу. У него хорошие отношения с работодателем, и он подумывает обучиться на повара.

Относительно аренды жилья он поделился со мной своими выводами. Суть их сводилась к тому, что в настоящее время удобнее пожить в этом Доме, ибо, оплата арендованного жилья повлечет существенные расходы. Здесь же, он проживает рядом с работой, что удобно и для него и для работодателя.

Мне показалось, что за койко-место здесь никто не платит. И свой сорокадолларовый взнос управляющему, я рассмотрел как пожертвование в помощь бездомным.

В этот же вечер на мой диван устроился новый постоялец. Он никого не знал здесь и на алкоголика не был похож. Когда тот узнал, что я здесь всего две ночи переспал, стал расспрашивать меня об этом Доме. Я рассказал, что знал. О себе он сообщил, что они с приятелем оказались здесь проездом и решили в целях экономии остановиться в этой ночлежке. Мне было приятно встретить себе подобных туристов, остановившихся здесь не в целях избавления от алкогольной зависимости.

На следующее утро, Питер, как и обещал, заехал за мной. После обмена утренними приветствиями, он поинтересовался, настроен ли я сегодня поработать? Его вопрос и интонация насторожили меня.

— Что ты имеешь в виду? — переспросил я.

— Есть заказ, который обеспечит нас работой на ближайшие дня три, часов по десять в день, — с серьёзным видом сообщил Питер.

— Что-нибудь особое?

— Да. Не то, что мы делали с тобой вчера. Мне надо знать, могу ли я рассчитывать на твою помощь?

— А что это за работа? Торговля наркотиками по вызову? — спросил я с серьёзным видом, испытывая его чувство юмора.

— Серджий, у тебя нью-йоркский юмор.

— Так я там провёл первые три месяца.

— Понятно. Наверно, масса грязных впечатлений об Америке? Но сейчас не об этом. Есть хороший подряд на установку полной поливной системы. Сейчас мы подъедем к заказчику и оговорим условия, я покажу, что требуется от тебя, а ты должен ответить мне, берёшься ли за эту работу.

Я насторожился, всё это звучало подозрительно мрачно. Тем временем, Питер подъехал к магазину при заправочной, и просил подождать его. Я пообещал, что не сбегу. Скоро он вернулся с сигаретами и кофе.

Далее мы ехали молча, попивая кофе. Движение на дорогах в это утреннее время было особенно активно. Основную массу автомобильного потока составляли грузовички пикапы и микроавтобусы. По инструментам в их кузовах и рекламным бортовым росписям можно было видеть, кто чем промышляет. В это раннее время по своим делам разъезжались чистильщики бассейнов, маляры, истребители муравьев и прочих досадных насекомых, электрики, сантехники и, конечно же те, кто заботится о траве, то бишь, полив и стрижка.

В этом утреннем марафоне мелкого бизнеса немалое участие принимали и женщины. Многие из них мало чем отличались от таких, как Питер. Они управляли такими же грузовичками. Свободная от управления автомобилем рука, также занята стаканом кофе, сигаретой или телефонной трубкой. И так, каждое утро; ранний подъём, порция чистого колумбийского душистого, сигарета и на заработки…

Остановились мы у дома, расположенного в отдалении от дороги, среди сосен. Направились к дому поменьше, оказалось — столярная мастерская. Там работал мужчина, но Питеру нужен был кто-то другой. Не успели мы отойти от мастерской, как из соседнего жилого дома вышел пожилой мужчина и направился к нам.

По их короткому деловому разговору я понял, что они с Питером уже не первый раз имеют подобные дела. Тот вручил Питеру адрес и выразил согласие на то, чтобы он всё делал по своему усмотрению. Но предупредил, что к такому-то дню надо всё сделать, ибо другие подрядчики будут стелить траву.

Мы уехали. Отыскали новенький дом, к которому вела ещё не вымощенная грунтовая дорожка. Дом гармонично встроили среди сосен в стороне от трассы. Там уже кто-то работал. Это были электрики, они устанавливали розетки и выключатели.

Питер обошёл вокруг дома и оглядел голую песчаную территорию, которую требовалось охватить системой полива.

Границы были отмечены флажками. Он отыскал источник воды, к которому предполагалось подключение насоса, и стал от этого места чертить задуманную ирригационную сеть.

Я наблюдал за ним, мне уже было ясно, какая работа в этом подряде отводилась для меня. Кто-то должен был прокопать неглубокие траншеи, в которые будут укладываться пластиковые трубы. Утешал свежеспланированный песчаный грунт, легко поддающийся лопате. Лопатка, кстати, оказалась особой формы, специально для укладки труб в грунт. Лезвие лопатки узкое, сантиметров 10–12 шириной.

Но начертил Питер много! Чтобы пройтись по всем его линиям с лопаткой, углубляясь сантиметров на 15, даже с таким мягким грунтом, придётся здорово попотеть. Такая перспектива меня огорчила. Предстоящая работа гораздо тяжелей и нуднее, чем наши вчерашние разъезды. И солнышко обещало быть активным.

Наконец, Питер определился, в какие стороны будет растекаться вода, и прежде чем приступить к разъяснению задачи, снова спросил меня, не передумал ли я участвовать в этом подряде. Я выразил готовность попробовать себя в этом деле.

Он показал мне, откуда следует начинать, в каком направлении и на какую глубину вгрызаться.

Задача была проста и безрадостна, от одной мысли об этом можно сломаться и капитулировать.

Я, молча, взял лопатку и уткнулся в песчаный грунт.

Скоро у меня выработался свой ритм. Думал о своем, копал машинально. Спустя несколько минут, с меня пот полился ручьями. Мои, вполне изящные рабочие туфли, увлажнились от пота.

Я вспомнил, как когда-то в торговом центре в Ки Ларго, мы, забавы ради, переобулись в обувном отделе. На полке оставили свои пляжные шлепанцы, а обулись в жёлтые туфли на массивной подошве с тракторным протектором. В сочетании с шортами и футболками, новые грубоватые туфли на босую ногу выглядели комично. Я прихватил в другом отделе камеру для велосипеда, с нею мы и пришли к кассе. Кассир посчитал нам лишь те хозяйственные мелочи, которые были у нас на руках. Мы рассчитались и вышли из магазина в новой обуви.

Теперь эти туфли оказались при деле, они были просто созданы для такой работы! Я честно и по-настоящему отрабатывал их! Копал и думал о том, как всё взаимосвязано, что за всё приходится, рано или поздно, платить в тех или иных формах…

Меня никто не пас, не подгонял. Питер возился со своими

делами. Он куда-то уезжал и вернулся с новеньким насосом, который мы вместе сгрузили с кузова и поднесли к месту установки.

В моральном смысле условия работы были приемлемы. Ни бригадной суеты, ни авралов, окриков самодура-бригадира. Я работал в компании лопаты и солнца, в полной тишине. Я так увлекся своими думами, что о времени мне напомнил Питер, снова вернувшийся откуда-то с пакетами от МакДональдс. Он предложил сделать перерыв на обед. Советовал не торопиться, а распределить время и усилия на три-четыре дня.

Кушать едва хотелось, зато холодное питьё поглощалось с диким аппетитом.

Вторая половина дня прошла также незаметно. Питер закончил монтаж насоса и автоматического управления поливом, на этом он предложил и закончить.

По дороге домой мы заехали в придорожный МакДональдс, но из машины не выходили. Воспользовались их услугами для проезжих клиентов. Остановились у светящегося табло-меню, переговорили через невидимый микрофон с работником кухни и сделали ему заказ. После чего, в порядке автомобильной очереди, проехали к окошку выдачи, где девушка выдала нам всё, что мы заказали. Питер, не выходя из-за руля, принял у неё пакеты и уплатил ей сумму, названную нам при заказе. Через минуту мы снова — на трассе, в пути поглощали гамбургеры с жаренной картошкой. Его радио оставалось настроенным на ту же станцию и продолжало музыкальный поток из прошлого. Больше уделялось внимания американским исполнителям. Заговорив об этом, Питер мечтательно заметил, что это музыка его молодости, и она напоминает ему о добрых временах.

— Серджий, тебе не нравится эта музыка?

— Нравится, но уже не очень волнует. А вообще, моё восприятие музыки очень зависит от настроения.

— Значит, музыка тебя волнует.

— Точно. Иногда, даже очень. А что, я похож на человека, которого музыкой не тронешь? — спросил я, и, не дождавшись его ответа, стал объяснять своё восприятие музыки.

Я попытался подобрать слова, передающие такие ощущения, как мурашки по телу в жаркую погоду…

Питер слушал меня, улыбался и выражал понимание того, что я хотел передать ему. Сетовал, что последние годы он уже не ощущает подобного волнения. Предположил, что эти перемены в его мироощущении — следствие непрерывных хлопот о семье и материальных благах.

— Серджий, тебе можно позавидовать в чём-то.

Он не объяснил, чему он завидует, а я не стал спрашивать.

У Дома Матвея мы расстались с ним до завтрашнего утра. Искупавшись под душем, я ушёл гулять. Прогуливаясь, я высматривал места возможной аренды квартиры. Во всех жилищных комплексах офисы в это время были уже закрыты. Но из объявлений и разговоров с проживающими там, я выяснил, что квартиры сдаются. Однако, условия едва ли приемлемы для меня.

Размеры сдаваемых в аренду квартир, как минимум One bedroom, то бишь, двухкомнатные; большая гостиная и спальня. Стоимость в приличном месте — от 500 долларов в месяц.

Хотя, во дворе есть и бассейны, и теннисные корты, и прачечная. Всё это хорошо, но мне одному оплачивать такой рент было обременительно. И разделить это бремя не было с кем. У меня пока не было даже кандидатов.

Я продолжал искать иные, более приемлемые варианты. Звонил по газетным объявлениям, где-то попадал на автоответчики и меня просили оставить свой телефон. А где-то мне отвечали, описывали сдаваемое жильё и называли адрес, который мне ничего не говорил. Я пытался выяснить, где это находится и мне объясняли, какой дорогой, и в каком направлении следует ехать…

Из своего первого опыта поисков жилья в Нэйплс, я уяснил себе, что вариантов много, но почти все они излишне просторны и дороговаты для меня одного, а некоторые и далековаты для такого средства передвижения, как велосипед.

Я подумал о Вовочке, как о кандидате на совместное проживание. В это вечернее время он должен быть на своём рабочем месте в ресторане Papa Joe. Телефон ресторана у меня сохранился, и я позвонил туда с уличного автомата.

Ответил кто-то из американских работников, я просил подозвать к телефону посудомойщика Владимира. В ответ я услышал:

— Владимир! Телефон!

Через минуту настороженно отозвался Вова. Узнав меня, он расслабился и поинтересовался, где я сейчас.

Коротко описал ему место, где я остановился и пригласил его присоединиться ко мне, если ему не нравится жить над рестораном. Вова поинтересовался, что я могу предложить ему на новом месте? По его вопросу я понял, что если он подъедет ко мне по моему приглашению, то я буду ему ещё и обязан.

Рассуждал он достаточно трезво. В ресторане он имеет бесплатную комнату и питание. Еженедельную зарплату 250, он полностью отвозит в банк. А в Нэйплс — работу ещё надо будет найти. И расходы на жильё и питание — неизбежны. Такие

перспективы его не устраивали. Мои посулы о комфортном жилье в хорошем месте, за которое, правда, надо платить, его не склонили к переезду. Бесплатная комнатка с общим туалетом и душем, его больше грела. Переубеждать его, тем более по телефону, я не стал. Обещал сообщить свой новый адрес, как только определюсь.

В последующие дни всё происходило однообразно и потно. Я копал. Питер монтировал и укладывал пластиковый трубопровод с поливными головками. Мы почти не контактировали друг с другом, каждый возился со своей работой. Ковыряясь в песке, думал о своих делах, похлёбывал соки-воды и потел.

После 10–11 часов работы мы возвращались домой. Питер высаживал меня у дома Матвея, рассчитывался, и мы расставались до следующего утра.

По вечерам, приняв душ, я уходил гулять, так как оставаться в казарме, мягко говоря, неинтересно.

Однажды я обнаружил в газете объявление о сдаче в аренду домиков и комнат. Указанный адрес был совсем рядом, по улице Shadowlawn Rd.

Это оказалось на соседней улице, где баптистская церковь. Напротив начальной школы, через дорогу, на травяной лужайке располагались три простеньких домика. Я понял, что именно о них говорилось в объявлении.

У крыльца одного из домиков в креслах посиживали двое субъектов неопределённого возраста. Имея некоторый опыт общения с обитателями ночлежки, я определил, что эти двое из той же социальной категории. Я побеспокоил их вопросом о том, кто здесь решает вопросы об аренде, и они, не утруждая себя ответом, просто указали мне на открытую дверь в их дом.

По их реакции я понял, что визитёры по поводу аренды жилья, явление для них привычное.

Я вошёл в гостиную комнату. По мебели и прочим мелочам, которые я увидел, я понял, что эта обитель мало чем отличается от Дома Матвея. Разница лишь в габаритах и количестве проживающих.

В гостиной, перед телевизором сидел ещё один тип с банкой пива в одной руке, и пультом управления — в другой. Образчик типичного американского обывателя. Звук телевизора был почти выключен, телезритель на меня не реагировал. Телевизор из тех, что мы в Бруклине на улицах не всегда подбирали.

Я снова спросил, кто в этом доме босс? Из другой комнаты прохрипел прокуренный голос, призывающий меня пройти туда.

Там я нашёл лежащего с журналом на пузе, обросшего, седого мужика, пожилого возраста.

— Я к вам по объявлению, — сразу заявил я, желая поскорее уйти из этого прокуренного жилища.

— Ты ищешь жильё? — не вставая, спросил меня мужик.

— Да, — коротко ответил я, предполагая, что сейчас мне укажут на койко-место в этом доме.

— Хорошо, — прохрипел староста дома и с трудом вышел из лежачего положения.

Взглянув на меня уже с некоторым интересом, он обещал мне показать свободные комнаты. Для начала, он кряхтя подкурил сигаретку. Я предложил подождать его во дворе, и вышел.

Через пару минут он, тяжело передвигаясь, вышел из дома, в одной руке он держал связку ключей, в другой сигарету.

— Что тебя интересует, парень? Комната или отдельный дом?

— Давайте посмотрим все варианты, — предложил я.

— Хорошо, пошли смотреть, — добродушно согласился он.

Мы направились к домику дальнему от улицы и проезжей дороги. Выглядел он очень скромно, но место расположения мне нравилось.

По некоторым хозяйским замечаниям о мусоре, которые я расслышал, понял, что он здесь не просто проживает, а ещё и при деле. На хозяина домиков он не был похож, а функции управляющего по поручению хозяина, он вероятно, исполнял. Про себя я окрестил его старостой.

Тем временем, он открыл входную дверь в доме и включил освещение. Мы вошли, и он стал показывать мне жилище.

Интерьер был таким же скромным, как и сам дом внешне. Стандартная мотельная гостиная комната, с диваном, парой кресел и журнальным столиком. На всем были видны следы бесчисленных постояльцев, побывавших здесь. В другом углу стоял старенький телевизор. Пол застелен ковровым покрытием со следами опалин и красного вина. Из гостиной прошли в кухоньку, где почти всё пространство было занято стандартным набором: холодильник, мойка, шкафы и микроволновая печь.

Меня больше интересовала комната. Через гостиную мы прошли к свободной комнате.

— Здесь, — указал он на закрытую дверь, — ещё одна комната, в которой проживает один человек. А вторая комната свободна. Он отыскал нужный ключ и открыл дверь. Это оказалась маленькая комнатка метров 12 квадратных с одним окном, но двумя спальными местами и шкафами-кладовками, в окно был вмонтирован кондиционер. Воздух стоял спёртый.

Я бегло оглядел это квадратное пространство, спросил, работает ли кондиционер, услышал уверенный, положительный ответ и предложил выйти на улицу.

В общем-то, для начала меня это устраивало. Смущало меня второе спальное место в сдаваемой комнате и хотелось бы повидать жильца, занимающего другую комнату.

— Сколько стоит эта комната? — спросил я.

— 55 долларов за неделю, — прохрипел староста.

Выходило 225 в месяц, ровно столько же я платил, проживая в доме Кевина, но условия — несравнимы…

— Я буду один занимать эту комнату?

— Пока никого больше нет, значит один, — неопределенно ответил он.

— А если объявится желающий занять второе место в этой комнате, цена изменится? — поинтересовался я.

— Ты хотел бы жить один в комнате?

— Конечно. Для двоих эта комната тесновата.

— Я не знаю, ты можешь завтра поговорить с хозяином о том, чтобы арендовать полностью эту комнату, о цене надо разговаривать с ним.

— Значит, если вы подселите мне соседа по комнате, я буду так же платить 55 долларов еженедельно?

— Я думаю, да. Но сейчас ты будешь жить один в комнате, если арендуешь.

— Ясно, — ответил я, — мне надо подумать и переговорить с хозяином, — подвёл я итог нашей встречи.

— Хорошо, парень, подумай и приходи, мы что-нибудь придумаем.

Конечно, для хозяина соблазн немалый, сдавать комнатушку, с двумя спальными местами и одним кондиционером, двоим постояльцам и за это, получать еженедельно 110 долларов! Если таковое ему удастся, то ежемесячно он будет получать 450 долларов за убогую комнату. Разве этот уголок сравним с двухкомнатными квартирами за 500 долларов в кондоминиуме, с бассейнами и кортами во дворе! Правда, там ещё и расходы на коммунальные услуги. а здесь, как я понял, они включены в рентную плату.

— А каковы твои предложения? — прервал мои размышления староста.

— Я думаю, что один я в этой комнате, за 55 в неделю, пожил бы. А вот для двоих, это уже тесновато и дороговато.

— Понятно. Тебе следует разговаривать об этом с хозяином, возможно, вы договоритесь.

— Тогда, завтра вечером я ещё зайду сюда. Если в эту комнату никто не заселится, то я, вероятно, перееду с вещами, а дальше будем посмотреть.

— Хорошо! Как тебя звать, парень? — по-отечески тепло

поинтересовался староста.

Я озадачил его своим именем, и мы расстались.

Я ушёл оттуда, с намерением завтра же оккупировать комнатку, надеясь на то, что если я поселюсь там, то уже вряд ли найдутся желающие арендовать второе спальное место на таком малом жилом пространстве. Общую гостиную, кухню и санузел мы уж как-нибудь поделим с соседом из другой комнаты.

На следующее утро я рассказал Питеру о своих намерениях съехать из ночлежки.

В этот же день я закончил основные земляные работы, и мы занимались монтажом и укладкой трубопровода. Эта часть работы была нетяжёлой, но требовала определённой аккуратности. Пластиковые трубы резались легко. С помощью соединительных переходников различной конструкции, и клея, всё это собиралось в единую поливную систему, которая укладывалась в мои траншеи. Иногда оказывалось, что у нас нет какой-то необходимой детали, и нам ничего не оставалось, как ездить в ближайший магазин, и прикупать необходимое.

Обычно, это были специализированные магазины, огромные как склады строительных материалов, с бесчисленным количеством различных секций.

Был ещё один магазин, специализированный на торговле комплектующими для поливных систем. Там мы покупали основную массу расходного материала. Так как в этом магазине всё это стоило значительно дешевле, чем в универсальных.

Когда Питер определился, чего и сколько ему понадобится для этой системы, он звонил в магазин и диктовал им свой заказ. Там его уже знали, как постоянного клиента и принимали его поручения без лишних вопросов. В назначенное время и по указанному адресу работник магазина доставлял все комплектующие. Мы оприходовали это, Питер сверял список-счёт с фактически доставленным, подписывался и выдавал в качестве оплаты свой чек или обещал оплатить это в ближайшие дни, по выполнению подряда.

В этот же день появились работники, подрядившиеся озеленить этот двор. Они тоже что-то замеряли, планировали. А затем, стали подвозить поддоны с травяным дёрном. Я наспех зарывал свои траншеи с уложенными в них трубами и поливными головками. Делал я это уже после пробных включений и предварительной регулировки зоны распрыскивания.

На некоторых участках, травяных дел мастера просили меня оставить всё, как есть, так как они собирались подровнять поверхность грунта. Это облегчило моё участие.

Фактически, в этот день мы закончили с подрядом.

Оставалось отрегулировать опрыскивание окончательно, когда уже положат травку.

После работы мы решили с Питером заехать на Shadowlawn Road. Попали мы на место удачно, хозяин был там. Староста познакомил меня с худощавым, уже немолодым, но активным дядей. Тот выразил свою заинтересованность и готовность сдать мне комнату. Ситуацию, в случае подселения ещё одного человека в качестве моего соседа, решили не обсуждать заранее. Остановились на том, что сейчас я поселяюсь и живу в ней один.

Я изъявил желание уже сегодня ночевать здесь. Хозяин обещал сейчас же привести всё в порядок и рекомендовал мне мистера старосту, как человека, уполномоченного решать все хозяйственные вопросы.

Питер в наш разговор не вмешивался, ожидал рядом. Когда мы обо все договорились, я попросил Питера перевезти меня с сумкой.

В ночлежном доме я быстро забрал из камеры хранения свою сумку, и мы уехали обратно. У моего нового жилища мы расстались с ним до завтрашнего утра.

Добравшись до своей комнаты, я включил кондиционер и ушёл обследовать санузел. Пока купался под душем, старенький кондиционер вычухался, и стал гнать охлаждённый воздух, в комнате стало свежее. Кроме этого кондиционера никакой другой техники в комнате не было. Я выключил это единственное удобство, закрыл комнату и вышел из дома. Входную дверь тоже закрыл на ключ.

Мне надо было посетить ночлежку, чтобы забрать некоторые туалетные мелочи, оставленные в тумбочке и сообщить о своём отбытии.

Там я нашёл управляющего Джона Кулиша, он не был занят и пригласил меня в свой офис. Узнав о моём намерении — уже сегодня покинуть их дом, он заметил, что ему хотелось бы видеть в этом доме побольше таких постояльцев как я. Посетовал, что основная масса прибывающих сюда, — люди социально неблагополучные, нуждающиеся не только в материальной поддержке, но и в индивидуальном внимании и воспитании.

Из его речи я понял, что ему здесь приходится заниматься не только хозяйственными вопросами, но и воспитательной работой. Я выразил ему своё понимание и отметил значимость таких приютов для многих заблудших и пребывающих в затруднительном положении. Для некоторых, это возможность отдышаться и вернуться к нормальной жизни.

Затем он поинтересовался, где я теперь буду жить.

Я ответил. Место это ему было знакомо. Он обратил моё

внимание на плохую репутацию этих трёх домиков, советовал быть осмотрительным в отношениях с новыми соседями. Я обещал быть бдительным.

Управляющий собирался домой и предложил подвезти меня. Я согласился. Тогда он собрал для меня набор некоторых бытовых вещей, уверяя, что всё это пригодится мне на новом месте. Это был новый комплект белья, полотенце, шампунь и какие-то консервы. Прихватив эту коробку-набор для выпускника ночлежного дома, я нырнул в его длиннющий Кадиллак.

Многие американцы пожилого возраста предпочитают современным малолитражным автомобилям, классические американские авто-лайнеры 60-70-х годов выпуска. За пять минут езды я успел в очередной раз оценить плавность и мягкость хода такой машины.

Остановившись у нашего двора, мистер Кулиш вновь отечески рекомендовал мне быть осторожным, а по возможности, найти более благополучное место жительства. Он заверил меня, что их ночлежка всегда открыта для меня, и даже если я там не буду жить, он готов всегда помочь, чем сможет.

Я поблагодарил его за участие, и мы расстались на этом.

На следующее утро Питер приехал за мной на новое место. Он поинтересовался, как мне здесь спалось. Спать одному в комнате было гораздо комфортнее, чем на втором ярусе в храпящей казарме.

Он лишь посмеивался над моими замечаниями.

В этот день мы не напрягались. Заехали и кое-что доделали по последнему подряду. Там уже полным ходом крыли песчаный грунт травяным дёрном, двор преображался на глазах.

Питер получил чек. Заехали в Barnett Bank, и, не выходя из машины, заняли очередь.

У здания банка оборудованы специальные авто проезды. У каждого такого проезда окошко с пневматический почтой и переговорное устройство. Питер достал чек этого банка, расписался на обратной стороне, приложил к чеку своё водительское удостоверение и запечатал всё это в колбу. Эту колбу он установил в окошко и закрыл его.

Невидимый чиновник привёл в движение пневматический привод, и колбу по трубе засосало куда-то в недра банка. Мы ожидали. В соседних проездах клиенты проделывали подобные операции. Эти банковские услуги они называют Super Teller, то бишь, супер кассир.

Через несколько минут мы услышали о возвращении колбы. Питер открыл окошко и достал послание. Там он нашел своё водительское удостоверение, а вместо чека — наличные.

— Желаю вам удачного дня, мистер Prue, — услышали мы кассира-невидимку через переговорное устройство. Питер тронулся, уступая место стоящему за нами клиенту.

— А я думал, они выдадут нам гамбургеры с жареной картошкой, — пошутил я.

— Тебе следовало сделать им такой заказ, ты бы повеселил работников банка, — советовал мне Питер.

В этот день мы сделали ещё кое-что по мелочам в разных местах, и закончили пораньше. Это был конец недели. Питер предложил отдохнуть до понедельника. Я не возражал.

Разошлись по домам рано, и я решил заняться своими делами.

Поездив по Флориде, я заметил, что отделения Barnett Bank встречаются часто и густо, а это удобно для клиентов. CitiBank в Нэйплс я не обнаружил, отделение Nations Bank было далековато. Зато одно отделение Barnett Bank находилось в соседнем квартале. Туда я и направился со своими сбережениями за неделю.

Отделение оказалось приличным, мне там всё пришлось по душе. Скоро меня и мои денежки приняла банковская тётя и я вышел оттуда без наличных, но с карточкой и новым счётом. В этот же день я посетил Nations Bank, снял со своего счета всё, что там было, и закрыл его. Чёрный клерк, исполнявший мое поручение, был вежлив, но не столь ласков, как тётя из Barnett банка, куда я эти денежки принёс.

Закончив свои денежные перемещения, я отправился на пляж. По пути я нашёл почтовое отделение и арендовал там почтовый ящик на полгода. Ячейки закрывались не ключом, а путем набора кода. Так даже удобней.

На пляже я искупался и побрёл вдоль берега. Мимо меня пробегали трусцой люди разного возраста. Наверняка, ни один из этих физкультурников не зарабатывал себе на жизнь с помощью лопаты. Глядя на бегунов и дома, стоящие вдоль берега, невольно признаешь, что моя лопата и шесть долларов за час, это какой-то геморрой, травмирующий Американскую мечту.

В этот вечер я отправил письма на остров Олегу и Вове, известил их о своём новом адресе и желании услышать о них.

За два дня, свободных от лопаты, я обошёл немалую часть города в поисках злачных мест и вообще, любопытства ради. Одно из мест, которые я посетил, оказался дворец свидетелей Иеговы. Это оказалось неподалеку от моего нового места жительства.

Заведение было открыто, когда я проходил мимо. Я заметил, как оттуда выходили люди, и решил тоже зайти посмотреть, что

там происходит. Не подумал, что мой пляжный костюм — футболка, шорты и сандалии, могут оскорбить чьи-то религиозные чувства. Оказавшись за массивными деревянными дверьми, я попал в атмосферу прохладного кондиционированного воздуха. После уличной жары это подействовало на меня так положительно, что мне захотелось задержаться здесь и познакомиться с их религиозной доктриной. Однако, тут же при входе, меня встретил человек в строгом костюме и с легким латиноамериканским акцентом, поинтересовался:

— Куда это ты собрался!?

Интонация, с которой он обратился ко мне, и осуждающий, оценивающий взгляд, говорили мне о его нежелании видеть здесь подобное явление. Меня это зацепило. Исчезло всякое желание извиняться и объясняться. Товарищ этот был не старше меня и его пренебрежительный тон ко мне, православному атеисту с высшим гуманитарным образованием, вызвал у меня соответствующую реакцию.

— Любопытно, вот и пришёл. По-моему, это не частная собственность, — ответил я.

— И не пляж, — снова он посмотрел на мои шорты.

Тем временем, я огляделся, куда можно пройти дальше, и направился в основной зал, игнорируя его неприязнь.

Кстати в Нью-Йорке на воскресную службу муней я тоже явился в шортах, и ничего, никто не упрекал меня в этом. Более того, торжественно представили, как гостя из бывшего СССР и предоставили слово. А после официальной части многие вполне дружелюбно и уважительно обращались ко мне со своими вопросами. Так это происходило в центре Нью-Йорка сити, по соседству со злачной 42-й улицей! Это здание Церкви Единения по адресу 4 West 43 Street, широко известно во всём мире… А тут, в сонном городке курортного штата Флорида, я вдруг обидел кого-то своим пляжным видом.

Я уселся на свободное место в зале, позади присутствующих. Если бы они сейчас спросили меня о моём отношении к религиозной доктрине Свидетелей Иеговы, я бы особенно положительно отметил их бесшумно и качественно функционирующую систему кондиционирования воздуха. Однако, паренька приметили. И с настойчивым гостеприимством указали мне на свободные места среди прихожан. Это было неожиданностью для меня. Пришлось подчиниться их просьбам, и я уселся на указанное место. Оглядевшись, я встретил поощрительные взгляды соседей и понял, что теперь мне придется охлаждаться здесь до окончания службы.

Людей было немного. Среди них были и дети школьного

возраста. За кафедрой стоял дядя среднего возраста и читал библейские истории. Закончив чтение, он обратился с вопросом по поводу прочитанного к аудитории. К обсуждению темы старались больше привлечь детей. Я понял, что попал не на службу, а на урок. Когда их лектор предложил перейти к рассмотрению нового вопроса и попросил всех открыть пособия на такой-то главе, сзади ко мне подкралась женщина латиноамериканской внешности и улыбаясь вручила мне книгу, открытую на нужной главе. Пришлось ещё и поучаствовать в школьном процессе.

Или я удачно попал к окончанию урока, или это в связи с появлением постороннего, но их лектор скоро объявил, что на сегодня достаточно. Дети помладше ожили и снялись с мест. А для взрослых он сделал какие-то объявления о мероприятиях на ближайшие дни. Я уже поджидал подходящего момента для выхода из сложившейся ситуации, как вдруг, наставник обратился ко мне.

— Могу я вас спросить, кто вы и откуда?

— Я совсем недавно приехал в Нэйплс, и остановился здесь по соседству, вот и решил зайти к вам…

Пока я мямлил свой ответ, заметил, что этим вопросом интересовались и другие присутствующие, они внимательно рассматривали меня и слушали.

— Хорошо, а как ваше имя и чем вы занимаетесь? — ласково копал под меня духовный лидер.

— Звать меня — Сергей, а занимался я последнюю неделю установкой и ремонтом поливных систем.

— Ты работаешь с кем-то?

— Да, я работаю, как помощник, у одного человека.

— Можешь ли назвать этого человека?

— Peter Prue.

— Понятно, — удовлетворенно отреагировал он, — я знаю Питера.

Похоже, он действительно знал того, и с положительной стороны, ибо на этом установление моей личности закончили и сделали попытку выяснить моё отношение к Свидетелям.

Когда я сказал им, откуда меня занесло, любопытство начали проявлять и другие свидетели.

Я старался отделаться шутками о своём атеистическом советском воспитании и полной растерянности среди такого количества церквей. Только на соседней Shadowlawn Rd две различные церкви, а здесь ещё и ваша. И у каждой церкви, вероятно, своя Библия. Я отметил, что их храм — первое место, которое я посетил после Дома Матвея.

Женщина, которая заботливо выделила мне учебник на урок, реагировала на мои дурацкие ответы заразительным смехом, а наставник, пытаясь добиться от меня серьёзного отношения, выяснял, намерен ли я и в дальнейшем посещать их храм.

Получая от меня свою книгу обратно, женщина улыбчиво приглашала меня наведываться к ним почаще, коль уж я здесь рядом живу и теперь знаком с ними. Она представилась как Дженис, и стала знакомить меня с другими братьями и сёстрами. Одна из них, молодая, стройная и чёрная девушка, как-то не в меру гордо стала рапортовать мне о своих отношениях с наркотиками, которые она пережила в прошлом, и как ей помогла вера преодолеть эту зависимость. Я искренне поздравил её с духовным и физическим выздоровлением и пожелал ей так и держать. Я хотел поделиться с ней своими проблемами и спросить, где в этом городе можно найти девиц-атеисток, предлагающих свои услуги заблудшим туристическим душам. Но воздержался, решил, что лучше самому поискать.

— Если тебе нужна будет помощь, наши братья и сёстры всегда готовы помочь, — гордо закончила своё выступление чёрная сестрица.

— Не уверен, что они смогут. Однако, спасибо, я буду помнить о вас, и возможно обращусь к вам.

— А где ты живёшь? — спросила меня Дженис.

— Пока остановился на Shadowlawn, напротив школы.

— Ох, место известное…

— Чем же?

— Обычно там нехорошие ребята обитают, нетрезвые. Но ты можешь заходить сюда в любое время, а если хочешь, то и мы можем навестить тебя. У тебя телефон есть?

— Нет, телефона пока нет, а адрес я могу вам сказать.

В этот момент к нам подошёл товарищ, который не хотел пропускать меня во Дворец. Дженис отрекомендовала меня, как Good Man. Сразу видно, что она разбирается в людях! А товарища в костюме она представила как Брайна.

Мы обменялись рукопожатиями.

— Он русский, — предупредила его Дженис.

— Я уже знаю, — с улыбкой ответил Брайн.

— Кстати, Брайн — мой муж, — весело сообщила мне Дженис.

— Вот как! — удивился я. — Он не хотел пропускать меня к вам, а вы приглашаете заходить почаще. Как мне быть?

— Просто я сегодня дежурный на входе и должен как-то реагировать, когда приходят незнакомые люди.

— И одежда моя тебе не понравилась. Но я не умышленно

пришёл сюда в шортах, просто проходил мимо. К тому же, у меня и нет брюк, длиннее этих.

Дженис посмеивалась, уверяя, что я никого не обидел своей формой. Мы направились к выходу. Прихожане разъезжались по домам. Брайн спросил, не подвезти ли меня домой. Я ответил, что живу совсем рядом. Но Дженис заявила, что им всё равно по пути.

— У тебя нет автомобиля? — удивленно спросил Брайн.

— Нет. Пока даже велосипеда нет. Только шорты.

— Кстати, у нас дома стоит уже давно без дела велосипед, — заметил Брайн, — не знаю в каком он состоянии, но если хочешь, могу тебе дать его.

— Я думаю, велосипед мне нужен, — согласился я.

Через несколько минут я попросил его приостановиться возле школы. Показал им, в котором доме я остановился, а они обещали навестить меня в ближайшие дни.

На этом и расстались.

Моим соседом по дому, занимавшим другую комнату, оказался молодой, не очень разговорчивый парень высокого роста и нескладного сложения. С первых минут нашего знакомства у нас определились отношения типа «здравствуй и до свидания». Вопросов друг к другу не возникло, общих интересов не обнаружилось. Иногда, так даже и лучше. Когда мы бывали дома вместе, то больше отсиживались по своим комнатам. Короткие встречи на общей территории не вызывали у нас никаких эмоций.

За ним так же по утрам заезжал коллега и забирал его на работу, возвращался он вечером.

Судя по рекламной росписи на микроавтобусе, промышляли они тем, что стелили ковровые покрытия. Довольно распространенная услуга, так как эти покрытия регулярно меняются, особенно, в связи со сменой пользователей.

Как-то вечером, ко мне заехал Брайн на рабочем пикапе и одетый не в костюм. В кузове у него лежал спортивный велосипед. Он уже подвозил его мне, но не застал меня дома. Я оценил его серьёзное отношение к этому вопросу, это вызывало интерес к нему, как к человеку.

Выгрузив велосипед, мы поговорили о его работе.

По инструменту в машине я понял, что он имеет какое-то отношение к бассейнам. Порасспросив его, узнал, что большую часть времени ему и приходится заниматься уходом за бассейнами, это я есть его основной источник существования.

Как я узнал, несмотря на огромное количество частных бассейнов в этих краях, специалистов, предлагающих свои услуги по уходу за ними, тоже немало. Обрести и сохранить достаточное количество клиентов, обеспечивающих постоянную,

оплачиваемую работу, — дело непростое и требующее определенных хлопот. В этом деле также немало своих технологических хитростей, овладение которыми облегчает работу, а также тонкостей, способствующих положительным отношениям с заказчиками. Владельцы бассейнов, как правило, очень привередливы в выборе человека, который будет следить за состоянием хозяйства. Их интересует не только, какие средства применяются, а и сам человек, который будет регулярно посещать их двор и возиться в их бассейне.

Как я понял, можно годами наживать опыт и клиентуру, но очень быстро, из-за какой-то оплошности, проступка или вынужденного перерыва в этом деле, всё потерять. А твои клиенты прибегнут к услугам других, тебе же придется наживать новых заказчиков, или осваивать новое дело.

Коснувшись проблемы жилья, Брайн оказался человеком сведущим в этом вопросе.

До недавнего, они с женой тоже арендовали квартиру, им пришлось сменить немало мест в поисках желаемых удобств, места расположения и приемлемой цены.

Наконец, они остановились в квартире, состоящей, из гостиной и двух спален, в приличном кондоминиуме комплексе. Какое-то время они арендовали эту квартиру, а затем решились на покупку её в кредит. Сейчас, они ежемесячно выплачивают 500–600 долларов, но уже не как рентную плату, а как взносы по выплате за купленную в кредит квартиру.

Он обещал когда-нибудь показать мне их приобретение. Расставаясь, он оставил мне свой домашний телефон и выразил надежду на скорую встречу.

В этот же вечер я подкачал шины велосипеда и прокатился на нём. Заехал в Дом Матвея, повидал там соседа по койке, китайца из Канады. Тот по-прежнему работал в ресторане и хозяин его любил. Мы выпили кофе, и я загрузился пирожными, которые не переводились в этом доме.

Затем я прихватил ракетку и поехал в один из жилых комплексов, которые недавно посещал в поисках жилья.

Там, кроме бассейнов, в которых жильцы активно купались в жаркую погоду, были и теннисные корты, которые никого не интересовали. Заметно было проживание в этом комплексе мексиканцев, главной заботой которых была работа. Насколько я мог предполагать, амиго заселяли арендованные ими квартиры густо и плотно. Видимо в этом жилищном комплексе хозяева и соседи относились к этому терпимо.

Все три корта были в хорошем состоянии и без каких-либо следов пользования ими. Возможно, мексиканские жильцы и не

ведают, для чего эти площадки с сетками в их дворе.

Я невольно представил себе, какой спрос был бы на эти три корта, будь они в парке какого-нибудь украинского города. Вероятно, очень скоро их прихватизировали бы мафиозно бюрократические товарищи, назвались бы президентами местных теннисных федераций и стали бы предлагать всем желающим поиграть за 10–20 долларов за часок… Подобно общественным туалетам на всех вокзалах Украины.

Коль уж я приехал сюда и не нашёл здесь ни единого игрока, то мне ничего не оставалось, как достать те несколько мячей, что оказались в чехле и без особого удовольствия поупражняться в подаче.

Эта одиночная игра «сам с собою» стала уже неким отражением моего существования здесь.

Только я подумал об этом, как ко мне прибежали несколько пацанят, и стали с любопытством наблюдать за мной. Поверив своей детской интуиции, они решили, что этот чужой дядька-маньяк, хоть и странный, но не опасный, и стали подавать мне мячи. Такое занятие им быстро понравилось, и они стали соревноваться в этом между собой, стимулируя и мои упражнения.

Затем, они осмелели и начали уговаривать меня, чтобы я запустил мяч, как можно выше. Я исполнял их просьбы, что развлекало ребят ещё больше. Их восторг заразил и меня, и я честно старался выстрелить мяч посильней, да повыше! При удачных запусках ребята визжали от восторга и пускались ловить приземлившийся на корты мяч. На их шум прибежали из бассейна ещё несколько мокрых участников.

Я с полчаса поиграл с ними в эту игру. А затем оседлал свой велосипед и уехал. Провожая меня, они спрашивали, когда я приеду снова?

Однажды вечером, по пути на пляж, я заехал на почту и обнаружил там письмо от Вовы. Судя по почтовым отметкам, с одного почтового отделения в Айламораде, на другое — отделение в Нэйплс, это письмо переместилось в течение неполных двух суток.

Читая его письмо, я заметил про себя, что за последние почти три недели, как я съехал с острова, мне приходилось говорить на своем языке лишь считанные минуты, да и то по телефону.

Из письма узнал, что Олег, вдруг, решил улетать домой. Зато сам Вова выработал себе стратегический план до конца текущего года и строго следует таковому.

Суть его плана сводилась к накоплению определенной суммы, необходимой ему для Полного Счастья в условиях

агонизирующей Украины.

Что касается повседневных радостей, то об этом он писал мне искренне и подробно, как человек, ограниченный в общении на родном языке. Жаловался на своих польских сотрудников по кухне, которые бессовестно злоупотребляли доверием работодателя; нещадно воровали провиант и алкоголь из ресторанных хранилищ. Чтобы пресечь эту восточно-европейскую заразу, администрация лишила всех подозреваемых работников доступа к продовольствию, а в качестве наказания объявила о закрытии кормушки для работников ресторана.

Таким образом, ни в чём не повинный Вова был лишён своего, уже привычного, ресторанного рациона и вынужден теперь самостоятельно решать вопрос о пропитании. По его предварительным подсчетам, такое ущемление его социальных прав могло крайне отрицательно сказаться на его стратегических планах.

Кроме материальной стороны он отмечал и бытовые неудобства, которые ему приходилось испытывать. От услуг общественного питания он отказался в целях экономии, а из широкого ассортимента продуктов, предлагаемых в супермаркетах, он выбрал мясные консервы, которые устраивали его и по цене, и по условиям хранения, так как холодильника в его одиночной камере не было. В комнатке вообще не было никаких условий для приготовления пищи, поэтому он, по возможности, использовал ресторанную кухню. Ему всего лишь надо было подогреть на электроплите консервированное мясо, вот и все приготовления.

Но однажды, когда он вскрывал на кухне свои консервы, кто-то из работников ресторана обратил внимание на его приготовления, и это вызвало у всех какой-то нездоровый ажиотаж. Все, кто был в этой смене, пришли посмотреть на Вовину трапезу, да ещё и пытались втолковать ему что-то важное.

Наконец, Вова понял причину их обеспокоенности. Оказалось, волновало их то, что он питается консервами для кошек. Он успокоил их, заявив, что и без них знает об этом. А кушает он это, потому что ему нравится, и назначение консервов его не смущает.

Все были удивлены вкусами Вовы, но оставили его в покое, пожелав приятного аппетита.

Однако в тот же день к нему снова обратились представители администрации и дали понять, что не могут допустить присутствия кошачьих консервов на кухне ресторана. Они просили Вову правильно понять их обеспокоенность тем, что посторонние люди, не ведающие о Вовиных вкусах, могут, не дай

Бог, подумать, что эти консервы применяются в приготовлении ресторанных блюд и подаются посетителям.

Видя, как всё это расстроило их работника, они решили сделать исключение, и позволили ему питаться, как прежде, ресторанной продукцией.

Узнав о таком решении, некоторые польские коллеги выразили Вове своё завистливое недовольство. На что он рекомендовал им сандвичи по его рецепту: хлеб, консервированное мясо для кошек, лук, кетчуп или горчица, по вкусу. Дёшево и сердито, съел и порядок!

Моё бытие обрело тоскливое однообразие. По утрам за мной заезжал Питер, и мы до вечера разъезжали по дворам, чинили и усовершенствовали поливные системы. Некоторые клиенты оказывались любопытны и разговорчивы, у таких мы задерживались не в связи с работой, а из-за праздной болтовни.

Питер, видя интерес клиента, не препятствовал им допросить меня по полной программе, тем более, если у него на этот момент не было срочных вызовов.

Между текущими работами мы неоднократно возвращались к загадочному насосу в греческой православной церкви. Этот злополучный насос уже возили на профилактику в мастерскую, где нам продемонстрировали его работоспособность. Теперь мы, наконец, знали, что проблема не в насосе, и отыскивали иные причины. Питер не сдавался!

Однажды нас вызвал клиент. Им оказался итальянец парикмахер. Встретились в его салоне. Он жаловался на слабый напор в поливной системе, и просил нас поправить это.

Приехали с ним в его двор, где стояла большая спутниковая антенна. Как он объяснил мне, эта штука, оказывается, для того, чтобы смотреть по телевизору нормальный футбол.

А когда я заговорил о европейском футболе; спросил у него, за какие итальянские клубы он болеет, и отметил некоторые из них, тот забыл, зачем пригласил нас к себе. Он шумно зауважал меня и, не обращая внимания на Питера, стал критиковать дурацкий американский футбол, бейсбол, паршивые гамбургеры и хот-доги… Я напомнил ему ещё и о женщинах; о чёрных и цветных… Клиент-итальянец стал откровенно плевать в сторону Америки… В нашей единодушной беседе мы пришли с ним к выводу, что без спутниковой антенны и верной подруги-землячки, в этой безумной стране можно мозгами поехать!

Пока мы с ним удивлялись американской глупости, Питер вынес диагноз. По его мнению, слабый напор воды в системе может быть по двум причинам: или слишком большое сечение труб, или же неверно подобранный насос, то есть недостаточно

мощный для такой обширной поливной площади.

— Что же делать? — спросил итальянец.

— Самое простое и дешёвое — заменить трубу, хотя бы на участке забора воды, от скважины до насоса. Положительного результата не гарантирую, — честно объяснил Питер. Другой вариант — отсечь часть поливной системы посредством заглушек, то есть уменьшить потребление воды и сократить площадь полива, но тогда какие-то участки окажутся без автоматического полива. И третий вариант — заменить насос на более мощный, соответствующий поливной площади. Но это будет стоить дороже.

— А нельзя ли поменять этот насос на другой с какой-то доплатой? — поинтересовался итальянец.

В этом Питер помочь ему не мог.

Подумав над всеми предложенными методами лечения, итальянский парикмахер решил поправить дело путем замены небольшого куска трубы.

Питер объяснил ему, что нам предстоит для этого сделать. Какой потребуется расходный материал, и сколько всё это будет стоить. Заказчик согласился и отбыл в свою парикмахерскую. А мы приступили к работе.

В общей сложности, мы провозились с этой работой часа два. Заменив подозреваемый участок трубы, добились незначительного повышения давления воды на выходе. Но этого было недостаточно для полноценного орошения всей площади. Эксперимента ради, мы выкрутили две крайние поливные головки и поставили заглушки. В таком положении остальные головки опрыскивали поживей, но тогда часть территории оставалась совсем без полива.

Питер признал эту систему изначально неправильно смонтированной и нуждающейся в капитальной реконструкции. Мы поставили на место поливные головки и поехали со своими выводами к итальянцу.

Питер на доступном языке объяснил парикмахеру суть технической проблемы и перечислил ему всё, что нами было сделано. Из всего сказанного итальянец понял лишь то, что его система, по-прежнему, плохо поливает.

— Так за что же я должен платить, если ничего не изменилось?! — поставил он вопрос ребром.

Питер терпеливо разъяснил, что на эту работу мы потратили два часа и использовали некоторый материал, всё это следует оплатить, так как между нами была предварительная договоренность о таковом.

В ответ, итальянец стал эмоционально учить Питера:

— Я беру деньги со своих клиентов за конкретный результат, — за стрижку, а не попытку подстричь. Мистер, предлагаю вам такой вариант! Вы заменили мне какую-то трубу, а я тебя подстригу… Бесплатно.

На этом терпение Питера иссякло, и он, молча, покинул парикмахерскую… Даже не подстригшись.

По дороге мой обиженный босс ворчал в адрес всех итальянцев. Я успокаивал его тем, что в будущем, когда он захочет подстричься, он теперь знает, где это можно сделать бесплатно.

В этот день у Питера не проявилось более желания откликнуться на новые заказы, он всё отложил на завтра и заехал на какую-то частную территорию, где мы ещё не бывали. Съехав на грунтовую дорожку, по ней мы подъехали к металлическим воротам. Питер вышел из машины, отпёр замок и распахнул ворота. Далее грунтовая дорожка среди зарослей кустарника и молодых пальм привела нас к большому двухэтажному дому. Место тихое и слегка запущенное. За домом стоял нетранспортабельный, поросший травой и присыпанный сухой листвой микроавтобус. Трава вокруг дома, пальмы и кустарник нуждались в уходе, хотя, по всему было видно, что здесь кто-то живет.

По тому, как Питер припарковал свой грузовик и по другим моментам в его поведении, я понял, что он приехал не к клиенту. Первый этаж дома был приспособлен для хозяйственных нужд. На жилой второй этаж вела деревянная лестница. В помещении первого этажа размещались с десяток клеток, в которых находились кошки разных пород. Я удивился увиденному.

— Это твой зоопарк? — спросил я.

— Нет, этим занимается мой приятель. У него зоомагазин.

— Странный бизнес, — заметил я.

— Вполне обычный, распространенный и доходный. Только несколько специфические хлопоты, — ответил Питер.

Кроме кошек появилась ещё и дворовая собака. Она явно знала Питера и была рада пообщаться.

Тем временем, он выкатил машинку для стрижки травы и стал заливать в неё из канистры бензин.

— Ты здесь живёшь? — снова спросил я.

— Нет, я со своей семьёй живу в другом доме. Но почему ты так решил?

— Ты здесь, как у себя дома.

— Это и есть мой дом, — довольно заметил Питер, — но я здесь не живу. Просто вложение средств.

— Куплено в кредит? — продолжал я.

— Да. Ещё пару лет платить.

— Какой ежемесячный взнос?

— Тысяча.

— Ого! Как ты справляешься?

— Эту тысячу мне платит в качестве рентной платы мой приятель, который здесь проживает и разводит животных.

— Так тебе с ним повезло. Что бы ты делал без такого арендатора?

— Серджий, я даже боюсь думать о его выезде отсюда. Хотя, для такого зоо хозяйства это очень подходящее место. Остается только желать успеха его бизнесу.

Выяснив этот вопрос, мы запустили машинку. В тихом месте её треск показался неуместно шумным. Питер заглушил её.

— Серджий, ты здесь перед домом подстриги травку, а я займусь машиной, — предложил он.

Я завёл эту молотилку и пошёл гулять с нею по траве. Скоро возник запах свежескошенной травы, я вошёл в ритм и с удовольствием заметил положительные внешние перемены. Газон перед домом обрёл какие-то формы, трава стала ровной и посвежевшей. Я и не заметил, сколько это заняло времени, как Питер предложил мне закончить работу.

По дороге домой я узнал от него, что кроме этого дома, он ещё выплачивает по 600 долларов ежемесячно за дом в Нэйплс, в котором живёт с семьей. За оба дома необходимо платить ещё и страховки на случай стихийного бедствия. Как я понял, этот вид страхования недвижимости — обязательный для собственников, во всяком случае, в штате Флорида. А ещё надо регулярно оплачивать страховки за три автомобиля. Кроме его рабочего грузовика, есть легковые автомобили у жены и у дочери. За один из них ещё выплачивается кредит. Ещё он платит за свою медицинскую страховку и страховку на случай его смерти…

— Питер, у тебя остается что-нибудь на питание? — сочувственно поинтересовался я.

— Стараюсь, чтобы оставалось ещё и на детей. Старшая, в этом году заканчивает школу, и собирается поступать учиться дальше. Но она молодец, уже сейчас по вечерам подрабатывает в ресторанчике. Ну и жена тоже работает. Так что, пока справляемся.

Честно говоря, мне не хотелось бы быть на его месте.

Как-то вечером меня навестили Брайн и Дженис. Поинтересовавшись, как я поживаю, и не занят ли я? Они пригласили меня провести вместе вечер. Я согласился.

Мы расселись в их автомобиле и поехали. Когда проехали мимо их свидетельского дома, я поинтересовался, куда это мы

направляемся.

— А ты хотел, чтобы мы тебя в наш дворец повезли? — спросил Брайн.

— Я полагал, что мы туда направляемся.

— А как насчёт ресторана? — спросила Дженис.

— Не возражаю.

— А после, уж если ты так хочешь, мы можем заехать и во дворец, — планировал Брайн. Я не выразил ни восторга, ни огорчения по поводу такого плана. Мне оставалось надеяться, что они не станут охмурять меня с излишней настойчивостью.

Ресторанчик этот был в торговом центре в центральной части города. Место приятное, и как они сказали, им нравится здесь бывать.

Кроме вкусных угощений, мы узнали друг друга поближе. Они были земляками, родом из какой-то маленькой страны Карибского бассейна. Дженис в Америку попала благодаря её отцу, который уже давно и благополучно здесь поживал, как постоянный житель, а вот Брайну пришлось хлебнуть радостей туризма.

Как он признался, до брака с Дженис, он находился в стране в полной неопределенности со всеми вытекающими из этого ограничениями. Поэтому все мои проблемы ему хорошо известны.

Я рассказывал им, как мои соотечественники, в целях легализации, вступают в договорные браки с гражданами, или обращаются с заявлениями в миграционную службу, с единственно актуальной легендой; о своей еврейской принадлежности, стремлении исповедовать свою религию и быть защищенными от антисемитских гонений…

Их повеселил рассказ о том, как я сочинял историю «еврею» Вовочке, который и теперь страдает на острове без синагоги.

Между тем, они советовали мне не рассказывать подобные забавные истории всякому американскому гражданину, ибо среди них немало таких, которые расценят это как серьёзное правонарушение и неуважение к их Стране Номер Один. Брайн проявил осведомленность в вопросах нелегального бытия, рассказал, что его брат и по сей день живёт, где-то в Нью-Йорке в качестве «туриста». Дженис знала обо всём этом только понаслышке и отмечала, что ей здорово повезло с её папой, который помог ей.

После ресторана мы знали друг друга много лучше.

— Ну что, Сергей, ты всё ещё желаешь посетить Свидетельский дом? — шутливо заехала Дженис.

— А что там сегодня, дискотека?

— Нет, сегодня там вообще может никого не быть, но мы

можем часок позаниматься. Если ты не против.

— Хорошо, давайте попробуем, — вяло согласился я.

Я понял, что этот урок был изначально запланирован на этот вечер со мной. У них и ключ от дома был при себе.

В большой зал мы не пошли, а разместились в кабинете, где все вполне соответствовало задуманному занятию. Урок заключался в том, что они предлагали рассмотреть отдельную главу своей книги. Сначала мы читали, а затем мне задавали вопросы и выясняли, что и как я понял из прочитанного. Иногда мои толкования не совсем соответствовали тому, что им хотелось услышать, и они знакомили меня с официальной доктриной. Хотя они признавали, что моё понимание, как человека, не знакомого с их религией, им также интересно.

По окончанию урока, они спросили меня, как мне понравилось всё это. Я признался, что… ресторан оказался действительно чудным местом, а их урок положительно способствовал… совершенствованию моего английского.

— Мы рады, что в целом ты, так или иначе, положительно оцениваешь сегодняшний вечер, — примирительно подвела итог Дженис.

Подъехав к моему двору, мы ещё какое-то время поговорили о том, о сём. Они снова заметили, что я выбрал себе не самое лучшее место жительства. Я коротко объяснил им, как и почему я остановился на этом месте.

Расставаясь, они просили меня не исчезать и позванивать им. Я обещал.

Спустя несколько дней, моя, сравнительно наладившаяся жизнь, подверглась болезненному расстройству-испытанию. Однажды, вернувшись с работы, я был тепло встречен нашим старостой и тот прохрипел мне новость, от которой мне захотелось собрать свои вещи и уехать в Бруклин!

Всё-таки нашёлся клиент, согласившийся арендовать второе спальное место в моей комнатке.

— Он уже видел эту комнату? — поинтересовался я с надеждой, на то, что это была лишь телефонная договоренность.

— Да, он уже был здесь и мы ему всё показали. Он согласен жить с тобой в одной комнате. Сегодня обещал поселиться.

— Рентная плата остается прежней?

— Да, в остальном, всё остается по-прежнему.

Говорить с ним об этом не имело смысла, он не хозяин здесь. А хозяина тоже понять не трудно. Не знаю, как долго эта комната пустовала и не приносила никакого дохода, а теперь, конечно, хозяин не откажется от рентной платы от дополнительного жильца.

Вечером к нашему дому прикатил на потрепанном автомобиле мой новый сосед. Им оказался молодой, прыщавый парень. Его речь была труднопонимаема для меня. Первое, что я усвоил, это его имя — Тод, и то, что его совершенно не стесняют такие условия проживания. Мне показалось, что он даже доволен такой находкой.

В этот вечер не хотелось никого видеть. Я ушёл подальше, побродил по городу и подумал, как мне быть дальше. Преодоление постоянно возникающих мелких проблем начинало выводить меня из равновесия. Теперь я понимал, что такое устраиваться на новом месте, где никого не знаешь и некого пригласить в кооперацию для совместного проживания в приличной квартире.

Я вспомнил о Саше и Славке, они поговаривали о намерении съехать с острова. У них же и моя сумка осталась, был повод позвонить им.

Из телефонного разговора со Славиком, я узнал, что он подумывает переехать в Чикаго, якобы, кто-то обещает ему там сносную жизнь. Но, как скоро он туда поедет, и сможет ли заехать в Нэйплс, сказать он не мог.

О Саше он доложил, что тот по-прежнему работает на двух работах. Но оставаться на этой квартире один не намерен, вероятно, тоже куда-нибудь переедет. На всякий случай, я подсказал ему, что мой почтовый адрес они могут узнать у Вовы-китайца или Олега.

Прозвонил я и Вове в ресторан. Его долго звали, и мне пришлось ожидать, наконец, я услышал его басистый голос с настороженной интонацией.

Спросил его, как дела на работе, и он ответил, что всё наладилось. Его снова кормят!

Отрывать его от кормушки у меня душа не лежала.

Затем он стал рассказывать мне о своих недавних покупках. Он купил у какого-то чёрного подержанный телевизор и видеомагнитофон. Уже начал рассказывать мне, какие фильмы он смотрит в свободное от работы время, но я приостановил его рассказ. Он обещал написать мне.

Домой я вернулся поздно. Мой новый сосед и постоялец из соседней комнаты уже познакомились и заседали в гостиной комнате на диване. По телевизору шла какая-то юмористическая фигня, в которой зрителям подсказывали, когда надо смеяться. Мои соседи открыли настежь входную дверь и нещадно курили. Говорили они мало, но было видно, что они положительно законтачили. Обменявшись ничего не значащими «What's up man?», я удалился в свою комнату.

Включил кондиционер, разделся и занял горизонтальное положение. Чтобы отвлечься от проблематичных дум, я настроился на полюбившуюся мне радиостанцию, передающую Smooth Jazz, которая в ночное время была особенно обильна хорошей музыкой. На других музыкальных радио станциях часто и густо говорили о смерти Курта Кобэйна и крутили музыку американской группы Nirvana. Из услышанного о нём, я понял, что этот 27 летний парень совсем не берёг себя. Последствия тяжёлого детства. Недавно, во время гастролей по Европе, его едва откачали в Риме, — передоз. А теперь сообщали, что 8 апреля 1994 года в собственном доме нашли его труп. Парень, хотя и не очень артистично, на мой взгляд, но довольно громко и сердито хрипел свои песни. В Америке и Европе, музыка «Нирваны» была в спросе. Судя по его песням и прочим формам самовыражения, у Курта, за 27 годков жизни поднакопилось немало претензий к обществу. «Если будет исправлено общество, то исправлюсь и я». Он имел редкую возможность — громко хрипеть-воспевать всему миру о тяжком багаже, накопившемся у него на душе и уме. Но, вместо того, чтобы принять привычную, умеренную дозу героина и сочинить новую песню, он приобрел ружьё, написал объяснительную записку, и пятого апреля… выстрелил себе в рот.

Вскоре, появился мой сосед. Укладываясь спать, он обратился ко мне с каким-то вопросом. Пришлось отложить радио и поговорить с ним.

Наш ночной разговор затянулся. Парень был в возрасте лет 25 и не обременён образованием. Его ужасно невнятная речь была густо сдобрена уличными перлами. Я поинтересовался, не из Бруклина ли он? Оказалось его занесло сюда из Детройта. Это было видно и по номерам на его машине. Он тоже отметил мой странный акцент и сообщил, что ему уже известно, откуда я. Как он заявил, я был первый русский, с которым ему довелось общаться. До этого, живых представителей он видел лишь в хоккейных состязаниях национальной лиги, да и то больше по телевизору. Он назвал мне несколько русских фамилий и названий хоккейных клубов из NHL, за которые те успешно играют. Охотно поделился со мной о том, как в последнее время в Детройте дела у него не складывались, и он решил переехать во Флориду.

В Нэйплс он остановился, потому что здесь живет его бабушка. Какое-то время он пожил у неё, а устроившись на работу, нашёл это жильё и съехал.

Из отдельных интонаций я понял, что с бабушкой у него не очень-то теплые отношения и его переезд, был облегчением для

них обоих.

О своей новой работе он небрежно упомянул, что там требуется лишь его присутствие, и в рабочее время можно слушать радио. Но заметил, что платят ему за это дежурство крайне мало.

Скоро его монотонная гнусавая речь перешла в храп, который быстро стабилизировался и окреп.

Мои надежды на то, что это звуковое явление кратковременно, оказались ошибочным. Храп обрёл такую звуковую мощь, что изолироваться от него я мог лишь с помощью наушников и дополнительной громкости. Это был первый сюрприз совместного проживания. В эту ночь я долго слушал джаз и был далёк от сна.

Утром я проснулся с решением бежать отсюда. Хотя, пока и не знал куда. Кроме Питера, мне больше не с кем было поделиться этой новостью. Ему смешно было слышать мой рассказ о фантастически громком, нечеловеческом храпе, заглушающем звук работающего кондиционера и проникающим через наушники в паузах между музыкальными номерами. Он уверял меня, что это не беда, и я с легкостью преодолею это неудобство. Я не находил в этой ситуации ничего забавного.

В этот день мы выполняли какую-то работу у заказчиков, которые хорошо знали Питера. В большинстве, это были люди не его круга. Это очевидно и по домам и по месту нахождения этих домов. Обязательные бассейны за домом, ухоженные газоны и цветы перед домом, автомобили, всё говорило о благополучии. Из разговоров с некоторыми, можно было догадаться, что это их зимнее место жительства, а есть ещё и жильё на севере, где-нибудь в Нью-Йорке или Чикаго.

Если не задаваться вопросом, чем эти люди зарабатывают себе на такую жизнь, то по их жизни во Флориде можно было подумать, что таковых волнует лишь состояние газона перед домом и их успехи в теннисе и гольфе.

Уже ориентируясь в городе и округе, я мог видеть, кто и где живёт. Условно, город можно разделить на два основных сектора. В одном проживали постоянные жители, которые здесь же и на жизнь зарабатывали. А в другом — перелётные зимние гости, многие из которых летом уезжали на север. Они-то и подпитывали город. Производства, как такового не было, поэтому они и были работодателями. За их домами и хозяйством при домах кто-то должен присматривать и содержать в должном порядке. Этим и занимались такие, как Питер. Фактически, одна половина города обслуживала другую.

Наблюдалась ещё средняя прослойка населения, которая

достаточно многочисленная во Флориде. Это пожилые люди, переехавшие сюда доживать свою старость в тепле и покое. Они уже не работали и в качестве работодателей редко выступали, зато в своей массе были активными потребителями различных благ и услуг. Своими текущими расходами они тоже подпитывали активную часть населения. Так сохранялся общий баланс благополучия. Кто-то комфортно жил, пользуясь своим капиталом, а кто-то, благодаря им, имел постоянную, оплачиваемую работу.

Насколько я мог судить о таких клиентах Питера, в большинстве это были пожилые люди, которые с уважением и пониманием относились к нашей деловой возне. Я не замечал проявлений какого-либо пренебрежения. Обычно отношения строились в такой последовательности: здравствуйте, ребята, как ваши дела? Вот вам работёнка. Не буду вам мешать. Если что понадобится, я дома. Закончили? Спасибо, вот ваш чек.

После этого могут поговорить о том, о сём. Некоторые оказывались особенно разговорчивы. Иногда, приехав к ним по вызову и разобравшись в их технических жалобах, приходишь к выводу, что человек просто хотел повидать нас и поговорить о своем газоне, поливной системе и о жизни вообще.

Питер, даже будучи занятым, по возможности, поддерживал эти неделовые беседы, желая сохранить и укрепить приятельские отношения с клиентом.

В качестве живой иллюстрации сотрудничества двух различных Америк, можно привести случай из реальной жизни.

В одной из жилых коммун, занимающих приличную территорию, на которой кроме жилых домов, размещались и прочие радости, такие как просторное травяное поле для игры в гольф.

Рельеф такого поля искусственно спланирован и сочетает в себе чередующиеся пригорки, низины и озерца. Вид такого игрового пространства радует глаз даже человека далекого от игры в гольф.

Однажды, приехав по делу в такую коммуну, я удивился, увидев на поле для гольфа два бульдозера, беспощадно терзающих всю эту красу!

Обратившись к Питеру за разъяснением происходящего, я узнал от него, что такое, хотя и нечасто, но иногда делается. Для того, чтобы изменить уже поднадоевший игрокам рельеф.

Я представил себе объём и стоимость затеянных земляных и озеленительных работ, радость подрядчиков, получивших эту работу и восторги игроков, которые после бульдозеров съедутся на обновленное поле на своих бесшумных электромобилях с

клюшками.

А в целом, довольны всё, и те, которые на бульдозерах, и те, которые потом клюшками мячи катать будут.

В этот день мы выполняли какие-то работы заказчикам, которых Питер хорошо знал. Супруга, уже немолодая женщина, в отличие от своего мужа, пребывала с нами в постоянном контакте. Обеспечивала нас холодным питьём, интересовалась ходом работ и вообще, была готова поддержать разговор на любую тему. Немало своего внимания она уделяла и мне, как субъекту, по-своему редкому. Она внимательно вникала мою речь, отмечала и комментировала отдельные слова и выражения, почерпнутые мною из словарей, и охотно корректировала шероховатости моего неамериканского произношения.

Заметив мой взаимный интерес к этому процессу, она посетовала на такую проблему в стране, как массовая неграмотность. Я указал ей на недостатки в их миграционном законодательстве, как одну из причин массовой языковой деградации. Отметил огромное количество граждан и постоянных жителей страны, не владеющих и даже не утруждающих себя целью освоить язык в будущем. А миграционные законы не учитывают такой фактор и принимают во внимание лишь национальную принадлежность беженцев и отношение к режимам в их странах.

Выслушав мои критические замечания, она пояснила, что речь уже не ведется об иммигрантах, Бог с ними! Кризис языка уже очевиден среди граждан Америки, родившихся в этой стране. Тот язык, которым многие пользуются, вряд ли можно назвать английским.

— Англичане такой язык называют «американским», — подсказал я.

— Увы, — согласилась она.

От неё, я узнал о добровольном движении людей, объединенных благородной целью оздоровления и спасения литературного английского языка в стране. Эта организация добровольцев называется «Literacy Volunteers Of America» INC. Отделение этого движения есть и в Нэйплс. До недавнего, она была президентом такового.

Все, кто испытывает затруднения в английском языке, могут обратиться в эту организацию и получить там квалифицированную, бесплатную помощь. Она принесла мне визитную карточку и рекомендовала связаться с ними, как человеку, уже проявляющему симптомы отклонения от литературной речи. Как специалист, она оценивала мой английский, как редкое сочетание школьного, почерпнутого из советских учебников, и уличного, приобретённого, где-то в Бруклине. Как она выразилась, слушая меня, можно подумать, что это человек, прибывший из Европы поучиться здесь, а в свободное от учебы время, промышляет розничной торговлей наркотиков или сутенёрством. Она настоятельно рекомендовала мне «лечиться» и отметила особое значение речи субъекта, как одного из критериев оценки личности.

Я рассмотрел карточку и уяснил себе, что добровольцы за литературный язык в Америке обеспечивают желающих бесплатными индивидуальными занятиями по чтению, правописанию и разговорной практике. Указывался телефон, но не было адреса.

На обратной стороне карточки, вероятно, всё то же самое, только на испанском языке.

Я отметил, что отсутствие адреса, куда мог бы прямо обратиться человек, плохо говорящий, или вообще глухонемой, затрудняет установление контакта. Ибо такой категории людей говорить по телефону особенно сложно.

Она обещала учесть это замечание и напомнила мне, что в этих краях таковые клиенты в большинстве владеют испанским языком, и они могут обращаться туда и быть понятыми. Она согласилась, что если кто-то позвонит в их офис и обратится на русском языке, то среди сотрудников-добровольцев уж точно никто не сможет ответить.

Телефон их организации в Нэйплс был 813/262-44-48.

Я обещал связаться с её сподвижниками.

Этим же вечером, у себя дома я наблюдал другую Америку.

Факт сближения моих соседей по дому, был очевиден. В воздухе стоял специфический запах выкуренных самокруток. Фитотерапия в сочетании с пивом действовала безотказно. На их потных лицах залипли придурковатые улыбки. Вне всякого сомнения, они были, по-своему, счастливы. Говоря их языком, they have a grass party. И это Cool… И их президент Клинтон тоже полюбляет травку.

Я заговорил о борьбе с курением и программе реформирования системы здравоохранения, которые пропагандирует их Клинтон. Но мои соседи осмеяли меня и

разъяснили, что всё это дешёвый выпендрёж его выскочки жены Хилари. Шоу для наивных избирателей. И если нынешняя администрация будет и далее притеснять курящих граждан, то на следующих выборах им гарантировано полное поражение. Только легализация употребления легких наркотиков может обеспечить правительству популярность и поддержку народа.

Такой анализ выдали мне — некурящему, наивному туристу.

В ту ночь мой сосед по комнате был ещё более разговорчив. Он поведал мне, что из Детройта ему пришлось съехать, потому что там он, по своей глупости, угодил в тюрьму на несколько месяцев. И хотя это была его первая судимость за несерьёзное правонарушение, тем не менее, это обстоятельство осложнило его житие в Детройте. Вот он и решил на какое-то время убраться подальше к бабушке.

На мои расспросы о совершённом правонарушении и его впечатлениях о тюрьме, он охотно рассказал мне, что осудили его за управление автомобиля в нетрезвом состоянии.

Оценив мой интерес к его судьбе, он закурил перед сном свою вонючую сигаретку и с удовольствием выплеснул мне историю его детройтских мытарств.

Тон, выбранный им в общении со мной, постепенно обретал поучительно-рекомендательное звучание. Мол, мне, туристу ещё много чего надо объяснять. Но жизнь в Америке и советы таких бывалых как он, изменят моё наивное представление о многих вещах.

Я не стал оспаривать или выражать сомнение, просто признал его богатый жизненный опыт и просил рассказать о тюрьме.

Из его нелитературного fuck'n бормотания я понял, что он провёл несколько месяцев в тюрьме облегченного режима, и в целом, ему там понравилось. Особенно он отметил отсутствие повседневных забот о рентной плате за жильё, о питании и прочей суете, которая отравляет жизнь на свободе. С его слов, он там классно провёл время, отдохнул и даже обрёл некоторые навыки, например, игры в настольный теннис.

Я осторожно спросил его, не желает ли он устроиться на такой отдых и во Флориде, чтобы не платить каждую неделю за это койко-место? Однако, в ответ мой собеседник, сначала мирно, а затем угрожающе захрапел…

Не получив от него ответа, я настроился и влился в ночную музыкальную радио струю. Продолжая думать об услышанном, я допускал, что этому парню понравилось тюремное времяпровождение, ибо, только за сегодняшний вечер я наблюдал, как он дважды ездил на своей машине в гастроном за пивом, будучи хорошо нетрезвым. Хотя туда пешком можно

пройти за пять минут.

Иногда, по вечерам после работы меня вылавливали дома Брайн и Дженис. Они не очень навязчиво приобщали меня к своей религии, но как-то всегда складывалось так, что говорил больше я. И они не скрывали своего интереса к моим наблюдениям.

А по движению визитёров, посещавших моих соседей, я понял, что мелкие торговцы наркотиками нашли в их лице постоянных покупателей и ненавязчиво удовлетворяли спрос.

Насколько я догадывался, тратился на зелье, в основном, наш долговязый сосед из другой комнаты. Вероятно, его участие в ковровом бизнесе обеспечивало его регулярными заработками, которые он в свободное от работы время спускал в дым. Мой молодой сосед по комнате безотказно помогал ему в этом.

Скоро, по некоторым переменам в поведении долговязого и по доверительным намёкам моего комнатного соседа, я понял, что тот уже не ограничивает себя курением травки и пивом, а налегает на более действенные средства.

Однажды утром, сидя на крыльце с порцией горячего, душистого колумбийского, мне пришлось познакомиться с работодателем нашего соседа.

Тот подъехал к нашему дому и привычно просигналил. Но из дома никто не вышел. Тогда он спросил у меня, дома ли его работник. Я ответил, что сегодня ночью был здесь. Тот, проявляя признаки недовольства, спросил разрешение пройти в дом. Я не возражал.

Пробыл он в комнате минут пять и вышел оттуда озадаченный. Взглянул на меня повнимательней, поставил свой диагноз, и пожаловался мне на своего работника. Сначала просто сказал, что тот подводит его. А затем выразил намерение отвезти его в реабилитационный центр, пока не поздно. Так и уехал ни с чем и озадаченный.

А вечером, продолжение следовало. Двери нашего дома были гостеприимно распахнуты, на дымок к моим соседям забегали и типы со стороны. Наш домик обретал положение некого регионального центра. Начинали программу расслабления с приёма банки пива и сигаретки с травкой, а заканчивали, если складывалось, более бодрящими душу средствами.

В конце концов, на нашей улице есть две церкви и начальная школа, должно же быть и нечто иное.

Однажды, встретившись во дворе со старостой нашего нарко-жил-комплекса, тот, после обычных приветствий, поинтересовался, как мы там поживаем в нашем домике?

— Весело! — ответил я.

Ему понравился мой оптимистичный ответ.

— Вы там поосторожней, ребята, — отечески советовал староста.

Я не стал уточнять, что он имел в виду, но мне показалось, что меня принимали за полноценного участника возникшего вокруг нашего дома движения.

На самом деле, вся эта ночная возня начинала уже доставать меня. Однажды, повстречав у дома Матвея двоих визитёров, бывавших в нашем доме, меня приветствовали уже, как своего в доску парня. Наш долговязый сосед едва выходил на работу, а возвращаясь домой, безудержно предавался употреблению сам, и моего соседа угощал. Он на глазах превращался в опустившегося типа. Перестал мыться и почти не питался. Стал худой и грязный, глаза обрели безумно стеклянный блеск.

Места общего пользования; гостиная комната, кухня и санузел постепенно превращались в какую-то помойку. Мои одиночные усилия по поддержанию элементарного санитарного порядка были тщетны.

Я старался бывать дома, как можно меньше, фактически лишь ночевал там. К этим неудобствам прибавились опустошительные набеги на мои продуктовые запасы в холодильнике. Мне пришлось сократить поставку таковых, подпитываясь на стороне, в местах типа McDonald's и Subway. Моё питьё в пластиковых галлоновых ёмкостях тоже употреблялось, и я даже не знал, кто и как это пьёт. Надеяться, что кто-то пользуется стаканами, было наивно. Вероятно, мои соки поглощались прямо из ёмкости и возможно, потребляли их не только мои соседи, но и гости. Такое физическое сближение с Америкой было мне не по нутру.

Моё туристическое любопытство к происходящему стало вытесняться брезгливостью. Снова задумался о переезде.

Я ещё надеялся, что хозяин дома более всех заинтересован в порядке, и скоро отреагирует на происходящее. Староста тоже начал ворнякать по поводу мусора перед домом и бардака в самом доме. В своих упрёках он называл наш дом как Crack house.

(Крэк — более дешевая версия кокаина, которую курят. Кокаин пользовался спросом у богатых людей, так как стоит недёшево. Поэтому изобрели его более дешевую версию. Крэк получали смешением кокаина, пищевых щелочных растворов и воды, после чего смесь высушивали или выпаривали.

Свое название (Crack — треск, хруст) наркотик получил из-за потрескивания при курении.

Эффект эйфории, в отличие от кокаина (от 20 минут до часа) у крэка продолжался 15–20 минут, после чего организм начинал требовать следующую дозу. Если при назальном употреблении кокаина наркотик всасывался в кровь очень медленно, то при

курении наркотик всасывался фактически мгновенно.

Наркоманы, курящие крэк, называют себя крэкерами, а притоны, где курят крэк, называются «Крэк-хаусами» (Crack-House).

Судя по тому, как быстро опускался наш сосед и всё чаще одалживал у меня по мелочам мой сокамерник, следовало ожидать, что у них скоро возникнут затруднения с оплатой этого жилья.

Но эта проблема решилась с завидной изобретательностью и взаимно выгодой для всех.

Однажды, на претензии старосты по поводу задержек рентной платы и сигаретных опален на ковровом покрытии в гостиной комнате, наш сосед предложил в качестве погашения задолженности постелить новое ковровое покрытие. И хозяин согласился.

Как наш сосед решил этот вопрос со своим боссом-сотрудником, я не знаю. Но они сделали это очень быстро, и вполне качественно.

А в остальном, всё продолжалось по-прежнему.

К счастью моя комната закрывалась на ключ и по ночам, если не считать животного храпа моего соседа, остальная возня на общей территории едва трогала меня.

Надо признать, что их суета по доставке и употреблению происходила бесшумно. Они быстро достигали счастливого состояния и как зомби сидели перед телевизором с выключенным звуком или расползались до следующей встречи в нашем доме.

Следующим шагом, предпринятым нашим соседом в целях облегчения платёжного бремени, было привлечение в свою комнату ещё одного жильца. Им оказался один из приходящих приятелей, которому полюбился наш дом и он решил подселиться к нам в качестве полноценного жильца. Сначала я подумал, что он просто гостил у нас, но из разговоров с ним я понял, что он здесь залип основательно.

Таким образом, я оказался в подавленном трезвом меньшинстве. Моё редкое участие в их домашних посиделках с распитием одной, двух банок пива за компанию, не сделало меня своим парнем. Но это никого не обижало, моя отстранённость объяснялась иностранным происхождением.

Я не знаю, на каких условиях он подселился, но я полагаю, это принесло хозяину дома дополнительный доход. И вероятно, хозяин не станет возражать, если ещё кто-то захочет подселиться в этот дом.

Нового жильца звали Джон. Он был и постарше и пошустрее остальных соседей. Этот тип с ухватками американского

уголовника, заезжал ко мне с дружескими расспросами о том, где я работаю и каковы мои интересы.

Обнаружив в моём лице человека, заинтересованного в телефоне, он стал обсуждать со мной идею подключения такового в нашем доме.

Зарабатывал он в местных компаниях, оказывающих услуги по перевозке имущества, обычно, в связи с переездом на другое место жительства. В этом деле без грузчиков никак не обойтись.

Отношения с такими работниками компании строили по гибкому графику. Они подряжали их лишь на выполнение конкретных работ. Когда нуждались в грузчиках, они связывались с работником и приглашали его на работу. А по выполнению таковой, рассчитывались с ним и расставались до следующего случая.

Подобные отношения Джон поддерживал с несколькими такими компаниями. Своего постоянного телефона, номер который он мог бы оставить работодателям для связи с ним, у него не было. Поэтому он сам позванивал им с уличного автомата и спрашивал их о работе.

Он жаловался, что это крайне неудобно и по этой причине, он частенько теряет выгодные предложения.

Рисуя мне перспективы хороших заработков, он призывал меня принять участие в телефонизации нашего дома. Мне отводилась роль человека, который и обеспечит это удобство.

Мне было интересно наблюдать, как он шаг за шагом подбирался к этому предложению. Он ожидал от меня вопроса о том, что же ему мешает обратиться в телефонную компанию с заявкой о подключении телефона на своё имя? Мне и так было ясно, что он не мог этого сделать. Скорее всего, он числился везде, как субъект неблагонадежный, с которым всякие кредитные отношения крайне нежелательны. Я его ни о чём не расспрашивал, просто слушал его посулы и наблюдал, как он плетёт свою паутину.

— У тебя какие-нибудь американские документы есть? — перешёл он к делу.

— А какие нужны документы? — включил я дурочка.

— Номер социального обеспечения у тебя имеется?

— У меня имеется. А у тебя разве такового нет?

Моего вопроса он не расслышал.

— Так если у тебя есть номер соцобеса, то мы можем прямо сейчас заказать подключение телефона по этому адресу, и через пару дней в нашем доме будет телефон.

Я слушал его и представлял себе перспективу. В этом Crack house появляется телефон, подключенный на моё имя… Нетрудно

представить, какие счета обрушатся на мою голову от телефонной компании и кто будет оплачивать их.

— Прямо сейчас мы можем заказать подключение? — переспросил я.

— Конечно, в Америке это делается просто, — подбадривал меня американский друг.

— Звучит хорошо! И что же от меня требуется, — наивно спросил я.

— Надо позвонить в телефонную компанию, сообщить твои данные, адрес и заказать подключение, — охотно консультировал меня Джон. — Если ты не знаешь, как это делается, можешь дать мне свой социальный номер и полное имя, и я все сделаю сам.

Уж в этом я не сомневался!

— Спасибо, Джон, я думаю, что и сам смогу поговорить об этом с оператором компании.

— Так когда? Чем раньше у нас будет телефон, тем скорее наладятся отношения с работодателями. Положись на меня, и ты не пожалеешь!

— Джон, я сомневаюсь, что к нашему дому подведена телекоммуникация. Если бы таковая была, то здесь кто-нибудь уже организовал бы телефон. Я вижу, здесь все хотели бы иметь телефон в доме, и я не думаю, что для этого необходимы именно мой номер соцобеса и моё полное имя.

Выслушав мои сомнения, Джон несколько поостыл.

— На счёт технической стороны ты не сомневайся, это не проблема, нужно лишь твоё желание и твои документы, — подвел он итог.

— Джон, желание у нас у всех есть, документы тоже, так какие проблемы?

Вопрос завис в воздухе и остался без ответа. Джон почувствовал, что козёл отпущения осознанно уклоняется от роли, отведенной ему, и не стал настаивать.

При встречах с Брайном и Дженис они жаловались на моих соседей, с которыми им приходилось сталкиваться. Скупо рассказали мне о грубости, которую те проявляли к ним. Оказывается, они пару раз заезжали ко мне, но меня не было дома. Зато там было, кому ответить им!

Дженис едва соприкоснувшись с американскими задворками, ужаснулась этому. Она увещевала меня быть крайне осторожным и вообще, рекомендовала бежать из этого ужасного дома.

В качестве нового живого анекдота я рассказал им о предложении нового соседа телефонизировать наш дом.

Услышав о таких намерениях этих нехороших парней, она стала давать мне советы, как хранить документы, деньги и прочие

ценные вещи. Она предложила мне свои услуги: если мне надо оставить что-нибудь на хранение или кому-то дать телефон для связи со мной, я мог рассчитывать на неё. Вручила мне номер своего домашнего телефона.

На следующий день я позвонил борцам за литературный язык в Америке. Там ответила женщина и подтвердила, что это они и есть. Мне продиктовали адрес и рабочее время.

Как-то, подгадав время, я на велосипеде заехал к ним по указанному адресу.

Место они занимали скромное. Входная дверь в офис была отмечена табличкой, подтверждающей нахождение здесь этой организации. Но дверь оказалась закрытой. Я позвонил. Двери открыла женщина и предложила войти.

При входе я оказался перед секретарским столом-барьером, за которым можно было видеть всё их рабочее пространство. Комната представляла собой и библиотеку, и класс для занятий, и приёмную.

Исполняющая в этот день обязанности секретаря выразила готовность выслушать меня.

— Мне сказали, что вы помогаете людям в преодолении трудностей с английским языком.

— Да, верно. Именно этим мы и занимаемся, — ответила она. Но никаких вопросов или предложений с её стороны не последовало.

— Я хотел бы узнать, как всё это происходит.

— Обычно, мы назначаем учащемуся одного из наших преподавателей и они сами организуют свои уроки. Но чтобы говорить о конкретном учащемся, нам необходимо познакомиться с ним и определить его уровень.

— Понятно. Так вы можете мне помочь?

— Вам? Вы нуждаетесь в нашей помощи?

— Да, я испытываю определённые трудности в понимании разговорной речи.

— Вы плохо понимаете меня? — иронично спросила сотрудница.

— Вас я понимаю. А многих других мне понять сложнее, а некоторых, вообще, не понимаю, больше догадываюсь.

— А может быть те, о ком вы упоминаете, разговаривали с вами не английским языком? — перешла она на шутливый тон.

— Насколько я могу судить, те люди говорили со мной современным американским языком.

— Понятно, значит, кого-то вам легче понять, а кого-то сложнее.

— Точно. А кого-то я совсем не понимаю.

— Ну, в это я не верю! Вы преувеличиваете. По мне, так вы вообще уже не нуждаетесь в нашей помощи, но мы ценим проявленный к нам интерес и подумаем, как вам помочь.

Мне показалось, что она не воспринимает меня всерьёз. Она разговаривала со мной, как с праздным бездельником, который случайно забрёл к ним любопытства ради.

— Так что требуется от меня? — вернулся я к своему вопросу.

— Значит, вы решили, что вам нужен учитель?

— Ну да, хотел бы попробовать…

— Хорошо, оставьте свой телефон, своё имя и… какой ваш родной язык?

Я выдал ей телефон Дженис. Родным языком назвал русский.

— Таких учеников у нас ещё не было! Я думаю, что скоро кто-то из наших сотрудников свяжется с вами.

— Спасибо, я буду ждать. До свидания.

В этот же день я позвонил Дженис и предупредил её о возможном звонке для меня. Она обещала обеспечить связь.

Как-то утром, Питер подобрал меня у дома и решил заехать к себе домой, что-то забыл. По пути обещал показать теннисные корты в их районе, о которых он уже говорил мне.

В этой части города я посещал только торговый центр и не знал о парке с теннисными кортами.

Дом его оказался стандартным, ничем не отличавшимся от других домов на этой улице. По рабочим грузовикам и прочим внешним мелочам легко можно было определить, что проживали здесь люди, занятые своим мелким рабочим бизнесом. Газонам перед домами особого значения не придавали, и вид у них был невзрачный.

Во внутреннем дворике у Питера был бассейн, но всё это нуждалось в уходе.

У самого Питера для этого не было времени, жена тоже работала в банке, а детям, вероятно, и так хорошо.

Прихватив что-то из дома, он вернулся за руль и мы уехали.

Проехав в соседний квартал, мы нашли въезд на территорию East Community Park. Питер заехал туда и направился вглубь территории. Парком это трудно назвать. Скорее — коммунальный спорткомплекс. Мы проехали мимо футбольного поля, причем это было поле для обычного, нормального футбола, с другой стороны размещалось пространство, оборудованное для игры в бейсбол. В центральной части парка стояло небольшое административное здание, и судя по очевидному порядку на всей территории, эта администрация хорошо функционировала. В конце располагались четыре теннисных корта, каждый отдельно огороженный, с освещением. Рядом была и тренировочная стенка, также

огорожена и оборудована освещением. Об стенку можно было биться с обеих сторон, покрытие у стены было такое же, как на кортах.

Я удивился увиденному. Спортивное коммунальное хозяйство содержалось в идеальном состоянии. Питер пояснил, что это городская собственность и пользоваться этим можно бесплатно.

В этот же день, кроме обычных разъездов и хлопот по работе, мы заехали в салон оптики, и Питер заявил, что желает сменить свою устаревшую оправу.

Там мы нашли стеллажи с выставленными на обозрение оправами. Количество было огромное, и мы потерялись, не зная с чего начать осмотр. На помощь пришёл работник этого заведения и поинтересовался о наших намерениях. Питер указал ему на свои рабочие очки с толстыми линзами и выразил пожелание заменить их на что-нибудь поприличней. Ассистент отметил, что для таких линз не всякая оправа подойдет, и показал нам, где мы сможем выбрать подходящую.

Питер стал примерять, смотреться в зеркало и спрашивать моё мнение. Те оправы, которые ему явно не к лицу, не вызывали никаких вопросов. А тех, что, на мой взгляд и вкус, подходили ему, было много, и я честно говорил ему, что это good. Он усомнился в моём серьёзном отношении к вопросу и просил не шутить с этим, и помочь ему.

К нам снова вернулся работник заведения, и мы стали рассматривать Питера вместе с ним. Процесс занял немало времени, и было опробовано много оправ. Я предложил им вернуться к экземплярам, которые я ранее рекомендовал Питеру. Работник салона со своей профессиональной серьёзностью подтвердил правильность моего выбора и советовал Питеру полностью положиться на мой вкус.

Наконец, мы сделали выбор.

— Серджий, если моей жене не понравится, я сошлюсь на тебя, и тебе придется иметь дело с ней.

— Хорошо. Я уверен, что ей понравится мой выбор.

Моё уверенное заявление окончательно склонило его к покупке, и мы снова обратились к работнику. Тот поздравил нас с решением эстетической задачи, одобрил выбранную оправу и провёл нас к специалистам. Там попросили у Питера его старые очки, определили линзы, переспросили, хорошо ли они подходят ему, и стали считать.

Стоимость оправы, линз и работы, в сумме составила 225 долларов!

Питер рассчитался с ними и ему предложили заехать завтра и забрать свои новые очки.

Он попросил их выдать ему надлежаще оформленный счёт, и те сделали это.

Покидая заведение, я заметил, что его новые очки стоят, как цветной телевизор. Питер согласился с моим замечанием и с сарказмом отметил, что в их стране все услуги, связанные со здоровьем, отличаются драконовскими ценами, которые определяются по принципу «куда они денутся, жить-то хотят!»

Так же он пояснил мне, что отправит этот счёт в страховую компанию, которая компенсирует ему расходы.

— Я уже давно выплачиваю им медицинские страховые взносы, пусть иногда и они немного позаботятся обо мне, — подвёл он итог.

Дома меня ожидало письмо от Дженис. Вернее, короткая записка, запечатанная в конверт. Сосед Джон прокомментировал это как послание русскому шпиону от американских свидетелей Иеговы.

В своей записке Дженис извещала меня о том, что со мной желает связаться человек из общества за литературный язык. Имя добровольца Дайан, а также указывался её телефон.

Сначала я позвонил к Дженис. Она пожаловалась на моих ужасных соседей и объяснила, почему она запечатала свою записку в конверт.

О человеке из добровольного общества она могла лишь сказать, что звучит та, как пожилая женщина, располагающая к общению. Одним словом, от меня ждут звонка.

Я поблагодарил Дженис за участие и обещал рассказать ей о дальнейшем развитии затеи.

Набрав номер Дайан, я попал на автоответчик. Ничего не оставалось, как назваться и пообещать позвонить позже.

В моём житие мало что изменилось. К моему велосипеду у дома прибавился ещё один — Джона (признак лишения водительской лицензии). На нашей кухне появились тараканы, точно такие же, как в Одессе (признак существования и действия мировой масонской секты).

Я ограничился поддержанием порядка в своей комнате и не прилагал особых усилий и забот в отношении мест общего пользования.

Мой сосед по комнате, хотя и полюблял побаловать себя пивом и травкой, с появлением Джона оказался не совсем полноценным членом их компании. Вероятно, сказывалась разница в возрасте и в покупательских возможностях.

Наши соседи из другой комнаты частенько засиживались в гостиной до поздней ночи и достигали состояния полного счастья. А их молодой соотечественник довольствовался порцией

пива, вонючей сигареткой и общением со мной. Как он комментировал поведение наших соседей, они баловались средствами, за которые можно схлопотать серьёзные неприятности. Советовал мне не дружить с ними.

По хвастливым рассказам Джона, у него случались удачные рабочие дни. Якобы, за работу грузчиком ему платили по девять долларов за час, плюс от заказчиков, вещи которых он тягал, перепадали щедрые чаевые. Эти трудовые доходы и гибкий график работы позволяли ему иногда расслабляться до свинячьего состояния.

Видя таковое, я по возможности присматривал себе другое жильё. На примете были варианты в тихих благополучных местах, проживание там обошлось бы мне в долларов 500–600 ежемесячно.

Из переговоров с управляющими различных жилых комплексов я узнал, что процедура аренды квартиры в таких местах потребует некоторой суммы.

Как правило, везде от арендатора хотели сразу получить рентную плату за первый и последний месяц проживания, плюс денежный залог, обеспечивающий прежнее состояние квартиры и бытовой техники. Сам договор предполагал какой-то минимальный срок аренды.

Некоторые, узнав, что меня смущают обременительные рентные расходы на одного пользователя, советовали не искать себе партнеров по аренде и вообще отказаться от аренды, а просто купить квартиру в кредит.

Из их разъяснений выходило, что для покупки такой квартиры необходимо внести первый взнос в размере не менее 10 % от общей стоимости, что составит 4–6 тысячи, и это, якобы, самый обременительный первый шаг. Затем надо будет делать ежемесячные взносы, которые не более рентной платы. Сумма ежемесячного взноса зависит от срока кредита, в течение которого выплачивается полная стоимость квартиры.

Так, за двухкомнатную квартиру в хорошем месте, ценой в 50 тысяч долларов, следует внести первый взнос не менее 5 тысяч. Остальные 45 тысяч можно выплачивать, например, в течение 10 лет, что составляет 120 месяцев. На каждый месяц приходится по 375 долларов, плюс проценты за кредит и расходы на текущие коммунальные услуги.

Как они уверяли, эти расходы за свою квартиру, более оправданы, чем 500 месяц лишь за проживание.

А мои нынешние рентные расходы по 220 долларов в месяц за проживание в нарко-скотнике, это фактически, деньги, выброшенные за ночлег в одной комнате с храпящим соседом.

Звучали такие предложения очень заманчиво, но меня настораживала перспектива вступления в столь длительные кредитные отношения, привязывающие меня к этому городку.

Выбор такого жилья с ценами 40–70 тысяч долларов за 2-3-х комнатные квартиры в приличных жилых комплексах был огромный.

Возможно, если бы не моё туристическое положение в этой стране, то я бы решился на такое приобретение. Сумма на первый взнос у меня давно имелась, и даже более того.

Желание переехать в свою новенькую квартиру особенно остро возникало, когда приходилось приспосабливаться к своему соседству.

В ночных беседах с товарищем по комнате я интересовался о том, что он думает о покупке жилья в кредит. Тот снисходительно разъяснял мне — туристу, что для этого, оказывается, надо иметь аж несколько тысяч для первого взноса, а получить таковой кредит — дело непростое. Банк потребует гарантий в виде залога или поручительства, пожелает убедиться в твоих стабильных доходах и положительной кредитной истории. Ничего этого у таких, как мы, нет. Так консультировал меня сосед-пролетарий.

Удивило меня то, что он рассматривал сумму в несколько тысяч, как нечто недосягаемое. Да и вообще, говорил о подобной затее, как о чём-то абсолютно чуждом и не реальном.

Слушая его пролетарские советы, я полагал, что для полного счастья ему нужна сумма, достаточная для аренды койко-места и регулярной заправки бензином и пивом.

Но оказалось, что он вынашивал некоторые честолюбивые планы.

По секрету, он не только жаловался мне на соседей-наркоманов (себя он таковым не считал), но и делился со мной своими тайными намерениями поступить на новую перспективную работу.

Якобы, он уже был на предварительном собеседовании и оставил там свою анкету.

Речь шла о работе, в качестве подсобного рабочего в одном из магазинов торговой фирмы «Target». Насколько я знал, сеть их магазинов распространена по всей стране.

Но беспокоил его один момент. В случае, если его кандидатура окажется приемлемой для принятия на эту работу, то от него потребуют прохождения тестирования на предмет потребления наркотиков. В этой ситуации его ссылки на президента Клинтона, как заядлого курильщика травки, вряд ли будут приняты во внимание.

Имея некоторый опыт сдачи таких анализов, я посоветовал

ему запастись мочой своей бабушки и сдать её, как свою. Идея о чужой моче пришлась ему по душе. Его лицо омрачилось непривычными мыслями о карьере.

Наконец, на мой новый почтовый ящик стала приходить корреспонденция. Это были вести с острова и Украины.

Вова извещал меня о компактах, присланных компанией BMG на мой старый адрес. Теперь они хранились в его надежных руках. Также он сообщал мне об отъезде Олега домой. Причины такого скоропалительного решения ему не были известны. Вова жаловался, что последнее время ему не часто доводилось встречаться с Олегом, а когда такое случалось, то приходилось выслушивать постоянные шутки по поводу своей сексуальной само ориентации.

Коснувшись этой жизненно важной темы, Вова подробно описал мне о том, как местные власти бесцеремонно вторгаются в его личную жизнь.

Началось всё с покупки телевизора и видеомагнитофона. Это приобретение привело Вову в ближайший пункт видео проката. Среди предлагаемой к просмотру видеопродукции, он быстро отыскал секцию для взрослых и приступил к её тотальному просмотру.

Каждый день он посещал этот пункт и черпал оттуда кассету за кассетой. Ознакомившись с системой скидок для особо активных видео-маньяков, он стал брать не по одной кассете. Работники, обслуживающие его, уже начали привыкать к его систематическим визитам, и всё бы шло хорошо, если бы однажды он не обнаружил, что все кассеты с фильмами об этом, уже пересмотрены.

Теперь ему приходилось ломать голову над вопросом, какой из фильмов стоит просмотреть повторно. Для этого приходилось тщательно изучать иллюстрированные обложки и напрягать память. Частенько исследовательский процесс занимал немало времени и пространства. Чтобы сделать выбор, Вове требовалось разложить кассеты, и по иллюстрациям отыскивать наиболее остро желаемые.

Одна из работниц пункта проката, пожилая тётя, стала проявлять нетерпимость к его действиям. Её словесные намеки Вова не воспринимал, и вообще, он был уверен, что клиент всегда прав, тем более, такой постоянный, как он. Однако, эта мымра не ограничилась своими намеками и предприняла против него кляузные меры.

Однажды, жарким днём, когда Вова в свободное от работы время занимался своим сладким делом, его грубо оторвали от этого занятия и попросили зайти к боссу. Полагая, что срочный

вызов связан с аварийной ситуацией в женском туалете, Вова настроился на выполнение сантехнических работ. Однако, босс пригласил его в свой кабинет вместе с говорящим по-английски поляком. С его участием он провёл служебное расследование.

— Владимир, у тебя в комнате телевизор и видео есть?

— Да, имею. Но я купил это у негра, — стал объяснять Вова происхождение предметов роскоши.

— Хорошо, хорошо, — успокоил его босс, — меня интересует, что ты смотришь, какие фильмы?

— Ну, разные фильмы… — недоумевал Вова, что им от него надо.

— Порнофильмы тоже? — конкретизировал босс.

— И порно тоже смотрю, а что? — насторожился Вова.

— А кассеты с порнофильмами берёшь в видео прокате?

— Да.

— Понятно…

Возникла пауза. Вова лихорадочно соображал; какие могут быть к нему претензии? В пункте проката он не украл ни единой кассеты, всегда вовремя и даже досрочно, возвращал. Наконец, разве им не нужен такой постоянный и активный клиент?

— Владимир, ко мне наведывался участковый полицейский и расспрашивал о тебе.

— Обо мне!? — удивился Вова.

— Да, о тебе. На тебя поступил сигнал от работницы видео проката. Она сообщила о тебе в полицию, как о подозрительном субъекте, на её опытный взгляд, склонном к совершению насилия на сексуальной почве.

— Я!? Та я ей даже слова не сказал! Она меня совершенно не интересует. Это её больные фантазии, — пояснил Вова.

— Она жаловалась, что ты проводишь в их пункте много времени, и твоё поведение показалось ей крайне подозрительным.

— Да, я хожу туда каждый день за кассетами, но я же плачу им за это! Что же здесь подозрительного?

— Ей показалось подозрительным то, что некоторые порнофильмы ты берёшь уже не первый раз. И во время своих визитов раскладываешь там кассеты, долго рассматриваешь их, не обращая внимания на других посетителей, среди которых бывают женщины и дети. Она находит твоё поведение и внешний вид подозрительными.

— Так что же мне теперь?

— Не обижайся, Владимир, мне поручили поговорить с тобой и выяснить, что у тебя на уме. Ну, понимаешь, в качестве профилактики предупреждения преступления.

— Какого преступления?

— Владимир, никто не осуждает тебя, смотри, что тебе хочется. Мне лишь необходимо убедиться в том, что ты в здравом уме и без дурных намерений. Я очень хочу ответить участковому, что ты вполне нормальный парень и не представляешь никакой опасности.

— А я нормальный парень! — заявил Вова.

— Точно? И ты контролируешь своё поведение?

— Конечно, контролирую. Весь Мир в Моей Руке!

— Ну, хорошо, Владимир. Так и держать! Значит, я могу поручиться за тебя и ответить им, что ты в полном порядке?

— Конечно!

— И последнее, в будущем старайся как-то ладить с этой женщиной из проката, не пугай её, — советовал босс.

— Хорошо, я просто не буду туда ходить в её смену.

— Вот и правильно! На этом — все свободны.

После такого разговора, благодаря поляку, все работники ресторана стали по-приятельски называть Вову маньяком, а некоторые даже позволяли себе задавать вопросы о его личной жизни.

Только перестали говорить о кошачьих консервах, теперь у них появилась новая тема для веселья.

Меня его письмо развеселило. В своём ответе я рекомендовал ему дать любопытным почитать копию своей автобиографии, которую мы отправили в миграционный центр. Ознакомившись с его официальной историей, они все поймут, как он докатился до такой жизни, и что привело его на острова.

По вечерам, в коммунальном спортивном парке было людно. На площадках для бейсбола и футбола всегда кто-нибудь играл. Человеческим футболом развлекались мексиканцы, и делали они это серьёзно и увлечённо.

На теннисных кортах, самое большее, были заняты два корта. Я приезжал туда со своей торбой мячей, и заняв один из пустующих кортов, гонял мячи туда-сюда в виде подачи.

У стенки иногда кто-нибудь играл в сквош, но я мог упражняться на другой стороне стены.

Кроме спортивных развлечений здесь, как я понял, действовал кружок художественной самодеятельности. Я был удивлен тому, как небольшая группа, состоящая из одних мексиканцев, под музыку Штрауса разучивали вальсы. Судя по ним, это занятие им пришлось по душе.

Я же танцевал на корте в одиночку. Как я понял, все местные теннисные энтузиасты играют в многочисленных клубах, а на такие коммунальные корты, пусть и хорошие, приходят поиграть

лишь случайные неприкаянные любители.

Неподалеку от спорт-парка был и торговый центр, куда можно было заехать по пути домой и прикупить продукты. Свой велосипед я пристёгивал у входа. По супермаркету приходилось расхаживать с теннисной ракеткой в чехле. А при выходе, на кассе меня уже не один раз обслуживала молодая чёрная толстушка. В это вечернее время покупателей мало, и кассирша делала своё дело неторопливо. По ходу дела, она по свойски заговаривала с некоторыми постоянными покупателями. У меня она запросто спросила;

— Есть ли у тебя партнер по теннису?

— Я играю в эту игру против стенки. Сам с собою, — честно ответил я.

— Это плохо, — по-приятельски, грустно констатировала она.

— Знаю, — согласился я.

— Тогда возьми меня в партнёры, — жизнерадостно предложила она.

— Так ты же занята своей кассой, — выдал я начисленную ею сумму за покупки.

— Не каждый вечер. Завтра я работаю с утра. Вечером буду свободна.

— Ты умеешь играть? — усомнился я, глядя на её пышные, совсем не спортивные формы.

— Пока не умею, но давно хочу научиться.

За мной уже стояли к кассе две женщины. Но они не проявляли каких-либо признаков нетерпения, скорее наоборот, наблюдали за нашим диалогом с поощрительным вниманием. Моя новая подруга-кассирша вообще не беспокоилась по поводу ожидающих у кассы.

Она с завидной непосредственностью стала убеждать меня в своих спортивных способностях и прочих положительных качествах.

— Я способная ученица! — нахваливала она себя.

— Не сомневаюсь. Но это может оказаться не так просто, как тебе кажется.

— Думаю, мне это под силу.

— Это потребует не только усилий и терпения, но и времени, — пугал я её.

— Я вижу, ты не хочешь играть со мной, — вздохнула она, взглянув на терпеливо ожидающих покупателей.

— Я обещаю тебе подумать над твоим предложением, неопределённо обнадёжил я её.

— ОК. Не забывай обо мне! — призывала она. — Ты знаешь, где меня найти.

Мне показалось, что ожидавшие за мной женщины даже сожалели о том, что мы так скоро закончили свою романтическую беседу у кассы.

Я подумал про себя, что так только чёрные могут отвязываться в своё удовольствие, даже на рабочем месте, и не засорять себе голову о возможных претензиях к ним. У них есть чему поучиться. Наверное, поэтому они и не страдают повышенным кровяным давлением и головной болью.

А я, кстати, каждый раз проходя мимо аппарата для измерения давления в супермаркете, засовывал туда свою руку. Автомат постоянно показывал мне так называемое «пограничное» состояние. Точных цифр я не помню, но никогда не было ответа «Норма» или «Плохо. Зови на помощь!». Стабильно между ними. На грани.

Местные люди успокаивали меня, поясняя, что это нормально для взрослого белого человека. Советовали просто выпить таблетку от головной боли, и с песней по жизни. С таблеткой по жизни, правильнее сказать.

Я уверен, проверь ту чёрную барышню на этом аппарате, и у неё окажется стабильно нормальное давление, несмотря, на её роскошно избыточный вес.

А вечером я снова позвонил добровольцу Дайан, время было уже позднее и кто-то, наконец, должен быть дома. Так и оказалось, на этот раз она ответила. Меня сразу узнали и спросили, почему я в своем сообщении не оставил свой номер телефона. Я коротко ответил, что у меня нет такового.

Договорились о месте и времени встречи. Она предложила городскую библиотеку, что недалеко от моего почтового отделения.

В этот же вечер, вручая нашему домовому старосте плату за очередную неделю, я предупредил его о намерении съехать отсюда.

Мой сосед по комнате вернул мне несколько долларов, которые когда-то занимал и при этом был подозрительно благодарен за оказанное ему доверие. Не забыл отметить свою исполнительность и надёжность. И вообще, предлагал мне считать его не просто своим соседом, а другом, на которого всегда можно положиться.

Его неожиданно дружелюбное отношение ко мне несколько настораживало. Сначала я подумал, что эта песня поётся перед очередным займом.

Как своему другу, я рассказал ему о своём намерении скоро съехать отсюда и оставить комнату в его полном распоряжении.

Видимо, эта новость подтолкнула его перейти от

пространных комплиментов к конкретному делу.

— У меня есть к тебе одно дело… Только это между нами, — заехал он.

— Какое дело? — без энтузиазма поинтересовался я, зная, что ничего хорошего он мне не предложит.

— Помнишь, я говорил тебе о новой работе?

— Ну, помню, и что?

— Так вот, сегодня мне ответили, что я подхожу им. И я хотел бы получить эту работу.

— Поздравляю. А что, это такой секрет?

— Нет, проблема в том, что для поступления на эту работу, мне необходимо сдать тест.

— Какой тест, по английскому языку и умственному развитию?

— Нет. Это такая гнусная формальность. Я должен сдать им свою мочу для анализа.

— Так сдай им, какая проблема?

— Проблема в том, что я не пройду этот тест.

— Почему, ты что, не можешь сдать им немного своей мочи?

— Это я могу, только моя моча покажет плохие результаты, и мне откажут в работе.

— Тогда дай им мочу своей бабушки.

— Это невозможно. Ты не знаешь мою бабушку, это — тяжёлый случай. Я не могу даже просить её об этом.

— Ну попроси об этом соседа Джона, уж в этом он тебе не откажет.

— Ты шутишь?! Если его мочу сдать на анализ, то меня не на работу, а на реабилитацию принудительно отправят.

— А я чем могу тебе помочь?

— Ну, твоя моча для этого дела подошла бы, — решился он, наконец.

— А твоя, думаешь, нет?

— Боюсь, что нет.

— Но если у тебя обнаружат какие-то отклонения от нормы, ты можешь объяснить им, что это всего лишь травка. Такую даже президент Клинтон курит! Думаешь, он присягу давал, а мочу на анализы не сдавал? Наверняка, у него, как у курильщика травки это обнаружили, и ничего, он в должности.

— Откуда я знаю, как он прошёл эти тесты! Я думаю, он им мочу своей жены Хиллари подсунул.

— А я что, жена тебе? Откуда ты знаешь, что в моей моче… Она русская, в ней могут обнаружить серп с молотом, православие, украинские вилы!.. Тебя сразу же изолируют от общества.

— Серджий, я серьёзно…Ты же мне друг! Это более чем жена. Я уверен, с твоей мочой я сделаю карьеру. Ты не представляешь, как это важно для меня. Я даже пузырёк приготовил…

— Прямо сейчас?

— Если можно…

— Я сегодня пиво пил, это не навредит твоей карьере?

— А когда и сколько ты выпил?

— Час назад, одну банку.

— Это ерунда. Ну, как, сделаешь?

— Сейчас я не хочу.

— А ты подержи руки под холодной водой и тебе захочется, надо ведь совсем немного, — вежливо советовал он мне.

— Сейчас мне хочется спать. Пока ты не захрапел…

— Так я дам тебе пузырек. Когда ты захочешь…

— Слушай, иди ты со своим пузырьком к своей бабушке… или к Хиллари Клинтон!

На этом наша дружеская, доверительная беседа прервалась. В эту ночь мой сосед долго не храпел, вероятно, думал о своей анализной проблеме.

Утром он не подставлял мне свой пузырек, но был на редкость вежлив. Он ещё верил в нашу дружбу.

В течение дня я невольно вспоминал о слёзной просьбе своего нового друга. Большого труда это не составляло, почти, как два пальца обмочить, а для него — это новая жизнь, и я склонялся к мысли поддержать парня.

А после работы дома меня встретил хозяин дома и поинтересовался о моих намерениях. Я подтвердил, что съеду отсюда, как только найду другое жильё. Он даже не спрашивал меня о причинах. А я лишь заметил, что в доме стало слишком грязно.

Он признал таковое, и предложил мне переехать в соседний дом. Там такая же планировка: гостиная и две спальни. Одна спальня будет в моем распоряжении, а второй человек, проживающий в этом доме, трезвый и тихий.

Звучало заманчиво. Он предложил мне зайти и взглянуть. Я так и сделал. Там меня встретил мэн, постарше меня, в очках, с докторской бородкой и основательной залысиной.

Я объяснил ему цель визита и по его реакции понял, что для него это не новость. Он приветливо пригласил меня пройти по всем комнатам и осмотреть жилое пространство. Показал мне спальню, которую я мог занять. Сам он довольно внимательно присматривался ко мне, ему очень хотелось побеседовать со мной и определить, кто будет его соседом.

В гостиной, кроме традиционных дивана, кресел и

телевизора, в углу стоял письменный стол, плотно заставленный компьютером, принтером, телефоном и прочей офисной мелочью.

Я поинтересовался, можно ли пользоваться телефоном? В ответ мне дали понять, что об этом можно договориться.

Кондиционер был установлен в гостиной, в спальных комнатах такового не было. Для поступления туда охлажденного воздуха надо держать двери открытыми. В общем, я всё посмотрел, и можно было принимать решение. Мне и самому захотелось поговорить со своим возможным соседом.

— Это твоё хозяйство? — показал я на включенный компьютер.

— Не совсем, я лишь работаю с этим, — охотно ответил он и представился.

— Меня звать Артур, или просто Арт.

— А я Сергей.

— Так ты сейчас живёшь в том доме? — перешёл он к делу.

— Да, я там ночую.

— Понятно, — улыбнулся он. — А теперь хочешь переехать сюда?

— Точно! Хочу переехать куда-нибудь.

— Не нравится там?

— Там уже невозможно жить, — ответил я.

— Почему?

— Грязно, наркотики… Я думаю, ты и сам знаешь, кто там живёт.

— О да, я знаю. Просто спрашиваю тебя, как человека, который там живёт.

— Ну, если ты не против, я перееду в этот дом, и мы будем соседями, — предложил я.

— Можешь хоть сегодня.

— Тогда я пойду, дам ответ хозяину, — собрался я уходить.

— Подожди-ка, я сейчас позвоню ему, и он сам подойдёт сюда.

Он набрал номер и коротко доложил, что я согласен на переезд. А через несколько минут хозяин вошел в дом. Мы согласовали с ним некоторые детали, он пожелал нам жить дружно. Я ушёл за своими вещами.

Я вычислил момент, когда в нашей прокуренной гостиной никого не было, повесил на руль велосипеда сумку и перекатил через травяную лужайку к другому дому.

Оставив сумку в своей новой комнате, я, сославшись на дела, уехал на велосипеде.

Посетил почтовое отделение, проверил свой ящик, а затем проехал на пляж. Там всегда можно было полежать на тёплом

песке и поплавать. Это место благотворно действовало на меня.

Домой вернулся около 11 вечера., но никто не спал. Наш crack house, как обычно, был открыт нараспашку, предполагалось, что бригада заседает в гостиной. Машина моего соседа по комнате стояла у дома. О моём переезде они, вероятно, уже знали, и, я думаю, также были довольны.

Арт сидел перед компьютером, по телевизору показывали какой-то фильм. Я прошёл в свою комнату и стал разбирать свои вещи. Но через несколько минут Арт позвал меня. Я вышел, и он указал мне на входную дверь, якобы, меня кто-то звал. Я вышел. У двери топтался мой сосед по комнате.

— Привет, ты переехал сюда?

— Да, думаю, так будет лучше для всех.

— Я к тебе по нашему делу. Ну, я вчера говорил тебе… Для меня это очень важно.

Вид у него был жалкий.

— Бутылка есть? — спросил я.

— Да, есть, — он торопливо вытащил из кармана шорт небольшой пластиковый пузырёк и протянул его мне. Я молча принял ёмкость и вернулся в дом. Прошёл в туалет и наполнил пузырёк.

Получив от меня мой тёплый, положительный ответ, он заявил, что завтра же утром поедет сдавать это. Я пожелал ему удачи и напомнил о важной мелочи.

— Не забудь, что при вручении мой продукт должен быть таким же тёплым, как сейчас.

— О да, я позабочусь об этом, спасибо. И ещё, пожалуйста, не говори об этом никому.

— Хорошо. Ты тоже.

Встреча с Дайан состоялась, как и было запланировано.

В назначенное время в городской библиотеке я поджидал её у пункта регистрации. Узнал я её сразу, хотя и не видел раньше. Определил я это по тому, как она осторожно, вскользь осматривала всех, кто в этот момент находился у места встречи.

— Добрый день. Это я. Сергей.

— Очень приятно, а я Дайан. Как ты узнал меня?

— Не знаю, но это было просто. Наверное, это уже шпионские инстинкты.

— Звучит любопытно!

Мы отошли в сторонку, и она предложила присесть в комнате для занятий. Такая комната здесь была, и в это время там никого не оказалось. Это был небольшой класс с несколькими столами.

Моим добровольным учителем литературного английского, оказалась женщина пенсионного возраста, не обременённая

повседневными заботами, и располагающая свободным временем. Так мне показалось.

Она вкратце рассказала, как ей позвонили из Общества добровольцев и заинтересовали предложением позаниматься с русскоговорящим учеником, с которым, якобы, особых хлопот не предвидится. Я пообещал ей, что хлопот не доставлю. Изложил своё представление о наших занятиях.

Я предлагал не осложнять этот процесс какими-либо методическими планами и заморочками, а просто общаться и в процессе корректировать мою речь. Она не возражала. Поговорить было о чём, вопросов ко мне оказалось достаточно, и я охотно отвечал на них.

Первое, что она отметила в моей речи, это употребление книжных, редко применяемых слов. Это, якобы, отличает меня, как человека, прибывшего со стороны, но считать это серьёзным недостатком не следует. Она советовала воздерживаться от современного сленга, почерпнутого уже здесь. Что же касается произношения, то это явление естественное и вопрос — времени.

Мне дали первую установку: лучше уж использовать не современную, но литературную лексику, нежели модную и вульгарную. Она стала сетовать на то, как распространяется в их стране языковый примитивизм. Приводила пример, как в Маями уже непросто встретить на улице человека, с которым можно говорить на нормальном английском языке и быть понятым.

Так, в предварительном разговоре обо всём понемногу, мы познакомились и пришли к выводу, что сможем найти общий язык.

Проживала она недалеко от меня, рядом с торговым центром, в котором я бывал почти каждый день. На свидание со мной она приехала на машине, и так как нам было по пути, обратно мы поехали вместе.

Её Toyota Camry была совсем новая, с автоматической коробкой передач и кондиционером.

Коснувшись вопроса дальнейшей связи, я обещал сообщить ей свой домашний телефон и вкратце изложил историю своих перемещений с одного спального места на другое. На этом мы и расстались.

Мой новый сосед Артур почти круглые сутки проводил дома. Его компьютер постоянно что-то распечатывал, а сам он торчал перед монитором и отвечал на телефонные звонки.

Из разговора с ним я узнал, что он работает на хозяина этих трёх домиков и что у того, кроме этого, есть ещё и прочая недвижимость в Нэйплс, которая сдаётся в аренду.

Вернувшись к вопросу о пользовании телефоном, Артур лишь

поинтересовался моей готовностью оплачивать свои звонки, согласно счетам. Достигнув договоренности о совместной эксплуатации и оплате телефонных услуг, мы отыскали в моей спальне телефонную розетку и подключили там ещё один аппарат. Чтобы отличать звонки, предназначенные для меня, он позвонил в телефонную компанию и заказал дополнительный номер на нашу линию. Этот номер нам тут же и сообщили. Теперь, при наборе такового будут дозваниваться на наш общий телефон, но звонить тот будет с иным, отличительным интервалом.

Я позвонил Дженис, и сообщил ей о своём переезде и телефонном номере.

В дальнейшем, Артур продолжал расспрашивать меня о самых неожиданных вещах. Выяснив, кем я сейчас работаю, он утратил к этому интерес, посоветовал не рассказывать никому о работе за шесть долларов в час. Зато очень хотел услышать моё мнение о переменах в Восточной Европе и Советском Союзе.

Он был убежден, что происходящий в Европе перераздел — это результат договоренности узкого круга людей. Прежде всего, представителей двух супер держав — США и бывшего СССР, которые, преследуя свои стратегические интересы, решили провести перераспределение сил и накопившихся материальных ценностей, а также ревизию идеологий.

Группу людей, перекраивающих этот мир, он условно называл Мировым Правительством. Основными мотивами деятельности назывались всё те же: власть и обогащение. Для школьных учебников по истории — это объективный исторический процесс. А реально — это делёж мирового пирога конкретными людьми с их субъективными шкурными интересами.

Я лишь слушал его. Не стал говорить, что его Мировое Правительство — это триумф Богом избранного народа, тайно управляющего всем миром, который, как они считают, им должен…

Он жаловался мне на происходящие ухудшения во всех сферах в своей стране. Главную причину такого грехопадения он видел в женской эмансипации. С тех пор, как женщины стали массово само отстраняться от своего предназначения — быть женой и матерью — начался процесс девальвации семейных ценностей. Гармоничные семейные отношения стали подменяться всякими богопротивными суррогатами… Ослабевшие, а то и вовсе развалившиеся семейные отношения отразились на воспитательном процессе. Родители перестали быть авторитетом для своих детей, а с возрастом, родственные связи между

родителями и детьми и вовсе прекращались. Поколения людей, выросших и воспитанных в условиях современных ценностей, всё менее склонны к семейной жизни, и предпочитают внебрачные отношения, в лучшем случае — с представителями противоположного пола.

Пути оздоровления этого больного общества Артур видел в ограничении прав женщин, возвращении их к заботам о семье, и, конечно же, — строжайшем подчинении мужу. В противном случае, это равенство приведёт к полной деградации общества и неизбежному краху.

В качестве экономического симптома он отметил огромный внешний долг США. А сравнительное благополучие Америки он объяснял удачными махинациями в мировой экономике с применением безмерной массы необеспеченных американских долларов.

Я добавил, что одной из целей развала СССР, было внедрение и размещение-сброс на пост советском пространстве критической массы необеспеченных денежных знаков США. Теперь, американская макулатура культивируется на огромной территории бывшего СССР, подменяя и вытесняя местные деньги… Фактически, реальные материальные ценности этих стран тупо наполняют и поддерживают чужую денежную единицу… Благодаря им доллар стал дороже! Американцы — богаче!

В качестве иллюстрации моральной деградации, он указал на соседний домик, из которого я сбежал, и назвал своих соседей-соотечественников конченными ублюдками, типичным продуктом современной Америки.

Я заметил, что благополучный хозяин этих домов мог бы в какой-то степени влиять на ситуацию, хотя бы в пределах своей собственности. Однако, он закрывает на всё глаза и предпочитает получать регулярный доход, пусть даже от конченых соотечественников.

Я рассказал Артуру, что у этих домиков достаточно устойчивая дурная репутация, и нормальный человек может остановиться здесь лишь под давлением неблагоприятных обстоятельств, да и то временно.

Хозяину следовало быть более разборчивым в выборе арендаторов. Пока же здесь будет процветать этот нарко-зверинец, никакой нормальный арендатор сюда не сунется.

Арт ответил, что ему всё это известно. Последнее время он слышит реакции людей, звонящих по объявлению… Стоит назвать лишь адрес. Те, кто не знает где это, обещают подъехать посмотреть, но так и не объявляются. Им достаточно взглянуть со

стороны, чтобы отказаться от переговоров и этой затеи вообще.

Переключая программы кабельного телевидения, я не нашёл некоторые из общеизвестных. Не было MTV и ещё нескольких. Я спросил об этом Артура, и он заявил, что не настраивал телевизор на приём названных программ, так как это стопроцентный теле хлам. Спорить я не стал, программ было достаточно.

Я заметил, что телевизор включен постоянно, и преобладает канал, передающий телесериалы типа «Звездные войны». Кроме телевизора и компьютера, у Артура был ещё один источник информации — радиоприемник на его рабочем столе. Радиоприемник всегда был настроен на одну радиостанцию, передающую религиозные песнопения и проповеди. Часто, все источники информации, находящиеся в гостиной комнате, бывали включены, и это не мешало ему шаманить над компьютером.

Я заметил, что Артур туговато слышит. Когда он смотрел волнующий его фильм, то добавлял звук. Звуковые эффекты, сопровождающие телевизионные звёздные войны, усиленные им под свой притуплённый слух, порою, было трудновато выдержать. Иногда я незаметно для него убавлял громкость или просто удалялся в свою комнату, прикрыв дверь. Но это лишало меня свежего, охлажденного воздуха из гостиной. В такой изоляции пребывать долго я не мог.

Судя по некоторым его телефонным разговорам, он поддерживал далеко не дружеские отношения со своей бывшей супругой. Телефонные контакты с ней всегда выводили его из равновесия, он заводился и говорил излишне громко и резко. После разговоров с супругой, ему всегда хотелось посетовать на женское коварство и примитивизм. Особенно его беспокоило проживание с ней их дочери школьного возраста. Якобы, бывшая супруга не способна научить ребёнка чему-либо стоящему, зато она успешно настраивала дочь против отца.

19 мая 1994-го года телевиденье прокричало об очередном событии. В Нью-Йорке умерла Джаклин Кеннеди.

Событию было уделено немало внимания. Телепрограммы, посвященные её биографии, передавались целыми днями. Из увиденного и услышанного я понял, что после её неожиданного для всех брака с греческим магнатом, её популярность в Америке сникла и даже сменилась на презрение и забвение. А овдовев вторично, она тихо проживала в Нью-Йорке.

Но, в общем, они вспоминали её тепло и связывали с ней много положительных событий в период президентства Джона Ф. Кеннеди. Артур воздержался от комментариев в её адрес, хотя,

наверняка имел что сказать.

22 апреля по всем теле и радио новостям сообщили о кончине на 82-ом году жизни бывшего президента Ричарда Никсона.

Судя по тому вниманию, которое уделили этому событию все средства массовой информации, этот человек занимал особое место в современной истории своей страны.

Объявили национальный траур. В день похорон не работали госучреждения. Баптистская церковь на нашей улице провела траурную церемонию. Члены церкви съехались на собрание и все были одеты, не взирая на жаркую погоду, в строгие костюмы.

При всём своём уважении к этому событию, я оставался в шортах, и в церемониях участия не принимал, так как, не состоял ни в религиозных, ни в общественных, ни в политических организациях. Оставался наблюдательным туристом одиночкой.

Свободное от работы время я убивал однообразно. Если у меня не было свидания с друзьями-свидетелями или учителем-добровольцем, то я седлал велосипед и ехал на пляж, а по пути посещал почтовое отделение и проверял почту. Или же посещал теннисные корты, где играл сам с собою. Иногда я до поздней ночи шлялся по городу, общаясь с радио и луной. По ночам знойной жары не было, но всё же — душно и влажно. Я мог часами бродить, думая о своём, отмечая при этом, языковую мешанину в мыслях. Чтобы поговорить с кем-нибудь на русском языке, мне надо было дозвониться до товарищей-земляков. В коротких телефонных разговорах я убеждался в полноценности своего русского языка и узнавал какие-нибудь мелкие новости от своих сограждан. А затем, снова часами пропускал через себя поток музыки и комментариев на местном языке.

Радио что-то играло и говорило, я думал о своём. Луна молча освещала и наблюдала. Временами, даже в душную ночь музыка и мысли вызывали мурашки по телу. От постоянного монолога расшатывалась крыша. Моя головушка пропускала через себя всё, что я слышал и видел вокруг, и выдавала какой-то бред: Full moon, crying heart, sweet jazz sounds, noisy cars, many wishes, a lot of superstition, sleepless nights with smooth jazz, silly walking in moonlight…

Полнолуние, ноющее сердце, сладкие джазовые звуки, шумные автомобили, много желаний, ещё больше — суеверия, бессонные ночи, глупые гуляния в лунном свете…

Если меня приглашали на свидание Брайн и Дженис, я не отказывался. По мере нашего сближения они всё более рассказывали о себе. Найдя в моём лице любопытного слушателя, который никого не знал в этом городе, что служило гарантией

анонимности, они охотно делились со мной наболевшим.

Брайна беспокоила затянувшаяся болезнь Дженис. Точный диагноз её недуга пока не установлен. Ясно лишь, что её болезненное состояние было вызвано нервным расстройством, приобретенным за время службы в банке. Сначала она замечала ощущения усталости и раздражительности. Затем, появились чувства неуверенности в себе, и даже страх, бессонница, отсутствие аппетита. Пришлось оставить работу. Походы по врачам и дорогостоящие беседы с ними, а также, не менее дорогие лекарства, — не приносили ощутимого облегчения. Но стабильные опустошения.

Последнее время, больше бывая в благоприятной эмоциональной обстановке, она почувствовала себя лучше. Брайан жаловался, что сейчас ему приходится работать, как никогда, много. Расходы на лечение ощутимо усугубили их кредитное бремя по выплате за трехкомнатную квартиру, купленную в кредит за 60 тысяч.

Заговорив с ним о своей жилищной неустроенности, я рассказал о помыслах купить в кредит квартиру.

Он разъяснил мне, что, решаясь на такое приобретение, следует быть уверенным в своей платежеспособности в будущем и окончательном желании жить именно здесь. Он напомнил мне о дополнительных платежах, которые, обычно, не упоминают торговцы недвижимостью.

Кроме регулярных взносов по выплате основной стоимости, потребуется оплата страховки объекта, взносы на общее содержание жилого комплекса и прилегающей территории, если это квартира в жилом комплексе, а также, ежегодный налог на недвижимую собственность, размер которого зависит от стоимости объекта, но уж не менее 500 долларов.

Все эти неизбежные платежи в сумме с расходами на текущие коммунальные услуги; электроэнергия, вода, телефон, кабельное телевидение… составят ощутимую сумму. И не дай Бог, к этим, только жилищным расходам, прибавить ещё и визиты к врачам, лекарства…

Слушая его, я всё более осторожно завидовал их благополучию и отмечал некоторые положительные стороны своего туристического неприкаянного бытия. Блуждая по чужой стране и праздно наблюдая всё, что удается увидеть, я мало чем отличался от их деклассированных охламонов. Не обременённый какой-либо ответственностью, я порхал во времени и в пространстве, заботясь лишь о ночлеге и питании. Нелюбимая работа рассматривалась, как временное средство для достижения каких-то целей, и я мог бросить её в любое время.

К счастью, эта неустроенная, кочевая жизнь не убила во мне способности мечтать и радоваться луне, музыке и прочим мелочам. Очень хотелось верить, что даже будь я обременён собственностью и опутан сетью кредитных отношений, это не приземлит меня до полной атрофии воображения и чувства юмора.

В ночлежном доме Матвея, куда я иногда захаживал, чтобы прихватить пирожных, траурных настроений среди обитателей я не заметил. Возможно, некоторые из этих граждан даже и не знали, кто таков этот Никсон.

У них своих забот хватало. Кому-то надо было избавиться от алкогольной зависимости, а кому-то раздобыть несколько долларов на выпивку. Жизнь шла своим чередом.

Однажды Артур позвал меня из гостиной, и я подумал, что по телевизору сообщают ещё какую-нибудь новость. Войдя в комнату, я нашёл его у окна, наблюдающим за чем-то, происходящим во дворе. Он призвал меня взглянуть в окно.

Первое, что я увидел это полицейскую машину с мигающими фонарями, припаркованную плотно к крыльцу моего бывшего дома. Я с облегчение отметил своё отсутствие в том доме в этот момент.

Через несколько минут двое полицейских вывели из дома моих бывших соседей — Джона и Длинного.

В это время во двор въехали ещё две такие же машины, и, прибывшие полицейские посетили домик. Скоро они вывели оттуда ещё двоих, неизвестных мне, товарищей, вероятно, гостивших там. Моего молодого соседа по комнате среди них не оказалось, и я был искренне рад этому. Распределив задержанных по машинам, они покинули наш двор.

Артур заметил по этому поводу, что окажись я сейчас там, мне пришлось бы туговато. Им трудно было бы поверить, что человек, не потребляющий и не имеющий никакого отношения к наркотикам, второй месяц проживает в доме, где этим увлекаются все жильцы.

Как минимум, меня бы депортировали из страны как сомнительного и незаконно засидевшегося визитёра.

Когда я рассказывал о случившемся своим друзьям-свидетелям и Дайан, они все благодарили Бога, что произошло это после моего переезда, иначе мне бы не избежать серьёзных проблем.

Наши регулярные свидания-уроки с добровольцем Дайан происходили в разных местах. Обычно мы по телефону договаривались о времени, и она заезжала ко мне. Я поджидал её у дома, а оттуда мы уезжали куда-нибудь. Иногда она посещала

какие-нибудь места по своим делам, и я принимал в этом пассивное участие.

Однажды мы заехали на воскресную службу в православную церковь, где по её предположению, среди прихожан могут быть и русские. В последнее мне с трудом верилось. Эта церквушка оказалась хорошо за городом, в тихом месте, среди сосен. Не зная о существовании таковой, можно проехать мимо и не заметить этот маленький православный храм, затерявшийся на юго-западе Флориды.

Тем не менее, кроме нас сюда уже подъехали несколько человек. Женщин было значительно больше, всего на этой воскресной службе собралось человек 30. Батюшка — пожилой мужчина, отслужил воскресную церемонию на английском языке. Хор из активных прихожан тоже пел по-английски. Было очевидно, что все собравшиеся в какой-то степени знают друг друга. Всё происходило по-свойски.

После окончания службы многие прихожане по очереди подходили к батюшке и о чём-то совещались с ним. Похоже, он давал им свои наставления.

Я тоже посетил его, и спросил, есть ли среди прихожан русские люди? Отец уверенно ответил, что таковые есть, и даже сегодня присутствует один. Он подозвал кого-то, и к нам подошёл коренастый мужчина лет пятидесяти.

Батюшка представил меня, как гостя, пожелавшего видеть кого-то из русских. Мужчина представился как Николай, и уже по-русски спросил меня, как я здесь оказался?

Я познакомил его со своим гидом Дайан, и мы перешли в другую комнату, где собрались все, кто желал побыть и пообщаться в кругу прихожан. В этой комнате всё было приготовлено для посиделок. Свежий чай, кофе, пирожные, удобные кресла, стулья. В этом чаепитии нетрудно было разглядеть нечто неамериканское.

Николай, выслушав, как я отыскал их церковь, рассказал мне свою историю.

Его завезли в Америку в детском возрасте, во время войны. Родителям представилась такая возможность после их освобождения американскими войсками на территории Германии. Так ему больше и не пришлось побывать в Союзе, и он был лишён возможности… стать космонавтом. Но он больше сетовал на то, что его дети, хотя и понимают русскую речь, но интереса к языку не проявляют и едва могут говорить по-русски. Сам Николай признался, что ему тоже сложновато подбирать нужные слова, и он испытывает затруднения, говоря на родном языке, так как здесь ему крайне редко приходится говорить по-

русски.

Каких-либо общих интересов или иных поводов для продолжения отношений мы не нашли, поэтому наша беседа плавно перешла в молчаливое чаепитие. А скоро гости стали разъезжаться по домам, выражая надежду увидеться в следующее воскресенье.

Всё это было похоже на клуб, объединяющий православных верующих или симпатизирующих православной церкви. Как мне показалось, для многих прихожан вторая часть службы, то бишь, посиделки с чаем, была более важна.

На обратном пути я спросил Дайан, как она отыскала эту церковь и что она там находит для себя?

Она объяснила, что уже не один год является членом епископальной церкви в Нэйплс. Но эта православная церквушка пришлась ей по душе и она по возможности посещает воскресные службы, на которых чувствует себя очень уютно, даже не понимая полностью сути многих обрядов. Особенно она отметила тёплые, родственные отношения между прихожанами. Как она заметила, эти люди в большей степени братья и сёстры, чем прихожане многих других церквей, которые громко и часто называют себя таковыми.

Я рассказал ей о местах, где я отвожу свою заблудшую душу: пляж с заплывами и теннисные корты с играми без партнёра. Моё опасное общение с возможными акулами вдали от берега и игра против стенки показались ей противоестественными. Я упомянул о пышнотелой чёрной девице из супермаркета, которая всякий раз при встрече у её кассы, напоминает мне о своей готовности поиграть со мной… а возможно, и заплыть далеко от берега. Дайан призналась, что тоже имеет некоторый забытый опыт игры в теннис, и хотела бы попробовать, если я не против её компании. Договорились, что в следующий раз мы встретимся в коммунальном парке.

При очередной проверке почтового ящика, я обнаружил письмо от Вовы. Не скрою, для меня это были приятные мелочи. Тем более, что его новости отличались своеобразием проблем, с которыми он сталкивался.

В этот раз письмо было посвящено важному событию. Он получил, наконец, извещение от миграционной службы о том, что его (вернее, наше коллективное) заявление о предоставлении политического убежища принято и зарегистрировано под таким-то номером. И если он нуждается в документах, подтверждающих его статус ожидающего просителя, то он может обратиться в миграционную службу в Майами.

С поездкой в Майами ему посодействовала полька Грижина.

Однажды, ей понадобилось по своим делам ехать в Майами, и она пригласила Вову. Где находится миграционная контора, она тоже знала, так что, Вове повезло с ней.

По приезду в Майами, она сначала завезла его в контору, где он без особых проволочек получил карточку соцобеспечения и временное разрешение на работу. После этого, они договорились о встрече в определённом месте через часок, а пока, она отъехала по своим делам.

Оставшись один, Вова осмотрел ближайшие кварталы и нашёл единственное интересное, на его опытный взгляд, место. Это был кинотеатр, в котором демонстрировались порнофильмы.

Не раздумывая, он купил входной билетик за пять долларов и занырнул в сумерки кинозала.

На экране качественно и в цвете показывали то, что Вова всегда хотел видеть. Оглядев небольшой кинозал, он отметил, что зрителей немного, и в большинстве своём это были чёрные братья.

Спустя какое-то время, Вова всей душой прикипел к сюжету и, как мог, сопереживал и соучаствовал с героями фильма. Вскоре, он заметил, что другие кинозрители постоянно перемещаются с места на место. Только он сидит один, увлечённый привычным делом, и ни в ком не нуждается.

Однако, скоро паренька приметили и руку дружбы подали. Кино-тусовка в лице двух чёрных делегатов пожелала познакомиться с новеньким киноманом поближе. Вова и не заметил, как рядом с ним оказались двое чёрных ребят бесцеремонно рассматривающих его. Не успел он сообразить, чего они хотят, как с их стороны последовали братские советы, не грустить в одиночестве и присоединяться к ним. Вова, как смог, объяснил, что ему и самому хорошо. Однако, те или не поняли, или он показался им так уж симпатичен. Они уже приблизились к Вове вплотную, и стали проявлять более чем братскую любовь.

Вова оказался абсолютно не готовым к таким формам коллективного просмотра фильма и не знал, как быть в столь непривычной для него ситуации.

С одной стороны, ребята предлагают ему свою любовь, а с другой, как-то неловко вот так сразу ответить незнакомым людям взаимностью или отказом.

Вова пытался объяснить им, что уважает их чувства к нему, но пока ещё не любит их. Честно признался, что в настоящее время он уже полюбил одну из героинь фильма. Просил правильно понять его, и не обижаться. Сердцу ведь, не прикажешь.

Но пока он объяснялся в любви с двумя первыми голубками,

на их любовную разборку подкрались ещё двое чёрно-сизых кинозрителей. Один из них, гориллообразной формы, полюбил Вову с первого взгляда, и, не спрашивая о его чувствах, приступил к ухаживанию.

Вова оказался в плотном, чёрном окружении любви и заботы о нём. Ситуация подсказывала, что если он не покинет кинозал в срочном порядке, то вся их ласка обрушится на него с непредсказуемой африканской страстью. Никогда Вову так не хотели. А он не был готов ответить взаимностью, поэтому принял решение бежать.

Наспех закончив своё дело, он фактически выскользнул из горячих, липких объятий любвеобильного негра великана и стал торопливо пробираться к выходу. Разочарованные братья вдогонку призывали Вову не бояться их, а расслабиться и оставаться с ними. Чтобы как-то смягчить боль расставания, он обещал им ещё вернуться сюда.

Побродив вокруг кинотеатра и разобравшись в своих чувствах, Вова пришёл к выводу, что он, всё же больше любил героиню фильма, а ласкового чёрного великана и его нежных друзей он ещё недостаточно знал и пока равнодушен к ним.

Вскоре к условленному месту подъехала Грижина и забрала Вовочку. Заметив, что тот пребывает в расстроённых чувствах, она поинтересовалась о причинах. Вова охотно рассказал о своих романтических приключениях в кинозале, как его хотели приголубить местные гомики. От неё он узнал, что в этом порно-кинотеатре чёрно-голубое движение — общеизвестное явление, и всякий приходящий туда, принимается, как свой. Вова таковым не оказался. Он оставался Верной рукой или, как окрестил его Олег, Однoруким бандитом.

В моей трудовой жизни мой босс Питер в новых изящных очках, порадовал меня новостью о том, что ему заказали установку нескольких поливных систем, и если не упустить эти подряды, то на ближайший месяц мы будем плотно обеспечены работой.

Не заметив радостного отклика на такую новость, он поинтересовался моим мнением. Я предложил ему для ускорения трудоёмких земляных работ пригласить ещё одного помощника. Питер объяснил мне, что в таком случае, у меня окажется не только меньше работы, но и заработка. Меня это не огорчало, я готов был поделиться, с кем бы то ни было, своими земляными функциональными обязанностями и заработками.

Питер посетовал, что кроме дома Матвея он не знает иных трудовых резервов, а там трудно найти трезвого и ответственного работника.

Когда пришло время выезжать на объект, мы с утра подъехали к ночлежке. Переговоры вёл Питер. В течение нескольких минут нашёлся человек, пожелавший работать с нами. Это был уже немолодой дядя с внешними признаками любви к алкоголю. В период моего пребывания в Доме, этого товарища я там не заметил. Питер представил меня, как человека, под руководством которого тот будет копать землю. Работник заметно насторожился, и поинтересовался о степени тяжести предстоящего труда.

Сам вопрос и интонация, с которой он прозвучал, пришлись мне по душе. Я как мог, успокоил его и выразил надежду, что вместе мы как-нибудь одолеем тяготы пролетарского бытия.

На месте всё происходило, как обычно. Пока Питер размечал на территории сеть будущей поливной системы, мы сидели с работником в тени и трепались о жизни во Флориде. Когда я объяснил ему, что все эти линии, начерченные Питером на грунте, мы должны будем обратить в траншеи глубиной по пояс, мой коллега озадачился и напрягся. Пришлось утешать его, и объяснять, что это была очередная неудачная шутка. Но копать, всё же, придется на глубину сантиметров 10–15. Работник просил меня больше не шутить так!

Скоро Питер призвал нас к лопатам, и напомнил, что теперь я сам должен руководить и направлять, так как сам он будет занят своей работой.

Первые часы мы копали с напарником бок о бок и в процессе много разговаривали. По мере того, как солнышко поднималось и становилось жарче, мой коллега, обнаружив в моём лице заинтересованного собеседника, стал всё более отвлекаться от земляных работ. Он охотно пересказал свою биографию. Но всё меньше участвовал в копательном процессе. Было очевидно, что быстрее он не мог это делать. И всё же, с ним мне было веселей.

Он пожаловался мне, что где-то во Флориде у него есть свой дом, но теперь там проживает его бывшая жена с детьми. А он — ветеран войны во Вьетнаме, вынужден временно бичевать в доме Матвея.

Он, якобы, мог бы жить в своём доме, но в настоящее время отношения с бывшей супругой настолько осложнились, что ему лучше бродяжничать на стороне.

Особенно он возмущался идиотскими законами, которые односторонне защищают интересы женщин, абсолютно не вникая в их стервозную сущность, и игнорируют элементарные человеческие интересы мужчин.

— Видите ли, алкогольная зависимость мужа им всем очевидна! Его поведение отрицательно влияет на детей и опасно

для бывшей супруги. Поэтому, проживание мужа в его же доме — недопустимо. А то, что стервозность супруги гораздо опасней для окружающих и детей, чем его тихий алкоголизм, этого никакой суд не видит! — критиковал коллега систему.

В результате такого развода, жена проживает в благоустроенном доме, а Ветеран Вьетнамской Войны должен скитаться по ночлежкам, да ещё и принимать участие в оплате приобретённого в кредит имущества, которым он теперь не пользуется.

Учитывая его возраст, заслуги перед родиной и прочие семейные обстоятельства, я терпимо относился к его малоэффективной помощи. Зато Питер заметил, что если бы я работал один, то сделал бы за это время побольше. Платить же ему предстояло двоим.

После обеденного перерыва, когда температура воздуха совсем не располагала к земляным работам, мой товарищ окончательно сдался и прекратил всякие движения лопатой. Он предложил Питеру выполнение каких-либо иных подсобных работ, но тот хмуро отказался от его услуг.

Так, остаток дня, жалуясь на невыносимую жару, несовершенство американского законодательства и стервозность бывшей жены, он помогал мне лишь морально.

Поинтересовался он и о моей судьбинушке. Расспросил меня, как это я докатился до такой каторжной работы, участвовал ли я в войне в Афганистане и есть ли у меня дом и жена?

Пришлось отвечать, что в войнах не участвовал и правительственных наград не имею, работа с лопаткой — явление временное, вынужденное, как следствие мирового заговора масонов. Жены и дома — нет, из-за вредных привычек.

Ветеран, знающий толк в радостях жизни, остановился на моих вредных привычках, и поинтересовался, какие наркотики я полюбляю?

Объяснил ему, что мои основные вредные привычки — это любовь к чесноку, тяга к бродяжничеству и недержание шуток, которые не всем понятны. «She don't like the jokes I make, She don't like the drugs I take, She don't like the way I smel, She's too good for me…» Ей не нравятся мои шутки, ей не нравятся наркотики, что я принимаю, ей не нравится, как я пахну, она слишком хороша для меня… — пояснил я словами из песни.

В общем, нам было интересно поработать вместе.

Когда, наконец, Питер объявил шабаш, и мы поехали домой, настало время расчёта. Недовольный Питер сам завёл этот деликатный разговор.

— Сколько, по-твоему, я должен заплатить тебе за твою

работу? — спросил Питер ветерана труда и вьетнамской войны.

Работник деловито взглянул на часы, прикинул в уме и аргументировано ответил:

— Работа заняла более девяти часов, пока доберемся до дома можно считать — 10 часов, значит, мне следует заплатить 60 долларов, как и договаривались.

Питера явно задело за живое такая оценка своего трудового участия и точность учёта времени.

— Так ты считаешь, что работал сегодня десять часов?! — возмущенно спросил Питер.

— Ну, а сколько, по-твоему? Около восьми утра ты меня нанял, а теперь шестой час вечера, и я ещё не дома, — разъяснил он непонятливому боссу.

— Всё ясно, — сухо ответил Питер.

После нескольких минут неловкого молчания, Питер отсчитал какую-то сумму, передал деньги работнику и категорично заявил, что на его взгляд, этого — более чем достаточно.

Работник принял оплату и взглянул, сколько ему дали. В ответ он не сказал ни слова, но всем своим видом выразил возмущение такой несправедливостью по отношению к Ветерану Войны и Труда.

Далее ехали молча. У дома Матвея он покинул нас, не попрощавшись. Питер повёз меня домой.

— Серджий, я говорил тебе, что толку от такой помощи не будет, лучше бы я эти деньги отдал тебе, — ворчал он.

Мне нечего было сказать, я задумал сам сходить сегодня в ночлежку, и подыскать себе помощника.

Дом Матвея я посетил в тот же вечер. Время подгадал, когда там раздавали ужин. Обычно, на это мероприятие сходятся и съезжаются на велосипедах не только проживающие в этом Доме, но и бродяги со стороны. Но я надеялся повидать кого-нибудь из знакомых мне постояльцев дома.

Процедура кормления была проста. Очередь едоков проходила вдоль стола, на котором выставлялось то, что Бог послал. Работники кухни или добровольцы от церкви выдавали каждому порции супов, салатов, бутербродов. Всё происходило в течение часа. Наевшись, народ расползался в разные стороны.

Оглядев очередь, заметил, что кроме знакомых мне кадров появилось много новеньких. Из тех, кого я знал, я решил поговорить на эту тему с Озиком.

Этот мужичок в первый день моего пребывания в ночлежке выделил мне свой велосипед, а затем и с Питером свёл, так что, он, вероятно, был уже знаком с работой.

Меня он сразу узнал, и у нас зашёл разговор о том, где и как я теперь поживаю. От него я узнал, что он всего пару дней как вернулся из Бостона, где он гостил у родителей. А теперь оказалось, что в доме Матвея нет ни единого свободного места, и он временно остановился в мотеле. Также, я узнал, что он пока не работает.

По всем параметрам он был подходящей кандидатурой на работу в нашей бригаде. Я сделал ему предложение, обещая занятость на пару недель. Он заинтересовался и оставил мне свой адрес.

Вернувшись домой, я позвонил Питеру и доложил о новом работнике. Тот помнил Озика и одобрил кандидатуру.

На следующее утро мы заехали с Питером в мотель и забрали поджидавшего нас Озика.

Ковыряться лопатой с кем-то в паре мне, было веселей. Не знаю насколько рентабельно это для Питера, но он принял его, как второго работника на период срочных работ по установке систем.

В первый день совместной работы я узнал, что Питер так же, как и Озик, родом из штата Массачусетс, но им полюбилась Флорида.

О своём родном штате в Новой Англии они отзывались, как о холодном и дорогом месте. С их слов, в штате Массачусетс самые высокие налоги, и люди иронично называют этот штат Таксачусетс. От слова tax — налог, пошлина.

В процессе работы мы пролили немало пота, выпили много воды и хорошенько познакомились.

Если судить по тому, что Озик в своём серьёзном возрасте не имел ни кола ни двора, то можно было предположить, что в прошлом он был очень близок с Зелёным Змием.

На данном этапе своей неустроенной жизни он не страдал алкогольной зависимостью, но пребывал в весьма уязвимом социальном положении.

В таком возрасте, не иметь ни сбережений, ни профессии, ни постоянной работы… О положительной кредитной истории я вообще не говорю. Фактически, надо начинать с самого начала, с постоянной работы, банковских сбережений, получения кредита и использования денежных средств для затеи своего мелкого бизнеса, покупки жилья и т. д.

Обсуждая его ситуацию, я заметил, что, зарабатывая с лопатой 60 долларов за рабочий день, и отдавая 25 из них за ночлег в мотеле, так из дерьма никогда не выберешься, скорее загнёшься.

Из его объяснений я понял, что он не может арендовать

жильё по причинам, хорошо известным мне. У него просто не было достаточной для этого суммы. И спасательный Дом Матвея сейчас переполнен…

Я рассказал ему о наших домиках, где принимают оплату еженедельно, по 55 долларов, что позволяет таким как он арендовать комнату или место в комнате. Он заинтересовался, и я обещал узнать у хозяина о вакантных местах. Предполагал, что он сможет снять место в нашем доме, так как мой сосед Артур фактически работает и спит в гостиной, а его спальня пустует. Это был бы вполне приемлемый временный вариант.

В общем, мне работалось с этим бедолагой вполне комфортно. Он легко освоил мои шутки и реагировал на них как человек, наделённый чувством юмора.

В этот же вечер я обратился к старосте наших домиков и переговорил с ним о потенциальном арендаторе. Тот заинтересовался и обещал завтра же сообщить хозяину. Моему соседу Артуру говорить об этом староста не рекомендовал. Я всё понял.

Я объяснил старосте, что это жильё человеку необходимо лишь на две-три недели, чтобы вычухаться и подсобрать кое-какие деньги, а затем он сможет переехать. Староста всё понял и обещал посодействовать моим хлопотам.

На следующий день я передал Озику всё, что узнал для него и советовал вечерком подойти в наш Hilton.

Как мы и предполагали со старостой, хозяин был готов сдать Озику место в нашем доме, однако мой сосед Артур проявил открытое недовольство и неприязнь по отношению к новому соседу.

Он видел в нём алкоголика и человека с криминальным прошлым. Выражал он своё отношение к незнакомому субъекту в крайне пренебрежительной форме.

Мне было неловко наблюдать, как взрослый человек, проповедующий христианские и семейные ценности, столь поверхностно и грубо судит своего соотечественника, оказавшегося в затруднительном положении.

Но последнее слово было за хозяином. Он выслушал мои заверения в том, что я достаточно хорошо знаю этого человека, как трезвого и работающего со мной у одного работодателя, с которым можно связаться и навести справки… Решили, что временное проживание нового постояльца в нашем доме никому не повредит, и выделили ему место в спальне Артура.

Фактически, работая до вечера, мы встречались с Артуром дома лишь по вечерам, что составляло всего несколько часов. Остальное время он нас не видел и не слышал.

А спустя несколько дней, Артур даже заговорил с Озиком. Это были короткие контакты, возникающие в гостиной, когда мы собирались у телевизора. В разговорах с ним Артур сохранял тон морального наставника. А Озик не вступал ни в какие споры, и вообще, не задерживался в гостиной из-за громкого звучания телевизора.

Теперь Артур стал абсолютным лидером гостиной комнаты. Он оккупировал диван, задавал режим работы кондиционеру, выбирал телевизионные программы, достойные внимания, и устанавливал желаемую громкость звука. Из дома он выходил лишь за продуктами. Круглые сутки колдовал над компьютером, одновременно слушая религиозные радио проповеди, и не пропускал ежедневных теле серий Звездных войн.

В общем-то, всем нам хватало и пространства и кислорода. Единственным неудобством для нас с Озиком было то, что наш сосед Артур, выспавшись днём, мог до поздней ночи наслаждаться каким-нибудь телесериалом. А делал он это громко.

Бывало, пробудившись глубокой ночью, я мог слышать всё тот же громкий звук телевизора, передающего какую-то ночную чушь, которую Артур не смотрит. Я выходил в гостиную и находил Артура, сладко спящим на диване. Телевизор грохотал, компьютер, радио, освещение и кондиционер, все функционировало.

Я выключал всё, кроме компьютера и кондиционера, и удалялся в свою спальню. Такие ночные процедуры я проделывал частенько. Озик заметил мои бдения, и благодарно шутил по поводу моей чуткой заботы о спящих ближних.

Артур частенько обращался ко мне с разговорами о Мировом Правительстве, компьютерах и автомобилях. Он регулярно получал по почте рекламные проспекты о компьютерной технике. Давно задумав приобрести современный компьютер, но никак не мог сделать выбор. Техника так быстро обновлялась и совершенствовалась, что, остановившись на какой-то модели, он не успевал решиться на покупку. Так как в следующем номере журнала обнаруживал эту модель с понизившейся ценой, и он снова выжидал. Появлялись новые объекты его желаний, и Артур забывал о предыдущем выборе.

В меньшей степени, но всё же нуждался он и в автомобиле. На эту тему он демонстрировал мне другие американские специализированные журналы. В них регулярно приводились списки, дающие оценку надежности различных автомобилей.

Согласно этим спискам, первые места по надёжности прочно удерживали модели, произведённые японскими автомобильными

корпорациями. За ними следовали 2–3 модели немецкого производства, и лишь после них можно было найти некоторые американские марки, которые недоступны массовому американскому потребителю.

Полное поражение на автомобильном рынке в своей же стране! И причина тому… — эмансипация американских женщин!

В одно из свиданий с Дайан, она привезла меня в вечернее заведение, похожее на ресторан, но с признаками клуба. Съезжались туда люди взрослые и пожилые. Среди них оказалось много немцев.

Надо сказать, что на юге Флориды немало людей из Европы, которые имеют здесь недвижимость и проводят большую часть года в этих краях.

С одним таким дядей, с ярко выраженным немецким акцентом, Дайан была в приятельских отношениях и, как я понял, это была дружба на почве любви к этому заведению.

Обменявшись приветствиями, она представила меня этому дяде. Тот сразу расслышал в моём говоре завезённый издали акцент, и проявил интерес.

— Дай-ка я отгадаю, откуда ты, парень.

— Пожалуйста, попробуйте.

— Из славян?

— Точно! — подтвердил я.

— Поляк?

— Нет. Но близко.

— Чехословакия?

— Неверное направление.

— Значит, русский?

— Отгадал.

— Парень, мы земляки! — неловко выговорил он по-русски.

Мы с Дайан были удивлены. Она вообще перестала понимать, о чём это мы.

— Вы говорите по-русски? — спросил я его, предполагая по его возрасту, что эти навыки обретены в связи со второй мировой войной.

— Я пять лет прожил в Росси. А ты сам, откуда? — спросил он, вставляя отдельные русские слова.

— Южная Украина, Малороссия, Чёрное море, — стал я давать географические ориентиры.

— Я знаю. Работал в Одессе, — уверенно заявил дед.

— Я тоже учился в Одессе, — поддержал я его.

— Сначала я работал на Урале, а потом нас перевезли в Одессу, там мне больше понравилось. Теплее и полегче.

— Наверно, как военнопленный гостили там?

— Точно, парень! И чуть было не остался там навсегда. На Урале было ужасно холодно и тяжело. Поэтому я теперь и отсиживаюсь во Флориде, — коротко и шутливо прокомментировал он тяжёлый период своей жизни.

К нему подошли его земляки, и он стал с энтузиазмом рассказывать им о нашей встрече, уже на своём немецком. Судя по их реакции, город Одесса всем им был известен, и эта случайная встреча представителей разных поколений и лагерей в ночном клубе на юге Флориды воспринималась ими, как нечто удивительное.

Чуть позднее этот Шульц пригласил меня за стол, оккупированный немцами. Ему просто хотелось с моим участием поделиться со своими земляками воспоминаниями о периоде военного заключения. Меня представил, как человека из тех мест. Пришлось пояснить, что мы бывали там в разное время и в разных качествах:

— Он работал там в качестве пленного в сороковых годах, а я, как студент, учился в 80-тых годах. А встретились во Флориде в 90-х.

Шульц, имея какое-то своё военно пленное представление об Одессе, просил меня рассказать каково там сейчас.

— Грязные улицы и красивые женщины, — коротко ответил я.

Они все стали обсуждать услышанное на своём лающем языке.

— А бывал ли ты в Германии? — спросила меня пожилая немка, говорящая на английском.

— Да, не один раз.

— И как тебе показалась Германия?

— Чистые улицы и очень мало красивых женщин.

Они заговорили ещё более активно.

— А как тебе Америка? — продолжали допрос немцы.

— В Америке тепло, хлебно, многонационально и свободно. Свободней чем в Европе и больше возможностей.

— Ну, а женщины? — напомнил мне один из дедков.

— Женщины здесь получше, чем в Германии, но не так хороши, как в Одессе, я имею в виду внешне. Зато здесь есть много другого, чего нет в Украине. Автомобили, дороги, качественный и дешёвый бензин, умеренные налоги… И вообще, здесь можно жить.

Мой ответ дал им пищу для разговоров на своём собачьем языке. А я не стал дожидаться очередного вопроса об Украине, вернулся к Дайан и её подруге.

На её взгляд, это была удивительная встреча.

— Удивительна тем, что этот немец вернулся оттуда живой и

здоровый, и теперь наслаждается жизнью, — добавил я. А миллионы русских, украинцев и белорусов, оказавшихся в плену, в последствии, были физически уничтожены, своими же соотечественниками… На всякий стратегический случай. А те, кто остался жив, прозябают сейчас больные и бедные… Но каждый год празднуют день победы!

Подруга Дайан, женщина лет 45, работала в какой-то авиакомпании. Ей приходилось сталкиваться с представителями братских республик, и она просила разъяснить ей, почему у русских и армян одинаковые паспорта?

Я коротко объяснил ей это недоразумение, и поинтересовался, почему её так заинтересовали именно армяне.

Она рассказала нам, что эти пассажиры показались ей очень обходительными джентльменами.

От меня ожидали дополнительных подтверждений армянских качеств.

Я ответил, что в Союзе ходило немало забавных анекдотов об армянских джентльменах. А ещё есть пословица: каждая шутка содержит маленькую долю правды.

Они пожелали услышать советскую шутку об армянах, и чтобы в ней присутствовала хорошая доля правды.

Я передал им, как смог, анекдот про армянского джентльмена, который галантно уговорил даму провести с ним время в номерах. И оказавшись, наконец, вдвоём, дама охотно разделась, чтобы уважить кавалера.

Но армянский джентльмен не очень-то обрадовался такой покладистости и приказал ей одеться и стойко сопротивляться его домогательствам…

По их реакции мне трудно было судить, что они себе поняли. Объяснять же анекдоты и шутки — дело утомительное.

Однажды вечером ко мне дозвонился Саша с островов. Он интересовался: где и как я поживаю, и высказал намерение покинуть остров. От него же я узнал, что Славка уже уехал, предположительно, в Чикаго.

Договорились с ним, что он подъедет ко мне в гости и осмотрит эти места, а заодно подвёзет мою сумку с вещами.

После разговора с ним я задумался, стоит ли мне и далее сидеть здесь?

Это был разгар лета, пик делового затишья в этих краях. Чего-то нового, интересного для себя я уже не находил здесь. Разговор с ним вызвал у меня приступ отпускного настроения, потянуло на перемены.

В нашем дворике у дома росли деревья с какими-то экзотическими, созревающими плодами. Я не обращал на них

внимания, пока они не созрели окончательно и обрели аппетитный вид. Сосед Артур просветил меня в этом вопросе. Оказалось, это были манго, и Артур рекомендовал попробовать их на вкус. Когда я это сделал, то сразу признал манго королем всех фруктов! Я стал смотреть на эти фруктовые деревья иными глазами. Тщательно следил за дозреванием плодов, снимал урожай и складывал плоды в холодильник.

Скоро плоды стали массово созревать, и мы только успевали подбирать и поедать их.

Я заметил, что никто кроме нас в нашем дворе не интересуется этими вкусными дарами природы.

Когда я рассказал Дайан о нашем дворовом урожае, она призналась, что тоже обожает манго.

Теперь, на встречи с ней я всегда брал манговый гостинец. Она показала мне, какие фруктовые коктейли можно делать с применением манго. Основными компонентами были мякоть апельсина, манго, банана, а по вкусу можно добавлять и лимон, водку, кокаин и даже сало…

Всё это смешивается в миксере, охлаждается и готово к употреблению.

Переняв её опыт, я делал дома фруктовые замесы различных вариантов, но неизменно с применением дворовых плодов манго. И Артура на фруктовую «иглу» присадил.

Но скоро, наши манговые оргии были омрачены физиологическими неудобствами. Сначала по ночам, а затем и круглые сутки меня стал доставать зуд по всему телу. Сдержать себя было трудно. Очаги зуда проявлялись красными пятнами. Это было подобно комариным укусам, только более ощутимо и действовало 24 часа. Это неудобство постепенно превратила мою жизнь в какой-то кошмар. Я уже начал думать, что подцепил какую-то кожную болезнь.

Однажды вечером, посиживая перед телевизором, Артур заметил мои нервозные телодвижения по утолению зуда.

— У тебя чешется тело? — спросил он.

— Да, уже который день! — признался я.

— У меня — то же самое, — успокоил он меня.

Мы стали перебирать все, возможные источники происхождения заразы, но так ни к чему и не пришли.

Артур решил завтра же обратиться к врачу.

На следующий день, когда я вернулся с работы, он встретил меня с новостью.

— Сергей, ты никогда не отгадаешь причину наших телесных страданий!

— А ты уже отгадал? — с надеждой спросил я.

— Доктор помог.

— Ничего серьёзного, я надеюсь?

— Нет, это всего лишь аллергия, и знаешь на что?

— На жару… на работу… на женскую эмансипацию, мировое правительство? Говори же! На низкие доходы?

— Нет и нет! Это реакция на манго. И даже не на сам продукт, а на пыльцу, которой покрыты свежие фрукты. Именно от соприкосновения с этой пыльцой организм так болезненно реагирует. Оказывается, это общеизвестный факт, а мы с тобой по деревьям лазим, урожай собираем…

— Что же рекомендует доктор?

— Пока обтирать тело вот такой смесью и воздерживаться от контактов с плодами и деревом.

Последнее огорчило меня. Хотя, я полагал, аккуратное употребление с тщательным предварительным обмывом допустимо.

Тем не менее, аллергическая эпидемия отравляла нам жизнь ещё дней десять. За вкусные экзотические радости мы расплачивались бессонными ночами, круглосуточным дискомфортом и раздражительностью.

Как-то среди дня я повстречал у торгового центра своего бывшего соседа по домику. Мы не виделись с тех пор, как его увезли в полицейской машине. Бывший мастер ковровых покрытий выглядел очень паршиво. Худой и грязный. Его наркотическая зависимость была настолько очевидна, что прохожие сторонились его.

Однако, он узнал меня, и явно хотел о чём-то спросить. Я поинтересовался, чем закончился для него арест.

Он неохотно, коротко ответил, что его принудительно сдали в реабилитационный центр. Но он не пробыл там долго, и теперь снова среди своих друзей. Где теперь живёт, я так и не выяснил, но судя по его загрязненности, жил он, если не на улице, то в каком-нибудь притоне.

Наконец он отбился от моих расспросов и перешёл к своему делу.

— Есть ли у тебя какие-нибудь документы? — на удивление конкретно и по-деловому заехал он.

— Да, есть. А что?

— У меня к тебе просьба.

Он стал доставать из пакета какие-то вещи. Я подумал, что сейчас он начнет предлагать мне купить что-то. Однако, у него были иные намерения.

— Вот здесь, у меня кое-какие вещи из этого торгового центра, они совершено новые. Я хотел бы вернуть их обратно и

получить деньги.

— Так верни, если хочешь, — ответил я, догадываясь о происхождении этих вещей.

— Для этого надо предъявить какой-нибудь документ, а у меня сейчас нет такового.

— Вероятно, потребуется ещё и чек о покупке вещей именно в этом магазине, — добавил я.

— Не обязательно. Редко кто сохраняет чек, а по торговым этикеткам и так очевидно, что эта вещь отсюда, — поучал он меня.

Я взглянул на вещи: комплект пастельного белья, скатерть и ещё что-то. В сумме это составляло около 60 долларов.

— И ты полагаешь, что они примут всё это обратно и выдадут наличные? — усомнился я.

— Должны. Таковы правила…

— И ты хочешь, чтобы это сделал я со своими документами?

— Да, у тебя наверняка получится, — заверил он меня. — Там у них специальный отдел, занимающийся приёмом возврата.

Мне было и его жалко, и самому любопытно.

— Хорошо, я попробую.

Я принял от него пакет с вещами и направился в магазин.

Это был огромный универсальный торговый центр. Мой долговязый сосед, соблюдая дистанцию, поплелся за мной. Отдел по рассмотрению претензий и замене товаров располагался неподалеку от центрального входа, слева. В качестве посетителей там уже были две женщины. Принимали их двое работников. Долго ждать мне не пришлось, скоро одна из служащих освободилась и выразила готовность выслушать меня.

Я выложил перед ней все вещи и заявил, что хотел бы сдать их обратно.

— Что-нибудь не так, какие-нибудь претензии к качеству, — формальным тоном поинтересовалась она.

— Нет, к вещам претензий никаких нет, просто жена сделала лишние и несвоевременные покупки, и мы вынуждены отказаться от них, — пояснил я.

— Понимаю, — не очень-то тепло посочувствовала она. И принялась сканировать ярлыки на упаковках.

Убедившись в принадлежности товаров этому торговому предприятию и получив общую сумму цен, она снова обратилась ко мне.

— Сохранился ли у вас чек о покупке?

— К сожалению, нет. Жена не сохранила, — ответил я.

По её реакции я понял, что иного она и не ожидала.

— Могу я видеть ваши документы?

— Пожалуйста, — подал я удостоверение личности.

Она принялась заполнять какой-то бланк. Я стоял и думал, могут ли они вычислить, проходила ли данная вещь через кассу, то бишь, покупалась ли она, как заявляет клиент? Если они могут определять таковое, тогда я буду числиться у них как субъект, пытавшийся сдать им украденные вещи…

Закончив с формальностями, она выдала мне квитанцию с указанной суммой на 60 долларов с копейками, и заявила, что я могу на эту сумму выбрать товар, который подойдёт мне и моей жене. Я молча принял её предложение и удалился. Не успел я достаточно отойти от этого отдела, как передо мной вырос длинный, худой и грязный бывший сосед.

— Ну что? — нетерпеливо спросил он.

Я прошёл в глубь торгового зала, он последовал за мной.

— Предлагают выбрать что-нибудь на эту сумму.

— Тоже неплохо, — оценил он, — и не обязательно на всю сумму, они дадут сдачу.

Он устремился в обувной отдел. Там быстро выбрал пару добротных ботинок за 40 долларов и вручил их мне.

— Надо ещё что-то на 20 долларов, — напомнил я.

— Этого достаточно, — уверенно заявил он и направился обратно. На своём пути он приостановился у стеллажей с женскими сумочками и стал перебирать, разглядывать их, якобы, имея намерение купить что-то. Я подумал, что он решил выбрать что-нибудь на оставшиеся 20 долларов, но, заметив, как он неуклюже примеряется засунуть сумочку себе под футболку, я поспешил в отдел возврата.

Обратился я к той же служащей.

— Вот ботинки, которые я решил взять, — выставил их перед ней и предъявил ей квитанцию.

Она привычно взглянула на всё это, сделала свои отметки в квитанции, попросила меня расписаться, и выдала мне сдачу в 20 долларов.

С этими приобретениями я вышел из магазина. Моего соседа не было видно. Я отошёл в сторонку. Вскоре и он откуда-то появился. Мне хотелось поскорее избавиться от него. Вручая ему добытое, я напомнил ему о десяти долларах, которые он одалживал у меня ещё во времена нашего соседства. Он без колебаний признал этот факт, и согласно принял от меня ботинки с десятью долларами.

Не успел я распрощаться с ним и посоветовать ему, вернуться к своему прежнему ковровому бизнесу, как к нему бесшумно подкатили на велосипедах двое его приятелей и приняли от него всё, что я вручил.

По его покорной реакции я понял, что он был должен им. Его товарищи покатили, вероятно, обменивать добычу на дозу зелья, а мой сосед направился обратно к торговому центру.

Я остался один и пошёл своей дорогой. Впечатление от этой встречи осталось тягостное.

Ещё какие-то три месяца назад этот парень жил в своей комнате, имел постоянную работенку и устойчивые деловые отношения с работодателем. Он вполне мог бы, подкопив денег, прикупить транспорт, инструмент, и начать самостоятельно стелить ковровые покрытия, А в качестве подсобника пригласить в своё дело какого-нибудь туриста или амиго из Мексики. Но вышло иначе.

Зато мой сосед Артур встретил меня с хорошей новостью.

Перед нашим домом стоял подержанный Плимут седан, чёрного цвета без регистрационных номеров. Артур собирался чистить салон. Я сразу понял, что это уже его автомобиль.

— Отгадай, за сколько, я купил это? — озадачил он меня.

Я оглядел объект, грубо предположил, что торговцы подержанными автомобилями назвали бы цену от 1000 до 1500. Учитывая его довольный вид, я назвал цену в одну тысячу.

— Нет, не угадал!

— Семьсот?

— Нет! — радовался Артур.

— Пятьсот? — заинтересовался я.

— Нет!

— Тогда я сдаюсь, говори.

— 350 долларов! — сообщил он и ждал, что я скажу на это.

— Хорошая цена. По объявлению нашёл?

— По объявлениям за такую цену не найдешь. Это я на распродаже купил. Городская администрация регулярно проводит распродажу конфискованных ценностей. И цены обычно устанавливаются, лишь бы возместить причинённый ущерб или задолженность по обязательствам. Там можно приобрести не только автомобили, бывают и объекты недвижимости; дома, квартиры, — объяснил он.

— Интересно! А когда будет следующая распродажа?

— Не знаю, Надо следить за их объявлениями. А что ты хочешь купить?

— Дом за 350 долларов, — ответил я.

— Если ты действительно намерен купить жильё, то этим вопросом можно заняться, вариантов много, — заинтересовался моей шуткой Артур.

— Я знаю, что вариантов много. Но и обстоятельств всяких немало, — ответил я.

В моей шутке о желании купить дом, Артур расслышал долю правды и в это же вечер вернулся к жилищной теме.

В разговоре об этом, я понял, что у хозяина наших домиков есть ещё недвижимое имущество и в Южной Каролине, которое он сдает в аренду, а что-то готов и продать.

Говоря о недвижимости в Нэйплс, Артур достаточно подробно остановился на жилом трейлере, якобы, в очень хорошем месте.

Жилой трейлер (у нас это назвали бы вагончиком) представляет собой вагоно образное пространство с входной дверью и окнами. Всё жилое пространство, обычно, спланировано и оборудовано под гостиную с кухонным отсеком и санузлом, а также, одна или две комнатки-спальни.

Такие трейлеры, как правило, размещаются стационарно на отведённых и оборудованных земляных участках. Каждое место оборудовано подводом воды, канализации, электричеством, телефонной сетью и кабельным телевиденьем. Обычно, трейлеры укомплектованы самой необходимой мебелью.

Во Флориде много таких участков, аккуратно, в определённом порядке, заставленных жилыми трейлерами. Такие городки разнятся местом нахождения и степенью благоустроенности, что существенно сказывается на цене. Есть очень приличные места с благоустроенной территорией и небольшими земельными участками у каждого трейлера, достаточными для парковки автомобиля и травяной лужайки.

В таких местах можно вполне комфортно проживать круглый год. Конечно, немаловажно в таком жилище наличие кондиционера, ибо проживание без такового просто немыслимо в этих краях.

Как правило, таким жильём пользуются люди небольшого достатка, тем не менее, эти трейлеры широко распространены как жильё, особенно на юге.

Описав мне нечто подобное, Артур назвал цену около десяти тысяч, которая может колебаться в зависимости от форм оплаты, чеком или наличными, и сроков, то есть сразу всю сумму или в кредит. Об этих деталях следовало говорить с хозяином.

На тот момент перспектива стать собственником такого жилья в Нэйплс, меня не интересовала. Поэтому дальнейшего продолжения эта тема не получила.

Наши встречи с Дайан, изначально направленные на совершенствование моего английского, происходили теперь и на теннисных кортах, и у неё на кухне с манговыми коктейлями, и в каком-нибудь клубе для тех, кому за 60.

После наших заигрываний с теннисным мячом, она, как правило, несколько дней приходила в себя, сетуя на своё

легкомыслие и переоценку возможностей. Иногда после таких уроков ей приходилось посещать всяких костоправов-массажистов, обещавших ей вернуть молодость.

Говоря о шарлатанах, она отметила, что некогда полученные ею уроки тенниса, не бесплатные, разумеется, в сравнении с моими дружескими наставлениями, имели чисто коммерческую цель. С такими платными уроками можно было всю жизнь осваивать теннисные навыки и только удивляться своей неуклюжести. Ну и, конечно же, продолжать платить тренеру-профессионалу.

Для многих здесь понятие профессионализм и заключается в умении преподнести себя и свою лицензию так, чтобы клиенты их захотели и слепо верили им. Как говорят в Одессе, хороший понт — дороже денег.

С подачи Дайан я познакомился с её собратом по церкви. Его звали Ричард, он был уже около пенсионного возраста. Тем не менее, мы легко сошлись и нашли о чём поговорить.

Оказалось, что он по матери поляк, но родился в Америке, поэтому кроме отдельных польских слов и того, что польская столица в Америке — город пше-Чикаго, он больше ничем не отличался как поляк. Да и не нуждался в этом.

Из его рассказа о себе, я понял, что его относительное благополучие имеет долгую трудовую пред историю.

Когда я заметил, что моя трудовая деятельность в этой стране оценивается в пределах 6–9 долларов за час, и что так далеко не уедешь, он назидательно отметил, что и среди американских граждан немало таких, кто работает на таких условиях.

Говоря о себе лично, он привёл мне пример, что лет до 40 он едва верил, что когда-нибудь будет иметь нынешние блага. И только к годам 45, обрёл стабильное положение, дающее ему основание поверить в таковое.

Сначала была приобретена квартира в Нью-Йорке на западной 42 улице, в доме, где ему хотелось бы жить. А совсем недавно, когда к сбережениям прибавилось свободное время и возможность путешествовать, они с женой решили купить квартиру ещё и во Флориде, так как немало времени проводили здесь и арендовали жильё. Теперь у них была своя квартира и в Нэйплс.

Мою туристическо-трудовую американскую историю, которой всего-то чуть более года, он оценил положительно-оптимистично. Уверял меня в том, что в этой стране полно взрослых людей, которые живут здесь с рождения, но у них и этого никогда не было. На его опытный взгляд, всё у меня идет вполне благополучно. И мне следует самому определиться со своим

положением в этой стране. Он считал, что моих сбережений вполне достаточно, чтобы добиться легального статуса и в дальнейшем уже не дергаться между украинским гражданством и истекшей туристической визой.

Вооружённый полезными советами старших товарищей, я продолжал своё участие в бригаде Питера, вяло подумывая о переезде, а то и вообще, перелёте домой.

Реальных путей легализации своего пребывания в этой стране я не видел. В армию не призывают, в религиозную секту затащить не могут, даже акулы жрать меня не желают. А продолжать трудовой туризм в прежнем положении казалось мне бесперспективным и морально утомительным.

В дополнение к этой теме я получил коротенькое письмо от Олега, уже из дома. Из него я понял, что в условиях украинского бардака, возведённого в государственную политику, многим удаётся найти своё нехитрое дело и зарабатывать нетяжёлые деньги.

Я не знал, как мне далее быть в этой стране, но и с трудом представлял, каково мне будет в Украине.

Саша приехал ко мне, как и обещал. Только на новой машине и не один, а с Сашей, который друг Марты. После отъезда Славки они стали проживать вместе. О его американской бывшей соседке и подруге Марте я не стал расспрашивать.

Саша сменил наш легендарный Форд Эскорт на добротный Олдсмобиль, чем очень гордился.

Привезённая им сумка с моими вещами в основном была заполнена компакт дисками и подталкивала меня к мысли об эвакуации. Саша, узнав о моих помыслах, вернуться домой, признал мои планы полным безумием и гарантировал мне неизбежное и горькое разочарование.

Такая перспектива меня и самого пугала. Саша даже и не думал о возвращении в Россию.

Его алиментные обязательства, которые он исполнял без особого труда, находясь здесь, окажутся для него непосильным бременем, если он вернётся в Россию. Учитывая одно только это обстоятельство, он не связывал своё будущее с родиной. Кроме этого, он был уже не в силах отказаться от простых, но привычных радостей, как его новый автомобиль в условиях качественного и дешёвого бензина и хороших дорог, тёплые зимы, океан и продовольственные блага. Он даже в русскоязычную бруклин-зону не желал возвращаться.

Приводимые им аргументы, звучали убедительно. Но я утешал себя в глубине души мыслью о том, что ошибку всегда можно исправить, вновь вернувшись сюда.

Ребята пробыли у нас всего сутки. Артуру было интересно оказаться в окружении такого количества русских, он даже вспомнил о своём друге из Аризоны, который когда-то работал в России и якобы хорошо разговаривал по-русски.

Днём два Саши где-то ездили, что-то смотрели, а к вечеру отбыли обратно на острова.

Расставаясь, Саша предположил, что очень скоро он уедет с острова, но пока ещё не решил куда. Он хотел бы пожить где-нибудь во Флориде, но в городе.

Спустя несколько дней, моего соседа и сотрудника Озика тоже посетили его друзья. Я их узнал как бывших обитателей ночлежки. Приехали они на автомобиле, что свидетельствовало о положительных переменах в их жизни.

От них Озик узнал, что сейчас все они при работе, арендуют вполне приличное жильё, и готовы посодействовать его трудоустройству и переезду, если он желает такового.

Озик, конечно же, проявил интерес и даже поехал с ними посмотреть, где и как они устроились.

Их появление и предложение оказались очень своевременным, так как через пару дней мы заканчивали работы по основным подрядам, и Питер заговорил о недельном перерыве на отдых.

Позднее Питер уточнил, что намерен слетать на недельку в Нью Джерси и на этот период он мог предложить мне лишь частичную занятость.

От Питера я узнал, что он со своим приятелем, который арендует его дом, собираются посетить какое-то местечко в Нью-Джерси, где состоится ежегодный съезд нумизматов. Порасспросив его об этом мероприятии, я узнал, что на этом сборище люди покупают, продают и меняют, то бишь, спекулируют монетками. Якобы, они имеют некоторый опыт в этом деле и надеются не только отдохнуть от работы, но и заработать на этом какую-то копейку. На мои расспросы о том, какие монеты и по каким ценам там более всего котируются, он ответил мне вопросом.

— Ты что, привёз с собой русские царские рубли?

— Нет, не привёз, но если бы знал, что вы кроме разведения кошек и полива газонов ещё и монетами промышляете, я бы привёз что-нибудь русское.

— В следующий раз обязательно привози. Такие собрания спекулянтов-коллекционеров периодически проводятся в разных штатах. Просто сейчас нам удобно побывать на этом, в Нью-Джерси.

— А как же кошки? На кого твой приятель оставит свой

домашний зоопарк?

— Он уже договорился с моей дочерью, она будет посещать дом и ухаживать за животными. А ты, если желаешь, можешь составить ей компанию, и, пока она будет возиться с кошками, займёшься двором. Траву подстрижешь, заросли кустов вокруг дома, ну ты знаешь что делать. Записывай свои рабочие часы, а я по приезду рассчитаюсь с тобой.

Мы договорились, что его дочь будет предварительно позванивать мне и договариваться о встрече.

С наступлением летней жары, город заметно опустел и затих. Многие, кто зимовал здесь, теперь съезжали на север. Гостиницы, рестораны и прочие публичные места опустели, и это сказывалось на занятости местного населения.

Однажды в перерыве между мелкими подрядами, Питер заехал на местные собачьи бега. Я был удивлён масштабам этого заведения. Трибуны для зрителей, крытый павильон и стоянка для парковки автомобилей… сравнимы с современным футбольным или бейсбольным стадионом.

В этот день автомобилей на стоянке было немного. Также и трибуны были едва заполнены. Однако атмосфера азарта присутствовала, и я ощутил это с первых минут.

В закрытом павильоне было людно и шумно. У окошек касс игроки делали ставки на очередной забег. Многие, спасаясь от жары, заседали за столиками, попивали кофе, пиво и наблюдали за бегами по мониторам, размещенным среди павильона.

Мы с Питером прикупили по хот-догу и вышли на трибуны. Здесь зрители-игроки следили за бегами более эмоционально. Наблюдать за некоторыми из них было более интересно, чем за собаками. Они так искренне и эмоционально желали победы своей собачке! Каждый, стараясь перекричать ближнего, хотел дать ценный совет своему четвероногому избраннику.

Забег продолжался пару минут. После чего крики сменялись гулом одобрения и разочарования. На трибунах возникало движение, кто-то торопился предъявить в кассу свой выигрышный билетик и получить призовые, другие, сделав какие-то выводы об участниках следующего забега, спешили сделать новые ставки.

Понаблюдав несколько забегов и дожевав хот-дог, Питер пожелал сделать ставку. Он выбрал кого-то из программки сегодняшних бегов и посетил кассу. Я не расспрашивал его о деталях, заметил лишь, что после этого он наблюдал за собачьим движением уже по-иному.

В одном из забегов он что-то отгадал, что заметно отразилось на его настроении. Этот выигрыш с лихвой перекрыл его неудачные ставки и, в целом, он остался доволен своим

посещением бегов.

Таких, случайно заехавших сюда игроков, как мы с Питером, здесь больше не было. Основная масса болельщиков заняты этим делом основательно, а не в свободное от работы время.

Питер заявил, что он тоже не случайный здесь человек. Он, якобы, имеет немалый опыт в этом деле. Зимой, когда здесь полно народу, это место очень популярно и сам он тоже частенько посещает бега и делает ставки. Как я понял, в осенне-зимний сезон вокруг собачей рулетки ежедневно вращаются немалые деньги.

В тот день, удовлетворенный собачьим выигравшем, Питер отменил рабочие планы на вторую половину дня. Он решил, что это можно отложить на завтра. Приплатив мне как за полный день, он предложил разбежаться по домам.

В летний период погода в этих краях изменилась не только повышением температуры. Каждый день во второй половине дня сгущались тучи, гремел гром и в течение часа, шёл тёплый дождь.

Над землей, особенно над асфальтом, стоял пар. Воздух не охлаждался, но становился влажным. Выйдя на улицу из помещения с охлажденным воздухом, попадаешь в баню. Через несколько часов всё высыхает и от дождя не остается никаких следов. Русская парная превращается в финскую сауну. И так каждый день. Трава и прочие растения растут на глазах и требуют более активного ухода.

Однажды утром Питер заехал за мной на своём грузовике, но одет он был не по-рабочему. Вместо привычных шортов, на нём были брюки. Он объяснил это тем, что сегодня они с приятелем улетают в Нью Джерси. Вернуться обещал через недельку.

В это утро мы приехали к его дому, где нас уже ожидал его приятель. А чуть позже подъехала и дочка Питера.

Торговец кошками показал ей, где что находится, дал ценные указания по уходу за четвероногими, и они объявили о своём отбытии в аэропорт. Питер лишь обратил моё внимание на травяные и кустарные заросли вокруг дома и выразил надежду на моё участие.

Свой рабочий грузовичок он оставил во дворе, а уехали они на машине приятеля.

Мы остались во дворе вдвоём с дочкой Питера.

Это была девушка-пышка, лет 16. По тёплым отеческим отзывам Питера и по тому, как они расставались на недельку, я понял, что Питер очень привязан к ней.

По его наставлениям ей и мне, нетрудно было заметить, что ему было бы спокойнее, если бы его дочка приезжала в это глуховатое место не одна, а только со мной. Мы успокоили его и

заверили, что всё будет в порядке.

Между нами металась хозяйская собака Никита, призывая нас поиграть с ней. Я поинтересовался у своей новой сотруднице о планах на сегодня. Она ответила, что ей надо лишь кое-что здесь сделать, в общем, работы на часок.

Она стала возиться с кошками, а я завёл машинку для стрижки травы и пошёл пастись.

Её работа заключалась в том, чтобы вычистить накопившееся в кошачьих клетках. Подсыпать в их миски корм и подлить свежей питьевой воды.

Со всеми приготовлениями и сборами, спустя часа два, мы всё закончили. Что до дворовых работ, то джунглей там хватало мне на всю неделю.

Закончив с работой, мы усаживались в её малолитражный Nissan, включали кондиционер и возвращались домой. Её радио было настроено на станцию, передающую кантри музыку.

Надо сказать, что этот музыкальный жанр, по моим наблюдениям, был наиболее широко популярен в Америке. Эту музыку можно было услышать чаще всего. Подобно лагерным песням в Украине.

Так, по утрам или с вечера, она звонила мне, и мы договаривались о времени встречи. Иногда я брал выходной, или она предупреждала о своих переменах в рабочем графике.

Это была неделя отдыха. Я писал письма, играл с Дайан в теннис, отправлял домой посылки и подумывал об отъезде.

Связался по телефону с Юрой из Закарпатья, который по-прежнему жил с земляками в Бруклине на 2-й восточной улице. У него ничего за этот год не изменилось. В случае моего возвращения в Бруклин, он был готов предоставить мне место в его комнате. И вообще, был бы рад выпить со мной пива. После разговора с ним, снова захотелось вернуться в Бруклин.

Из телефонных бесед с Вовой я расслышал интонации усталости и тоски. Как он выразился, у него уже крыша поехала от скуки и однообразия посудомоечной работы.

Рассказал ему о своих замыслах переехать в Бруклин, где и решить окончательно, улетать ли домой. Предложил Вове для разнообразия и оздоровления его настроений сменить обстановку. Пригласил его в Нью-Йорк, где также можно найти работу и пожить до осени, а за это время решить, как и где быть дальше.

Особенно я обращал его внимание на присутствие в Бруклине наших земляков, в том числе и женщин, что избавило бы его от физической зависимости от островного пункта видео проката.

Я даже не исключал того, что Вове придётся по душе Бруклин

и соседний Нью-Йорк, который стоит посетить и увидеть, хотя бы любопытства ради.

Но его привязанность к бесплатной кормушке оказались сильнее моих посулов. Перспектива арендовать где-то жильё и тратиться на питание и транспорт пугала Вову. Он предпочёл держаться за то, что имеет. Лучше синица в руке…

Я попытался представить себя на его месте. Шесть дней в неделю мыть на кухне посуду по 9-10 часов. Жить над той же кухней, в маленькой, камерно образной комнатке и пользоваться общим коридорным туалетом и душевой… Я бы и месяца не выдержал! Он же, живёт и работает там уже пять месяцев и несмотря на естественное поползновение крыши, стоически отказывается от приглашения побывать в Нью-Йорке. Колхоз дело добровольное.

Я посетил автостанцию компании Greyhound и узнал, что билет до Нью-Йорка стоит 130 долларов. Но если купить билет предварительно не менее чем за 14 дней, тогда это будет стоить 65. В пути до Нью-Йорка со всеми остановками автобус тащится около 30 часов! Время отправления и время прибытия были удобны. В общем, мне всё подходило.

Оставалось привести в порядок все свои трудовые и дружеские отношения и организовать перевод сбережений.

Мысленно я уже покинул этот городок. Пошёл пятый месяц, как я заехал сюда. Этого срока было более чем достаточно для такого городка.

За время моего тура по Америке, не стало Френка Заппы, Курта Кобэйна, Джаклин Кеннеди и Ричарда Никсона.

И вообще, мне часто приходилось слышать от разных людей о неблагоприятном экономическом и моральном климате в стране.

Недавно Дайан жаловалась, что ей необходимо принять какое-то решение в отношении своих акций компании IBM.

Несколько лет назад, получив от своей матери какую-то сумму денег, она, по совету специалистов, приобрела на эти деньги акции IBM и не жалела об этом. Несколько лет она исправно получала регулярные дивиденды, позволяющие ей безбедно жить.

Но вот уже второй год, любимая акционерами компания доставляет всем беспокойство. Объемы реализации продукции снижаются, производство сокращается, соответственно, и доходы акционеров и цена на акции падает.

Дайан не знала, как ей быть. Продавать акции и на вырученные деньги приобретать другие ценные бумаги? Она не имела понятия, что сейчас следует покупать. Да и где-то в глубине души теплилась надежда на оздоровление и прежнее

благополучие IBM.

И таких акционеров было немало.

Помочь ей в этом вопросе я ничем не мог. Я даже не посоветовал ей доверить свои сбережения какому-нибудь украинскому Дому Селинга или банку «Видродження», которые, наверняка, избавили бы её от такой проблемы раз и навсегда.

После возвращения Питера из отпуска мы продолжали вяло заниматься всё теми же поливными системами. Я рассказал ему о своих намерениях съехать. И мы спланировали с ним работу до конца августа.

В этот же день я посетил автобусную станцию и купил билет на автобус компании Greyhound до Нью-Йорка. Как и обещали в своей рекламе, они оценили такой билет в 65 долларов.

Мои друзья-свидетели, узнав о моём намерении, стали торопливо проходить со мной наиболее важные, на их взгляд, главы их «учебников жизни», объясняя это искренним стремлением направить меня на путь истинный. Брайан и Дженис, зная меня уже достаточно хорошо, относились к суете вокруг моей заблудшей души спокойно и ненавязчиво.

Как-то вечером, Артуру вдруг захотелось, чтобы я поговорил с его приятелем, говорящим по-русски. Доложив тому по телефону о русском туристе, проживающем в одном доме с ним, он передал мне трубку. На другом конце я услышал человека, действительно, вполне, уверенно говорящего на русском языке. Я отметил этот факт и поинтересовался, откуда у него эти навыки? Тот ответил, что около двух лет работал в Москве, представлял интересы какой-то американской компании. Он посетовал на сложную грамматику русского языка, а я на отсутствие каких-либо правил чтения в английском. Одна буква в разных случаях означает уйму различных звукосочетаний. Беспорядок! А в реальной жизни эти звуки произносят кому, как угодно!

Он посмеивался над моими замечаниями и признавал таковой факт.

Больше всех радовался этому разговору сам Артур. Он с любопытством наблюдал за мной, а когда я вернул ему телефонную трубку, стал расспрашивать своего друга, как тому удается понимать мой язык.

Дайан, узнав о моём скором отбытии, пожелала, чтобы я сообщил об этом её коллегам учителям-добровольцам. Однажды она завезла меня в их офис.

В этот день там дежурила та же женщина, которая принимала меня. Она всё хорошо помнила. Я выразил им свою благодарность за оказанную ими заботу о моём английском, и обещал, что теперь о них узнают и в бывшем Союзе. Такая перспектива им

понравилась.

Но более всего их интересовали мотивы моего отъезда.

Судя по их реакции, они считали город Нэйплс неким раем на земле, покинуть который может пожелать лишь безумный. Они стали расспрашивать, что же мне не понравилось в их чудном городе?

Я отметил отсутствие какого-либо общественного транспорта в городе.

Они удивились моему замечанию и стали рассуждать, что таковой и не нужен здесь никому, так как все пользуются личным автотранспортом и такая затея в городе будет просто нерентабельна.

Я возразил им, заявив, что мне известно о существовании в городе широкой прослойки населения, представители которой, по разным причинам не могут иметь личные автомобили, и вынуждены пользоваться велосипедами.

Они не стали выяснять, что же это за прослойка такая, которая не может, и по каким таким причинам, владеть и пользоваться личным транспортом, а желает ездить по городу в общественных автобусах?

Короче говоря, я не смог представить им уважительного объяснения своему отбытию из их расчудесного городка с ухоженными травяными газонами.

Как заметила Дайан, если бы я ещё и сообщил им, что собрался в Бруклин, то они бы точно решили, что я обезумел.

Мне нетрудно было понять любовь этих женщин к тихому, ухоженному городку на побережье Мексиканского залива. Они проживали в своих домиках или квартирах, заботясь лишь о цветах и травке перед домом, и о чистоте английского языка. Ну, и о своих сбережениях в акциях.

О другой стороне города, которую представляли мои соседи наркоманы, с которыми не желают иметь дело даже телефонные компании, эти тёти, вероятно, знали лишь по фильмам, да и вряд ли они такое кино смотрят.

До моего отъезда Дайан организовала ужин на двоих.

Мне нравилась её квартира и само место. Я был удивлён, узнав от неё, что она арендует эту квартиру. По мебели и по тому, как она щепетильно поддерживала порядок, у меня не было сомнений, что это её собственность.

Как она объяснила мне, ей выгодней арендовать. Ещё она рассказала о себе, что у неё две дочери, которые живут со своими семьями в Южной Каролине, и она регулярно летает к ним в гости. Кроме отношений с дочками, она немало времени и внимания уделяет местной епископальной церкви. Из её

рассказов о мероприятиях, в которых она участвует при церкви, я понял, что для многих прихожан это нечто подобное клубу, где они встречаются и общаются.

Как она заметила, моё появление с уроками английского языка, теннисом и посещениями православной церкви и ночного клуба, ощутимо сократило её участие в текущих делах церкви. Задержись я здесь подольше, так церковь и вовсе потеряла бы в её лице активистку-прихожанку.

Так, без какой-либо религиозной доктрины, а лишь с манговыми плодами, любительским теннисом и бесконечными историями о туристических похождениях и СНГ-ужасах, можно обратить взрослого человека в атеизм.

Но этого не случилось. Из-за моей непоседливости. Дайан просила не пропадать, позванивать иногда, или письма писать. Я обещал.

С Брайан и Дженис я договорился о передаче им велосипеда, который верно послужил мне все эти месяцы. Они назначили мне время и предупредили, что хотят задержать меня на пару часиков, в связи с запланированным ужином.

У них мне тоже нравилось. Только их жилой комплекс находился подальше за торговым центром, но это — не расстояние.

От Брайана я узнал, что он подрядился на дополнительную работу, подстригать траву на территории их жилого комплекса. Травяная территория там была немалая, почти полноценное поле для гольфа. Он был доволен, получив этот приработок у себя во дворе. Хотя, ясно, что берутся за дополнительную работу не от нечего делать.

Обхаживая и обзванивая всех своих знакомых в Нэйплс и беседуя с ними в связи с отъездом, по их реакции начинаешь подумывать, что можно плюнуть на своё полулегальное положение в этой стране, купить здесь жильё, пристроиться на приемлемую постоянную работу и залечь на дно. Всё выглядело так, что моё заблудшее существование здесь никого не беспокоит, и никаким миграционным и прочим службам нет до меня дела.

По всей стране миллионы туристов, проживающих в подобном положении годами, и не помышляют возвращаться в свои неблагополучные страны. Однако, вступая в различные отношения, вопрос о статусе всё же возникает с той или иной остротой. До конфликтных ситуаций дело не доходило, а вот несостоявшихся отношений по причине моего нелегального положения уже немало.

В таком положении имеет смысл освоить и приспособиться к собачьему тотализатору или к рулетке. Там никому нет дела до

моей биографии, только ставки делай! Однако, такой источник дохода зависит от настроения собак и Фортуны.

За несколько дней до отъезда, я посетил отделение Barnett Bank, и переговорил со служащей, о путях перевода своих сбережений на счёт в CitiBank в Бруклине.

Мне предложили два способа.

Один из них был быстрый, не бесплатный. Я сообщаю им номер счёта и координаты банка, и в течение нескольких минут туда переводится указанная сумма с моего счёта.

Другой способ был проще. Я снимаю с этого счёта свои сбережения, но получаю их не наличными, как мне советовали, а именным чеком, потеря которого не представляет никакого риска для самих сбережений. А по приезду на другое место, я могу положить этот чек на свой счёт в ином банке. Там его оприходуют, но снимать эту сумму наличными я смогу лишь спустя дня три, после того, как банк принявший чек, получит подтверждение от банка, выдавшего этот чек.

На этом мы и остановились. Мне выписали чек на всю сумму, которая была на моём счету, а сам счёт, по моей просьбе, закрыли. С этим чеком на моё имя, от банка Флориды Barnet, я и вышел оттуда.

Справедливости ради, следует отметить широкую сеть отделений этого банка по всей Флориде и то, что за время пользования их услугами я не имел никаких недоразумений.

Надо было также уладить отношения почтовые.

От меня требовалось заполнить бланк, в котором указать новый адрес, куда можно будут пересылать приходящую на мой почтовый ящик корреспонденцию. Я указал им адрес в Бруклине на 2-й восточной улице.

Пришло письмо и от друзей из Голландии. Они не очень-то почитали большого заокеанского брата, и советы соответствующие мне давали. Рекомендовали не задерживаться слишком долго в стране кока-колы и хот-догов, дабы это не повлияло на меня дурно. Увещевали меня не украшать себя татуировками и главное, оставаться самим собой, даже в нелегальном положении.

Последние дни мы работали с Питером не так много. У меня было достаточно времени заниматься своими делами и просто расслабляться.

Слушая по телефону жалобы Вовы на своё неустойчивое эмоциональное состояние, я и за собой всё чаще замечал симптомы вялотекущей шизофрении. Жаркая погода, полу-чужой язык, не умственный труд и многочасовое общение с радио, отражались в моих мыслях и снах. Я уж и не замечал на котором

языке думаю и сны прокручиваю.

Этот период можно коротко иллюстрировать подобным словесным бредом:

Ugly women, pretty cars,
Tough relations, perfect phone connection.
Calculation, irritation and headache…
Pretty lawns, happy pets
Homeless people, filthy kids
Phoney greetings, stupid questions
It's just alien's impressions…

Безобразные женщины, симпатичные авто, жёсткие отношения, совершенная телефонная связь, подсчёты, раздражение и головная боль… Ухоженные газоны, довольные домашние животные, развращённые дети, лицемерные приветствия, глупые вопросы. Это просто впечатления пришельца…

9

Снова Бруклин и Нью-Йорк. Неосвоенная новая профессия. Воздержание от Американской Мечты.

В день отъезда Дайан подъехала ко мне, чтобы проводить меня. Мы тепло распрощались с Артуром, и уехали с Дайан на автостанцию.

За полчаса до отправления, автобуса ещё не было, и вообще, не наблюдалось каких-либо признаков предстоящей посадки.

Мы оставались в машине. Дайан по дружески выражала надежду, что я не исчезну вовсе. Я обещал давать о себе знать. Автобус прибыл вовремя. Пассажиров в Нэйплс оказалось немного, кроме меня, ещё несколько мексиканцев.

Из города автобус выбрался на 75-ю дорогу, и вдоль Западного побережья Флориды мы заехали и сделали короткие остановки в Fort Mayers и Sarasota.

В Тамра мы приняли немало новых пассажиров и оттуда направились к Восточному побережью Флориды. Пересекли полуостров поперёк и следующую остановку сделали в Orlando. Там оказался большой, современный автобусный терминал, через который проходят множество маршрутов.

В Орландо нам объявили о пересадке на другой автобус для тех, кто следует в Нью-Йорк.

Переходя на другой автобус, уже ожидавший нас на соседней платформе, я подумал о своей сумке, оставленной в багажном отсеке автобуса. Посадкой заправляла чёрная девушка, наряженная в униформу с эмблемой компании. Меня и мой вопрос о багаже она встретила добродушным, белозубым оскалом лица. Выслушав беспокойства о драгоценной сумке с компакт дисками, девушка попросила показать ей билет и багажный номерок. Я предъявил ей это. Бегло взглянув на них, она советовала не волноваться, обещала, что обо всём позаботятся. Пригласила меня в автобус. Мне это показалось странным, но я поверил ей.

Из Орландо выехали под дождём, а далее, строго на Север вдоль Восточного побережья, уже знакомой мне 95-й дорогой. Я расслабился и тупо созерцал в окошко, слушая радио.

Ночью, где-то в Северной Каролине нам снова учинили продолжительную остановку с пересадкой. Меня уже не волновал мой багаж, я просто пересаживался куда указывали, и ехал дальше на Север.

На следующее утро наш автобус сделал остановку для отдыха

в каком-то автодорожном туристическом центре. На просторной стоянке было много рейсовых автобусов и частных автомобилей. Всё было с размахом приспособлено для приёма транзитных автотуристов.

Рестораны быстрой пищи работали подобно фабрикам, пропуская через свои кассы непрерывный поток посетителей. Я уже не могу припомнить ни названия этого места, ни штата. Но перерыв для отдыха, который мы там получили, был очень кстати.

В этих краях уже чувствовалась свежесть приближающейся осени. После зноя Флориды наблюдать такие перемены было особенно приятно.

По мере продвижения на Север, всё более наблюдалась лесная местность, листва уже была слегка тронута осенью. Это время года, бабье лето, мне нравится более всего, когда не холодно и не жарко. Здесь этот период называют Indian Summer.

К Нью-Йорку подъехали в часа четыре вечера. Нью-Йоркский автобусный терминал в сравнении со всеми, через которые я проехал, показался мне целым городком.

Нам объявили о прибытии и указали, где мы можем получить свой багаж. Я так и не понял, которым автобусом моя сумка была доставлена сюда.

Багаж выдавали двое чёрных шустрых ребят. Предъявив им багажный номерок, они быстро отыскали мою сумку среди массы других и не очень вежливо выставили её передо мной. Им было не до любезностей с пассажирами, они были заняты. Подобная занятость и озабоченность здесь наблюдалось во всём. Никому ни до кого нет дела. Это Нью-Йорк.

Прошёл год, как я уехал отсюда. Я успел отвыкнуть от этого грубоватого города-монстра.

На станции метро 42-я улица было душно и многолюдно. Конец рабочего дня.

Мне подходил любой из трёх, проходящих по этому маршруту поездов; A, C, E.

Среди ожидающих, рядом со мной стоял и парился в своем чёрном сюртуке, пожилой, бородатый еврей хасид. Я год не видел их, и теперь мне было интересно наблюдать за ним.

Я с трудом переносил подземную духоту, одетый в шорты и футболку. А он, упакованный от чёрных башмаков до шляпы, как в футляре, не проявлял каких-либо признаков нетерпения, лишь привычно обтирал лицо платочком.

Пару поездов, плотно заполненных пассажирами, я пропустил. Пока ожидал следующего, решил позвонить Юрию. На мой звонок ответил незнакомый мне товарищ. Я попросил Юрия

и объяснил, кто я. Мне ответили, что Юрий сейчас где-то в Нью Джерси, но он предупредил о моём приезде и я могу рассчитывать на место в его комнате.

Отсутствие Юры меня огорчило. Я уже предвкушал нашу встречу с холодным пивом и походами по злачным местам. Вместо этого меня ожидали незнакомые люди, которые, вероятно, не очень-то обрадуются дополнительному постояльцу.

Наконец, я протиснулся в вагон поезда и поехал в направлении нижнего Манхэттена. На станции West 4 St. Я сошел и перешёл на остановку, где проходили поезда B, D, F, Q, следующие в нижний Бруклин. Мне подходил поезд маршрута F. Пришлось снова подождать. На этом поезде я доехал до Ave.P и прошел пешком до 2-й восточной улицы.

В Бруклине ничего не изменилось. Те же продуктовые магазинчики на каждом углу и многонациональная людская суета на улицах.

Трехэтажный дом номер 1742 на East 2 St оказался на месте. Входная дверь в подъезд закрыта. Я нажал кнопку звонка в квартиру F1 на первом этаже. В ответ, без расспросов открыли дверь, и я прошёл в подъезд. Дверь в квартиру мне отворил незнакомый парень.

— Привет, я вам звонил… Мы с Юрой договаривались…

— Да, привет, заходи, — ответил тот.

В квартире тоже мало что изменилось. Признаки общежития, в котором проживают рабочие, были очевидны. В прихожей на вешалке много одёжки со следами строек. Меня провели во вторую комнату и указали на спальное место, которое всегда занимал Юра.

Мы познакомились с товарищем. На мои расспросы о Юре, Саша дал мне понять, что едва знает его и не представляет себе, где и чём тот занят. Ему лишь было известно, что Юре, якобы, предложили какую-то работу где-то в Нью Джерси, и он поехал туда, предупредив о моём возможном приезде. Ни телефона, ни даты возвращения его Саша не знал.

Скоро с работы вернулись ещё двое жильцов, проживающих в первой комнате. Это были земляки Юрия, одного из них я знал, другой совсем недавно приехал сюда. Никто из них ничего толком не знал о Юре, и вообще, они неохотно говорили о нём. Каждый был занят своими заботами.

Они более охотно интересовались, где я побывал за этот год и хотели, чтобы я рассказал им о Флориде.

По их вопросам нетрудно было догадаться, что всё время пребывания в этой стране они провели в Бруклине. Случались иногда по выходным дням экскурсии в Атлантик Сити или в Нью-

Йорк. А в основном — в Бруклине, по маршруту: утром — на стройку, вечером — домой. Факт своего длительного проживания в Америке ребята подтверждали разговорной речью, украшенной отдельными английскими словами. По-прежнему на первом месте по частоте употребления были три слова; garbage, experience, lawer.

Хотя они и расспрашивали меня о погоде и работе во Флориде, было очевидно, что это не более чем праздное любопытство, никто из них и не помышлял бросить стабильную работу, пусть даже на стройке, и покинуть русскоязычное окружение. Даже зимой, как бы паршиво здесь не было, они — среди земляков. А это важно.

Когда я рассказал им как в Нэйплс у меня был период Без Определенного Места Жительства и мне приходилось выбирать; жить одному в приличной квартире за 500–600 в месяц, или соседствовать с чужими людьми за 200, у них возникали неожиданные для меня вопросы.

Например, где же я хранил деньги, оказавшись в чужом городе, неужто, всё с собой возил?

Когда я упоминал о банке, они реагировали на это так, будто услугами таковых могут пользоваться исключительно граждане США. Мы взаимно удивляли друг друга в равной степени.

Перед тем, как воспользоваться душем, они показали мне, как им управлять. Смеситель был неисправен. А вернувшись к ним после душа, они задали мне новую серию вопросов. Их интересовали мои планы на ближайшее будущее. Я предложил им вариант моего временного проживания здесь с оплатой своей доли рентных расходов. Мне определили пять долларов за сутки и дали добро на пользование Юриным спальным местом.

Затем, они привлекли меня к рассмотрению бытовых проблем. Оказалось, что они уже за два месяца своего проживания не платили хозяину рентную плату. Объясняли они это тем, что хозяин не реагирует должным образом на их просьбы — отремонтировать смеситель в ванной.

Насколько я смог расслышать, у них уже вызревало намерение тихо съехать с этой квартиры, избавив хозяина от своих бытовых претензий и рентной платы за два-три месяца. У них и повод был, оправдывающий такие действия — арендодатель не исполняет свои обязательства.

Тем не менее, они просили меня изложить хозяину их претензии.

В этот вечер я прогулялся до 14-й восточной улицы и посетил парк спорта и отдыха. Там было людно. Молодёжь резвилась в различных видах спорта, пожилые посиживали на скамеечках,

играли в шахматы и домино. Мне нравилось это место.

На теннисных кортах, по-прежнему, через свои сетки гоняли мячи китайские и русскоговорящие теннисисты-любители разных возрастов. Некоторые кадры были уже знакомы мне. Закончив игру, игроки, как и прежде, снимали сетку и уносили её с собой.

Ночевал я в одной комнате с Сашей. О нём я узнал, что он из Киева и здешняя работа на стройке его уже изрядно достала. А последнее время ещё и жена требует возвращения. Так что, он был близок к тому, чтобы вернуться домой. Он уже и покупки начал делать. Присмотрел себе какой-то музыкальный центр и готов был обсудить со мной преимущества выбранной модели. Я уже полгода не общался со своими соотечественниками, и мне было интересно поговорить обо всём этом.

А на следующее утро я посетил CitiBank и сделал вклад на свой счёт в виде чека от Barnett Bank. Чек приняли без вопросов.

Затем я зашёл в несколько агентств по продаже авиабилетов и поинтересовался ценами.

До Одессы можно было перелететь только Австрийскими авиалиниями через Вену и цены назывались 600–650 долларов за билет в один конец. До Киева вариантов было много. Из всего предложенного, наиболее приемлемым был рейс финской компании Нью-Йорк — Хельсинки — Киев, за 400 долларов в один конец.

С покупкой билета я не торопился. Мне надо было дождаться перевода денег по чеку, и вообще, стояла чудная погода, располагающая к прогулкам.

В газете New York Times среди объявлений о работе я вычислил одно предложение, заинтересовавшее меня. Некая компания Ace Record, занимающаяся торговлей музыкальной продукции, открыло новое отделение в Нью-Йорке и приглашало на работу активных людей. Оплата от 400 в неделю, а также бесплатные билеты на музыкальные концерты, проходящие в Нью-Йорке.

Для контакта указывался телефон.

Я позвонил туда. Ответила женщина. На мой вопрос относительно предлагаемой работы, она пригласила на собеседование. Я продиктовал своё имя, и она назначила мне дату и время.

Вечером, когда все ребята вернулись с работы, в гости зашёл сын хозяина квартиры. Это был парень лет 35, с первого взгляда было видно, что ему крайне неловко ходить сюда и выяснять отношения по поводу рентной платы. Он оказывался в уязвимом положении, попадая в окружение иностранных арендаторов, предъявляющих ему претензии вместо выдачи желаемой рентной

платы. Я понял, что он уже неоднократно посещал их и уходил отсюда ни с чем.

Теперь и я оказался участником этого затянувшегося спора. Ребята просили разъяснить ему, что рентная плата за два месяца будет выплачена только после того, как смеситель в ванной будет исправно функционировать.

Парень обрадовался, когда я заговорил с ним. Я начал с того, что временно остановился здесь на месте отсутствующего Юрия. Коротко упомянул, что когда-то более года назад, мне уже приходилось по просьбе его отца передавать ребятам его замечания по поводу бытовых отходов…

Обстановка заметно потеплела, парень заявил, что он рад моему возвращению в Бруклин и он благодарен мне за участие. Я заверил его в том, что ребята готовы рассчитаться за пользование квартирой, и он воспринял это с заметным облегчением. Однако, после обмена любезностями, я пригласил его в ванную комнату и продемонстрировал нефункционирующий смеситель. Объяснил, что жильцов не устраивает холодная или очень горячая вода в отдельности, они хотят регулировать это с помощью смесителя.

Тот выслушал меня, и переспросил, действительно ли после устранения этого недостатка он сможет, наконец, получить рентную плату? Ребята обещали. Договорились, что в субботу в определенное время он приведёт сюда мастера.

На этом мы и расстались без каких-либо признаков конфликта.

После его ухода ребята обсуждали эту ситуацию, и при этом упоминался вариант сохранения более тысячи денег путем тихого переезда на другую квартиру. Однако, все признали, что переезд и аренда другой квартиры дело хлопотное и потребует не меньших расходов. Учитывался и моральный момент такого шага.

Днём я уезжал в Нью-Йорк и убивал время, гуляя вдоль и поперёк острова. Мне показалось, что за прошедший год здесь многое изменилось в худшую сторону.

Улицы, на мой взгляд, стали грязнее, среди мелких магазинчиков появилось много лавочек, торгующих откровенным барахлом, у входа в которые торчали зазывалы колумбийской внешности. Среди привычных уличных попрошаек я встретил чёрного брата, который приставал к прохожим с традиционной просьбой. Но протягивал не обычный бумажный стаканчик, а трехлитровую жестяную консервную банку! Я видел в этом симптом нехороших перемен. Город становился всё менее пригодным для проживания в нём нормальных людей.

Отыскивая людей, которых я здесь знал, вспомнил о Владе. Перед моим отъездом он всеми своими средствами и мыслями

стремился к обретению легального статуса. Последнее, что я слышал о нём, это о его госпитализации в связи с неосторожной ездой на велосипеде. Очень хотелось узнать хоть что-то о нём.

Когда-то он дал мне телефон одного своего земляка из Киева, переехавшего из Киева в Бруклин на постоянное место жительства. Я не очень-то верил, что этот приятель Влада согласится отвечать на мои расспросы, но мне больше некуда было обратиться.

На удивление, меня легко поняли, о каком Владе я спрашиваю, и ответили, что у того всё задуманное вышло. Добившись своего, он слетал в Киев и забрал жену с ребёнком. Оказалось, он совсем недавно вернулся сюда, и остановился в Бруклине. Даже сообщили его домашний телефон.

Я тут же набрал этот номер, и мне ответила девушка. От неё, я узнал, что она и есть его жена Люда, а сам Влад ожидается вечером. Я попытался заговорить с ней о её впечатлениях, как человека, впервые попавшего сюда из Украины, но в ответ расслышал растерянность и настороженность. Она сослалась на ребёнка, который требует внимания, и предложила мне обращаться со своими странными вопросами к мужу-Владу. Это беглое телефонное соприкосновение с Украиной вызвало у меня ощущение непонимания и отчуждения. После разговора с ней у меня осталось впечатление, что я разговаривал с ребёнком школьного возраста, который стесняется говорить с незнакомым дядькой, возможно, маньяком.

Вечером я всё же связался с Владом. Он временно арендовал квартиру в районе Green Point, на краю Бруклина, у самой реки East River. На другой стороне реки — уже Нью-Йорк. В этом районе проживают преимущественно поляки.

Влад сразу узнал меня и предложил встретиться. Я коротко изложил ему свои планы на ближайшее будущее, и он уверенно заявил, что моё возвращение на Украину будет большой глупостью! Подробности обещал при встрече.

На следующий день, на мой телефонный звонок к Владу, снова ответила его молодая жена. Но в этот раз она разговаривала со мной повеселей, и рапортовала, что Влада сейчас нет дома, но я могу приезжать, так как он скоро вернётся.

На поезде сабвэя F я проехал до станции Smith 9 St, там пересел на поезд G и доехал до станции Green Point Ave.

Бруклин в этом районе ничем не отличался. Трёх-четырёх этажные дома из тёмно-красного кирпича, бакалейные магазинчики, пекарни, прачечные и прочие услуги, только с польскими названиями. Нужный мне дом я отыскал легко. Дверь в подъезд не заперта. Я поднялся на третий этаж. Дом был старый

и нуждался в ремонте. В общем, местечко для проживания с семьёй не очень-то подходящее, но временно можно и так.

Я вспомнил, как Влад упирался, зарабатывал, чтобы оплатить свою сомнительную затею. Наконец, ему это удалось, теперь он в этой стране легально и с ним его семья. Только теперь, ему вероятно, ещё труднее. Перед ним сейчас новая задача — устроиться и вычухаться в чужой стране без какой-либо помощи, при этом ещё и заботясь о жене и ребёнке. Я ещё не видел его жену, но полагал, что, попав из Киева в этот район Бруклина, она сейчас терзает себя вопросом: не ошиблась ли я адресом!?

На мой звонок вышла девушка лет 23. Я сразу понял, что Влад уже рассказал ей обо мне, ибо она уверенно пригласила меня войти. Самого Влада пока не было.

Люда рассказала мне, что он уже работает где-то в Нью-Йорке ночным вахтёром, но этого недостаточно, поэтому он продолжает искать работу. Всё те же хлопоты, — подумал я.

О своих впечатлениях на новом месте, она уклончиво ответила, что ещё мало где бывала и больше сидит дома с ребёнком.

А скоро вернулся и Влад. Всё те же свисающие усы, залысины расширились, по-прежнему возбуждён и озабочен. Зато, новая оправа очков.

Он коротко рассказал мне, о чём он сейчас хлопочет. Снова же, поиски подходящей работы и жилья.

Не было необходимости расспрашивать его, как он поживает, его стесненное положение было очевидно. Я осторожно поинтересовался, не легче ли было бы ему найти место и работу в Киеве?

Упоминание об Украине задели его за живое, и он эмоционально выплеснул свои впечатления, вывезённые оттуда. Из его рассказа о жизни в Киеве и на Украине я вынес мрачноватое представление о происходящем там.

В качестве приложения к своим впечатлениям он дал мне почитать привезённые им украинские газеты периода предвыборной президентской возни. (1994 г.)

Складывалось впечатление, что «держава зробила вибір» и основательно ориентирована на мафиозно-бюрократическую форму правления. Страну и население откровенно грабят и насилуют госчиновники всяких рангов и бандиты, которые уже настолько сплотились в своих корыстных помыслах и делах, что отличить бандита от нардепа или министра весьма сложно.

Его рассказы и газетные статьи об украинских банках и всякого рода доверительных ёбществах, которым наивное население доверяет свои сбережения и навсегда теряет их,

казались мне нелепыми преувеличениями Влада. Но в газетах об этом так же упоминалось. Эти мрачные газетные новости были щедро разбавлены тошнотворной национально-патриотической риторикой и многообещающей демагогией, в которой чаще всех упоминались президент Кравчук и некий Кучма.

Вырисовывалась картина, что в Украине заправляют отъявленные мародёры, а законы там имеют значение не более, чем в какой-нибудь африканской стране, где каннибализм — вполне обычное дело.

Влад советовал мне не покупаться на посулы земляков, которые рапортуют о лёгких заработках в коммерции. Он был уверен, что базарное движение, в которое вынужденно бросилось всё активное население Украины, не придётся мне по душе, да и само по себе скоро зайдёт в тупик. Мои расспросы о предстоящей приватизации в стране просто рассмешили его…

Влад убежденно считал своё бегство из Украины правильным шагом, хотя бы по отношению к своему ребёнку. Он категорически не желал, чтобы тот рос и формировался в стране, в которой откровенно проводится социально-экономическая политика геноцида, а само население холуйски терпит и допускает это. Украинские политиканы, говоря о своей стране и народе, с людоедским удовлетворением отмечают такое, по истине редкое, качество, как «терплячість».

Эта терплячість позволяет им от имени и в интересах народа, избравшего их, распродавать национальные богатства, распоряжаться сбережениями населения и перекачивать на свои счета десятки и сотни миллионов.

Услышав такие свежие и красочные впечатления о стране, гражданином которой я, увы, являлся, мне стало даже любопытно побывать в этом лепрозории. Вырисовывалась просто фантастическая картина! Ведь в Украине чуть ли не каждый второй взрослый гражданин обременён высшим образованием. И как такое население, в центре Европы, может допустить подобные эксперименты над собой?

С другой стороны, чего бы это Влад, владеющий английским, японским, польским, и, самое важное — украинским, языками и киевской пропиской, не устроился в родном Киеве? Не совсем же он обезумел, забрав оттуда жену и полуторагодовалого ребёнка, чтобы начинать новую жизнь в Бруклине…

Мне было ужасно любопытно, увидеть всё это своими глазами! В конце концов, если я почувствую на своей шкуре болезненные последствия украинского відродження, я всегда смогу, потратив часть своих сбережений на визу, билет, и вернуться в тёплую и хлебную Флориду.

Вероятно, американский оптимизм Влада так подействовал на меня, что я вспомнил о собеседовании, назначенном мне в какой-то муз конторе. Я отыскал адрес, записанный мною на клочке бумаги под диктовку секретаря. Это был некий «Ace Record», меня ожидали там к 11, по адресу 56 West 39 Str. NYC, и мне следовало спросить некую Danielle.

Я подумал, что это тоже любопытно. Пока я ещё здесь.

В назначенный день я прибыл по указанному адресу. Невзрачная дверь с номером 56 была заперта, но имелся звонок, я воспользовался им и дверь открыл мужчина, исполняющий функции вахтёра. Я лишь назвал наименование разыскиваемой конторы, и он молча пропустил меня, подсказав, что это на третьем этаже. Об этом и указатели говорили.

Добравшись до дверей с табличкой Ace Record, я вошёл туда и оказался, как я понял, в приёмной.

Просторная квадратная комната, один угол которой был оборудован под секретарский офис, где заседала женщина средних лет. На стульях, расставленных вдоль стен, посиживали визитёры. Оглядевшись, я понял, что все эти ребята так же приглашены на свидание.

Я направился к секретарю. Её телефон непрерывно звонил, и она жизнерадостно отвечала на звонки. Ожидая, пока она закончит говорить по телефону, я понял, что всё это звонки по объявлению. Люди интересовались.

Закончив, она приветствовала меня служебной улыбкой. Я коротко доложил, что мне на сегодня к 11 назначена встреча-смотрины. Она попросила назвать имя, и, услышав таковое, быстро отыскала нужную запись в своём журнале. Затем радостно объявила мне, что это она же и записала меня на приём и предложила присесть, подождать пока меня пригласят. Я послушно занял место среди ожидающих.

По этой комнате можно было предположить, что арендовано место недавно. Всё здесь было старенько, дёшево и наспех организовано. За перегородкой, куда вела дверь, похоже, и происходили беседы с кандидатами. Когда в приёмной становилось тихо, то можно было слышать разговор за перегородкой. Чтобы поправить это недоразумение, секретарь прибавляла громкость игравшей у неё под боком музыки. Вышедший из-за перегородки кандидат, молча покидал нашу приёмную, что он вынес из этой беседы, я не мог знать. Секретарь объявляла очередное имя, и туда уходил следующий.

Ожидающие, сидели с серьёзными, озадаченными лицами. Почти все они были одеты если не в костюмы, то уж и не в джинсы, как я. Ясно было, что они относятся к предстоящей

процедуре вполне серьёзно. В большинстве это были ребята в возрасте 25–30 лет, каждый принёс с собой какие-то бумаги, вероятно, трудовые биографии и характеристики от предыдущих работодателей. Некоторые из них заметно волновались и даже нервничали, хотя, как мне показалось, эта контора не стоила того. Но я мог и ошибаться.

Давно не ремонтированное помещение, разделённое фанерной перегородкой, музыка в качестве звукоизоляции и портреты-шаржи Рода Стюарта и Фрэнка Заппа на выгоревшей стене… Ко всему этому относиться серьёзно я не мог. Мои полинявшие джинсы с футболкой вполне соответствовали этому месту, а папка с комсомольскими грамотами (которых у меня никогда не и было), здесь была бы просто неуместна. Хотя, аренда этого пространства на западной 39-й улице Нью-Йорка, наверняка, чего-то стоила организаторам.

Наконец, я дождался своей очереди и прошёл за перегородку. Там я нашёл фанерный кабинет с письменным столом, за которым восседал деляга в костюме. При моём появлении, он встал, врубил улыбку и салютовал шаблонным приветствием.

— Привет, я Боб. Добро пожаловать в Ace Record!

Он протянул мне руку, и мы обменялись рукопожатиями. Я назвал своё имя и тоже соврал, что рад познакомиться с ним. Мне было всего лишь любопытно.

Мы присели, он заглянул в свои записи и назвал моё полное имя.

— Откуда ты? — последовал традиционный вопрос.

— Из Флориды, — ответил я для разнообразия.

— Но ты не кубинец, скорее русский? — шутя, но точно подметил он.

— Русский из Украины, — дополнил я его знания.

— Хорошо. В Польше уже работает наш филиал, — похвастал он.

Я промолчал, подумав про себя, что же хорошего; то, что я русский, или то, что у них филиал в Польше?

— Давно из Флориды приехал? — спросил он по-свойски, при этом присматриваясь ко мне, как следователь к свидетелю.

— Неделю назад, но я раньше уже жил в Бруклине.

— В Бруклине остановился? Вероятно, на Брайтон Бич?

— Нет, район Бенсонхерст.

— Ну, хорошо, Сергей, коротко расскажу тебе о нашей деятельности.

Наша фирма начала работать в Нью-Йорке совсем недавно, но дела идут хорошо, и мы видим перспективы расширения дела здесь. Сейчас нам нужны люди для реализации компакт дисков и

аудио кассет. Мы не открываем магазины, здесь их уже достаточно, наши люди несут товар прямо покупателю…

— А если покупатель не нуждается в этом? — подумал я, но промолчал.

— Наши сотрудники создают круг постоянных покупателей и поддерживают с ними тесные отношения…

— Порою, навязчиво-назойливые отношения, — подумал я про себя.

— У нас, в отличие от магазинов, гибкие цены и масса прочих преимуществ, — продолжал он.

— Как оплачивается работа, по часам или от проданного? — поинтересовался я.

Мой вопрос был воспринят как вполне естественный, и я получил чёткий ответ.

— Сначала твердая понедельная оплата, с постепенным переходом к сдельной, то бишь, процент от проданного. Но сейчас не это главное.

— А что же?

— Сможешь ли ты это делать?

— Чтобы ответить, смогу ли я что-то продавать, мне необходимо знать, что и по каким ценам я должен продавать. Покажите мне список ваших компактов и цены на них, и я смогу ответить на ваш вопрос.

— Эти списки состоят их десятков тысяч наименований, и они постоянно дополняются, цены тоже меняются. Могу лишь сказать, что наши цены всегда ниже, чем в магазинах, и наш покупатель всегда может обменять купленный им компакт, — продолжал он свою коммерческую песню.

— Во всех магазинах можно обменять купленный компакт. Так какие же у вас цены? — не унимался я.

— Я вижу, ты имеешь некоторое представление об этом…

— Я тоже не в магазинах покупаю компакты, а от BMG и Columbia House, у них и цены гибкие и обменять также всегда можно, а средняя цена за компакт выходит всего 4 доллара. Поэтому мне и любопытно какие же цены у вас.

— Сергей, повторяю, это не столь важная деталь в нашей работе, цены постоянно пересматриваются.

— Тогда что же важно?

— На данном этапе важно — кто будет с нами работать, — многозначительно ответил Боб.

— Понятно. Это уже вам решать. Вопросов больше нет.

— Хорошо, Сергей, спасибо за проявленный интерес к нашему делу. Сегодня вечером мы перезвоним тебе и сообщим свой ответ о наших намерениях по отношению к тебе.

— Тогда, до свидания, — встал я.

— Удачи тебе! Жди нашего звонка сегодня до 10 вечера.

Я вышел в приёмную, секретарь инструктировала очередного кадра, и я не стал отвлекать её, просто вышел и спустился по лестнице. Вахтёр выпустил меня на улицу.

Своё любопытство я удовлетворил частично. Если бы этот Боб сказал мне, что их компакты и кассеты надо будет просто доставлять по определенным адресам для конкретных клиентов, то я бы, без всяких сомнений, решил, что их контора торгует кокаином. Кстати, такой вариант более приемлем, ибо тогда не пришлось бы метать бисер перед покупателями. При хорошем качестве зелья, компакты, как упаковка, расходились бы без утомительных торгов.

В прошлом году Онода в нескольких кварталах ниже, натаскивал меня, как продавать картинки. Теперь, вероятно, мне предложат приставать к людям с компактами и кассетами.

А вечером, после девяти, когда мы с Сашей трепались о жизни, они всё же позвонили. Сказать честно, я не ожидал такого внимания к себе. Звонила Даниель, я узнал её.

Она с киношной радостью в голосе поздравила меня с положительными результатами собеседования и поинтересовалась, смогу ли я завтра же прибыть в их контору для более детального ознакомления с моей будущей работой? Я ответил, что смогу. Мне показалось, что иного ответа она и не ожидала услышать. Я пожалел, что у меня на завтра не было никаких планов поинтересней, а то бы я удивил её своим отказом.

Я едва верил в то, что возьмусь за это торговое дело, но хотелось выяснить всё окончательно.

Утром я ехал поездом сабвэя среди других людей, торопящихся в Нью-Йорк на службу. Вид у большинства пассажиров был не очень-то счастливый. Кто-то уткнулся в газету, кто-то слушал радио, напялив наушники. Это было свежее, солнечное сентябрьское утро. На улицах Нью-Йорка утренняя суета, народ торопится на работу.

В конторе оказалось также людно и суетно, как и на улицах. Ребята со стандартными сумками, набитыми аудио продукцией, покидали контору группками и в одиночку. Я полагал, что у каждого из них был свой план, маршрут и способы сбыта. Мне было любопытно, каков у них товар и каковы цены. Из своих наблюдений за происходящим, я мог догадываться, что здесь же у них и продукция хранится. А по настроению ребят-торговцев можно было думать, что они заинтересованы в предстоящей работе, ибо выглядели они уверенно и бодро.

Наконец я заметил Даниель. В это утро на посту секретаря

заседала другая девушка. Я обратился к Даниель и представился, как кандидат, которого она пригласила для ознакомления с работой. Она захлопотанно ответила, что всё помнит, и подозвала кого-то.

К нам подошёл прилично одетый, в очках, не очень чёрный парень до 30 лет. Даниель предложила нам познакомиться и пояснила, что сегодня, если мы согласны, проведём день под её опекой.

Её шутливые интонации и парниша в костюме пришлись мне по душе.

Мой случайный коллега посматривал на всю эту суету спокойно и внимательно, он не был похож на человека, стремящегося, во что бы то ни стало, заполучить здесь работу, он лишь подумывал об этом.

Даниель взяла у секретаря какие-то бумаги и вручила нам по листику.

— Прочитайте и подпишите, если вы согласны.

Я бегло просмотрел это и понял, что сегодняшний рабочий день мне предлагают провести в качестве ознакомления. Меня это не обязывает ни чему, а я не претендую на оплату потраченного мною времени.

Я указал дату и расписался. Мой коллега проделал тоже самое. Даниель вернула наши расписки секретарю, а нас просила подождать в приёмной. Сама же скрылась за дверью, куда я вчера ходил на собеседование.

Мы перебросились ничего незначащими фразами, суть которых сводилась к тому, что пока сложно делать какие-то выводы, будем посмотреть, что нам покажут…

Парень определенно нравился мне, он был спокоен. Ни восторга, ни разочарования увиденным, он не проявлял. Мне показалось, что он хотел бы заговорить со мной об этой затее, но тактично воздерживался от вопросов. Внешне, он напоминал мне Артура Эша. Скорее всего, он не знал об этом чёрном спортсмене соотечественнике.

Я мысленно пытался представить себя на месте одного из этих парней, что уходили из конторы с двумя сумками на плечах. Нетрудно было догадаться по габаритам, что в одной сумке у них были компакт диски, этак 5–6 десятков, а в другой — кассеты.

Я насиловал своё воображение, куда бы я подался сейчас с этим музыкальным обозом? Судя по ребятам, они имели представление, куда можно сбыть это добро. Я же, в данный момент, едва верил, что смогу что-то продавать. Перебрал в уме всех своих знакомых в Бруклине, кого могут хоть в какой-то степени интересовать подобные вещи, и представил их в качестве

потенциальных покупателей. Снова же, многие из них успешно и постоянно приобретают всё это от BMG и Columbia House, или у случайных уличных барыг, которые продают краденное по бросовым ценам.

Если говорить о магазинах, то там средняя цена за компакт диск 12–15 долларов.

Тем временем, к нам вернулась Даниель, при ней уже были две увесистые сумки с товаром.

Мы освободили её от сумок. Ей это понравилось, и она предложила нам зайти в кафе, где можно спокойно обсудить план наших действий.

Это кафе оказалось рядом, кварталом выше. Место тихое, вполне подходящее для подобных встреч. Заняли столик, и она заказала кофе и пирожные.

— Итак, ребята, сегодня я покажу вам, что это за работа и как это делается, — бодро начала она. — Я думаю провезти вас по своим местам в окрестностях Нью-Йорка, повидать своих постоянных клиентов и вам кое-что показать. Так что, расслабьтесь и воспринимайте это, как экскурсию и ознакомление с нашим делом.

Она стала рассказывать нам, как важно в таких делах поддерживать приятельские отношения с постоянными клиентами, рекомендовала помнить их имена, вкусы и… дни, по которым они получают зарплату. Я ждал когда, она заговорит о том, чем она удовлетворяет музыкальные потребности своих клиентов. Наконец, Даниель поинтересовалась, есть ли у нас вопросы или предложения.

— Можно ли взглянуть, что мы будем сегодня продавать, и по каким ценам? — спросил я.

— Да, пожалуйста, — равнодушно ответила Даниель и достала из сумки список.

По её реакции я понял, что она не придаёт особого значения этому моменту. Складывалось впечатление, что для них действительно не столь важно, что продавать. Мне показалось это странным, а она восприняла мой вопрос, как проявление праздного любопытства. Когда я просмотрел список, мои предположения подтвердились. Контора торговала неликвидами. Всё, что я нашёл в этом списке, можно было смело именовать, как trash, то бишь, музыкальный хлам.

Это действительно работа и непростая. Чтобы продавать такое, надо ещё поискать покупателя, которого можно убедить в том, что именно эта музыка достойна его внимания. В сущности, подобная торговля — надувательство. Пользуясь неосведомленностью покупателя, его ориентируют на

сомнительные духовные ценности. Ему не разъясняют, что есть и другая музыка, и на что следует обратить внимание при выборе. Ему просто навязывают то, что сегодня надо продать и для достижения этой меркантильной цели, злоупотребляют его доверчивостью и неосведомленностью.

Претензий к качеству нет? Не очень нравится? Да ты послушай дома повнимательней, и тебе обязательно понравится! Покупай, не пожалеешь…

И вообще, всякие коммерческие отношения содержат в себе элемент надувательства. Это редкое явление, когда продавец, зная о недостатках своего товара, скажет об этом покупателю. В лучшем случае, он умолчит об этом, а обычно, ещё и приукрасит да порекомендует приобрести.

В этом списке и цены были указаны 10–11 долларов за компакт. Подобное, в хороших специализированных магазинах регулярно уценивают и пытаются продать по 5–6 долларов.

Возвращая список, я не хотел ничего говорить, но Даниель сама поинтересовалась, что я думаю об этом.

— Это тяжёлый случай, — коротко ответил я.

— Что ты имеешь в виду? — переспросила она.

— Я просто не представляю себе, кто может слушать это, а уж как продать это кому-то?..

— Ты хочешь сказать, что всё это музыкальный хлам?

— К сожалению, это так и есть.

Следует отметить, что мои замечания совершенно не обидели её, скорее заинтересовали.

— Но это лишь твоё личное мнение, а мы будем предлагать это многим и разным людям, и поверь мне, не все так считают.

— Хотел бы я увидеть таких людей.

— Вот сегодня я и покажу вам всё, — оптимистично пообещала Даниель.

— Ваши личные вкусы не должны влиять на ваше отношение к товару и клиенту. Помните, что на всякий товар есть свой покупатель и ваша задача — найти этого покупателя и удовлетворить. Торговец алкогольными напитками сам может быть убежденным трезвенником, но успешным продавцом. Это работа.

На этом, наше утреннее заседание было закрыто и мы вышли из кафе. Мой напарник помалкивал, но внимательно наблюдал и слушал.

Даниель предложила нам совершить интересную коммерческую поездку на Север. Мы не возражали, и она повела нас на Grand Central Station, это было недалеко, и за десять минут мы дошли до вокзала.

Последний раз я здесь был, когда ездил к Онода в Terry Town.

По пути Даниель непрерывно что-то рассказывала нам. Пока мы дошли до вокзала и сели в вагон пригодного поезда, я уже знал, что — из Франции, что её муж — американец и работает на MTV, а ей нравится её работа, и этим, оказывается, можно вполне успешно заниматься и хорошо зарабатывать. И при этом, не утратить свои вкусы и мнение.

Поездом мы поехали в северном направлении. Проезжая мимо района Harlem, Даниель упомянула о каком-то еженедельном базаре, где можно прикупить всё, что угодно! Она рекомендовала мне побывать там.

Спустя минут 20, мы сошли на станции в каком-то городке, где собирались пересесть на её автомобиль, и далее уже разъезжать на нём. Как нам объясняла куратор, здесь неподалеку она живёт, и приезжает к поезду на машине, которую оставляет на стоянке. А в Нью-Йорк едет поездом.

Она привела нас к своему джипу и обнаружила, что у неё нет ключей от машины. Предполагалось, что она оставила их в машине, но экземпляр ключей был ещё и дома. Таким образом, она вынужденно обещала нам показать ещё и свой дом, где они живут с мужем.

Она тут же взяла такси, и мы поехали к ней домой. Дорога петляла по гористой лесной местности. Места действительно чудные. Это напомнило мне о двух лагерях. Хасидский лагерь Мойши и учебный центр отдыха церкви Единения. Оба эти места были в глубинке штата Нью-Йорк, в гористой местности, среди лесов и озёр.

Её домик одиноко стоял в лесу. Мы съехали с асфальтированной дороги и подобрались к дому по грунтовой дорожке. Никогда бы не подумал, что люди, живущие в этом лесном доме, работают где-то в центре Нью-Йорка.

Мы оставили такси, и пока водитель разворачивался, она провела нас в дом. Засиживаться, не было времени, так как нас ожидал таксист. Даниель взяла ключи от машины и бегло показала нам фотографии, развешенные над письменным столом. Это были рабочие фрагменты с участием известных британских и американских музыкантов в съемках MTV. И её муж, пользуясь служебным положением, фотографировался на память со всеми, кто был достоин того.

Этим же такси мы вернулись на стоянку к автомобилю. Погрузили сумки и поехали.

Сначала, рулевая обоза решила объехать некоторых клиентов.

Мы посетили какой-то строительный объект, там она отыскала немолодого мужчину. По их приветствиям я понял, что

он не просто её клиент, а приятель. Даниель предложила ему взглянуть на «новинки», которые она привезла сегодня. Как я и предполагал, её предложение не вызвало особого энтузиазма, но он согласился посмотреть, скорее из вежливости.

Пока он рылся в её музыкальных закромах, к этим смотринам в рабочее время присоединились ещё двое любопытных рабочих. Даниель запела свою песнь о регулярных визитах, обновлении ассортимента и возможности обмена, если не понравится…

Её приятель лениво согласился взять послушать какой-то компакт и обещал при следующей встрече или вернуть его или заплатить. Она охотно согласилась. Вся эта деловая идиллия была представлена случайным присутствующим, потенциальным покупателям, которые тоже проявили некоторый интерес к увиденному.

Уезжая оттуда, Даниель комментировала свои действия, что, мол, несостоявшаяся продажа, это не столь важно. Регулярные приятельские встречи с клиентами и поддержание доверия к себе, в будущем обязательно дадут положительные результаты.

В общем, она говорила о многом и разном, энергии у этой женщины — как у трактора. Меня уже больше интересовал не коммерческий процесс, а источники её оптимизма и энергии.

На своём пути мы проехали мимо современного здания из стекла, принадлежащего IBM. Даниель с сожалением упомянула о компании, как о тяжело больном, уважаемом человеке, на выздоровление которого надеются многие американцы.

Наконец, мы заехали в какой-то маленький городишко, напоминающий мне Terry Town, и Даниель объявила об остановке здесь. Припарковали джип, прихватили сумки и пошли по улице. Нетрудно было догадаться, что это не случайное место и Даниель здесь уже бывала. По её инициативе мы заходили в магазинчики, парикмахерские, кафе, рестораны и прочие конторы, где она предлагала людям отвлечься на секунду и взглянуть, что она им принесла.

Наше дело было простое, носить сумки и наблюдать за процессом. В большинстве её клиентами были люди, которых можно было уговорить на покупку этого хлама. В одной парикмахерской, обслуживающей чёрные, кудрявые головы, она очень удачно выставила свой товар, и девушки, томившиеся в ожидании парикмахерских процедур, живо откликнулись на её неожиданный призыв. Удивительно, но действительно, есть покупатели и на такое. Даниель, конечно, помогала им сделать выбор. Мне показалось, что она нахваливала даже компакты, которые сама никогда не слушала.

В одном магазинчике, когда она охмуряла продавца, я не

подумав, каким-то жестом проявил внимание к какому-то товару. Продавец отвлекся от Даниель, и дал понять, что готов уделить мне внимание. Когда мы вышли из магазина, Даниель сделала мне замечание, что я вёл себя непрофессионально, сам отвлекся от дела, и клиента отвлёк.

Во второй половине дня она подкормила нас пиццей и часов до четырёх мы продолжали свою охоту. Ходили по городу, переезжали из квартала в квартал и рассказывали людям о новой и очень выгодной возможности приобретать компакт диски. С её слов, у неё было в резерве не одно такое провинциальное местечко, где она успешно реализует товар.

Наблюдая за этим делом, я мог уже с уверенностью сказать, что в Нью-Йорке и Бруклине подобные номера вряд ли прошли бы. Более того, её бы уже не один раз послали, куда подальше с этим барахлом. Здесь же люди ещё реагировали на её призывы с вежливым любопытством и уважением.

Себя же я вообще не представлял в этой роли. Может быть, с музыкой иного сорта, которую, я знаю и сам слушаю, я бы смог наработать какой-то круг постоянных покупателей. Я всё уже выяснил для себя, и эта работа меня не интересовала. Мне было неинтересно даже, сколько она имеет с каждого проданного компакта. Когда Даниель поинтересовалась моим мнением, я искренне признался, что не ожидал такого количества продаж. Она добавила, что сегодня была всего лишь показательная прогулка по клиентам и урок для нас. Когда она берётся за это дело по-настоящему, то продает гораздо больше. И я ей верил.

Обратно в Нью-Йорк поехали её машиной. Всю дорогу она что-то рассказывала нам и курила. Когда добрались до конторы, я уже окончательно решил, что эта работа не для меня.

Возвращались и другие торговцы. Все они были захлопотаны, вероятно, ребята должны были отчитаться и сдать выручку. Даниель оставила нас на какое-то время и скрылась в лабиринтах конторы.

— Что ты думаешь об этом? — спросил меня напарник.

— Это вопрос! Мне кажется, я не смогу, как она.

Больше мы не говорили об этом, но я видел, что этот парень тоже вряд ли возьмётся за такое дело.

Вернулась Даниель, поблагодарила нас за компанию и сотрудничество, и объявила, что мы свободны, а вечером она свяжется с нами. Я с облегчением принял такой план, ибо говорить сейчас об этом мне очень не хотелось.

По пути домой, я посетил отделение CitiBank и запустив карточку в автомат, поинтересовался о своём балансе. Деньги из Barnett Bank были уже на моём счету. Больше меня здесь ничего

не держало.

А вечером, как мне и обещала, позвонила Даниель и в очередной раз поздравила меня. Она сообщала, что их контора имеет ко мне предложение.

Якобы, обсудив мою кандидатуру, они решили попробовать, для начала моё участие в реализации товаров от недавнего музыкального фестиваля в Woodstock, NY.

Задав ей несколько вопросов об этом, я узнал, что меня хотят командировать с образцами товара по магазинам и прочим торговым точкам. Речь шла о футболках, кепках и прочих мелочах с символикой фестиваля. Сам фестиваль отгремел в августе, а нереализованные товары, выпущенные под эту музыкальную шумиху, остались. Вот мне и предлагалось пойти с этим в народ, пока все ещё помнят о недавнем музыкальном событии в Вудсток.

В ответ я выразил ей свои сомнения в том, что смогу убеждать людей покупать это, к тому же, возникли некоторые неотложные вопросы, для решения которых надо слетать на Украину… Одним словом, я отказался от предложения, не исключая, что в случае моего возвращения в Нью-Йорк, я ещё обращусь к ним…

Даниель удивилась моим планам, и выразила надежду на моё очень скорое возвращение.

На этом моё кратковременное сотрудничество с компанией Ace Record закончилось.

На следующий день я вновь обзвонил турагентства, предлагающие авиабилеты. Из всех предложений, наиболее приемлемым мне показался рейс Нью-Йорк — Хельсинки — Киев за 400 в одну сторону. И само агентство было рядом на King's HWY.

Всё было готово к отбытию, но погода стояла слишком хорошая, да и спешить некуда.

В этот же день в парке на 14-й восточной улице я познакомился с несколькими беженцами, проживающими в Бруклине. Со всеми ими я встретился у «стены плача», об которую они бились теннисными мячами. Сначала это были паренёк школьного возраста, который тянул меня поиграть с ним на корте, и его папа.

Папа работал в социальной службе, и он рассказал мне немало анекдотичных историй из своей практике соцобеспечения афроамериканского населения.

Это забавные истории о вечном пособие для дедушки, который уже несколько лет сам подойти не может, и поэтому за него всё получают внуки. По всем предположениям, дедушки уже давно нет в живых, и внуки втихаря где-то захоронили своего

предка, не регистрируя этот скорбный факт. Но социальной службе проще пособия выдавать, чем заниматься подобными расследованиями. Внуки всегда найдут какого-нибудь деда-заменителя и покажут его, вместо умершего. Попробуй-ка различи их!

Многочисленные чёрные мамы-героини-одиночки, требующие положенные им пособия на содержание детей, но неспособные назвать без шпаргалки имена и даты рождения своих деток. А подобные просьбы чиновников социальной службы они воспринимают как проявление расизма и притеснения и без того угнетенного афроамериканского населения Америки!

Другие двое спортсменов-любителей попали сюда из Кишинева. Марина осваивала теннис с помощью какого-то соотечественника, дающего ей уроки. Приобретённым опытом она делилась с мужем, который отчаянно бился о стену, надеясь, хотя бы сбросить вес.

Приметив меня, Марина захотела опробовать свои первые навыки на мне, — вечном доноре.

Я не отказывался, и мы играли с ней в мячик на корте без сетки, ей это нравилось, и она считала, что я совершаю непоправимую ошибку, покидая хлебный Бруклин. Вместо билета на самолет, она советовала мне купить теннисную сетку и играть с местными физкультурниками-теннисистами, нуждающимися в наставнике с сеткой и готовыми платить за оказанное им внимание.

С её слов, этим здесь успешно занимаются ребята, имеющие хоть какой-то опыт, то бишь experience, как здесь говорят наши люди. Им, якобы, даже времени не всегда хватает для всех желающих. И платят им ученики по 15–25 долларов за час занятий.

Хотя это ремесло мне больше нравилось, чем продавать что-то на улицах, я знал, что через 2–3 недели неизбежно наступит осень с дождями и ранними сумерками, и дворовая теннисная школа свернётся до мая месяца. Поэтому, я отвечал им, как и Даниель, что в следующий свой приезд я, возможно, займусь и этим.

В назначенный мне день я посетил турагентство на King's HWY с намерением выкупить свой билет. Там меня просили подождать немного. За это время сотрудники уделили мне внимание и попытались выяснить, что это за клиент странный такой, пожелавший приобрести билет до Киева лишь в одну сторону. Они полушутя спрашивали меня, хорошо ли я всё обдумал, решив улететь на Украину?

Из агентства я вышел с билетом и некоторыми сомнениями.

День отлета приходился на воскресенье. Далее, мне надо было решить вопрос о перевозке своих трудовых сбережений. Хотя они и мизерны в сравнении с теми суммами, какими жонглировали украинские премьер-министры, но всё же терять их мне не хотелось.

Я зашёл в свое отделение CitiBank на той же King's HWY. По субботам они не работали, поэтому снять деньги накануне отлета не получалось. Предполагалось, что с пятницы до воскресенья мне придется хранить их при себе.

В банке я обратился к одному из служащих, им оказался внимательный мужчина средних лет.

— Мне предстоит переезд в Украину, есть ли какие-нибудь способы перевода денег туда? — поделился я своей озабоченностью.

— У вас счёт в нашем банке? — спросил он.

— Да, именно в вашем отделении.

По его выражению лица и тяжёлому вздоху я понял, что надежного способа пока нет.

— В общем, если вы укажете нам банк и номер счёта, куда вы хотели бы перевести ваши сбережения, то мы это сделаем. Но должен вам сказать, мы уже имеем печальный опыт, когда наши клиенты переводили деньги в украинские банки, но не смогли их там получить. Они даже обращались к нам с просьбами вернуть переведённые деньги обратно на счёт в CitiBank. Так что, решайте сами.

— Остается только один способ, везти наличными?

— Можно отправить через Westrn Union, — подсказал он, и сочувственно развёл руками.

Я поблагодарил его за консультацию и вышел на улицу уже не только с сомнениями, а и с чувством беспокойства.

Я шагал и думал, как мне организовать свой перелёт. Увещевания работников турагентства показались мне актуальными. В том, что в Украине нет ни надежных банков, ни банковской системы, ни полноценной денежной единицы, в этом они правы. Вспомнились и прочие замечания о жизни в Украине.

Я стоял с авиабилетом в кармане на перекрестке, ожидая пока загорится зелёный свет и тупо читал объявления на столбе. Кто-то фломастером, русскоязычно и ласково приглашал посетить в пятницу вечером синагогу, где обещали вкусный ужин и дружескую поддержку. Мне вспомнился хасидский лагерь с еженедельными шабашами… «How can I turn the other cheek, It's black and bruised and torn…» Как я могу подставить другую щеку, если она уже вся в синяках и ссадинах…

Загорелся зелёный свет, и я пошёл далее, продолжая думать о

своём. Мысли о том, в каких брюках удобней перевозить деньги, и о неизбежных таможенных предъявленьях, вгоняли меня в состояние дискомфорта. Предчувствие совершаемой серьёзной ошибки крепло, перспектива разочарования пугала. Хотелось поговорить с кем-нибудь обо всём этом снова и снова.

Дома, просматривая газету «Новое русское слово», я нашёл объявление, предлагающее возможность для отъезжающих в СНГ хорошо заработать. Я позвонил по указанному номеру, ответил парень, который на мой вопрос о возможностях, задал мне порцию своих вопросов:

— Вы решили уезжать?

— Да.

— Есть ли у вас здесь счёт в каком-нибудь банке?

— Да, есть, а при чём здесь это?

— В каком банке? — деловито продолжал тот.

— CitiBank.

— Один счёт?

— Есть ещё в банке Нью Джерси…

— Это хорошо.

— Ну, а как насчёт заработать?…

— Заработать? Это от вас зависит… Как вы посмотрите на наше предложение. Если вы согласны предоставить нам номера ваших банковских счетов, то возможно, туда поступят какие-то суммы. От вас потребуется, снять поступившие деньги, когда вас попросят об этом. Определённую часть отдать нам, а часть оставить себе. А затем, вовремя улететь в СНГ, вот и всё. Как вы смотрите на такое предложение?

— Мне следует крепко подумать, — ответил я.

— Подумайте, если решите вернуться к нашему предложению, звоните.

Предложение ещё то! Ясно лишь одно, что после этого улетать в СНГ — просто необходимо. Ибо тебя скоро очень захотят, и если отыщут, то спросят о тех деньгах, которые неизвестно, как оказались на твоём счету. Потребуют не только деньги вернуть, но и объясниться…

Душа моя, и без того неспокойная, не лежала к этому предложению.

Вечером до меня дозвонился товарищ из лагеря. Он прилетел в Америку несколькими месяцами позже меня, когда я уже был во Флориде, и нам так и не удалось встретиться здесь.

У меня был его адрес, это где-то в глубинке штата Нью-Йорк, и я посылал ему открытку. Узнав о моём возвращении в Бруклин и скором отлёте домой, он позвонил мне. В коротком разговоре мы договорились, что в субботу он подъедет ко мне.

Неожиданно привалившая на моё имя почта, удивила ребят. Кроме письма от Дайан, там оказался ещё и журнал «Rolling Stone» за сентябрь, его переадресовали мне с почтового ящика в Нэйплс на новый адрес. Чёткая работа почтовой службы приятно удивила.

Дайан в своём письме отвечала на мою открытку. Она допускала, что я ещё могу передумать и задержаться в этой стране. Она напоминала, что зимовать лучше во Флориде, и что мешок теннисных мячей, который я ей оставил — в целости и сохранности. Она шутила, что, оказавшись в Украине, я ещё пожалею, что не забрал эти мячи с собой. Эта шутка содержала хорошую долю правды! Я подумал, что мне много чего хотелось бы забрать с собой.

Посещение CitiBank с целью снять накопившиеся сбережения, прошло по шпионски быстро и незаметно. Заполнив бланк, я с радостью заметил, что в одном из окошек принимает мужчина, с которым я совещался о способах перевода денег. Дождавшись своей очереди, я подал ему бланк на снятие десяти с чем-то тысяч. Сумма не ахти какая, но ознакомившись с моим поручением, он взглянул на меня, вспомнил, и сочувственно покачал головой. Затем попросил предъявить какой-нибудь документ. Я подал весь набор своих карточек, и клерк занялся формальными процедурами.

Вернув мне документы, он спросил: какими купюрами я хотел бы получить это. Я пожелал все это в четырёх пачках, которые мысленно уже распределил по разным карманам брюк.

Одна пачка по 50, две по 20 и одна по 10 долларов. Он жестом пригласил меня заглянуть в окошко, показал мне приготовленные деньги и попросил какой-нибудь пакет. Я рассчитывал на свои карманы, поэтому ничего подобного у меня не было. Тогда он достал откуда-то бумажный пакет из-под печенья и сложил туда всё, что я собрал за последние полтора года скитаний по стране. Пакет из плотной вощённой бумаги с адресом и приглашением какой-то бруклинской кондитерской лавочки вместил в себя денежный эквивалент бесчисленных рабочих часов, кровь, пот и слёзы заблудшего туриста-донора…

По тому, с какой конспирацией банковский клерк обслужил меня, я понял, что даже такую сумму наличными ему нечасто приходится выдавать клиентам. Кому нужны подобные неудобства, и какая в этом необходимость? Если только ты не собираешься в СНГ-Зону.

Он выставил передо мной пакет с моими трудовыми заслугами и открыто пожелал мне… приятного обеденного перерыва. Я поблагодарил его, принял угощение и уступил место

у окошка следующему посетителю.

Выйдя на оживленную улицу King's HWY с пакетом, якобы, печенья, я плотно свернул его и засунул в карман просторных брюк. Шагать с таким бременем по улице было неудобно во всех смыслах.

Я шёл и думал о том, что сегодня и завтра целый день мне предстоит хранить это где-то.

Добравшись до своей комнаты, рассовал четыре пачки по разным карманам. Задние — застегивались, а боковые я зафиксировал внутри булавками, загнав пачки в дальние углы глубоких карманов. Затянув ремешок на брюках потуже, чтобы не потерять штаны, я почувствовал себя более комфортно.

В этот день и вечер далеко не ездил и допоздна не гулял. Лишь представил себе экспериментальную вечернюю прогулку где-нибудь по Flatbush Ave, и как меня там быстро вытряхнут из штанов. Хотя такая нелепость может произойти, где угодно и даже днём. Один необдуманный, неверный шаг, стечение обстоятельств, и это может перекроить все планы на ближайшее украинское будущее, а то и вовсе прекратить никчемное существование. Такие случайности мне совсем ни к чему. Мысленно представив себе такое несчастье, я попробовал воспринять таковое, как интересное приключение-урок. Получалось с большим усилием.

Время вылета было среди дня из аэропорта JFK. Никаких сложностей не предвиделось. Я прозвонил по телефонам вызова такси и узнал, что за 16–20 долларов меня подберут у дома и отвезут в аэропорт к любому сектору.

После отправки домой доброй части вещей, мой багаж составлял лишь одну, но увесистую сумку.

В субботу земляк отыскал мой адрес и зашёл в то время, когда все ребята были дома. Соседи удивились приходу гостя в моё временное пристанище.

Мы тут же вышли на улицу и решили присесть где-нибудь и спокойно поговорить.

Прикупив пива, мы устроились в совершенно пустом китайском ресторанчике и заказали себе по рисовой порции. От своего земляка я узнал, что сейчас он работает в каком-то летнем лагере, где будет занят до октября, после чего он намеревается вернуться в Бруклин и перезимовать здесь. Условия работы в этом лагере ему нравились, среди сезонных работников он оказался единственным трезвым и ответственным кадром, что было отмечено работодателем. Он уже заручился приглашением на работу и в следующем году с мая месяца. Строил свои планы в расчёте на таковое.

В связи с моим отлётом домой, у него возникла просьба, доставить его матери тысячу денег. Я не стал пересказывать земляку свои ощущения от прогулок в штанах весом в десять тысяч, просто согласился, и тем самым усугубил остроту ощущений ещё на одну, чужую, тысячу. Он оценил мою покладистость и поощрил это небольшой денежной премией за риск и хлопоты. Я не отказался от вознаграждения.

После китайского ресторанчика я предложил пройтись в соседний квартал и позвонить домой. Я хотел дозвониться до одного приятеля в Киев и попросить встретить меня. Как я и надеялся, в определенном месте на 86-й улице стояли агенты-зазывалы, рекламирующие какую-то телефонную компанию. Подписавшимся на их услуги, предоставляли возможность бесплатного звонка на несколько минут. О звонке за определённую, незначительную плату можно было договориться и без дальнейших отношений. С их телефона я позвонил в Киев и, на этот раз удачно застал своего товарища дома. Моя просьба встретить меня завтра в Борисполе была принята охотно. Мы хотели ещё кому-то позвонить, но к этому месту приблизилось шумное агитационное шествие, призывающее жителей Бруклина, отдать свои голоса за нового мэра. Решили отказаться от этой затеи и побрели обратно в сторону моего дома. Говорить нам было больше не о чём. Поэтому, дойдя до моего квартала, земляк счёл необходимым расстаться, чтобы поспеть на автобус. С тех пор я его больше не видел.

Вернувшись домой, я почувствовал, что в настроении моих временных соседей что-то изменилось. Спустя полчасика ко мне обратился Саша, сосед по комнате.

— Серега, ты завтра улетаешь? — спросил он, хотя знал об этом.

— Да, я же говорил вам об этом. Всё остается в силе.

— А какие у тебя планы на завтра?

— Часа за два-три до начала регистрации вызову такси и уеду в аэропорт…

Саша собирался о чём-то попросить меня, и я уже подумал, что ему тоже надо доставить что-нибудь в Киев. Но я ошибся.

— Сергей, мы здесь посовещались с ребятами… Мы все завтра рано утром уходим на работу, и мы хотели бы, чтобы ты вышел с нами. Ну, ты понимаешь, у нас у всех здесь кое-какие вещи, нам так будет спокойней…

— Понимаю, — согласно ответил я, и задумался: где и как мне убить полдня с сумкой на руках.

Я действительно понимал их. Они едва знали меня, вероятно, какие-то сбережения хранили в загашниках под матрацем, а

сегодня ещё сюда приходил, возможно, мой соучастник. В общем, случай тяжёлый, и они, посовещавшись, решили принять предупреждающие меры; выпроводить меня из квартиры, уходя на работу.

Я принял предложенные условия и рассчитался с ними за время проживания здесь. При всём моём понимании естественного беспокойства, их подозрение было мне неприятно. А в общем, возникшее неудобство — просто ерунда, над которой, не стоило морочить голову.

10

Воскресный сабвэй. Аэропорт JFK. Хельсинки. Киев. Украинская железная дорога.

На следующее утро, в воскресенье, когда нормальное человеческое большинство отсыпалось, мои соседи собирались на работу. Признак того, что их работодатели — евреи-ортодоксы. Отгуляли шабашную субботу, и начали рабочую неделю с воскресенья, игнорируя христианские традиции.

У меня всё было собрано; ключ от квартиры я сдал им ещё вчера. Мы вышли из дома в начале восьмого утра. У меня до отлёта оставалось уйма времени, и брать такси я не счёл нужным. Мы почти молча прошли с Сашей до ближайшей станции сабвэя Avenue P и вместе поехали поездом F. На какой-то остановке он сошёл, а я продолжил свой путь далее до Hoyt St, ближайшей станции, где проходят поезда A и C, следующие в сторону аэропорта.

В это раннее воскресное время пассажиров было совсем мало, а когда я сошёл на замызганной подземной станции Hoyt St, то оказался там и вовсе один. «In case of emergency. Go to the token-booth. Token-booth clerks have phones to connect emergency medical services the police».[12]

Спустя несколько минут, до меня окончательно дошло, что сегодня воскресенье и в это время определённые маршруты поездов, чтобы не гонять их попусту, ходят с большими интервалами.

Я стоял со своей сумкой, выдающей меня, как человека, собравшегося в путь-дорогу и, нетерпеливо ожидал поезда. Вокруг — ни единой души. Обшарпанная станция с несмываемыми следами чёрных обитателей освещалась неярким неоновым светом. Телефона-автомата не было, да и карманную мелочь я оставил дома. Мои карманы слегка отвисали, но внешне это не было заметно. Место идеальное для встречи и проводов

заблудившегося туриста. Невольно припомнилась история Саши из Ленинграда. Я выбрал один из выходов на улицу, предполагая там возможное присутствие сонного работника метро, и приблизился к выходу. С обременительной сумкой (музобоз с компакт дисками) я уже мысленно расстался, если ситуация того потребует. А пока я упорно поджидал поезда.

Простоял минут 30–40 в этом безлюдном подземелье. Безоружный, без связи с внешним миром и одиннадцатью тысячами в кармах брюк. За это время я мысленно отметил присущее мне свойство влипать в экстремально дурацкие ситуации, последствия которых трудно и жутко предсказуемы. Я вспомнил о мудром совете местных жителей, иметь при себе несколько долларов для грабителей, если уж собрался побывать в местах возможного нападения. Я не собирался сегодня посещать такие места, но мелкие деньги под рукой у меня были, и это единственный аргумент, которым я располагал в своём уязвимом положении под землей.

Наконец, появился нужный мне поезд. Я вполне искренне помолился, чтобы он сделал здесь остановку, ибо расписание в определенное время и дни предполагает и пропуск некоторых станций. Мои молитвы совпали с расписанием поезда, и я радостно впрыгнул в вагон.

Ситуация в вагоне мало чем отличалась от станции. Здесь дремал единственный чёрный пассажир, который не обратил на меня внимание. Я занял место у стоп-крана и стал отсчитывать остановки. Ехать предстояло долго. В этом направлении я никогда не ездил и теперь отмечал по станциям, что районы эти преимущественно заселены чёрной братией. На последующих остановках в вагон стали заходить пассажиры, по мере их прибавления, я оказывался в окружении чёрных бродяг, по виду которых можно было предположить, что они ночевали на станциях метро. Некоторые были ещё сонными и не обращали на меня никакого внимания, а некоторые откровенно поглядывали на меня и мою сумку, как на некое недоразумение, провоцирующее их. Я сидел на своем месте, внешне не проявляя каких-либо признаков беспокойства и с надеждой ожидал, что на следующей остановке в наш вагон подсядут пассажиры и поприличней. Однако, контингент не менялся. В раннее воскресное время на этом маршруте катались только чёрные бродяги. Не будь я обременён материальной ответственностью, в обычных туристических условиях такая поездка мне показалась бы даже интересной, ибо я впервые ехал этим бесконечным афроамериканским маршрутом, и для меня это оказалась совершенно неизвестная сторона Бруклина. Станции сабвэя были

отмечены колоритными следами обитателей, каждая остановка подобно иллюстрированной странице, показывала мне подземный мир черного Бруклина. Пролистав два десятка остановок, я так и остался единственным, случайным, белым пассажиром. Кроме чувства дискомфорта, временами граничащего с паническим страхом, я ещё раз познакомился с африканским наследием в Америке, и лишний раз убедился, насколько это другой мир.

Все эти люди, лежащие, сидящие, бродящие по станциям и вагонам, говорящие на каком-то своём языке, сами того не осознавая, представляли свой мир, культуру, мораль, ценности. Я со своими трудовыми сбережениями, билетом на самолет и планами на смутное украинское будущее, чувствовал себя в их окружении неким пришельцем с другой планеты.

Со стороны я наблюдал этот мир, отсчитывал остановки, желая поскорее вырваться на безопасную поверхность и добраться до своего финского самолёта. И в то же время, я осознавал, что убегаю хотя и от чужого и опасного, но любопытного и непознанного, о чём, возможно, буду вспоминать ещё много раз.

Наконец, моя остановка Howard Beach — JFK Airoport. Слово Бич в названии этой остановки было очень уместно. Здесь оказалось некое паломничество бичей, и по-прежнему, — ни единого белого человека. Выйдя на платформу, я попал в их активное окружение. Задержись я здесь на несколько минут — мне неизбежно уделили бы внимание.

Мне нужен был маршрутный автобус шаттл, курсирующий от этой остановки метро до аэропорта. Выход из подземки был не один, и я не имел понятия, который из них мне нужен. Огляделся в поисках указателей и заметил двух полицейских. Таких же чёрных, как и всё здесь, только в форме и при полной амуниции. Они были заняты тем, что ходили вдоль платформы и с помощью дубинок будили спящих на скамейках собратьев. На их команды подниматься и выметаться из станции обитатели реагировали вяло и недовольно. Полицейские нервно покрикивали на особенно упёртых, и слегка применяли дубинки.

Я направился к одному из них. Это был огромный увалень метра два ростом и центнера полтора весом. Вокруг его необъятной талии на поясе располагался полный арсенал воспитательных средств: кобура с пистолетом, наручники, подсумок с запасными обоймами, рация и прочая дребедень. В данный момент он пользовался дубинкой, постукивая ею по скамейкам, беспокоя залежавшихся бродяг.

Приблизившись к нему сзади, я вежливо окликнул его, как меня когда-то учили.

— Excuse me, Sir!

В ответ на мое робкое обращение, тот излишне резко повернулся назад и красноречивым жестом руки дал мне понять, чтобы я оставался на месте. Я поспешил внести ясность в свои намерения по отношению к нему, и выплеснул свой вопрос:

— Сэр, как мне пройти к автобусу на аэропорт JFK?

Тот обмяк, и лениво указал мне своей дубинкой направление к выходу. Я искренне поблагодарил его и поспешил к указанному выходу.

Присутствие на этой станции двух полицейских было уместным. Нетрудно представить, какой здесь был бы зверинец без их участия. Это единственный случай за всё время пребывания в стране, когда я искренне обрадовался полицейскому, и его незначительное содействие так поддержало меня.

Поднявшись по ступенькам, я вышел на улицу и сразу увидел автобусную остановку, на которой, подобно островку, кучковались несколько белых человек с дорожными сумками. Я, не раздумывая, влился в их кружок, и, расслабившись, стал ожидать автобуса.

Насколько я мог определить, некоторые белые пассажиры общественного транспорта были европейцами. Это заметно по тому, как они наблюдали за всем происходящим вокруг. А вокруг нас, на этой же остановке ожидали автобуса и местные жители, только здесь уже были и обычные чёрные обыватели, не только ярко выраженные бродяги.

Вскоре подошёл автобус. Маршрут от станции метро до аэропорта был бесплатным, то есть плата за проезд в метро включала в себя и эту транспортную услугу.

Автобус достаточно плотно заполнился, в большинстве это были местные жители, следующие не в аэропорт. Автобусный маршрут проходил через какой-то окраинный жилой район с многоэтажными жилыми домами и пустырями между кварталами. На остановках пассажиры больше выходили, и скоро в автобусе остались одни туристы. На территорию аэропорта автобус привёз всего несколько пассажиров.

Автобус объезжал аэропорт и делал остановки у отдельных секторов, обозначенных названиями авиакомпаний. Я спросил у водителя о Finnair, и тот обещал просигналить мне, когда доберется.

Нужный сектор я и сам заметил, ибо эта авиакомпания достаточно броско отметила своё расположение в аэропорту. Я и ещё несколько пассажиров сошли на этой остановке и направились к зданию аэровокзала.

Указатели привели меня на второй этаж. Там я нашёл места

регистраций, но мой рейс пока не упоминался, у меня оставалось ещё несколько часов. Я взял возок для багажа и освободил себя от сумки. Прошёлся по вокзальному пространству, огляделся и выбрал себе место за столиком кафе. Людей в это время было совсем мало. Теперь, я оказался один среди работников аэропорта и одиноких пассажиров. Но это была совершенно иная атмосфера, в сравнении с той, — в полуосвещённом подземелье сабвэе.

Кафе ещё не начало работать, но я присел за крайний столик. Просто сидеть я не мог: сначала подумал позвонить кому-нибудь. Перебрал всех, но не остановился ни на одном телефонном собеседнике. Достал радио. Рассеянно проверил эфир, и остановился на радиостанции Classic Jazz. Длинная, сонная композиция Колтрэйна проникла через наушники в душу и положительно успокоила меня. Затем, я решил написать кому-нибудь письмо. Это лучшее, что я смог придумать в условиях возникшего многочасового ожидания рейса и в состоянии остаточного стресса. Хотя, можно было бы додуматься до сдачи билета и возвращения. А можно было оставить сумку на хранение, а самому, теперь уже налегке, покататься в метро, так как в будущем мне не скоро такая возможность представится. Времени для экспериментов хватало.

Но ничего подобного я не сделал. Достал бумагу и стал строчить письмо кому-нибудь. Скоро меня отвлекли сильным запахом кофе, я отреагировал. Далее продолжал своё дело, стимулируя себя чистым колумбийским. Какое-то время я был единственным клиентом кафе. Часок спустя, в зале стало поживее, у некоторых стоек начались регистрации на рейсы, людей прибавилось.

К тому времени, когда на информационном табло появилось упоминание о моём рейсе, я исписал уже несколько листов, и всё это едва можно было упаковать в стандартный почтовый конверт. Я адресовал эту писанину Вовочке, надеясь, что подобная весточка скрасит его ресторанное бытие и личную жизнь вообще. Здесь же был и почтовый ящик, куда я забросил свою бутылку с посланием.

Как только объявили о начале регистрации на мой рейс, я занялся этим. Меня больше интересовали процедуры паспортного и таможенного контроля. Надеялся, что чиновников не очень рассердит тот факт, что, вместо шести отпущенных мне месяцев, я пробыл здесь шестнадцать и везу с собой в штанах какую-то сумму их денег.

Когда я прибыл на паспортный контроль, там ещё не было ни одного пассажира. Служащий, пожилой мужчина попросил меня предъявить паспорт. Я вручил ему таковой. Прикреплённую к

странице с визой карточку въезда-выезда, в которой указывалась дата моего прибытия и рекомендуемого отбытия, я давно отстегнул и держал отдельно от паспорта.

Изучив мой документ, служащий обратился ко мне с вопросом.

— У вас имеется зелёная карта?

— Нет.

— Тогда должна быть карточка…

— Эта? — показал я контрольную карточку прибытия.

— Точно! — Мужчина взял её и, не задавая больше вопросов, уткнулся в свой компьютер.

Отметив факт моего выезда из их страны, он вернул мне паспорт и доброжелательно пожелал счастливого отлета. Карточку въезда-выезда он оставил у себя.

Таможенной декларации мне никто не вручил и я никого не спрашивал об этом. На следующем контрольном пункте меня прозвонили на металл, взвесили сумку и отправили её в багажный отсек. Сам я оказался в зоне, из которой вернуться в Бруклин с моим советским паспортом было уже непросто. Указатели направляли только к месту посадки. Времени до отлета ещё оставалось немало, но пространство уже значительно сократилось.

Оставшееся время я мог наблюдать, как прибывают к месту посадки мои попутчики. В большинстве это были финны и американцы, наших — лишь считанные пассажиры.

Далее всё происходило согласно расписанию. Нас провели на самолет, все расселись по местам, о чём-то объявили и двигатели загудели.

Дело сделано, полёт над гнездом кукушки окончен, — подумал я и пристегнулся ремнём.

Последнее, что я увидел в иллюминатор, пока самолет делал вираж над окраинами, это вид Квинса и Бруклина с верху.

В Хельсинки прилетели среди дня. В зале аэропорта было многолюдно и суетно. Рейс на Киев, на который у меня был билет, предполагался через часок. Я нашёл место регистрации на этот рейс, но решил не торопиться. Побродил по залу вокзала, понаблюдал вокруг.

Здесь было много всяких магазинчиков, торгующих сувенирами и прочими мелочами; кафе, бары. Цены в финских марках ничего мне не говорили. Всё внешне выглядело изящней, чем в Америке, но масштабы помельче. Даже в основном зале было тесновато.

На мой рейс уже шла регистрация, я тоже подошёл туда и стал в очередь.

Когда нас повели на самолет, то оказалось, что пассажиров совсем немного. Насколько я мог определить, все они были моими соотечественниками.

До Киева летели в полупустом самолете часа два-три.

Сквозь шум двигателей доносились обрывки разговоров на украинском и русском языке. Как я понял, какая-то делегация возвращалась домой. Украинские государственные деятели энергично обсуждали какие-то державные проблемы. Внешне все они выглядели очень важно. В этом самолёте я почувствовал себя не в своей тарелке. Пока летел, перечитал какую-то украинскую газетку, попавшуюся мне. Из неё узнал, что в Украине народ избрал нового президента. Для меня это была новость. Из этой же газеты я узнал, что вместо бывшего компартийного бонзы масштаба ЦК компартии Украины, народ выбрал функционера-парторга, который, как они надеялись, поближе к народу. Этот обещал восстановить, и в дальнейшем развивать экономические и гуманитарные связи с Россией, предоставить русскому языку в Украине статус второго государственного, а также, возможность двойного украинско-российского гражданства. Стелил хорошо…

В Киеве, пока самолёт выруливал, я увидел проезжающий по бетонной дорожке служебный «Москвич 412». Там «Москвичей» я не встречал.

К трапу подкатил обычный автобус для перевозки пассажиров и какой-то новенький микроавтобус. Из микроавтобуса, обозначенного как VIP, то бишь, для Очень Важных Персон, выскочили двое парней комсомольской внешности и с серьёзными лицами развернули плакат с надписью «Г-жа Градэнко». Я подумал, что они встречают кого-то из делегации. Однако, когда все пассажиры сошли по трапу на землю, к этим холуям в костюмах, кокетливо подошла молодая особа с внешностью профессиональной проститутки средних тарифов.

Встречающие парни, пригласили госпожу Градэнко в автобус, по-киношному хлопнули дверцами и не в меру энергично отъехали. Сценка показалась мне комично-нелепой.

Аэропорт Борисполь реконструировали. Группа пассажиров из нашего самолета подошла к пункту паспортного контроля, образовалось подобие очереди. Я оказался в середине. Пока проходили эти процедуры, я невольно мог слышать важные разговоры державных діячей. Госпожа Градэнко стояла в этой же очереди, чуть впереди меня.

Таможенные декларации мы заполнили ещё в самолете, и мне пришлось честно указать ввозимую сумму. Декларацию госпожи Градэнко украинский чиновник забраковал и потребовал заполнить её должным образом. Она отступила в сторонку и,

кокетливо выпендриваясь, делала ему одолжение.

Когда дошла моя очередь, дядька-контролёр выяснил: откуда я прибыл в Украину и как долго я там пробыл. Я почувствовал, как стоящие за мной государственные деятели приостановили обсуждение важных вопросов и приобщились к моему допросу в качестве любопытных наблюдателей.

— В качестве кого вы пребывали почти 17 месяцев в США? — серьёзным тоном спросил меня служивый, прибавив моему сроку почти месяц.

Я оказался неготовым к такому допросу и замешкался с ответом.

— Член экипажа судна, служебная командировка, учёба?.. — нетерпеливо подсказывал он мне.

— Как турист, — честно ответил я.

— Полтора года как турист? — доставал он.

— Турист-гость, — неуверенно поправил я.

— Хорошо, — с некоторым сомнением согласился дядька, — давайте вашу декларацию.

Я подал. Он приготовился по-быстрому оформить её, но, ознакомившись с содержанием, снова посмотрел на меня повнимательней.

— Одиннадцать тысяч сто семьдесят долларов? — неуместно громко и излишне внятно переспросил он меня.

— Там же всё указано, — с досадой ответил я, и услышал за спиной шепот удивления или возмущения моим поведением. — Приехал! — подумал я.

— Пожалуйста, предъявите указанную сумму, — официально-вежливо приказал чиновник.

Очередь за мной притихла, те, кто стоял поближе, заняли позиции удобные для наблюдения за происходящим. Реакция взрослых, внешне важных мужей в костюмах показалась мне злорадно-любопытной. Мне очень не хотелось выворачивать перед ними свои карманы.

— Прямо здесь? — спросил я служивого.

— Если вам для этого нужно отдельное помещение, тогда следуйте за мной.

Уходя, я расслышал вслед возмущённые замечания своих попутчиков о том, что из-за какого-то туриста, приходится стоять, ждать.

В служебном помещении, куда меня привели, сидел и кушал свой обед молодой парень в форме таможенного работника.

— Показывай, — торопливо скомандовал дядька.

Я послушно выложил на стол запечатанные банковские пачки, предполагая, что он сейчас начнёт тщательно

пересчитывать их.

Однако, дядька профессионально быстро исследовал банковские упаковки, убедился в правильности указанной мною суммы. Сделал свои отметки в декларации и вполне дружелюбно пожелал мне всего доброго. Покидая меня, он рекомендовал сохранить декларацию, которая может понадобиться, как документ, объясняющий происхождение этих денег.

Я раскладывал свою карманную ношу по местам, уповая на то, что меня встречает мой товарищ.

— У Америці працював? — поинтересовался молодой служивый.

— Працював, — ответил я.

— Ну як там? — продолжал он.

— Жить можно, только работать надо…

— Вотож! — кратко и мудро прокомментировал он.

Я вышел из служебной комнаты в зал аэровокзала. Шагая обратно к контрольному пункту, чтобы забрать свою сумку, я определился, где выход из контрольной зоны вокзала. Подбирая сумку, я заметил, как оставшиеся в очереди попутчики посмотрели на меня, вернее на мои штаны.

Выйдя за двери на свободную территорию, я попал в цепкие объятия назойливых таксистов. Среди них появился мой спаситель Володя, с которым я вчера договаривался о встрече. Он уверенно подхватил меня под руку, дав понять водилам, что сам позаботится об этом пассажире. Тут же ко мне подошёл ещё один мой приятель с каким-то незнакомым мне товарищем. Мы поприветствовали друг друга. Оказалось, его подрядила встретить меня моя матушка.

Виктор и Вася приехали в аэропорт своей машиной, а Володя автобусом, так что мы все гармонично вписались в «Жигулёнок» и поехали в город. По дороге решили ехать к Володе на Подол.

Погода в Киеве стояла такая же солнечная и теплая. Ребята спрашивали меня: как там? Я обещал им всё рассказать… Или написать. На мой вопрос, как здесь? — Они конкретно отвечали, что здесь беспросветная жопа! И обещали мне, что скоро я всё и сам узнаю и, особенно, почувствую.

Приехали к Володе. Он пригласил нас на кухню. Появилась бутылка коньяка, мне задавали вопросы, я отвечал.

Закончив с бутылкой, Виктор и Василий распрощались с нами и уехали, а мы с Володей остались. Посовещавшись с ним, я решил сегодня же поездом ехать далее. Пока мы с Володиной женой обсуждали недавние президентские выборы, он привёз мне билет на сегодняшний поезд. Все складывалось хорошо, только на душе всё ещё было как-то неспокойно.

На железнодорожный вокзал мы поехали с Володей. Я заметил, что на улицах и в метро многие одеты в спортивные костюмы. Подумал про себя, что в Бруклине можно встретить людей в строгих костюмах и кроссовках, а здесь, наоборот — блестящие синтетические спортивные костюмы и туфли. Негров вообще не было, а это симптом неблагополучия. Транспорта на улицах было не больше чем в Бруклине, но загазованность и пыль ощущались гораздо сильнее.

На самом железнодорожном вокзале и вокруг него атмосфера была особая. Хаотичное людское движение сочетало в себе шумную торговлю, нелегальный обмен и множество прочих услуг. Везде громко звучали лихие лагерные песни, так торговали аудиокассетами. Многие люди озабоченно перемещались с колясками, гружёнными огромными торбами. Эти возки, в честь первого президента, называли «кравчучками». (Леонид Кравчук). Обстановка на вокзале внешне соответствовала военному периоду. Глядя на всё это, можно было подумать, что в стране идет затяжная гражданская война, и поэтому, на вокзале полно людей, потерявших жильё и средства существования. Взаиморасчеты велись посредством всё тех же временных купонов, и счёт шёл уже на миллионы.

Однако, поезд подали вовремя и я занял своё место в так называемом СВ вагоне. Купе предполагало два спальных места. Я оставил там сумку и вышел на перрон. Мы постояли ещё несколько минут и распрощались. Володя поехал домой, я вернулся в вагон.

Скоро появился и мой сосед по купе. Это был представительного вида мужчина. Ехал он не один; его попутчики, ему подобные товарищи, расположились в двух соседних купе.

Он оставил свои вещи и ушёл к ним. Оставшись один, я огляделся. В купе оказалось нечто подобное умывальнику, я приподнял крышку, в нос ударил концентрированный запах аммиака. Украинский кокаин! Тоже взбадривает, мелькнула мысль, и я бросил крышку, прикрыв зловонный источник.

Приоткрыл окно и вышел из купе. Руки были грязные, хотя я не пробыл в вагоне и десяти минут, на всём здесь был слой пыли и грязи.

Когда выехали за город, по многочисленным просьбам пассажиров, проводник неохотно открыла туалет. Подождав немного в прокуренном тамбуре, я тоже посетил санузел. Там я помыл руки и окончательно осознал факт своего возвращения на родину. Хорошо в краю родном… Соотечественники нетерпеливо дергали за ручку двери, напоминая мне, что я здесь не один, нас

52 миллиона! (когда-то было.)

Я стоял у окна и созерцал виды. Из приоткрытого соседнего купе слышались шумные сборы ужина. Мужчины выкладывали, что Бог послал, и базарили о своих мужских и бизнесовых справах.

Несколько позже, усугубив алкоголем, они заговорили громче. Их беседу мог слышать весь вагон.

Я не догадался запастись газетами и ещё не слышал ни единой украинской радио или телепрограммы, поэтому о происходящем в стране невольно судил из услышанного в вагоне и увиденного за окном.

Мои соседи, судя по их костюмам и разговорам, были жутко деловыми товарищами. Их речь представляла собой любопытный современный замес, сочетающий в себе лексику человека, занимающего административно-распорядительную должность, но в прошлом, отмотавшего немалый срок в местах лишения свободы. Американские слова «бизнес» «бартер» и «бакс», здесь употреблялись гораздо чаще, чем в Америке. Я понял; эти украинские господа были «круто» заняты «тусовками», «сходками», «перетёрками» и «разборками». Серьёзно озабоченными качеством своих «прикидов» и «тачек». Глаголы «кинуть», «поиметь» и «опустить», применялись во всех смыслах и склонениях. Последний американский делец, с которым мне приходилось беседовать в конторе Ace Record, вспомнился, как воспитанный еврейский мальчик.

На остановках вагон оказывался в окружении торгующих людей. Торговлей промышляли люди, от детского до пенсионного возраста, и делали они это крикливо и назойливо.

Скоро я почувствовал неприятные ощущения расстройства желудка. Отыскав в сумке всякие салфетки и бумагу для писем, я поторопился к туалету. Это место оказалось занятым. Я терпеливо ждал, напоминая о себе робкими постукиваниями в дверь запертого туалета. Наконец, до меня дошло, что там никого нет, а туалет просто закрыт, на всякий санитарный случай.

Моя просьба вызвала у проводницы лёгкое профессиональное раздражение, но мне не отказали.

Свою первую ночь на территории Украины я разделил между страшным вагонным туалетом и купе. Уснуть мне не удавалось, я был далёк от сна. На каждой станции, где мы останавливались, один из деловых мужиков из соседнего купе высовывался в открытое окно и пьяно орал: Вареніків з вишнямі хочу! На его шумную просьбу к окошку сбегались бабульки и предлагали ему вареники с картошкой, творогом и прочими начинками. А тот продолжал радостно кричать своё: Вареніків з вишнямі хочу!

Пьяных приятелей это забавляло, и они ржали как кони. А тёти и бабушки, перебивая друг дружку, серьёзно объясняли этому типу, что в сентябре вишни нет, зато есть горячие… Они искренне хотели угодить этому типу, и заработать копеечку.

Меня регулярно донимали острые приступы, и я снова бежал к туалету. Проводник уже знала меня, как больного извращенца и снисходительно позволяла мне пользоваться туалетом. Я уединялся в ужасной зловонной кабинке и всё острее и глубже осознавал своё возвращение. Чувства удовлетворения от совершенной мною экспедиции за океан и благополучного возвращения домой я не испытывал. Каких-то признаков патриотизма, после длительного пребывания на чужбине, тоже пока не возникало, скорее, наоборот.

В туалете появились грубо использованные украинские купонно-денежные знаки тысячного достоинства. Кто-то, непатриотично, зато весьма практично, применил их. Реального достоинства этих тысячных купюрок я ещё не осознавал, но теперь уже знал, где они могут быть пригодны. Я начинал осваивать жизнь на родине. Мои часы показывали ещё то, уже далёкое время. Желудок продолжал нещадно терзать меня. Я неустойчиво сидел на корточках над унитазом со спущенными драгоценными штанами и лихорадочно думал себе: «O my God you must be sleeping, wake up it's much too late…» Господи, ты должно быть спишь. Проснись же, уже слишком поздно. То бишь, господи, неужели это и есть моя вечная поза в моей, формально родной, стране?!

А поезд вез меня, потерянного во времени и пространстве, куда-то на Юг. Периодически доносилась всё та же шутка разгулявшегося украинского бизнесмена о варэныках. Это звучало, как национальный симптом. Мысленно, как доктор, я прописал ему вареников с пластилином, а себе — с кокаином.

«O my God, please take this space between us and fill it up some way…» О Господи, пожалуйста, одолей расстояние между нами и заполни его как-нибудь…

То бишь, я люблю тебя, Жизнь! И надеюсь, что это взаимно…

Конец истории.

1995–1998
Новая Каховка, Одесса.

P.S. Надеюсь, что эта история дала ответы на чьи-то вопросы.

А кому-то позволила почувствовать себя праведником и умником, сравнивая себя с неуклюжим героем-туристом.

О дальнейшей судьбе Вовы, оставшегося на островах Флориды, можно узнать из рассказа «Возвращение блудного сына».

С уважением -

Сергей Иванов

serheo@list.ru

Возвращение блудного сына

Жарким летом 2010 года мне представился случай повидаться со своим другом детства — Владимиром. Парясь на берегу Азовского моря, мы праздно разговаривали с ним о жизни в современной Украине и прочем. Я упомянул, что многие читатели моей американской истории интересуются дальнейшей судьбой великого горемыки Вована. Его взбудоражил этот факт. Растормошив ленивую память Вовы, мы совершили совместный прыжок во времени и пространстве, и мысленно оказались на островах Флориды в 1994 году.

Я дотошно расспросил Вову о его жизни на острове Флориды — Islamorada после моего отъезда, и он охотно восстановил хронику событий. Даже не поленился, письменно коротко изложить в школьной тетрадке имена окружавших его людей и суть их участия.

Мне оставалось лишь включить своё воображение, перенестись в ресторан Papa Joe's (подразумевается Эрнест Хемингуэй) и пережить с ним шестимесячный островной отрезок жизни, вплоть до его досрочного возвращения на родину.

Сергей

В конце сентября 1994 года, в свой выходной день Вова привычно подкатил велосипедом к почтовому отделению острова Айламорада, чтобы проверить почту. В его временном распоряжении остались два действующих почтовых ящика, арендованных ещё земляками — Олегом и Сергеем. Оба они уже покинули остров. Олег отбыл на Украину (временно), а Сергей переехал в город Нэйплс, что во Флориде на берегу Мексиканского залива.

На эти почтовые ящики продолжали исправно приходить бандероли с компакт дисками на всякие вымышленные имена, а также письма с напоминаниями о необходимости оплатить всё ранее доставленное. Эти бездушные казённые письма на чужом языке Вова не читал, так как они были адресованы не ему. Он тут же, не вскрывая, отправлял их, как и прочий рекламный хлам, в пластиковый контейнер для мусора, что стоял у выхода. Бандероли с компактами, конечно же, забирал с собой.

В свободное время, у себя в комнатке над рестораном, он вскрывал эти посылки и праздно рассматривал запечатанные компакт диски. В основном, это была музыка незнакомых ему исполнителей, судя по всему, — джаза. Вове были знакомы лишь имена заказчиков-получателей этих компактов; mr Shura Balaganoff и mr Ostap Bender. Легко угадывались издевательские шуточки Сергея. Проигрывателя компакт дисков у Вовы не было, поэтому диски аккуратно складывались в опустевшую сумку, оставаясь девственно запечатанными.

В этой походной сумке он когда-то привёз сюда из Украины настоящие мужские сигареты — «Прима» и «Шахтёрские». Сигареты с родины давно закончились. В сумке остался лишь устойчивый запах ядреного табака, настойчиво напоминающий Вове об Украине и его гражданстве. Теперь он привыкал к местным — «Camel» без фильтра. Чтобы не гонять порожняк, Вован исправно заполнял сумку компакт дисками, содержащими звуки местного джаза.

В этот день ему повезло. Кроме стандартной коробки с компактами, в почтовой ячейке лежал длинный, пухлый конверт. Вынув и оглядев это послание, Вова выяснил, что увесистое письмо адресовано лично ему, а отправителем, без сомнения, был Сергей. Это очевидно по его почерку и по имени, которым он величаво обозначил получателя — Mr. Valdemar de Kondurin. Вова обратил внимание, что обратный адрес на конверте не указан.

— Вероятно, Сергей снова решил сменить место жительства.

Неспокойный! — подумал Вова, внимательно рассматривая плотно набитый конверт.

По почтовым штампам он определил, что письмо было отправлено из Нью-Йорка, два дня назад. Конверт был основательно заполнен.

— Надеюсь, это не очередная шуточка Сергея — какие-нибудь фотоиллюстрации из порнографического журнала, а письмо на нескольких листах, исписанных им от руки, под настроение. Во всяком случае, будет, чем потешиться на досуге, — размышлял Вова.

С тех пор, как все его земляки покинули остров, вместо них, его приятелями стали русский Саша и, недавно поступивший на работу в ресторан, — украинец Славик. Оба они — любили выпить, и каждый выходной день призывали Вову быть третьим. Вова же, отличался от них слабоватым питейным опытом и своей навязчивой идеей-планом — поскорей заработать и собрать необходимую сумму. Он чувствовал пагубность дружбы с ними, но никого ближе у него на острове не осталось. Так что, Вова дружил с новыми товарищами, как мог. От чего, у него затем тяжело болела голова, и приходилось лишний раз снимать деньги со счёта.

Добравшись до свой комнатки, Вова закрыл дверь, и торопливо распечатал конверт. Внутри оказалось несколько свёрнутых больших тетрадных листов, плотно исписанных от руки, Он тут же приступил к чтению.

Сергей написал это письмо в нью-йоркском аэропорту JFK в ожидании посадки на самолёт. Следовательно, теперь он уже был дома.

В сумбурном, эмоциональном послании говорилось, что кочевая американская жизнь и неквалифицированные работы изрядно притомили Сергея. Продолжать этот мазохизм, имея сумму, достаточную для комфортного существования в Украине, становилось невыносимым. Он был уверен, что если ему захочется вернуться в Американский марафон, то он сможет снова получить визу. Отказался Сергей и от своего намерения — перебраться на Западное побережье и пожить какое-то время в Калифорнии. Полетел в противоположную сторону.

Владимиру были понятны усталость, раздражительность и сарказм, переполнявшие это послание.

— Наверняка, и человеческие отношения с близкими людьми в Украине, в какой-то степени подтолкнули его к отлёту, — размышлял Владимир. Хотя, об этом и не было сказано ни слова.

Вова загрустил.

Саша

Впервые Вова встретился с Сашей, когда ещё жил в доме 113 на Orange Ln. который совместно арендовали американец Кевин, Олег и Сергей. Вова тогда начал работать кухонным работником в ресторане Ribs, что находился на территории пансионата Holiday Isle (адрес; 84001 Overseas Hwy, Islamorada, FL 33036), а добираться туда на работу в пансионат было далековато. К тому же, Сергей с Олегом решили съехать с этого места жительства и начали подыскивать новое жилище.

В своих поисках Сергей отыскал неподалёку от пансионата Холидэй Айл тихое место на берегу Мексиканского залива, где сдавались в аренду двухкомнатные домики. Посетив этот семейный пансионат, Сергей познакомился там с двумя постояльцами — Мартой и Сашей, которые проживали в одном доме. Так, у Сергея возникла идея о возможном подселении Володи в комнату к Саше, который испытывал материальные затруднения и был готов разделить свою комнату с хорошим соседом.

Однажды вечером Сергей привёл туда Вову для знакомства и переговоров. Соглашение между Вовой и Сашей о совместной аренде комнаты состоялось легко и быстро. На следующий же день Володя перевёз туда свои пожитки, постелил под стенкой зимнюю куртку «Аляска» и стал жить с Сашей в одной комнате, за пятьсот долларов в месяц, на двоих. Теперь на работу он мог ходить пешком, всего минут десять ходьбы.

В этом же доме, в соседней отдельной комнате проживала странноватая женщина среднего возраста — Марта, которая совсем не понимала и не говорила по-русски.

Сашу занесло на острова Флориды из Петербурга. Это был парень лет тридцати. Судя по его бедному английскому языку, особым образованием он не был обременён. Но, как житель Петербурга, проявлял некоторые признаки интеллигентности.

В Петербурге он работал в ресторане официантом, поэтому и здесь подумывал зарабатывать на жизнь тем же. Но пока ему препятствовал его скудный английский.

С его слов, в Америку он попал случайно. Уходя в отпуск в холодное время года, кто-то посоветовал Саше слетать в Майами, и там погреться зимой на солнышке. Его это заинтересовало.

Пригревшись под ласковым зимнем солнцем Флориды, Саша решил отложить своё возвращение в Петербург на неопределённое время и пустился в поиски своего места под щедрым солнцем.

Когда Вова, со своей зимней курткой-постелью «Аляска» и термоядерными сигаретами, появился в его комнате, Саша неопределённо скучал без работы. До следующего взноса за жильё ещё оставалось пару недель, и он вяло подыскивал работу, учил английский, особенно ресторанную терминологию. В беседах с Вовой он делился своими планами и результатами поисков. Саша искал работёнку, которая полегче да почище, а в процессе поиска, не отказывал себе в выпивке, так как он, всё таки, пребывал в отпуске.

Вскоре ему таки удалось устроиться на работу в местном супермаркете Winn Dixie расфасовщиком товаров. С первых же дней Саша стал возвращаться с работы с крепким запахом алкоголя. Как он объяснял Вове, естественную душевную потребность в алкоголе Саша удовлетворял во время работы. Выбирая из огромного ассортимента приглянувшуюся бутылочку, Саша уединялся в туалетной кабинке и там устраивал себе именины сердца. Перспектива возможного разоблачения и увольнения, его вовсе не волновала. Ведь он был в отпуске, и не мог отказать себе в выпивке, часами пребывая среди такого соблазнительного разнообразия заморских напитков.

По вечерам, в свободное от работы время, Саша общался и с соседкой Мартой. Алкоголик из холодного Петербурга окучивал аборигена Марту, утешая свои естественные потребности и вынашивая план легализации в стране, манипулируя её тёплой грудью. Сама Марта тоже была вовсе не против принять на грудь пару капель. Так, секс и выпивка сблизили соседей — русского Сашу и американку Марту.

Профессионального посудомойщика Вову удивляло социальное положение Марты. Ей было уже хорошо за тридцать, а она работала разнорабочим в этом недостроенном семейном пансионате. За отработанные на территории часы, хозяева предоставляли ей комнату в доме. Вскоре и она нашла себе дополнительную работёнку в каком-то баре, и стала по вечерам уезжать на велосипеде. Как только у неё появились какие-то деньги, она сразу же стала ездить на такси и покупать много продуктов и пива. Судя по тому, как глупо она распоряжалась своими случайными заработками, Вова предсказывал, что Марта никогда не приобретёт своего жилья и даже едва ли сможет арендовать что-то лучше, чем комната, в которой сейчас проживала. Она во многом походила на Сашу. Два сапога пара.

Однажды Саша попал в неловкое, а затем и в затруднительное, положение. Его организм, привыкший к северным условиям и крепким горячительным напиткам, странно отреагировал на смехотворные укусы местных, тропических

муравьёв.

Обычно их укусы напоминают комариные — зуд в точке укуса и лёгкая локальная аллергия. Но у Саши это вызвало сильную аллергию, повлёкшую приступы удушья. Он стал просто задыхаться. К счастью, случилось это, когда Марта была дома. Видя, как перепуганный Саша хрипит и просит помочь ему хоть как-то, Марта запаниковала и вызвала скорую помощь. Коновалы подъехали спасать клиента. Взглянули на хрипящего пациента с выпученными глазами, поинтересовались его документами, погрузили жертву и увезли. В госпитале Свше ширнули что-то и понаблюдали часок-другой. Убедившись, что пациент уже может дышать и ходить, усадили его в коляску, подкатили к такси и отправили обратно домой. Кроме спасательных процедур, они предусмотрительно скопировали все документы, удостоверяющие его личность, заполнили немало анкет и предложили перепуганному Саше оставить свои автографы. Спустя пару дней, клиент получил «письмо счастья» со счётом на тысячу долларов. Так были оценены все медицинские хлопоты и услуги, связанные со спасением глухонемого аллергического пациента. Марта ознакомилась с их счетами и советовала Саше не огорчаться. Она считала, что он ещё легко и благополучно отделался. Саша же, сначала набычился, заявил, что ему предъявляют нагло завышенную сумму. И вообще, у него таких денег нет, и никогда не было. Но Марта и польские знакомые — Анна и Грижина, все увещевали его не лезть на рожон, а заключить с госпиталем договор о порядке и сроках погашения указанной суммы, и выплачивать это по мере своих возможностей. Иначе, можно выхлопотать более увесистые денежные претензии и прочие проблемы, если спор дойдёт до судебного рассмотрения. Саша сдался. Захотелось тихо и крепко выпить, желательно в компании понимающих товарищей.

Вскоре Вову уволили из ресторана Ribs.

Причин увольнения Вова не знал. Предполагал, что из-за его внешнего вида, пугающего посетителей ресторана и сотрудников. Якобы, увольнение последовало сразу же, как он явился на работу с новой причёской. Хотя, самому ему понравилось, как Сергей по-армейски остриг его машинкой.

Польские пани посредники быстро подобрали Вову и пристроили на работу в другом месте.

Работа уборщиком гостиничных номеров в пансионате была гораздо легче и чище, чем в ресторанной посудомойке. Но это было далековато от его места жительства. Какое-то время, женщины, с которыми он работал, любезно подвозили Вову на работу и обратно, но это не всегда и всем было удобно.

Вскоре, пронырливая полька нашла для него новое рабочее место, где предоставлялась комната для проживания и питание. Это оказался снова ресторан. А находилось это место в пяти милях ниже по дороге US 1 в направлении Key West.

В связи с переводом на новую работу, Вова покинул своих соседей-приятелей Сашу и Марту, и перебрался в ресторан Papa's Joe. Там он стал работать на кухне и жить в одной из комнаток на втором этаже, где проживали и другие работники ресторана.

Славик

Славик появился в ресторане Papa's Joe в качестве кухонного работника вследствие увольнения поляков, которые, игнорируя многократные предупреждения хозяина, упрямо продолжали воровать продукты и алкоголь.

Славка был молодым парнем, лет двадцати пяти, из Тернополя. Его украино-русский говорок выдавал в нём уроженца западной Украины. Он прилетел во Флориду в гости к своему родному деду — эмигранту, но быстро притомил того своим пустым присутствием, глупым поведением и необузданными желаниями.

Со слов Славки, дед стал ворчать, поучая внука, что, это не советская Украина, а Америка… Деду не нравилось, что Славка целыми днями бездельничал, постоянно выпивал и просил у него — пенсионера деньги на карманные расходы. Когда же Славка заговорил ещё и о желании обзавестись «своим» автомобилем за дедовские деньги, терпение старого украинского американца лопнуло. Он строго заявил Славке: или ты устраиваешься на работу, или убираешься обратно в Украину, где можно не работая, пить самогон домашнего изготовления, закусывая качественным салом!

Проживали они в городке Холливуде, что на восточном побережье Флориды, неподалёку от Майами. Там же обитала и полячка Анна, которая промышляла посредническими услугами между работодателями и работниками. Славка связался с ней, и его быстро сдали на работу в ресторан Папа Джо.

Встретив там своего земляка Вову, хотя и представителя русскоязычной Украины, Славка искренне обрадовался, и при первой же возможности призвал Вову выпить за встречу, знакомство и дружбу.

Эта новая дружба фактически разрушит Вовину профессиональную карьеру мойщика посуды и его американскую мечту.

Ресторан Папы Джо

Ресторан и причал для яхт и прогулочных катеров, обозначенные, как Папа Джо, находились на острове Айламорада, 79,7 миля дороги US 1, на берегу Мексиканского залива.

Назвали это место кличкой писателя Эрнеста Хемингуэя — Папа Джо, так как он провёл на островах Флориды немало времени и что-то написал здесь. По-моему, рассказ «Старик и море». А теперь; Здесь был Вован.

Для туристов это место представляли, как ресторан, предлагающий блюда из продуктов моря, с чудным видом на залив. А так же — возможность отправиться отсюда на прогулочном катере в морскую прогулку и порыбачить.

Ресторан открывался для посетителей с одиннадцати утра и работал до последнего клиента, бывало — до двух часов ночи. Работники ресторана работали в две смены — дневную — с семи утра до четырёх вечера. И ночную — с четырёх вечера. Всего в ресторане работали человек пятнадцать. Управляющая, два шеф повара и официанты — американцы. Остальные, подсобные разнорабочие — люди пришлые из разных стран, зачастую — мигранты-нелегалы.

Вову привезла туда полька Анна в апреле месяце, когда зимний туристический бум уже стих. На островах Флориды стояла летняя жара, но ресторан всё же посещали.

Назначили Вову на должность мойщика посуды и подсобным рабочим по кухне во вторую смену. Его непосредственным начальником был шеф повар второй смены — американец, добродушный парень возрастом около сорока лет, с ярко выраженными внешними признаками любителя выпить.

Для проживания Вове предоставили одноместную комнатку на втором этаже, над рестораном, чем существенно упростили его хлопоты и расходы, связанные с арендой жилья. Сантехнические удобства — туалет и душевая были общими для всех работников, проживающих там, и размещались в конце коридора. Кроме этого, ему, как работнику кухни полагался полноценный бесплатный обед, что также способствовало осуществлению его американской мечты. В его рацион теперь входили так называемые «морские продукты» — дешёвая рыба с местных ферм, где вскармливали и взращивали на гормональных кормах морепродукты для общепита.

Размер заработной платы — пять долларов за час, ему определила посредник-упырь Анна. Выдавать зарплату, согласно отработанным часам она обязалась каждые две недели. Сколько

же платил ресторан за его слегка умственный труд, Вова не знал.

Своей новой работёнкой Вова был вполне доволен. Работа во вторую смену оказалась спокойной и умеренно тяжкой. К одиннадцати вечера посещаемость ресторана стихала, грязная посуда почти не поступала, и Вова приступал к уборке кухни. Далее, до двух часов ночи шеф повар и Вова просто дежурили на рабочем месте ради случайных ночных посетителей, попивая чай и кофе.

Саша, узнав о новом месте жительства Вовы, стал приезжать к нему в гости по выходным дням. Он всегда привозил с собой выпивку и нуждался в компании. Вова охотно общался с ним, но пил гораздо меньше и всегда отговаривал товарища от продолжения и покупки дополнительной выпивки. Чтобы как-то уважить друга, Вова даже пообещал ему предоставить кредит в размере 500 долларов. Саша давно страдал желанием приобрести автомобиль, но никак не мог собрать достаточной суммы, поэтому, просил Вову о финансовой помощи.

С первой же Вовиной получки, Саша напомнил ему об этом, и Вове пришлось выполнить обещанное. Он одолжил Саше пятьсот долларов, и тот спешно купил критически уставшую Субару за 1500 долларов. Даже Вова — не автомобилист, оценил эту машину, как авто хлам, не стоящий и половины этой цены.

Теперь Саша стал приезжать к Вове чаще. С собой он привозил видеокассету с каким-нибудь фильмом и бутылку водки. Самоуверенно игнорируя замечания товарища, Саша всегда уезжал домой хорошо поддатым.

Среди сотрудников ресторана близких друзей у Вовы не появилось. Поляки быстро и высокомерно определили его, как совка из конченной Украины. Предложили ему весь набор услуг для лохов; быстрое получение зелёной карты и американского гражданства, всего за несколько тысяч, которые можно выплачивать им частями с зарплаты. Вова вежливо отказывался, и на этом их отношения ограничились лишь рабочими и бытовыми контактами.

Американские коллеги в основном работали с посетителями ресторана. На жаркую кухню они заглядывали лишь по необходимости. Эти делали своё чистое дело, заботясь о посетителях и «чаевых», распределяя которые, мойщика посуды они не учитывали. Вову лишь вежливо и улыбчиво приветствовали, едва замечая коллегу в прорезиненном фартуке.

Однажды, среди американских сотрудников появилась невзрачная женщина среднего возраста, которая таки проявила какое-то внимание к Вове.

Повстречались они в месте, отведённом для курения. Она

первая приветливо заговорила с ним. И не смотря на малопонятные звуки, которыми ответил ей Вова, она дружелюбно познакомилась с ним и поделилась впечатлениями о работе в ресторане и об острове Айламорада.

Сьюзен была представительницей распространённого социального слоя, живущего одним днём. Без образования, профессии, постоянной работы и места жительства. Разумеется, собственности и сбережений — тоже пока нет. Устойчивые привычки — алкоголь, курение, иногда — лёгкие наркотики.

Снисходительное отношение к ней со стороны своих соотечественников её не обижало. Она привыкла к этому, ибо знала своё место — сезонного работника, и была благодарна за предоставленную ей работёнку с обедом.

В глухонемом Вове она легко распознала своего парня. Этот не брезговал её компанией и был искренне рад общению с Сьюзен.

Она сидела на скамейке с чашкой кофе и сигаретой, наслаждалась коротким перекуром в рабочее время, чудесным видом на залив и компанией глухонемого приятеля. Сьюзен доброжелательно рассматривала иностранного мойщика посуды, отчаянно пытающегося что-то сказать ей. Ещё никто из работников этого ресторана не проявлял к ней такого искреннего внимания. И она положительно оценила коллегу, как простодушного доброго человека.

Однако Вова был не так прост, как ей это казалось. Он проработал в этом ресторане уже более трёх месяцев и зарекомендовал себя, как надёжный, исполнительный мойщик посуды, уборщик кухни, а если требуется, — и женского туалета. Американские и польские коллеги, которые снисходительно видели в нём лишь глухонемого русского, едва ли подозревали, что в своей потной посудомойке Вова смог намыть и натаскать на банковский счёт уже три с половиной тысячи реальных денег.

Сьюзен жила где-то на острове в арендованной комнате и приезжала на работу на старенькой малолитражке. Вероятно, это всё, что она имела, и этим была вполне довольна.

Вова же, не арендовал жильё. Он проживал и питался там же, где и работал. Ездил на велосипеде. Но имел постоянно растущий банковский счёт и план дальнейших действий.

Каждые две недели, получая от Анны зарплату — в среднем пятьсот-шестьсот долларов, Вова, оставлял себе лишь небольшую сумму на сигареты, а остальноё отвозил в ближайшее отделение Barnett Bank.

Служащие провинциального отделения банка уже хорошо знали тихого, стабильного клиента, который каждые две недели

пополнял свой счёт не менее чем на пятьсот долларов. Других операций он не совершал. Служащие банка всегда вежливо встречали его, оформляли очередной депозит и провожали с пожеланиями ему удачи и встречи через две недели. И он исправно привозил на своём велосипеде очередной взнос. Банк ценил безмолвного клиента-велосипедиста, доверявшего им свои трудовые сбережения. Служащие, желая ему удачи, делали это вполне искренне.

Трудовая жизнь Вова стабильно и тихо протекала в кухне ресторана и в комнате на втором этаже. Из этого пространства он отлучался лишь для посещений супермаркета, салона видео проката и банка. Самыми яркими событиями в его островной жизни были визиты Саши с традиционной бутылкой водки и короткие, деловые посещения Анны в связи с выдачей зарплаты. Стабильно рос банковский счёт, да и сам Вова заметно распух от ресторанной пищи и регулярной выпивки. Ничто не предвещало нарушения этого режима существования.

Перемены повлекло дурное поведение польских работников. Несмотря на многократные предупреждения управляющей и самого хозяина ресторана, поляки продолжали воровать в ресторане алкогольные напитки и продукты. Кроме того, они открыто злоупотребляли алкоголем и всё небрежней относились к порученной им работе.

Однажды летом, двое поляков, будучи пьяными, заехали ночью куда-то на велосипеде и причинили себе кое-какие травмы. Оказавшись в госпитале в невменяемом состоянии, они получили необходимую медицинскую помощь. Придя в себя уже дома, те с трудом могли вспомнить, что же произошло с ними вчера. И были удивлены, обнаружив на себе многочисленные перевязки, швы и гипсы. Особенно их повеселили новенькие костыли, которыми их обеспечили в госпитале.

Их веселье закончилось, когда они получили вдогонку, за оказанные им медицинские услуги, счета по две-три тысячи! Цена костылей, в которых они едва нуждались, составляла добрую четверть этой суммы!

Пока они вычухивались, управляющая ресторана позаботилась об их замене. Как только они зализали свои раны, их вежливо попросили освободить комнату, которую они занимали, и покинуть ресторан.

Те не особо расстроились, так как не намеревались работать здесь на госпиталь, который всучил им дорогие костыли. Они решили хорошенько отовариться на кредитные карточки, купить билеты на самолёт и убраться в Польшу, оставив Америке, на память о себе, две пары костылей. Вскоре, двое польских

работников исчезли из ресторана.

Из разговоров в ресторане Вова узнал, что эти двое поляков, как и многие другие их земляки, попали в Америку по грин карте, которая разыгрывалась год назад, специально для граждан Польши. Их статус несколько отличался от обычных держателей лотерейных грин карт. Эти, для получения полноценного статуса «постоянного жителя», позволяющего жить и работать в США, покидать страну и возвращаться, должны были прожить в США безвыездно не менее двух лет. Многие из них, приехав сюда с такими грин картами и попробовав американскую жизнь, не пробыли в стране и половины предписанного срока, вернулись домой. Как правило, покидая несостоявшуюся новую родину, они старались прихватить в банках кредиты, или, хотя бы прикупить на кредитные карточки побольше подарков, себе и своих близких. Далеко не всем панам понравилась американская перспектива выполнять работы, за которые не берутся даже местные негры.

Вместо двух съехавших поляков, Анна привезла Славку.

Так, у Саши с Вовой, в их посиделках за бутылкой водки, появился третий участник — Славка. В первую же встречу с алкоголиком Сашей они нашли общий язык. В его лице Саша нашёл безотказного собутыльника. Обычно, приговорив стартовую бутылку, доставленную Сашей, они дружно призывали Вову продолжать беседу. И снова покупали водку. А затем, ещё, и ещё. Владимиру приходилось соглашаться с коллективом и пить, ради сохранения дружеских отношения. Саша и Славка быстро спелись. Их тёплые беседы всегда сводились к трём темам; автомобили, и где дешевле покупать бензин, работа, и как можно заработать на покупку автомобиля. Ну, и женщины.

Каждая такая встреча с товарищами доставляла Вове тяжёлую головную боль и непредвиденные расходы. А Саша теперь стал посещать их не только по выходным дням, а и в будни, в свободное от работы время. Вова начал не по-мужски жаловаться на тяжёлые похмелья, но чуткие товарищи поддерживали ему. Саша предложил заменить водку на Венесуэльский ром, от которого похмелье гораздо легче.

Однажды, когда Вове было совсем худо, и он заявил Славке, что больше никогда, ни капли… Славка по-товарищески помог ему. Он разъяснил Вове, что в таких критических состояниях надо лечиться небольшой дозой алкоголя, а не зарекаться. Доктор Славко заставил больного Вову выпить пятьдесят грамм водки. И Вова ожил! Дружба трёх товарищей продолжилась в прежнем режиме.

Тогда Вова ещё не подозревал, что такая тёплая компания может привести к расстройству его психического и физического

здоровья, а затем, и к досрочному краху его профессиональной карьеры и тщательно рассчитанного плана. Он уже осознавал, что алкогольное одурманивание не делает его счастливей, чувствовал, как теряет рабочую форму.

Если бы польский агент Анна, имеющая свой регулярный интерес от заработков Вовы, или управляющий банка, где Вова хранил сбережения, узнали, с кем он связался, возможно, они попытались бы вразумить его и вытащить из пагубного окружения. Но Вова был одинок на этом острове. И он не мог отказаться от суррогатной дружбы с земляками, говорящими с ним на одном языке.

Почувствовав, что постоянный алкогольный дурман начал серьёзно мутить его разум и снижать трудоспособность, Вова стал уклоняться от пьяных посиделок с соседом Славкой. Тот всячески зазывал уставшего Вову составить ему компанию. Постоянно изыскивал денежные резервы, чтобы угостить и поддержать упавшего духом товарища. По выходным дням, он часто отъезжал в гости к своему деду, и всегда возвращался с гостинцем — бутылкой водки. Причины, на которые ссылался Вова, не признавали уважительными. Славка, наконец, сообразил, что его избегают, и без особого труда нашёл замену Вове. Поляк, говорящий по-английски, работающий помощником повара в первой смене, охотно составил Славке компанию для ежедневного распития порции водки. Возможно, Славику, который был родом из Тернополя, было интересней пить с поляком, чем с русским соотечественником Вованом.

Вовина отстранённость от единственного сотрудника-земляка и самоизоляция компенсировались приятельскими отношениями со Сьюзен, которая, к сожалению, чаще работала днём. По мере того как они оказывались в одной смене, их отношения становились всё тёплее.

Условными сигналами они приглашали друг друга на перекуры. И когда им удавалось выйти вместе на десятиминутный перерыв, они оба ощущали душевный комфорт во время совместных коротких молчаливых посиделок под луной. Невозможность полноценно общаться компенсировалась растущей взаимной симпатией двух пролетариев от общепита. Сьюзи чувствовала, как во время их коротких производственных свиданий, у этого парня под фартуком учащённо билось горячее сердце посудомойщика. Их отношения, ограниченные короткими контактами во время работы в ресторане и на свиданиях-перекурах, стремительно развивались. Вова, поняв, что Сьюзи — свой человек, осмелел и взялся за тело. Когда ситуация во время их совместных перекуров позволяла, он старался успеть

прислониться к ней и получить заряд положительных эмоций. Сьюзи, прерывая курение, гостеприимно отстраняла руку с сигаретой в сторону и позволяла Вове жадно, торопливо лобызать её. Запахи дешёвой парфюмерии, табака, пота и кухни. Яркая, низко висящая луна, тихий шелест прибоя. *It must be love… *Должно быть, это любовь… Покурив, и, поласкав друг друга, они довольные возвращались на свои рабочие места.

Вскоре, сотрудники заметили их немую тёплую дружбу и стали снисходительно подшучивать над Вовой.

Полный отказ Вовы от употребления алкоголя вскоре привёл к тому, что Славка сблизился с поляком, который иногда выступал в качестве переводчика и контактировал с управляющей и хозяином. Этот поляк, работавший помощником повара в дневную смену, относился к Вове с заносчивой презрительностью.

Было ли это производственной необходимостью, или коварными происками поляка, но Вову стали всё чаще ставить в первую смену. Единственный положительный момент в этих перестановках — частые, мимолётные встречи с подружкой Сьюзи. Но их совместные перекуры в дневное время не имели эмоционального содержания ночной смены. При луне у них всё происходило гораздо романтичней, чем под ярким солнцем.

Вова так и не выяснил, где и как Сьюзи поживает, и не предложил ей встретиться где-нибудь вне ресторана, после работы. Он полагал, что ещё не вечер.

Типичная ошибка неудачников — самонадеянно заигрывать с госпожой Удачей. Возможность получить порцию радости возникает не случайно! И её следует реализовывать, не откладывая на потом!

Вскоре, управляющая решила, что ночная смена не столь загружена, и Вову окончательно поставили работать с утра. Так, он оказался под началом иного шеф повара, помощником у которого работал тот заносчивый поляк, говорящий по-английски. Фактически, все указания и замечания по работе Вова получал от этого поляка. Тот стал садистски грузить Вову сверх функциональных обязанностей посудомойщика и рабочего по кухне. И делал он это с нескрываемым удовольствием. Вова огрызался. Возникли производственные конфликты. Работа под началом ненавистного поляка настолько изменила Вовину жизнь, что его пребывание в ресторане стало невыносимым.

После работы Вова снова начал выпивать со Славкой и Сашей. Он жаловался им на перемены в его карьере, но товарищи ничем не могли помочь Вове. Он предполагал, что поляк задумал выжить Вову из ресторана, чтобы на его место пристроить кого-то из поляков. Товарищей-собутыльников всё это едва интересовало.

Жалобы Вовы звучали не по-американски. Им хотелось говорить об автомобилях и женщинах, и алкогольное опьянение вовсе не отягощало их разум, но грело и радовало душу. Пьяные беседы земляков об одном и том же, стали казаться Вове пустыми и глупыми, участвовать в которых он уже и не пытался.

А с раннего утра — снова работа на кухне. Голова тяжёлая после выпитого накануне. Поляк, присвоив себе звание Большого Босса, стервозно покрикивал на вялого, немого посудомойщика. Раздавая глупые указания, он ссылался на шеф-повара, якобы, тот приказал это сделать. Повар же, был занят своим делом у плиты, и не вникал в непонятные окрики и тёрки между польским помощником и русским посудомойщиком. Производственные отношения на кухне обретали всё более антагонистичные формы. По возможности, Вова задерживался в ресторанном зале, куда подносил чистую посуду и прочие приборы. Официанты, бармен и прочие помощники приходили к десяти утра. До открытия ресторана они слонялись, имитируя занятость, или пялились в телевизор, с интересом наблюдая за клоунскими боями, которые они всерьёз называли wrestling (борьба). На ринге кувыркались и паясничали двое взрослых свирепых идиотов крепкого телосложения, дурацки выряженных, и неловко имитирующих яростную борьбу без правил.

По мнению Вовы, такое зрелище могло быть интересным лишь для умственно отсталых детей или взрослых, уже неизлечимых, дебилов.

Все они едва замечали молчаливого работника кухни. Свои приветствия с фальшивыми улыбками сотрудники частенько подменяли дешёвыми шуточками по поводу его личных шалостей и романа со Сьюзи. Для пущей ясности они прибегали к языку жестов, что выглядело пошловато. Про себя Вова называл их тупыми любителями американского футбола и борьбы. Ему бы ответить им «сам ты wanker! Watch your stupid wrestling…»* Но он оставался немым объектом их шуточек. *Сам ты онанист! Смотри свою дурацкую борьбу.

Добрые отношения у Вовы сложились с молодой полькой Боженой, которая иногда, в особо посещаемые дни, по приглашению управляющей, работала, где скажут. Она не проживала в ресторане, так как работала не полную рабочую неделю, и со своими польскими сотрудниками не была близка. К ресторану её подвозил муж, а к окончанию смены — встречал и увозил домой.

В середине ноября 1994 года, когда на Вовином банковском счету скопилась сумма в восемь с чем-то тысяч, Он понял, что его силы исчерпаны, нервы — критически расшатаны. Если

продолжать этот добровольный польско-американский мазохизм, то крыша может съехать окончательно. Обращаться к Анне с просьбой о новой работе ему не хотелось. Как объяснить ей такое пожелание? Ведь его не увольняли. Да и другая работа будет наверняка — в посудомойке, и, вероятно, без комнаты для бесплатного проживания.

Он заявил управляющей ресторана о своём желании уйти. Её это не удивило. На таких работах никто долго не задерживался. Сюда сдавались лишь в крайне затруднительных ситуациях. Как в плен. А как только подсоберут какую-то сумму — сбегают.

Она лишь просила Владимира поработать ещё несколько дней, пока найдётся замена.

Спустя три дня, на это тёплое, хлебное место Анна привезла болгарина. С Вовой чётко рассчитались и вежливо попросили освободить служебное жильё — одноместную комнату.

202 Dogwood Ap.5, Islamorada, Fl

Молодой болгарин, прибывший сменить Вову, оказался образованным парнем. Он прилично говорил по-русски и по-английски. Объехав восточное и западное побережье, он решил посетить острова Флориды, здесь же и перезимовать. Вова передал ему рабочее место, комнату и оставил свои видео игрушки. Коротко ввёл его в курс кухонных дел и затем, покинул ресторан, в котором работал и жил семь с половиной месяцев.

Для начала, Вова зашёл по адресу 202 Догвуд, что неподалёку от почтового отделения. Там проживали его коллеги — посудомойщики, они позволили ему оставить на хранение вещи.

Освободившись от сумок, Вова отправился в турагентство покупать авиабилет. Оказалось, что из Майами прямых рейсов до Киева нет. Но ему предложили вариант с транзитной остановкой в Германии. Остановились на рейсе Майами — Мюнхен — Киев. Но место ему могли предложить только на рейс, который будет неделю спустя. Раньше ничего не было. Вова согласился, и, уплатив шестьсот долларов, получил билет домой. Решение принято.

Теперь следовало договориться с товарищами о временном проживании в печально известном русском доме на улочке Довуд. Старожилами, решающими вопросы подселения, были двое мойщиков посуды Геннадий из белорусского Бобруйска и его сменщик — пожилой поляк. Они жили и работали на одном месте, вероятно, такое постоянство объяснялось полным незнанием языка. Для положительного решения вопроса Вова купил для них гостинчик — бутылку водки, и направился к их дому.

Водке дядя Гена обрадовался и гостеприимно пригласил Вову к столу. Общий язык, профессия и выпитое, позволили им легко договориться о проживании временно бездомного коллеги. Узнав о судьбоносном решении товарища отбыть на родину, Гена потребовал продолжения банкета. Вова послушно слетал через дорогу в супермаркет и быстро вернулся с бутылкой. Этой ночью они пили, кушали и горячо обсуждали профессиональные вопросы. Жаловались на условия работы в ресторанных посудомойках. Сравнивали свой труд с работой официантов, которые кроме зарплаты имеют ещё и дополнительный стимул в виде чаевых. Мечтали о создании на острове Айламорада профсоюза нелегальных посудомойщиков. Гена самоуверенно видел себя единственным возможным кандидатом на пост

председателя профкома, как человек, отдавший этой профессии уже более года своей, уже немолодой, жизни и был намерен продолжать мыть посуду ещё многие годы. Вова откровенно усомнился в умственных способностях Геннадия, как возможного председателя. Возник спор. Стояла глубокая ночь. Поляк уже выпал из дебатов и мирно храпел на своей койке, откинувшись на спине с открытым, полу беззубым ртом, одетый в рабочую одежду и обувь. Всё равно утром — на работу. Не надо будет одеваться. Геннадий был пьян и глубоко оскорблён дерзостью гостя, не признавшего в нём потенциального профсоюзного лидера. Всё было выпито. Суть возникшего конфликта уже едва понятна. Гена, на правах хозяина, тупо вытолкал пьяного коллегу из дома, а вслед за ним вышвырнул и его сумки. Вован оказался в компании дружелюбно улыбающейся луны.

Проснулся Вова от яркого солнца. Оглядевшись вокруг, он нашёл себя лежащим в траве у асфальтированной дорожки, по которой, то кто-то пробегал, то проезжал на велосипеде. Щебетали птицы. Никто не обращал на него внимания. Совершенно потерянный в тропических зарослях острова, между Атлантическим океаном и Мексиканским заливом. Рядом с ним лежали две его сумки. Голова была тяжёлой и отказывалась вспоминать, как он здесь оказался. Какое-то время Вова тупо лежал, глядя в чистое ноябрьское небо, пытаясь собраться силами и мыслями и совершить хоть какой-то осознанный шаг. Подтолкнуло его к подъёму естественная потребность. Он с трудом поднялся и понял, что всё ещё пьян. Опорожняясь, он заметил рядом со своим ночлегом свежие метки. Предположил, что это его же выбросы продуктов жизнедеятельности. Он начал со страхом осознавать своё реальное положение на обочине жизни и неспособность контролировать свои действия. Вспомнив о намерении улететь домой, Вова нашёл у себя в карманах помятый билет на самолёт и бумажник. Банковская карточка оказалась на месте, наличных денег почти не было. Дата на билете показывала, что до отлета — ещё шесть суток. Голова, хотя и с большим трудом, но начала соображать. Он полу осознанно побрёл к основной магистрали — автодороге US 1. Оказавшись в знакомом ему месте, неподалёку от почтового отделения, Вова перешёл на другую сторону дороги к супермаркету. Увидев кого-то у банковского автомата, у него возникла тревожная мысль о его трудовых сбережениях. Ведь он почти ничего не помнил, что с ним произошло этой ночью. Обратившись к банковскому автомату, Вова проверил свой баланс. Всё было в порядке, после покупки билета, на счету оставалось более семи с половиной тысяч. Подумав, он снял

небольшую сумму. Усталость, головная боль, две сумки и наличные в руках — всё это подсказывало ему найти безопасное место для сна и отдыха. Недалеко от супермаркета он заметил придорожную рекламу, извещающую проезжих об уютном отеле с бассейном во дворе и комнатах с кондиционером, телевизором, туалетом, душем за умеренную цену. Он тупо побрёл в направлении, указанном на рекламном щите. Указатель привёл его к небольшому гостиному двору. Несколько одноэтажных корпусов, среди которых — дворик с бассейном. В офисе, под радио музыку скучала женщина, которая безразлично взглянула на помятого гостя с сумками в руках.

— Добрый день. Чем могу? — приветствовала она Вову, лишь на секунду включив улыбку.

— Я хотеть комната. Шесть дней. Наличные, — лаконично ответил Вова.

— Шесть дней? Уточнила она. — Одноместную?

— Да, — согласно кивнул гость тяжёлой, опухшей головой.

— Сорок долларов за сутки, — оживилась женщина.

— ОК — согласился Вова и достал из кармана сто долларов.

— Идём, я покажу тебе комнату, — пригласила она Вову и взяла ключ.

Она провела его к одному из корпусов, открыла ключом дверь и жестом пригласила Вову пройти в комнату.

— Вот вам одноместная комната. Кондиционер, телевизор. Здесь можете приготовить себе покушать, — указала она на кухонный отсек. — Холодильник. Если понадобится — просто включите его в сеть. Микроволновая печь. Здесь посуда, — приоткрыла она шкаф. Далее — санузел; душ, умывальник, туалет. Всё чисто, — быстро продемонстрировала она гостиничный номер и вопросительно взглянула на гостя, очень похожего на пьющего бродягу.

Вове всё понравилось. Он очень хотел остаться здесь прямо сейчас.

— Вот вам сто долларов, — протянул Вова купюру. — Шесть дней, — заявил он о своём согласии.

— Шесть дней — это двести сорок долларов, — ответила женщина.

— ОК, сейчас — сто. Сегодня платить всё. Немного позже, — объяснил Вова.

— Хорошо, — согласилась она. Приняла от Вовы сто долларов, вручила ему ключ и спешно покинула номер.

Вова закрыл дверь, сбросил с себя несвежую одежду и завалился на кровать. Оказавшись в тихом безопасном месте, его тяжёлая, уставшая головушка моментально отключилась. Вова

провалился в глубокий оздоровительный сон.

Заслуженный отпуск

Проснулся он во второй половине дня, от жажды и от того, что ему стало жарко. Лёжа на просторной кровати, Вова осматривался и соображал, вспоминал события последней ночи, пытаясь определиться во времени и пространстве. Посреди комнаты лежали две его сумки и одежда. Заметив кондиционер, который он забыл включить, он вспомнил о своём поселении в гостиницу. В комнате было душно. Встав на ноги, Вова почувствовал лёгкое головокружение — последствие выпитого ночью. Открыв кран в кухонной мойке, он наполнил стакан водой и жадно залил это в утробу. Стало легче. Приоткрыл окно, выходящее во дворик. В бассейне никто не плавал. Вова закрыл окно, включил кондиционер, заглянул в холодильник — пусто и чисто. Отправился в санузел и стал под тёплый душ. Он приходил в себя, наслаждаясь освежающим душем и покоем. Ему не надо было спешить. Соседи поляки не стояли в очереди на помывку и не отпускали дешёвые шуточки по поводу его излишне продолжительного мытья.

Вова стоял под напором тёплой воды и вспоминал, в каких условиях он прожил в Америке десять с половиной месяцев. После выезда из первого дома, где он прожил с Сергеем и Олегом первые три недели, далее жизнь понесла его по коммунальным комнатам. При всей его благодарности хозяину и управляющей ресторана Папа Джо, бесплатная комната с польскими соседями порядком осточертела ему. Система коридорная, на десять комнат — одна уборная.

Вытираясь перед зеркалом, Вова отметил нездоровую опухлость физии — от сна и похмелья. И лишний вес он заметно набрал. Бесплатные ресторанные обеды с гормональной рыбой и курятиной дали очевидный пухлый результат. За все эти хождения по мукам — семь с половиной тысяч местных денег на банковском счету и две сумки, стоящие посреди комнаты. Одна — полная компакт дисков, штук сто. Вторая сумка — с одеждой и прочими мелочами. Билет домой за шестьсот долларов. Да, чуть не забыл! И велосипед, который он оставил этой ночью у дома Геннадия на ул. Догвуд — 202.

Уже вечерело, когда он вышел из номера и направился обратно через автодорогу к злополучному русско-польско-укро-белорусскому коммунальному дому. Его велосипед — островной спутник, верно прослуживший ему восемь месяцев, стоял припаркованный у дома, среди других двухколёсных. Дома кто-то был, но в этот момент он не имел никакого желания заходить

туда. Вова тихо, по траве откатил свой велосипед от дома, и поехал. Он не спеша крутил педали, удаляясь от товарищей по мытью посуды, с их бесконечными вздорными проблемами. Вова рассеянно думал, куда можно податься этим вечером. Он отвык жить без ежедневной работы в посудомойке. Жажда напомнила ему, что следует запастись питьём. В его комнате стоял пустой холодильник, а ему жить там и отдыхать ещё шесть дней. Он направился к супермаркету. Там же с автомата сдоил две сотни долларов, чтобы заплатить за номер.

Несмотря на продолжительный сон днём, Вова и ночью крепко спал. На бессонницу он никогда не жаловался. А в таких комфортных условиях он мог спать и днём и ночью. Просыпался только чтобы утолить жажду.

Утром, проснувшись, Вова чувствовал себя гораздо лучше. Голова ясно осознавала, что он сейчас пребывает на 25-й северной широте в заслуженном недельном отпуске. Отличная ноябрьская погода, неподалёку — Мексиканский залив, немного дальше, через дорогу, — побережье Атлантического океана. Вова лениво выбрал ближайшее — бассейн во дворе. Поплавав, он почувствовал голод.

Решил прогуляться, посетить автостанцию, чтобы узнать об автобусах, доставляющих в аэропорт Майами. Перейдя через дорогу, он обратил внимание на скромную рекламу кафе-кондитерской и домашней пекарни. У входа в кафе была выставлена информация о предлагаемых свежих булочках и кофе. Доносился запах сдобной выпечки. Вова толкнул стеклянную дверь, звякнул колокольчик и он вошёл в небольшое, пустое кофе. Учуяв среди прочих запахов и аромат свежего кофе, Вова заинтересовался этим тихим местом. У стойки откуда-то возник мужик в фартуке, лет пятидесяти. Он оценивающе взглянул на посетителя.

— Доброе утро, сэр. Кофе? — вопросительно обратился лавочник к Вове.

— Доброе, — ответил Вова, отметив странное обращение «сэр» и акцент. — Не американец, — машинально подумал Вова о нём.

— Чего желаете? — снова обратился он к замешкавшемуся клиенту.

— Кофе, пожалуйста. Чёрный, — заказал Вова и уселся за столик.

— Есть и свежие булочки, — предложил хозяин.

— ОК, и один булка, — согласился Вова.

Вскоре перед ним поставили чашку горячего, крепко пахнущего кофе. Вова возбудился.

— Спасибо! Спасибо! — искренне поблагодарил он хозяина, определив по запаху, что кофе качественный.

— Ты откуда, — улыбнулся ему разговорчивый хозяин. — Поляк? — попытался он отгадать.

— Нет, русский, — ответил Вова. — А ты? — спросил и он лавочника, будучи уверенный, что тот не американец.

— Я итальянец, но уже давно живу здесь, — охотно ответил тот, давая понять, что не против поболтать.

— Я — Владимир, — представился посетитель.

— А я — Джузеппе.

— Знаю. Джузеппе, папа Карло и Буратино, — пошутил Вова.

— А! Пиноккио! — рассмеялся итальянец.

— Надо звать это кафе «Пиноккио» или «Golden Key» (Золотой Ключик) — предложил Вова, прикладываясь к кофе.

— «Golden Key» — это неплохая идея в условиях Florida Keys! Но это место уже многие знают, как просто Home Bakery (Домашняя Пекарня), где выпекают вкусные булочки и пирожные, — возразил итальянец.

Вова не стал напрягаться, вникая в сказанное итальянцем, лишь согласно кивнул ему в ответ и переключился на кофе.

Джузеппе вернулся за прилавок и занялся своими кулинарными хлопотами. Спустя несколько минут, он заметил, что посетитель не спешит, явно убивает время.

— Приехал на острова отдыхать? Отпуск? — снова обратился он к Вове.

— Давно приехать. Работать. Ресторан Папа Джо. Теперь отдыхать и домой, — отчитался Вова.

— Ресторан Папа Джо я знаю, — заинтересовался Джузеппе. — Кем работал там?

— Рабочий кухня. Посуда мыть.

— Понятно. А теперь возвращаешься в Россию?

— Украина, — уточнил Вова.

Джузеппе лишь сделал гримасу удивлёния, но ничего не сказал.

— Ещё кофе? Спросил он Вову, заметив, что тот всё выпил и съел. — Я угощаю.

— Спасибо. Давай кофе, — согласился Вова. — Тогда, ещё один булка, — подумав, заказал он.

— Пожалуйста, — поднёс заказ Джузеппе. — Сейчас затишье, с декабря, надеюсь, сюда начнут приезжать отдыхающие, — продолжил разговор итальянец. — Напрасно ты собрался уезжать, лучше бы на зиму здесь остался. Тепло, и работы достаточно.

— Не знаю. Хочу отдыхать, — неуверенно ответил Вова.

Покончив с завтраком, Вова рассчитался с итальянцем,

поблагодарил и покинул кафе.

Заглянув на автобусную станцию, он без проблем купил билет на нужное время до аэропорта Майами.

Подумав, чем ещё можно заняться, Вова вспомнил о своих товарищах; Сьюзи, Славке и Саше. Саша проживал неподалёку, и он направился к нему.

В том же домике, в компании Марты, сонный Саша сидел на крыльце, покуривая. Он уже знал об увольнении Вовы из ресторана, но не ведал, где и как его друг поживает теперь. Неожиданному появлению Вовы он искренне обрадовался. Марта организовала кофе, и они втроём, комфортно рассевшись у входа в дом, закурили.

Саша бы удивлён, узнав о странном решении Вовы отлететь в Украину. Он, как умел, переводил суть новостей непонимающей Марте, и они хором отговаривали Вову от необдуманного шага. Считали, что покидать тёплые края, когда везде наступает зима, а здесь ожидается сезон деловой активности — это большая глупость. Жалобы Вовы на возникшие нервозные производственные отношения, Саша рассматривал как детские капризы и хроническое желание Вовы прикидываться жертвой капитализма. Они призывали товарища сдать билет, хорошенько отдохнуть, найти новую работу, арендовать отдельное жилище, отыскать Сьюзи и забыть об Украине…

Но Вова оставался при своём мнении — всё достало, от мытья посуды — крыша едет!

Расставаясь, Саша выразил надежду, что они ещё повидаются и выпьют, а так же, предложил Вове подвезти его в аэропорт, если он всё же решит лететь. Вова поблагодарил товарища за предложенную помощь, и ответил, что уже имеет билет на автобус.

Про себя Вова подумал, что ехать автобусом будет гораздо надёжней, спокойней и безопасней. Саша пребывал в состоянии хронического подпития и безденежья. Довериться ему, как перевозчику, означало большую вероятность быть остановленным дорожным патрулём на пути в аэропорт, так как Саша часто водил автомобиль в нетрезвом состоянии. А ещё хуже, — оказаться жирным гостинчиком для местных крокодилов. Саша знал, что Вова повезёт с собой наличными тысяч семь долларов, и такой соблазн мог искусить и подтолкнуть его к фатальным действиям. Для всех, кто знал Вову на острове, он — улетел в Украину. Никто не станет искать его концы в воде, где водятся крокодилы. А рептилиям — именины сердца!

Не исключал Вова и прочие, более мягкие способы завладения его сбережениями. Он живо представил себе картину

совместной поездки в аэропорт. Саша за рулём своего старого авто без кондиционера. Жарко. Он, как обычно, слегка выпивший, жадно попивает холодную воду из бутылки. Угостил и Вову, передав ему на заднее сиденье заготовленную бутылку с водой. Вова с благодарностью принял холодную бутылку и тоже стал попивать водичку. Не доезжая до аэропорта, Вова провалился в глубокий сон. Достаточно одной таблэтки! Саша припарковался на паркинге в аэропорту Майами. Перебрался к спящему Вове на заднее сиденье, и быстро отыскал в его карманах семь тысяч новенькими стодолларовыми банкнотами. Саше эти деньги гораздо нужней. Когда справедливость восторжествовала, ему пришлось немного потрудиться. Он вытащил мертвецки спящего, отяжелевшего Вову из автомобиля и, без шума и пыли, усадил его на асфальт, под ближайшую припаркованную машину. Авиабилет вложил Вове в нагрудный карман рубашки, чтобы его было видно. До посадки оставалось часа три, за это время кто-нибудь найдёт спящего Вову и поможет ему дойти до места регистрации. А далее, работники авиакомпании позаботятся о сонном, глухонемом пассажире. Счастливого пути!

Вова с усилием остановил свои мрачные фантазии. Излишний алкоголь, ожирение и паранойя были его очевидными приобретениями за время пребывания в Америке. Он заставил себя подумать о чём-то приятном.

Мысли о Сьюзи, в разных образах и позах, последнее время часто посещали Вову. Теперь у него имелся отдельный комфортабельный номер и свободное время. Остро не хватало его подружки Сьюзи.

Вечером Вова поехал велосипедом на прогулку к ресторану, надеясь повидать там Сьюзи и пригласить её в свой номер. Добравшись до места, он занял позицию для наблюдения на территории яхт клуба. Вечером, с наступлением сумерек, в яхт клубе было тихо и почти безлюдно. Прогуливаясь вдоль причалов, Вова поглядывал в сторону ресторана и отмечал, кто из его бывших сотрудников выходит на перекур. Присев у торговой лавки, в которой днём торговали всякими морскими сувенирами, Вова покуривал, ожидая появления своей подружки. Маниакально наблюдая за любыми движениями в курилке у ресторана, Вова мог бы поклясться луне, что если ему удастся сегодня затащить Сьюзи в номер, то после всего, он готов честно вступить с ней в законный брак, и даже отказаться от украинского гражданства. Но Сьюзи в этот вечер так и не появилась.

Зато, Вова обнаружил в пустой, открытой торговой лавке одинокий телефонный аппарат. Приподняв трубку, он удивился его рабочему состоянию. Из местных телефонных номеров Вова

имел лишь домашние телефоны польских посредников и телефон Сергея в городе Нэйплс. Полькам ему незачем было звонить, а Сергей уже два месяца, как съехал оттуда и, вероятно, теперь находился далеко в Украине. Вова поднял трубку и набрал код Украины. Телефон отреагировал готовностью соединить его. Вова набрал свой домашний номер. Ответила мама. Слышимость была отличная. Приятная неожиданность скрасила горечь несостоявшейся встречи со Сьюзен.

На пути к своей гостинице Вова почувствовал, что не сможет сейчас уснуть, и решил заехать в знакомое ему место.

Когда Сергей ещё был на острове, Вова часто коротал с ним поздние вечера, втихую, посещая местные пансионаты. Сергей там баловался на теннисных кортах; одиноко отрабатывал подачу или сосредоточенно стучал мячом об стенку, прыгая перед ней, отмахивая ракеткой и обливаясь потами. Вова, покуривая, ожидал, пока товарищ закончит и шутливо называл это занятие «теннисным онанизмом». А затем, они кидались в бассейн с тёплой водой, и, плавали, сколько душа и тело желали.

Вова свернул с дороги и заехал на территорию небольшого, тихого пансионата, где был отличный бассейн с подсветкой. Как всегда, в позднее время, там никого не было. Если всё делать, как когда-то инструктировал Сергей, тихонько, не причиняя никому беспокойства и вреда имуществу, то охрана будет с пониманием пассивно реагировать на тихих визитёров-маньяков со стороны. В эту ночь Вова долго плавал в бассейне, избавляясь от беспокойных мыслей о Сьюзи и бесплатной телефонной связи с родиной.

На следующий день, Вова подкатил к ресторану Папа Джо в рабочее время, и тихонько вызвал Славика. От него он узнал, что Сьюзи перестала появляться на работе, ещё до его увольнения. Все предполагали, что она, получив зарплату, ушла в загул. А управляющая, трезво оценив кадра, не стала разыскивать её, просто приняла на место Сьюзи кого-то другого.

Человек — перекати-поле. Ни адреса, ни телефона. Поработала, получила деньги — наслаждайся жизнью; пей, гуляй, спи. Сегодня — здесь, завтра — там.

Вова, молча, принял факт утраты связи. Эх, моряк, ты слишком долго плавал…

Воздержавшись от предложенной выпивки, он, покинул Славку и порулил велосипедом своей дорогой, — в отделение Барнетт банка, где хранились его сбережения.

В этот раз, вместо обычного депозита в 500–600 долларов, Вова озадачил служащую совершенно непонятной просьбой. Она пригласила управляющего. Парень терпеливо слушал сбивчивые

объяснения клиента и, наконец, понял, что тот хотел бы получить все свои сбережения наличными, купюрами по сто долларов, и все банкноты должны быть новенькими. Удивившись требованию клиента выдать ему сбережения только новыми банкнотами, тот уточнил, правильно ли он понял просьбу. Он стал объяснять Вове, что американские доллары, в любом состоянии, во всём мире принимаются к оплате.

Но клиент был непреклонен. Он что-то говорил об Украине, где при обмене американских долларов на местные купоны, американские банкноты в ветхом состоянии оцениваются дешевле, чем новенькие… (реалии 1994 года).

Наконец, управляющий просто согласился выполнить просьбу иностранного клиента, и вежливо обещал приготовить его несколько тысяч исключительно новыми, хрустящими банкнотами, к нужному дню и часу. Вова обещал быть вовремя.

Через день, как договаривались, Вова прикатил на велосипеде за своими деньгами. Служащая просила его подождать минутку, и вызвала управляющего, по вопросу мистера Кондюрина. Спустя минуту, тот вышел с пакетиком в руках и жестом пригласил Вову к окошку. По-приятельски приветствуя Владимира, он сам присел за компьютер и занялся оформлением закрытия счёта.

— И так, мистер Кондюрин, вы желаете получить всё, что имеется на вашем счету, — комментировал он, глядя в монитор.

— Да, — коротко подтвердил своё намерение Вова.

— Готово, — закончил управляющий и оторвался от компьютера. — Ваш счёт закрыт. Вот, проверьте, здесь все ваши семь тысяч двести сорок пять долларов. Я приготовил, как вы меня просили, — он передал Вове в окошко бумажный конверт из плотной бумаги.

Вова вынул из конверта наличные и тщательно пересчитал их. Управляющий не отвлекал клиента.

— Всё ОК, — довольно ответил Вова, закончив пересчёт денег.

Плотно свернув конверт с деньгами, он упрятал его в карман шорт и застегнул на пуговицу.

Управляющий наблюдал за ним, ожидая, пока странноватый клиент закончит.

— Спасибо! До свидания, — обратился Вова к управляющему.

— Добро пожаловать! Нам было приятно обслуживать вас. Надеюсь, вы к нам ещё вернётесь, мистер Кондюрин, — широко улыбаясь, ответил управляющий, и встал, чтобы вернуться в свой кабинет.

Вова выдавил из себя вежливую улыбку, благодарно закивал головой в ответ, и покинул отделение банка.

Вечером он снова отправился в яхт клуб, прихватив с собой записную книжку с телефонными номерами. Аппарат был на прежнем месте. Приподнятая трубка отозвалась живым гудком. Вова набрал код Украины и домашний номер Сергея. В это время там было уже утро. Ответил Сергей. Повезло.

— Привет! Это Вова.

— Привет. Я узнал тебя. Ты где?

— Пока на прежнем месте — в Айламораде.

— Что-то случилось? Ты раньше никогда не звонил мне оттуда. Даже когда я был неподалёку — в Нэйплс.

— Планирую быть дома через несколько дней. Как там? — ответил Вова и задал свой вопрос.

— Ты что, досрочно выполнил свой план? — удивился Сергей.

— Нет. Свой план я не довыполнил. Крыша поехала раньше срока, — пояснил Вова.

— Понимаю. Ты уже сколько месяцев подряд моешь там посуду? — уточнил Сергей.

— Почти полгода, каждый день. Теперь уже не мою. Отдыхаю.

— Ты уволился из ресторана? — удивился Сергей.

— Да. И купил билет на самолёт. Скоро увидимся дома.

— А живёшь теперь где? У тебя же комната была служебная, над рестораном.

— В гостинице живу. Расскажи, как дома?

— Ты можешь долго говорить? — удивился Сергей.

— Пока могу. Рассказывай.

— Телефонные расходы включены в стоимость проживания в гостинице?

— Да. Всё включено! — коротко ответил Вова.

— Не знаю, что тебя интересует. Здесь ничего не изменилось — полный бардак. Только президент новый. Но это ничего не меняет… Они все одинаковые — врут и воруют.

— А цены на жильё? — перебил Вова, не пожелав говорить об украинских президентах.

— Пока доступны. В Новой Каховке, однокомнатную квартиру можно купить за четыре тысячи американских денег.

— Ты себе что-то подыскал? — заинтересовался Вова.

— Кажется да. Остановился на одном варианте.

— В Одессе или в Новой Каховке?

— В Одессе жильё — втрое дороже. К тому же, мне там не очень понравилось.

— Раньше тебе нравилось в Одессе, — заметил Вова.

— Видимо, постарел в Америке. В Одессе — пыльно, загазованно, отвратительная водопроводная вода, и та — не

всегда есть… И народ — сплошь маланские понты и выпендрёж. Утомляет…

— Подыскал что-то в Новой Каховке?

— Да. Квартира в новом доме, 46 квадратных метров, ремонт, мебель. Просят пять с половиной тысяч американских денег. Меня устраивает. Приедешь, увидишь.

— Как тебе там?

— Как тебе сказать… Не всё нравится, но всё же — дома. Пока отдыхаю.

— Что конкретно тебе не нравится?

— Ну… Какое-то здесь всё ущербное. Особенно, телевидение. Всё на украинском языке. Представляешь, все фильмы — американские, дублированные на украинский язык. Во всём наблюдается холуйское подражание голливудским надуманным ценностям. Помнишь идиотские мультфильмы на американском MTV — Бивис и Батхэд? Не удивлюсь, если вскоре украинськэ тэлебачення станет показывать эти «шедевры», переведя их шутки на украинский язык. Развелось масса коммерческих вшивых банков, со своей неуклюжей телерекламой. Вместо уличных игроков-кидал в напёрсток, появились какие-то мошеннические доверительные общества, крикливо зазывающие народ сдавать им свои сбережения. Предприятия фактически не работают, оборудование режут на металлолом, людей увольняют… все торгуют на базарах турецким и польским говном… Электричество в жилых домах регулярно отключают, суки! На каждом шагу встречаешь кота Базилио и лису Алису, которые задают тебе глупые вопросы, приглашают пройтись с ними в Поле Чудес и там зарыть трудовые американские деньги… Короче, Вован, прилетишь — всё сам увидишь.

— А что хорошего дома?

— Хорошего? Можно не работать… Полно свободного времени, читай вволю, музыку слушай, теннис, подруги… Честно сказать, положительных моментов тоже немало.

— Хорошо, Серёга. Интересно и приятно было послушать твои впечатления. Я тебе ещё позвоню до отлёта, — обещал Вова.

— Погоди! Ты почту там проверяешь?

— Да. Регулярно. Делаю всё, как ты инструктировал.

— Компакты ещё приходят.

— Исправно!

— Ты их подбираешь?

— Конечно! Не пропадать же добру.

— Молодец! Постарайся привезти всё сюда. Здесь такой музыки не хватает. По-прежнему — везде «Ласковый май». Пипл хавает!

— Всё в моей сумке. Доставлю без шума и пыли! — обещал Вова.

— Не забудь и перед отъездом проверить почту! Пока, Вован.

— Пока. — Вова довольный положил трубку.

На обратном пути к гостинице он машинально заехал в одно из хорошо знакомых ему мест, где в полной тишине, долго плавал в бассейне, а затем грелся под горячим душем.

Все шесть дней проживания в гостинице Вова исправно посещал кафе-пекарню, где потреблял кофе и булочки. Иногда, по нескольку раз на день. За это время у него сложились приятельские отношения с разговорчивым Джузеппе. Фактически, свои последние дни на острове он общался только с ним и с телевизором в гостиничном номере. Когда Вова заявил, что сегодня он завтракает здесь в последний раз, Джузеппе стал вполне серьёзно отговаривать его от возвращения в Украину. Он уже имел некоторое представление об этой стране, и считал, что Вова делает неправильный выбор. Итальянец увещевал его предпринять простые шаги в поиске своего места во Флориде.

— Владимир, у тебя сейчас есть возможность путешествовать и выбирать. Можно и автобусом. Ты мог бы посетить различные города во Флориде. Вместо покупки авиабилета, ты можешь остановиться в понравившемся тебе месте, арендовать жилище и подыскать работу. И всё бы снова наладилось. Так здесь живут многие люди…

Вова вежливо слушал его, но не собирался предпринимать подобных действий. Он был просто не готов к таким самостоятельным действиям. Ему уже приходилось как-то бывать в Майами. Оставшись в чужом городе один, всего на пару часов, он почувствовал себя в опасном окружении негров и латиносов. В кинотеатре его едва не приголубили афроамериканские гомики, а на улицах Майами преобладал народ из Кубы и прочие испаноговорящие шумные и горячие человекоподобные. Задерживаться в этом зоопарке ему не хотелось бы. Вова трезво оценивал свои возможности в чужой для него стране, и считал, что уж лучше иметь семь тысяч реальных денег в домашней Украине, чем всё потратить, бродяжничая с места на место по Америке. Он наблюдал достаточно живых примеров — Марта, Сьюзи, Саша. Они не хотят покидать Америку, кочуют в поисках новой работы и жилища, а в результате — не имеют ни денег, ни нормального жилища, ни постоянной работы. У них нет ничего постоянного. Только вредные привычки.

Закончив прощальную беседу с Джузеппе, Вова пожелал рассчитаться за завтрак и распрощаться. Джузеппе отказался от оплаты, заявив, что согласно итальянской традиции, если с

клиента не взять плату в его последний визит, то, спустя какое-то время, он снова сюда вернётся. На том они и расстались.

В этот день Вова случайно встретился в супермаркете со своими польскими приятелями — молодой парой Боженой и её мужем Криштафом. Божена была рада встрече. Удивилась, что Вова собрался вернуться в Украину. Они полагали, что люди из Украины, попав в Америку, никогда не возвращаются домой по своей воле.

Они были свободны в этот день и планировали посетить торговые центры на ближайших островах, развлечься шопингом. Пригласили и Вову. Криштаф недавно удачно сменил свой старенький автомобиль на подержанный, но вполне приличный BMW. Он был очень доволен своей новой машиной и готов был прокатить их хоть до Майами, где выбор магазинов побогаче, чем на островах.

Вова, путешествуя со своими приятелями по торговым центрам, купил подарки своим родственникам, и вообще, приятно провёл время. Эти польские ребята были на редкость дружелюбны с ним, и Вова с благодарностью отмечал этот факт. На обратном пути в Айламораду, Криштаф предложил заехать в пиццерию, которая наверняка понравится Вове.

В этой пиццерии были простые правила для посетителей; платишь за вход десять долларов и заказывай себе любую пиццу в неограниченном количестве. Только напитки покупаешь. По времени пребывания там — ограничений тоже не было.

Вове понравилось это место. К сожалению, это было далековато от Айламорады, велосипедом Вова не мог туда добраться. Можно было бы переехать и жить неподалёку от пиццерии, но Вова уже имел билет домой.

В свой последний вечер Вова захотел снова воспользоваться телефоном, подтвердить своё завтрашнее прибытие и просто поговорить.

В яхт клубе, как всегда было спокойно. Вова присел у телефона, аппетитно прикурил сигарету и поднял трубку. Телефон был мертвецки беззвучен. Вова беспокойно потеребил кнопки, шнур — ничего не изменилось. Убедился, что шнур надлежаще подключён к телефонной розетке. Привычного гудка так и не появилось.

— Отлучили, демоны! — с досадой подумал Вова, и положил онемевшую трубку.

Поговорить было не с кем. Можно, конечно, зайти в ресторан к Славику, но это закончится пьянкой и непредсказуемыми последствиями. Завтра надо быть в норме. Захотелось домой.

В своей гостинице, перед сном, Вова плавал в бассейне и

представлял себе, как завтра он окажется в условиях настоящего дождливого, холодного ноября, в стране с паршивыми автодорогами.

Отлёт

Упаковав все свои пожитки в две небольшие сумки, Вова вынес их из номера и погрузил на велосипед. Сдав ключ от номера в офис, он отбыл домой — на Украину, покатив свой велосипед с сумками в направлении автостанции.

Автобус, следовавший из Ки Веста в аэропорт Майами, прибыл в Айламораду вовремя. Одну сумку, что побольше, Вова определил в багажное отделение, другую — взял собой. Кроме него, на этот автобус подсело ещё двое-трое пассажиров.

Велосипед, верно послуживший ему на острове, как личное транспортное средство, ни в багажный отсек, ни в салон автобуса не приняли. Вове пришлось просто оставить его на автобусной остановке.

Надо было сопроводить свой двухколёсный подарок острову, запиской, призывающей всякого нуждающегося свободно пользоваться этим. То бишь, сделать личный положительный вклад в процесс гармонизации мира. Но Вова был озабочен иными земными хлопотами. Когда кто-то получит его подарок, то, возможно, будет чувствовать себя воришкой. Увы.

Автобус ехал хорошо знакомой дорогой. Расстояние от Айламорады до Майами составляло миль 45. Вова созерцал в окно и отмечал места, где частенько бывал. Вскоре проехали мимо разрекламированного Holiday Isle, с молодыми пальмами вдоль дороги у въезда на территорию пансионата и рестораном Ribs, где Вова проработал свои первые недели. Далее, промелькнул едва заметный съезд с дороги US 1, ведущий к океану, где находился тихий, едва обустроенный пансионат с несколькими домиками. Саша и Марта в это время должны быть там. Он мысленно попрощался с ними, предполагая, что больше никогда не повидает их.

Автобус делал короткие остановки и подбирал одиноких пассажиров в Plantation Key, Tavernier, Sunset Point, Key Largo. Далее последовали малознакомые ему места.

Стояла солнечная погода. В салоне автобуса работал кондиционер. Вова был одет в удобную повседневную одёжку — шорты и футболка. Но он предусмотрительно заготовил и положил в сумку спортивный батник с капюшоном, джинсы и кроссовки. Направлялся-то он в места, где в конце ноября совсем не жарко, а вместо яркого солнца — дожди с мокрым снегом.

По мере приближения к Майами, он мог наблюдать из автобуса, как за окном менялся народ. Всё больше афро и латиноамериканцев. За шесть дней спокойной беззаботной жизни

в тихом отеле с бассейном, Вова и вовсе перестал напрягать себя мыслями о возможных попытках задержаться в этом зверинце, чтобы снова где-то устраиваться на работу. Сейчас ему было вполне комфортно на его пассажирском месте в автобусе, из которого он лениво наблюдал за мелькающими видами и разноцветными людьми.

В Международный Аэропорт Майами он прибыл с запасом времени до посадки. По указателям Вова отыскал компанию Люфтганза, выяснил, где и когда начнётся регистрация на рейс и присел в общем зале.

Прохождение регистрации, паспортный и багажный контроль не потребовали от него каких-либо объяснений. Вова лишь предъявлял свой советский паспорт и билеты, которые всё объясняли. Сумка, что потяжелей, с компакт дисками отправилась в багаж. А меньшую сумку с одеждой он прихватил с собой на борт.

Среди пассажиров было много немцев. Убедившись, что взлёт прошёл успешно, Вова устроился поудобней в своём кресле и вскоре привычно заснул. Проснулся он от того, что ему стало прохладно. Достав из сумки заготовленную одежду, Вова надел батник, накинув на голову глубокий капюшон, и вернулся в прежнее состояние. Однако, в шортах было некомфортно прохладно. Это не позволяло ему провалиться в бессознательный сон. Полусонный Вова прихватил джинсы, кроссовки и вышел на поиски туалета. По салону медленно шагал странный пассажир со штанами и кроссовками в руках. Прикрытое капюшоном помятое лицо напоминало Майкла Тайсона в период отбывания уголовного наказания. Добравшись до туалета, он скрылся там на продолжительное время. Затем, вышел уже наряженный в потёртые джинсы, кроссовки на босую ногу и, по-прежнему, с укрытой капюшоном головой. Вернувшись на своё место, Вова вскоре захрапел.

Такой пассажир не мог быть не замеченным немецкими церберами, обеспечивающими безопасность на борту. К моменту посадки в Мюнхене, они, вероятно, уже навели о нём справки.

Благополучно приземлившись, Вован, припухший от сна, вяло шагал среди прочих пассажиров, следующих в транзитный зал аэропорта. У входа в зал он приметил двух мужчин в форме, открыто уставившихся на него. Едва он подумал о них, как те направились ему на встречу. Встав у него на пути, служивые, с холодной вежливостью попросили Вову следовать за ними. Вова послушно согласился. Конвоируя подозрительного пассажира, они провели его служебными коридорами и пригласили войти в какую-то комнату. Следом за ними в комнату вошёл ещё один в

такой же форме. Он принёс Вовину сумку, которую он сдал в багаж.

— Гестапо, — подумал Вован, и начал просыпаться, соображая, что такого они могут найти среди его багажа. Беспокойство вызывали лишь семь тысяч наличными, что могло показаться для бошей подозрительным.

Они стали тщательно проверять его паспорт и задавать простые вопросы на понятном английском языке с лающим акцентом. Закончив с паспортом, двое принялись рыться в его сумках. Одному досталась сумка с одеждой, среди которой были и носки, трусы. Тот не скрывал своей брезгливости и неприязни к русскому пассажиру, выряженному подобно бруклинскому негру. Другому, досталась большая сумка, полная компакт дисков. Он выложил все это на стол. Убедившись, что кроме компактов, в сумке ничего подозрительного нет, стал рассматривать, обнюхивать каждый компакт. Все они были запечатаны, и это настораживало церберов. Пересмотрев все диски, он стал советоваться со своими сослуживцами. Из их непонятного короткого разговора на собачьем языке, Вова лишь выловил слово «джаз», сказанное неоднократно. Видимо, их удивляло, что вместо дисков с рэп музыкой, они нашли у этого помятого гопника сотню невскрытых компактов и все — джаз, различных времён и течений. Пересмотрев и обнюхав все компакты, они решили распечатать хотя бы один. Вскрыв один компакт и не найдя там ничего, они явно обозлились.

— Выкладывай всё из карманов — на стол, — совсем невежливо скомандовал тот, что порылся в одежде и белье.

Вова выложил на стол свёрнутый конверт с деньгами, сигареты, зажигалку и мелочь.

— Что здесь? — чуть ли не хором спросили они, указав на увесистый конверт.

— Деньги, — коротко ответил Вова.

— Сколько?

— Тысяч семь.

— Американских долларов?! — уточнил служивый с интонацией злой сторожевой собаки.

— Да. Американские доллары, — обеспокоился Вова.

В аэропорту Майами никто не задавал ему подобных вопросов, и в его носках, трусах не рылись, отметил он разницу.

— Наличными!? — удивились они и уставились на конверт.

— Да. Наличные, — пожал плечами Вова.

— Открой это!

Вова развернул конверт и выложил на стол небольшую пачку, перехваченную резинкой, из семидесяти стодолларовых банкнот.

И ещё что-то, разными мелкими купюрами.

Трое служащих обменялись взглядами. Затем, один из них взял купюру в сто долларов, рассмотрел и обнюхал её, как он это делал с компактами.

— Гестаповские немецкие овчарки, — подумал про себя Вова.

— Откуда у тебя эти деньги? — спросил тот, держа в руке сто долларов.

— Родственники дали, — заявил Вова, следя, за тем, чтобы тот вернул купюру на место.

— Хороши родственники, — с недовольным сомнением рявкнул цербер и положил купюру обратно.

— Раздевайся, — гавкнул он, кивнув на одежду, что была на Вове.

Вова стал послушно снимать с себя одежду и класть на стол. Они тщательно прощупывали все швы. Не обнаружив ничего, сердито оглядели стоящего перед ними ожиревшего Вована в одних трусах.

— Снимай и это, — раздражительно скомандовал один из них.

Вова стащил трусы до колен. Они, молча, рассмотрели богатое хозяйство Вовы.

— Повернись, — жестом указал служивый Вове.

Вова уже знал, какое место их интересует, и, молча, повернулся к ним спиной, ожидая следующей команды.

Послышались звуки, по которым Вова узнал резиновые перчатки.

— Нагнись, — слегка толкнули его в шею резиновой ладонью.

— Пожалуйста, — ответил Вова и нагнулся, раздвинув ноги, чтобы тем было удобно. Это они ещё не нюхали!

Резиновый палец нагло проник в прямую кишку Вовы, произвёл беглый досмотр-массаж и выскочил. Вова оставался в доступной для всех пассивной позе.

— Одевайся! — сердито гавкнул цербер, с брезгливой гримасой забрасывая резиновую перчатку в корзину для мусора.

Вова поспешил натянуть трусы и одеться. Затем, под хмурые взгляды церберов, рассовал по карманам деньги, сложил вещи в сумки.

— Идём, — буркнул полицейский, и вышел из служебной комнаты, придерживая за собой открытую дверь для Вовы с двумя сумками в руках.

Коридором он вывел его в зал для транзитных пассажиров и, молча, удалился. Оставшись без бдительного собачьего надзора, Вова почувствовал, что пребывает в состоянии глубокого стресса.

Сонливость с него слетела. Его выпустили из застенков Мюнхенского гестапо, живым, с деньгами и с промассажированной прямой кишкой. До регистрации на его рейс оставалось около часа времени. Жутко хотелось выпить водки и закурить. А затем — кофе. Он рвану в кафе.

Вова выбрал свободный высокий стул у стойки, бросил под ноги сумки и уселся поудобней. Не успел он рассмотреть, что и почём там продавали, как парень у стойки вежливо взглянул на Вову с вопросительной гримасой.

— Водки! — громко заказал Вова.

— Здесь водки нет, — развёл руками бармен.

— Виски? Ром? — спросил Вова.

Сидящие рядом посетители с кофе, с любопытством взглянули на Вована.

— В этом зале, из алкоголя — только сухое вино. И здесь не подают. Только на вынос, — объяснил бармен.

— Давай вино, — махнул рукой Вова, решив, что здесь можно и самому обслужить себя.

— Белое? Красное? — доставал немец.

— Красное. Сколько? — полез Вова в карман за деньгами, давая понять, что он не шутит.

Доллары здесь принимали. Получив красивую бутылку местного сухого красного, он заказал кофе и перешёл к пустому столику. Оставил там свои сумки, бутылку и вернулся к стойке бара. Парень выставил перед ним чашку кофе. Пахло здорово. Рассчитываясь за кофе, Вова попросил пустую кофейную чашку и штопор. Парень, не сказав ни слова, выдал всё, что Вова просил. Вернувшись за свой столик, Вован вогнал штопор и выдернул пробку. Наполнил пустую чашку вином и выпил это залпом. Вино оказалось приятным на вкус, слегка терпким и пилось легко. Он снова наполнил чашку, пристроил полупустую бутылку под столом между сумок и постарался расслабиться. Старался не обращать внимания на сидящих за соседними столиками, которые с любопытством, осторожно наблюдали за ним. Попивая кофе и вино, он продолжал думать о трёх гестаповцах, которые обращались с ним, как с неким бродягой, опасным отморозком.

Горячий крепкий кофе и прохладное вино положительно восстанавливали его душевное равновесие. Вскоре Вован признал, что всё идёт благополучно — он и его трудовые сбережения в безопасности и всего в двух часах лёта от Киева.

А вот и группа симпатичных девушек прибыла, они говорили между собой по-русски, их присутствие оживило кафе. Из их разговоров Вова понял, что они тоже ожидают регистрации на рейс в Киев. Стало и вовсе хорошо. Пустая бутылка стояла под

столом. Вова взял себе ещё чашку кофе.

Регистрация и посадка прошли без каких-либо гестаповских придирок. Попутчики — в большинстве соотечественники. Стюардессы компании «Люфтганза» безотказно угощали напитками. Вове понравился коньяк в 50-граммовых бутылочках.

Перелёт прошёл комфортно и незаметно быстро.

В Киев Вова прибыл живой и тёплый.

При прохождении таможенного и паспортного контроля он честно задекларировал всю наличность. Проверяющий бегло пересчитал ввозимую Вовой американскую валюту, поставил печать в декларацию и пропустил его на территорию Украины. Вову встречал его зять. Он не поленился, приехать из Новой Каховки в аэропорт Борисполь на своём стареньком «Москвиче — 412». Вова был очень благодарен ему за поддержку и транспортную услугу, ибо тащиться из аэропорта в Киев на железнодорожный вокзал в нетрезвом состоянии и с деньгами в карманах, ему было бы неловко.

Вскоре, невзрачный «Москвич» зелёного цвета, с Вовой на борту, растворился в потоке автомобильного движения и взял направление на юг.

Дома

Вова проживал и был прописан со дня своего рождения в городишке Новая Каховка, что на юге Украины.

Этот населённый пункт с таким названием появился в 1950 году, на месте села Ключевое.

Изначальное название села имело простое и понятное объяснение — в этой местности вдоль берега Днепра — масса источников чистой ключевой воды.

В 1950 году партия и правительство затеяли там строительство ГЭС, и, в связи с грандиозной стройкой, туда съехались со всего Союза тысячи рабочих и специалистов. Возникло временное поселение для работающих на строительстве гидроэлектростанции.

Построив Новокаховскую ГЭС, многие работники, не имея постоянного места жительства, не пожелали покидать вполне уютный посёлок городского типа на берегу Днепра, неподалёку от Чёрного и Азовского морей.

В связи с ближайшим городком Каховка, расположенным в пятнадцати километрах вверх по Днепру, село Ключевое, получая статус города, был назван городом Новая Каховка.

Ключевое исчезло, а придумать какое-то самостоятельное название или просто оставить старое, у кого-то не хватило ни фантазии, ни ума.

Тем не менее, до начала разрушительного горбачёвского процесса перестройки, гласности и ускорения, городок Новая Каховка довольно динамично развивался в промышленном и гуманитарном смысле.

Особенно стоит отметить прижившиеся там традиции массового любительского спорта. В небольшом городке-недоразумении сформировались вполне приличные детско-юношеские спортивные школы тенниса, лёгкой атлетики, стрельбы из лука и водноспортивная база. Местные спортивные школы подготовили немало достойных кадров, некоторым из них даже удалось стать призёрами Международных Олимпийских Игр в лёгкой атлетике, стрельбе из лука и гребле.

В 1994 году этот городок со всеми его прошлыми достижениями уверенно деградировал, как и вся страна, а население стремительно сокращалось. По всем признакам, Новую Каховку можно было переименовать на изначальное — село Ключевое.

Но Вова покинул благополучно паразитирующую Америку и вернулся в город своего детства и отрочества — в Новую Каховку.

Вскоре он купил себе там однокомнатную квартиру, установил на внешней стене дома спутниковую антенну, круглосуточно обеспечивающую его порнографическими телеканалами, и стал себе жить поживать, на базаре торговать, как и большая часть активного населения Украины.

Однажды, в условиях родного города Вова был очень близок к тому, что его тихая жизнь могла оборваться и попасть в историю неординарного уголовного дела.

Как-то, проходя мимо многоквартирной хрущёвки на соседней улице Пионерской, Вову кто-то окликнул. Оглянувшись, он увидел своего приятеля юношества, которого также звали Вовой. Они были шапочно знакомы по школе и по совместным походам по дискотекам в весёлые 80-е годы. Листья желтые… Яблоки на снегу…

Этот Вова — неуклюжий, грязноватый верзила, стоял у подъезда своего дома, перед ним сиротливо лежал полу разобранный диван. Он, по старой дружбе, попросил Вована помочь ему затащить мебель на четвёртый этаж.

Сделав дело, хозяин гостеприимно пригласил Вована посидеть с ним и выпить. Расположившись на маленькой неопрятной кухоньке, они выпили и закусили. Так как они не общались уже много лет, хозяин начал сумбурно пересказывать гостю свою биографию, хотя его ни о чём не спрашивали. Вован вежливо слушал приятеля, поедая какое-то мясо. Он узнал, что тот успел жениться, родить сына и развестись. Дважды пробовал, с помощью своего папы врача травматолога, поступить в Симферопольский университет на медицинский факультет. Работал какое-то время санитаром в морге городской больнице. А теперь — на свежем воздухе, кладбищенским сторожем, где дополнительно подрабатывал копанием могил.

Вован присмотрелся к нему повнимательней. Представил его в морге с окровавленной пилой, а затем — в могильной яме с лопатой. Неопрятный вид другана детства и его грязная кухня показались Вовану — бывшему работнику американского общепита, — отвратительными. Ему захотелось поскорей уйти. Он вежливо отказался от повторной порции ядреного самогона, сослался на занятость, и ушёл прочь.

Спустя год, санитара Вову арестовали, обвинив его в многочисленных убийствах.

Оказалось, он приводил на свою квартирку женщин лёгкого поведения, откуда они уже не выходили. Вова, поимев пьяную подружку, затем оглушал гостю и перетаскивал жертву в ванну. Там он тщательно, как мясник, разделывал тело.

Соседи недоумевали, что это Вова по ночам пилит и рубит?

Соседские собачки чуяли Вовочку-людоеда издали. Всегда при его приближении впадали в истеричный вой и лай.

Собаки лаяли, а Вова своё дело продолжал.

Мясо складывалось в холодильник. А если холодильник был заполнен, — солил мясо в стеклянных трёхлитровых банках. Каждую банку Вова тщательно помечал надписью: имя жертвы и дата консервации. Этим мясом он сам питался и своих гостей угощал.

Несъедобные останки жертв он зарывал в разных местах и скармливал бездомным собакам. Когда удавалось, подбрасывал заготовленные пакеты с костями в могилы, при захоронении БОМЖей на кладбище, то есть, использовал своё служебное положение. Что-то выбрасывал в реку.

Прокололся Вова из-за своей доверчивости. Он вообще был простодушным парнем. Никогда ни в чём не отказывал людям, особенно своим друзьям и знакомым.

Последними гостями Владимира были его коллега по кладбищу с какой-то подружкой. Она могла бы быть одиннадцатой жертвой — еще одной банкой тушенки, так как подходила Вове по всем параметрам: принимала наркотики, вступала в случайные связи с мужчинами. Такую, едва ли кто-то будет особо разыскивать.

В тот вечер Вова, как обычно, угостил гостей на кухне. Они выпили, закусили, и поговорили о жизни. А затем, Вова, ковыряясь спичкой в зубах, подумал и решил, что его приятель здесь — лишний.

Он легко зарезал в присутствии девушки своего сотрудника по кладбищу, и остался, наконец, наедине с подружкой. Товарища оттащил в ванную. Владимиру пришлось заняться разделкой. Куски мяса он складывал в большую кастрюлю. Вытащив мозг из черепа, он съел его, пока свежий и полезный. Затем, тело жертвы распределил согласно отработанной технологии. Мясо частично в холодильник, частично — в банки, с солью, перцем и лавровым листом. Банки — на полочки к девчатам. Несъедобные останки Вова сложил в пластиковый пакет и оставил у дверей гостиной, собираясь избавиться от них попозже, ночью. Освободившись от бытовых хлопот, он, наконец, смог уделить внимание перепуганной девушке.

В этот раз, из-за гостьи, Вова не стал разносить останки подальше от своего дома, скармливать их собакам. Ночью, он, прихватив лопатку и мешок с останками, вышел во двор. Девушку доверчиво оставил в квартире без присмотра. Зайдя за гаражи, что перед его домом, он небрежно прикопал пакет под гаражом. Оставшуюся дома, опустошённую голову товарища, он утром

выбросил в реку.

Барышня не стала ждать возвращения Владимира. Пока тот копался во дворе, она сбежала. Обманула-подвела доверчивого, гостеприимного Вову.

Сначала она затаилась у своих знакомых. А позже решила сдать Вову, и пошла в милицию.

К Вове пришли непрошенные гости.

Вскоре дождевая вода, стекавшая с крыши гаража, размыла свежий песок. Оказавшийся на поверхности, приоткрытый пластиковый пакет с костями, привлёк внимание собачки, которую выгуливал кто-то из соседей. Сначала заинтересовалась собачка. Затем, хозяин, отогнав свою собаку, без труда определил, что кости-то — человеческие!

При обыске квартиры у него нашли 114 трёхлитровых банок консервированного мяса с женскими именами. В процессе расследования, Вова во всём признался, хотя и не смог точно вспомнить всех жертв и места захоронения их останков. Просил учесть его затруднительное материальное положение, и то, что он выполнял роль социального чистильщика.

Помогая следствию, он чистосердечно признался, что кроме женщин, он скушал и одного парня. Это был работник кладбища, его коллега, с которым они оказывали услуги по захоронению. Как пояснил обвиняемый, мужское мясо, в сравнении с женским, ему не очень понравилось. Жестковато.

Наш Вован, когда случайно оказался на кухне местного людоеда, был аппетитно пухленьким парнишей. И в то время санитар-людоед ещё не ведал о вкусовой и качественной разнице мужского и женского мяса. Очень вероятно, что Вован был в шаге от больших перемен. Его вскормленное в Америке тело могло многократно изменить формы, а душа отлететь из чужой грязной кухни в иной мир в поиски своего заслуженного места. Но видимо, высшие силы посчитали, что он ещё не прошёл, определённую ему, земную дистанцию. Его время пока не пришло…

На кирпичной стене дома № 15, по улице Пионерской, города Новая Каховка следовало бы прибить художественно выполненную металлическую мемориальную метку с изображением профиля жизнерадостно улыбающегося санитара-людоеда и надписью: «В этом доме, в квартире № 29, конце 90-х годов XX века жил, убивал и поедал людей санитар-кулинар Владимир Долгий (1960–2002)».

Его вполне можно считать выдающимся жителем Новой Каховки. Так как спортивных достижений в обозримом будущем в городе уже не ожидается, то следует достойно оценить хотя бы

такого героя.

Уверен, что случись подобное в современной Англии, в его квартире организовали бы Музей Вовы-людоеда. Воссоздали бы рабочую обстановку на кухне и в ванной, слепили бы восковую копию Вовы с кухонным топориком и хирургической пилой в окровавленных руках…

Туристы, посещающие странноватый остров, охотно покупали бы билеты, чтобы посмотреть грязную кухню и сфотографироваться с восковым санитаром-кулинаром. Такая достопримечательность была бы не менее популярна, чем музей восковых фигур в Лондоне или омытые дождями камни Стоунхэндж.

Вова и Украина 2010

Нас гнобят постольку, поскольку мы позволяем.

> «Для общества бунт — вещь не менее полезная, чем гроза для природы… Это лекарство, необходимое для здоровья правительства.»
>
> «Любое государство деградирует, если оно вверено лишь правителям народа. Только сам народ является надежным хранителем власти и народа.»
>
> Томас Джефферсон (Jefferson)[13]

Лето в 2010 году выдалось экстремально жарким. В июле мы выбрались на Азовское море. Остановились где-то на Арабатской стрелке. Это узкая длинная полоска суши от Геническа (Херсонская область) до восточного Крыма в районе Феодосии.

Жара, тёплое море, переполненные пляжи, бойкая торговля холодным пивом и сомнительными продуктами. Мозги плавятся. Вован вяло сетует на своё положение, в котором он оказался. Его, очень пожилая мать нуждается в уходе, и он вынужден жить с ней, чтобы присматривать. Вырваться на недельку, отдохнуть на море — стоило ему немалых организационных хлопот. Между купаниями в море он хлебал холодное пиво и подталкивал меня к разговорам.

Я посматривал на окружающих нас отдыхающих, съёхавшихся со всей Украины, удивлялся, как привычно они оставляют после себя на пляже отходы своего пребывания, и ворчал…

— За 19 лет существования этого государства, всему миру стала очевидна неспособность украинского народа влиять на процессы развития своей страны.

Более 80 процентов немалых материальных богатств Украины, за эти годы, оказались частной собственностью пятидесяти семей, которые теперь фактически всем и всеми заправляют. И эта кучка упырей, нагло называющих себя «элитой нации», в большинстве своём они вовсе не украинцы и не русские. Представители иного, неприкасаемого племени.

А 46-ти миллионное население молчаливо заливается пивом и водкой, как их назойливо учит телевизионная реклама. «Пей пиво и живи на полную!» Все украинские теле и радио каналы также принадлежат всё той же «элите нации».

Население, занятое выживанием, не особенно прислушивается к тому, что официально заявляет Организация Объединённых Наций; Украина так и не состоялась, как

полноценное государство. Украина — одно из беднейших и наиболее коррумпированных стран Европы. Динамика распространения СПИДа в Украине лидирует в Европе.

Украина — это унизительно слабое звено в современной глобальной геополитике, и деградирующая украинская нация подаёт реальные надежды на то, что их плодородные земли вскоре могут легко перейти в более хозяйственные руки других наций…

Вован принёс себе и мне холодного пива.

«Оболонь» — разрекламированное химическое говно! Впрочем, как и большинство продуктов питания на современном украинском рынке.

— Вова, не превращайся в тупого потребителя сомнительных материальных ценностей. Довольствуйся качественным минимумом! Обзаведись самогонным аппаратом и изготавливай дома натуральный качественный напиток, получше дорогих сортов шотландского виски, — прокомментировал я выпитое и продолжал ворчать.

— Украинский терпеливый народ любит пиво, и не хочет замечать, что их наглая «элита нации», которая рожает, обучается, лечится и живёт в благополучных странах, очень тяготится столь многочисленным социально затраханным народом. Откровенно насилуя страну и спаивая население, эта «элита» делает всё возможное, чтобы как можно скорей избавиться от лишних миллионов людей, нуждающихся в элементарных социальных условиях. Сейчас им достаточно одного-двух миллионов трудоспособного быдла для обслуживания теперь уже «законно» их предприятий. Остальные же, более сорока миллионов украинского населения — это их головная боль!

Население Украины не желает учиться у народа Греции, Франции, Италии, которые показывают, как следует реагировать на всякие попытки поиметь их.

Украинское население терпеливо наблюдает, как их бывшим президентам и прочим государственным чиновникам, по сути — ворам и мародёрам, оплачивают из бюджета многотысячные пенсии и предоставляют прочие «заслуженные» блага. Терпят, когда у них под носом, на месте детских садиков, лечебных санаториев и школ, которые когда-то были выстроены их родителями, местные упыри возводят себе дома-дворцы.

Это население не способно на проявление даже самых примитивных протестов в виде партизанского сопротивления. Давно пора, заполнив пивные бутылки коктейлем «Молотова», регулярно и повсеместно, горячо напомнить о себе оборзевшим

коррумпированным «слугам народным». Если бы народ, от села провинциального, вымирающего, до села столичного, наглого — Конча Заспа, адекватно реагировал бы, оказывая сопротивление, то эта страна была бы иной.

А пока, они безбоязненно покупают и сносят здания детских садиков и на их месте легко строят для себя дома, тщательно откраивая бывшую коммунальную территорию высокими глухими заборами. Они вовсе не беспокоятся о том, что народ может о чём-то спросить их, как-то заявить о себе и своих нуждах…

— Ты спишь? — спросил я Вову, лежащего рядом с закрытыми глазами.

— Нет. Тебя слушаю, — вяло ответил Вован.

— Помнишь Вову Долгий? — спросил я.

— Людоеда? — уточнил Вован.

— Да. Твой друг юношества…

— Ну, друзьями мы с ним не были. Приятели по школе и дискотекам, — уточнил Вован.

— Жаль, что он так глупо закончил. Неплохой был парень, — вздохнул я. — Спортом занимался, форму поддерживал, в шахматы играл… и бесславно закончил самоубийством в вонючей камере предварительного заключения.

— Вроде бы и неплохой, но, сколько душ невинных загубил, — ожил сонный Вован.

— Не на тех он свою энергию, талант и жизнь потратил! — заметил я.

— Хочешь сказать, что ему следовало бы меня сожрать, когда я оказался на его кухне?! — удивился Вован.

— Тебя-то зачем? Ты нужен своей маме и этой стране. В городе было и есть полно социально вредных уродов. Мог бы положительно очистить Новую Каховку. Он же считал себя социально полезным санитаром. Первое время, работы у него было бы многовато. Но он был энергичным парнем, и энтузиазма у него хватало, велосипед имел. Навёл бы порядок!

— Ты про слуг народных?

— Да, про них, ублюдков. Применял бы он аккуратно свой опыт в нужном направлении. Всякие упыри местного разлива поумерили бы свои аппетиты. Он мог бы быть эффективным городским председателем народного контроля, суда и главным санитаром-утилизатором одновременно. Возможно, предыдущий мэр города — пришлый ублюдок, не сбежал бы от ответственности на должность губернатора области, под крышу Ющенко, а закончил бы трагически свою чиновничью воровскую карьеру в Новой Каховке. И его сменщик уже был бы иным по своим моральным качествам и аппетитам.

Ющенко заканчивая своё бездарное президентство, суетливо объявил Степана Бандеру героем Украины… Но если представить Бандеру с его соратниками в условиях современной Украины, полагаю, что они бы отстреливали, как бешенных собак, таких деятелей, как Ющенко, Кучма, Кравчук, вместе с их приближёнными. Думаю, что этого украинского террориста сейчас интересовали бы всякого рода политические «лидеры», самозваные, почётные «профессора», «академики», «генералы», лже герои Украины и прочие элитные упыри разных масштабов.

— Ты пытаешься сравнить Вову людоеда со Стёпой Бандерой? — поддерживал разговор Вован.

— Вова людоед, к сожалению, не дорос до террориста. Он не тех резал и кушал. Вот если бы он съел хотя бы одного вора чиновника городского масштаба, тогда нашего земляка можно было бы канонизировать и создать городской музей, посвящённый местному герою Украины.

— Ты идеализируешь Вову! Делаешь из него какого-то украинского Че Гивару… А его интересовали лишь доступные бабы и сытная жратва. Я-то его немного знал, — разговорился Вован.

— А я был с ним лишь слегка знаком. Однажды, его друг детства — Витя электрик, случайно познакомил меня с ним. Я встретил их на пляже. Вместе искупались, поговорили на солнышке ни о чём. После этого, он всегда вежливо приветствовал меня при встречах. Пару раз я встречал его на том же, уже безлюдном, осеннем пляже. Я, вспотевший после тенниса, шёл домой через пляж, чтобы окунуться. А Вова, в компании своего старого велосипеда, одиноко грелся на сентябрьском солнышке и плавал в прохладном Днепре. Однажды он что-то спросил меня про теннис и возможность попробовать научиться. Я ответил, что он всегда может подойти на корты и попробовать. Тётя Галя там обучает таких любителей-переростков. К сожалению, поговорить с ним не пришлось. Я тогда сам не проявил желания, отошёл в сторонку, искупался, переоделся и ушёл… Вероятно, тогда он уже промышлял своим делом.

— Если бы Вова пришёл на корты, и Галя стала обучать его теннису, возможно, он затем пригласил бы её к себе в гости, на кухню… — рассмеялся Вован.

— Галя — не той социальной категории, — фыркнул я.

— И Вова — вовсе не Че Гивара. Не такой уж он был разборчивый, как ты его представляешь. Ему было достаточно сначала живой бабы, а потом — вкусной, — хохмил Вован.

— Он не революционер Че Гивара. Но он мог быть украинским Декстером, — поправил я.

— Кто такой? — заинтересовался Вован.

— Есть такой американский телевизионный сериал, «Dexter» называется. Симпатичный парень. Чистильщик! Работал на личном энтузиазме, в свободное время, в знакомых тебе местах — в Майами.

— Тоже людоед? — заинтересовался Вован.

— Нет, этот — более просвещённый товарищ. Он выслеживал всяких социально опасных уродов, кончал их, расчленял и скармливал акулам и крокодилам. Во Флориде много мест, где водятся теплолюбивые хищники-санитары. И у того, в отличие от нашего Вовы с велосипедом, имелись транспортные и прочие технические средства. Фильм можно скачать в Интернете. Хорошее кино! Главный герой Декстер, на Вову-людоеда чем-то похож.

— Ты его совсем не осуждаешь? — спросил Вован.

— Кого? Реального Новокаховского Вову или киношного Декстера из Майами?

— Нашего. Вову людоеда, — уточнил Вован.

— Стараюсь понять его, — пожал я плечами.

— Как думаешь, как он созрел до такого? — разговорился Вован.

— Полагаю, что внутренний барьер он преодолел, работая санитаром в морге и сторожем на кладбище. А когда наступили времена уродливого украинского капитализма, и человеческая жизнь обесценилась… Достаточно было обмануть, обидеть его… И тихий, простодушный Вовочка тоже начал звереть. С волками жить… Мобилизовал свои физические потенциалы, навыки, обретённые в морге, и дал волю инстинктам.

— Я вижу, если бы вы подружились, ты бы направил его редкие потенциалы в нужное направление, — посмеивался Вован.

— Да уж! — хмыкнул я. Тогда часто отключали электроэнергию… Возможно, я даже ассистировал бы ему.

— Представляю себе ваши совместные вечерние вылазки в тёмный город! — рассмеялся Вован.

— Из парня сделали злодея, а он по своей сути — просто жертва новых уродливых социально-экономических отношений. Вова — мелкий шалунишка, по сравнению с почётными пенсионерами Кравчуком, Кучмой и им подобным Ющенко…

Я устало умолк. Настроения какие-то не христианские. И ребёнок рядом.

Я вернулся к своему мр3 проигрывателю, желая отвлечься. В его памяти была недослушанная аудио книга Эдуарда Лимонова ‘История слуги» и много разной музыки. Но Вован и Маргарита призвали меня в море, купаться.

Мы, очумелые от солнца, пива и разговоров, кинулись в тёплое море. Штормило. Дети радостно визжали, кидаясь на волны.

Жизнь, какая уж есть, продолжается. Жить хочется…

«Я люблю тебя, жизнь, и надеюсь, что это взаимно…"

Сергей А. Иванов
serheo@list.ru

Ивано-Франковск

Октябрь 2010 год.

notes

Примечания

1

Ё-е русские животные!

2

Еврейский праздник субботы. 2) у рабочих — окончание работы, отдых, время, свободное от работы на хозяина.

3

Талмуд Санхедрин, 59 а; Шагига, 13 а.

4

морж — морда жидовская

5

Это довольно большой зонтик, только я всегда оказываюсь мокрым!

6

Сэр, вы грубы, и я тоже грубый,
И кто кому будет писать эпитафию?

7

У нас единая биология, невзирая на идеологию.

8

Не варите рис, пожалуйста!

9

"Мой босс — старый, скупой еврей".

10

Каждое ё-ое утро — одно и то же дерьмо.

11

апрель 1994 год

12

В экстренных случаях, идите к билетному киоску. Клерк имеет телефон и обеспечит связь со скорой помощью и полицией.

13

(13 апреля 1743 — 4 июля 1826), американский государственный деятель, дипломат, просветитель; третий президент США в 1801–1809 годах, государственный секретарь в 1790–1793, вице-президент в 1797–1801 годах; идеолог демократического направления в период Войны за независимость в Северной Америке 1775–1783 годов; автор проекта Декларации независимости США.